ЩИТ СУДЬБЫ
УДАР СУДЬБЫ

ЩИТ СУДЬБЫ
УДАР СУДЬБЫ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ДЭВИД ЭРИК

ДЭВИД ЭРИК

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

DAVID ERIK

DRAKE FLINT

DESTINY'S SHIELD

FORTUNE'S STROKE

ДЭВИД ЭРИК

ДРЕЙК ФЛИНТ

ЩИТ СУДЬБЫ

УДАР СУДЬБЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ЛЮКС LUXE
Москва • 2004

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Д73

Серия основана в 1999 году

David Drake, Erik Flint
DESTINY'S SHIELD
1999
FORTUNE'S STROKE
2000

Перевод с английского М. Жуковой

Серийное оформление А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения издательства Baen Books
и литературного агентства Александра Корженевского.

Подписано в печать 23.06.04. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 41,16. Тираж 6000 экз. Заказ № 2160.

Дрейк Д.

Д73 Щит судьбы. Удар судьбы: Фантаст. романы / Д. Дрейк, Э. Флинт; Пер. с англ. М. Жуковой. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. — 782, [2] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-025433-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-0272-X (ОАО «ЛЮКС»)

...Восточная Римская Империя достигла наибольшего расцвета в VI веке н.э. при императоре Юстиниане I. Немало этому способствовал великий полководец Велисарий, чьи армии значительно расширили пределы Империи, одерживая победу за победой в Африке и Италии...

Это — наша с вами история. История НАШЕГО мира.

Но — в это же время на севере Индии сформировалась и другая Империя. На их стороне — оружие будущего, богатства прошлого и неудержимое стремление к власти. Их ведут те, кого люди всегда считали БОГАМИ. Земля ПОЧТИ покорена, на их пути — лишь один человек. И лишь одному человеку под силу остановить шествие ЗЛА.

Он — человек, возведший войну в ранг искусства. Человек, чье призвание — командовать. Приказ прост — сражайся и умри!

И это — история Велисария. История расцвета и гибели великих ИМПЕРИЙ. История противостояния величайшего полководца прошлого — и супероружия будущего.

История о том, как ВОЗМОЖНОСТЬ становится РЕАЛЬНОСТЬЮ!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© David Drake & Erik Flint, 1999, 2000
© Перевод. М. Жукова, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2004

ЩИТ СУДЬБЫ

Посвящается Дональду

ПРОЛОГ

Фотий нервничал. Он впервые появился на публике после провозглашения его императором Рима, и в самое ближайшее время ему должны были представить персидского посла.

— Мамуля, он обязательно сделает какую-нибудь подлость! — предсказал император.

— Тихо! — прошептала императрица-регентша.— И не надо называть меня мамулей. Это неподобающее обращение.

Император посмотрел снизу вверх на высокую императрицу-регентшу, его новую мать, с надменным видом восседающую на соседнем троне. Встретившись с взглядом ее холодных черных глаз, он быстро отвернулся.

Фотий всегда нервничал в присутствии новой матери. Даже несмотря на то, что настоящая мать говорила ему: эта, новая,— его друг. Нет, императора не обманешь. На самом деле императрица-регентша Феодора совсем не была приятным человеком.

Императрица-регентша склонилась к нему.

— А почему ты считаешь, что посол сделает какую-нибудь подлость? — прошептала она ему на ухо.

Император нахмурился.

— Ну... потому что папа разбил персов. Да еще так! — Затем, опомнившись, император добавил: — Я имею в виду моего... предыдущего отца.

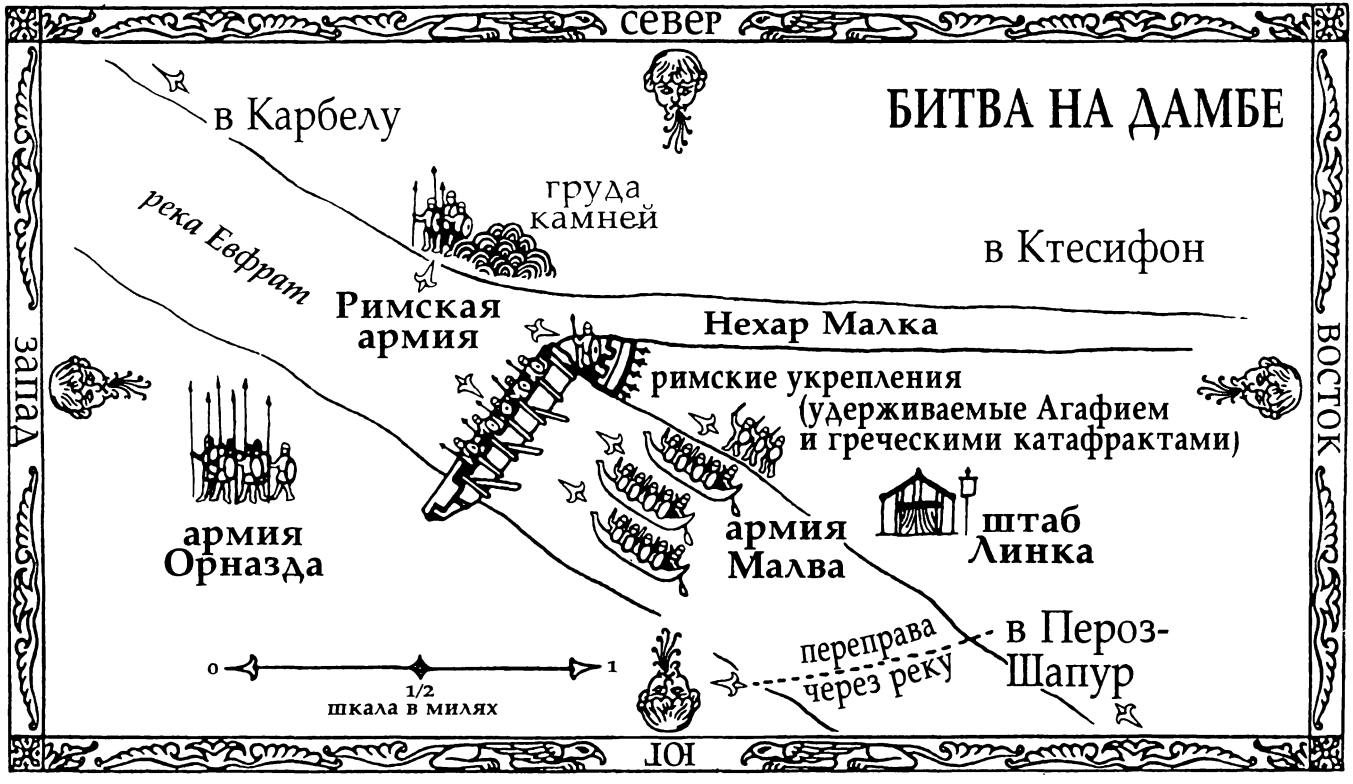
Император виновато посмотрел направо на нового отца, который стоял неподалеку. Встретился с невидящим взглядом пустых глазниц и отвернулся. Очень быстро. Даже его настоящая мама никогда не называла Юстиниана «приятным человеком».

— И не вздумай называть его «папулей»,— кивая на Юстиниана, прошипела Феодора.— Это тоже неподобающе, даже если он и является твоим усыновителем.

Император сжался на троне. Чувствовал он себя отвратительно.

«Как все запутано! Ни у кого не должно быть столько мам и пап!»

ВОСТОК
КАМПАНИЯ ВЕЛИСАРИЯ
В МЕСОПОТАМИИ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Персидская империя
Персидский залив
Харк
Ктесифон
Нехар Малка
Вавилон
Хилла
Пероз-Шапур
река Тигр
река Евфрат
Аната
Карбела
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Римская империя
Аравия
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
0
100
200
шкала в милях
север
юг
запад

север
запад
восток
юг
БИТВА НА ДАМБЕ
в Карбелу
груда камней
река Евфрат
Римская армия
в Ктесифон
Нехар Малка
римские укрепления (удерживаемые Агафием и греческими катафрактами)
армия Орназда
армия Малва
штаб Линка
переправа через реку
в Перос-Шапур
0
1
1/2
шкала в милях

Он стал вертеть головой, надеясь увидеть своих настоящих родителей. Это бы его немного успокоило.

Он знал: они должны стоять где-то поблизости, среди других высокопоставленных лиц Римской империи, собравшихся при дворе. Императрица-регентша опять зашипела на него:

— Прекрати вертеться! Императору не подобает так себя вести!

Император замер на троне. Наблюдая за торжественной процессией, он нервничал все больше и больше. К нему приближался персидский посол — медленно шел по длинному коридору, оставленному расступившимися подданными.

Император заметил, что персидский посол смотрит на него. И все на него смотрят. Тронный зал был до отказа заполнен официальными лицами, прибывшими со всех концов Римской империи. И все они смотрели на императора. Большинство ему не нравились, и они действительно не были приятными людьми — судя, по крайней мере, по замечаниям его родителей, которые ему доводилось слышать. Всех четверых родителей. Они постоянно спорили. Не спорили всего лишь о нескольких вещах. Одной из них являлась лживая природа официальных церемоний.

Теперь посол находился совсем близко. Он оказался довольно высоким мужчиной, стройным, цвет его кожи был слегка темнее, чем у большинства греков. На лице выделялся большой орлиный нос и острые скулы, короткая квадратная борода подстрижена по персидской моде.

Для официального представления императору посол оделся в костюм персидских господ благородного происхождения. Седые волосы практически полностью закрывал расшитый золотом традиционный головной убор — тюрбан. Туника напоминала римскую, правда, рукава доходили до запястий. Брюки закрывали большую часть красных кожаных сапог.

Заметив ярко-красные носки сапог посла, император опять почувствовал себя несчастным. Он вспомнил отца, настоящего отца. У папы были точно такие же сапоги. Их почему-то называли «парфянскими». Его папа — настоящий папа — очень любил их, как и его фракийские катафракты.

Теперь посол подошел так близко, что император мог рассмотреть его глаза. Карие, как у его папы (его настоящего папы, у его нового отца глаз нет вообще).

Но в глазах посла император не увидел ни следа доброты, с какой на него всегда смотрел папа. Его настоящий папа. Глаза перса показались ему холодными. Император посмотрел вверх. Стены тронного зала украшали огромные мозаичные фигуры. Они глядели на него сверху вниз. Он знал: это святые. Очень святые люди. Но их глаза тоже казались холодными. Император подозревал — в глу-

бине души,— что они не были очень хорошими, когда жили на земле. Строгие выражения лиц напомнили ему его учителей. Скучные старики, у которых, казалось, одна радость в жизни — находить ошибки в выполненных им заданиях.

У него было чувство, что его пытаются похоронить заживо.

— Мне жарко,— пожаловался он.

— Конечно, жарко,— прошептала Феодора.— На тебе надеты парадные одежды, а за окном апрель. Что же ты хочешь?

Она помолчала, потом добавила совсем неласково:

— Привыкай.

Она еще помолчала.

— А теперь веди себя подобающе! Посол прибыл.

В двадцати футах от трона императора персидский посол и его свита остановились. Затем посол сделал два шага вперед и простерся на толстом, роскошном ковре, который специально для этой цели расстелили на выложенном плиткой полу тронного зала.

Император знал, что этот ковер достают из специально отведенной для него кладовой, причем только в дни представления послов персидского царя, или шахиншаха, как они его называют. Как слышал император, это — самый лучший ковер, который только есть в Римской империи.

Персия была давним могущественным врагом Римской империи. Они традиционно соперничали. Не следовало оскорблять представителей могущественного соперника. Нет, совсем не следовало.

Персидский посол уже поднимался на ноги. Шагнул вперед. Протянул руку со свитком, в котором указывался его статус при римском дворе. Движение явно принесло послу боль — судя по тому, как скривилось его лицо. От этого страх римского императора усилился. Гримаса, как было известно императору, вызвана страшной раной в плечо, полученной три года назад.

Настоящий отец императора ранил перса во время великого сражения под Миндусом.

«Он сделает какую-нибудь подлость».

— Приветствую басилея[1] римского от имени своего господина Хосрова Ануширвана, владыки земель иранских и неиранских.

Посол говорил громко — так, чтобы его слышали все собравшиеся в огромном тронном зале. У него был очень низкий голос. Пожалуй, в Римской империи таких голосов и нет, ну, если только у поющих в каком-нибудь церковном хоре.

— Меня зовут Баресманас. Баресманас из Суренов,— сказал посол.

---

[1] Басилей (василевс) — царь в Древней Греции, Спарте и затем в эллинистических государствах, титул императора в Византии. *(Прим. перев.)*

Император услышал, как по тронному залу пронесся шепоток. Он понял значение этого шепота и на мгновение почувствовал гордость. Уже несколько недель учителя безжалостно вдалбливали ему в голову историю и традиции Персии. Император не забыл полученных уроков.

Официально Сурены считались шахрадарами — одной из семи великих благородных семей Персии. Неофициально — самой великой. Да и Рустам, легендарный герой персов — можно сказать их Геракл — из этой семьи. И персидский полководец, разбивший римскую армию под предводительством Красса при *Каррах*[1], был из Суренов. То, что шах отправил послом в Рим человека из семьи Суренов, означало: таким образом он хочет показать свое уважение. Но хотя император и понял это, страх его не уменьшился.

«Он сделает какую-нибудь подлость».

Внезапно суровое, надменное аристократическое лицо персидского посла озарила улыбка. В густой бороде мелькнули белые зубы.

— Очень рад познакомиться с вами, Ваше Величество,— Барсманас поклонился императору, затем Феодоре.— И с вашей матерью, императрицей-регентшей Феодорой.

Император протянул руку и взял свиток. Развернув пергамент, вздохнул с облегчением: документ был написан на греческом. Теперь император умел читать, правда, не очень бегло. А в этом документе было полно длинных предложений. Как ему с ними справиться?! Но он постарается. И император с усердием принялся за дело — пока не услышал рядом с собой легкое покашливание.

Уголком глаза император заметил, как императрица-регентша кивнула. Вспомнив о полученных инструкциях, император быстро свернул пергамент и последовал ее примеру — тоже кивнул. Затем заметил, как Феодора слегка нахмурилась, и с опозданием вспомнил все остальные наказы.

— Мы приветствуем представителя нашего брата, басилея Перс...

Император замер от страха, поняв, какую ошибку совершил.

В соответствии с давно установившимся протоколом римский император называл правителя Персии «басилеем», а не «царем царей».

Используя собственный титул, римские императоры таким образом показывали особый статус персидского монарха. Никакой другой правитель не удостаивался этого титула, хотя — иногда — римляне таким образом все-таки именовали негусу нагаста Аксумского царства.

---

[1] 9 мая 53 г. до н.э. при Каррах парфяне разгромили римскую армию Марка Красса, что явилось поворотным пунктом в ходе римско-парфянской войны. *(Прим. перев.)*

Но персы никогда не называли себя персами. Этот термин являлся исковерканным на греческий манер названием персидской провинции *Фарс*, откуда происходила династия *Ахеменидов*. Сами персы называли свою страну Иран — земля ариев. Они были большими снобами, в особенности в том, что касалось отличий ариев от других народностей. Шахиншах правил также и многими неиранскими народами, но они не считались частью земли ариев. Их земли называли «неиранскими». Поэтому посол в своем представлении и сказал про своего господина: «владыка земель иранских и неиранских».

На лице посла появилась легкая ободряющая улыбка и именно она помогла императору выйти из ступора.

— ...басилея земель иранских и неиранских,— исправился он.

Улыбка посла стала шире. Карие глаза смотрели дружелюбно. На мгновение — благословенное мгновение! — этот человек напомнил римскому императору его отца. Его настоящего отца.

Он бросил взгляд на изуродованное лицо своего нового отца, бывшего императора Юстиниана.

Пустые глазницы были повернуты к нему, словно у Юстиниана еще оставались глаза, которыми он мог видеть юного императора. Лицо было слепым, жестким и злым.

«Это несправедливо! — думал император, мысленно жалея себя.— Я хочу, чтобы у меня был папа. Мой настоящий папа».

Посол уже пятился. Римский император вздохнул с облегчением, но не успел им насладиться, заметив неодобрение во взгляде Феодоры. Тогда он напрягся, всем своим видом пытаясь продемонстрировать императорское достоинство.

«Может, он все-таки и не сделает мне никакой подлости».

Теперь посол находился на расстоянии пятнадцати футов.

«Это несправедливо. Династия Сасанидов ведь тоже из Фарса, так почему же мы не можем называть их персами?»

Теперь он все-таки вздохнул. Легко. Тут же почувствовал неодобрение императрицы-регентши, но не обратил на него внимания.

«Мне требуется запомнить слишком многое. И все сразу».

Он снова вздохнул. Императрица-регентша зашипела на него.

«Я — император. Я могу делать то, что захочется».

Это было не так, и мальчик знал об этом.

«Это несправедливо. Мне всего восемь лет!»

Теперь посол отступил на тридцать футов и оказался вне пределов слышимости. Феодора склонилась к императору.

Он приготовился выслушать ее упреки.

«Отвратительная тетка. Где моя настоящая мама?!»

— Ты все сделал очень хорошо, Фотий,— сказала Феодора.— Твоя мама будет гордиться тобой.— Потом добавила с легкой улыбкой: — Твоя настоящая мама.

* * *

— Я горжусь тобой, Фотий,— объявила Антонина.— Ты все сделал прекрасно.

Она склонилась к нему и поцеловала в щеку.

Сын покраснел, частично от удовольствия и частично от чувства вины. Он не думал, что публичное проявление чувств матерью соответствует имиджу императора, который, как ожидалось, он должен создавать. Но быстро обведя глазами тронный зал, понял: за ними наблюдает всего несколько человек. После того как императрица-регентша покинула тронный зал в сопровождении его отца (вернее, обоих его отцов), чтобы провести совещание с персидским послом, в зале воцарилась более непринужденная атмосфера. Основная часть собравшихся ели, пили или болтали друг с другом. Они не обращали никакого внимания на восседающего на троне императора. Конечно, никто из находившихся поблизости не позволял себе наглости повернуться спиной к маленькому человечку, занимающему трон. Но также никто и не демонстрировал особого желания снискать его расположение. Все знали: реальная власть сосредоточена в руках Феодоры, а не нового императора.

Фотия безразличие толпы не расстраивало. Как раз наоборот — он почувствовал облегчение. Впервые после начала приема он смог расслабиться. Он даже подумывал о том, может ли позволить себе почесать за ухом.

Затем он распрямил плечи и все-таки почесал. Сильно почесал.

«Я — римский император. Я могу делать все, что пожелаю».

— Хватит чесаться! — прошипела мама.— Ты же римский император! Это неподобающе!

Император вздохнул, но подчинился.

«Это несправедливо. Я никогда не просил их сделать меня императором».

Глава 1

Константинополь.
Весна 531 года н. э.

Уложив Фотия спать, Антонина тут же направилась в зал, где принимали посла. К моменту ее появления персидский посол уже заканчивал речь. По всей вероятности, выступал он долго.

Антонина заняла место рядом с Велисарием и быстро оглядела помещение. За исключением стражи, выставленной вдоль стен, огромный зал был почти пустым. Толпа советников, обычно собирающихся здесь по приказу Феодоры, на этот раз отсутствовала. Из римлян персидского посла принимали Феодора, Юстиниан и Велисарий.

От персов был только сам Баресманас. Антонина знала, что именно персы попросили провести встречу в очень узком кругу. Только одно это свидетельствовало о серьезности их подхода к обсуждаемому вопросу. Антонина сконцентрировалась на послед-них словах посла.

— И таким образом я должен предупредить вас еще раз,— с самым серьезным видом заявил Баресманас.— Не думайте, что вмешательство Рима в текущие внутренние дела Персии пройдет бесследно. Ваши шпионы должны были уже доложить вам, что наше государство находится на грани гражданской войны. Я, кстати, считаю, что нет. Но если это и так, арии объединятся при угрозе римского вторжения.

Мышцы лица посла расслабились, суровость сменилась улыбкой, которая, несмотря на сложившуюся ситуацию, оказалась теплой. Антонина поразилась такой перемене в Баресманасе. С другой стороны, как подозревала Антонина, это дружелюбное лицо — и есть истинное лицо человека, который надевал маску суровости, произнося речь.

— Конечно, нельзя исключать, что мои суровые слова излишни. Я не хотел показаться грубым. В конце концов, Рим известен своей мудростью не меньше, чем военной мощью. Вполне может статься — даже вероятно,— что мысль о вторжении в Персию никогда не приходила вам в головы.

Посол произвел на Антонину должное впечатление. Баресманасу удалось произнести последнее предложение с абсолютно спокойным и невозмутимым выражением лица. Конечно, заявление было нелепым. На протяжении последних пятисот лет ни один римский император не прожил и трех дней, не думая о нападении на Персию. Нет необходимости упоминать, что и противники занимались тем же самым.

Антонина склонилась к Велисарию.

— Что происходит? — прошептала она на ухо мужу.

— Что и обычно, когда персам требуется новый император,— ответил Велисарий также шепотом.— Самый подходящий кандидат после смерти Кавада — Хосров. И он уже официально провозглашен императором. Но, очевидно, его сводный брат Ормузд не смирился с таким положением вещей. Хосров прислал сюда Баресманаса, чтобы предупредить нас: Риму не следует ввязываться в это дело.

Антонина скорчила гримасу.

— Как будто мы собирались,— пробормотала она.

Велисарий хитровато улыбнулся.

— Любовь моя, давай не будем предаваться праведному гневу. Подобное случалось, как тебе известно. *Император Кар** воспользовался гражданской войной между Бахрамом II и Хормиздом, чтобы войти в Персию. Даже захватил их столицу Ктесифон.

---

* Имена исторических деятелей, географические названия и термины — см. «Глоссарий» в конце романа. (стр. 425)

— Но это было более двухсот лет назад,— заметила она.

— И что? Персы-то все помнят. Кстати, и мы тоже. Вторжение Кара было ответом на атаку *Ардашира* во время нашей гражданской войны, после того как убили Александра Севера.

Антонина пожала плечами.

— Ситуация-то другая. Теперь мы беспокоимся о малва.

Велисарий уже собрался что-то ответить, но промолчал. В это мгновение открылись огромные двойные двери, ведущие в зал. На пороге появился усталый персидский офицер, которого ввела Ирина Макремболитисса, начальница шпионской сети Римской им-перии.

— Кстати...— открыл рот Велисарий.

— Ты думаешь?..— поразилась Антонина.

Он пожал плечами.

— Теперь мы в самое ближайшее время узнаем точно. Но мы же ожидали вторжения малва в Месопотамию. Раньше или позже. Судя по выражению лица этого перса, подозреваю: случилось раньше.

Персидский офицер подошел к Баресманасу. Посол стоял примерно в пятнадцати футах от Феодоры. Хотя ему и предложили стул, Баресманас, очевидно, считал, что его суровая речь прозвучит более весомо, если он произнесет ее стоя.

Посол слегка наклонился, чтобы выслушать вновь прибывшего. Молодой перс что-то быстро нашептывал ему на ухо.

Антонина заметила удивление и настороженность, появившиеся на лице посла. Но Баресманас был опытным дипломатом. Через несколько секунд он взял себя в руки. Ко времени окончания доклада молодого перса лицо Баресманаса уже ничего не выражало.

Выслушав курьера, Баресманас кивнул и сам прошептал несколько слов. Молодой перс тут же поклонился римской императрице и быстро покинул помещение.

Антонина посмотрела на Ирину. Введя в зал курьера, начальница шпионской сети осталась у стены рядом с дверью, стараясь не привлекать к себе внимания.

Антонина встретилась взглядом с Ириной. Незнакомым с Ириной людям ее лицо показалось бы абсолютно лишенным выражения. Но Антонина хорошо знала женщину и заметила с трудом сдерживаемое возбуждение подруги.

За спиной Баресманаса Ирина подала Антонине знак: подняла вверх большие пальцы.

Антонина вздохнула.

— Ты прав,— прошептала она мужу.— Ирина сейчас похожа на акулу, почуявшую кровь.

— Эта женщина любит, когда им бросают вызов,— пробормотал Велисарий.— Думаю, она предпочтет вечные муки в аду, если придется выбирать между ними и неделей бездействия.— Он ус-

мехнулся.— Конечно, при условии, что сатана позволит ей взять с собой ее любимые книги.

Баресманас откашлялся и снова обратился к Феодоре:

— Ваше Величество, я только что получил важное сообщение. С вашего разрешения мне сейчас хотелось бы вас покинуть. Я должен обсудить новость со своим окружением.

Феодора благосклонно кивнула.

— Вы хотели бы назначить время совещания? — спросила она.

Баресманас тут же кивнул. Достаточно резко, почти грубо.

— Да. Завтра, если возможно.

— Конечно,— ответила Феодора.

Антонина не стала слушать слова, которыми обменивались императрица и Баресманас. Дипломатия ее не интересовали.

Ее интересовала Ирина.

— Что ты думаешь? — прошептала Антонина, обращаясь к Велисарию.— Как ты считаешь, она станет первым человеком, в буквальном смысле разорвавшимся от распирающих ее новостей?

Велисарий покачал головой.

— Чушь,— прошептал он в ответ.— Спонтанный взрыв человеческого тела невозможен. Так говорится в школьных учебниках. Ирине об этом прекрасно известно. Ведь у нее же есть экземпляры всех книг!

— Не знаю, не знаю,— размышляла Антонина, украдкой поглядывая на подругу у стены.— Она уже начала дрожать. Ты только взгляни: вначале была легкая дрожь, теперь ее просто трясет! Вибрирует, как струна арфы!

— Невозможно,— повторил Велисарий.— Все лучшие философы это отрицают.

Наконец Баресманас покинул зал.

Ирина взорвалась.

— Да! Да! Да! Да! Да!

Она подскакивала, как мячик.

— Малва вторглись в Месопотамию! Напали на Персию!

Она дрожала и прыгала от возбуждения, дрожала и прыгала.

— Мои шпионы добрались до послания! Хосров приказал Баресманасу обратиться к Риму за помощью!

Она дрожала, подобно струне арфы, и в то же время словно выбивала барабанную дробь.

— Видишь? — спросила Антонина.

Глава 2

Три вечера спустя в том же зале снова собралось совещание. Завершив предварительные переговоры с Баресманасом, Феодора пригласила своих главных советников и официальных лиц.

У Феодоры было много советников, но десять человек, собравшихся в зале, составляли так называемый внутренний круг — как именовали его сама Феодора и Велисарий. Членство в круге не зависело от официально занимаемого положения, хотя как правило сопровождалось и высоким официальным постом. Оно зависело от двух гораздо более важных вещей.

Во-первых, доверия Велисария и доверия — пусть и относительного — вечно подозрительной Феодоры.

Во-вторых, посвящения в великую тайну. Знания о посланце из будущего, магическом кристалле, который сам себя называл Эйд, или Помощник. Кристалл в свое время выбрал своим хозяином Велисария и предупредил величайшего полководца Римской империи о том, что современный Велисарию мир стал полем боя могущественных и таинственных сил далекого будущего.

Феодора сидела в кругу советников, занимая место аккурат под мозаичным изображением святого Петра. Собравшиеся на совещание с императрицей расселись весьма странным образом — для совещания с императрицей. Более того, Феодора не сидела на троне, а устроилась на самом обычном стуле. (По крайней мере «обычном» по императорским стандартам.) По традиции, когда римские правители обсуждали государственные дела с советниками, советники стояли, а правители располагались на огромных тронах.

Но...

— Конечно, нам следует принять предложение Персии,— послышался резкий голос.

Императрица склонила голову набок и внимательно посмотрела на говорившего. Он не отвел взгляда — пустых глазниц на обезображенном лице.

Собравшиеся расположились таким странным образом из-за Юстиниана. По традиции бывший император больше не мог сидеть рядом с Феодорой. Официально он был никем, только одним из ее советников. Но Феодора не могла еще больше унижать мужа, поэтому с радостью приняла предложение Велисария и решила проблему самым простым способом из возможных. С тех пор, встречаясь с советниками, Феодора садилась вместе с ними в круг.

— Объясни, Юстиниан,— сказал Антоний Александрийский, недавно назначенный патриархом Константинополя. Теперь он склонился вперед, скрестив пухлые руки.

— Да, объясни,— добавил твердым голосом Германиций. Командующий армией Иллирии хмурился.

Германиций кивнул Феодоре.

— При всем уважении, Ваше Величество, я не могу одобрить какой-либо союз с Персией. Черт побери этих персов! Они всегда

были нашими врагами. Пусть Персия и империя малва разорвут друг друга на части. Вот мое мнение.

Несколько собравшихся в зале человек тут же стали возражать.

— Да! Да! — рявкнул Германиций.— Я знаю: наш главный враг — малва.— Он посмотрел на грудь Велисария, где хранился кристалл из будущего — Эйд висел под туникой полководца в специальном мешочке.— Но я не понимаю, почему...

— Черт побери этих персов! — перебил резкий голос Юстиниана.— И черт побери малва! Я думаю о династии.— Костлявые руки Юстиниана схватились за подлокотники.— Не обманывайте себя,— рявкнул он.— Неужели вы думаете, что аристократия довольна сложившимся положением? На самом деле? — Он издал резкий смех, в котором совсем не было веселости.— Сегодня ночью — гарантирую — половина греческой аристократии начнет планировать, как нас сбросить.

— Пусть себе планируют, сколько угодно,— заявил полководец Ситтас и пожал плечами. Крупный мужчина весело улыбнулся.— Я сам из греческой аристократии, не забывайте. Поэтому я не собираюсь спорить с Юстинианом. Он оказался даже скромен. По моим прикидкам, сбросить нас хотят две трети греческих аристократов. И именно сейчас. Как и сказал Юстиниан.

Ситтас зевнул.

— И крысы у меня в погребе занимаются тем же самым, как я предполагаю. Меня больше волнуют крысы.

Хрисопол заменил казненного предателя Иоанна из Каппадокии в должности префекта претории. Он являлся одним из двух членов внутреннего круга (вместе с Германицием), которые не были лично хорошо известны Велисарию. Но сам полководец предложил включить его в число советников. Среди римских офицеров высшего звена, переживших чистку после провалившегося государственного переворота, который был подавлен Велисарием и Антониной несколько месяцев назад, Хрисопол имел репутацию способного военачальника и — что встречается гораздо реже — поразительно честного человека.

— Вы в самом деле думаете, что этот союз окажется так эффективен? — спросил он.

— Конечно,— утвердительно кивнул Юстиниан и загнул большой палец.— Во-первых, армия будет в восторге. Они считают соперником Персию, а не империю малва. И боятся персов. Все, что предотвратит новую войну с Персией, будет встречено с одобрением. Даже после великой победы Велисария под Миндусом у армии нет желания встречаться с персидскими копьеносцами на поле брани.

— Малва гораздо хуже,— заметила Антонина.— Их больше, и у них есть новое пороховое оружие.

Юстиниан пожал плечами.

— И что из того? У римских солдат нет опыта борьбы с малва, поэтому они их и не волнуют. Со временем это, вероятно, изменится. Но меня беспокоит настоящее. И прямо сейчас я не могу придумать лучшего способа закрепить верность армии династии, чем заключение Столетнего мира с Персией.

Затем Юстиниан загнул указательный палец.

— Второе. Это понравится населению страны, в особенности тем, кто проживает у границы.— Он повернул голову и посмотрел невидящими глазами на Антония Александрийского.— Крестьяне региона уже с восторгом восприняли назначение Антония патриархом. Они по большей части — еретики-монофизиты и прекрасно знают, что Антоний не позволит их преследовать.

— Формально я не имею права приказывать патриарху Антиохии Ефраиму,— заметил Антоний.— А приграничные регионы попадают в его юрисдикцию.

— Черт с ним, с Ефраимом,— прошипел Юстиниан.— Если положение династии на троне стабилизируется, мы очень скоро раздавим этого негодяя. Я это знаю, вы все это знаете и сам Ефраим знает. Как и крестьяне из приграничных районов.

Как заметил Велисарий, Германиций все еще хмурился. Иллирийского полководца, вполне очевидно, не трогали проблемы, беспокоившие Юстиниана и Хрисопола. Велисарий решил: пришло время вмешаться.

— Мы сможем договориться с Персией, Германиций,— заявил он.— В конце концов мы уже тысячу лет живем бок о бок. Но с малва мы жить не можем. Малва хотят править миром. Их вторжение в Персию — просто первый шаг к планируемому покорению Рима. Я считаю: мы должны сразиться с ними сейчас, на персидской земле, и персидские копьеносцы должны выступить на нашей стороне, стать нашими союзниками. В противном случае нам все равно придется с ними сразиться, но уже на римской земле, а персидские копьеносцы тогда окажутся в составе огромной армии малва, бок о бок с другими вассалами — раджпутами и кушанами.

Германиций скептически посмотрел на него. Велисарий с трудом сдержал вздох. Велисария раздражало упрямство Германиция, но он не считал себя вправе осуждать его за это. Командующий иллирийской армией узнал великую тайну только месяц назад. Ни Германиций, ни Хрисопол не водили давней дружбы с Велисарием, как остальные члены внутреннего круга, но он был близким родственником Юстиниана и отличным полководцем. Феодора настояла на включении его во внутренний круг (по этому вопросу она никогда не приказывала Велисарию), и Велисарий согласился.

Как и был уверен Велисарий, иллирийский полководец поверил в происхождение Эйда и предупреждение кристалла о будущем. Но,

как и большинство полководцев, Германиций был по природе консервативен. Персия, а не Индия являлась традиционным врагом Римской империи.

Нет, Велисарий не мог обвинять Германиция за предубеждения и слепоту. Он просто встретился с взглядом иллирийского полководца и смотрел на него спокойно и уверенно.

Мгновение спустя Германиций перестал метать взглядом молнии.

— Ты так уверен, Велисарий? — уточнил он. Тон иллирийского полководца не был враждебным, просто... серьезным. Как и большинство римских солдат, он с глубоким уважением относился к Велисарию.

Велисарий уверенно кивнул.

— Не сомневайся, Германиций. Если малва не остановить, наступит день, когда Римская империя исчезнет, словно никогда и не существовала.

Мгновение спустя Германиций вздохнул.

— Хорошо. Я верю тебе и полагаюсь на твое мнение. Мне все это не очень нравится, но...— Он расправил плечи.— Достаточно. Я снимаю свои возражения.

Феодора поняла, что все ее советники пришли к одинаковым выводам.

— Пусть будет так,— объявила она.— Мы скажем персидскому послу, что принимаем предложение о заключении союза. По крайней мере, в принципе. Теперь давайте обсудим отдельные пункты предложения.

Она повернулась к Ирине Макремболитиссе. Официально Ирина являлась самым младшим членом высшей бюрократии, ее только недавно назначили на пост сацеллария, или хранительницы денег, ассигнованных на личные расходы монарха. Но ее реальная власть была огромна. Она являлась начальницей шпионской сети Феодоры и главой тайной полиции империи. И Ирина также стала одной из немногих — очень-очень немногих — настоящих подруг Феодоры.

— Представь нам ситуацию с вторжением. Суммируй всю имеющуюся информацию.

Ирина склонилась вперед, откинула со лба густые каштановые волосы.

— Малва атаковали Персию два месяца назад,— сказала она.— Как и предсказывал Велисарий, они начали с массированного вторжения с моря, в дельте Тигра и Евфрата. Через два дня они захватили большой порт Харк и сделали его своей базой — для дальнейшего вторжения в Месопотамию.

— Разве они также не атакуют и на севере? — спросил Гермоген.

Ирина кивнула.

— Атакуют. Большая армия малва давит на восточные провинции Персии. Однако, как кажется, у той армии почти нет нового поро-

хового оружия. По большей части та армия состоит из традиционных сил — пехота из народности малва, за которой идут батальоны йетайцев, а также очень большое число кавалеристов-раджпутов.

— Значит, второсортная,— заметил Германиций.

Велисарий покачал головой.

— Совсем нет. Конница раджпутов великолепна, а ими еще и командует Рана Шанга. Я его знаю по своей поездке в Индию. Очень хорошо знаю. Он — один из лучших полководцев в мире. И если я лично не знаю главнокомандующего малва на севере, господина Дамодару, то мне известно, что Рана Шанга относится к нему с глубоким уважением.

Германиций нахмурился.

— Тогда почему?..

Велисарий усмехнулся.

— В действиях малва и даже в их безумствах есть определенная методичность. Раджпуты — сердце армии Дамодары, а малва не доверяют своим вассалам-раджпутам. Поэтому они ставят лучшего полководца во главе самой трудной кампании, практически не обеспечивают его новым оружием, но дают ему в распоряжение практически всю конницу раджпутов. У Дамодары не будет выбора. Ему придется полагаться на Рану Шангу и раджпутов, которым в свою очередь придется несколько месяцев сражаться против персидской конницы на самой худшей местности, которую только можно представить. Малва пытаются убить двух зайцев. Персы не могут проигнорировать такую угрозу, поэтому им придется отправить против раджпутов большую часть своей армии, которая могла бы сражаться в Месопотамии, где будут разворачиваться основные сражения. И в то же время малва...

— Обескровят раджпутов,— кивнул Германиций.

— Вот именно.

Ситтас заворчал.

— Это означает, что нам не нужно беспокоиться о делах на севере,— сказал он.— По крайней мере какое-то время. Там персам придется разбираться самим.

Он посмотрел на Ирину.

— А насколько велика армия малва в Месопотамии?

Она колебалась, зная: ее сообщение встретят с недоверием.

— По меньшей мере, двести тысяч человек. Может, больше.

— Чушь! — воскликнул Германиций.

— Это не чушь,— заявил Велисарий.— Поверь, Германиций. Империя малва — единственная в мире, которая способна собрать армию такой численности. И, более того, обеспечивать ее всем необходимым, пока они держат Харк. Когда я был в Бхаруче, самом большом индийском порту на западном побережье, я своими глазами видел, как они строили огромные корабли — специально для

материально-технического обеспечения. И строили их в огромном количестве.

Германиций побледнел.

— Двести тысяч,— прошептал он.

— По меньшей мере,— подчеркнул Велисарий.— Кроме того, они явно привезли с собой большую часть расчетов, умеющих управляться с новым оружием. Единственной их слабостью будет конница.

Ирина покачала головой.

— Нет, Велисарий, даже этого не будет. По крайней мере, не легкая конница. Я только вчера получила сообщение, что династия Лахмидов переметнулась от персов к малва. Таким образом, малва получили большую группу арабов-кавалеристов, а в придачу к ним еще и верблюдов с погонщиками, которых можно прекрасно использовать в пустынных районах на правом берегу Евфрата. Кстати, малва используют именно эту реку — вторжение идет по ней.

— Медленно идет,— заметил Гермоген.— По Тигру получилось бы быстрее — он более пригоден для плавания.

Велисарий пожал плечами.

— Малва не особо беспокоятся о скорости и маневренности. Они идут большой силой. А такое наступление удобнее проводить по Евфрату. Добравшись до Пероз-Шапура, они смогут перейти в Тигр. И окружат столицу Персии — Ктесифон.

— Как персы намерены реагировать? — спросил Германиций.

— Судя по тому, что мне сказал Баресманас, император Хосров намерен держать осаду в Вавилоне,— сообщила Ирина.

— Вавилоне? — воскликнул Антоний Александрийский.— Нет никакого Вавилона! Город пустует уже несколько столетий! — Патриарх покачал головой.— Он же в руинах.

Ирина улыбнулась.

— Город — да. Но стены Вавилона все еще стоят. И, по всем признакам, они все еще так же крепки, как были во времена *Хаммурапи*.

— Что от нас просят персы? — спросила Антонина.

Ирина бросила взгляд на Хрисопола. Префект претория вел предварительные переговоры с Баресманасом.

— Они хотят заключить союз с Римом и просят нас послать войска к Вавилону в помощь Хосрову — столько, сколько можем,— он кивнул Ситтасу.— Персы не рассчитывают на нашу помощь в восточных провинциях, куда также вторглись малва. Но они... ну... очень бы хотели получить нашу помощь в Месопотамии.

— Сколько именно людей они хотят получить в помощь? — спросил Юстиниан.

Хрисопол сделал глубокий вдох.

— Просят сорок тысяч. Всю сирийскую армию, а оставшиеся двадцать тысяч собрать из Анатолии и наших полков, стоящих в Европе.

Зал взорвался.

— Это безумие! — закричал Ситтас.— Это же половина римской армии!

— Таким образом Дунай вообще остается без прикрытия! — рявкнул Германиций.— Все варварские племена на Балканах хлынут через него в течение месяца! — Он повернулся к Велисарию.— Неужели ты серьезно рассматриваешь эту просьбу?

Велисарий покачал головой.

— Нет, Германиций. Хотя и стал бы рассматривать серьезно, если бы знал, что мы можем предоставить такую силу.— Велисарий пожал плечами.— Но факт остается фактом: мы не можем. Просто не можем. Мы должны держать войска на Дунае, причем немалые силы, как ты и сказал. И, к сожалению, мы должны оставить армию Ситтаса в Константинополе. Как мы все знаем, положение династии все еще остается шатким. Большая часть знати поддержит переворот — если еще один начнется и если они решат, что он может оказаться успешным.

Германиций потрепал бороду.

— Другими словами, на данный момент нам некого послать в Персию, кроме сирийской и египетской армий.

— Нет,— сказала Феодора.— В Египте тоже шаткое положение.

Она повернулась к начальнице шпионской сети.

— Расскажи им.

— Как вы все знаете, бывший патриарх Александрии Тимофей IV был убит во время восстания «Ника»[1], в то же время был убит предшественник Антония Епифаний,— сказала Ирина.— Виновные так и не были найдены, но я уверена: это дело рук наемных убийц малва.

— Которым помогали экстремисты из рядов служителей церкви,— добавил Юстиниан злобно.

Ирина кивнула.

— После трех месяцев пререканий и ожесточенных споров греческая знать Александрии назначила нового патриарха. Экстремиста-ортодокса. Монаха по имени Павел. На следующий день по его инициативе начались преследования. С тех пор в Александрии продолжаются волнения. Почти ежедневно происходят уличные драки и столкновения между экстремистами-ортодоксами и экстремистами-монофизитами. Мы только вчера получили эту информацию.

— А чем, черт побери, занимается армия Египта? — спросил Германиций.

---

[1] Восстание «Ника» — народное восстание в Константинополе 11 — 17 января 532 года. Название получило от клича-пароля восставших «Ника!» — «Побеждай!». *(Прим. перев.)*.

— Они взяли сторону патриарха,— ответила Ирина.— На самом деле, судя по полученным мною сообщениям, командующий армией был главным сторонником Павла.

— Это полководец Амброз, не правда ли? — уточнил Гермоген.

Ирина кивнула.

— Знаю я этого мерзавца,— проворчал Ситтас.— Ни черта не стоит на поле брани. Политик до мозга костей. Амбициозен, как сатана.

Префект претория вздохнул.

— Так, это армия Египта. Значит, ее мы в Персию послать не можем.

— Дело обстоит даже хуже, Хрисопол,— заметил Велисарий.— Мы пошлём какие-то силы в Египет, чтобы выправить положение.

— Считаешь, нам следует вмешаться?

— Определенно. Египет — крупнейшая провинция империи. В будущем мы надеемся, что Египет станет нашим бастионом во время морской кампании в Эритрейском море. Мы не можем позволить, чтобы население было недовольно и находилось на грани восстания.

— По этому вопросу я полностью согласна с Велисарием,— поддержала полководца Феодора. Потом кивнула на Антония.— По рекомендации Антония я посылаю дьякона по имени Феодосий занять место Павла — патриарха Александрии. Феодосий — монофизит, но не придерживается экстремистских взглядов. Как и Тимофей, он принадлежит к северианской школе.

Хрисопол нахмурился.

— А как ты намереваешься провести назначение?

Впервые после начала совещания Феодора улыбнулась. Но в ее улыбке не было и доли веселья.

— Смесью старого и нового. Ты знаешь о религиозном ордене, основанном Михаилом Македонским? Он предложил отправить несколько тысяч своих монахов в Египет, чтобы разобраться с существующими там монашескими орденами.

— Его монахи хороши против других монахов, дерущихся на улицах дубинами, но против армии Египта...— проворчал Гермоген.

— С ней будет сражаться Когорта Феодоры,— объявил Велисарий.

За объявлением последовало гробовое молчание. Все глаза повернулись к Антонине.

Маленькая египтянка пожала плечами.

— Боюсь, это все, что у нас есть.

— Не совсем,— сказал Велисарий. И посмотрел на Гермогена.— Думаю, мы можем выделить один из твоих легионов в поддержку гренадерам Антонины. Они будут ее пехотой. А в качестве конницы я выделю ей пятьсот своих катафрактов.

Гермоген кивнул. Германиций нахмурился и переводил взгляд с Велисария на Антонину.

— Я думал, вы собираетесь использовать гренадеров в Персии,— заметил он.

Перед тем как Велисарий смог ответить, заговорила Феодора:

— Нет. Точно нет. За исключением небольшого отряда ракетчиков Велисария, Когорта под предводительством Антонины — наша единственная сила, обеспеченная новым пороховым оружием. Они никогда не участвовали в настоящем сражении. Я не собираюсь рисковать ими в Персии. По крайней мере, в начале войны.

Германиций нахмурился сильнее.

— Тогда кто?..

— Я,— сказал Велисарий.— Я сам и все войска, которые нам удастся собрать.— Он почесал подбородок.— Думаю, сможем выделить тысяч пять-шесть из сирийской армии, ну а также мои букелларии.

— Я могу выделить две тысячи катафрактов,— вставил Ситтас. И посмотрел на Германиция.

Командующий иллирийской армией скорчил гримасу.

— Наверное, смогу выделить человек пятьсот. Не больше. Боюсь, в течение ближайшего года начнутся проблемы с северными варварами. Малва будут щедро раздавать золото.

Гермоген, подсчитывавший на пальцах получающееся количество, поднял голову.

— Не получается достойной армии, Велисарий,— заметил он.— Что там у тебя? Где-то тысяча катафрактов, после того как ты отдашь пятьсот Антонине?

Велисарий кивнул.

Гермоген выдохнул воздух.

— Плюс две тысячи Ситтаса и пятьсот Германиция. Это три с половиной тысячи кавалеристов. Тяжелая конница. Из армии Сирии ты, вероятно, получишь три или четыре тысячи пехотинцев и пару тысяч кавалеристов. Но это будет легкая конница, лучники, а не копьеносцы.

— В самом лучшем случае — десять тысяч человек,— сделал вывод Германиций.— Как правильно заметил Гермоген, достойной армии не получается.

Велисарий пожал плечами.

— Это то, что есть.

— Мне не нравится, что Велисарий лично намерен возглавить армию,— заявил Хрисопол.— Он — главный стратег империи. Он должен остаться здесь, в столице.

— Чушь! — рявкнул Юстиниан. Впервые после начала совещания на его лице появилась улыбка. И, как и у его жены, в ней не было и доли веселья.

— Вы хотите заключить союз с Персией? — спросил он.— Им совсем не понравится наше предложение десяти тысяч человек. Но

репутация Велисария — совсем другое дело. Она перевесит любое количество.— Теперь на обезображенном лице все-таки появилась доля радости.— Прекрати хмуриться, Хрисопол. Я знаю, что ты хмуришься, как будто вижу тебя.

Он склонился вперед, схватившись за подлокотники. Обвел взглядом пустых глазниц собравшихся советников. В какое-то мгновение все могли бы поклясться, что Юстиниан на самом деле видит их.

— Я сделал этого человека полководцем,— сказал бывший император.— Это — одно из немногих решений, о которых я никогда не пожалел.— Он откинулся на спинку стула.— Персы будут счастливы. Не сомневайтесь.

Глава 3

На следующее утро, когда императрица-регентша давала Баресманасу официальный ответ Рима на предложение Персии, посол на самом деле казался счастливым. Да, он надеялся на большую армию. Но на самом деле ни он сам, ни император Хосров не ожидали, что римляне выделят им сорок тысяч человек. Его также очень обрадовало, что римляне не потребовали взамен никаких приграничных территорий. Щедрость оказалась неожиданной.

Но самое главное — Велисарий!

* * *

Не все члены персидской делегации придерживались того же мнения, включая жену Баресманаса Малеку. Как только Баресманас вернулся в небольшой дворец, расположенный в центре императорского комплекса, в котором разместились персы, она вышла в гостиную. Жена сильно хмурилась.

— Я тебя не одобряю,— заявила она мужу очень серьезным тоном.— Нам не следует просить одолжения у этих негодяев римлян, словно мы какие-то нищие!

Баресманас проигнорировал ее. Он стоял перед камином и смотрел на играющие языки пламени, а также грел руки — апрельское утро оказалось прохладным.

— Я не одобряю! — повторила Малека.

Баресманас вздохнул и отвернулся от камина.

— Император одобряет,— сказал он мягко.

— Хосров — всего лишь мальчик!

— Совершенно определенно — нет,— твердо ответил муж.— Да, он молодой человек. Но он во всех планах не хуже других императоров, восседавших на арийском троне. Не сомневайся в этом, жена.

Малека нахмурилась.

— Даже если и так... Он слишком обеспокоен вторжением малва! Он забыл о нашем великолепном арийском наследии!

Муж с трудом сдержался от резкого ответа. В отличие от жены Баресманас получил прекрасное образование. На самом деле он был ученым, что нетипично для шахрадара. С другой стороны, Малека являлась типичной представительницей класса.

Как и все высокопоставленные персидские женщины благородного происхождения, она умела читать. Но этим умением она ни разу не воспользовалась по достижении совершеннолетия. Малека предпочитала изучать историю, сидя на мягких подушках в их дворце в столице Персии Ктесифоне. Барды пели ей песни, повествующие о победах ариев.

Баресманас внимательно смотрел на лицо разгневанной жены, пытаясь придумать, как объяснить ей истинное положение вещей так, чтобы она это поняла, несмотря на свои предубеждения и необразованность.

Настоящая история, как он знал, сильно отличалась от версии, представляемой в эпических поэмах. Иранцы, правящие Персией и Центральной Азией, происходят, как и их скифские братья, из азиатских степей. Когда-то они тоже были варварами-кочевникмаи. Более тысячи лет назад арийские племена пришли на юг из степей, покоряя земли, по которым шли.

Племена, отправившиеся на запад, стали известны как иранцы, и именно они принесли славу древней Персии. Обосновавшиеся на востоке родичи покорили Северную Индию и создали ведическую культуру, которая в дальнейшем распространилась на весь субконтинент.

А затем, сделав все это, обе ветви ариев придумали для себя новую историю. Историю, полную легенд и грандиозных притязаний, в которой осталось очень мало от реальных фактов.

Мифы и сказки в основном зарождались на востоке. Как и раньше, теперь реальная власть иранцев концентрировалась на Иранском нагорье и огромных богатых землях Месопотамии. Но арии — по крайней мере знать — предпочитали помнить легенды северо-восточных степей.

«Их почему-то помнят, переворачивая все с ног на голову,— думал он.— Я не знаю о военной мощи варварских наездников. Только мифы о чистоте крови и божественном происхождении».

Рассматривая жену, Баресманас понял, что ему не удастся справиться с ее предрассудками.

Пусть будет так. У ариев есть и другие традиции.

— Подчиняйся своему мужу, жена,— приказал он.— И своему императору.

Она открыла рот.

— Подчиняйся.

Малека склонила голову. Потом угрюмо вышла из комнаты.

Баресманас опустился на диван у камина. Уставился на языки пламени. Огонь отражался у него в темных глазах, но, глядя в эти минуты в огонь камина, он видел совсем другое...

Он вспомнил другой огонь — сражение под Миндусом, где три года назад римский полководец разбил персидскую армию. Перехитрил их, поймал в капкан, уничтожил, даже захватил персидский лагерь.

Велисарий.

Баресманас участвовал в той битве. Как и его дети, остававшиеся в персидском лагере.

Он отвернулся от огня и скорчил гримасу.

Его дети никогда не оказались бы в Миндусе, если бы их туда не привез сам Баресманас. Несмотря на свое образование, он тоже поддался арийской надменности. У благородных персов давно сложилась традиция приводить свои семьи на поле брани. Таким образом они показывали врагу и всему миру свою надменную уверенность в непобедимости ариев.

Его жена отказалась поехать, сославшись на состояние здоровья. (Ее не пугали враги, ей просто не хотелось ехать в жаркую сирийскую пустыню.) Но дети поехали с радостью — как дочь, так и сын. Они горели желанием увидеть, как их знаменитый отец, подчиняющийся только главнокомандующему Фирузу, разобьет наглых римлян.

Баресманас вздохнул. Поднял левую руку и погладил правое плечо. Плечо болело, и сквозь шелковую ткань туники он чувствовал оставшийся шрам.

Шрам от римского копья. В Миндусе Баресманас, как и все копьеносцы благородного происхождения бросившийся в атаку, оказался пойманным в ловушку в центре поля. Пойманным хитрым римским главнокомандующим, а затем разбитым его контрударами.

Велисарий.

Баресманас плохо помнил последние минуты битвы. Только суматоху, смятение, клубы пыли; растущий ужас от понимания того, что их перехитрили и победили; шок и боль, когда лежал в полубессознательном состоянии, истекая кровью на вытоптанной множеством ног земле, а его плечо было почти полностью отрублено.

Лучше всего он помнил ужас, сковавший его сердце, словно по венам у него вдруг вместо крови потекло расплавленное железо. Он боялся не за себя, а за своих беспомощных детей. Некому было защищать персидский лагерь от празднующих победу римлян. Баресманас знал: римские солдаты пройдутся по нему, как стая голодных волков, в особенности их наемники-гунны. Станут насиловать женщин и убивать мужчин.

И они насиловали и убивали, по крайней мере, уже начали.

Пока Велисарий вместе со своими катафрактами не положил конец бесчинствам. Велисарий был с гуннами так же безжалостен и решителен, как и с персами.

Несколько недель спустя его выкупила семья. Баресманас услышал о случившемся от своей дочери Тахмины. Увидев приближающихся гуннов, они с братом спрятались под шелковыми подушками в их шатре. Но варваров это не обмануло. Отряд гуннов быстро обнаружил Тахмину и вытащил ее из шатра. Брат попытался прийти ей на помощь, но тщетно. Гунны не стали убивать мальчика — на рынке рабов за него можно было бы получить неплохую цену. Они просто хорошенько врезали ему, чтобы не мешал, пока они срывают одежду с сестры.

Тогда и появился римский полководец в сопровождении катафрактов и приказал гуннам остановиться. Тахмина описала Баресманасу, как гунн, державший ее за волосы, попробовал поддразнить Велисария. И как полководец с жестким выражением лица просто произнес имя одного из своих подчиненных. Катафракта, чье лицо оказалось еще более жестким. Он вообще чем-то напоминал ласку. И катафракт оказался таким же быстрым и смертоносным, как ласка. Его стрелы пронзили гуннов, державших Тахмину, так быстро, словно он убивал куриц.

Велисарий.

Странный, необычный человек. Жалость и благородство лежат у него под коркой безжалостности и хитрости.

Баресманас снова повернулся к камину и уставился в огонь. И теперь впервые после того, как он узнал о совершенном малва в Месопотамии, перс смог поверить, что враг сгорит в огне.

Велисарий.

Глава 4

Это был самый красивый собор, который когда-либо видел Юстиниан. Более красивый и более величественный, чем он мечтал. Краеугольный камень его жизни. Айя София — храм Святой Софии, который он планировал построить.

Центральная улица Константинополя начиналась у Золотых Ворот и заканчивалась у подножия собора. По всей ее длине, разбросанные тут и там или сложенные грудами, лежали жертвы чумы.

Половина города умерла или умирала. Вонь разлагающихся непохороненных тел смешивалась с болезнетворным запахом горящих трупов. В результате над Константинополем висело густое облако вредных испарений, словно город постоянно накрывал туман. Подобное облако из вредных испарений висело когда-то над Италией

и Северной Африкой и всеми другими провинциями, которые для него завоевывал или перезавоевывал Велисарий.

Юстиниан Великий. Который во имя восстановления величия Римской империи разорил восточную часть, чтобы разрушить западную. И оставил все Средиземноморье разрушенным. Самым подходящим местом для распространения худшей эпидемии чумы за несколько столетий.

Юстиниан Великий. Который более, чем кто-либо другой, приблизил окончательное падение греко-римской цивилизации.

* * *

Юстиниан выпрямился на стуле.

— Не надо. Я больше не выдержу,— прохрипел он.

Он склонился вперед и, дрожа, протянул руку. На ладони лежал сверкающий, переливающийся всеми гранями предмет. Кристалл — как его называли. Магический камень.

Велисарий забрал кристалл у Юстиниана и вернул назад в мешочек. Мгновение спустя мешочек опять висел у полководца на груди. Камень посылал мысленные импульсы прямо в мозг Велисария.

«Он — неприятный человек»,— пришел первый импульс.

Велисарий уныло улыбнулся.

«Да, Эйд, ты прав. Неприятный. Но он может стать великим»,— послал ответную мысль Велисарий.

Существо из будущего отнеслось к мнению Велисария скептически.

«Не уверен. Совсем неприятный человек».

— Ты удовлетворен, Юстиниан? — спросил Велисарий вслух.

Бывший император кивнул.

— Да. Все так, как ты говорил. Теперь я уже жалею, что просил тебя дать мне кристалл. Лучше бы я не пробовал... Но мне требовалось...

Он вяло махнул рукой, словно пытаясь подобрать слова.

Велисарий помог ему.

— Тебе требовалось знать, обоснованы ли твои сомнения. Тебе требовалось знать, что стоит за моим желанием видеть на троне моего пасынка — личные амбиции и стремление к величию или — как я и заявлял во время обсуждения этого вопроса — необходимость ведения войны против малва.

Юстиниан опустил голову.

— Я не склонен доверять кому-либо,— пробормотал он.— Это — неотъемлемое свойство моего характера.— Он хотел еще что-то сказать, но плотно сжал губы.

— Не нужно, Юстиниан. Не нужно.

Улыбка полководца стала еще более унылой. Он уже один раз участвовал в этом разговоре — в видении, кошмарном видении, показанном ему Эйдом.

— Тебе потребуется несколько часов, чтобы сказать все, что ты пытаешься. И это будет нелегко. Если ты вообще справишься.

Юстиниан покачал головой.

— Нет, Велисарий. Есть необходимость высказаться. Если не для тебя, то для меня самого.— Резким тоном он добавил: — Иногда мне кажется, что потеря зрения улучшила мое видение мира.— Он сделал глубокий вдох. Потом еще один. Потом выдохнул — так, как камень мог выдавить каплю крови: — Прости меня.

Третий находившийся в комнате человек усмехнулся.

— Даже сейчас ты все еще ведешь себя надменно,— сказал он.— Неужели ты думаешь, Юстиниан, что ты — единственный грешник на земле? Или просто самый великий?

Юстиниан резко повернул голову на звук голоса.

— Я проигнорирую твои замечания,— заявил он с достоинством.— Но скажи мне, Михаил Македонский, ты сам-то уверен? Уверен ли ты в этом — существе? — которое ты называешь Талисманом Бога?

— Вполне,— ответил монах холодным тоном.— Это посланец, отправленный нам Богом, чтобы предупредить нас всех.

— В особенности меня,— пробормотал Юстиниан. Слепой потер пустые глазницы.— А Феодора видела?..

— Нет,— ответил Велисарий.— Я один раз предлагал ей попробовать, но она отказалась. Сказала: предпочитает принимать жизнь так, как она идет своим чередом, а не знать будущее по видению.

— Хорошо,— кивнул Юстиниан.— Значит, она не знает про рак?

Пришла очередь Велисария резко дернуться от удивления.

— Нет. Боже праведный! Я даже не подумал об этом, когда предлагал ей кристалл.

— Семнадцать лет,— сказал Юстиниан. Говорил он очень слабым голосом.— Через семнадцать лет она умрет от рака.

Михаил Македонский откашлялся.

— Если мы преуспеем в отражении атаки малва...

Юстиниан жестом попросил его помолчать.

— Это не имеет отношения к делу, Михаил. Независимо от того, какое зло принесут малва, они не имеют к раку никакого отношения. И не забывай: кристалл показал мне то будущее, которое могло бы быть. Будущее, в котором малва поднимаются к власти над всем миром при помощи силы под названием Линк. Будущее, в котором я остаюсь императором, а мы снова завоевываем западное Средиземноморье.

Он замолчал и опустил голову.

— Я прав, Велисарий? Ведь прав?

Велисарий колебался. Затем направил мысленный вопрос Эйду.

«Он прав,— пришел ответ. Затем, предупреждая следующий вопрос, Эйд добавил: — И от рака нет лечения. По крайней мере такого, которым вы могли бы воспользоваться в течение многих, многих лет. Столетий».

Велисарий сделал глубокий вдох.

— Да, Юстиниан, ты прав. Независимо от того, что еще случится, Феодора умрет от рака через семнадцать лет.

Бывший император вздохнул.

— Они выжгли мои слезные протоки вместе с глазами. Иногда я проклинаю предателей за это даже больше, чем за потерю зрения.

Юстиниан встал и принялся ходить из угла в угол.

Теперь в комнате не осталось ни одной из многочисленных статуй, которые украшали ее совсем недавно. Феодора приказала их убрать, когда Юстиниан начал поправляться. Она беспокоилась, чтобы ее муж не задел ни одну из них и не упал.

Но боязнь за Юстиниана быстро прошла. Наблюдая за тем, как бывший император ловко обходит все попадающиеся на полу препятствия, Велисарий уже в который раз поразился сверхъестественным талантам Юстиниана. Казалось, Юстиниан помнит, где стояли все те потенциальные препятствия, и безошибочно обходит их, хотя теперь их и нет.

Да и те предметы больше не могли принести ему удовольствия. Юстиниану они теперь не требовались. Вместо статуй и декоративных украшений он наполнил помещение различными приспособлениями. Их создание было его старейшим и самым любимым хобби. Казалось, половину пола занимают какие-то странные предметы, предназначения которых сразу и не поймешь. Юстиниан даже утверждал, что его слепота в этом деле — большой плюс, поскольку ему приходится доходить до внутренней сути придумываемых им приспособлений. Велисарий не мог с этим не согласиться. Полководец уставился на один из самых крупных механизмов в комнате, стоящий в углу. Приспособление в этот момент бездействовало, но полководец видел, как оно работает. Юстиниан спроектировал его, основываясь на описании того, что Велисарию в видении показал Эйд.

Первый настоящий паровой двигатель, когда-либо созданный в Риме — или где-либо еще в мире, насколько ему было известно. Велисарий не видел ничего подобного даже во время долгого путешествия по Индии — владениям малва. Само изделие получилось не более чем игрушкой, но это была модель первого локомотива, который уже находился в стадии разработки.

Придет день, когда Велисарий сможет переносить свои войска с одной кампании на другую точно так же, как он видел в будущем, показанном ему Эйдом. В видении об ужасной резне, которую много веков спустя назовут американской Гражданской войной.

К настоящему его вернул голос.

— Семнадцать лет,— грустно произнес Юстиниан.— В то время как я, если судить по показанному кристаллом, доживу до глубокой старости. Его изувеченное лицо исказила боль.— Я всегда надеялся, что она переживет меня,— прошептал он. Юстиниан расправил плечи.— Но пусть будет так. Я сделаю все, от меня зависящее, за эти семнадцать лет. Чтобы они стали лучшими годами ее жизни.

— Да,— кивнул Велисарий.

Юстиниан покачал головой.

— Боже, какая потеря. А кристалл тебе это показывал, Велисарий? Какое было бы будущее, если бы малва никогда не поднялись? Будущее, в котором я послал бы тебя в западное Средиземноморье во имя восстановления римской славы? Чтобы только увидеть, как половина империи умирает от чумы, пока я трачу половину царской казны, чтобы один за другим построить грандиозные, бесполезные монументы?

— Храм Святой Софии нельзя назвать бесполезным, Юстиниан,— возразил Велисарий.— Он был — стал бы — одним из величайших мировых достижений культуры.

Юстиниан фыркнул.

— Ну пусть будет одно исключение. Нет — два. Я также внес изменения в римское право. Но остальное? То...— Он щелкнул пальцами.— Твой секретарь. Тот, который распространяет всякие сплетни. Как его зовут?

— Прокопий.

— Да, он. Эта льстивая жаба даже написала книгу, восхваляющую все претенциозные строения. Ты видел это? Кристалл тебе ее показал?

— Да.

— Я слышал, ты отказался от услуг змеи после того, как тебе стало не нужно, чтобы лживые слухи доходили до врага,— заговорил Михаил Македонский.— И хорошо, что ты от него избавился.

Велисарий рассмеялся.

— Да, ты прав. Очень сомневаюсь, что шпионы малва доверяют его словам, в особенности рассказам о том, как Антонина в мое отсутствие устраивала оргии в нашей усадьбе в Сирии.

— Только не после того, как она появилась на ипподроме с сирийскими гренадерами и разбила восстание «Ника»! — заметил Юстиниан. Бывший император потер пустые глазницы.— Поскольку Прокопий сидит без работы, пришли его ко мне, Велисарий. Я

дам ему задание написать книгу. Подобную той пропагандистской чуши, которую он написал для меня в другом будущем. Только назовем мы ее не «О постройках», а «Законы», и в ней до небес будет превозноситься великая работа величайшего законодателя Юстиниана, которая обеспечила Римскую империю лучшей законодательной системой в мире.

Юстиниан снова занял свое место.

— Хватит об этом,— сказал он.— Есть еще один вопрос, который я хотел бы обсудить, Велисарий. Меня волнует экспедиция Антонины в Египет.

Полководец вопросительно приподнял брови.

— И меня волнует! — воскликнул он. Насколько тебе известно, Антонина — моя жена. Меня совсем не радует перспектива отправить ее на битву в сопровождении только...

— Чушь! — рявкнул бывший император.— Эта женщина справится — в том, что касается сражений. Не надо ее недооценивать, Велисарий. Любая женщина такого маленького роста, которая в состоянии ножом расправиться с полудюжиной уличных бандитов, в состоянии справиться с одним жалким негодником Амброзом. Меня волнует то, что будет после. После того как она подавит это мини-восстание, Антонина отправится дальше. Она будет участвовать в морской части твоей кампании. А дальше? — Он склонился вперед и уставился на Велисария невидящими глазами.— Кто станет держать Египет под контролем?

— Ты знаешь наши планы, Юстиниан. Гермоген возьмет на себя командование армией Египта и...

Бывший император фыркнул.

— Он солдат! О, черт побери, отличный солдат — в этом нет никаких сомнений. Но от солдат немного пользы, когда речь идет о подавлении религиозных фанатиков, таких, как те, из-за которых в Египте и начались беспорядки.— Он тяжело вздохнул.— Поверь мне, Велисарий. Я говорю по опыту. Если ты используешь солдата, чтобы убить монаха, ты создаешь мученика.

Юстиниан повернулся к Михаилу.

— Ты здесь играешь ключевую роль, Михаил. Нам потребуется твой авторитет.

— И Антония,— добавил монах.

Юстиниан нетерпеливо махнул рукой.

— Да, да, конечно, и помощь патриарха. Но ключевую роль играешь ты.

— Почему? — спросил Михаил.

Отвечал Велисарий.

— Потому что изменения привычек и обычаев империи — которые складывались столетиями — потребуют религиозного пыла.

Движение должно стать народным, люди должны идти на дело с убеждением и рвением. В данном случае я согласен с Юстинианом: солдаты только создают мучеников.— Велисарий откашлялся.— А с другой стороны... Антоний — самый добрый, даже самый святой человек, которого я когда-либо встречал. Идеальный патриарх. Но...

На истощенном лице монаха появилась холодная улыбка.

— Он не склонен уничтожать неправедных,— заключил Михаил. Македонец изменил положение на стуле — теперь создавалось впечатление, что ястреб ухватился когтистыми лапами за ветки дерева.— С другой стороны, у меня нет подобных предубеждений.

— У тебя они как раз диаметрально противоположные,— пробормотал Юстиниан.

Бывший император мрачно улыбнулся. Он с одобрением относился к Михаилу Македонскому. Монах-пустынник был святым человеком, что ни в коей мере не относилось к Юстиниану. Тем не менее они в некоторой степени оказались родственны по духу. Фракийский крестьянин и македонский пастух в молодости. Изначально простые люди. И достаточно дикие — каждый в своем роде.

Велисарий снова заговорил, качая головой.

— Мы уже решили послать монахов Михаила в Египет, Юстиниан. Я согласен: они помогут. Однако без военной силы эти монахи просто закончат жизнь в какой-нибудь уличной драке. Нам уже и так недоставало солдат, а теперь я еще забираю часть войск в Персию для сражения с малва. Мы не можем отказать персам, а императорская казна не безразмерна и ее не хватит для создания новой армии.

Внезапно в сознании Велисария промелькнуло несколько образов.

Конница. Выступает ряд за рядом. Их оружие и доспехи, хотя и хорошо сделаны, но простые, практичные. Поверх доспехов надеты простые туники. Белые туники с красными крестами. Люди выступают на параде по главной улице огромного города. За ними идет пехота, также облаченная в простые белые туники, украшенные большими красными крестами.

Полководец рассмеялся.

«Спасибо, Эйд!»

Велисарий повернулся к Михаилу.

— А ты выбрал название для своего нового религиозного ордена?

Македонец скорчил гримасу.

— Пожалуйста, Велисарий. Я не создавал этот орден. Его создали другие...

— Вдохновленные твоим учением,— вставил Юстиниан.

— И практически свалили его мне на голову! — нахмурился монах.— Я не представляю, что с ними делать. Я предложил по-

слать их вместе с Антониной в Египет, поскольку они требовали дать им какое-то задание, хотели, чтобы я послал их на святое дело, а мне больше ничего не пришло в голову.

Полководец улыбнулся. Несмотря на невероятную силу характера — даже, пожалуй, силу мессии — Михаил Македонский совсем не подходил для того, чтобы встать во главе какого-либо религиозного течения — если оно имеет ясные цели и дисциплинировано. Велисарий не знал никого менее подходящего для такой роли.

— Но кто-то же должен был их организовать,— заметил Велисарий.— И организовал. Не прошло и месяца после того, как ты начал читать проповеди для массового слушателя в Константинополе, как они стали появляться кучами и нести на улицы твои послания — для тех, кто не мог попасть на проповедь.

Македонец фыркнул.

— Фактически их было трое. Это Марк из Афин, Зенон Симмакий и Гайсерик. Зенон из Египта, Гайсерик — готт, Марк, конечно,— грек. Марк — православный, Зенон монофизит, Гайсерик арианец.

— И они поладили? — удивился Велисарий.

Михаил уже хотел возмутиться, но расслабился.

— Да, Велисарий. Они точно так же, как и я, смотрят на триединство — уловка сатаны, чтобы отвлечь людей, пока сатана делает свое дело.— Он улыбнулся.— Время от времени любое помещение, в каком они оказываются одновременно, наполняется шумом голосов спорящих. Но в голосах ты никогда не услышишь гнева. Они братья — и они мои братья.

— А ты какую позицию занимаешь во время этих споров? — спросил Юстиниан.

— Ты прекрасно знаешь мою позицию! — рявкнул Михаил.

Бывший император улыбнулся. Юстиниан обожал теологические споры. Если не считать заботы Феодоры, именно беседы с Михаилом и патриархом Антонием помогли ему справиться с чернотой, поселившейся в его душе в месяцы после того, как он лишился зрения.

— Я смотрю на триединство с ортодоксальной точки зрения,— точно так же, как и Антоний,— заявил Михаил.— Хотя и более просто сформулированной.— Он фыркнул.— Мой приятель Антоний Александрийский — грек, и поэтому его не удовлетворяет простая правда, пока он не украсит ее умными греческими силлогизмами и не заставит плясать под дудку греческой диалектики. Но я не грек. Я — македонец. Да, мы родственные народы. Но грекам Бог дал интеллект, а нам — разум.

Снова появилась холодная улыбка.

Конечно, именно поэтому мой великий предок Филипп потерял терпение и решил успокоить всех спорящих южан. И именно поэтому его сын, Александр Македонский, завоевал мир.

— Чтобы его смогли унаследовать греки,— добавил Юстиниан.

— В таком случае поставь их во главе ордена,— сказал Велисарий.— И найди женщин с подобными талантами. Должны быть такие.

Михаил потрепал длинную бороду.

— Да,— кивнул он после минутного размышления.— Мне сразу же пришли на ум две. *Юлиана* Сиагрия и Елена из Армении.

— Юлиана Сиагрия? — переспросил Юстиниан.— Вдова...

Михаил кивнул.

— Она самая. Не все мои последователи из простых людей, Юстиниан. Есть и представители знати — хотя обычно они из сословия всадников. Юлиана — единственная из класса сенаторов, кто ответил на мои проповеди. Она даже предложила отдать мне в распоряжение все свои богатства.

— Боже праведный! — воскликнул Юстиниан.— Она же — одна из самых богатых женщин империи!

Михаил гневно посмотрел на него.

— Я прекрасно знаю об этом! И что мне с этим делать? Я всегда жил малым — с юности. И я не намерен отказываться от этой полезной привычки.

Кислое выражение лица монаха ясно показывало его отношение к богатству. Он стал бормотать что-то о верблюде и игольном ушке. Недобрые слова. Очень недобрые, если сказать по правде.

Велисарий остановил собирающийся шторм.

— Используй ее богатство на покупку оружия и доспехов, Михаил. А также запасов продовольствия и всего необходимого для обеспечения нового ордена.

— Они должны жить как я, черт их всех побери! — рявкнул Михаил.— Как я!

Велисарий покачал головой.

— Они будут слишком заняты. Слишком.— Полководец улыбнулся — широко, но не хитро.— Это будет религиозный орден нового типа, Михаил. Военный орден.

Внезапно в сознании полководца мелькнуло название.

— Мы назовем их орден рыцарей-госпитальеров,— объявил он.

Направляемый Эйдом по лабиринтам истории будущего, Велисарий принялся за объяснения.

* * *

После того как Михаил ушел из Большого дворца, Юстиниан вздохнул.

— Это не сработает, Велисарий. О, конечно, вначале...— бывший император, мастер интриги и маневров, грустно покачал голо-

вой.— Люди — грешники. Со временем твои новые монахи просто станут еще одной группой амбициозных мастеров хитросплетений, которые пытаются схватить все попадающееся под руку.

В сознании Велисария возник образ. Великолепный дворец. По его коридорам, украшенным дорогими статуями и шпалерами, двигаются люди. На них надеты туники — все еще белые, с простыми красными крестами. Но теперь туники сшиты из шелка, а рукоятки мечей, висящих на поясах, украшают драгоценные камни.

— Да,— согласился Велисарий. Его голос совсем не утратил веселости.— Но этого не произойдет, пока мы не справимся с малва. А после...— Велисарий пожал плечами.— Я мало знаю о борьбе в далеком будущем, Юстиниан. Но я всегда знал, что мы сражаемся на правой стороне, потому что наши враги — те, которые называют себя «новыми богами» — ищут идеальных людей. Таких нет и никогда не будет.— Он встал со стула.— Ты знаешь это точно так же, как и я. Неужели ты в самом деле думаешь, что твои новые законы принесут рай на землю? Положат конец всей несправедливости?

Юстиниан саркастически заворчал.

— Тогда зачем это делать? — спросил Велисарий.

— Потому что это стоит делать,— проворчал Юстиниан.

Полководец кивнул.

— Господь судит нас по тому, к чему мы стремимся, а не по тому, что находим.

Велисарий собрался уходить. Юстиниан позвал его:

— Еще одно, Велисарий. По поводу видений.

На лице бывшего императора быстро промелькнула улыбка. Выражение его лица было скептическим, почти сардоническим.

— Тебя случайно не посещали никакие видения, связанные с твоей маленькой протеже в Индии? Она уже заставила малва выть?

В ответ на улыбку Юстиниана Велисарий покачал головой.

— Шакунтала? Не знаю. Видений определенно не было. Эйд ведь не маг, Юстиниан. Он не больше ясновидящий, чем ты или я.— Теперь полководец улыбался.— Предполагаю, с ней все хорошо. К сегодняшнему дню она, вероятно, уже собрала вокруг себя целую армию.

— А где она?

Велисарий пожал плечами.

— Мы планировали, что она отправится в изгнание на юг Индии. Ее дед — царь Кералы. Однако я не знаю, там она или нет. Сообщений ко мне не поступало. Именно по этой причине Ирина поплывет в Египет вместе с Антониной. Она попробует возобновить связь с Шакунталой и Рао через аксумитов.

— Кстати, не могу сказать, что я счастлив это слышать,— проворчал Юстиниан.— Я не возражал на совещании, поскольку, как

мне показалось, ты твердо уверен в исходе. Но... Ирина — просто дьявольски талантливая шпионка. Я был бы гораздо более счастлив, если бы она осталась в столице, рядом с Феодорой, и наблюдала бы за предателями.

Он помолчал и добавил скептически:

— Неужели ты в самом деле думаешь, что это восстание, на которое ты потратил столько времени и средств, реально принесет плоды?

Перед тем как отвечать, Велисарий какое-то время внимательно смотрел на слепого. Несмотря на весь свой выдающийся ум, Юстиниан не мог оценить силы народного восстания. Он до сих пор думал, как император. Как подозревал Велисарий, Юстиниан всегда так думал, даже когда еще был крестьянином.

— Я знаком с девушкой, Юстиниан. А ты нет. Несмотря на молодость, у нее есть потенциал стать великой правительницей. А Рао — один из величайших полководцев Индии.

— И что? — проворчал Юстиниан.— Если успех организованного тобой восстания зиждется только на них двоих, то малва легко решат этот вопрос — при помощи парочки наемных убийц.

Велисарий рассмеялся.

— Послать наемного убицу к Рао? Он сам — лучший наемный убийца в Индии! Пусть Бог поможет тому, кто только попытается всадить нож в спину Рао! — Он покачал головой.— Что касается Шакунталы, то она тоже талантлива в деле убийства. Ее обучал Рао — с возраста семи лет. И у нее лучшая охрана в мире. Элитное подразделение кушанов, которое возглавляет Кунгас.

На лице бывшего императора все еще оставалось скептическое выражение. Наблюдая за ним, Велисарий решил, что изменить отношение Юстиниана невозможно.

«Его не было там, где был я, и он не видел, как Шакунтала переманила на свою сторону тех самых кушанов, которых малва обязали ее поймать и охранять. Боже, какая сила в душе этой девочки!»

Он отвернулся. Затем воспоминания заставили его повернуть назад.

— Когда я был в Индии, я получил видение от Эйда. То видение подтвердило мое намерение освободить Шакунталу.

Слушая, Юстиниан склонил голову набок.

Через много веков, в будущем — наверное лучше сказать: в каком-то будущем — вся Европа окажется под властью одного из великих полководцев и завоевателей в истории. По имени Наполеон. В конце он потерпит поражение, пострадает из-за своей самонадеянности и высокомерия. Кроме всего прочего, поражение будет вызвано кровоточащей раной, которую он получит в Испании. Он завоюет Испанию, но никогда не сможет ею править. Многие годы его солдаты будут умирать, пытаясь подавить испанское восстание. Восставшим поможет другая нация, которая поднимется на острове,

который мы называем Британией. Эти люди назовут ту войну Войной на Пиренейском полуострове[1]. А когда Наполеон окажется наконец побежден, они задумаются о ходе истории и решат, что та война была одной из главных причин их победы.

Все равно ничего. Скептицизм.

Велисарий пожал плечами и ушел.

* * *

Уже в коридоре Эйд послал ему мысленный импульс.

«Неприятный человек. Неприятный».

Грани сверкнули и изменили конфигурацию. Как в калейдоскопе, изменились цвета эмоций, излучаемых Эйдом. Неудовольствие сменилось мрачным юмором.

«Конечно, герцог Веллингтон тоже не был приятным человеком».

* * *

Юстиниан продолжал сидеть на стуле. Какое-то время он обдумывал последние слова полководца, но не особо напрягался. Ему было гораздо интереснее думать о другом видении.

Где-то в середине ужаса, который показал ему камень, Юстиниан заметил луч надежды. Он видел статую. Какой-то скульптор попытался изобразить правосудие.

Фигура, изображающая правосудие, была слепой.

— В будущем, когда люди захотят похвалить качество правосудия, они станут говорить, что правосудие слепо,— прошептал бывший император.

Человек, который когда-то, возможно, являлся одним из самых способных императоров в долгой истории Римской империи — и определенно самым умным,— потер пустые глазницы. Впервые после жуткой трагедии в этом жесте были не только отчаяние и горечь.

Юстиниан Великий. Больше всего ему хотелось быть известным потомкам.

Возможно...

По настоянию Велисария Феодора придумала должность, специально предназначенную для Юстиниана. Теперь он назывался главным юстициарием империи. Впервые за много столетий римское право будет систематизировано, интерпретировано и использовано лучшим человеком, пригодным для этого. Несмотря на все

[1] Имеются в виду действия войск антинаполеоновской коалиции под командованием герцога Веллингтона в Испании в 1810—1814 годах. *(Прим. перев.)*

ошибки, допущенные им как императором, никто не сомневался: Юстиниан — лучший юрист в империи.

Возможно...

В конце концов были же Соломон, и Солон, и Хаммурапи перед ним. Так почему бы не добавить к списку имя Юстиниана? Теперь, подумав о списке, Юстиниан решил: он короче, чем список великих императоров. Гораздо короче.

Глава 5

Мангалуру.
Весна 531 года н. э.

— Теперь она может появиться в любую минуту,— прошептал наемный убийца, притаившийся у окна.— Вижу первые ряды конницы. Они как раз заворачивают за угол.

Главарь группы наемных убийц из народности малва подошел к окну. Наблюдатель отодвинулся в сторону. Осторожно, одним пальцем главарь отодвинул занавеску на несколько дюймов и выглянул на улицу.

— Да,— прошептал он.

Главарь повернулся и жестом подозвал к себе подчиненных. Двое других находившихся в комнате наемных убийц подошли к нему с бомбардой в руках. Двигались они медленно и с трудом. Длина бомбарды составляла два фута. Она была изготовлена из железных брусков, каждый — в дюйм толщиной. Бруски приваривались друг к другу таким образом, чтобы получился грубый ствол, примерно шесть дюймов в диаметре. В дальнейшем он армировался четырьмя железными кольцами. Бомбарда укреплялась болтами на деревянной платформе из тикового дерева, армированного латунными полосками, размером три на два фута. Двое мужчин с трудом несли приспособление.

Им приходилось нелегко не только из-за веса орудия, но также из-за попадавшихся на пути препятствий. Маленькая убогая комната была забита вещами бедной семьи.

Продвигаясь вперед, они обошли трупы членов семьи, которая совсем недавно жила в этой квартирке. Муж, жена, ее мать и четверо детей. Убив всю семью, группа наемных убийц сложила трупы в углу. Но комната была такой маленькой, что семь трупов заняли четверть пола. Большую часть пола заливала кровь. Она уже высохла, но в некоторых местах ноги все равно липли к ней. Над трупами и пятнами крови кружили мухи.

Один из наемных убийц сморщил нос.

— Они уже начали вонять,— пробормотал он.— Черт побери эту Юго-Западную Индию и ее проклятый тропический климат, а мы еще попали в самую жару. Следовало оставить их в живых, пока...

— Заткнись,— прошипел главарь.— Что бы мы с ними делали? Сторожили их целый день? В любом случае младенец стал бы пищать.

Подчиненный угрюмо молчал. Несколько секунд спустя они с товарищем опустили бомбарду на быстро подготовленную импровизированную платформу. Группа наемных убийц соорудила ее сегодня утром. Платформа была не очень удачной и ненадежной: они просто положили спальные настилы один на другой, сверху поставили два шатких стула. Больше никакой мебели у убитой семьи не было. Но бомбарда ведь не полноценная пушка. Она выстрелит лишь один раз. После выстрела бомбарда отлетит к дальней стене и станет непригодна для второй попытки.

Но этого должно хватить. Так называемая императрица в изгнании Андхры собирается проехать по улице внизу под окном. До нее будет не более двадцати ярдов. Бежать ей некуда, даже если в последний момент ее охрана и заметит что-нибудь. Улица слишком узкая, здания плотно прилегают друг к другу по обеим сторонам — точно такие же глинобитные строения, как и то, в котором поджидают наемные убийцы. С такого расстояния снаряд, выпущенный бомбардой, уничтожит на улице все живое.

— Вот она,— прошептал наблюдатель. Теперь он следил из второго окна. Как и главарь, он отвел занавеску в сторону, не более чем на дюйм или два.

— Ты уверен, что это она? — уточнил главарь.

Наблюдателя включили в группу потому, что он был одним из немногих наемных убийц малва, который лично видел восставшую императрицу после захвата ее в плен во время разгрома Амаварати. Конечно, девушка стала старше, но не изменилась настолько, что наблюдатель не узнает ее.

— Должна быть Шакунтала,— ответил он.— Лица ее я не вижу: оно закрыто вуалью. Но маленького роста, темнокожая, одета подобающе императрице. Кто еще это может быть?

Главарь нахмурился. Он предпочел бы более точную идентификацию, но...

Не произнося слов, он только зашипел, отдавая приказ двум другим подчиненным. Но в приказе не было необходимости. Подчиненные уже загружали порох и специальную канистру в бомбарду. Главарь отошел назад и стал целиться. Но он мог только установить угол, поскольку занавеска, висевшая на окне, закрывала вид на улицу внизу. Однако правильно выбранного наклона будет достаточно. Бомбарда ведь никогда не славилась точностью стрельбы.

Главарь в последний раз осмотрел орудие. Он не смог не скривиться. Несомненно, выстрел и отдача в такой маленькой комнате не пройдут даром для наемных убийц. Они явно получат какие-то

повреждения. Надо надеяться, что только незначительные, которые не выведут их из строя и не помешают убежать в суматохе, которая последует за убийством Шакунталы и ее ближайшего окружения.

— Жаль, они еще не довели до ума эти новые заряды, над которыми работают,— пробормотал один из наемных убийц.— Тогда мы смогли бы воспользоваться настоящей пушкой и стреляли бы с большого расстояния. А эта жалкая...

— Раз уж ты размечтался, то почему бы не пожелать, чтобы ее не сопровождали несколько тысяч кавалеристов из народности маратхи? — рявкнул главарь.— И еще в придачу эти головорезы кушаны. Тогда мы просто смогли бы пырнуть ее ножичком...

— До нее пятьдесят ярдов,— прошептал наблюдатель.— Первые кавалеристы как раз проезжают под нашими окнами.

Он прижался к стене, потом присел, продолжая выглядывать в окно. Выражение лица мужчины было мрачным, хотя он и пытался внешне сохранять невозмутимость, как настоящий профессионал. Почти несомненно: он получит ожог. Более того, нельзя исключать и более мрачную перспективу: чертова штуковина вообще может взорваться при выстреле.

— Сорок ярдов.

Один из двоих убийц, державших бомбарду, отошел в дальний угол и сжался в комок. Второй тут же присоединился к нему. Главарь скорчился рядом с бомбардой, готовый к действию.

— Тридцать пять ярдов,— объявил наблюдатель у окна.— Приготовьтесь.

Мужчины в комнате глубоко вдохнули. Они заранее договорились стрелять, когда до императрицы останется двадцать пять ярдов. Они знали: лошадь Шакунталы преодолеет менее пяти ярдов за время горения фитиля. Если все пройдет, как задумано, то через несколько секунд отправившаяся в изгнание правительница покоренной Андхры превратится в фарш.

Главарь зажег спичку.

— Тридцать ярдов.

Дверь за их спинами резко распахнулась. Главарь банды наемных убийц даже глазом моргнуть не успел, как его отбросило в сторону. Его ударили мечом — не смертельно, просто так, чтобы отлетел от бомбарды. Нападавшие действовали очень быстро. Главарь завопил от боли. Его правая рука оказалась наполовину отрубленной у локтя. А спичка, которую он успел зажечь, с шипением опустилась на пол и погасла в луже крови.

У наблюдателя, стоявшего у окна, было время узнать своего убийцу. Меч пронзил наблюдателю грудь и вошел прямо в сердце. Несмотря на опыт и реакцию, наемный убийца не имел ни одного шанса противостоять этому умелому и точному удару — подобно

тому, как баран, отправляемый на заклание, не имеет шанса против мясника.

В те несколько секунд, которые отделяли его от смерти, наблюдатель попытался вспомнить имя своего убийцы. Он знал имя этого человека, но оно никак не всплывало в памяти. Он понял только, что его убил начальник охраны Шакунталы, состоящей из кушанов. Тот, кого он сам и члены его банды называли между собой просто «Человек с железным лицом».

Один из сжавшихся в углу наемных убийц тоже вскоре отправился на тот свет. Трое кушанов, ворвавшихся в комнату вслед за своим командиром, разрубили его на куски. Сам командир занялся последним представителем малва. Этого он не стал убивать сразу же. Он хотел оставить его для допроса. Кушан отрубил руку наемного убийцы, уже заносящую меч, затем сильно врезал ему в лоб другой рукой. Наемный убийца без чувств свалился на пол.

Командир кушанов осмотрел помещение. К этому времени внутрь втиснулись еще пять кушанов, и комната стала чем-то похожа на набитую рыбой бочку. Последние трое занялись главарем банды, которому командир кушанов отрубил руку, только ворвавшись в помещение. Правда, оставили его в живых. Его еще требовалось допросить.

— Достаточно,— сказал командир.— Идите к императрице.

— Нет необходимости, Кунгас,— тихо произнес один из подчиненных. Солдат отодвинул занавеску на первом окне.— Она уже сама направляется сюда.

— Черт ее подери! — проворчал Кунгас.— Я ведь сказал ей, чтобы никуда не лезла!

Командир кушанов большими шагами добрался до окна и выглянул на простиравшуюся внизу улицу. Императрица, то есть та, кого наемные убийцы приняли за императрицу, сидела в седле во главе колонны. Девушка уже начинала дрожать. Трясущейся рукой сняла вуаль, закрывавшую лицо. Вытерла его, таким образом стерев часть краски, делавшей ее кожу темнее.

Но Кунгас смотрел не на нее, а гораздо дальше вдоль рядов колонны, на кавалерийский эскорт. На другую невысокую девушку, направлявшую лошадь вперед. В отличие от «императрицы» на второй девушке были надеты самые простые одежды и никаких украшений: цветастая туника поверх панталончиков, такая, как носят большинство женщин, пристраивающихся к армии,— гражданские жены солдат. Она тоже оказалась темнокожей. Но этот цвет был естественным цветом ее кожи, и ее руки нисколько не дрожали.

— Готовься: сейчас она тебе выдаст,— заметил кушан, стоявший рядом с Кунгасом.— Кажется более разозленной, чем охраняющая детенышей тигрица.— Потом он добавил весело: — Конечно, она — маленькая тигрица. Но достойная представительница племени.

Кунгас буркнул что-то себе под нос. На мгновение собравшимся в комнате показалось, будто у него изо рта вырвалось нечто, напоминающее вздох. Но только на очень короткое мгновение. Затем маска заняла свое обычное место.

Внизу на улице настоящая императрица остановила лошадь и удостоверилась, все ли в порядке с ее двойником. Затем спрыгнула на землю и бросилась к лестнице, ведущей в здание.

На какое-то время она исчезла из поля зрения Кунгаса, но он слышал, как ее ножки топают по узким деревянным ступеням, ведущим к комнате, расположенной на верхнем этаже. Он также слышал ее голос.

— Как у такой маленькой девушки может быть такой громкий голос? — удивился другой кушан.— И как тонкие туфельки могут создавать столько шума?

— Заткнись, *Канишка*,— проворчал Кунгас.

Канишка улыбнулся ангельской улыбкой.

— Больше никогда, Кунгас! Ты меня слышишь? Никогда! — донесся снизу голос императрицы.

Она ворвалась в комнату. Ее взгляд тут же остановился на Кунгасе. Взгляд черных горящих глаз.

— Больше никогда! Джиджабай могли убить!

Железное лицо Кунгаса не изменило выражения, вернее, на нем ничего не отразилось. Он ответил ровным голосом:

— И тебя могли убить, императрица. А тебя заменить не может никто.

Шакунтала несколько секунд гневно смотрела на него. Затем, поняв, что начальника охраны ей не переубедить, гневным взглядом обвела команту. Увидев тела убитой семьи, резко дернулась.

— Звери! Эти малва — просто звери! — прошипела она.

— Именно поэтому мы их и обнаружили,— сказал Кунгас.— Наши шпионы обратили внимание, что здание кажется пустым, все прячутся по своим комнатам. Затем почувствовали запах разлагающихся тел.

Он посмотрел на бомбарду. Трое его подчиненных уже разбирали орудие.

— Мы обнаружили их вовремя. Засада была подготовлена умело. Их единственная ошибка в том, что они слишком рано вырезали семью.

— Ребенок бы плакал всю ночь,— заметил Канишка.

Кунгас пожал плечами.

— И что? Это не вызвало бы ни у кого удивления. Разве это был бы единственный плачущий младенец в округе?

Шакунтала скорчила гримасу. Кунгас, в своем роде, был самым жестоким человеком, которого ей когда-либо доводилось встречать.

Она оторвала взгляд от вызывающего жалость зрелища убитой семьи и перевела его на наемных убийц.

— Скольких вы оставили в живых?

— Двоих,— ответил Канишка.— Мы и не надеялись, что удастся заполучить целых двух.

— Они все расскажут,— добавил Кунгас.— Не сразу, конечно: ведь это — наемные убийцы малва. Но все равно расскажут.

— Им немногое известно,— заметила Шакунтала.

— Но достаточно. Я был прав. Вот увидишь.

Императрица уставилась на Кунгаса. Мгновение спустя отвернулась.

— Все-таки дошло до этого. Мой родной дедушка!

— А что ты ожидала? — прозвучал голос от двери.

Шакунтала повернулась. В дверном проеме стоял Дададжи Холкар. Советник императрицы обвел взглядом комнату и остановил его на сложенных кучей трупах убитой семьи.

— Малва,— произнес он тихо. Слово не прозвучало, как проклятие. Или как обвинение. Просто как объяснение. Очевидное объяснение. Его взгляд вернулся к Шакунтале.— Что ты ожидала, девочка? — повторил он.— Ты представляешь собой угрозу его государству. Из-за тебя на него может быть направлен гнев малва. Ты собираешь целую армию в его крупнейшем порту. Из-за тебя на улицах его города поднимаются восстания, происходят беспорядки, в общем — нарушается покой.

— Нет! Это провокаторы малва разбередили керальцев и направили толпу на беженцев из Андхры!

Холкар потрепал бороду и улыбнулся.

— Да, это так. Но именно твои кавалеристы из народности маратхи порубили толпу саблями и проткнули копьями.

— И правильно сделали! — горячо ответила она.— Многие из беженцев сами были из маратхи!

Холкар рассмеялся.

— Я не спорю с тем, что они все сделали правильно, девочка. Я просто обращаю твое внимание на то, что ты приносишь немало беспокойств королю Кералы. На самом деле ты сейчас — его самое большое беспокойство. Этот старик, Шакунтала,— не обычный деревенский дедушка, обожающий внучек. Он — один из самых хладнокровных правителей. Сейчас, когда империя малва ввязалась в войну с Персией, он считает себя в безопасности от их притязаний — пока не привлечет к себе ненужного внимания. И ему совсем не нужно, чтобы его внучка устраивала восстание на Деканском плоскогорье, фактически у самых границ его королевства.

Холкар наконец вошел в комнату, старательно обходя разбросанные по полу тела. Подойдя к императрице, положил руку ей на плечо.

Так он старался ее успокоить. Холкар был единственным в окружении императрицы, кто позволял себе подобную вольность. Он — единственный, кто осмеливался так вести себя с нею.

— Он — мой дедушка,— прошептала Шакунтала. Ее голос дрожал от боли.— Я помню, как сидела у него на коленях, когда была маленькой девочкой.— Она посмотрела в окно, стараясь сморгнуть слезы.— Я в общем-то не ожидала от него помощи, но все равно и подумать не могла...

— Может и не он отдавал приказ, Ваше Величество,— заметил Кунгас.— И в самом деле вероятнее всего, что не он.— Командир кушанов кивнул на убитых наемников.— Эти — из малва, а не керальцы.

Взгляд черных глаз Шакунталы стал суровым.

— И что? Ты же сам это предсказывал, Кунгас. Что малва попытаются меня убить с молчаливого согласия керальских властей.— Она повернулась, злобно дернула плечом.— Вице-король сам по себе этого не сделал бы. Не посмел бы.

— Почему нет? Он может все отрицать.— Кунгас снова кивнул на мертвых наемников и повторил: — Это представители малва, не керальцы.

Шакунтала направилась к выходу из комнаты.

— Вице-король не посмел бы,— повторила она. В дверном проеме она в последний раз обернулась и посмотрела на убитую семью.— Это работа моего деда,— прошипела она.— И я о ней не забуду.

Мгновение спустя она исчезла. Все собравшиеся слышали, как ее ножки гневно топают по деревянным ступеням лестницы. Дададжи Холкар и Кунгас переглянулись. Выражение лица советника было унылым. Лицо Кунгаса выражало сочувствие, конечно, если железная маска вообще может что-то выражать.

Канишка закончил обработку раны главаря банды наемных убийц. Раненый стонал. Канишка заставил его замолчать, хорошенько врезав в челюсть.

— Я очень рад, что не я — советник Ее Величества,— пробормотал он.— Давать ей советы — это все равно, что советовать тигрице отведать рису.

Он перекинул лишившегося чувств главаря банды через плечо и направился к двери.

— Маленькая тигрица, это да,— добавил он весело.— Но разве это поможет ее дедушке?

За несколько минут кушаны очистили комнату от трупов, включая, по команде Кунгаса, тела членов семьи. Для них они найдут священника. Двух мертвых убийц сбросят в выгребную яму. После допроса с пристрастием двое пока остающихся в живых последуют за своими товарищами.

В комнате остались только Кунгас и Холкар.

— Они почти добились успеха,— заметил Холкар. Он не критиковал, просто высказывал свое мнение.

— Будет еще одна попытка,— ответил командир кушанов.— А за ней — следующая. Очевидно, власти Кералы не станут обращать внимание на шпионов малва и наемных убийц, пытающихся избавиться от нее. Мы должны доставить императрицу в безопасное место, Дададжи, причем как можно скорее. После сегодняшнего она не позволит мне использовать Джиджабай как ее двойника.

Кунгас слегка дернул плечами. Если бы это сделал другой человек, окружающие могли бы решить, что он пожал плечами.

— Я не смогу охранять ее вечно, в особенности здесь, в Мангалуру.

Холкар улыбнулся.

— А как насчет Деогхара? — спросил он. Затем, увидев выражение лица Кунгаса, просто рассмеялся. Для разнообразия — на одну секунду — вместо железной маски на лице появилось выражение. Глаза Кунгаса на самом деле округлились. Про другого человека можно было бы сказать, что он вытаращил глаза. Но только не про Кунгаса.

— Деогхара? — подавился он.— Ты что, спятил? Да это же оплот малва! Самый большой город в Махараштре, если не считать Бхаруча. У малва там гарнизон...

Он замолчал. Железная маска заняла свое обычное место.

— Тебе что-то известно,— заявил он.

Дададжи кивнул.

— Сегодня утром мы получили сообщение. От Рао прибыл курьер. Рао считает, что может взять Деогхар. Очевидно, уже несколько тысяч его людей проникли в город. Да, гарнизон там большой, но плохо подготовлен. И они обленились на своем посту. А уж Рао-то в этом разбирается.

Кунгас подошел к окну. Уставился вниз, на улицу, словно пытался оценить кавалеристов из народности маратхи, собравшихся там.

Что он на самом деле и делал.

— Сейчас у нас их более трех тысяч,— задумчиво произнес он.— И с каждым днем их количество увеличивается — по мере того, как новость распространяется по стране.

— И у тебя еще есть кушаны,— напомнил Холкар.

— Шестьсот человек,— согласился Кунгас.— Большинство — из моего клана. Они ушли от малва, как только услышали, что я сменил хозяина. Но треть из других кланов. Это странно.

Холкар внимательно рассматривал мощную фигуру стоявшего у окна Кунгаса. Сейчас Кунгас не мог видеть его внимательных глаз. Лицо Холкара стало мягче.

Он полюбил Кунгаса, как любил очень немногих людей в своей жизни.

Конечно, Велисария, который освободил его из рабства и вдохнул новую жизнь в его душу. Своего сына, который сейчас находился в рабстве где-то на территории Индии, как и все остальные члены разбросанной семьи Холкара. Рао, национального героя маратхи, которого идеализировал всю жизнь. Давно убитого брата — в битве против малва. И очень немногих других.

Но Кунгас занимал особое место в этом коротком списке. Они с Холкаром были товарищами по оружию, имели общую цель; их жизни оказались вплавлены в судьбу молодой императрицы. Они стали близкими друзьями, двое мужчин, которые при других обстоятельствах никогда не только не сошлись бы, но и не встретились.

Дададжи Холкар в недавнем прошлом был рабом и вообще происходил из одной из низших каст. Писарь по профессии, ученый по призванию. К жизни он подходил философски, но в его мягкой и доброй душе имелся железный стержень.

Кунгас в недавнем прошлом служил наемником у малва, родился он кушанским вассалом, всегда был солдатом. На мир смотрел так же прагматично, как тигр, а его огрубевшая душа во многом напоминала железную маску, которую и представляло собой его лицо.

Один из них теперь стал императорским советником, нет, даже больше. Шакунтала назвала Холкара пешвой Андхры-В-Изгнании, или премьером людей, пытающихся сбросить цепи малва. Второй, Кунгас, стал ее главным телохранителем, а также одним из важнейших военачальников.

Душа самой девушки была чем-то вроде магнита для подобных людей. Этот магнит притянул и других в течение месяцев ссылки в Мангалуру. Людей, как Шахджи и Кондев, командующих конницей, и их последователей — всадников из народности маратхи, которые горели желанием нанести удар по малва.

Кончено, большинство этих людей относились к народности маратхи, как и сам Холкар. Но не все. Ни в коем случае. Люди прибывали со всего субконтинента, как только узнавали, что старейшая династия Индии не прекратила своего существования и готова сражаться с малва. Это были воины — по большей части, но не только. К ним присоединилось много простых людей, которые захотели стать воинами — из многих народностей, подчиненных малва. В их небольшой армии, формируемой в лагерях беженцев в Мангалуру, оказались крестьяне-бенгальцы. Немного, но оказались. И бихарцы, и гуджаратцы.

Пришли и священники, проповедующие индуизм. Садху, как Биндусара, которые были готовы бросить вызов жрецам Махаведы, служащим малва и их вере. И буддийские монахи, и джайны,

которые искали убежища у последней представительницы династии Сатаваханы, которая всегда лояльно относилась к различным вероисповеданиям.

За несколько месяцев пребывания в Мангалуру двор Шакунталы стал заметным явлением. Если судить по традиционным стандартам, он был очень скромным, а если по сути — великолепным.

Но из всех присоединившихся к ним людей Холкар больше всего ценил один сорт.

Власть малва держалась на четырех столпах.

Во-первых, и это было главным, их монополии на порох и, во-вторых, варварах-йетайцах.

Холкар намеревался украсть первое или получить порох от римлян. Что касается второго — смерть йетайцам!

Были еще два столпа. Солдаты, составлявшие истинную элиту армии малва,— раджпуты и кушаны.

Никто из раджпутов не присоединился к императрице в изгнании. Холкар очень удивился бы, если бы это произошло. Раджпуты поклялись в верности империи малва, а для них честь была священной.

Тем не менее у него оставалась надежда. Может, когда-нибудь... Кто знает?

Но кушаны — о, это совсем другое дело. Непоколебимые, стойкие люди эти кушаны. Но у них нет свойственного раджпутам утрированного понимания чести и преданности. Кушаны когда-то сами были великим народом, покорителями и правителями Средней Азии и Северной Индии. Но те времена давно миновали. Персия завоевала половину их империи, а вторая пала под йетайцами. Теперь уже на протяжении нескольких столетий кушаны были просто чьими-то вассалами. Их ценили за воинскую мощь, навыки ведения боя, но во всем остальном относились с презрением и пренебрежением. Их преданность малва, как часто думал Дададжи, во многом напоминала лицо Кунгаса. Для внешнего мира — железо, но все равно маска — после того, как все сказано и сделано.

Голос Кунгаса прервал его размышления.

— Странно,— повторил Кунгас и отвернулся от окна.— Мы начали с тридцати человек. Моих непосредственных подчиненных. Я предполагал, что к нам присоединится кто-то из моего клана, поскольку я занимаю достаточно высокое положение в нем. Но другие...

Холкар покачал головой.

— А я совсем не считаю это странным, друг мой,— сказал он.

Холкар вытянул вперед руку и ткнул указательным пальцем в грудь Кунгаса. Ощущение было такое, словно палец уткнулся то ли в панцирь, то ли в броню.

— Где-то внутри твоей скептической души все еще живут буддийские наставления.

На губах Кунгаса мелькнула улыбка.

— Сомневаюсь, Дададжи. Что хорошего нам сделал Будда, когда йетайцы грабили Пешавар? Где он был, когда малва надели на нас ярмо?

— Они все еще живы,— повторил пешва.— Не веришь? Подумай о тех кушанах, которые присоединились. Из других кланов. Что привело их сюда, Кунгас?

Кушан отвернулся. Холкар продолжал говорить:

— Я тебе объясню, скептик. Их сюда привела память. Память о Пешаваре. И Бераме, и Далверзине, и Халчаяне, и всех других великих городах, находившихся во власти кушанов. Память об императоре Виме и его гигантской ирригационной системе, которая сделала пустыню зеленой. Память о Канишке Великом, распространившем буддизм на территории Азии.

Кунгас покачал головой.

— Все ушло! Такова природа вещей. Все приходит и уходит.

Дададжи взял Кунгаса за руку и повел его из залитой кровью комнаты, где кружили мухи.

— Да, люди уходят. А затем возвращаются. Или, по крайней мере, их дети, вдохновленные древней памятью.

Кунгас раздраженно сбросил руку Холкара. Теперь они находились в узком коридоре, направляясь к шатающейся лестнице, по которой предстояло спуститься на улицу.

— Хватит этих глупостей,— приказал он.— Я — человек, живущий в настоящем. Да, я надеюсь увидеть то будущее, какое хочу. Но не надо вспоминать прошлое. Расскажи мне о планах Рао. Как он собирается действовать в Деогхаре? Если он и возьмет город, ему одному не удержать его больше года. Даже Деогхар не такая великая крепость. Она не выстоит против пушек, которыми Венандакатра будет осаждать город. Рао потребуется усиление. А нам каким-то образом потребуется поставлять туда припасы. Постоянно. Как? И нам нужны наши собственные пушки. Где мы их возьмем? У римлян?

Он остановился и внимательно посмотрел на Холкара.

— Ха! У них своих проблем полно. Вскоре Велисарий отправится в Персию. Ты это знаешь не хуже меня. Конечно, это поможет. Очень поможет. Малва не смогут высвободить силы, занятые на персидском фронте, когда на том же фронте сражается Велисарий. Но у Венандакатры есть в Декане собственная мощная армия.

Кунгас пошел дальше, с грохотом спускаясь по лестнице.

— Ну так скажи мне, философ: где мы возьмем пушки? — бросил он через плечо.

Дададжи не стал отвечать, пока они оба не оказались на улице. Там он выдохнул воздух, потом сделал глубокий вдох, пытаясь очистить ноздри от запаха смерти.

— Часть украдем у малва,— заявил он с улыбкой.— А что касается остальных... Их обеспечит Велисарий.

Кунгас слегка сдвинул брови. На лице другого человека в таком случае появилось бы хмурое выражение. Но разве железная маска умеет хмуриться?

— Он в тысячах миль отсюда, Дададжи!

Теперь Холкар улыбался спокойно и безмятежно. На мгновение он напомнил Кунгасу статую Будды.

— Он найдет способ, скептик. Поверь мне. Во-первых, Велисарий организовал наше восстание. Запустил его. Придал ему ускорение. Он о нас не забудет. Не сомневайся в этом.

Кунгас изобразил подобие пожимания плечами и направился вслед за удаляющейся фигуркой императрицы. Холкар остался стоять, глядя ему вслед.

— Положись на меня в этом деле, друг мой,— прошептал он.— Я уверен в пяти вещах. Малва падет, моя императрица восстановит Андхру. Пешавар снова поднимется. Велисарий нас не предаст. А я...

На глаза навернулись слезы. Он не мог произнести эти слова вслух.

«А я найду жену и детей. Независимо от того, как разбросали их эти звери малва, я их найду».

Глава 6

— Я не возьму Маврикия с собой в Египет, Велисарий. Не возьму! Так что хватит об этом. И не возьму Валентина с Анастасием. Я отказываюсь!

Велисарий с минуту смотрел на жену, потом выдохнул воздух, откинулся на спинку стула и в гневе уставился на Антонину.

— Ты не понимаешь, какая тебе угрожает опасность, женщина! Тебе нужен лучший военный советник в мире. И самые лучшие телохранители.

Видя упрямое выражение на лице жены и то, как она сжала кулаки на разделявшем их столе, Велисарий в гневе оглядел зал, в котором они сидели. Его горящие глаза прошлись по мозаикам, украшавшим стены их небольшого дворца, входившего в императорский комплекс, но на самом деле не видели их. Потом его взгляд на мгновение остановился на небольшой статуе, установленной на пьедестале в углу.

— Чертов херувим,— проворчал он.— Чему ухмыляется этот маленький негодник?

Антонина попыталась сдержать улыбку. Однако ее попытка не увенчалась успехом и расплывшиеся в улыбке губы только усилили ярость мужа.

Велисарий стиснул зубы, повернулся направо вместе со стулом.

— Сядь, Маврикий! — рявкнул он.— Черт тебя побери! Тебя и эти твои бредовые идеи об этикете! Я же повысил тебя, если помнишь. Ты теперь сам военачальник. Хилиарх! — Велисарий махнул рукой, жестом призывая Маврикия к столу, причем если бы Маврикий стоял в пределах досягаемости, то Велисарий бы физически подвинул его.— Сядь!

Командующий личным окружением Велисария пожал плечами, шагнул вперед, выдвинул стул. Как только Маврикий занял место за столом, Велисарий склонился к нему.

— Объясни ей, Маврикий. Она меня не слушает, потому что считает меня просто капризным мужем. Тебя она послушает.

— Нет,— покачал головой Маврикий.

Глаза Велисария округлились.

— Нет? — его глаза выпучились.— Нет? — следующие слова собравшиеся за столом разобрать не смогли.

Маврикий улыбнулся Антонине.

— Никогда раньше не видел, чтобы у него глаза вылезали из орбит. А ты?

Антонина ответила улыбкой на улыбку.

— Случалось несколько раз.— Ее улыбка стала скромной и лукавой.— В интимной обстановке, понимаешь?

Маврикий кивнул с самым серьезным видом.

— Да, конечно. Когда ты голая танцевала у него на груди. И все в таком роде.

— Можно также вспомнить хлыст и холодный...

— Хватит! — рявкнул Велисарий. И стукнул кулаком по столу.

Антонина и Маврикий посмотрели на него с одинаковыми выражениями лиц. На них был написан вопрос. Они в эти минуты напоминали двух сов. Сов, смотрящих на почему-то ревущую от ярости мышь.

Велисарий снова заорал, но после того, как заметил широкие улыбки собеседников, взял себя в руки.

— Почему нет? — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Улыбка сошла с лица Маврикия. Опытный ветеран потрепал седую жесткую бороду.

— Я не поеду с ней, потому что она права, а ты нет,— ответил он.— Ты в самом деле рассуждаешь, как капризный муж, вместо того чтобы думать, как полководец.

Маврикий отмахнулся от собиравшегося возразить Велисария.

— Я ей не нужен, поскольку она не собирается участвовать ни в каких крупных сражениях на открытой местности против превосходящих сил противника. А ты собираешься.

Антонина кивнула.

Велисарий снова хотел возразить, но Маврикий опять не дал ему сказать ни слова.

— Более того, с ней будет Ашот. Может, у этого маленького коренастого армянина и не такой большой боевой опыт, как у меня, но отстал он ненамного. Ты это знаешь не хуже меня. Определенно у него достаточно опыта, чтобы справиться со всеми проблемами, с которыми Антонина может стокнуться в Александрии.

— Но...

— Помолчи, парень! — рявкнул Маврикий.

На одно короткое мгновение на каменном лице хилиарха промелькнуло выражение, которое не появлялось на нем уже много лет. С тех пор как он взял под свою опеку не по годам зрелого парня, недавно покинувшего небольшую усадьбу отца во Фракии, и принялся обучать его военному делу.

— Ты никак уже забыл про собственный план?

Велисарий сел прямо. Маврикий фыркнул.

— Я так и думал. С каких это пор ты стал подчинять стратегию тактике, молодой человек? Александрия — просто проходной этап. Вся твоя стратегия в борьбе против малва базируется на морском могуществе. Пока ты отвлекаешь их в Персии, Антонина возглавит атаку на материально-техническое обеспечение врага в союзе — мы надеемся — с Аксумским царством. Аксумиты со своим военно-морским флотом играют в плане ключевое значение. Аксумский флот необходим для обеспечения поддержки восстания в Махараштре, для организации которого ты сделал все возможное, пока находился в Индии. Им потребуются пушки, порох — все, о чем вы тогда говорили и ты собирался им поставить. Именно поэтому ты всегда настаивал, чтобы наше оружейное производство организовывалось в Александрии. Чтобы нам было легче обеспечивать оружием и аксумитов, и восставших в Индии.

Хилиарх сделал глубокий вдох.

— По всем этим причинам Ашот гораздо больше подходит на роль ее советника, чем я. Раньше он был моряком. А я что знаю о кораблях?..— Он щелкнул пальцами.— И это не считая аксумитов. Ашот не только с ними знаком — он говорит на их языке. На геэзе я сам знаю два слова. «Пиво» и сослагательное наклонение от глагола «трахаться». Могу объяснить какой-нибудь аксумитке, что бы я от нее хотел. Это исключительно полезно при координировании совместной военно-морской кампании и на трансокеанской трассе материально-технического обеспечения.

Велисарий опять откинулся на спинку стула.

— Хорошо,— угрюмо сказал он.— Но я все равно настаиваю, чтобы она взяла Валентина и Анастасия! Они — лучшие воины, какие только у нас есть. Ей потребуется защита, которую они...

— Для чего? — спросил Маврикий, положил большие ладони на колени и склонился вперед. Мгновение они с Велисарием гневно смотрели друг на друга. Затем на губах Маврикия стала появляться улыбка. Он посмотрел на миниатюрную египтянку, сидящую за столом напротив.

— Ты планируешь кавалерийскую атаку, девочка?

Антонина захихикала.

— Брать суда на абордаж, сражения на палубах?

Она снова захихикала.

— Возглавить атаку осажденного города? Взбираться на окружающие его стены?

Она хохотала.

— Драться мечом? Булавой?

У нее от хохота выступили слезы.

— На самом деле я больше подумывала о том, чтобы руководить из арьергарда. Знаешь — по-женски. Оставаясь в тени.

Она откинулась на спинку стула, вытянула шею, лицо ее приняло надменное выражение, она повелительно вытянула вперед указательный палец.

— Вот ты! Туда. А ты — сюда. Живее, слышишь?

Велисарий потер лицо ладонями.

— Все не так просто, Маврикий, и ты об этом знаешь. Даже если не знает Антонина.

На мгновение на его лице появилась обычная хитроватая улыбка. Скорее, жалкое ее подобие.

— Разве не ты, Маврикий, обучал меня законам битвы? Все летит к чертовой матери, как только появляется враг. Именно поэтому...

— ...его и называет врагом,— закончил фразу Маврикий и покачал головой.— Дело не в этом, Велисарий. Несмотря на все наши планы, может случиться так, что Антонина в самом деле окажется в гуще битвы. Но у нее все равно будет несколько сотен фракийских катафрактов, причем из твоих букелляриев, которые станут ее защищать. И — как ты, черт побери, прекрасно знаешь — они готовы отдать свою жизнь за нее, если это потребуется. Возможно, ни один из них не доходит по смертносности до Валентина и Анастасия, но они все равно являются лучшими солдатами в мире. По моему скромному разумению. Если они не смогут защитить Антонину, то нет разницы, будут ли рядом Валентин с Анастасием или нет. В то время как может оказаться очень важным, находятся они рядом с тобой или нет,— рявкнул Маврикий.— Вот тут есть разница. Потому что в отличие от Антонины, ты точно будешь во главе кавалерийских атак и рубить мечом направо и налево больше, чем позволяет себе любой уважающий себя полководец.

Маврикий гневно уставился на Велисария.

— И ты это тоже прекрасно знаешь,— добавил хилиарх.

Маврикий молча смотрел на Велисария. Полководец съежился на стуле. Потом еще. И еще.

— Никогда раньше не видел, чтобы он надувал губы,— задумчиво произнес хилиарх. И снова вопросительно посмотрел на Антонину.— А ты?

— Ну конечно! — воскликнула миниатюрная женщина.— Много раз. Конечно, в интимной обстановке. Когда у меня болит голова и я отказываюсь намазать оливковым маслом его...

— Достаточно! — жалобно сказал Велисарий.

Антонина и Маврикий смотрели на него с одинаково вопросительными выражениями лиц. Как две мыши смотрят на внезапно заскуливший кусок сыра.

* * *

Несколько часов спустя Велисарий уже пребывал в более философском настроении.

— Предполагаю, в конце концов это сработает,— сказал он почти миролюбиво.

Антонина приподнялась на локте и посмотрела на мужа.

— Мы уже так не беспокоимся?

Велисарий вытянул ноги и закинул руки за голову.

— Теперь, после того как я хорошо подумал, я решил, что Маврикий...

— Лжец! — засмеялась Антонина и шлепнула его по руке.— Ты совсем не думал с тех пор, как мы оказались в постели! Ну, конечно, если не считать придуманные тобой новые позы — совершенно немыслимые! — когда ты пытался...

— Не надо грубостей, женщина,— проворчал Велисарий.— Да и ты не жаловалась. По крайней мере я твоих жалоб не слышал. Скорее наоборот. Судя по звукам, которые ты издавала.

Она вытянулась на постели, повторяя позу мужа: ноги вытянуты на всю длину, руки закинуты за голову. Потом заговорила вновь:

— Теперь, после того, как у меня было время подумать над вопросом... в перерывах между занятием любовью чуть ли не до потери пульса — я пришла в выводу, что грубый Маврикий поднял на удивление важный вопрос.

Велисарий смотрел на обнаженное тело жены, блестящее от пота. Антонина улыбнулась ангельской улыбкой. Сделала глубокий вдох, ее большие груди колыхнулись, затем она лениво раздвинула ноги.

— Конечно, с точки зрения онтологии, этот мужчина — сумасшедший,— продолжала она.— Но несколько последних часов гносеологических рассуждений привели меня к выводу, что возможно...

Она еще шире раздвинула ноги. Сделала еще один глубокий вдох.

— ...некоторые из измышлений этого мужчины, близкие к взглядам Сократа, могут иметь пояснительные аспекты чисто феноменологических последствий.

Терпение Велисария лопнуло. От спокойствия не осталось и следа.

Антонина прекратила болтать, но ее ни в коем случае нельзя было назвать молчаливой. Судя по издаваемым ею звукам, она находилась на вершине блаженства.

Какое-то время спустя она пробормотала:

— Да, похоже, от беспокойства не осталось и следа.

— Потому что я лишился мозгов,— сонно ответил муж.— Пока трахался несколько часов.

* * *

Утром в спальню родителей вошел Фотий и устроился на кровати. Несмотря на все другие перемены в жизни, мальчик настоял, чтобы этот ежедневный ритуал сохранился. И плевать на весь императорский протокол.

Теперь за молодым императором всюду ходил целый отряд слуг и охранников. Они остались в коридоре. Слуги считали ситуацию гротескной — и достаточно унизительной для их важного статуса императорских камердинеров и служанок. Но они тем не менее скромно молчали. Охранники были из букеллариев полководца, все — фракийцы. Ими командовал молодой катафракт по имени Юлиан. Юлиана назначили старшим телохранителем Фотия по двум причинам. Во-первых, он был женат на Ипатии, молодой женщине, которая уже на протяжении многих лет являлась нянькой Фотия. И являлась ею до сих пор, хотя теперь получила шикарную должность «гувернантки императора». Во-вторых, несмотря на молодость и веселость, Юлиан был прекрасным солдатом. Приняв на себя новые обязанности, Юлиан вместе с подчиненными сразу же дали понять, что их нисколько не интересуют жалобы слуг и прочих лиц, находящихся в услужении императора. Если Фотий получает удовольствие от общения с родителями по утрам, то он будет с ними общаться. Охранники дружески беседовали в коридоре под дверьми спальни, слуги же, как им сказали, могли делать что угодно со своим ущемленным самолюбием.

На этот раз Фотий задержался в спальне родителей дольше обычного. Его отчим в этот день уезжал, начиная новую кампанию в Месопотамии. Фотий больше не боялся предстоящего отсутствия Велисария, как раньше. Мальчик верил в способности Велисария преодолеть все препятствия, которые только могут встретиться у

него на пути. Но ему его будет очень не хватать. Возможно, теперь даже больше, чем раньше.

Однако в конце концов Фотий вышел. На маленькие плечи упало новое чувство долга, и он знал: его отчиму в этот день тоже нужно выполнить много обязанностей.

— Хорошо,— вздохнул Фотий, закрывая дверь за спиной.— Пошли. Куда вначале?

Юлиан улыбнулся ему, глядя сверху вниз.

— Твой учитель по риторике настаивает — настаивает! — чтобы ты с ним немедленно встретился. Что-то насчет тропов, если не ошибаюсь. Он говорит, что твоя медлительность в усвоении синекдохи стала публичным скандалом.

С мрачным видом Фотий медленно поплелся по коридору.

— Просто великолепно,— ворчал он. Мальчик вытянул шею и посмотрел на простое, обветренное лицо Юлиана.— Ты знаешь, какой этот учитель скучный? И как он мне надоел?

— Смотри на это по-другому, император. Когда-нибудь ты сможешь его казнить за эту скуку.

Фотий нахмурился.

— Нет, не буду. Я думаю, к тому времени он помрет сам.

Он еле волочил ноги и тяжело вздыхал.

— Жизнь была гораздо веселее до того, как они сделали меня императором.

Он снова тяжко вздохнул. И снова.

* * *

Перед тем как запрыгнуть в седло, Велисарий в последний раз обнял Антонину.

Долго держал ее в объятиях.

— Надолго, как ты думаешь? — прошептала она.

Муж пожал плечами.

— Невозможно сказать, любовь моя. Если все пойдет, как мы запланировали — а это само по себе большой вопрос,— то мы не увидимся полтора года, где-то около того. Придется ждать до июля следующего года, чтобы муссоны задули в ту сторону, в которую нам нужно.

Она скорчила гримасу.

— Ну и способ встречи.

Велисарий улыбнулся.

— Это если все пойдет, как запланировано. А если нет — кто знает? Может, и раньше встретимся.

Антонина посмотрела на него снизу вверх и не смогла не улыбнуться в ответ. Хотя она и знала непроизнесенный вслух — и более вероятный — неизбежный вывод.

— Если наши планы провалятся, то один или оба из нас будут мертвы.

Она спрятала лицо у него на плече.

— Как долго,— пробормотала она.— Ты всего несколько месяцев назад вернулся из Индии. А отсутствовал полтора года.

Велисарий погладил ее по длинным черным волосам.

— Знаю. Но ничего нельзя изменить.

— Черт побери Феодору! — прошипела Антонина.— Если бы не ее бредовая идея, что пороховое оружие должно находится под контролем женщины, мне не пришлось бы...

— Чушь! — резко сказал Велисарий. Он взял жену за плечи и отодвинул от себя, затем сурово сказал:

— Если бы на этом не настояла императрица, то я бы приказал тебе командовать Когортой Феодоры. Ты лучше всего подходишь для этой работы. Все просто.

Антонина какое-то время смотрела на него, потом опустила глаза.

— Так долго,— прошептала она.— Полтора года.— Неожиданно она улыбнулась.— Но мы, по крайней мере, сможем поддерживать связь. Я чуть не забыла. Я же вчера получила подарок от Иоанна Родосского.

Она повернулась и позвала слугу, стоявшего во дворе неподалеку. Мужчина приблизился, держа нечто, упакованное в несколько слоев шерстяной материи. Антонина забрала у него сверток и развернула материю, закрывавшую груз. Внутри лежали два абсолютно одинаковых предмета.

Антонина протянула один мужу.

— Вот они. Первые телескопы Иоанна. Один тебе и один мне.

Радостно улыбаясь, Велисарий тут же поднял телескоп к глазам. Его так поразило великолепное изобретение, что он моментально забыл обо всем, пока легкое покашливание Антонины не вернуло его к действительности.

— Прекрасно,— сказал он и снова завернул телескоп в шерстяную материю.— При помощи них и нескольких сигнальных станций мы очень скоро сможем общаться.

Антонина рассмеялась.

— После того, как станции построят. И при условии, что Иоанн сделает достаточно телескопов.

— Их построят и он сделает,— уверенно сказал муж. И погладил ее по щеке.— Рассчитывай на это, любовь моя. Через несколько месяцев ты получишь от меня первое послание.

Больше сказать было нечего.

С минуту муж с женой смотрели друг на друга. Потом обнялись в последний раз, в последний раз поцеловались. Велисарий запрыг-

нул в седло и выехал со двора. Маврикий был рядом с ним. Его личные телохранители, Валентин с Анастасием, пристроились сзади.

У ворот Велисарий повернулся в седле и помахал.

Антонина не стала махать в ответ. Она просто подняла телескоп.

— Я буду ждать твоего послания! — крикнула она.

* * *

Час спустя прибыла Ирина. Ее подарки тоже были обернуты несколькими слоями ткани.

— Только не урони их,— предупредила она Антонину, передавая груз.— Я украла их из личного винного погреба Феодоры. Лучшее вино в Римской империи.

Антонина слегка покачнулась от веса груза.

— Матерь Божия, ты сколько бутылок принесла?

Ирина подтолкнула свою миниатюрную подругу в направлении коридора.

— Столько, сколько нужно, чтобы ты пережила этот день. Традиция, моя дорогая, традиция. В последний раз, когда Велисарий уезжал на одну из своих кампаний, мы с тобой допились до потери пульса. Ну, ты напилась. Я просто находилась рядом, чтобы подставлять плечо.

— Ты вырубилась до меня! — возмутилась Антонина.

— Сказки,— твердо заявила Ирина.— Я просто заснула.

Антонина фыркнула.

— Конечно. На полу. Свалилась на брюхо.

— Это утверждаешь только ты,— с достоинством заметила Ирина.— А кто может подтвердить?

Оказавшись в гостиной, Антонина выставила бутылки на столике у стены.

— Словно солдаты,— прошептала она восхищенно.

Ирина схватила первую бутылку.

— Устроим бойню. Прикончим этих солдат. Тащи кубки.

* * *

Два часа спустя после обильных возлияний Антонина рыгнула.

— Давай поговорим о будущем! — Она снова рыгнула.— Нам ведь вскоре уезжать. Я уезжаю. В Египет. Я ведь там родилась, ты в курсе? — Снова рыгнула.— Моя родина. Родина.

Прилагая усилия, она налила еще вина себе в кубок.

— Я до сих пор удивляюсь, что Феодора согласилась тебя отпустить,— продолжала она.— Никогда не думала, что она отпустит свою главную шпионку. От себя. Отпустит. От себя. Да.

Ирина попыталась пожать плечами. Этот простой жест у нее плавно перешел в глубокие философские рассуждения.

— А что она еще могла сделать? Кто-то же должен отправиться в Индию. Кто-то должен вос... восста...— она сделал глубокий вдох, сконцентрировалась.— Вос-ста-но-вить контакт с Шакунталой.

Ирина выпрямилась на диване, приняв гордую позу. К сожалению, торжественность момента была подорвана скоплением газов в желудке и кишечнике.

— Как неизящно,— объявила она, словно обсуждала чью-то еще бестактность. Затем просто махнула рукой. И вернулась к обсуждению вопроса.

— Я — очевидный выбор для этого задания,— объявила она.— У меня прекрасная квалификация. Огромный опыт.

— Ха! — воскликнула Антонина.— Ты — женщина, и в этом все дело. Кому еще Феодора могла бы доверить такое... такое...— Антонина пыталась подобрать нужные слова.

— Хитрое государственное дело,— закончила фразу Ирина.— Искусную дипломатию.

Антонина фыркнула.

— Я вообще-то думала сказать...

— Изысканную стратегию. Благоразумные ухищрения.

— Я... я...

— Грязные уловки...

— Вот оно! Вот оно!

Обе женщины громко расхохотались. Это продолжалось какое-то время. Довольно долгое. Трезвый наблюдатель мог бы прийти к неутешительным выводам.

Наконец они успокоились. Со столика у боковой стены принесли еще одну бутылку. После того как в бутылке осталась половина, Антонина серьезно посмотрела на Ирину.

— Ты знаешь, Гермоген останется со мной. В Египте. После того, как мы расстанемся с тобой и ты отправишься в Индию. Тогда у тебя самой будет разбитое сердце. Возможно, нам тогда не удастся как следует... Тогда. Будем очень заняты. Ответственность. Обязанности. Лучше нам сейчас...

Ирина легла.

— Слишком поздно. Все уже сделано,— она грустно покачала головой.— Гермоген и я — это уже исто...— она рыгнула.— Исто... Черт побери! Исто... Черт побери! Ис-то-рия!

Глаза Антонины округлились.

— Что? Но я слышала... ведь ты же знаешь, как у нас распространяются слухи? Он же сделал тебе предложение.

Ирина скорчила гримасу.

— Да, сделал. Я этого боялась несколько месяцев.

Увидев, как подруга удивленно нахмурилась, Ирина рассмеялась. Наполовину весело, наполовину грустно.

— Милая, ты забываешь: Гермоген — не Велисарий,— пробормотала Ирина и уныло развела руками. Затем, вспомнив, что в одной руке у нее полный кубок с вином, еще более уныло уставилась в пол.— Прости,— пробормотала она.

Антонина пожала плечами.

— У нас есть слуги, чтобы мыть полы. Полно слуг.

— Да плевать мне на пол! Лучшее вино в Римской империи,— Ирина оторвала взгляд от разлитой по полу жидкости, попыталась сфокусировать его на Антонине.

— Ты что-то там говорила о том, что Гермоген — не Велисарий,— напомнила миниатюрная египтянка.— Но я не понимаю смысла. У тебя нет грязного прошлого, как у меня.— Она захихикала.— Мне до сих пор приходится о нем вспоминать. Ты знаешь, что так бывает с прошлым? Оно ведь прошлое, а никогда не уходит насовсем и всегда черт побери о себе напоминает.— По ее глазам было видно, как глубоко она задумалась.— Эй, это философия. Готова поспорить, что даже Платон никогда не выражал это так классно, как я.

Ирина улыбнулась.

— Это не прошлое и в этом вся проблема. Со мной и Гермогеном. Он — будущее. Гермоген...— она снова махнула рукой, но ей удалось остановить движение до нанесения следующего оскорбления лучшему вину в Римской империи.— Гермоген — приятный мужчина,— продолжала она.— В этом нет сомнений. Но... традиционный, понимаешь? По крайней мере в том, что выходит за пределы военной тактики. Он хочет правильную греческую жену. Матрону. Не...— она вздохнула и снова рухнула на диван.— Не начальницу шпионской сети, которая носится неизвестно где, причем в любое время дня и ночи.

Ирина грустно уставилась на наполовину наполненный кубок. Затем залила вином грусть.

Антонина уставилась на нее, как сова.

— Ты уверена? — спросила она, с трудом поднялась и шатаясь поплелась к столику с винными бутылками. Взяла одну.

— О, да,— пробормотала Ирина. Повернулась и уставилась на Антонину сверху вниз, с трудом удерживая равновесие.— Разве я кажусь тебе способной стать матроной?

Антонина захихикала, потом захохотала.

— Нет, маловероятно,— улыбнулась Ирина и обреченно пожала плечами.— На самом деле я не думаю, что когда-то выйду замуж. Я просто... не знаю. Что-то во мне... Не могу представить мужчину, который согласится со мной жить. С такой, как есть.

Шатаясь, она вернулась к дивану и рухнула на него.

Антонина внимательно посмотрела на подругу.

— Тебя это беспокоит? — спросила Антонина.

Ирина уставилась на дальнюю стену.

— Да,— тихо ответила Ирина. Грустно.

Но мгновение спустя с неистовством покачала головой.

— Хватит сентиментальности! — закричала она, высоко подняв кубок.— Давай за авантюризм!

* * *

Два часа спустя Антонина победно смотрела на Ирину.

— Брюхом вниз, на полу, как я и говорила!

Покачиваясь, она встала и подняла вверх последнюю бутылку вина. Держала ее над головой, как флаг во время битвы.

— Снова победа! — закричала она.

Затем рухнула на подругу.

* * *

Слуги, относившие двух женщин в спальню Антонины вскоре после этого, не смели ни смеяться, ни выказывать неуважение.

Ведь за их спинами шли Юлиан и трое улыбающихся фракийцев, которые были готовы быстро призвать слуг к порядку. По-фракийски.

— Пусть спят вместе. Им надо выспаться,— заявил Юлиан.

И повернулся к друзьям.

— Традиция.

Фракийские головы торжественно кивнули.

* * *

На следующее утро, войдя в спальню, Фотий пришел в отчаяние.

— Где моя мама? — спросил он.

Ирина открыла глаза. Тут же закрыла их от боли.

— Где моя мама? — закричал он.

Ирина посмотрела на него сквозь щелочки.

— Ты кто? — прохрипела она.

— Император Рима!

Ирина зашипела.

— Глупый мальчик. Ты знаешь, скольких римских императоров убили наемные убийцы?

— Где моя мама?

Ее веки жутко болели.

— Если еще раз закричишь, то я лично добавлю к этому списку еще одного императора.

Она накрыла голову подушкой. Из-под шелковой подушки ее голос звучал глухо.

— Уходи. Если хочешь увидеть свою глупую мать... алкоголичку... ищи ее где-нибудь в другом месте.

— Где моя мама?

— Ищи ближайшую лошадь. Сумасшедшая будет на нее смотреть. Думать, как ей хочется скакать вслед за мужем.

После того как мальчик вылетел из комнаты, направляясь к конюшням, Ирина осторожно сняла с головы подушку. Однако прорывающийся сквозь шторы яркий солнечный свет заставил ее снова искать укрытия. В комнате звучал только ее голос.

— Глупая чертова традиция.

Стон.

— Ну почему эта женщина не может просто совершить самоубийство, как любая разумная покинутая жена?

Стон.

Глава 7

Месопотамия.
Лето 531 года н. э.

Встретив первые подразделения сирийской армии сразу за Карбелой, Велисарий вздохнул с облегчением.

Баресманас ехал рядом с ним во главе колонны. Он ничего не сказал, но полная неподвижность лица выдала его.

— Ну давай, смейся,— проворчал Велисарий.

Баресманас не последовал предложению Велисария. Дипломатический такт стал для него привычкой. Он просто кивнул и пробормотал в ответ:

— У элитных войск, приписанных к столице и привычных к императорскому образу жизни, есть определенные недостатки. Этого нельзя отрицать.

Шахрадар повернулся в седле и посмотрел назад на длинную колонну. Кавалеристы ехали по дороге, проложенной вдоль правого берега Евфрата. Дорога не была вымощена, но достаточно широка и содержалась в хорошем состоянии. Она тянулась из Карбелы в *Киликию* и проходила через стоявшие на реке города Барсиб и Зегма. Это была главная дорога, по которой шла торговля между Римской империей и Персией.

Букелларии Велисария ехали во главе колонны. Тысяча катафрактов, по трое в ряд. Они умело поддерживали порядок. За ними

следовал небольшой контингент артиллерии и военных медиков — все в закрытых повозках, а также десять колесниц с ракетами, которые полководец назвал «катюшами». Эти транспортные средства также поддерживали нужный порядок.

А дальше...

С трудом тащились остающиеся две с половиной тысячи тяжелой конницы из небольшой армии Велисария. Там с порядком были нелады. Кто-то уходил вперед, кто-то отставал, отклонялся в сторону.

Большинство из них — две тысячи человек — были из гарнизона Константинополя. Оставшиеся — из иллирийской армии Германиция. Иллирийцы поддерживали подобие порядка первые несколько сотен миль вынужденного марша. В отличие от войск из столицы, у них имелся недавний опыт кампании. Но даже они к тому времени, как армия прошла в северную пустынную часть Сирии, стали так же дезорганизованы, как греческие катафракты.

Дезорганизованы — и исключительно недовольны.

Войска находились слишком далеко позади и Баресманас не мог слышать их разговоров, но ему было несложно представить, что они говорят. Он слушал их недовольство уже много дней, даже недель. В особенности войск из Константинополя, которые демонстрировали свои чувства каждый вечер, когда рассаживались у костров.

— Сумасшедший фракиец!

— Как только этот ненормальный стал полководцем?

— К тому времени, как мы доберемся до места, мы настолько устанем, что с нами справится выводок котят.

— Сумасшедший чертов фракиец!

— Как только этот ненормальный стал полководцем?

И все в таком же роде.

— Но ты в самом деле задал высокий темп,— заметил Баресманас.

Велисарий фыркнул.

— Думаешь? — Он развернулся в седле и нахмурился.— Дело в том, Баресманас, что скорость, с которой мы движемся из Константинополя, значительно ниже той, к которой привыкли мои войска. Для моих фракийцев это просто приятная прогулка.

Он нахмурился сильнее.

— Целых два месяца, чтобы преодолеть шестьсот миль. Двадцать миль в день, не больше. Для многочисленной армии пехотинцев это было бы хорошо. Но для малочисленной армии кавалеристов — причем по хорошим дорогам — это позор.

Теперь Баресманас рассмеялся. Возможно, сухо. Он показал на небольшую группу, возглавляемую двумя офицерами, которая приближалась к ним со стороны Карбелы.

— Как я понимаю, ты считаешь, что эти сирийские парни окажут положительное влияние?

Велисарий осмотрел приближающихся солдат.

— Не совсем. Эти чертовы гарнизонные войска слишком высокого мнения о себе, чтобы брать пример с группы потрепанных пограничников. Но я верю, что смогу их использовать — опозорить негодников.

Приближающаяся группа была теперь достаточно близко, чтобы рассмотреть черты отдельных людей.

— Если не ошибаюсь, то впереди Бузес и Кутзес,— заметил Баресманас.— Те самые братья, которых мы поймали за несколько дней перед битвой под Миндусом. Когда они... э...

— Проводили рекогносцировку,— твердо сказал Велисарий.

— А... Значит вот что это было?

Шахрадар вопросительно приподнял брови.

— Тогда у меня сложилось впечатление, что упрямые парни носились по округе, пытаясь найти караван с золотом, который, что странно, так никто никогда и не нашел.

Велисарий грустно покачал головой.

— Разве не ужасно? Как только зарождаются такие глупые слухи?

Он помолчал и добавил твердо:

— Они проводили рекогносцировку.

Менее чем через минуту сирийцы добрались до Велисария. Полководец заставил коня остановиться. За его спиной длинная колонна тоже остановилась. Мгновение спустя подъехал Маврикий.

Бузес и Кутзес сидели в седлах прямо, с напряженными спинами. Они явно старались, чтобы их молодые лица ничего не выражали, однако не требовалось особой проницательности, чтобы определить: парни побаиваются и озабочены. Их последняя встреча с Велисарием была не очень удачной — если мягко выразиться.

Но Велисарий заранее знал, что братья встанут во главе войск сирийской армии, и уже принял решение, как действовать. Независимо от того, какие ошибки горячие головы совершали ранее, братья произвели и на Ситтаса, и на Гермогена самое благоприятное впечатление в течение трех лет, которые миновали после сражения под Миндусом.

Поэтому Велисарий поприветствовал братьев широкой улыбкой и протянул руку, потом торжественно представил их Баресманасу. Вначале он беспокоился, что братья могут повести себя грубо по отношению к шахрадару. Когда Велисарий имел дело с Бузесом и Кутзесом до сражения под Миндусом, они неоднократно демонстрировали свою нелюбовь и презрение к персам. Но братья тут же развеяли его беспокойство.

Как только с представлениями было закончено, Кутзес обратился к Баресманасу:

— Ваш племянник Куруш уже прибыл в Карбелу. Его сопровождают семьсот кавалеристов. Они разбили лагерь рядом с нашим.

— Мы бы взяли его с собой, но этого не позволил командующий римским гарнизоном в Карбеле,— добавил Бузес.

— Тупой солдафон сидит задницей на своих уставах! — рявкнул Кутзес.— Сказал, что военным персам не разрешается выходить за территорию торговой площади.

Велисарий рассмеялся. Римляне торговали с персами столько, сколько и воевали. На самом деле главной оставалась торговля. Несмотря на то что обе стороны неоднократно встречались на поле брани, мир все-таки был более частым состоянием. Тем не менее торговля не прекращалась и во время войн. Год за годом, десятилетие за десятилетием, столетие за столетием караваны шли в обе стороны по той дороге, на которой в эти минуты стояли Велисарий, Маврикий, Баресманас, Бузес и Кутзес.

Но империи — это империи. И торговля жестко регулировалась. Официально. Население приграничных территорий как Римской империи, так и Персии всегда славилось своими контрабандистами. Они даже считались самыми ловкими в мире. На протяжении многих десятилетий Карбела являлась официальным торговым центром для персов, желающих торговать с Римом. Точно так же, как Нисибис с другой стороны границы был торговым центром, в который приезжали римские купцы.

— Да уж, никогда не знаешь, что выкинет командующий гарнизоном,— проворчал Маврикий.— А он хоть в курсе, что мы воюем против малва? В союзе с Персией?

Бузес кивнул.

— Он заявил, что это не меняет принятого устава! — рявкнул Кутзес.— На самом деле целую лекцию нам прочитал о непрекращающейся борьбе против смертного греха контрабанды.

Теперь Баресманас рассмеялся.

— Мой племянник не сможет ничего провезти контрабандой, даже если от этого будет зависеть его жизнь! Он слишком богат.

Велисарий пришпорил коня.

— Поехали в Карбелу,— сказал он.— Придется мне сказать пару ласковых этому командующему гарнизоном.

— Всего пару? — уточнил Кутзес. Казалось, это его расстроило.

Велисарий улыбнулся.

— Ну, на самом деле пять слов. Ты отстранен от занимаемой должности.

— О!

— Смертельны удары Велисария,— пробубнил себе под нос Маврикий часто повторяемую им фразу — в самых разных ситуациях.

* * *

Они въехали в Карбелу два часа спустя, в середине дня.

Первым делом полководец занялся обустройством последней группы строителей и ремесленников, сопровождавших его отряд. Он хотел проверить, чтобы их разместили достойно. Уезжая из Константинополя, Велисарий взял с собой не менее восьмисот строителей и ремесленников различных специальностей.

Они разделились на небольшие группы, и Велисарий оставлял их по пути следования колонны на примерно равном расстоянии друг от друга. Им предстояло построить сигнальные станции, которые вскоре составят основу системы связи Римской империи. Карбела станет последнем звеном в сети Константинополь–Месопотамия.

Закончив с обустройством строителей и ремесленников, Велисарий отправился к командующему гарнизоном.

Но пять предполагаемых слов переросли в несколько сотен. Правда, ему пришлось отстранить от должности не только старого командующего гарнизоном, но и нового, назначенного вместо него.

После того как полководец поставил в известность вновь назначенного командующего о том, что намерен забрать с собой половину гарнизона в Месопотамию, новый командующий долго распространялся о необходимости постоянной борьбы с незаконной торговлей, которая имеет место быть в окрестностях.

Велисарий снова произнес фразу из пяти слов.

Третий за день командующий был тоже отстранен от должности. После того как Велисарий в примерно двухстах словах поразмышлял вслух о необходимости — возможно — взять с собой в Месопотамию гарнизон почти полным составом, оставив в городе лишь небольшую группу солдат, третий командующий заорал, пытаясь объяснить полководцу, какую опасность для города представляют шайки разбойников, периодически устраивающие набеги.

Велисарий еще раз произнес свои пять слов.

В конце концов командование римскими силами в Карбеле пришлось взять на себя потрепанному в сражениях гектонтарху, у которого отсутствовала часть зубов.

— Сотни человек вполне достаточно,— заявил четвертый командующий полководцу.— С ними я вполне смогу поддерживать в городе относительный порядок. А больше им тут нечего делать. Карбела — крепость. Стены сорок футов в высоту и по толщине примерно столько же. Да местные разбойники умрут от потери крови, если заберутся так высоко. В смысле кровь из носа у них пойдет. Разве они когда-нибудь взбирались на стены?

Он помолчал и добавил веселым тоном:

— Что касается контрабандистов — черт с ними. Их не остановить и всей римской армии. Как только солнце садится, можешь бросить с любой из этих стен камень в любую сторону. Не сомневайся: он обязательно попадет по контрабандисту, если не по трем, пока не долетит до земли. Да и из этих трех по крайней мере один окажется моим родственником.

Он еще помолчал и добавил с хохотом:

— А если дело происходит во вторник, то это вообще может оказаться моя жена. Она у меня на дело выходит по вторникам. Ее день.

На закате солнца Велисарий вывел свою армию из Карбелы и повел к лагерю, разбитому в нескольких милях. В этом лагере его ждала сирийская армия. К колонне Велисария присоединилось пополнение — семьсот очень несчастных пехотинцев. Их поставили между отрядами фракийских катафрактов Велисария. Фракийцы пытались подбодрить новых рекрутов рассказами о прошлой славе и будущих трофеях, но не забывали и о настоящем, держа оружие наготове. Демонстрировали его новым рекрутам.

Особенно впечатляли наконечники стрел, которыми при желании даже можно бриться.

Баресманас, ехавший во главе колонны, находился вне пределов слышимости от гарнизона Карбелы.

Но он без труда мог представить, что они бормочут.

— Сумасшедший чертов фракиец.

— Как только этот ненормальный смог стать полководцем?

Глава 8

Шатер Куруша был гораздо меньше гигантского сооружения, воздвигнутого императором малва во время осады Ранапура. Но, как подумал Велисарий, украшен и обставлен даже более богато. И с гораздо лучшим вкусом.

Велисарий устроился на груде толстых шелковых подушек у низкого столика. Куруш собственноручно налил кубок вина и поставил на стол перед полководцем. Велисарий смотрел на кубок с беспокойством. Причина беспокойства заключалась не в вине. Полководец не сомневался: это — один из лучших, если не самый лучший сорт из производимых в Персии. Нет, дело было в самом кубке. Емкость для питья оказалась самым изысканным и дорогим предметом подобного предназначения, которые когда-либо видел Велисарий. Несмотря на вместительность и очевидную тяжесть, кубок казался очень хрупким, в особенности ножка, по виду напоминавшая цветочный стебель. Но, что хуже всего, кубок был полностью стеклянным. Стекло украшал золотой лист, который только

подчеркивал красоту стеклянных граней, сделанных в форме находивших друг на друга вогнутых дисков. Завершающим аккордом были четыре медальона по верху, выходящие за край. Каждый — примерно дюйм в диаметре, на всех изображался крылатый конь.

Естественно медальоны были золотые. За исключением серебряных крыльев и крошечных гранатовых глаз.

Велисарий оглядел собравшихся за столом. Бузес, Кутзес и Маврикий неотрывно смотрели на свои кубки — идентичные предложенному Велисарию. Лица братьев выражали удивление, Маврикий сидел с мрачным видом.

— Боюсь дотронуться до чертовой штуковины,— пробормотал Маврикий себе под нос, но Велисарий его услышал.

И не только он. К счастью, Баресманас пришел им на помощь.

— Не бойтесь, друзья,— сказал он и улыбнулся.— У моего племянника два ящика набиты этими кубками.

Затем он весело показал на пол.

— К тому же, если вы все-таки их уроните, они навряд ли разобьются. На таком толстом ковре.

Четверо римлян посмотрели на ковер. На самом деле он был настолько плотным, что предложенные им подушки вообще-то казались излишними.

Куруш, сидевший с другой стороны стола напротив Велисария, нахмурился. Не в раздражении, просто в удивлении.

— В чем проблема? — спросил он. Как и большинство персов благородного происхождения, он бегло говорил на греческом, правда, с акцентом.

Баресманас усмехнулся.

— Не все, племянник, привыкли пить вино из царских кубков.

Молодой перс уставился на кубок, который держал в руке.

— Из таких? — Он поднял глаза на дядю.— А они очень ценные?

Все четверо римлян расхохотались вместе с Баресманасом. Возможно, так смеяться было и недипломатично, но они не могли сдержаться. К счастью, Куруш оказался приветливым и любезным малым, и ему были не свойственны надменность и чопорность большинства персов благородного происхождения. Мгновение спустя он сам рассмеялся.

— Боюсь, я не очень-то обращаю внимание на подобные вещи,— признался он и пожал плечами.— У меня полно слуг и они занимаются этими вопросами.— Затем он широким круговым жестом обвел помещение.— Но — пожалуйста, пожалуйста! Пейте! Наверняка вы все умираете от жажды после путешествия по пустыне.

Слова Куруша сняли все колебания. Все четверо римлян сделали по большому глотку из кубков. И поняли: вино великолепно. Правда, их это не особо удивило.

Велисарий воспользовался тем, что все наслаждаются вином, и внимательно оглядел Куруша. Как он уже знал от Баресманаса, император Хосров назначил Куруша ответственным с персидской стороны за связи с Велисарием и римскими силами.

По оценке Велисария, благородному персу было на вид лет двадцать пять. Молодой человек оказался высоким и стройным, с узким лицом и довольно нежными чертами.

На первый взгляд он напомнил Велисарию суперобразованных афинских эстетов, которых полководцу время от времени доводилось встречать. Эти молодые люди с томными взглядами не могли произнести ни одного предложения, не разбавив его двумя или тремя цитатами из классиков. На мир они смотрели непрактично — и это еще мягко сказано.

Сходство подчеркивалось одеждой Куруша, вернее, тем, как он ее носил. Сама одежда была дорогая и умело сшитая. Кстати, подобную носили и афинские эстеты, поскольку все они относились к аристократии, а не к пастухам. С другой стороны, Куруш, как и афинские эстеты, казалось, совершенно не видел цветов различных предметов одежды — они абсолютно не сочетались, да и сами отдельные предметы другой человек не стал бы надевать одновременно.

Однако при ближайшем рассмотрении первоначальное впечатление несколько изменилось. Руки Куруша, хотя и с тонкими пальцами, казались сильными. И Велисарий понимал значение мозоли на большом пальце правой руки. В отличие от римлян, натягивающих луки тремя пальцами, персы обычно использовали один большой.

Велисарий также обратил внимание на то, как Куруш двигается. В его шагах, жестах, даже выражении лица присутствовала какая-то нервозность или нервная торопливость. Он чем-то напоминал породистого жеребца перед забегом, горящего желанием ринуться вперед. Походка, жесты и выражение не имели ничего общего с вялостью и апатичностью эстетов.

Наконец глаза. Как и у большинства персов, и большинства афинских эстетов, у Куруша были карие глаза. Но во взгляде никто не заметил бы туманности, он всегда оставался четко сфокусированным. Несмотря на молодость, у перса уже начали появляться небольшие морщинки вокруг глаз. И эти морщинки возникли не от изучения поэзии в Афинах при свече. Они появляются от изучения местности под палящим жестоким пустынным солнцем.

Поставив кубок на стол, Куруш первым делом обратился к Маврикию.

— Насколько я понимаю, ты командовал римскими силами на горе, во время сражения под Миндусом.

Маврикий кивнул.

Куруш покачал головой.

— Наверное, вы смеялись над нами, когда мы пытались въехать на лошадях по склону. Кажется, его создал сам дьявол!

Маврикий колебался, оценивающе оглядывая перса. Затем пожал плечами.

— Вам следовало бы спрыгнуть на землю. Тогда вы добились бы большего.

Куруш улыбнулся. Довольно весело.

— Это я понял на собственном примере! Моего коня убили подо мной практически у подножия. Вначале я страшно ругался, проклинал фортуну. Но, как мне кажется, именно это спасло мне жизнь. На своих двоих я мог прятаться за валунами. Ведь даже ваши стрелы не могли пронзить те валуны!

Куруш снова покачал головой.

— Меня предупреждали...— он кивнул на Баресманаса.— Мой дядя предупреждал, что никто в мире не пользуется такими мощными луками, как римляне. Римские катафракты. Я внимательно отнесся к его предупреждению. И всегда слушаю этого опытного человека. Но тем не менее я не предполагал, что стрела может пройти сквозь броню моего коня.

Затем он нахмурился.

— Однако стреляете вы медленно. Вы в самом деле считаете, что это окупается?

Велисарий с трудом сдержал смех. Хмурился молодой перс не враждебно. Ни в коей мере. Выражение лица Куруша в эти минуты напоминало полководцу выражения лиц молодых эстетов, размышляющих о плюсах и минусах двух стилей лирической поэзии.

Маврикий пожал плечами.

— Не думаю, что на вопрос можно ответить чисто военными терминами. Дело также в национальном темпераменте. Вы, персы, прекрасно стреляете из седла. Не думаю, что в этом римляне когда-то смогут с вами соревноваться. И зачем пытаться? Лучше сконцентрироваться на том, что мы делаем хорошо, вместо того чтобы стать второсортной копией персов.

Куруш кивнул.

— Отлично сказано.— Молодой перс вздохнул.— В любом случае это, вероятно, спорный вопрос. Ведь новые адские изобретения малва все изменили.

— А ты видел их в действии? — спросил Велисарий.

Куруш скорчил гримасу.

— О, да. Даже целых три раза. Я участвовал во всех сражениях против завоевателей на открытой местности до тех пор, пока мы не решили отступить и занять оборонительные позиции в Вавилоне.

— Опиши мне, пожалуйста, как шло вторжение,— попросил Велисарий. Затем кивнул на Баресманаса: — Твой дядя прекрасно представил картину в общем и целом, но он не был непосредственным участником событий. Мне нужно побольше деталей.

— Конечно,— Куруш осушил кубок и взял одну из небольших амфор, стоявших на столе. Он начал говорить, пока подливал себе еще вина.

— Флот малва состоял из нескольких сотен кораблей. Многие из них были просто гигантскими. Я сам не моряк, но мои подчиненные, имевшие какое-то отношение к морскому делу, сказали мне, что эти огромные суда имеют водоизмещение по меньшей мере в тысячу тонн.

— Скорее две тысячи,— вставил Велисарий.— Если это те же корабли, строительство которых я видел в Бхаруче.

Куруш посмотрел на него одновременно удивленно и уважительно.

— Я не знал, что у тебя есть опыт и в морском деле.

Велисарий рассмеялся.

— Его у меня нет. Или совсем немного. Но вместе со мной в Бхаруче был Гармат, главный советник правителя Аксумского царства. Увидев корабли, он сказал: две тысячи тонн. Думаю, на него в этом деле можно положиться. Насколько мне известно, все высокопоставленные аксумиты являются экспертами по морским делам.

— Мне это тоже известно,— вставил Баресманас. И скорчил гримасу.— Две тысячи тонн! Не думаю, что в Персии найдется корабль с таким водоизмещением.

— Как и у нас,— заметил Бузес.— Если не считать нескольких судов, приписанных к Египту и используемых для перевозки зерна.

Велисарий посмотрел на Куруша.

— Продолжай, пожалуйста,— попросил он.

— Флот прибыл без какого-либо предупреждения. Ну...— он нахмурился.— Без официального предупреждения. Несколько купцов подали сигнал тревоги, но власти не обратили на них внимания.— Он нахмурился сильнее.— Наглые негодяи.

Велисарию было весело смотреть на лишенные выражения (как и полагается дипломатам) лица Бузеса, Кутзеса и Маврикия. Большинство римлян придерживались мнения, что все персидские официальные лица — «наглые негодяи». Велисарий этого мнения не разделял. Баресманас и Куруш были не первыми персами благородного происхождения, которые ему нравились, но нельзя сказать, что мнение римлян являлось беспочвенным. Конечно, многих римских официальных лиц тоже можно было назвать «наглыми негодяями». Но в мире никто не может сравниться с персидским аристократом, в особенности, если этот перс еще и занимает высокое место в имперской иерархии — если речь идет о чистой, неподдельной,

холодной надменности. В сравнении с ними аристократию раджпутов можно назвать мягкосердечной. Даже династический клан малва, несмотря на несравнимую ни с кем жестокость и мегаломанию, не всегда и не везде демонстрирует чувство превосходства над всеми остальными.

Очевидно, римского такта оказалось недостаточно. Или Куруш был более проницательным, чем предполагал Велисарий. Молодой перс обвел взглядом сидевших за столом, увидел вежливые, но отстраненные выражения лиц римлян. Затем улыбнулся.

— Ну, возможно, не более, чем другие из их породы,— добавил он.

Он выпил немного вина и продолжил рассказ:

— Флот вошел в месте слияния Тигра и Евфрата. Там высадилась большая армия. На кораблях приплыли лошади и даже слоны в дополнение к ужасному новому оружию. В течение двух дней они взяли Харк.

Он снова нахмурился, на этот раз — сильно.

— Эти жаждущие крови свиньи убили весь гарнизон, а потом занялись населением города. С женщинами поступили ужасно, в особенности зверствовали вонючие йетайские варвары, на которых, как кажется, малва молятся. Всех лиц благородного происхождения отделили от остальных. Малва не были ни в коей мере заинтересованы в получении выкупа. Вместо этого они убили всех мужчин благородного происхождения, даже младенцев, и всех женщин, за исключением молодых и симпатичных. Этих офицеры малва взяли себе в наложницы.

Он провел тонкими длинными пальцами по густым волосам. Хмурился он теперь меньше, на лице появилась задумчивость ученого.

— На протяжении всех веков, когда мы, персы, и вы, римляне, сражались друг с другом, было совершено немало зверств. Обеими сторонами, обеими,— отмахнулся он от незаданного вопроса.— Тем не менее я не могу вспомнить ни одного случая такого зверства, такой массовой жестокости. Ни одного.

— И не было ни одного,— уверенно подтвердил Баресманас.— По крайней мере, в таких масштабах. И давайте также отметим, что несмотря на все зверства с обеих сторон, все то зло, в котором мы повинны, воюя друг с другом, также имели место и другие случаи — случаи проявления щедрости и рыцарства.

Он оценивающе посмотрел на Велисария.

— Твое милосердие в Миндусе — один из самых выдающихся примеров.

— Прекрасно сказано! — воскликнул племянник. Куруш выпил кубок до дна. Когда он поставил кубок назад на стол, его лицо одновременно выражало радость и грусть.— Я знаю,— рассмеялся

он.— Когда я был там, какое-то время не сомневался: мне перережут горло.— Он слегка содрогнулся.— Трое ваших чертовых ассирийцев положили меня на землю. Вот ведь низкие грубые твари! И улыбались, как волки. Да и вообще всем своим видом напоминали волков, когда спорили, кто из них меня первым укусит. То есть порежет.

Он улыбнулся Маврикию.

— А затем подъехал один из ваших фракийцев и обратился к их разуму. Частично убедил их натянутым луком, частично — напомнив о том, сколько денег они могут за меня получить.

Маврикий улыбнулся в ответ.

— И сколько за тебя заплатили?

Куруш фыркнул.

— Достаточно, чтобы обеспечить этих трех ассирийцев до конца жизни! Поверите, эти чертовы варвары запросили...— Он резко замолчал.— Но я отклонился от темы. Это случилось три года назад. Сегодня же здесь находятся малва и, как справедливо заметил мой ученый дядя, от них нам не следует ждать снисхождения или терпимости.

— Это не в их правилах,— согласился Велисарий.— Аристократы из народности малва очень богаты. Их ни в коей мере не интересует выкуп. А войска, которые могли бы им заинтересоваться, полностью подчинены их власти.

Он выпил кубок до дна.

— Малва хотят покорить мир. Не меньше. И они намереваются править миром железной рукой. Харк — только первое зверство из многих, которые они совершат в Персии, а затем и в Риме, если Персия падет. Но это ни в коем случае не первое вообще. Ни в коем случае.— Лицо полководца приняло суровое выражение.— Я был в Ранапуре, когда малва подавили восстание. Когда малва наконец ворвались в этот великий город, две тысячи людей все еще оставались живы. Через пять дней, на протяжении которых денно и нощно совершались немыслимые зверства, осталось не более пятидесяти человек. Несколько молодых женщин благородного происхождения, оказавшихся достаточно крепкими, чтобы вынести это испытание. Потом их продали в рабство.

На мгновение шатер погрузился в тишину. Все собравшиеся выглядели угрюмо.

— Продолжай, пожалуйста,— наконец попросил Маврикий.

— После того как малва завершили покорение Харка, основная часть их армии отправилась дальше, вверх по реке, в сопровождении более сотни небольших судов. Оставшийся флот ждал в Харке, пока малва укрепляли порт. Как мы предполагаем, эти корабли вернутся назад в Индию за провизией, когда муссоны подуют с

нужной стороны.— Куруш посмотрел на вход в шатер, словно за подсказкой, когда это произойдет.— Сейчас начало июня. Примерно через месяц ветер изменит направление.

Велисарий кивнул.

— Их флот пойдет в Бхаруч в июле,— сказал он.— Затем, пополнив запасы, они отправятся в обратное путешествие где-то в конце октября. Самое позднее — в начале ноября.

— А какова их реальная военная мощь? — спросил Кутзес.

Куруш положил ладони на стол и откинулся назад, на подушки.

— Вам будет в это сложно поверить, но...

— Не будет,— сказал Велисарий уверенно и бросил предупреждающий взгляд на Бузеса и Кутзеса.

— Основываясь на моих собственных наблюдениях, я оцениваю общее число их солдат — не считая большой гарнизон, оставленный ими в Харке,— в двести тысяч человек.

Когда римляне не отреагировали, как он того ожидал, глаза Куруша слегка округлились.

Маврикий откашлялся.

— Ты не мог бы разделить их по родам войск? — попросил хилиарх.

Куруш задумался.

— Не думаю, что кавалерия насчитывает более сорока тысяч. Основная часть их войска — пехота, причем пехота весьма среднего качества. Конечно, йетайцы очень свирепы и жестоки во время битвы, но, как кажется, малва используют их как прослойку в рядах обычных войск. Разбавляют ими слабоватую пехоту для придания ей нужной степени жестокости и свирепости.

— Именно так малва использовали йетайцев, когда я был в Индии,— вставил Велисарий.— Во время сражения их основная задача — обеспечить подчинение простых солдат военачальникам. Йетайцы абсолютно безжалостны по отношению к дезертирам и отстающим солдатам.

Куруш кивнул.

— Пехота вооружена традиционным оружием. Копья, мечи, топорики. Доспехи по большей части — просто жалкие. Как я и говорил, войска весьма среднего качества.— Он пожал плечами.— Но количество... Таким количеством они и подавляют своих противников. После того, как внесли сумятицу в его ряды демоническим оружием.

— Опиши оружие,— попросил Велисарий.

Куруш виновато развел руками.

— Сделаю все, что смогу, Велисарий, но не забывай: я только видел эти проклятые изобретения на значительном расстоянии. И вообще не уверен, что именно я видел.

— Тогда давай сделаем наоборот. Я расскажу тебе, что, по моему мнению, использовали малва, а ты меня поправишь, основываясь на последнем опыте.

Перс кивул. Велисарий отхлебнул вина и начал говорить:

— Я думаю — на самом деле: надеюсь,— что они привезли оружие только трех видов. Это пушки, используемые во время осады, ракеты и гранаты.

Вспоминая увиденное им в Индии, Велисарий подробно описал три вида оружия, сделанного на основе пороха.

— Ракеты используются практически так же, как мы, римляне, традиционно используем полевую артиллерию. Слабым местом ракет является их большая неточность...

Он замолчал на мгновение, борясь с искушением. Его собственные ракеты, которые он назвал «катюшами», во время испытаний продемонстрировали довольно высокую точность. Не такую, как старые добрые катапульты, но они не были непредсказуемыми, как ракеты малва, за полетом которых Велисарию довелось наблюдать.

При помощи Эйда Велисарий усовершенствовал ракеты, используя мастерство греческих ремесленников, занимающихся металлообработкой. Он даже настоял на изготовлении выхлопного сопла из бронзы. Полководец надеялся, что их точность будет сюрпризом для врага. У него не было оснований не доверять Барсманасу и Курушу или подозревать их в болтливости. Тем не менее...

Он решил временно не обсуждать свои изобретения и наработки.

— ...но они компенсируют неточность разрушительной силой и относительной простотой в использовании. Не требуется таскать за собой тяжелую катапульту, чтобы выпустить ракету. Нужен просто желоб и факел или что-то подобное для поджигания ракеты сзади. Более того, от этих ракет лошади врага приходят в панику.

Куруш кивнул с мрачным видом.

— Лошадей практически невозможно успокоить, когда на тебя летят ракеты.

Велисарий снова колебался, разрываясь между необходимостью сохранять тайну и своим обычным нежеланием держать что-то в секрете от союзников. В этом случае победило второе.

— Это не совсем так, Куруш,— сказал он.

Увидев удивление на лице молодого человека, Велисарий хитровато улыбнулся.

— Когда-то я думал точно так же — когда впервые увидел ракеты в действии. Однако мой дальнейший опыт научил меня, что лошади могут привыкнуть к звуку порохового оружия. Секрет в том, что они должны привыкать к нему с детства. Если звук впервые слышит уже взрослая лошадь, то да, она впадает в панику. А если ее

жеребенком приучают не бояться этого оружия, то она прекрасно справляется в дальнейшем.

Он кивнул на приоткрытый вход в шатер.

— Например, мои лошади, которые тянут на себе колесницы с «катюшами», специально выбирались по одному признаку: они не впадают в панику при звуках стрельбы. Большинство людей из моего окружения ездят на лошадях, привычных к звукам порохового оружия.

Двое персов за столом в задумчивости теребили бороды. Для Велисария их мысли были очевидны. Совершенно очевидны.

«Великолепные новости. Но у нас, персов, нет порохового оружия, при помощи которого мы могли бы дрессировать наших лошадей. Как бы украсть его у врага? А еще лучше — убедить римлян поставить нам эти дьявольские штучки?»

Несколько секунд Велисарий и Баресманас неотрывно смотрели друг на друга. Затем, после едва заметного кивка полководца, Баресманас отвернулся.

«Мы обсудим этот вопрос позднее»,— означал кивок. Это, но не только: «У меня по данному поводу есть свое мнение, однако...»

Этого оказалось достаточно.

Баресманас был опытным дипломатом и прекрасно знал о противоречиях, которые несомненно бушуют среди римлян по поводу этой деликатной проблемы. Союзничество с Персией — одно дело. Обеспечение давних врагов пороховым оружием — совсем другое.

Не было смысла дальше обсуждать этот вопрос, поэтому Баресманас сменил тему.

— А что там с гранатами? — он кивнул на Куруша.— Судя по словам моего племянника, они используются только в ближнем бою.

— Он абсолютно прав. Это их предназначение. Я ни разу не видел в Индии, чтобы они использовались каким-то другим образом.

Теперь Велисарий решил раскрыть секрет. В любом случае враги почти точно знали его. Часть шпионов должна была скрыться с бойни на ипподроме, когда Велисарий и Антонина разбили организованное малва восстание «Ника». В любом случае тела предателя Нарсеса и его сообщника Аджатасутры так никогда и не нашли.

Как считали Велисарий и Феодора, бывший главный камерарий, славившийся просто легендарным коварством и хитростью, смог убежать.

И полководец начал говорить:

— Моя жена командует нашим единственным отрядом гренадеров, называемым Когортой Феодоры. Ей удалось использовать гранаты и по-другому. Она научилась применять их и на большом расстоянии.

Он вкратце описал метод, используемый гренадерами Антонины,— вид пращи, из которой выпускается граната.

— Тем не менее расстояние все равно невелико,— закончил он.— Мы говорим о дальности полета стрелы из лука, но не больше.

Баресманас с Курушем понимающе кивнули. Персидские воины знатного происхождения никогда не жаловали пращу, но прекрасно знали, что это такое.

Велисарий подлил себе еще вина, затем, оглядев собравшихся за столом, добавил вина Бузесу и Баресманасу.

Поставив амфору на стол, полководец задумался, почему в шатре нет ни одного слуги. Этот факт сказал ему многое о хозяине шатра, и все выводы были одобрительными.

В некотором роде Куруш казался не от мира сего, витающим в облаках. Если быть более точным, то он витал в облаках так, как часто витают очень богатые люди. Они так привычны к слугам и комфорту, что воспринимают их как естественную часть жизни. Но в том, что касается военного дела, Куруш, очевидно, смог избавиться от предрассудков своего класса. Он был проверен в сражениях, не раз в них участвовал и не делал ошибки лиц благородного происхождения, которые часто забывают, что люди, стоящие гораздо ниже их на иерархической лестнице, тоже имеют уши, мозг и языки. Поэтому пусть лучше и он сам, и его высокопоставленные гости сами себе разольют вино.

Глотнув еще немного великолепного вина, Велисарий продолжил говорить:

— Наверное, пока ты, Куруш, не видел пушки в действии. Они обычно используются при осаде городов. Это большие, тяжелые и уродливые приспособления. Они абсолютно бесполезны во время сражения в открытом поле. Но в самом скором времени тебе предстоит увидеть их в Вавилоне. Малва определенно доставят их туда, чтобы разбить стены.

— Какова их мощность? — спросил Баресманас.

— Представьте самую большую катапульту, которую вы когда-либо видели, а затем умножьте силу разрушения в три раза. Нет, даже лучше в четыре или пять.— Он пожал плечами.— По моему мнению, малва их не очень эффективно используют. По крайней мере, если судить по тому, что я видел в Ранапуре. Но там им этого и не требовалось. Ранапур был великим городом, там самые высокие и самые толстые стены, которые мне когда-либо доводилось видеть. К тому времени, как пушки сделали свое дело — хотя на это потребовалось несколько месяцев,— великие стены превратились в груду камней.

Куруш скорчил гримасу.

— Стены Вавилона не сделаны из кирпича. Очень жаль. По крайней мере, обожженного кирпича там нет. Когда-то внешние стены были сложены из него, но ведь город пустует уже несколько

столетий. На протяжении многих лет окрестные крестьяне растаскивали хорошие кирпичи и использовали при строительстве домов. Осталась только основа — булыжники. Внутренние стены все еще стоят, но они сделаны не из обожженного в печи кирпича, а из кирпича, высушенного на солнце. После стольких лет — столетий! — они не крепче, чем земляные.

— Но это толстые стены, так? — уточнил Маврикий.

Куруш кивнул.

— О, да! Очень толстые. Наружные стены до сих пор составляют более пятидесяти футов в толщину, а перед ними — крепостной ров шириной в сто ярдов. Внутренние стены двойные, между ними проложена дорога. Считая эту дорогу — она примерно семь ярдов шириной — внутренние стены в общем составляют где-то двадцать ярдов.

Глаза Маврикия округлились. Кутзес тихо присвистнул, покачал головой.

— Боже праведный,— пробормотал он.— Я и подумать не мог, что древние строили с таким размахом.

Бузес фыркнул.

— Почему нет, брат? Ты же видел египетские пирамиды. Я знаю, что видел. Я стоял рядом с тобой, когда ты тихо присвистнул, качал головой и повторял: «Боже праведный! Я и подумать не мог, что древние строили с таким размахом».

Комната взорвалась смехом. Даже Кутзес после того, как несколько секунд хмурился на брата, уныло усмехнулся.

Однако веселье продолжалось недолго. Вскоре все вернулись в мрачной действительности.

И снова в душе Велисария боролись два импульса. С одной стороны, необходимость хранить тайну, в особенности тайну существования магического кристалла по имени Эйд, с другой — необходимость, вернее — желание быть откровенным с новыми союзниками.

Он решил следовать опасным средним курсом. Откашлялся и заговорил:

— На самом деле я думаю, что структура стен Вавилона окажется вашим, то есть нашим преимуществом. Пушечные выстрелы, в любом случае — пушечные выстрелы из гигантских осадных орудий малва, не выдерживают никакие стены — будь то кирпичные или сложенные из огромных валунов. На самом деле нам повезло, если мы имеем толстые, мягкие стены. Такие стены просто впитают то, что в них будет выпущено, вместо того чтобы пытаться отклонить удар.

Все собравшиеся за столом, за исключением Маврикия, глядели на него удивленными округлившимися глазами. Маврикий просто поджал губы и смотрел в кубок.

Маврикий был единственным из собравшихся в шатре, кто знал секрет Велисария. Наконец полководец открыл его ему, несколько месяцев назад, после возвращения из Индии. Велисарий всегда чувствовал себя виноватым на протяжении всех месяцев, пока держал существование Эйда в тайне от Маврикия. Поэтому когда наконец он рассказал Маврикию об Эйде, то постарался компенсировать свою вину, поделившись с Маврикием откровениями Эйда в большей степени, чем с кем-либо, даже Антониной.

И если вначале он делал это из чувства вины, то вскоре его мотивы изменились. На самом деле Велисарий нашел Маврикия самым полезным советчиком — когда дело дошло до советов Эйда по военному делу. Велисарий не особо удивился, что флегматичный и практичный фракиец лучше всех понимал часто странные и дикие для всех остальных советы Эйда.

— Ты видел это в Индии? — спросил Куруш.— Подобные укрепления?

Маврикий бросил на Велисария быстрый, предупреждающий взгляд. Хилиарх прекрасно знал, где Велисарий видел «подобные укрепления». Не в Индии, а в видениях. Видениях, которые отправлял ему в мозг Эйд, посвященных осаде городов в будущем. В особенности Маврикия заинтересовала теория и практика великого знатока укреплений, который будет жить через тысячу лет. Человека по фамилии Вобан, который родится в стране под названием Франция.

— Не прямо, Куруш. Но я заметил к концу осады Ранапура, что разбитые стены на самом деле лучше противостоят пушкам, чем раньше, когда они еще стояли целыми.

Ментально он похлопал себя по спине. В конце концов, это не ложь в чистом виде. Он успокаивал себя мыслью, что разрушенные стены Ранапура — если вспомнить — на самом деле неплохо противостояли пушкам. Даже если он и не заметил это, когда наблюдал за осадой.

К счастью, ложь проскочила. Куруш с Баресманасом вздохнули с облечением и поэтому не стали дальше расспрашивать Велисария.

Теперь разговор повернулся к относительной слабости конницы малва, в особенности тяжелой конницы, и обсуждению того, как союзным силам лучше всего этим воспользоваться. Но их вскоре прервали.

В шатер вошел персидский офицер со знаками отличия, указывающими, что он является императорским курьером. Он извинился и приблизился к столу. Курьер склонился к уху Баресманаса и стал что-то ему нашептывать. Велисарий вежливо отвернулся и отвлек внимание римлян, рассказывая какой-то анекдот из времен осады Ранапура. Анекдот, включающий оценку сравнительных достоинств кавалерии раджпутов и йетайцев, оказался достаточно любопытным, чтобы полностью завладеть вниманием Бузеса и Кутзеса; Маврикий сделал вид, что тоже заинтересовался. Однако Велисарий

обратил внимание, что Куруш его совершенно не слушает. Лицо молодого шахрадара было напряжено. Что бы там ни шептали в ухо Баресманаса, племянник явно догадывался о содержании донесения. И был очень не рад утвердиться в своих подозрениях.

Когда курьер ушел, Баресманас посмотрел на Велисария. Во взгляде одновременно читались извинение и просьба.

Понимая, Велисарий поднялся с подушек.

— Уже поздно и мы устали,— объявил он.— Думаю, нам лучше продолжить обсуждение в другой раз. У нас будет достаточно возможностей поговорить во время марша на юг.

Остальные римляне тут же последовали его примеру. Через две минуты они уже садились на лошадей за пределами шатра и отправились в разбитый неподалеку римский лагерь.

— Что-то наклевывается,— заметил Кутзес.

— Политика,— объявил его брат.— Должно быть, она.

Велисарий удивился. Абстрактно он знал, что Бузес и Кутзес не дураки. Но братья вели себя так глупо во время его предыдущей встречи с ними три года назад, что он не ожидал такой проницательности.

Однако ничего не сказал в ответ. По крайней мере, до тех пор, пока они с Маврикием не расстались с братьями у их шатра и не отправились дальше к фракийской части лагеря.

— Ты знаешь: он ведь прав,— заметил Маврикий.

Велисарий кивнул.

— У персов кризис с престолонаследованием. Хосров совсем недавно занял трон, а у него полно сводных братьев. В частности Ормузд очень недоволен сложившейся ситуацией. Если бы малва не вторглись в Персию, там бы скорее всего началась гражданская война. Персы могут сколько угодно насмехаться над нами в связи с усыновлением Фотия Феодорой и Юстинианом, но у них своя печальная история. Вспомни, что происходило вокруг престола при смене правителей. Сколько раз в прошлом в Персии после смерти императора начиналась гражданская война. Один из претендентов из династии Сасанидов боролся против другого. А иногда и трое, и даже четверо одновременно.

Еще какое-то время они ехали молча. Затем Маврикий улыбнулся.

— Кстати, я думаю, ты неплохо справился,— заявил он.— Я имею в виду, с враньем. В особенности мне понравились разрушенные стены Ранапура. Звучало очень правдиво. Тебе удалось полностью избежать неприятной ситуации. А то как бы ты объяснял паре персидских сахрдаранов, что твой опыт с укреплениями — это совет какого-то варвара, галла ни больше ни меньше, который еще и родится через тысячу двести лет.

Велисарий скорчил гримасу. Маврикий продолжал весело рассуждать.

— Однако один раз ты здорово лопухнулся. Когда упомянул, что, как ты надеешься, у малва из нового оружия есть только осадные орудия, ракеты и гранаты.

Велисарий скорчил гримасу. Но Маврикий явно вознамерился обсудить все.

— Это была серьезная оговорка. Надеешься! К счастью, персы ничего не поняли. А то могли бы спросить: а какое оружие ты боишься увидешь?

Хилиарх хитро посмотрел на полководца.

— И что бы тогда им ответил?

Велисарий смотрел прямо перед собой. Молчал. Выражение его лица оставалось угрюмым.

— М-да, это было бы трудновато,— усмехнулся Маврикий.

Он попытался спародировать баритон Велисария:

— Надеюсь, не увидим мобильную артиллерию. Или, что еще хуже, пистолеты. Знаете — те, которые мы, римляне, пытаемся воссоздать в рамках нашего тайного оружейного проекта, основываясь на видениях из будущего. Их нам показывает магический кристалл, который некоторые из нас называют Талисманом Бога. Правда, успехов пока не добились. Дело идет трудно.

Они остановились у шатра, в котором жили вместе. Велисарий спрыгнул на землю. Уже стоя на своих двоих, посмотрел вверх на ухмыляющегося Маврикия.

— Я очень верю в Иоанна Родосского,— твердо, даже жестко сказал Велисарий.

Маврикий покачал головой.

— Это потому, что ты никогда с ним вместе не работал.

Хилиарх тоже спрыгнул на землю и последовал за Велисарием в шатер.

— А мне в отличие от тебя пришлось,— добавил он ворчливо.— Очень запоминающийся опыт. Поверь мне.

Глава 9

Родос.
Лето 531 года н. э.

— Прячься, идиотка!

Антонина нырнула за баррикаду. Как раз вовремя. Послышался резкий, мерзкий звук. Скорее треск. Что-то среднее между треском и жужжанием. Мгновение спустя над ее головой с шипением пролетел некий предмет. Ну не совсем над головой, но очень близко.

Из-за другой баррикады высунулась голова Иоанна. Когда Антонина тоже выглянула с опаской, то встретилась с взглядом голубых глаз морского офицера. Он гневно смотрел на нее.

— Сколько раз тебе можно повторять?! — рявкнул он.— Это опасно!

Другие наблюдатели за испытаниями оружия, пять римских офицеров, начинали подниматься из-за тяжелых деревянных баррикад, которые с трех сторон окружали проходившую испытания пушку.

Можно сказать — усопшую пушку. Почившую во время испытаний. Она лежала на боку, вылетев из тяжелой деревянной люльки, а один из припаянных железных брусков, составлявших ствол, отсутствовал. Увидев обожженную дыру по всей длине ствола на месте отлетевшего куска, Антонина скорчила гримасу. Именно этот брусок с шипением и жужжанием пролетел почти над ее головой. И она лишилась бы головы, если бы не пригнулась вовремя.

Иоанн вышел из-за баррикады. Ступал он тяжело.

— Все! Все! — закричал он, отвел взгляд от группы сгрудившихся у пушки римских офицеров и повелительно показал указательным пальцем на Антонину.— С этого дня и навсегда этой женщине запрещается присутствовать при испытаниях! — объявил он.— А вам я приказываю обеспечить выполнение моего распоряжения!

Гермоген откашлялся.

— Это невозможно, Иоанн. Ты же знаешь: нами командует Антонина. И тобой, и мной. Получен императорский мандат. Если ты желаешь проинформировать императрицу Феодору об отмене тобой ее приказа, вперед, действуй. Но только сам, без меня.

— Я лично предпочел бы помочиться на дракона,— пробормотал другой офицер, молодой сириец по имени Евфроний, старший помощник командующей Когортой Феодоры, то есть подчиняющийся только Антонине.

Офицер, командующий пехотой, стоявший рядом с ним, который занимал такое же положение, как и Евфроний, только у Гермогена, кивнул с самым серьезным видом.

— Я тоже,— согласился Калликстос.— На большого, проснувшегося, голодного дракона...

— Охраняющего свои клады,— закончил другой офицер. Этот человек, Ашот, командовал фракийскими катафрактами, которых Велисарий отправил сопровождать жену во время путешествия в Египет.

Последний офицер ничего не сказал. Его звали Менандр и он недавно получил назначение. Теперь он был гектонтархом, теоретически — командующим сотней воинов. Ему недавно исполнилось двадцать лет, и раньше он никем никогда не командовал. Но звание Менандра являлось простой формальностью. На самом деле он выступал в качестве «особого советника» Антонины.

Менандр был третьим из трех катафрактов, сопровождавших Велисария во время путешествия в Индию. Двое других, Валентин

с Анастасием, остались с полководцем в качестве его личных телохранителей.

У Менандра не было их опыта фактического участия в сражениях, поэтому ему и дали другое задание. Велисарий считал, что Менандр прекрасно уловил суть порохового оружия и тактики его использования во время путешествия по Индии, поэтому Велисарий с похвалами представил его жене, причем хвалил так, что парень покраснел, как свекла, до кончиков волос.

Неуверенный в себе, Менандр ничего не сказал. Но он был уверен в том, кому служит. Поэтому расправил плечи и встал рядом с Антониной.

Увидев, как повела себя оппозиция, Иоанн в отчаянии воздел руки к небу. Все военные, приписанные к проекту, объединились против него!

— В таком случае я ни за что не отвечаю! — Гневный взгляд голубых глаз снова сфокусировался на Антонине.— Ты обречена, женщина. Обречена, говорю тебе! Тебе судьбой предначертано умереть молодой!

Иоанн стал носиться по кругу, топая ногами и размахивая руками.

— Скоро лишишься какой-нибудь части тела! — предрекал он.— А то и кишки вывалятся или голова отскочит.

Он еще больше разозлился, заводя себя беганьем из стороны в сторону.

— Превратишься в кровавый кусок мяса. В искореженную плоть, никто не сможет разобрать, где была какая часть тела!

У Антонины накопился уже большой опыт общения с Иоанном. Поэтому она спокойно подождала какое-то время, наблюдая за его беготней, размахиванием руками и слушая проклятия.

— Что именно случилось, Иоанн? — спросила она через несколько минут.

Как и всегда, после выпускания достаточного количества пара, у морского офицера должным образом начинал работать острый ум.

Иоанн внимательно осмотрел покореженную пушку.

— То же самое, что обычно происходит с этими проклятыми пушками из кованого железа,— проворчал он.— Если при сварке был допущен хоть какой-то брак, одна часть обязательно взорвется и вылетит.

Он подошел к пушке и сел на корточки.

— Идите сюда,— приказал он.— Покажу вам, в чем дело.

Антонина обошла баррикаду и склонилась рядом с ним. Мгновение спустя вокруг собрались и пять офицеров.

Иоанн показал на один из железных брусков, длиной на весь ствол. Ствол был сделан из двенадцати идентичных брусков, теперь

осталось одиннадцать — после того, как один оторвало. Длина каждого составляла три фута, толщина — один дюйм. Бруски плотно прилегали друг к другу, формируя додекаэдр — двенадцатигранник, вернее двенадцатигранную трубу, диаметр которой составлял три дюйма. С внешней части ствола в проемах между брусками были сварные швы.

Иоанн показал на поврежденные сварные швы, которые когда-то удерживали на месте отлетевший брусок.

— Вот здесь они всегда и разрываются,— сказал он.— Происходит примерно в каждом третьем случае.

Он нахмурился, скорее в задумчивости, чем в гневе.

— Я бы даже согласился, чтобы эти штуковины были предсказуемыми. Тогда я протестировал бы каждую и избавился от недостатков. Не работает. Я видел, как одна взорвалась после по меньшей мере двадцати успешных выстрелов.

После некоторых колебаний заговорил Евфроний:

— Я обратил внимание, что вокруг ствола у тебя не припаяны обручи, как на других пушках. Разве их добавление не укрепит ствол?

Антонина видела, как Иоанн с трудом пытается сдержаться. Однако боролся он с собой недолго. Когда морской офицер открыл рот, говорил он спокойным тоном, просто терпеливо объяснял. Это была одна из многих черт, которые ей нравились в родосце. Несмотря на легендарную раздражительность Иоанна, Антонина давно поняла: Иоанн относится к редкой породе людей, которые раздражаются и грубят начальству, но, как правило, вежливо общаются с теми, кто стоит ниже них на социальной лестнице.

— Да, Евфроний, это бы укрепило ствол,— сказал Иоанн.— Но есть проблема. Пушки, которые ты имеешь в виду,— небольшие по размеру и достаточно легкие, даже с добавлением укрепляющих обручей. Более того, пороховой заряд там невелик. Но для достижения той же степени надежности у этих трехдюймовых пушек мне пришлось бы устанавливать обручи по длине всего ствола. А это добавляет лишний вес, и значительный...

Он замолчал, прикидывая.

— Сейчас пушка весит около ста пятидесяти фунтов. Если добавить обручи — как я уже сказал, обручи следует устанавливать по всей длине ствола, а не просто усилить ствол в нескольких местах,— то добавится примерно пятьдесят фунтов веса. В общем получается двести фунтов — и это только ствол. А тут еще и опора. Люлька, как мы ее называем.

— Это не так уж и плохо,— заметил Ашот.— В особенности если установить ее на военном корабле.

— И да, и нет,— ответил Иоанн.— Это правда, что вес орудия на корабле не будет иметь значения. Проблема в целостности железа.

Он бросил взгляд на Антонину.

— Велисарий рассказал мне — и я подтвердил это собственными тестами — что пушки из кованого железа требуют тщательного ухода. Проклятые штуковины нужно мыть в кипятке после определенного количества выстрелов, или в стволе скапливаются остатки пороха и это портит металл.

Он скорчил гримасу. Как и Ашот.

Гермоген переводил взгляд с одного на другого и хмурился от непонимания.

— Не вижу проблемы,— сказал он.— Конечно, для пехоты очень неудобно кипятить воду и мыть пушки. В особенности в пустыне. Но на судне...

Глаза Иоанна выпучились. До того как Иоанн открыл рот, чтобы заорать, встрял Ашот:

— Не забывай, Иоанн: он никогда не служил на море.

Иоанн сжал челюсти.

— Это очевидно,— проворчал он.

Ашот улыбнулся и объяснил ситуацию Гермогену:

— Что никогда не следует делать на корабле — так это разводить большой огонь под огромным котлом. Поверь мне, Гермоген, этого не следует делать ни в коем случае. Ничто в мире не горит так хорошо, как корабль. Там же промасленное дерево, смола, оснастка...

— Проклятые суда, словно горка щепок в камине, только и ждут, чтобы их подожгли,— вставил Иоанн.— Более того, какую воду ты собираешься использовать? Морскую? Тогда в самое ближайшее время жди коррозии ствола!

Антонина выпрямились.

— Значит так. На военные корабли поставим бронзовые пушки. Их же — для полевой артиллерии. Орудия из кованого железа ограничим. Из него будут только небольшие пушки для пехоты.

— Они все равно будут время от времени взрываться,— предупредил Иоанн.

Евфроний улыбнулся с поразительным дружелюбием и веселостью.

— Да, Иоанн, будут. Я видел, как это происходит. И однажды это случилось со мной. Да, пугает. Но мои гренадеры справятся. Есть один положительный момент, когда эти штуковины взрываются. Они взрываются не на тебя, а вбок. Пугает, черт побери, но на самом деле это не так опасно.

— Кроме как для человека, стоящего рядом с тобой,— пробормотал Калликстос.

— На самом дел нет. Не забывай — у небольших пушек есть крепежные обручи. До сих пор каждый раз, когда одна из них

взрывалась — что, кстати, происходит не так уж часто,— обручи сдерживали другие части, не давая им разлетаться в разные стороны множеством осколков. Получается груда разорванных деталей. Да, можешь пораниться, даже, вероятно, они могут тебя убить, но шансы не так уж и плохи.— Евфроний пожал плечами.— Это жизнь. Мы — фермеры и пастухи, Калликстос. Фермерство тоже опасно, веришь или нет. В особенности, если приходится иметь дело с крупным рогатым скотом. Мой двоюродный брат в прошлом году стал калекой, когда...

Он замолчал, отмахнувшись от воспоминаний. Все, наблюдавшие за сирийским крестьянином, ставшим гренадером, поразились этому спокойному фатализму жеста.

— Мы справимся,— повторил он. Веселая улыбка вернулась.— Хотя я обязательно подчеркну необходимость постоянно держать оружие в чистоте. И заставлю своих гренадеров держать его в чистоте. Даже если ради этого потребуется регулярно таскать за собой несколько больших тяжелых котлов.

Он усмехнулся.

— Конечно, жены будут сильно возражать и постоянно ворчать, поскольку таскать котлы придется им.

Иоанн все еще не был удовлетворен.

— Бронза дорогая,— пожаловался он.— Железные пушки гораздо дешевле.

Антонина покачала головой.

— Придется пережить расходы. Я не намерена подвергать такому риску своих солдат или моряков. Пусть казначеи воют сколько вздумается.

Она помолчала и мрачно добавила:

— А если будут сильно выть, я отправлю их к Феодоре.

Затем к ней вернулось обычное чувство юмора.

— К тому же, Иоанн, мы можем сделать большие пушки для защиты крепостей из кованого железа. После того, как доберемся до Александрии. Их вес не будет иметь значения, поскольку их никто никогда не станет двигать — после того, как установят для защиты города. И не возникнет проблем с содержанием их в чистоте. В любом случае у приписанных к ним солдат гарнизона других занятий и не будет. Надо надеяться, что этими пушками никогда не придется пользоваться.

Иоанн нахмурился.

— А ты уверена в этом? — спросил он.

Теперь он говорил не о пушках. Он снова поднимал вопрос, по которому они спорили с Антониной после ее появления на Родосе. Самым первым указанием, которое дала Антонина Иоанну, практически сразу же после того, как ступила на берег, была организация

транспортировки оружейного комплекса, который он с таким трудом построил, в Александрию. Полностью.

Антонина вздохнула.

— Иоанн, мы обсуждали это уже сотню раз. Родос сильно изолирован. Войну с малва выиграют на юге. Египет же очень удачно расположен. И кроме того...

Она колебалась. Как и многие родившиеся на Родосе, Иоанн был сильно привязан к родному острову, однако...

— Смотри правде в глаза, Иоанн. Родос не просто изолирован, он слишком мал.

Она махнула рукой на мастерские, расположенные примерно в пятидесяти ярдах от места испытаний. Они стояли очень плотно друг к другу. Мастерские, как и площадка, отведенная под испытания, располагались на небольшом участке отвесного берега, выходящего в море. За ними возвышалась крутая, каменистая горная цепь.

— Это война, отличная от всех других, которые имели место когда-либо раньше. Для ее ведения нам требуется построить гигантский оружейный комплекс. Это означает Александрию, Иоанн, а не этот маленький остров. Александрия — второй по величине город в империи после Константинополя. Более того, в ней сконцентрировано больше всего мануфактур, умелых ремесленников, практикующих самые разные ремесла. Нигде больше мы не можем собрать воедино материалы и, что самое важное, рабочую силу достаточно быстро.

— Египет также является самой богатой сельскохозяйственной провинцией империи,— добавил Гермоген.— Поэтому у нас не будет проблемы, чем кормить рабочих. В то время, как на Родосе...

Он замолчал и махнул на окружающую их бесплодную местность. Родос славился по всему Средиземноморью умениями моряков и смекалкой купцов. Оба таланта развивались на протяжении столетий, компенсируя тяжелые условия для ведения сельского хозяйства.

Иоанн медленно поднялся.

— Хорошо,— вздохнул он. Затем добавил, подозрительно глядя на Антонину: — Ты уверена, что это — не хитрая схема для оправдания твоего триумфального возвращения в родной город?

Антонина рассмеялась. Но в этом смехе не было веселости. Совсем.

— Когда я уезжала из Александрии, Иоанн, я поклялась, что никогда больше ноги моей там не будет.— На мгновение ее красивое лицо превратилось с жесткую холодную маску.— Да будь проклята эта Александрия. Все, что я помню,— это нищета, раболепие и...

Она замолчала, пожала плечами. Все собравшиеся вокруг мужчины знали ее историю. Все, за исключением Евфрония, знали давно.

Сирийский крестьянин узнал ее три месяца назад, когда Антонина выбрала его главным помощником командира, то есть своим помощником, и пригласила их с женой в свою усадьбу на ужин. И тогда сказала им, после еды, когда они пили вино. Внимательно следила за их реакцией. Евфрония это несколько шокировало, но преодолеть шок ему помогло восхищение Антониной.

Его жена Мария совсем не была шокирована. Она тоже восхищалась Антониной. Но в отличие от мужа она понимала, какой выбор стоит перед девушками, родившимися в нищете. Мария выбрала другой путь, не тот, что Антонина. Когда ее рука гладила руку мужа, она вспоминала нежность шестнадцатилетнего пастуха, но Мария не осуждала других. Мария сама думала о другом выборе, и не один раз, перед тем как согласиться выйти замуж за Евфрония и жить жизнью крестьянской жены.

Антонина отвернулась.

— Черт с ней, с Александрией,— буркнула она.

Глава 10

Месопотамия.
Лето 531 года н. э.

Через час марша из Карбелы Баресманас сообщил плохую новость.

— Похоже, нас все-таки ждет гражданская война в дополнение к вторжению малва,— с мрачным видом сказал он.

Перс благородного происхождения смотрел на бесплодную, сухую пустыню северной Месопотамии. За исключением попадавшихся время от времени оазисов, единственным разнообразием в непривлекательном пейзаже был Евфрат, протекавший в полумиле на восток от дороги, по которой шла армия.

Велисарий вопросительно приподнял брови, глядя на шахрадара, но ничего не сказал. Мгновение спустя Баресманас вздохнул.

— Я надеялся, что до этого не дойдет. Но Ормузд всегда был дураком. Сводный брат императора Хосрова имеет довольно мощную поддержку среди некоторых семей шахрадаров, в особенности Варазесов и Андиганов. Также к нему положительно относятся часть Каренов. И он достаточно популярен среди вурсурганов. Очевидно, все это ударило ему в голову. Глупо! — фыркнул Баресманас.— Большое количество дехганов недвусмысленно продемонстрировали свою преданность Хосрову. Без них...— Баресманас пожал плечами.

Велисарий кивнул в задумчивости, вспоминая, что ему известно о структуре власти в Персии.

Персидское общество жестко делилось на классы, и классовое положение обычно прямо переводилось в политическую власть.

Семь семей шахрадаров давали сатрапов главных провинций и, довольно часто, владык подчиненных королевств. За великими семьями шахрадаров шел другой класс — тоже благородных господ, который персы называли вурсурган. Его представители правили небольшими провинциями, а также занимали высокие посты в имперской бюрократии.

Наконец, низшим классом персидской аристократии был азадан, или просто люди благородного происхождения. Большинство являлись лицами, имеющими какую-то землю. Представителей этого класса сами персы называли дехганами. Именно из дехганов происходили наводящие на врагов страх копьеносцы в тяжелой броне, составлявшие сердце мощной персидской армии.

Соперник Хосрова Ормузд, несмотря на то что получил поддержку многих высокопоставленных господ благородного происхождения, не смог завоевать поддержку людей, обеспечивающих персидских правителей военной мощью.

Велисарий хитровато улыбнулся.

— Даже арийским принцам приходится принимать в расчет грубую реальность,— пробормотал он.

Баресманас ответил на хитрую улыбку такой же.

— На самом деле это твоя вина,— заметил он.

Глаза Велисария округлились.

— Моя? Как так?

— Самым могущественным и влиятельным человеком, поддерживающим Ормузда, является Фируз. Возможно, ты в курсе, что он из Каренов.

Велисарий покачал головой.

— Нет, этого я не знал. Мы, кстати, говорим об одном и том же Фирузе? Том...

— Да, о нем. Тот самый Фируз — самоуверенный, не сомневающийся ни в чем, который возглавлял персидскую армию под Миндусом. Привел ее к самому позорному поражению за целых сто лет. Не без твоей помощи, друг мой.

Велисарий нахмурился.

— Я знал, что он выжил в том сражении. Я даже ходил к нему, пока он находился у нас в плену, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Он обошелся со мной грубо, поэтому я не стал задерживаться. Но я не знал, что он из Каренов, и не представлял, что он имеет такое влияние в династических вопросах.

Баресманас рассмеялся. В этом смехе слышалось презрение.

— О, да. Он пользуется большим успехом среди ряда господ благородного происхождения. Да и священники о нем высокого мнения. На самом деле именно то, что он является фаворитом ряда очень высокопоставленных лиц, и привело к назначению его коман-

дующим армией в Нисибисе. Несмотря на очевидную некомпетентность в военных вопросах,— добавил Баресманас без доли юмора.

Велисарий на мгновение отвлекся. Появившаяся на обочине змея вызвала беспокойство у коня. Успокоив животное, полководец повернулся назад к Баресманасу.

— Это, как я подозреваю, объясняет враждебность дехганов к его кандидату Ормузду.

Шахрадар поджал губы.

— Они не забыли тот сумасшедший бросок под Миндусом. Ведь именно Фируз повел нас в атаку, в результате которой мы оказались в ловушке и не смогли справиться с твоими полевыми укреплениями.— Он содрогнулся.— Ну и бойня!

На мгновение лицо шахрадара постарело и вытянулось. Велисарий отвернулся, контролируя собственное выражение лица. Да, в центре поля под Миндусом в самом деле шла бойня. Как он и запланировал. Римляне поймали персидских копьеносцев в ловушку. А его собственная тяжелая конница била их с флангов.

Он вздохнул. На протяжении последних месяцев он хорошо узнал Баресманаса и испытывал к нему только теплые чувства. Однако знал, что сделает все точно так же, если возникнет необходимость.

Очевидно, часть его чувств стала понятна персу. Баресманас склонился к нему поближе.

— Это война, друг мой,— прошептал перс.— В этом, если ни в чем другом, мы с тобой очень похожи — ни один из нас не верит ни в какие мифы о славе и воинском могуществе.

— Как учил меня мой хилиарх Маврикий, война — это убийство,— хрипло ответил Велисарий.— Организованное систематическое убийство — не больше и не меньше. Это было первое, что он мне сказал, когда я только взял на себя командование. Мне тогда едва исполнилось семнадцать лет. Но у меня хватило ума спросить у следующего за мной по рангу — тогда Маврикий был декархом — его мнение.

Баресманас повернулся в седле и посмотрел назад, на длинную колонну, следующую за ними.

— Кстати, а где Маврикий? Я не видел его, когда мы выступили в поход сегодня утром,— он еще раз внимательно осмотрел колонну.— И, кстати, где два твоих телохранителя?

Теперь Велисарий скорчил гримасу.

— Возникла проблема. Я попросил Маврикия ею заняться. Послал Валентина с Анастасием вместе с ним, с отрядом моих букеллариев.

— Кто-то грабил местное население? — внимательно посмотрел на него Баресманас.

Лицо полководца исказилось сильнее.

— Хуже. Вчера вечером в Карбеле несколько человек из гарнизона Константинополя напились в таверне и изнасиловали девушку, которая подносила им вино. Кстати, дочь хозяина таверны. Когда хозяин таверны с двумя сыновьями попробовали вмешаться, солдаты убили всех троих.

Баресманас покачал головой.

— Это случается. В особенности с войсками...

— В моей армии такого не случается,— полководец плотно сжал челюсти.— По крайней мере, не больше одного раза.

— Ты наказал виновных.

— Да, всем восьмерым отрубили головы.

Баресманас с минуту молчал. Как опытный офицер, он прекрасно понимал, что за этим может последовать. В армиях, как и в империях, есть свои подводные течения.

— Ты ожидаешь проблем от солдат из гарнизона Константинополя,— заявил он.— Им совсем не понравится казнь их товарищей твоими фракийцами.

— Им это может не нравиться сколько угодно,— рявкнул Велисарий.— Если они научатся бояться людей из моего окружения.

Он повернулся в седле и посмотрел назад.

— Маврикий и его подчиненные сейчас не едут во главе колонны потому, что они едут по флангам войск из Константинополя. И тянут за собой на веревках восемь трупов. И мешок с восьмью головами.

Он развернулся назад, глаза его холодно блестели.

— У нас и так достаточно проблем. Если у этих ребят из гарнизона появится мысль, что они могут творить любые бесчинства в римском городе, представь, что они отмочат после того, как мы доберемся до персидской территории.

Баресманас поджал губы.

— Возникнут сложности. В особенности, когда Ормузд мутит воду. Он против того, что сам называет «капитуляцией» Хосрова Римской империи.

Велисарий усмехнулся.

— Малва орудуют на территории Персии, и Ормузд проклинает сводного брата за то, что тот нашел союзника?

Шахрадар пожал плечами.

— Если бы не это, Ормузд нашел бы другой повод. Амбиции этого человека безразмерны. Мы надеялись, что он примет свой статус, но...

Велисарий прямо посмотрел на него.

— Что именно сообщил твой курьер? Насколько плоха новость?

— Это не новость, Велисарий. Просто оценка событий. После того как малва вторглись на нашу территорию, Ормузд официально,

хоть и с неохотой, признал занятие престола Хосровом. В ответ на это Хосров назначил его сатрапом Северной Месопотамии — богатой провинции, которую мы называем Асуристан, а вы называете древним названием Ассирия. Ормузд обязался привести войско в тридцать тысяч человек в помощь императору в Вавилоне. Как мы узнали, он на самом деле собрал такое войско, но стоит лагерем недалеко от столицы Ктесифон. Как раз за Тигром.

Шахрадар оглядел безжизненную пустыню таким же холодным взглядом, как недавно Велисарий.

— На самом деле это хорошая позиция, с которой можно брать нашу столицу. Но в ней нет никакого смысла, если говорить о войне против малва. Мы подозреваем самое худшее.

— Ты думаешь, Ормузд заключил союз с малва?

Баресманас вздохнул.

— Кто знает? Лично я в это не верю — по крайней мере пока. Я думаю, Ормузд просто выжидает в сторонке, готовясь ударить, если Хосрова выкурят из Вавилона.— Он устало потер лицо.— Я также должен сказать тебе, Велисарий, что курьер доставил и инструкции мне. После того как мы прибудем в Пероз-Шапур, мне придется расстаться с твоей армией. Император приказал мне взять Куруша и моих солдат, а также другие войска, дожидающиеся меня в Пероз-Шапуре, и отправляться в лагерь Ормузда.

— Зачем? — спросил Велисарий.

Баресманас пожал плечами.

— Сделать то, что смогу. Убедить Ормузда — если так можно выразиться — присоединиться к борьбе против завоевателей.

Велисарий с минуту внимательно смотрел на него.

— А сколько человек ждет тебя в Пероз-Шапуре?

— Две тысячи, может, три.

Велисарий посмотрел через плечо, словно пытаясь сосчитать персидских солдат Баресманаса. Семьсот персидских кавалеристов из эскорта шахрадара можно было с трудом рассмотреть в конце длинной колонны.

— Меньше четырех тысяч,— пробормотал он.— Не очень-то убедишь с таким количеством.

Баресманас снова пожал плечами.

Велисарий улыбнулся.

— Какой дипломат! Ты хочешь сказать мне, что император Хосров даже не предложил тебе попросить помощи у римского союзника?

Баресманас быстро взглянул на него.

— Ну... Курьер на самом деле упомянул о размышлениях императора в часы досуга. Если у командующего римской армией вдруг возникнет желание посмотреть руины старого города, осно-

ванного греками,— древней столицы *Селевкидов*, то император не будет возражать. Совсем не будет.

Велисарий почесал подбородок.

— Древняя столица Селевкидов. Да. Да. Мне вдруг захотелось на нее взглянуть. На самом деле это мечта моей жизни.

Какое-то время они ехали молча, как два старых друга.

— Кстати, царство Селевкидов ведь основали не греки,— вдруг заметил Велисарий.— Македонцы.

Баресманас только отмахнулся.

— Пожалуйста, Велисарий! Навряд ли ты ожидаешь от чистокровного ария, что он понимает такие мелкие различия. С нашей точки зрения, вы, полукровки с запада, бываете только двух видов. Плохие греки и очень плохие греки.

Глава 11

Через два дня давно копившееся недовольство гарнизона Константинополя прорвалось. Когда после дневного привала прозвучал приказ садиться в седло, войска из гарнизона остались сидеть у костров, отказываясь строиться.

Очевидно, их действия были скоординированы заранее. Несколько человек из ближайшего окружения Велисария, включая Маврикия, сообщили ему, что нескольких гарнизонных офицеров (правда, не высшего звена) видели курсирующими между группами солдат во время дневного привала. Похоже, главные начальники над солдатами, постоянно приписанными к Константинополю, хилиарх и трибуны, не были задействованы прямо. Но они также не предпринимали никаких видимых усилий для восстановления дисциплины в рядах подчиненных.

— Организованное неподчинение,— гневно сделал вывод Маврикий.— Это не спонтанный взрыв.

Велисарий какое-то время смотрел на Евфрат, словно пытаясь найти вдохновение в спокойно текущих водах. Как и обычно, если такое было возможно, армия сделала дневной привал там, где дорога подходила прямо к воде.

Полководец вытер лицо платком. Жара действовала угнетающе, даже под тентом, который специально для него на время привала натягивали подчиненные. Они устанавливали шесть шестов и крепили к ним кусок плотной ткани. Это была хоть какая-то защита от солнца, одновременно не закрывающая доступ легкому ветерку, если такой дул.

— Давай не будем использовать термин,— твердо сказал полководец. Встретился с разгневанным взглядом Маврикия спокойными глазами.— Неподчинение — не просто ругательное слово, Маври-

кий. Это также юридический термин. Если я называю происходящее неподчинением командованию, то по императорскому указу от меня требуется вполне определенным образом решать этот вопрос. А в настоящий момент я не уверен, что предполагаемый указом «образ действий» необходим. И не уверен, что это будет разумно.

Велисарий осмотрел лица других людей, собравшихся под тентом. Пришли все командующие армией, за исключением офицеров, стоящих во главе войск Константинополя. Их отсутствие делало очевидным их позицию.

Под тентом находились и Баресманас с Курушем. Велисарий вначале решил разобраться с этой проблемой.

— Я буду благодарен, Куруш, если ты с твоими войсками возобновишь движение. Двигайтесь настолько медленно, насколько возможно, правда, не надо очевидно тащить ноги. Но держите низкий темп, чтобы мы после решения проблемы могли без особого труда вас догнать. Но на данный момент, я думаю, будет лучше...

Куруш кивнул.

— От тебя не требуется никаких объяснений, Велисарий. Совсем не нужно, чтобы в дело еще вмешивались и персидские солдаты. А то мы станем еще одним источником недовольства.

Он отвернулся и пошел своей обычной нервной походкой, и тут же стал отдавать приказы подчиненным. Баресманас последовал за ним после того, как улыбнулся Велисарию, этой улыбкой выразив свою поддержку.

Теперь под тентом остались только римляне. Все немного расслабились. Или, лучше сказать, римлян теперь ничто не сдерживало.

— Называй это как хочешь! — рявкнул Кутзес.— Я думаю, с командующими гарнизоном ты должен расправиться точно так же, как с теми восьмью негодяями...

— Я считаю, нам следует выслушать, что думает полководец,— вставил Бузес. Он положил руку на плечо брата, таким образом сдерживая его.— Насколько тебе известно, он славится своими хитростями. Или ты уже забыл?

Кутзес скорчил кислую мину. Но промолчал. Бузес улыбнулся Велисарию.

— Может, нам стоит объявить о внезапно обнаруженном караване, направляющемся в расположение войск малва с жалованьем? — весело предложил Бузес.— И послать ребят из гарнизона на разведку?

Все собравшиеся офицеры за исключением Велисария расхохотались. Но даже он не смог не улыбнуться в ответ на предложение Бузеса.

За несколько дней после присоединения Бузеса и Кутзеса к его армии Велисарий пришел к тому же мнению, что и Ситтас с Гермогеном. Ни один из двух братьев, в особенности Кутзес, еще

полностью не избавился от горячности, свойственной юности. Правда, за три года, прошедшие после Миндуса, оба брата в некоторой мере научились сдерживать свои порывы. И это было очевидно.

Улыбка Велисария сошла с лица. Да, он уже решил для себя, что одобряет двух братьев-фракийцев. Не все люди умеют учиться на своих ошибках. Велисарий сам умел и ценил это качество в других.

Юмор, думал он,— это ключ, в особенности способность посмеяться над самим собой. Услышав, как Бузес и Кутзес в Карбеле пригласили Маврикия на «рекогносцировку» в ближайшую таверну, Велисарий понял: с братьями больше проблем не возникнет.

Но сейчас было не до шуток. Проблема оставалась, и она ни в коей мере не являлась комичной.

— Я хочу решить вопрос без кровопролития,— объявил он.— И в любом случае я считаю, что в нем нет необходимости, Маврикий. Я не стану спорить с тобой по юридическим вопросам и терминам, но просто считаю: ты неправильно понял ситуацию.

Маврикий потрепал бороду.

— Может быть,— недовольно согласился он.— Но...

Велисарий снова поднял руку, жестом попросив Маврикия помолчать. Хилиарх пожал плечами, но ничего не сказал. Полководец повернулся к Тимасию, командующему пятьюстами иллирийскими кавалеристами, предоставленными Германицием.

— Твои люди — главные в решении проблемы,— объявил он.— По крайней мере, им отводится ключевая роль в моем решении. Какую они занимают позицию?

Тимасий нахмурился.

— Позицию? Что ты имеешь в виду?

Тимасий говорил с сильным акцентом. Как и у большинства иллирийцев, его родным языком являлась латынь, а не греческий. И если судить только по тому, как он произносил фразы, его можно было принять за тугодума. Вначале Велисарий, которому много раз в прошлом доводилось сталкиваться с иллирийцами, отказался от этой мысли, отбросив первое впечатление, однако после более тесного знакомства все-таки пришел к выводу: Тимасий на самом деле не очень быстро соображает. Он казался достаточно компетентным командиром, если дело шло о рутинных мероприятиях. Однако...

Велисарий решил, что у него нет времени ходить вокруг да около и следует говорить прямо и резко.

— Я имею в виду, Тимасий, что вы, иллирийцы, тоже громко жаловались с тех пор, как мы выступили в поход два месяца назад.— Тимасий хотел возразить, но Велисарий отмахнулся от его возражений.— Я ни в чем тебя не обвиняю! Я просто констатирую факт.

Тимасий промолчал, угрюмо и с негодованием. Велисарий сжал челюсти, готовясь к продолжению. Но в этом не оказалось необ-

ходимости. Следующий за Тимасием по рангу, гектонтарх Либерий, вступил в разговор.

— Это не то же самое, полководец. Да, наши люди на самом деле много ворчали — но в связи с непривычными усилиями во время быстрого марша.

Мужчина нахмурился. С таким выражением при большом лице с низкими надбровными дугами он выглядел тупицей. Однако последующие слова противоречили впечатлению.

— Тебе следует отличать то, что происходит с нашими, и то, что гложет ребят из Константинополя. Они — изнеженные гарнизонные войска. Да, они не благородных кровей, за исключением командующих, по крайней мере, не этот полк, но они позаимствовали типичное отношение приписанных к столице солдат. Они привыкли быть главными надо всеми — как союзниками, так и врагами.— Он нахмурился сильнее. Казалось, брови встретились.— В особенности, они считают себя выше других, эти снобы. Девушка в Карбеле — не первая служанка в таверне, с которой они позволяли себе вольности, не сомневайся. Вероятно, таких было немало и в Константинополе, а потом дела замалчивались властями столицы.

Несколько собравшихся под тентом офицеров согласно кивнули.

— Иллирийские солдаты также не славятся своим мягким обхождением,— заметил Велисарий.

Либерий сморщился.

На самом деле у иллирийских войск, входивших в римскую армию, сложилась вполне определенная репутация. Они были склонны к зверствам более, чем кто-либо, если не считать чистых наемников.

— Все равно это не то,— твердо, но угрюмо заявил Либерий. На Велисария произвело впечатление то, как он держался: не было никаких всплесков эмоций. Либерий говорил спокойно. Пусть угрюмо, но он констатировал факты.

Либерий показал на Бузеса и Кутзеса, а также других офицеров сирийской армии.

— Эти парни привыкли иметь дело с персами. Персы — народ цивилизованный. Конечно, известно, что после начала войны обе стороны ведут себя... плохо. Но даже тогда это вопрос отношений между империями. А в перерывах между войнами — которые случаются гораздо чаще и длятся дольше — приграничные территории живут спокойно и мирно.

Несколько сирийских офицеров кивнули. Либерий продолжал говорить.

— Но вы не понимаете, что у нас в Иллирии совсем другая ситуация. Дикари-варвары постоянно совершают набеги. Они никогда не прекращаются. Приграничные деревни постоянно подвер-

гаются набегам каких-то племен, то готов, то аваров, то еще кого-нибудь. Они просто приходят что-то украсть. Их правители — если их можно назвать правителями, а не главарями разбойничьих банд — в большинстве случаев даже не знают об этих набегах.— Он пожал плечами.— Поэтому мы отвечаем тем же самым в ближайшей деревне варваров.

Он снова сильно нахмурился.

— Это НЕ изнасилование девушки в твоем собственном городе, а затем убийство половины ее семьи, попытавшейся за нее заступиться!

Снова собравшиеся кивнули, соглашаясь с Либерием. Послышались голоса. Либерия громко поддерживали.

Велисарий посмотрел на Тимасия. Наконец тугодум-начальник понял, что пытается донести до собравшихся его подчиненный.

Теперь Тимасий тоже кивал.

Велисарий был удовлетворен. По крайней мере на данный момент. Он отметил про себя, что ему в самое ближайшее время следует побеседовать с иллирийскими командирами. Напомнить, что им вскоре придется путешествовать по территории Персии и что методы, которыми иллирийцы привыкли действовать с варварами в районе Дуная, неприемлемы в Месопотамии.

Полководец вылез из-под навеса и подошел к коню.

— Хорошо,— сказал он.

Его офицеры собрались последовать за ним. Велисарий махнул рукой, приказывая им остановиться.

— Нет. Я сам займусь этим вопросом,— объявил он.

— Что?! — воскликнул Кутзес.— Ты никого не берешь с собой?

Велисарий хитро улыбнулся и поднял два пальца.

— Двоих.

Он показал на Валентина и Анастасия, которые на протяжении всего совещания ждали на солнцепеке, неподалеку от натянутого тента. Только увидев его жест, двое катафрактов тут же забрались в седло.

Только запрыгнув в седло, Велисарий улыбнулся офицерам, глядя на них сверху вниз.

Все они, за исключением Маврикия, смотрели на него так, словно он спятил.

— Двоих должно хватить,— спокойно объявил Велисарий и пришпорил коня.

Когда трое уже отъезжали, Валентин что-то пробормотал себе под нос.

— Что он сказал? — спросил Бузес.— Я не уловил.

Маврикий кисло улыбнулся.

— Думаю: мочился я на этого сумасшедшего стратега.

Он повернулся к тени, создаваемой тентом.

— А может, и нет. Это было бы очень неуважительно к высшему командованию. Может, он сказал: молодец у нас командир, командир что надо. Или подбадривал коня. Несчастное животное наверняка уже устало от пустыни не меньше нашего.

* * *

Когда они направлялись к дороге, Велисарий жестом показал Валентину и Анастасию, что им следует его догнать, а не следовать по пятам, как обычно. Когда они оказались по его бокам, Велисарий заговорил.

— Не прикасайтесь к оружию, пока вышедшие из... э... удрученные войска не возьмут в руки свое.

Он сурово посмотрел вначале на одного, потом на другого телохранителя. На грубом лице Анастасия отсутствовало какое-либо выражение. Валентин нахмурился, но открыто не возражал.

На лице полководца промелькнула улыбка.

— В основном мне требуется, чтобы вы со мной не соглашались. После того, как мы прибудем в греческий лагерь.

Глаза Анастасия округлились.

— НЕ соглашались?

Велисарий кивнул.

— Да. Не соглашались. Но учтите: не прямо. Не надо открытого сопротивления. Я ведь в конце концов ваш начальник. Но я хочу, чтобы вы ясно показали, не оставляя никаких сомнений: вы считаете меня идиотом.

Анастасий нахмурился. Валентин что-то пробормотал себе под нос.

— Что ты там сказал, Валентин? — поинтересовался Велисарий.— Не уверен, что я уловил суть.

Молчание.

— Он сказал: это будет нетрудно,— пророкотал Анастасий.

— Я так и подумал,— задумчиво произнес Велисарий. И улыбнулся.— Значит, у вас с заданием проблем не возникнет. У вас все получится естественно.

Валентин опять что-то забормотал себе под нос, на этот раз бормотал долго. Анастасий, не дожидаясь вопросов Велисария, решил вмешаться.

— Он сказал — я только передам суть,— что умники обычно заканчивают тем, что перехитрят сами себя. Что-то в этом роде.

Велисарий нахмурился.

— И все? Мне показалось, он говорил гораздо дольше. Даже целых несколько предложений.

Анастасий угрюмо покачал головой.

— Большая часть других слов были просто бесполезными определениями. Совершенно излишними.— Гигант неодобрительно посмотрел на товарища.— Очень он любит нецензурно выражаться.

Они приближались к лагерю, разбитому гарнизоном Константинополя. Велисарий пришпорил коня и заставил его идти рысью. После того как Валентин с Анастасием чуть-чуть отстали, заняв свое обычное положение телохранителей, Велисарий склонил голову набок.

— Не забудьте: не соглашаться,— напомнил он.— Не одобрять. Если скажу что-то разумное, хмурьтесь. Приятное — рычите. Мирное и успокаивающее — плюйте на землю.

В ответ послышалось невнятное бормотание.

Велисарий с трудом сдержал улыбку. Он не стал спрашивать перевод. Но не сомневался: высказывались только нецензурно.

Им стали попадаться первые люди из гарнизона Константинополя. Через минуту они проехали уже мимо нескольких сотен солдат, собравшихся небольшими группками по периметру лагеря. Как Велисарий и ожидал, большая часть гарнизона держалась подальше от собравшихся в центре. Это были трусы или те, кто выбрали нейтральную позицию, колеблясь между двумя мнениями и решив выждать.

Он сердечно улыбался всем этим людям. Даже время от времени здоровался с ними. Валентин с Анастасием тут же изобразили на лицах недовольство, хмурились, а Валентин еще что-то беспрерывно неразборчиво бормотал себе под нос. Недовольно бормотал. Гарнизонные солдаты отвечали на улыбку полководца по большей части неуверенно. Но Велисарий отметил, что некоторые улыбнулись искренне и дружески. Робко, болезненно, но тем не менее улыбнулись.

«Я знал это»,— подумал он удовлетворенно.

«Что знал? — тут же пришел мысленный импульс от Эйда.— И что происходит? Я запутался».

Велисарий колебался перед тем, как отвечать. Для сознания Эйда, которого он уже давно воспринимал, как живое существо, отказ повиноваться командованию и восстание были совершенно непонятными категориями. Эйда произвела на свет раса разумных кристаллов в далеком будущем и послала назад во времени, чтобы спасти людей от порабощения (и, не исключено, полного уничтожения) теми, кто называл себя «новыми богами». Разум этих кристаллов был во многом полностью отличен от человеческого. Одним из отличий являлось отсутствие индивидуальности. Каждый кристалл, хотя и жил сам по себе, являлся частью коллективного разума — точно так же, как каждый кристалл, в свою очередь, являлся сложным существом, состоящим из постоянно меняющих

свое положение граней, которые выпускали странные импульсы. Для этих кристаллов, и в частности Эйда, внутренние разлады и споры, которые естественны для людей, были непостижимы.

«Произошло то, что мы называем неподчинением, Эйд. Или восстанием».

После нескольких лет практики Велисарий научился отправлять свои мысли и свое восприятие событий в сознание Эйда. Как он обнаружил, передача своего восприятия и понимания происходящего, своего «видения» событий часто оказываются более легкими средствами общения с кристаллом, чем слова.

Поэтому он воспроизвел в памяти примеры различных восстаний или неподчинения командованию из прошлого, завершив показ восстанием Спартака и его мрачным финалом.

Он чувствовал, как грани кристалла мигают, воспринимая посылаемые им видения, пытаясь впитать суть.

Пока они это делали, а Эйд раздумывал, Велисарий с телохранителями добрались до центра лагеря. По меньшей мере четыреста солдат из гарнизона Константинополя собрались там, по большей части маленькими группками, окружая старших по возрасту солдат.

Велисарий не удивился. Как он и предполагал, простые солдаты сильно полагались на мнение и взгляды руководителей подразделений и непосредственных начальников. Это была армия, которую вели пентархи, декархи и гектонтархи, а не офицеры высшего звена.

«Хорошо. С этими людьми я справлюсь. Они будут угрюмы и злы, но они также думают и о своих пенсиях. В отличие от офицеров, у этих ветеранов нет богатых усадеб, где они собираются провести старость».

Толпа погрузилась в молчание. Велисарий медленно направил коня в самый ее центр. Остановив животное, Велисарий осмотрел солдат, уставившихся на него. Смотрел он спокойно и долго.

«Это глупо,— поступил ментальный импульс от Эйда.— Твой план смешон».

Грани пришли к такому выводу после оценки видений, показанных полководцем. В особенности последнего, подавления восстания Спартака. Они не сомневались в своей правоте.

«Противоречит здравому смыслу. Абсурдно. Нелепо. Нерационально. Ты не можешь казнить всех этих людей. Да в этой местности нет нужного количества деревьев, чтобы повесить даже четверть из них».

Велисарий с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться. После приложения немалых усилий ему удалось преобразовать смех в просто дружескую улыбку.

И в результате, к своему огромному удивлению, отказавшиеся подчиняться командованию солдаты из гарнизона Константинополя

стали свидетелями того, как главнокомандующий армии, который, как они предполагали, пришел, чтобы им угрожать и проклинать их, весело им улыбался.

Они почти не обратили внимания на гримасы недовольства на лицах двух его телохранителей. Двое или трое даже с обидой посмотрели на Валентина, бормочущего себе под нос.

Расталкивая солдат, сгрудившихся вокруг полководца, вперед пробрался один из офицеров. За ним последовали еще четверо.

Велисарий мгновенно узнал их. Первым был Суникас, хилиарх, командующий константинопольскими войсками. Затем подошли трибуны, следующие сразу же за ним в воинской иерархии. Велисарий знал по имени только одного — Бораидеса.

Когда пятеро остановились у его коня, Велисарий просто посмотрел на них сверху вниз, вопросительно приподнял брови, но ничего не сказал.

— У нас тут возникла проблема, полководец,— утвердительно сказал Суникас.— Как ты видишь, люди...

— Определенно есть проблема! — воскликнул Велисарий. Его голос прозвучал поразительно громко, так, что все собравшиеся вокруг мгновенно замолчали. Обычно полководец говорил тихо и спокойно, поэтому солдаты забывали, как он когда-то специально тренировал голос, чтобы своим баритоном пронзать шум битвы.

Велисарий снова осмотрел собравшихся вокруг него людей. Однако на этот раз в его взгляде не было ничего ласкового, мягкого и милосердного. Но смотрел он внимательно и уверенно.

Полководец показал указательным пальцем на одного из солдат, стоявших внутри круга. Гектонтарха, молодого для такого звания. Здорового детину, крупнее среднего солдата, с бочкообразной грудью. Он также был достаточно симпатичным, хотя и с большим носом, и явно крепким малым. Но под внешностью мускулистого бойца Велисарий не упустил умного выражения карих глаз. И не упустил прямой взгляд.

— Как тебя зовут? — спросил полководец.

— Агафий.

Выражение лица гектонтарха было хмурым, смотрел он сурово, ответил резко, почти на грани неуважения. Но на полководца гораздо большее впечатление произвела готовность мужчины тут же назвать себя. Велисарий махнул рукой, этим жестом как бы включая весь лагерь.

— Ты командуешь этими людьми,— твердо сказал Велисарий. Констатировал факт. Примерно так, как человек утверждает, что солнце встает на востоке.

Агафий нахмурился.

— Ты командуешь этими людьми,— повторил Велисарий.— С сегодняшнего дня. С этой минуты.

Агафий нахмурился сильнее. На мгновение перевел взгляд на стоявших рядом с ним. Но затем к радости Велисария расправил широкие плечи и поднял голову. Прекратил хмуриться, гримасу недовольства сменила целеустремленность.

— Что ты на это скажешь? — спросил полководец.

Агафий колебался, но только долю секунды.

— Да,— пожал он плечами.

Велисарий ждал, уставившись на него. Мгновение спустя, с неохотой, Агафий добавил:

— Да, полководец.

Велисарий ждал, глядя на него. Агафий смотрел на него. На его лице промелькнуло удивление. Молодой гектонтарх выдохнул воздух и встал очень прямо.

— Я командую этими людьми, полководец. С сегодняшнего дня. С этой минуты.

Велисарий кивнул.

— И завтра тоже,— сказал он. Очень приятным тоном, словно говорил о хорошей погоде.— И, я надеюсь, еще много дней.

Уголком глаза Велисарий заметил, как Анастасий неодобрительно смотрит на него. Услышал, как Валентин что-то бормочет себе под нос. Слов было не разобрать, но мрачный тон звучал вполне определенно.

Полководец перевел взгляд на хилиарха и трибунов, стоявших у его стремени. Спокойное, мягкое выражение лица исчезло, он смотрел на них безжалостно.

— Ты освобождаешься от командования, Суникас, как и твои трибуны. В течение часа вы должны быть на пути назад в Константинополь. Можете забрать с собой личные вещи. И конечно своих слуг. Ничего больше.

Суникас аж подавился.

— Ты не можешь этого сделать! — закричал трибун Бораидес.— На каком основании?

Велисарий услышал, как Валентин тут же проворчал: «Совершенно правильно!», затем пошло невнятное бормотание, в котором удавалось уловить всего несколько слов, например, «возмутительно» и «несправедливо». Анастасий в свою очередь только гневно смотрел на только что назначенного Агафия. Но как смотрел! Его гнев был подобен гневу Титана!

Гектонтарх тоже на него посмотрел. Тоже гневно, но гораздо скромнее. Просто как Геракл. Офицеры низшего звена из войск Константинополя стали собираться кругом вокруг Агафия. За несколько секунд трое других гектонтархов и возможно с десяток декархов уже стояли плечом к плечу, пытаясь соревноваться испепеляющими взглядами с двумя фракийскими катафрактами.

Велисарий тут же принял сторону греческих солдат.

Он резко повернулся в седле и очень гневно посмотрел на Валентина с Анастасием.

— Я не потерплю неповиновения! — рявкнул он.— Вы поняли?

Валентин с Анастасием покорно склонили головы. Но все-таки не очень покорно, как радостно увидел Велисарий. Их позы демонстрировали, что эти двое — упрямые, но пристыженные подчиненные, которым совсем не нравится гротескное нарушение их командиром военного протокола.

Велисарий снова гневно посмотрел на Бораидеса.

— На каком основании? — переспросил он.— На каком основании?

Теперь голос полководца звучал громоподобно. Просто мистически громко. Возможно, подобно голосу Тесея, успокаивающего Минотавра.

— На основании полнейшей некомпетентности! — рявкнул он.

Он снова сделал круговой жест. На этот раз широкий жест и совсем неспокойно. Велисарий стоял в стременах и простирал руку.

— Первый долг каждого командира — командовать! — проорал он.— Вы очевидно провалились в этом. Эти люди не находятся в вашем подчинении. Ты сам это признал.— Велисарий опустился назад в седло.— Поэтому я заменил вас человеком, способным командовать.— Он показал на Агафия.— На него. Он — новый хилиарх этого подразделения.

Глядя на Агафия, Велисарий кивнул на Суникаса и трибунов.

— Проследи, Агафий. Я хочу, чтобы эти... люди отправились в путь. В течение часа.

Агафий уставился на полководца. Велисарий спокойно и уверенно встретил его взгляд. Через несколько секунд новый хилиарх слегка повернул голову к одному из стоявших рядом с ними людей, не отводя взгляда от Велисария, и тихо сказал:

— Займись этим, Кирилл. Ты слышал, что сказал полководец. В течение часа.

Кирилл был опытным ветераном, побывавшим не в одном сражении, лет на десять старше Агафия. Он хитровато улыбнулся своему новому, только что назначенному начальнику и громко ответил:

— Как пожелаешь, командир!

Кирилл направился к Суникасу и трибунам. Его улыбка становилась шире, шире. И в то же время делалась довольно зловещей.

— Вы слышали приказ. Шевелитесь.

Бывшие командиры подразделения уставились на него. Кирилл слегка махнул рукой. К нему тут же присоединились четыре декарха, положили руки на рукоятки мечей.

Анастасий выпучил глаза. Выражение его лица свидетельствовало, что он близок к апоплексическому удару.

Валентин продолжал бормотать. Опять слова «возмутительно» и «несправедливо» повторялись многократно. Велисарию также послышалась фраза «О, Боже! Что же мы будем делать?» Но, может, он и ошибся.

Полководец гневно посмотрел на Анастасия и Валентина. Катафракты не встречались с ним взглядом, но тем не менее сохраняли упрямый вид. Вперед продвинулось еще несколько офицеров низшего звена. Двое направились помогать Кириллу и декархам, которые в эти минуты уже физически подталкивали бывших командиров в нужном направлении. Остальные придвинулись к Велисарию. Готовые, как было ясно, защитить полководца от его собственных телохранителей. Если потребуется.

— Ну, дело сделано,— объявил Велисарий.

Он начал слезать на землю. К нему кинулся пентарх, чтобы помочь.

Оказавшись на земле, Велисарий широким шагом подошел к Агафию.

— День очень жаркий,— сказал полководец.— У тебя случайно не найдется вина?

На этот раз Агафий колебался не больше секунды.

— Да. Найдется. Можно предложить вам выпить?

— Буду рад. Давай воспользуемся возможностью познакомиться поближе. Мне бы также хотелось познакомиться и с твоими подчиненными. Конечно, тебе придется назначить новых трибунов.— Он пожал плечами.— Я оставляю их назначение на твое усмотрение. Ты лучше, чем я, знаешь своих людей.

Агафий смотрел на него с восхищением, но ничего не сказал. Он повел полководца к парусиновому навесу, установленному поблизости. Большинство офицеров низшего звена последовали за ними небольшой толпой. Только немногие остались там, где стояли, преданно взвалив на себя новые обязанности: внимательно следить за угрюмыми телохранителями полководца, которым нельзя доверять.

Через несколько секунд появились амфоры, и вино разлили по кубкам. Через две минуты Велисарий уже удобно расположился в тени навеса. Не менее трех дюжин офицеров низшего звена из гарнизона Константинополя составили его аудиторию. Мужчины сидели очень плотно, стараясь все разместиться в тени.

Совещание, организованное спонтанно, имело привкус вечернего разговора.

— Хорошо,— мило сказал Велисарий после того, как осушил кубок.— Я объясню, чего хочу. Затем вы скажете мне, чего вы хотите. Потом мы посмотрим, сможем ли договориться.

Он быстро осмотрел собравшихся перед тем, как остановить взгляд на Агафии.

— Я хочу, чтобы с нарушением порядка во время движения армии было покончено. Вы и ваши подчиненные могут ворчать и высказывать недовольство столько, сколько пожелают, но только сохраняя порядок построения. По крайней мере, приближаясь к нему.

Он поднял кубок. Декарх тут же снова наполнил его.

— Я понимаю: вы непривычны к таким условиям, непривычны к пустыне и вам давно не приходилось участвовать в подобных маршах. Но у вас было достаточно времени, чтобы привыкнуть. Вы же не слабаки, черт побери! У вас было уже два месяца, чтобы прийти в форму. Я на самом деле не думаю, что вам уж так тяжело дается этот переход. Просто вы привыкли выражать недовольство.

Он сделал паузу, чтобы отпить вина, и все время не сводил глаз с Агафия. Новый хилиарх сделал глубокий вдох. На мгновение уставился на простиравшуюся за навесом голую пустыню.

Один из младших офицеров за его спиной попытался что-то сказать — судя по тону, возразить, но Агафий прервал его.

— Заткнись, Павел,— проворчал он.— По правде говоря, мне и самому это надоело.

Его взгляд вернулся к Велисарию. Он кивнул.

— Хорошо, полководец. Я прослежу за этим. Что еще?

— Я хочу, чтобы в ваши ряды влилось несколько подразделений из сирийской армии. Легкая конница,— он хитровато улыбнулся.— Считайте их советниками. Часть проблемы заключается в том, что у вас нет опыта передвижений по пустыне, а вы были слишком надменны, чтобы кого-либо слушать.

Он показал на навес, натянутый над головой.

— Например, вам это долго не приходило в голову. Сообразили только неделю назад. До этого вы каждый вечер ставили обычные шатры и задыхались без дуновений даже легкого ветерка.

Агафий скорчил гримасу. Велисарий продолжал говорить.

— Есть сотня вещей, подобных этим навесам. Ваша самоуверенность, типичная для столичных жителей, только осложнила вам жизнь, а также вызвала недовольство в других подразделениях. Я хочу, чтобы это прекратилось. Я попрошу сирийцев прислать вам помощников. Большинство из них будут арабы, а они знают пустыню лучше кого-либо. Если вы станете правильно и уважительно к ним относиться, они вам очень помогут.

Агафий потер шею сзади.

— Согласен. Что еще?

Велисарий пожал плечами.

— То, что я ожидаю от всех своих подразделений. С этой минуты ты, Агафий, должен присутствовать на всех совещаниях

командного состава. Приводи с собой своих трибунов. Если хочешь — нескольких гектонтархов. Но слишком много людей приводить не надо: я люблю, чтобы совещания проводились не большой толпой, а таким количеством народа, который может на самом деле совещаться и чего-то добиться. Я не склонен произносить речи.

Агафий скептически посмотрел на него.

— А еще что?

— Ничего,— Велисарий осушил кубок и опять протянул его. Его снова наполнили.— Твоя очередь.

Агафий раздраженно передернул плечами.

— А! — воскликнул он. Потом замолчал, на мгновение нахмурился, затем заговорил: — Дело вот в чем, полководец. Настоящая проблема — не марш и не пустыня. Как ты правильно заметил, мы к этому привыкли. Это... — он неуверенно пошевелил руками.— Это то, как нас вырвали из наших казарм, даже не предупредив за день, и отправили в этот чертов поход. В Месопотамию, черт побери, когда...

Он замолчал. Вместо него заговорил один из декархов, сидевших сзади:

— В то время, как все подразделения из благородных господ, черт их подери, остались дома, удобно устроившись в столице. Живут, как цари.

Велисарий расхохотался.

— Ну конечно! — воскликнул он.— Последние, кого бы я хотел видеть в своей армии,— это свора аристократов.

Он уныло покачал головой.

— Боже, вы только подумайте об этом! Ни один катафракт в тех подразделениях не может передвигаться без помощи двенадцати слуг и личных багажных повозок. Тогда я считал бы себя счастливым, если бы мы проходили по пять миль в день.

Он очень одобрительно посмотрел на солдат, пристроившихся вокруг него.

— Я сказал Ситтасу, что мне нужно самое лучшее боеспособное подразделение. Боеспособное! Мы очень жарко спорили с ним. Ссорились. Естественно, он пытался всучить мне самые бесполезные подразделения, которые способны только участвовать в парадах. Но я отказался. «Бойцы,— сказал я ему.— Бойцы, Ситтас. Никто другой мне не нужен».

Греки чуть-чуть выпятили грудь вперед. Подняли головы.

Велисарий осушил кубок. Протянул, чтобы его снова наполнили.

— Прекратите думать об этих подразделениях, об этих снобах, наслаждающихся жизнью в Константинополе. Не пройдет и года, как вы получите достаточно трофеев, чтобы смеяться над ними. Не говоря уже про славное имя и благодарность Рима.

Солдаты смотрели на него с готовностью. Глаза горели.

— Трофеи? — переспросил один.— Вы думаете? Мы слышали...

Он замолчал. Заговорил Агафий:

— Мы слышали, ты с неодобрением относишься к трофеям.

Глаза Велисария округлились.

— Где это вы такое услышали? Только не от сирийских солдат. Эти парни вернулись из Миндуса с таким количеством трофеев, что не знали, куда их девать. И вы, конечно, не могли слышать это от фракийских катафрактов.

Греки обменялись взглядами. Внезапно Кирилл расхохотался.

— Мы слышали это от других гарнизонов. В Константинополе. Они говорили: Велисарий очень сурово относится к тем, кто хочет наслаждаться сбором богатств во время кампании.

Улыбка исчезла с лица Велисария.

— Это не трофеи. Это грабеж. Они правильно вам сказали. Я не терплю грабежа местного населения во время похода.

Он очень сильно нахмурился.

— Я не потерплю грабежа и насилия в отношении местного населения. И не потерплю неподчинения. Я никогда этого не допускал и не потерплю в дальнейшем. Не сомневайтесь в этом. Наказание за грабеж в моей армии — пятьдесят ударов кнутом. Того, кто насилует и убивает, я казню. В случае второго нарушения в том же подразделении командующий этим подразделением сам ложится под кнут. Или его вешают.

Он осушил кубок. И снова протянул его. Кубок тут же наполнили. Он его осушил. Снова протянул. Солдаты внимательно смотрели на кубок и на полководца. Всем казалось, что вино на него никак не действует. Несмотря на выпитое при них количество.

— Не сомневайтесь,— тихо, но очень твердо сказал Велисарий.— Если вы не можете жить по этим правилам...

Он кивнул в сторону дороги на Константинополь.

— ...то вам лучше сразу же отправиться за этой пятеркой в ваши уютные казармы в Константинополе.

Он снова осушил кубок. И протянул. Пока кубок наполняли, Велисарий небрежно заметил:

— Благородные господа из Константинополя не все правильно поняли, поскольку эти высокомерные аристократы на самом деле не знают, что такое кампания. Когда они последний раз участвовали в войне?

Собравшиеся рассмеялись.

— Кампания, друзья мои,— это когда вы отправляетесь для того, чтобы крушить врага. И делаете это. После того как с врагом покончено — а это называется: выиграть войну — трофеи не представляют проблемы. Но мы не говорим о воровстве. Воровство —

это когда воин крадет серебряное блюдо в крестьянской хижине,— с упреком добавил он.— Единственное серебряное блюдо, которое есть у крестьянина. Если оно вообще у него есть. Или его куриц. Трофеи — это богатство империи, отдаваемое завоевателям.

Он поднял кубок и махнул им на восток.

— В мире нет империи богаче, чем империя малва. И они также любят путешествовать с комфортом. Поверьте мне. Когда я был в Ранапуре, император малва воздвиг для себя шатер почти такой же величины, как Большой дворец в Константинополе. И вы не поверите, чем он его заполнил! Один только трон — он его называл «передвижной» — был сделан из чистого...

Велисарий говорил еще минут десять. Половину этого времени он развлекал собравшихся рассказами о богатствах малва, причем говорил об этих богатствах с удивлением и благоговением — от их количества. Другую половину времени он рассказывал о нерадивости и трусости малва, с упреками и пренебрежением.

Это не было чистой ложью. Но это и не было абсолютной правдой.

К окончанию речи Велисарий осушил еще одну амфору вина. Его слушатели тоже выпили достаточно.

Он посмотрел на солнце. Зевнул.

— А, черт побери. В любом случае уже слишком поздно трогаться в путь.

Он встал.

— Секундочку, ребята. Мне нужно отдать приказ. Затем мы уже сможем по-настоящему выпить.

Воины смотрели на него с открытыми ртами. Полководец не только стоял прямо, причем с явной легкостью, но даже не шатался.

Велисарий пошел к Валентину и Анастасию. Его катафракты оставались сидеть в седле и пролили уже реки пота под палящим солнцем. Они с негодованием смотрели на войска Константинополя.

— Передайте Маврикию: мы отдохнем оставшуюся часть дня! — крикнул он им.— Продолжим путь завтра утром.

Велисарий стал отворачиваться, затем, словно его посетила какая-то счастливая мысль, добавил:

— И скажите моим слугам: пусть принесут вина! Побольше, чтобы нам всем хватило. Хорошего качества, слышите? Мне для этих людей ничего не жалко.

* * *

К тому времени, как появились слуги, ведущие нескольких мулов, нагруженных большими амфорами, в лагере константинопольских войск царило веселое оживление. Все праздновали. Рядом с полководцем собралась большая толпа. Десятки простых солдат, да

даже сотни, если считать тех, кто стоял по краям, собрались вокруг офицеров, оказавшихся ближе всего к полководцу.

Когда солнце село, Велисарий приказал снять навес, чтобы все солдаты могли его лучше слышать. После этого продолжал выступать.

Конечно, рассказывал о богатствах малва с одной стороны и военной некомпетентности с другой. Но среди этих мелодий были умело вставлены и другие. Вплетены в канву. Он говорил о большой численности войск малва, которых могут победить только дисциплинированные войска, хорошо знающие свое дело. Он говорил о доблести их персидских союзников и необходимости ни в коем случае не оскорблять их своим отношением, поведением и высказываниями. Он говорил и о себе, как о полководце. У него широкая душа, но когда необходимо, он может быть жестоким.

Но больше всего на протяжении вечера Велисарий говорил о Риме. Риме и тысяче лет его славы. Риме, который часто проигрывал сражения, но редко проигрывал войны. Риме, диком и жестоком, когда требовалось, но в конце концов, империи, подчиняющейся законам. Риме, чей император (тут войска внезапно вспомнили, и не без благоговения, что приятный человек, с которым они пьют, на самом-то деле еще и является отцом малолетнего императора) правит только с согласия тех, кем правит. В особенности это касается тех достойных и доблестных людей, чья кровь и смелость создали и укрепили Рим, и благодаря которым он остается в безопасности и нерушимости на протяжении столетий.

Речь шла о тех людях, с которыми полководец пил вино.

Он осушил последний кубок.

— Пожалуй, мне на сегодня достаточно,— объявил он. Поднялся на ноги — медленно, осторожно, но не шатаясь, и посмотрел на коня.— Черт побери,— пробормотал.— Ехать слишком далеко.

Он повернулся к Агафию.

— С твоего разрешения, хилиарх, я хотел бы сегодня переночевать здесь.

Глаза Агафия округлились. Он сам встал, шатаясь довольно сильно, и огляделся вокруг. Он был одновременно удивлен и немного смущен.

— У нас в общем-то нет...

Велисарий небрежно махнул рукой.

— Одеяло сойдет. Во время кампаний мне часто приходилось использовать седло вместо подушки.

Двое декархов быстро поднялись и отправились искать лучшее одеяло, имевшееся в лагере.

Пока они этим занимались, Велисарий расправил плечи и громко объявил:

— Если вы хотите о чем-то попросить, просите сейчас. Я удовлетворю просьбу, если это в моей власти.

Мгновение люди колебались. Затем один гектонтарх откашлялся.

— Дело в том... я имею в виду тех, кого твои фракийцы тянут рядом с нами. О трупах.

По толпе пробежала волна. В отношении было немного возмущения, даже немного злобы, но ярость отсутствовала.

— Эти парни были не самыми лучшими из нас,— очень твердо заявил Агафий.— Мы все это знали. Не в первый раз так поступили. Тем не менее...

— Все равно не надо их так таскать! — крикнул кто-то.

— Не в этом дело! — рявкнул другой голос.— Они были мерзкими ублюдками. И вы все это знаете!

Снова заговорил тот, кто начал первым.

— Таскайте их сколько хотите, полководец. Только не надо таскать их рядом с нами. Это... неправильно.

Теперь бормотание толпы больше напоминало ворчание.

Велисарий кивнул.

— Вполне справедливо. Я прикажу, чтобы их похоронили завтра утром. По-христиански, если мне, конечно, удастся отыскать священника.

Стоящий рядом солдат фыркнул.

— Им, пожалуй, это не поможет. Сатана уже давно положил на них глаз.

По лагерю прокатилась волна смеха.

Велисарий сам улыбнулся, однако покачал головой.

— Это решать Господу, не нам. Они в любом случае будут похоронены по-христиански.

Он сделал паузу, затем снова заговорил. Его мощный голос разносился по всему лагерю, хотя, казалось, он не прилагал к этому особых усилий. Все его внимательно слушали.

— Больше подобное не повторится.

Он не угрожал. Сотни слушавших его солдат обратили внимание, что он им не угрожает, и оценили это. Они также поняли и оценили теперь, что их полководец вообще не склонен угрожать.

Но если потребуется сделать армию такой, как ему нужно, его армией, то он заставит половину тащить за собой трупы второй половины. И не станет долго задумываться перед тем, как отдать приказ.

— Да! — прокричало множество глоток.

— Меня зовут Велисарий, и я — ваш командир.

— Да! — прокричали все.

* * *

На следующее утро, вскоре после того, как армия снова сдвинулась с места, от персидской армии, ушедшей вперед, прибыл

курьер. Курьера отправил Куруш, чтобы тот выяснил — очень ненавязчиво, не задавая прямых вопросов,— положение дел в римской армии.

Велисарий курьера не встретил. Он в этот день ехал рядом с константинопольскими войсками. Но Маврикий сообщил персу о последнем развитии событий.

После того как курьер в тот вечер вернулся в шатер Куруша и пересказал услышанное, молодой перс с трудом сдерживался, пока не ушел курьер.

После того как они остались в шатре вдвоем с дядей, Куруш взорвался.

— Не могу поверить! — прошипел он.— Этот человек — просто сумасшедший. Он решает проблему неподчинения, снимая с должности офицеров? А затем повышает в должности тех, кто отказывался подчиняться? А потом целый вечер с ними пьянствует, словно...

— Напомни-ка мне, племянник,— холодно перебил его Барсманас.— Кажется, я подзабыл. Кто из нас выиграл сражение под Миндусом?

Куруш резко замолчал.

* * *

В тот же вечер новый хилиарх константинопольских войск прибыл на свое первое рабочее совещание в римский лагерь. Он привел с собой вновь назначенных трибунов, одним из которых был Кирилл, и двух гектонтархов. Во время последующего совещания командного состава греки чувствовали себя несколько неуютно и держались в сторонке. В тот вечер они не участвовали в обсуждении. Но слушали внимательно, и их поразили четыре вещи.

Во-первых, обсуждение шло живо, свободно и все были расслаблены. Велисарий явно не возражал против того, чтобы его подчиненные открыто высказывали свое мнение, в отличие от большинства римских полководцев, с которыми им доводилось сталкиваться ранее.

Во-вторых, после того как все выскажутся, окончательное решение всегда принимал полководец. Четкое решение, четко сформулированное, и ясно указывал способы достижения цели. Это резко отличалось от туманных приказов, которые отдавали командиры, с которыми грекам приходилось иметь дело раньше. Те командиры ставили своих подчиненных в незавидное положение, а потом еще и обвиняли, если что-то пошло не так.

В-третьих, никто не вел себя враждебно по отношению к ним. Даже фракийские катафракты.

На самом деле командующий букелляриями Велисария по имени Маврикий выделил их после совещания и пригласил выпить вина. Двое командующих сирийской армией, Бузес и Кутзес, быстро к ним присоединились.

* * *

После того как несколько кубков было выпито, Агафий уныло покачал головой.

— Не могу понять, но мне кажется, что нас каким-то образом надули,— пробормотал он.

— От нас сочувствия не жди,— рыгнул Кутзес.

— Определенно нет! — весело согласился брат. Бузес склонился вперед и наполнил кубок Агафия.— По крайней мере тебя надули так, что ты оказался в армии,— пробормотал он.

Агафий уставился на него слегка мутными глазами.

— Что ты имеешь в виду?

— Не обращай внимания,— сказал Маврикий. Опытный ветеран протянул собственный кубок.— Думаю, пора провести рекогносцировку еще одной амфоры, Бузес. Не будешь ли так любезен принести нам еще одну?

И это было четвертым, что в тот вечер поразило людей из армии Константинополя.

Странное, совершенно особенное чувство юмора фракийцев. Да, шутка с рекогносцировкой амфоры получилась неплохая, но почему все так хохотали, шлепая себя по ляжкам?

Глава 12

Мангалуру.
Лето 531 года н. э.

— Ни при каких обстоятельствах, императрица,— твердо заявил наместник короля в Мангалуру.— Твой дед отказывается с тобой встречаться и он также не отменит запрет на путешествие в столицу. Тебе запрещено появляться в Ванджи.

Наместник повернулся в плюшевом кресле с толстой обивкой и кивнул человеку, сидевшему справа от него. Как и наместник короля, тот был одет в богатые одежды, положенные высокопоставленному должностному лицу Кералы. Но вместо меча с украшенной рубинами рукояткой, положенного наместнику, второй держал посох с изумрудом наверху. Судя по нему, это был один из матисачив Кералы. Титул означал «тайный советник». Человек являлся одним из полудюжины самых могущественных людей в королевстве на юге Индии.

Матисачива был стройным, а наместник — полным мужчиной. Если исключить это отличие, то они выглядели похоже и очень типично для кераль цев. Керала считалась землей дравидов. Это люди невысокого роста, довольно темнокожие — почти такие же темные, как африканцы. Сама Шакунтала унаследовала маленький рост, цвет кожи и черные большие глаза от матери, родившейся в Керале.

Матисачиву звали Ганапати. Только увидев его в зале для приема гостей, куда пригласили Шакунталу, сидящего рядом с наместником, она поняла значимость его присутствия. Шакунтала помнила Ганапати. Десять лет назад в возрасте девяти лет она провела шесть приятных месяцев в Ванджи, столице Кералы. В то время она была дочерью великого императора Андхры, которая приехала погостить у родственников матери. Тогда ее хорошо принимали и даже сдували пылинки, причем делал это не кто иной, как ее дед. Но даже в те времена случалось, что упрямую девчонку требовалось поставить на место или сдерживать какие-то ее порывы. Если такая ситуация возникала, к ней всегда посылали Ганапати.

Теперь Андхра прекратила свое существование, растоптанная каблуком малва. Но Шакунтала не сомневалась: Ганапати сохранил свою старую должность. А его основная обязанность — говорить «нет» за короля Кералы.

Ганапати откашлялся.

— Король — твой дедушка — находится в сложном положении. Очень сложном. Империя малва не угрожает нам напрямую. И не похоже, что станет угрожать в обозримом будущем. Амбиции малва на Деканском плоскогорье, как кажется, удовлетворены покорением королевства твоего отца,— сказал он извиняющимся тоном.— А теперь их внимание направлено на северо-запад. С нашей точки зрения, их недавнее вторжение в Персию — благословение для нас. Большая часть их армии задействована там и ее просто невозможно использовать против независимых монархий южной части Индии. Персия легко не сдастся, даже империи малва.

Наместник короля склонился вперед.

— Это особенно справедливо в свете последнего развития событий,— вставил он с самым серьезным видом.— В соответствии с самыми последними донесениями, кажется, Римская империя решила выступить в союзе с персами. Самый известный полководец ведет римскую армию в Персию. Его зовут Велисарий. Как говорит Ганапати, империя малва теперь ввязалась в войну, которая будет идти годами. Даже не исключено десятилетиями.

Ганапати откашлялся.

— При таких обстоятельствах очевидный курс действий Кералы — не делать ничего, что могло бы рассердить малва и настроить

против нас. Они нацелены на северо-запад, не на юг. И мы хотим, чтобы все так и оставалось.

— Но это справедливо только на текущий момент, матисачива,— вставил Дададжи Холкар.— Придет время, когда малва возобновят поход на юг. Они не успокоятся, пока не завоюют всю Индию.

Ганапати холодно посмотрел на советника Шакунталы. Несмотря на очевидную эрудицию и внешнюю благопристойность, советник керальского монарха подозревал, что упрямая императрица в изгнании выбрала самого неподходящего человека на роль советника. Нахальная девчонка даже назвала этого человека пешвой! Словно ее смехотворному «правительству в изгнании» требовался премьер.

Матисачива засопел. Несомненно, Холкар из сословия брахманов и из народности маратхи. Но притязания маратхи на принадлежность к высшим сословиям, как правило, очень слабы.

Как и все маратхи, Холкар несомненно не имеет чистой крови. Она должна быть заражена низшими кастами.

Но все-таки Ганапати оставался дипломатом. Поэтому отвечал вежливо.

— Возможно, это и так,— сказал он.— Хотя я считаю неразумным верить в нашу возможность предсказать будущее. Кто на самом деле знает конечные цели малва?

Он вытянул руку ладонью вперед, пытаясь сдержать гневный ответ Шакунталы.

— Пожалуйста, Ваше Величество! Давайте не будем спорить по этому вопросу. Даже если твой советник и правильно оценил ситуацию, это ничего не меняет. Намерения малва — одно дело, их возможности — совсем другое. Давайте представим на мгновение, что малва преуспеют в покорении Персии. Они на это израсходуют много сил и будут заняты вопросами управления и наведения нужного им порядка на недавно подчиненных территориях.

Он откинулся назад на спинку кресла. Выглядел очень довольным собой.

— В любом случае, как вы видите, малва не представляют опасности для Кералы — пока мы не вынудим обратить на нас внимание.

Матисачива нахмурился и холодно посмотрел на Холкара.

— К сожалению, последние действия бунтовщиков маратхи, которые нарушают порядок и...

— Они не бунтовщики! — рявкнула Шакунтала.— Они — верные приверженцы Андхры, которые борются за восстановление законной власти в Декане. А эта законная власть — я. Я по праву являюсь правительницей Андхры, а не завоеватели малва.

На мгновение Ганапати оставался невозмутимым.

— Ну... да. Возможно. В лучшем из миров. Но мы живем в другом мире, императрица.— Он нахмурился.— Факт есть факт: малва покорили Андхру. В этом мире — реальном мире — Рагунат Рао и его жалкая банда находящихся вне закона...

— Совсем не жалкая,— вставил Холкар.— И навряд ли их можно назвать находящимися вне закона. Если уж мы заговорили о последнем развитии событий, то мы только вчера получили сообщение, что Рао захватил город Деогхар, справившись с большим гарнизоном из представителей малва.

Ганапати и наместник резко выпрямились в своих креслах.

— Что? — спросил наместник.— Деогхар?

— Сумасшествие,— пробормотал матисачива.— Этого не может быть.

Ганапати поднялся на ноги и принялся ходить из угла в угол. Несмотря на большой опыт дипломатической работы, было очевидно: советник находится в крайнем возбуждении.

— Деогхар? — переспросил он.

Холкар кивнул.

— Да, матисачива, Деогхар. Который, насколько тебе известно, является крупнейшим и лучше всего укрепленным городом на юге Махараштры.

Матисачива прижал обе руки к щекам.

— Это катастрофа! — воскликнул он. Потом повернулся к Холкару и Шакунтале и стал размахивать руками.— Вы знаете, что это означает? Малва пришлют большую армию для подавления восстания! А Деогхар находится не так далеко от северной границы Кералы!

Холкар холодно улыбнулся.

— Какую «большую» армию? — спросил он.— Ты совсем недавно утверждал, что основные силы малва сосредоточены в Персии и не могут ее покинуть.

Советник Шакунталы не дал матисачиве возразить.

— Невозможно получить и то и другое одновременно, советник Ганапати! Факт в том, что удар Рао был просто великолепен. Факт в том, что он стоит не во главе «жалкой банды находящихся вне закона». Факт в том, что он захватил Деогхар, используя большие силы, и у него есть все шансы удержать его. У сатрапа малва Венандакатры нет в распоряжении никого, за исключением обычных сил, приписанных к провинции, и небольших подразделений малва, которые они смогут снять с персидского фронта. Лично я сомневаюсь, что они смогут снять хоть какие-то подразделения с того фронта. Я лично знаком с римским полководцем Велисарием. Его военная репутация вполне заслужена.

Размахивающий руками Ганапати теперь напоминал разгневанную курицу.

— Это невыносимо! Потрясающая наглость! Ситуация ужасна! — Он гневно смотрел на Шакунталу и ее пешву.— Достаточно! — закричал он.— Мы попытались быть дипломатичными, но хватит! Вы и ваши маратхи практически взяли Мангалуру! По меньшей мере две тысячи ваших бандитов-наездников...

— Они не бандиты! — Шакунтала вскочила на ноги.— Это кавалеристы маратхи, которые убежали из Андхры после завоевания страны империей малва и были восстановлены как моя регулярная армия под командованим должным образом назначенных командиров!

— И их значительно больше, чем «по меньшей мере две тысячи»,— проворчал Холкар.— По последним подсчетам конница императрицы Андхры в Мангалуру насчитывала более четырех тысяч человек. В дополнение к ним у нас около двух тысяч пехотинцев, которых сейчас готовят восемьсот кушанов, отказавшихся служить малва и взявших сторону Шакунталы. Эти кушаны — элитные солдаты, причем каждый из них, как тебе прекрасно известно. Короче, у императрицы значительно больше сил, чем в керальском гарнизоне, расквартированном в городе,— холодно сделал вывод пешва. Потом добавил совсем ледяным тоном: — И ее силы гораздо лучше.

Ганапати смотрел на пешву, не мигая.

— Вы нам угрожаете? — закричал он.— Вы смеете?

Холкар тоже поднялся на ноги. В его движениях не было злобы, он не пытался броситься на Ганапати, он просто уверенно встал — серьезный человек, терпение которого лопнуло.

— Достаточно,— сказал он тихо, но твердо. Потом опустил руку на плечо Шакунталы, сдерживая ее гнев.— Нет необходимости продолжать,— сказал он.— Ситуация ясна. Король Кералы отказался от своего долга по отношению к родственнице и молча соглашается с подчинением Андхры империей малва. Пусть будет так. А пока беженцы, спасающиеся от тирании малва, бегут в Кералу. Большинство этих беженцев собрались в Мангалуру. Среди них тысячи великолепных кавалеристов из народности маратхи, верных императрице Шакунтале. И все это значит, что реальная власть в городе — она. Императрица Шакунтала.

Ганапати и наместник смотрели на Холкара округлившимися глазами. Пешва говорил простую, ничем не приукрашенную правду, а это было последним, что они ожидали.

Холкар развел руками. Резко и уверенно.

— Как ты говоришь, Ганапати, ситуация невыносима. Для нас точно так же, как и для вас.

— Вы нам угрожаете? — подавился матисачива.— Вы смеете нам угрожать? Вы смеете...

— Молчать! — приказала Шакунтала.

Ганапати тут же закрыл рот. Холкар с трудом сдержал улыбку. Керальские официальные лица еще ни разу не сталкивались с Шакунталой в гневе. Если ее выводили из себя, она могла дать впечатляющее представление и задавить кого угодно, несмотря на молодые годы.

— Мы не намерены оккупировать Мангалуру,— холодно заявила она, даже почти презрительно.— Поскольку мой дед продемонстрировал всему миру отсутствие мужественности и уважения к своим родственникам, я больше не принимаю его в расчет. Я покину Кералу и возьму с собой всех своих людей.

Она гневно смотрела на двух керальских официальных лиц.

— Всех своих людей. Не только конницу, но также и всех других беженцев.

Наместник покачал головой и нахмурился.

— Но их по меньшей мере сорок тысяч,— пробормотал он.— Куда...

— Мы отправимся на *Тамрапарни*. Правитель этого великого острова предложил мне выйти замуж за одного из своих сыновей. Он также сказал, что с радостью примет беженцев из Андхры и поможет мне в борьбе за восстановление моего законного положения. В свете предательства деда я решила принять предложение.

Она замолчала. Ганапати и наместник переглянулись.

В первое мгновение на их лицах было написано полнейшее удивление. Затем радость. Потом, после того как они осознали очевидное препятствие, непонимание.

Пользуясь моментом, Шакунтала снова заговорила:

— Да. Мне потребуется флот. Грузовые корабли. По крайней мере полторы сотни. Лучше двести. Вы обеспечите их вместе с необходимыми средствами для осуществления такой миграции.

Официальные лица Кералы снова начали возмущаться, их голоса наполнили зал. Но Холкар, внимательно наблюдавший за происходящим, почувствовал победу. А когда в самом деле она пришла, даже раньше, чем он предполагал, только порадовался и мысленно похвалил себя, но не удивился. Он был рад. Следуя за своей правительницей по коридорам дворца наместника, назад к поджидающему их эскорту, он с восхищением смотрел на маленькую девушку, широкими шагами идущую впереди него.

«Она меня слушает. Наконец».

* * *

Когда они ехали назад к лагерям беженцев, Шакунтала повернулась в седле и посмотрела на Холкара. Она улыбалась.

— Все прошло очень неплохо.

— Я же говорил тебе, что это сработает.

— Да. Да,— пробормотала она.— Теперь вижу: я должна внимательнее прислушиваться к тому, что говорит мой советник.

Холкар не упустил хитрую улыбку.

— Нахальный ребенок,— проворчал он.

— Нахальный? — переспросила она.— И это говоришь ты? Подожди, пока правитель Тамрапарни не обнаружит, что обещал мне помочь в войне против малва! И руку своего сына!

— У него есть сын,— с достоинством ответил Холкар.— На самом деле даже несколько. И я не сомневаюсь, что он бы уже предложил тебе руку одного из них, если бы внимательно слушал своих советников.

Шакунтала рассмеялась.

— Ты неисправимый мастер интриги, Дададжи!

— Я? Да вы и сами, Ваше Величество, в этом неплохо преуспели.

Холкар улыбнулся ей.

— Хотя и случается, что ты просто ошеломляешь меня или приводишь в оцепенение своей смелостью. Я думал, ты сошла с ума, когда приказала Рао...

— Я же говорила тебе, что Рим сразу же присоединится к Персии,— заявила императрица. Удовлетворение на лице девушки было очевидным. Нечасто случалось, чтобы девятнадцатилетняя императрица оказалась права в споре с хитрым, опытным пешвой средних лет.— И я говорила тебе, что армию поведет сам Велисарий.

— Да, говорила,— согласился Холкар.— Именно поэтому ты отвергла мои возражения по поводу сумасшедшей идеи незамедлительно взять Деогхар. Я думал, следует подождать, пока мы не будем уверены, что Велисарий и римляне уже ввязались в войну.

Вся веселость исчезла с лица Шакунталы.

— У меня не было выбора, Дададжи,— прошептала она.— Ты же присутствовал, когда курьер от Рао рассказывал нам про те ужасы, которые вытворяет Венандакатра в Махараштре. Этот зверь убивает по десять деревенских жителей за каждого своего солдата, убитого во время набегов Рао.

Лицо Холкара вытянулось.

— Венандакатра убьет значительно больше людей в отместку за Деогхар.

Императрица покачала головой.

— Думаю, тут ты не прав, Дададжи. Сейчас крупнейший город в южной Махараштре находится в наших руках. И у Венандакатры нет выбора. Его собственное положение будет зависеть от того, сможет ли он снова взять Деогхар. Иначе неизвестно, что сделает с ним император малва. У него нет такой большой армии, чтобы

держать осаду Деогхара — ты сам знаешь, насколько хорошо укреплен город, это же настоящая крепость — и одновременно отправлять свою конницу совершать набеги на мирных жителей, обитающих на Деканском плоскогорье. И он не может попросить помощи у императора Шандагупты. Ты знаешь не хуже меня: малва уже давно давят на него, чтобы отправил войска на персидский фронт. Теперь в войну включился Рим с Велисарием во главе, поэтому малва совершенно определенно не пошлют Венандакатре дополнительные силы.

Она снова покачала головой.

— Нет, я в этом также права. Я уверена в этом. Давление на простых жителей из народности маратхи ослабнет, пока Подлый занят с Деогхаром. А он должен сконцентрировать все усилия на городе.

— А если он возьмет Деогхар? — спросил Холкар.— Что тогда? А что, если малва быстро разобьют и персов, и римлян?

Шакунтала рассмеялась.

— Быстро? Когда римлян ведет Велисарий?

Холкар улыбнулся.

— Признаю: подобное маловероятно.— Потом внимательно посмотрел на Шакунталу и прищурился.— Ты ведь на это рассчитываешь?

Она кивнула. Уверенно, серьезно.

— В противном случае я никогда бы не приказала Рао взять Деогхар.

Теперь она не смотрела на советника, как нахальный ребенок. Теперь она смотрела, как старая умудренная опытом женщина, просчитывающая все свои шаги.

— Он использует нас, как ты понимаешь. Я имею в виду Велисария. Именно поэтому он освободил меня из рабства и отдал мне большую часть сокровищ, которые украл у малва. Чтобы начать восстание у них в арьергарде, ослабляя и изматывая силы, которые в противном случае были бы посланы против него.

Дададжи кивнул.

— Да, это его образ мыслей.— Он внимательно изучал ее лицо.— Но тебя это не возмущает,— заметил он.

Императрица пожала плечами.

— А с какой стати мне возмущаться? Велисарий всегда был честен со мной. Он прямо сказал мне, что делает. И он также обещал сделать все, что в его силах, чтобы помочь нам. И он это определенно делает,— она рассмеялась.

Шакунтала заставила лошадь идти быстрее.

— Ты прекрасно знаешь этого человека, Дададжи, лучше, чем я, если уж быть откровенными. Он самый хитрый человек в мире,

непредсказуемый в своей тактике. Но в этом человеке есть и предсказуемое. Как восход солнца.

— Его честь.

Шакунтала кивнула.

— Он обещал мне. И он не отказался от этого обещания. Велисарий будет бить малва в Персии, а мы в это же время обескровим их на Деканском плоскогорье.

Она пустила лошадь рысью. В этом не было необходимости, ну если только немного выпустить бьющую через край энергию.

— Я была права, приказав Рао взять Деогхар,— объявила она.— А теперь мы должны сделать все возможное, чтобы он удержал город.

Глава 13

Восточное Средиземноморье.
Лето 531 года н. э.

Армада, отправившаяся в плавание от берегов Родоса в конце лета, впечатляла.

Во-первых, Антонина привезла с собой из Константинополя довольно внушительный флот. У нее было достаточно транспортных судов, чтобы разместить на них гренадеров, пятьсот катафрактов под командованием Ашота и пехотинцев из сирийской армии, которые сядут на борт позднее, неподалеку от Селевкии. Все эти корабли, которые строились как купеческие, сопровождались двумя большими парусными галерами, военными весельными судами, предпочитаемыми римскими моряками.

Антонина также забрала три больших корабля, использовавшихся для перевозки зерна. Купцы, обычно перевозившие товар на этих судах, сильно возмущались, несмотря на полученную щедрую компенсацию, однако императрица Феодора смогла заставить их замолчать. Она просто нахмурилась, поджала губы и бросила взгляд на главного юстициария. Внезапно купцы решили, что получили достаточную компенсацию и сказали «спасибо».

Огромные суда, использовавшиеся раньше для перевозки зерна, сильно тормозили движение, но у Антонины не было выбора. Во время большой церемонии на Форуме в Константинополе, за пять дней до ее отплытия из города, Михаил Македонский представил ей рыцарей-госпитальеров, которые сами вызвались отправиться в Египет. Антонина ожидала увидеть монахов из нового религиозного ордена, но только не три тысячи человек, гордо носящих простые белые туники, украшенные большими красными крестами.

Она планировала небольшую военную экспедицию, но изначальный план изменился, и состав отправляющихся в путь значительно

вырос. Как только Антонина договорилась о судах для перевозки зерна, на которых поплывут рыцари-госпитальеры, на причале появилась небольшая орда чиновников и бюрократов. Это был персонал — как и обычно раздутый — для занятия новых гражданских и канонических должностей в Египте. Клерки, писари и остальные должны были служить новому префекту Египта и патриарху Александрии. Каждый из них с наслаждением произносил свои громкие титулы, которые по римскому обычаю получали те, кто занимал подобные бюрократические должности.

И так далее, и тому подобное.

Бюрократы взвыли, как потерявшиеся овцы, когда им показали грубые места на кораблях — по большей части шатры, установленные на палубах небольших судов, которые быстро собрала Антонина, несмотря на вопли владельцев судов. Владельцы небольших судов, как и купцы, торгующие зерном, хоть и с большим недовольством, но смирились со своей судьбой. Хмурящаяся Феодора действовала на них просто магически.

Затем, в день перед отплытием, пришел Михаил, чтобы проинформировать ее — несносный святой! проклятый пророк! — что рядом с Селевкией и на берегу Тирренского моря ее будут ждать еще немало рыцарей-госпитальеров, возможно, даже в нескольких портах, готовые присоединиться к экспедиции, отправляющейся в Египет.

Захватили еще три корабля, ранее перевозивших зерно, причем один из них пришлось останавливать парусным галерам, когда он пытался выйти в открытое море. Из него быстро выгрузили товар и передали на службу императору. Снова Феодоре пришлось хмуриться.

Наконец наступил час отплытия. Несколько дней Антонина наслаждалась относительным спокойствием морского путешествия, пока не причалила к берегам Родоса, где от нее потребовалось выполнение новых обязанностей. Иоанна предупредили заранее, курьером, о том, что император планирует перевезти оружейный комплекс в Египет. Но с его упрямым, ослиным характером Иоанн не особо старался подготовиться к перемещению комплекса, поскольку был категорически против. Антонина взяла организацию на себя. Поскольку судов опять оказалось недостаточно, пришлось реквизировать несколько родосских кораблей, потом, когда оказалось, что и их не хватает, Антонина отправила Ашота в Селевкию. Наконец экспедиция была готова к отплытию.

И в конце концов отчалила. Новый военный корабль Иоанна, присоединившийся к ним на Родосе, возглавлял флотилию.

Иоанн очень гордился этим судном. Это первый военный корабль в мировой истории, объявил он, который специально сконструирован исключительно для ведения морского боя пороховым

оружием. Услышав заявление, Менандр попытался возразить, указывая, что малва уже проектировали и строили корабли для использования ракет. Но Иоанну удалось убедить молодого катафракта в своем мнении. Как он заметил, корабли малва, предназначенные для ракет,— это просто переделанные торговые. За основу взят неповоротливый корабль, которым в другом случае пользовались бы купцы, а к нему добавлены желоба, из которых выпускаются ракеты. Просто артиллерийские платформы, ничего больше.

Лично увидев новый корабль Иоанна, Менандр быстро изменил свое мнение. Это на самом деле оказалось что-то новое.

Конечно, гордость и радость Иоанна ничем новым не являлся. Поскольку родосец был ограничен временными рамками, то не строил корабль с нуля. Он взял уже существующий корпус эпактрокелеса — более крупной версии курьерского судна Римской империи. Затем добавил к нему планширы и укрепил палубу фальшбортом, чтобы отдача пушек не разбивала деревянную обшивку.

В конце концов у него получилось быстроходное судно, вооруженное десятью бронзовыми орудиями, по пять с каждой стороны. Пушки были короткоствольные, с пятидюймовыми стволами, которые регулярно мылись и натирались до блеска.

Стрелять они могли с разумной точностью на расстояние до трехсот ярдов. Для стрельбы Иоанн выбрал мраморные ядра. Ядра тоже тщательно полировались и идеально подходили для стволов.

— Как ты решил его назвать? — спросил Менандр.

— «Феодора».

— Хороший выбор,— заметил Менандр и кивнул.

Иоанн улыбнулся.

— Я, Менандр, упрям, как осел, меня не заставить изменить свое мнение, я вступаю в споры и спорю до хрипоты, я непредсказуем, я раздражительный и вспыльчивый, но я не дурак.

* * *

Если бы ее флот состоял только из военных кораблей, то Антонина смогла бы добраться до Александрии менее чем за неделю, при условии попутного ветра — за три или четыре дня.

На самом деле ветер был попутным. Антонина узнала от Иоанна и Ашота, что ветры в восточном Средиземноморье почти всегда попутные для тех, кто направляется на юг в летние месяцы. Восемь дней из десяти можно рассчитывать, что тебя понесет ветер, дующий с северо-запада.

Конечно, медленные корабли для перевозки зерна задавали скорость армады. Но даже эти суда с попутным ветром могли бы добраться до Александрии за неделю.

Тем не менее, по ее прикидкам, оказалось, что путешествие должно занять по меньшей мере месяц, не исключено, и два. Причина была не связана с морем, дело заключалось в политике и военных вопросах.

Непосредственной целью экспедиции была стабилизация власти империи над Египтом и Александрией. Но Ирина и Антоний Александрийский посоветовали, а Феодора согласилась, что Антонине следует убить двух зайцев. Или напугать львят перед тем, как лезть в логово ко льву — если использовать более подходящее к ситуации выражение.

Религиозные беспорядки не докатились до *Леванта*. Но те же силы, которые подрывали империю в Египте, также работали в Сирии и Палестине, а в лице патриарха Ефраима имели авторитетного лидера, вокруг которого стремились объединиться.

Поэтому Феодора проинструктировала Антонину, что ей следует по мере продвижения вдоль восточного берега Средиземного моря, так сказать, «продемонстрировать штандарт».

Антонине очень понравилось выражение. Когда она упомянула его в разговоре с Велисарием, ее муж хитровато улыбнулся.

— Заразное выражение,— сказал он.— Знаешь, она его услышала от меня. Правильнее сказать — от Эйда. Хотя следует говорить «флаг».

Антонина нахмурилась, не понимая.

— А что такое «флаг»?

После того как Велисарий объяснил, Антонина покачала головой.

— Некоторые вещи, которые они станут делать в будущем, кажутся просто глупыми. Зачем разумному человеку, находящемуся в здравом уме, заменять прекрасно подходящий императорский золотой штандарт на какую-то тряпку?

— О, не знаю. Как солдат, одобряю. Флаг — то, что нужно. Попробовала бы ты потаскать за собой тяжеленный золотой штандарт во время сражения. В особенности в Сирии, в середине лета.

Антонина отмахнулась от проблемы, причем с достоинством.

— Чушь. Я ведь не солдат-пехотинец низшего ранга. Я — адмиральша. И мои корабли прекрасно покажут им наш штандарт.

* * *

И они показали.

Вначале у Селевкии. Они целую неделю стояли в этом огромном порту. Два дня потребовалось только для того, чтобы принять на борт сотни рыцарей-госпитальеров, которые пожелали отправиться в Египет. Но большая часть времени была потрачена на поддразнивание патриарха Ефраима в его логове.

Порт Селевкии являлся выходом Антиохии к морю. Антиохия считалась третьим по величине городом в империи, после Константинополя и Александрии. Антонина не стала доставлять свои войска в саму Антиохию, но провела целую неделю, демонстрируя их на улицах Селевкии и в гавани. К третьему дню большая часть населения, в особенности простые сирийцы, встречали ее радостными криками и прославляли, как сумасшедшие. А те, кто не радовались ее появлению и не восторгались ее силами, сидели, спрятавшись по своим усадьбам и монастырям. Думали черные мысли, но не смели ничего произнести громко, только бормотали себе под нос.

На седьмой день, последний день стоянки в порту, прибыл большой контингент сирийской армии из крепости под Дарасом. Большинство этих солдат поднялись на борт кораблей Антонины. Остальные...

Во время торжественной церемонии Антонина обязала их охранять большую группу ремесленников, которым предстояло строить сигнальные станции в этой части империи. Эти станции будут служить связующим звеном между прибрежной сетью, которую она создаст, и сетью Анатолия–Месопотамия, которую строит Велисарий.

Пока Антонина занималась выступлениями на публику, Ирина наоборот старалась не показываться никому на глаза. Она тайно съездила в Антиохию и к концу недели укрепила ранее ненадежную императорскую шпионскую сеть в вотчине Ефраима.

* * *

Потом они останавливались в каждом порту любого размера, попадавшемся им на пути. Пусть и на несколько часов.

Демонстрировали штандарт.

Путешествие было праздником. И великой, достигнутой хитростью победой.

Население городов собиралось практически полностью, протискивалось в гавань и стояло там плечом к плечу, ожидая прибытия Антонины. Она и ее солдаты слышали приветственные крики еще за милю до того, как оказаться в порту. По пути они забрали еще тысячу гордых рыцарей-госпитальеров.

Среди встречающих в *Тире* оказался епископ Иерусалима.

Феодосий, вновь назначенный патриарх Александрии, которого Антонина собиралась доставить в Египет, показал его ей, как только ее флагманский корабль прблизился к причалу. Феодосий тут же стал шептать ей на ухо, объясняя важность появления епископа. С другой стороны Ирина шептала то же самое в другое ухо Антонины.

Антонина жестом велела им обоим замолчать.

— Я прекрасно знаю, что это означает, Феодосий, Ирина. Епископ Иерусалима решил выйти из-под власти патриарха Ефраима и подчиниться империи.

Она сухо усмехнулась.

— Конечно, он преследует собственные цели. Иерусалимская епархия давно пытается получить официальное признание как патриархия. Сколько времени? Три столетия?

Феодосий кивнул.

Антонина рассмеялась громче.

— Почему бы и нет? Разве Иерусалим не является самым святым городом в христианском мире, если подумать?

Феодосий в негодовании потрепал бороду.

— Ну да, наверное. Но совет церквей всегда выступал против притязаний Иерусалима на основании...

— ...того, что это маленький приграничный городок. В котором живут, причем в малом количестве, сонные провинциалы.

Феодосий скорчил гримасу.

— Ну, это ты грубо выразилась. А вообще... да. Суть именно такова.

— И что не так с сонными провинциалами? Они-то уж точно не испортят тебе приятный вечер спорами об ипостаси Христа.

Она отвернулась от палубного ограждения, все еще улыбаясь.

— Патриарх Иерусалима,— тихо сказала она.— Да. Да. Звучит.

* * *

В конце концов она все-таки отправилась в Иерусалим. Отложила путешествие на целый месяц, пока она сама, Когорта Феодоры и все рыцари-госпитальеры из Константинополя пешком шли внутрь материка, горя желанием собственными глазами посмотреть на святую землю.

Это был огромный великолепный эскорт для епископа Иерусалима. Возвращался он с триумфом. Сам епископ, по мнению Антонины, оказался довольно неприятным и надоедливым типом. Мелочным, если судить по вопросам, которые его волновали, и вечно недовольным.

Но ей очень понравилось то, что она сделала. К тому времени, как она покинула Иерусалим, епископ, который теперь именовался патриархом, публично благословил ее экспедицию.

По традиции патриарх Антиохии всегда имел в своей юрисдикции большую область Сирии и Левант. Теперь нет. За неделю, проведенную в Антиохии, Антонина сильно подорвала престиж Ефраима. Теперь после месяца в Палестине она срезала половину его территории.

Конечно, придется провести новый совет, чтобы подтвердить или снова отказать в притязаниях Иерусалима. Сама Антонина не обладала достаточной властью для окончательного решения этого вопроса. Даже император без одобрения совета не мог утвердить новую патриархию. Но любой такой совет состоится не скоро. Феодора будет оттягивать время, оттягивать и оттягивать. В ближайшие годы епископ Иерусалима будет бросать вызов Ефраиму и как можно крепче держаться за юбку императрицы-регентши.

* * *

На самом деле стоит показать штандарт. Когда ее флагманский корабль покидал Тир, Антонина с восхищением смотрела на огромный золотой императорский штандарт, укрепленный у грот-мачты.

— Флаг! — фыркнула она.— Как, черт побери, можно кого-то запугать глупым куском материи?

* * *

Но лучшее — самое лучшее — случилось у рыболовецкой деревни. Антонина, конечно, была довольна тем, как ее встретило небольшое, но горящее энтузиазмом население, которое приветствовало ее армаду на своих маленьких лодках. Но она просто была счастлива приветствию людей на гораздо большем корабле, который пробирался среди маленьких суденышек.

Военный корабль из Аксумского царства. На его борту находились принц Эон и его давазз, которые принесли официальное приветствие негусы нагаста новому римскому императору. Вместе с предложением заключить союз для борьбы против малва.

— Как вам только удалось пробраться на военном корабле в Средиземное море из Красного? — был ее первый вопрос к Эону.

— Переправили волоком,— скорчил он гримасу.— Не спрашивай как. Я не помню.

— Глупый мальчик! — сказал Усанас.— Он не помнит, потому что это невозможно. Я его предупреждал.

— Наверное, ты дал ему тысячу подзатыльников,— улыбнулась Ирина Усанасу.

— Не мог,— застонал Усанас.— Очень устал. Идиот принц заставил меня нести корму. Меня одного.

— Усанас — самый сильный человек в мире,— гордо сказал Эон.

Усанас дал ему подзатыльник.

— Молокосос! Самый сильный человек сейчас отдыхает в своей постели. Сохраняет силы для настоящих подвигов. Разумных подвигов!

Глава 14

Месопотамия.
Лето 531 года н. э.

Первый признак беды появился после того, как армия покинула Анату. Этот город, расположенный прямо на Евфрате, был одним из цепи укреплений, возведенных императорами из династии Сасанидов на протяжении нескольких столетий, чтобы охранять Персию от римского вторжения.

Баресманас и Куруш предложили расквартировать римские войска в самом городе вместе с их собственными солдатами, но Велисарий отказался.

Если проходящая армия какое-то время стоит в городе, всегда остается риск происшествий и непонимания с местным населением. В особенности это относится к иностранной армии. Если бы армия Велисария состояла исключительно из фракийских катафрактов и сирийцев, его бы это не волновало. Его букелларии уже давно были приучены к дисциплине, а армия Сирии только технически являлась иностранной.

Сирийцы находились в тесном родстве с населением Западной Месопотамии — и национальном, и языковом. Арабы, составлявшие значительную часть сирийской армии, являлись теми же самыми арабами. Арабы по обе стороны имели склонность смотреть на политические границы между Римом и Персией, как просто воображаемые императорскими умами. Эти солдаты были прекрасно знакомы с персидскими обычаями и традициями, большинство из них понятно изъяснялись на пехлеви. У многих имелись родственники, разбросанные по всем западным провинциям Персидской империи.

Но подобное нельзя было сказать о греческих и иллирийских войсках.

Проблема заключалась в том, что Ананта не являлась достаточно большим городом, способным вместить всю армию. Велисарий не мог оставить греческих и иллирийских солдат не под наблюдением фракийских или сирийских войск, которые следили бы за порядком. С другой стороны, если он позволит сирийцам или фракийцам наслаждаться комфортом, который может предоставить город, в то время как войска из гарнизона Константинополя или иллирийцы останутся в лагере за его стенами...

Ему снова придется столкнуться с возмущением и недовольством, с которыми он с таким трудом справился. Да и в этом случае недовольство вполне могло бы удвоиться.

Поэтому он приказал всей армии встать за пределами города.

Конечно, этот приказ вызвал некоторое недовольство в войсках, и все оно было направлено на него. Но это полководца не беспокоило. Как раз наоборот — он с веселым видом воспринимал коллективное недовольство и яростные взгляды. Негодование, выражаемое горящими глазами, зацементирует армию, а не подорвет.

По крайней мере пока все солдаты одинаково воспринимают приказ и вместе с наслаждением ворчат, перемывая косточки сумасшедшему главнокомандующему. Недовольные фракийцы жалуются чувствующим себя обделенными иллирийцам, мрачные греческие катафракты — хмурым арабским кавалеристам.

— Чертов кретин.

— Кто сделал этого клоуна полководцем?

— К тому времени, как мы доберемся туда, куда идем — а мы, похоже, идем на луну,— мы слишком устанем, не сможем даже отшлепать ребенка.

— Чертов кретин.

— Кто сделал этого клоуна полководцем?

* * *

Три часа спустя после того, как стены Анаты скрылись за горизонтом, Велисарий увидел приближающуюся галопом легкую арабскую конницу — отряд, который он использовал как разведывательный.

Маврикий выехал вперед, чтобы встретить их, в то время как Велисарий приказал колонне прекратить движение. После короткого совещания с разведчиками хилиарх поспешил назад к Велисарию. К моменту его возвращения Баресманас и Куруш уже были рядом с полководцем вместе с Бузесом и Кутзесом.

— По дороге с востока идет толпа беженцев,— отчитался Маврикий.— Разведчики поговорили с некоторыми из них. Как они утверждают, большой отряд кавалеристов малва...— Он пожал плечами.— Вы же знаете, как беженцы обычно оценивают количество. По их словам, там где-то миллион воинов малва. Но очевидно, это достаточно большая сила, чтобы взять такой город, как Тилута.

— Тилуту? — воскликнул Куруш. Молодой шахрадар уставился на восток.— Тилута меньше Анаты,— объявил он.— Но все равно это укрепленный город с довольно большим гарнизоном. Обычный отряд кавалерии не смог бы его взять.

— У них есть порох,— заметил Велисарий.

Маврикий кивнул.

— Беженцы рассказывают сказки о колдовстве, которое использовалось, чтобы свалить городские ворота.

Велисарий прищурился и посмотрел вдаль.

— Что предполагаешь, Маврикий? И как они далеко от нас?

Хилиарх в задумчивости потрепал бороду.

— Это большая сила, полководец. Даже если сбросить со счета преувеличения, свойственные беженцам, арабские разведчики думают, что их там по меньшей мере десять тысяч человек. Вероятно, больше.

— Диверсионная группа,— заявил Бузес. Его лицо с курносым носом исказила унылая гримаса.— Вероятно, проводят рекогносцировку.

Велисарий кивнул.

— На самом деле это хорошая новость. Она означает, что император Хосров все еще держит осаду в Вавилоне. Поэтому малва послали большой отряд конницы вокруг него, желая проехаться по окрестным землям и нарушить систему поставки продовольствия, боеприпасов и связи.

Он замолчал, на мгновение задумался.

— Я не уверен, в состоянии ли Хосров вечно удерживать Вавилон, но чем дольше он сможет его удержать, тем лучше. Нам нужно купить время. Время для Персии, время для Рима. Лучше всего, если мы сейчас дадим урок малва, покажем, что они не могут грабить Месопотамию и не платить за это.

Его тон стал жестче.

— Я хочу уничтожить эту силу. Превратить в пыль.— Он поднялся в стременах и оглядел окружающую их местность.— Нужно место, чтобы поймать их в капкан.

Куруш нахмурился.

— До Анаты только несколько часов езды. Мы можем вернуться и...

Велисарий покачал головой.

— Аната выглядит слишком мощным укреплением, а если еще и мы туда подтянемся... Малва только взглянут на нас и на Анату и поедут куда-то в другое место. Тогда нам придется гнаться за ними и сражаться на поле, выбранном ими.

На лице Баресманаса появилась улыбка.

— Ты хочешь что-то жалкое на вид,— объявил он.— Какое-нибудь укрепление, которое выглядит убого, вроде бы на первый взгляд ничего особенного, но такое, в котором ты можешь спрятать свои войска.— Улыбка стала шире.— Что-то наподобие жалкого пехотного лагеря, который ты построил под Миндусом.

Велисарий тоже улыбнулся.

— Да, Баресманас. Я хочу именно это.

Теперь и Куруш все понял. На мгновение лицо молодого господина благородного происхождения исказила гримаса. Он вспомнил случившееся три года назад. Но затем внезапно рассмеялся.

— Ты, Велисарий,— хладнокровный убийца! — воскликнул Куруш. Затем добавил, грустно качая головой: — Боюсь, из тебя никогда бы не получился настоящий арий. Рустам, дехган из дехганов, никогда бы такое не одобрил.

Велисарий пожал плечами.

— Со всем уважением к легендарному национальному герою ариев и силе наводящей ужас булавы размером с голову буйвола — Рустам ведь в конце концов погиб.

— Был пойман в капкан врагами во время охоты — упал в яму,— весело согласился Куруш.— Говоря о чем...

Шахрадар посмотрел на дядю.

— А разве тут поблизости нет императорских охотничьих угодий?

Баресманас показал пальцем через реку на большую массу растительности в нескольких милях от того места, где они стояли.

— Вон там,— объявил он.

Все собравшиеся офицеры проследили за направлением его пальца. В этот момент подъехал Агафий вместе со своим главным трибуном Кириллом. Несколько секунд спустя прибыли и иллирийские командующие. Теперь на совещание собрался весь командный состав объединенных сил. Вновь прибывшим быстро описали ситуацию и план Велисария.

— Нам потребуется перебраться на ту сторону Евфрата,— заметил Кутзес.— Где-нибудь поблизости есть брод?

— Должен быть,— ответил Маврикий.— Беженцы-то на той стороне реки. Раз наши разведчики с ними разговаривали, значит нашли место для переправы.

Хилиарх подозвал поджидавших поблизости арабов-кавалеристов. Они тут же подъехали к нему. Маврикий стал с ними совещаться.

— Это имеет смысл,— заметил Куруш.— Тилута стоит на левом берегу. В это время года через реку можно перебраться в нескольких местах. Вероятно, малва неоднократно переходили с одного берега на другой и грабили обе стороны.

Маврикий вернулся.

— До брода недалеко — судя по тому, что говорят разведчики.— Он посмотрел на солнце.— Если поторопимся, вся армия может перебраться к закату.

— Ну так давайте поторопимся,— сказал полководец.

Велисарий осмотрел группу командующих. Не холодно, но сурово. Его взгляд немного дольше задержался на Агафии.

Командующий войск из гарнизона Константинополя улыбнулся.

— Не беспокойся, полководец. Мои парни не будут тащиться нога за ногу. По крайней мере, когда есть шанс заняться чем-то, а не маршировать еще один день.

Внезапно он посмотрел вдаль. Мечтательно.

— Императорские охотничьи угодья,— сказал он мечтательно.— Предполагаю, там имеется королевская усадьба, полностью оборудованная...

Он взялся за удила и покачал головой.

— Ужасно! Ужасно! — пробормотал себе под нос, пришпоривая коня.— Какой урон будет нанесен прекрасному месту!

После того как Агафий уехал вместе с другими офицерами за исключением Маврикия, Куруш холодно посмотрел на Велисария.

— В императорских охотничьих угодьях всегда имеется усадьба,— сказал Куруш.— Оборудованная так, чтобы император размещался в привычных условиях. Наполненная ценными предметами.

Полководец не отводил взгляд.

— Он прав, Куруш. Боюсь, вещи императора сильно пострадают.

— В особенности в случае использования порохового оружия,— добавил Маврикий. Казалось, фракийского хилиарха этот вопрос не особо беспокоит.

— Меня не волнует, если усадьбу разрушит враг! — рявкнул перс благородного происхождения.

— Помолчи, племянник! — приказал Баресманас. Шахрадар говорил резким тоном и холодно смотрел прямо на Куруша.— Я знаю императора гораздо лучше, чем ты. Я знал его еще ребенком. Хосрова Ануширвана также называют «Хосров-С-Бессмертной-Душой». Имя подходит этому человеку, поверь мне. После Кира на троне Персии не было человека более благородной души. Неужели ты думаешь, что такой человек пожалеет несколько каких-то ваз для смелых людей, которые пришли ему на помощь, когда на его народ напали демоны?

Куруш сжался в седле. Затем вздохнул, развернул коня и поехал к войскам. Мгновение спустя уехал Маврикий — тоже отправился к своим солдатам.

После того как они остались вдвоем, Баресманас грустно улыбнулся.

— Там немало ценного. И какие это ценности!

Внезапно Велисарий почувствовал глубокую симпатию к человеку, находившемуся рядом с ним. А мгновение спустя — сильный импульс.

— Ты знаешь, ты ведь абсолютно прав.

Баресманас посмотрел на него.

— Я имею в виду Хосрова. Он будет править ариями пятьдесят лет, и его будут помнить столько, сколько существует Иран. «Хосров справедливый» — вот как его станут называть в последующие века.

Казалось, лицо Баресманаса побледнело под сильным загаром.

— Я слышал раньше...— прошептал он. Дрожа он сделал глубокий вдох.— Ходят слухи, Велисарий, что ты можешь предсказывать будущее. Это правда?

Велисарий чувствовал возбуждение Эйда, нарастающее у него в сознании. Он быстро отправил мысль мигающим граням:

«Нет, Эйд. Бывают случаи, когда секретность разрушает цель».

Он встретился с пронзительным взглядом глаз шахрадара уверенным ровным взглядом.

— Нет, Баресманас. Не в том смысле, который ты в это вкладываешь.

Армия уже снова приходила в движение. Велисарий ударил по бокам коня пятками, как и Баресманас. Они тронулись с места.

Полководец склонился к шахрадару.

— Будущее не зафиксировано навсегда, Баресманас. Это я знаю. Хотя да, я на самом деле получал видения о возможном развитии событий в будущем.

Он сделал паузу.

— Мы поклоняемся разным богам, мой друг. Или, возможно, это один и тот же Бог, но мы просто видим его по-разному. Но ни один из нас не верит, что нами правит тьма.

Он показал вперед, словно на пока невидимого врага.

— Империей малва управляет демон. Этот демон открыл им секрет пороха и наполнил их души злобой и амбициями. Неужели ты думаешь, что этому пришедшему в наш мир демону не ответит никакая божественная добрая сила?

Они так и ехали рядом. Баресманас какое-то время думал над словами полководца.

— Да, ты прав,— наконец сказал он тихо.— Как и всегда, Господь дает нам выбор.

Велисарий кивнул. Бледность шахрадара прошла. Он улыбнулся, но довольно робко.

— Скажи мне еще одну вещь, Велисарий. Я ничего больше спрашивать не буду. Обещаю. Под Минудсом тобой руководил божественный советчик? Дух?

Полководец покачал головой.

— Нет. По крайней мере... Нет. Я считаю, этот дух оберегал меня непосредственно во время сражения. Я имею в виду лично меня. Но тактика моя.

Улыбка шахрадара стала шире, сделалась веселой и радостной.

— Почему-то мне от этого легче. Странно на самом деле. По идее должно бы быть наоборот. Вроде я должен был бы радоваться, если бы знал, что нас разбил не обычный человек, а какая-то сверхъестественная сила.

Велисарий покачал головой.

— Я совсем не считаю это странным, Баресманас. Просто...

Он замолчал. Он не мог объяснить обычными словами ту титаническую борьбу в далеком будущем, результатом которой стали

и битвы в настоящем. Сам Велисарий только смутно понимал, что это за борьба, видел только обрывки. Но...

— В конце концов, как я думаю, дело в том, за что мы боремся. Будет ли человеческая история делаться нами самими или нам ее навяжут сверху.

Он больше ничего не говорил на эту тему.

Как и Баресманас — тогда или когда-либо еще.

В этом шахрадар остался верен арийским мифам и легендам. Он дал слово больше ни о чем не спрашивать, и он его сдержит.

Конечно, ученый скептик в нем находил его честь смешной. Точно так же, как ему было смешно, что хитрый фракиец низкого происхождения никогда бы не открыл секрет, если бы не понимал свойственного ариям отношения к чести — дал слово и строго его держит.

Но самой занимательной была другая мысль.

«Выбрать такого человека врагом! Демоны вообще-то — большие дураки!»

* * *

Однако Эйду было совсем не до веселья. В последующие часы, когда армия подошла к броду, обнаруженному разведчиками-арабами, и переправилась на левый берег Евфрата, затем устраивалась лагерем на ночь, Велисарий чувствовал, как мигают грани. Он не мог уловить сами мысли, но понимал: Эйд обдумывает что-то исключительно важное для него.

Кристалл не разговаривал с ним прямо, пока лагерь не успокоился и солдаты не заснули — за исключением часовых конечно. Сидя в темноте шатра, полководец терпеливо ждал и не позволял себе заснуть. Он ждал, когда его друг начнет с ним разговаривать.

«Ты в самом деле считаешь, что в этом все дело? В нашей борьбе с новыми богами?»

«Да».

Пауза. Затем жалобно:

«А мы что же? Разве мы не играем никакой роли? Или значение имеют только люди?»

Велисарий улыбнулся.

«Конечно нет. Вы — часть нас. Вы ведь тоже человечны».

«Нет! — закричал кристалл.— Мы не люди! Мы другие! Именно поэтому вы нас и создали, потому что... потому что...»

Эйд находился в возбуждении, которого Велисарий и не помнил. Так кристалл возбуждался лишь в первые дни их знакомства. Отчаяние — крушение надежд — одиночество — смятение — а больше всего — страстная необходимость общаться.

Но те первые дни знакомства давно миновали. Теперь, на протяжении стольких лет разница между двумя ментальностями сгладилась. Сгладилась гораздо больше, чем знали оба.

Наконец барьер полностью прорвался. Видение унесло Велисария вдаль, словно его в небеса подняла огромная волна.

Глава 15

Миры, миры и миры, вращающиеся вокруг бесчисленного количества солнц. Люди в этих мирах. Везде. Но люди измененные и трансформированные. Основная масса — искаженные и деформированные. По крайней мере, так сказало бы большинство живущих на Земле людей.

Приходит смерть и поражает многие из этих миров. Сама Земля очищена чумой, которая не пощадила никакую форму жизни. Ничего не осталось — за исключением медленно приближающейся цепи кристаллов.

Как понял Велисарий, это родственники Эйда, которые пришли заменить тех, кто разрушил свои собственные миры. Созданные теми, кто убили сами себя, чтобы стать их наследниками.

Велисарий висел во тьме. Вокруг него, под ним, над ним — во всех направлениях — кружились огромные спирали света и красоты.

Галактики.

Он ощутил новое присутствие и мгновенно понял его значение. У него вырвался вздох облегчения. Он почувствовал огромное облегчение.

Наконец, наконец...

Он увидел точку света во тьме. Точку, не больше, которая казалась безмерно далека. Но только увидев ее, Велисарий понял: это расстояние во времени, не пространстве.

Время открылось и пришло будущее.

Точка света взорвалась и бросилась вперед. Мгновение спустя перед Велисарием оказался один из Великих.

Раньше полководцу доводилось мельком видеть их. Теперь он впервые четко рассмотрел одного из Великих.

По крайней мере так четко, как когда-либо сможет. Теперь Велисарий понял, что никогда не сможет рассмотреть их полностью.

Большая часть их сути состояла из мистических сил, которые никогда не смогут увидеть земные глаза.

У него в сознании прозвучал новый голос. В некотором роде похожий на голос Эйда, но другой.

«Силовые поля. Формы энергии. В нас осталось мало от нашего земного происхождения. И совсем нет плоти».

Внешне Великий смутно напоминал огромного кита с крыльями. Если бы кит мог плавать в небесах и светиться от внутреннего

света. Но гораздо, гораздо больше. Рядом с Великим любое животное, которое когда-либо жило на Земле, показалось бы карликом.

«Наши размеры составляют примерно восемь на три на два, в видимом спектре. То, что вы называете милями. Наша масса... ее трудно сосчитать. Она зависит от скорости нашего передвижения. Мы можем достичь девяноста трех процентов скорости света, если приложим самые большие усилия. Пойдем на пределе — называй это так. Мы должны быть очень осторожны, когда приближаемся к солнечной системе. Если один из нас столкнется с планетой на такой скорости, мы ее разрушим. Возможно и сами погибнем».

У сущности не было глаз, рта, каких-то очевидных органов чувств. Тем не менее полководец знал: Великий может почувствовать и определить все, что и простой человек, и гораздо больше.

Теперь он смотрел внутрь сущности. Увидел блестящую цепь кристаллов, которые формировали... сердце? душу? Великого.

«Теперь они — наше наследие. Наши создатели в той же мере, что и созданные нами. Они для нас то, чем нечто, называемое ДНК, когда-то было для наших далеких предков. Позволяет будущему существовать».

Велисарий более внимательно изучил цепь кристаллов. Как он подумал, кристаллы казались очень похожими на Эйда. Тем не менее как-то отличались от него.

«Эйд необычен. Он связан с ними так же, как ты с бактерией. Сродни, близок, но гораздо больше».

Великий почувствовал, что Велисарий его не понимает.

«Что такое бактерия?» — послал мысленный импульс полководец.

«Как ты связан с червем. Или, лучше, с грибом. Мы разработали эти кристаллы, чтобы нам самим выжить. Но затем выяснили: не можем их использовать, пока не создадим кристаллический разум, чтобы направлять нас и помогать нам. Это родственники Эйда. Его народ».

«Значит, они всегда были вашими рабами. Как и говорили новые боги»,— послал импульс Велисарий.

«Никогда».

Появилось чувство веселья; огромное, но тем не менее причудливое. И полководец тогда понял — наконец — что эти почти недоступные для понимания сущности на самом деле из его народа. Ему требовалось только посмотреться в зеркало, чтобы увидеть свою обычную хитроватую улыбку, которая когда-нибудь станет охватывающей Вселенную иронией.

«Крестьянин возделывает землю, рожает детей, чтобы те, кроме всего прочего, помогали ему в работе. Эти дети — рабы?»

«Они могут ими быть,— ответил полководец.— Я видел такое много раз, гораздо чаще, чем даже хочется вспоминать».

Чувство юмора никогда не исчезало. Но специфического юмора.

«Но только не в твоем доме. Не на твоем поле. Не в твоей кузнице».

«Нет, но...»

Великий надулся, закружился. Прыгнул в небеса, гарцуя на крыльях света и тени.

«А я чей ребенок, ремесленник?»

Последовал беззвучный смех, который можно было бы назвать веселым. Великий сорвался с места, постепенно уменьшаясь.

«Подожди!» — мысленно крикнул Велисарий.

«Нет. У тебя достаточно информации. Я должен идти, чтобы присоединиться к своим братьям и посмотреть Вселенную. Наша семья — твои потомки — наполнила эту Вселенную. Наполнила ее чудесами, основываясь на которых, мы будем строить. У нас немного времени, жизни наши коротки, чтобы углубиться в изучение этого великолепия. Возможно, миллион лет — если не считать расширение и растяжение времени».

Теперь он превратился в крохотную точку света.

«Подожди! — снова крикнул Велисарий.— Мне столько нужно узнать!»

Маленькая, смутно различимая точка остановилась, затем повернула назад. Мгновение спустя Велисарий с благоговением смотрел на возвышающуюся над ним стену светящегося величия.

«Тебе не нужно знать ничего нового, ты уже и так все знаешь. Больше не требуется. Мы — ваше создание, как сородичи Эйда — наше. И теперь, когда настало время беды, ваши внуки пришли к вам за помощью. Так что же ты хочешь знать, старик? Ты — самый старший в деревне, из которой произошли галактики. Ты — кузнец, который выковал человечество на своей наковальне».

Велисарий тогда засмеялся, и ему показалось, что окружавшие его галактики затрепетали от радости. Великий перед ним тоже содрогнулся — на него накатила волна смеха, подобная его собственному.

«Это наша самая древняя религия, дедушка. И с хорошим основанием».

И он улетел. Прочь. Прочь. Теперь почти исчез. Почти неразличимая точка, не больше.

Едва различимый голос, смеющийся голос.

«Называй это — поклонение предкам».

* * *

Когда Велисарий вернулся в свой мир, то какое-то время просто тупо смотрел в одну точку. Смотрел за навес, закрывающий его

сверху, на бесчисленные звезды, рассыпанные по ночному небу. Сторожевые отряды той великой деревни будущего.

Затем достал Эйда из мешочка, чего не делал уже несколько недель.

На самом деле в этом не было необходимости. Он давно научился общаться с кристаллом, не держа его в руке. Но Велисарию требовалось увидеть Эйда собственными глазами. Точно так же, как ему часто просто требовалось подержать на руках Фотия. Чтобы насладиться любовью, порадоваться ей, найти утешение в вечности.

Эйд заговорил первым.

«Ты мне не ответил».

«Разве тебя не было со мной рядом, когда я встречался с Великим?» — мысленно удивился Велисарий.

«Да, но... Не думаю, что я понял. Я не уверен»,— из всех импульсов сквозила неуверенность.

Затем Эйд добавил жалобно, словно ребенок, жалующийся на трудность уроков:

«Мы не такие, как вы. Мы не такие, как Великие. Мы не люди. Мы не...»

«Тихо, Эйд. Прекрати стонать. Как ты собираешься расти, если при каждой трудности начинаешь жаловаться и стонать?»

Кристалл замолчал.

«Но мы вырастем?» — спросил он наконец.

«Конечно. Я — ваш предок. Как ты думаешь, как вы вообще появились на свет? А все, что происходит от нас, растет. И определенно мой отпрыск вырастет!»

Эйд долго молчал, очень долго.

«Мы никогда не мечтали. Ну, что мы тоже вырастем»,— наконец признался Эйд.

* * *

Эйд больше ничего не говорил. Велисарий чувствовал, как грани уходят в себя. Они мерцали где-то внутри, вели свой внутренний диалог.

Через какое-то время он убрал кристалл в мешочек и лег. Ему требовалось поспать. Вскоре начнется сражение. Не исключено — даже на следующий день.

Но когда он уже погружался в сон, его разбудил голос Эйда.

Очень слабый, трудно различимый.

«Что ты там говоришь? — пробормотал Велисарий сонно.— Я тебя не слышу».

«Это потому, что я бормочу.— Эйд помолчал и гордо добавил: — Это хорошо, что ты меня не слышишь. Это означает, что я все

делаю правильно, даже если только начал.— С еще большей гордостью кристалл добавил: — Я стану лучше, я знаю. Нужно тренироваться, чтобы добиться результата. Валентин всегда так говорит».

Глаза полководца резко открылись.

— Боже праведный,— прошептал он вслух.

«Думаю начать с Валентина. Я имею в виду взросление. Ему подражать совсем не трудно. Конечно, не во владении мечом. Но его бормотание легко освоить. И...»

Последовала нецензурная брань.

Велисарий резко сел.

— Не смей произносить эти слова! — приказал он вслух, забыв, что с Эйдом следует общаться ментальными импульсами. Сейчас он говорил с Эйдом так, как с Фотием. И примерно с тем же результатом.

В ответ послышалось бормотание. Бормотание. Бормотание.

Глава 16

К тому времени, как Велисарий прибыл в охотничьи угодья, разведчики-арабы уже один раз столкнулись с разведчиками приближающейся армии малва. Стычка была недолгой. Вернувшись, разведчики доложили, что основные силы малва находятся менее чем в десяти милях. Им удалось подобраться достаточно близко, чтобы осмотреть силы перед тем, как малва прогнали их прочь.

Имелись хорошая новость и плохая.

— Солдаты слабые. Говнистые,— сообщил хорошую новость начальник разведгруппы.— Приличных разведчиков нет. Не заметили нас до тех пор, пока мы чуть ли не помочились им на головы. Хорошо, хоть баб с собой не взяли. А то бы мы их всех совратили. Уже каждый бы поимел от них по трое детей до того, как тупые малва заметили бы, что их дети слишком умные и симпатичные.

Но была и плохая новость.

— Их очень много. Очень много говна.

Велисарий посмотрел на запад. По его оценкам, до наступления темноты остался только час.

Он повернулся к Маврикию.

— Возьми всех фракийцев и «катюши». Когда появятся персы, я отправлю их к тебе.— Он размышлял с минуту.— И иллирийцев тоже возьми.

Он бросил быстрый взгляд на командующего иллирийцами Тимасия.

— Ты поступаешь в подчинение Маврикия. Какие-нибудь проблемы с этим?

Тимасий покачал головой. Без колебаний — к облегчению Велисария. Его мнение об иллирийце улучшилось. Пусть этот человек

и не очень умен. Но по крайней мере дисциплинирован и готов к сотрудничеству.

Полководец изучил лес на северо-западе.

— Судя по тому, что я видел, пока мы подъезжали, думаю, там найдется достаточно мест, где укрыться. И неплохих мест. Я хочу, Маврикий, чтобы все наши люди хорошо замаскировались. Когда сегодня ночью встанете лагерем, никаких костров не разводить. Вы будете моим сюрпризом, когда он мне потребуется, и я не хочу, чтобы малва узнали о нем заранее.

Велисарий не стал распространяться дальше. С Маврикием в этом не было необходимости.

— У вас есть сигнальные ракеты?

Фракийский хилиарх кивнул.

— Не забудь: зеленые означают...

— Мы прямо атакуем врага. Красные — начать атаку с ракетного огня. Желтые — прийти вам на помощь. Белые — спасайся кто может.

Маврикий гневно посмотрел на Велисария.

— Есть инструкции насчет того, как шнуровать ботинки? — Он посмотрел на горизонт.— Если собираешься сказать, в какой стороне садится солнце, поторопись. А то оно уже садится. На севере, как мне кажется.

Велисарий усмехнулся.

— Иди, Маврикий.

После того как хилиарх отъехал — все еще недовольный,— Велисарий повернулся к Бузесу и Кутзесу.

— Пусть один из вас — любой, не важно, кто — возьмет сирийских пехотинцев и начнет укреплять императорскую усадьбу. Также возьмите гарнизон Карбелы. Вероятно, людям придется работать всю ночь.

Братья скорчили гримасы. Велисарий улыбнулся.

— Скажите им, чтобы во всем видели светлую сторону. Им придется разбирать внутреннюю часть усадьбы. Вокруг будет валяться много всякого барахла. Его, конечно, следует подобрать, чтобы никто случайно не свалился и не сломал ногу.

Бузес и Кутзес тут же повеселели. Велисарий продолжал давать указания.

— Укрепления не должны выглядеть слишком мощными. Но проверьте, чтобы подготовить защиту от гранат. Чтобы эти специальные щиты можно было быстро установить — за несколько секунд после получения приказа. И проверьте, чтобы было много отверстий для быстрой вылазки.

Братья кивнули, затем посмотрели друг на друга. После секундного обсуждения без слов — используя только мимику, непонятную никому постороннему — Бузес развернул коня и уехал.

— Хорошо,— сказал Велисарий.— Кутзес, я хочу, чтобы ты взял всю сирийскую конницу, а также всех арабских стрелков, за исключением нескольких разведчиков, и приготовил их к вылазке, которую вы предпримете первым делом завтра утром. В стиле гуннов. Ты меня понял?

Кутзес кивнул. Мгновение спустя он тоже отъехал. Из группы командующих остался один Агафий вместе со своим главным трибуном Кириллом.

Велисарий мгновение изучающе смотрел на них.

— Я хочу, чтобы вы вместе со всем гарнизоном Константинополя сегодня ночью хорошо отдохнули. Разбейте обычный лагерь, недалеко от усадьбы. Проверьте, чтобы он располагался в восточной части охотничьих угодий, где открытая местность. Я хочу, чтобы вы находились между малва и усадьбой. Вы меня поняли?

Агафий кивнул.

— Разведите костры, большие костры,— продолжал Велисарий.— Позвольте солдатам выпить по двойной норме вина. Пусть они веселятся. Громко веселятся. Пусть поют, если любят петь. Только ни в коем случае не напиваются.

Кирилл нахмурился.

— А тебя не беспокоит, что враги могут увидеть...

— Я надеюсь, что они как раз вас увидят.

Агафий рассмеялся.

— И тогда они не пойдут обследовать лес на севере, где могут наткнуться на фракийцев и иллирийцев. Или разнюхивать ситуацию вокруг самой усадьбы и увидеть, как ее укрепляют сирийцы.

Могучий грек потрепал бороду.

— Вероятно, это сработает,— задумчиво сказал он.— Если их разведчики так плохи, как сказал Аббу, то они удовлетворятся, увидев нас. Вернутся в расположение своей армии, вместо того чтобы ползать ночью по лесу и встретиться там Бог знает с кем.

Велисарий кивнул. Агафий смотрел на него. Взгляд его был холодным, глаза немного прищурились.

— Но ты ставишь нас в самое трудное положение. Так?

Велисарий снова кивнул.

— Да, Агафий. Вероятнее всего, твоим людям придется тяжелее всех. По крайней мере вначале. Надеюсь, сирийская конница сможет заставить врага бежать — в эту сторону. Если так...

— Ты хочешь, чтобы мы совершили вылазку. Всем составом, прямо в лоб, тяжелой конницей. То, о чем так любят петь менестрели.

— Да. Но вам нужно соблюдать дисциплину. Вы должны пойти в атаку, но я совсем не хочу, чтобы вас порубили на куски. Поэтому вы должны вовремя выйти из боя. Вы можете это сделать? Дай мне

честный ответ. По моему опыту, катафракты считают себя неуязвимыми. Они так увлекаются...

Агафий грубо рассмеялся.

— Ради Бога, полководец! Неужели мы похожи на кучу аристократов?

— Мы очень хорошо умеем выходить из боя,— посмеиваясь, добавил Кирилл.

Велисарий улыбнулся.

— Если вам от этого станет легче, то я сам присоединюсь к вашей атаке. У меня самого очень неплохо получается выход из боя.

Двое греков рассмеялись. Теперь весело. Но когда смех затих, в их черных глазах все еще оставался холод.

Велисарий сразу же все понял.

— У вас нет опыта участия в сражениях под моим командованием,— мягко сказал он.— Я прошу вас верить мне. Не беспокойтесь о трофеях. Скажите своим людям, что они получат свою долю. Справедливую долю. После того, как сражение будет выиграно.

Кирилл посмотрел на усадьбу. Сирийские пехотинцы уже заходили в изысканное богатое сооружение. Даже с такого расстояния — не менее ста ярдов — в их голосах слышалась веселость. Агафий не сводил глаз с полководца. Теперь в этих глазах явно читалось подозрение.

Велисарий хитро улыбнулся.

— Этим сирийцам уже доводилось участвовать в сражениях под моим командованием. И они знают, какое наказание их ждет за мелкое воровство. Не забывай, Агафий: моих фракийцев тоже не будет рядом с усадьбой. Ты разве слышал, чтобы Маврикий жаловался? Это потому, что его не беспокоит вопрос с трофеями. Если кто-то попытается что-то укрыть от моих фракийцев, то им придется за это дорого заплатить.

Агафий не смог не скорчить гримасу.

Вся легкость исчезла из тона Велисария. Теперь он смотрел сурово, а говорил серьезно.

— В моей армии мы все делимся трофеями. Они справедливо распределяются между всеми, но после сражения. За исключением того, что мы оставляем для получивших увечья и семей погибших. Эта часть сразу же отделяется, оставшееся распределяется. Независимо от того, где человек был во время сражения и какое задание выполнял.

Агафий с Кириллом уставились на него. Затем Агафий кивнул. Это не был жест согласия. Скорее, присяга на верность.

Мгновение спустя Кирилл скопировал жест.

Когда они подняли головы, на лице полководца уже появилась знакомая хитроватая ухмылка.

— А теперь, Агафий, если не возражаешь, я хотел бы обсудить с тобой тактику наступления. Воспетого менестрелями, кажется, ты так его назвал? — Он рассмеялся.— Мне это нравится! В особенности, если менестрель поет что-то веселенькое после того, как все герои выжили.

Агафий улыбнулся.

— Сам всегда предпочитал веселые мелодии.

— И я тоже,— добавил Кирилл.— Ненавижу траурную музыку. Эти проклятые погребальные песни.

* * *

Через час после захода солнца в охотничьих угодьях показалась персидская конница. Велисарий встретил их в миле от усадьбы и объяснил план предстоящего сражения.

К его облегчению Куруш тут же согласился. Молодой перс благородного происхождения кисло взглянул в направлении усадьбы, но даже не стал спрашивать, в каком она состоянии.

Велисарий с помощью нескольких посланных Маврикием фракийских катафрактов сам провел персов на место в лесу на северо-западе, где встали лагерем фракийцы и иллирийцы.

Двигались они медленно. Лес был густым, поскольку ни один местный дровосек не смел рубить деревья в императорских охотничьих угодьях. Единственным освещением оказался тусклый свет луны в последней четверти. Велисарий воспользовался возможностью, чтобы подробно описать свой план во всех деталях. Его особенно беспокоило, как донести до Куруша необходимость дать «катюшам» открывать атаку. Раньше ракеты на колесницах никогда не использовались в сражениях. Велисарий хотел выяснить, насколько они будут эффективны.

Во время разговора Куруш предоставил дополнительную информацию о враге. Персы провели день, осматривая левый фланг приближающейся армии малва. Подобно разведчикам Велисария, они поняли, что разведчики врага действуют непрофессионально и неэффективно. Как и передовой отряд стрелков. Правда, в отличие от небольшой группы разведчиков Велисария — легковооруженных арабов — тяжелая персидская конница с радостью расправилась с авангардом врага и подошла довольно близко к основным силам армии малва перед тем, как отступить.

Таким образом персам довелось увидеть гораздо больше, чем разведчикам Велисария, и Куруш смог добавить дополнительные детали к той информации, которой уже владел Велисарий.

Армия малва была большой — очень большой, как поняли те, кто участвовал в кавалерийской атаке. По оценке Куруша, основные

силы регулярной армии насчитывали тысяч двенадцать. Они не были тяжело вооружены, как персидские копьеносцы или римские катафракты. Но также не являлись и легкой конницей. Хотя империи малва служила легкая конница, составлявшая часть армии — примерно пять тысяч арабов, одетых в цвета династии Лахмидов.

Среди регулярных войск были разбросаны наездники-йетайцы. Определить их точное количество не представлялось возможным, но, как считал Куруш, армия малва включала примерно две тысячи варваров. Не исключено, и больше.

В дополнение к ним в центре армии малва персы увидели сотни кшатриев из малва и несколько дюжин жрецов Махаведы. Жрецы в отличие от кшатриев не передвигались в седле. Они сидели на больших повозках, которые тянули мулы. Содержимое повозок скрывали натянутые поверх брезентовые тенты. Куруш предполагал, что там лежит пороховое оружие и прочие дьявольские штучки малва.

Ничто из этой информации не расстроило римского полководца слишком сильно. Состав армии малва оказался примерно таким, как он и предполагал, и его не особо беспокоило количество воинов. Да, численно армии находились в пропорции три к одному в пользу малва. Но ведь он будет сражаться в выбранном им месте и заниматься тактической защитой.

Однако последняя предоставленная Курушем информация заставила его сморщиться.

— Опиши их еще раз,— приказал Велисарий.

— Их примерно две тысячи, Велисарий. Они составляют арьергард армии малва, что довольно странно, если хочешь знать мое мнение. Если бы я вел ту армию, то поставил бы эти войска в авангарде. Они сохраняют построение не хуже войск на параде, причем самых опытных из тех, кого я когда-либо видел на парадах, но я не думаю...

Велисарий покачал головой.

— Они совершенно определенно не специализируются на парадах, Куруш.

Он вздохнул.

— А поставлены они в арьергарде потому, что малва им особо не доверяют. Однако проблема это не военная, а политическая. Черт побери! — проворчал он.— Есть две народности, с которыми мне не хочется сталкиваться. Одна — раджпуты, а вторая... Ты уверен, что у них у всех волосы перехвачены в хвост?

Куруш кивнул.

— Их прически сильно выделяются среди других. У них даже шлемы другие, кажется, специально сделаны, чтобы выпускать хвосты наружу.

— Да, я знаю. Видел их раньше. Кушанские шлемы.

Теперь и перс сморщился.

— Кушаны? Ты уверен?

— Да. Никто больше так не выглядит. По крайней мере, насколько мне известно. И не забывай: я ведь провел больше года в Индии. И очень внимательно ознакомился с составом армии малва.

Куруш уже собрался что-то сказать, но не сделал этого, уклоняясь от низкой ветви, которая преграждала дорогу. Выпрямившись, пробормотал:

— Но мы их разбивали, если тебе известно. Мы, арии. Несколько веков назад. На самом деле завоевали половину империи кушанов.

Велисарий улыбнулся.

— Несомненно, ваши менестрели до сих пор поют об этом.

— Поют, ты прав,— мрачно ответил Куруш.— Но в большинстве своем это грустные песни, почти похоронные. О славных победах, после которых выжило трое человек. Потери были очень велики.

* * *

К полуночи Велисарий вернулся назад и решил осмотреть усадьбу. Вместе с ним отправился Баресманас. В свое время персидский посол был воином и на самом деле прославленным, но сочетание возраста и ужасной раны, полученной под Миндусом, сделало его дальнейшее участие в кавалерийских атаках копьеносцев невозможным. Поэтому он с радостью предложил свои услуги пехоте, которая будет защищать непосредственно усадьбу.

Бузес и три подчиненных ему офицера провели Велисария и Баресманаса по усадьбе. Они держали над головой факелы, с гордостью показывая хитрость укреплений. В особенности они выпячивали грудь, когда показывали защиту от гранат. Они в два слоя натянули ткань с тонкими металлическими палками, вшитыми между двумя слоями материи по всей длине. Эта конструкция позволяла легко переносить защитное приспособление, его можно было свернуть в рулон и прикрепить к спине мула. Правда, на этот раз использовались не железные пруты, а бронзовые. Часть многочисленных ограждений и решеток, совсем недавно украшавших балконы и сады, в которых утопала усадьба, была разобрана и вшита между кусками материи. Готовые защитные приспособления крепились к оставшимся бронзовым ограждениям, чтобы закрыть внешние стены усадьбы. В приспособлениях по краям были проделаны отверстия, через них пропущены кожаные веревки, которые завязывались на бронзовых ограждениях.

В некоторых случаях делать дырки в ткани не потребовалось, поскольку имелись отверстия в бронзовых частях решетки, ставших частью защитных приспособлений.

— Мы их не сверлили,— признался Бузес.— Они уже были просверлены и так соединялись друг с другом. Но мы решили, что нам так даже и лучше. Видите? Экраны можно ставить на нужное место, словно закрывая дверь. Дергаешь за веревку — раз, и экран закрыл стену. Занимает менее пяти секунд. А так с наружной стороны их и не заметить. Те, кто будет сюда приближаться, не поймут, как мы защищены.

На самом деле хитрость дизайна Велисария совсем не удивила. Он уже знал, что сирийские пехотинцы вообще мастера на все руки, и это типично для жителей приграничных территорий. Они давно привыкли сооружать укрепления из всего, попадающегося под руку. Но тем не менее похвалил их, горячо и искренне.

Баресманас хвалил их гораздо дольше и с гораздо большим восторгом. И даже не упомянул жемчужины, которые совсем недавно украшали решетки на балконах императорской усадьбы. Они как раз и вставлялись в отверстия, сквозь которые теперь проходили простые кожаные веревки.

Шахрадар также ничего не сказал про странный вид больших бронзовых пластин, которые римская пехота использовала для укрепления части наиболее слабых участков наружной стены. Когда-то эти пластины висели в огромной трапезной императора, где после дневной охоты пировали его гости и одновременно с удовольствием разглядывали фигуры, выбитые на этих бронзовых пластинах. Чеканка все еще никуда не делась. Однако изображенные охотничьи сцены как-то побледнели. Лев лишился изумрудных глаз, антилопы — серебряных рогов, пантеры — нефритовых и рубиновых пятен, а слоны вообще выглядели абсурдно, подобно овцам с огромным носом — без хоботов из слоновой кости.

Баресманас ничего не сказал и в самой трапезной, когда они с Велисарием присоединились к пехотинцам за поздним ужином, только обменялся приятными банальностями, обсуждая великолепную кухню. Сирийцы соглашались, что еда тут отличная. Осталось много припасов, которые и были использованы для приготовления ужина. На самом деле ужина, достойного императора. Только Баресманас не стал указывать, что такую пищу императору не пристало подавать на деревянных тарелках и резать простыми кинжалами. Он держал язык за зубами. Не стал он и интересоваться, куда подевались золотые блюда и все кухонные принадлежности, которые гораздо лучше бы подошли для пира, в котором участвует и главнокомандующий.

Во время осмотра усадьбы Баресманас сорвался лишь однажды. Услышав, как Бузес хвалит какого-то мастера, специализирующегося по металлу, и говорит, что его воины наконец смогли показать свое мастерство в великолепно оборудованной кузнице, располо-

женной в дальней части прилегающей к усадьбе территории, Баресманас изъявил желание посмотреть, как работают кузнецы.

Бузес откашлялся.

— Ну... э... там очень жарко. Ужасно! И грязно. Не поверите! Неужели вы хотите пойти туда? У вас же такие прекрасные одежды. Вы их испортите...

— Я настаиваю,— сказал Баресманас. Вежливо, но твердо. Он провел рукой по шелковому рукаву туники, довольно небрежно и беззаботно.— Завтра мы участвуем в сражении. И меня поражают умения ваших солдат. В персидской армии нет ничего подобного. Копьеносцы из дехганов и даже слуги, сопровождающие их на конях, никогда не опустятся до такой работы. А наши крестьяне не умеют работать в кузнице, они способны только возделывать землю.

Бузес сглотнул.

— Но...

Встрял Велисарий.

— Делай, как говорит шахрадар, Бузес. Я сам хочу взглянуть на мастерскую. Мне всегда нравилось наблюдать за работой умелого кузнеца.

Бузес вздохнул. Слегка передернув плечами, повернулся и повел Велисария и Баресманаса в дальнюю от усадьбы часть территории. Они миновали императорские покои, потом комнаты слуг, прошли мимо прилегающих строений, благодаря которым удовлетворялись текущие нужны персидских императоров. Сами императоры никогда в эти здания не заходили.

Когда они вошли в кузницу, вся работа тут же прекратилась. Около дюжины сирийских пехотинцев застыли на своих местах, выпучив глаза на вновь прибывших.

Баресманас тоже уставился. И тоже выпучил глаза.

В центре мастерской стояла большая наковальня, рядом находился огромный котел, сконструированный специально для плавки металла. Котел активно использовался. Он был почти до краев заполнен расплавленным веществом. В эту минуту двое пехотинцев застыли как раз рядом с ним, уставившись на шахрадара. Они согнулись, чтобы ухватить за две ручки литейный ковш, содержимым которого заполняли формы, стоявшие у дальней стены.

Тайна исчезнувшей императорской посуды была тут же разгадана. Лишь немногие из золотых блюд — пожалуй, не больше корзины — все еще оставались на полке недалеко от котла. Количество остававшихся целыми золотых предметов тут же уменьшилось, поскольку пара золотых блюд выпала из рук римского солдата, с открытым ртом глядевшего на Баресманаса. Конечно, выпала в котел.

Но парализовали персидского господина не золотые блюда. Это был вид гораздо более крупных предметов, которые медленно плавились.

Взгляд Баресманаса остановился на крылатом коне, установленном на тяжелом шесте. Шест быстро размягчался. Через несколько секунд конь исчез за ободом котла.

— Это была кровать императора — подавился Баресманас.— Из чистого золота.

Собравшиеся в кузнице солдаты побледнели. Бузес с мольбой посмотрел на Велисария. Полководец откашлялся.

— Прекрасная работа, ребята! — воскликнул он.— Я рад видеть, как хорошо вы выполняете мои указания.— Он положил тяжелую руку на плечо Баресманаса.— Ужасно, к чему приводит необходимость военного времени.

Шахрадар оторвал взгляд от котла и уставился на Велисария.

— Кажется, я упоминал, Баресманас, что надеюсь во время этой кампании захватить пушки малва. Конечно, проблема заключается в том, чем стрелять.— Полководец сильно нахмурился.— Ты не поверишь, какую дрянь используют малва. Каменные шары. И это для осады! И даже разбитые камни! Ты можешь в это поверить?! — Он вроде бы собирался сплюнуть. Сдержался.— Я этого не допущу. Правильный заряд играет решающую роль. А для того, чтобы выстрел получился точным и его можно было сделать на максимальное расстояние, требуется свинец. Свинец хорошего качества.

Он посмотрел на солдат орлиным взором.

— Насколько я понял, свинца вы тут не обнаружили?

Солдаты мгновение молча смотрели на него.

— Нет! Нет, полководец! — наконец закричал один из них.

— Мы искали! — тут же вставил второй.— На самом деле искали. Всю усадьбу осмотрели, но...

— Свинец только в трубах, по которым подается вода,— сказал третий. Его лицо стало печальным.— А чтобы до них добраться, придется ломать стены.

— Конечно, нам не хотелось это делать,— с самым серьезным видом покачал головой четвертый.— В конце концов, это же усадьба императора.

Лица всех пехотинцев стали очень серьезными. Почти как на похоронах. Головы кивали почти синхронно.

— Ломать стены было бы ужасно. Как осквернять могилу,— пробормотал один.

— Ужасно,— простонал второй.

Велисарий шагнул вперед и заглянул в котел. Держал руки за спиной. Смотрел внимательно, изучающе, стараясь не упустить ни одной детали. Так фермер осматривает почву.

— Золото,— фыркнул он. Затем пожал плечами.— Ну, наверное, придется обходиться им.

Он отвернулся, взял Баресманаса за локоть — шахрадар до сих пор стоял прямо, словно парализованный — и подтолкнул его к выходу из кузницы.

— Война — жестокая штука,— пробормотал Велисарий.

Баресманас пошел с ним, но голова перса все время оборачивалась. Глядел через плечо на котел. Он не мог отвести взгляд от котла до тех пор, пока они не вышли на свежий воздух.

Затем Баресманас внезапно расхохотался. В этом смехе начисто отсутствовала веселость. Нет, это был смех, при котором дрожали плечи, вздымался живот. Конвульсивный смех. Баресманас прислонился к ближайшей стене, словно у него отказали ноги.

— Это были самые любимые охотничьи угодья императора Кавада,— подавился шахрадар.— Он проводил здесь почти половину времени. Пока позволяли годы.

Еще один приступ смеха. Затем Баресманас добавил:

— Один раз он сказал мне — ха! ха! — что он практически уверен: его сын Хосров был зачат в этой постели. Ха! Ха! Так гордился! В тот день он убил льва и думал: это знак судьбы, указывающей на будущее его сына.

Велисарий улыбнулся ему.

— В таком случае — идеальная справедливость! Как раз история для легенды! Даже во время зачатия Хосрову Ануширвану было предназначено разбить малва.

Баресманас оторвался от стены. Теперь уже он взял Велисария под локоть и повел его к усадьбе.

Все еще продолжая смеяться, он пробормотал:

— Наверное, нам стоит держать эту легенду в тайне, друг мой. Ведь мифы часто неправильно понимают.

Они прошли несколько шагов. Шахрадар лукаво посмотрел на Велисария.

— А что ты собираешься говорить императору Хосрову о его усадьбе? Я имею в виду, если сражение вдруг не состоится? — спросил Баресманас.

Велисарий хитро улыбнулся.

— Сам как раз думал об этом.— Он помолчал немного и добавил: — Наверное, молиться, чтобы случилось землетрясение.

Глава 17

— Хорошо, что ты вчера послал к нам персидские войска,— заметил Маврикий после того, как спешился.— Мы не единственные, кто решил, что эти леса — лучшее место укрытия в данной местности. Все слуги убежали из усадьбы после того, как заметили приближение сирийцев, и оказались рядом с нами. Если бы не

Куруш и не его люди, которые их успокоили, то слуги носились бы по окрестностям и верещали, как курицы. Малва несомненно поймали бы нескольких.

Велисарий сморщился.

— Я об этом не подумал,— пробормотал он. Полководец посмотрел назад, на возвышавшуюся за его спиной усадьбу.— Когда мы прибыли, она стояла пустая. Мне следовало догадаться, что тут постоянно проживала небольшая армия слуг, даже в отсутствие императора.

— Небольшая? Тебе нужно взглянуть на эту толпу.

Велисарий вопросительно приподнял брови.

— Есть проблемы?

Маврикий покачал головой.

— Не думаю. Персы их успокоили, потом отправили дальше в глубь леса. Приказали слугам оставаться там. Куруш обещал объяснить им, что в какой стороне находится. Как он подозревает, не меньше половины слуг сорвется со своих мест, как только персы займут боевые позиции. Но по крайней мере они побегут дальше в лес, от малва. Даже если малва и поймают кого-то из них, то получат информацию слишком поздно, чтобы что-то предпринять.

Маврикий посмотрел на усадьбу.

— Как тут дела? — спросил он. Хилиарх внимательно осмотрел усадьбу и окружающую ее территорию.

Императорская усадьба была не одним, отдельно стоящим сооружением. Она включала целую серию зданий. Здания составляли прямоугольник, длинная сторона которого шла с севера на юг. Центр прямоугольника оставался пустым, там был разбит сад. Здания окружала кирпичная стена, ограничивая внутреннюю территорию. Внешняя стена была низкой и немассивной. В северном углу она подходила почти к самым зданиям, на западе отстояла от зданий на несколько сотен ярдов. Там располагался ухоженный сад, который остался почти неповрежденным, если не считать нескольких срубленных деревьев.

К северу и западу от усадьбы сразу же за стеной начинался лес, который фактически и составлял охотничьи угодья. Это был густой лес и рос он на многих квадратных милях. В этом лесу скрывались воины Маврикия, примерно в двух милях к северо-востоку от усадьбы. На юге усадьбу от Евфрата отделял еще один лес, но менее густой. Расстояние до реки составляло меньше мили.

Осмотрев территорию, Маврикий понял, что лес и река будут использованы подобно трубе или дымоходу, по которому малва направятся прямо к усадьбе. Территория к востоку от усадьбы оставалась единственной, по которой сможет пройти большая армия. Ни одному полководцу не придет в голову вести армию через

лес. Да, Маврикию удалось завести туда своих катафрактов. Но он просто устраивал засаду, прятал своих людей за деревьями. Но даже и в этом случае было нелегко.

Он изучил открытую местность к востоку от усадьбы более внимательно. Это будет место сражения. Он видел войска из гарнизона Константинополя. Тут и там. Они как раз завтракали. Маврикий посмотрел на юго-запад, туда, где лес подходил к реке. Там стояли амбары, сараи, конюшни, где содержался императорский скот.

Затем Маврикий более внимательно осмотрел стену, окружавшую территорию усадьбы — само здание с прилегающими к нему строениями и садами. Наконец очень внимательно изучил ворота, у которых стояли они с Велисарием.

Он не казался особо радостным от увиденного.

— Хромой мул может разбить эту стену,— проворчал он.— А что касается этих ворот, то я поставлю на щенка. Три против одного, что щенок справится с воротами.

Велисарий посмотрел на то, что вызвало такое неудовольствие Маврикия. Полководец улыбнулся.

— Но ведь красивые, правда?

И похлопал Маврикия по плечу.

— Расслабься, ты, вечно мрачный негодяй. Это же усадьба, куда приезжали охотники, не крепость. Признаю: внешняя стена — чисто декоративная. Но саму усадьбу строили для императора. Она сделана достаточно надежно, даже места соединения разных зданий. Кроме того, парни Бузеса вчера ночью сотворили чудеса, все укрепили. Стены выдержат. По крайней мере, столько, сколько нужно.

Маврикий ничего не сказал, но у него на лице осталось кислое выражение. Улыбка полководца стала шире.

— Ну вот, я прав. Ты вечно чем-то недоволен.

— Я не вечно недоволен,— возразил Маврикий.— Просто я пессимист. А если твоя ловушка не сработает?

Велисарий пожал плечами.

— Если не сработает, придется сражаться. И все.— Он показал на усадьбу.— Конечно, не особо впечатляет, но лучше, чем что-либо из имеющегося у малва.

До того как Маврикий мог ответить, его оборвал веселый крик. Они с Велисарием обернулись и увидели, что прибыл Кутзес. Командующий сирийской легкой конницей ехал по дороге, ведущей к усадьбе. Его сопровождали все трое трибунов, командующих кавалерией, и Аббу, начальник разведгруппы.

Маврикий посмотрел на небо. Солнце только появлялось над восточным горизонтом.

— Если Аббу уже получил новости, то разведчики или сами очень хорошо сработали прошлой ночью, или враги дышат нам в спину.

Велисарий рассмеялся.

— Ты опять чем-то недоволен,— Велисарий махнул рукой.— Ты только посмотри на этих беззаботных парней, Маврикий! Неужели их улыбающиеся лица похожи на лица людей, которые бегут, спасая свою жизнь?

Маврикий нахмурился.

— Не надо называть солдат беззаботными. Это смехотворно. В особенности если речь идет об Аббу.

Хилиарх внимательно смотрел на приближающегося начальника разведгруппы. И стал немного менее мрачным. Маврикию нравился Аббу. Араб смотрел на мир примерно так же, как сам Маврикий. Во всем светлом есть своя темная сторона — хотя обычно люди говорят наоборот. И в каждой жизни обязательно бывает всемирный потоп.

Остановив коня, Аббу заговорил первым:

— Враги готовят для нас ужасный капкан, полководец. Я предвижу провал.

Кутзес рассмеялся.

— Этот нытик недоволен, потому что прошлой ночью ему пришлось очень много поработать.

— Ни один враг не бывает таким глупым! — рявкнул Аббу.— Нам практически пришлось вести их за руку! — Близко посаженные глаза араба горели от возмущения. Велисарий с трудом сдержал смех.

У Аббу было вытянутое худое лицо, на котором выделялись густые брови и крючковатый нос. Волосы были черные с проседью, борода уже полностью поседела. Однако он совсем не напоминал доброго дедушку: из-за ужасного шрама от виска, скрывавшегося в бороде, он внешне походил на пирата.

Тем не менее в эту минуту боевой старый пустынный воин больше всего напоминал полководцу деревенскую кумушку, чье имущество подверглось нападению деревенского дурачка.

— Ни в одной армии не бывает таких некомпетентных разведчиков! — настаивал Аббу.— Это невозможно. Они бы уже давно все утонули или зашли бы один за другим в какую-нибудь ловушку.

Затем он заговорил с мрачной уверенностью:

— Единственное объяснение — очевидное! очевидное! — это то, что враги задумали что-то хитрое. Готовятся обмануть нас, невинных и доверчивых. Наконец ты, полководец Велисарий, встретил достойного соперника. Лиса поймана в капкан более хитрым волком.

Маврикий проворчал что-то себе под нос с мрачным видом, напоминая легендарную Кассандру, которая увидела, как все ее пророчества сбылись.

С другой стороны, Велисарий не казался особо расстроенным или обеспокоенным. На самом деле как раз наоборот. Полководец практически светился от радости.

— Как я понял, вам пришлось поддразнить авангард малва, чтобы заставить их последовать за вами к нашему лагерю?

Аббу фыркнул.

— Какое-то время нам даже казалось: придется спешиваться и на словах объяснить им, что от них требуется. «Видишь, так называемый разведчик из малва? Это костер. А вот туда посмотри — это называется шатер. А у шатров у костров сидят римские войска. Можешь повторить: рим-ски-е. Сможешь найти дорогу назад в лагерь? Или нам самим следует представить отчет твоему командованию? Ты хоть говорить-то умеешь?»

Он поджал губы и сморщился, словно съел лимон.

— Никакой враг...

— Встречаются,— перебил Велисарий. Веселость все еще оставалась на лице полководца, но когда он заговорил, произносил слова исключительно серьезным тоном. Он обращался не только к одному Аббу, а ко всем командующим.— Поймите этого врага. Они исключительно сильны — благодаря новому оружию и численности войск, которые могут собрать. Но те же методы, которые создали эту гигантскую империю, являются также их ахиллесовой пятой. Они не доверяют никому, кроме малва. Даже не доверяют йетайцам. И для этого есть основания! Все другие народности для них — никто. Малва считают всех ниже себя.

Он осмотрел повернутые к нему лица, на последнем остановился на Аббу.

— У них есть разведчики, одни из лучших в мире, Аббу. Кушаны, например, великолепны. Среди раджпутов есть даже более талантливые. Охотники из афганского племени патанов, служащие раджпутам. Но где кушаны? В арьергарде. Где раджпуты? — Он показал на северо-восток.— Проливают кровь в горах. Здесь, в Месопотамии они посылают в разведку обычных кавалеристов.— Он пожал плечами.— Если за ними не будут следить йетайцы, постоянно понукать и подгонять их, то при каждой возможности солдаты станут уклоняться от выполнения своих обязанностей.

— Да, это наглые негодяи с очень высоким мнением о себе,— вставил Кутзес.— И не только потому, что у них слабый авангард, у них практически нет флангов.

Велисарий посмотрел на поднимающееся над горизонтом солнце.

— Скоро? — спросил он.

— Часа полтора, полководец,— мгновенно ответил Кутзес.— Самое большее два.— Молодой фракиец одобрительно посмотрел на Аббу.— Несмотря на все ворчание, Аббу и его люди прекрасно поработали прошлой ночью. Малва идут прямо на нас. Они встали новым порядком. Мне кажется, это боевой порядок, хотя он и отличается от всех, которые мне доводилось видеть раньше.

— Опиши его,— приказал Велисарий.

— Впереди собрана конница. Их там много. Очень много. Идут колоннами, но такими широкими, что создается впечатление: идут цепью. То есть несколькими цепями одна за другой.

— Идут медленнее, чем течет мед,— вставил один из трибунов Кутзеса. Кутзес кивнул.— По флангам располагается большинство варваров — йетайцев. Но идут совсем не так, как обычно выступают подразделения, располагающиеся по флангам. У меня сложилось впечатление...

— Это не обычные подразделения, прикрывающие фланги,— перебил Велисарий.— Йетайцы в основном используются, как батальоны страховки. Командиры малва ставят их для обеспечения порядка в регулярных войсках. Чтобы во время битвы те не разбежались.

Кутзес фыркнул.

— Могу поверить в это. Определенно: выглядят эти варвары устрашающе.

— И они на самом деле устрашают,— согласился Велисарий.— Командующий малва также рассчитывает, что они отразят любую атаку на фланги.

Один из других трибунов презрительно фыркнул.

— Но они не настолько крепки. По крайней мере, не должны выстоять против фракийцев и иллирийцев.

Велисарий улыбнулся.

— Я считаю точно так же.— Затем он обратился к Кутзесу: — Кушаны все еще в арьергарде? Предполагаю, идут сразу же за теми, кто в центре — повозками со жрецами и кшатриями?

Кутзес кивнул.

— Это имеет смысл,— сказал полководец. Я объясню, почему это построение кажется тебе странным, Кутзес. Дело в том, что малва подходят к сражению, как кузнец к наковальне. Они думают только о том, чтобы использовать молот. В данном случае молот — это большая конница, которую сзади поддерживают ракеты. Если же молот не срабатывает, значит нужно воспользоваться другим, большим молотом.

— А что там с арабами? — спросил Маврикий.

Кутзес и трибуны расхохотались. Даже Аббу впервые позволил улыбке появиться на обветренном лице.

— Эти — не дураки,— усмехнулся начальник разведгруппы. И сказал одобрительно: — Настоящие арабы, даже если это и вонючие слуги Лахмидов. Они...

Его перебил Кутзес, все еще продолжающий смеяться.

— Арабы занимают позицию с фланга. Конечно, с левого, поближе к пустыне. Может, постараются туда смотаться, если удастся избежать стычки с йетайцами.

— Которым совсем не нравятся арабы,— добавил один из трибунов.

— Они сломаются через минуту, полководец,— вставил еще один.— Это так же очевидно, как вымя у коровы. Ты же знаешь, как мыслят эти арабы.

Аббу фыркнул.

— Точно так же, как любой здравомыслящий человек! Какой смысл садиться на лошадь, если не собираешься пускать ее вскачь? В особенности, если тобой командует идиот, который ставит свои войска...— разведчик кивнул на Велисария.— Как говорит полководец — подобно толстому, пузатому кузнецу, лениво шагающему к наковальне.

Велисарий хлопнул в ладоши.

— Хватит,— сказал он.— Кутзес, начинай атаку сразу же. Как можно быстрее. К этому времени ребята из Константинополя уже должны быть готовы. Когда подойдет время, я присоединюсь к ним.

Кутзес внимательно посмотрел на него. Во взгляде смешались колебание и беспокойство.

— Ты уверен в этом, полководец? Потери обещают быть...

— Я пойду с ними,— твердо заявил Велисарий.

Кутзес легко передернул плечами, но ничего не сказал, развернул коня и поскакал прочь. Его трибуны и Аббу тут же последовали за ним. После того как они уехали, Маврикий посмотрел на Велисария.

— Странно,— заметил он.— Я имею в виду то, что ты так саркастически отзывался о кузнецах. Я всегда считал, что ты относился к ним с восхищением.

— Я и отношусь,— с горячностью ответил полководец.— Когда был ребенком, массу времени проводил в кузнице. Хотел сам стать кузнецом, когда вырасту.

Полководец развернулся и пошел назад к усадьбе. Маврикий шел рядом с ним.

— Я не смеялся над кузнецами, Маврикий. Я смеялся над полководцами, которые считают себя кузнецами.

Он покачал головой.

— Кузнечное дело требует мастерства. И как и в любом деле, там есть свои правила. Хорошие правила, всегда срабатывающие —

пока ты не начинаешь их путать с правилами, применяемыми в другом мастерстве. Наковальня — это ведь по сути большой кусок металла. Наковальня не может с тобой сражаться, не может тебе ответить, если ты на нее нападешь.

* * *

Полчаса спустя, расставшись с Маврикием, Велисарий сел на коня и поехал к месту расположения войск Константинополя. Как и всегда, его сопровождали Валентин с Анастасием, державшиеся в нескольких ярдах позади.

Греческие войска уже готовились к сражению. Они позавтракали, были полностью вооружены и надели доспехи. Когда полководец подъехал, солдаты с энтузиазмом поприветствовали его. Велисарий внимательно прислушивался к тому, как его приветствуют. Он решил, что в их словах нет ничего фальшивого. Они не притворяются. Очевидно, слух уже распространился, и все знают, что Велисарий пойдет в бой вместе с ними. Как он и предполагал, новость о том, что полководец намерен разделить с ними риск кавалерийской атаки, помогла окончательно зацементировать преданность греков.

«Наконец у меня есть армия,— подумал он с облегчением, затем добавил несколько сардонически: — Теперь мне нужно только беспокоиться о том, чтобы пережить атаку».

«Я думаю, тебе не стоит в ней участвовать,— пришел ментальный импульс от Эйда.— Это очень опасно. Ведь будут стрелять ракеты».

Велисарий почесал подбородок перед тем, как отвечать.

«Не думаю, что это проблема, Эйд. Сирийцы запутают и дезорганизуют вражескую конницу к тому времени, как мы пойдем в атаку. Если мы начнем быстро, то у них не окажется четких целей».

Но Эйд не желал успокаиваться.

«Это очень опасно. Тебе не следует в этом участвовать. Ты незаменим».

Велисарий вздохнул. Он понял, что страхи Эйда никак не связаны с оценкой тактики. Они имеют более глубокие корни.

«Ни один человек не является незаменимым, Эйд».

«Это неправда. Ты незаменим. Без тебя малва победят. Линк выиграет. Мы проиграем».

«Если я незаменим, Эйд, то ведь из-за моих способностей полководца. Так?»

Молчание.

«Так?» — снова спросил Велисарий.

«Да»,— с неохотой ответил Эйд.

«Значит, ты должен это принять. Риск — часть жизни полководца».

Он чувствовал неуверенность граней. Велисарий решил получше донести мысль.

«У меня небольшая армия. А у врага огромная. Если я хочу выиграть — войну, не только это сражение — у меня должна быть боеспособная армия, маневренная, готовая действовать быстро. Только объединенная и сплоченная армия может выиграть войну».

Он сделал паузу, думая, как лучше объяснить. Эйд хорошо знал и понимал человеческую натуру, во многом — даже лучше, чем свою собственную. Но из-за сущности кристалла некоторые аспекты человеческой реальности оставались для него непонятными, часто совсем необъяснимыми. Эйд часто поражал Велисария каким-то таинственным пониманием великих сил, которые двигали человеческой расой. А затем еще больше поражал непониманием и незнанием людей, составлявших расу.

Эйд понимал человечество как шпалеру. Но он словно слепой пытался нащупать сами нити — людей.

«Мы, римляне, во многом подобны малва. Мы также построили огромную империю из многих различных народов и наций. Они строят империю, вводя жесткие иерархические правила. Для них очень важна чистота крови, они тщательно следят за ней и правом наследования. А мы делаем наоборот. Их методы дают им большую власть, но мало гибкости. И, самое важное, никакой искренней преданности. Мы победим их только хитростью и преданностью».

Велисарий стал развивать мысль, почти безжалостно. Чувствовал, как Эйд сопротивляется логике.

«Это правда, Эйд. Я — главный и первый полководец Рима, потому что одержал победы над персами и варварами. Я победил в тех сражениях — конечно, со своими фракийцами, но также сирийцами и иллирийцами. Но греческие солдаты, формирующие сердце римской армии, мало меня знают — за исключением репутации. Это слишком абстрактно. А для войны против малва эти люди являются ключевыми. Я должен завоевать их преданность и доверие. Не только тех людей, которые пойдут в битву сегодня, но и всех других, которые последуют за ними».

Он помолчал и заговорил снова, завершая мысль:

«Другого пути нет. Полководец может завоевать преданность только тех войск, которые знают, что он точно так же предан им. Я уже показал войскам из гарнизона, что меня надо принимать всерьез. Мои требования. Теперь я должен показать им, что и я их принимаю всерьез. Их бросок является ключевым в сражении. Если он будет совершен правильно, то внимание врага зафиксируется на греках. Враг и не подумает, что поблизости есть другие — даже более опасные противники, скрывающиеся в лесу».

Эйд молчал. Потом заговорил жалобно:

«Это будет очень опасно. Тебя могут убить».

Велисарий не ответил. К этому времени он уже приближался к центру лагеря, разбитого войсками Константинополя. Он уже видел, что Агафий сидит верхом на коне, покрытом броней, примерно в пятидестяи ярдах от него, окруженный трибунами и гектонтархами. Молодой хилиарх отдавал последние распоряжения. Однако он не выкрикивал их актерски, не играл на публику, как делали многие римские командиры утром перед сражением. Велисарию довелось повидать немало таких. Даже на таком расстоянии было понятно, что среди командования константинопольских войск царит дружеская обстановка и все расслаблены.

В чувство удовлетворения полководца ворвался голос Эйда:

«Мне будет тебя не хватать. Очень сильно».

Велисарий сконцентрировал все внимание на гранях. Как и много раз в прошлом, его ослепил калейдоскоп меняющихся цветов этого самого странного из божеских созданий. Этой удивительной души, которая называла себя Эйд.

«Мне тоже будет тебя не хватать. Очень сильно».

Велисарий услышал, как Агафий приветствует его. Он приветственно поднял руку в ответ. Но он еще не закончил разговор с кристаллом.

«Давай попробуем избежать этой проблемы, а?»

Грани сверкнули и повернулись, приняв новую конфигурацию. Начала кристаллизоваться форма, образ, которые Велисарий в них никогда не чувствовал.

«Я помогу»,— пришел ментальный импульс. Твердый, уверенный и в то же время какой-то тонкий и гибкий.

Почти похожий на ласку.

«Этим несчастным ублюдкам звиздец. Звиздец!»

Велисарий резко вдохнул воздух от удивления. Следующие слова Эйда заставили Велисария даже повернуться в седле, чтобы проверить, не сам ли Валентин их произнес.

А Эйд бормотал. Бормотал и бормотал.

— Я ничего не говорил,— запротестовал Валентин, когда увидел обвинение в глазах полководца. С печальным видом оскорбленного в лучших чувствах, он показал большим пальцем на огромного катафракта, едущего рядом с ним.— У него спроси.

— Этот человек молчал, как гробница, полководец,— подтвердил Анастасий.— Хотя сомневаюсь, что он думал о философии, как я. Я всегда философствую перед сражением, ты же знаешь. Нахожу слова *Марка Аврелия* в особенности...

Валентин что-то пробормотал себе под нос. Анастасий вопросительно посмотрел на него.

— Что это было? Я не уловил.

Велисарий улыбнулся.

— Я думаю, он сказал: «Трахнутая философия». Но, может, и нет. Может, он молился древним духам Фракии. Ты же понимаешь, что нас ждет битва. Вот он и просил у них защиты в предстоящем сражении.

Валентин только что-то пробормотал себе под нос.

И Эйд бормотал. Бормотал и бормотал.

Глава 18

Велисарий приказал идти в атаку, как только увидел, что первые подразделения сирийской легкой конницы возвращаются с поля боя. Само поле располагалось к востоку от усадьбы, но находилось слишком далеко, чтобы четко видеть, что там происходит. Велисария от него отделяло не меньше мили. И с этого расстояния оно казалось просто облаком пыли, поднявшимся над ровной долиной, которая когда-то была плодородной. Вид также заслоняли срубленные деревья, еще недавно ограничивавшие территорию императорских охотничьих угодий, а теперь сложенные кучами. Но благодаря своему опыту полководец мог судить о происходящем только по одним звукам.

Основываясь на услышанном, Велисарий решил: дело продвигается очень хорошо. Его особенно радовала — если он правильно интерпретировал звуки — ситуация справа. Там Аббу с подчиненными сконцентрировали внимание на других арабах, выступающих с противной стороны.

Разведчики Аббу были бедуинами и в свое время поклялись служить династии Хассанидов. Хассаниды являлись традиционными союзниками Рима в Северо-Западной Аравии. На самом деле скорее вассалами, но Рим всегда очень внимательно относился к чувствам арабов и старался их не оскорблять. Лахмиды в той же роли служили персам в Северо-Восточной Аравии, пока не переметнулись к малва.

Малва были новым врагом, как для Рима, так и для его союзников Хассанидов. Но разведчики малва оставались теми же арабами, поклявшимися в верности Лахмидам, с которыми Аббу, его подчиненные и их предки сражались уже несколько столетий. Этот конфликт имел древние, горькие корни.

Обе стороны в этом сражении кричали, как свойственно арабам, но были и тонкости, которые ясно уловило опытное ухо полководца. Какое-то время обычные завывания доносились с одной и другой стороны, то усиливаясь, то стихая, потом звук битвы стал совершенно другим.

Если только Велисарий не допустил серьезной ошибки, то Аббу и его подчиненные расправились с арабами — а вместе с ними и с единственными компетентными разведчиками в армии врага, не считая кушанов.

Он был доволен, нет, просто рад. Маврикий научил полководца многому и преподавал ему военную науку, пока ученик не превзошел учителя. Один из самых ранних уроков был прост и жесток: первым делом следует ослепить ублюдков.

* * *

Задуманный Велисарием «бросок» скорее был не броском, а просто продвижением вперед. До врага все еще оставалось около мили, даже если они, как он ожидал, и приближались к нему. Миля, особенно в Сирии летом,— это слишком большое расстояние, чтобы нестись на боевой лошади вскачь, причем на лошади, одетой в броню и с всадником в доспехах на спине.

Поэтому они просто ехали вперед. Вначале Велисарий внимательно следил за войсками из гарнизона, проверяя, не понеслись ли вперед какие-то горячие головы. Некоторое время спустя его напряжение ослабло — после того как стало ясно: подчиненные Агафию офицеры трезво смотрят на происходящее и вполне способны контролировать своих людей. Они все — ветераны и прекрасно сдерживают молодых и горячих.

Но даже таким темпом две тысячи катафрактов издавали звуки, подобные далекому грому. Легкая сирийская конница, покидающая поле боя после того, как вынудила врага броситься в атаку, услышала звук. Они знали его значение: их более могущественные братья идут им на помощь. И, главное: их полководец — снова — их не подвел.

Первые сирийцы, проскакавшие в оставленные специально для них приближающимися катафрактами коридоры, весело улюлюкали и улыбались от уха до уха. И радостно кричали:

— Велисарий! Велисарий!

Некоторые — а потом все больше и больше народу по мере того, как воинский клич набирал силу, стали кричать:

— Константинополь! Константинополь!

На протяжении всего времени, пока отступающие сирийцы вливались в их ряды, напевая и выкрикивая имя полководца, столичные войска держались с достоинством и сохраняли молчание. Но Велисарий чувствовал удовлетворение, которое таилось за скрытыми шлемами лицами. Все воспоминания о выходках в городе и казненных товарищах улетучились, негодование в отношении приграничных войск с острыми языками пропало, горечь при воспоминании

об аристократах, наслаждающихся жизнью в Константинополе, пока они проливают пот в пустыне, исчезла.

Теперь не осталось ничего, кроме гордости, всегда испытываемой самыми крепкими воинами, которых когда-либо знал мир.

Греками.

Латинские армии победили их несколько столетий назад превосходящей организацией и тактикой. На самом деле так их разбили, что они приняли название своих завоевателей. В основе империя была греческой. Но называлась она Римской, и этим именем гордились.

Персидские армии во время современных конных сражений побеждали их маневрами. Снова и снова. Пока гордые греки, которые называли себя римлянами, не сымитировали древнего *мидийского* врага. Катафракты в своей основе являлись только копией персидских дехганов.

В войне — в общем и целом — многие оказывались лучше греков, причем многократно. Но никто никогда не был лучше в сражении. Греческие гоплиты на древних полях сражений считались самыми ужасными противниками. Они ввели в воинское дело стиль кровавого сражения лицом к лицу, который шокировал их оппонентов.

Ахилл вернулся к жизни, заново родились Аяксы. Та же кровь текла в венах мрачных людей, в тот день продвигавшихся вперед рядом с Велисарием. Броня стала другой. Оружие изменилось. Они ехали вперед на спинах коней, а не шли фалангами. Но это все равно были те же крепкие, очень стойкие греки.

* * *

Теперь осталось полмили. Сирийские кавалеристы все еще кружили на участке, отделяющем Велисария от наступающей армии малва. Велисарий просил сирийцев действовать в стиле гуннов. Сами гунны не могли бы выполнить работу лучше. Атака, осыпать врага градом стрел, отступить. Но не просто отступать, а посылать стрелы через плечо. Контратака, осыпать градом стрел, отступить. Развернуться. Вперед, отступить. Убивать, калечить, наносить раны — и убегать, спасая свои шкуры.

Велисарий наконец смог увидеть некоторых из приближающейся армии малва. Он чувствовал их ярость, их просто трясло от сирийской тактики. Полные собственной надменности, малва думали только о том, чтобы побыстрее наброситься на выводящую их из себя армию. Передние подразделения неслись вперед, забыв о боевом порядке. Йетайцы, разбросанные среди них, не подгоняли малва. В этом не было необходимости. Сами йетайцы тоже казались раздраженными, разъяренными и хотели побыстрее наброситься на врага.

Войска малва мало знали Месопотамию, йетайцы — еще меньше. Не знали о костях, усыпавших эту землю, костях римских солдат, которые часто совершали ту же ошибку. Парфяне разбили Красса и его легионы, полтысячелетия назад, не очень далеко от этого места.

Больше всего Велисария беспокоило, что малва воспользуются ракетами раньше, чем его собственные войска. Его не особо волновали потери. Ракеты малва не отличались точностью и не должны были принести много зла людям. Но он боялся, что шум, создаваемый летящими ракетами, шипение и вырывающийся из хвоста огонь приведут в панику часть лошадей, на которых ехали войска из гарнизона Константинополя. Да, константинопольские войска сидели на самых крепких и мощных лошадях из доступных. Но они или вообще никогда не встречались с ракетами, или у них было мало опыта, по сравнению с опытом столкновений с пороховым оружием сирийской и фракийской конниц.

Однако стало очевидно, что массированного ракетного огня не будет. Как Велисарий и надеялся, тактика легкой сирийской конницы быстро привела войска малва в смятение, и кшатрии не могли найти четкую цель. А теперь стало слишком поздно. Копыта тысяч лошадей — союзников и врагов — подняли клубы пыли, и командующие малва, находившиеся в центре войска, теперь не видели даже первые ряды своих воинов, не говоря уже про врага. Они не смогут увидеть и бросок тяжелой конницы Константинополя. Конечно, они его услышат. Даже в шуме битвы бросок двух тысяч катафрактов заставит землю содрогнуться. Но звук грома — не совсем подходящая цель для ракеты, да и в любом случае этот гром будет греметь недолго. После того как катафракты столкнутся с врагом, ракеты убьют гораздно больше воинов малва, чем римлян.

Велисарий пришпорил коня. Нет, он не понесся галопом, просто поехал немного побыстрее. Находившиеся по обеим сторонам от полководца войска тоже убыстрили темп, чтобы ехать вровень с ним. Гектонтархи и декархи поддерживали нужное формирование. Линии катафрактов оставались такими же ровными, как если бы их вычертили чернилами. Это были те же греки, чьи предки шли при Марафоне.

Пятьсот ярдов. Хотя они подошли ближе, враг полностью исчез — его проглотила пыль, висевшая над полем, ее не уносил поднявшийся легкий ветерок.

Четыреста ярдов.

Из пыли галопом выскочило небольшое подразделение арабских кавалеристов. Они направились прямо на приближающихся греков. Когда они приблизились, Велисарий узнал Аббу.

Начальник разведгруппы пронесся мимо полководца, неистово улюлюкая. У него по щеке текла кровь — из небольшого пореза, но казалось, что никаким другим образом старый воин не пострадал.

Мгновение спустя Аббу оказался рядом с Велисарием. Его конь тяжело раздувал бока и весь покрылся потом, но животное ни в коей мере не казалось усталым.

И определенно не устал Аббу.

— С приверженцами Лахмидов покончено! — весело крикнул он.— Побили их, как собак! Загнали в реку!

Велисарий ответил улыбкой на жуткую улыбку варвара.

— Всех?

Аббу хмыкнул.

— Лахмиды! Вонючие Лахмиды — это не бедуины, полководец Велисарий. Речные крысы. Прячущиеся по оазисам. Умрут от страха в настоящей пустыне. Уверен: сейчас большинство из них бегут по берегу Евфрата. Неважно. Их ты больше не увидишь. Много дней. А может, и никогда.

Он опять презрительно хмыкнул.

— Трахают верблюдов. И их даже нельзя назвать извращенцами. Слишком глупы, чтобы знать разницу между женщиной и верблюдом.

Он еще раз хмыкнул.

— Конечно, их трудно обвинять. Их женщины страшнее верблюдов. И более мерзкие.

Триста ярдов. Внезапно впереди показалась группа сирийцев. Последние оторвавшиеся от врага. Затем, секунду или две спустя в пыли появились первые ряды кавалерии малва. В ярости неслись галопом.

Велисарий заметил, как загорелись глаза Аббу. В это мгновение опытный ветеран на самом деле очень походил на пирата, который внезапно заметил сундук с золотом.

Полководец рассмеялся.

— Пусти, Аббу. Теперь это наша работа.— Он кивнул назад.— Иди. Собери своих людей. Присоединяйся к Кутзесу и сирийцам. Я хочу быть уверен, что вы там, готовые прикрыть нас, в особенности слева, когда мы сами будем отступать. Я не хочу, чтобы малва — кто-либо из малва — попал в лес и обнаружил наш сюрприз раньше времени.

Аббу фыркнул.

— Беспокойся о чем-нибудь еще, полководец. О чем угодно. Никто из малва в лес не пройдет.

Он стал разворачивать коня, в последний раз бросив взгляд на малва. Двести пятьдесят ярдов.

— Да поможет тебе Бог, полководец Велисарий.

* * *

Теперь были видны сотни кавалеристов малва. Возможно, тысяча. Было трудно определить точно, поскольку они были сильно дезорганизованы.

Вражеские войска наконец заметили приближающихся к ним тяжеловооруженных катафрактов. У некоторых явно появились запоздалые сожаления о бессмысленном броске — судя по попыткам развернуть коней. Но эти попытки тут же пресекли йетайцы. И армия малва, на самом деле больше напоминавшая толпу, продолжила наступление.

Двести ярдов. Катафракты достали луки, приготовили стрелы.

Время пришло.

* * *

Велисарий отдал приказ. Трубы протрубили громко и резко.

Римские катафракты остановили коней. Как только животные встали, все две тысячи наездников поднялись в стременах. Вложив в выстрел силу груди и плеч, они натянули луки и одновременно отправили стрелы в полет.

Катафракты стояли четырьмя рядами, причем в шахматном порядке, чтобы передние не мешали стрелять следующим. Если считать коридоры, оставленные, как пути отхода для сирийцев, то лучники Константинополя занимали более мили поля. Поскольку стреляли они одновременно, их действия были скоординированы, туча стрел посылалась на небольшое расстояние, то их стрелы смели первые ряды наступающих малва так, словно по тем прошлась гигантская коса.

По меньшей мере половина стрел пролетала мимо и их жуткие наконечники вошли в мягкую землю. Но сотни не вошли, и большая часть из этих сотен принесла или смерть, или ужасные раны. Никакие луки в мире не были настолько мощными, как луки катафрактов, лишь немногие наконечники стрел — такими же острыми, и никакие — такими же тяжелыми.

Малва пошатнулись. Многие орали и визжали — некоторые от шока и агонии, другие от страха и неверия. Их легкие доспехи против этих невероятных стрел оказались подобны тонкой ткани.

Велисарий подал сигнал. Трубы снова протрубили.

Катафракты убрали луки и протянули руки за копьями. В течение нескольких секунд они снова привели коней в движение. Две армии разделяло не более сотни ярдов, когда римляне тронулись с места. Это расстояние быстро сократилось.

По иронии большую часть расстояния сократили сами малва — истекающие кровью, побитые, изувеченные. Малва из передних рядов, выжившие после выпущенных в них стрел, неслись вперед сумасшедшим галопом, в отчаянии стараясь приблизиться к врагу, чтобы только в них не успели выпустить следующую порцию стрел.

Это была естественная реакция — на самом деле неизбежная реакция, как заранее знал Велисарий, но все закончилось кошмаром. Чело-

век, сидящий на несущейся галопом лошади, должен концентрироваться в основном на том, как удержаться в седле. Это особенно относилось к коннице малва, у которых не было стремян, как у их римских противников. Сидящие в седле без стремян люди просто не могут эффективно пользоваться оружием, несмотря на всю ярость атаки.

Римские катафракты со своей стороны не пускали коней галопом. Да, они тронулись с места, но пустили коней кентером, концентрируя свое внимание на убийственной работе. Их стопы покоились в стременах, они не боялись свалиться наземь, выпав из седла, уверенно и крепко держали копья и целились наконечниками.

Когда через несколько секунд две конницы встретились, началась чистая бойня.

Всадники малва оказались лучше вооружены и имели лучшие доспехи, чем пехотинцы. Но по римским или персидским стандартам они считались не более чем легкой конницей. У них были тонкие кольчуги, которые просто покрывали тела, в то время как катафракты носили чешуйчатые доспехи, защищавшие не только тело, но также и левую руку и ноги до середины бедра. Шлемы малва представляли собой кожаные шапки, поверх которых были приделаны тонкие металлические пластины, головы катафрактов защищали стальные германские шлемы. Копья малва — в соответствии с традициями кавалерии, еще не знающей стремян — были просто длинными и тонкими. Копья греков оказались в два раза тяжелее и в полтора длиннее.

Йетайцы были подготовлены лучше, чем обычные кавалеристы малва. Тем не менее и они безнадежно уступали как копьеносцы — и уступали бы, даже если бы Велисарий не ввел стремена, которые ему в одном из видений показал Эйд.

Римляне остановили бросок малва по всему фронту. Некоторые малва из первых рядов, по краям наступления, смогли уклониться в сторону. Но большинство просто оказались под копытами. Более пятисот кавалеристов малва умерли или были серьезно ранены во время жестокого столкновения. Половина из них наткнулись грудью на копья, другая половина в течение нескольких секунд была разрублена мечами и топорами катафрактов. И здесь малва тоже проигрывали. Оружие малва не шло ни в какое сравнение по весу с мечами и топорами римлян. Малва боролись против персидских дехганов всего несколько месяцев, римляне же — веками.

В первом крупном столкновении двух армий было задействовано примерно шесть тысяч кавалеристов малва. Менее чем через две минуты, после того как катафракты выпустили в них град стрел и пошли в атаку, держа копья наизготове, на тот свет отправилось более пятнадцати процентов — а это ужасные цифры, если судить по стандартам любой армии в истории.

Затем кровопролитие усилилось. Первые ряды малва были полностью остановлены. Многие из них вместе с лошадьми упали на землю. Те, кто все еще оставались в седле, теряли равновесие, были в отчаянии, шоке.

Малва, рвущиеся вперед из задних рядов, не видели, что происходит впереди, из-за клубов пыли и не слышали из-за общего шума битвы. Продолжая гнать лошадей вперед, они врезались в застывшую массу своих товарищей из первых рядов. Теперь тысячи кавалеристов малва просто смешались и запутались и их вынужденно тащило к римским рядам.

Велисарий планировал приказать отсупление после того, как катафракты поработают копьями в первом столкновении. Но теперь, увидев замешательство и путаницу в рядах малва, приказал продолжать сражение. Трубы снова протрубили. Задние ряды катафрактов продвинулись вперед. Проемы, оставлявшиеся ранее для сирийцев, сомкнулись, теперь всадники стояли фактически плечом к плечу.

По обе стороны от Велисария находились Валентин с Анастасием. Сам Велисарий занял место в центре линии. От копья он уже избавился. Его, падая на землю, забрал с собой йетайец — еще во время первого столкновения двух армий. Полководец приготовил меч, не короткий меч, который он предпочитал, а длинный персидский, которым обычно пользовались персидские кавалеристы. Его он носил на перевязи. Велисарий поднялся в стременах и рубанул оказавшегося прямо перед ним врага. Тяжелый меч прошел сквозь тонкий шлем и разрубил череп.

Велисарий высвободил меч из головы убитого и ударил еще одного врага. Потом еще. И еще.

Как и раньше, во время других сражений, ему помогал Эйд. У полководца появились почти сверхъестественная реакция и таинственная способность четко и ясно видеть все вокруг. Но в этом сражении можно было бы обойтись и без помощи Эйда. Это сражение, напоминающее уличную драку, требовало силы и выносливости, а не скорости и ловкости.

Неважно. Велисарий был крупным и сильным мужчиной. Его выносливость развивалась долгими тренировками, сопровождаемыми наставлениями Маврикия, который считал выносливость лучшим другом солдата. А обращаться с мечом его учил Валентин. Ни разу за время последующей схватки Велисарий не допустил ошибки, рубя врагов, ни разу ему не угрожала опасность самому получить увечье. И это было бы так, даже если бы Валентин и не сражался слева от него, точно так же, как гигант Анастасий сражался справа.

Битва оказалась одной из самых диких, которые довелось видеть Велисарию. А уж он-то был не новичок в сражениях. Больше всего

она напоминала работу мясника. Солдаты вокруг рубили мясо. Малва из передних рядов едва успевали поднять оружие, так сильно на них давили римляне. Римляне разделались с первым рядом врагов, потом с теми, кто бежал к ним по трупам своих товарищей, а потом с теми, кто пришел после.

Несколько минут спустя сражение эффективно завершилось. Греки больше не могли добраться до живых противников: мешали горы трупов.

Малва из передних рядов стали отступать. Те, кто давил на них из задних, наконец поняли, откуда идет волна, и отступили, позволяя сделать то же самое передним. Почувствовав переломный момент, Велисарий решил временно прекратить смертоносную работу. Быстро осмотрел переднюю линию. Он был в самом центре римских рядов и больше не мог видеть ни один из флангов. Но он знал об опасности. Несмотря на все потери, малва значительно превосходили константинопольские войска по численности. Или выполняя приказы командиров — если среди тех найдутся разумные, или просто сами по себе малва скоро ринутся вперед по флангам.

Велисарий отдал два быстрых приказа. Протрубили трубы. Потом еще раз.

Первый приказ касался раненых. Их следовало вынести с поля боя. Услышав соответствующий сигнал трубы, катафракты в ярости и презрении высказали все, что думают о малва. Издаваемые катафрактами звуки походили на крик одного человека — весь константинопольский гарнизон, казалось, слился в одной презрительной насмешке.

— Мы надрали ваши бесполезные задницы. А теперь мы потратим столько времени, сколько нужно, собирая наших перед тем, как уйти. Черт вас побери. И плевать мы на вас хотели. Не нравится? А ну-ка попробуйте нам помешать!

Несмотря на всю браваду, греки зря времени не теряли. Они были ветеранами и, как и их полководец, знали: очень опасно допустить окружение по флангам. Поэтому один катафракт помогал другому. Они быстро собрали раненых и убитых и разместили их на лошадях.

Это не отняло много времени, хотя греки и проверили тщательно, чтобы не оставить никого из своих под трупами малва. Их потери были невероятно малы — гораздо легче, чем они ожидали. Гораздо. Они поразились, поняв, сколько тел на самом деле придется увозить с поля боя.

Отступление началось. До начала сражения оно волновало Велисария. Всегда сложно держать под контролем солдат в такое время, даже самых лучших. Всегда охватывает желание продолжать погоню. После яростной победной схватки хочется сражаться даль-

ше. Но только не отступать. А если войска начинают отступление, то не могут должным образом сохранять порядок.

Но не в этот раз. Через несколько секунд Велисарий уже знал: опасаться ему нечего. Было очевидно: константинопольские войска даже не считали, что отступают. Они просто уходили, потому что в этом месте в это время им больше нечего делать.

Легким галопом, не быстрее. Построение возобновилось, причем почти правильное.

Во время отступления Велисарий занял место в арьергарде, точно так же, как занимал в авангарде во время наступления. Греки это тоже заметили, и по их рядам пронесся клич:

— Велисарий! Велисарий!

Он улыбнулся и даже помахал, но больше никак не признал восхищение. Большую часть времени на протяжении неторопливого отступления он смотрел через плечо. Наблюдал за врагом. Прикидывал. Строил догадки. Оценивал.

Велисарий заметил, как сирийские и арабские подразделения продвигаются вперед, готовые своим огнем прикрыть отступающих катафрактов. Он махнул им, показывая: их усилия не требуются. Да, малва пытались их преследовать. Но это совсем не напоминало яростную атаку, в которой участвуют настоящие воины. Это были угрюмые, мрачные, тяжело и неохотно передвигающиеся воины, которых вперед подгоняли орущие йетайцы.

Удовлетворенный Велисарий отвернулся от них и посмотрел на солнце. До полудня еще есть время. Он думал, что командиры малва не смогут отправить свою армию в следующую атаку по меньшей мере часа два. Возможно, и три.

Достаточно времени. Он не получил удовольствия от убийства. Он никогда не получал, ни в одной битве, в которых ему доводилось участвовать. Но он получал удовлетворение от хорошо сделанной работы и намеревался опять выполнить работу хорошо. Через два часа. Возможно, три.

Достаточно времени для ремесленника, занимающегося своим делом.

Глава 19

Два с половиной часа спустя враги начали занимать позиции для штурма усадьбы. Силы малва собрались на открытой местности к востоку от усадьбы, примерно в полумиле от прилегающих к ней садов. В первых рядах находились кавалеристы из регулярной армии, вслед за ними — йетайцы. Повозки с ракетами охраняли кушаны. Они остановились в пятидесяти ярдах за первыми рядами. Кшатрии, за которыми присматривали жрецы Махаведы, сняли брезент,

покрывающий повозки, и начали выгружать сами ракеты и желоба, из которых выпускаются ракеты. Через несколько минут артиллерийские орудия были собраны. Враги выставили в одну линию восемнадцать приспособлений для выпуска ракет, оставив между ними по тридцать футов.

Из комнаты на втором этаже усадьбы Велисарий при помощи телескопа внимательно изучал занятые малва позиции. Прямо за его спиной стояли командующие сирийскими и константинопольскими войсками, собравшиеся в усадьбе — Бузес и Кутзес, Агафий и Кирилл. Они все внимательно слушали, что говорит Велисарий, оценивая обстановку.

Полководец начал с осмотра ракет, но не стал уделять им много времени. После того как были установлены первые два или три приспособления для стрельбы, он прекрасно понял, что видит. Это был тот же тип ракет, за которыми ему уже доводилось наблюдать — причем с гораздо более близкого расстояния — во время морского сражения с пиратами, когда он плыл в Индию на судне посла малва. В том сражении ракеты разбили арабские суда, но Велисарий не считал, что они добьются того же эффекта здесь.

— Большинство разрушений в битве с пиратами принес огонь,— объяснил он, на мгновение опуская телескоп.— Пиратские галеры, как и все деревянные суда, быстро превратились в факелы.

Увидев удивление на лицах Бузеса и Кутзеса, двое мужчин из Константинополя рассмеялись.

— Эх, фермеры! — фыркнул Кирилл.— Вы думаете, раз судно плывет по морю, то оно не загорится? Чушь. Корабли строятся из самого сухого дерева, которое только можно найти. Но не это самое страшное. Хуже, что...

— ...дерево просмолено,— закончил фразу Агафий.

Как и другой грек, Агафий ухмылялся тем особым, вечным образом, который ни с чем не спутаешь. Так моряки всегда подсмеиваются над теми, кто никогда не выходил в море.

— И это не считая оснастку и паруса,— добавил Кирилл.

Бузес и Кутзес, фракийцы по национальности, стоящие во главе сирийской армии, не обиделись на сарказм греков. В какой-нибудь другой день могли бы. Но только не в тот, когда эти самые греки только что хорошенько поддали врагу. Они просто улыбнулись, пожали плечами и стали изучать внутреннее убранство (или то, то от него осталось) усадьбы новыми просвещенными глазами.

— Тут совсем другое дело,— сказал Велисарий.

Под изысканным убранством и множественными украшениями усадьба казалась такой же огнестойкой, как гранитная вершина холма. Стены были сложены из обожженного кирпича, крыша покрыта черепицей. Ни то, ни другое гореть не станет: ведь и кир-

пичи, и черепицу обжигали в печи, в огне. И Велисарий был уверен: толстые стены выдержат удары относительно небольших боеголовок ракет.

Да, черепица, скорее всего, раскрошится при прямом попадании ракеты. Однако Велисарий не думал, что будет много прямых попаданий, если будут вообще. Он знал по опыту, что ракеты малва не летят по прямой траектории, их кидает из стороны в сторону, а куда они попадут, не может предугадать никто. Они просто взрываются, когда горящее топливо достигает боеголовки. Чтобы разбить крышу, ракета должна попасть прямо в нее, а не под углом, причем взорваться в строго определенное время. По его оценкам, вероятность подобного была не больше попадания молнии. А если все-таки и случится...

— Может врезаться в крышу,— заметил Бузес.— Черепицу пробьет.

Велисарий пожал плечами.

— Крыша поддерживается тяжелыми балками. Да, балки деревянные. Но это не тонкие доски пиратских галер. Они гораздо толще и, что гораздо важнее, их никто не смолил.

Теперь он стал изучать позиции, занимаемые конницей малва. И снова поделился своими выводами.

— Они начнут с ракет, а потом будет штурм.— Полководец помолчал какое-то время, потом добавил: — Я так думал. Теперь они спешиваются. Пойдет пехота.

— Но это же кавалерия! — запротестовал Кутзес.

Велисарий сжал губы, чтобы не улыбнуться. Как он помнил, Бузес и Кутзес проходили военную подготовку в традициях кавалерии.

Очевидно, молодой фракиец все еще не отделался от типичного для кавалерии презрения к пехоте.

Однако его брат с этим справился.

— Не глупи. Мы же готовили наших как драгунов. Почему бы и малва не сделать то же самое?

— Хорошо сказано,— заметил Велисарий.

На мгновение он оторвался от телескопа и посмотрел на Кутзеса.

— Ты вскоре увидишь, почему я настоял, чтобы мы обучили наших кавалеристов сражаться на своих двоих. Я знаю: ты считаешь это потерей времени...

Он отмахнулся, когда Кутзес попытался возразить.

— Я делал это по вполне определенной причине. Я знал: придет время, и мы сможем вооружить наших драгунов гранатами. И пистолетами, как я надеюсь.

Он кивнул на врага, которого было видно в окно.

— У них уже есть гранаты. Кшатрии раздают их спешившимся кавалеристам.

Велисарий снова приставил телескоп к глазам и продолжил изучать врага.

— Пойдут волнами. Вероятно, один с гранатами на десять простых солдат. Йетайцы распределятся между подразделениями, разбившись на небольшие группки, и будут гнать регулярную армию на штурм. Среди них окажется и часть кшатриев, но большинство останется в центре со жрецами, обслуживая ракеты. Они также станут помогать кушанам охранять повозки. Они могут... Черт побери!

Он напрягся, внимательно глядя в телескоп.

— Черт побери! — снова выругался Велисарий.— Они выводят кушанов. Все две тысячи.

— Пеших? — спросил Агафий.

Велисарий опустил телескоп и кивнул. Затем улыбнулся.

— По моему опыту, кушанам все равно, как сражаться. На своих двоих, на спине коня, в лодках. Это для них не имеет никакого значения. Где бы и как бы они ни сражались, они будут хорошо выполнять свою работу. Очень хорошо.

Он отвернулся от окна. По его позе и выражению лица было очевидно, что он принял решение. Его офицеры подошли поближе.

— Это меняет дело,— объявил Велисарий.— Как вы знаете, я хотел подождать до завтра перед тем, как вводить в дело Маврикия и его ребят.

Он пошлепал по ладони телескопом, подчеркивая свои слова.

— Мы должны разбить этих ублюдков, так или иначе. Но я хочу не только этого, я хочу растереть их в порошок. Лучше всего обратить их в бегство ранним утром, чтобы у нас потом был целый день для преследования.

Офицеры кивнули. Все они, даже два молодых брата, были опытными воинами. Как они знали, битва, выигранная в конце дня,— это битва, выигранная только наполовину. Безжалостное, непрекращающееся преследование, которое может полностью уничтожить отступающего врага, просто невозможно после наступления темноты.

Агафий выглянул в окно.

— У нас еще есть время до полудня,— заметил он.— Если сражение начнется в самое ближайшее время...

Велисарий покачал головой.

— Я хотел, чтобы малва весь день провели здесь. Бились об нас головами. Мы бы их обескровили, изморили, а потом на рассвете Маврикий с Курушем начали массированную атаку по флангам. Атака сломала бы армию врага, а затем мы выбрались бы из усадьбы и погнали их.

Он увидел, что подчиненные его до сих пор не поняли. Он не винил их. Короткий опыт сражения против малва еще не подготовил их к встрече с кушанами.

— Кушаны — воины совсем другого рода. Они не пойдут на нас всей массой, подгоняемые йетайцами. И не станут рассчитывать, что всю работу за них сделают гранаты. Нет, они пойдут на штурм, как лучшая римская пехота брала бы штурмом эту усадьбу.

Из всех собравшихся вокруг Велисария офицеров лучше всего с его пехотной тактикой был знаком Бузес. Полководец видел, что Бузес наконец начинает понимать.

— Черт побери,— пробормотал молодой фракиец. И осмотрелся вокруг.— Усадьба — не крепость, если приглядеться. Мы возвели укрепления, чтобы противостоять гранатам, а не...

Мысль за него закончил Велисарий.

— Двум тысячам лучшим пехотинцев из имеющихся где-либо в мире, подразделениям, намеревающимся прорваться во все возможные окна, двери и проемы, чтобы потом воспользоваться мечами и копьями.

Кирилл нахмурился.

— Пусть идут! Мне плевать, насколько они хороши. Мы и сами не ягнята, полководец. Наши катафракты способны сражаться и на своих двоих — ты только посмотри! Мы поддержим сирийцев и разрубим этих...

Велисарий махнул рукой.

— Дело не в этом, Кирилл. Я не сомневаюсь, что мы отобьем атаку кушанов. Но гарантирую: с серьезными потерями, и к концу дня мы будем сильно вымотаны. После сражения с кушанами я не думаю, что мы завтра сможем кого-то преследовать.

Он в задумчивости потер подбородок.

— Интересно...

Велисарий снова шагнул к окну и поднял телескоп к глазам. С минуту он изучал занимающих боевые позиции кушанов. Затем отступил к стене слева от окна и направил телескоп под острым углом, изучая что-то на юго-западе.

— У нас никого нет у загонов для скота? — он бросил быстрый вопросительный взгляд на Бузеса.

Молодой фракиец покачал го-ловой.

— Нет,— сказал он оправдывающимся тоном.— Я думал об этом, но до них по меньшей мере полмили. Казалось, нет смысла...

Велисарий хитро улыбнулся.

— Нет, смысла не было. Я не критикую твое решение, Бузес. Я просто хотел удостовериться.

Бузес снова покачал головой.

— Нет, у нас там никого нет, полководец.

— Хорошо,— сказал Велисарий. Он еще с минуту смотрел в телескоп перед тем, как отвернуться от окна.— Мы все переиграем. Вместо того чтобы ждать до завтра, пусть Маврикий начинает контратаку в начале сражения.

Он колебался какое-то время.

— Нет, не совсем. Не думаю, что кушаны поведут первую атаку. Если только командующий малва не глупее курицы, то он не станет использовать лучшие силы до тех пор, пока немножко не поработает над усадьбой. Он отправит сюда регулярные войска и йетайцев с гранатами. Посмотрит, что произойдет. Если это не сработает, пошлет кушанов. Они будут возглавлять вторую атаку. И именно тогда я прикажу Маврикию сделать бросок.

Подчиненные полководца опять смотрели на него с непониманием. Велисарий весело улыбнулся.

— Секрет противостояния кушанам, как я выучил,— это использование их талантов.

— Прости, но мне непонятно, к чему ты клонишь,— перебил Кирилл.— Если Маврикий атакует, пока кушаны еще свежие...

— Что сделают кушаны? — спросил Велисарий.— Думай, Кирилл. И помни — это великолепные бойцы, с хорошими командирами, пешие. И вот внезапно они оказываются в капкане между укрепленной усадьбой и тяжелой конницей на их правом фланге.

Кирилл все еще хмурился. Велисарий продолжал:

— Оставшаяся часть армии малва будет распадаться. Уже не говоря о...

Он повернулся к Агафию.

— Как твои ребята относятся к тому, чтобы еще немного поработать копьями? Сделать вылазку прямо из усадьбы?

Агафий улыбнулся.

— После прогулки сегодня утром? Черт побери, да. Но, учти: вывести лошадей сквозь эти узкие ворота будет не самой легкой задачей.

Велисарий отмахнулся от проблемы.

— Неважно. Пусть не будет должного построения. В это время Маврикий и Куруш начнут бить малва по флангам, а тут вдруг и передние ряды в центре увидят новую угрозу, которая возникает прямо перед ними. Да йетайцы с ума сойдут, пытаясь заставить малва остаться на местах и сражаться. Но кушаны...

— Боже праведный, да,— прошептал Бузес. Он широкими шагами подошел к окну и посмотрел из него под острым углом.— Они понесутся к загонам для скота и конюшням. Это единственное место поблизости, где пехота может забаррикадироваться и получит какой-то шанс против тяжелой конницы.

Он посмотрел на Велисария.

— Но им придется отреагировать мгновенно, полководец. Они в самом деле так хороши?

— Я рассчитываю на это,— последовал твердый ответ.— Знаю: это риск. Но если нет, если они останутся на месте и решат сражаться, нас ждет кровавая схватка. На ней день и закончится.

Он пожал плечами.

— Мы все равно победим, но тогда половина армии малва спасется бегством.

Кирилл и Агафий переглянулись. Затем посмотрели на Велисария.

— Я рад, что я не полководец,— пробормотал Кирилл.— Умер бы от головной боли.

Агафий потрепал бороду.

— Если я все правильно понял, полководец, ты собираешься сломать малва, изолируя их лучшие силы, пока мы сконцентрируемся на разрубании оставшихся на куски.

Велисарий кивнул. Агафий стал теребить бороду гораздо сильнее.

— А что может удержать кушанов от того, чтобы самим сделать вылазку? Прийти на помощь...

Бузес улыбнулся.

— Кому? Тем самым глупым ненавистным шакалам из малва, которые поставили их в затруднительное положение?

Велисарий покачал головой.

— Нет, Агафий, не придут. Малва не доверяют кушанам по одной простой причине: они не могут им доверять. Кушаны будут сражаться в битве. Но они не любят своих хозяев. Когда упадет молот, кушаны станут беспокоиться о самих себе.

Он повернулся к Бузесу.

— После начальной схватки — когда мы их разобьем — выдвигай сирийские войска, чтобы накрыть кушанов. В любом случае от пехоты во время преследования пользы не будет. Но не надо атаковать кушанов — если ты это сделаешь, то прольется море крови, просто держите их там.

Теперь он сам улыбнулся.

— До завтрашнего утра.

— И мы тогда покончим с кушанами? — спросил Кутзес.

Улыбка Велисария стала хитрой.

— Посмотрим,— сказал он.— Может быть. А может, и нет. Кушаны — крепкие ребята. Но один раз мне довелось увидеть, как девушка сотворила с ними чудеса. Просто нашла правильные слова.

* * *

Полчаса спустя началась атака. Как и предсказывал Велисарий, ракетная.

Наблюдая за тем, как ракеты летят по всему небу, взрываясь тут и там, причем совершенно бесцельно, Велисарий понял: малва на самом деле сослужили ему хорошую службу. Хотя его войска всегда относились ко всему происходящему спокойно и невозмутимо, старались сохранять хладнокровие, как должны солдаты, он знал, что они все-таки настороженно относятся к таинственному пороховому оружию врага. За исключением Валентина и Анастасия, сопровождавших его в Индию, никто из людей Велисария никогда не сталкивался с пороховым оружием в действии.

Да, многие солдаты видели гранаты — некоторые даже сами тренировались их бросать. Но даже расчеты «катюш» никогда не наблюдали, как пороховое оружие используется во время сражения.

Теперь люди впервые пробовали на вкус пороховое оружие малва. После первых пяти минут ракетной атаки появился и первый результат. И...

— Они бы добились больших успехов, если бы использовали катапульты,— заметил сирийский пехотинец, скорчившийся за окном неподалеку от полководца.

Греческий катафракт, прижимавшийся к соседней стене, рассмеялся.

— Они добились бы большего результата, если бы возвели высокое укрепление и сверху на нас мочились,— хмыкнул он.

Сириец проследил за летящей над головой ракетой и тем, как она взорвалась в воздухе. Как отметил Велисарий, солдат даже глазом не моргнул. В первые мгновения ракетной атаки римские солдаты были потрясены звуками — шумом и шипением,— создаваемыми ракетами. Но теперь, посмотрев их в действии, воспринимали их как в порядке вещей.

Тот же самый сириец встретился взглядом с Велисарием и склонил голову.

— А в чем смысл этого, если я могу спросить вас, полководец? — пехотинец махнул на окно.— Как мне кажется, на территории усадьбы взорвалось не более дюжины этих штуковин. И только несколько из них принесли хоть какой-то урон — те, которые взорвались над садом.

— Не нужно излишней самоуверенности, ребята,— сказал Велисарий. Он специально говорил громко, зная, что все солдаты, набившиеся в комнату, внимательно прислушиваются.— При определенных обстоятельствах ракеты могут оказаться очень эффективны. Но вы правы, в этой ситуации малва добились бы большего, если бы использовали старые добрые катапульты. По точности стрельбы их ракеты и близко не подходят к нашим.

Он сделал паузу. Пусть счастливая мысль о римских ракетах поднимет дух. Затем продолжал говорить.

— Они почти бесполезны, если их использовать против защищенного укрепления, подобного нашему. Того, которое стоит на месте.— Он улыбнулся.— Малва их используют потому, что эти надменные ублюдки так уверены в себе. Они даже не удосужились взять с собой катапульты. Как сделали мы.

На улыбку полководца солдаты ответили веселыми криками. Когда веселость прошла, говоривший ранее сириец задал еще один вопрос:

— А чего бы они добились, если бы привезли с собой те осадные орудия, о которых вы нам рассказывали?

Велисарий поморщился. Однако это скорее было задумчивое выражение, а не унылое.

— Во-первых, если бы они привезли с собой те орудия, то я никогда бы не стал здесь укрепляться,— он махнул рукой.— Орудия, специально предназначенные для осады, сравняли бы эту усадьбу с землей примерно за пять минут. Через десять минут не осталось бы ничего, кроме мелких кусков камня и пыли.

Велисарий внимательно наблюдал за тем, как радость сходила с лиц солдат. Затем, как раз перед тем как они стали просто мрачными и угрюмыми, он продолжил громким голосом:

— С другой стороны, осадные орудия такие большие по размеру и их так тяжело ворочать, что они сидели бы подобно уткам на яйцах на поле боя.

Он снова махнул рукой. На этот раз жест совсем не был небрежным. Это было движение умелого ремесленника, демонстрирующего что-то из своего мастерства.

— Если бы они привезли осадные орудия, мы использовали бы другую тактику. Мы все вышли бы на открытое поле.

Улыбки вернулись.

— В любом случае — в любом случае! — их оружие не играет роли. Мы все равно разобьем малва, каким бы оружием они ни воспользовались!

Снаружи одновременно взорвались две ракеты. Но звук взрыва полностью потонул в веселых криках, пронесшихся по заполненной комнате.

— Велисарий! Велисарий! — кричали солдаты.

Только один солдат не участвовал в этом радостном приветствии командира — тот же самый сириец, все еще скорчившийся у окна, все еще внимательно наблюдающий за происходящим снаружи и не упускающий ни одной детали.

— Наверное, время пришло, полководец,— сказал он.— Я практически уверен, что они готовятся к штурму.

Велисарий передвинулся к окну и скорчился рядом с солдатом. Достал телескоп и посмотрел в него. Смотрел несколько секунд, не дольше.

— Ты прав,— объявил он. Полководец склонился к сирийцу и положил руку ему на плечо.— Как тебя зовут? — спросил он.

Парень несколько удивился.

— Феликс. Феликс из *Халкедона*.

Велисарий кивнул, распрямился и широким шагом вышел из комнаты. В коридоре повернул направо и пошел в сад, расположенный в центре — его окружали составлявшие усадьбу строения. Греческие катафракты, собравшиеся в коридоре, прижались к стенам, чтобы оставить ему узкий проход. Очень узкий проход, потому что катафрактов собралось много и все — в доспехах.

К тому времени, как он вышел в сад — причем с таким ощущением, как зернышко вылетает из раздавленной виноградины,— Велисарий чувствовал себя так, словно только что прошел сквозь пресс, где давят виноград. Несмотря на то что усадьба предназначалась для императора и была больше обычных размеров средней усадьбы, она тем не менее не подходила для нескольких тысяч солдат, собравшихся в ее стенах. Велисарий настоял, чтобы внутри собралось как можно больше народу. Усадьба — не крепость. Но надежно сделанные стены и крыша обеспечивали гораздо лучшую защиту от ракет и стрел, чем экраны и навесы, которые являлись единственной защитой тех, кто остался на открытой местности на прилегающей к усадьбе территории.

Когда он наконец вышел в центральный сад, то увидел, что даже здесь ракеты не нанесли существенного урона. На самом деле почти никакого не нанесли. И это несмотря на то, что сад был так же плотно набит людьми, как и здание.

Теперь шедевр садового мастерства остался только в воспоминаниях. Нельзя было увидеть ни одного кустика, ни одного растения. Все скрывалось за людьми в броне, которые устроились во всех уголках. Но только немногие из них получили ранения, да и то легкие.

Велисарий вздохнул с облегчением, хотя и не удивился. Полководец и раньше практически не сомневался, что траектории ракет будут слишком прямыми, чтобы те упали в сад.

Очевидно, он оценил ситуацию правильно. Ранения получили те, над чьими головами взорвались ракеты. Им просто не повезло. Но урон оказался минимальным, поскольку большая часть площади сада была затянута сверху специальными кожаными экранами, которые предохраняли как раз на такой случай.

Велисарий снова стал протискиваться сквозь толпу. Миновав сад, вошел в заполненный людьми коридор в здании напротив. Протиснуться, протиснуться, протиснуться. К тому времени, когда он наконец шатаясь вышел на открытую местность за усадьбой, у него было чувство, с каким он обычно выходил после сражения копьями.

Велисарий потратил гораздо больше времени, чем ожидал, на то, чтобы оказаться здесь. Но как только он вышел на открытую местность, то услышал, как где-то вдали у него за спиной кричат. Боевой клич малва. Враг начал штурм.

Велисарий даже не подумал о том, чтобы повернуть. Он почти содрогнулся от одной мысли, что снова придется протискиваться сквозь множество людей. И в любом случае в этом нет смысла. Бузес командует тремя тысячами пехотинцев, собравшимися в усадьбе, ему в помощь переданы пятьсот ребят из Константинополя. Велисарий был полностью уверен в их возможностях и способности отразить первую атаку.

Кутзес и Агафий увидели, как полководец вышел на улицу, и поспешили к нему. Они сами передвигались не очень быстро. За усадьбой собрались оставшиеся греческие катафракты и сирийские кавалеристы — свыше четырех тысяч человек, вместе с лошадьми. Но тут плотность собравшихся была все-таки меньше, чем внутри. Территория усадьбы, окруженная стеной, составляла немало акров. По большей части это была открытая местность, правда, тут имелись и живые изгороди, и редко растущие деревья.

Несколько секунд спустя Велисарий уже совещался с командующими конницей. Все трое разговаривали громко из-за постоянно усиливающегося шума с другой стороны усадьбы. Смешались боевые кличи малва и римлян, к ним прибавились взрывы гранат.

— Сколько убитых? — первым делом спросил Велисарий.

— Они бы добились больших успехов, если бы использовали катапульты,— фыркнул Агафий. Посмотрел на Кутзеса.— Что скажешь? Всего наверное... пострадало человек двадцать.

Кутзес пожал плечами.

— Если и наберется столько. Убили только троих.

— А что с лошадьми? — поинтересовался полководец.

Агафий повертел головой во все стороны.

— Немного нервничаают, полководец. Но нам удалось держать их под контролем. Не думаю, что потеряли больше дюжины. Они сбежали. Думаю, через несколько часов большая их часть вернется. За исключением двух, которые сломали свои глупые шеи, когда пытались перепрыгнуть через окружающую территорию стену.

Кутзес рассмеялся.

— Не думаю, что драгоценный конь Аббу вернется. Клянусь, полководец, это чудовище прыгало не только через стену, но и через деревья!

Агафий улыбнулся. Глаза Велисария округлились.

— Аббу? Вы имеете в виду того жеребца, за которым он так ухаживает?

— Ухаживает? — переспросил Кутзес.— Да он в этом жеребце просто души не чает! Он чуть ли не спит вместе с проклятой тварью.

— Больше нет,— усмехнулся Агафий.— В последний раз я видел, как он пускал стрелы вслед твари. Но, конечно, они и близко не попали. Жеребец уже пробежал полпути до Антиохии.

Велисарий покачал головой. Он улыбался, но на улыбку накладывалось беспокойство.

— А ему удалось...

Кутзес перебил его.

— Не беспокойся, полководец. Аббу послал арабских курьеров как только мы ему сказали. По меньшей мере, полчаса назад. Маврикий заранее получил предупреждение об изменении планов.

Велисарий улыбнулся очень хитро.

— Я очень рад, что меня не будет поблизости и мне не придется слушать, как Маврикий ругает меня за это.— Он попытался спародировать грубоватый голос Маврикия: — Я ему кто? Младенец в пеленках? Или только учусь ходить? Зачем мне говорить, чтобы внимательно смотрел, поскольку планы меняются? Конечно, план меняется! Разве не я обучал этого... этого полководца, что планы всегда меняются, когда появляется враг?

Кутзес улыбнулся. Агафий смотрел серьезно.

— Значит, ты думаешь, он будет готов? — спросил Агафий.— Признаюсь, меня это несколько волнует. Они не рассчитывали, что их призовут так быстро.

Велисарий хлопнул Агафия по крепкому плечу.

— Не волнуйся,— сказал он мягко.— Если и есть что-то в мире, в чем можно быть абсолютно уверенным, то это то, что Маврикий никогда не заснет во время сражения. Единственная причина, заставившая меня отправить курьера, заключается в том, что нам нужно быть уверенными: Маврикий выйдет из леса, как только мы выстрелим сигнальными ракетами, вместо того чтобы выйти через пятнадцать секунд.

Он повернулся к Кутзесу.

— Говоря о чем...

Кутзес показал на несколько близкорастущих деревьев, примерно в пятидесяти ярдах.

— Вон там, полководец. Они нацелены и готовы, как только ты отдашь приказ. Одна красная, за ней зеленая. И у нас по три запасных каждого цвета на тот случай, если какая-то не выстрелит.

Велисарий кивнул. Снова повернулся к усадьбе, прислушиваясь к шуму сражения. Несмотря на то что часть звуков поглощалась, все равно они оставались сильными. И шум с каждой секундой нарастал. Теперь взрывы гранат следовали почти беспрерывно.

Полководец и двое его офицеров слушали примерно минуту. Не произносили ни слова. Затем очень твердо и уверенно заговорил Кутзес:

— Нет шансов.

Агафий тут же кивнул. И Велисарий кивнул. Просто послушав звуки битвы, все трое пришли к одному выводу. Несмотря на очевидную ярость, с которой малва шли в атаку, их усилия окажутся тщетными.

Не было и намека на звуки, указывающие, что защитники начинают сдаваться. Такие звуки нельзя ни с чем спутать. Никто не кричал в отчаянии, никто не визжал, слышались только воинские кличи римлян, причем ровно и уверенно, а также радостные победные.

Штурм провалится, малва шатаясь отступят назад, оставляя за собой кровавый след.

Реки крови.

Велисарий отвернулся от усадьбы и быстро осмотрел местность.

— Вы готовы,— это было утверждение, не вопрос.

Агафий и Кутзес даже не удосужились ответить.

Полководец вздохнул.

— Значит, все.— Он опять посмотрел на усадьбу и сморщился.— А мне снова лезть в тиски.— Он пошел к зданию и бросил через плечо: — Я передам приказ. Ждите. И сразу же стреляйте из ракетниц.

* * *

К его облегчению толпа немного рассосалась, по крайней мере в боковых зданиях. Все солдаты, которые могли, протиснулись в здания, непосредственно выходящие на территорию, с которой шли малва. Они уверенно стреляли, отбивая атаку. Велисарию потребовалась всего пара минут, чтобы вновь попасть в сад в центре.

Однако там он застыл на месте. И ругал себя, как последнего идиота.

Он забыл, что в предыдущий день отдал приказ сделать сад полевым госпиталем. И теперь сквозь эту территорию было не пройти. Потери оказались совсем невелики. Но раненые с ухаживающими за ними санитарами обычно занимают гораздо больше места, чем стоящие воины.

Осматривая происходящее в саду, Велисарий радовался, пусть это и была мрачная радость, тому, что видел. Самые большие потери несет разбитая, уходящая от погони армия. Правда, во время штурма раненые появляются быстрее всего. Конечно, во время штурма больше всего страдают штурмующие, но и защищающиеся тоже несут свою часть потерь.

Тем не менее он увидел в саду только легко раненных. И, что обрадовало его еще больше, раненых было гораздо больше, чем убитых. Пропорция раненые — убитые оказалась значительно лучше обычной.

Слава Богу, защитные экраны сработали!

Он и думал, что сработают. Гранаты малва, как и римские, взрывались после сгорания фитиля, который следовало поджигать самому.

Практически неизбежно, что бросающий гранату подожжет фитиль в самом конце, перед броском, причем вытянет его на всю длину, поскольку опасается взрыва гранаты у себя в руках.

Малва бросали гранаты в многочисленные двери и оконные проемы, расположенные по стенам зданий. Но обороняющиеся поставили защитные экраны — практически мгновенно и без предупреждения, поэтому гранаты малва от них отскакивали и разрывались довольно далеко — достаточно далеко, чтобы не принести никакого существенного урона. Конечно, куски разорвавшихся гранат вскоре прорвут кожу и ткань и в конце концов полностью разорвут щиты. Но щиты сослужили свою службу: они отразили ярость первой атаки, и практически все пострадавшие среди римлян получили относительно легкие ранения, и то от отскочивших от кожаных щитов осколков гранат.

Однако Велисарий не хотел тратить время зря. Его слишком занимала неожиданная проблема, как добраться до места, где он сможет оценить следующую атаку малва, атаку, в которой, как он не сомневался, будут участвовать кушаны. И пойдут они впереди. А он не может отдать приказ Маврикию начинать атаку, если не представляет сам, что именно и в какую минуту происходит.

Мгновение он размышлял, не стоит ли попробовать пробраться вперед, пройдя по примыкающим зданиям, составлявшим прямоугольник. Но быстро отмел эту идею. Каждое из этих зданий будет до предела забито солдатами и ему может и не удастся пробраться между ними.

Он уже почти пришел к неизбежному выводу, что ему придется идти сквозь сад по телам раненых, когда услышал свое имя.

— Полководец Велисарий! Полководец Велисарий!

Он посмотрел через сад. В дверном проеме на противоположной стороне стоял тот же пехотинец, с которым ему уже сегодня довелось поговорить. Феликс. Феликс из Халкедона.

— Вы не сможете тут пройти, полководец! — кричал сирийский солдат.— Меня послал хилиарх. Ждать вас. Подождите минутку. Одну минутку!

Солдат исчез. Вернулся примерно через минуту вместе с Бузесом. Только оказавшись в дверном проеме, Бузес приложил ладони ко рту в виде рупора и закричал:

— С твоего разрешения, давай устроим передачу как в эстафете!

Велисарий обдумал предложение. Думал недолго: секунду или две. Потом кивнул и помахал рукой. Затем точно так же, как Бузес, сделал импровизированный мегафон и закричал:

— Отлично придумано! Пусть Феликс стоит у двери. Если следующую атаку возглавят кушаны, дай мне знать.— Он замолчал, набрал воздуха в легкие и продолжил: — Если они будут во главе, сообщите мне, как только атака начнется! В ту же секунду!

Бузес кивнул, показывая, что все понял. Хилиарх сказал несколько слов Феликсу и скрылся в дверном проеме. Сирийский солдат остался там же. Он стоял прямо и явно напряженно прислушивался к происходящему в здании. Даже на таком расстоянии Велисарий видел серьезное выражение лица. Молодого лица, почти подростка. Но это также было лицо человека, намеренного выполнить порученное ему задание.

Велисарий улыбнулся.

— Тебе скоро ждет повышение, парень,— прошептал Велисарий.— Думаю, сразу же после окончания сражения.

Теперь полководец сконцентрировался. Слушал очень внимательно. На протяжении последних нескольких минут шум битвы стихал. Совершенно очевидно: малва разбили и теперь они перегруппировываются.

Велисарий снова прошел через здание у себя за спиной и вышел на территорию, примыкавшую к усадьбе с запада. Агафий ждал не более чем в двадцати футах от двери. Парень из Константинополя уже сидел на коне.

Велисарий быстро объяснил, как будет происходить передача информации — как в эстафете.

— Сигнал придет через несколько минут. Найди мне коня. Я прямо приду сюда и присоединюсь к тебе.

Он показал на дверной проем.

— Как только увидишь, что я отсюда вышел, пусть трубят в трубы. Объявляют вылазку. Этого времени для меня будет достаточно, чтобы сесть на коня.

Агафий кивнул.

— А где твои телохранители? — спросил он и нахмурился.

Велисарий пожал плечами и хитро улыбнулся.

— Похоже, мы разделились. Они потерялись в толпе.

Греческий хилиарх нахмурился еще сильнее.

— Не уверен, что мне это нравится, полководец. Я имею в виду, мне не нравится, что ты будешь возглавлять вылазку без телохранителей.

Велисарий теперь сам нахмурился.

— Уверяю тебя, Агафий, я научился за себя постоять задолго до...

— Тем не менее...

— Достаточно.

Агафий открыл рот, потом закрыл.

— Да. Хорошо. Будет так, как скажешь.

Велисарий кивнул и широкими шагами пошел назад к саду.

На этот раз, проходя по зданию, он приказал людям оставить для него проход.

— Я вскоре здесь пойду. Побегу бегом. Предупреждаю, ребята: наступлю на того, кто окажется у меня на пути. А я, как вы видите, ношу шпоры.

Солдаты улыбались, но отодвигались и весело приветствовали полководца:

— Велисарий! Велисарий!

Он отвечал только одно:

— Мы разобьем этих жалких ублюдков!

* * *

Через десять минут Феликс прокричал новость через весь сад:

— Кушаны выстраиваются! Они поведут атаку!

Еще через пять минут он крикнул:

— Они идут! Идут! Идут!

Велисарий решил, что для человека, одетого в полные доспехи катафрактов, он справился прекрасно, когда побежал — если так можно выразиться — через здание. Люди, составлявшие стены из плоти и стали по обеим сторонам прохода, определенно так думали, если судить по подбадривающим крикам:

— Велисарий! Велисарий! Давайте, полководец! Вперед! Вперед!

— Черт побери, какой же темп он может задать! — прокричал один парень с энтузиазмом.— Если он так бегает в доспехах...

* * *

Как только он вылетел на улицу из дверного проема, трубы тут же затрубили.

Уголком глаза Велисарий увидел, как взметнулись в воздух красная и зеленая сигнальные ракеты. Но фокусировался он на приготовленном для него коне.

Тогда Велисарий чуть не упал — от удивления. Рядом с конем, готовый его подсадить, стоял Анастасий. Собственный конь Анастасия ждал неподалеку, рядом была приставлена табуреточка, с которой садятся в седло.

— Как ты здесь оказался? — спросил полководец.

— Не спрашивай,— проворчал Анастасий и закинул Велисария в седло. Затем гигант отправился к своему коню.

Велисарий взялся за удила. Он видел, как греческие катафракты и сирийская легкая конница трогаются с места. Всадники быстро

выстроились в колонны, разделились и отправились вокруг усадьбы, просачиваясь сквозь проемы в стенах напротив.

Часть его сознания отметила, что они правильно выстроились — разумным порядком и, главное, хорошо организованы. Другая часть сознания пыталась разрешить загадку.

— Как ты здесь оказался? — снова спросил он. На этот раз Анастасий уже сидел в седле сбоку от Велисария.

— Не спрашивай,— прошипел Валентин, который тоже появился рядом с полководцем. Валентин посмотрел на Анастасия, как ласка.— Это все он. Я говорил ему: невозможно. Даже Моисей не смог бы пробиться сквозь эту толпу.

Анастасий уже пустил лошадь с места. На его словно высеченном из скалы лице появилась улыбка.

— Моисей не был таким большим, как я,— сказал он. И вытянул вперед огромную руку, как церемониймейстер.— Прошу вас, полководец. Победа ждет.

— Ждет! — крикнул Велисарий.— Ждет!

Он пустил коня галопом. Теперь его не беспокоило, что конь может устать. Им не предстоял долгий путь. Его беспокоило только, как добраться до первых рядов и вести своих людей к победе.

Велисарий быстро объехал усадьбу и увидел ближайший проем. Сирийские пехотинцы открывали ворота. Отбрасывали в сторону разбитые остатки створок, если быть абсолютно точным.

И они едва успели отскочить в сторону, чтобы пропустить Велисария. Валентин с Анастасием ехали прямо за ним, затем следовали катафракты.

Пехотинцы радостно кричали, катафракты громовыми голосами выдавали воинские кличи. Но Велисарий старался прислушиваться к знакомому бормотанию.

Оно не прозвучало. Он бросил взгляд через плечо, вопросительно приподнял брови.

Его встретил взгляд ласки.

— А какой смысл, черт побери? — прошипела ласка.

Глава 20

Первой мыслью полководца, когда он обогнул усадьбу и выехал на прилегающую к ней с востока территорию, была: следует быстро оценить ситуацию. Он не видел сражение собственными глазами после того, как вернулся в усадьбу по завершении первой кавалерийской атаки.

Он чуть не упал. Мгновенно и позорно.

В прямом смысле. Мертвые, умирающие и тяжелораненые солдаты малва были разбросаны по всей территории перед усадьбой.

В некоторых местах лежало по два или три тела, одно на другом. Велисарий так напряженно концентрировался на живых войсках малва, что не заметил препятствие, которые представляли собой мертвые. Его конь натолкнулся на труп и чуть не сбросил ездока. Только сверхчеловеческие рефлексы, полученные и получаемые от Эйда, помогли Велисарию удержаться в седле, а его коню на ногах.

«Первым делом самое важное!» — приказал он сам себе. Следующие несколько секунд, пока он пробирался сквозь результаты бойни на территории, прилегающей к усадьбе с востока, Велисарий ни на что не обращал внимания, только выискивал путь для коня.

Следовало продвигаться вперед. Холодной отстраненной частью разума полководец отмечал жуткие потери, которые понес враг во время первого штурма. По большей части они пострадали от стрел, хотя очевидно, что часть потерь малва понесли из-за собственных гранат, отразившихся от воздвигнутых людьми Велисария щитов.

Наконец он пробрался сквозь горы трупов и смог сконцентрироваться на продолжающем действовать противнике. Еще живом.

Больше всего его волновали «катюши». Он уже слышал шипение и завывание ракет. Звуки, создаваемые римскими ракетами, сильно отличались от звуков ракет малва. Перепутать их было невозможно. В соответствии с указаниями Велисария римские ракеты были снабжены бронзовыми выхлопными соплами. Благодаря этим выхлопным соплам выпущенные «катюшами» ракеты оказывались гораздо более точными, чем ракеты малва. И создавали совсем другой шум.

Велисарий не видел сами колесницы, с которых выпускали ракеты. Они были скрыты в лесу на северо-востоке и оттуда стреляли в малва. Вслед за ними должны последовать фракийские и иллирийские катафракты. Ряд возвышавшихся в той стороне деревьев не позволял Велисарию наблюдать за их действиями. Но он видел сами ракеты, летящие по небу. В эту минуту первая партия как раз опускалась на врага. Велисарий видел, как несколько взрывов громыхнуло на правом фланге армии малва, как кавалеристов выбило из седла и они вместе с лошадьми упали на землю.

Он задержал дыхание. Первая партия ракет приземлилась достаточно близко к центру вражеского формирования, где на повозках с пороховым оружием сидели жрецы Махаведы. Велисарий совсем не хотел, чтобы все это оружие и запасы пороха взлетели в воздух.

Наконец он выдохнул воздух, который задерживал в себе. Вторая и третья партии ракет нашли цели в центре вражеского формирования — и несколько между повозками. Многих жрецов, вскочивших на ноги на повозках, смело с них, словно веником. Одна из повозок взлетела в воздух: ракета взорвалась почти прямо под ней. Повозка какое-то время сама по себе скакала на двух колесах, удерживая зыбкое равновесие. Скакала, скакала, потом с грохотом рухнула наземь.

Велисарий пригнулся к спине коня, ожидая, что весь запас привезенного врагом порохового оружия вскоре рванет. Он повернул голову и стал кричать находящимся у него за спиной людям, чтобы готовились к сильному взрыву.

Затем внезапно замолчал. Взрыва не последовало. Разбитая повозка не взлетела на воздух.

Он в большом удивлении повернулся назад и увидел, что несмотря на все разрушение, которое нанесли его «катюши», ничто из боеприпасов малва не загорелось.

Мимо его головы пролетела стрела, и это напомнило ему о поджидавших опасностях. Первые ряды спешившихся солдат малва находились менее чем в ста пятидесяти ярдах. Очевидно, вражеские солдаты были поражены и не понимали, откуда началась внезапная и неожиданная атака на их фланг. Но у многих оказалось достаточно ума, чтобы выпускать стрелы в выскакивающих из-за усадьбы римлян.

Однако их стрелы почти не попадали в цель, и никто их действиями не руководил. Велисарий уже собирался похвалить себя за то, что ему удалось удивить врага — снова — когда прилетело целое море стрел, и после них все чувство самоудовлетворения тут же исчезло.

Эти стрелы были хорошо нацелены и их явно выпускали организованно и по чьему-то приказу, с расстояния в сто ярдов. Они напоминали возвращающихся домой голубей, безошибочно направляясь куда надо, и собирались с правого фланга. Полководец поднял щит и как мог скорчился в седле.

Не менее трех стрел отскочили от его щита, еще одна от брони, защищающей грудь коня, а пятая от правой руки в доспехах. Велисарий почувствовал боль в правой руке, правда, не от ранения, а от удара. К счастью, лук, из которого была выпущена стрела, не обладал мощностью луков катафрактов. Наконечник не смог пронзить чешуйчатый доспех, хотя Велисарий не сомневался: в месте удара к утру появится большой синяк.

Оставшиеся стрелы приземлились среди следующих за ним катафрактов. Он услышал крики боли и удивления. Судя по ним стало ясно: многие стрелы попали в цель.

Когда полководец выглянул из-за верха щита, глядя вперед вправо, то увидел ожидаемое. Кушаны уже принимали новый боевой порядок, выстраиваясь ровными рядами, в результате чего получился квадрат. Щиты стоявших в первом ряду находили один на другой, копья блестели и словно ощетинились. Сразу же за первым рядом со щитами встали лучники. Командир кушанов тут же оценил изменившуюся обстановку и делал все возможное — самое оптимальное — при сложившихся обстоятельствах. В эти минуты

боевой порядок кушанов напоминал ощетинившегося дикобраза, окруженного волками.

Умные волки охотятся за более легкой добычей. И то же самое сделал Велисарий. Он повернул коня налево, уводя своих людей от подразделения кушанов. Он поедет по дуге вокруг кушанов и набросится на дезорганизованную массу малва, которые следовали за кушанами.

Его катафракты сами были не дураки и немедленно последовали за ним. Никто в колонне Велисария даже не ответил кушанам. Полководец вел часть войск, воспользовавшихся северными воротами усадьбы. Поэтому кушаны оказались справа, когда катафракты галопом неслись мимо — самый худший вариант для лучника на коне: невозможно стрелять, не открыв собственного тела. Поэтому Велисарий и его люди просто сжали зубы, прикрываясь щитами и отражая ими стрелы кушанов. Сами не стреляли.

С другой стороны, вторая группа римлян — та, которую возглавлял Агафий, пользуясь южными выходами — имела идеальную позицию для лучников на конях. Когда они выскочили из-за усадьбы, кушаны нахóдились слева от них. Каждый из этой тысячи катафрактов, кто пронесся мимо формирования кушанов, выпустил по крайней мере одну стрелу в массу врага. С расстояния в пятьдесят ярдов мощные луки катафрактов выпускали стрелы, которые пробивали броню кушанов. Если только те не прикрывались щитами под нужным углом. А кушаны использовали деревянные щиты, пусть и несколько армированные железом.

Стена щитов кушанов сломалась под жутким огнем. Велисарий и его люди на противоположной стороне тут же выиграли от этого. Стоявшие с северной стороны кушаны мгновенно поспешили заткнуть дыры на окровавленном южном фланге.

Теперь авангард кушанов оказался за римской кавалерией. Велисарий и его люди находились в пятидесяти ярдах от регулярных войск малва, которые шли вслед за кушанами.

Эти войска — тысячи спешившихся кавалеристов — внезапно бросились врассыпную. Они попали в ловушку между совершенно неожиданной атакой по флангу и невесть откуда появившимися римлянами. Их нервы не выдержали. Все еще остававшиеся в седле йетайцы пытались удержать сбегавших с поля боя солдат, зверски рубили их саблями, целыми дюжинами, когда те пробегали мимо, но результата не добились.

Велисарий бросил взгляд через плечо. Сирийская конница, идущая вслед за тяжеловооруженными греками, уже растягивалась широкими рядами и начинала обгонять медленно продвигающихся вперед катафрактов. Они держались подальше от кушанов. Их целью было разбить фланги и так быстро редеющей основной силы врага. За ними из

усадьбы появлялась сирийская пехота и занимала позиции. Она концентрировала свое внимание на территории непосредственно перед усадьбой и к северу от нее, оставляя теперь изолированным от основных сил кушанам единственный путь отхода к загонам для скота.

Удовлетворенный, полководец повернулся назад. Ближайший к нему солдат малва, спасавшийся бегством, подвернул ногу и упал. Велисарий не стал применять копье, просто направил на упавшего коня, а потом поскакал дальше.

На него бросился йетайец на лошади, высоко держа в руке копье. Велисарий со всей силы врезал в йетайца копьем, вспоров ему живот, и удержался в седле благодаря стременам.

Еще один солдат из регулярной армии малва бежал с поля боя. Его ноги мелькали, словно у антилопы. Копье полководца врезалось ему между лопаток.

Велисарий убил еще трех солдат тем же образом до того, как потерял копье — оно осталось в спине одного врага. Тогда он достал длинный меч и продолжил убивать им.

С первыми рядами врага теперь было полностью покончено. Даже йетайцы оставили попытки собрать войска и заставить их сражаться. Наоборот, все еще остававшиеся в седле варвары первыми неслись с поля боя.

У обычных солдат малва в головах засела одна мысль: опередить римлян. Бежать как можно быстрее, чтобы скрыться от врага. А ведь враг преследовал их на лошадях. Они были не первыми, кого во время сражения охватила паника и кто предпринимал безнадежную попытку. И им, как и многим до них, пришлось за это расплатиться.

Полководец не прекращал безжалостной работы, оставляя за собой дорожку из трупов. Человек в нем морщился от ужаса, пока не нашел утешение — как и много раз в прошлом — в холодной работе разума.

«Это самая худшая ошибка, которую может сделать пехота,— думал он.— Если бы они попытались удержать позиции, несмотря на атаку нашей конницы, как сделали кушаны, то у них бы остался шанс. Теперь же шансов нет. Ни одного».

Внезапно рядом — слева от Велисария — прогрохотало несколько взрывов. Они словно ворвались в его мрачные мысли. Уголком глаза он увидел, как один из катафрактов обеими руками схватился за лицо и упал на землю. Еще у одного катафракта упала лошадь — у нее подогнулись ноги, а всадник в свою очередь вылетел из седла.

«Это „катюши"! Наши ракеты! Но черт вас подери, не нужно сейчас стрелять!»

Но они снова прилетели. Велисарий видел, как в их сторону направляется еще одна партия.

Конечно, ракеты предназначались для малва — для правого фланга врага. Это было частью плана.

Но, к сожалению, некоторые из них перелетели через ряды врага и нанесли увечья в его собственных рядах. Велисарий выругался громко и грязно, назвал Маврикия дураком, а Василия, командующего «катюшами»,— идиотом, зачатым полоумным.

Но...

Велисарий сам приказал Маврикию сделать несколько выстрелов из «катюш» перед тем, как идти в атаку. Прекрасно зная, что даже римские ракеты далеко не всегда попадали в цель, полководец тем не менее отдал приказ. Он просто не ожидал, что малва так быстро сдадут позиции. Считал, что с ракетным огнем будет покончено к тому времени, как в радиусе его действия окажутся римские катафракты.

И ругал себя. Называл идиотом.

«Ракеты разлетаются по большой площади, чертов кретин. Никогда больше не делай этого!»

Но он быстро прекратил себя ругать. Велисарий почти достиг центра армии малва. Впереди себя он видел кшатриев и жрецов, суматошно пытающихся развернуть повозки. Впряженные в повозки мулы всегда отличались упрямством. Такова природа мулов. Они не торопились подчиняться истеричным приказам хозяев.

Увидев эту сцену, он чуть не расхохотался. Чего надеялись добиться жрецы? Повозки, в которые запряжены мулы, не имеют шанса убежать от конницы. Не больше, чем пехота.

Очевидно, один из стоявших на повозках жрецов Махаведы пришел к такому же выводу. Велисарий находился только в двадцати ярдах, когда лицо жреца приняло решительное выражение. Жрец наклонился, схватил небольшой бочонок с порохом, потом рассыпал его содержимое вдоль ряда других бочонков.

Жрец как раз доставал из туники зажигалку, когда меч Велисария отрубил его ноги. Жрец грохнулся на бочонки, все еще держа в руке зажигалку. Следующим ударом Велисарий отсек ему руку, третьим — голову.

Полководец остановил коня у повозки и перепрыгнул в нее. Встав там, он стал выкрикивать команды громовым голосом.

Очень простые приказы, состоявшие из нескольких слов. Абсолютно понятные и точные. Правда, в них не было необходимости. Анастасий с Валентином уже сделали все, что нужно, с соседними тележками. Не прошло и десяти секунд, как греческие катафракты освободили все другие тележки от жрецов.

Все оставшиеся в живых кшатрии — их набралось около пятидесяти человек — попытались сдаться вместе с оставшимися в живых двумя дюжинами жрецов. Но катафрактам это не требова-

лось. Многие из них видели, как первый жрец пытался совершить самоубийство и одновременно взорвать одну из повозок с порохом. Поэтому греки безжалостно рубили всех представителей малва, оказавшихся между повозок.

Велисарий прекратил кричать. Дело было сделано. Повозки малва с большим количеством пороха оказались в руках римлян.

Он взобрался на самый верхний бочонок. С этого насеста постарался разглядеть, что происходит на всем поле.

Сражение фактически закончилось. Поражение врага было полным.

Нанесенный Маврикием удар полностью разрушил правый фланг малва. Охранявшие тот фланг йетайцы понесли жуткие потери перед тем, как сломаться. Несмотря на все остальные черты характера, никто никогда не обвинял йетайцев в трусости. Поэтому они держались, и практически все умерли на своих позициях — судя по горе образовавшихся трупов.

Конечно, их смелость оказалась бесполезной. Даже лучшие войска, по опыту Велисария, не могут эффективно защищаться против неожиданной массированной атаки по флангу. Только не на открытом поле, где негде скрыться и перегруппироваться. Такие войска могут сражаться, и сражаться смело, но они будут биться, как приведенные в замешательство индивидуалы против хорошо организованного, уверенного и нацеленного на победу атакующего. Результат заранее очевиден.

И было также очевидно, что регулярные войска малва не пришли на помощь варварам. Войска малва в центре поля все еще оставались в седле, в отличие от их товарищей, которым не повезло идти в атаку вслед за кушанами. Они не видели оснований не воспользоваться своей удачей и тут же бросились бежать от атакующих по флангу римлян.

Но им повезло лишь временно. В своем естественном стремлении убежать как можно быстрее от ужасающей массы наступающих фракийцев, иллирийцев и персов — все из которых относились к тяжелой коннице, от наступления которой из леса на северо-востоке дрожала сама земля — регулярные войска малва бросились на юг.

Тысячи всадников в панике неслись галопом по краю леса — и прямо в Евфрат. Конечно, когда они поняли свою ошибку, то помчались на восток вдоль берега, к далеким силам малва, осаждающим Вавилон.

И лишь немногие из этих людей найдут спасение в двухстах милях. Очень немногие.

Потому что преследовавшие их были ветеранами, которых вели опытные и способные командиры. Морис и Куруш, видя в каком направлении понеслись отступающие малва, тут же направили ка-

тафрактов и дехганов на юго-восток. Они отрежут пути отступления малва, поймают их в капкан у реки.

Велисарий видел, как «катюши» выкатываются из лесу и выстраиваются в одну линию, примерно в трехстах ярдах. Один человек — их командующий Василий, как предположил Велисарий, хотя, конечно, на таком расстоянии лицо было не разглядеть — носился на коне взад и вперед вдоль ряда, отдавая команды.

Мгновение спустя партия ракет зашипела, направляясь к Евфрату.

Велисарий наблюдал за их полетом. Это была для него первая возможность наблюдать за полетом ракет, не отвлекаясь на само сражение. Они летели практически ровно, не дергаясь и не извиваясь подобно змее, как ракеты малва. Секунды спустя полководец увидел, как взорвались боеголовки, делая свою работу над огромной толпой малва, собравшейся на берегу реки.

Зрелище впечатляло. Велисарий проследил, чтобы в боеголовках римских ракет была хорошая шрапнель. Там использовался свинец, а не маленькие камушки и не всякая дребедень, которая загружалась в ракеты малва.

Теперь Велисарий посмотрел на усадьбу. Там, как он увидел, ситуация тоже развивалась отлично. Пехотинцы малва, не порубленные римлянами во время атаки, тоже пытались добраться до реки.

Сирийская конница оставила захваченные повозки с порохом и теперь гнала пехотинцев малва к северному берегу Евфрата. Сирийские пехотинцы заняли позиции напротив кушанов. Кушаны уже отступали к загонам для скота. Сирийцы следовали за ними, на уважительном расстоянии, удовлетворенные отходом врага.

Велисарий услышал голос Агафия, грек весело кричал. Велисарий повернулся и увидел Агафия и нескольких катафрактов, скачущих к нему.

— Я отправил большинство своих людей в помощь сирийцам,— объявил он.— После того как увидел, что ты сделал то же самое.

Велисарий на самом деле такого приказа не отдавал. Необходимости не было, так как находившийся рядом с ним Кирилл сообразил сам, без подсказки, а полководец хотел посмотреть за тем, как действует Маврикий. Но теперь, оглядевшись вокруг себя, увидел, что охранять повозки осталось примерно сто катафрактов.

Велисарий был очень доволен. Очень. Полководец мало что ценил больше, чем способность подчиненных быстро соображать и их умение полагаться на самих себя. Он был твердо уверен: половина его успеха заключается в том, что ему удалось собрать вокруг себя как раз таких людей. Людей, как Маврикий, Ашот, Гермоген, Иоанн Родосский, даже Бузес и Кутзес после того, как он с ними немного поработал и выбил из башки всякую дурь.

А теперь еще Агафий и Кирилл.

Часть его радости явно отразилась на лице. Мгновение спустя он и два его новых греческих офицера уже улыбались друг другу. Просто сияли. Теперь в улыбке полководца не было хитрецы, а у Агафия и Кирилла никакого сарказма ветеранов.

— Боже, полководец, это — лучшая битва, в которой мне довелось участвовать — воскликнул Агафий.

— Красиво, красиво,— согласился Кирилл.— Единственным провалом был тот ракетный огонь.

Велисарий поморщился.

— Моя ошибка. Мне следовало помнить, что эти проклятые штуковины все еще далеки от точности. Но я не ожидал, что мы продвинемся так далеко за такое короткое время.

Кирилл не казался ни в коей мере расстроенным, несмотря на то что именно он и его люди пострадали от этого огня. Греческий катафракт просто пожал плечами и вспомнил самую старую мудрость, известную всем ветеранам:

— Дерьмо случается.

Агафий согласно кивнул.

— Живи и учись, вот и все, что можно сделать. Кроме того...— он повернулся в седле, изучая эффект, в эти минуты производимый ракетами над скопившимися у реки представителями малва.— Сейчас они отлично работают. «Катюши» спасли массу римских ребят и еще спасут к тому времени, как закончат работу. Малва будут напоминать оглушенных овец.

Велисарий услышал еще один радостный клич. Он повернулся и увидел, как с севера приближается Маврикий. Хилиарха сопровождал гектонтарх Григорий и полдюжины катафрактов.

Когда Маврикий остановился у повозки, его первые слова относились к Кириллу и Агафию.

— Простите за ракеты,— сказал он твердым и ровным тоном. Его скорее можно было назвать смущенным, чем мучающимся угрызениями совести.

Потом Маврикий посмотрел на Велисария.

— Даже не трудись спрашивать,— проворчал он.— Ответ: нет. Вероятно, мои парни согласились бы взять малва в плен, даже если эти чертовы ублюдки и способны собрать всего пару солидов на всех. Но персы практически спятили и их никак не остановить...

Велисарий покачал головой.

— Знаю. Я слышу их боевые кличи. Они намерены перебить всех малва.

Он наклонил голову и прислушался. Даже на таком расстоянии можно было разобрать слова, выкрикиваемые персами:

— Харк! Харк!

— Смерть малва!

— Никаких уступок!

Увидев непонимание на лицах Агафия и Кирилла, Маврикий рассмеялся.

— Вот у этого молодого полководца мягкое и нежное сердце,— он показал большим пальцем на Велисария.— Любит избегать жестокости и зверств, если можно.

Двое греческих офицеров неуверенно смотрели на полководца, так, как обычные люди смотрят на кого-то, объявленного живым святым. Возможно, даже скорее, на сумасшедшего.

Затем, вспомнив, как жестоко полководец расправился с восемью провинившимися катафрактами в Карбеле, правильно оценили слова Маврикия.

Агафий сморщился.

— Матерь Божия, полководец, Маврикий прав. Невозможно...

Велисарий снова покачал головой и хитровато улыбнулся.

— Я и не прошу, Агафий. Персов не остановить, по крайней мере не после Харка. Я это прекрасно понимаю.

Улыбка сошла с лица, ее заменило серьезное выражение.

— Но я попрошу вас запомнить этот день на будущее. На самом деле придется его вспомнить в самое ближайшее время. Когда персы потребуют головы двух тысяч кушанов, а я откажусь.

Он показал пальцем на реку.

— Жестокость и зверства приводят вот к такой бойне. Именно поэтому я пытаюсь их избежать. Вы можете оказаться на противной стороне в следующий раз. Будете умолять о пощаде и не получите ее, потому что сами не показали милости.

— В любом случае милости от малва ждать не приходится,— заметил Маврикий. Говорил он спокойным и ровным тоном — как и всегда, когда возражал Велисарию при свидетелях — но твердо.

— От малва — нет,— ответил полководец.— Но что такое малва, Маврикий?

Он кивнул на реку.

— Ты думаешь, все эти люди из малва? Или йетайцы? На самом деле таких немного. Жрецы и кшатрии, большинство офицеров. Может, тысяча в регулярной армии. А остальные? Бихарцы, бенгальцы, гуджаратцы — практически все народности Индии сейчас проливают кровь в эту реку.

Он повернулся к Агафию и Кириллу.

— В конце концов мы победим малва не в каком-нибудь генеральном сражении где-то здесь в Персии,— сказал он им твердым, как сталь, голосом.— И не в Анатолии, и не в Бактрии, и не на реке Инд. Мы победим их в сердце самой Индии, когда подданные наконец сбросят надетое на них ярмо.

На лица двух греков вернулась неуверенность. Однако теперь это был не веселый скептицизм людей, смотрящих на другого, объявленного святым, а простое сомнение. Ветераны спрашивали, бойцы начинали задумываться, не является ли их командир на самом деле самым редким из полководцев. Самым лучшим стратегом, колдуном на поле брани.

— Я оставил бы в живых всех, кто захотел сдаться, если бы мог,— задумчиво продолжал Велисарий.— По крайней мере всех, кроме жрецов Махаведы. Ради будущего, если не из других соображений.

Он пожал плечами.

— Но я не могу рисковать, споря с персами по этому вопросу. По крайней мере не сегодня, когда у них бурлит кровь.

Он спрыгнул с бочонка. Мгновение спустя Велисарий уже снова сидел в седле.

— Сегодня я могу решить только вопрос с кушанами.

Он показал пальцем на реку.

— Агафий, Кирилл, я хочу, чтобы вы помогли персам. Они сейчас в ярости, в пылу сражения, и не смогут разумно мыслить. Остались еще тысячи живых и вооруженных врагов, собравшихся у реки. Они будут сражаться, как загнанные в угол крысы, после того как поймут, что сдаться им никто не предлагает. Вполне вероятно, персы окажутся окружены, так как станут сражаться, не думая.

Агафий и Кирилл кивнули.

— Возьмите всех своих людей,— добавил Велисарий.— Пусть только сотня или около того останутся караулить повозки. И пусть эти люди доставят повозки к усадьбе. Но они должны быть осторожны, на самом деле им лучше подождать кого-то из расчетов «катюш». Пусть те помогут. Они привыкли обращаться с пороховым оружием.

Двое греческих офицеров снова кивнули, развернули коней и поскакали прочь, выкрикивая приказы. Через несколько секунд две тысячи константинопольских катафрактов с грохотом скакали к реке, готовясь присоединиться к бойне на Евфрате.

Велисарий повернулся к Маврикию и Григорию.

— Маврикий, делай то же самое — с фракийцами и иллирийцами. Григорий, я хочу, чтобы ты нашел Кутзеса и Аббу,— добавил он и рассмеялся.— Если, конечно, Аббу удалось найти нового коня. Пусть арабские разведчики и половина легкой конницы перебираются через реку. Оставьте мне вторую половину, чтобы держать кушанов загнанными в угол.

— Придется воспользоваться бродом, который мы обнаружили в нескольких милях вверх по течению,— заметил Григорий.— Так мы потеряем несколько часов.

— Да, знаю, но это не играет роли. Вы все равно появитесь вовремя, чтобы справиться с теми из малва, кому удастся перебраться через Евфрат.

Он говорил холодным, мрачным и безжалостным тоном.

— Хорошенько погоняй их, Григорий. Я хочу, чтобы вы преследовали малва безжалостно. Несколько дней, если потребуется. Я хочу, чтобы эта армия малва была уничтожена. Пусть останется в живых всего несколько человек. Они с трудом доберутся до своих под Вавилоном. Пусть враг узнает, что у них нет надежды обойти вокруг императора Хосрова.

На лице Григория появилась собственная хитроватая усмешка.

— Может и не набраться нескольких человек, полководец. Ведь тем, которым удастся убежать от нас, еще предстоит преодолеть двести миль. С одной стороны — пустыня, с другой — крестьяне в долине, каждый из которых готов их убить. К погоне присоединятся целые деревни. Они ведь слышали про Харк, не сомневайся.

Велисарий кивнул. Григорий ударил пятками по бокам коня и направился на юг. Мгновение спустя Маврикий поскакал в противоположном направлении.

В непосредственной близости остались только Валентин с Анастасием.

— И что теперь, полководец? — спросил Анастасий.

Велисарий повернул к усадьбе.

— Мы должны проверить, что кушаны в ловушке. Потом...— Он посмотрел на солнце.— Вероятно, это займет остаток дня. Определенно, до заката. Кушаны попытаются прорваться. Вероятно, нам еще предстоит с ними сразиться.

— Если только немного,— пророкотал Анастасий.— Кушаны не дураки. Они не станут терять время, пытаясь найти пути отхода. По крайней мере не пешком, зная, что мы все на конях.— Гигант вздохнул.— Не кушаны. Вместо этого он станут работать подобно бобрам, окапываясь и делая все, чтобы превратить загоны в крепость. Будут готовиться выпустить из нас кровь, когда мы займемся ими завтра.

— Надеюсь избежать проблемы,— сказал Велисарий.

— Думаешь, сможешь уговорить их сдаться? — скептически спросил Валентин.— После того как они полдня слушали, как мы убиваем оставшуюся часть армии?

— Именно это я и планирую,— странно, но в голосе полководца оставалась та же уверенность и веселость.

Валентин продолжал говорить скептически.

— Это подобно заглядыванию в логово льва, которого ты хочешь уговорить не есть его же мясо.

— Все не так страшно,— ответил Велисарий.— По крайней мере, если умеешь говорить на языке льва.

Он посмотрел на Валентина. Хитро улыбнулся.

— Ты ведь знаешь: я свободно говорю на кушанском.

Он улыбнулся очень хитро. Анастасий нахмурился. Валентин зашипел.

— А ведь вы оба говорите на кушанском. Возможно, не так хорошо, как я. Но... достаточно хорошо. Достаточно хорошо.

Он повернулся ухом к Валентину.

— Что? Ничего не бормочешь?

Катафракт смотрел на Велисария, как ласка.

— Мне просто не найти слов,— пробормотал он.

* * *

Тем же вечером, когда солнце склонялось к горизонту, Велисарий приблизился к укреплению кушанов для переговоров. Он был без оружия, и его сопровождали только Валентин с Анастасием.

Анастасий тоже не взял оружие.

Валентин... ну, он поклялся, что идет без оружия. Поклялся всеми святыми и на могиле своей матери. Велисарий ему совсем не поверил, ни на мгновение, но не стал развивать тему. Оружие, которое имел при себе Валентин, будет хорошо спрятано. И кроме того...

Он лучше попытается уговорить львов сдаться, чем станет вырывать что-то из зубов ласки. Гораздо безопаснее иметь дело со львом.

В конце концов уговорить кушанских львов не сражаться до последнего человека оказалось самым легким делом, которое когда-либо доводилось делать полководцу. И само дело принесло ему глубочайшее удовлетворение.

Еще раз его репутация оказалась дороже золота.

На этот раз не репутация человека, способного к милосердию. На своем веку кушаны видели мало милосердия и не поверили бы в подобные сказки об иностранном полководце.

Но как оказалось, они прекрасно знали имя Велисария. Это имя означало честь, как говорили их командиру. Говорил один из немногих некушанов, которому верил командир.

— Это сказал мне сам Рана Шанга,— заявил командир кушанов. Он держался гордо.— Я ездил во дворец к величайшему из королей Раджпутаны по его приглашению, перед тем как он отправился вместе с господином Дамодарой в Хинду Куш.

Командир склонился и подлил немного вина в кубок Велисария, затем наполнил свой. Кубки были самыми простыми, точно так же, как и амфора, из которой наливалось вино. Велисарий сидел, скрестив ноги, подобно разговаривающему с ним кушану, на тонком

слое соломы, брошенном в углу конюшни. Вокруг собрались кушанские солдаты. Они и достали из походной сумки кубки и амфору.

Велисарий воспользовался минутной заминкой, чтобы повнимательнее рассмотреть командира кушанов. Как он уже выяснил, его звали Васудева.

Внешне Васудева выглядел, как любой кушанский солдат. Невысокого роста, коренастый, с широкой грудной клеткой. Короткие, но сильные ноги и плечи. Кожа имела желтоватый азиатский оттенок, точно так же, как плоский нос и узкие глаза. Как и у большинства кушанов, волосы были завязаны в хвост. Борода скорее напоминала козлиную, в отличие от густых квадратных, которые предпочитали римляне и персы.

И как и у большинства кушанов, лицо Васудевы казалось высеченным из камня. Его выражение было практически невозможно прочитать. Другой кушан, хорошо знакомый Велисарию — бывший вассал малва по имени Кунгас, который теперь являлся начальником личной охраны императрицы Шакунталы — имел лицо, подобное маске.

Железной маске, но все равно маске, которая скрывала совсем другую душу.

Вспомнив Кунгаса, Велисарий почувствовал, как в нем растет уверенность.

— И как себя чувствовал Рана Шанга, когда ты видел его в последний раз? — спросил он вежливо.

Кушан пожал плечами.

— Кто знает, что чувствует этот человек? Может, его жена, дети. Никто другой.

— А ты знаешь, почему он тебя приглашал?

Васудева внимательно посмотрел на Велисария. Смотрел долго. Вначале холодно, затем...

Взгляд не потеплел, но стал веселее. Словно зима повеселела.

— Да. Мы встречались раньше во время войны против Андхры. Хорошо вместе работали. Услышав, что меня выбрали одним из командующих на кампанию в Месопотамии, он пригласил меня к себе перед собственным отъездом.— Кушан хрипло рассмеялся.— Он хотел предупредить меня насчет римского полководца по имени Велисарий.

На мгновение взгляд Васудевы стал туманным. Он явно вспоминал тот разговор.

— «Конечно, ты знаешь персов,— сказал мне господин Шанга.— Но ты никогда не сталкивался с римлянами. Определенно с такими римлянами, как Велисарий».

Теперь глаза кушана прямо смотрели на Велисария.

— Он сказал мне, что ты способен действовать так же хитро и так же быстро, как мангуст,— он еще раз хрипло рассмеялся.— «От этого человека ожидай только самое неожиданное,— предупредил меня Шанга.— Он обожает ловушки и ложные маневры. Если он угрожает, жди, что удар придет с другой стороны. Если он кажется слабым, не сомневайся: он силен. Но лучше всего помни о судьбе кобры, самоуверенной кобры, которая пошла против мангуста».

Васудева снова рассмеялся. Все стоявшие вокруг кушаны присоединились к этому горькому смеху.

— Я пытался донести это до господина Кумары, когда понял, что против нас выступают римские войска. Я был практически уверен, что ими командуешь ты. Господин Кумара командует, то есть командовал этой экспедицией.

— Теперь господин Фишбейт! — рявкнул другой кушан.— И очень хорошо, что мы избавились от Кумары.

Васудева нахмурился.

— Конечно, он отказался меня слушать. И попал в ловушку.

Велисарий отпил вина.

— И что еще говорил обо мне Рана Шанга?

Васудева снова долго и внимательно смотрел на Велисария. Все еще холодно. Оценивающе.

— Он сказал, что в Велисарии есть только одно предсказуемое. Он — человек чести. Он также знает значение данных клятв.

Велисарий ждал. Васудева потрепал кончик своей козлиной бородки. Отвернулся.

— Трудно, трудно,— пробормотал он.

Велисарий ждал.

Васудева вздохнул.

— Вы нас не сломаете. Мы не позволим продавать себя, как рабов, тому, кто больше даст. И нас нельзя разделять. Нас следует держать вместе.

— Согласен,— кивнул Велисарий.

— Любой труд приемлем, кроме позорного. Кушанские солдаты — не домашние собаки.

— Согласен,— кивнул Велисарий.

— Никаких наказаний кнутом. Никаких избиений. Казнь приемлема в случае неподчинения. Но мечом или топором. Мы не преступники, чтобы нас вешали или сажали на кол.

— Согласен,— кивнул Велисарий.

— Приличная еда. Время от времени немного вина.

Велисарий покачал головой.

— Это я не могу обещать. Я сам участвую в кампании и буду использовать вас, как рабочую силу. Время от времени мои люди

сами едят не лучшую пищу и обходятся без вина. Я могу только обещать, что вас будут кормить не хуже. И вам станут давать вино, если будет, что давать.

По тихим голосам стоявших вокруг солдат полководец понял, что им понравился его прямой ответ. Он подозревал, что последний вопрос Васудевы был маленькой ловушкой. Командир кушанов прошел через многие сражения. Он прекрасно знал, что любой другой ответ был бы или откровенной ложью, или словами самоуверенного дурака.

— Согласен,— сказал Васудева.

Велисарий ждал.

— Поклянись,— наконец прозвучало слово.

Велисарий дал клятву. На самом деле дал ее дважды. Один раз он поклялся именем христианского Бога, потом к большому удивлению кушанов именем Будды, которому они поклонялись втайне, когда поблизости не было жрецов Махаведы, чтобы пресечь ересь.

* * *

В тот вечер Велисарий начал переговоры с персами. Они сидели среди разрушенного богатства, которое совсем недавно было любимой усадьбой на любимых охотничьих угодьях императора.

И здесь дело оказалось гораздо проще, чем он предполагал.

Куруш не требовал крови кушанов. Выслушав все, что хотел сказать Велисарий, молодой шахрадар просто налил себе вина. Хорошего вина, из собственных запасов шахрадара в собственный изысканный кубок.

Он выпил половину кубка одним глотком.

— Хорошо,— сказал после этого.

Велисарий смотрел на него. Куруш нахмурился.

— Я не говорю, что мне это нравится,— проворчал Куруш.— Но ты дал слово. Ты знаешь, мы, арии, понимаем значение клятв.

Он осушил кубок вторым глотком. Затем показал на пропитанные кровью одежды и доспехи.

— Харк был отмщен. Если судить по тому, что сделано за день.— Он помолчал и добавил ворчливо: — Наверное.

Велисарий оставил все, как есть. Он не видел оснований давить на Куруша. Тот и так согласился со многим.

Но вопросительно посмотрел на Баресманаса. Старший шахрадар ничего пока не сказал и очевидно намеревался сохранять молчание. Он просто встретился со взглядом Велисария, сохраняя на лице свой вариант маски.

Нет, Баресманас ничего не скажет. Но Велисарий предполагал, что персидский господин благородного происхождения уже сказал

свое слово. Раньше. Своему молодому и резкому племяннику. Напомнил ему про милосердие римского полководца под Миндусом. И научил племянника или по крайней мере попытался научить, что у милосердия есть своя острая сторона. Более острая, чем копье или клинок, и даже более смертельная для врага.

Глава 21

Малабарский берег.
Лето 531 года н. э.

Лагери беженцев в Мангалуру бурлили, подобно муравейникам. Семьи собирали нехитрые пожитки и ждали отправления на остров Тамрапарни. Кавалеристы из народности маратхи и кушанские солдаты готовили вооружение. Огромный флот собирался в гавани и освобождал трюмы. Керальские чиновники представили сундуки, полные золота и серебра, чтобы финансировать миграцию. Императрица и ее советники строили планы.

Прибыли старые друзья.

В середине солнечного дня, что было редкостью на юго-западе Индии в сезон муссонов, пять военных кораблей аксумитов вошли в гавань Мангалуру.

Их не остановили керальские суда береговой охраны. Больше никто не притворялся, что порт Мангалуру находится только под контролем Шакунталы. Аксумские корабли встретил военный корабль, «реквизированный» у Кералы и обслуживаемый моряками из маратхи.

После подтверждения национальной принадлежности аксумитов тут же проводили к императрице. Прибыло четыреста аксумских солдат вместе с четырьмя другими лицами. Шакунталу предупредили заранее, и она приветствовала их, соблюдая все положенные по протоколу церемонии, перед большим особняком, который считала своим дворцом.

На троих старших по рангу аксумитов увиденное произвело большое впечатление. Как и на четверых людей, идущих рядом с ними, определенно не африканцев. Семеро людей во главе отряда были знакомы с Индией и положением Шакунталы. Они ожидали увидеть другое — какое-нибудь жалкое, ненадежное убежище. Восставшая императрица, молодая девушка, на которую идет охота, прячется где-нибудь в случайном месте, и ее охраняют лишь несколько кушанов, которые помогли ей выбраться с захваченной малва территории.

Вместо этого...

Улица, по которой их провел эскорт из нескольких сотен кавалеристов из народности маратхи, была заполнена тысячами людей.

Эти люди их радостно приветствовали. Большинство из них составляли беженцы из Андхры и других земель Индии, покоренных империей малва. Но в толпе также нашлось и немало темнокожих кераль цев. Может, ее собственный дед и отказался от Шакунталы и провокаторы малва пытались разбудить враждебность по отношению к беженцам, которые наполняли королевство, но многие из людей ее матери не забыли, что Шакунтала также является и дочерью Кералы. Поэтому они тоже приветствовали и ее саму, и ее гостей и громко салютовали, что свидетельствовало: императрица Андхры в изгнании — это сила, с которой следует считаться. Союзники — из далекой Африки! И такие симпатичные солдаты!

И они на самом деле великолепно смотрелись. Сарвены держались прямо и гордо, хотя обычно аксумские солдаты вели себя неформально. Они шли ровными стройными рядами, высоко держа огромные копья, страусиные перья на головных уборах гордо качались в такт шагам.

Когда они приблизились ко дворцу императрицы, стали бить барабаны. У ступенек, ведущих к дверям дворца, процессия остановилась. Двери широко распахнулись, и дюжины, нет, сотни, кушанских солдат выбежали наружу и заняли места на ступенях. Последними вышли кушаны из личной охраны императрицы, небольшая группа людей, которые были с ней с тех пор, как она унаследовала трон. На самом деле с того самого дня.

Потому что именно эти люди вывели Шакунталу из дворца ее отца в Амаварати в тот день, когда убили всю ее семью. Тогда она была пленницей малва. А затем, несколько месяцев спустя они плюнули в лицо малва и помогли Шакунтале обрести свободу.

Наконец появилась сама императрица, рядом с нею шел Дададжи Холкар. За ними следовали четыре фрейлины.

Шакунтала с торжественным видом спустилась по ступеням, чтобы поприветствовать гостей.

Несмотря на всю помпу и роскошь, она с трудом держалась с достоинством. Она искренне радовалась, и эта радость проступала сквозь весь официоз.

Среди стоявших перед дворцом аксумитов было и четверо кушанов — группа, возглавляемая Куджуло, которая помогла принцу Эону год назад убежать из Индии. Как только охрана Шакунталы заметила давно потерянных братьев, их дисциплина резко ослабла. Конечно, они не нарушали порядка. Но улыбки на лицах плохо вязались с торжественностью момента.

Это почти не играло роли, поскольку их собственная императрица улыбалась не менее широко. Частично от того, что увидела Куджуло и его людей. По большей части потому, что увидела трех аксумитов, стоявших в первом ряду.

Гармата, Эзану и Вахси. Троих из той небольшой группы, которые спасли ее из плена малва. Когда она увидела, что одно лицо отсутствует, улыбка сошла с ее лица.

Гармат покачал головой.

— Нет, Шакунтала, он не приехал с нами. Негуса нагаст послал Эона на другое задание. Но принц просил меня передать тебе свои наилучшие пожелания.

Шакунтала кивнула.

— Мы поговорим об этом позднее. А теперь разрешите мне поблагодарить вас за возврат моих охранников-кушанов.

Она улыбнулась и поманила одну из фрейлин.

— И я не сомневаюсь, что вы захотите взять Тарабай с собой, когда отправитесь назад. Как я обещала Эону.

Женщина из народности маратхи шагнула вперед. Хотя она и старалась сохранить достоинство, на лице Тарабай смешались счастье и беспокойство. Счастье от перспективы вновь соединиться с любимым принцем. Беспокойство, что он мог потерять к ней интерес за то долгое время, пока они не виделись. Во время приключений принца Эона в Индии год назад они с Тарабай стали неразлучны. Перед тем как они пошли разными путями, скрываясь от малва, Эон попросил Тарабай стать его наложницей. Она приняла предложение. Но это было год назад, а принцы известны своей ветреностью и короткой памятью.

Гармат тут же развеял ее беспокойство.

— Эона может не оказаться в Аксуме ко времени твоего прибытия, Тарабай. Он в настоящий момент занят в другом месте. Но он надеется, что ты не передумала.

Старый араб-полукровка улыбнулся.

— На самом деле он больше, чем надеется. Он уже добавляет новое крыло к своему дворцу. Там будешь жить ты, когда приедешь, а также твои дети, когда они появятся. И я уверен, что они появятся достаточно быстро.

Тарабай покраснела. И засветилась от счастья.

После того как с этим вопросом было покончено, Гармат вновь посмотрел на императрицу. Улыбка сошла с его лица.

— Это были приятные вопросы, Ваше Величество. Теперь остальные...

Он выпрямил спину. Затем заговорил громким голосом:

— Я принес официальное предложение от негусы нагаста Аксумского царства заключить союз. Союз для совместной борьбы против малва.

После сообщения воздух наполнился шепотом.

— По прибытии мы услышали о твоих планах перевезти твоих людей на остров Цейлон. Если пожелаешь, то ты и твои люди могут вместо этого найти временное убежище в Аксумском царстве.

Шакунтала готова была поклясться, что выражение ее лица не изменилось. Но она забыла, какой наблюдательный и хитрый — просто мистически — человек Гармат.

— А,— пробормотал он. Говорил он тихо и мягко. Так тихо, что его могли слышать только она и Дададжи.— Я так и думал. Ссылка в дальние земли тебе не подходит. Значит, так. У меня пять кораблей, Ваше Величество. На борту этих кораблей приплыла половина сарва Дакуэн — четыреста солдат под командованием Эзаны и Вахси. Один из этих кораблей должен доставить назад в Аксумское царство меня и Тарабай. Остальные, включая сарвенов, в твоем распоряжении.

Шакунтала кивнула. Она тоже говорила тихо.

— Я понимаю, это военные корабли?

На лицо Гармата вернулась улыбка.

— Акусумские военные корабли, императрица.— Он скромно откашлялся.— Гораздо лучше, чем корыта малва, разве не знаешь? И, могу сказать, наши сарвены в состоянии справиться с противником, превосходящим их по численности в три раза. С так называемыми военными моряками малва.

— Да, знаю,— ответила она.— Я как раз могу их использовать. И корабли, и сарвенов. Вы слышали новость о Деогхаре?

Гармат кивнул. Его улыбка стала шире.

Шакунтала склонилась вперед.

— Так получилось...

* * *

Три дня спустя во время проливного дождя флот покинул Мангалуру. Матисачива Ганапати и наместник короля в городе стояли в гавани, наблюдая за отплытием. Они оставались там весь день, стоя под навесом в небольшом павильоне, где спасались от потоков льющейся с неба воды, пока не удостоверились, что все и каждый последователь проклятой «императрицы в изгнании» не покинул землю Кералы.

Они велели подать паланкин только после того, как последний корабль исчез за стеной дождя.

— Спасибо богам,— пробормотал наместник.

Ганапати выглядел угрюмо.

— За что? — спросил он.— Урон вполне уже может быть нанесен. Сегодня утром прибыл курьер из Ванджи. Малва угрожают — вполне определенно и серьезно. Они требуют, чтобы король арестовал Шакунталу и вернул ее им.

Наместник покачал головой.

— Они навряд ли ожидают, что король это сделает. Ведь она все-таки его внучка.

— Вероятно, нет,— согласился Ганапати. И пожал плечами.— Будем надеяться, они удовлетворятся тем, что мы выслали ее и ее последователей с керальской земли. Я немедленно отправлю курьера с этим сообщением.

Рядом с павильоном остановился слон, на спине которого был установлен паланкин. Двое керальских чиновников быстро взобрались на спину слона. Несмотря на то что они не теряли ни секунды, мужчины успели промокнуть до нитки, пока забирались в паланкин.

Выражение лица Ганапати было кислым.

— Черт побери эти муссоны,— пробормотал он.

Внезапно порыв ветра с силой дунул на занавеску, закрывающую вход в паланкин, и внутрь ворвалась струя воды, облившая наместника с головы до ног.

— Черт побери эти муссоны! — воскликнул наместник.

* * *

— Благословенные муссоны! — весело сказал Кунгас. Начальник личной охраны Шакунталы склонился через палубные ограждения и наслаждался видом. Казалось, его совершенно не беспокоит то, что он промок до нитки. Или то, что ему совершенно нечем наслаждаться — в плане достопримечательностей.

Это не беспокоило и второго мужчину, стоявшего рядом с ним.

— Благословенные муссоны,— согласился Дададжи Холкар.— Никто не увидит, в каком направлении мы плывем. Давай надеяться, что дождь в ближайшее время не прекратится.

— В это время года? — Кунгас усмехнулся.— Ты шутишь, Дададжи? Взгляни!

Кунгас показал на восток. Их корабль не успел отойти более двух миль от гавани, но *малабарский берег* уже совершенно не просматривался.

— Ничего не видно,— объявил он.— И так будет девять дней из десяти по меньшей мере еще один месяц. Предостаточно времени, чтобы добраться до Сурата даже на этом едва ползущем корабле.

Дададжи стал теребить бороду, но быстро прекратил это любимое занятие. Оно слишком напоминало выжимание губки.

— Да,— согласился он.— И есть еще дополнительное преимущество — беженцы также не будут знать, куда мы направляемся. Большинство из них продолжают считать, что мы идем на Тамрапарни, и будут считать до того дня, когда мы окажемся в Сурате.

Кунгас посмотрел на него уголком глаза.

— Тогда можем столкнуться с проблемами.

Дададжи покачал головой.

— Не думаю. У меня в лагерях было много шпионов, и они все донесли, что подавляющее большинство беженцев преданы императрице. Думаю, они примут ее решение. Кроме того, она намерена предложить тем, кто не хочет возвращаться в Махараштру, альтернативу — Тамрапарни. Тем, кто выберет этот вариант, она предоставит корабли. Конечно, после того как мы возьмем Сурат.

На лице Кунгаса мелькнула улыбка.

— Не такая уж хорошая альтернатива. Король Тамрапарни не особо обрадуется, услышав, как Шакунтала использовала его имя без его разрешения. Выйти замуж за его сына, ни больше, ни меньше!

Холкар ничего не ответил. Несколько минут двое мужчин просто смотрели в никуда. Никуда, только на великолепные, слепящие, прячущие флотилию стены дождя.

Наконец Кунгас откашлялся.

— Кстати, о браке.

Холкар скорчил гримасу.

— Она отказывается даже обсуждать этот вопрос,— мягко сказал он.— Поверь мне, друг мой, я много раз пытался поднять его. Каждый раз она заявляла, что этот вопрос еще рано обсуждать.

Кунгас передернул плечами.

— Дело не в этом. Если она за кого-то выйдет замуж сейчас, это на самом деле будет преждевременно. Ей в настоящий момент нечего предложить взамен на союз с реальными силами. Но после того, как мы возьмем Сурат, после того, как мы продемонстрируем Индии и всему миру, что Андхра намерена держать южную Махараштру, вопрос о династическом браке встанет сам собой. Она должна начинать думать об этом, Дададжи. Или она просто не будет готова в нужный момент.

— Ты знаешь, в чем проблема, друг мой,— вздохнул советник.

Кунгас уставился на воду. Кивнул. Раз, другой.

— Она любит Рао.

Холкар выдохнул воздух.

— Пожалуйста,— проворчал он.— Это просто влюбленность молодой девушки. Очарование мужчиной, которого она знала ребенком. Она практически не видела его целых два года.

— За это время они виделись несколько часов,— напомнил Кунгас. Его голос звучал, как камнепад.— После того как он вихрем прошелся по дворцу Подлого, чтобы спасти ее. Это должна была быть запоминающаяся встреча.

Холкар ничего не сказал. Кунгас отвернулся, словно что-то привлекло его внимание.

На самом деле он не хотел, чтобы Холкар видел его лицо. Даже Кунгас в эту минуту не мог сдержать улыбку.

«Отлично,— мысль была полна удовлетворения.— Отлично, „ребенок“! Бедный Холкар. Даже он — даже он! — слеп в этом вопросе».

На мгновение, как и много раз в прошлом, Кунгаса повеселила странная навязчивая идея индусов о чистоте крови и ее загрязнении. Даже его друг Дададжи не мог полностью избавиться от предрассудков.

«Какие слепые эти индусы. Когда правда так очевидна».

Он отвернулся от палубного ограждения.

— Достаточно дождя,— объявил.— Я спускаюсь вниз. В любом случае вскоре начнется действие. Мне нужно подготовится на тот случай, если понадоблюсь.

Когда Кунгас шел по палубе, его лицо было невидимо никому. Теперь он наконец позволил улыбке появиться на нем.

«Оставайся упрямой, Шакунтала. Упрись ногами в землю, девочка, отказывайся обсуждать эту тему. Когда наконец вопрос с бракосочетанием встанет остро, ты будешь знать, что делать. Тогда ты будешь знать».

Он покачал головой. Легко.

«Так очевидно!»

* * *

Через час флотилия изменила курс.

Изменение произошло медленно. Была путаница, резкие движения. Частично сумятица и дезорганизованность произошли по одной простой причине: командующие, имевшиеся на каждом из кораблей, поразному оценили время и отдали приказы не одновременно. Единственными приборами для определения времени в распоряжении индусов были песочные и солнечные часы. Солнечные часы оказались абсолютно бесполезны во время проливного дождя. При сложившихся обстоятельствах песочные часы тоже не помогли. Невозможно обеспечить каждого командующего совершенно одинаковыми песочными часами, тем более обеспечить одновременное их переворачивание.

Поэтому каждый отдал приказ тогда, когда посчитал, что время пришло.

Однако в основном суматоха произошла из-за того, что капитаны и экипажи торговых судов были категорически против изменения курса. Их наняли для перевозки императрицы и ее людей в Тамрапарни. И они были недовольны, если мягко выразиться, услышать, что конечный пункт изменяется, в особенности, когда узнали, куда им теперь предстоит плыть.

— В Сурат? Да вы с ума сошли! Сурат держат малва!

Но капитаны кораблей не являлись командующими. Командующие были совсем другими людьми. Кушанами и кавалеристами

маратхи, которые терпели ругань и оскорбления керальских капитанов.

Примерно одну минуту. Затем вынули из ножен сталь.

После этого керальские капитаны и экипажи быстро принялись за выполнение новых обязанностей. Они ворчали — вполне определенно. Но у них не было сомнений, что им не справиться с солдатами, расположившимися на борту каждого судна. Только не с этими солдатами.

Один экипаж попытался. Их возглавлял особенно воинственно настроенный капитан. Керальские моряки достали оружие и отказались подчиняться. В конце концов они превосходили солдат в пропорции два к одному. Возможно, они считали, что возьмут количеством.

Они серьезно ошиблись. Через две минуты четверо оставшихся в живых моряков сгрудились на носу, зажимая раны, и с боязнью посматривали на охраняющих их кушанских солдат. Ни один из этих кушанов даже не получил царапины.

Затем им стало еще хуже. Они увидели, как сквозь стену дождя появился другой корабль. Через секунду он встал вдоль их корабля. Керальские моряки узнали судно. Это был один из быстрых страшных аксумских кораблей.

Через палубное ограждение перегнулся аксумский офицер.

— Проблемы? — крикнул он.— Мы слышали шум...— Он замолчал, поскольку плохо говорил на хинди и, пожалуй, исчерпал запас известных ему слов.

Кушанский командир смотрел гневно.

— Да, есть проблема! — он показал обвиняющим пальцем на четверых пленников. Керальские моряки сгорбились еще ниже.— Осталось только четыре ублюдка. Недостаточно для управления судном.

К палубному ограждению подошел еще один аксумит. Командир кушанов тут же узнал его. Это был Эзана, один из старших командиров в отряде аксумитов.

Эзана быстро оценил ситуацию. Он был знаком с кушанами и знал, что они не моряки. Они не смогут сами управлять судном.

Он повернулся и быстро выкрикнул несколько имен. Минуту спустя шесть аксумских солдат стояли рядом с ним. Пока они собирались, Эзана воспользовался возможностью и максимально приблизился к торговому судну. Для этого аксумитам потребовалось всего несколько секунд.

Эзана легко перепрыгнул на керальский корабль. Широкими шагами направился на нос, где ждал командир кушанов вместе со своими подчиненными и пленными. Уже на носу Эзана махнул в сторону следовавших за ним шестерых парней.

— Эти люди останутся с вами на протяжении всего путешествия,— объяснил он на довольно хорошем хинди, правда с сильным акцентом.— Вместе с четырьмя выжившими этого будет достаточно.

Он быстро осмотрел корабль. Судя по выражению лица, ему не понравилось увиденное.

— Индийское корыто,— фыркнул он.— Хорошим аксумским кораблем может управлять шесть человек. Пять, даже четыре в случае непредвиденных обстоятельств.

Он саркастически посмотрел на четверых выживших кераль-цев. Они опустили головы и сжались. Делали все возможное, чтобы не привлекать к себе внимания.

Бессмысленно. Эзана опустился на корточки рядом с ними.

— Посмотрите на меня,— приказал он. Они подняли головы.

Эзана улыбнулся.

— Не надо выглядеть такими несчастными, парни. Подумайте, как вам повезло. Мои люди ненавидят управлять такими судами. Мои люди сами откажутся подчиняться, если я выброшу вас за борт и заменю на своих четверых.

Услышав эту счастливую новость, лица четверых кераль-цев просветлели. Чуть-чуть, но и эта радость тут же пропала под суровым взглядом нахмурившегося Эзаны.

— Но они ненавидят это меньше, чем тех, кто отказывается подчиняться,— проворчал он.— На вашем месте я вел бы себя просто идеально. Начиная с этой минуты.

Четыре керальские головы тут же судорожно закивали.

Эзана нахмурился сильнее.

— Вы — моряки. Поэтому я предполагаю, что вы в курсе, как аксумиты расправляются с теми, кто отказывается подчиняться?

Четверо кераль-цев опять судорожно закивали. В ужасе.

— Хорошо,— проворчал он.

Он встал и повернулся к кушанскому командиру.

— Больше у вас проблем не возникнет,— объявил он. Когда Эзана шел назад к палубному ограждению, кушан сопровождал его.

— А что аксумиты делают с отказывающимися подчиняться? — спросил он.

Эзана влез на палубное ограждение. Перед тем как прыгнуть, он весело улыбнулся кушану.

— Используем в рыбной ловле.— Он прыгнул. Повернулся и закончил объяснение: — Мы любим акул. А для их ловли нужна приманка.

* * *

Через два дня Эзана появился на флагманском корабле императрицы. Было созвано совещание для всех главных лиц экспедиции.

Вместе с Вахси и Гарматом он представлял Аксумское царство. Гармат уже находился на борту и ждал его. Когда двое мужчин пробирались по палубе сквозь стену дождя, который больше напоминал водопад, Эзана ворчал.

— Это — худший климат в мире.

Гармат улыбнулся.

— О, не знаю. По крайней мере, не жарко. На самом деле температура воздуха довольно приятная. В то время как...

Эзана уверенно покачал головой.

— И сравнения никакого быть не может. По крайней мере, в Аравии можно дышать.

Он гневно посмотрел на тяжелое небо.

— Сколько времени тут идет дождь?

Они уже зашли под небольшой навес в центре корабля, откуда начинался проход к большой центральной каюте. Оба мужчины сделали попытку выжать одежду перед тем, как войти к императрице. К счастью, на них были только килты.

Гармат нахмурился в задумчивости.

— На самом деле я не уверен. Кажется, я где-то слышал, что на Юго-Западную Индию во время сезона муссонов выпадает...

Он назвал цифру в аксумской системе измерений. Глаза Эзаны округлились. Это был эквивалент тринадцати футов за пять месяцев.

— Матерь Божия!

Гармат кивнул на восток, на невидимый индийский берег.

— Развеселись. Если все пройдет хорошо, то мы вскоре будем перебираться через горы в Махараштру. На другой стороне Западных Гат, как я слышал, сухо.

— Поскорее бы,— проворчал Эзана. И первым вошел в каюту.

Это помещение, служившее «императорскими покоями» Шакунталы, показалось Эзане несколько гротескным. Он был воспитан в традициях аксумского двора. Эти традиции включали стиль, который был массивным, но строгим. И всегда практичным. Когда члены правящей семьи Аксумского царства путешествовали по морю, включая самого негусу нагаста, они плыли в простой каюте, украшенной самое большее шкурой льва или страусиными перьями.

Но индийская традиция отличалась от аксумской. Временами тут тоже использовались массивные декорации. Эзана видел и до сих пор находился под впечатлением дворцов императора малва, а также его шатров. И нестрого. И непрактично.

«Никогда в жизни не видел столько мишуры и безделушек»,— думал он мрачно.

Его взгляд остановился на вырезанной из слоновой кости поделке, установленной на небольшом столике у входа. Поделка, удивительно тонкой работы и казавшаяся невесомой, изображала стра-

стные объятия полуголой пары. Эзана чуть не поморщился. Его оскорбил не эротизм статуэтки, поскольку аксумиты не были ханжами, а просто абсурдность вещи.

На военном корабле?

«После первого хорошего шторма от этой штуковины ничего не останется».

Гармат подтолкнул его в каюту.

— Мы — дипломаты,— прошептал.— Веди себя вежливо.

* * *

Шакунтала сидела на горе подушек у дальней стены каюты. Дададжи Холкар расположился слева от нее, как и полагается главному советнику. Рядом с ним сидел религиозный лидер Биндусара.

Военные советники Шакунталы расположились справа — Кунгас и двое его непосредственных подчиненных, Канишка и Куджуло. Командующие кавалерией маратхи Шахджи и Кондев пришли в сопровождении трех ближайших подчиненных.

Там также сидел Вахси. Он появился раньше. Он располагался на небольшом деревянном стуле. Еще два стула стояли рядом. Императрица приказала их принести, зная, на чем предпочитают сидеть аксумиты. Все индусы устроились на подушках в позе лотоса.

После того как Гармат и Эзана заняли свои места, Шакунтала заговорила:

— Первый этап разработанной нами стратегии оказался исключительно успешным. Мы вырвались из Кералы и нам удалось избежать столкновения с малва. Можно быть практически уверенными, что наши враги считают: мы сейчас отправляемся в добровольную ссылку на Тамрапарни.

Она замолчала и осмотрела собравшихся в поисках какого-либо свидетельства несогласия или недовольства. Не обнаружив ничего, продолжила речь:

— Я считаю, мы можем взять как данность: наше появление в Сурате окажется полной неожиданностью для врага. Поскольку это так, то мы сейчас можем сконцентрировать наше внимание на более далеком будущем. Мы удивим малва в Сурате и возьмем город. Вопрос: что после этого?

Кондев пошевелился. Шакунтала повернулась к нему, вопросительно склонила голову. Жест был приглашением выступить.

Несколько секунд офицер из народности маратхи колебался. Он был относительно новым членом внутреннего круга императрицы. Он привык к индийским традициям, поскольку являлся одним из старших офицеров у отца Шакунталы, чья императорская надмен-

ность и холодность стали просто легендарными, поэтому Кондев до сих пор никак не мог привыкнуть к расслабленности Шакунталы и легкости общения с советниками.

Шакунтала поняла его колебания и подбодрила:

— Пожалуйста, Кондев. Говори, если у тебя возникли какие-то сомнения.

Командующий кавалерией нервно потрепал бороду.

— У меня нет сомнений, Ваше Величество. Не совсем так. Но я понял, что после захвата Сурата мы собираемся просто идти к Деогхару. Присоединиться к силам Рао.— Потом он быстро склонил голову — извиняясь.— Возможно, я не так понял.

— Ты все понял правильно, Кондев,— ответила Шакунтала.— Это был наш план. Но неожиданное появление аксумитов и предложенный ими союз заставили меня передумать. Или по крайней мере думать с большими амбициями.

Она повернулась к аксумитам.

— Если мы удержим Сурат — я имею в виду долго — сможет ли ваш флот удерживать флот малва от вторжения?

Трое аксумитов быстро переглянулись. Первым заговорил Вахси.

— Нет, императрица,— сказал он твердо.— Если бы малва не имели порохового оружия, то это могло бы быть возможно. Их флот гораздо больше нашего — и по численности кораблей, и по численности моряков.

— Но ваш флот лучше. Кроме того, большая часть их кораблей задействована во вторжении в Персию.

Он пожал плечами.

— Однако дело в том, что они обладают этим демоническим оружием. Это сводит на нет наше преимущество в управлении кораблями. Мы не можем позволить себе подходить близко, чтобы брать суда на абордаж. Их ракеты летят по непредсказуемым траекториям, но тем не менее — это очень опасное оружие для судов врага.

Шакунтала кивнула. Она не казалась особо расстроенной или удивленной ответом Вахси.

— Значит, вы не можете снять блокаду Сурата, которую держат малва?

Вахси покачал головой. Шакунтала склонилась вперед.

— Скажи мне вот что, Вахси. Если мы сможем удержать Сурат — удержим малва и не дадим им снова взять город — то тогда вы сможете прорвать блокаду?

Все трое аксумитов рассмеялись.

— Ну, это подобно тому, что красть курей у инвалида,— рассмеялся Эзана.

— Очень сильного инвалида,— поправил Гармат.— Придется быть очень осторожными. Тем не менее...

Вахси прекратил смеяться.

— Да, императрица,— сказал он твердо.— Мы сможем прорвать кольцо блокады. На самом деле пройдем сквозь малва, как морская вода проходит сквозь рыбацкую сеть. И не один и не два корабля, время от времени. Мы сможем проходить сквозь малва тогда, когда нам того захочется.

Он махнул рукой.

— Вы понимаете: я говорю о блокаде всего побережья. Если малва соберут достаточно кораблей в одном месте, то они смогут закрыть Сурат. Но, как я предполагаю, неподалеку найдутся другие места, где мы сможем встать на якорь и разгрузиться.

— Полно! — воскликнул Биндусара. Все глаза повернулись на садху.— Я хорошо знаю малабарский берег,— пояснил он.— На самом деле весь западный берег Индии, от Кералы до полуострова Катхиявара.

Биндусара повернулся на восток, словно изучая ближайший берег сквозь стены каюты.

— Западные Гаты идут параллельно берегу, с самого юга Индии на север, до реки Нармады. Они представляют собой западную границу Деканского плоскогорья. Гаты — невысокие горы. Ничего подобного Гималаям. Средняя высота менее тысячи ярдов. Даже самый высокий пик в Керале не достигает трех тысяч ярдов. Но это скалистые горы. Этот факт и низкие высоты означают, что на западном берегу Индии имеется большое количество небольших речушек вместо нескольких великих рек типа Ганга или Брахмапутры, как на восточном побережье.

— Местность для контрабандистов,— заметил Эзана.

Биндусара улыбнулся.

— Местность? Правильнее сказать: рай. Не забывай про климат, Эзана. Западное побережье Индии — самая влажная часть нашей земли. Каждая из рек впадает в море, проходя через тиковые и пальмовые леса. А там полно укромных и уединенных местечек, где можно разгрузить товар. А местное население будет только радо помочь в этом. По большей части это бедные фермеры и рыбаки, которым требуются дополнительные деньги. И к малва они не испытывают никакой любви.

Вахси кивнул. Увидев это, Шакунтала спросила:

— Значит, сможете?

— Без вопросов, императрица.— Чернокожий офицер провел пальцами сквозь густые вьющиеся волосы, все это время не сводя глаз с Шакунталы.— Ты хочешь снять осаду Деогхара, контролируя всю южную Махараштру,— размышлял он вслух.— А Сурат использовать, как базу для материально-технического обеспечения.

Императрица кивнула.

— Именно так. Я даже не стала бы пытаться, если бы основные силы врага не были задействованы в Персии. Но нам тут противостоит только Венандакатра. Поэтому я думаю, что это можно сделать — при условии, что мы доберемся до порохового оружия.

— В Сурате есть пушки,— сказал офицер из маратхи Шахджи.— Если мы возьмем город, то мы также возьмем и их.

— Этого недостаточно,— проворчал Кунгас.— Он посмотрел на Холкара.— У тебя есть шпионы в Сурате. Если не ошибаюсь, эти пушки стационарно установлены.

Холкар кивнул.

— Это огромные бомбарды. Три штуки. Установлены для защиты города от атаки с моря.— Он поморщился.— Предполагаю, их все-таки можно сдвинуть с места, но...

— Забудь об этом,— перебил Кунгас.— Мы сами воспользуемся этими пушками, чтобы защитить Сурат от флота малва, но они нам не помогут во время сухопутных сражений против армии Венандакатры. Для этого нам нужна помощь римлян. Я уверен, что к сегодняшнему дню Велисарий уже научился производить пороховое оружие. Если нам удастся возобновить с ним контакт, то аксумиты смогут поставлять нам оружие контрабандным путем. А также обеспечивать нас порохом.

Все собравшиеся в каюте переглянулись.

— В таком случае нам следует отправить кого-то в Рим,— сказал Биндусара.

— Не в Рим,— поправил его Дададжи.— К Велисарию. Для римского правительства мы просто какие-то непонятные иностранцы. А Велисарий нас хорошо знает.

Пешва распрямил плечи.

— Я поеду сам,— объявил он.— Нашу делегацию должен возглавлять кто-то, кто занимает достаточно высокое положение в правительстве императрицы и кого лично знает Велисарий. Я — очевидная кандидатура.

— Чушь! — воскликнула Шакунтала.— Сама идея бредовая. Ты — мой пешва, Дададжи. Ты мне нужен здесь.

Холкар нахмурился.

— Но я — единственный...

Он замолчал и удивленно посмотрел на Кунгаса.

Командир кушанов фыркнул. Если бы звук вырвался изо рта какого-то другого человека, то его можно было бы принять за веселый. За юмор. В случае Кунгаса сказать было сложно.

— Он — начальник твоей личной охраны! — крикнул Дададжи.

Шакунтала отмахнулась.

— Больше он в такой должности не требуется. Канишка вполне способен занять его место. На самом деле таланты Кунгаса здесь пропадают.

Все собравшиеся смотрели на Кунгаса. Выражения на лицах большинства индусов представляли собой смесь скептицизма и колебания.

Шахджи откашлялся.

— Если вы простите меня, Ваше Величество, мне кажется, что Кунгас — не самый лучший выбор. Он не благородного происхождения, не относится ни к сословию брахманов, ни кшатриев, и я боюсь, полководец Велисарий будет оскорблен, если твой посол окажется такого низкого...

Остаток предложения потерялся, погребенный взрывом хохота. В основном хохотали аксумиты, но к ним присоединилась и императрица, да и Кунгас пару раз усмехнулся.

Дададжи просто улыбался. Затем покачал головой.

— Ты не понимаешь ситуацию, Шахджи,— сказал он.— Римляне в целом и Велисарий в частности не смотрят на эти вещи, как мы, индусы. Да, у них есть знать, требующая к себе определенного уважения, но что касается истинного содержания...— Он пожал плечами.— Если Кунгас прибудет как официальный посол императрицы и будет называться достаточно звучно, римлян это удовлетворит. Велисария-то уж точно.

— Прекрасно сказано, Дададжи,— кивнула Шакунтала. И кивнула Кунгасу — с императорским величием.— Таким образом, я назначаю тебя своим послом в Рим и присваиваю тебе титулы махаданданаяки и бхатасвапати.

На лице Кунгаса промелькнула улыбка. Едва.

— Главнокомандующий и генерал армии и кавалерии,— пробормотал он.— Боже, как я поднялся в этом мире!

Заметив выражение лица Гармата, Шакунтала повернулась к нему. Вся веселость аксумского советника улетучилась, ее сменило хмурое выражение лица.

— Ты не согласен,— сказала она. В словах не было обвинения, просто вопрос.

Старый араб-полукровка потрепал бороду.

— Нет, императрица, не согласен. Конечно, не по причинам, прозвучавшим ранее. Кунгас будет вполне приемлем в качестве посла с точки зрения римлян. Более чем приемлем с точки зрения Велисария. Полководец ему доверяет и глубоко им восхищается. Я знаю — он сам мне говорил об этом.

Собравшиеся в каюте индийские офицеры посмотрели на Кунгаса. Как и всегда лицо командира кушанов ничего не выражало и представляло собой маску. Им снова напомнили, что непритязательный кушан, которого они имели склонность — пусть и бессознательно — воспринимать, как полуварвара низкого происхождения, пользовался хорошей репутацией среди великих людей их времен,

причем их собственная репутация не шла ни в какое сравнение с репутацией Кунгаса.

— Тогда в чем проблема? — спросила Шакунтала.

Гармат поджал губы.

— Проблема, императрица, трехсторонняя.

Он загнул большой палец.

— Во-первых, ты собираешься отправить одного из самых лучших своих военачальников перед решающим сражением. Я считаю, Сурат можно взять, несмотря на пушки. Но победа, как мы говорили раньше, будет зависеть от того, возьмут ли кушаны пушки во время неожиданного штурма. Если они этого не сделают, то тебе и думать не следует о том, чтобы появляться там с кавалерией маратхи. Тогда корабли будут разрушены до того, как они смогут бросить якорь.

Он показал на Кунгаса.

— На твоем месте я назначил бы именно этого человека вести кушанов во время штурма. И никого другого.

Шакунтала качала головой. Гармат поднял руку, ладонью к императрице, жестом попросив ее помолчать.

— Нет, императрица, ты не можешь ждать до окончания сражения, чтобы уже тогда отослать Кунгаса. Времени терять нельзя, если ты хочешь получить римскую помощь. Я сам должен покинуть вас завтра, чтобы отчитаться перед негусой нагастом. Твой посол — кем бы он ни был — должен поехать на моем корабле.

Шакунтала склонила голову в задумчивости. Как и всегда, молодая императрица быстро приняла решение.

— Согласна. Нас поджимает время.

Она подняла глаза.

— Другие причины?

Гармат загнул указательный палец.

— Во-вторых. Я думаю, что посылать Кунгаса вообще бессмысленно. Как он найдет Велисария? В том хаосе в Персии?

Аксумит сухо рассмеялся.

— Там любого трудно найти, не говоря уже о Велисарии. Однажды полководец сказал мне, что считает хаос войны одним из своих лучших друзей. Всегда можно найти преимущество, говорил он мне, если ты с готовностью принимаешь хаос. Вы понимаете, что он имел в виду?

Офицеры маратхи нахмурились, как и сама императрица. Было ясно, что они находят странным то, как высоко полководец ценит неразбериху на войне.

Но Кунгас понял и кивнул.

— Велисарий будет перемещаться, как ураган,— сказал он.— Он сделает все возможное для создания хаоса, а затем этим хаосом воспользуется.

Кушан потрепал хвост, в который были стянуты волосы.

— Он не только может оказаться где угодно, он сделает все возможное, чтобы другим казалось, будто он в одном месте в то время, как направляется совсем в другое.— Он хмыкнул, частично от восхищения, частично от досады.— Конечно, его цель — запутать врага. Но эффект для друзей, пытающихся его найти, будет тот же самый. Это будет трудно. Очень трудно.

— Это будет невозможно,— сказал Гармат.— И, наконец, в этом нет необходимости.

Он подождал, пока все не поняли, что он сказал, перед тем как загнуть третий палец.

— Третья причина, императрица, очень проста. Нет необходимости отправлять Кунгаса послом в Рим по той простой причине, что я уверен: Рим и Велисарий уже снарядили посла к вам. И этот посол, я уверен, принесет как раз то, что вам нужно.

Все уставились на Гармата. На всех лицах явно читалось удивление, кроме лиц других аксумитов.

— Вам что-то известно,— сказал Холкар.

— Ничего особенного,— заметил Эзана.— Только...

Гармат откашлялся.

— Аксумское царство имеет свою небольшую, но достаточно эффективно функционирующую шпионскую сеть в Римской империи. Уже более ста лет.— Он улыбнулся, словно извиняясь.— Учтите, между нами и Римом никогда не возникало конфликтов. С тех пор как римский император *Диоклетиан* установил южную границу Римской империи в Африке, по Элефантине, граница оставалась вполне спокойной. Тем не менее...

Он пожал плечами.

— Рим — это великая империя, мы гораздо меньше. Менее могущественному государству всегда следует быть в курсе того, чем занято более могущественное соседнее. Несмотря на их намерения и отношение к нам в настоящее время. Никогда нельзя предугадать заранее. Все может измениться.

Индусы в каюте кивнули. Это было просто разумно. Они сами прекрасно помнили долгую и бурную историю Индии.

— Естественно, что больше всего внимания мы уделяем их провинции Египет. Там у нас есть преимущество, так как большинство населения — монофизиты. Наше вероисповедание довольно похоже и многие египетские монофизиты смотрят на нас, как на своих религиозных братьев. Несколько религиозных лидеров монофизитов на протяжении многих лет спасались у нас в стране после начала гонений в Римской империи...

Он замолчал, увидев непонимание на лицах индусов. Догадался, что все им сказанное понимает только Дададжи Холкар.

Гармату потребовалось приложить усилия, чтобы не пробормотать: «Чертовы надменные индусы!»

— Неважно,— вздохнул он.

Несмотря на то что он испытывал искреннюю симпатию и восхищался многими индусами, Гармата опять поразила их странная ограниченность и предубежденность. Даже индусы самых широких взглядов — с несколькими исключениями типа Холкара — имели склонность смотреть на весь огромный мир за пределами их собственной культуры, как на единую, неразличимую массу полуварваров. Ветви христианства для них были непонятны и неинтересны.

— Дело в том, что какое-то время тому назад мы обнаружили, что римская императрица отправляет в Египет военно-политическую экспедицию,— продолжал он.— Официальной целью экспедиции является подавление восстания и восстановление твердого императорского контроля над их богатейшей провинцией. Но кого они послали командовать экспедицией? Жену Велисария Антонину!

Он пожал плечами.

— Конечно, мы только строим догадки. Но, зная Велисария, я думаю: наши предположения вполне обоснованны. Конечно, экспедиция Антонины в самом деле имеет названную мной цель. Римлянам на самом деле требуется твердый контроль над Египтом. Но мы уверены: за публично названной целью скрывается и другая. Мы думаем, Велисарий отправил жену, чтобы открыть второй фронт против малва. Мы очень удивимся, если эта стратегия не будет включать обеспечение поддержки Андхры.

Он бросил быстрый знающий взгляд на Шакунталу и Холкара. Молодая императрица и пешва тут же поняли Гармата и кивнули в ответ. Чтобы поддержать престиж, Шакунтала никогда публично не объясняла, откуда она взяла средства, используемые ею на военные расходы. Офицеры из народности маратхи, присоединившиеся к ней после ее побега от малва, никогда о них не спрашивали. Они об этом не задумывались. Императрицы вообще богатые. Все это знают. Закон природы.

На самом деле молодой девушке, за которой шла охота, средства передал сам Велисарий, как раз перед ее побегом. Этим богатством император Шандагупта попытался подкупить Велисария и склонить его к предательству. А римский полководец передал их Шакунтале, чтобы профинансировать восстание в арьергарде малва.

— Неужели этот человек забудет о тебе? — тихо спросил Гармат.— Неужели этот человек откажется от своих планов?

Глаза Шакунталы слегка округлились.

— Ты прав,— прошептала она.— Он послал кого-то к нам. Велисарий уже об этом подумал.

Ее плечи опустились, совсем чуть-чуть. Было очевидно, что от облегчения.

Внезапно все поняли, насколько ей было тяжело принять решение отослать от себя Кунгаса.

— Ты останешься, Кунгас,— объявила она.— Со мной.

Командир кушанов кивнул. Затем на его губах промелькнула улыбка.

— Как быстро уходит счастье,— пробормотал он.

Шакунтала сильно нахмурилась.

— Чушь! Я не отнимала у тебя твои титулы — кроме, конечно, посла в Рим. Ты все еще махаданданаяка. И все еще мой бхатасвапати.

Ее взгляд стал мягче, когда она смотрела на человека, который когда-то взял ее в плен и уже давно был ее защитником.

— Как ты был, начиная с Амаварати,— прошептала она.— Когда ты спас меня от зверей йетайцев.

* * *

Позднее, когда они выходили из каюты, командир маратхи Шахджи обратился к Гармату.

— Интересно, а кого римляне отправили к нам? Несомненно, какого-то известного полководца.

Гармат с трудом боролся с улыбкой и не ответил. Бросил взгляд на Эзану и Вахси и понял, что два других аксумита ведут ту же борьбу.

Шахджи пошел дальше.

— Бедняга,— пробормотал Вахси.

— Какой получит удар, когда узнает правду,— согласился Эзана.

Теперь Гармат с трудом сдерживал хохот. Эзана и Вахси три года назад сопровождали его в Рим. Они прекрасно знали реальности римского двора. И пунктики императрицы Феодоры.

Но он ничего не сказал. По крайней мере, пока все трое аксумитов не сели в небольшое суденышко, которое доставит их на их собственный корабль. Только тогда он расхохотался. Эзана и Вахси присоединились к нему.

— Это определенно будет женщина,— давился Эзана.

— Феодора больше никому не доверится,— хохотал Вахси.— Шахджи умрет от ужаса!

Гармат покачал головой.

— На самом деле это несправедливо. Не забывайте: он же из народности маратхи. Они признают законность правительниц женского пола. У них даже были женщины, возглавлявшие армии. Тем не менее...

Он замолчал. Конечно, он не был уверен. Это было просто размышление. Он думал, что догадался, кого пришлют Феодора и Велисарий.

Не Антонину. Гармат был почти уверен, что для нее у Велисария большие планы. Из внутреннего круга советников императрицы Феодоры — то есть советниц — оставалась только...

Эзана закончил мысль вслух.

— Может, у них и были женщины-правительницы и женщины вели армии в бой, Гармат,— рассмеялся он.— Но маратхи определенно не видели саркастичную женщину с острым язычком и острым, как заточенный клинок, умом, которая за свою жизнь прочитала больше книг, чем те, о существовании которых они знают.

— Бедный Шахджи,— сделал вывод Вахси.— Он такой правильный и так следует традициям. Представляю, как он огорчится в будущем. Как ему будет не по себе.

Глава 22

Восточное Средиземноморье.
Лето 531 года н. э.

— Будь осторожна! — прошипела Антонина.

— Я-то осторожна,— проворчала Ирина.— А вот глупая лодка ведет себя неосторожно.

Начальница шпионской сети вновь опасливо вытянула ногу в поисках палубного ограждения небольшого суденышка, качающегося рядом с флагманским кораблем Антонины. Море было спокойным, но у Ирины начисто отсутствовал опыт спускания с большого корабля в шлюпку.

Ее нога коснулась палубного ограждения, встала на него, соскользнула. Ирина в страхе схватилась за веревочную лестницу. Последовал поток ругательств. Грубые фразы, направленные на мир в целом и шлюпку в частности.

Сверху на нее посмотрел Усанас и улыбнулся.

— Все, будьте свидетелями! Чудо! Все-таки есть книга, которую Ирина не читала. Я, конечно, имею в виду «О перемещении экипажа с судна на судно в море» известного автора Профания из Диспепсии.

Последовал поток на самом деле крепких ругательств. Жуткие фразы, невероятно грубые термины. Направленные исключительно на одного конкретного африканца.

Африканец, о котором шла речь, улыбнулся еще шире.

— Можно тебе помочь? — спросил он вежливо.

Ирина гневно смотрела на него.

— Да! — рявкнула она.— Пересади меня в эту дурацкую чертову лодку!

— Нет проблем, уважаемая греческая госпожа,— весело сказал Усанас.

Давазз прыгнул на палубное ограждение флагманского корабля Антонины, замер там на микросекунду, потом прыгнул аккурат в стоявшую внизу шлюпку. Он легко приземлился на ноги и легко удержал равновесие. Затем посмотрел вверх на Ирину. Начальница шпионской сети качалась на веревочной лестнице у борта более крупного корабля над его головой. Ее лицо побледнело, костяшки пальцев, сжимающих веревочную лестницу, стали белыми как снег.

— Прыгай,— сказал он.

Глаза Ирины округлились. Она уставилась на него сверху вниз, словно на буйнопомешанного.

— Прыгай,— повторил Усанас.— Я тебя поймаю.

— Ты полностью спятил! — завопила она.

Усанас поднял глаза вверх, на флагманский корабль. Антонина и Эон перегнулись через палубные ограждения. Антонина смотрела с беспокойством. Эон с трудом сдерживал смех.

— Эон! — крикнул Усанас.— Режь лестницу!

— Прекрасная мысль! — ответил Эон.

Принц достал меч, висевший на перевязи. Это был типичный аксумский меч, только лучшей работы, чем мечи простых солдат. Короткий, с квадратным концом и очень тяжелый. По виду больше напоминал мясницкий нож, чем меч, используемый римлянами.

Ирина в ужасе уставилась на меч. Было очевидно: он с легкостью пройдет сквозь тонкую веревку.

Сложенный, как Геркулес, Эон высоко поднял клинок.

— О-о-о-о! — закричала Ирина. А затем в ужасе отпустила лестницу.

Женщина летела вниз не более четырех футов. Усанас легко поймал ее, затем аккуратно поставил на палубу меньшего судна. Мгновение спустя она рухнула на груду лежавших поблизости веревок.

— Ты — жуткое существо из жуткой земли,— прошипела она. Сделала глубокий вдох. Потом еще один.— Теперь я знаю, где Гомер искал вдохновение для описания Циклопа.

Усанас щелкнул языком.

— Зачем так грубо? — пожаловался он.— Так жестоко?

— С тобой все в порядке, Ирина? — прозвучал сверху голос Антонины.

Начальница шпионской сети сделала еще один глубокий вдох, содрогнулась. Затем внезапно улыбнулась.

— На самом деле все не так уж и плохо. Первая задача выполнена.

Она улыбнулась Усанасу.

— Приношу извинения за оскорбительные и резкие высказывания. Я не смогла сдержаться.

Усанас поморщился, ожидая неизбежного.

Последовало шипение.

— Мне не хотелось оскорблять память почтенного легендарного чудовища.

* * *

Наверху Антонина и Эон переглянулись.

— Ты уверена, Антонина? — спросил принц.— Тебе предстоит сложное дело. Мои сарвены тебе бы помогли. Я наделен полномочиями использовать их по-своему усмотрению. Как я уже говорил, мой отец предложил Риму заключить союз. По всем фронтам.

Антонина покачала головой.

— Нет, Эон. Мы, конечно, принимаем предложение негусы нагаста. На самом деле Феодора приказала мне самой попытаться заключить с вами союз. Но если я не смогу установить порядок в Египте при помощи имеющихся в моем распоряжении римлян, то дополнительные четыреста аксумских солдат роли не сыграют.

Она бросила быстрый взгляд на военный корабль аксумитов. Судно легко качалось на волнах примерно в ста ярдах. Вдоль палубного ограждения стояли солдаты из сарва Дакуэн. По ее прикидкам, там было около пятидесяти человек. Остальные подчиненные Эона ждали его в небольшом порту Пелузиуме на Ниле.

— Кроме того, присутствие аксумских сарвенов может создать политические проблемы,— добавила она.— Я хочу разобраться с активизировавшимися в Египте фанатиками и одновременно не настроить против себя большинство ортодоксальных греков. Ты же знаешь: они будут смотреть на вас, как на союзников монофизитов. Иностранные еретики, которых империя использует против них.

Эон кивнул в задумчивости. Антонина дружески опустила руку ему на плечо.

— Поэтому я должна отклонить твое предположение. Хотя я тебе за него благодарна. Пожалуйста, передай мою благодарность отцу.

— Обязательно.

— Также передай ему согласие Рима на предложенный им союз. Когда Ирина доберется до Аксумского царства, она обсудит детали сотрудничества с негусой нагастом. Она наделена соответствующими полномочиями. Ты можешь передать отцу: императрица Феодора ей полностью доверяет. В настоящий момент лучший способ использовать твоих сарвенов — это обеспечить ей надежный эскорт.

Она сама улыбнулась.

— И я так буду меньше волноваться. Мне очень не хочется отправлять Ирину в неспокойную Индию. Но по крайней мере меня будет успокаивать то, что ее защищаешь ты, Усанас и четыреста сарвенов.

Антонина слегка содрогнулась.

— И я буду счастлива, зная, что ей не придется столкнуться с пиратами в Красном море и...

— Пиратами,— проворчал Эон. И рассмеялся.

За его спиной стояли три офицера из сарва Дакуэн. Командующие полком принца вполне справедливо считали себя элитными войсками. И мореплавателями в придачу. Они поддержали ворчание принца гневными взглядами, а смех Эона — собственными презрительными ухмылками.

— Пираты,— пробормотали они. Точно так же львы могли бы произнести слово «гиены», если бы умели говорить. Или «антилопы». Или «импалы».

Мясо.

Антонина улыбнулась, тепло обняла принца. Он ответил на объятие несколько осторожно и осмотрительно — как вежливый и хорошо воспитанный молодой человек королевской крови отвечает на объятия уважаемой дамы, которой он восхищается. Правда, дамы с очень пикантными формами, но старшей по возрасту.

— Уезжай,— прошептала она.— Позаботься об Ирине ради меня и Феодоры. И, конечно, береги себя.

Мгновение спустя Эон и его офицеры без труда и видимых усилий спустились в шлюпку. После того как они оказались в ней, канат отвязали и шлюпка тронулась с места. Офицеры сами сидели на веслах. По аксумской традиции они все начинали простыми воинами и поднимались по служебной лестнице только благодаря личным достижениям. Они были привычны к делу и умело гребли. Шлюпка очень быстро оказалась рядом с военным аксумским кораблем.

Во время короткого плавания Антонина и Ирина не сводили глаз друг с друга. Они стали близкими подругами — лучшими подругами — за три года совместной работы и борьбы против угрозы вторжения малва. Теперь каждая из них пойдет в пасть зверя своей дорогой. По всей вероятности, они больше никогда не увидятся. Антонина с трудом сдерживала слезы.

— Боже, как мне будет тебя не хватать,— прошептала она.— Как будет не хватать!

В тридцати ярдах от нее Ирина отвернулась. Но Антонина заметила, как что-то заблестело в глазах подруги. Как она знала, Ирина тоже старается не разрыдаться.

Антонина оторвала взгляд от подруги и посмотрела на Эона. Принц сидел на корме. Антонина видела, как его голова медленно поворачивается и он осматривает водную поверхность.

Она поняла, что Эон уже начал выполнять свое обещание оберегать Ирину от любой опасности.

Затем, увидев, с какой яростной надменностью Эон расправляет огромные плечи, она не могла не улыбнуться. От вида этих плеч ей стало спокойно.

У акул, конечно, плеч нет. Но если бы были, именно так огромные акулы встречали бы морских чудовищ.

Тунца. Кальмаров. Скатов.

Мясо.

* * *

К тому времени, как шлюпка с Ириной достигла цели, другие шлюпки также подтягивались к аксумскому кораблю от римских со своим собственным грузом.

На трех шлюпках стояли бочки с порохом. Две перевозили латунные трехдюймовые пушки, по одной на каждой шлюпке. А еще на двух плыли сирийские гренадеры с женами и детьми, которые сами вызвались сопроводить Ирину в Индию. Они будут обучать — если все пойдет хорошо — силы императрицы Шакунталы обращению с пороховым оружием.

Маленькие ручки Антонины крепко держались за палубное ограждение. Пока ее муж Велисарий был в Индии, он сделал все, что было в его силах, чтобы там началось восстание. А он не тот человек, который забывает или бросает тех, кого сам послал на подобное дело.

«Только не мой муж»,— подумала она гордо. С чувством собственницы.

Она не знала будущего. Но Антонина не удивилась бы, узнав, что в будущем человечества — любом из возможных — имя Велисария станут помнить за две вещи — если ни за что другое: военная гениальность и верность.

Она в последний раз посмотрела на маленькую фигурку своей лучшей подруги Ирины. Та уже находилась довольно далеко. Антонина отвернулась от палубного ограждения. Затем пошла, скорее промаршировала на нос собственного корабля и уставилась на воду Средиземного моря.

Теперь она смотрела на юго-запад, на Александрию.

Она снова схватилась за палубное ограждение, причем еще крепче, чем раньше.

Антонина молча дала клятву. Если Ирина без проблем доберется до Индии, то она сама не окажется на мели. Если у восстания в

Андхре возникнут преграды, то только не потому, что Антонина провалила свое задание.

Она возьмет Александрию и Египет и восстановит власть империи. Она наденет узду на эту огромную провинцию, воспользуется ее ресурсами и навыками проживающих там людей и превратит ее в оружейную мастерскую Рима для войны против малва. Кроме всего прочего, оружейная мастерская будет использоваться для поддержания Шакунталы и восставших индусов. Многие орудия отправятся на юг. Пушки, ракеты, порох, а также мужчины и женщины, которые нужны, чтобы ими воспользоваться и обучить других.

На юг, в Аксумское царство. Затем через Эритрейское море в Махараштру. Каким-то образом, каким-то путем это оружие попадет в руки молодой императрицы, которую Велисарий освободил из плена.

Антонина сжала палубные ограждения, гневно глядя на пока невидимых людей, которые будут противостоять ее воле. Те же самые люди — по крайней мере тот же тип людей — которые всю жизнь насмехались над нею.

Если бы акула в этот момент увидела маленькую женщину на носу римского военного корабля, она бы узнала ее. Конечно, она не узнала бы тело — пикантные формы Антонины даже отдаленно не напоминали рыбьи — и примитивный разум акулы не смог бы оценить интеллект женщины.

Но акула бы знала. О, да. Ее собственные инстинкты определили бы родственную душу.

Голодную. Жаждущую мяса.

Глава 23

Месопотамия.
Лето 531 года н. э.

По прибытии в Пероз-Шапур Велисарий объявил первый долгий привал с начала марша. Они вышли из Константинополя три месяца назад и еще ни разу по-настоящему не отдыхали. Армии предстояло стоять в Пероз-Шапуре семь дней. Всем солдатам дали увольнительные, чтобы насладиться городом, за исключением военной полиции. В ней оказались представители всех подразделений, и выступать в роли военных полицейских им предстояло по очереди.

После объявления прекрасной новости перед выстроенными рядами армии Велисарий как можно быстрее отправился в свой шатер. На это ушло десять минут — как раз столько времени, сколько войска радостно выкрикивали его имя. Вместо себя он оставил Маврикия, и именно Маврикию предстояло предупредить солдат —

мрачно, жестко, так, что кровь могла застыть в жилах — относительно судьбы тех, кто по каким-то причинам неправильно воспользуется гостеприимством персов.

Но армия не удивилась и не возмутилась грубыми словами Маврикия. Наоборот — даже на его краткий садистский монолог ответили приветствиями.

Хотя следует признать, им восхищались не в течение десяти минут. Улыбающиеся солдаты не сомневались: угрозы реальны и их мгновенно приведут в исполнение, если они в самом деле что-то отмочат. Просто в предупреждениях не было необходимости.

Солдаты пребывали в отличнейшем настроении. Как им и следовало.

Во-первых, впереди их ждала неделя, на протяжении которой не потребуется маршировать по пустыне. Вообще нигде не потребуется маршировать.

Во-вторых, эту неделю предстояло провести в большом и густо населенном городе. Не спать на земле. Персы уже организовали кровати. Ну, не совсем кровати, конечно, настилы, но тем не менее.

Наконец — о, радость! — перед ними открывалась восхитительная перспектива провести эти дни в большом и густо населенном городе не с пустыми карманами. У каждого солдата имелись деньги.

На самом деле больше денег, чем кто-либо из них когда-либо видел. Персидский император неведомо для себя и невольно проявил щедрость — после того как армия покинула его усадьбу, там осталось не более трех унций золота. А может, и не осталось. Более того, армия взяла большие трофеи у разгромленной армии малва. Поэтому небольшая армия Велисария чувствовала себя великолепно. Может, лучше, чем какая-либо армия в истории.

Они знали это — и персы в Пероз-Шапуре тоже знали это. В любом случае римские солдаты пользовались бы популярностью, даже если бы пришли без единой монеты в кармане. Ведь Велисарий и его люди нанесли единственное серьезное поражение армии малва со времени вторжения ее в Персию. И если Куруш и его семьсот копьеносцев получили свою долю приветствий и славы, большая часть славы все-таки досталась римской армии.

Жители Пероз-Шапура только что были избавлены от перспективы в самом скором времени держать осаду, а люди, которые избавили их от этой опасности, оказались еще и способны обеспечить большой приток наличности в город.

Да здравствуют герои-победители!

Когда римляне входили в Пероз-Шапур, на всех улицах стояли приветствующие их персы. Многие из них пришли туда просто поаплодировать. Другие — купцы, хозяева таверн, проститутки, ювелиры — руководствовались и другими мотивами. Простыми, совер-

шенно понятными мотивами, которые устраивали простых римских солдат, не ищущих сложностей.

Поэтому, отправляясь в шатер, Велисарий не беспокоился. Он не ожидал никаких неприятностей во время остановки армии в Пероз-Шапуре. А полководцу требовалось время для себя, когда его никто не отвлекает.

Он хотел подумать. И рассмотреть возможность.

* * *

В середине третьего дня к нему в шатер пришел Баресманас.

— Почему ты не остановился в городе? — спросил перс после того, как его пригласили зайти.

Шахрадар внимательно осмотрел аскетическое жилье. Во время кампании Велисарий никогда не держал у себя ничего лишнего. Если не считать амфору с вином и прохладный ветерок, который проникал внутрь сквозь не занавешенный вход, по шатру полководца никто бы не сказал, что его владелец наслаждается хорошо заслуженным отдыхом.

Велисарий поднял голову. Он полулежал на спальном настиле, подложив под спину подушку. Ее в свою очередь подпирал сундук, в котором лежали личные вещи полководца. Улыбнувшись, он закрыл книгу и показал на стул, приставленный к небольшому письменному столику. Стол и стул были единственными предметами мебели в шатре.

— Присаживайся, Баресманас. Ты выглядишь усталым.

Персидский господин благородного происхождения почти повалился на стул и вздохнул.

— Да, я в самом деле устал. Город — сумасшедший дом. Люди развлекаются и гуляют круглосуточно. Днем и ночью!

— Бесстыдно и с полным наслаждением, как я подозреваю,— улыбнулся полководец.— И ты не можешь заснуть. И не можешь спокойно подумать. К своему удивлению ты тепло вспоминаешь походный шатер.

Баресманас усмехнулся.

— Ты предполагал подобное,— заметил он.

— Мне никогда не доводилось видеть, как персидские войска празднуют победу. Может, это тихие скромные ребята...

— Ха-ха!

— Нет? — улыбнулся Велисарий.— Но я очень хорошо знаю римских солдат. Да они с ума сведут всех демонов ада, только одним создаваемым ими шумом.

Полководец склонил голову набок.

— Надеюсь, никаких серьезных проблем не возникло?

Баресманас покачал головой.

— Нет, нет. Конечно, мамочки жалуются. Их возмущает поведение собственных распутных дочерей. Но даже их, как кажется, гораздо больше беспокоят несчастливые последствия через девять месяцев, чем то, что сейчас происходит в городе. Ты знаешь, мы, арии, очень сильно хмуримся, если ребенок оказывается незаконнорожденным.

Велисарий улыбнулся.

— Все известные мне народы не испытывают особой радости от незаконнорожденных детей. Но затем каким-то образом с этим мирятся.

Он почесал подбородок.

— Может, сделать пожертвование от армии? Как ты думаешь? Передадим в нужные руки, особо не рекламируя. После того, как оставим город. Может, городскому правительству?

Баресманас задумался над вопросом.

— Наверное, лучше священнослужителям.— Затем пожал плечами и добавил: — В любом случае это не будет серьезной проблемой. Мамочки скорее смущены, чем злы. Кажется, твои ребята сделали несколько официальных предложений руки и сердца — в некоторых случаях даже на следующий день после появления в городе! И мамочки не знают, как на них отвечать. Ты, возможно, в курсе, что наши традиции в этом вопросе более сложны, чем ваши.

Велисарий на самом деле прекрасно знал брачные традиции персов. В отличие от простой моногамии христиан, к которым относились римляне, персы признавали несколько различных форм брака. Фундаментальный, который они называли патиксаях, очень похож на христианский брак, если не считать разрешенной полигамии. Но юридический статус имели и другие виды брака, включая так называемый «только на определенный период времени».

Велисарий улыбнулся. Он был уверен: сирийские войска, которые давно знают персов, уже поделились своими знаниями с другими солдатами его армии.

Мгновение спустя улыбка сошла с его лица и оно приняло задумчивое выражение.

— Мне пришло в голову, Баресманас...

Шахрадар перебил его. На его лице тоже играла задумчивая улыбка.

— Римские войска проведут в Месопотамии немало времени. Кампания предстоит долгая. Не исключено, затянется на несколько лет. Благодаря своему расположению Пероз-Шапур станет одной из центральных баз, а по всей вероятности, и главной базой вашего военного присутствия. Солдаты — люди, не животные. Многие из

них будут страдать от одиночества, причем не только от похоти и желания ее удовлетворить, а от необходимости сердечной близости.

Как и много раз в прошлом, Велисарий снова был поражен какой-то таинственной схожестью работы собственного ума и ума человека, сидящего напротив него в шатре. Он вспомнил о старой дружбе, возникшей между ним и Раной Шангой во время путешествия по Индии. Там разница в рождении и воспитании тоже не стала барьером — даже если Шанга и считался врагом. На мгновение Велисарий задумался, как обстоят дела у короля раджпутов в Бактрии.

«Подозреваю: слишком хорошо. Хотя я не могу не пожелать ему удачи — по крайней мере в жизни, если не в достижении цели».

Он заставил себя вернуться к текущему моменту.

— Думаю, мы можем договориться так, что это устроит всех, Баресманас. Поговори с вашими священнослужителями. Если они готовы сотрудничать, то я поговорю со своими солдатами и предложу им подходить к романтическим знакомствам... как бы лучше выразиться? Ну...

Шахрадар улыбнулся.

— С перспективой на более длительные отношения,— предложил он.— Ну, для тех, кто неисправимо вульгарен и имеет узкий кругозор, можно гарантировать восстановление прежнего холостяцкого статуса.

Баресманас потрепал бороду. Он явно был удовлетворен. Баресманас всегда внимательно относился к своей внешности и любил выглядеть ухоженным. Он воспользовался остановкой в Пероз-Шапуре, чтобы, в частности, подстричь бороду и придать ей должную форму. Поэтому теперь с удовольствием к ней прикасался.

Однако большая часть удовольствия очевидно происходила от перспективы решения проблемы. Пока небольшой проблемы. Но небольшое напряжение, если им вовремя не заняться, имеет склонность к разрастанию.

— Да, да,— задумчиво произнес он.— Не ожидаю проблем со священниками. А с мамочками проблем должно быть еще меньше! В конце концов все персы заинтересованы в том, чтобы незаконнорожденные дети не появлялись на свет. Отсутствие отца несложно объяснить — в особенности если ребенку поступают алименты.

Он посмотрел на полководца. Немного скептически.

Велисарий понял, что означает взгляд, и пожал плечами.

— Алименты — не проблема. Армия богата. Более половины средств находятся в моем ведении. Многие из них — моя собственная доля. Остальное — фонд для поддержки получивших увечья, вдов и сирот. Распределяю его я. И в той, и в другой части немало богатств.

— А сами твои солдаты?

— Я не могу тебе обещать, Баресманас, что все они подойдут к делу с должным чувством ответственности. Однако учти: я не разделяю обычного мнения, что у солдат — нравственность уличных котов. Но я также не могу назвать их образцами нравственности и незыблемых моральных устоев. Многих из моих солдат совершенно не волнует, сколько незаконнорожденных детей они оставили после себя. И это если не считать тех, кто любит этих похвастаться. Но я, конечно, донесу до своих людей все, о чем мы говорили. Если мой командный состав меня поддержат, а они поддержат...

Он замолчал ненадолго, наслаждаясь словами.

«Конечно, поддержат. О, да, это — моя армия!»

— ...то солдаты начнут внедрять собственные обычаи. Армии склонны к консерватизму. Если у них станет привычным жениться на персиянке во время кампании в Месопотамии, пусть ради удобства, но тем не менее официально жениться, то они будут с неудовольствием и осуждением смотреть на тех своих товарищей, кто не желает следовать традициям. А это плохо, если твои товарищи тобой недовольны.

Теперь он сам скептически посмотрел на Баресманаса.

— Конечно, ты понимаешь, что у многих этих солдат уже есть жены дома. И что никакая персидская жена не будет признана официальной по римскому праву?

Баресманас рассмеялся.

— Пожалуйста, Велисарий! — Он махнул рукой, словно отмахивался от проблемы.— Разве мы, чистокровные арии, станем беспокоиться по поводу каких-то предрассудков, обычаев и ритуалов иностранных варваров, которые они совершают в своих далеких от нас землях?

От Эйда пришел мысленный импульс.

«Ты совершил прелюбодеяние!»

«Но это случилось в другой стране и, кроме того, там про "брак только на определенный период времени" и не слышали».

Велисарий искренне поразился. Он ни разу не видел, чтобы Эйд проявлял такое тонкое понимание человеческих взаимоотношений.

От кристалла исходили волны тихой гордости. Велисарий уже начал отправлять поздравительную мысль, когда его внимание отвлекли следующие слова Баресманаса:

— Что ты читаешь?

Велисарий посмотрел на лежащую у него на коленях книгу. На мгновение он смутился, застигнутый между прерванным диалогом с Эйдом и простым вопросом Баресманаса. Но его внимание практически мгновенно сконцентрировалось на вопросе.

Баресманас просто вежливо интересовался. Но для Велисария вопрос был гораздо важнее.

— На самом деле я собирался поговорить с тобой о ней,— он поднял книгу.— Ее написал римский историк *Аммиан Марцеллин.* В этом томе собраны книги с XX по XXV его «Деяний».

— Я про такого не знаю. Один из древних? Современник Ливия или *Полибия*?

Велисарий покачал головой.

— Нет, он жил гораздо позднее. На самом деле Аммиан был солдатом. Он сопровождал императора Юлиана во время экспедиции в Персию, две века тому назад.— Он похлопал книгой по коленям.— А в этой книге представлены его воспоминания о том походе.

— А...— На лице шахрадара странно смешались позор и удовлетворение.— Да, та кампания началась для нас очень плохо. Большинство городов, через которые мы просто проходили — например, Ананта,— были разрушены Юлианом. Кстати, и Пероз-Шапур тоже. Я теперь вспомнил. Сожжен дотла. Однако в конце...

Теперь на лице осталось только удовлетворение. В высшей степени. Баресманас усмехнулся.

— В конце этот чертов дурак Юлиан сжег корабли, делая театральный жест, который я сам не стал бы делать ни при каких обстоятельствах.

Он фыркнул. Как профессионал, высмеивающий чрезмерные эксцессы любителя — хотя и признанного талантливым.

— Он выиграл практически все сражения, в которых участвовал, и все осады, которые предпринимал,— сообщил Велисарий.— И затем — Боже, спаси нас от командиров, любящих театральные жесты! — оставил армию без пути, по которому шли поставки. Отправил их сдаваться от голода после того, как погиб сам.

Велисарий покачал головой.

— Как вырвать поражение из челюстей победы — вот о чем эта история. Да, закончилась она хорошо для вас, персов. Вы получили Нисибис и пять других провинций в качестве трофеев за разрешение римлянам выйти из Месопотамии.

Удовлетворения на лице Баресманаса стало меньше.

— Все не так хорошо, друг мой. Города-то были разрушены. Сельская местность разграблена.— Он в задумчивости провел рукой по шраму, оставшемуся на плече.— В конце концов это была еще одна из бесконечных войн между ариями и греками. Кажется, это просто наваждение — сражаться. Сколько раз Нисибис переходил из рук в руки на протяжении веков? Вы захватывали Ктесифон, мы — Антиохию. Грабили их. Разве хоть одна империя от этого выиграла?

Велисарий покачал головой.

— Нет, Баресманас. Лично я хочу, чтобы с этим было покончено.— На его лице появилась хитроватая улыбка.— Учти, меня могут обвинить в недостойных полководца мотивах. Я закончил конфликт, длившийся тысячелетия, победой под Миндусом.

Все еще потирая плечо, Баресманас улыбнулся.

— Я позволю тебе эту личную победу, Велисарий. И с радостью. Надеюсь никогда больше не выходить на поле брани против римлян.

Велисарий рассмеялся.

— И я тоже! Вы, персы, очень сильны.

Он хитро посмотрел на шахрадара.

— Ты знаешь, это был основной аргумент Юстиниана в пользу принятия ваших предложений. Как он сказал, заключение Столетнего мира зацементирует верность римской армии династии. Что угодно, только бы избежать еще одного столкновения с проклятыми персидскими дехганами!

В Баресманасе, несмотря на всю его ученую натуру, было слишком много от дехгана — и он выглядел довольным. Но он не стал наслаждаться приятными мыслями. Вместо этого показал на книгу.

— Тогда почему ты ее читаешь?

Велисарий почесал подбородок.

— Я взял ее с собой — взял почитать у одной знакомой библиофилки по имени Ирина. Подумал: в ней может оказаться что-то полезное. И я на самом деле считаю, что тут есть полезная информация.

Он весело посмотрел на Баресманаса.

— Ты достаточно отдохнул и расслабился в Пероз-Шапуре? Как ты смотришь на то, чтобы два дня поездить по сельской местности? Конечно, будет очень жарко. С другой стороны, найдутся и кое-какие удовольствия. Тишина, покой, одиночество...

— Достаточно! — рассмеялся Баресманас.— Что угодно, только бы уехать от этого сумасшествия! Самая голая пустыня в мире в настоящий момент кажется мне раем!

— На самом деле так плохо не будет. Мне просто хочется немного вернуться назад. Вверх по реке к старому каналу, мимо которого мы проходили на пути сюда.

Баресманас нахмурился.

— К Нехар Малке? Королевскому каналу?

Велисарий кивнул. Шахрадар удивился еще больше.

— Зачем? Канал сухой, как кость. Он не использовался с...

Баресманас замолчал. Мысль за него закончил Велисарий:

— С тех пор, как вы, персы, перекрыли в него доступ воды. Два столетия назад. После того, как римский император Юлиан воспользовался им, чтобы перегнать свои суда из Евфрата в Тигр и предпринять осаду Ктесифона.

Баресманас выдохнул воздух.

— Да. Да. Тот маленький эпизод. Ну, на самом деле не такой уж и маленький. Юлиану не удалось взять Ктесифон, но он подошел близко к цели. В любом случае после этого мы решили, что ирригационная и торговая ценность канала уступает риску предоставления римлянам идеального пути для материально-технического обеспечения вашей армии во время атаки на нашу столицу.

Он вопросительно склонил голову.

— Тем не менее — я снова спрашиваю. Почему тебя интересует канал, в котором нет воды?

— Именно поэтому я в нем и заинтересован, Баресманас.

Он поднял руку, ладонью к Баресманасу, пресекая другие вопросы.

— Пожалуйста! В настоящий момент я просто прикидываю. Раздумываю после прочтения одной старой книги. До того как я скажу что-то еще, мне нужно посмотреть сам канал. Мне не удалось его хорошо разглядеть на пути в Пероз-Шапур.

Баресманас встал.

— Посмотришь. Когда ты хочешь поехать?

— Завтра утром, как можно раньше.— Он слегка нахмурился.— Мне очень не хочется отрывать кого-то из солдат от празднования победы, но нам потребуются сопровождающие. Нескольким моим букеллариям придется...

— Нет, Велисарий! Пусть парни наслаждаются отдыхом! Мои войска ждали меня здесь почти месяц. Я настаиваю, чтобы мы выбрали сопровождающих из них!

* * *

К удивлению Велисария стартовавшая на следующее утро экспедиция оказалась многочисленной. На рассвете у его шатра собралось две тысячи людей Баресманаса. Даже если бы Велисарий не проснулся к тому времени, стук такого количества копыт все равно разбудил бы его. Полководец даже не исключал неожиданную кавалерийскую атаку, поэтому выскочил из шатра с мечом в руке.

Спешившись, Баресманас улыбнулся римскому полководцу, смотревшему на него округлившимися от удивления глазами.

— Оказалось, не мне одному захотелось тишины и спокойствия,— заметил он.— Почти все мои люди вызвались присоединиться к экспедиции после того, как я сообщил о своих намерениях. Но я решил, что шесть тысяч человек нам не потребуется.

— Шесть тысяч? — переспросил Велисарий.

Шахрадар улыбнулся еще шире.

— Удивительно, не правда ли? Я, самое большее, ожидал три. Оказалось, известие о нашей большой победе под Анатой заставило

дехганов появиться чуть ли не из-под земли. Они страшно хотят разделить славу. На самом деле, я думаю, они руководствовались слабой надеждой встретить еще одну группу малва. Поэтому с таким энтузиазмом и присоединились к нашей маленькой экспедиции.

Приблизился один из слуг полководца. Он вел на поводу его коня. Берясь за удила, Велисарий заметил:

— Значит, это не только твои люди?

Шахрадар слегка пожал плечами.

— Кто знает? Большинство из моей провинции Гарамиг. Остальные? Кто знает? Большинство из них, подозреваю, из провинции Ормузда Арбайстана.

Велисарий кивнул и сел в седло. Когда они отъезжали, он задумался над последними словами Баресманаса.

Несмотря на всю схожесть, между организацией римской и персидской империй имелись очень важные различия. Одним из этих различий — ключевым — была их военная структура. Римская армия — это профессиональная армия, к которой присоединялись наемники, обычно (но не всегда) из варварских племен. Персидская же армия была гораздо более сложным явлением.

«Феодализм всегда сложен,— пришел ментальный импульс от Эйда.— Самая запутанная и сложная система, которую только придумали вы, то есть мы, люди. И мы сами сложные и запутанные. А в особенности вы, протоплазменные типы».

— Да,— пробормотал Велисарий. Он не стал интересоваться значением слова «протоплазменный». Подозревал, что не хочет знать его значение.

У каждого господина благородного происхождения, ранга шахрадара и вурзургана, имелась собственная частная армия, которая собиралась из людей, проживающих в их провинции или регионе. Некоторые из этих «домашних» войск оплачивались их господином. Остальные были из дехганов, чья обязанность служить являлась более туманным делом.

Дехганы — это рыцари из деревень и небольших городков. В основном. Самый низший класс аристократии, но тем не менее они являлись частью азадана. Хотя официально они находились под командованием знати более благородного происхождения, дехганы были экономически независимы и как класс не склонны к подобострастию и раболепству. Когда требовалось получить поддержку «своих» дехганов, престиж высокопоставленного господина значил гораздо больше, чем формальные обязанности.

У каждого дехгана в свою очередь имелась небольшая группа слуг, которая сопровождала его во время кампании. Обычно совсем небольшое количество. Уважаемые люди из его деревни или города — процветающие фермеры или кузнецы, у которых были не

только сила, здоровье и навыки служить в качестве одетых в броню лучников, но которые также могли позволить себе купить коня и необходимое обмундирование.

Сам персидский император кроме «домашних» войск не командовал прямо никем, кроме личной охраны — полка, солдаты которого до сих пор по старинке назывались «бессмертными». В остальном шахиншах зависел от поддержки господ благородного происхождения. Которые, в свою очередь, зависели от поддержки дехганов.

В теории это была очень аккуратная пирамида. На практике...

Эйд все это очень ловко суммировал.

«У победы много отцов,— послал мысленный импульс кристалл.— Поражение — сирота. Или в этом случае: у победы много будущих сыновей».

Велисарий улыбнулся.

«А у поражения детей нет».

Он повернулся в седле и улыбнулся Баресманасу.

— Значит, думаешь, у Ормузда теперь болят суставы?

Шахрадар усмехнулся.

— Подозреваю, Ормузд прямо сейчас чувствует себя, как человек, страдающий от артрита. Просыпаясь каждое утро, он обнаруживает, что его армия еще уменьшилась. Пока вероломные дехганы исчезают в поисках славы и богатства там, где их более реально получить.

Велисарий внимательно осмотрел окружавший их огромный «эскорт». Персы шли в хорошем порядке, хотя на взгляд римского полководца построение казалось несколько странным. Мгновение спустя он понял, что странная «комковатость» получилась из-за социального порядка. Вместо того чтобы выстроиться ровными рядами, как принято у римлян, персы имели склонность собираться небольшими кучками. Велисарий понял, что дехганов сопровождают слуги. Основным подразделением у персов являлась группа лиц из одной деревни. Люди, которые вместе выросли и знакомы всю жизнь.

Минуту спустя Велисарий задумался о самом эффективном способе объединения римских и персидских сил, учитывая привычки и свойства каждого. Потом временно отмахнулся от этих мыслей. В самое ближайшее время ему предстояло заняться другим.

— Нам нужно сделать остановку в лагере военнопленных,— объявил он.

Баресманас вопросительно приподнял брови, но возражать не стал. Просто выкрикнул одно имя.

Мгновение спустя один из персов, едущий неподалеку, приблизился к шахрадару и римскому полководцу. Как только он оказался рядом, Баресманас заговорил официальным тоном.

— Мне хотелось бы представить командующего моим домашним войском, полководец Велисарий. Его зовут Мерена, он происходит из прекрасной семьи, из азадана, которая всегда служила Суренам.

Велисарий вежливо кивнул. Персидский командир ответил на кивок, но очень натянуто. Осмотрев его, Велисарий не смог понять, является ли натянутость частью его природы или дело в особых обстоятельствах.

Немного того и другого, решил он. Как правило, если судить по его опыту, персы имели склонность к определенной атлетической стройности. Но Мерена был крупным мужчиной, почти таким же, как друг Велисария Ситтас. Но если Ситтасу его вес нисколько не мешал и он всегда был легок на подъем, то казалось, что Мерена предпочитает поменьше двигаться. Несмотря на очевидное умение сидеть в седле, он сидел в нем, подобно статуе.

Баресманас передал приказ об остановке в лагере военнопленных по пути на север. Мерена кивнул — опять очень натянуто — и поскакал прочь сообщать другим.

— Не самый приятный человек для неформального общения,— заметил Велисарий.

Баресманас слегка поморщился.

— Обычно он не держится так натянуто и скованно. Я думаю, он не уверен, как вести себя при сложившихся обстоятельствах. На самом деле вы познакомились не сегодня.

Велисарий поджал губы.

— Он тоже был под Миндусом,— это прозвучало как утверждение, не вопрос.

— О, да. Рядом со мной, во время того сумасшедшего броска, приказанного Фирузом. Он пытался прийти мне на помощь после того, как копье сбросило меня с коня. Но сам был ранен в бедро. Плумбатой.

Велисарий сморщился. Плумбата являлась оружием римской пехоты. Она заменила пилум, который пехота предпочитала в первые годы существования империи. Плумбата гораздо короче, скорее походит на дротик, чем на копье. Но если римляне потеряли в дальности, то выиграли в проникающей силе — благодаря тяжелому свинцовому грузу, добавленному в углубление под наконечником. На близком расстоянии, посылаемое опытным копьеносцем, такое копье могло пройти даже сквозь доспехи катафрактов или дехганов. Раны получались жуткие.

— Его пригвоздило к седлу,— продолжал Баресманас.— Затем, после того как убили коня, животное свалилось на Мерену. Почти отняло ему ногу. И он лишился бы ноги, если бы не был таким крупным мужчиной. Он до сих пор сильно хромает.

Полководец сморщился. Увидев это, Баресманас пожал плечами.

— Он не в обиде на тебя, Велисарий. Конечно, Мерена с неохотой вспоминает то сражение. Но все его недовольство направлено на Фируза. Хотя, конечно, он не назовет тебя одним из лучших друзей.

— Думаю, нет! — Полководец колебался мгновение. Затем решил, что необходимость важнее вежливости.— Однако мне необходимо знать — пожалуйста, не обижайся — сможет ли он должным образом служить. Если он был вынужден...

— По этому поводу не беспокойся,— перебил Баресманас.— Независимо от его чувств к тебе, нет никаких сомнений относительно его чувств ко мне и моей семье.

На лице Велисария наверное отразился скептицизм, потому что шахрадар тут же добавил:

— Дело не только в чувстве долга и традициях. Семья Мерены известна — даже прославилась — своими военными достижениями. Но они небогаты. Он до сих пор оставался бы в плену, если бы я не заплатил за него выкуп.

Велисарий кивнул. Они с Баресманасом с минуту ехали молча. Затем снова заговорил Баресманас:

— Как я заметил, ты сам очень щедр по отношению к ближайшему окружению — твоим фракийцам. На самом деле мне сообщили, что ты распределяешь между ними половину положенных тебе трофеев. Очень щедро.

Велисарий хитро улыбнулся.

— Это так. Конечно, все они поклялись мне служить. Но я человек практичный. Люди — не орудия. Тем не менее кузнец всегда заботится об инструментах, необходимых для его работы. Чистит их, точит, смазывает маслом.

Они снова замолчали. Они приближались к лагерю военнопленных. Молчали они, как друзья, которые прекрасно друг друга понимают.

* * *

Это было первое посещение лагеря Велисарием после того, как армия встала в Пероз-Шапуре. Он был рад увидеть, что его подчиненные в точности выполнили его указания.

Когда они заворачивали в лагерь, Мерена ехал бок о бок с Баресманасом. Его брови приподнялись.

— Это — место содержания военнопленных? — спросил он.

По всем внешним признакам лагерь выглядел, как любой другой походный лагерь римлян. Шатры — множество шатров, никто не сидит в загонах, подобно свиньям. Шатры просто стоят ровными рядами. На обычном расстоянии от шатров, на нужную глубину

вырыты туалеты. Горят костры. Дров достаточно, как и посуды, в которой готовят еду.

Ко времени их прибытия две тысячи кушанов стояли на открытой местности между шатрами. Конечно, они услышали приближающихся коней. И если звук копыт не походил на звуки, создаваемые атакующим отрядом, тем не менее...

Но почему две тысячи кавалеристов?

Увидев напряжение на лицах невооруженных людей, Мерена одобрительно хмыкнул.

— Хорошо, хорошо! Крепкие ребята. Конечно, могла бы быть бойня, но по крайней мере эти не умрут от ран в спину.

При входе в лагерь их приветствовало небольшое подразделение римских солдат. Это было сборное подразделение, собранное из всех, кто служил под командованием Велисария. Охраняли пленников по очереди. Очень нежеланная обязанность, в особенности когда товарищи веселятся в Пероз-Шапуре. Но Велисарий не увидел и следов возмущения или горечи. Люди знали: порядок будет строго соблюден. Через день или два они сами поедут развлекаться, а другие займут их места.

В армии Велисария все было справедливо — и распределение обязанностей, и распределение наград. В этом люди теперь не сомневались.

К удивлению полководца — и огромной радости — командующим подразделением оказался Василий, тот самый, который командовал подразделением «катюш» на колесницах. Перед тем как отправиться на север из Пероз-Шапура, Велисарий раздумывал, прихватить с собой Василия или нет. Но он отказался от этой идеи, предположив, что ему будет просто не найти Василия в городе.

Но тем не менее он находился здесь. Один из двух людей — ну, может, трех или четырех — которых Велисарий больше всего хотел взять с собой.

— Ты поедешь со мной, Василий,— объявил он.— Мы отправляемся на разведку к тому высохшему каналу, мимо которого проезжали.

Он обернулся на огромный отряд персидской кавалерии, который ждал за пределами лагеря.

— Конечно, у нас не маленькая разведгруппа. Но мне нужен твой совет. У тебя больше всего практического опыта в обращении с порохом.

Василий не расстроился от известия, хотя это означало, что ему придется отказаться от удовольствий в Пероз-Шапуре.

Велисарий не удивился. Он лично выбирал Василия на новую должность — после долгого обсуждения с Маврикием. Они обсудили немало кандидатур. Оба выбрали Василия. Частично потому, что

гектонтарх спокойно относился к пороху — что было нетипично для фракийских катафрактов. Однако больше за надежность.

— Да. Когда уезжаем?

— Надеюсь, через несколько минут. Как только смогу подобрать пару кушанов. Где Васу... Так, я уже сам его вижу.

Командир кушанов уже направлялся к ним в сопровождении нескольких подчиненных. Добравшись до полководца, Васудева поднял голову на сидящего в седле. На его лице отсутствовало какое-либо выражение.

— Есть проблемы, полководец?

Велисарий сердечно улыбнулся и покачал головой.

— Никаких, Васудева. Я просто направляюсь на исследование ближайших руин. До них меньше дня пути верхом. Я заехал сюда просто потому, что хочу взять с собой одного или двух кушанов.

Выражения на лице Васудевы не появилось.

— Предполагаю, что меня.

Велисарий наоборот улыбался от уха до уха.

— Конечно, нет, Васудева! Думаю, это выглядело бы ужасно — забрать командира из лагеря военнопленных на какую-то таинственную вылазку. С которой — судя по множеству грустных историй — он может и не вернуться. Нет. Нет. Мне нужен кушанский солдат или солдаты, если найдется больше одного, которые лучше всего разбираются...

Он пытался подобрать слово.

Насколько ему было известно, в кушанском нет эквивалента того, что римляне называли «инженерным делом». Он придумал замену.

— В полевой архитектуре. Работах по изменению движения воды.

Васудева кивнул.

— Тебе нужен специалист по организации осады.

— Да! Отлично сказано.

Впервые маска ненамного сошла с лица Васудевы. На лице появилась горечь.

— Для этого, полководец, ты можешь выбирать практически любого кушана. Мы все эксперты. Малва любят использовать нас во время подготовки осады. Конечно, до победы. Тогда нам разрешают перевязать раны, пока йетайцы и кшатрии наслаждаются сбором трофеев.

Маска вернулась на лицо.

— Однако...— Васудева повернул голову и осмотрел собравшихся рядом людей.— *Вима*, ты поедешь. Ты, наверное, самый лучший.

Кушан по имени Вима кивнул. Он направился к лошадям, стоявшим под седлом, но без всадников, которых Велисарий привел

за собой в лагерь. Затем его внезапно посетила мысль, и он остановился.

— Вопрос, полководец Велисарий. Ты сказал: «работы по изменению движения воды». А то, что мы увидим... как-то связано с ирригацией?

Велисарий кивнул. Вима посмотрел на трех лошадей без ездоков.

— Можно взять еще двоих? — спросил он. Велисарий кивнул.

Вима осмотрел большую толпу кушанов, которая уже собралась вокруг них.

— Кадфисес! — выкрикнул он.— Ты поедешь. А где Хувишка?

Мужчина пробрался вперед из задних рядов.

— Здесь,— сказал он.

— И ты тоже,— приказал Вима.

Как только Велисарий с сопровождающими покинули лагерь военнопленных и направились по дороге к северу от Пероз-Шапура, Вима вздохнул.

— Приятно снова ехать на лошади,— заметил он, затем посмотрел на Велисария: — Наверное, это намек на то, что ожидает нас в ближайшее время? Все по коням?

Велисарий покачал головой, слегка виновато.

— Нет, Вима. Если мы найдем то, что я надеюсь найти, то боюсь, вас, кушанов, ждет долгая тяжелая работа в одном из самых жарких мест на земле.

Вима буркнул что-то себе под нос. Как и двое сопровождавших его кушанов.

— Могло быть хуже,— задумчиво сказал тот, кого звали Хувишка.

— Гораздо хуже,— согласился Кадфисес.

Вима опять что-то буркнул. Велисарий с любопытством поинтересовался:

— Вам не нравится перспектива?

Все трое кушанов одновременно хрюкнули. Странно, но звук прозвучал весело.

— Мы, кушаны, обычно подходим ко всему, глядя как бы изнутри, полководец,— заметил Вима.— Долгая тяжелая работа — да и любой вид труда — кажется гораздо лучше многих альтернатив.

Кадфисес опять хрюкнул. Хувишка перевел:

— Например, казнь можно рассматривать как очень легкую работу, выполняемую за очень короткое время. Ты склоняешь голову — бух — и все закончено. Единственный, кто может вспотеть, это палач.

Когда Велисарий пересказал это Баресманасу, тот мгновенно расхохотался.

Мерена не стал. Он просто проворчал себе под нос:

— Хорошо. Хорошо. Крепкие ребята, как я и говорил.

Глава 24

Не прошло и часа после их прибытия к Нехар Малке, как Велисарий занялся приведением плана в исполнение. Следующие два часа он совещался с Василием и кушанами (правда, по отдельности), чтобы удостовериться: проект возможно осуществить технически.

Остаток дня, вечер и весь следующий день он провел с Баресманасом. Просто вдвоем, в шатре, обсуждая суть плана — но совсем не техническую, а возможность претворения его в жизнь римлянами на персидской территории.

— Ты слишком много от нас просишь, Велисарий.

— Мы выполним всю работу и обеспечим большую часть ресурсов, необходимых...

Баресманас отмахнулся от последнего.

— Это не проблема и ты это прекрасно знаешь.— Он внимательно посмотрел на Велисария.— Если с твоим планом ознакомится арий, то не сможет не заметить, что ты предлагаешь восстановить именно те условия, которые позволили императору Юлиану так далеко пройти в Месопотамию два столетия назад.

Улыбка, последовавшая за заявлением, забрала из него немного яда. Чуть-чуть.

Велисарий пожал плечами.

— Не совсем, Баресманас. Если мой план сработает так, как я надеюсь, то ситуация обернется с точностью до наоборот...

Баресманас снова отмахнулся от его слов.

— Да, да — если сработает, как ты надеешься. Если не упоминать тот факт, что скептический и недоверчивый арий не может не заметить: вы, римляне, будете контролировать ту часть плана, которая, как ты говоришь, повернет ситуацию. А если вы решите с точностью до наоборот?

Велисарий спокойно встретился с взглядом Баресманаса.

— А ты, Баресманас, и есть тот скептически настроенный и недоверчивый перс?

Шахрадар отвернулся, в задумчивости потрепал бороду.

— Нет,— последовал ответ.— Сам я нет. Но другие заметят, в особенности после того, как поймут, что ни один персидский командующий не имеет полномочий воплотить весь план в жизнь.

Велисарий уже собрался пожать плечами, но остановился, не начав жест. От этого вопроса нельзя отмахнуться. Его нужно решать, глядя правде в глаза.

— Другого пути нет, шахрадар. Чтобы план сработал, требуется сохранять тайну — в особенности в том, что касается конечной

части. Ты знаешь не хуже меня: к сегодняшнему дню в персидские силы уже проникли шпионы малва.

— А в твои нет? — рявкнул Баресманас.

— Маловероятно. По крайней мере не в войска, которые в данном случае будут играть ключевую роль. Учти, шпионская сеть малва активно работает в Персии дольше, чем в Риме, а мы еще и разбили ядро этой сети полгода назад.

Баресманас нахмурился.

— Вот это — еще одно, что мне не нравится. Твой план предполагает предательство со стороны ариев!

Велисарий ничего не сказал. Он просто сам подозрительно и неприветливо посмотрел на шахрадара.

Мгновение спустя Баресманас вздохнул. Даже усмехнулся.

— Признаю, думаю: твоя оценка правильная. Хотя мне очень не хочется это признавать.

Велисарий сам усмехнулся.

— Не надо так расстраиваться по этому поводу. Предательство, не исключено, является скорее римским пороком, чем арийским. В конце концов ведь оказалось, что наши высшие круги полны предателей. По крайней мере, у императора Хосрова все еще есть глаза, что нельзя сказать про Юстиниана.

— И очень хорошие глаза,— проворчал Баресманас.— Вопрос нужно ставить перед самим императором, Велисарий. Только он может принять решение. Я не могу сделать это вместо него.

— Я и не рассчитываю, что ты это сделаешь,— мгновенно последовал ответ.— Я прекрасно знаю, что такие полномочия есть только у Хосрова Ануширвана. Но он ведь спросит у тебя, что ты думаешь. А вопрос сводится к одному: можем ли мы доверять этому Велисарию?

Двое мужчин в шатре долго смотрели друг на друга.

— Конечно, я поклянусь,— добавил Велисарий.

В последний раз за этот день Баресманас отмахнулся.

— Клятва хороша настолько, насколько хорош человек, который ее дает. В твоей клятве нет необходимости.

Внезапно Баресманас расхохотался.

— Мне пришло в голову, что Валентин будет очень доволен. Его работа ведь стала гораздо проще!

Брови Велисария встретились на переносице.

— Но это очевидно! Хосров согласится только, если решит, что можно доверять человеку Велисарию. Он определенно не станет доверять никакому римского полководцу.

Велисарий все еще хмурился. Шахрадар снова рассмеялся.

— Ты — слепой! Это же так очевидно! Тебе придется обещать императору, что ты останешься в живых до тех пор, пока не придет время отдавать последний приказ.

Глаза Велисария округлились.

— О, да,— пробормотал Баресманас.— Те дни, когда ты шел во главе кавалерийских атак, закончились, друг мой. Надолго.

— Я об этом не подумал,— признался полководец.

«А я подумал,— пришел ментальный импульс от Эйда. Затем он добавил с большим удовлетворением: — И радоваться будет не только Валентин. И я тоже. Тоже буду радоваться. Очень сильно».

* * *

По возвращении в Пероз-Шапур Велисарий отправил курьеров в город, призывая на совещание свой командный состав. Потребовалось несколько часов, чтобы собрать всех. Многих — большинство — нашли среди местных достопримечательностей. Так сказать, в местах порока. Двоих или троих в более благопристойных. А одного — последнего — в очень странном месте. Для такого человека, как он.

— Простите за опоздание,— извинился Агафий, входя в шатер главнокомандующего. Огляделся и слегка сморщился. Он пришел последним.

— Неважно, хилиарх,— мило ответил Велисарий.— Я понимаю, что собрал совещание, не предупредив заранее. Пожалуйста, садись.

Он подождал, пока командир константинопольских войск занял свое место. Велисарий был несколько озадачен поведением парня, как и его подчиненных. Казалось, Агафий витает где-то в облаках. Это было на него очень не похоже. Агафию недавно исполнилось двадцать восемь лет, а это достаточно рано, чтобы подняться из простых солдат до гектонтарха, не говоря уже про хилиарха. Тем не менее, несмотря на молодость и внешность профессионального борца или даже хулигана, Велисарий обнаружил, что Агафий не только умен, но и обладает способностью полностью концентрироваться.

«Странно, что он витает в облаках,— думал Велисарий.— И почему его подчиненные так странно посматривают на него искоса? Можно подумать, они ухмыляются».

Он отбросил мысль. Сейчас следовало заняться делом.

В течение следующих трех часов Велисарий представил два вопроса на рассмотрение.

Первый занял почти два часа. Это была стратегия разработки канала Нехар Малка для целей их кампании против малва. О многих аспектах плана он не сказал — частично из соображений безопасности, частично потому, что они еще были в стадии формирования. Но он рассказал достаточно, чтобы командиры могли включиться

в дискуссию по распределению римских войск для выполнения различных заданий, требующихся для претворения плана в жизнь.

Интересно, что во время обсуждения Агафий сконцентрировался и прекратил витать в облаках. Наоборот, греческий хилиарх играл в нем ведущую роль.

— Необходимо оставить Аббу у объекта,— настаивал Агафий.— Вместе с большинством разведчиков...

Парень из Константинополя отбился от многочисленных возражений, последовавших от других командиров.

— Хватит стонать! — рявкнул он.— Мы, остальные, просто идем дальше в Вавилон через Ктесифон. В самое сердце персидской территории! Мы уже разбили единственную силу малва, о которой кто-либо знал,— так зачем нам разведчики?

Он показал пальцем на Василия, затем кивнул на командующих сирийской пехотой.

— В то время, как этих ребят мы оставим тут одних. Еще есть две тысячи кушанов, за которыми надо следить, а до пустыни меньше десяти миль. Они вообще окажутся утками, сидящими на яйцах, если вдруг неожиданно появятся служащие Лахмидам арабы.

Велисарий не вмешивался, позволяя греку решать вопрос.

Справившись с возражениями по первому вопросу, Агафий перешел к следующему.

— Что касается гарнизона Карбелы, я не хочу больше слышать эту чушь! — Тут он гневно посмотрел на своих собственных подчиненных, которые возражали громче всех.— Они хорошо себя показали — причем даже очень хорошо, если учитывать все обстоятельства — во время сражения в усадьбе. Да, они не отвечают стандартам сирийских ребят — пока не отвечают — и это как раз основание, чтобы не оставлять их позади. У расчетов «катюш» и сирийцев и так достаточно работы и забот, чтобы готовить неопытных людей для выполнения работы, которой они никогда не занимались.

Он снова гневно посмотрел вокруг себя.

— Поэтому они пойдут с нами, как и предложил полководец. И нечего по этому поводу возмущаться.

Другие греки в шатре — которым больше всего не нравилось, что «младенцы из Карбелы» отправятся с ними вместо того, чтобы заниматься земляными работами — опустили головы. Велисарий с трудом сдерживал улыбку. Он уже знал, что подчиненные доверяют Агафию и им легко с ним. Теперь парень также показал, что он может склонить их в своей точке зрения или просто заставить ее принять.

Это встретило молчаливое одобрение Велисария. Случившееся дальше — его восхищение.

Тяжелый взгляд Агафия переместился с греков на Цельсия, командующего гарнизоном Карбелы. Цельсий сидел, опустив плечи, на стуле в углу шатра. Он был невысоким мужчиной, староватым для солдата, и неуверенным в себе по натуре. Как и обычно во время совещаний командного состава, он молчал на протяжении всего обсуждения. Он стал молчать, не в силах противостоять другим, более молодым, более уверенным в себе, более напористым и определенно более громокоголосым офицерам. Агафий кивнул мужчине. Цельсий кивнул в ответ, в его глазах светилась благодарность. На мгновение его тощие плечи даже избавились от вечной сутулости.

Когда Агафий занял свое место, Велисарий быстро отправил ментальный импульс Эйду.

«Великолепно! Просто здорово! Ты это видел, Эйд? И ты понимаешь, почему это так важно?»

«Не уверен. Думаю...— кристалл колебался. Потом колебания исчезли.— Да. Так люди — люди твоего типа — шлифуют друг друга. Сила растет из укрепления другой силы, а не от придавливания слабости».

«Вот именно».

Собравшиеся в шатре офицеры снова смотрели на Велисария. Полководец встал, готовясь говорить по другому вопросу. Но перед тем, как заговорить, отправил еще один мысленный импульс Эйду.

«Я горжусь тобой... внучек».

«А ты — мой любимый дедушка».

* * *

В течение следующего часа Велисарий обсуждал с подчиненными деликатный вопрос, который уже обсуждал с Баресманасом.

— Итак, я не говорю никому, что он должен делать,— подытожил Велисарий.— Но повторяю: эту войну одним сражением не выиграть. Даже одной кампанией. Вероятно, нам придется сражаться против малва многие годы. Надеюсь, в конце концов мы будем сражаться против малва на их земле. Но сейчас и вероятно какое-то длительное время мы будем сражаться здесь, в Персии. И, если подумать, это лучше, чем сражаться на римской территории.

Он сделал неглубокий вдох.

— Я много раз говорил об этом в прошлом, но повторю. Нам нужно оставаться в хороших отношениях с персами. Если они почувствуют, что их римские союзники немногим лучше малва, то есть риск, что они уйдут с поля боя. Уйдут из Месопотамии, отступят на плато и оставят римлян сражаться одних.

Он сурово посмотрел на собравшихся.

— Как я говорил, я не приказываю кому-то что-то делать. Но я прошу вас попытаться стать примером, по крайней мере для ваших подчиненных. Меня совершенно не интересует, что вытворяют римские солдаты в тавернах и публичных домах, если только они не переходят определенных границ. Но если вы и ваши люди, так сказать, хотите забросить невод поглубже,— он подождал, пока смешки стихли,— то не забывайте: у персов есть свои обычаи.

Велисарий замолчал. Внимательно оглядел неотрывно смотрящих на него офицеров.

Они молчали, как он и ожидал. Хотя отметил: реакции различались. Ему тут же стало весело.

У сирийских офицеров (как и Цельсия, командующего гарнизоном Карбелы) на лицах появились улыбки. Они давно знали персидские обычаи — и имели часть точно таких же. Сирийцам и арабам смущение в шатре очевидно казалось забавным.

Его фракийцы тоже улыбались — чуть-чуть, даже вечно хмурый Маврикий. Да, не усмехались, как сирийцы. Фракийцы тоже знали персов, но нельзя сказать, что с симпатией относились к надменным ариям. Нет, им было весело по другой причине. Они очень хорошо знали Велисария. И им было интересно наблюдать, как новички пытаются понять странный взгляд полководца на мир.

Иллирийцы смотрели на Велисария так, словно он превратился в двухголовое существо из сказки, которое по легендам живет где-то на юге Нубии. Иллирийцы были еще более грубыми, чем фракийцы, и их опыт общения с другими народами ограничивался только варварами. Да, они понимали варваров. А если посмотреть, то в их венах даже текла кровь этих варваров. Но сама идея подстраиваться под так называемые обычаи этих... этих...

Велисарий отвернулся, чтобы не расхохотаться. Его взгляд остановился на греках.

Он знал, что они в этом — главные. Ключевые. Римская империя — это греческая империя во всем, кроме названия. Пусть на троне сидит фракийско-египетская династия, и Египет является богатейшей и самой густонаселенной провинцией, пусть во главе армии стоят фракийцы и сирийцы, но именно греки составляют сердце и душу империи. Их язык — это язык империи. Их знать — это опора элиты империи. Их торговцы и купцы держат в руках коммерцию.

А их солдаты и офицеры составляют основу римской силы.

Здесь Велисарий впервые увидел реакцию, которой не ожидал. Агафий продолжал витать в облаках, но на его лице появилось мстительное выражение. У Велисария создалось впечатление, что парень перенесся в какой-то другой мир. Отношение его подчиненных тоже казалось загадочным. Велисарий ожидал, что греки от-

реагируют примерно так, как иллирийцы. Конечно, не так грубо, но тем не менее он ожидал, что они уставятся на него, словно он сошел с ума.

Разве греки станут волноваться о том, что думают эти ничтожные персы?

Вместо этого они совсем не смотрели на Велисария. Они бросали быстрые взгляды украдкой на своего командира, их губы были плотно сжаты. Словно с трудом пытались не ухмыльнуться. Странно. Очень странно.

Велисарий оставил изучение греков и посмотрел на остальных подчиненных. Было очевидно: никто из офицеров не готов высказаться по этому несколько необычному вопросу. Он ожидал подобного. Поэтому после еще минуты тишины Велисарий вежливо поблагодарил людей за то, что пришли на совещание, и разрешил покинуть шатер.

Что они и сделали. Вначале Агафий первым ринулся к выходу, практически сорвался с места. Затем внезапно остановился — широкоплечее препятствие для других офицеров, которым приходилось его огибать. Казалось, Агафий не знает, куда идти. Он то делал шаг вперед, то отступал назад, словно его разрывало на части между двумя направлениями. В одно мгновение он уже начал поворачиваться назад, чтобы вернуться. Остановился, повернулся, опять посмотрел на Велисария, остановился. Туда и обратно.

За исключением Велисария и Маврикия в шатре остался один Агафий. На мгновение глаза командующего константинопольскими войсками встретились с глазами Велисария. На лице парня было странное выражение. Наполовину просящее, наполовину... злое?

Нет, решил Велисарий. Это не злость, а просто глубоко скрытое негодование.

«Из-за чего?» — раздумывал полководец.

Внезапно Агафий ушел. Велисарий вопросительно посмотрел на Маврикия.

— Ты знаешь нечто, неизвестное мне?

Маврикий фыркнул.

— Что ты хочешь? Ради всего святого, я — фракиец. Уже плохо, что ты хочешь мне, простому парню, навязать обычаи персов. Неужели я должен понимать еще и греков?

* * *

Два дня спустя в начале вечера в шатре Велисария появился Агафий.

После того как его пригласили внутрь, парень встал прямо и напряженно перед полководцем.

— Мне нужно задать тебе вопрос,— сказал грек. Его голос звучал несколько хрипловато.

Велисарий кивнул. Агафий откашлялся.

— Ну. Дело обстоит так. Я знаю, что так часто делают... Ну...

Он снова откашлялся. Хрипловатость прошла, ее заменила неуверенность молодого человека. Возможно, смущение.

Потом слова полились потоком.

— Я знаю: подобное часто делается и командующие войсками — я имею в виду в ранге хилиарха — после удачной кампании — а иногда и просто одного сражения, если одержана сокрушительная победа — ну... они попадают в ряды аристократии. Я имею в виду официально.

Его рот резко захлопнулся.

Велисарий почесал подбородок.

— Да,— он кивнул.— Случалось. Неоднократно. Я сам, например. Я родился в самом низу социальной лестницы благородных господ. Ниже было только сословие всадников. После того как Юстиниан включил меня в число своих телохранителей... Неважно. Это долгая история. Конечно, на сегодняшний день, когда мой пасынок провозглашен императором, я вхожу в самые высокие круги. В высшую знать.

Агафий не стал улыбаться в ответ. Велисарий понял, что ступил на очень тонкий лед.

— А ты, Агафий? Я никогда не спрашивал.— Он легко махнул рукой.— Учти: меня подобное не интересует. Меня совершенно не волнует, к какому классу принадлежат мои офицеры. Только их способности. Но скажи мне: из какого класса ты происходишь?

Агафий уставился на полководца.

— Мой отец — булочник,— ответил он. Говорил очень тихо, но твердо.

Велисарий кивнул с пониманием.

В восточной части Римской империи, в отличие от западной, от сыновей никогда не требовалось оставаться в деле своего отца. Такого закона не было.

Тем не менее существовала тенденция передавать дело по наследству. Все люди разных специальностей были объединены в гильдии и считались свободными. Тем не менее, хотя некоторые из ремесел считались престижными — например, художественная работа по металлу,— никто из ремесленников не принадлежал к знати и не мог похвастать благородным происхождением.

И определенно не булочники, которые считались одними из самых низших слоев, за исключением рабов и каторжан.

Итак, Агафий, как и многие до него, попытался вырваться из низкого сословия отца, пройдя по главному пути Римской империи,

который был относительно демократичным и открытым для талантов — он выбрал армию.

Тем не менее Велисарий все еще удивлялся. Ему доводилось встречаться с людьми, для которых классовое положение было просто навязчивой идеей. Но казалось, это Агафия раньше никоим образом не беспокоило.

Полководец отбросил размышления в сторону. Какими бы мотивами Агафий ни руководствовался и что бы он раньше ни думал, теперь вопрос казался для него исключительно важным.

— Это имеет для тебя значение? — спросил он.

Агафий кивнул.

— Да. Имеет. Раньше нет, но...— Он поджал губы.— Теперь имеет,— закончил он тихо. Практически сквозь стиснутые зубы.

Велисарий отбросил расслабленность и сел прямо.

— Ты понимаешь, что любой ранг, который бы я тебе ни присвоил, должен быть утвержден императором? А в случае, если ты будешь причислен к классу сенаторов, то это должен подтвердить Сенат[1]?

Агафий кивнул. Наконец он немного расслабился. Совсем чуть-чуть.

— Мне совсем не нужно в класс сенаторов. Просто... что-то.

Велисарий кивнул.

— В таком случае я не вижу проблемы.— На лице появилась хитрая улыбка.— По крайней мере с императором.

Агафий теперь тоже смог улыбнуться.

Велисарий почесал подбородок.

— Тогда давай останемся в рамках военной иерархии, если Сенат не играет для тебя роли. В моей власти дать тебе звание комеса. Как тебе это? Входящий в свиту представителя знати? То есть меня?

Агафий напряженно склонил голову.

— Спасибо.— Затем после минутного колебания спросил: — А как это по отношению к персидскому дехгану?

— Зависит от того, как посмотреть. Если официально, то ты на самом деле получаешься выше дехгана. Эквивалент... одной из низших градаций их вурзургана, в большей или меньшей степени.

Велисарий пожал плечами.

— Но так на это смотрим мы, римляне. Официально персы примут соответствие. На практике, в частной жизни...— Он снова пожал плечами.— Они по-другому смотрят на вещи. Мы обычно связываем положение среди знати с официально занимаемым постом. С их точки зрения гораздо важнее родословная.

Внезапно, к удивлению полководца, напряженность Агафия исчезла. На самом деле парень даже улыбнулся.

---

[1] Во времена, о которых идет речь, членство в Сенате уже стало наследственным. *(Прим. перев.)*

— Не проблема. Не с...

Он замолчал. Улыбка исчезла. Агафий расправил плечи.

— Еще раз спасибо. Это для меня так много значит. Но мне снова хочется к тебе обратиться, если можно.

— Да?

— Полководец, ты окажешь мне честь присоединиться ко мне завтра во второй половине дня? На одном светском мероприятии?

Глаза Велисария округлились, совсем немного. Насколько ему было известно, в представлении Агафия «светское мероприятие» — это веселая пьянка в таверне. Но он не думал...

Агафий поспешил добавить:

— С тобой пойдет господин Баресманас. Я уже говорил с ним, и он согласился. Мероприятие пройдет во дворце губернатора провинции в городе.

Теперь Велисарий был поставлен в тупик. Какое отношение имел Баресманас...

«Достаточно,— сказал он сам себе твердо.— Это очень важно для парня. Что бы это ни было».

— Я приду, Агафий.

Грек снова кивнул, снова поблагодарил полководца и ушел.

Странно. Очень странно.

* * *

На следующий день вскоре после полудня появился Баресманас. С ним приехал Куруш, как и все старшие командиры его домашнего войска, за исключением Мерены.

Ни на ком не было доспехов и только у двоих мечи. Увидев, как богато они одеты, Велисарий похвалил себя за то, что решил надеть свои лучшие одежды. Как и персы, он не надел доспехи и не взял оружия, за исключением кинжала.

Во время поездки в город Велисарий пытался вытянуть информацию из Баресманаса относительно таинственного светского мероприятия. Но шахрадар не отвечал, только таинственно улыбался.

Когда они прибыли в нужный дворец, Велисарий на мгновение восхитился строением. Внешние стены были массивными в соответствии с древней месопотамской традицией использовать для строительства булыжники и так называемые рваные камни, скрепленные известковым раствором. Грубость внутреннего материала скрывалась внешним слоем штукатурки, по которой шла роспись. Иронично, но большинство украшений были заимствованы у греков или римлян — зубчатый орнамент, дентикулы, акант. Тем не менее эффект сильно отличался, потому что персы по-своему подходили к цвету, в котором доминировали черные, красные и желтые оттенки.

Здание насчитывало сорок ярдов в ширину и примерно вдвое больше в длину. Внешние стены также украшала многочисленная лепнина, очень сложного узора и выпуклая. Судя по высоте, здание было трехэтажным. Но Велисарий хорошо знал персидскую архитектуру и понял, что большинство внутренних помещений дворца состоит из одного этажа, просто с очень высоким потолком. Только в задней части, там, где живет губернатор с семьей, окажется несколько этажей.

При входе во дворец оказался огромный зал. Нечто среднее между вестибюлем и залом для приемов, что было обычно для персидской архитектуры. В этом дворце зал располагался у южной стены, более узкой. В нем отсутствовал потолок. Эта особенность при климате Месопотамии была не только практична, но и приятна. Стены составляли примерно сорок футов в высоту, если измерить от мраморного пола до арочного свода в дальнем конце. Стены украшала как мозаика в римском стиле, так и традиционные барельефы Месопотамии.

Велисарий предполагал, что независимо от характера мероприятия, оно будет проходить в этом зале. Но после того, как спешился и последовал за Баресманасом внутрь, обнаружил, что зал для приемов почти пуст. Присутствовали только сам Агафий и небольшая группа его подчиненных — Кирилл и трое других трибунов из константинопольских войск.

Пять греков стояли под небольшой аркой в углу зала. За этой аркой Велисарий разглядел небольшой коридор с цилиндрическим сводом, который открывался в следующий зал. Вот в том помещении, судя по тому, что увидел полководец, собралось много народу.

Когда они проходили сквозь зал для приемов, Велисарий склонился к Баресманасу.

— Я думал...

Баресманас покачал головой. На его лице все еще играла таинственная улыбка, но она стала шире.

— Чушь! — объявил он.— Первый зал предназначен для публичных приемов. А если учесть характер мероприятия, то хозяин, естественно, решил, что подобающим будет предложить свои собственные апартаменты. Зал для неофициальных приемов.— Шахрадар показал вперед.— Как ты видишь, он находится рядом.

Агафий шагнул вперед, чтобы встретить их. Выражение его лица было очень напряженным и официальным, но, как показалось Велисарию, он также заметил облегчение в глазах парня.

— Спасибо, что ты пришел,— поблагодарил он тихо. Агафий повернулся и повел их по коридору.

Помещение, в котором они оказались, было большим, примерно шестьдесят футов по длине и ширине. Стены поднимались на три-

дцать футов. Их украшали фрески, изображающие подвиги из различных эпических сказаний ариев. Над залом еще футов на двадцать возвышался огромный купол.

Собралось уже много людей, все — персы. Велисарий узнал губернатора, стоявшего у северной стены. Его окружала небольшая группа высокопоставленных помощников. Еще примерно дюжину человек, стоявших неподалеку от них, Велисарий определил как писарей.

У западной стены собралось еще больше народу. Священнослужители, как понял Велисарий. Он с интересом заметил, что, судя по их одеждам, собрались представители обеих зороастрийских ветвей. Персы называли своих священников или мобады, или хербады. Когда Велисарий много лет назад впервые столкнулся с этим различием, то думал, что оно в некотором роде напоминает различие между христианскими священниками и монахами. Когда же он поближе познакомился с персидским обществом, то понял, что предположил неправильно. Различие между мобадами и хербадами было более тонким и он никогда не смог бы точно его определить, за исключением того, что мобады держали в руках юридическую власть священнослужителей, а хербады выступали в роли учителей и «мудрых людей».

Однако присутствовали обе ветви. Это было несколько необычно. Имело место значительное, хотя и не выставляемое напоказ, соперничество между двумя ветвями. Обычно, как знал Велисарий, мобады и хербады старались избегать компании друг друга.

Теперь он осмотрел самую большую последнюю группу персов в комнате. Эти стояли у восточной стены и, казалось, все относились к дехганам. Среди них обнаружился и Мерена, командующий войском Баресманаса. Изучая дехганов, Велисарий внезапно понял: многие из них внешне похожи друг на друга.

Шепот Баресманаса подтвердил его догадку.

— Это клан Мерены — по крайней мере те, кто оказался в городе.

Теперь таинственная улыбка шахрадара переросла в широкую. Он покачал головой.

— Ты до сих пор не понял? На самом деле странно для человека, который обычно так все тонко чувствует. Я бы подумал...

Внезапно послышался шум. Толпа дехганов у восточной стены расступалась, освобождая место для небольшой группы, входившей в зал через арку в восточной стене.

Появились четыре женщины — первые женщины, которых увидел Велисарий после того, как вошел во дворец.

«Я догадался вчера»,— поступил самодовольный импульс от Эйда.

Первая женщина была среднего возраста. Трое, идущие за ней, оказались довольно молодыми. Очевидно, ее дочери.

Велисарий почувствовал, как у него отвисает челюсть.

«Ну и дурак...»

Старшей девушке в центре, возможно, было лет шестнадцать.

«Это первые признаки старческого слабоумия, вот это что».

Она была одета в богатые одежды. Сестры по бокам бледнели на ее фоне.

«Не волнуйся, дедушка».

Ее лицо, за исключением глаз, закрывала паранджа. Это были темно-карие глаза. Они горели от возбуждения. Красивые глаза. Велисарий не сомневался, что и сама девушка такая же красивая.

«Я о тебе позабочусь».

Велисарий не смог следить за всей церемонией — долгой церемонией — которая последовала. Отметил только очевидные, самые яркие моменты. Частично потому, что его застали врасплох. Частично потому, что церемония проводилась по традициям другой религии. В основном потому, что Эйд постоянно прерывал его мысли.

Зажгли священный огонь...

«Теперь тебе придется есть кашку».

Главный писарь вышел вперед и перечислил права и обязанности сторон, заключающих патиксаях.

«Тебе нельзя есть мясо. А то порежешься, забыв, каким концом держать кинжал».

Агафий и Мерена представляют себя...

«Конечно, от коня твоего избавимся».

Ученый совет хербадов после мобадов, за ними — губернатор и его многочисленные советники...

«Найдем тебе осла и будешь на нем ездить».

...которые после долгого совещания согласились, что этим браком не будет нарушена необходимая чистота арийской крови.

«Небольшого осла. Чтобы ты не расшибся, а то ведь будешь часто с него падать».

* * *

После того как церемония закончилась, во время последовавшего пира Мерена приблизился к Велисарию.

— У меня есть вопрос,— сказал он. Как и всегда натянуто.

Велисарий вежливо склонил голову, предлагая его задать.

— Агафий был под Миндусом? Мне не хотелось его раньше об этом спрашивать. А теперь, поскольку он мой зять, я не могу.

— Нет, Мерена. Не был.

Дехган улыбнулся.

— Хорошо. Хорошо.— Мерена потер бедро.— Это создало бы... проблемы,— пробормотал он. Затем отошел, сильно хромая.

* * *

Выходя из дворца, Велисарий посмотрел на Баресманаса. Улыбка все еще оставалась на лице перса. Однако уже не загадочная. Просто довольная.

— И как ты об этом узнал? — проворчал полководец.

— Я не «узнавал», друг мой. Я как раз тот самый человек, который... как бы вы, римляне, это сказали? Я устроил все это дело.

Глаза Велисария округлились. Баресманас усмехнулся.

— О, да. Именно я представил галантного молодого офицера Мерене и его семье — после того, как вступил в сговор с его женой, которая пообещала привести на встречу Судабу. И обещала, что девушка будет выглядеть очень... симпатичной. Красивой. В лучшем виде. Я...

— Хватит хвастаться,— проворчал Велисарий.— Признаю — ход мастерский, учитывая проблему, которую мы обсуждали...

— Думаешь, я руководствовался этой причиной? — Шахрадар фыркнул.— Мне пришлось решать гораздо более насущную проблему, друг мой. Как я говорил тебе, Мерена — известный воин и очень строго придерживается арийских правил приличия и традиций. Но он также беден — по стандартам дехганов. И у мужчины есть дочь брачного возраста, но нет приданого, достаточного приданого, чтобы за нее дать. Подумай о позоре! Ни один приличный персидский господин благородного происхождения не женится на девушке без приданого.

Велисарий хитровато улыбнулся.

— В то время как энергичный, амбициозный молодой римский офицер, быстро поднявшийся по служебной лестнице и еще недавно разбогатевший, получив трофеи в Анате, будет гораздо больше обеспокоен тем, чтобы поднять свой статус, чем увеличить богатство.

— Вот именно.

Велисарий грустно покачал головой.

— Я — ягненок среди волков. Невинный ребенок, окруженный интриганами.

«Не волнуйся, старик. Я о тебе позабочусь,— пришел ментальный импульс от Эйда.— О, будь осторожен. Впереди ступенька!»

Глава 25

Вавилон.
Осень 531 года н. э.

Хосров Ануширван легко вспрыгнул на низкую стену, окружавшую древние руины, которые когда-то были великим храмом бога Мардука. С этой точки обзора император Персии мог смотреть на юг, на огромную армию малва, стоящую лагерем у Вавилона.

Мгновение спустя к нему присоединился Велисарий. Полководец потратил какое-то время, чтобы удостовериться: стоит твердо. Стена — почти парапетная стена с бойницами — была по меньшей мере в ярд толщиной, но ничто не могло удержать потерявшего равновесие человека от падения к верной смерти — на шестьсот футов вниз, да еще и на булыжники.

Хосров улыбнулся.

— Тебя беспокоит высота? — спросил он. Вопрос прозвучал вежливо, не обвинительно и не презрительно.

Римский полководец покачал головой.

— Не особо. Тем не менее я не стал бы здесь плясать.

— Счастливчик! Меня самого высота пугает. Все, что выше уровня седла.

Велисарий посмотрел на персидского императора. На самом деле его лицо выглядело слегка натянутым, словно он держал себя в руках только одной силой воли.

На Велисария снова произвела впечатление самодисциплина императора. Со времени его появления в Вавилоне три дня назад Велисария поразило то, как Хосров держит себя в руках. Твердо держит, несмотря на очевидную энергию и динамичность натуры. Тот же самоконтроль проявлялся и сейчас — в способности правителя Персии стоять на высоте на не такой уж широкой стене. Большинство людей в этой ситуации упали бы на колени в поисках безопасного места.

Примерно десять минут мужчины не произносили ни слова. Они просто стояли друг рядом с другом, изучая разворачивающуюся под ними битву.

Внимание Велисария тут же привлек грохот, издаваемый осадными орудиями. Более чем в миле от них вылетело облако дыма, что означало наличие целой батареи больших пушек. После того как ветер развеял облако, Велисарий увидел сами орудия. Восемь штук, спрятанные за уступом. Он узнал образец по предыдущему опыту осады Ранапура. Его взгляд переместился на север и юг, и он быстро обнаружил еще две батареи. Грохот раздался вновь, поднялось еще одно облако дыма, и еще одна батарея скрылась за ним из виду.

Велисарий перевел взгляд на стены осажденного города. Его глаза округлились.

Защита Вавилона впечатляла. Внешнее кольцо оказалось настолько массивным, что было почти невозможно думать о нем, кроме как о низком горном хребте. Укрепления не особо впечатляли высотой — не более двадцати футов — но составляли примерно сорок футов в толщину.

Осмотрев их более внимательно, Велисарий увидел, что внешняя защита представляет собой тройную стену — или по крайней

мере она когда-то такой была. Внутренняя стена, примерно двадцать футов в ширину, сделана из высушенных на солнце глиняных кирпичей. На одинаковых интервалах располагались низкие, но широкие башенки, возвышавшиеся примерно на двадцать футов над самой стеной. На башенках имелись закрытые сверху платформы для персидских солдат, управляющих катапультами и другими артиллерийскими орудиями. Внутреннюю стену от средней отделяло примерно пятьдесят футов территории, засыпанной булыжником. Средняя стена была немного толще, чем внутренняя, но на ней отсутствовали башенки. В отличие от внутренней стены эта казалась тверже и надежнее благодаря обожженным в печи кирпичам, из которых ее строили.

Тот же самый кирпич использовался при возведении третьей, внешней стены. Внешнюю и среднюю стену никакое расстояние не отделяло. Изначально она составляла десять футов в толщину и служила в качестве защиты для средней. Снаружи перед нею был выкопан огромный ров.

Однако от этой третьей стены мало что осталось. На протяжении столетий крестьяне откалывали хорошие кирпичи для строительства собственных домов. К сегодняшнему дню ров у остатков стены казался больше естественным водоемом, чем вырытым руками людей. Конечно, этому впечатлению способствовали размеры рва. По оценкам Велисария, он составлял по меньшей мере сто ярдов в ширину.

Велисарий видел, как во внешнюю стену врезалось пушечное ядро. В ров посыпались разбитые кирпичи, на их месте осталась пробоина. Правда, не сквозь всю стену. Кроме этого, орудие не нанесло никакого урона.

— Они скорее заполнят весь ров кусками кирпичей и пушечными ядрами, чем разобьют стены,— произнес он в задумчивости.

Хосров фыркнул.

— Мы пришли в ужас — я сам тоже, признаю,— когда они только начали стрелять из этих невероятных машин. Ты называешь их осадными орудиями. Но через несколько дней, потом недель, теперь месяцев мы их почти не боимся. На самом деле это забавно. Большинство моих советников настаивали, чтобы мы обосновались в Ктесифоне, воспользовавшись преимуществом его высоких каменных стен. Но, думаю, если бы я согласился...

— То вас бы уже разбили,— закончил Велисарий.— Мне доводилось видеть эти орудия в работе и раньше, и я видел стены Ктесифона. Их снесли бы за два месяца.

Он показал пальцем на наружные укрепления Вавилона.

— В то время, как эту стену — такой толщины, низкую и мягкую — разбить во много раз сложнее. Это лучший из возможных вариантов защиты от орудий малва.

Оба мужчины проследили, как еще одно пушечное ядро ударило в стену, на этот раз во внутреннюю. Ядро застряло внутри стены, а башенка в тридцати ярдах даже не покачнулась.

— Думаю, стена от этого только стала крепче,— пошутил Хосров.

— Сколько было штурмов? — спросил Велисарий.

— Семь. Последний месяц назад. Нет... почти шесть недель.

Персидский император повернулся и показал пальцем направо, на Евфрат.

— Последний штурм предприняли солдаты на баржах. Это была бойня. Как ты видишь, западные стены города все еще стоят, почти как были построены тысячу лет назад *Навуходоносором*. Камни. Очень высокие. Мы поливали врагов горящим лигроином, а потом потопили многие баржи катапультами.

Он поднял палец, все еще показывая на запад.

— Если бы они смогли установить пушки на западе, то, вероятно, смогли бы разбить эти стены. Но я приказал сломать дамбы и плотины.

Велисарий посмотрел на реку. Теперь день клонился к вечеру, солнечные лучи отражались от поверхности воды. Следуя месопотамской военной традиции, восходящей к древним шумерам, Хосров приказал затопить низину. Не сдерживаемый созданными человеческими руками препятствиями Евфрат превратил в болото всю территорию к западу от Вавилона. На такой местности невозможно проводить пехотный штурм, тем более устанавливать артиллерийские орудия.

Местность к востоку от Вавилона была защищена таким же образом. Древний город теперь практически превратился в остров, окруженный водой и болотами на западе, востоке и северо-востоке.

Армия малва держала позиции на юге. Персидские силы все еще удерживали узкий проход с северо-запада, ведущий к северным регионам Месопотамии. Даже после всех этих месяцев малва не смогли окружить и изолировать осаждаемый город.

Хосров снова посмотрел на юг.

— Первые шесть штурмов предпринимались здесь. Во время всех малва понесли тяжелые потери и не добились никакого успеха, за исключением временного во время третьего штурма. В процессе той атаки какие-то их войска, отличные войска, должен заметить, у них странные прически...

— Кушаны.

— Да. Примерно тысяча кушанов прорвалась за внешние укрепления в трех различных местах. Но...

Он пожал плечами. Глядя вниз, Велисарий не мог не поморщиться.

— Должна была быть бойня.

— Да,— согласился Хосров.

Император показал на внутренние укрепления, которые состояли из второго круга стен, расположенных примерно в двухстах ярдах от внешнего круга.

— Это двойная стена. Толщина внешней — двадцать футов, внутренней — пятнадцать. Эти укрепления тоже строил Навуходоносор. Он был очень умным, или по крайней мере его инженеры и архитекторы. Видишь: две стены разделяет примерно двадцать футов. Между ними сделана дорога, подходящая для передвижений военных. Затем, за внешней стеной, находится еще одна у подошвы крепостного вала. Отсюда ее не видно. Но видно ров, который подходит к нему. Он пятьдесят ярдов шириной.

Велисарий покачал головой.

— Место для убийства. Если врагам удастся перебраться через первый ров и прорваться сквозь наружные укрепления, то они оказываются в ловушке на открытой местности и им еще требуется перебираться через второй ров, а потом брать новую гряду укреплений.

— Это тоже была бойня. На дороге я поставил дехганов и их слуг. Она достаточно широка для всадников и надежно сделана. Они могли стрелять из луков, сидя в седле, укрываемые внешней стеной, а потом перемещаться к месту, которое казалось наиболее опасным. Не думаю, что мы потеряли более двухсот человек. И столько же кушанов смогли выбраться из укреплений живыми.

Он собрался уже что-то добавить, но его внимание привлекла ракета, поднявшаяся вверх со стороны линий малва. Хосров и Велисарий проследили за неровной траекторией ракеты, пока она, не принеся никакого вреда, не опустилась на свободное пространство между двумя кольцами защиты Вавилона.

— На самом деле ракеты представляют гораздо большую проблему,— заметил император.— Они практически не приносят урона стенам, и большинство из них вообще не попадает в город. Но те, которым все-таки удается лететь прямо, летят дальше, чем ядра осадных орудий, и они принесли жертвы. Больше всего моих солдат волнует непредсказуемость этих проклятых ракет.

Велисарий кивнул, но ничего не ответил. Теперь он внимательно изучал полевые укрепления врага.

Изучал недолго. Он видел подобные в Ранапуре, и снова они не произвели на него большого впечатления. Если бы римская армия столько времени осаждала город, то построила бы гораздо лучшие и более крепкие.

Теперь он смотрел дальше, в направлении реки. В нескольких милях он видел грубые причалы, сооруженные малва на левом берегу Евфрата. Они были хотя и грубыми, но просторными. По его прикидкам, на якоре там стояло по меньшей мере сорок кораблей,

каждый вместимостью несколько сотен тонн. Он также увидел, как еще с полдюжины идут вверх по реке, весла блестят на солнце, борясь с течением.

Вспомнив Ранапур, Велисарий более внимательно оглядел реку. Как он и ожидал, обнаружил небольшую армаду быстрых маневренных галер. Они обеспечивали безопасность своего флота, осуществляющего поставки провизии и боеприпасов.

— Невероятно, не правда ли? — спросил Хосров.— Даже в древних легендах нет ничего о материально-техническом обеспечении на таком уровне.

Он замолчал и поджал губы.

Велисарий украдкой наблюдал за императором. Лицо Хосрова ничего не выражало, но полководец понял, что боязнь высоты не дает ему покоя. Долго он тут не выдержит.

— Я увидел достаточно,— объявил он. И сделал жест, словно собираясь уйти.

На лице Хосрова так и не появилось никакого выражения.

— Ты уверен? — спросил он.

Велисарий кивнул. Теперь, возможно, на лице императора на мгновение мелькнуло облегчение. Он быстро повернулся и спрыгнул на крышу храма в четырех футах внизу.

Велисарий сделал то же самое, хотя и приземлился тяжелее, чем перс.

Частично потому, что Велисарий был значительно крупнее, чем молодой, невысокий, атлетичный, жилистый Хосров, сложенный как гимнаст. Однако в основном Велисарий приземлился тяжело потому, что на нем была надета часть доспехов. Император в отличие от него оделся только в простую тунику и брюки, типичные для благородного перса, вышедшего на прогулку.

Приземлившись, полководец слегка пошатнулся. Хосров поддержал его.

— Наверное, ужасно все время их носить,— заметил он с улыбкой, кивая на доспехи.

Велисарий скорчил гримасу.

— В особенности в эту жару! Но — такова жизнь. Нельзя допустить, чтобы полководец держался надменно во время осады, в то время как все солдаты проливают реки пота.

Хосров сочувственно покачал головой.

— Совсем не пойдет,— согласился он. Его улыбка стала широкой.— В то время как император...

Велисарий рассмеялся.

— Я все уже слышал, даже до нашего прибытия, от восхищенных тобой солдат. Как бесстрашный Хосров Ануширван встречает малва с голой грудью.

Император посмотрел вниз на свою тунику. Простая туника — если брать фасон. Но, конечно, не одежда простолюдина.

— Навряд ли,— пробормотал он, пробуя материал на ощупь.— Это хлопок, не лен. Очень дорогой. Почти так же дорог, как шелк...

Он замолчал. Велисарий рассмеялся.

— Теперь будет еще дороже. Хлопок привозят из Индии. На какое-то время поставки вообще прекратятся.

Двое мужчин посмотрели друг на друга.

Когда-то они были врагами. Хосров не участвовал в сражении под Миндусом три года назад. Он в то время находился в столице Ктесифоне, как и все его родные и сводные братья, устраивая заговор и планируя захватить трон после смерти больного императора Кавада. Но Велисарий разбил армию его отца.

Теперь союзники.

— Лучше так,— пробормотал император. Он взял Велисария под руку и повел к небольшому зиккурату в центре крыши. Там имелся вход, ведущий к лестнице, которая спускалась в огромное внутреннее помещение храма.

— Гораздо лучше,— согласился Велисарий.

«Гораздо лучше,— послал ментальный импульс Эйд.— Плохо иметь врагом величайшего персидского императора за столетие».

Велисарий задумался, как могла бы сложиться ситуация, если бы малва никогда не получили поддержки существа по имени Линк. Этого существа — получеловека-полукомпьютера, которое Эйд называет киборгом. Киберорганизма, посланного назад во времени «новыми богами» будущего.

Эйд ответил.

«В том будущем ты бы тоже разбил персов. В битве под Дарасом, недалеко от Миндуса».

«А потом?»

«А потом, через десять лет, Хосров взял бы Антиохию».

Они подошли к входу в зиккурат. Хосров указывал дорогу. Внутри было значительно прохладнее. Велисарий вздохнул с облегчением.

«Да, гораздо лучше так».

* * *

Хосров откинулся на спинку стула и развел руки так, словно хотел объять ими все, что его окружало.

— Я забываю, Велисарий: ты же христианин. Наверное, это для тебя удивительно.

Полководец слегка нахмурился. Он не понимал, что император имеет в виду. И не стал пока поднимать кубок с вином. Хосров рассмеялся.

— Не надо говорить, что ты не знаешь! Ты ведь сидишь как раз наверху Вавилонской башни!

Глаза Велисария округлились. Он посмотрел вниз между ступнями. Затем огляделся вокруг.

Они с Хосровом устроились под навесом, который установили на вершине большой горы как раз в центре Вавилона. Огромный шатер персидского императора возвышался недалеко на севере, как раз за горой. Мужчины были вдвоем, если не считать нескольких слуг в десяти ярдах от них.

Гора являлась самой высокой точкой Вавилона, и с нее открывался великолепный вид на весь город. Но от города мало что осталось, если не считать наружные укрепления.

Храм Мардука по большей части остался неповрежденным. Огромное строение располагалось к югу от них. К западу, отделенный от подножия горы высокой каменной стеной, тек Евфрат, пробираясь сквозь мягкую почву Месопотамии. К северу Велисарий видел руины древних царских дворцов. Рядом с ними — все еще в целости, почти неповрежденные — сохранились знаменитые Ворота Иштар. Кроме этого...

Огромная восточная часть Вавилона — почти три четверти всей его площади — теперь представляла собой возделанную землю. Тут и там росли сады, пасся скот, имелись загоны. А гора, на которой они сидели, недавно считалась достопримечательностью процветающей деревни. По пути вверх по склону они проходили мимо строений, которые окрестные крестьяне, можно сказать, получили в наследство от древних монархов.

Теперь крестьяне деревню покинули. Хижины реквизировала охрана Хосрова. Но фермами все еще пользовались. Велисарий видел, как на полях работают мужчины и женщины, окруженные стенами Вавилона. Он с интересом отметил, что никто из этих людей даже не утруждается поднять голову, когда стреляют пушки малва. Теперь осада продолжается уже несколько месяцев, и они привыкли.

Он снова обратил внимание на гору. В окружности примерно полмили, высота несколько сотен футов — самое высокое место в Вавилоне, именно поэтому Хосров решил установить тут свой шатер. По всем внешним признакам она ничем не отличалась от других.

Кроме...

— Теперь, подумав, могу сказать: она очень ровная. Правильная,— произнес он задумчиво.— В окружности почти правильный круг.

— Не совсем,— поправил Хосров.

Император склонился вперед и быстро показал на юго-западную и юго-восточную части подошвы.

— Если посмотришь очень внимательно, все еще сможешь обнаружить следы старых четырех углов. То же самое на северо-

востоке и северо-западе.— Тут он кивнул назад.— Я приказал своим архитекторами очень тщательно обследовать ее. Они даже прорыли глубокий туннель с севера. Через тридцать ярдов в глубину начали встречать стены из обожженного кирпича. Кажутся стенами гигантского зиккурата.

Он снова откинулся на спинку стула. Выглядел удовлетворенным.

— Это Вавилонская башня из древней легенды. Я в этом уверен. Потихонечку разрушается, век за веком. Покрывается землей и песком, приносимыми ветром. И стала такой, как ты видишь ее сегодня. Кстати, это довольно типично. В Месопотамии много таких гор, и это все, что осталось от древних сооружений.

Велисарий с уважением посмотрел на императора.

— Должно было быть много работы.

Хосров рассмеялся.

— Но не для меня!

Веселость прошла.

— Да, я любопытный. Но мне также требовались проекты, чтобы занять людей. После того как стало ясно, что малва не могут пробить стены, по крайней мере в обозримом будущем, и что голод нам не грозит, худшим врагом стала скука. Я уверен: ты знаешь по опыту, как опасно, если гарнизону нечем себя занять и солдаты слоняются без дела.

Велисарий кивнул.

— Кроме того, я строил планы на будущее. Мы сейчас прокапываем туннели и помещения внутри этой башни. Для хранения запасов провизии и, я надеюсь, вооружения и боеприпасов. Еда не будет быстро портиться — внутри горы гораздо прохладнее, чем снаружи. И даже если малва в конце концов все-таки проломят наружные укрепления и смогут подвезти свои страшные орудия достаточно близко, чтобы стрелять по внутренней части Вавилона, то прямое попадание по этой горе не будет опасным для пороха, хранящегося глубоко в подземельях.

Здесь персидский император замолчал, внимательно глядя на Велисария умными глазами.

Римский полководец взгляда не отводил. Время пришло и больше момент нельзя откладывать.

— Я уже выступал за передачу порохового оружия ариям, император Хосров. На самом деле я даже зашел дальше. Я предлагал передать персам секрет его производства. Но...

— Императрица не согласна,— закончил фразу Хосров.

Велисарий жестом показал, что дело не так просто — покрутил в воздухе правой рукой.

— И да, и нет. Она согласна, что это поможет в войне против малва. На самом деле сильно поможет. Но она боится последствий в будущем.

Хосров кивнул. Спокойно. Императору Персии было несложно понять сомнения римской правительницы. Надо надеяться, что когда-нибудь малва уйдут. С другой стороны, Рим и Персия — эти две великие империи — сражались столетиями.

Снова пришел ментальный импульс от Эйда. Велисарий чувствовал возбуждение граней.

«Глупая женщина! Она очень неразумно поступает!»

Полководцу пришлось приложить физические усилия, чтобы выражение его лица не изменилось. Он чуть в голос не приказал Эйду успокоиться. К счастью, после долгого опыта он научился общаться с Эйдом так, чтобы этого не заметили окружающие. Тем не менее кристалл его здорово отвлекал...

«Сейчас не время для этого, Эйд!»

Грани прекратили мигать, правда, с неохотой. Велисарий снова сосредоточился на императоре. Хосров говорил дальше.

— Я понимаю ее подозрения,— признался он.— И к сожалению я ничего не могу ни сказать, ни сделать, чтобы развеять их. Мы можем поклясться, заключая Столетний мир. Мы можем поклясться заключить мир на тысячу лет. Но Рим и Персия останутся после того, как умрем мы с Феодорой. Кто знает, будет ли сохранен мир? И не столкнутся ли снова римская и персидская армии на полях сражений, на этот раз вооруженные пушками и ракетами?

Эйд не смог сдержать своего разочарования.

«И что? Сейчас перед вами стоит проблема — малва! Если эту проблему не решить, то Рима и Персии через столетие не будет вообще, и волноваться вам будет не о чем. И кроме того...»

«Замолчи!» — приказал Велисарий.

Это был один из немногих раз, когда он резко говорил с Эйдом. Грани тут же отступили.

Велисарий чувствовал исходящую от Эйда обиду. Это его не беспокоило. Кристалл не очень обиделся. В этот момент Эйд напоминал Велисарию ребенка, выполняющего приказ взрослого. Недовольно, неохотно, думая черные мысли о несправедливости мира.

Но ему требовалось сконцентрироваться на стоявшей перед ним проблеме. И он уже знал мнение Эйда. В Константинополе, когда этот вопрос бурно обсуждался Феодорой и ее советниками, Эйд постоянно засылал Велисарию видения из будущего.

Казалось, тысячу видений. Он лучше всего помнил завоевание Индии англичанами. «Завоевание» даже не являлось правильным термином. Установление правления Британии станет долгим и сложным процессом, который в конечном счете не будет решаться военными факторами. Да, англичане придут с пушками. Но вскоре пушки появятся и у индусов, выступающих против них. Тем не менее индийские монархии никогда не смогут соответствовать выс-

шей политической, социальной и экономической организации англичан.

По той же причине, как считал Эйд, предоставление секрета пороха Персии не представляет долгосрочной угрозы Риму. Расклад сил между империями и нациями никогда не определялся технологией изготовления оружия. Все дело в самом обществе.

Рим являлся космополитической империей, там много торговцев, купцов, ремесленников. И несмотря на всю помпу его официальной аристократии, это общество, открытое для талантов. По крайней мере в некоторой степени.

Персия — совсем другая. Империя ариев — это чисто феодальное общество. В ней нет населения Рима, она просто карлик в плане промышленности и производства. Военное равенство, которое Персии удавалось поддерживать со своим западным соперником, поддерживалось исключительно благодаря навыкам и силе тяжелой конницы.

Если сюда ввести порох, то результат окажется диаметрально противоположным самым жутким страхам Феодоры. Как предрекал Эйд, через пятьдесят лет Персия совсем не сможет противостоять Риму.

Велисарий согласился с Эйдом и выступил на совещании, представив эту точку зрения. Он также настаивал, что поражение империи малва следует поставить перед всеми другими заботами.

Но Феодора...

Он покачал головой.

— Боюсь, она очень подозрительная женщина.

Хосров рассмеялся.

— Чушь, Велисарий. Все императоры подозрительные. Поверь мне. Говорю из опыта. Даже мои собственные братья...

Он остановился на полуслове.

— Это мы обсудим потом. А сейчас я должен официально обратиться с просьбой к Римской империи обеспечить нас пороховым оружием.

Император показал на юг.

— Как ты видишь, нам пока удается удерживать их там традиционным оружием. Но мне требуется сделать больше, Велисарий.— Он сжал кулак.— Я должен снять осаду!

Он вздохнул.

— Мы попытались сделать одну вылазку. В самом начале. Это было глупо. Я ругал тогда себя за это и ругаю до сих пор. Наших солдат порезали. Как только наши оказались в радиусе действия пушек, малва выстрелили из этого демонического оружия, которым ведут осаду. Но в тот раз они были заряжены не огромными каменными шарами, а множеством мелких камушков и кусочков железа.

Велисарий кивнул, понимая, о чем идет речь.

— Ими заполняются специальные канистры,— пояснил он.

— У наших не имелось ни одного шанса. Бойня была жуткая, даже за то короткое время, пока я не приказал отступать.

Он вытер лицо, в жесте соединились грусть и упрек самому себе. Но это не отклонило Хосрова от цели.

— Я обязан снять осаду — в течение года, не больше. А для этого мне нужны собственные пушки. Конечно, укрепления малва не идут ни в какое сравнение со стенами Вавилона, но они все равно крепки, если против них просто пойдут люди. Только пушки в руках моих людей могут разбить их и позволить провести успешную контратаку.

Велисарий нахмурился:

— А почему ты говоришь, что обязан снять осаду — и еще в течение года?

Он немного развернул стул, чтобы смотреть на юг.

— Я не думаю, что малва ворвутся в Вавилон. По крайней мере пока не приведут силы, вдвое больше этих. И хотя малва и сильны, но не настолько.

Велисарий посмотрел на затопленные низины на западе.

— Да, вскоре у вас начнутся болезни, в особенности из-за болот. Но от болезней обычно гораздо серьезнее страдает осаждающий, чем осаждаемый.

Он повернулся назад, посмотрел на восток, на огромные территории, занятые под сельское хозяйство внутри стен Вавилона, перед тем как добавить:

— Им придется уморить вас голодом. А это, как мне кажется, займет много лет. Даже если вы не можете выращивать все, что требуется, здесь, в Вавилоне, вы можете импортировать остальное. В конце концов, город не окружен. Мы пришли с севера и не встретили сопротивления. Я уверен: по реке к вам могут идти баржи.

Хосров махнул рукой.

— Меня не беспокоит Вавилон, полководец. Я удержу Вавилон, в этом у меня нет никаких сомнений. Но какой мне от этого толк, если я при этом потеряю остальную Персию?

Император снова вздохнул.

— Они удерживают меня здесь вместе с большей частью армии. И отправляют отряды грабить Месопотамию...

Он замолчал на мгновение и усмехнулся.

— Ну, на один отряд стало меньше — благодаря тебе. Но тем не менее остаются другие, разрушающие все, что только могут. А что еще хуже...— Он полувстал с трона, вытянул руку и показал на северо-восток.— Эта проклятая армия действует и в Восточной Персии. И там разбивает все силы, которые я отправляю против них!

Велисарий вопросительно приподнял брови. Хосров опять сел и кивнул с горечью.

— О, да. Они выигрывают у нас все сражения.

Мгновение он хмурился. Скорее на лице у него было удивление, а не злость.

— Странно на самом деле. Не могу сказать, что на меня большое впечатление произвело качество армии малва. По крайней мере, не здесь в Месопотамии. Могущественными их делают численность и порох. Это точно не умения командиров. Но на востоке, где у них мало порохового оружия, их силы сражаются на удивление хорошо.

— Я не удивлен, император. Там в основном собраны раджпуты под командованием Раны Шанги. Я лично с ним знаком. Раджпуты — одни из лучших в мире кавалеристов, а сам Рана Шанга определенно один из лучших в мире военачальников. А представитель малва, Дамодара, главнокомандующий той армией, как говорят, один из лучших представителей этой народности. Или лучший.

— Говорят? Кто?

Велисарий хитро улбынулся.

— Рана Шанга.

— А...— персидский император крепко вцепился в подлокотники. Сделал глубокий вдох.— Это многое объясняет. И это показывает мое затруднительное положение. Я могу удержать войско малва здесь, в Вавилоне, но только за счет отказа в свободе маневров. Если я отступлю из Вавилона, то мне больше негде обосноваться, чтобы предотвратить захват армией малва всей Месопотамии. Но если я останусь...

— То малва поглотят все вокруг тебя. И в конце концов возьмут Фарс и все плато на востоке.

Хосров кивнул. Затем, заметив, что кубок в руках Велисария опустел, кивнул слугам, стоявшим в нескольких ярдах от них.

Но Велисарий отказался от предложения.

— Больше не надо, спасибо.— Он поставил кубок на небольшой столик рядом со стулом.— Я отправлю указания в Рим, прикажу доставить в Вавилон пушки. И большой запас пороха. Это в моей власти.— Он выдохнул воздух.— Я также обращусь к императрице за разрешением обучить твоих солдат ими пользоваться.

Хосров потрепал бороду.

— Думаешь, она согласится?

— Возможно. Конечно, будет настаивать, чтобы пушки и порох находились под контролем римских войск. Тем не менее они будут здесь. А тогда...

На губах Хосрова мелькнула улыбка.

— Под контролем римских войск,— пробормотал он.— Да. Да. Звучит мило... надежно.

Мгновение персидский император и римский полководец молча смотрели друг на друга, как заговорщики.

Велисарий нарушил молчание, тихо рассмеявшись.

— Она не наивна, император. Совсем нет! Она поймет неизбежный результат, в особенности после того, как одинокие молодые римляне...— Он замолчал, глядя вдаль.— Поразительно,— задумчиво произнес он.— Сколько у вас, ариев, оказывается красивых женщин.

Хосров улыбнулся.

— Мы вообще красивые люди. Этого нельзя отрицать.— Улыбка сошла с лица.— Но ты все равно думаешь, что императрица-регентша согласится?

Велисарий кивнул.

— Думаю, будет достаточно, если Феодора скажет себе, что на самом деле не раскрывает секрет прямо. По крайней мере, проклятым персам придется за него попопеть.

— В некотором роде,— усмехнулся Хосров. Он положил руки на колени и встал. Как и всегда, движения его были быстрыми и энергичными.— Говоря о красивых персидских девушках, я на сегодня приказал организовать прием у себя в шатре. В честь дочери Мерены, теперь жены одного из твоих главных военачальников. Насколько я понял, она вместе с ним приехала сюда.

Велисарий встал и кивнул.

— Да, приехала. Она, очевидно, настояла на этом, к большому удивлению Агафия.

Персидский император первым пошел к шатру. Склонил голову.

— Он рассердился? Он поверил всем сказкам о покорных персидских женах?

Велисарий рассмеялся.

— На самом деле он был доволен. Думаю, девушка ему очень нравится. Это брак не только из амбиций.

Хосров улыбнулся.

— Хорошо. Он предвещает хорошее будущее. Мне хотелось бы, чтобы таких браков стало больше.

— И мне тоже,— согласился Велисарий.

Когда они шли к шатру, улыбка Хосрова стала немного хитрой.

— Это, конечно, частично является причиной, объясняющей, почему я приказал организовать прием. После того как мои надменные аристократы увидят, как благосклонно их император смотрит на подобные браки, у них тут же найдется одна-другая дочка, чтобы выдать их за многообещающих римских офицеров. О, не сомневайся, не сомневайся! Мы, арии, любим поговорить о чистоте родословных, но ни в коей мере не безразличны к амбициям.

Он замолчал на мгновение, глядя на закат. Зрелище впечатляло.

Велисарий разделил его восторг.

— Это красивый мир, на самом деле, несмотря на все зло, которое в нем есть. Давай никогда не забывать об этом, Велисарий, независимо от того, насколько темным кажется будущее.— Император покачал головой.— Говоря о темном будущем — ближайшем — на приеме будет мой брат Ормузд.— Он сильно нахмурился.— Конечно, мне придется вежливо с ним разговаривать. Ведь он все-таки не отказался подчиняться мне.

Велисарий фыркнул.

— На самом деле поразительно, как быстро он принял решение,— заметил полководец.— После того как мы с Баресманасом появились в лагере у Ктесифона с двадцатью тысячами солдат и после нашей победы под Анатой. Он по пути сюда не терял времени.

— Думаю, нет!— рявкнул император.— Ему нужно спасать лицо.

Улыбка сошла с лица римского полководца. Велисарий повернулся к Хосрову, внимательно на него посмотрел. Ничего не сказал. Не было необходимости ничего объяснять, по крайней мере, этому императору.

Хосров вздохнул.

— Да, Велисарий, я согласен. Я разрешаю тебе привести в исполнение твой план.

Велисарий колебался.

— Ты все понял? Баресманас тебе все полностью объяснил? В конце...

Хосров фыркнул и резко взмахнул рукой — словно рубил.

— Да, я понимаю. Мне придется тебе поверить.

— Если хочешь, я поклянусь.

Император рассмеялся, и довольно весело.

— Чушь! Мне не нужна твоя клятва. Мне нужно, чтобы поклялись эти два твоих телохранителя. Это их постоянная обязанность?

Велисарий кивнул.

Хосров взял полководца под руку, и они снова двинулись в направлении шатра. Хосров больше не шел прогулочным шагом наслаждающегося закатом человека. Теперь он шел целенаправленно, как ходят решительные люди, которые приняли решение.

— Хорошо,— объявил он.— Тогда они тоже будут на приеме. Мне хочется побеседовать с ними с глазу на глаз.

Глаза Велисария округлились.

— С глазу на глаз? С Валентином и Анастасием? Зачем?

— Мне нужно, чтобы они мне поклялись. Охранять тебя, чего бы это ни стоило. Чтобы ты остался цел и невредим.

Он посмотрел на полководца.

— Даже если это означает, что тебя придется связать или стукнуть по башке, если только так можно ограничить твое участие в

кавалерийских атаках, в чем ты прославился в последнее время. И, ни больше ни меньше, среди моих дехганов!

Император покачал головой.

— Любой полководец, который может произвести впечатление на дехганов своим личным героизмом и пренебрежением к личной безопасности, должен иметь кого-то, кто за ним присмотрит. И хорошо присмотрит.

Теперь они были уже практически у шатра.

— Анастасий — это тот гигант?

Велисарий кивнул. Хосров остановился у входа в шатер, осмотрел полководца с головы до пят, подобно тому, как оценивают скот.

— Да, да,— пробормотал он.— У него не должно возникнуть трудностей. Даже если придется тебя заковать в кандалы.

Он повернулся и вошел внутрь. И крикнул через плечо:

— Я получу его клятву!

* * *

Выражение лица Анастасия не изменилось. Валентин даже не попытался скрыть улыбку.

— ...Именем Господа Бога и сына Его Христа,— закончили они одновременно.

Конечно, торжественность момента была подорвана тем, что Валентин улыбался от уха до уха. Но Хосров не казался недовольным результатом — судя по его собственному улыбающемуся лицу.

— Отлично,— объявил он.

Анастасий и Валентин восприняли его слова, как сигнал. Мгновение спустя они почтительно поклонились и попятились, затем вышли за шелковые занавески, отделяющие личные покои Хосрова от основной части императорского шатра.

Император слегка нахмурился. И склонил голову, глядя на Велисария.

— Что он сказал? Тот, который поменьше. Он что-то пробормотал, когда выходил.

Велисарий улыбнулся.

— Думаю, он сказал: «Да благословит Господь мудрых императоров». Но может, я понял неправильно. Может, он сказал...

— Чушь! — воскликнул Хосров.— Я уверен: он сказал именно это.

Он взял Велисария под руку и повел из своих покоев.

— Отличный парень! Все великолепно! Просто великолепно! Даже если он внешне и похож на ласку, причем яростную ласку.

Велисарий не стал ничего комментировать. Эйд стал.

«Я согласен. Прекрасный парень. И Анастасий тоже! Попробуй философски отнестись ко всему, Велисарий. Может, ты попросишь

Анастасия процитировать тебе что-то подходящее из Марка Аврелия или... Что это было? Ты что-то пробормотал?»

Глава 26

Евфрат.

— Порох весь положен? — спросил Велисарий.— Весь?

Увидев колебания на лице Василия, полководец вздохнул.

— Не надо мне объяснять. Ты положил столько, сколько мог, используя захваченный у малва. Но ты не стал использовать наш порох.

Василий кивнул. Он не встречался взглядом с глазами полководца.

Велисарий с трудом сдержался, чтобы не взорваться. Он напомнил себе, как сам выбрал Василия командиром ракетных сил потому, что парень был одним из немногих фракийских катафрактов, которым понравилось новое оружие и который его не боялся. Поэтому не удивляло, что Василий совсем не хотел его разбирать.

— Заканчивай работу, Василий,— приказал полководец.— Меня не волнует, если тебе придется использовать весь порох, который у нас имеется, до последней щепотки, даже если ты вытряхнешь его из готовых ракет. Просто закончи работу.

Василий открыл рот, потом закрыл.

— Да. Хорошо,— ответил он угрюмо.

Велисарий возобновил изучение сделанной работы, которой занимался Василий в его отсутствие. Примерно через минуту он обнаружил, что раздражение и злость, направленные на парня, улетучились. На самом деле, если исключить понятное нежелание разбирать любимые ракеты, Василий прекрасно выполнил порученное.

Теперь от великой дамбы, которая раньше отделяла Нехар Малку от Евфрата, почти ничего не осталось. За исключением тонкой стены, едва хватающей для того, чтобы удерживать давление реки. Большая груда камней была извлечена и сложена горой на северном берегу канала. Сквозь стену уже просачивалась небольшая струйка воды, создавшая небольшой ручеек там, где еще совсем недавно пролегало сухое русло бывшего Королевского канала.

«Да, это была тяжелая работа,— подумал он.— На такой спину сломать можно. Конечно, большую ее часть выполняли военнопленные кушаны».

Он вопросительно склонил голову.

— Они жаловались? Я имею в виду кушанов.

Василий покачал головой.

— Ни разу. Даже не пытались увиливать от работы. Не больше, чем наши парни.

Велисарий удовлетворенно кивнул. По крайней мере, в этом вопросе Василий строго выполнил его указания.

— А как ты их использовал? Три наших охраняют — один кушан работает?

— Первую неделю,— ответил Василий.— Потом — один кушан и один наш.

Глаза Велисария округлились.

— Разве это не...

— Рискованно? Не думаю, полководец.

Командир подразделения «катюш» посмотрел на пытающегося сдержаться Велисария и добавил:

— Я подумал о том, как вы организовали их сдачу в плен. Затем после первой недели работы я поговорил с Васудевой. Он поклялся мне, что кушаны не будут даже пытаться организовать восстание.— Катафракт улыбнулся.— На самом деле именно он настоял, чтобы мы оставили половину наших солдат нести вахту, а другую заставили работать. Один наш, один кушан. После того как он мне поклялся, я оставил лишь немногих наших курсировать между кушанами. Но Васудева...

Велисарий рассмеялся и хлопнул в ладоши.

— Он сказал, что это будет слишком оскорбительно!

Василий кивнул.

Обычное настроение и чувство юмора Велисария вернулись. Он положил руку на плечо катафракта. Одобрительно.

— Ты хорошо поработал, Василий.

Василий снова посмотрел на полководца, оценивая его настроение. Открыл рот, чтобы что-то сказать, но Велисарий оборвал его и покачал головой. Нет, не сердито, но тем не менее сурово.

— Нет, Василий. Я не передумаю. Вполне может оказаться, что пороха малва окажется достаточно. Но я не собираюсь рисковать. Я хочу, чтобы дамбу прорвало мгновенно — и полностью.

Он повернулся к подчиненному и прямо посмотрел на него.

— Хорошо подумай об этом, Василий. Если зарядов окажется недостаточно и дамба разрушится только наполовину, что тогда? Ты знаешь точно так же, как я, каким кошмаром окажется установка новых зарядов, когда полреки уже прорвется внутрь. Вероятно, это займет много дней, не говоря уже о том, сколько человек мы при этом потеряем. И эти дни окажутся в распоряжении у малва, стоящих под Вавилоном, и они за это время смогут спасти свой флот. Если Евфрат будет понижаться медленно, то им удастся перегнать большую часть судов вниз по реке в безопасное место и суда не сядут на мель. Они определенно смогут увести корабли достаточно далеко от Вавилона, туда, где Хосрову до них не добраться.

Он не повышал голоса, ни в коей мере, но говорил железным тоном.

— Я хочу, Василий, чтобы флот мгновенно сел на мель. Я хочу, чтобы уровень воды в Евфрате упал быстро, а малва оказались полностью неподготовленными. Застигнутыми врасплох.

Василий сделал глубокий вдох. Кивнул.

Велисарий снова хлопнул его по плечу.

— А вообще поднимай нос. Скоро мы получим новую партию пороха и ракет из Карбелы. Хорошего римского пороха и ракет, а не этой дряни, которую мы захватили у малва. Большую партию. Я уже послал заказ на весь порох, который они только смогут собрать. У нас впереди еще будет много подобной работы. Гораздо больше.

Василий скорчил гримасу.

Велисарий понял смысл гримасы и сам ментально сморщился.

«Я надеюсь. Если обычные проблемы с материально-техническим обеспечением не окажутся хуже обычных».

Но не было смысла размышлять над этой проблемой, поэтому он переменил тему.

— Что ты думаешь о безопасности? — спросил он.

Лицо Василия мгновенно прояснилось.

— Все отлично! Аббу с разведчиками и Куруш с персами обеспечивают нам безопасность. Не думаю, что тут может проскочить и ящерица, и ее не заметят даже в десяти милях отсюда.

С их точки обзора на верху того, что осталось от древней дамбы, катафракт показал на Нехар Малку.

— Малва понятия не имеют, чем мы тут занимаемся. Я уверен в этом. Единственное, чего я боялся, так это побега кушанов. Несколько человек могут попытаться смыться украдкой, чтобы предупредить малва под Вавилоном. Конечно, в дневное время это не удастся, но я велел Аббу постоянно выставлять дозорных по ночам. Он клянется, что никто из кушанов даже не пытался...

— Нет,— перебил Велисарий и уверенно покачал головой.— Кушаны не станут делать ничего подобного.

Василий вопросительно посмотрел на него.

— Почему? Васудева поклялся, что они не станут восставать, не будут устраивать массовую забастовку. Он никогда не клялся, что не пошлет кого-то из своих с сообщением.

Велисарий отвернулся. Теперь пришло его время колебаний. Он не сомневался в своем понимании кушанов, но чтобы объяснить это Василию, потребуется...

Ему в сознание пришел мысленный импульс от Эйда.

«Скажи ему».

Велисарий чуть не дернулся физически.

«Ты уверен, Эйд?»

«Скажи ему. По крайней мере, столько, сколько нужно. Это не будет играть роли, Велисарий. Даже если он и станет болтать. Ну и что? К этому времени Линк уже догадался, что я тоже нахожусь в вашем мире. По крайней мере, догадается в самое ближайшее

время. Гораздо быстрее, чем болтовня среди римских солдат дойдет до ушей шпионов малва. Больше нет необходимости держать мое существование в секрете. Это определенно не так важно, как доверие подчиненных тебе людей».

Велисарий вздохнул — с огромным облегчением. Он всегда верил, что его успех полководца зависит от его умения собрать хорошую команду. Необходимость держать существование Эйда в секрете шло вразрез с его основными инстинктами и натурой лидера.

Он был рад, что тайну теперь можно раскрыть.

«Конечно, это не означает, что ты должен превращаться в лопочущего все подряд младенца»,— пришел следующий импульс.

Велисарий улыбнулся и повернулся к стоявшему рядом с ним катафракту.

— Иногда... меня посещают видения будущего, Василий,— сказал Велисарий.

Глаза фракийского катафракта округлились. Но не сильно, как отметил Велисарий.

— Ты не удивлен?

Василий пожал плечами.

— Нет. Не очень. Никто ничего не говорит, учтите. Но я ведь не дурак. Я заметил, как Маврикий — да и Валентин с Анастасием тоже — совершенно не желают распространяться по некоторым вопросам. Сжимают губы и все. Например, как именно вы получили секрет пороха от малва и как вам удалось сообщить его Антонине вовремя, чтобы она смогла создать небольшую тайную армию в Сирии до вашего возвращения. И что именно случилось — или не случилось — в Индии. И почему вы были так уверены, что малва будут нашим врагом в то время, когда никто даже не задумывался об Индии. И почему Михаил Македонский — сам Михаил Македонский! — оказался таким близким другом полководца. И почему...

— Достаточно! — Велисарий поднял руки и засмеялся.

Он огляделся вокруг. Они с Василием стояли наверху дамбы. Ближайшие римские солдаты — небольшой кавалерийский эскорт — терпеливо ждали у подножия. Поблизости не наблюдалось никого из персов. В любом случае здесь было негде прятаться, кроме камышей, которые росли вдоль берега Евфрата. Ближайшие заросли располагались в трехстах ярдах. Слишком далеко, чтобы увидеть небольшую вещицу, которую Велисарий извлек из мешочка, висевшего у него на груди.

Он сложил ладонь лодочкой и положил Эйда внутрь, чтобы скрыть от любопытных глаз. Василий склонился вперед, испытывая чувство благоговения.

— Михаил Македонский принес мне вот это,— тихо сказал Велисарий.— Более трех лет назад. Он называет его Талисманом Бога.

— Он такой красивый,— прошептал Василий.— Никогда не видел ничего более удивительного.

— Да, это чудо. Это посланец из будущего, который пришел, чтобы предупредить нас об опасности малва. Он показал мне видение будущего, которое создаст малва.

Велисарий сделал паузу, чтобы Василий мог внимательно рассмотреть блестящие и переливающиеся грани.

— Позднее я расскажу тебе все, что я видел в том будущем. На самом деле...

Он колебался.

«Да. Время пришло»,— сказал Эйд.

— Я расскажу вам всем. Всему командному составу армии. Время пришло. Но в настоящий момент...

Затем он мягко говорил несколько минут. Рассказывал катафракту Василию о видении, однажды полученном им, о принцессе, которую малва держат в плену. Которую для них охраняет кушанский вассал по имени Кунгас. И Велисарий рассказал, как в том будущем кушан по имени Кунгас не открыл рта, когда высокопоставленный представитель малва вошел в спальню, чтобы завладеть своей новой наложницей. Кушан не предупредил высокопоставленного господина, что его новая наложница — профессиональная убийца. И как в том будущем высокопоставленный господин умер, потому что у кушана было свое понимание чести.

А затем он рассказал, как в новом будущем, созданном самим Велисарием, тот же кушан снова не раскрыл рта. И ничего не сказал своим хозяевам из малва, когда понял, что римляне спасают девушку из рабства.

— А где сейчас этот Кунгас? — спросил Василий.

Велисарий опустил Эйда назад в мешочек.

— Теперь кушан по имени Кунгас вместе со своими людьми составляют личную охрану императрицы Шакунталы. Наследницы династии Сатаваханы. Законных правителей великой Андхры.

Василий посмотрел на полководца в удивлении. Повернулся на юг, глядя на отдаленный лагерь военнопленных кушанов.

— Вы думаете?..

Велисарий пожал плечами.

— Кто знает? Кунгас — необычный человек. Но в некоторых вещах все кушаны похожи. У них свое собственное понимание верности и долга. Они — вассалы малва и верно служили малва. Но не думаю, что они любят своих хозяев. На самом деле они терпеть их не могут.

Он отвернулся и стал спускаться с дамбы.

— И у них есть свое особое чувство юмора,— добавил он через плечо.— Очень специфическое. Скорее мрачное. Но они очень серьезно к нему относятся.

Он подождал внизу склона, пока к нему не присоединился Василий. После того как Василий встал рядом, Велисарий улыбнулся.

— Понимаешь, я рассчитываю на это чувство юмора. Кушаны не станут предупреждать малва о том, что мы делаем. Боже, нет — ведь тогда пропадет самая соль шутки.

* * *

В тот вечер, внутри темного шатра Васудева склонился вперед и наполнил кубок Велисария.

— Хорошее вино,— сказал он.— Конечно, его недостаточно. Персы жадные. Но хорошее вино. Хорошее.

Они с Велисарием осушили кубки.

Васудева улыбнулся.

— Ты знаешь, мы любим делать ставки. И у нас сейчас все делают ставки. Все кушаны взяли ту или иную сторону.— Он скромно пожал плечами.— Конечно, нам особо нечего ставить, потому что мы военнопленные. Но всегда в этом деле возбуждает сам дух процесса, а не полученный выигрыш.

Он снова наполнил кубок Велисария. И они снова осушили кубки. Когда поставили их на стол, заговорил Велисарий.

— Вы делаете ставки на то, добьюсь я успеха или нет,— это прозвучало как утверждение.— В моем плане осушить Евфрат и оставить малва у Вавилона без линии поставок.

Васудева хмыкнул. Отмахнулся презрительно.

— Ха! Какой кушан будет настолько глуп, чтобы ставить на это?

Он снова наполнил кубки. Поднес свой к губам, но перед тем, как выпить, добавил с улыбкой:

— Нет, нет, Велисарий. Мы ставим на то, что ты сделаешь после.

Велисарий с трудом выпил вино, чтобы не подавиться. Васудева улыбнулся шире.

— О, да,— пробормотал командир кушанов.— Вот в чем вопрос.

И выпил свое вино.

Васудева поднял амфору и вопросительно посмотрел на Велисария. Полководец покачал головой и накрыл кубок ладонью.

— Нет, спасибо. Мне достаточно. Завтра тяжелый день.

Поставив амфору, Васудева скорчил гримасу.

— Пожалуйста! Большую часть тяжелой работы будем выполнять мы. И еще под этим жутким солнцем!

Велисарий встал, но ему пришлось пригнуться, потому что шатер был низким. Васудева поднялся вместе с ним. Он был гораздо ниже ростом, и ему пригибаться не требовалось.

Улыбка вернулась на лицо кушана.

— Но... такова жизнь. На самом деле хорошие шутки требуют долгой подготовки.

* * *

На улице у шатра, в тишине кушанского лагеря ждали Валентин и Анастасий с лошадьми. Велисарий быстро сел в седло.

Васудева вышел, чтобы проводить римского полководца. Велисарий видел, как из соседних шатров за ним наблюдают другие кушаны. Мгновение они с командиром кушанов смотрели друг на друга.

— Почему ты приходил сегодня, Велисарий? — внезапно спросил Васудева.— Ты ни о чем меня не спросил.

Полководец улыбнулся, очень хитро.

— Не было необходимости, Васудева. Я просто хотел удостовериться, осталось ли у кушанов их чувство юмора.

Васудева не стал отвечать улыбкой на улыбку. В свете луны, пронзающем тьму, его лицо стало суровым.

— Это все, что осталось у нас, римлянин. Когда у людей почти ничего нет, они держат оставшееся в кулаке. Крепко сжатом кулаке.

Велисарий кивнул. Ударил пятками по бокам коня. Валентин с Анастасием тронулись вслед за ним, держась в нескольких ярдах.

— Да, это так,— Велисарий разговаривал сам с собой.— Да. Когда не остается совсем ничего, они понимают...— последние слова перешли в бормотание.

— Что он сказал? — прошептал Анастасий, склоняясь в седле.

Валентин выглядел уныло.

— Эту чушь о том, что в конце только душа играет роль.

— Абсолютно правильно,— одобрительно кивнул Анастасий. Затем, увидев выражение лица Валентина, гигант добавил: — Знаешь, если ты когда-нибудь устанешь быть солдатом, я уверен: ты вполне сможешь зарабатывать себе на жизнь фокусами. Например, превращать вино в уксус.

Теперь Валентин тоже начал бормотать, но Анастасий его полностью игнорировал.

— Я подумал, что это хорошая шутка,— сказал он.

Бормотание, бормотание, бормотание.

— Чувство юмора очень важно, Валентин.

Бормотание, бормотание, бормотание.

— Вино в уксус. Да, да. А затем... Возможности безграничны. Делать свежее молоко кислым. Щенков мрачными. Котят наглыми. О, да! Валентин из Фракии. Фокусник! Конечно, все будут избегать тебя, как чумы. Вероятно, целые деревни станут бегать за тобой, закидывая камнями. Но ты будешь знаменит! А я смогу говорить:

«Я знал его, когда он был просто недовольным солдатом, вечно в плохом настроении». О, да! Я смогу...

Бормотание, бормотание, бормотание.

* * *

Рано следующим утром началась работа по второму этапу плана Велисария. Теперь римские солдаты играли в нем большую роль, чем раньше. За исключением установки зарядов, все, чем занимались римляне до этого, являлось простой работой. Тяжелой, конечно,— нелегко вытаскивать огромное количество крупных валунов из канала. Но не сложной.

Что нельзя сказать о следующей части плана.

Велисарий наблюдал за работой с башни, которую войска воздвигли на левом берегу Евфрата, чуть ниже того места, где Нехар Малка заворачивал на восток. Башня была приземистой и сделанной довольно грубо — из простых деревянных досок. Высота достигала двадцати футов, наверху находилась небольшая платформа. Платформа составляла шесть футов в длину и столько же в ширину, ее окружали низкие перила. От солнца скрывал натянутый сверху навес. Подняться на платформу можно было по лестнице, являвшейся частью основы.

На платформе свободно помещались только трое, ну, может, четверо человек. В первый день там расположились Велисарий и Баресманас, поэтому места оставалось достаточно.

Римский полководец привлек внимание шахрадара к ведущейся внизу работе.

— Они сейчас будут ставить первый понтон.

Баресманас склонился через перила. Он увидел, как внизу римские солдаты направляют небольшую баржу вниз по Евфрату. Баржа была стандартного типа, такими судами пользовались в Месопотамии и прилегающих регионах. Она составляла пятьдесят футов в длину, шестнадцать футов в ширину, а нос был таким тупым, что выглядел почти как корма. Использовались весла или парус. Единственной необычной чертой в данный момент было достаточно большое количество привязанных к мачте веревок. Также к судну крепился парус (если его можно было так назвать), плетенный из ивовых прутьев. Его никто бы и не подумал использовать для того, чтобы ловить ветер, ему предстояло выполнять совсем другую работу. Просто по форме он напоминал обычный парус.

На барже находились несколько человек, которые выкрикивали приказы солдатам, выполнявшим фактическую работу по установке судна в нужном месте. Многие из солдат оставались на берегу и держали баржу длинными веревками. Рядом шли две другие баржи,

которые служили в качестве буксиров — один прямо сзади, помогая удерживать главную баржу против течения, другой по середине реки.

Баржу удивительно быстро доставили на место примерно в тридцати ярдах от берега реки. Баржа смотрела вверх по течению, ее нос направлялся в поток воды. Судно очень низко сидело в воде. С их точки обзора Велисарий и Баресманас видели камни на корме, которые давили вниз, опуская судно так, чтобы оно почти погрузилось в воду.

Командир подразделения посмотрел вверх на Велисария. Полководец махнул, показывая, что удовлетворен положением. Мгновение спустя двое солдат на барже перебрались вниз, в трюм, и исчезли из вида. Велисарий и Баресманас слышали звуки ударов молотков, когда солдаты выбивали затычки.

Минуту спустя — или около того — солдаты появились вновь. Все подразделение, за исключением командира, перебралось в небольшую шлюпку, привязанную к барже. Они привязали шлюпку одной веревкой, идущей от буксира, затем отпустили все остальные веревки. Теперь баржа опустилась ниже уровня воды.

Командир подразделения быстро взобрался на верх мачты. Он оставался там, наблюдая, как баржа медленно погружается в воду, готовый отдать команды, если течение вдруг отнесет ее в сторону с нужного места. Только когда вода уже билась у его ног, он перебрался в небольшую шлюпку, поджидающую рядом. Мгновение спустя над водой остались только три фута мачты. Баржа твердо стояла на дне реки.

— Это первая,— объявил Велисарий.— Все прошло прекрасно.

А внизу к месту погружения первой уже подходила вторая. Наблюдающего за процессом Баресманаса поразила скорость, с которой римляне подогнали вторую баржу к первой, дальше по основному течению реки. А потом третью. И следующие.

Шахрадар ничего не сказал, но происходящее произвело на него большое впечатление. Персы часто соответствовали римским армиям на поле брани и часто превосходили их в воинском мастерстве. Но никто другой в мире не обладал умением и сноровкой римлян в установке полевых укреплений.

— А барж достаточно? — спросил он к концу дня. К тому времени в воду погрузили уже одиннадцать понтонов.

Велисарий пожал плечами.

— Думаю, да. Теперь поставки бесперебойно идут из Карбелы. Поскольку отправлять на этих баржах назад нечего, я могу использовать почти все в качестве понтонов.

Он улыбнулся, вспоминая облегчение на лице Василия, когда баржи прибыли в предыдущий день с достаточным количеством

пороха, чтобы восстановить ракетные силы. Восстановить, и не только. Также прибыли и новые ракеты вместе с тремя дополнительными «катюшами» и расчетами для управления ими.

Велисарий посмотрел на запад. Солнце уже почти коснулось горизонта. Он решил, что дневного света недостаточно для установки еще одного понтона, а он не хотел рисковать жизнями своих людей во время ночной операции. Несмотря на то что солдаты со своим заданием справлялись без труда, работа все равно была опасной.

Поэтому Велисарий перегнулся через перила и приказал прекратить работу на сегодня. Командиры подразделений, знакомые со своим полководцем, очевидно, ожидали приказ. Следующую баржу остановили у берега, откуда ее легко столкнут на следующее утро.

* * *

На третий день Велисарий перевел работы на другую сторону реки, где тоже была построена подобная башня для командного состава.

Пока Маврикий наблюдал за работой на левом берегу, Велисарий занялся процессом удлинения линии понтонов с запада.

К пятому дню операция шла полным ходом. Евфрат в этой точке был мелким, но очень широким — почти в милю шириной. Римляне топили от двадцати до двадцати пяти понтонов в день. С такой скоростью римские инженеры должны были справиться со строительством дамбы за две недели — теоретически.

Конечно, скорость опускания понтонов уменьшилась. По мере того как дамба принимала нужный вид, скорость течения увеличилась. И что хуже, увеличилась турбулентность.

На восьмой день погибли два человека. Открыв люки, они не смогли достаточно быстро подняться из трюма. Что случилось? Никто не знал и никогда не узнает. Может, у одного соскользнула нога, а второй пришел ему на помощь. Но теперь времени на раздумья не оставалось, требовалось поторопиться. Теперь вода не была ленивым потоком, как вначале, она била по барже, словно молотком. Требовалось действовать гораздо быстрее, чем вначале. Одно из тел обнаружили через несколько дней вверх по реке, где его выбросило на берег.

К концу второй недели Евфрат превратился в рычащее чудовище. По мере того как римские инженеры удлиняли две линии понтонов так, что они вскоре должны были встретиться, центральная часть реки стала сильнейшим потоком, несущимся с грохотом, подобным громовым раскатам. Уровень воды за дамбой поднимался, весь Евфрат превратился в водопад, переливающийся через линию понтонов по всей ее ширине.

Теперь жертвы имелись ежедневно. По большей части, сломанные конечности или отдавленные пальцы, но были и смертельные случаи. На двенадцатый день весь экипаж погиб, потеряв контроль над баржой, как раз тогда, когда собрался с нее драпать. Тяжелое судно затянуло в узкий канал в центре реки. Баржа раскололась, а люди свалились в бурный поток. Большинство из них были мертвы к тому времени, как их тела извлекли из воды. Один жил полдня до того, как отдал концы: у него был разбит череп.

Хуже всего в этом деле пришлось римлянам, так как они выполняли самую опасную часть работы, но для кушанов дни тоже оказались не особо счастливыми. После установления понтонов римскими инженерами кушанам дали задание увеличить высоту дамбы. Они использовали свои собственные баржи и возили на них корзины с камнями, а потом опускали их на показавшиеся из воды понтоны. Течение сильно билось об эти корзины. Давление течения сломало бы мачты, если бы римляне заранее не укрепили их ивовыми прутьями и не установили за мачтами «паруса» из тех же прутьев, а потом не связали мачты друг с другом по мере установления понтонов.

Однако большая часть кушанов была занята в других местах. Используемые для сооружения дамбы камни требовалось притащить с окружающей местности. К счастью, на расстоянии не более мили от реки нашлось много камней. Земля в Месопотамии возделывалась уже более тысячи лет, однако ежегодно во время пашни из-под земли появлялся очередной ряд камней. Эти камни по мере прохождения веков устанавливались по краям полей. Поэтому недостатка в камнях не наблюдалось и их даже не требовалось выкапывать из земли. Но это все равно была тяжелая работа для кушанов. Ведь приходилось таскать большие валуны к реке.

Вначале кушаны ворчали:

— Сумасшедшие римляне!

— Почему этот глупец не использует камни, которые мы уже вытащили из Нехар Малки? Посмотрите! Вон их там лежит целая гора. И до этой горы нет и трехсот ярдов!

— И кто только сделал этого идиота полководцем?

Однако со временем кушаны стали понимать, что кретинский римский полководец планирует использовать те камни каким-то другим способом. Кушаны не знали об этих планах. И их больше не подпускали близко к Нехар Малке. Но они видели, как римские инженеры работают вокруг огромной груды камней, которые кушаны выложили на северном берегу Нехар Малки. Казалось, роют туннели. Кушаны также обратили внимание, что эту работу выполняют те же римляне, которые управляют колесницами с ракетами. Специалисты по пороху.

Кушанские военнопленные опять стали делать ставки. С удвоенной энергией.

Куруш и персидские солдаты не были заняты никакой работой. В их задачу входило обеспечение безопасности на объекте. Каждый день сам Куруш и десять тысяч персидских кавалеристов объезжали прилегающие территории, а разведчики отправлялись на расстояние тридцати миль во всех направлениях. В этом им помогали Аббу и его разведчики, а также небольшое подразделение римлян. Два батальона солдат Велисария — один конницы, один пехоты — каждый день отправлялись помогать персам. В порядке очередности. На самом деле для них это задание было днем отдыха. После тяжелой и рискованной работы по строительству дамбы каждый римский солдат с нетерпением ждал, когда наступит его очередь патрулировать местность.

* * *

Наконец на девятнадцатый день был установлен последний понтон. Римляне четыре дня заслуженно отдыхали, в то время как кушаны заканчивали укреплять понтоны корзинами с камнями.

Все было сделано. Двадцать три дня работы превратили эту часть Евфрата в водопад. Невысокий водопад — этого не отнимешь. Но тем не менее он впечатлял.

Римские войска и кушанские военнопленные провели двадцать четвертый день в веселом праздновании, устроившись на берегу и напиваясь. Одновременно наслаждаясь видом бурного водопада, созданного их руками. По приказу Велисария вино распределялось щедро — как для кушанов, так и для римлян. Если бы кто-то из офицеров малва увидел, как легко и по-братски общаются победители и пленные, он бы пришел в ярость.

* * *

Однако Велисарий и члены командного состава не участвовали в веселье. Они провели весь день в шатре полководца. Первые два часа заняли ближайшие планы Велисария.

Остальное время было посвящено благоговению, тайне и удивлению.

Как Велисарий и обещал Василию, он посвятил в тайну весь командный состав. Вначале рассказал им историю кристалла своими словами. После этого извлек из мешочка Талисман Бога.

Эйд был готов. Шатер главнокомандующего тут же наполнился свечением и ослепительным блеском всевозможных цветов. Даже кожаные стены шатра заблестели.

Находившиеся за стенами шатра римские солдаты тоже увидели свечение и стали перешептываться.

— Колдовство,— пробормотали несколько человек.

Но большинство просто пожали плечами. Велисарий... уникален. Один в своем роде. Благословенный человек. Разве сам Михаил Македонский не говорил этого?

Так почему бы его шатру не светиться в ясный день?

Кушаны тоже обратили внимание и обсудили вопрос. Тут мнение было единогласным.

Колдовство. Римский полководец — колдун. Это и так было очевидно. Сейчас тем более.

Они опять стали делать ставки.

* * *

Когда солнце зашло, офицеры Велисария тихо покинули его шатер. Никто не сказал ни слова, кроме Агафия. Проходя мимо Велисария, греческий катафракт прошептал:

— Мы тебя не подведем, полководец. Клянусь.

Велисарий склонил голову. Мгновение спустя в шатре остался только Маврикий.

— Когда? — спросил фракийский хилиарх.

— Как быстро ты можешь добраться до Вавилона? За неделю?

— Ты серьезно говоришь или как? — проворчал Маврикий.— Я тебе что, младенец, который только учится ходить?

Велисарий улыбнулся.

— Четыре дня,— проворчал Маврикий.— За три доберусь, еще один день нужен, чтобы Хосров смог подготовиться.

— Пять дней,— возразил Велисарий.— Хосров должен быть готов, но лишний день не помешает. Кроме того, никогда нельзя все предусмотреть заранее. Ты ведь можешь упасть с лошади.

Маврикий не удостоил его ответом.

* * *

Маврикий уехал рано на следующее утро. Его сопровождали сто фракийских катафрактов, а также подразделение арабских разведчиков.

В то же самое время один из высших офицеров Куруша, на самом деле это оказался сам Мерена, повел аналогичную экспедицию в Ктесифон. С целью предупредить жителей столицы.

На протяжении следующих четырех дней Велисарий наблюдал за последними приготовлениями у Нехар Малки. Однако в этой работе не был задействован никто из римлян, за исключением Василия и его людей, поэтому римские войска отдыхали.

К вечеру пятого дня все объединенные силы заполнили берега Евфрата. Их набралось свыше двадцати тысяч — римляне, персы, кушанские военнопленные. Они толкались, выбирая лучшую точку обзора. Велисарию пришлось отправить своих катафрактов, чтобы проследить за порядком и не подпускать зрителей слишком близко к Нехар Малке.

Сам полководец стоял на командной башне. Там к нему присоединились Баресманас и Куруш.

— Тебе не следовало делать объявление,— недовольно заметил Куруш.— Разведчиков было невозможно отправить патрулировать местность после полудня.

Велисарий пожал плечами.

— И что? К тому времени, как шпион доберется до малва с этим известием, они уже сами узнают о случившемся.

Он перегнулся через перила. Внизу, у подножия башни, стоял Василий. Василий посмотрел вверх. В руках командир «катюш» держал огнепроводный шнур.

Велисарий уже собрался отдать приказ, но помедлил.

— Новые времена,— пробормотал он.— Новые времена требуют новых традиций. Приказ «зажечь запал» больше не пойдет.

Он отправил мысленный импульс Эйду.

Ответ пришел мгновенно:

«Огонь! Пуск!»

Велисарий улыбнулся. Склонился вниз.

— Огонь! Пуск!

Василию никакого перевода не потребовалось. Мгновение спустя шнур горел. По мере того как огонь с шипением подбирался к последнему барьеру через Нехар Малку, Василий начал подпрыгивать, как ребенок.

— Мне это нравится! Мне это нравится! — кричал он.— Огонь! Пуск!

Клич подхватили остальные. Не прошло и трех минут, как вся армия выкрикивала слова. Даже кушаны, недавно начавшие учить греческий.

— Огонь! Пуск! Огонь! Пуск!

Огонь достиг цели.

Произошел пуск.

Глава 27

Взрыв был хорошо спланирован. Это стало сразу же очевидно. Руководимые Эйдом, Велисарий с Василием установили запалы в оптимальных местах, чтобы достичь нужной им цели.

Почти по всей ширине нижний берег дамбы взорвался, тут же открыв дорогу накопившейся энергии Евфрата. Великая река теперь

была освобождена и фактически ворвалась в новый канал, открытый для нее. Она ревела, как бык, поток несся по давно высохшему Нехар Малке, углубляя его и расширяя.

Но Велисарий не мог оценить и насладиться зрелищем. Как часто случается в жизни, практика ниспровергла теорию. Да, запалы были установлены идеально. А затем их количество увеличено в два раза, хотя этого Эйд и не советовал. Но все равно силу увеличили дважды. А потом и еще раз.

Конечно, Эйд возмущался. Предупреждал, упрекал, уговаривал, ругал, на самом деле пришел в некое подобие негодования — в том виде, в каком кристалл может дойти до такого состояния.

Это не помогло. Пользуясь простой логикой людей, знакомство которых с порохом оставалось примитивным, Велисарий с Василием настояли, что больше гораздо предпочтительнее, чем достаточно. В конце концов, лучше быть уверенным, что работа будет сделана, чем рисковать полурезультатом из-за того, что пожадничали.

Если с такой логикой топором рубить дерево, то результатом станет просто лишнее усилие, которое можно было бы и не прилагать. Однако в случае разрушения дамбы при помощи пороховых зарядов...

«Я предупреждал вас»,— пришел мысленный импульс от Эйда, когда Велисарий увидел, как верхние слои взлетают в воздух. Сотни камней и валунов — тонны и тонны камней — полетели в разные стороны.

Конечно, не все они направились в сторону башни, на которой стоял Велисарий. Просто так показалось.

Баресманас и Куруш первыми понеслись вниз по лестнице. Римский полководец добрался до середины, когда пришел очередной импульс:

«Глупые люди».

К тому времени, как первые камни стали падать на башню, он уже спустился на три четверти лестницы.

«Протоплазменные идиоты».

Теперь его всего осыпали щепки.

«Самоуверенные обезьяны».

Башня обвалилась. Полностью.

Вероятно, это спасло ему жизнь, как Баресманасу, Курушу и Василию, который тоже инстинктивно попытался найти укрытие под башней. Полуразрушенная платформа придавила Велисария и трех других к земле, чуть не лишив сознания. Однако потом она послужила неким видом щита, закрывая их от града камней, которые в противном случае превратили бы двух римских военачальников и двух персидских благородных господ в неразличимую общую кровавую массу.

Но в тот момент Велисарий находил мало комфорта от этой мысли. Лежащая на нем платформа не отражала удары так, как делает настоящий щит, просто сила удара распределялась по всему его телу. Удивительно, но ни одна кость не была сломана. Но у Велисария возникло чувство, словно из него пытаются сделать блин. Отличие от приготовления блинов было одно: блинам во время приготовления не читают лекцию о том, что следовало делать раньше, и не говорят, кто они такие.

«Глупый чертов фракиец. Кто сделал тебя полководцем? Удивительно, что ты вообще выбрался из матки, такой ты глупый. Удивительно, что ты тогда не настоял, чтобы тебе дали самому искать выход. Ты даже тогда не хотел слушать свою мать. Ты никого не слушаешь. Чертов сумасшедший фракиец. Кто...»

И так далее, и тому подобное.

* * *

Его солдатам потребовался час, чтобы откопать Велисария и остальных после прекращения камнепада. Само откапывание заняло несколько минут. Задержка получилась потому, что его подчиненные просто убежали на полмили после того, как камни начали падать.

— Сработало? Я не видел,— были его первыми хриплыми словами, пока он еще находился в полубессознательном состоянии.

Потом Велисарий тоже хрипел — после того как его заверили, что проект имел полный успех.

— В следующий раз меньшие заряды.

— Гораздо меньшие,— прохрипел Василий.

— Чертовы сумасшедшие римляне,— прохрипел Баресманас.

— И кто только поставил его во главе? — прохрипел Куруш.

* * *

Другие тоже отказались принять во внимание полученные предупреждения. Когда Мерена прибыл в Ктесифон, чтобы предупредить губернатора о предстоящей приливной волне, губернатор только высмеял его. Частично это объяснялось характером градоначальника. Он был надменным по своей природе, а недавнее назначение его на пост шахраба столицы Персидской империи вскружило ему голову. Однако в основном его отношение определялось политикой. Шахраб Ктесифона — его звали Широ — являлся союзником группы Ормузда. Появление офицера из окружения наиболее преданного императору Хосрову последователя Баресманаса показалось губернатору идеальной возможностью заработать политические очки.

Поэтому на предупреждения Мерены Широ ответил веселыми словами о лунатизме, добавив унизительные замечания насчет римлян и очарованных ими персов. Закончил своей ответ колкими репликами насчет смешанных браков.

Людям Мерены пришлось сдерживать своего командира.

После неудачной встречи с губернатором, после того как Мерена успокоился достаточно, чтобы ясно мыслить, он приказал своим людям передать неофициальные предупреждения владельцам всех судов, которые работают на реке. Поскольку солдат было относительно мало, то они постарались предупредить городских рыбаков и капитанов судов.

Примерно половина людей, кого они предупредили, отреагировала адекватно. Другая половина и те, до кого не успели добраться вовремя, не отреагировали.

Когда приливная волна принеслась через два дня, разрушения оказались ужасными. Однако людей погибло немного. К тому времени, как вновь освобожденные воды Евфрата достигли Ктесифона, они уже не представляли собой идущую стеной воду. Это был просто подъем воды на пять футов. Большинство людей, захваченных потоком, успели выбраться или доплыть до безопасного места. Но их суда, а также большинство стоявших вдоль берега строений превратились в щепки.

Престиж Широ стремительно упал, а вместе с ним исчезла и преданность военных соратников. Огромная толпа разъяренных и обедневших лодочников, которых Мерена и его солдаты привели ко дворцу шахраба, быстро смела нескольких остававшихся верными стражников, все еще желавших защищать своего господина. Широ вытянули наружу, обмотали цепями и бросили в поднявшуюся реку. Он исчез в бушующем потоке довольно быстро. От него не осталось и следа.

* * *

С другой стороны, в Вавилоне все прошло гладко и в соответствии с планом. Хосров уже несколько недель готовился к этому моменту. В предупреждении, которое за два дня до события привез Маврикий, необходимости не было.

Велисарий преднамеренно взорвал дамбу во второй половине дня, рассчитав, что таким образом эффект ударит по Вавилону на следующее утро. Это даст императору Хосрову целый день, во время которого можно воспользоваться новым положением.

Конечно, его расчеты были очень грубыми — Велисарий просто взял течение реки и разделил на примерное расстояние между Нехар Малкой и Вавилоном. На самом деле Велисарий ошибся на

несколько часов. Он не учел, что течение замедлится после того, как ослабнет давление воды. Поэтому эффекты его работы дали себя почувствовать только в полдень следующего дня.

Разница была спорной. Уверенность персидского императора в римском полководце оказалась так велика, что он решил начать атаку на рассвете, независимо от того, упадет уровень воды в реке или нет. Это было мудрое решение. Как и всегда, организация крупного штурма заняла больше времени, чем планировалось изначально. В этом случае — гораздо больше времени. Персидским войскам, не имеющим опыта римских в построении полевых укреплений, потребовалось несколько часов, чтобы установить и приготовить импровизированные понтоны, которыми они собирались воспользоваться для пересечения Евфрата.

Малва заметили работу инженеров Хосрова и поняли: персы собираются атаковать через Евфрат. Но несмотря на то, что они узнали о штурме заранее, пользы им это не принесло.

Как раз наоборот. Господин Дживита, главнокомандующий войск малва, посчитал проект персов абсурдным.

— Какой в нем смысл? — спросил он, наблюдая за приготовлениями персов со своей командной башни.

Вокруг него собралось около полудюжины офицеров и никто из них ничего не ответил. Вопрос явно был риторическим, как и большинство вопросов Дживиты. Помощники главнокомандующего давно знали, что Дживита с неодобрением относится к подчиненным, которые отвечают на его вопросы.

Дживита показал пальцем на персидские войска, собирающиеся на левом берегу реки, как раз под огромными западными стенами Вавилона.

— Сумасшествие,— объявил он.— Даже если им удастся перебраться на другой берег, что они там будут делать? На западной стороне Евфрата?

Он сделал широкий жест рукой. Жест получился одновременно величавым и презрительным.

— На той стороне ничего нет, кроме болот и пустыни.

Он хлопнул в ладоши.

— Неважно! Они в любом случае не переберутся. Я вижу возможность для великой победы.

Он повернулся к одному из офицеров, отвечавшему за галеры малва:

— Джаянага! Отправляй всю флотилию вперед! Мы уничтожим персов, когда они начнут переправляться!

Он сурово нахмурился.

— Удостоверься, чтобы твои галеры не стреляли ракетами, пока ведущие силы врага почти не перебрались на другой берег. Я хочу,

чтобы мы застали как можно большее их количество на этих жалких понтонах. Ты понял?

Джаянага кивнул и тут же ушел.

Господин Дживита вернулся к изучению врага. Он снова удовлетворенно хлопнул в ладоши.

— Мы с ними разделаемся! Ох, как мы с ними разделаемся!

* * *

Флотилия малва — в целом сорок две галеры — находилась почти в радиусе действия ракет от понтонного моста, когда капитан первого судна понял: что-то не так.

Однако его первое предположение оказалось далеко от истины. Он повернулся к начальнику гребной команды.

— Почему вы снизили скорость? — спросил он.

Начальник гребной команды тут же покачал головой и показал на двух мужчин, выбивающих на барабанах ритм.

— Я не снижал! Послушай! Они выбивают правильный темп!

Капитан нахмурился сильнее. До того как начальник гребной команды закончил, капитан понял: подчиненный прав. Тем не менее...

Движение судна замедлялось.

Нет! Оно идет назад!

— Смотрите! — крикнул один из других офицеров, указывая на ближайший берег.— Уровень воды падает!

— Что? Но это невозможно! Не так быстро!

Капитан перегнулся через палубное ограждение, изучая берег. Через несколько секунд его лицо побелело.

— Они изменили направление реки вверх по течению,— прошептал он.— Должны были. Ничто другое не могло...

Он замолчал. Его внимание привлек стук копыт, отдающийся от деревянных настилов. Множества копыт. Он увидел, как вверх по течению персидская кавалерия несется по понтонному мосту. Дюжины, сотни, тысячи персидских копьеносцев и одетых в броню лучников перебираются на западный берег Евфрата.

Как и главнокомандующий, господин Дживита, капитан первой галеры был удивлен приготовлениями персов. Казалось, врагу совершенно нет смысла перебираться на другую сторону Евфрата, в особенности, когда сама переправа оставит персов открытыми для ракет, которые выпустят по ним с галер малва. И с кем бороться на том берегу? Основная масса армии малва сосредоточена на восточном берегу, к югу от укреплений Вавилона.

Теперь он понял. Капитан умел быстро соображать.

— Они знали об этом заранее,— прошипел он.— Они собираются сжечь корабли, на которых нам доставляют провизию и боеприпасы.

Он развернулся и посмотрел на огромную массу барж с провизией и боеприпасами, стоявших примерно в полумиле к югу. Он уже видел, как те становятся неуправляемыми, уносимые быстро уменьшающейся водой. Через минуту, как он знал, они начнут садиться на мель. И станут беспомощными целями.

Совсем беспомощными, так как рядом не будет военных галер, чтобы защитить их. Его флотилия тоже сядет на мель — не так быстро, поскольку им требовался меньший уровень воды. Если только...

— Гребите к центру реки! — крикнул капитан.— Дайте сигнал другим, чтобы делали то же самое!

Барабаны тут же стали выбивать новый ритм. У малва не имелось многочисленных хитрых сигналов для руководства флотом. Но капитан первой галеры также выступал в роли командующего флотилией. Барабаны выбивали простое послание: делай, как я.

Но было уже слишком поздно. Барабаны едва успели начать выбивать нужный ритм, когда капитан первой галеры увидел, как один из военных кораблей сел на мель. Никакого драматического ломания корпуса не последовало, потому что дно Евфрата было глинистыми, а не каменистым. Просто галера вдруг прекратила движение и слегка наклонилась, словно устраиваясь поудобнее в открывшемся дне.

Ничего драматического, ничего зрелищного. Но результат все равно оказался смертоносным.

Беспомощные цели.

Капитан почувствовал, как его собственная галера тоже встала, раздалось тихое шипение глины и песка, в которые врезался деревянный корпус. Судно все-таки выбралось, но снова послышалось шипение, оно еще раз дернулось, выбралось. Встало.

Он умел быстро соображать. Он не стал тратить время, пытаясь вытянуть застрявшее судно. Глинистое дно будет держать корпус, подобно клею. Вместо этого капитан занялся приготовлениями к защите.

— Готовьте орудия к бою! — приказал он.— Ставьте их так, чтобы не дать врагу забраться на борт!

Расчеты побежали выполнять приказ. Один из парней вдруг вскрикнул и схватился на руку. Внезапно оказалось, что у него из локтя торчит стрела. Крик оборвался: ему в горло воткнулась еще одна.

Капитан повернулся. К своему отчаянию увидел, что враг атакует с западного берега. Уже находится параллельно с его галерой. Первые персидские копьеносцы направляют коней на речное дно. Двигались они медленно из-за густой глины и водорослей, но мощные персидские кони все равно безжалостно шли вперед. Они достаточно быстро преодолеют расстояние.

Капитан теперь знал, что времени приготовить ракеты к стрельбе нет. И у его матросов в жалких доспехах нет шанса — никакого шанса — противостоять персидским дехганам в сражении один на один.

Он быстро принимал решения. Он стал кричать, что они готовы сдаться. Но мгновенно замолчал, услышав воинский клич надвигающихся персов.

— Харк! Харк! Харк! — кричали они.

Он внезапно понял, что сдачи в плен не будет. Нет шансов.

Капитан умер через восемь секунд. Стрела пронзила его сердце. Он даже не пытался избежать ее. Смысла нет. Стрелы врага летели, подобно стае гусей. Вместо этого капитан просто стоял на месте, молча, не двигаясь, подставляя грудь врагу.

Быстро соображающий человек относился к сословию кшатриев. Он понял: все уже сказано и сделано. И умер кшатрием.

На тех персов, кто видел, его смерть произвела впечатление. Несколько часов спустя они извлекли его тело — вернее, обгоревшие останки — из сгоревшего корпуса галеры. Отнесли тело в Вавилон и с честью похоронили среди собственных погибших. По арийским традициям положили наверху каменной башни, называемой дахма. Там тела оставляли для стервятников. Грязная плоть будет съедена, а душа останется чистой и неповрежденной.

* * *

Но этому акту благосклонности еще предстояло состояться. В эти минуты персидские кавалеристы думали только об убийстве и разрушении. Дехганы и лучники неслись по западному берегу вниз по реке несколько миль, разрушая каждое судно в пределах досягаемости. Огромная армия малва на другом берегу могла только смотреть в беспомощной ярости.

Офицеры малва погнали множество солдат на открывшееся дно в попытке спасти застрявшие там суда. Но глина, водоросли и камыши мешали малва точно так же, как и персидским копьеносцам на западном берегу, а воинам малва предстояло преодолеть гораздо большее расстояние. К тому времени, как солдаты малва, пытающиеся подобраться к судам, наконец доберутся до них по дну, спасать будет нечего. Все суда уже охватит огонь.

Конечно, персам не удалось уничтожить весь флот. Многие из галер малва и барж с провизией и боеприпасами застряли у восточного берега — то ли вовремя среагировала команда, то ли им повезло, то ли сработали оба фактора. Эти суда оказались в относительной безопасности, охраняемые солдатами малва. Они даже не особо пострадали от того, что сели на мель, поскольку дно реки было мягким.

Но все корабли, севшие на мель в радиусе стрел персов, были обречены. Оказавшиеся достаточно близко суда поджигали вручную после того, как перерезали всю команду. Те, которые встали по середине реки, сжигали, отправляя в них горящие стрелы. Те матросы, которые умели плавать, спаслись. Те, кто не умели, погибли.

На закате солнца персы прекратили атаку и отступили назад в Вавилон. К тому времени, как последний дехган проскакал по построенному утром мосту, примерно треть флота малва была разрушена, большинство членов команды, управлявших этими судами, погибли.

* * *

Эти матросы составляли меньшую часть потерь малва в тот день. Через час после начала операции персами господин Дживита приказал начать массированный штурм стен Вавилона. Штурм начался практически мгновенно — офицеры очень боялись главнокомандующего — и продолжался весь день.

Возможно, Дживита приказал начать штурм, потому что считал: вылазка персов лишила Вавилон большей части защитников. Возможно, но маловероятно. Шпионская сеть малва хорошо информировала Дживиту относительно силы врага на протяжении всей осады. Если бы он просто посчитал персов на другом берегу реки, то главнокомандующий малва мог бы прийти к выводу: император Хосров оставил большую часть своих войск внутри Вавилона.

Нет, действия господина Дживиты почти точно являлись результатом одной слепой ярости. И ничего больше. Недовольного ребенка, которому перечили. Очень испорченного ребенка.

Цену заплатили войска. Хосров очень точно определил ход мыслей своего оппонента. Император ожидал как раз такую бессмысленную атаку и соответствующим образом подготовился к защите. Солдат малва, пересекающих ничейный участок земли, били из катапульт, в них стреляли лучники, их останавливал ров и стены, у стен их убивали тяжеловооруженные дехганы, против которых они не могли противостоять в бою один на один. Потери были ужасными, в особенности среди кушанов, которые вели большую часть атак. К концу дня, когда штурм наконец отозвали, шесть тысяч солдат малва лежали мертвыми или умирающими на поле брани. Тринадцать тысяч получили ранения, от которых в течение недели умрут еще пять.

В целом в тот день малва понесли примерно двадцать тысяч потерь. Любая другая армия в мире была бы сломлена такими потерями. И даже армия малва пошатнулась.

Сам господин Дживита не пошатнулся. Его ярость росла и росла с каждым часом. К закату пришедшие в отчаяние офицеры поняли, что Дживита намерен продолжать штурм всю ночь.

Перед ними зияла пропасть полного разгрома. Из ямы их вытянула пожилая женщина.

* * *

Когда Великая Госпожа Холи с трудом поднялась по лестнице в командную башню, небольшая группа собравшихся там офицеров тут же замолчала. Даже господин Дживита прекратил орать.

Великая Госпожа только один раз взглянула на Дживиту.

— Ты свободен,— объявила она. Ее пустые глаза переместились на человека, стоявшего рядом с Дживитой.— Господин Ахута, теперь ты являешься главнокомандующим армией.

Глаза Дживиты вылезли из орбит.

— Ты не можешь этого сделать! — завопил он.— Только у императора есть полномочия...

— Убейте его,— сказала Великая Госпожа Холи.

Двое стоявших на платформе стражников напряглись. Колебались. Их взгляды метались между Холи и Дживитой. В конце концов, он был их главнокомандующим. Она официально — никто, кроме...

Никто. Но... Они слышали рассказы. Все солдаты малва слышали сплетни.

Теперь глаза Великой Госпожи были абсолютно пусты. Она заговорила нечеловеческим голосом. Лишенным любой жизни.

— Убейте его.

Стражники только слышали рассказы. Но все офицеры на платформе были членами династического клана малва. Они знали правду за сплетнями.

Господин Ахута первым достал меч и первым вонзил его в живот Дживиты, но только потому, что стоял ближе всех. До того как Дживита свалился на платформу, в него вошло еще пять мечей, унося жизнь.

Двое стражников все еще стояли напряженно, не двигаясь. Пустые глаза Великой Госпожи Холи переместились на них. Если она и колебалась, то меньше секунды.

— И их убейте. Не должно быть разговоров.

Расположившие командиры средних лет набросились на молодых, полных сил солдат. Если бы двое стражников не были на мгновение парализованы, то им несомненно удалось бы справиться с давно растерявшими форму офицерами. А так их зарезали в течение нескольких секунд.

Великая Госпожа Холи опустилась на стул Дживиты. Она не обращала внимания на три тела и растекающиеся по платформе лужи крови.

— Прекратите этот сумасшедший штурм,— приказала она.

— Немедленно сделаем, Великая Госпожа Холи! — закричал Ахута. И посмотрел на одного из подчиненных. Мгновение спустя тот уже спускался с лестницы.

Ахута с неохотой встал перед пожилой женщиной. С неохотой, потому что знал: старые пальцы, держащиеся за подлокотники, являются только оболочкой пожилой женщины. Внутри старухи живет дух по имени Линк. Ахута боялся его и одновременно находился в благоговении перед ним.

— Опиши потери.

Ахута даже не пытался сосчитать их в цифрах. Он знал: Линка они совершенно не волнуют. Вместо этого он сразу же стал говорить о главной проблеме.

— Без флота, благодаря которому осуществлялось материально-техническое обеспечение, мы не можем взять Вавилон.

Он посмотрел на Евфрат.

Солнце практически село, но река все еще оставалась хорошо освещенной отсветами многочисленных горящих судов.

— В самом лучшем случае нас откинуло назад...

Он колебался, потому что трусил. Наконец ему удалось набраться достаточно мужества. Линк, как он знал, накажет нечестность быстрее, чем что-либо другое. По крайней мере, в одном божественный дух совсем не походил на Дживиту: бессмысленная ярость несвойственна Линку. Просто он был... холоден.

Ахута откашлялся.

— До следующего года,— закончил он фразу.

Человек бы приподнял брови или... сделал что-то. Линк же просто смотрел на Ахуту пустыми глазами старухи.

— Так долго?

Ахута снова откашлялся.

— Да, Великая Госпожа Холи. Пока мы не заменим разрушенные корабли, у нас останется достаточно запасов только для поддержания осады. Не будет шанса организовать штурм. И мы не можем...

Он беспомощно махнул рукой, показывая на пустынный регион.

— У нас нет возможности построить корабли здесь. Их нужно строить в Индии и доставлять сюда во время сезона муссонов на следующий год.

Великая Госпожа Холи — Линк — молчал. Глаза старухи были пусты, но Ахута чувствовал, как за ними что-то быстро просчитывается. Со скоростью света.

— Да. Ты прав. Но не это самое худшее.

В последнем предложении заключалось что-то типа вопроса. Ахута тут же неистово закивал.

— Нет, Великая Госпожа Холи, нет. Нет смысла доставлять сюда новый флот, если река...

Он снова беспомощно махнул рукой. Тишину заполнила Великая Госпожа Холи.

— Мы должны восстановить реку. Они построили дамбу вверх по течению. Нужно послать экспедицию — немедленно — чтобы разрушить дамбу и силу, которая ее построила.

— Немедленно! — согласился Ахута.— Я завтра же соберу силу! Я сам ее поведу!

Великая Госпожа Холи выпрямилась.

— Нет, Ахута, ты не поведешь ее. Ты останешься здесь и будешь отвечать за осаду. Назначь одного из подчиненных.

Ахута даже не подумал с этим спорить. Он тут же неистово закивал. Спросил подобострастно:

— Кого именно, Великая Госпожа Холи? У вас есть предпочтения?

Божественный дух оглядел платформу, оценивая всех стоявших мужчин. Это был быстрый, очень быстрый взгляд.

— Неважно. Я лично намерена сопровождать эту экспедицию. Кто встанет во главе ее, будет подчиняться мне.

Глаза Ахуты округлились.

— Вы? Вы сами? Но...

Он замолчал под нечеловеческим взглядом.

— Я никому не могу доверять, Ахута. Это работа Велисария. Его... и того, кто с ним.

Она отвернулась.

— Я теперь знаю своего врага. Я сама это уничтожу.

Несколько мгновений спустя при помощи нескольких офицеров пожилая женщина спустилась по лестнице. Когда она ушла, Ахута вздохнул с облегчением. На самом деле он почувствовал такое облегчение, что даже не задумался, почему Великая Госпожа Холи называла Велисария словом «это».

Что-то личное,— решил он. Даже не подумав, что божественный дух по имени Линк никогда не руководствовался такими ничтожными заботами.

* * *

На следующее утро император Хосров наблюдал за малва с горы, которая когда-то была Вавилонской башней. Он видел, как экспедиция малва выбралась из лагеря и направилась к Перозу-Шапуру и Нехар Малке.

Зрелище впечатляло. В армии на другом берегу Евфрата собралось по меньшей мере шестьдесят тысяч солдат. Хосров решил, что

отправляющаяся сила — в основном пехота. Но он не сомневался: к ним по пути присоединятся и всадники из отрядов, которые малва держали, так сказать, в поле. Именно они грабили Месопотамию. К тому времени, как армия достигнет цели, ее численность, по мнению Хосрова, увеличится по меньшей мере на десять тысяч человек.

Большую часть провизии и боеприпасов малва погрузили на верблюдов, но экспедицию также сопровождали небольшие военные весельные суда, которые волоком волокли мимо Вавилона. Этим судам не требовалась глубина, и они вполне смогут передвигаться по Евфрату выше по течению. Уровень воды значительно упал, но вода не ушла полностью.

Хосров не видел осадные орудия. Он был бы удивлен, если бы увидел. Несколько недель назад Велисарий объяснил ему, что тяжелые орудия, даже если их разобрать, нужно транспортировать на больших телегах или, лучше, баржах. Баржи слишком тяжелы для реки, в которой сильно опустился уровень воды, что касается телег — кто их потянет? Верблюды для этого не подходят, лошадям не справиться с длинными и тяжелыми телегами в пустыне. И не было возможности тянуть их вдоль реки, поскольку непосредственно прилегающая к Евфрату местность всегда оставалась слишком болотистой, а теперь, после падения уровня воды, стала еще более болотистой.

«Нет,— удовлетворенно подумал он.— Все будет так, как предсказал Велисарий. Они смогут взять только ракеты и гранаты — то оружие, которое можно перевезти на верблюдах».

Не сводя глаз с армии малва, персидский император вопросительно склонил голову по направлению к человеку, стоявшему рядом с ним.

— Ты уверен, Маврикий? Все еще не поздно. Я могу приказать начать атаку.

Маврикий покачал головой.

— Это будет неразумно, Ваше Величество.— Затем он добавил с долей извинения: — Если вы простите меня за то, что я это сказал.

Маврикий показал на юг. Даже на таком расстоянии было очевидно: основные силы врага мобилизованы и готовы к отражению атаки.

— Они надеются как раз на это. Сегодня они готовы. Они построили свои понтонные мосты через реку. Если вы сегодня сделаете вылазку, они разобьют вас.

Хосров не стал развивать тему дальше. На самом деле он соглашался с Маврикием. Он просто предложил из чувства долга. Хосров многим был обязан римлянам, а он ненавидел быть в долгу у кого-либо.

Император вздохнул. Он не сможет какое-то время отплатить римлянам. Если вообще когда-либо сможет. И снова обстоятельства заставляли его дать союзникам бороться вместо него.

Огромной силе малва, отправляющейся сейчас в поход, не придется сражаться с персами, если не считать десять тысяч человек Куруша. А это войско потребуется для защиты Пероз-Шапура, через который войска малва будут проходить по пути к Нехар Малке.

Да, Куруш со своими людьми свяжут руки такому же количеству вражеских солдат. Но они не смогут помочь в защите самой дамбы.

И снова Велисарию придется сражаться вместо него. Почти без помощи персов.

Пришла грустная мысль:

«Конечно, если не считать помощь предателя».

Хосров распрямил плечи. Требовалось сделать мерзкое дело. Он не станет его откладывать.

Он повернулся к одному из помощников.

— Пошли за Ормуздом,— приказал он.

Когда офицер побежал прочь, Хосров скорчил гримасу. Затем, увидев легкую улыбку на губах Маврикия, сморщился еще больше.

— А это, Маврикий? Ты также уверен и в этом?

Римский хилиарх пожал плечами.

— Если хотите знать мое личное мнение, Ваше Величество,— нет. Я не уверен. Подозреваю, Велисарий может перехитрить сам себя.— Он нахмурился.— Как и обычно.

Он перестал хмуриться.

— Но... я много раз так думал в прошлом. И, хотя я никогда не признаюсь ему в лицо, оказывалось, что я не прав.— Он снова пожал плечами.— Но лучше придерживаться его плана. Может, он опять окажется прав.

Хосров кивнул. Следующие несколько минут они ждали Ормузда. Персидский император и римский хилиарх молчали.

Все это время Маврикий внимательно изучал армию врага, отправляющуюся в поход. На следующий день ему предстояло уехать самому, чтобы присоединиться к римской армии, поджидающей армию малва у Нехар Малки. Велисарий захочет получить полное и детальное описание сил врага.

Хосров, с другой стороны, внимательно изучал Маврикия.

Не самого человека, а то, что он представлял. Может, лучше сказать, что Маврикий рассказал ему о полководце, за которым следовал. Сказал персидскому императору не столько словами, сколько своим отношением.

Велисарий.

На протяжении последних недель Хосров провел много часов, думая о Велисарии.

Велисарий, союзник в настоящем.

Велисарий, возможный враг в будущем.

Хосров был великим вождем. Он уже знал это, несмотря на молодость.

Часть величия была достигнута благодаря его способности смотреть на мир объективно, на него не влияли ни самомнение, ни личное стремление к славе. А это немало для владыки земель иранских и неиранских. И как знал Хосров, одним из качеств великого лидера является способность собрать вокруг себя других талантливых людей.

Он никогда не видел такой команды способных людей, как те, которых собрал Велисарий во главе своей армии. Хосров восхищался командой, завидовал Велисарию и в то же время ее боялся.

Грубые люди, да. Почти все низкого происхождения. Люди, подобные, например, Маврикию, который, как знал Хосров, родился в крестьянской семье.

Но персидский император был великим императором, и поэтому его не слепили предрассудки его класса. Империи с голубой кровью и раньше низвергали, причем люди низкого происхождения. В будущем может прийти день, когда рожденный в крестьянской семье Маврикий окажется снова на этой горе. Не как союзник, а как завоеватель. На этой горе в Вавилоне, на стенах Ктесифона, на пастбищах в центральной части Персии.

Поэтому пока они ждали появления Ормузда, а Маврикий думал о ближайшем будущем, владыка земель иранских и неиранских размышлял о гораздо более далеком будущем. К тому времени, как предатель — сводный брат наконец появился, Хосров уже решил, как станет действовать.

Он приведет в ярость. Он бросит вызов общественному мнению.

Но он пожал плечами, отмахиваясь от проблемы. Хосров не боялся воплей арийской знати. Он верил: Велисарий уберет Ормузда с дороги, а он сам вверит будущее своей империи союзничеству с тем же человеком.

Ормузд поднимался по склону горы величественно — и в связи с тем, что за ним следовало большое количество прислужников и подхалимов, и потому, что он всегда передвигался с чувством собственного достоинства — по-царски. Поэтому у Хосрова нашлось время склониться к Маврикию и прошептать:

— Сегодня вечером. Приходи ко мне в шатер.

Маврикий кивнул.

* * *

Когда наконец Ормузд оказался перед императором, Хосров показал на многочисленный отряд малва, медленно перебирающийся через реку.

— Завтра, брат, ты вместе со своей армией отправишься в путь, чтобы присоединиться к союзным силам у Нехар Малки. Ты будешь помогать Баресманасу и Велисарию во время предстоящего сражения с врагом.

Ормузд нахмурился.

— Я не буду подчиняться приказам римлянина! — рявкнул он.— И Баресманаса. Я более высокого происхождения, чем...

Хосров махнул рукой.

— Конечно, нет, брат. Но я, а не они, отдаю тебе приказ. Я оставляю на твое усмотрение, как лучше помочь Велисарию после того, как ты прибудешь на место. Ты будешь командовать своими войсками. Но ты поможешь объединенным силам.

Сводный брат нахмурился сильнее. Хосров выглядел разгневанным.

— Ты должен подчиняться своему императору,— прошипел он.

Ормузд ничего не сказал. Поскольку Хосров сформулировал предложение таким образом, Ормузд не мог ничего сказать, если только не был готов открыто восстать против императора в эту самую минуту. А он не был готов — определенно не в центре расположения армии Хосрова. Не после того, как его престиж пострадал на протяжении последних двух месяцев.

Мгновение спустя Ормузд с неохотой согласился. Пробормотал несколько фраз, которые с натяжкой можно было принять за слова покорности, и быстро ушел.

* * *

Поздно вечером, когда Маврикий прибыл к шатру императора, его провели в личные покои Хосрова. Когда Маврикий вошел, Хосров сидел за небольшим столиком и писал письмо. Император поднял глаза, улыбнулся и показал на ближайшую подушку.

— Пожалуйста, садись, Маврикий. Я почти закончил.

После того как Маврикий сел, из-за занавески появился слуга и предложил ему кубок вина. До того как Маврикий сделал глоток, Хосров встал из-за стола и запечатал письмо императорской печатью, что указывало на официальное послание от императора Персии. Никакого видимого сигнала подано не было, тем не менее в помещении тут же появился слуга и взял послание императора. Мгновение спустя слуга исчез.

На наблюдавшего за происходящим Маврикия это произвело впечатление, но он не удивился. Персия всегда славилась эффективностью королевской почтовой сети. Человек, который доставлял письмо до места назначения, назывался парванак, и это было одно из наиболее престижных мест в императорской персидской иерар-

хии. В отличие от Персии, эквиваленты этих курьеров в Риме скорее являлись шпионами, чем работниками почтовой службы.

«Может, у нас и лучше поставлен контроль со стороны императора, но письма доставляются отвратительно»,— думал Маврикий угрюмо.

Как только они остались вдвоем, Хосров устроился на роскошных подушках.

— Расскажи мне об императоре Фотии,— приказал он.— Сыне Велисария.

Маврикия вопрос удивил, но он не подал виду.

— На самом деле это не родной сын, Ваше Величество. Усыновленный. Пасынок.

— Сын, я думаю,— улыбнулся Хосров.

Маврикий какое-то время внимательно смотрел на императора, потом кивнул. Серьезно кивнул. Скорее это даже был поклон, а не кивок.

— Да, Ваше Величество. Его сын.

— Расскажи мне о нем.

Маврикий опять внимательно смотрел на перса, все еще в удивлении. Хосров понял его и снова улыбнулся.

— Может, я задам вопрос пояснее.

Он встал и прошел в один конец комнаты. Отодвинул занавеску и выкрикнул имя. Мгновение спустя в покои вошла юная девушка. Она была напряжена, смущена и вела себя неуверенно.

Маврикий решил, что ей лет тринадцать, может, четырнадцать. Дочь высокопоставленного перса благородного происхождения. Это было очевидно. И очень красивая.

— Это Тахмина,— сказал Хосров.— Старшая дочь Баресманаса, самого благородного из благородных Суренов.

Жестом Хосров предложил Тахмине сесть на ближайшую подушку. Тахмина села, быстро и с удивительной грациозностью для такой молодой девушки.

— Мои дети очень малы,— сказал Хосров, потом добавил, посмеиваясь: — Кроме того, они все — мальчики.

Император повернулся и странно посмотрел на Маврикия. По крайней мере Маврикий решил, что посмотрел странно. Теперь он пребывал в полном замешательстве относительно целей императора.

— Баресманас очень любит дочь,— твердо сказал Хосров. Затем добавил еще более суровым тоном: — И я тоже. Баресманас просил меня о ней позаботиться, когда отправился в Константинополь вместе с женой. Она абсолютно очаровательный ребенок, и я получаю огромное наслаждение от общения с ней. Именно благодаря ей я с нетерпением жду появления своих дочерей. Когда-нибудь.

Император принялся ходить из угла в угол.

— У нее хороший характер, она умна и, как ты сам видишь, очень красива.

Он резко остановился.

— Поэтому расскажи мне о римском императоре Фотии.

Глаза Маврикия округлились. Челюсть отвисла.

— Ему только восемь лет,— подавился он.

Жест Хосрова в ответ на это сообщение мог сделать только император: августейше отмахнулся от полностью тривиальной проблемы.

— Он станет старше,— объявил император.— И ему вскоре потребуется жена.

Хосров снова стал очень серьезным.

— Итак. Расскажи мне об императоре Фотии. Я не прошу ничего, кроме твоего личного мнения о мальчике, Маврикий. Ты можешь сказать: он только ребенок. А я отвечу: из ребенка вырастает мужчина. Расскажи мне о мужчине Фотии.

На мгновение императорские манеры Хосрова дали сбой.

— Понимаешь, девочка для меня очень дорога. Я не хочу, чтобы она страдала.

Маврикий старался подобрать слова. Колебался, сомневался, обдумывал, возвращался в мыслях назад. Он оказался в слишком глубоких для него водах. Императорских водах, ради всего святого!

Затем, когда его взгляд блуждал по комнате, он вдруг встретился с глазами Тахмины. Скромными глазами. Неуверенными.

Испуганными.

Вот это Маврикий понял.

Он сделал глубокий вдох. Когда он заговорил, то в голосе слышался гораздо более сильный, чем обычно акцент тот, с которым говорят фракийские крестьяне.

— Он хороший парень, Ваше Величество. С хорошим характером. В нем нет подлости. Умный, как мне кажется. Конечно, еще рано говорить. Не по летам развитые ребята — а он именно такой — иногда потом все это растрачивают, если становятся слишком уверенными в себе. Но не Фотий. Не думаю.— Маврикий замолчал.— На самом деле мне не следует ничего больше говорить,— объявил он.— Это не мое дело.

Хосров впился в него взглядом.

— Черт побери! — рявкнул он.— Я просто хочу получить ответ на простой вопрос. Ты свою дочь за него выдал бы?

Маврикий уже собрался возразить, что у него нет дочерей — по крайней мере, насколько ему известно,— но взгляд Тахмины остановил его.

Это он понимал, на этот вопрос он мог ответить.

— О, да,— прошептал он.— О, да.

Глава 28

Александрия.
Осень 531 года н. э.

Когда корабли подошли к огромной гавани Александрии, Антонина начала беспокоиться, что весь ее флот может опрокинуться и перевернуться. У нее сложилось впечатление, что все солдаты на каждом корабле собрались у палубных ограждений с правого борта и смотрят на известный на весь мир маяк.

Огромный маяк стоял на небольшом островке Фарос, который соединялся с материком искусственной насыпью длиной в семь стадий. Насыпная дорога не только открывала доступ к маяку, но также разделяла гавань на две части.

Маяк состоял из трех «этажей» и вознесся ввысь почти на четыреста футов. Самая низшая часть была квадратной, вторая восьмиугольной, третья цилиндрической. На самом верху цилиндрической структуры находилась комната, в которой огонь горел круглосуточно, днем и ночью. Свет этого огня усиливался при помощи специального отражателя и проецировался в море.

Антонина и ее войска увидели этот свет несколько часов назад, когда флот ранним утром приближался к Александрии. Через два часа после восхода солнца луч казался бледным. Но в темноте свет маяка на самом деле оправдывал свою репутацию. А теперь, когда они смогли его рассмотреть с близкого расстояния, и здание тоже.

Солдаты просто усыпали правый борт каждого судна. Антонина уже собиралась отдать приказ, вероятно, бесполезный, когда крик с носа корабля привлек ее внимание.

— Приближаются суда! — кричал впередсмотрящий.— Большие парусные галеры! Восемь штук!

Антонина спустилась по лестнице с ютовой надстройки и поспешила вдоль правого борта на нос. Не прошло и минуты, как она стояла рядом с впередсмотрящим и глядела на небольшую группу судов, выходящих из гавани.

Восемь больших парусных галер, как он и сказал. Пять из них стандартного размера, три немного поменьше. В целом по ее оценкам должно быть, по меньшей мере, полторы тысячи солдат. Большинство — гребцы, но, быстро подсчитав количество, она решила, что на бортах также находится более четырехсот военных моряков. Вооруженных и в броне. Да и у гребцов тоже под рукой будет оружие на случай, если враги станут брать суда на абордаж.

Пока она наблюдала, семь галер растянулись в одну линию, закрывая вход в гавань. Восьмая, одна из трех меньшего размера, направилась к флотилии Антонины.

Она почувствовала чье-то присутствие рядом. Повернула голову и увидела, что к ней присоединился Гермоген вместе с двумя трибунами и капитаном флагманского корабля.

— Что прикажешь? — спросил капитан.

— Останови корабль,— сказала она.— И подай сигнал остальным. Пусть делают то же самое.

Капитан скривился, словно от боли, но тут же подчинился.

— Что я сказала не так на это раз? — проворчала Антонина.

Гермоген рассмеялся.

— Не знаю. Я тоже не моряк. Но как мне кажется, никто не «останавливает» корабль. Тем более целую флотилию! Это слишком логично и прямо. У моряков так не принято. Вероятно, следовало сказать что-то типа: отложи продвижение вперед и передай сигнал всем судам следовать примеру в выполнении приказов.

Антонина улыбнулась и снова стала изучать приближающуюся галеру. Теперь до военного корабля оставалось двести ярдов.

— Предполагаю, на галере есть наместники.

— Чьи? — спросил Гермоген. Антонина пожала плечами.

— Скоро узнаем.

Она оторвалась от палубного ограждения.

— Когда подплывут, проведите их в мою каюту. Я буду ждать их.

Гермоген кивнул.

— Хорошая мысль. Будет выглядеть более достойно, чем встречать их на палубе.

— Черт с этими встречами,— пробормотала Антонина.— В каюте я буду выглядеть выше. Я специально приказала спроектировать для себя тот трон.— Она уныло осмотрела собственное тело.— С моим ростом никого не запугаешь, если я просто стою рядом.

* * *

Она поспешила к своей каюте по узкому мостику, идущему вдоль борта. Отметила, что появление восьми больших парусных галер по крайней мере помогло ее судам не перевернуться. Солдаты тут же оторвались от созерцания достопримечательностей и занимали боевые позиции.

Она остановилась на мгновение. Флагманский корабль качался на волнах. Однако в это утро море оставалось спокойным и ветер, качающий судно, был очень легким. И качался корабль очень легко.

Антонина осмотрела флотилию в поисках корабля Иоанна и в течение нескольких секунд нашла «Феодору». К ее удовлетворению Иоанн уже поворачивал на северо-запад. В случае конфликта его корабль теперь будет в идеальном положении, чтобы идти по направлению к блокирующим гавань галерам.

Ее встретил Ашот.

— На борт поднимется несколько человек,— она показала на приближающуюся галеру.— Гермоген проводит их в мою каюту. Я хочу, чтобы ты...— она замолчала, изучая тех, кто был на борту приближающегося судна. Если быть точными — то она считала офицеров.— ...и четыре твоих катафракта были со мной,— закончила она.

Ашот улыбнулся довольно мрачно.

— Кто-нибудь конкретно?

Антонина ответила такой же мрачной улыбкой.

— Да. Четверо самых крупных, самых крепких, выглядящих наиболее устрашающе.

Ашот кивнул. Антонина не успела сделать три шага в направлении своей каюты, когда армянин уже выкрикивал приказы:

— Синесий! Матвей! Лео! Зенофилий! Ко мне!

* * *

Первым делом после того, как Гермоген провел их в нужное помещение, прибывшие офицеры осмотрели четырех катафрактов, стоявших по углам огромной каюты Антонины. Внимательно осматривали, в течение по меньшей мере полминуты.

Антонина боролась с улыбкой. Посетители больше всего напоминали ей четырех грешников в прихожей ада, осматривающих постоянных обитателей ада.

Четыре дьявола, каждый в своем углу. Если считать оружие и доспехи, по прикидкам Антонины, все они вместе весили тысячу двести фунтов. Двое катафрактов были такими высокими, что их шлемы почти касались потолка каюты. Один имел такую широкую грудную клетку, что казался несколько утрированным. А последний, Лео, считался всеми приближенными Велисария самым уродливым на земле человеком.

Иногда некрасивые бывают забавными. Иногда смешными, похожими на бульдога.

Но не в этом случае. Это был урод уродов. Злобный, страшный монстр. Что-то от великана-людоеда. Что-то от тролля — даже когда Лео не хмурился, а в эти минуты он определенно хмурился. Кишки сворачивало, по спине пробегал холод, медвежья болезнь настигала, когда он хмурился. Как Молох.

Антонина откашлялась. Скромно. Как настоящая леди.

— Что я могу для вас сделать, господа? — спросила.

Офицер, стоявший впереди, оторвал взгляд от Лео и уставился на нее. Он был человеком средних лет, седовласым, в бороде тоже просматривалось много седых волос. Скорее высокий, как подума-

ла Антонина, но он казался карликом в том же помещении, где находились четыре катафракта Ашота.

Мгновение взгляд мужчины ничего не выражал. Затем он начал ее узнавать и прищурился.

— Ты — Антонина? — спросил он.— Жена Велисария?

Она кивнула. Офицер поджал губы.

— Нам говорили — то есть мы понимаем, что ты назначена главной в этой... м-м-м флотилии.

Она кивнула. Губы офицера стали еще тоньше, словно он только что съел самый кислый в мире лимон.

— Ситуация в Александрии очень сложная,— с ударением на каждом слове сказал он.— Ты должна это понимать. Никому не поможет, если ты просто ворвешься...

— Ситуация в Египте не сложная,— перебила Антонина.— Ситуация очень проста. Бывшие гражданские, церковные и военные власти утратили доверие императора и императрицы-регентши. По этой причине меня отправили сюда проследить за их заменой на людей, которым доверяют император и императрица-регентша. На борту входящих в эту флотилию судов находятся новый префект претория, патриарх и главнокомандующий армией Египта.

Она показала пальцем на Гермогена. Молодой офицер стоял, прислонившись плечом к ближайшей стене, очень расслабленно.

— Вот он. Могу ли я вас представить?

Четверо морских офицеров смотрели на нее выпученными глазами. Антонина мило улыбнулась и добавила:

— Я буду также рада представить вас новому префекту претория и патриарху. Как можно скорее. Но, боюсь, их нет на этом корабле.

Один из более молодых офицеров, стоявший сзади, внезапно взорвался.

— Это абсурд! Вы не можете...

— Могу. И сделаю.

Тот же офицер снова открыл рот, но старший в первом ряду приказал ему замолчать, махнув рукой.

— Мы договорились, что говорить буду я! — Он слегка повернул голову.

Когда стоявший в первом ряду офицер снова посмотрел на Антонину, его губы полностью исчезли. Он полностью проглотил лимон.

— Я вижу, вы не готовы прислушаться к доводам разума! — рявкнул он.— Значит, я буду говорить прямо. Морские власти Александрии, представителями которых мы являемся, не будут брать чью-либо сторону в спорах, которые разворачиваются в городе. Но мы настаиваем, чтобы эти споры решились в самом городе. Мы не

можем согласиться и мы не согласимся на навязывание силового решения людьми со стороны. Поэтому...

— Арестуйте их,— сказала Антонина.— Всех четверых.— Она говорила тихо и спокойно.

Офицеры уставились на нее с открытыми ртами. Один из них потянулся за мечом. Но до того, как он успел вытащить его из ножен, его кисть схватила рука и сжала, словно в тисках. Это была рука Зенофилия, размером напоминавшая медвежью лапу. Другая огромная рука схватила офицера за шею сзади. Офицер принялся кричать.

Зенофилий сжал его горло. Офицер тут же прекратил кричать. Начал синеть.

Трех других держали точно так же — за кисть и шею — другие катафракты Ашота.

— Вы не имеете права! — вскрикнул тот, которого держал Матвей.

Матвей был одним из тех, кому почти приходилось нагибаться, чтобы не тереться шлемом о потолок каюты. Он весело улыбнулся и сжал шею пленного.

Молчание.

— Почему нет? — спросила Антонина, ангельски улыбаясь. Она кивнула Матвею. Он слегка ослабил давление на горло пленника.

Мужчина сильно раскашлялся. Затем, хватая воздух, выпалил:

— Галеры получили приказы! Если мы не вернемся в течение часа, они должны считать, что врагом начаты военные действия!

— «Врагом начаты военные действия»,— задумчиво повторил Гермоген.— Да, звучит зловеще.

Он бросил взгляд на Ашота, в той же позе прислонившегося к противоположной стене.

— «Врагом начаты военные действия»,— эхом повторил армянин.— Ужасно.

Ашот слегка повел плечами и встал прямо. Они с Гермогеном обменялись улыбками.

— Жуткие слова,— сказал Ашот.— Боюсь, могу обкакаться.

Только что угрожавший офицер рявкнул:

— Шутите сколько хотите! Но я напоминаю вам: это восемь военных кораблей. А у вас что есть, кроме этих судов для перевозки зерна? Две галеры — и все!

— Не совсем,— пробормотал Ашот. Повернул голову и посмотрел на Антонину.

Она кивнула. Ашот вышел из каюты. Секунду спустя собравшиеся услышали его голос:

— Отправьте сигнал на «Феодору»! Бело-голубой флаг! Потом красный!

Мгновение спустя он вернулся в каюту.

— Это означает «врагом начаты военные действия»,— пояснил он четверым арестованным. Затем улыбнулся: — В некотором роде.

Пленные так были увлечены разглядыванием Ашота, что не услышали, как Антонина прошептала:

— Если быть абсолютно точными, то это означает: «Бортовой залп».

* * *

На борту «Феодоры» Иоаннн Родосский и Эйсебий стояли на палубе полуюта. Увидев бело-голубой сигнал, за которым последовал красный, Иоанн издал вопль:

— Вот! Наконец-то! Теперь мы посмотрим, на что способна эта красивая сука!

— На твоем месте я не позволил бы императрице услышать такие слова,— пробормотал Эйсебий. Артиллерийский техник стоял рядом с Иоанном, схватившись за палубные ограждения. Его лицо выглядело изможденным и бледным. «Феодора» качалась на волнах, и это пробудило вечную морскую болезнь Эйсебия.

— Почему нет? — весело спросил Иоанн.— Ведь корабль назван в честь нее, не так ли? Разве императрица у нас не красивая? И разве она не является одной из самых злобных в мире сук? — Он весело хлопнул Эйсебия по плечу.— Но она — наша сука, парень! Наша!

Иоанн показал на лестницу, ведущую на палубу внизу.

— Теперь спускайся, Эйсебий. Я хочу, чтобы ты следил за нашими расчетами, а то у них энергия бьет через край.

Эйсебий стал осторожно спускаться по лестнице. Он слышал, как Иоанн громовым голосом орет матросам и лоцману:

— Направляйтесь к большим парусным галерам! Через гавань! Я хочу проплыть аккурат через их носы!

Добравшись до палубы, на которой были установлены артиллерийские орудия, Эйсебий направился на правый борт судна. Теперь «Феодора» изменила курс и двигалась с северо-запада на юго-восток. Во врага они смогут стрелять из пяти пушек на правом борту.

Вскоре Эйсебий забыл о морской болезни. Он был полностью занят подготовкой пушек к стрельбе. Он носился взад и вперед по палубе, беспокоясь о каждой детали работы.

На этот раз сирийские расчеты и их жены не проклинали его за въедливость и суетливость и не смеялись над ним, как непрактичным философом. Их ждало не упражнение в стрельбе. Им предстояло выполнение реальной боевой задачи. Они не будут стрелять по пустым бочонкам, сброшенным за борт, им предстоит стрелять по

боевым галерам, выставленным в ряд, которые в свою очередь будут стрелять по ним.

Да, на тех галерах нет пушек. Но эти скоростные галеры полностью отвечают своему предназначению. Они красиво спроектированы — на самом деле даже элегантно, в отличие от многих корыт, плавающих по морям, тем не менее, несмотря на свой относительно небольшой размер, они напоминали сирийским расчетам гигантских ос, готовых немедленно ужалить. Впереди у этих галер, подобно жалу осы, имелось специальное бревно. Им делались пробоины в судах врага.

Длинные, узкие галеры — и смертоносные.

К тому времени, как «Феодора» прошла полпути до галер, расчеты уже зарядили пушки и были готовы к стрельбе. Теперь они очень хорошо знали процесс — благодаря безжалостным тренировкам на протяжении всех недель путешествия, на которых настоял Эйсебий.

В то время они возмущались и негодовали по поводу количества тренировочных стрельб. Все расчеты на «Феодоре» являлись добровольцами из Когорты Феодоры. Когда открылись вакансии, многие боролись за них. Большинство сирийских гренадеров хотели получить эту престижную работу. Престижную и, как они предполагали, легкую. Конечно, если сравнить с бросанием гранат или стрельбой из тяжелых пистолетов — ручных пушек, как их называл Иоанн Родосский — в жаркий египетский день. Они думали отдыхать на кораблях, считали, что им не придется ходить больше нескольких шагов. Что может быть лучше?

Но вскоре узнали, как горько ошибались. Не прошло и недели после отплытия с Родоса, как расчеты стали предметом шуток всей Когорты. Остальные гренадеры облокачивались на палубные ограждения на своих судах и смотрели, как расчеты на «Феодоре» ежедневно тренируются. Смотрели и улыбались, день за днем, пока расчеты проливали реки пота под средиземноморским солнцем. Не таким горячим, как египетское, но достаточно жарким. В особенности для мужчин и женщин, которым приходилось переносить латунные пушки с места на место, таскать амуницию из трюма, заряжать, стрелять, а затем повторять все снова. Раз за разом, час за часом, день за днем. И все это под внимательным взглядом человека, который, судя по характеру, мог бы стать великолепным монахом. Монахом, который внимательно следит за работой других монахов, копирующих страницу за страницей рукописи, внимательно следит, чтобы кто-то случайно неправильно не провел пером, не капнул на страницу каплю чернил.

Очень придирчивый. Очень правильный и строгий, несмотря на молодость. Нытик, зануда, любящий ворчать, излишне беспокоя-

щийся из-за всякой ерунды. Как раз такой, кто в состоянии почти свести с ума крестьян с приграничных территорий.

Теперь стоя рядом с орудиями, сирийские расчеты молча благодарили Эйсебия. И им становилось спокойно от его присутствия. Да, этот парень обычно казался занозой в заднице, но он был своим парнем.

— Наш Эйсебий свое дело знает,— объявил один сириец.

— Лучший человек по пушкам,— согласился второй.

Внезапно одна из женщин рассмеялась и предложила:

— Ну так давайте же поприветствуем Эйсебия! Ну! Давайте!

Ее клич подхватили. Мгновение спустя весь контингент, приписанный к управлению пушками, уже скандировал:

— Эйсебий! Эйсебий!

Удивленный Эйсебий напрягся. Он знал, что командующий в таких ситуациях должен сказать речь. С эффектной концовкой. Призывом.

Эйсебий был способен на эффектную концовку не больше, чем мышь к полетам. Поэтому после секундного колебания он просто помахал рукой и улыбнулся. Довольно скромно, как неуклюжий молодой неудачник, которым был всю жизнь.

На его улыбку все сирийцы ответили улыбками. Их не разочаровало его молчание. Они очень хорошо знали этого человека.

Их командующего. Их занозу в заднице.

* * *

Наверху, на следующей палубе Иоанн Родосский тоже улыбнулся.

Не скромной, неуклюжей улыбкой. Нет, совсем нет. Иоанн Родосский не был ни скромным, ни неуклюжим, ни неудачником. Да, его прошлая карьера морского офицера оказалась поломана из-за слишком большой любви к женщинам. Но все его коллеги признавали его таланты, за исключением, возможно, тех, чьих жен он соблазнил. Его все называли лучшим римским капитаном.

Он знал, что видит боевой экипаж — сразу это понимал. И теперь, понимая, что Эйсебий никакую речь произносить не собирается, просто не может это сделать, возместил недостаток.

Конечно, по-своему. Перикл пришел бы в ужас.

— Солдаты! Храбрые мужчины и женщины из Когорты Феодоры!

Он перегнулся через палубные ограждения и с драматизмом показал пальцем на семь галер, находившихся на расстоянии примерно трехсот ярдов.

— Этим жалким ублюдкам конец! Конец!

Громкий и веселый клич поднялся на палубе. Кричали и расчеты, и их жены. Затем Иоанн услышал слабое эхо, идущее откуда-

то издалека. Он в удивлении повернулся и уставился на насыпную дорогу, ведущую к маяку.

Теперь на ней стояли люди. По всей длине. Он видел, как к ним бегут другие, все больше и больше. Из Александрии. Жители города, как он понял. Новость распространилась, и жители Александрии спешили посмотреть зрелище.

Бедные люди Александрии, если уж быть абсолютно точным. Даже на таком расстоянии Иоанн видел, что мужчины, женщины и дети, собравшиеся на насыпной дороге, одеты в простые одежды. Район гавани окружали трущобы. И жители этих трущоб первыми узнали новость и поспешили в гавань. Они теперь занимали все возможные точки обзора, выходящие на гавань и море.

Он улыбнулся.

— Это наши люди. Наши.

* * *

Антонина на флагманском корабле пришла к тому же выводу. Она вышла из каюты, как только четверых взятых в плен офицеров связали и их рты заткнули кляпами. Услышав доносившиеся издалека приветствия, она осмотрела толпу, собравшуюся на насыпной дороге. Затем подошла к палубному ограждению на правой стороне корабля и посмотрела на галеру, качающуюся на волнах недалеко от ее корабля. Высадив четырех офицеров, галера отошла примерно на тридцать ярдов и встала носом к флагманскому кораблю. Весла были готовы в любой момент опуститься на воду. В эти минуты галера просто удерживала равновесие. Но для Антонины было очевидно: галера при первом же сигнале в состоянии попытаться пробить ее судно специально предназначенным для таких целей бревном.

Но она не даст им нужного времени.

Она повернула голову и окликнула Евфрония. Командующий Когортой Феодоры тут же подбежал к ней.

Антонина кивнула на ближайшую галеру.

— Я хочу, чтобы этого судна больше не было. Ты можешь это сделать?

Молодой сириец посмотрел на галеру. Один раз быстро взглянул, и все.

— С такого расстояния? Легко. Даже не придется использовать пращу.

— Сделай это,— приказала она. Когда Евфроний стал разворачиваться, она остановила его рукой.— Я хочу, чтобы это был удар молота, Евфроний. Не просто несколько гранат. Если галера сможет набрать скорость, то она проделает дыру в нашем корабле.

Евфроний кивнул. Мгновение спустя он уже отдавал приказы — жестами и шипящим шепотом. Гренадеры собрались в центре корабля. Как поняла Антонина, гренадеры невидимы для моряков, управляющих низкой галерой, до тех пор пока они не окажутся у самого палубного ограждения, бросая гранаты.

Из каюты вышел Гермоген. Увидев нарастающую активность в центре, поспешил к Антонине.

— Ты не собираешься их каким-либо образом предупреждать? — спросил он.— Предлагать сдаться?

Антонина покачала головой.

— Не смею. Галера слишком близко. Если они получат предупреждение, то, возможно, им удастся сделать нам пробоину до того, как гранаты сделают свою работу. А если они подберутся слишком близко, то гранаты становятся уже опасны нам самим.

Гермоген кивнул в задумчивости.

— Разумно,— согласился он и уставился на ближайшее судно.

На носу галеры стояло несколько офицеров. Они находились достаточно близко, чтобы рассмотреть выражения их лиц.

Они хмурились. Они беспокоились. Размышляли, что случилось с теми, кто взошел на борт. У них начинали зарождаться подозрения.

— Ну и черт с ними,— проворчал Гермоген.

Антонина услышала тихое шипение. Повернула голову и увидела, что гренадеры Евфрония заняли позиции. По меньшей мере три дюжины стояли в боевой готовности, держа гранаты в руках. Их жены стояли сразу за ними, готовые зажечь запалы. Запалы были обрезаны очень коротко.

Она осторожно махнула рукой, но руку держала на уровне талии. Она показывала гренадерам: пора.

Жены зажгли запалы. Сирийцы бросились к палубному ограждению и прокричали:

— За империю! За империю!

Услышав внезапный крик, офицеры на галере напряглись. Один открыл рот. Предположительно, чтобы выкрикнуть приказ. Но его челюсть просто отвисла, когда он увидел, как толпа гренадеров появилась у палубного ограждения более высокого корабля.

Он так и не произнес ни слова. Просто смотрел в ужасе, как множество гранат летит по воздуху.

Затем вместе со своими товарищами пригнулся и попытался уклониться.

Наверное, он думал, что в них летят камни. Он никогда не узнал правду. На носу приземлилось шесть гранат. Они разорвали его на куски вместе с носом галеры.

Разрывающиеся гранаты повредили галеру по всей длине. Положение, которое занимала галера — носом к кораблю Антонины,

готовая делать пробоину,— было худшим из возможных, чтобы уклониться от гранат. Некоторые гранаты вообще не попали по галере. Они упали в воду по обеим сторонам. Но большинство гренадеров попали по цели. И если один гренадер кинул гранату чуть дальше, то это только добавило паники и разрушений. Длина галеры составляла почти сто футов от носа до кормы. Большинство гренадеров легко могли бросить гранату на сто футов, разделявшие флагманский корабль и цель. Многие могли добросить до середины галеры, а некоторые попасть и на корму.

Гранаты упали почти одновременно и взорвались в течение трех секунд. Дюжины тел были выброшены за борт. Совсем немногие выжившие находились преимущественно на корме. На середине галеры, куда попала по меньшей мере дюжина гранат, двести человек превратились в кровавое месиво.

Корпус судна был серьезно поврежден, там имелись настоящие пробоины или отлетели доски. Вода хлынула внутрь, потянула галеру ко дну. Некоторые выжившие стали прыгать с кормы. Другие, не умеющие плавать, просто смотрели, как приближается их смерть. Они были слишком поражены, чтобы кричать в отчаянии.

Не поворачивая головы, Антонина обратилась к Гермогену.

— Спасите тех, кого можете,— приказала она.— И посадите их под стражу в трюм.

Глаза Антонины стали искать другие галеры при входе в гавань. Военные суда приходили в движение. Она уже видела, как блестят поднимающиеся из воды весла. Но через мгновение она поняла, что к ней направляются только четыре галеры. Три другие решили перехватить «Феодору», которая шла к ним с северо-запада. Вернее, попытаться. Даже для неопытного глаза Антонины стало очевидно: «Феодора» пройдет мимо и у нее окажется, по меньшей мере, сто ярдов морского пространства.

— Я рассчитываю на тебя, Иоанн,— прошептала она.— Разбей несколько этих галер для меня.

* * *

Иоанн на «Феодоре» отдавал новые приказы.

— Не обращай внимания на эти три, которые идут на нас, Эйсебий! — орал он.— Концентрируй огонь на тех, которые идут к Антонине!

Эйсебий даже не потрудился поднять голову. Он был занят: помогал одному из расчетов устанавливать пушку. Поэтому просто махнул рукой, показывая, что все понял.

Наконец, удовлетворившись работой, он поднял голову на врага. Они уже шли перпендикулярно носам трех военных галер, которые

бросились вперед, чтобы перехватить их. До ближайшей было двести ярдов — слишком далеко, чтобы она успела сделать в корабле Иоанна пробоину, даже несмотря на значительно более высокую скорость галер, чем «Феодоры».

Эйсебий перевел взгляд на четыре другие галеры. До ближайшей было триста ярдов. Оценивая скорость всех участников, Эйсебий решил, что галеры окажутся в радиусе действия ядер менее чем через две минуты.

— Стрелять по моей команде!

Как и всегда, Эйсебий попытался скопировать командирский рев Иоанна Родосского. Как и всегда, результат оказался жалким подобием. Но его тем не менее услышали расчеты.

Он снова закричал:

— Не нужно всем сразу! Каждая пушка по моему приказу!

Он побежал к первой. На мгновение показалось, что он сейчас оттолкнет командира расчета. Затем он сдержался и занял положение сзади, просто глядя через его плечо. Целился вместе со старшим в расчете.

Теперь осталось двести пятьдесят ярдов.

Двести.

Следует подождать до ста. Это будет хорошим расстоянием.

Эйсебий забыл обо всем, кроме быстроходной галеры, маячившей впереди. У него было плохое зрение, поэтому вражеское судно казалось ему расплывчатым. Но это не играло роли. Его решение будет основываться на относительном движении, а не точном восприятии.

Они с командиром расчета отошли в сторону, чтобы не пострадать от отдачи. Это движение ни в коей мере не отвлекло внимание Эйсебия.

— Огонь,— тихо сказал он.

Пушка прогрохотала. Откатилась немного назад. Над целью возникло облако дыма.

Но Эйсебий в любом случае не смотрел на цель. Он уже бежал к следующей пушке. К тому времени, как он до нее добрался, командир второго расчета уже отступил в сторону, освобождая место для отдачи.

Эйсебий бросил быстрый взгляд близоруких глаз. И снова он видел только туманные очертания. Относительное движение, относительное движение — это все, что играло роль.

Он постучал старшего в расчете по шлему.

— Огонь.

Дальше, к следующей пушке.

Размытые очертания. Относительное движение, относительное движение. Огонь.

Дальше, к следующей пушке.

Размытые очертания. Относительное движение, относительное движение. Огонь.

Дальше, к следующей пушке.

Размытые очертания.

Размытые очертания.

Никакого движения.

Он поднял глаза и прищурился. Внезапно он услышал окружающие его звуки. Восторженные крики. Поздравления. Сирийские расчеты приветствовали его. Сирийские жены победно кричали. А затем громче всех прозвучал вопль Иоанна Родосского:

— О, как красиво! Отличная работа, Эйсебий! Великолепно!

Командир последнего расчета улыбался Эйсебию.

— Та галера все еще на воде,— сказал он.— Хочешь ее добить?

Эйсебий покачал головой.

— Нет. Есть другие.

Он прищурился. Все было в тумане. Он подумал, что видит два судна, стоящих очень близко друг к другу, но...

Много лет спустя молодой артиллерийский техник будет вспоминать эту минуту и решит, что именно тогда он стал взрослым. Всю жизнь его беспокоило плохое зрение. Тем не менее он был слишком горд и также слишком стеснителен, чтобы просить о помощи.

Наконец попросил.

— Я не очень хорошо вижу, командир расчета,— признался он.— Я прав? Там два судна стоят рядом друг с другом?

Сириец улыбнулся шире.

— Да, ты прав. Ублюдки почти столкнулись, убегая от нашего огня. И у них переплелись весла.

Эйсебий кивнул. Затем выпрямился и закричал:

— Расчеты! Пушки перезаряжены?

Через несколько секунд послышался хор утвердительных ответов.

— Готовьтесь к стрельбе! Цельтесь в эти два судна! Стреляем одновременно! По моей команде!

Он склонился через палубные ограждения и прошептал:

— Помоги мне, командир расчета! Скажи мне, когда ты думаешь...

Сириец изучил врага. Две галеры в ста ярдах как раз в эти минуты пытались расцепиться. Хорошая, крупная, сладкая цель.

Он похлопал Эйсебия по колену.

— Сейчас,— прошептал он.

Эйсебий тут же закричал:

— Огонь! Все вместе! Все...

Остальные слова потерялись, заглушенные шумом пальбы.

Когда дым рассеялся, снова послышались радостные крики. Да, одновременный выстрел из всех пушек сразу не принес столько разрушений, сколько огонь каждой пушкой по очереди по первой галере. Но это не играло особой роли. Да, галеры были предназначены для пробивания дыр во вражеских кораблях и для этого в носовой части имелось специальное прочное приспособление наподобие бревна, но сами корпуса галер делались из тонких досок, чтобы судна были скоростными. Корпуса не проектировались для противостояния ударам мраморных пушечных ядер диаметром пять дюймов.

Одна из галер получила пробоину в носовой части. Недостаточно большую, чтобы потопить ее, но достаточную, чтобы галера бросилась к берегу.

Что касается другой...

Нос был сильно разрушен, хотя пробоины отсутствовали. Но одно пушечное ядро по счастливой случайности пролетало вдоль левого борта как раз в тот момент, когда гребцы поднимали весла из воды. Многие из этих весел сломались. Части сломанных весел полетели внутрь галеры и ударили по дюжинам гребцов, подобно палицам. Объективно говоря, галера все еще была способна к участию в сражении. Но экипаж уже достаточно насмотрелся на жуткое дьявольское оружие. И эта галера тоже развернулась и поспешила (по мере возможности) в гавань. Правда, шла убого — половина весел отсутствовала.

Иоанн уже выкрикивал новые команды. Четыре галеры, направлявшиеся к флагманскому кораблю Антонины, были эффективно разрушены — одна тонула, две бросились наутек, последняя качалась в нерешительности. С этой последней Антонина сама справится. Теперь у Иоанна возникли свои проблемы.

Родосец развернул свой корабль, чтобы смотреть на три галеры, которые ранее пытались перехватить его. Галеры нацелились на него, а поскольку скорость у них была значительно выше, быстро приближались.

Но недостаточно. К тому времени, как они оказались в радиусе действия ядер, Иоанн уже развернул корабль левым бортом — и пятью пушками, которые еще не участвовали в стрельбе, а также свежими расчетами, готовыми к бою.

Эйсебий тоже уже перебежал на ту палубу. Иоанн немного удивился, что артиллерийский техник привел с собой одного из командиров расчета с правого борта.

Он увидел, как Эйсебий и командир расчета коротко совещаются. Затем голос Эйсебия, который ни с чьим не спутать, прокричал:

— Все одновременно! По моей команде!

Иоанн улыбнулся. Как и много раз в прошлом, Иоанну мальчишеский голос артиллерийского техника показался комичным. Но на этот раз в улыбке моряка не было и следа покровительственности.

Комичен, да. Но не патетичен.

И снова он увидел, как головы Эйсебия и командира расчета склонились друг к другу, что-то напряженно обсуждая. До трех галер теперь было двести ярдов, их весла мелькали, их смертоносные бревна нацелились прямо на «Феодору».

— Огонь! Все одновременно! Все...— послышался крик Эйсебия.

Слова заглушил грохот. Облако дыма закрыло врага.

— Перезаряжайте! Перезаряжайте! Быстро! Быстро!

Иоанн наблюдал, как расчеты справляются с заданием. Он молча поблагодарил бесконечные часы тренировок и Эйсебия, который, несмотря на жалобы и недовольство сирийцев, заставлял их повторять процесс снова и снова.

Теперь они не жаловались. О, нет, совсем нет. Просто быстро делали то, что нужно. И выкрикивали боевой клич:

— За империю! За империю!

Дым рассеялся достаточно, чтобы Иоанн мог увидеть врага. Теперь до трех галер оставалось всего пятьдесят ярдов. Он поморщился. Не обойдешь их теперь, весь пробьют же...

Если только...

Он понял: их движение вперед прекратилось. Да, ни одна из галер не тонула. Только одна из них, судя по внешнему виду, пострадала от значительного повреждения корпуса. Но шока оказалось достаточно, чтобы гребцы сбились с ритма. Люди на этих галерах были совершенно неподготовлены к грохоту пушек, причем пушек, стреляющих одновременно. Вместо того чтобы нестись вперед и попытаться пробить вражеский корабль, они просто дрейфовали.

— Огонь! Все вместе! — снова послышался крик.

Слова опять потерялись в грохоте. Облако дыма. Враг невидим.

Иоанн перегнулся через палубное ограждение, готовый приказать...

Не нужно. Эйсебий уже все делал сам.

— Заряжайте канистрами! Канистрами! Канистрами!

Дым рассеялся. По крайней мере, достаточно, чтобы Иоанн все увидел.

Одна галера тонула. Другая сильно пострадала. Она все еще держалась на плаву, но вышла из-под управления. Теперь смертоносное бревно целилось в никуда, в пустое Средиземное море.

Но третья галера все еще оставалось на плаву. Нет, она не собиралась делать пробоину в «Феодоре». Она просто старалась передвигаться, несмотря на сломанные весла и раненых гребцов. В отчаянии боролась. Собиралась бороться.

Бесполезно. Иоанн увидел Эйсебия у центральной пушки, суетящегося вокруг расчета. Галера находилась только в десяти яр-

дах — достаточно близко даже для близоруких глаз артиллерийского техника.

Иоанн увидел, как Эйсебий постучал командиру расчета по шлему. Увидел, как шевельнулись его губы, но слов не услышал.

Мгновение спустя из пушки вылетело облако дыма. Канистра прошла по длине галеры как коса.

Иоанн Родосский ни в коем случае не был чувствительным человеком, но и он не смог не дернуться от чистой жестокости, с которой содержимое канистры нанесло увечья экипажу галеры. Ведь это был выстрел с близкого расстояния в большую группу людей, сидящих рядом друг с другом на веслах, близко друг к другу...

Он содрогнулся. Увидел, как Эйсебий бросился к следующей пушке. Пушка целится. Потом Эйсебий стучит командиру расчета по шлему.

Снова грохот. Еще одна канистра выпущена по галере. Кровь везде.

Эйсебий бежит дальше. Прицелились. Огонь.

Теперь это было просто убийство. Чистая бойня.

Эйсебий бежит дальше.

Иоанн перегнулся через палубные ограждения и закричал:

— Достаточно, Эйсебий! Достаточно!

Артиллерийских техник, уже готовый отдать приказ следующему расчету, посмотрел наверх. Прищурил близорукие глаза.

— Достаточно! — закричал Иоанн.

Эйсебий медленно выпрямился. Медленно подошел к палубному ограждению и перегнулся. Посмотрел на нос галеры, который теперь мягко бился о бок «Феодоры». И впервые изучил свою работу.

При других обстоятельствах, в другое время сирийские расчеты — в основном грубые деревенские парни — посмеялись бы над ним. Поиздевались, хмыкнули при виде командующего Эйсебия, которого выворачивало в море.

Но только не в этот день. Нет, не в этот. Вместо этого сирийские расчеты и их жены медленно собрались вокруг него, мужчины неловко хлопали его по плечу, когда его тошнило. А затем, когда он выпрямился, полная сирийская женщина прижала рыдающего молодого человека к себе, тепло обняла, не обращая внимания на слезы, которые смачивали ее простое крестьянское платье.

* * *

Наверху, на следующей палубе, Иоанн вздохнул.

— Добро пожаловать в клуб, парень. Клуб убийц.

Он поднял голову и осмотрел море.

Победа. Полная. Четыре галеры и их экипажи уничтожены. Три разбиты. Единственная неповрежденная галера несется прочь.

Он посмотрел на флагманский корабль Антонины.

— Она твоя, девочка. Александрия твоя. Бери ее.

* * *

Антонина изучала ситуацию с борта флагманского корабля. Вначале она с удовлетворением наблюдала за разбитым флотом врага. Изучала дико скандирующую толпу на насыпной дороге с таким же удовлетворением.

Затем, когда все удовлетворение ушло, она стала изучать сам город.

За гаванью она видела возвышающийся вдали над жилыми домами и складами высоченный столб, воздвигнутый в честь *Помпея*. И неподалеку церковь Святого Михаила. Когда-то это здание называлось храмом Цезаря. Два огромных обелиска все еще возвышались перед ним. Но грандиозное языческое строение, с известной окантовкой из серебряных и золотых картин и статуй, теперь было передано поклоняющимся Христу.

И конечно властям — официальным представителям Христа. Патриарх Александрии жил там, как и другие патриархи на протяжении двух тысяч лет. Сто лет спустя после того, как они там обосновались, на улице перед храмом великолепная учительница философии, женщина по имени *Гипатия*, была раздета догола и забита до смерти толпой религиозных фанатиков.

— Черт с ней, с Александрией,— прошипела Антонина

Глава 29

Сурат.
Осень 531 года н. э.

К концу первого часа Куджуло жаловался:

— Ну и грязь! Я с радостью вспоминаю дворец Венандакатры. Сухо. Чисто.

Шедший впереди него Кунгас фыркнул. Они пробирались сквозь густой, пропитанный влагой лес.

— Мы там провели шесть месяцев. Насколько я помню, ты начал жаловаться в первый день. Слишком скучно, говорил. Тоска. И ты не прекращал жаловаться, пока нас не выгнали из дворца, чтобы освободить место для новых стражников императрицы.

Еще один кушан, прокладывающий путь рядом, тоже фыркнул.

— Затем он стал жаловаться на новые казармы. Слишком мало места, говорил. Слишком сильно дует.

Куджуло улыбнулся.

— Я просто более разборчив, чем вы, крестьяне, и в этом все дело. Живете, как скот. Прожевываете свою жизнь, отгоняете мух хвостами. И...

Он замолчал, выругался, когда ему самому пришлось отогнать муху.

Кунгас увидел, как небольшая группа проводников остановилась у развилки.

Три молодых представителя народности маратхи, лесоруба, быстро совещались. Затем один повернул назад навстречу колонне кушанских солдат.

На Кунгаса, наблюдавшего за ним, молодой лесоруб произвел должное впечатление. Он легко и уверенно пробирался через густые заросли. Тропинки как таковой не было. Путь вихлял, как змея. Земля пропиталась влагой после нескольких недель сильных дождей. Кушанам было трудно из-за тяжелых доспехов и оружия, которое они несли с собой.

Добравшись до Кунгаса, лесоруб показал на тропу, по которой только что пришел к ним.

— Вот там. За той полосой деревьев начинается возвышенность, которая ведет к крепости. Можете идти или направо, или налево. Тропинок тут нет.

Он замолчал, глядя на солдата странного вида. Было очевидно: лесоруб сильно побаивается Кунгаса.

Частично страх объяснялся внешностью Кунгаса. Рыбаки и лесорубы маратхи, обитающие в густом лесу вдоль побережья, были по большей части изолированы от остальной Индии. Они совсем не знали кушанов, которые перетягивали волосы в хвосты, имели приплюснутые носы и грубые черты лица, свойственные степным жителям.

Но больше всего молодой человек боялся, исходя из рациональных соображений. У лесоруба имелись основания опасаться. Бедняки Индии — и бедняки в большинстве стран — имеют долгую память об обычном отношении солдат к таким, как они.

Лесорубы согласились проводить кушанов к крепости только по двум причинам.

Во-первых, деньги. Много денег. Богатство по их представлениям.

Во-вторых, магическое имя принцессы Шакунталы. Известие дошло даже сюда, в отдаленный прибрежный лес.

Андхра все еще жива. Династия Сатаваханы выжила.

Для лесоруба Андхра была чем-то туманным, даже полумистическим. Семья Сатаваханы — скорее именем из легенды, чем реальной жизни. Как и большинство бедняков Индии, лесоруб не считал политику частью своего ежедневного существования. Конечно, не императорскую политику.

Тем не менее...

Новые правители из малва были зверьми. Жестокими, жадными и ненасытными. И все это знали.

На самом деле у самого лесоруба опыта встреч с малва не имелось. Малва были заняты покорением Декана и не побеспокоились послать силы на побережье, за исключением завоевания порта Сурат. Идущие вдоль побережья леса, изолированные Западными Гатами, не представляли собого интереса для малва.

Но проживающие вдоль побережья люди относились к народности маратхи и поэтому слухи распространились. Рассказы о жестокостях малва. Рассказы о жадности малва и грабежах. И со временем становились легендарными рассказы о мягких и добрых правителях из династии Сатаваханы.

На самом деле лесоруб — и даже самый старший прадедушка из их деревни — лично не помнили методы правления династии Сатаваханы. Сатаваханы оставляли бедняков с побережья в покое и ими не интересовались. И именно таких правителей любили рыбаки и лесорубы. Находящихся далеко и забывчивых. О них слышали, но никогда не видели.

Поэтому после долгих колебаний и споров молодые лесорубы согласились проводить Кунгаса и его людей к крепости. Они не стали спрашивать, зачем Кунгас ищет это страшное место.

Их работа была сделана. Теперь лесоруб с опаской ждал. Ему заплатят то, что еще причиталось, или...

Кунгас был крепким орешком и жестким человеком. Твердым, как камень, во многом. Но он ни в коей мере не был жестоким. Поэтому у него даже мысли не возникло обмануть лесоруба или играть на его страхах. Он просто опустил руку в кошель и извлек три небольшие монетки.

На лице лесоруба появилась широкая улыбка. Он повернулся и махнул друзьям, показывая им деньги.

Тогда Кунгас почти сам улыбнулся. Два других лесоруба, все еще остававшиеся в двадцати ярдах вверх по тропе, очевидно были готовы броситься наутек в лес при первых признаках опасности. Теперь они поспешили вперед.

— И вот еще что,— проворчал Куджуло.— Мне не хватает доверия, которое царило во дворце Подлого.

Кушаны, стоявшие достаточно близко, чтобы услышать, рассмеялись. Даже Кунгас улыбнулся.

Шум испугал лесорубов. Но затем, поняв, что шутка направлена не на них, они расслабились.

Конечно, не сильно. Через несколько секунд они уже спешили назад к своей деревне, до которой было десять миль. И с большой осторожностью обходили пятьсот кушанских солдат, идущих по проложенному в густых зарослях пути.

Кунгас направился дальше.

— Давайте взглянем на эту могущественную крепость, а?

* * *

Двадцать минут спустя Куджуло снова жаловался:

— Я не верю! Это — стражники? Это — крепость?

Кунгас и пятеро других кушанов из командного состава, собравшиеся вокруг него, осмотрели крепость из-за зарослей деревьев и презрительно заворчали.

Они находились к юго-востоку от крепости. Строение располагалось на вершине небольшой горы прямо перед ними. Гора насчитывала двести футов в высоту, не больше. С другой стороны горы все еще невидимый кушанам из-за закрывающих его деревьев простирался бескрайний океан.

Покрывавший берег лес на горе был менее густым. Но не сильно. Деревья — старые, большие — росли у основания крепостных стен. Ветви одного особенно большого дерева даже закрывали часть бойниц.

— Какие идиоты не срубят деревья вокруг крепости? — спросил Куджуло.

— Мой любимый тип идиотов,— мягко ответил Кунгас.— Настоящие идиоты без всякой примеси.

Кунгас повернулся к подчиненным.

Для разнообразия он по-настоящему улыбался. Не изображал брак в железе, который обычно чуть-чуть изменял его маску.

— Что вы думаете? Мы можем это сделать?

В ответ — пять саркастических ухмылок. Куджуло показал пальцем на вход в крепость. Тяжелые деревянные ворота с южной стороны крепости были широко открыты. Перед ними под навесом отдыхали восемь солдат малва. Стоял только один. Остальные растянулись на земле. Двое, очевидно, спали. Остальные пять играли в кости.

— Черт с ними с доспехами,— проворчал Куджуло.— Они не нужны. Я могу подвести своих людей на десять ярдов от этих свиней, и они нас не увидят. Быстрый бросок и ворота наши.

— А сколько времени ты их сможешь удержать, как ты думаешь? — спросил Кунгас. Командир кушанов изучал деревья, растущие на возвышенности.— Ты можешь доставить своих людей туда так, чтобы их не увидели. Согласен. Но я не думаю, что мне удастся подвести больше трех подразделений так, чтобы их не заметили. Остальным придется ждать здесь, пока ты не начнешь атаку.

Он посмотрел вверх, оценивая погоду. Небо висело низко, но Кунгас не думал, что в скором времени пойдет дождь. По крайней

мере несколько часов. Он опустил глаза и осмотрел саму гору. Оценивал расстояние и состояние местности.

— Пятьсот футов. Глинистая почва. Подъем крутой. Нам потребуется две минуты.

Куджуло хмыкнул.

— Две минуты? Ты думаешь, я не могу удержать такие большие ворота, как эти, против жалких ублюдков малва? При помощи еще трех подразделений? Какие-то жалкие две минуты?

Кунгасу стало смешно. На этот раз жалобы Куджуло были наполнены искренним расстройством.

— В таком случае действуй. Выбирай подразделения. Кого ты хочешь взять с собой. Пока вы пробираетесь наверх, я приготовлю остальных для основного броска.

Куджуло хотел встать. Кунгас удержал его, положив руку на плечо.

— Помни, Куджуло. Пленники. Как можно больше. В особенности расчеты пушек. Они нам потребуются позднее.

Куджуло кивнул. Мгновение спустя ушел.

Остальные члены командного состава не ждали приказов Кунгаса, просто начали организовывать небольшую армию для наступления. Кунгас не стал наблюдать за их работой. Он лично выбирал офицеров для этой вылазки и полностью в них верил. Он просто все это время занимался изучением крепости. Пытался определить наиболее вероятное внутреннее обустройство.

Несмотря на расслабленность стражи, сама крепость впечатляла. По форме она представляла собой простой квадрат. Стены толстые, камень хорошо обработан, высота — тридцать футов. Углы защищались круглыми башнями, возвышавшимися еще на десять футов над стенами. Две одинаковые круглые башни были установлены над крепостными воротами. Наряду с зубцами крепостной стены и бойницами на стенах также имелись еще и закрытые каменные выступы, на несколько футов от стен, с проемами, из которых на атакующих снизу можно было выливать кипяток. Открытые бойницы укреплялись добавлением деревянных ставней, которые закрывались, чтобы враг не смог ими воспользоваться.

Эти стены представлялись бы очень серьезным вызовом, и взять их было бы крайне сложно — если бы крепость охраняли надежные стражники. Но пока Кунгас наблюдал за крепостью, наверху появлялись только четыре солдата. Судя по тому, где они появлялись, было очевидно: они идут вдоль крепостного вала. Скорее всего, по верху стены проходит дорожка, которая служит боевой платформой. На ней во время осады тоже должны располагаться бойцы. Но малва просто гуляли по верху, занятые своими делами. Ни один из них даже ни разу не посмотрел на окружающий лес.

Кунгас попытался обнаружить место трех орудий, но не увидел их. Он знал: они там.

Несколько дней назад на корабль Шакунталы были доставлены рыбаки. Они хорошо описали Кунгасу то, как крепость выглядит со стороны моря. На северо-западном углу сделано нечто типа тяжелой каменной платформы. На этой платформе и стоят тяжелые орудия. С той точки огромные пушки охраняли гавань Сурата.

Но они находились на противоположной стороне крепости от той, где лежал между деревьев Кунгас.

Он внутренне пожал плечами. В эти минуты пушки его не беспокоили. Рыбаки из народности маратхи понятия не имели, как работают эти пушки и на какое расстояние стреляют. У самого Кунгаса имелось только смутное представление. Несмотря на то что он много лет служил малва, ему ни разу не удалось близко подойти к подобным орудиям. Малва всегда прилагали усилия, чтобы их вассалы кушаны и раджпуты не узнали лишнего о так называемом оружии вед. Но он владел достаточной информацией — и из того, что все-таки видел сам, и из того, что в свое время ему поведали аксумиты. Поэтому он знал: передвинуть такие орудия с места на место крайне сложно. У находящихся в крепости представителей малва нет ни одного шанса изменить месторасположение орудий вовремя, чтобы отразить предстоящую атаку.

Говоря о чем...

Он подумал, что к этой минуте Куджуло, вероятно, уже занял позицию. Конечно, с уверенностью утверждать было нельзя. Кунгас выбрал Куджуло из-за просто мистической способности парня пробираться украдкой. Даже сам Кунгас, зная, что искать, смог заметить только двух подчиненных Куджуло, когда те осторожно взбирались вверх по склону. Он не сомневался: стражники малва не увидели ничего вообще.

Кунгас медленно повернул голову, осматривая местность справа и слева. Он был доволен, хотя и не удивлен тому, что вся его армия уже заняла позиции, ожидая сигнала.

Довольный Кунгас опять посмотрел на крепость. Словно это легкое движение головы послужило сигналом, Куджуло как раз в эту секунду начал штурм.

Кунгас не мог видеть всех деталей внезапного штурма. Частично из-за расстояния. В основном из-за Куджуло.

Кунгас выбрал именно его еще и по другой причине. Куджуло действовал очень быстро. Он и его люди, которых Куджуло готовил сам. Действовали исключительно быстро. Безжалостно.

Кунгас увидел, как десять человек Куджуло выскочили из-за деревьев. От навеса, под которым отдыхали стражники, их отделяло десять ярдов. Они подобрались на это расстояние так, что их не заметили.

Три секунды спустя началось избиение. Восемь секунд спустя оно закончилось. Большая часть этого времени была проведена за протыканием копьями пятерых игроков в кости, которые теперь валялись на земле. Эти извивающиеся на земле солдаты представляли для кушанов совсем небольшое препятствие. Почти как косяк рыб, которых протыкают гарпуном.

Однако Кунгас ничего из этого не видел. Только заметив, как люди Куджуло выскочили из-за деревьев, он отдал приказ на общий штурм. Пятьсот кушанов — минус сорок, которые уже штурмовали ворота — бросились вверх по склону.

Это был ветеранский тип штурма. Кушаны осторожно выбирали темп. Не имело смысла появляться в крепости слишком усталыми для борьбы. Куджуло и его солдатам просто пока придется справляться самим.

Это задание оказалось гораздо более простым, чем следовало бы. До того как внутри крепости прозвучал сигнал тревоги, Куджуло со своим подразделением не только убили восемь стражников у ворот, но им также удалось пробраться и в саму сторожку. В проходе внутри сторожки стояли еще два человека, ни один из которых не оказался более готовым к атаке, чем восемь стражников, отдыхавших у ворот снаружи.

Куджуло собственноручно прикончил двоих стражников в сторожке. После этого он тут же стал пытаться найти так называемые смертельные дыры. Но, осмотрев потолок, который изгибался аркой, не увидел ни одной.

К нему подбежал один из подчиненных. Как и Куджуло, солдат осматривал каменный потолок в поисках отверстий, сквозь которые на них могли сбросить камни, вылить кипяток или заколоть копьями.

— Не вижу,— пробормотал солдат.

Куджуло покачал головой.

— Их тут нет.

Он плюнул на каменный пол, затем направился к дальнему входу. Его подразделение последовало за ним. Пять секунд спустя кушаны из трех других подразделений, служившие их непосредственным прикрытием, стали забегать в сторожку.

Фактически это был каменный туннель, проходящий непосредственно сквозь сторожку — тридцать футов в длину и примерно пятнадцать в ширину. С арочным потолком, не более двенадцати футов в самом высоком месте. Внутренние ворота открывались уже непосредственно в крепость и стояли распахнутыми. Когда Куджуло добрался до них, то понял: их не охраняет никто из малва.

— Чертовы идиоты,— хмыкнул он презрительно.

Он слышал крики, долетающие откуда-то изнутри крепости.

Наконец прозвучал сигнал тревоги. Или кто-то услышал шум схватки, или кто-то из стражников на верху крепостной стены увидел штурм.

Выскочив из внутренних ворот, Куджуло сделал три шага вперед перед тем, как начать изучать ситуацию. Внутренняя часть крепости была спроектирована, как полый квадрат. Стены с севера, востока и юга этой структуры являлись просто укреплениями. Если не считать загоны для скота и конюшни, пристроенные в северо-восточном углу, то в сами стены не встраивалось никакого помещения.

Западная сторона крепости оказалась совсем другой. Там непосредственно у внешней стены стояли массивные кирпичные здания. Над этими зданиями, на огромной каменной платформе, армированной крепкими бревнами, Куджуло увидел три огромные пушки.

В этих зданиях должен был проживать гарнизон. Куджуло видел, как солдаты малва выбегают из многочисленных дверей. Солдаты пытались разобраться с копьями и мечами. Многие из них все еще надевали доспехи. Жалкие кожаные доспехи. Куджуло чуть не засмеялся, увидев, как один из солдат малва пошатнулся и свалился на брюхо.

Куджуло не видел гранат и, что еще лучше...

— Вы только посмотрите на них! — воскликнул один из его подчиненных.— Эту крепость охраняет не больше двухсот человек!

Куджуло кивнул. Солдат из его подразделения мгновенно определил самое важное в крепости. Самое первое, что заметил сам Куджуло.

Нет шатров.

Большая часть внутренней территории крепости представляла собой ровное пустое пространство, которое должно было бы быть уставлено шатрами. В кирпичных зданиях просто нет места для большого гарнизона. Куджуло посчитал оценку солдата даже слишком щедрой. Во-первых, офицеры, несомненно, забрали себе самые большие комнаты. Во-вторых, Куджуло не нашел на земле и следов от костров. Это означало, что внутри есть кухня, которая занимает большую часть одного кирпичного здания.

— Сто пятьдесят самое большее,— объявил он.

Куджуло осмотрел солдат малва, наступающих на них с запада — если термин «наступающие» мог быть использован для описания того, как двигались вперед эти люди. Так наступают робкие котята. Куджуло внимательно осмотрел солдат и еще более внимательно — их кожаные доспехи.

— Говно,— он плюнул.— Это не солдаты. Не такие, какими должны быть солдаты. Это только чертовы стрелки. Те, которые управляют пушками.

Теперь члены его подразделения распределились по обеим сторонам от командира. Он слышал, как за его спиной пододвигаются тридцать человек из трех других.

Все его люди улыбнулись. Как волки улыбаются, наблюдая за карибу.

— Наверное, ты прав,— сказал один.

Другой рассмеялся.

— Думаете, мы можем удержать эти ворота против них? Ту минуту, которая потребуется Кунгасу, чтобы сюда добраться?

Куджуло снова плюнул на землю.

— Черт с ним — рявкнул он.— Я намерен разбить этих ублюдков. Следуйте за мной.

Он двинулся по направлению к солдатам малва. К этому времени все четыре подразделения уже заняли позиции, выстроившись в шеренгу, занимающую третью часть внутренней территории. Сорок кушанов в хороших чешуйчатых доспехах, которые уверенно держали копья и мечи. У них в этом явно был немалый опыт. Кушаны стали приближаться к малва.

Солдаты малва остановились. Уставились.

Куджуло перешел на легкую рысцу. Сорок кушанов последовали его примеру.

Солдаты из гарнизона уставились. Потом попятились.

Куджуло поднял меч и выкрикнул приказ к атаке. Крича, как сумасшедшие, сорок кушанов бросились на сотню или около того солдат малва, стоявших примерно в тридцати ярдах от них.

Солдаты гарнизона повернулись и понеслись к кирпичным зданиям. Половина бросила по пути оружие.

К тому времени, как появился Кунгас, примерно минуту спустя, Куджуло уже организовывал осаду. И жаловался, что ему придется возвращаться в чертов лес и рубить там чертово дерево, потому что у чертовых малва нет даже приличного бревна, чтобы пробить их чертовы двери.

* * *

Оказалось, что рубить дерево нет необходимости. «Осада» возможно оказалась самой короткой в истории. Как только солдаты гарнизона, запертые в кирпичных зданиях, увидели пятьсот человек Кунгаса, врывающихся в крепость, они тут же попытались договориться о добровольной сдаче в плен.

Самым большим барьером в этих переговорах были пять жрецов Махаведы, которые оказались закрыты вместе с солдатами. Жрецы, связанные священными клятвами охранять секрет «оружия вед», потребовали, чтобы солдаты гарнизона дрались до последней капли

крови. Они называли все разговоры о сдаче в плен нечестивыми и считали их предательством.

Услышав визгливые голоса жрецов, Кунгас выкрикнул свое предложение солдатам малва:

— Перережьте жрецам глотки. И выбросите их тела. Тогда мы с вами хорошо обойдемся.

Первый труп вылетел из дверей через пятнадцать секунд. В течение минуты безжизненные тела всех пяти жрецов уже валялись в пыли на территории крепости.

Кунгас посмотрел на Куджуло.

— Как ты думаешь? Эти солдаты откроют секреты?

Куджуло сплюнул.

— Думаю, да. Особенно после того, как я попытаюсь призвать к их разуму.

* * *

— Мы все — семейные люди,— жаловался командующий гарнизоном.

Он сидел на корточках в середине платформы с тяжелыми пушками. Кунгас решил допрашивать его там. Сам Кунгас стоял у одного из огромных орудий, в пяти футах. Куджуло сидел рядом на груде каменных ядер.

— Они говорили нам, что это будет просто гарнизонная работа,— стонал пленный.— Формальность в некотором роде.

Кунгас внимательно изучал человека, дрожащего от страха перед ним.

Было очевидно: этот гарнизон не состоит из элитных войск малва и тут нет ни одного настоящего кшатрия. Технически многие артиллеристы относились к сословию кшатриев. Но, подобно тому как существуют разные породы собак — есть пудели, а есть питбули, точно так же есть разные кшатрии.

Кунгас понял, что партизанская война под предводительством Рао сильно истощила ресурсы Венандакатры. У Подлого нет достаточного количества подготовленных отрядов для выполнения каждого задания и охраны каждого объекта. Поэтому Венандакатра выделил один из самых жалких отрядов для охраны крепости Сурата.

«А почему бы и нет? — думал Кунгас.— Сурат находится с прибрежной стороны Западных Гат. Слишком далеко, чтобы Венандакатра о нем беспокоился. Слишком далеко для ударов Рао, даже если бы Рао и хотел им заняться».

Но ничего из этого не отразилось на лице Кунгаса. Он холодно смотрел на пленного.

Командующий гарнизоном сжался под этим безжалостным взглядом.

— Мы — мужья и отцы,— выл он.— Слишком старые для такой работы. Вы не станете обижать наши семьи? Мы привезли их с собой в Сурат.

Куджуло сел прямо, его глаза округлились. Он соскользнул с груды ядер и направился к командующему из малва. Затем, склонившись над испуганным офицером, рявкнул:

— Семьи с собой взяли? И женщин? Жен и дочерей?

Командующий гарнизоном в ужасе уставился на похотливое выражение лица Куджуло. По выражению лица кушана сразу же можно было понять, чего он хочет: глаза горели и стали масляными, губы полуприкрыты, он даже облизнулся.

Теперь командующий гарнизоном пришел в полный ужас и просительно посмотрел на командира кушанов.

— Зависит от обстоятельств,— проворчал Кунгас. Его лицо напоминало железную маску.

— Каких? — пропищал пленный.

Кунгас жестом приказал командующему гарнизоном встать. Мужчина тут же вспрыгнул на ноги.

Еще один жест: следуй за мной.

Кунгас подошел к краю платформы, на которой стояли орудия. От падения на сто футов его отделяла только низкая каменная стена высотой два фута. Западная стена крепости, на которой стояла платформа, поднималась прямо над обрывом. На северо-западе был прекрасно виден город и порт Сурата. И не только виден — город находился в радиусе действия пушек.

Представитель малва с опаской присоединился к Кунгасу у стены. Кунгас показал на гавань. На три военные галеры, стоявшие там, если быть точным.

— Зависит от того...

Он замолчал, увидев, что офицер малва его не слушает. Вместо этого командующий гарнизоном смотрел на юго-запад.

Кунгас проследил за его взглядом. На горизонте показались едва видимые паруса флотилии. Большой флотилии, если судить по их числу.

— А, как раз вовремя,— пробормотал он.

Он улыбнулся офицеру малва — изобразил свой обычный брак в железной маске.

— Так приятно, знаешь ли, когда то, что должно случиться, происходит вовремя. Ты так не думаешь?

Командующий гарнизоном перевел взгляд с далекой флотилии на Кунгаса. Кунгас снова показал на три военные галеры в гавани.

— Зависит от обстоятельств,— проворчал он.

Глаза командующего гарнизоном выпучились.

— Ты не можешь говорить серьезно! — воскликнул он.

Кунгас посмотрел на Куджуло. Глаза офицера малва тоже переместились на Куджуло, стоявшего в пятнадцати футах. Куджуло по-зверски улыбнулся и почесал пах.

Командующий гарнизоном дернулся, побледнел.

— Зависит от обстоятельств — снова проворчал Кунгас.— Зависит от того, уничтожите ли вы для нас вот эти галеры. Зависит от того, покажете ли вы нам, как пользоваться этими орудиями.

Последовала тишина. Длилась примерно минуту. Командующий гарнизоном смотрел на три галеры в гавани. На Куджуло.

И снова слышал ворчание:

— Зависит от обстоятельств.

* * *

Первая пушка выстрелила, когда флагманский корабль Шакунталы, идущий впереди флотилии, находился не более чем в трех милях от входа в гавань. Императрица и ее пешва, стоявшие на носу, увидели облако дыма, мгновение спустя до них донесся грохот.

Выстрелила еще одна пушка. Затем третья.

— Они стреляют в нас? — спросил Холкар. Уныло.— Боюсь, у меня не такое хорошее зрение, как раньше.

У императрицы Андхры были молодые глаза и хорошее зрение.

— Нет, Дададжи. Они стреляют по чему-то в гавани. Предполагаю, по военным кораблям малва.

Холкар вздохнул.

— Значит, Кунгас все сделал. Он взял крепость.

Молодые глаза, хорошие глаза внезапно наполнились слезами.

— Мой махаданданаяка,— прошептала она.— Бхатасвапати.

Она схватила Холкара за руку и прижалась лицом к его плечу. Как девочка, которая ищет защиты и спокойствия у своего отца.

— И ты, мой пешва.

Пока огромная флотилия направлялась в гавань Сурата, Дададжи Холкар держал в объятиях маленькую императрицу. Это были тонкие руки, растущие из узких плеч ученого средних лет. Но в эти минуты они источали спокойствие, которое требовалось девушке. Если девушка находила успокоение в его объятиях, то мужчине было очень приятно его предоставлять. Его семья оказалась для него потеряна, возможно, навсегда, но он нашел другую, которая была ему так же дорога. Здесь ребенок. Брат в крепости на горе.

— Большой, грубый брат. Тот, о котором мечтает любой ученый.

— И мой тоже,— прошептал он, глядя на поднимающиеся над далекой гаванью клубы дыма.— Мой махаданданаяка. Мой бхатасвапати.

Бормотание.

Глава 30

Евфрат.
Осень 531 года н. э.

— Еще раз расскажи мне,— попросил Велисарий.

Наверху огромной груды камней, которые кушаны вытащили из Нехар Малки, рядом с полководцем стоял Маврикий. Хилиарх решил притвориться не понявшим вопрос.

— У них сейчас пятнадцать тысяч конницы,— ворчливо сказал он. Показал коротким толстым пальцем на облако пыли, поднимающееся в пустыне примерно в десяти милях к юго-востоку.— По моим прикидкам, пять тысяч из них — арабы, служащие Лахмидам. Они на верблюдах. В основном...

— Еще раз расскажи мне, Маврикий.

Хилиарх надул щеки. Вздохнул.

— Это не моя область, полководец. Я не считаю себя вправе влезать в...

— Я не прошу тебя влезать,— проворчал Велисарий.— И не надо мне твоих заявлений о скромности и униженности. Просто скажи мне, что ты думаешь.

Маврикий снова надул щеки. Затем с шумом выпустил воздух.

— Я думаю, полководец, что император Персии предлагает династический брак Римской империи. Между Фотием и старшей дочерью своего самого благородного шахрадара.

Маврикий посмотрел вниз на Баресманаса. Отец девушки, о которой шла речь, сидел на большом валуне в шестидесяти футах от них. Вне пределов слышимости. Маврикий продолжил.

— Он бы предложил свою дочь — Хосров это ясно дал понять — но у него их нет. Поэтому лучшей альтернативой является дочь Баресманаса. Если не выбирать из дочерей родных или сводных братьев Хосрова.

Велисарий покачал головой.

— Это последнее, что он сделает. Хосров пытается обуздать толпу амбициозных братьев. И если я его правильно понял, пытается зацементировать наиболее надежные прослойки знати вокруг себя.

Лениво глядя на облако пыли над пустыней, полководец почесал подбородок. Однако его глаза на самом деле не фокусировались на нем. Из опыта он знал, что надвигающаяся на него армия малва не сможет атаковать до завтрашнего дня. А пока...

— Хосров хитер,— сказал он.— Часть его вопросов в Вавилоне касалась римских методов организации империи. Я думаю, он планирует, нет, лучше сказать — ищет способ — увести Персию от застарелого...

Он замолчал. Слово «феодализм» Маврикию ничего не скажет. Оно ничего не значило и для Велисария, пока Эйд не объяснил его значение.

— ...старых традиций,— закончил он фразу.

— Думаешь, он может это сделать? — спросил Маврикий.— Персы закоренели в своих традициях.

Велисарий задумался над вопросом. Один раз Эйд в видении показал ему Персию, созданную Хосровом Ануширваном в будущем, которое имело бы место, если бы «новые боги» не вмешались в человеческую историю. Величайший император из династии Сасанидов пытался установить централизованную императорскую власть над неуправляемой арийской знатью, в некотором роде вдохновленный римским примером. Но в основном он все-таки руководствовался собственным острым умом.

Во многом Хосров добьется успеха. Он сломает воинскую мощь великой аристократии. Он завоюет преданность дехганов, трансформирует их в социальную базу для профессиональной армии, которой платит и которую всем необходимым обеспечивает император, и поставит их под командование своих полководцев — спахбадов, как он станет их называть. Никогда больше амбициозные шахрадары или вурзурганы не будут представлять угрозу трону.

И в другом Хосров преуспеет. Его величайшей реформой — именно благодаря которой его в истории будут называть «Хосров справедливый» — станет значительное снижение бремени налогообложения. Хосров введет систему налогообложения, которая станет не только менее обременительной для простых людей, но также стабилизирует императорскую казну.

Тем не менее...

Эйд показал Велисарию, что человеческая история никогда не шла простыми ясными путями. Династия Хосрова — династия Сасанидов — исчезнет, как и все династии. Но система налогообложения останется. Арабские завоеватели Персии используют ее в великих мусульманских халифатах.

Мысли Велисария ушли далеко. Он знал о мусульманских халифатах будущего, которые могли бы быть. Эйд показал ему их. Точно так же, как Эйд показал ему падение Римской империи, почти через тысячу лет. Разграбление Константинополя во время Четвертого крестового похода. И окончательное покорение Византии, четверть тысячелетия спустя, новыми людьми, которых назовут турками.

Теперь Велисарий размышлял, как и часто в прошлом, о том, что он думает обо всем, показанном ему Эйдом. Он был полководцем на службе Римской империи. На самом деле одним из величайших, которых когда-либо производил Рим. Он знал это как факт.

И также знал, что он — единственный полководец в долгой истории великой империи, который сражался за нее, все время понимая, что империя обречена.

Велисарий надеялся спасти Рим и мир от тирании малва. Но он не спасет сам Рим. Рим падет — когда-нибудь, как-то. Если не от руки султана Мехмеда и его янычар, то от руки кого-то другого. Все человеческие создания падают, или разрушаются, или просто приходят в упадок. Когда-нибудь, как-то, где-то.

Велисарий мысленно пожал плечами. Его задачей не являлось создание идеального человеческого будущего. Его задача — обеспечить, чтобы у людей было будущее, которое они могут создать. Может, создать плохо, но создать. А не быть вынужденными подстраиваться под сделанный для них образец.

Маврикий все еще терпеливо ждал ответа. Велисарий улыбнулся и дал простой:

— Да, он может. И он это сделает.

Маврикий что-то проворчал. В этом звуке прозвучало удовлетворение, что на самом деле было странно для римского солдата. Но Маврикий лично встречался с Хосровом Ануширваном и, как и многие другие, даже прожженный грубый ветеран попал под личное обаяние персидского императора.

— А ты сам что думаешь? — теперь спросил он.— Я имею в виду — о предложении династического брака.

Велисарий снова улыбнулся.

— Великолепная идея. Конечно, Феодора будет дергаться и нервничать, но Юстиниан ухватится за предложение обеими руками.

Маврикий нахмурился.

— Почему?

— Потому что Юстиниан смотрит на положение династии еще и внутренним зрением — давай назовем его так. Его династии, несмотря на то что Фотий не его сын. И он знает: ничто так не зацементирует верность армии, чем династический брак с персидской принцессой.

Маврикий задумчиво потрепал бороду.

— Верно,— согласился он.— Все что угодно, чтобы предотвратить еще одну кровавую резню с этими чертовыми дехганами. В особенности, если думать о перспективах выхода в отставку.

Внезапно ему пришла в голову мысль. Его глаза слегка округлились.

— А если подумать... Когда в последний раз римский император женился на персидской девушке благородного происхождения?

Велисарий рассмеялся.

— Никогда. Этого не было никогда, Маврикий. Персы считают нас, римских дворняжек, недостойными их крови.

— Именно так я и думал,— задумчиво сказал Маврикий.— Боже, да армия будет писать от счастья. Ты знаешь, они уже считают Фотия своим. А если он еще и женится на дочери персидского шахрадара...

Хилиарх замолчал и внимательно посмотрел на сидящего внизу Баресманаса.

— А он знает об этом, как ты думаешь? Мы же в конце концов говорим об его дочери. Может, ему придется не по душе эта идея.

Велисарий рассмеялся и похлопал хилиарха по плечу.

— Если только я не сильно ошибаюсь, Маврикий, то идея принадлежит Баресманасу.

Словно получив какой-то сигнал, Баресманас выбрал именно этот момент, чтобы повернуть голову и взглянуть на двух римлян, стоявших на самом верху каменной груды. Мгновение они с Велисарием смотрели друг на друга. Затем Баресманас спрыгнул с валуна. Несмотря на то что страшная рана плеча до сих пор сильно беспокоила его, он был достаточно подвижным для человека средних лет. Он стал подниматься наверх.

Только добравшись до вершины, Баресманас тут же спросил Велисария:

— Ну и что ты думаешь по этому поводу?

На мгновение римский полководец удивился. Как Баресманас мог услышать?..

Затем, поняв, что шахрадар спрашивает о военном положении, Велисарий скорчил гримасу.

— Нам определенно не удастся удивить их еще одной атакой по флангу. Это точно.

Баресманас кивнул. Ни он, ни Велисарий на самом деле и не думали, что такой вариант окажется возможен. После разгрома под Анатой малва снова не повторят ту же ошибку, не будут слишком самоуверенны. Приближающаяся к ним с юго-востока армия была гораздо больше силы, с которой они столкнулись в охотничьих угодьях. Тем не менее командующий этой огромной силы малва держал большое количество бойцов по флангам. Причем фланги довольно сильно растянулись и там находились лучшие войска. Слева в пустыне командующий малва поставил арабов на верблюдах. Справа, на плодородных землях на другой стороне почти высохшего Евфрата, использовал кушанскую кавалерию. Четыре тысячи человек, судя по донесениям разведчиков Куруша. Они поддерживали идеальный порядок, а их фланги оберегали их собственные разведчики.

На этот раз не удастся удивить малва никакими хитрыми маневрами со скрытыми войсками. Только не в этот раз.

— В таком случае нам придется полагаться на твой главный план,— сказал шахрадар и вздохнул.— Потери будут высокими.

Велисарий сжал челюсти.

— Да, будут. Но я не вижу другого выбора.

Баресманас повернул голову и уставился на запад. На другой стороне реки располагался огромный лагерь, где обустроились Ормузд вместе с двадцатью тысячами копьеносцев и лучников. Они прибыли неделю назад. Даже на таком расстоянии Баресманас видел шатер Ормузда, который возвышался над менее изысканными шатрами его солдат.

— Если он не...

— Он — да,— уверенно сказал Велисарий. И хитро улыбнулся. Широко улыбнулся.— Ормузд поставил свой лагерь там — вместо того чтобы дальше вниз по реке.

Баресманас кивнул и нахмурился.

— Свинья,— проворчал он.— Вверх по дамбе, где он поставил лагерь, не перебраться через Евфрат достаточно быстро, чтобы прийти тебе на помощь, если она тебе потребуется. Ему следовало встать лагерем в нескольких милях вниз по реке, где практически сухое русло.

Велисарий покачал головой.

— Ни одного шанса, Баресманас. Тогда его войска приняли бы на себя главный удар врага. В то время как сейчас...

— Они не участвуют в действиях,— завершил фразу шахрадар.— Малва это тут же поймут и сконцентрируют на нас большую часть своих сил. Им только потребуется держать небольшой отряд на тот случай, если вдруг Ормузд решит атаковать их слева.

Велисарий рассмеялся, делая таким образом понятным свое мнение насчет вероятности массированной вылазки войск Ормузда. Сводный брат персидского императора явно надеялся сидеть на месте, пока римская армия и армия малва выясняют отношения на другом берегу Евфрата.

— Как он это объяснил? — злобно спросил Баресманас.

Велисарий пожал плечами.

— По правде говоря, ему не пришлось ничего объяснять. Я не настаивал, Баресманас. Я хочу, чтобы он оставался там, где он сейчас.

Баресманас нахмурился сильнее. Разумом шахрадар понимал стратегию Велисария. Однако эмоционально арийский благородный господин все еще давился от мысли на самом деле использовать ожидаемое предательство другого ария. И, ни больше ни меньше, из династии Сасанидов.

Баресманас посмотрел на римского полководца.

— Иногда я забываю, насколько невероятно хладнокровно ты можешь убивать,— пробормотал он.— Я не могу назвать никого другого, кто разрабатывал бы план сражения, ожидая предательство союзника.

Брать такую возможность в расчет — да, это делает любой здравомыслящий полководец, когда сражается совместно с иностранными союзниками. Но планировать... Нет, больше! Строить ради этого планы!

Баресманас замолчал и покачал головой. Велисарий со своей стороны ничего не сказал. На самом деле сказать было нечего. Несмотря на множество сходных черт, они с Баресманасом кое в чем расходились так, как только могут два человека.

Несмотря на всю свою образованность и благородство, Баресманас в глубине души все еще оставался тем человеком, который провел детство, восхищаясь персидскими копьеносцами и лучниками. Провел много часов в юности, наблюдая за дехганами на тренировочных полях обширного поместья отца, когда они демонстрировали высшее мастерство, как всадники-лучники.

В то время как Велисарий, несмотря на все свои уловки и умения, все еще — в глубине души — оставался тем же человеком, который провел детство, восхищаясь фракийскими кузнецами. Он провел многие часы детства, наблюдая за кузнецами на скромной усадьбе своего отца, демонстрировавшими свое — пусть и более скоромное — мастерство, однако более мощное. Люди умирают от стали дехганов. Но люди живут благодаря железу кузнеца.

Однако даже мальчиком Велисарий обладал хитрым и тонким умом. Поэтому когда другие мальчики восхищались силой кузнеца, хватая в благоговении воздух, когда огромный молот с силой опускался на наковальню, Велисарий видел истину. Кузнец был сильным человеком по необходимости. Но хороший кузнец делал все возможное, чтобы эту силу экономить. Раз за разом мальчик Велисарий видел, как хитро кузнец ставит раскаленный металл и как точно рассчитывает удар молотом.

Поэтому он ничего не сказал Баресманасу. Сказать было нечего.

* * *

Несколько минут спустя Маврикия позвал один из трибунов — возникла какая-то проблема. Маврикий ушел с вершины искусственной горы. Велисарий с Баресманасом остались там вдвоем, изучая огромную силу малва, которая приближалась к ним.

Они не разговаривали. Если только обменивались время от времени профессиональной оценкой диспозиции вражеских сил. По этому вопросу они всегда соглашались. Неудивительно. Если Баресманас и не обладал чистой военной гениальностью римского союзника, он все равно был опытным и компетентным полководцем сам по себе.

Однако, несмотря на всю искреннюю дружбу и во многом сходные взгляды, две совершенно разные души по-разному готовились к предстоящей битве.

Один, арийский шахрадар — благороднейший человек из благороднейшей семьи самой благородной в мире нации — искал силу и смелость в этой самой благородной крови. Искал ее, находил и ждал сражения со спокойной уверенностью, полагаясь на свою доблесть и честь.

Другой, фракиец, рожденный в одном из самых низших слоев римской вульгарной аристократии, никогда не думал о благородстве. Ни разу не подумал о доблести и чести. Он просто ждал наступающего врага, спокойно, терпеливо, как кузнец ждет, пока металл не согреется в печи.

Ремесленник, занимающийся своим делом. Ничего больше.

И ничего меньше.

Глава 31

Александрия.
Осень 531 года до н. э.

— Это сумасшествие! — закричал один из гимнасиархов. Плотный мужчина стоял в первом ряду небольшой толпы, собравшейся в зале для приемов. Все остальные тоже были мужчинами, причем богато одетыми, большинство — такими же толстыми.

Городской совет Александрии.

— Сумасшествие! — эхом повторил еще один член совета.

— Безумие! — прокричал третий.

Антонина не была уверена насчет титулов этих господ. И ее они не волновали. Специфические титулы не имели значения — это только устарелая традиция, идущая с ранних веков империи, когда городской совет на самом деле обладал властью. В современной Александрии членство в совете являлось просто вопросом социального престижа. Реальная власть находилась в руках префекта претория, командующего египетской армией и, больше всего,— патриарха.

Ступив на берег, войска Антонины тут же захватили дворец, располагавшийся недалеко от гавани. Она даже не была уверена, чей он. Владелец пустился в бега до того, как она и ее солдаты заняли здание. Убежали и слуги.

Все многочисленные монархи, которые правили Египтом восемьсот шестьдесят два года с основания Александрии, строили по собственному дворцу. Город был уставлен великолепными дворцами. На протяжении веков большинство этих царских дворцов стали частными резиденциями греческой знати, занимающей в городе определенное положение.

Только Антонина обосновалась во временном штабе, как перед дворцом появился городской совет в полном составе, требуя права представить петиции и рассказать о проблемах. Она пригласила их

войти — более сотни важничающих господ — просто чтобы прощупать отношение высших слоев общества Александрии. В течение десяти минут после того, как они ворвались в зал для приемов, они ясно показали свои чувства. Следующим образом.

Первое. Империей правит сумасшедшая.

Второе. Сумасшедшая императрица послала еще одну сумасшедшую, чтобы распространить сумасшествие и в Александрии.

Третье. Они, с другой стороны, не сошли с ума.

Четвертое. Они не станут терпеть сумасшествие.

Пятое. Конечно, сами они даже не подумают применять насилие по отношению к императрице и ее представительнице — пусть такой мысли ни у кого не возникает — даже если эти двое и являются двумя спятившими женщинами. Но...

Шестое. Толпа жителей Александрии, которые всегда готовы взорваться при малейшей провокации, уже прямо сейчас начинает сильно бурлить. Теперь в любой момент сумасшествие может выплеснуться на улицы. Что...

Седьмое. Является неизбежной судьбой спятивших женщин.

Восьмое. Которые, они повторяют, полностью спятили. Само воплощение безумия. Полностью выжили из ума. Лишены всего разума. Настоящие сумасшедшие...

Антонине этого хватило.

— Арестуйте их,— сказала она. Спокойно. Как леди.— Всех.

Легко взмахнула рукой.

— Пока посадите их в трюме одного из кораблей для перевозки зерна. Потом решим, что с ними делать дальше.

Пока Ашот с катафрактами выполняли приказ, Антонина не обращала внимания на яростные вопли разгневанных известных в городе лиц, когда их вязали по рукам и ногам и тащили лицами вниз из дворца. Ей требовалось заниматься другими проблемами.

Некоторые из этих проблем были простыми и незапутанными.

Представители очень большой еврейской общины города спросили о том, что их ждет. Каково наиболее вероятное развитие событий. Антонина заверила их, что никто не собирается ущемлять евреев как в гражданских правах, так и в отправлении ими религиозных ритуалов, если они примут ее власть. Через пять минут представителей еврейской общины вывели из зала приемов. Когда они выходили, Антонина услышала, как один шепнул другому:

— В таком случае пусть эти проклятые христиане передерутся друг с другом. Не наше это дело.

«Отлично».

Следующая проблема.

Представители мощных гильдий города потребовали, чтобы им сообщили отношение империи к их древним прерогативам.

Сложно, но можно.

Антонина заверила их, что ни она сама, ни император Фотий, ни императрица-регентша не собираются ущемлять законные интересы гильдий, более того, не имеют никакого желания влезать в дела гильдий. Просто хотят обратиться к гильдии кораблестроителей и гильдии металлообработчиков. Их обеспечат большим количеством работы. О, да, будет еще работа для ткачей. Потребуются паруса для новых судов, которые будут строиться. И, несомненно, кое-какие деньги из императорской казны передадут и гильдии стекольщиков. Императрица-регентша, как всем известно, очень любит изделия из стекла.

Конечно, повезет и изготовителям папирусов. Увеличение числа чиновников на службе у империи, естественно, увеличит запросы на бумагу. Что касается ювелиров, то вскоре ожидается большой прилив трофеев от малва, пораженных и униженных, и все солдаты — а солдат будет много, очень-очень много,— которые прибудут для усиления египетского гарнизона, естественно, захотят обменять свои громоздкие трофеи на что-то одновременно не занимающее много места и ценное. И — о счастливое совпадение — в этом обмене ювелирные украшения займут одно из первых мест, в особенности производимые в Александрии, городе, который славится на всю империю — о счастливое совпадение — непревзойденным мастерством золотых дел мастеров. Да и по серебру тут работают неплохо.

Что касается поставщиков зерна, ну, солдаты — ребята здоровые. Им нужно много есть. Поэтому...

Через два часа представители городских коммерческих и мануфактурных гильдий весело покинули дворец. У них сладко кружились головы от мысли о вновь найденном богатстве.

* * *

Конечно, другие проблемы были очень сложными. Но по крайней мере, решая их, Антонине не требовалось помногу часов сидеть на троне. С этими проблемами можно было справиться только на улице.

Гермоген вошел в зал для приемов как раз тогда, когда выходил последний представитель гильдий. Он прямо направился к трону Антонины, склонился к ней и прошептал:

— Начинается. Павел только что закончил проповедь в церкви Святого Михаила, призывая праведных горожан отвергнуть вавилонскую блудницу.

— Которую? — спросила Антонина.— Меня? Или Феодору?

Гермоген пожал плечами.

— Судя по отчетам наших шпионов, патриарх не уточнял. Вернее, бывший патриарх.

Антонина покачала головой.

— Он все еще патриарх, Гермоген. Фактически, если и без титула. Пусть Феодосий и объявлен патриархом, но это ничего не значит, пока мы не посадили его в церкви Святого Михаила и он не сел там прочно.

Она бросила взгляд на человека, о котором шла речь. Феодосий стоял в двадцати футах от них и совещался с двумя дьяконами, которые выступали в качестве его помощников. Зенон, командующий рыцарями-госпитальерами, стоял рядом с ним вместе с двумя своими подчиненными.

Антонина с удовольствием отметила, что Феодосий не кажется ни слишком возбужденным, ни испуганным.

«Я ничего не знаю о его теологических представлениях, но у этого человека хорошие нервы. Они ему понадобятся».

Она опять повернулась к Гермогену.

— А что там с Амброзом?

Гермоген нахмурился.

— Ублюдок засел в армейском лагере в Никополисе. Со всеми своими войсками.

Ашот и Евфроний прибыли как раз вовремя, чтобы услышать последние слова.

— В настоящий момент можно сделать только одно,— сказал Ашот.— Он — полководец в армии и на него распространяются суровые правила империи относительно неподчинения. В то время как патриарх может читать проповеди и заявлять впоследствии, что просто молился вместе с прихожанами,— армянский катафракт фыркнул.— Не его вина, если его неправильно поняли, когда он поносил вавилонскую блудницу. Он просто предупреждал паству насчет греха. Он определенно не хотел, чтобы огромная толпа брала штурмом представительницу императрицы. Он шокирован и огорчен, узнав, что несчастную женщину разорвали на части.

К этому времени Феодосий и Зенон уже присоединились к небольшому кругу, собравшемуся вокруг Антонины.

— Такое случалось и раньше,— заметил рыцарь-госпитальер.— Префекта Петрония толпа закидала камнями во время правления Августа, а одного из Птолемеев вытащили на улицу и убили. Если не ошибаюсь, это был Александр II.

Антонина поджала губы.

— Ашот, как ты считаешь: сколько времени Амброз будет оставаться в стороне?

Командующий фракийскими катафрактами неопределенно пожал плечами.

— По большей части зависит от войск. У Амброза только три варианта выбора.— Он загнул большой палец.— Во-первых, принять свою отставку.

— Нет шансов,— вставил Гермоген.— Я знаю этого человека. Ситтас еще был вежлив, когда назвал его вонючим ублюдком. Он очень амбициозен.

Ашот кивнул.

— В таком случае этот вариант исключаем. Остаются два.— Он загнул еще один палец.— Неподчинение. Но...

Гермоген начал качать головой.

— ...это будет сумасшествием,— продолжал Ашот.— Все его солдаты знают, какое наказание за неподчинение предусмотрено в римской армии. Риск не имеет смысла, если только...— он загнул третий палец.— Еще один вариант. Амброз объявит себя новым императором. Его солдаты поддерживают его, начинают гражданскую войну и надеются насладиться преимуществами, если победят.

Гермоген усиленно закивал.

— Он прав. Патриарх может играть в игры с уличным насилием. Полководец не может. Для него это все или ничего.

Антонина переводила взгляд с одного офицера на другого.

— Вы так и не сказали мне, сколько у меня есть времени до того, как он решит.

— По меньшей мере день,— тут же ответил Ашот.— Ему необходима поддержка солдат. В любом случае большинства. А это потребует времени.

— Речей,— уточнил Гермоген.— Обращений к собравшимся войскам. Переговоров с командным составом. Нужно всем дать обещания.

— Несомненно, он пообещает огромную аннону, если сядет на трон,— тут же добавил Ашот. Все офицеры кивнули с мрачными лицами. Аннона — это премия, которую римские императоры традиционно раздавали своим войскам после того, как занимали трон. Во время хаотичных гражданских войн три столетия назад, когда в Риме одновременно бывало по два или три императора, лишь некоторым из которых удавалось прожить больше года или двух, претенденты на трон боролись за преданность армий, обещая абсурдные блага.

— Увеличение жалованья после того, как он станет императором,— развивал мысль Гермоген.— Лучшие пенсии после ухода в отставку. Все, что придет ему в голову.

— Он будет говорить без перерыва несколько часов,— завершил Ашот.— Весь день и полночи.

Антонина встала.

— Хорошо. Суть в том, что у меня есть день, чтобы разобраться с толпой патриарха без вмешательства египетской армии.

Ашот с Гермогеном кивнули.

— Значит, давайте этим займемся. Насколько велика толпа?

Ашот развел руками.

— Точно трудно сказать. Вокруг церкви Святого Михаила собралось несколько тысяч. Большинство — его фанатичные последователи, но найдется и много симпатизирующих им из ортодоксальной публики, которые к ним присоединятся. Тогда...

Он повернулся к Феодосию.

— Сколько в городе живет монахов из Халкедона?

Патриарх поморщился.

— По меньшей мере две тысячи,— сказал он.

— Пять тысяч,— добавил Зенон.— Если считать тех, кто живет в монастырях в радиусе дня пути от Александрии.

Ашот повернулся к Антонине.

— Каждый из этих монахов, до последнего, присоединится к толпе и будет ее заводить.

— Скорее даже поведет в атаку! — рявкнул Гермоген.

Ашот хрипло рассмеялся.

— И можно даже заключить пари, что те, кто обычно болтается у ипподрома, присоединятся к ним. Их по большей части будет интересовать, кого бы ограбить. Но они определенно присоединятся к Павлу. Может, только по одной причине: получить его благословение на совершаемые ими преступления.

— Они прямо направятся в квартал Дельта,— добавил Зенон.

Антонина кивнула в задумчивости. Александрия была разделена на пять кварталов, которые обозначались первыми буквами греческого алфавита. На протяжении столетий квартал Дельта считался еврейским.

Она посмотрела на Евфрония. Во время предшествующего обсуждения — и как и обычно на совещаниях командного состава — командующий Когортой Феодоры ничего не сказал. Молодой сирийский гренадер был слишком скромен и только слушал.

— Как ты относишься к евреям? — резко спросила она его.

Евфрония вопрос удивил.

— Евреям? — нахмурился он.— Если честно, никогда об этом не задумывался. Не могу сказать, что они мне нравятся, но...

Он замолчал, стараясь подобрать слова.

Антонину ответ удовлетворил. Антисемитские настроения были свойственны всей Римской империи, но только в Александрии они приобрели безумные пропорции. Это продолжалось на протяжении столетий. С другой стороны, сирийцы сосуществовали рядом с евреями без проблем.

— Я хочу, чтобы ты с Когортой направился в еврейский квартал. Твоей задачей будет защита его от головорезов с ипподрома.

Для поддержки возьми также одно из подразделений пехоты Гермогена.

Теперь пришел черед Ашота и Гермогена удивляться.

— Зачем, Антонина? — спросил Гермоген.— Евреи способны сами о себе позаботиться. Им не в первый раз сражаться с головорезами с ипподрома.

Антонина покачала головой.

— Именно этого я и боюсь. Я намереваюсь...— она сжала кулак,— ...подавить уличное насилие. Я совершенно не хочу, чтобы оно распространялось.

— Я согласен с Антониной,— вставил Феодосий.— Если евреи втянутся в уличную борьбу, Павел использует их, чтобы еще больше разъярить толпу.

— Если же толпу остановить перед тем, как она начнет погром — причем остановить собственной Когортой императрицы,— то это подаст совсем другой сигнал,— продолжала Антонина.

Она выпрямилась, ее спина была напряжена.

— Я обещала их представителям, что евреи Александрии не пострадают, если останутся верными империи. Я намерена сдержать это обещание.

Она направилась к огромным двойным дверям, ведущим из зала приемов. Отдавала по пути распоряжения.

— Гермоген, отправь одно из своих подразделений поддержать гренадеров в квартале Дельта. Найди такое, в котором офицеры знают Александрию. Сирийцы потеряются в городе без проводников.

— Возьми Трифиодороса и его ребят, Евфроний,— сказал Гермоген.— Он из Александрии.

— Он также очень хороший трибун,— согласился сирийский гренадер и кивнул с одобрением.

Антонина резко остановилась. Повернулась и посмотрела на командующего Когортой Феодоры. Смотрела сурово, почти яростно.

— Хороший трибун или нет, ты, Евфроний,— старший. Пехота отправляется только для того, чтобы тебя поддержать, ни за чем больше.

Евфроний начал протестовать, но Антонина пресекла протест.

— Ты всегда кому-то подчинялся. Но не сегодня. Сегодня ты старший. Ты поведешь отряд. Ты готов к этому — как и гренадеры. Я ожидаю, что ты покажешь себя блестяще.

Молодой сирийский командир выпрямился.

— Мы все сделаем, Антонина. Мы тебя не подведем.

Антонина повернулась к Ашоту и Гермогену.

— Собирайте войска. Я хочу, чтобы они надели все доспехи. Это включает лошадей катафрактов. Все доспехи — не меньше. Проверьте. В этой жаре многие попытаются не надеть часть.

— Все доспехи? — сморщился Ашот.— Да это же как в печке сидеть. Антонина, тут против нас выступают не персидские дехганы, ради всего святого. Просто свора нечесаных...

Антонина твердо покачала головой.

— Я знаю, что это перегиб против уличной толпы. Но в любом случае ваши войска не будут находиться в центре действия, а я хочу, чтобы вы выглядели как можно более устрашающе.

Глаза Ашота округлились. Как и Гермогена.

— Не в центре? — спросил армянский катафракт.

Антонина улыбнулась. Затем повернулась к Зенону.

— Считаю, пришло время рыцарям-госпитальерам занять центральные позиции.

Зенон торжественно кивнул.

— Я тоже так думаю, Антонина. И это прекрасная возможность.

— Я не уверен в этом,— пробормотал Гермоген. Он посмотрел на Зенона полуизвиняющимся-полускептическим взглядом.— Я не хочу оскорбить, но твои монахи совсем немного тренировались. А предстоит жуткая бойня. Та, в которую ты собираешься их бросить.

Антонина уже собралась вмешаться. Но потом увидела уверенность на лице Зенона и решила дать рыцарю-госпитальеру самому решить вопрос.

— Мы имели гораздо больше возможности для подготовки, чем ты думаешь, Гермоген,— сказал Зенон.— Конечно, не в вашем полном вооружении и не на полях сражений. Но мы воспользовались долгим путешествием сюда, чтобы потренироваться на борту кораблей для перевозки зерна. При помощи посохов с железными наконечниками.

Гермоген уставился на рыцаря-госпитальера так, словно этот человек объявил, что вооружен палкой из хлебного мякиша. У Ашота глаза вылезли из орбит.

— Посохами с железными наконечниками? — подавился армянин.

Теперь Антонина вмешалась.

— Это была идея моего мужа,— сообщила она.— Он сказал, что это идеальное средство для подавления мятежей.

Велисарий для них всегда являлся авторитетом. Поэтому Ашот с Гермогеном немного умерили свое презрение. Чуть-чуть.

Зенон заговорил опять.

— Я думаю, что ты, Гермоген, не совсем понимаешь ситуацию здесь. И ты, Ашот.— Он откашлялся.— Я сам египтянин, как вам известно. Не из Александрии, я родился в Насре, в дельте Нила, но мне знакомо это место. И его религиозная политика.

Он показал на открытые двери.

— Мы должны быть очень осторожны. Не надо создавать мучеников. И — в особенности — не нужно приводить в ярость боль-

шие массы ортодоксальных греков, которые составляют треть населения Александрии.

Он одобрительно кивнул Антонине.

— Вы видели, как хорошо Антонина решила вопросы с гильдиями. Немного раньше. Но вы не должны забывать: почти все эти люди — греки и ортодоксы. Они полностью держат в руках городскую торговлю и производство. Это те люди, на которых мы будем полагаться — завтра и многие годы спустя — чтобы подготовить римское оружие против малва. Большинство этих людей склонны поддержать Павла и его твердокаменных, несгибаемых последователей. Но им также не нравится их фанатизм и их манеры уличных разбойников. Плохо для ведения бизнеса, если не по какой-то другой причине.

Антонина поддержала его.

— Необходимо, чтобы мы вбили клин между фанатиками Павла и большинством ортодоксального населения. Если у нас получится бойня, то греки, живущие в городе, открыто выступят в оппозиции. И вы знаете не хуже меня — лучше, чем я — как катафракты и пехотинцы регулярной армии молотом пройдутся по этой толпе, если греки окажутся в первых рядах.

Она посмотрела на Ашота и Гермогена. Двое офицеров отвернулись.

— Вы знаете! — рявкнула она.— Эти люди научены делать одно и только одно. Убивать людей. Вы в самом деле хотите, чтобы град стрел катафрактов был выпущен в толпу? Это не восстание «Ника», черт побери! Тогда мы имели дело против кшатриев малва и тысяч профессиональных головорезов, вооруженных до зубов. Здесь...

Она выдохнула воздух.

— Боже! Половина толпы придет только из-за царящего в воздухе возбуждения и любопытства, а не по каким-то другим причинам. Среди них будет много женщин и детей. Вы, может, и сумасшедшие, но я — нет. Феодора послала меня сюда, чтобы стабилизировать императорскую власть в Египте. Остановить гражданскую войну, а не начать.

Теперь Ашот и Гермоген выглядели униженно. Но Антонина безжалостно продолжала:

— И я намерена выполнить поставленные передо мной задачи. Я абсолютно уверена, что рыцари-госпитальеры в состоянии справиться с ситуацией. Я просто хочу, чтобы вы были там — на заднем плане, но в полном вооружении, доспехах, при оружии — и просто добавили к блюду немного специй. Чтобы толпа знала — после того, как приспешников Павла разобьют — что дело могло бы повернуться гораздо хуже.

Она рассмеялась, очень холодно.

— Вы можете смеяться над этими посохами, но мой муж не смеется. И, я думаю, к концу дня вы тоже не будете хмыкать при их упоминании.

Она выпрямилась, стараясь выглядеть как можно выше. Но высокой она быть не могла, хотя и старалась выглядеть внушительно.

— Вы получили приказ. Выполняйте.

Гермоген и Ашот ушли, очень поспешно. Если бы за ними наблюдал неблагосклонно настроенный зритель, он сказал бы, что они поспешно скрылись. Мгновение спустя за ними последовал Зенон. Однако значительно медленнее. Шагал он очень гордо.

Евфроний тоже собрался уйти. Но сделав три шага, остановился. Он колебался, затем повернулся.

— Да? — спросила Антонина.

Сириец откашлялся.

— Мои гренадеры тоже не натренированы ни на что, кроме... убийства людей. А гранаты приносят еще больший урон, чем стрелы. И одновременно большему количеству людей. Я не понимаю, как ты ожидаешь от меня...

Антонина рассмеялась.

— Евфроний! Расслабься!

Она подошла к нему, успокаивающе улыбнулась и положила руку ему на плечо.

— Во-первых, тебе не придется иметь дело с толпой. Ты будешь иметь дело с бандами. В той своре не найдется ни одного невинного наблюдателя, поверь мне. Это будут головорезы, обычно болтающиеся у ипподрома, желающие крови евреев. Это воры, насильники, убийцы — никто больше.

Следующие слова прозвучали почти как рычание.

— Убей столько, сколько сможешь, Евфроний. Чем больше, тем лучше. А затем пусть Трифиодорос и его пехотинцы повесят тех пленников, которых вы возьмете. На месте. Никакой жалости. Никакой. Если вы покроете окраины квартала Дельта кишками, кровью, мозгами и трупами, вы сделаете меня очень счастливой женщиной.

Евфроний вздохнул с облегчением.

— О! — сказал он. Затем добавил с дикой улыбкой: — Вот это мы можем сделать. Нет проблем.

Теперь он тоже поспешил из комнаты. Антонина осталась с Феодосием.

Мгновение они с новым патриархом просто смотрели друг на друга. Во время предшествовавшей дискуссии Феодосий ничего не сказал. Но его беспокойство было для Антонины очевидным. Теперь беспокойство ушло. Но она была не уверена, какая эмоция его заменила. Феодосий очень странно на нее смотрел.

— Тебя что-то беспокоит, патриарх?

— Совсем нет,— ответил Феодосий и покачал головой.— Я просто... как бы мне объяснить? — Он улыбнулся.— Наверное, можно сказать, что я думал о божественной иронии. Это аспект Высшей Сущности, который большинство теологов просто упускают из вида, по моему опыту.

Антонина нахмурилась.

— Боюсь, я не...

— Когда фанатик Павел называет тебя вавилонской блудницей, он демонстрирует свою необразованность. На самом деле свою глупость. Суть Христа в его милосердии, Антонина. И кто в этом хаосе, называемом Александрией, может найти милосердие — кроме женщины, которая понимает разницу между грехом и пороком?

Антонина все еще хмурилась. Феодосий вздохнул.

— Я не очень хорошо объясняю свою мысль. Давай я просто скажу: я очень рад, что ты здесь, ты, а не кто-то другой. Кто-то, полный лицемерия, самодовольства и уверенности в своей правоте.

Она перестала хмуриться, вместо этого на лице появилась несколько грустная улыбка.

— Наверное, я переняла у своего мужа несколько искривленный взгляд на вещи. Хитроватый и искривленный.

— Хитроватый? Возможно.— Патриарх повернулся, собираясь уйти.— Но я напомню тебе, Антонина, что виноградная лоза совсем не прямая. Она изгибается и переплетается. Тем не менее она дает самый ценный в мире фрукт.

* * *

Оставшись совсем одна, Антонина медленно вернулась к трону и села. Ей долго не удастся насладиться отдыхом, потому что она собиралась встать вместе с катафрактами, которые будут прикрывать спины рыцарей-госпитальеров. Через несколько минут ей придется надеть собственные доспехи. И весь день в них ходить, под горячим египетским солнцем. Она сморщилась, думая о том, как будет жарко и неприятно телу под доспехами. Но ей требовалась эта минута в одиночестве. Вспомнить хитроватую улыбку мужа, его извилистый разум — и прямую душу. Вспомнить находящегося далеко мужа.

— Береги себя,— прошептала она.— О, пожалуйста, береги себя.

Глава 32

Евфрат.
Осень 531 года н. э.

— Это смехотворно! — рявкнул Велисарий.— Это не «безопасно», это абсурдно!

— Мы поклялись, полководец,— торжественно сказал Анастасий.

— Самому персидскому императору,— добавил Валентин, пытаясь (но ему это не очень удавалось) выглядеть должным образом — печально и мрачно.

Велисарий гневно смотрел на них обоих. Затем перевел гневный взор на врага, находящегося на некотором удалении.

Вообще-то на довольно значительном расстоянии. Велисарий вместе с Анастасием и Валентином стояли на вершине искусственной горы из камней, которые кушаны вытащили из Нехар Малки.

Сирийские пехотинцы, защищающие эту самодельную гору, соорудили обзорную площадку, с которой Велисарий следил за разворачивающимся сражением. Они также проложили узкую, изгибающуюся дорогу, на самом деле скорее тропинку, которая вела к вершине с защищенной северной стороны груды камней.

Велисарий не мог придраться к месту. Точка обзора оказалась отличной. Даже без телескопа высота горы давала возможность прекрасно рассмотреть расположение врага на южной стороне Евфрата и Нехар Малки. Телескоп позволял увидеть даже небольшие детали построения врага.

Но...

— Черт побери,— проворчал он.— Я слишком далеко. К тому времени, как курьер доберется сюда, а потом вернется назад — ведь вверх на гору на коне не въедешь — я с таким же успехом могу делать заказ на вчерашний завтрак.

«Здесь ты в безопасности»,— настаивал Эйд.

До того как Велисарий успел ответить, одна из ракет малва, которую выпустили на римские войска, защищающие дамбу внизу, сильно отклонилась от первоначального курса. На мгновение показалось, что ракета направляется прямо на гору камней. По крайней мере пролетит достаточно близко. Валентин с Анастасием кинулись к небольшой стене, окружающей площадку, чтобы за ней укрыться.

Велисарий аж замурлыкал от удовольствия, но стоял прямо — так прямо, как только возможно.

«Ложись! Ложись!» — ментально кричал Эйд.

«Ты же говорил, что я тут в безопасности»,— саркастически напомнил Велисарий.

И на самом деле он был тут в безопасности. С типичной непредсказуемостью ракета внезапно отклонилась на восток. Несколько секунд спустя она взорвалась, не принеся ущерба, над центром Нехар Малки.

Эйд благоразумно не стал ничего комментировать.

Велисарий сделал глубокий вдох и воздержался от дальнейших споров. В настоящий момент не было смысла настаивать. Валентин с Анастасием, очевидно, хотели в точности выполнить обещания

императору Хосрову. Если уж быть точным, то все офицеры Велисария дали ясно понять, что полностью согласны с позицией Хосрова. На самом деле Велисарий испытал шок, когда понял, как сильно его командный состав хочет, чтобы он во время предстоящей битвы находился вне линии огня.

— Тебе нет необходимости находиться на передней линии,— заявил Агафий на совещании командного состава в вечер перед сражением.— Нет необходимости! И мы очень многое потеряем, если тебя убьют или ранят. Это будет просто перестрелка, соревнования в стрельбе, по крайней мере вначале.

Сейчас перевалило за полдень, далеко перевалило, и сражение уже шло несколько часов. Малва провели разведку боем еще на восходе, на обеих сторонах Евфрата. Враги встретили большую группу персов, охраняющих лагерь Ормузда на южном берегу, и решили ограничиться обороной. Они, очевидно, были счастливы дать Ормузду и его двадцати тысячам тяжелой конницы сидеть с краю, пока сами концентрируются на римских силах.

В любом случае римские силы были бы их главной целью. Именно римляне, а не персы Ормузда забаррикадировались на дамбе через Евфрат. Римляне заняли позиции, чтобы охранять дамбу от любой атаки на Нехар Малку.

В первый день стороны просто обменивались выстрелами, причем римляне находились в лучшем положении и имели шансы выиграть дуэль.

Положение, занятое армией Велисария для обороны, было очень удачным. С запада пустыня, двадцать тысяч Ормузда стоят лагерем на южном берегу Евфрата. Таким образом, малва могли только наступать вверх по дну реки и вдоль по узкому участку земли между Евфратом и Нехар Малкой. Королевский канал ответвлялся прямо на восток от Евфрата, текущего с востока на юго-восток, и сужался до простой точки. Угол треугольника охранялся хорошо построенными римскими укреплениями. Лесоматериалы привозили по Евфрату на баржах. Камни и валуны собирали на окружающей местности. Возле укреплений стояли сирийские драгуны. Когда требовалось, драгунов поддерживали все катафракты из Константинополя, готовые к вылазке через мгновение после уведомления. Что они и делали снова и снова, ожидая, пока сирийцы не измотают очередное подразделение наступающих малва перед тем, как разбить их окончательно.

Враги не могли пройти и по флангам на востоке. Для этого пришлось бы переходить через бурный поток Нехар Малки, а там их ждал еще один римский барьер. Огромная груда камней на северном берегу Королевского канала, которые кушаны извлекли со дна, превратилась в некое подобие крепости для защиты левого

фланга римлян. У этой груды камней также стояли сирийцы под командованием Кутзеса, вместе с гарнизоном Карбелы. У этих солдат выдался легкий день. Малва пока не предпринимали попыток перебраться через Нехар Малку и атаковать дамбу с северного берега Королевского канала. Они сконцентрировали свои усилия на самой дамбе, в особенности восточной части, пытаясь там прорваться к победе.

Да, тут Велисарий не мог спорить. Первый день оказался просто обменом стрелами, ракетами, ничего больше, как и предсказывал Агафий. И правда полководец не смог бы сделать ничего полезного на передней линии.

Но Велисарий знал, что долго так продолжаться не может. Против римлян тут не выступали обычные полководцы малва. Прикладывая телескоп к глазам, он увидел среди рядов вражеской армии слона, на верху которого был установлен паланкин. Целая толпа слуг поливала паланкин ведрами воды, которую носили с реки,— это был грубый, но эффективный способ охладить внутреннюю часть паланкина.

В расположении войск малва появился сам Линк. Велисарий был уверен в этом, как в собственном имени.

«Я должен подобраться поближе,— думал он.— Очень скоро начнется по-настоящему серьезное сражение. Бойня. Я должен подобраться ближе».

Внезапно Велисарий услышал, как изменились далекие крики врага. Полководец напрягся. Битва разворачивалась так далеко, что ему приходилось полагаться и на слух, а не только на зрение, причем в не меньшей степени.

— Мы отражаем атаку,— сказал он.

Анастасий с Валентином тоже напрягли слух. Они слушали ушами опытных ветеранов.

— Думаю, ты прав,— согласился Валентин.

Анастасий кивнул.

— Первая, сразу после восхода, скорее была просто разведывательной,— заметил гигант.— С тех пор они предприняли только четыре массированные атаки.

— Сумасшедшие ублюдки,— фыркнул Валентин.— Неужели они в самом деле думают, что могут прорваться сквозь дамбу без осадных орудий? Боже, там наверное бойня. Катапульты сами по себе не подарок, а за ними идут Бузес с драгунами. И малва также придется столкнуться с Маврикием и иллирийцами.

Он одобрительно посмотрел на полководца.

— Это была великая идея, когда ты заставил кушанов построить ту дорогу.

Велисарий хитро улыбнулся.

— Боюсь, не могу принять похвалу. Я украл эту идею у Навуходоносора.

Велисария вдохновил проект укреплений Вавилона и он приказал построить дорогу как раз за гребнем дамбы. На самом гребне воздвигли каменную стену. Конечно, и дорогу, и стену соорудили довольно грубо. Дорога была достаточно широка только для того, чтобы фракийские или иллирийские катафракты могли броситься к любой части дамбы, которая подвергалась атаке. Стена оказалась достаточно широкой и высокой, чтобы предохранять войска от ракетного огня. В то же самое время она позволяла лучникам-всадникам стрелять из луков над стеной в солдат малва, пытающихся прорваться вперед.

В соединении с артиллерийскими орудиями, установленными по дамбе, а также спешившимися сирийскими лучниками и гренадерами результат получился смертоносным. Большинству вражеских войск пришлось идти в атаку на дамбу по дну Евфрата. Глинистая почва не только замедляла продвижение вперед, но также ломала стройность их рядов. Евфрат не высох полностью. Дамба отклонила большую часть воды в Нехар Малку, но оставалась достаточно просачивающейся, чтобы образовалось несколько ручейков и луж. В конце концов эти ручейки сливались и создавали небольшую реку, но только через несколько миль. Ниже самой дамбы дно реки оказалось страшным сном для атакующих — глина, водоросли, камыши, лужи, обломки.

Пока малва старались концентрировать усилия на восточном конце дамбы. Там вражеские войска могли наступать по сухой почве, которая когда-то была левым берегом Евфрата. Но Велисарий ожидал этого и именно поэтому поставил на том конце дамбы константинопольские войска, в поддержку которым дал «катюши». Он провел ночь перед сражением с Агафием и его людьми, объясняя, что они должны стоять твердо. Греки, объяснял он,— это якорь всей линии обороны. Да, по ним будут нанесены самые тяжелые удары, но пока они держатся — враг не пройдет. Когда Велисарий закончил объяснения, греки поклялись удержать позиции.

И они их удерживали на протяжении четырех яростных штурмов. Но они отразили каждый и разбили врагов.

Теперь звуки сражения быстро стихали. Было очевидно: малва отступают. В течение минуты Велисарий видел потоки вражеских солдат, уходящих от дамбы. Они несли с собой много раненых, а им вдогонку летели ракеты, выпускаемые из «катюш».

Велисарий посмотрел на небо. Солнце начинало садиться.

— Будет ночная атака,— предсказал он.— Массовый штурм по всей линии,— он показал на восточную часть.— Основная атака будет там. Рассчитывайте на это.

— Агафий их удержит,— уверенно сказал Анастасий.— Что бы ни случилось, Агафий удержит позиции.

Валентин согласно проворчал.

Велисарий гневно смотрел на далекого врага. Затем гневно посмотрел на телохранителей. Если бы он умел выворачивать глаза и смотреть внутрь себя, то гневно посмотрел бы и на Эйда.

— Я слишком далеко! — взревел он.

* * *

Атака началась через два часа после заката и продолжалась полночи. В самом худшем положении, как и предсказывал Велисарий, оказались те, кто находился у восточной части дамбы.

Час за часом полководец сидел на постоянно проклинаемой им смотровой площадке. Склонялся через стену, напрягал слух.

Проклинал Хосрова. Проклинал Валентина с Анастасием. Проклинал Эйда.

* * *

Он немного поспал перед рассветом после того, как вражескую атаку отразили. Валентин разбудил его, когда солнце начало всходить.

— Приближается курьер,— объявил катафракт.

Велисарий поднялся на ноги и направился к краю площадки, туда, где заканчивалась идущая снизу тропинка. Он взглянул вниз и увидел, как человек в доспехах с трудом поднимается по узкой, петляющей между валунами тропинке.

— Думаю, это Маврикий,— сказал Анастасий.

Велисарий удивился и пригляделся повнимательнее. Он ожидал кого-то из молодых катафрактов, кого Маврикий использовал, чтобы держать полководца в курсе дела, но не самого хилиарха.

Но это определенно был Маврикий. Велисарий напрягся, почувствовал холод в сердце.

Валентин высказал мысль вслух.

— Плохие новости,— сказал он.— Точно. Это единственная причина, которая заставила бы Маврикия прийти лично.

Как только Маврикий показался за стеной, Велисарий перетащил его через нее.

— Что случилось? — тут же спросил он.— Судя по звуку, я решил, что их опять отбили.

— Отбили,— проворчал Маврикий. Он снял тяжелый шлем и вздохнул с облегчением.— Боже, чувствую себя так, словно сижу в печке. Забыл, какой он — свежий воздух.

— Черт побери, Маврикий! Что случилось?

Серые глаза хилиарха встретились с карими Велисария. Прямо, сурово, взгляда он не отводил.

— То же самое, что обычно случается во время сражения, независимо от того, хорошо оно складывается или плохо. Да, мы с ними разделываемся, но они тоже не стоят на месте и отвечают ударом на удар. У нас тяжелые потери, в особенности у греков.

Маврикий сделал глубокий вдох.

— Тимасий погиб. Он повел иллирийцев в атаку на малва, это были кушаны, которые перебрались через стену. Не повезло. Его коню вспороли брюхо и...— Маврикий пожал плечами, не вдаваясь в детали. Во время сражения можно быть уверенным в нескольких вещах. Одна — это судьба одетого в доспехи катафракта, которого сбросила наземь пехота. Упав на землю, Тимасий не прожил и десяти секунд.

— Либерий? — спросил Велисарий.

— Он взял на себя командование иллирийцами,— ответил Маврикий.— Он делает хорошую работу. Организовал контратаку и отогнал кушанов назад.

Велисарий внимательно посмотрел на мрачное лицо Маврикия. Он почувствовал, что холод в сердце стал сильнее. Маврикий не стал бы лично взбираться сюда на гору, чтобы сообщить о замене тупого, консервативного командующего более способным подчиненным.

— Мне жаль Тимасия,— тихо сказал Велисарий.— Он был надежным человеком, если и ничего более. Его семья получит полную пенсию — я прослежу за этим. Но ты пришел не за тем, чтобы рассказать мне о нем. Так что давай выкладывай.

Потрепанный в боях фракиец с мрачным видом вытер лицо.

— Это Агафий.

— Черт побери,— прошипел Велисарий.

В его шипении было настоящее отчаяние, и трое катафрактов, услышавших его, поняли: это боль человека, потерявшего дорогого друга, а не полководца, потерявшего отличного офицера.

— Черт побери,— повторил он очень тихо.

Маврикий покачал головой.

— Он не умер, полководец.— Потом скорчил гримасу.— Не совсем, по крайней мере. Он точно потерял одну ногу, и я не знаю, доживет ли он до завтра.

— Что случилось?

Маврикий слегка повернулся и уставился на дамбу.

— На этот раз они на самом деле серьезно давили, в особенности по восточному краю. Там шли одни йетайцы, сами сражались, а не подгоняли солдат малва.

Все еще глядя на юго-запад, хилиарх невнятно выругался.

— Они мерзкие, грубые, но смелые ублюдки. Я готов это признать. Я даже не хочу думать о том, какие потери они понесли перед тем, как прорваться.

Он повернулся назад к Велисарию.

— Сирийские драгуны не смогли их сдержать, поэтому Агафий повел атаку копьеносцев. В полной тьме, верите? У него латунные яйца, клянусь. Это сломало йетайцев, он разбил их, но сам пострадал от разрыва гранаты. Его правую ногу оторвало выше колена. И также пострадала левая ступня. Думаю, ее придется ампутировать. Кроме этого...— Он пожал плечами.— Шрапнель сильно его поранила. Он потерял много крови.

— Унесите его с дамбы,— приказал Велисарий. Он повернулся и показал на баржи, стоящие на якоре в центре Евфрата примерно в миле на север.— Доставьте его на одну из барж первой помощи.

Маврикий потер лицо.

— Это будет нелегко. Он все еще в сознании, веришь или нет.— Маврикий рассмеялся — наполовину удивленно, наполовину с восхищением.— Даже до сих пор хочет сражаться! Когда я уходил с дамбы, он кричал на врача, требуя перевязать культю и отрезать бесполезную ступню, чтобы он мог сесть на лошадь.

Валентин с Анастасием рассмеялись. Велисарий сам не мог не улыбнуться.

— Дай ему по башке, Маврикий, если потребуется. Но я хочу, чтобы вы унесли его оттуда.

Он снова показал на баржи.

— На этих баржах можно получить более квалифицированную медицинскую помощь. И на одной из них находится его жена. Не знаю, на какой, но выясню. Вероятно, она поможет больше других, сделает все от нее зависящее, чтобы его вытянуть.

Глаза Маврикия округлились.

— Его жена? Судаба здесь? Что эта молодая девушка делает на поле сражения? Это самая сумасшедшая...

Он замолчал, вспоминая. Собственная жена Велисария Антонина тоже имела привычку сопровождать мужа во время кампаний. До самого поля сражения.

Велисарий крепко сжал плечо Маврикия.

— Я хочу, чтобы он выжил, Маврикий. Вынесите его оттуда. Сейчас. Поставь Кирилла во главе...

— Уже поставил,— проворчал Маврикий.

Велисарий кивнул и сделал глубокий вдох.

— Хорошо. Что еще?

Хилиарх нахмурился. Странно, но это выражение лица развеселило Велисария. Хмурящийся недовольный Маврикий означал проблему. Но проблема — это не то же самое, что плохая новость.

— Они собираются изменить тактику,— объявил Маврикий.— Даже малва не станут так бросаться войсками слишком долго.

— Могут,— спокойно возразил Велисарий.— Если они посчитают, что мы от этого быстро устанем.

Маврикий покачал головой.

— Но мы не устаем быстро,— сказал хилиарх.— Да, мы несем тяжелые потери, но на каждого нашего приходится четыре или пять вражеских солдат. При такой скорости они довольно скоро истощатся.— Он нахмурился еще сильнее.— И я уверен: они тоже это понимают. Я кое-что скажу тебе, полководец. Тот, кто ими командует, не дурак. Мы отразили фронтальные атаки, но потому, что мы занимаем более выгодные позиции и защищаемся. Сами атаки были организованы и направлялись очень правильно, так, как надо, учитывая жуткое дно реки, по которому им приходилось пробираться. Не было их обычной самоуверенной глупости, когда они считали, что могут взять любого врага только количеством. Каждую атаку ведут йетайцы и кушаны, за ними следует регулярная армия малва, причем делает то, что нужно, так, как нужно.

От Эйда тут же пришел ментальный импульс:

«Линк. Здесь сам Линк».

«Я знаю»,— мысленно ответил Велисарий.

Маврикий снова качал головой.

— Они попробовали одну тактику, чтобы посмотреть, сработает ли она. Фронтальные атаки. Давили сильно. Но теперь, после того как мы доказали, что они не могут просто смести нас, они попробуют атаку по флангам. Я уверен в этом.

Велисарий почесал подбородок и кивнул.

— Я не спорю, Маврикий. На самом деле я согласен с тобой.

Он посмотрел на реку. Вверх по течению от дамбы, туда, где река отклонялась в более узкий канал Нехар Малку, Евфрат все еще составлял около мили в ширину. Велисарий глядел на персидский лагерь, где на протяжении дневной битвы сидела армия Ормузда.

— Там какое-нибудь движение наблюдается? — спросил он.

Маврикий фыркнул.

— Подобно крокодилу, поджидающему в тростниках. Единственное, что там движется — это ноздри Ормузда, вдыхающего сладкий воздух возможностей.

Велисарий улыбнулся.

— Ну, если малва не хотят идти против двадцати тысяч дехганов, то у них остается только один выбор.

Маврикий скептически сморщился. Потом повернулся и показал вниз по склону на Нехар Малку.

— Ты представляешь, насколько трудно им будет перебраться? Нехар Малка — совсем не мелкая спокойная река, каким был Ев-

фрат, полководец. Канал уже и глубже. И течение быстрое, и на протяжении четырех дней пути нет бродов. Им придется построить понтонный мост, используя небольшие баржи, которые стоят в нескольких милях вниз по течению.

Он повернулся назад и покачал головой.

— Кутзес со своими ребятами стоят над ними на горе из валунов, «катюши» с берега реки стреляют просто в упор, а тут еще и мы с Кириллом и Либерием приведем катафрактов, чтобы разобраться со всеми жалкими ублюдками, которым под огнем Кутзеса и «катюш» удастся все-таки перебраться через ненадежный понтонный мост.

Он кивнул на лагерь Ормузда.

— Лично я предпочел бы пойти на дехганов. Если малва удастся очистить правый берег Евфрата, они могут двигаться вверх по течению и практически в любом месте перебраться через дамбу. Мы окажемся тут в ловушке. Придется бросить дамбу и бежать назад в Пероз-Шапур. Объединять силы с Курушем и пытаться выдержать осаду.

Велисарий улыбнулся очень хитро.

Маврикий гневно посмотрел на него.

— Ты что, настолько уверен в себе? — спросил он.

Велисарий сделал успокаивающий жест рукой. Слегка похлопал Маврикия по плечу. Но Маврикий не желал успокаиваться.

— Что это? — спросил он.— Укрощение дикого зверя? Или ты просто пытаешься собачку погладить?

Велисарий улыбнулся.

— Да, Маврикий,— я настолько уверен в себе. На самом деле так уверен, что собираюсь предсказать, как именно произойдет следующая атака.

Он показал вниз по склону на Нехар Малку.

— Как я предполагаю, они сегодня начнут строить понтонный мост. Поздним вечером. Атака начнется после того, как стемнеет. Знаешь почему?

— Чтобы у них был шанс перебраться через мост,— фыркнул Маврикий.— При свете дня они этого никогда не сделают.

Велисарий покачал головой.

— Нет, не поэтому.

Он сурово посмотрел на Маврикия.

— Ты сказал, все их атаки ведут йетайцы и кушаны?

Маврикий кивнул.

— Но не следующую, Маврикий. Поглядишь. Ты увидишь только регулярные войска малва, переправляющиеся по понтонному мосту — или увидел бы, если бы атака не происходила в темноте. Причина, по которой они собираются атаковать ночью, в том, чтобы

мы не увидели, что йетайцы и кушаны не участвуют в той атаке. Те войска...

Он повернул голову и кивнул на реку.

— ...будут перебираться на правый берег Евфрата примерно в миле вниз по течению от дамбы. Вне нашего поля зрения, в особенности, когда мы будем заняты атакой на Нехар Малку. К рассвету, когда мы бы только что отбили еще одну атаку, лучшие силы малва бросились бы на нас со спины. Как ты и сказал, вверх по течению Евфрата они могут найти много мест для переправы.

Теперь Маврикий яростно хмурился.

— Ты не можешь быть уверен, что Ормузд снимется с места и предоставит им открытый участок,— возразил он.

Велисарий пожал плечами.

— Уверенным — нет. Но я готов многое поставить на это, Маврикий. Ормузд знает, что единственные преданные Хосрову персидские войска поблизости — это люди Баресманаса и Куруша. Десять тысяч персов. Они стоят в Пероз-Шапуре.

— Хотелось бы мне, чтобы они были здесь,— проворчал хилиарх.— Мы могли бы их использовать.

— Не будь дураком! Если бы они находились здесь, то от Пероз-Шапура остался бы только пепел. А так, как есть, малва пришлось обогнуть город и оставить войска, чтобы защитить себя от вылазки. Просто сидя в Пероз-Шапуре Куруш представляет для них угрозу.

Он махнул рукой.

— Но давай не будем менять тему. Вернемся к Ормузду. Это — его лучшая возможность выступить против Хосрова. Если малва разобьют нас здесь, они вернутся в Вавилон. И будут держать там Хосрова, пока Ормузд захватывает всю Северную Месопотамию. Единственное, что останавливало его от этого раньше,— это наше вторжение. Оно и наша победа под Анатой. Если нас не будет, то у него развязаны руки.

— А как он собирается объяснять это своим дехганам? — спросил Маврикий.

Велисарий рассмеялся.

— Как? Все свалит на нас. Глупые римляне настояли на безнадежной обороне. К счастью, он оказался очень мудр и не стал терять жизни своих людей, защищая канал, который определенно является просто римской хитростью. Римляне хотят снова вторгнуться в Персию, как сделали во времена Юлиана.

— Ну и извращенная логика,— пробормотал Маврикий и покачал головой.

Велисарий снова рассмеялся.

— Конечно! Ну и что? Она сослужит свою службу.

Маврикий все еще качал головой.

— А если ты не прав? — проворчал он.— Черт побери, я терпеть не могу хитрые планы сражений.

Велисарий улыбнулся.

— Если я не прав, Маврикий, то что из того? В таком случае Ормузду придется сражаться с малва, которые переберутся через Евфрат. Они могут нанести ему поражение, но я не думаю, что после сражения против двадцати тысяч дехганов они смогут атаковать нас по флангам. А ты как считаешь?

Маврикий ничего не сказал. Затем тяжело вздохнул.

— Хорошо. Посмотрим.

Хилиарх уже собрался повернуться. Велисарий остановил его, положив руку на плечо.

— Подожди минутку. Я пойду с тобой.

Маврикий удивленно взглянул на него. Валентин с Анастасием начали возмущаться. Эйд стал посылать протестующие ментальные импульсы.

Велисарий заставил их всех замолчать.

— Ситуация изменилась! — весело объявил он.— Сражение подходит к поворотному пункту. Теперь я должен быть там, внизу. Готовый сразу же выполнить мое обещание императору Хосрову.

Маврикий улыбнулся. Валентин с Анастасием подавились своими возражениями. Эйд загрустил.

— Я буду осторожен,— сказал Велисарий и надел доспехи.— Осторожен,— повторил он и стал спускаться с горы.

— Да, будь осторожен,— сказал Маврикий за его спиной.— Я имею в виду: на этой жуткой тропе. Будет жалко, если ты сломаешь свою глупую шею, спускаясь с груды камней.

— Я в полной безопасности,— фыркнул Велисарий.

Через два шага он подвернул ногу и прокатился футов пятьдесят вниз. Когда он наконец остановился, врезавшись в огромный валун, ему потребовалась минута, чтобы прояснилось в голове.

Первым, кого он увидел, еще в тумане, был склонившийся над ним Маврикий.

— Да, будет он осторожен,— пробормотал седобородый ветеран с мрачным видом.— Это все равно, что просить жабу не прыгать.

Он поднял Велисария на ноги.

— Теперь по крайней мере будешь смотреть, куда шагаешь? — спросил он сладким голосом.— Или лучше Анастасию отнести тебя на руках, как младенца?

— Я буду осторожен,— заверил Велисарий Маврикия и остальных. Ни один из них ему не поверил.

Глава 33

Александрия.
Осень 531 года н. э.

Александрия славилась по всему Средиземноморью величием улиц. Два самых крупных проспекта, которые пересекались к западу от церкви Святого Михаила, насчитывали по тридцать ярдов в ширину каждый. Сам перекресток был таким большим, что представлял собой почти целую площадь, которую украшал тетрастиль. Четыре монументальные колонны стояли в каждом углу.

Выходящие на перекресток здания были такими же впечатляющими. С севера стояла огромная церковь, площадь которой составляла сто ярдов. Зданию было несколько сотен лет. Изначально оно строилось как храм, посвященный богу Себеку, а затем, примерно сто лет назад, его превратили в христианскую церковь. Большую часть языческих украшений храма сняли, мумии крокодилов бесцеремонно извлекли из склепов и выбросили в море, но само здание все еще сохраняло массивный стиль древнеегипетской монументальной архитектуры. Оно возвышалось над перекрестком подобно небольшой горе.

Напротив него на юге стояло более современное здание: гимнасий, которые везде в мире являлись показателями греческой культуры. Рядом с ним находились публичные бани, типичные для римского образа жизни. Восточную часть перекрестка тоже занимало архитипичное строение — большой театр, где высшие городские слои развлекали драмами и музыкой. Частные здания находились только с запада — там стояли три величественных особняка, похожие, как горошины в стручке.

Если смотреть на все, то общий эффект получался грандиозным и величественным.

Но на Антонину, рассматривавшую перекресток с точки обзора на ступенях реквизированного ею дворца, он не произвел впечатления. Она выросла в части города, которая очень сильно отличалась от роскоши греческой аристократии, проживающей в центре. Антонина родилась в исконно египетском квартале, который до сих пор носил старое название Ракотис. Там улицы не были ни широкими, ни мощеными. Грязные переулки, которые также выполняли роль открытой канализации. Здания в Ракотисе были древними только в том смысле, что обрушившиеся старые дома служили следующим поколениям в качестве погреба. Не строили там никаких гимнасиев, вообще никаких школ. Что касается публичных бань...

Она фыркнула вспоминая. Плотность населения в Ракотисе была очень высокой. Животных насчитывалось еще больше. Квартал

кишел коровами, свиньями, ослами, верблюдами, козлами и конечно голубями. И голубиным пометом.

Ее фырканье перешло в откровенный смех. Зенон, стоявший рядом с нею, вопросительно посмотрел на нее.

— Я только что думала о положениях типичного договора ренты в Александрии. На дом или квартиру. Том положении...

Зенон улыбнулся и кивнул.

— Да, знаю. «В конце срока аренды жилец обязуется вернуть дом арендодателю без навоза, помета и прочих экскрементов».

Он сам рассмеялся.

— Меня это так смущало, когда я впервые снимал квартиру в Константинополе. Меня удивило отсутствие этого положения в контракте. Когда я спросил про него, арендодатель посмотрел на меня, как на сумасшедшего. Или варвара.

Антонина уже собралась что-то сказать, но не стала.

— Они идут! — услышала она чей-то крик. Предполагала, что кричал один из рыцарей-госпитальеров.

Весь бульвар перед нею был заполнен ими. Здесь собралась тысяча рыцарей, стояли они стройными рядами. Двадцать человек в ряд, занимая всю ширину проспекта. В целом пятьдесят рядов. Каждый держал в руке посох с железным наконечником, направленный вверх. Их единственными доспехами служили кожаные шлемы с железными полосами на лбу. Однако под белыми туниками, украшенными красными крестами их ордена, скрывались толстые, набитые пухом приталенные безрукавки, а также «плечики». Это предоставляло дополнительную защиту против оружия толпы. Большинство рыцарей также обвязали предплечья толстыми слоями материи.

Большинство других рыцарей-госпитальеров располагались на различных боковых улочках, выходящих на основную магистраль. Имелись и другие. Зенон хорошо знал Александрию, поэтому командующий рыцарями воспользовался лабиринтом цистерн, снабжающих город водой. При необходимости эти люди могли вылететь на улицу из подвалов ближайших домов или украдкой пробраться в другое место. Рядом с Зеноном стояли двадцать курьеров, готовых одновременно отправиться передавать приказ.

В целом Антонина была более чем удовлетворена диспозициями войска Зенона. Конечно, оставалось посмотреть, насколько хорошо рыцари справятся с самим заданием. Но Зенон по крайней мере казался полностью уверенным в их способностях.

— Идут! — послышался еще один крик.

Глядя на дальний перекресток, Антонина увидела, как на него с востока выливается огромная толпа. В течение двух минут люди заполнили весь перекресток и первые ряды толпы уже двигались вперед по проспекту в направлении ее дворца.

— По моим прикидкам десять тысяч,— пробормотал Зенон.— Это не считая тех, кто еще не попал в поле зрения.

По мере приближения толпа стала замедлять ход. Увидев, что улица заполнена ровными рядами рыцарей-госпитальеров с самыми серьезными выражениями лиц, за спинами которых стоят еще более устрашающие катафракты в полном вооружении, трусливые попытались выбраться из первых рядов толпы. Толкаясь они стали пробираться назад или в неуверенности застыли на месте, создавая таким образом препятствия для своих более фанатичных или целеустремленных соратников.

Минуту или около того Антонина даже надеялась, что толпа остановится и отступит. Но надежда испарилась. Вскоре отчаянные элементы, которые составляли немалую часть, отделились. Робкие, колеблющиеся или просто любопытные откатились назад или просто стояли, прижавшись к стенам магазинов, идущих по обеим сторонам проспекта. Самые несгибаемые рванули вперед.

«Большинство из них — монахи»,— подумала Антонина. Было невозможно сказать с уверенностью, поскольку традиция носить одинаковые одежды придет только в будущем. Униформа рыцарей-госпитальеров стала еще одним новшеством, введенным Велисарием. Но Антонина очень хорошо знала этот тип людей. Как правило, только фанатичные монахи были такими растрепанными, с такими неухоженными бородами и просто в общем и целом выглядели грязными, как и большинство людей, ведущих толпу вперед. Ее подозрения усилились тем, как они уверенно держали палки и дубины.

Антонина уныло улыбнулась, вспоминая описание Велисарием видения, посланного Эйдом, о монашеских орденах будущего, из времени, которое потом назовут Средними веками. Муж описал ей добрые дела тех, кого будут называть монахами бенедиктинского ордена или просто бенедиктинцами, и последователей человека по имени Франциск Ассизский.

Тогда, услышав описание, рожденная и выросшая в Александрии жена выпучила глаза. Монахи, которых она знала в юности, были так же похожи на Святого Франциска, как волк на ягненка. В Египте ее времени монашеские ордены (как ортодоксов, так и монофизитов) с таким же успехом участвовали в уличных драках, как головорезы, обитающие у ипподрома, и возможно, были в этом деле лучше. Определенно, больше зверствовали.

Особенно толстый монах из первого ряда толпы увидел ее, стоящую на ступенях дворца. Он поднял над головой толстую дубину и заорал:

— Смерть вавилонской блуднице!

То ли по предварительной договоренности, то ли просто спонтанно крик был тут же подхвачен толпой.

— Смерть шлюхе! Смерть шлюхе!

Первые ряды толпы бросились на преграждающих путь рыцарей-госпитальеров. В этом неистовом броске не было ни колебаний, ни сомнений. Монахи в первых рядах были ветеранами уличных схваток. Они не боялись неизвестных им рыцарей и еще меньше их посохов.

Какая польза от палок длиной шесть футов? В уличной драке ей особо не замахнешься. Глупцы!

Зная, что последует, Антонина задержала дыхание. Эти посохи тоже оказались одним из нововведений Велисария, по крайней мере, их использование определенным образом. Конечно, были известны посохи пастухов, и они неоднократно использовались в деревенских драках. Но никто никогда не давал их в руки организованной силе, которую систематично готовили к их применению.

Когда монахи оказались в нескольких футах, капитан первой шеренги выкрикнул приказ. Одновременно двадцать рыцарей выставили посохи вперед и врезали ими в наступающую толпу, подобно тому, как проткнули бы толпу копьями. Ожидавшие ударов по голове палками монахи были застигнуты врасплох. Железные наконечники тяжелых посохов врезались в их незащищенные груди и животы.

Нанесенный урон оказался ужасен. Двое монахов умерли на месте. Их диафрагмы — грудобрюшные преграды — были разорваны. У еще одного пробили грудину, а кусочки кости вошли в сердце. Он умер через несколько секунд. Остальные упали, сминаемые теми, кто наступал сзади. Некоторые закричали от боли. Большинство не смогли — сломанные ребра и вспоротые животы не позволяют громко кричать, в таких случаях обычно стонут или шипят в агонии.

Тут же за первым ударом последовали еще два, опять подобные ударам копьями. Железные наконечники опустились сбоку на головы и грудные клетки, действуя подобно серпам, пробивая и то, и то. Капитан выкрикнул еще один приказ. Снова удар. Прямой, пробивающий. Затем два последующих, подобно серпам, косящим тела. Головы и грудные клетки. Еще с дюжину человек упали.

Толпа напирала, толкала первых вперед, сминала упавших. Некоторым удалось прорваться сквозь первый ряд рыцарей, только чтобы с ними разобрался второй.

Снова приказ. Снова удары. Некоторые из толпы теперь знали, чего ждать. Пытались защититься.

Рыцари ожидали этого. На этот раз железные наконечники направлялись не в грудь, а в лица и головы. Черепные коробки пробивались, ломались челюсти, выбивались зубы. Пробили одно горло. Сломали одну шею.

Толпа покачнулась. Замерла. Колебалась.

Зенон выкрикнул приказ. Тут же первый ряд рыцарей развернулся и отступил. Вперед вышел второй.

Капитан второй шеренги воспользовался движением вперед, чтобы яростно нанести первый удар. И первые ряды толпы откатились назад, правда, только на несколько шагов. Давление сзади было слишком сильным. Теперь монахи в первых рядах попали в капкан. Они задевали за тела упавших, количество которых нарастало с каждой минутой, неспособные замахнуться собственными дубинками, которые оказались слишком коротки, чтобы достать до рыцарей. И монахи стали просто целями рыцарей.

Приказ звучал за приказом.

— Вперед. Еще раз. Еще. Вперед. Еще раз. Еще.

Зенон снова закричал. Вторая шеренга рыцарей развернулась и отступила назад. Вперед вышла третья.

— Вперед. Еще раз. Еще. Вперед. Еще раз. Еще.

Приказ Зенона. Третья шеренга отступила. Ее место заняла четвертая.

— Вперед. Еще раз. Еще. Вперед. Еще раз. Еще.

Один удар подобно удару копьем, два — как серпом.

Зенон замолчал. Рыцари работали, как машины. Их действия были доведены до автоматизма. Их тренировали — снова и снова — на кораблях, перевозящих зерно. Теперь удары были проверены и доказали свою боеспособность и в реальном сражении.

Пятая шеренга. Шестая. Седьмая.

Бульвар заливала кровь. Монахов сзади толкала толпа, и теперь они чем-то напоминали куски мяса, пропускаемые через мясорубку. Они в отчаянии пытались сопротивляться своими жалкими дубинками, но в лучшем случае могли отклонить ими удары посохов, причем чаще всего в товарища справа или слева. Пока не выступит вперед следующая шеренга. А затем — вниз или зашатался. Часто смерть, ранение или просто потеря сознания.

Когда вперед вышла восьмая шеренга, огромную толпу монахов внезапно обуяло безумие. Они уже увидели достаточно, чтобы понять: их единственный шанс — это броситься на рыцарей своей огромной силой, черт побери цену.

Они визжали и орали. По меньшей мере двести фанатиков одновременно бросились вперед, наступая на монахов перед собой. Теперь они даже не пытались воспользоваться своими дубинами. Просто хотели приблизиться к рыцарям и сцепиться с ними — что угодно, только бы пробраться через кошмарный участок, где балом правили жуткие посохи.

Этот бросок откинул шеренгу назад. Нескольких рыцарей свалили с ног. Одного тут же схватили за лодыжки и потащили в толпу,

где затоптали до смерти. Еще одного держали два монаха, пока третий не разбил ему череп тремя жуткими ударами дубиной.

Но это тоже предусматривалось. Зенон выкрикнул новый приказ. Девятая шеренга прыгнула вперед, присоединяясь к остаткам восьмой. Они выставили вперед посохи, один к другому, создав таким образом баррикаду по всей ширине улицы. Толпа врезалась в баррикаду и стала медленно двигать ее назад. Медленно, медленно...

Вперед выступила и десятая шеренга, и их посохи присоединились к посохам восьмой и девятой, заполняя проемы. Выдвигаясь вперед, они врезались в грудь наступавших.

Черепа были пробиты. Челюсти раскрошены. Носы сломаны. Глаза выколоты. Зубы валялись везде вокруг.

Вперед. Еще раз. Еще.

Они развернулись. Отступили. Вперед вышла одиннадцатая шеренга.

Вперед. Еще раз. Еще.

Теперь шеренги, удерживающие толпу, быстро уставали. И были потери. Зенон снова выкрикнул приказ. Двенадцатая и тринадцатая шеренги шагнули вперед и заняли места предыдущих, формируя баррикаду.

Маневр был выполнен не очень четко. Меняться местами с человеком, составляющим часть баррикады, весьма неудобно, даже если этот человек и не истекает кровью и не оглушен, хотя многие были.

Но толпа оказалась не в состоянии воспользоваться моментным замешательством и нарушением порядка рыцарями. Монахи в первых рядах толпы пребывали в полубессознательном состоянии и потеряли значительно больше крови, чем рыцари.

Вскоре удары посохами продолжились.

— Боже праведный! Матерь Божия! — прошептал стоявший рядом с Антониной Ашот.

Сама Антонина побледнела, но выражение ее лица не изменилось, оставаясь таким же напряженным и холодным.

— Я предупреждала тебя,— резко ответила она.— Я тебя предупреждала.

Она сделала глубокий вдох, почти содрогнулась.

— Велисарий предсказывал это. Он говорил мне и говорил Зенону и его капитанам, что если они научатся дисциплинированно и организованно использовать посохи, то смогут разбить любую толпу. С легкостью.

Ашот покачал головой.

— Я не уверен, что потери в этой толпе были бы больше, если бы против них шли мы.

— Не имеет значения, Ашот. Люди не смотрят на палки — а технически посох с железным наконечником и есть палка — так, как они смотрят на заточенное оружие. Меч или кинжал — это инструмент убийства, совершенно определенно. В то время как палка...— Она уныло улыбнулась и развела руками в полукомическом жесте.

— Просто подручное средство для драки в таверне, обычной пьяной возни,— продолжил Ашот, кивая.— Не считается смертельным оружием.

Он усмехнулся, очень мрачно.

— Да, ты права. Если бы тысячу монахов порубили саблями или проткнули копьями, то они стали бы мучениками. Но если ту же тысячу просто побили палками — неважно какими и даже если половина из них от этого умрет — люди просто пожмут плечами. Ну и что? — скажут они. Справедливая драка. У монахов тоже были палки и они никогда не скупились на удары. Им просто не повезло, что эти новые монахи просто оказались сильнее.

Вперед шла семнадцатая шеренга. Вперед. Еще раз. Еще.

— Гораздо сильнее.

Когда вперед вышла восемнадцатая шеренга, толпа наконец бросилась наутек. Если быть абсолютно точными, то наутек бросились монахи из авангарда. Сама толпа — несколько тысяч человек — уже давно начала пятиться от жестокой схватки. Назад, назад, шире шаг, еще шире, бегом!

Теперь было куда отступать. После того как они это поняли, побитые фанатики внезапно потеряли все желание сражаться. Через несколько секунд они сами бежали, подгоняя тех, кто несся впереди.

Рыцари-госпитальеры инстинктивно начали преследование. Не дожидаясь команды Антонины, Зенон снова закричал. Рыцари тут же остановились. Остановились, оперлись о посохи и отдышались.

Антонина повернулась к Ашоту.

— Я хочу, чтобы ты с катафрактами проехался по центру города. Разделитесь по подразделениям.— Она сурово посмотрела на него.— Никого не атакуйте. По крайней мере, пока вас самих не атакуют. Я просто хочу, чтобы вас видели. Пусть толпа боится. К закату я хочу, чтобы все, кто сегодня вышел на улицы, сидели по своим усадьбам и квартирам. Подобно мышам, когда коты выходят на охоту.

Ашот кивнул.

— Я понял.

Он тут же бегом направился к ближайшей лошади.

Она повернулась к Зенону.

— Вызывай всех рыцарей, которые у тебя в запасе. Раздели их на две части.— Она замолчала, вспоминая нужное слово.— Как ты называешь эти формирования? Которые по двести человек?

— Батальоны.

— Двух батальонов достаточно для того, с чем ты еще можешь столкнуться. Посылай один маршировать по улицам. Только по большим улицам. Не надо заходить в боковые. И не надо заходить в чисто жилые кварталы.

Он кивнул.

— Мы будем делать то же, что и катафракты. Пугать всех.

— Черт побери, нет! — рявкнула она.— Я хочу, чтобы они избегали неприятностей. Но я хочу, чтобы вы их искали.

Она нахмурилась и кивнула на тела мертвых и лежащих без сознания монахов, которые устилали проспект.

— Как ты думаешь, вы в состоянии их узнать? Выбрать из обычных жителей?

— Конечно,— фыркнул Зенон.— Надо просто искать тех, чей внешний вид смутит даже помоечных котов.

— Правильно,— Антонина сделала глубокий вдох.— Охотьтесь за ними, Зенон. Не надо заходить в переулки — я не хочу рисковать. Ведь эти монахи вполне могут устроить засады на темных боковых улочках. И не надо заходить в кварталы, где живут ортодоксальные греки. Ищите монахов на главных улицах. Сегодня открыт сезон охоты на фанатиков. Ищите их, ловите и хорошенько поддайте им.

Она посмотрела на него горящими глазами.

— Я хочу, чтобы было много крови, Зенон. Я не хочу, чтобы эти чертовы монахи сегодня прятались по своим кельям. Я хочу, чтобы они валялись на улицах. Мертвые, раненые, покалеченные, с переломанными конечностями — неважно. Только чтобы они были насмерть перепуганы.

— С удовольствием,— ответил Зенон.

Он холодно посмотрел на залитую кровью улицу внизу. Не все лежащие там тела были телами фанатичных монахов. Тут и там он заметил несколько тел в белых туниках, украшенных красными крестами. Их товарищи уже осматривали их, надеясь найти одного или двух живых.

Зенон знал, что в живых не осталось никого из тех, кто упал. В толпу затащили немногих рыцарей. Но те, кого затащили, выжить не смогли бы.

— С удовольствием,— повторил он. Затем заставил себя успокоиться и спросил: — А что с другой половиной? Что ты хочешь от тех рыцарей?

— Они пойдут со мной,— ответила Антонина.— Вместе с Гермогеном и пехотой.

— Куда?

— Во-первых, в квартал Дельта. Я хочу посмотреть, что случилось там. Затем — если ситуация окажется под контролем — мы отправимся в квартал Бета.

Она повернулась и посмотрела на Феодосия.

На протяжении всей уличной схватки новый патриарх тихо стоял в нескольких футах за ее спиной вместе с тремя дьяконами.

Она увидела, что он очень бледен. Патриарх и дьяконы расширившимися глазами осматривали результаты бойни на улице внизу. Почувствовав ее взгляд, патриарх резко повернул голову и уставился на нее.

— Как называется тот монастырь? — спросила она.— Я знаю, где он находится, но я не помню, как его называют ублюдки.

Феодосий поджал губы. Он колебался.

Лицо Антонины стало твердым, как сталь. Зеленые глаза напоминали агаты.

— Ты знаешь, о чем я говорю, патриарх.

Он отвернулся и вздохнул.

— Обитель Святого Марка,— пробормотал. Затем посмотрел на нее просяще.— Это в самом деле необходимо, Антонина? — Он показал на улицу внизу.— Ты ведь уже научила их тому, чему хотела.

— Я не занимаюсь «обучением», Феодосий,— прошипела она.— Я не школьная учительница, поучающая плохо себя ведущих учеников.

Она сделала три быстрых шага и чуть ли не уткнулась лицом в бороду патриарха.

Несмотря на маленький рост Антонины, создавалось впечатление, что именно патриарх смотрит на нее снизу вверх, а не наоборот — так она держалась.

— Я — палка, устанавливающая власть в Александрии. Я — топор империи.

Она отступила на шаг. Махнула на главный перекресток города.

— Достаточно просто испугать простых горожан-ортодоксов. Этим займутся Ашот и его катафракты — теперь, после того как мы разогнали толпу. Но эти... эти... эти...

Вся копившаяся в женщине ненависть вырвалась наружу. Ненависть той, которую оскорбляли и унижали всю жизнь те, кто провозгласил себя святыми людьми.

— Эти вонючие мерзкие монахи — совсем другое дело!

Она гневно посмотрела на тела, лежащие на улице.

— Вавилонская блудница, так?

Когда она повернулась назад, то ненависть уже была под контролем. Теперь Антонина смотрела ледяным взором.

Агатовые глаза остановились на Зеноне.

— Монастырь под названием обитель Святого Марка — это самый крупный монастырь в Александрии. Это также центр экстремизма. Там все фанатики, вплоть до тараканов в погребе. До того

как они провозгласили Павла патриархом, он был аббатом того монастыря.

Зенон кивнул.

— Этот монастырь уже ушел в историю,— процедила Антонина.— К ночи от него должна остаться только пыль. И любой монах, который не успел убежать к тому времени, как мы там появимся, окажется на пути на небеса.

Ненависть вспыхнула с новой силой.

— Или в любое другое место, куда его призовет вечность. У меня на этот счет свое собственное мнение.

Зенон отошел и подозвал подчиненных, чтобы объяснить им новые задания. Феодосий замолчал. Он давно привык к жестоким дебатам на высших советах церквей, поэтому сразу же понял, что спорить в данном случае бессмысленно. И даже если бы у него не было такого опыта, он не мог бы не понять значения фраз, которые снова и снова вылетали изо рта Антонины, подобно дыму из вулкана. Когда она смотрела на залитую кровью улицу внизу, на ее лице была написана холодная ярость.

— Вавилонская блудница, да? Я вам покажу шлюху. Вот она я, вернулась в родной город.

И, конечно, снова и снова:

— Черт побери эту Александрию!

* * *

Когда Антонина и ее эскорт из рыцарей-госпитальеров и сирийских пехотинцев к середине дня добрались до квартала Дельта, их встретил Евфроний. Командующий Когортой Феодоры приблизился к Антонине вместо с Трифиодоросом, офицером, которого Гермоген назначил старшим среди пехотинцев, поддерживающих гренадеров.

Когда он уставился на женщину, сидевшую в седле, она показалась ему похожей на вареного маленького омара — в броне было жарко.

Выражение на лице молодого сирийца показалось Антонине странным. Наполовину извиняющимся, наполовину обвиняющим.

— Прости,— сказал он.— Но...

Он показал на окружающую местность. Посмотрев вверх и вниз по улице, которая обозначала границу еврейского квартала, Антонина увидела примерно две дюжины тел, лежащих тут и там. Головорезы с ипподрома. Судя по их одежде. По большей части убитые гранатами. Она также увидела разбитую витрину одного магазина, очевидно, прямо туда попала граната. В пыли среди разрушений лежали три тела.

Антонина обвела глазами крыши. На шести деревянных балках, выходящих на улицу из строений из глиняных кирпичей, висели шесть трупов. Не больше.

— Они убежали,— пожаловался Евфроний.— Как только мы выпустили первую партию гранат.— Он показал на разрушенный магазин.— Кроме этих. Они попытались там укрыться. После того как мы закинули туда пару гранат, полудюжина остававшихся в живых сдались.— И он объясняюще показал на жуткие украшения балок.

Затем добавил извиняющимся тоном:

— Мы не смогли поймать остальных. Бежали слишком быстро.

Добавил обвинительно:

— Ты не дала нам никого из кавалерии.

— Без конницы нельзя поймать проигравшего, когда он пускается наутек,— поддержал Трифиодорос.— Люди, которые бегут, спасая свою жизнь, всегда бегут быстрее, чем те, кто просто хочет их добить. Нужна кавалерия, чтобы на самом деле полностью расправиться с врагом.

Антонина рассмеялась. Покачала головой, наполовину с сожалением, наполовину уныло.

— Я это запомню!

Она снова посмотрела на сам квартал Дельта, через широкую магистраль.

Та сторона улицы была запружена евреями. По большей части молодыми людьми, вооруженными дубинами, ножами, редкими мечами или копьями. Как и предсказывал Гермоген, евреи оказались вполне готовы сражаться против толпы с ипподрома. Это не было бы впервые.

Но также очевидно, что напряжение момента прошло. Даже молодые смельчаки теперь расслабились, обменивались полудружескими словами с сирийскими гренадерами. И она также видела женщин и детей, тут и там, как и стариков. Дети проявляли любопытство. Женщины начинали болтать с женами сирийцев. А старики не хотели зря терять время и уже ставили тележки с едой и открывали лавки. Жизнь приходит и уходит. А вот оно — время для бизнеса.

— Очень хорошо,— пробормотала Антонина.— Очень хорошо.

Евфроний пытался сохранить достоинство офицера, но его облегчение от ее одобрения было очевидным.

Она улыбнулась ему сверху вниз.

— Оставь здесь половину гренадеров. Вместе с Трифиодоросом и пехотой. На всякий случай. Не похоже, чтобы все шайки головорезов с ипподрома сегодня здесь появлялись. Может, зеленые не появились, потому что обычно выступали вместе с монофизитами,

но, может, и потому, что пребывают в смятении. Если передумают, я хочу, чтобы гренадеры помогли опять изменить их ход мыслей.

Евфроний кивнул.

— А пока я хочу, чтобы ты и все остальные отправились со мной.

Она склонила голову, наслаждаясь видом разбитого магазина.

Ее улыбка стала мрачной, даже похоронной.

— Мне нужны специалисты по подрывному делу.

* * *

К закату обитель Святого Марка превратилась в груду камней. Под грудой сломанных деревянных балок и разбитых кирпичей, в свое время высушенных на солнце, лежали тела, возможно, сотни фанатичных монахов. Никто не знал точного количества. Монахи с вызовом кричали окружающим их войскам — с крыши и из окон. Клялись, что никогда не сдадутся. Больше всего слов они направляли маленькой женщине в броне, сидящей на лошади.

— Мы не подчинимся вавилонской блуднице!

И другие фразы, гораздо более грубые, в том же роде.

Антонина не обращала внимания. Ни в коей мере. Она бы не приняла их сдачу в плен, даже если бы они и предложили это. Поэтому она весело ждала несколько минут перед тем, как приказать гренадерам начать действовать. Для отчета она все-таки удостоверилась, что монахи сами призвали свою судьбу.

Она напевала себе под нос, пока гренадеры загоняли монахов внутрь огромного монастыря.

— Она пришла назад! Она пришла назад! Шлюха вернулась!

Антонина тихо посмеивалась, когда саперы устанавливали заряды.

— Ну вот, Александрия! Судный день настал!

Антонина смеялась сдавленным смехом, когда стены обрушились.

— Вот как пали праведники!

Глава 34

Антонина встала до рассвета, хотя обычно в это время еще крепко спала. Но она была нацелена продолжать установление власти империи, не позволяя оппозиции ни на минуту вернуть равновесие.

Ее слуги суетились вокруг, готовя завтрак и одежду. Когда пришло время надевать доспехи, Антонина развеселилась, видя, как горничная смотрит на кирасу.

— Признаю: штука непристойная,— Антонина рассмеялась.

Она подошла и осмотрела кирасу, лежащую на обитой материей скамейке у дальней стены спальни. Передняя часть имела две внушительные выпуклости, выступающие вверх.

— Слава о моих размерах разнеслась во все концы, передаваясь из уст в уста, еще до того, как мастер закончил выливать формы.

Потом она добавила твердым голосом:

— Мои сиськи на самом деле не такие большие.

Горничная с опаской посмотрела на нее, неуверенная в том, как отвечать. Девушка только что начала прислуживать Антонине. Обычная горничная Антонины заболела во время морского путешествия, и эту девушку быстро отыскал старший из слуг Антонины Губазес. Она раньше прислуживала бывшему хозяину дворца.

К моменту появления отряда Антонины осталось только несколько старых слуг. После разрушения морских сил, которые попытались заблокировать вход в гавань, бывший владелец убежал из Александрии. Это был грек благородного происхождения, который имел тесные связи с группировкой Павла и Амброза. Очевидно, он решил, что осторожность важнее доблести. Он переждет бурю в своей усадьбе в далеком Оксиринхе.

Антонина думала о господине благородного происхождения, когда горничная помогала ей надевать доспехи. Нет, не столько о нем самом, ведь она даже не знала его имени, а о том, что он представлял. Он не был единственным, кто поступил так. Очень большая часть греческой аристократии сделала то же самое.

К тому времени, как она застегивала перевязь, на которой висел кинжал, в чем помощь горничной совсем не требовалась, Антонина приняла решение. На самом деле два решения. Возможно, три.

Во-первых, никаких последствий для аристократов, которые отошли в сторону и оставались нейтральными во время сражения, не будет. Даже для тех, кто сразу же сбежал. Она просто пыталась установить твердый контроль империи над городом. Многие — большинство — ортодоксальной греческой аристократии, в особенности в Александрии, останутся враждебными к династии, независимо от того, что она сделает. Пока эта враждебность остается приглушенной — шепот в гостиных, а не восстания на улицах — Антонина будет ее игнорировать.

Во-вторых, менее важное решение, следующее из первого — она даст указания Губазесу проверить, чтобы дворец остался в первоначальном состоянии после того, как она отсюда съедет и устроится во дворце префекта. Нового префекта официально разместили там прошлым вечером. Никто не оказал сопротивления и не высказал возражений. Его предшественник, вместе со свергнутым патриархом Павлом убежали в ту часть Никополиса, где размещались военные, чтобы находиться там вместе с Амброзом и его армией.

Антонина тихо фыркнула. Когда аристократ наконец приползет в свой дворец, он с удивлением обнаружит, что его не разграбили и вандалы тут не зверствовали. Конечно, эта новость не вызовет его расположения к империи. Но, может, сам факт усилит его намерение не поднимать головы.

А это уже достаточно хорошо.

Наконец небольшой вопрос, но...

Антонина повернулась к горничной и осмотрела девушку. Под ее взглядом девушка скромно потупилась.

«Египтянка. Двадцати нет. Из Фаюма, готова поспорить. Хорошо говорит по-гречески, но акцент ни с чем не спутаешь».

— Как тебя зовут? — спросила Антонина.

— Кутина,— ответила горничная.

— Ты монофизитка?

Кутина в удивлении подняла глаза. Антонина заметила скрытый в них страх.

Она успокаивающе махнула рукой.

— Для меня это ничего не значит, Кутина. Я просто...

«Хочу знать, кому ты готова служить. Египетская монофизитка из Фаюма. Да».

Она перешла с греческого на родной язык девушки. Антонина бегло говорила на коптском, хотя долгое проживание в Константинополе добавило в него небольшой акцент.

— Я сегодня уезжаю отсюда, Кутина. Моя обычная горничная не скоро поправится. На самом деле я намерена отослать ее в Константинополь к ее семье. Поэтому мне требуется новая горничная. Ты не хотела бы занять это место?

Кутина все еще смотрела на нее неуверенно. Очевидно, вопрос о религиозной принадлежности вывел девушку из равновесия.

Преследования Павла были жестокими.

— Я предпочту монофизитку, Кутина,— Антонина улыбнулась и похлопала рукой по тяжелой кирасе.— Знаешь ли, я не ношу эту гротескную штуку для защиты от еретиков.

Кутина начала улыбаться в ответ.

— Вы очень знамениты,— тихо сказала она.— Я испугалась, когда вы пришли.— Ее глаза переместились на кинжал, пристегнутый к талии Антонины.— Мы все слышали о вашем кинжале, даже здесь в Александрии.

— Он всегда использовался только против предателей.

— Я знаю,— кивнула Кутина.— Тем не менее...

Внезапно все колебания улетучились.

— Я буду очень рада.— Теперь она светилась от счастья.— Это будет так здорово! Вы отправляетесь сражаться против малва, все так говорят. Я тоже смогу поехать с вами?

Теперь пришел черед Антонины удивляться. Она намеревалась оставить девушку у себя только пока находится в Александрии. Но увидев готовность на лице Кутины, задумалась. Очевидно, молодую египтянку не волновал риск. Врагом всей жизни девушки была скука, а не опасность.

Таких врагов Антонина хорошо помнила из своего девичества. Во-первых, скуку. Во-вторых, безжалостный, изматывающий, тяжелый труд женщины, родившейся в среде египетских бедняков. Кутина, вероятно, оставила Фаюм в поисках лучшей жизни в Александрии и обнаружила, что заменила крестьянский труд нудной и тяжелой работой прислуги в доме.

Антонина не могла отказать этому горящему готовностью лицу. Да, девушка может встретить смерть в компании с Антониной. Но ей не будет скучно.

«И, кроме того, мне нужны слуги, которым я могу полностью доверять. Одного Губазеса недостаточно. Я уверена: малва ввели шпионов в мою экспедицию. Я должна быть уверена, что они не пролезут в мое ближайшее окружение. Кутина из Фаюма. Да. Я знаю эту породу. Малва не могут ей ничего предложить, кроме денег, а я...»

Она рассмеялась. Велисарий не передал все богатства, собранные им в Индии, на финансирование восстания Шакунталы. Да и своим катафрактам он роздал не больше половины причитающихся ему трофеев.

«И я богаче, чем любой начальник шпионской сети малва».

Она улыбнулась.

— Решено, Кутина. Я также буду тебе хорошо платить. Гораздо лучше, чем твой предыдущий наниматель.

Выражение лица Кутины было странной смесью эмоций. Она радовалась от мысли о внезапном увеличении жалованья, злилась при мысли о прошлом нанимателе. Очевидно, тот был скрягой. И, как почти не сомневалась Антонина, смешивал жадность с частыми домогательствами. Кутина была не только молодой, но и симпатичной.

— И по ночам я не стану дергать за ручку твоей двери, пытаясь забраться в твою комнату.

— Ублюдок! — прошипела Кутина.

Пришло время идти. Время подавить восстание. Теперь военных. Но Антонина уже давно научилась наслаждаться своими победами — как маленькими, так и большими. Поэтому она обменялась теплым взглядом со служанкой. Закрепляя верность взглядом гораздо сильнее, чем кошельком.

Первой заговорила служанка.

— Вы должны идти, вы должны идти! — Кутина повела Антонину из комнаты, поправляя перевязь, на которой висел кинжал.— С Амброзом надо разделаться!

В коридоре она тоже торопила хозяйку. Теперь поправляла ремешки кирасы.

— В любом случае он, вероятно, не будет с вами сражаться. Его солдат ослепит солнце, которое отразится от ваших латунных сисек. Вы — великанша, они такие большие! Враги испугаются и убегут!

Офицеры с суровыми лицами, поджидающие Антонину в коридоре дворца, удивились. Но одновременно их мужество усилилось. Перед ними появилась командующая — женщина, причем женщина небольшого роста, умирающая от смеха. Очень веселого смеха. Которого они раньше никогда не слышали от командующих, ни в какое время и уж никак не утром перед сражением.

От этой мысли они почувствовали себя увереннее. Суровые лица стали еще более суровыми.

А Антонина продолжала смеяться на всем пути до лошади, которая ждала ее во дворе. Она не была уверена, что ее развеселило больше — мысль о латунных сиськах или то, как ее смех поднял боевой дух в войсках.

«В любом случае это не имеет значения. Из маленьких побед приходят большие».

* * *

Когда ее армия маршировала по улицам Александрии, направляясь в Никополис, где римский гарнизон стоял с ранних дней императорский власти, Антонина воспользовалась возможностью оценить настроение города. На улицах стояли люди, наблюдавшие за процессией. Большинство из них были египтянами или бедными греками. Все ее приветствовали — египтяне громко и с энтузиазмом, греки более сдержанно.

По городу уже распространился слух о занятии Феодосием места патриарха. Египетские монофизиты радостно приветствовали эту новость. Феодосий для них был своим. Да, он приверженец северианской школы, умеренное и склонное к компромиссу отношение которой к официальной церкви не совсем совпадало с более догматической традицией египетских монофизитов. Но египетские жители Александрии не смотрели на эти вещи так, как фанатичные монахи-монофизиты из пустыни. Им уже хватило уличных драк и преследований. Пусть доктрины будут прокляты. Императрица Феодора — одна из них и она назначила своего человека в церковь Святого Михаила.

Хорошо и более чем достаточно, чтобы объявить праздник.

Греческие жители, наблюдавшие за тем, как проходила Антонина, тоже ее приветствовали, но им новость понравилась меньше. Конечно, многие из греческого населения Александрии сами стали

монофизитами. На самом деле все религиозные лидеры этой догмы были греками, даже если они и собирали основную паству среди коптского населения Египта. Но большинство греков, даже бедных, остались верными ортодоксальной церкви.

Но они не относились к аристократии. Портные, пекари, ткачи, стеклодувы, моряки, производители папируса — почти вся бумага мира Средиземноморья производилась в Александрии — владельцы магазинов, купцы, прислуга из домов, рыбаки,— список был почти бесконечным. Некоторые процветали, некоторые едва сводили концы с концами, но никто не был богатым. И все они, даже здесь в Александрии, приняли общее мнение огромных масс Римской империи относительно императорской власти.

Мнение кристаллизировалось в самом Константинополе после разгрома восстания «Ника». Оттуда сведения распространились благодаря морякам и купцам, которые сплетали римское общество в единую материю, и разнеслись во все уголки империи. Многие миллионы римских граждан во всех концах империи услышали, обсудили, поспорили, решили. Сошлись во мнении.

Династия, правящая империей,— это их династия.

Конечно, им никогда не приходило в голову подумать о династии, как «народной». Императоры — это императоры, простые люди — это простые люди. Одни правят другими. Закон природы. Но они на самом деле думали о ней, как о своей. Не потому, что династия пришла из их собственных рядов — что было так и они это знали и радовались. Они были удовлетворены, что династия понимает их и основывает свою власть на их поддержке, и держит по крайней мере один глаз открытым на их нужды и интересы.

Простые люди — это простые люди, императоры — это императоры, и никогда эти две ветви не сойдутся. Но все равно есть разница между хорошим императором и плохим — разница, которую простые люди оценивают совсем по-другому, не так, как аристократия.

Налоги снижены и сделаны более справедливыми. Самые надменные аристократы и большинство коррумпированных бюрократов унижены, что всегда является популярными мерами среди тех, которыми правит элита. Даже казнены. А это очень популярно. Стабильность восстановлена, а вместе с нею условия, которые этим людям требовались, чтобы кормить семьи.

И наконец Велисарий.

Маршируя по улицам, Антонина была поражена, как часто имя ее мужа выкрикивалось теми, кто приветствовал их на улицах. Греческими жителями. Египтяне тоже пели его имя. Но они также часто произносили и ее собственное, и имя императрицы Феодоры.

Греки же пели только одно имя:

— Велисарий! Велисарий! Велисарий!

Антонина не воспринимала это пение, как личную обиду. Если и ничего более, то было очевидно: это греческий способ также выразить и одобрение ей. Она — жена Велисария, и если высшие слои греческого общества часто насмехались над полководцем за женитьбу на женщине с такой репутацией, было ясно как день: простые греки, стоящие на улицах Александрии, ни в коей мере над ним не смеются.

Греки нашли свой способ поддержать династию, поняла Антонина. Велисарий сам по себе мог быть и фракийцем, и мог жениться на египтянке, и поставить своего пасынка, наполовину египтянина, наполовину Бог знает кого, на трон, но он все равно грек. В том смысле, который больше всего значил для этой самой гордой из многих гордых наций римской империи.

«Поддал персам, так? Точно так же, как поддаст собакам малва. Кто бы они там ни были».

Гермоген склонился к ней и прошептал:

— Известие об Анате уже распространилось.

Антонина кивнула. Она сама получила известие только в предыдущий день. Сеть сигнальных станций была готова еще наполовину, но достаточную ее часть уже отстроили, чтобы передавать новости в Антиохию, а оттуда быстрым курьерским судном в Александрию. Отчет не включал ничего личного, адресованного ей. Но женщина узнала словесные обороты мужа в тексте послания. И Антонина видела, как работал его ум, когда он подчеркивал решающую роль греческих катафрактов в великой победе над малва.

И это очевидно тоже распространилось. Антонина видела это в улыбках греков — владельцев магазинов, когда они приветствовали ее по пути, и в том, как греческие моряки поднимали кубки, чтобы поприветствовать проходящих солдат.

«Спасибо, муж. Твоя великая победа дала мне множество малых».

* * *

Крепость Никополис, где стояла египетская армия, считалась одной из самых крепких в Римской империи. Неудивительно. Гарнизон играл критическую роль в правлении империи. Египетское зерно кормило римский мир — Константинополь почти полностью зависел от него — и зерно поставлялось через порт Александрии. После Августа каждый римский император проверял, чтобы Египет оставался в безопасности. Теперь на протяжении многих веков крепость Никополиса укреплялась, расширялась, модицифировалась, достраивалась и снова укреплялась.

— Никогда не возьмем ее штурмом,— сказал Ашот.— Не с теми силами, которые у нас есть. Даже гранаты будут как мелкие камушки против этих стен.

Он посмотрел на верх стен, где расположились многочисленные солдаты.

— И саперы не смогут установить заряды. Это будет чистое самоубийство.

Ашот вместе с Антониной, Гермогеном и другими офицерами из командного состава осматривал крепость с расстояния в триста ярдов. Их точкой обзора был еще один из больших перекрестков, которых немало в Александрии. Очень похожий на тот, что в центре Александрии, но не такой большой, правда, с портиком с четырьмя колоннами.

Изначально крепость была построена вне городской черты. Но Александрия разрослась на протяжении веков. Сегодня население составляло сотни тысяч человек. Крепость давно поглотилась пригородом под названием Никополис.

На самом деле несколько ошеломляло то, как это массивное каменное сооружение — так очевидно построенное для войны — поднималось из моря небольших магазинчиков и глиняных жилых домов. Почти комично. В том виде, в каком может быть комичным величественный лев, если бы его окружили дрожащие мыши.

Но в этот день дрожащие мыши отсутствовали. Магазины были закрыты ставнями, жилые дома опустели. Население Никополиса разбежалось, как только пришло известие о приближении Антонины, намеревающейся выступить против Амброза. Все утро поток людей тек из этих мест, погрузив на тележки или взвалив на спину те богатства, которые там уместились.

Антонина повернулась к Гермогену.

— Ты согласен?

Гермоген тут же кивнул.

— Ашот прав. Я знаю эту крепость. Несколько месяцев я был к ней приписан — вскоре после того, как пошел в армию. Трудно поверить, насколько толстые у нее стены, пока их сам не увидишь.

Он повернулся в седле и посмотрел назад на Менандра.

— А осадными орудиями ее можно взять? Ты — единственный из нас, кто видел их в действии.

Поняв, что попал в центр внимания, молодой скромный катафракт напрягся. Но, отвечая, он не колебался и не заикался.

— Да, можно, если бы они у нас были. Но Иоанн только вчера сказал мне, что не ожидает сделать их в течение нескольких месяцев. И даже тогда потребуется несколько недель, чтобы пробить стены.

Потом он добавил очень робко:

— Не знаю, может ли Антонина столько ждать.

— Совершенно точно, нет,— ответила она твердо.— Чем дольше это продолжается, тем более вероятно, что в других частях Александрии начнется восстание. Да и во всем Египте. У Павла достаточно сторонников во всех греческих городах провинции, на всем пути к Омбосу и Сиене, чуть ниже первого катафракта. Антинополь и Оксиринх — центры неповиновения. Не упоминая...

Она замолчала. Окружающие ее старшие офицеры из командного состава знали о стратегическом плане, который разработали Антонина с Велисарием несколько месяцев назад, чтобы перенести борьбу на открытый южный фланг. Но более молодые офицеры этого не знали. У Антонины не имелось оснований подозревать их в предательстве, но все равно оставалась опасность, что разговоры могут подслушать шпионы малва. Поэтому она прикусила язык и закончила мысль только про себя.

«Не упоминая, что у меня нет недель — месяцев! — чтобы тратить их в Александрии. Мне нужно добраться до Красного моря и объединить силы с аксумитами. К ранней весне следующего года по крайней мере».

Следующая мысль была полна боли:

«Или мой муж умрет — если он до сих пор жив».

Но ничего из этой боли не отразилось на лице. Просто спокойное намерение действовать.

— Нет, господа, мы должны выиграть эту небольшую гражданскую войну, и выиграть быстро.

Ашот потрепал бороду и проворчал:

— Говорю тебе, получится просто бойня, если мы попытаемся взять эту крепость штурмом.

Антонина махнула рукой.

— Расслабься, Ашот. Я не сошла с ума. Я не собираюсь терять жизни во фронтальной атаке. И я не думаю, что в ней есть необходимость.

Гермоген тоже трепал бороду.

— Осада займет несколько месяцев. Вероятно год, если у нас не будет тяжелых осадных орудий. В крепости достаточно запасов, чтобы с легкостью продержаться этот год. И внутри есть два колодца.

Антонина покачала головой.

— Я не имела в виду и осаду.

Увидев непонимание на окружающих ее лицах, Антонина сдержала вздох.

«Полководцы. Мужчины».

— Вы подходите к вопросу вверх ногами,— заявила она.— Это на самом деле не военная проблема. Политическая.

Она повернулась к Ашоту.

— Разве не ты говорил мне только вчера, что Амброз не мог вмешаться, пока мы подавляли толпу, потому что ему требовался день для завоевания войск на свою сторону?

Командующий фракийскими катафрактами кивнул.

Она улыбнулась.

— Ну, день у него был. Как ты думаешь, насколько крепко его положение? С войсками?

Мужчины нахмурились.

«Полководцы. Мужчины».

Она показала пальцем на крепость.

— Сколько времени эти люди — я имею в виду солдат — находятся там? Гермоген?

Молодой командир пожал плечами.

— Годы. Большая часть гарнизона проводит весь срок службы в Египте. Даже если какие-то подразделения забирают для участия в кампании в другом месте, они потом возвращаются дальше служить сюда.

— Именно так я и думала. А теперь другой вопрос. Где эти люди живут? Я уверена: не в крепости. Ты сказал: годы службы. Это означает: жены, дети, семьи. Вероятно, бизнес на стороне. Половина этих солдат — по меньшей мере половина — уже женилась на местных девушках. Они должны были вложить свое жалованье в магазины своих тестей. Имеют проценты с перевозки зерна.

— Да, ты права,— проворчал Ашот.— Чертовы гарнизонные войска. Всегда приходится несколько недель приводить их в чувство во время кампании. Первый месяц только и стонут о том, как падает в цене их собственность дома.

Наконец ее офицеры начали понимать, о чем она говорит.

Или по крайней мере она так думала.

— Ты права, Антонина! — возбужденно крикнул Гермоген.— Это сработает!

Он с готовностью огляделся вокруг, осматривая непосредственно прилегающую к крепости местность.

— Большинство из них, вероятно, живут прямо здесь, в Никополисе. Мы начнем с того, что сожжем все дотла. Затем...

— Найдем их жен и дочерей,— подключился подчиненный Гермогена Калликстос.— Найдем их, где бы они ни прятались, и...

— Не потребуется,— возразил Ашот.— Подойдут любые женщины. На таком расстоянии гарнизон в любом случае не сможет рассмотреть их лиц. Просто увидят, как с женщин срывают одежду на улице, а мы готовимся приступить...

— Тупые солдафоны! — взорвалась Антонина.

От испуга ее лошадь дернулась. Антонина резко потянула поводья. Лошадь оказалась разумной и замерла на месте.

— Кретины! Идиоты! Слабоумные! Полные идиоты! Вы все! Вы хотите остановить маленькую гражданскую войну, начав большую? Что, черт побери, с вами случилось?

Они отшатнулись от ее горящих глаз. Антонина повернулась в седле и перевела гневный взгляд на Менандра.

— Ты! Может, ты не достаточно стар, чтобы растерять все мозги? Может быть. Как бы ты разобрался с этой ситуацией?

На мгновение Менандр был слишком ошарашен, чтобы говорить. Затем, откашлявшись, сказал:

— Ну. На самом деле, пока вы говорили, я раздумывал, как полководец — я имею в виду Велисария — действовал в случае с кушанами. Во втором случае я имею в виду — не в первом, когда он хитростью заставил Венандакатру не использовать их в качестве стражников, а в другом, когда он... Ну, они охраняли нас, но не знали, что императрица — я имею в виду Шакунталу, не Феодору — была спрятана... ну...

Он замолчал, запутавшись. Затем сделал глубокий вдох. Парень слегка дрожал.

— Я имею в виду, что меня тогда поразило, как полководец использовал мед вместо уксуса.

Антонина вздохнула. Слегка расслабилась.

— Ты получаешь повышение,— проворчала она.— Ты теперь трибун Менандр.

Потом она посмотрела на других представителей командного состава. Ее глаза больше не горели.

Но они были очень-очень холодными.

— Вот что вы сделаете. Вы найдете жен и дочерей, а также сыновей, отцов, матерей, братьев, а также двоюродных и троюродных и каких-нибудь еще братьев и сестер тех солдат, которые сейчас находятся в этой крепости.

Она сделала глубокий вдох. Глаза были холодными как лед.

— А если точнее, ты вы и ваши катафракты отправитесь сопровождать рыцарей-госпитальеров, пока они ищут всех этих родственников. Вы и ваши солдаты будете стоять рядом и выглядеть такими сладкими и вежливыми, как мальчики, поющие в алтаре,— или я сожру ваши кишки на завтрак — пока рыцари-госпитальеры убеждают семьи солдат, что потенциально ужасная ситуация для их мужей, отцов, сыновей, братьев, а также троюродных, четвероюродных и прочих родственников — будет разрешена, если семьи вернутся в свои дома и снова откроют магазины. И — самое главное — начнут готовить еду.

— Готовить еду? — подавился Гермоген.

— Да. Еду. Много еды. Большие блюда, какие я помню с тех лет, как жила здесь. Блюда со специями. Блюда, которые ты чувствуешь, находясь в миле от места приготовления.

Она посмотрела на крепость, все еще улыбаясь.

— Пусть солдаты уловят запахи приготовляемых домашних блюд, пока жуют галеты, выдаваемые в гарнизоне. Пусть они думают о своих теплых постелях с женами в них, пока спят на жестких матрасах — и это в лучшем случае, скорее они спят просто на каменном полу или земле в полном вооружении. Пусть они думают о своих маленьких магазинчиках и обещаниях тестей оставить им эти магазинчики в наследство, пока Амброз выступает с речами.

— Они никогда на это не согласятся! — прокричал Ашот.— Я имею в виду жен и дочерей. И их семьи.

Он расправил плечи и смело посмотрел на Антонину.

— Они не вернутся. Пока мы здесь. Я бы сам, черт побери, не стал возвращаться.

Она холодно улыбнулась.

— Вот в это я верю. Именно поэтому вас здесь не будет. Ни тебя, ни твоих катафрактов. Ни Гермогена, ни его пехотинцев. Я сама буду здесь в качестве гарантии. Их заложница, если они хотят так на это смотреть.

— Что? — воскликнул Гермоген.— Одна?

Внезапно на лицо Антонины вернулась обычная теплая улыбка.

— Одна? Конечно, нет! Что за глупость. Со мной останутся мои гренадеры. Вместе с женами и детьми.

Теперь все офицеры уставились на Евфрония. Молодой сириец встретился с их взглядами и расправил плечи. С улыбкой.

— Отличная мысль. Никто не будет беспокоиться, что мы кого-то изнасилуем.— Он содрогнулся.— Боже, да моя жена тогда убьет меня.

Ашот повернулся к Антонине. Невысокий, мускулистый армянин практически выпучил глаза.

— А если Амброз устроит вылазку? — спросил он.— Как ты думаешь, твои гренадеры — сами по себе — смогут противостоять ему?

Антонина не колебалась ни секунды.

— На самом деле — да. По крайней мере, здесь.

Она показала на ведущую к крепости магистраль.

— Мы на открытой местности, Ашот. Амброз может добраться до меня только двумя путями. Во-первых, послать своих людей по всем небольшим петляющим боковым улочкам. Тогда мои гренадеры абсолютно точно смогут противостоять ему... На такой-то местности.

Все офицеры качали головами. Ни одному катафракту даже в голову не придет направить лошадь в броне по подобному муравейнику.

— ...или он может сделать массированный бросок копьеносцев — по этой дороге. Что он и сделает, если вообще что-то предпримет. По этой прекрасной дороге, которая достаточно широка, чтобы искусить всадника, но недостаточно широка для маневров.

Антонина очень одобрительно и одновременно снисходительно улыбнулась и взглянула на дорогу, о которой шла речь.

— О, да, на такой местности мои гренадеры превратят его в фарш.

Она встала в седле, чтобы выглядеть как можно выше. Конечно, больших результатов не достигла.

— Делайте, как я сказала.

Ее офицеры поспешили подчиниться, больше не возражая.

Возможно, из-за железа в ее голосе, когда она отдавала приказ.

Но возможно — только возможно — потому, что когда она встала в седле, от ее кирасы отразилось яркое египетское солнце, причем под таким углом, что на мгновение ослепило весь командный состав. И маленькая женщина показалась великаншей.

* * *

К полудню следующего дня первые семьи стали потихонечку возвращаться в Никополис. Антонина приветствовала их из шатра, который по ее приказу установили как раз в центре главной магистрали.

Первые прибывающие робко подходили к ней. Но обнаружив, что легендарная Антонина, та, которая так умело владеет кинжалом, при личном общении оказалась очаровательной и во всех отношениях приятной женщиной, они вскоре стали расслабляться.

К закату вернулись сотни жителей и начали постепенно общаться с гренадерами. Теперь все сирийцы научились разговаривать по-гречески, даже если многие из них и говорили плохо. Поэтому они были способны общаться с семьями солдат. Родным языком большинства этих людей был коптский, но, как и обычно в Александрии, они также бегло говорили по-гречески.

К утру следующего дня семьи солдат уже чувствовали себя вполне свободно рядом с гренадерами. Да, мужчины пугали, вооруженные таинственным новым оружием, о котором столько говорят. Но их жены оказались самыми обычными, даже если они и иностранки, как и дети. И сложно — на самом деле невозможно — каменеть от ужаса при виде мужчины, играющего с собственным ребенком, или того, которого ругает жена.

К концу второго дня вернулась половина жителей Никополиса. Присутствие Антонины, заверения, соединившиеся с беспокойством об их бизнесе и собственности, оказались тем, против чего не устоять.

На утро следующего дня Антонина объявила пир. За ее счет. Продукты покупались по всему городу. Огромная магистраль — не более чем в трехстах ярдах от крепости — превратилась в место огромного пикника, длившегося весь день.

По мере того как пикник продолжался, некоторые из жен солдат гарнизона стали приближаться к крепости. Звали мужей.

Начались первые переговоры — в некотором роде. Солдаты стали спускать вниз со стен корзины, привязанные к веревкам. Еда отправлялась наверх, чтобы немного разнообразить сухое гарнизонное меню. Вместе с этими вкусными посылками отправлялись слова жен, которые те выкрикивали снизу. В некоторых случаях ругательные. В других просящие. В некоторых похотливые.

Наблюдая из своего шатра, Антонина смотрела на каждую корзину, как на попавшее в цель пушечное ядро. На каждое слово жены, как мину, заложенную сапером.

Она откинулась на спинку дивана, окруженная небольшой ордой женщин Никополиса, которые приняли ее, как святую покровительницу, и наслаждалась моментом.

«Маленькие победы из больших. Мужчины. Ха!»

* * *

На пятый день «осады» начались первые настоящие проблемы. Когда одна из жен приблизилась к крепости — теперь это стало частью ежедневного ритуала — небольшая группа офицеров прорвалась сквозь толпу солдат, стоявших на крепостной стене.

Офицеры и солдаты обменялись угрозами. Затем один из офицеров со злостью выхватил лук одного из солдат и сам решил выпустить стрелу в женщину, стоявшую на улице внизу.

Стрела не попала по цели. Женщина удивилась, закричала, пришла в ярость. И оказалась в гораздо большей опасности после следующего «подарка» со стены.

Офицер был уже мертв до того, как упал на землю в пятидесяти футах внизу.

Теперь потрясенная женщина закричала, когда на нее брызнула его кровь. Закричала, закрыла голову и понеслась от стены. В это время еще шестерых офицеров отправили вниз, к первому, таким же способом.

Остаток дня и всю ночь собравшаяся у стен крепости толпа слышала звуки споров и борьбы, которые доносились изнутри. Сама Антонина, остававшаяся в шатре, тоже ясно их слышала.

Теперь Антонина смилостивилась достаточно, чтобы позволить Ашоту и Гермогену вернуться в Никополис. Внутрь было разрешено пройти и некоторым солдатам Гермогена, чтобы обеспечить гренадеров достаточной поддержкой пехоты, если вдруг начнется сражение. Но она все еще держала катафрактов вне поля зрения.

Она стояла у входа в шатер рядом с двумя офицерами и оценивала доносившиеся звуки.

— Это еще не настоящая схватка,— высказал свое мнение Гермоген.

— Даже близко не подходит,— согласился Ашот.— Там идет около сотни небольших разборок, жарких споров, мелких ссор. Амброз проигрывает.

Гермоген посмотрел на Антонину уголком глаза.

— Он сделает вылазку завтра. Готов поспорить.

Ашот кивнул.

— Ему придется. Он не может позволить Антонине сидеть здесь, разлагая его армию.

— А сколько человек все еще пойдет за ним, как вы думаете?

Ашот пожал плечами.

— Его катафракты. По крайней мере большинство. Они не египтяне. Это греческое подразделение, из *Пафлагонии*. Они пробыли здесь меньше года. У них нет тут крепких связей, а все офицеры — от трибуна и выше — лично выбирались Амброзом.

Он потрепал бороду.

— Давай скажем: шестьсот человек. Кроме этого...— Он замолчал, задумался, затем добавил с готовностью: — Могу сейчас же привести фракийцев. У этих толстозадых солдат из гарнизона не будет ни одного шанса. Мы...

— Нет.

Взгляд, которым она одарила Ашота, не был холодным, ни в коей мере. В последние несколько дней ее хороший характер вернулся. Но взгляд оставался таким же прямым и немигающим.

— Я сказала, что мои гренадеры справятся. И мои гренадеры справятся.

Ашот вздохнул, но не стал спорить. Антонина все время оставалась в доспехах, кроме сна. Да, солнце уже зашло. Но в ее шатре горело множество свечей, и пламя отражалось от ее кирасы. И она казалась...

«Боже,— думал он.— Как у женщины могут быть такие большие сиськи?»

* * *

По мере продолжения ночи звуки борьбы внутри крепости стихали. Затем на рассвете внезапно произошел взрыв — в переносном смысле. Звуки битвы быстро усиливались.

Антонина подготовила гренадеров в предыдущий вечер. К тому времени, как сражение внутри крепости шло полным ходом, Антонина уже находилась на улице, в доспехах, на лошади. Ашот и Гермоген тоже сидели в седле по обеим сторонам от нее.

Перед ними собралась готовая к сражению Когорта Феодоры.

Триста человек теперь были вооружены новыми ружьями Иоанна Родосского. Стволы изобретатель сделал из сваренных друг с другом кусков листового сварочного железа, на которые надел железные кольца. Правда, сам Иоанн называл их ручными пушками. Они стреляли с плеча, и для плеча имелась деревянная опора. Стволы насчитывали около восемнадцати дюймов в длину, калибр составлял примерно один дюйм.

Оружие заряжалось патронами из камыша. В одном конце трубки был заряд, в другом — пыж и свинцовый шарик. Для проталкивания патронов по стволу использовалась палочка из твердой древесины. Спускового крючка у этого оружия не было. Фитили — бечева, вымоченная в селитре — поджигались и удерживались зажимом, прикрепленным к опоре.

Ружья — или ручные пушки — получились настолько примитивными, насколько можно представить. Иоанн Родосский хотел подождать, пока он не разработает лучшее оружие, но Велисарий настоял, чтобы побыстрее запустить первый вариант в производство. Из опыта он знал, что Иоанну потребуется вечность для производства оружия, которое его наконец удовлетворит. Малва не дадут им этого времени. На настоящий момент сойдет и это.

Оружие было примитивным. Точность смешной — и многие катафракты на самом деле смеялись во время тренировочных стрельб на Родосе, наблюдая, как сирийские стрелки мажут мимо целей с расстояния, с которого уважающие себя фракийские катафракты попали бы из лука, даже если бы напились в хлам. Но было заметно, что никто из посмеивающихся катафрактов не предложил себя в качестве мишени. После того как посмотрели результат попадания тяжелой свинцовой пули в цель. Эти шарики влетали на целый дюйм в твердое дерево — и с гораздо большей силой, чем любая стрела.

Когорта выстроилась таким образом, чтобы максимально воспользоваться преимуществами ручных пушек. Половина стрелков стояли впереди, шестью шеренгами, вытянувшись по всей ширине дороги, по двадцать пять человек в ряд. Между каждой шеренгой стрелков стояло по подразделению пехотинцев Гермогена, готовых воспользоваться длинными пиками, чтобы удержать конницу, которая сможет прорваться сквозь огонь.

Еще сто пятьдесят стрелков стояли на крышах, растянувшись на пятьдесят ярдов по обеим сторонам дороги, готовые послать огонь на улицу внизу. Остальные бойцы Когорты, вооруженные гранатами, стояли позади стрелков, держа наготове пращи, из которых выпускали гранаты.

Звуки сражения внутри крепости казались значительно громче, чем раньше. На мгновение ворота крепости начали открываться.

Затем под аккомпанемент стального лязганья мечей о щиты частично закрылись.

— Боже,— пробормотал Ашот.— Теперь этому несчастному ублюдку Амброзу придется сражаться, чтобы выбраться из крепости. Куда же он там попал!

Внезапно ворота крепости широко открылись. Несколько секунд спустя первые катафракты Амброза стали высыпать на улицу.

Стало сразу же очевидно: вражеские катафракты полностью дезорганизованы, и у них нет лидера.

— Это не атака! — воскликнул Гермоген.— Они просто пытаются выбраться из крепости.

— Черт с ними,— прошипела Антонина.— Евфроний!

Даже не удосужившись оглянуться назад, командующий Когортой махнул рукой. Ближайшие катафракты были не более чем в двухстах ярдах. В радиусе действия лучших метателей гранат.

— Гранатометчики! — крикнул он.— Огонь!

Двадцать гренадеров, стоявших в конце, повернулись особенно грациозным способом, свойственным тем, кто управляется с пращой, и отправили снаряды в путь.

Эти двадцать считались его лучшими гренадерами, а их жены имели самый большой опыт зажигания запалов. Только три гранаты приземлились слишком близко. Ни одна слишком далеко. Только две взорвались слишком поздно, ни одна слишком рано.

Толпа катафрактов, выбирающихся из крепости — вероятно, теперь их насчитывалось около четырехсот — была разорвана пятнадцатью гранатами, взорвавшимися среди них. Затем, мгновение или два спустя, взорвались еще две, запалы которых оказались слишком длинными и дольше горели.

На самом деле потери среди самих катафрактов оказались очень малыми. Их тяжелая броня, созданная для того, чтобы предохранять от копий и топориков дехганов, была почти непроницаема для легкой шрапнели гранат. Человек должен был оказаться слишком близко от взрыва гранаты, чтобы его убила сила самого взрыва.

Но кони...

Броня, надетая на животных, была еще тяжелее. Но она концентрировалась на головах, груди и загривках животных. Гранаты, в особенности те, которые взорвались рядом с землей, повредили ноги и брюхо лошадей. И, главное, даже не раненые животные жутко испугались.

Катафракты Амброза в любом случае являлись только толпой. А теперь это оказалась толпа, отчаянно пытавшаяся выйти из-под линии огня. Из ворот выехали новые катафракты, добавив сумятицы. В их направлении выпустили еще одну партию гранат. Большинство лошадей погибли.

Еще одна партия приземлилась в центре толпы.

Тогда приверженцы Амброза полностью распались. Они не думали ни о чем, кроме личной безопасности. Разбивались на небольшие группки или просто убегали по одному. Погнали лошадей по улицам Никополиса.

Направляясь куда? Кто знает? Просто... куда-то в другое место.

Куда угодно.

Куда угодно, где простые солдаты не поднимают восстание и не заявляют о неподчинении.

Куда угодно, где гранаты не разрывают тела.

Куда угодно, где яркое солнце Египта не слепит их, отражаясь от огромных латунных сисек женщины-великана.

Куда угодно в другое место.

* * *

Антонина захватила потенциального императора два дня спустя. В некотором роде.

После переговоров о разрешении проехать небольшая группа подчиненных Амброза в сопровождении дюжины катафрактов прибыла ко дворцу префекта, где Антонина устроила штаб.

И трупа, завернутого в льняной саван.

Это был Амброз. Бывшего главнокомандующего египетской армии зарезали ножом в спину. Ударили несколько раз.

— Он заставил нас это сделать.

— Мы — верные римляне. Вот мы кто. Честно.

— Он заставил нас это сделать.

— Мы никогда не будем делать подобное. Никогда.

— Никогда. Никогда. Никогда. Никогда.

— Мы обещаем.

* * *

Антонина приняла эти заверения. Она даже приняла «верных офицеров» назад в ряды египетской армии. Естественно, понизив в звании. Но она подсластила даже эту пилюлю. Частично объяснением, что требуется освободить места для новых офицеров, которых привез с собой новый командующий. В основном же речью на тему будущих богатств римских солдат, которые они получат в качестве трофеев от малва.

Офицеры не жаловались. Они радовались уже тому, что их не повесили.

Ворчали по поводу ее мягкого отношения к катафрактам Амброза, что иронично, только другие солдаты его армии. Им не по-

нравилось, что тех же увальней, против которых они боролись в крепости — вонючих негодяев, которые угрожали их женам, даже выпускали стрелы в одну — так легко спустили с крючка.

Но кроме ворчания они больше ничего не делали, да и ворчали тихо. В конце концов их собственное положение оставалось несколько неустойчивым.

Что было, то прошло. Учитывая все обстоятельства.

* * *

Кто-то, конечно, должен был заплатить по счетам. Сам Амброз умер, что не остановило Антонину от повешения трупа. Она оставила его качаться на ветру на крепостной стене. Счет представили Павлу и бывшему префекту.

Обоих нашли после того, как катафракты сбежали. Они скрывались в одной из комнат крепости. Павел все еще вел себя нагло, префект же умолял о пощаде.

Антонина тут же повесила префекта. Его тело качалось на ветру на огромном перекрестке в центре города, свешиваясь с одной из колонн.

Павел...

— Никаких мучеников,— объявила она, отмахиваясь от жаждущих крови советников, за исключением Феодосия.— Казненный префект — это просто мертвый политик. До него никому нет дела, кроме его приятелей, а они не будут страдать дольше одного дня. С другой стороны, религиозный лидер...

Она выпрямилась на стуле, который служил ей троном в зале приемов дворца префекта. Официально, конечно, власть находилась в руках нового префекта. Но в реальности...

Он стоял в толпе перед ней. Один среди многих.

Ее офицеры почти сморщились, увидев выпрямление спины и словно надувание груди. Но на этот раз никакой слепящей вспышки не последовало. Антонина перестала носить кирасу. Просто маленькая женщина держалась гордо. Да, у нее пышные формы. Но она не великанша.

Вид обычного женского тела, причем знакомого, не позволил им думать, что они могут пойти против ее воли. Великанша она или нет, латунные сиськи или нет, вопрос был решен.

Сидя на «троне», Антонина объявила:

— Никаких мучеников.

Феодосий вздохнул с облегчением. Увидев легкое движение, Антонина обратила на него взор.

— Что ты рекомендуешь, патриарх? — спросила она, теперь улыбаясь.— Может, надолго отправить его на остров Палмарию? Пусть ухаживает за козлами. Следующие лет пятнадцать-двадцать.

— Отличная мысль! — воскликнул Феодосий. Затем благочестиво заметил: — Это хорошо для души. Как и всякий простой физический труд. Все это знают. Это постоянная тема лучших проповедей.

И Павел отправился на Палмарию. В тот же день. Антонина лично проводила его. Стояла на причале, пока его корабль не отплыл.

Павел все еще негодовал и не смирился. Проклинал ее, называл шлюхой и проституткой, пока его выводили на причал, вели по причалу к судну, а потом с кормы судна, которое повезло его в ссылку.

Все это время Антонина просто отвечала милой улыбкой. Пока корабль не оказался на полпути к горизонту.

Тогда и только тогда улыбка сошла с ее лица. Она нахмурилась.

— Я чувствую себя в некотором роде виноватой,— призналась она.

Стоявший рядом с нею Ашот удивился.

— Из-за Павла? Думаю, ублюдку повезло...

— Не из-за него,— фыркнула она.— Я думала о несчастных козлах.

Глава 35

Евфрат.
Осень 531 года н. э.

— Так где же атака по флангу? — спросил Маврикий.— Ты помнишь, как предсказывал, что она произойдет именно этой ночью. Примерно неделю назад.

Велисарий пожал плечами. Он удобно прислонился к грубой каменной стене одной из артиллерийских башен на дамбе и ответил на гневный взгляд Маврикия абсолютно спокойным.

— Я забыл о переговорах,— объяснил он.

— О каких переговорах?

Велисарий показал большим пальцем через плечо на юго-запад.

— Тех, которые Ормузд ведет с малва на протяжении этих последних дней.— Он опустил руку за кубком, поднес его к губам и стал потягивать содержимое.

Маврикий с неудовольствием посмотрел на кубок.

— Как ты можешь пить эту дрянь? Ты перенимаешь привычки местных жителей. Представитель Римской империи, да еще и фракиец по рождению, должен пить вино, а не это... это... персидское...

Велисарий хитро улыбнулся.

— Я нахожу свежую воду с добавлением сока лимона и граната очень освежающей, Маврикий. Благодарю Баресманаса за то, что дал мне попробовать напиток.

Он распрямил спину.

— Кроме того, если бы я стал пить вино целый день — день за днем, привязанный к этой проклятой дамбе — то к этому времени уже спился бы.

— Анастасий с Валентином пьют вино,— тут же ответил Маврикий.— Я не заметил даже, чтобы их качало.

Велисарий холодно посмотрел на двух телохранителей, сидящих менее чем в четырех ярдах.

Как и Велисарий, Анастасий с Валентином отдыхали в тени артиллерийской башни.

— С таким весом, как у Анастасия, можно пить по бочке вина в день и не замечать,— проворчал полководец. Услышав его слова, Анастасий с философским спокойствием посмотрел вниз на собственное огромное тело.— Что касается Валентина — ха! Этот человек не только внешне похож на ласку, он может есть и пить, как этот зверек.— Услышав слова главнокомандующего, Валентин посмотрел на свое жилистое тело, с собственной версией философского спокойствия. Которое больше всего напоминало философию ласки, после того как та полакомилась курами в курятнике.

Внезапно Велисарий резко встал. На самом деле в движении не было смысла. Оно просто выразило состояние полководца после последней недели неподвижности. Приходилось сидеть на дамбе и все время, день за днем, отражать бесконечные атаки и пробные вылазки малва.

Сражение практически превратилось в осаду. Велисарий считался мастером ведения осады — независимо от того, нападал он или оборонялся — но это был вид военного дела, который лично он ненавидел. Его темпераменту больше подходили маневры, чем простая драка.

Он даже не чувствовал облегчения — так сказать — от личного в ней участия. В первый день присоединившись к армии на самой дамбе, Велисарий начал участвовать в отражении одной из атак малва. Даже до того, как Анастасий с Валентином смогли его схватить и оттащить назад, сирийские солдаты, защищавшие ту часть стены, стали неистово его отгонять. Либерий и Маврикий, подъехавшие вместе со своими катафрактами, чтобы подбодрить сирийцев, даже отругали его, назвали дураком и идиотом.

Конечно, холодный, все просчитывающий ум полководца все понял и получил удовлетворение. Только тех командиров, которых искренне ценит армия, так ревностно охраняют их солдаты. Но мужчина внутри полководца горячился, раздражался, ругался, возмущался.

Полководец взял мужчину за удила. И поэтому в течение недели Велисарий мирился с неизбежным. Он больше ни разу не пытался прямо участвовать в сражении у стены, но каждый день постоянно

ездил вдоль линии римских укреплений. Взад и вперед. Подбадривал солдат, советовался с офицерами, организовывал поставку боеприпасов и продовольствия и, в особенности, проводил время с ранеными.

Валентин с Анастасием ворчали, Эйд горячился, посылая ментальные импульсы: «Ракеты! Очень опасно!», но Велисарий был неумолим. Он знал: его солдаты получают удовлетворение, понимая, что их командующий не находится в центре бойни. Но на подсознательном уровне подбадриваются от его присутствия рядом. В этом он оказался прав. По мере того как проходила неделя, боевой клич его армии изменился.

Первые два дня кричали: Рим! Рим!

На третий день, когда он ехал туда и обратно вдоль укреплений, кричали уже его имя. Это все еще было так через неделю после начала сражения. Но его имя больше не использовали в качестве простого приветствия. Им насмехались над врагом, бросали его как вызов. Вся римская армия выкрикивала его имя, чтобы малва знали:

— Жалкие ублюдки, вы будете повержены. Конец вам.

— Велисарий! Велисарий!

* * *

Велисарий осушил кубок и поставил его на стену с такой силой, что грубое гончарное изделие треснуло.

Он проигнорировал звук и повернул голову на запад.

Его глаза горели. Перевалило далеко за полдень, солнце ярко сияло на небе. Он приставил руку козырьком, чтобы защититься от солнца.

— Ну давай, Ормузд,— проворчал Велисарий.— Решайся. Даже проклятому Богом арийскому принцу не нужна целая неделя, чтобы решиться на предательство.

Маврикий повернул голову, чтобы посмотреть туда же, куда и Велисарий.

— Ты думаешь, именно сейчас он и решается на предательство?

— Рассчитывай на это, Маврикий,— тихо ответил Велисарий.— Могу гарантировать, что каждую ночь на протяжении последней недели эмиссары малва бегали взад и вперед между шатром Ормузда и...

На мгновение он повернулся на юг. Сильно прищурился, словно только одной силой воли мог разглядеть, что происходит внутри огромного шатра, который малва поставили на левом берегу Евфрата, более чем в миле от места отдыха Велисария. Шатра, где, как был уверен Велисарий, отдавал команды демонический Линк.

Маврикий мрачно заворчал:

— Может, ты и прав. Черт побери, я на это надеюсь. Если эта проклятая осада продлится еще долго, мы... а,— он неопределенно махнул рукой, словно смахивал дерьмо, прилипшее к тунике.

Велисарий ничего не сказал. Он знал: Маврикий не беспокоится, что малва могут взять дамбу фронтальной атакой. И хилиарх также не беспокоится, что малва могут истощить римлян. Постоянный поток барж, идущих из Карбелы, обеспечивал защитников гораздо лучше, чем нападавших. Римляне могли держать эту полуосаду почти бесконечно.

Но... они уставали. Уставали физически, уставала нервная система. После яростных атак малва в первые день и ночь, от которых они отказались в пользу бесконечных пробных вылазок и быстрых «мелких уколов», потери были относительно малыми. Но «легкие» потери — это все равно потери. Это люди, убитые, искалеченные, раненые. День за днем, и конца этому не видно.

— Надеюсь, ты прав,— повторил он. Угрюмо.

Велисарий решил, что пора сменить тему.

— Агафий выживет,— объявил он.— Теперь я в этом практически уверен. Я видел его только вчера.

Маврикий посмотрел вверх по течению, на медицинские баржи, стоявшие на якоре вне зоны досягаемости ракет малва.

— Рад это слышать. Я думал...

Он не закончил фразу, вернее закончил ее неопределенным ворчливым звуком. Не угрюмым на этот раз. Непереводимый звук совмещал восхищение и неверие.

— Не думал, что он вытянет,— признался Маврикий.— В особенности после того, как он отказался ехать в Карбелу.

Велисарий кивнул. Большинство пострадавших римлян после установления очередности оказания помощи раненым (целью чего было максимальное количество выживающих) отправлялись в Карбелу. Но Агафий наотрез отказался — даже угрожал насилием, когда Велисарий попытался настаивать. Поэтому он остался, как и его молодая жена. Судаба была так же упряма, как и муж, когда говорил с Велисарием, и не обращала внимания на требования Агафия, заставлявшего ее уехать. И также угрожала насилием.

На самом деле Велисарий был благодарен. Константинопольскими войсками теперь командовал Кирилл и показал себя очень хорошо на этой должности. Но то, как держался Агафий, поразительно подняло боевой дух армии, и не только греков.

На протяжении последней недели постоянный поток солдат — фракийцы, сирийцы, иллирийцы, арабы и конечно греки — посетили раненого офицера на барже. Агафий был очень слаб от колоссальной потери крови, и его мучили боли после ампутации одной ноги выше колена, а другой на лодыжке.

Но мужчина выдерживал все со стоицизмом, который бы опозорил Марка Аврелия, и всегда укреплял намерения посетителей выстоять против малва. От Эйда пришел ментальный импульс:

«Ты только подумай, какова сила воли этого человека. И как ты должен быть счастлив, имея таких друзей».

— Да,— прошептал Велисарий.— Да.

«В будущем таких людей будут воспевать поэты. Через много столетий».

Велисарий сделал глубокий вдох.

«В таком случае давай дадим человечеству эти столетия. И все миллионы столетий, которые придут после».

Глава 36

В тот самый момент, когда Велисарий давал свою молчаливую клятву, сущность из будущего, которая называла себя Линк, допустила катастрофическую ошибку.

Линк рассчитал возможности. Проанализировал случайности. Оценил варианты выбора. Оценил возможности вражеского командующего так точно и так правильно, столькими способами, что Велисарий был бы поражен, если бы когда-то узнал, как тщательно его измерили.

Однако его оценивали только как полководца — поскольку Линк понимал лишь это.

Существо из будущего с его суперчеловеческим умом пробралось до самых глубин извилистого ума Велисария. До самых его корней.

И полностью упустило человека.

* * *

— Значит, Ормузд согласился?

Подчиненные Линка, занимающие самые высокие должности в армии малва, четверо офицеров, устроившихся на подушках перед стулом, на котором сидела старая женщина, кивнули одновременно.

— Да, Великая Госпожа Холи,— сказал один.— Он снимет свои войска с места через три часа после захода солнца.

Линк задумался, оценил, рассчитал, проанализировал.

Оценил хитрый разум великого полководца Велисария.

После долгого опыта общения с Великой Госпожой Холи четверо офицеров сидели все это время молча. Им никогда не приходило в голову что-то советовать. Советы не требовались и были нежелательны. И если Линк и не отличался взрывным характером покойного господина Дживиты, существо было абсолютно безжалостным. Офицеры особо не боялись огромных мужчин с кривыми индийскими саблями, расположившихся между ними и Великой

Госпожой Холи. Это просто охранники. Но офицерам требовалось только повернуть головы, чтобы увидеть ряд молчаливых наемных убийц, которые ждали, как статуи, в дальнем углу шатра. Линк — Великая Госпожа Холи — уже трижды использовал этих наемных убийц после начала экспедиции. Дважды, чтобы наказать за провал. Но также нашелся и офицер, который не смог удержаться от совета.

Наконец Линк заговорил:

— Есть возможность. Она маловероятна. Если бы врагом командовал кто-то другой, я бы тут же забыл про нее. Но в данном случае не могу. Не с Велисарием.

Снова последовала тишина, длилась более минуты. Офицеры малва не стали просить объяснить эти зашифрованные слова. И если бы и попросили, никакого объяснения не последовало бы.

Линк оценил, проанализировал, рассмотрел варианты. Принял решение.

— Пошлите кушанов первыми. Всех. Пешком.

Теперь офицеры явно удивились. Мгновение спустя один из них решился переспросить:

— Пешком?

Молчание. Офицер откашлялся.

— Но, Великая Госпожа Холи, необходимо, чтобы маневр был проведен на высокой скорости. Велисарий поймет, что мы делаем, самое позднее к рассвету. Вполне вероятно раньше. Почти невозможно — даже после отдания самых суровых приказов — сделать так, чтобы такая большая группа людей не производила никаких звуков. И в любом случае мы не контролируем персов.

— Мы должны доставить первую колонну вверх по реке как можно быстрее. Ту, которая пойдет по флангу,— вставил другой офицер.— Чтобы они перешли Евфрат вброд до того, как Велисарий заблокирует им путь. Для этого нужна конница, Великая Госпожа Холи.

— Молчать. Я понимаю ваши возражения. Но есть одна возможность, если Велисарий достаточно хитер... Я не могу так рисковать. После переправы йетайцы пойдут вверх по реке. Регулярная конница, которая последует за ними, может привести с собой лошадей кушанов. Они все равно должны добраться до йетайцев вовремя, чтобы удерживать переправу.

Конечно, офицеры подчинились. Но один из них, более смелый, чем другие, запротестовал в последний раз.

— Но кушанам потребуется столько времени, если они будут переправляться пешком!

— В этом все и дело. А теперь делайте, как я сказал.

Все возражения прекратились. Офицеры поспешили покинуть шатер, передавая приказ большой армии, которая стояла лагерем ниже дамбы.

Линк остался в шатре один и продолжал считать. Оценивать. Анализировать.

Его мысли были уверенными. Линк руководствовался не просто невероятным интеллектом, но также и полученной в последнее время информацией.

Тут и там в плен брали римских воинов. Их допрашивали. Тех, кто лично знал Велисария, допрашивали под пытками, пока Линк не был удовлетворен, что выжал каждую последнюю крупицу информации, необходимую для полной оценки возможностей врага.

Было бы лучше, если бы Линк смог допросить перса, выжившего после сражения под Миндусом. Человека по имени Баресманас. Но возможно, нет. Линк не задал бы правильных вопросов. А Баресманас определенно не стал бы добровольно раскрывать информацию, даже под ножом. Но Баресманас мог бы. Мог бы. Он мог бы предупредить сверхсущество малва, что у милосердия есть своя острая сторона. Более острая, чем любое копье или меч, и даже более смертоносная для врага.

Глава 37

— Наконец-то,— прошипел Велисарий.

Полководец практически пританцовывал от нетерпения, ожидая, когда его коня подведут к башне, где он на протяжении последней недели держал свой штаб.

Он был уже в полном вооружении. Велисарий начал надевать доспехи в тот момент, когда услышал первые удары «катюш». Как он и предсказывал, малва пытались перебраться через Нехар Малку по понтонному мосту. Полководец был уверен, что этот маневр обманный, но, как и все хорошо выполняемые отвлекающие маневры, представлял настоящую опасность. Тысячи солдат малва были задействованы в переправе, их поддерживала большая часть их ракетных орудий. К этому времени прошел уже час после начала битвы и сцена к востоку представляла собой мелькающую какофонию. Ракеты, выпускаемые из «катюш», пересекались по пути с ракетами малва. Сирийские солдаты на горе, сложенной из валунов, добавляли к ним горящие стрелы, направляемые на суда на канале. Нехар Малка освещался этими горящими судами.

В темноте впереди Велисарий смог различить силуэт коня. Он понял, что под уздцы его держит Маврикий.

— Давно? — спросил полководец.

Велисарий с трудом различил, как Маврикий в темноте пожал плечами.

— Кто знает? Персы действуют очень тихо. Гораздо тише, чем я ожидал от упрямых дехганов. Но, как доложили разведчики Аббу,

персы уже вывели по крайней мере половину своих сил. На восток, в пустыню.

Он помолчал и добавил угрюмо:

— Как ты и предсказывал.

Велисарий кивнул.

— В таком случае у нас есть немного времени. Аббу...

Маврикий фыркнул.

— Не дури! Конечно, он занял позицию. Старый арабский козел ерзает даже больше тебя.

Когда Анастасий помог ему забраться в седло, Велисарий проворчал:

— Я не ерзаю. Я просто горю желанием побыстрее добраться до врага.

— «Добраться до врага»,— спародировал Маврикий и забрался на своего коня.— Как мы сегодня выражаемся.

Устроившись в седле, Велисарий улыбнулся. Было очевидно: перспектива действия — наконец! — восстановила его настроение.

— Вперед, Маврикий. Я думаю, пришло время опять познакомить малва с первым законом битвы.

Он развернул коня, потянув за удила.

— Враг прибыл. И я намереваюсь полностью разрушить их планы.

* * *

— Что? — спросил он.

Маврикий сделал глубокий вдох.

— Ты слышал, что я сказал. Курьер Аббу сообщает, что малва первыми отправляют через реку кушанов. Пешком — всех. Они даже спешили кушанскую конницу. Батальоны йетайцев тоже собрались на берегу, на лошадях, но те пока не переправляются. За ними, как думает Аббу, собираются кшатрии и регулярная армия малва, но он не уверен. Он не может подобраться достаточно близко.

Велисарий повернулся и уставился во тьму, приподнялся в стременах, чтобы заглянуть через стену. Он стоял на дороге в восточном конце дамбы, как раз за передними укреплениями. Полководец потянулся за телескопом, но остановил движение почти сразу после того, как начал его. Он уже знал: приспособление не поможет. Ночь стояла безлунная, а малва перебирались через почти пустое русло реки примерно в миле на юг от дамбы. Велисарий ничего не видел, даже при помощи зрения, усиленного Эйдом.

— Первыми кушаны, без лошадей,— пробормотал он.— Это совершенно не имеет смысла.

Он почесал подбородок.

— Если только не...

— Что если только не? — прошипел Маврикий.

Велисарий снова почесал подбородок.

— Если только эта сущность не умнее, чем я думал.

Маврикий покачал головой.

— Хватит твоих заумностей! Может, они хотят удостовериться, что не создадут шума, перебираясь через Евфрат. Кушаны пешком будут тише любой другой армии.

Велисарий кивнул. Медленно.

— Возможно. Даже возможно, что они договорились с Ормуздом, чтобы им оставили лошадей. Все равно...

Их внимание привлек тихий звук. С западного конца дамбы к ним приближался арабский курьер.

— Новые сведения от Аббу! — воскликнул разведчик, как только подъехал к ним.— Почти все кушаны в русле реки. По меньшей мере, восемь тысяч. Вероятно, к этой минуте уже все. Их первые разведчики уже должны были добраться до противоположного берега.

Велисарий почесал подбородок.

— Черт побери! — рявкнул Маврикий.— Чего ты ждешь? Мы не можем позволить этим людям перебраться, полководец! После всех наших потерь у нас самих не более восьми тысяч. После того как они выберутся на сухую землю — на южный берег,— они могут перейти вброд вверх по течению в любом из дюжины мест. Нам придется встретиться с ними на...

— Достаточно, Маврикий.

Хилиарх тут же плотно сжал челюсти.

Велисарий почесал подбородок.

Полководец думал, оценивал, рассчитывал, выбирал.

Человек решал.

Появилась хитрая улыбка. Он сказал, очень твердо:

— Пусть кушаны переправляются. Все.

Велисарий повернулся к курьеру:

— Попроси Аббу отправить ракету, когда йетайцы почти полностью переправятся. И скажи старому маньяку, чтобы удостоверился, что он сам вне пределов досягаемости врага. Ты понял? Я хочу, чтобы он был в безопасности!

Араб улыбнулся.

— Он будет в безопасности, полководец. Конечно, придется тащить его за волосы. Но он будет в безопасности.

Мгновение спустя курьер уехал.

Велисарий повернулся назад к Маврикию. Потрепанный в боях ветеран гневно смотрел на него.

— Гляди на это так,— мило сказал Велисарий.— Я только что дал тебе то, что ты ценишь больше всего. Кое-что еще, по поводу чего можно хмуриться.

Теперь Маврикий хмурился яростно.

— О, великолепно,— проворчал Валентин в сторону.— Как раз то, что нам нужно. Восемь тысяч кушанов.

Велисарий проигнорировал и взгляд, и бормотание. Стал опять чесать подбородок, но быстро прекратил. Он принял решение и будет его придерживаться.

Возможно, плохое решение. Оно может в конце оказаться гибельным. Но он подумал о людях, которые любят делать ставки, когда им нечего ставить, кроме чувства юмора. И больше всего он помнил человека с железным лицом. Жесткого человека, который в двух жизнях и в двух будущих принял одно и то же мягкое решение. Решение, которое, как знал Велисарий, этот человек принял бы всегда, в любой жизни и в любом будущем.

Тогда он расслабился. Уверенный не в своем решении, а в своей душе.

— Пусть перебираются,— пробормотал он.— Пусть перебираются.

Он слегка склонил голову набок.

— Василий готов?

— Не дури,— проворчал Маврикий.

Велисарий улыбнулся. Минуту спустя он снова склонил голову набок.

— Все в безопасности? — спросил он.

— Не дури,— проворчал Маврикий.

— Все, кроме нас,— прошипел Валентин.— Остались только мы. Последние сирийцы ушли пять минут назад.

— Тогда пошли и мы,— весело сказал Велисарий.

И он вместе с тремя катафрактами пустил лошадей пешим шагом с дамбы. Из-за темноты они двигались осторожно. Велисарий думал о будущем. Том будущем, которое он спасет от тех, кто считали себя новыми богами.

Глава 38

В то мгновение, когда вспыхнула сигнальная ракета, Линк все понял.

Четверо офицеров, стоящих рядом на платформе командной башни, которая смотрела на реку, просто удивились. Ракета продолжала гореть вспышками по мере того, как опускалась в массу солдат, с трудом перебирающихся через русло Евфрата.

В основном это были йетайцы, тихо ругающиеся, когда пытались вести лошадей в темноте по трясине, состоявшей из маленьких протоков и засасывающих ям. Но там также были пять тысяч регулярных войск малва, включая поезд тележек с ракетами и приписанных к ним кшатриев.

Ракета вспыхнула. Офицеры уставились на нее, удивились.

Но Линк все понял сразу. Понял, что его перехитрили, хотя он и не понял — ни тогда, ни когда-либо в будущем,— каким образом это удалось Велисарию.

Но сущность из будущего не была склонна ругаться и бесполезно обвинять себя. Она понимала только необходимость. Линк даже не стал ждать первого громоподобного звука взрывов, чтобы отдать приказ наемным убийцам.

Заряды взорвались по всей длине дамбы, перекрывающей Евфрат. Почти в замедленном движении суда, наполненные валунами, формировавшие основу дамбы, взлетели в воздух. Звук взрыва оказался сильным, но приглушенным. И практически не было вспышки. Несмотря на многочисленность и силу, заряды лежали глубоко. Даже Линк со своим сверхчеловеческим зрением едва видел происходящее в слабом свете, все еще отбрасываемом сигнальной ракетой.

Офицеры не увидели ничего. Ни тогда, ни когда-либо. Нож первого наемного убийцы вошел в спину первого офицера, отрезая спинной мозг. Долей секунды позже вместе с ним умерли три других офицера. Все еще глядя на сигнальную ракету. Все еще недоумевая.

Линк провалился, но провал останется в тайне. Его репутация необходима для дела малва и дела новых богов, которые создали малва. Вина ляжет на офицеров.

Масса солдат в русле Евфрата — возможно, в целом четырнадцать тысяч — услышали звук и застыли на своих местах. Повернулись, уставились во тьму. Удивились. Ночь была темной, а до дамбы около мили. Они ничего не видели. Но шум казался зловещим.

Затем прилетел первый ветерок, и самые умные из попавших в ловушку солдат поняли. Закричали, стали ругаться, даже били саблями плохо соображающих людей, закрывающих им дорогу, и предприняли отчаянную попытку выбраться на лошадях из русла реки.

Остальные...

Стена воды смела армию малва, как жезл какого-то бога. Невероятное количество тонн бурлящей воды, которая несла огромные валуны, словно щепки. Она летела по старому руслу, билась в берега, сметала новые камни, чтобы забрать их вместе со старыми.

К тому времени, как поток ударил, все обреченные люди в русле поняли. Звук больше не казался далеким громом. Это был воющий банши. Крик Шивы. Победный вопль Кали.

Теперь они все боролись, пытаясь выбраться. Их лошади пришли в панику от ужаса в голосах всадников, а также грома, идущего с севера. Они увязали в глине, путались в камышах и водорослях, падали в ямы, наступали друг на друга.

Но это было безнадежно. Некоторые из солдат малва — менее тысячи — оказались достаточно далеко от центра русла, чтобы добраться до берегов. Другие, пойманные краями приливной волны, смогли спасти жизнь, ухватившись за камыши, валуны или веревки, которые бросали им товарищи с берега.

Некоторые — очень-очень немногие — даже выбрались из наводнения. Гигантская, бурная масса воды, подобная той, что неслась по руслу реки, вещь странная. Временами озадачивающая. Таинственная и причудливая в своих делах.

Евфрат возвратился на свое законное место. И он бушевал, бушевал и бушевал. Но тут и там он сжаливался. Один солдат, к удивлению, которое длилось всю жизнь, понял, что его несет — причем несет мягко — к берегу. Другого, слишком испуганного, чтобы удивляться, просто выбросило на берег.

А один солдат малва выбрался из камышей много часов спустя в пятидесяти милях вниз по течению реки. Евфрат держал его в странных объятиях — неком маленьком водовороте, как цыпленка на руке человека — и нес всю ночь. Он был простым парнем, его недобрые бывшие сослуживцы часто называли его туповатым. Да, он был бесхитростным, но не дураком. После отметили, что парень, который раньше частенько грубил и даже богохульничал, стал глубоко религиозным. В особенности почитал речных богов.

Но для подавляющего большинства йетайцев и солдат регулярной армии малва, пойманных в капкан Велисария, смерть пришла почти мгновенно. Они даже не утонули, большинство из них. Их просто так ударило, что они мгновенно отправились на тот свет.

Двенадцать тысяч сто сорок три человека. Умерли в течение одной минуты. Еще девятьсот шесть были искалечены или получили серьезные ранения. Большинство умрет в течение недели.

Погибло десять тысяч восемьдесят девять лошадей. Две тысячи двести семьдесят восемь верблюдов. Тридцать четыре тележки с ракетами превратились в пыль. Как и почти половина порохового оружия армии.

Это была самая жуткая трагедия в военной истории малва.

И Линк знал это. Суперсущность уже оценивала варианты выбора. Даже до того, как стена воды взяла первую жизнь. На протяжении ужаса, который последовал, существо, именующее себя Великой Госпожой Холи, сидело, не двигаясь, на троне. Для него было безразлично, что происходит кошмар,— умирающие люди и животные были просто фактами. А он занимался своим делом.

Считал. Оценивал. Выбирал.

Вина ляжет на плечи офицеров. Линк же припишет себя спасение того, что можно спасти.

Считал. Оценивал. Выбирал.

А выбирать-то особо было не из чего.

К тому времени, как следующие по рангу офицеры робко взобрались в командную башню, Линк уже принял решение.

— Мы должны отступить. Прикажите забить в барабаны. Организуйте распределение припасов. Мы вынуждены отступать через пустыню, с несколькими верблюдами. Мы не можем рисковать сражением на этой стороне реки. Велисарий должен был также сбросить камни в Нехар Малку, восстанавливая старую дамбу. Он сможет легко перебраться. И в Пероз-Шапуре все еще остаются десять тысяч персов. Наши силы там должны удерживать тех персов на месте, пока мы отступаем.

Даже несмотря на мрачное напоминание в виде убитых офицеров, лежащих на платформе, некоторые из новых главных помощников Линка осмелились возражать.

— Через пустыню? Многие умрут во время такого отступления.

— По меньшей мере четыре тысячи по моим расчетам. Их можно заменить.

— А как насчет кушанов? Восемь тысяч кушанов находятся в позиции, с которой можно атаковать!

— Бессмысленно. У них нет лошадей. Нет запасов еды. А у нас нет способа поставлять им провизию и боеприпасы. Наши собственные ограничены. Велисарий не будет сражаться и просто обойдет кушанов. Будет ждать, пока они не умрут с голода. Потеря отличных солдат, которые нужны нам самим. Мы должны начать отступление немедленно. Пошлите курьеров к кушанам. Они должны охранять наш арьергард, пока мы идем назад в Вавилон.

Офицеры склонили головы. Они хотели уйти, но Линк приказал им остаться. Требовалось еще кое-что просчитать.

Офицеры молча ждали, пока Линк рассчитывал и оценивал.

Сверхсущности не потребовалось более пяти минут, чтобы прийти к еще одному выводу. Человек-командующий, если бы ему была представлена эта горькая логика, кричал бы от ярости и отчаяния. Линк просто отдавал приказы.

— Пошлите сообщение нашим силам в Вавилоне. Скажите командующим, чтобы ждали нашего прибытия, но они должны готовиться к снятию осады Вавилона.

— Снять осаду Вавилона? — прозвучал последний протест.— Но...

— У нас нет выбора. Велисарий разбил нас в этот год из-за некомпетентности командующих малва. Наш флот, поставляющий нам провизию и боеприпасы, и так сильно пострадал. То, что случилось сегодня ночью, разрушит остальные корабли. Мы потеряли слишком много людей. Слишком много провизии и боеприпасов, слишком много оружия. Мы не можем продолжать осаду. Мы должны отступить в Харк и начать снова на следующий год. Делайте, как приказано.

* * *

Когда стена воды достигла Пероз-Шапура в середине ночи, погибли и другие солдаты малва. Немного — просто те несчастные, которые выбрали не тот момент, чтобы облегчиться в русло реки, подальше от грязных вонючих сортиров в лагере осады. Сверху, на стенах укрепленного города, Баресманас и Куруш прислушивались к реке. Евфрат вернулся, а вместе с ним надежда.

— Он сделал это,— прошептал Куруш.— Как он и обещал.— Перс отвернулся, двигаясь, как обычно, быстро и нервно.— Я должен приготовить войска. Мы можем сделать вылазку.

После того как он ушел, Баресманас покачал головой.

— Как такой теплый и милосердный человек может быть таким безжалостным? — прошептал он.— Таким холодным, таким жестоким?

В этих словах не было обвинения. Ни проклятия, ни упрека. Просто Баресманас удивлялся сложности и противоречивости человеческой души.

* * *

В другом месте, внутри стен Пероз-Шапура, в рабских кварталах, где содержались военнопленные, две тысячи кушанов также слушали звуки разрушения малва.

Расспросили дружелюбно настроенных охранников. Довольно скоро получили ответы.

Кушаны сделали ставки.

Те, кто выиграли — все за исключением одного,— праздновали всю ночь. У них были средства, на которые праздновать. И их охранники в эту ночь пребывали в прекрасном настроении. Вино раздавалось свободно, даже жадными персами.

Только Васудева не участвовал в праздновании. Когда его спросили, командир кушанов просто улыбнулся и сказал:

— Вы забыли. Я же сделал еще одну ставку. Наслаждайтесь, ребята.

Потом он широко улыбнулся и показал пальцем на амфоры, которые держали в руках солдаты.

— Вскоре все, что у вас есть, будем моим.

* * *

К концу следующего дня малва, стоявшие у Пероз-Шапура, начали отступление. Куруш — вопреки советам Баресманаса — попробовал устроить вылазку. Его дехганы пролили немало крови

врага, но их оттеснили с серьезными потерями. Лев малва был ранен, сильно хромал, но у него все еще оставались зубы.

Через день после этого кушанов отправили для очистки берегов реки от многочисленных трупов, выброшенных на берег. Их следовало быстро похоронить — никаких священных обрядов для этих мерзких душ — чтобы вонь не распространилась на целый город.

Кушаны выполняли работу и не жаловались. Им требовалось посмотреть, кто погиб, чтобы решить, кто победил среди них, кто делал ставки.

К концу дня все кушаны были удовлетворены результатом. И Васудева выиграл пари.

Мертвых похоронили, отмечая их национальность. Среди них не оказалось ни одного кушана.

Теперь Васудева разбогател, поскольку он оказался единственным кушаном, кто осмелился поставить так, как он. Васудева был богат не столько в материальном плане — в конце концов его солдатам особо было нечего ставить — сколько в моральном: его люди теперь ценили его выше и относились даже с некоторым благоговением. Кушаны всегда восхищаются тем, кто умеет правильно сделать ставки.

— А откуда ты знал? — спросил один из его подчиненных.

Васудева улыбнулся.

— Он обещал мне. Когда мы клялись ему, он поклялся в ответ, что будет относиться к кушанам, как к людям. Если потребуется, казнить. Но казнить, как мужчин. Не вешать, как преступников, и не бить, как собак.

Он показал на реку ниже Пероз-Шапура.

— И не топить, как крыс.

Подчиненный нахмурился.

— Он поклялся в этом нам, а не...— он махнул вверх по течению.— Не тем кушанам.

Теперь Васудева улыбался точно как Будда.

— Велисарий не тот человек, который будет делать такие мелкие различия.

Командующий кушанскими военнопленными отвернулся.

— Ваша ошибка была в том, что вы поставили на полководца. А я поставил на человека.

* * *

Через два дня в Вавилоне Хосров Ануширван тоже купался в восхищении подчиненных.

Многие из них — многие — сомневались в разумности доверия римскому полководцу. Некоторые из них были даже достаточно

смелы и достаточно честны, чтобы высказать эти опасения императору в лицо.

Теперь никто не сомневался в его мудрости. Им требовалось только подняться на стены Вавилона и посмотреть, как мудр был их император. Флот малва сильно пострадал, когда Велисарий опустил уровень воды в реке. Он оказался почти полностью разрушен после того, как Велисарий восстановил уровень воды. Четверть остававшихся вражеских кораблей река уничтожила в первые несколько минут. Они были или привязаны к причалам, или просто стояли в глине. Тут яростный Евфрат поднял их и понес к разрушению. Некоторые превратились в щепки, другие выбросило на берег, третьи просто перевернулись и затонули.

А Хосров снова сделал вылазку. На этот раз не с дехганами через понтонный мост — никто не смог бы в тот день построить мост через несущийся Евфрат — а с моряками на борту быстрых галер, которые у него имелись. Галеры держали на берегу, пока не прошла первоначальная ярость реки. Как только Евфрат успокоился и потек на своей обычной скорости, галеры спустили на воду. Гребцы повели их вниз по течению, добавляя собственную скорость к скорости реки. По пути они разрушали все корабли малва, которым удалось сохраниться во время возрождения Евфрата.

Сопротивления почти не оказывалось. Галеры проходили слишком быстро, чтобы на них могли направить вражеские пушки. А солдаты малва на кораблях находились все еще в полубессознательном состоянии, чтобы эффективно сопротивляться.

Галеры неслись вниз по Евфрату, милю за милей, пока гребцы не оказались слишком слабы, чтобы работать веслами. Они оставили позади себя тридцатимильный след из горящих кораблей, перед тем как наконец причалили к берегу и начали долгий путь назад к Вавилону. По западному берегу реки, где малва уже больше не могли до них добраться.

Река и персидские галеры уничтожили более половины остававшегося у малва флота. Не более двух дюжин кораблей из могущественной армады, которая так гордо прибыла в начале года, в конце концов добрались до Харка.

* * *

Кроме отправления галер, Хосров не предпринимал попыток делать вылазки против малва, стоявших лагерем под Вавилоном. Он был слишком хитер, чтобы повторять ошибку Куруша под Перозшапуром.

Да, теперь лев малва хромает. Но лапы у него не отрезали. В этой вражеской армии все еще насчитывалось сто тысяч человек,

а у них имелись огромные осадные орудия, из которых могли выстрелить по персам.

Император просто ждал. Дал им поголодать.

Осада Вавилона дала трещину, подобно тому как дерево трескается от удара молнии. Просто оно еще не упало, какое-то время остается стоять мертвым. Пока его не сломает ветер.

* * *

Ветер прибыл через двенадцать дней. Император Хосров вместе со своим окружением наблюдал с крыши храма Мардука, как выжившие из экспедиции малва, направленной против Велисария, заводят остатки армии в лагерь под Вавилоном. Эта армия была гораздо меньше, чем та, которая отправилась в поход несколько недель назад. Меньше людей, меньше лошадей и верблюдов, практически отсутствовало пороховое оружие.

Два дня спустя вся армия малва начала долгое отступление на юг. К вечеру лагеря, из которых несколько месяцев осаждали Вавилон, опустели.

Хосров также провел весь этот день на верху храма Мардука. Его окружали офицеры, советники, чиновники и небольшая группа шахрадаров и вурзурганов, а также молодая девушка по имени Тахмина.

Более горячие головы из офицеров Хосрова настаивали на вылазке. Император снова отказался.

Малва хромает, но это все равно лев.

И кроме того, персидскому монарху требовалось заняться другим делом.

— Ормузд,— прошипел он.— Первым делом Ормузд. Я хочу, чтобы его голову принесли мне на копье к концу года. Сделайте это.

Его офицеры поспешили подчиниться. Окруженный остальной огромной свитой, император остался на храме Мардука. Какое-то время он смотрел на удаляющихся малва. С удовлетворением, ненавистью и предвкушением.

— На следующий год,— пробормотал он.— На следующий год, малва.

Затем он повернулся и широким шагом направился к противоположной стене огромного древнего храма. Его свита собралась последовать, подобно гигантской многоножке, но Хосров жестом показал им, чтобы оставались на месте.

— Мне нужна только Тахмина,— сказал он.

Недовольные, но послушные чиновники, советники и благородные господа повиновались. Девушка тоже. Хотя и робко, с опаской.

Когда они оказались одни на северной стене храма, взгляд Хосрова остановился на северо-западном горизонте. Там ничего не

было видно, кроме реки и пустыни. Но император смотрел вдаль — скорее во времени, чем в пространстве.

Теперь, когда он смотрел на северо-запад, его эмоции стали более сложными. Конечно, он тоже испытывал удовлетворение. Как и восхищение, уважение — и, если бы была сказана правда, любовь. Но также присутствовали страх, опасение и беспокойство.

— На следующий год — малва,— пробормотал он.— Но через год, через два и дальше, будет Рим. Всегда Рим.

Он повернул голову и опустил глаза на стоявшую рядом с ним девушку. Под взглядом императора она отвела глаза.

— Посмотри на меня, Тахмина.

Когда девушка подняла лицо, Хосров улыбнулся.

— Я не буду приказывать тебе это, ребенок. Но ты мне нужна. Ты нужна ариям.

Теперь Тахмина сама улыбнулась. Да, робко и неуверенно, но это все равно была улыбка. Довольно искренняя, как видел Хосров, а он был человеком, которого нелегко обмануть.

— Я все сделаю, император.

Хосров кивнул и положил руку девушке на плечо. После этого на протяжении всего дня он больше ничего не сказал.

И он также не оставил свой пост на северной стене храма Мардука и также глядел на северо-запад. Пусть враги из малва хромают прочь за его спиной, выражающей презрение. Он — Хосров с Бессмертной Душой и владыка земель иранских и неиранских. Его долг — смотреть в будущее.

Глава 39

Несколько дней спустя Велисарий и Маврикий смотрели на Нехар Малку с остатков горы, сложенной из валунов на северном берегу. Большая часть этих камней и валунов, с трудом вытащенных кушанами, оказались там, откуда они были извлечены. И снова Королевский канал стал сухим или почти сухим. Взрыв не остановил весь поток.

Римская армия уже наполовину перешла Нехар Малку. Теперь войска находились на пути в Пероз-Шапур. После разрушения дамбы Велисарий отступил на север, на тот случай, если малва предпримут попытку преследовать его армию, которую они все еще превосходили по численности. Вообще-то он не ожидал от них этой ошибки — по крайней мере когда во главе стоит Линк,— но был готов на случай, если это все-таки произойдет.

После того как стало ясно, что враг отступает назад под Вавилон, Велисарий последовал за ними. Его войска добрались до места недавнего сражения два часа назад.

— Достаточно,— тихо сказал он.— Нехар Малка достаточно высох. Не думаю, что Хосров станет возражать.

— С чего бы ему возражать? — пробормотал Маврикий. Однако хилиарх даже не смотрел на Нехар Малку. Он смотрел на Евфрат.

На самом деле не на реку.

Внешне Евфрат вернулся к своему обычному состоянию — широкий, неглубокий, этакая неторопливо двигающаяся масса грязноватой воды.

Нет, Маврикий смотрел на берега реки. Туда, где малва бросили своих мертвых. Было нетрудно увидеть трупы — сотни, тысячи. На берегу, застрявшие в камышах... Стервятники покрывали местность, как мухи.

— Боже,— прошептал он.— Прости нам грехи наши.

Велисарий повернулся и проследил за взглядом Маврикия. На его лице не появилось никакого выражения. Простой деревенский кузнец оценивал точность своей работы.

Когда он заговорил, голос его звучал резко.

— Один человек когда-то сказал мне, что война — это убийство. Организованное, систематичное убийство — ничего больше и ничего меньше. Это было первое, что тот человек сказал мне в тот день, когда я впервые принял на себя командование. Мне недавно исполнилось семнадцать лет. Был зеленым, как весенний росток.

— Ты никогда не был зеленым юнцом,— пробормотал Маврикий.— Ты думал свои хитрые мысли даже в тот день, когда родился.— Он вздохнул.— Я помню, парень. Это было правдой тогда, и это так сейчас. Но мне не должно это нравиться.

Велисарий кивнул. Они больше ничего не сказали.

* * *

Несколько минут спустя они с Маврикием развернули коней и поехали к берегу Нехар Малки, готовые присоединиться к армии на переправе.

Работа пока оставалась незаконченной. Никто из них не представлял, что их ждет впереди. Но они знали, что дневная работа выполнена.

Выполнена хорошо. Они могли, по крайней мере, получить удовлетворение от этого, если не от самого процесса.

Они были ремесленниками, занимающимися своим делом.

ЭПИЛОГ

Толпа и ее мысли

Со своего места на возвышении у восточной стены Антонина с удовлетворением наблюдала за сценой. Огромный зал для приемов во дворце префекта был до отказа заполнен людьми. Слуги разносили подносы с едой и питьем. Пробираясь сквозь массу народа, они напоминали угрей. Шум, производимый говорящими одновременно людьми, казался почти оглушительным.

— Очень приятно и лестно,— объявил сидевший на соседнем стуле патриарх Феодосий.

— Правда? — Антонина улыбнулась и взглянула на толпу под ними.— Я думаю, сегодня появилась вся греческая аристократия Александрии. Как и большая часть знати из всех крупных городов Дельты. Даже некоторые из долины Нила. По крайней мере, из Фаюма и Антинополя.

Она слегка нахмурилась.

— Признаюсь: я несколько удивлена. На самом деле не ожидала их в таком количестве. Считала, что примерно половина знати бойкотирует мероприятие.

Глаза Феодосия округлились.

— Бойкотирует? Публичное празднование девятого дня рождения императора? Боже упаси! — Патриарх лукаво улыбнулся.— На самом деле, Антонина, я не удивлен. Если бы решали этот вопрос только греческие аристократы, проживающие в Египте, то я уверен: половина не пришла бы. Но их жены и дочери не оставили им выбора.

Он кивнул в центр огромного зала, где толпа была гуще всего. В самом центре с кубком вина в руке стоял красивый молодой римский офицер.

— Самый желанный холостяк в Египте,— заявил патриарх.— Командующий египетской армией. Только что избранный в Сенат — и уже достаточно богатый сам по себе благодаря полученным им после Миндуса трофеям.

Антонина уставилась на Гермогена. На мгновение ей стало немного грустно — она подумала об Ирине. Все женщины, окружающие Гермогена, были моложе Ирины и, может, с одним или двумя исключениями — значительно красивее.

— Они смогли бы соперничать с умом Ирины, только если сложить вместе все их мозги,— пробормотала она.— Когда она пьяна в хлам. Может быть, смогли бы. Я не уверена.

— Ты это о чем, Антонина? — спросил Феодосий.

Антонина покачала головой.

— Не обращай внимания, патриарх. Я просто думала о дорогом мне человеке. Моей лучшей подруге.— Она вздохнула.— Которая, как я боюсь, никогда не найдет себе мужа.

— Слишком благочестива? — спросил Феодосий.

Антонина с трудом сдержала смех.

— Нет. Нет. Просто она вся... слишком.

Антонина встала с трона.

— Я пойду. Мероприятие явно оказалось успешным. Я думаю, мы можем спокойно сделать вывод, что Александрия и Египет возвращены империи. Но я устала и не думаю, что эта толпа будет возражать против моего отсутствия.

Феодосий сам сдерживал смех, пока Антонина не ушла. Тогда, увидев, как толпа внизу коллективно вздохнула с облегчением, он позволил себе рассмеяться.

Патриарх был почти уверен, что может прочитать их мысли в этот момент.

«Слава Богу! Она ушла!»

«Ни у одной настоящей женщины не может быть таких больших сисек».

«Дочь сатаны, вот кто она».

«Шлюха из ада. Сука Вельзевула».

Но они держали эти мысли при себе. О, да. Они были осторожными. Сдержанными.

— Очень правильные люди,— одобрительно сказал Феодосий и повернулся к человеку, сидевшему справа от него.— Очень вежливые. Очень благородные. Ты так не думаешь, Ашот?

Милостивая интерпретация божьим человеком.

Ответ армянского катафракта был менее милостивым.

— Они испуганы так, что того и гляди в штаны наложат. Вот что с ними.

Царь и его страхи

— Ты не думаешь жениться на этой женщине? — спросил негуса нагаст Аксумского царства. Правитель склонился вперед на

царском троне, полные руки лежали на мощных коленях, массивные челюсти были сжаты. Глядя на младшего сына, он сурово хмурился.

Принц Эон резко выпрямился на своем стуле. Его челюсть поползла вниз. Отвисла. Словно ее вниз тянул камень.

Стоявший за его спиной Усанас расхохотался.

— Отличная идея, царь царей! — воскликнул давазз.— Точно сплющит голову слишком уверенного в себе глупого мальчика до размера грецкого ореха!

Наконец Эон смог говорить:

— Жениться... на Ирине?

Он выпучил глаза на отца. Отец гневно смотрел на него.

— Ты кажешься сильно очарованным этой женщиной,— обвинил его негуса нагаст.

Глаза Эона обвели королевские покои, словно пытаясь найти разумные доводы, маячившие где-то в камнях тяжелой аксумской архитектуры.

— Да, мне она нравится,— сказал он.— Очень нравится. Я считаю ее невероятно способной и умной. У нее прекрасное чувство юмора. С ней я часто смеюсь. Прекрасная союзница в нашей борьбе. Даже...— Его глаза чуть не окосели, рассматривая абсурдность.— Да, даже привлекательная. В своем роде. Но... но... жениться на ней?

Он замолчал. Его челюсть снова поползла вниз.

Удовлетворенный негуса нагаст откинулся на спинку трона. И сурово посмотрел на Усанаса.

— Тебе повезло, давазз. Если бы я услышал какой-то другой ответ, то приказал бы тебя высечь.

Усанас выглядел довольным.

— Не смогли бы. Давазз не подчиняется царской власти. Отвечает только сарву Дакуэн.

Царь царей фыркнул.

— И что? Ты думаешь, полк бы колебался? Только прошлой ночью эта демоническая женщина отобрала половину их месячного жалованья, разгадав все их загадки. А сегодня утром остальное. Когда они не смогли разгадать ни одну загаданную ею, даже после того как она позволила им всю ночь думать над ответами.— Негуса нагаст смотрел гневно.— Давазз превратился бы в кровавый кусок мяса, если бы принц дал какой-то другой ответ. Не сомневайся.

Негуса нагаст шлепнул себя по толстой ляжке.

— Я доволен. Да, принц глуп, как петух. Упрям, как бык. Кто еще навяжет мне войну с малва? Но по крайней мере ты, давазз, помог ему остаться в здравом уме. В достаточно здравом. Заблуждения можно терпеть в царе, пока они остаются просто политичес-

ками. Но правитель никогда не должен иметь иллюзий относительно жены!

Его могучие плечи дернулись.

— Боже, спаси нас от такой судьбы! Никогда не женись на женщине умнее тебя. Слишком опасно, в особенности для царя. Эта женщина умнее самого сатаны.

Он повернул голову, посмотрел сквозь проход в следующее помещение. Там находилась библиотека.

— Лучшая коллекция книг к югу от Александрии,— заметил он с гордостью.— Я дал задание рабам подсчитать точное количество книг. Они снова сосчитают книги до того, как я разрешу этой женщине отправиться в Индию.

Эон откашлялся.

— Мы должны скоро уезжать, папа.

Негуса нагаст кивнул. Движение было медленным, но уверенным. Таким же твердым, как и голова, его совершающая.

— Да. Вы должны. Важно последовать за успешной миссией Гармата, причем быстро. Поддержите императрицу Шакунталу как можете. Ее и ее дело. Не давайте малва времени думать.

Его плечи снова слегка содрогнулись.

— Необходимо переместить эту женщину на другую сторону океана.

Императрица и ее замужество

— Время пришло, Шакунтала,— твердо заявил Холкар. Пешва склонился вперед и поднял свиток, лежавший на ковре перед его подушкой.— Это пришло с курьером сегодня утром. С Тамрапарни.

Дададжи развернул свиток, быстро просмотрел его так, как читают документ, который уже фактически знают наизусть. На его лице появилась странная улыбка.

— Из иллюзии — правда,— пробормотал он.

Он опять свернул свиток и протянул императрице. Шакунтала уставилась на безопасный предмет так, словно это была кобра.

— Что это? — спросила она.

Улыбка сошла с лица Дададжи.

— Это письмо от короля Тамрапарни. Предлагает нам союз — частичный союз, следует сказать. Против малва.— Он пожал плечами.— Предложение полно предостережений и предупреждений, а также условий и оговорок. Но по крайней мере он дает твердое обещание оказать поддержку морскими силами и в плане материально-технического обеспечения. Возможно, кое-какие войска.

Он сделал паузу, потом глубокий вдох. Шакунтала подозрительно смотрела на него.

— И что еще?

— Предложение — это не говорится открыто, но значение очевидно — зависит от определенного условия: ты выходишь замуж за одного из его сыновей.— На лице Холкара появилась гримаса.— Самого младшего сына, нет необходимости говорить. Король Тамрапарни готов рискнуть чем-то, чтобы удержать малва подальше. Но немногим. Не наследником.

Дададжи замолчал, изучая молодую женщину, императрицу Андхры. Шакунтала сидела очень прямо, ее спина казалась такой же твердой, как доска. Ее лицо, если такое возможно, было еще тверже.

Холкар постучал по свитку пальцем.

— Король намекает на то, как мы использовали его имя в Мангалуру. Но он не жалуется, по крайней мере официально. Вполне очевидно, что захват тобой Сурата кардинально изменил ситуацию. Ты больше не «императрица в изгнании». Ты восстановилась на земле Андхры. С портом здесь и одним из самых больших городов Махараштры Деогхаром под контролем твоих сил. Это дает тебе гораздо больше официальной легитимности, чем та, которая у тебя уже имелась. Это дает тебе власть.

Он сухо усмехнулся.

— Немного, немного, но кое-какую. Достаточную, по крайней мере, чтобы правитель Тамрапарни хотел использовать тебя для удержания малва как можно дальше от своего острова.

Он сделал паузу. Лицо Шакунталы до сих пор ничего не выражало.

Дададжи сдержал вздох.

— Императрица, мы должны очень серьезно рассмотреть это предложение. Династический брак с одним из самых могущественных королевств Южной Индии сильно укрепит твое положение. Это может сыграть решающую роль между выживанием и падением Андхры.

На ее лице так и не появилось выражения.

Теперь Холкар вздохнул.

— Девочка, я знаю: это для тебя болезненный вопрос,— мягко сказал он.— Но у тебя есть долг и обязанность перед твоим народом.

Пешва встал и прошел к открытому окну, выходящему на гавань. Снизу во дворец проникали звуки веселья. Дворец когда-то был резиденцией губернатора. Чиновник малва теперь сидел в тюрьме. Шакунтала забрала здание себе.

Наблюдая за весельем внизу, Холкар улыбнулся. Сурат все еще праздновал, две недели спустя после освобождения из-под каблука малва.

Дададжи прекрасно знал своих соотечественников. Маратхи веселились бы даже если бы город лежал в руинах. А так они могли праздновать победу, доставшуюся почти без кровопролития. После

того как захваченные Кунгасом пушки открыли огонь, военные корабли малва в течение часа превратились в щепки. К тому времени, как Шакунтала вместе со своей конницей ступила на причал, гарнизон малва уже покинул город.

Праздник, праздник, праздник.

Малва нет. Андхра вернулась.

Здесь сама императрица.

Шакунтала! Шакунтала! Шакунтала!

Холкар показал вниз на город.

— Если ты падешь, девочка, то эти люди падут вместе с тобой. Ты подняла их на ноги. Ты не можешь предать их доверие.

За его спиной на лице Шакунталы наконец появилось выражение. Просто вспышка боли, потом императрица слегка опустила голову. Выдохнула воздух, содрогнулась.

Все это произошло очень быстро. Через несколько секунд она подняла голову.

— Ты прав, Дададжи. Составь письмо королю Тамрапарни и скажи ему, что я принимаю...

Вмешался новый голос:

— Я думаю, это преждевременно.

Удивленный Холкар повернулся от окна.

— Преждевременно? Почему, Кунгас?

Кушан сидел на подушках справа от Шакунталы. До этого он молчал.

— Потому что я не думаю, что нам следует хвататься за первое предложение. Поступят и другие. Определенно из Чолы — теперь, после того как Шакунтала показала, что она — сила, с которой следует считаться. И, я думаю, в их предложении будет меньше оговорок и условий.

Он махнул рукой, словно отмахиваясь от вопроса. Почти презрительно.

— Тамрапарни — остров. *Чола* же делит материк со зверем малва. У них меньше места для игры словами и увиливаний. Их предложение будет более существенным.

Холкар сдержался.

— Если от них поступит предложение! Я не разделяю твоего безграничного оптимизма, Кунгас. Да, малва подошли к ним близко. Но также вероятно — а по-моему, даже и более — что они будут колебаться перед тем, как устроить малва какую-либо провокацию. Керала также делит материк с малва, и мы все знаем, как этот факт привел к предательству деда Шакунталы...

— Я согласна с Кунгасом,— твердо перебила Шакунтала.— Нам следует подождать. Не принимать первое предложение. Нам следует подождать. Подольше.

Холкар выдохнул воздух. Он знал этот тон Шакунталы. Прекрасно знал.

Нет смысла в дальнейших спорах. Не сейчас. Поэтому он не стал настаивать и уступил. Хотя не мог не бросить злобный взгляд на Кунгаса.

Конечно, в этом тоже не было смысла.

С таким же успехом можно гневно смотреть на железную маску.

* * *

— Что за игру ты ведешь? — спросил Холкар после того, как они с Кунгасом покинули покои Шакунталы.— Ты знаешь, насколько важен этот вопрос! Он критический! Мы с тобой говорили об этом раньше. Многократно.

Кунгас резко остановился. Дададжи сделал то же самое. Двое мужчин какое-то время стояли в коридоре, уставившись друг на друга. Пешва был зол. Бхатасвапати, возможно, весел и доволен.

— Не совсем так, Дададжи,— ответил он мягко.— Это ты говорил со мной об этом. Много раз. Но я всегда отвечал только одно: согласен, что брак Шакунталы — когда бы он ни состоялся и каким образом — будет решающим моментом в нашей борьбе.

Холкар нахмурился.

— Да. И что?

Плечи Кунгаса слегка шевельнулись. Возможно, он так пожимал ими.

— Это значит, что в данном случае я не согласен. Ей не следует выходить замуж за младшего сына короля Тамрапарни. Я думаю, она может найти более выгодную партию.

Холкар нахмурился.

— С кем? С Чолой? Если, конечно, Чола даже...

— Как знать? Как знать? — перебил Кунгас. Он снова изобразил некое подобие пожимания плечами. Бхатасвапати взял друга под руку.— Ты должен больше верить в императрицу, Дададжи. Когда время придет, она будет знать, что делать. Я в этом уверен.

Последовало молчание.

Двое мужчин снова шли по коридору. Со стороны Кунгаса это было непроницаемое молчание. Со стороны Холкара — раздраженное.

Если бы пешва знал мысли бхатасвапати в этот момент, то был бы раздражен гораздо сильнее.

«Воткни каблуки в землю, девочка, упрись ими. Оттягивай время. Находи объяснения. Приводи всех в смятение. Я помогу. Я помогу! Когда наконец вопрос брака встанет, ты будешь знать, что делать. Тогда ты будешь знать».

Бхатасвапати покачал головой — слегка,— думая о странной слепоте людей вокруг себя.

«Так очевидно!»

Полководец и его офицер

Через минуту после его появления в комнате Агафия Велисарий знал, что покалеченного офицера что-то беспокоит. Катафракт то и дело сжимал простыню на постели, словно находился где-то далеко в мыслях. Казалось, движение заставляет его жену нервничать. Или, возможно, молодая женщина просто беспокоилась о раненом муже — судя по тому, как поправляла подушки и гладила его по волосам.

Велисарий решил, что ему следует перейти к сути. Он стал вытаскивать свиток из туники.

Однако в этот момент Агафий повернулся к жене.

— Ты не оставишь нас ненадолго, Судаба? — попросил он.— Мне нужно кое-что обсудить с полководцем с глазу на глаз.

Судаба кивнула. Затем, в последний раз поправив подушки и быстро улыбнувшись Велисарию, поспешила из комнаты. Велисария поразило, как Агафий смотрел ей вслед. На самом деле странно. Он казался человеком, старающимся навсегда запечатлеть образ в памяти.

После того как персиянка ушла, Агафий сделал глубокий вдох и посмотрел на полководца.

— Мне нужен твой совет,— сказал он резко.— Теперь мне придется развестись с Судабой и я хочу удостовериться — если это вообще можно сделать,— что развод не принесет тебе проблем. Я имею в виду твой союз с персами.

Он быстро произносил слова, но четко — так, как сильный человек объявляет о решении, которое ему не нравится, но которое он должен принять и которому следовать.

Челюсть Велисария отвисла. Это было последним, что он ожидал услышать.

— Развестись с Судабой? — Он обвел взглядом комнату, словно искал объяснений, которые могли быть спрятаны в каком-то уголке.— Но почему?

Лицо Агафия исказила боль. Внезапным быстрым движением мускулистой руки катафракт откинул одеяло, покрывавшее его тело. От бедер и выше это все еще было то тело, которое раньше видел Велисарий — широкие плечи, такая же массивная бочкообразная грудь. Может, мышцы немного опали, и Агафий похудел за долгие недели лежания в постели, но не сильно.

Однако его ноги — даже та часть ног, которая осталась — были лишь жалкими остатками мощных конечностей, которые когда-то сжимали бока коня в яростной схватке на поле брани.

— Посмотри на меня,— сказал он. Не столько со злостью, сколько со смирением с судьбой.

Велисарий нахмурился. Почесал подбородок.

— Как мне показалось, для Судабы это не играет роли, Агафий. Судя по тому, что я вижу, ее совершенно не отталкивает...

— Не это,— проворчал Агафий. На короткое мгновение обычное чувство юмора парня вернулось.— Она даже счастливее, чем когда-либо.— Он рассмеялся.— Теперь я все время здесь, и она может до меня добраться. И на мои... возможности случившееся никак не повлияло.

Агафий замолчал, вздохнул.

— Проблема не в ней, полководец. Или, если уж на то пошло, не во мне. Это... это...— Он слабо махнул рукой.— Дело в том, как все сложилось. Она — персиянка благородного происхождения. А я — чертов сын булочника с рангом в военной аристократии.

Агафий обвел взглядом роскошную комнату, словно оценивая ее стоимость.

— У меня все еще осталось немало трофеев после Анаты — черт побери, маленькое состояние по моим прошлым меркам. Но на самом деле его хватит не более чем на год или два. Того уровня жизни, который я должен поддерживать — если оправдывать ожидания Судабы и, более того, ожидания ее семьи. Я должен смотреть фактам в лицо, полководец. Я — безногий катафракт, что есть самая смехотворная вещь в мире, и моим единственным навыком остается выпечка хлеба. Нет способа...

Он открыл рот, увидев, как полководец расхохотался.

И держал рот открытым. Это была последняя реакция, которую он ожидал.

С большим трудом Велисарий заставил себя прекратить смеяться.

— О, Боже, прости меня,— произнес он, вытирая глаза.— Теперь я чувствую себя очень виноватым. Я хотел получить удовольствие, лично сообщив тебе новость. В любом случае мне требовалось приехать в Пероз-Шапур, чтобы переукомплектовать армию, поэтому я решил лично принеси новость, вместо того чтобы посылать курьера.

На лице Агафия появилось замешательство.

— Новость? Какую новость?

Теперь Велисарий улыбался. И в его выражении не было и доли хитринки. Совсем.

Он вытащил свиток.

— Как только стало ясно, что мы отогнали малва в Харк, я послал... ну слово «рекомендации» не очень подходит. Император или нет, Фотий все равно мой ребенок. Я дал ему четкие и ясные инструкции, и, должен сказать, замечательный мальчик выполнил их в точности.

Он вручил свиток Агафию.

— Это тебе. Официальный документ курьер доставит через несколько недель. Это копия, отправленная при помощи сигнальных станций. Не имеет значения. Она не хуже.

Агафий с опаской взял свиток. Велисарий мгновенно понял выражение на лице парня.

— Ты не умеешь читать,— заявил он.

Агафий покачал головой.

— Нет. По-настоящему нет. Я могу подписаться, написать свое имя, если у меня есть время. Но...

Он замолчал. Не столько от смущения, сколько от отчаяния.

Смутился и Велисарий. Полководцу следовало помнить, что человек с прошлым Агафия почти точно окажется неграмотным.

Полководец махнул рукой, словно отмахиваясь от насекомых.

— Ну, это придется исправлять. Немедленно. Я отправлю письмо патриарху Антонию. Попрошу прислать одного из лучших монахов, который станет твоим учителем. А подумав, наверное, стоит просить и двух. Судаба, вероятно, тоже не умеет читать. Не дочь дехгана.

Он улыбнулся.

— Этого я допустить не могу. Жена римского сенатора должна уметь читать, в особенности того, который возведен в ранг высшей аристократии империи. Учти: единогласно. Я также получил послание от Ситтаса. Он сообщил мне, что император предложил твою кандидатуру... очень твердо. Ситтас воспользовался возможностью, чтобы появиться перед Сенатом в полном вооружении. В качестве признания — или он по крайней мере так сказал этим аристократам — ценности вклада греческих катафрактов в победы под Анатой и у Нехар Малки.

Велисарий улыбнулся еще шире.

— Император также посчитал необходимым выделить новому сенатору участок земли, чтобы тот соответствовал своему новому статусу. Теперь, Агафий, у тебя есть усадьба в Понтии. Довольно внушительных размеров. Ежегодный доход в пределах трехсот солидов. Конечно, освобожденных от налога. Как дар императора, это *res privata.*

Он улыбался и улыбался.

— О, это не все. Есть и новости для солдата Агафия. Ты повышен. Теперь ты — новый *dux* провинции Осрхоен. Кстати, этот пост дает отличный заработок. Еще четыреста солидов. В дополнение к войскам, расквартированным в этой провинции, ты получаешь полную власть над римскими воинскими подразделениями, служащими в персидской Месопотамии, которые не находятся прямо под моим командованием. Ты отвечаешь только передо мной, если назвать меня *magister militum per orientem.*

Велисарий улыбался, улыбался и улыбался.

— Как ты видишь, я придумал несколько новых титулов. Как у военачальника провинции Осрхоен, твой официальный штаб будет располагаться в столице провинции Эдессе. Но я бы на самом деле предпочел, чтобы ты базировался здесь, в Пероз-Шапуре. Я уже обсуждал вопрос с Баресманасом и Курушем, и они не возражают. На самом деле как раз наоборот. Они даже намекнули, что Хосров будет настаивать, чтобы подарить тебе дворец. Я думаю, им будет спокойнее — я имею в виду союз с Римом,— если командующий римскими силами сидит прямо на их территории. Вместе с женой-персиянкой и...

Улыбка стала еще шире.

— ...вскоре, я не сомневаюсь, детьми.

Наконец улыбка сошла с его лица, ее заменило нечто, больше похожее на гримасу.

— Боже праведный, Агафий! Неужели ты в самом деле думал, что я позволю одному из лучших офицеров, которые у меня когда-либо были, вернуться к выпечке хлеба? Из-за его ног?

Агафий потерял дар речи.

Велисарий встал и хитро улыбнулся.

— Я вижу, ты не можешь говорить. Ну, этого достаточно на сегодня. Но проверь, чтобы к завтрашнему дню собрать мозги в кучу. Я приду рано утром. Нам нужно планировать новую кампанию против малва. Ты во время той кампании не будешь скакать на лошадях, ты останешься здесь, в Пероз-Шапуре, но я намерен полагаться на тебя. На то, что ты организуешь римское войско, которое я в дальнейшем использую.

— Я не подведу тебя,— прошептал Агафий.

— Нет,— согласился Велисарий.— Не думаю.

Он отвернулся.

— А теперь я пойду и скажу твоей жене, что она может вернуться. Думаю, для тебя это лучше всего.

Полководец и военнопленные

Через два часа Велисарий наслаждался вином в компании с Васудевой в казармах, где были расквартированы военнопленные кушаны. Небольшим кубком вина.

— Персы вернулись к своим привычкам. Жадные персы,— ворчал Васудева.

Командир кушанов мрачно осмотрел небольшое, тускло освещенное помещение. Вместе с пятнадцатью старшими офицерами он занимал комнату, в которой должны были бы жить шестеро.

— Много людей на малой площади,— ворчал кушан.— Один использует другого в качестве подушки, а второго — кровати. Люди воют в ужасе, когда заходят в туалеты. А уходя, лопочут, как младенцы.

Потом он добавил хмуро и печально:

— Ставки не на что делать, кроме как на крыс. Они нас сожрут, или мы их. Все кушаны ставят на крыс. Десять против одного. Никто не хочет ставить наоборот.

Потом Васудева добавил философски:

— Конечно, наши несчастья продлятся недолго. Очень скоро нас скосит чума. Хотя некоторые предлагают поставить на цингу.

Велисарий улыбнулся.

— Давай к сути, Васудева.

Кушанский командир потрепал козлиную бородку.

— Трудно, трудно,— пробормотал он.— Следует учитывать приличия. Люди думают, что мы, кушаны, неотесанные и грубые, но они ошибаются. Конечно, мы не занимаемся такими глупыми вещами, как дураки раджпуты, у которых признаком чести считается то, как ты подстрижешь бороду или снимешь кожу с фрукта. Тем не менее...— Он вздохнул.— Мы рабы. Военнопленные, которых взяли в честном бою. Мы обязаны уважать свое положение, пока нас не принижают.

Он внимательно оглядел Велисария из-под полуопущенных век.

— Может, ты понимаешь?

Римский полководец кивнул.

— Конечно. Как ты говоришь, следует соблюсти приличия. Например...— Он осушил кубок и скорчил гримасу.— Отвратительная штука! Наверное, меня испортило хорошее римское вино, которое я пил во время кампании.

Он вытер губы и продолжил:

— Например, если бы я взял вас на свою следующую кампанию в качестве рабской рабочей силы, то кампания превратилась бы неизвестно во что. Военнопленных, используемых для тяжелых работ, следует хорошо охранять. Все это знают.

Собравшиеся в комнате кушаны дружно кивнули с серьезным видом.

— Никто и не подумает делать по-другому,— согласился Васудева.— Глупо для того, кто взял в плен, оскорбительно для пленного.

— Да. Но поскольку я собираюсь предпринять кампанию из быстрых маневров — обманные шаги, скоростные марши, возвращение назад или смена порядка и все в таком роде,— будет невозможно выделить войска, которые теряли бы время, наблюдая за работой или просто охраняя недовольных хмурых рабов. Которые в любом случае очень замедлят наше продвижение вперед, потому что идут пешком. Не могу допустить, чтобы рабы ехали на лошадях! Смехотворно. Они могут убежать.

— Абсолютно неправильно,— тем же тоном сказал Васудева.— Гротескно.

Велисарий почесал подбородок.

— Трудно, трудно.

Поднял руку.

— Один момент, пожалуйста, пока я размышляю над проблемой.

Он опустил голову, словно погрузился в глубокие размышления. Послал мысленный импульс.

«Эйд?»

«Кусок пирога».

* * *

Когда Велисарий поднял голову, на его лицо вернулось обычное выражение. Увидев хитрую усмешку, кушаны улыбнулись.

Он очень внимательно посмотрел на Васудеву, а затем на других кушанских офицеров по очереди.

— Вы, возможно, слышали, что у меня есть одна небольшая способность. Видеть будущее.

Васудева фыркнул.

— Ты колдун! Все это знают. Даже ни один сосущий палец перс не станет делать ставки на это. А мы предлагали очень хорошие условия. Двенадцать против одного.

Велисарий рассмеялся.

— Рабство — интересное положение, Васудева. Оно принимает несколько форм. В прошлом отличалось от того, что имеет место сейчас. И в будущем оно станет другим. Много форм.

Он склонился вперед. Шестнадцать кушанов сделали то же самое.

— Позвольте мне рассказать вам о некоторых рабах будущего.

Он еще склонился вперед. И кушаны склонились.

Их назовут мамелюками.

Послание и обещание

Когда Антонина открыла дверь, Кутина быстро заскочила к ней в спальню.

— Я надеялась, что вы все еще не спите,— сказала горничная.— Даже несмотря на то, что вы так рано ушли с празднования дня рождения.

Молодое лицо казалось возбужденным, даже жадным. Служанка протянула лист папируса.

— Это послание! Послание! Для вас! Они сказали: пришло сигнальной почтой — из Месопотамии!

Передавая папирус, Кутина добавила:

— Я думаю, оно от вашего мужа. Я не уверена. Я не умею читать.

Потом сказала неуверенно:

— Хотя кажется очень коротким.

Антонина прочитала послание. Увидела, что Кутина оказалась права. Это было очень короткое послание.

Но достаточное. Ее сердце судорожно забилось в груди.

«На следующий год, любовь моя. На следующий год».

— Да,— прошептала она.— Я буду там. Я обещаю.

Император и его народ

На утро после празднования дня рождения император Фотий пробрался в часть дворца, отведенную под комнаты слуг.

Длинный, трудный путь.

Мрачное настроение девятилетнего мальчика частично объяснялось простой усталостью. Празднование дня рождения было напряженным, несчастливым и изматывающим. Собралась огромная толпа, ему представляли сенаторов, императрица-регентша как и всегда поглядывала на него критически и делала критические замечания. Фотий получил такое же наслаждение, какое получает овца, когда ее стригут. А то и ведут на заклание.

Однако в основном черные мысли и отвратительное настроение объяснялись Новостью.

Вчера вечером как раз перед началом мероприятия Феодора сказала ему об Этом. Точно так же, как по представлениям Фотия фермер разговаривает со своим поросенком.

— Отлично! Разве ты у меня не самый толстенький? — говорит фермер. Суть произнесенной Феодорой Новости была точно такой же.

Добравшись до места назначения, Фотий постучал в дверь. Это была единственная дверь, в которую когда-либо стучал римский император. Все остальные открывали по его приказу.

Дверь, ведущая в скромные апартаменты в части дворца, отведенной слугам, открылась. В дверном проеме стояла молодая женщина. Она была довольно красива, если не смотреть на шрамы на ее лице.

— О, вы только посмотрите! Это Фотий!

Она улыбнулась и отступила в сторону.

— Проходи, мальчик, проходи.

Войдя, Фотий почувствовал, что меланхолия проходит. У него всегда поднималось настроение, когда он заходил к Ипатии и ее мужу Юлиану. Это было единственное место в мире, где Фотий чувствовал себя самим собой. Ипатия была его нянькой с тех пор, как он только учился ходить. И хотя Юлиан стал начальником его охраны совсем недавно, Фотий знал его много лет. Юлиан входил в ближайшее окружение его отца Велисария. Один из его букеллариев.

Теперь появился и сам Юлиан, вышел в небольшую гостиную из кухни. Он держал кубок с вином в одной руке.

Весело улыбался. Этот человек точно так же весело улыбался, когда Фотий впервые увидел его в усадьбе в Дарасе. Фотию было шесть лет и он округлившимися глазами смотрел из своей кровати, как большой и сильный катафракт забрался в окно и прошел к двери, ведущей в комнату Ипатии. И весело попросил мальчика сидеть тихо. Что Фотий и сделал в ту ночь и все остальные ночи, которые последовали за первой.

— Добро пожаловать, император! — громко сказал Юлиан.

— Не надо меня так называть,— проворчал Фотий.

Юлиан улыбнулся еще шире.

— У нас плохое настроение? Что случилось? Учителя критикуют твою риторику? Или императрица-регентша придралась к тому, как ты держался?

— Хуже,— простонал Фотий.— Все ужасно.

— Ну, парень, почему бы тебе не пройти в святая святых и не рассказать нам об этом? — Юлиан положил большую руку на плечо мальчика и повел его в общую кухню. Ипатия последовала за ними.

Помещение — значительно большее, чем остальные в покоях слуг — как и обычно, было заполнено народом. За большим деревянным столом в центре кухни сидели два приятеля Юлиана, оба — катафракты.

Как и обычно, держали в руках кубки. Их жены и матери суетились вокруг, приготовляя обед, пока небольшая орда детей то и дело вбегала в кухню и выбегала из нее, визжа во время игры.

Как и обычно.

— Привет, Фотий! Да здравствует император! — воскликнул один из катафрактов и поднял кубок. Это был Марк.

Второй, которого звали Антоний, повторил жест. И слова, только у него сильно заплетался язык.

Юлиан опустился за стол и сказал:

— Не обращай на них внимания, парень. Они уже напились. Как и обычно в свой выходной.

— Это наше право,— пробормотал Антоний.— Целый день не нужно слушать, как чертов учитель ворчит на бедного мальчонку.

— А Фотию приходится слушать их ворчание семь дней в неделю,— сказала Ипатия.— Ни разу не видела его в стельку пьяным через два часа после восхода солнца.

— Конечно, нет,— фыркнул Антоний.— Ему восемь лет. О, Боже, нет! Девять! День рождения вчера праздновали.

Он с трудом встал.

— Да здравствует Фотий! Император Рима!

— Не надо меня так называть! — завизжал мальчик.— Я устал от этого!

— От того, что тебя называют императором? — спросил Марк, глядя на Фотия туманным взором.

— Нет,— проворчал Фотий.— Я устал быть императором! Я никогда их не просил об этом! — Затем настоящий стон: — Они заставили меня им стать!

Трое катафрактов посмотрели на Фотия глуповато. В этот момент они напоминали сов.

— Он недоволен,— высказал мнение Марк.

— Настроение отвратительное,— согласился Антоний.

Юлиан серьезно посмотрел на товарищей.

— Фотий сказал, что должен сообщить ужасную новость.

Фотий выпалил все на одном дыхании.

— Они хотят заставить меня на ком-то жениться! — завизжал он.— В следующем году!

Трое уставились на него округлившимися глазами.

— Уже? — спросил Марк.— Кажется несколько... э... э...

— Рановато,— закончил фразу Антоний. В его глазах отразилась глубокая мысль.— Десять лет ему будет. Все еще слишком рано для его члена...

— Не надо вульгарностей! — поругала его жена, отвернувшись от печи.

Антоний пожал плечами.

— Констатирую факт, только и всего.

Ипатия села на скамью рядом с Фотием.

— А на ком, как предполагается, ты должен жениться? — спросила она.

— Из Суренов? — прошептал Юлиан. Он тут же изменил небрежную вальяжную позу. Сел прямо. Мгновение спустя Марк с Антонием сделали то же самое.

Трое катафрактов переглянулись. Затем внезапно вроде как сошли с ума, стали сильно жестикулировать, стучать кулаками по столу, разливать вино. Находились в крайней степени возбуждения.

— Он это сделал! Он это сделал! — заорал Юлиан, вскакивая на ноги.

— За полководца! — предложил тост Антоний, поднимая кубок с вином и осушая его одним глотком. Кажется, даже не заметил, что чуть раньше почти все разлил.

Марк просто сидел, делая глубокие выдохи. Его жена подошла к нему и обняла пухлыми руками, прижав его голову к своей груди.

Теперь все находившиеся в кухне женщины собрались вокруг стола. Они не стали выражать эмоции так же бурно, как катафракты, но было очевидно: их радость от известия даже возможно и больше.

— Почему все этому так рады? — жалобно спросил Фотий.— Я думаю, это ужасно! Я не хочу жениться! Мне только девять лет!

Его жалобный стон заставил всех замолчать. Все уставились на Фотия. Ипатия мягко развернула мальчика, чтобы он встал лицом к ней.

— Ты понимаешь, что это означает? — спросила она.— Для меня? Для нас?

Фотий неуверенно покачал головой.

Ипатия взяла ладони Фотия в свои.

— Это означает, император...

— Не надо меня так называть!

— Тише, Фотий. Послушай меня.— Она сделала глубокий вдох.— Это означает, император, что твой отец закончил долгую войну с Персией. Ни один перс, и уж точно ни один Сурен никогда не вступал в брак с римскими императорами. Этот мир продлится всю нашу жизнь, Фотий. А вероятно, и дольше.

Она повернула голову и посмотрела на Юлиана.

— Это означает, император, что мой муж не умрет где-то от персидского копья. И наши дети не будут расти без отца.

Она огляделась в комнате.

— Это означает, император, что матери Антония, стоящей вон там, не придется хоронить сына, пока она сама еще жива. А жена и дети Марка насладятся приятным пенсионным обеспечением, вместо того чтобы жить в бедности на пособие, которое выплачивается калекам.

Когда она повернулась назад к Фотию, то в ее глазах блестели слезы.

— Ты понимаешь?

Уставившись на ее изуродованное шрамами лицо, Фотий вспомнил ночь, когда это лицо было покрыто кровью вместо слез. Ужасную, жуткую ночь, когда мальчик, которому едва исполнилось четыре года, спрятался в шкафу, пока сутенер Ипатии издевался над нею после того, как она отказалась обслужить клиента.

Он был беспомощным, абсолютно беспомощным. Он мог только съежиться, слушая ее крики. Бессильный остановить мучения женщины, которая растила его, пока его мать отсутствовала. Беспомощный.

Фотий поднял маленькие плечи. Расправил их. Он больше не был беспомощным. Он был римским императором.

Да, сутенер Констанций находился вне пределов его досягаемости. Несколько лет назад Маврикий, Анастасий и Валентин привезли Фотия и Ипатию в усадьбу под Дарасом и тогда же нанесли визит Констанцию. Два года спустя после того, как Юлиан женился на Ипатии, он вместе с несколькими друзьями-катафрактами тоже нанес визит покалеченному бывшему сутенеру. Теперь Констанций находился вне пределов досягаемости не только римского императора, но и любого человека. Но не многое другое. Теперь Фотий больше не беспомощен. Он никогда раньше не думал об этом таким образом. О том, что может сделать для других людей. Его народа.

— Хорошо,— сказал Фотий.— Я это сделаю.

За столом прозвучала новая волна криков радости, в которых на этот раз участвовал и Фотий. Он даже выпил три кубка вина вместе с катафрактами и был немного пьян.

А почему бы и нет? Он ведь в конце концов римский император. Их император.

Прощание и прощальная мысль

Баресманас и Агафий провожали Велисария у ворот Перозшапура. Пока его армия маршировала мимо, Велисарий и двое провожающих коротко обговорили перспективы предстоящей кампании.

Коротко и скорее по привычке, а не по какой-либо другой причине. Этот предмет они уже обсуждали не раз и подолгу.

Пришло время друзьям прощаться, зная, что может быть и навсегда. Агафий был угрюм и сердечен. Баресманас говорил много и витиевато. Велисарий просто радовался.

— Достаточно,— сказал он.— Мы снова встретимся — не сомневайтесь в этом! Знаете ли, я не намерен проигрывать.

Они в последний раз пожали руки, и полководец поскакал прочь, чтобы присоединиться к армии.

«Абсолютно правильно, черт побери»,— пришел ментальный импульс от Эйда. Затем...

Велисарий рассмеялся.

«Что это было? — спросил он мысленно.— Прозвучало как „Эти жалкие трахнутые ублюдки будут растоптаны". Как ты выражаешься? Но, может, я неправильно понял. Может, ты просто сказал...»

В ответ послышалось бормотание. Бормотание...

ГЛОССАРИЙ

Аммиан Марцеллин (330–400) — римский историк, автор «Деяний», описывающих события (войны, дворцовые интриги) от правления императора Нервы (конец I века) до 378 года. Из 31 книги «Деяний» до нас дошли последние 18 (353–378 гг.).

Ардашир I Папакан — основатель и первый царь династии Сасанидов в Иране (180–239 гг.).

Ахемениды — династия древнеперсидских царей в 558—330 гг. до н.э. Государство Ахеменидов было завоевано Александром Македонским.

Вима Кадфиз II (45–78) — правитель Кушанского царства, покорил индо-греческие государства Индии.

Вобан, Себастьян (1633–1707) — французский военный инженер, маршал Франции. Изложил научные основы фортификации, построил и перестроил более 300 крепостей, разработал метод постепенной атаки крепостей.

Гипатия из Александрии (370–415) — женщина-философ, математик и астроном, преподавала в Александрийском музее. Пала жертвой религиозного фанатизма христиан: по наущению епископа Кирилла была растерзана толпой.

Диоклетиан (243–313) — римский император, провел реформы, стабилизировавшие положение империи, усилил армию. Предпринимал гонения на христиан.

Канишка (78–123) — царь Кушанского царства, при котором оно достигло наивысшего развития. При нем расширилась и укрепилась власть кушан в Северной Индии, велись успешные войны с Парфией.

Кар — римский император (с сентября 282 по июль 283 г. н.э.), одержал победу над персами в Месопотамии и взял Ктесифон в 283 году. Победоносно переправившись на другую сторону Тигра, внезапно скончался в своей палатке.

Карры — город на северо-западе Месопотамии, около которого 9 мая 53 г. до н.э. парфяне разгромили римскую армию Красса.

Киликия — древняя область на юго-востоке Малой Азии, была завоевана Александром Македонским.

Левант — общее название земель, прилегающих к восточной части Средиземного моря. В узком смысле — Сирия и Ливан.

Малабарский берег — юго-западное побережье Индостана.

Марк Аврелий (121–180) — римский император. Захватил Месопотамию в войне с парфянами. Представитель позднего стоицизма.

Мехмед Фатих (1432–1481) — турецкий султан. В 1453 году захватил Константинополь и сделал его столицей Османской империи, таким образом положив конец существованию Византии.

Мидия — область в древней Персии.

Навуходоносор (630–562 до н.э.) — царь Вавилонии, победил египтян, дважды брал Иерусалим, распространил власть Вавилонии на Сирию и Малую Азию. В его правление город Вавилон был отстроен с небывалом блеском.

Пафлагония — в древности область в Малой Азии на побережье Черного моря. С 281 г.— самостоятельное государство.

Полибий (200–120 до н.э.) — древнегреческий историк. Автор «Историй», охватывающих историю Греции, Македонии, Малой Азии и Рима от 220 до 146 гг. до н.э.

Помпей Великий (106–48 до н.э.) — римский полководец и государственный деятель. Член Первого триумвирата. Во время гражданской войны разбит Цезарем, бежал в Египет, где был убит

Селевкиды — царская династия, правившая в 312–364 гг. до н.э. на Ближнем и Среднем Востоке, основная территория — Сирия. В 64 г. до н.э. завоеваны Римом.

Селевкия — древний город в Сирии, основан Селевком I. Место захоронения селевкидских царей.

Тамрапарни — остров Цейлон.

Тир — финикийский город-государство на восточном побережье Средиземного моря. Был важным ремесленным и торговым центром.

Тит Ливий (59 до н.э.— 17 н.э.) — римский историк, автор «Истории Рима от основания города».

Фарс — историческая область на юге Ирана. До арабского завоевания в VII веке называлась Парса или Персида.

Халкедон — древнегреческая колония, основанная около 650 г. до н.э. на восточном берегу Боспора Фракийского (современный Босфор).

Хаммурапи — царь Вавилонии в 1792–1750 гг. до н.э.

Чола — династия и возглавлявшееся ею государство на юге Индии. Известно с I века н.э. до XIII века н.э.

Юлиан Отступник (331–363) — римский император с 361 года. Став императором, объявил себя сторонником язычества, вел гонения на христиан.

Dux (*лат.*) — предводитель, вождь, полководец.

Magister militum per orientem (*лат.*) — военный начальник владений на Востоке.

Res privata (*лат.*) — частное дело, частная вещь.

УДАР СУДЬБЫ

Джону и Бекки посвящается

ПРОЛОГ

Лучшая сталь в мире производилась в Индии. Эта сталь спасла ему жизнь.

Он уставился на медленно ползущую вниз по мечу каплю крови... Покрывающая прекрасную сталь кровь уже засыхала на солнце. Пока он наблюдал, последняя капля жидкости остановилась и начала застывать.

Он не представлял, сколько времени наблюдал за тем, как сохнет кровь. Кажется — часами. Он провел несколько часов, уставившись на меч, потому что слишком устал и был не в состоянии делать что-либо еще.

Но какая-то часть сознания опытного, закаленного в боях воина, которая всегда оставалась настороже, подсказывала ему, что прошло всего несколько минут. Только несколько минут, совсем немного.

Он устал. Возможно, даже больше морально, чем физически.

Его жизнь с самого детства заполняла война. Последняя оказалась самой горькой. Даже знаменитый поединок, когда он выступал против одного из легендарных воинов Индии много лет назад, не шел ни в какое сравнение с этой войной. Тот день тоже был наполнен усталостью, борьбой и страхом. Но тогда борьба шла один на один, не то что это массовое побоище. И в той схватке не было такой ярости, такой убийственной ненависти. Смертоносность, целеустремленность, да — как в его сопернике, так и в нем самом. Но также присутствовали и доблесть, и ликование оттого, что оба знали: независимо от того, кто из них победит, имена обоих запомнят в Индии на века.

В этой же битве доблесть отсутствовала. Его военачальники, конечно, станут заявлять, что битва была доблестной, а приближенные к ним барды и историки так и станут называть ее. Но они — лжецы. Неправда дается его хозяевам так же легко, как дыхание. Он думал, что это, возможно,— худшее из их многих преступлений, поскольку оно покрывает все остальные.

Он перевел взгляд с меча на тело последнего соперника. Теперь труп представлял собой жуткое зрелище: множество мух покрывало внутренности, вывалившиеся из огромной раны, которую нанесла лучшая в мире сталь. Это был отчаянный удар, и он нанес его после того, как его свалил на колени сильный удар меча соперника.

Он перевел взгляд на обрубок, все еще остающийся в руке у трупа. Меч врага сломался у рукоятки. Лучшая в мире сталь спасла его жизнь. Она и та огромная сила, с которой он отразил удар врага.

Теперь он смотрел на лицо убитого мужчины. Черты лица застыли. Оно больше ничего не выражало. Жизнь, которая недавно оживляла эти черты, ушла. Смотрящий на труп человек четко видел только бороду. Густую, квадратную бороду, подстриженную в персидском стиле.

Ему удалось слегка кивнуть, вместо поклона поверженному врагу. Он слишком устал, чтобы кланяться. Его соперник был смелым человеком. Соперник намеревался в последний раз отомстить за сражение, которое, как он знал, уже проиграно. Он нацелился убить человека, который привел врагов на его землю.

А человек, который смотрел — захватчик, оккупант, называл он себя, поскольку не имел склонности врать — проследит, чтобы над телом перса провели положенные ритуальные обряды. Эти обряды казались ему странными, но именно так арии освобождают душу.

Человек, который смотрел на поверженного врага, вторгся на чужую землю, он убивал, опустошал, покорял. Но он не станет бесчестить и осквернять. Так низко он не опустится.

Он услышал за спиной звук приближающихся шагов. Несколько человек. Среди них он узнал шаги своего военачальника.

Он собрался с силами и поднялся. В глазах у него потемнело, он покачнулся, но вскоре пришел в себя и уставился на поле брани. Каспийские Ворота — так его назвали. Ключ ко всей Персии. Человек, который смотрел на поле брани, эти ворота открыл[1].

Он бросил взгляд на тело с вывалившимися внутренностями.

Да, он проследит, чтобы над телом провели необходимые обряды. Так, как положено у персов.

«Над телами всех врагов»,— подумал он, уставившись на поле брани. Каменистая, лишенная растительности земля была усыпана телами мертвых и умирающих людей. Далеко за мрачным зрелищем, на севере, поднималась огромная гора, которую персы называли вулкан Демавенд. Потухший вулкан. Его ровные и чистые склоны стояли, подобно божественному укору омерзительному хаосу человечества.

«Да. Над ними над всеми».

---

[1] Каспийские Ворота — название связано с племенами каспиев, кочевников-скотоводов, обитавших в степных районах Восточного Азербайджана. От них получило название и Каспийское море. *(Прим. перев.)*

Его честь требовала этого. А честь — это все, что у него осталось. Она и его имя.

Наконец он смог встать прямо. Он был очень высоким мужчиной.

Его звали Рана Шанга. Величайший из царей Раджпутаны и один из самых легендарных воинов Индии.

Рана Шанга. Собственное имя немного утешало. Честное имя. Но утешало недолго: может, только на мгновение. Потому что он не был склонен лгать и также знал, что еще обозначает его имя. Барды и историки малва могут петь и писать все, что пожелают, но он знал правду.

Рана Шанга. Человек-легенда, царь раджпутов — который руководил последней атакой, когда они разбили персов у Каспийских Ворот. Человек, который открыл дверь, чтобы самое мерзкое в мире зло распространилось еще по одному континенту.

* * *

Он почувствовал, как кто-то легко коснулся его руки. Шанга посмотрел вниз и узнал пухлую маленькую ручку господина Дамодары.

— Ты тяжело ранен?

Казалось, голос Дамодары наполнен искренним беспокойством. В сознании у Шанги промелькнула горькая мысль. Но он почти сразу же отмахнулся от нее. Да, часть беспокойства Дамодары объяснялась простым страхом — он боялся потерять своего лучшего полководца. Но любой командующий, достойный называться командующим, стал бы беспокоиться о том же самом. Шанга сам был полководцем — и великолепным полководцем — и прекрасно знал, что разуму любого полководца требуется способность к расчетливой безжалостности.

Но в основном беспокойство Дамодары было личным. Глядя вниз на своего военачальника, Шанга поразился странному выражению дружелюбия на пухлом круглом лице. Из всех высокопоставленных лиц в обширной империи малва, с которыми когда-либо сталкивался Шанга, Дамодара был единственным, кого Шанга искренне уважал. Среди других господ из малва встречались способные, даже талантливые люди — как и Дамодара — но ни один не был свободен от зла.

«Конечно, Дамодара — не святой,— уныло подумал Шанга.— Он любит называть себя практичным. А это просто вежливый способ сказать «аморальный». Но по крайней мере он не получает удовольствия от жестокости и избегает ее, когда возможно».

Рана Шанга одновременно отогнал мысль и вопрос.

— Нет, господин Дамодара. Я устал, но...— Шанга пожал плечами.— Почти вся кровь на мне — чужая. У меня только два пореза. Я уже их перевязал. Один потребуется зашить. Потом.

Шанга кивнул на поле брани. Его голос стал резким.

— Сейчас гораздо важнее отдать честь павшим. Я хочу, чтобы все персы были похоронены по их традициям. С оружием.

Шанга холодно посмотрел на стоявшего в нескольких футах человека. Михиракула командовал контингентом йетайцев в армии господина Дамодары.

— Йетайцы могут забрать у погибших все деньги и драгоценности. Но персы должны быть похоронены с оружием. Этого требует честь.

Михиракула нахмурился, но не стал возражать вслух. Он знал, что главнокомандующий из малва согласится с требованием Шанги. Сердцем армии Дамодары были раджпуты, в отличие от любой другой армии империи малва.

— Конечно,— кивнул Дамодара.— Если ты так хочешь.

Главнокомандующий из малва повернулся к другому подчиненному, но тот уже шел к лошади. Тот человек был раджпутом. Он проследит, чтобы приказ выполнили.

Дамодара повернулся назад.

— Есть новости,— объявил Дамодара и кивнул на еще одного человека из своей маленькой свиты. Невысокого, жилистого пожилого мужчину.— Один из курьеров Нарсеса прибыл как раз перед окончанием битвы. С новостями из Месопотамии.

Шанга бросил такой взгляд на Нарсеса, словно только что проглотил что-то кислое. Царь раджпутов не любил предателей, даже тех, которые предали его врагов.

Тем не менее Нарсес был исключительно компетентен. С этим никто не спорил.

— И что за новости? — спросил Шанга.

— Наша основная армия в Месопотамии потерпела поражение,— Дамодара сделал глубокий вдох.— Серьезное поражение. Им пришлось снять осаду Вавилона и отступить в Харк.

— Велисарий,— сказал Шанга. Он не сомневался.

Дамодара кивнул.

— Да. Велисарий разбил одну армию под Анатой, затем направил Евфрат в новое русло, поймал в капкан другую армию, которая отправилась за ним в погоню, и почти полностью ее уничтожил. Там были ужасные потери. Очевидно, он разрушил построенную им же дамбу и утопил тысячи наших солдат[1].

Главнокомандующий из малва отвел взгляд.

— В основном все получилось, как ты и предсказывал, Рана Шанга. Велисарий — хитер, как мангуст,— Дамодара глубоко вздохнул.— У Велисария едва ли набиралось десять тысяч человек, но тем не менее ему удалось отогнать нашу армию назад к морю.

— А теперь? — спросил Шанга.

---

[1] См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «Щит судьбы». *(Прим. перев.)*

Дамодара пожал плечами.

— Мы не знаем точно. Персидский император послал войска разбираться со своим братом Ормаздом, который пре...— который теперь объединился с нами, но большая армия осталась защищать Вавилон. Велисарий отправился в Пероз-Шапур отдохнуть и переукомплектовать свою армию за зиму. После этого...

Он снова перевел дух.

— Он вышел из Пероз-Шапура несколько недель назад и исчез.

Шанга кивнул. Он повернулся к солдатам-раджпутам, которые теперь стояли рядом, окружив своего командира.

— Ни у кого из вас случайно нет вина? — Он поднял меч, который держал в руке.— Я должен его почистить. Кровь засохла.

Один из раджпутов стал рыться в мешке, прикрепленном за седлом. Шанга повернулся назад к Дамодаре.

— Он идет на нас. Именно сейчас.

Главнокомандующий из малва вопросительно приподнял брови.

— Не сомневайся, Дамодара,— твердо сказал Рана Шанга и сам вопросительно посмотрел на предателя-римлянина.

Нарсес кивнул.

— Да,— согласился Нарсес.— Я тоже так думаю.

Когда Нарсес заговорил, то опять произвел на Шангу впечатление. Предатель смог очень быстро выучить хинди. В речи Нарсеса четко слышался акцент, но, казалось, словарный запас ежедневно увеличивается, причем значительно. А грамматика стала уже почти безупречна.

Но, как и всегда, Шангу больше всего поразил звук голоса Нарсеса. Какой сильный, низкий голос у старого евнуха! Шанга снова напомнил себе, что не должен позволять своему неприязненному отношению к Нарсесу затемнять несомненные таланты этого человека. Да, евнух — предатель. Но он дьявольски способен, а также — прекрасный советник и шпион.

— Не сомневайся, Дамодара,— повторил Рана Шанга.

Солдат протянул ему бурдюк. Величайший из царей Раджпутаны начал чистить меч.

Лучшая сталь в мире производится в Индии.

Ему скоро потребуется эта сталь. Приближается Велисарий.

Глава 1

Персия.
Весна 532 года н.э.

Через два часа после восхода солнца Велисарий добрался до вершины и остановил коня. Проход по горному перевалу был узким и каменистым. Но дыхание захватывало от вида освещенной солнцем местности внизу.

— Какая великолепная страна,— пробормотал он.

Велисарий слегка повернулся в седле, к человеку справа.

— Ты так не думаешь, Маврикий?

Маврикий нахмурился. Его серые глаза посмотрели вниз на огромное плато, которое тянулось к далекому горизонту. Цвет его глаз почти совпадал с цветом бороды. Как любил говорить Маврикий, каждый из жестких волосков поседел за годы, проведенные рядом с молодым командующим, который всегда отличался дьявольской хитростью.

— Ты — сумасшедший,— объявил Маврикий.— Полный кретин.

Велисарий хитро улыбнулся и повернулся к человеку слева.

— Ты тоже так думаешь, Васудева?

Командующий кушанского контингента в армии Велисария пожал плечами.

— Трудно сказать,— ответил Васудева на плохом греческом, который только учил. На мгновение обычно ничего не выражающее лицо Васудевы исказила гримаса.— Невозможно точно оценить,— проворчал он.— Этот шлем...— Внезапно его обуял приступ красноречия.— Этот шлем — кусок дерьма, придуманный необразованными глупыми варварами для тех, у кого в головах другой кусок дерьма — мозги необразованных глупых варваров.

Он сделал глубокий вдох. Затем заговорил снова:

— Глупый чертов варварский шлем закрывает весь вид. Я слеп, как летучая мышь.— Он прищурился, глядя на солнце.— Сейчас день, да?

Велисарий улыбнулся еще хитрее. Кушаны не переставали жаловаться на шлемы с той минуты, как их им вручили. Теперь с тех пор прошло уже несколько недель. Как только армия Велисария оказалась в трех днях пути от Пероз-Шапура, и полководец удостоверился, что за ним никто не следит, он велел распаковать новую форму и оружие, приготовленные специально для кушанов, и настоял, чтобы они их носили.

Кушаны возмущались много часов. Затем они наконец подчинились суровым приказам командира — в конце концов, технически они являлись его рабами. Но из-за их упрямства армия задержалась еще на один день.

Целый день, пока они яростно чистили все обмундирование, которое им выдали. Все это время они язвительно и саркастически настаивали, что выданное им обмундирование было придумано чертовым философом и сделано чертовым поэтом из цивилизованных господ и не сможет противостоять ордам убийственных, захватнических, насилующих, грабящих и убивающих чертовых варварских вшей.

Велисарий посмотрел вниз на оружие Васудевы и про себя признал, что сочувствует кушанам.

Велисарий приобрел новые доспехи, оружие и форму для кушанов через посредников, от остготов[1]. Форма определенно шилась варварами, но — по иронии судьбы — по типу римской формы предыдущего столетия. Что касается вооружения, то оно оказалось достаточно надежным. На самом деле броня была более прочной, чем у современных катафрактов: чешуйчатые доспехи варваров — туника — соединялись с пластинчатой защитой для рук и ног. Конечно, вес доспехов частично объяснял ворчание. Кушаны вообще предпочитали более легкие доспехи, чем римские катафракты, не говоря уже про эти тяжелые, огромные, гротескные остготские.

Но больше всего кушаны жаловались на шлемы. Они привыкли к легким, простым защитным приспособлениям, которые состояли только из стальной пластины, удерживаемой на лбу кожаным ремнем. А тут им выдали эти — *эти* — огромные, тяжелые, окружающие всю голову, с глупым гребнем наверху, придуманные идиотами стальные чертовы варварские уродства...

Они закрывают их чубы! Полностью их закрывают!

— Именно это и является целью,— терпеливо объяснял Велисарий после раздачи обмундирования и оружия.— Никто не поймет, что вы — кушаны. Так-то вас сразу распознают по вашим прическам. Я должен держать ваше присутствие в моей армии в секрете.

Кушаны поняли военную логику вопроса. Тем не менее...

Велисарий чувствовал гневный взгляд Васудевы, но спокойно его проигнорировал.

— О, у тебя конечно должно быть какое-то мнение,— заявил он.

Васудева перевел гневный взгляд на местность внизу.

— Маврикий прав,— объявил он.— Ты — сумасшедший. Абсолютно сумасшедший.

Васудева с Маврикием быстро обменялись восхищенными взглядами. За месяцы после знакомства между командующим кушанскими «воинами-рабами» и командующим букелляриями Велисария — в основном из фракийских катафрактов, которые составляли элитные войска его армии,— сложились тесные рабочие взаимоотношения. На самом деле — дружба, хотя ни один из этих потрепанных ветеранов не стал бы использовать слово в своих мрачных высказываниях.

Наблюдая за молчаливым обменом взглядами, Велисарий с трудом сдержал улыбку.

«Немыслимые слова для раба!» — усмехнулся он про себя.

Он захватил кушанов в плен прошлым летом, во время сражения, которое в дальнейшем назовут битва под Анатой. На протяжении

---

[1] Остготы — восточная ветвь германского племени готов. Жили в причерноморских степях, в бассейне Нижнего Днепра и частично в Крыму. *(Прим. перев.)*

месяцев после нее, пока Велисарий концентрировался на снятии осады Вавилона армией малва, кушаны служили ему рабочей силой. После того, как Велисарий отогнал основную армию малва в порт Харк — благодаря стратегии, в которой труд кушанов сыграл ключевую роль, кушаны перешли на другую сторону. На самом деле они никогда не любили своих надменных хозяев из малва. После внимательных наблюдений они пришли к выводу, что Велисарий — самый толковый и способный командующий, которого они когда-либо встречали. Тогда кушаны решили договориться о новом статусе.

Технически они все еще оставались «рабами». Кушаны твердо считали, что следует соблюдать приличия и, в конце концов, их же взяли в плен в честном бою. Их новый статус предложил сам Велисарий, основываясь на видении, посланном ему Эйдом. Магический кристалл показал ему воинов-рабов будущего, которых назовут мамлюки[1].

Теперь Васудева смотрел на Велисария, но во взгляде не было восхищения, с которым эти глаза мгновение назад смотрели на Маврикия. Эти глаза теперь смотрели жестко. На самом деле почти гневно.

Велисарий почувствовал, как на его губах невольно появляется улыбка.

«Рабы, но весьма своеобразные. Нужно сделать на это скидку. Человеку трудно помнить о своем рабском статусе, когда он едет на одетой в доспехи лошади и сам вооружен».

— Как неуважительно,— пробурчал он себе под нос.

Васудева проигнорировал его слова. Кушан показал пальцем на местность внизу.

— Ты называешь это великолепным? — спросил он.

Фыркнул. Снова гневно посмотрел на плато. Скалистая, изрезанная оврагами и ущельями местность простиралась от основания гор на расстояние, куда могли видеть глаза.

— Если в этой несчастной местности и есть одна капля воды, то ее запасла для себя семья полевых мышей,— проворчал Васудева.— Причем небольшая семья.

Он вспомнил о том, что его печалит.

— Так по крайней мере мне кажется,— добавил он кисло.— Но я слеп, как летучая мышь, из-за этого чертова, глупого варварского шлема. Возможно, где-то внизу и есть река, а то и большое озеро!

Он склонил голову набок.

— Маврикий?

---

[1] Мамлюки (*араб.*— невольники) — воины-рабы, составлявшие гвардию династии Айюбидов. В 1250 г. командная верхушка мамлюков свергла египетскую ветвь Айюбидов и основала династию мамлюкских султанов. *(Прим. перев.)*

Фракийский катафракт мрачно покачал головой.

— Ни капли, как ты и сказал.— Он сам обвинительно показал пальцем.— Внизу практически нет растительности, если не считать нескольких дубов тут и там.

Маврикий какое-то время осматривал окружающие их горы. Склоны покрывал тонкий слой снега, но эти места все равно казались привлекательнее, чем внизу. Как и по всей горной системе Загрос, местность была густо покрыта дубами и можжевельником. Дождь, выпавший на Загрос, даже вызвал определенное буйство растительности в многочисленных маленьких долинах. Там при помощи ирригации персы могли выращивать пшеницу, ячмень, виноград, абрикосы, персики и фисташки.

Он вздохнул и снова посмотрел на сухое, безводное плато.

— Весь дождь остается в горах,— пробормотал Маврикий.— А там внизу...— он снова вздохнул.— Ничего, кроме...

Наконец он заметил это.

Велисарий улыбнулся. Зрение Велисария усиливалось при помощи Эйда. Он уже давно увидел то, что только сейчас заметил Маврикий.

— Я думаю, там оазис! — весело воскликнул полководец.

Васудева проследил за направлением взглядов товарищей. Когда он заметил небольшое зеленое пятно, глаза его округлились.

— Это? — подавился он.— Ты называешь *это* оазисом?

Велисарий пожал плечами.

— На самом деле это не оазис. Я думаю, это одно из мест, где персы прокопали спуск к своим подземным каналам. То, что они называют кванатами.

Стук копыт позади заставил их обернуться. Двое телохранителей Велисария, Анастасий и Валентин, наконец добрались до горного перевала. Они отстали, потому что Валентину пришлось вынимать камушек из копыта коня.

Велисарий снова повернулся и показал пальцем на «оазис».

— Я хочу его обследовать,— объявил он.— Думаю, мы сможем туда добраться до полудня.

Тут же послышались возражения.

— Это плохая идея,— заявил Маврикий.

— Идиотская идея сумасшедшего,— согласился Васудева.

— Нас только пятеро,— поддержал их Валентин.

— Остальная часть армии все еще в дне пути позади,— добавил Анастасий. Огромный катафракт, обычно спокойный и философски настроенный, тоже гневно посмотрел на полководца, как и остальные его товарищи.— Не нужна нам эта твоя так называемая «личная рекогносцировка»,— пророкотал Анастасий.— И так достаточно.

Огромная рука обвела окружающие их горы. Палец толщиной с сосиску обвиняющим жестом показал на плато внизу.

— Кто, черт побери, знает, что там может скрываться? — спросил Анастасий.— Это так называемое плато почти так же изрезано, как эти горы. В любом месте может прятаться вся конница малва.

— Вся *армия*,— прошипел Валентин.— Не только конница. Думаю, нам надо убираться отсюда. Я определенно считаю, что вниз нам спускаться не следует...

Велисарий откашлялся.

— Не припомню, чтобы я созывал совет,— спокойно заметил он.

Его товарищи нахмурились, но замолчали.

Мгновение спустя Маврикий заговорил спокойным тоном.

— Ты намерен спускаться вниз, парень?

— Да, Маврикий, намерен,— кивнул Велисарий.— Я думал об этих канатах с тех пор, как Баресманас и Куруш описали их мне. На самом деле я серьезно на них рассчитываю.— Он показал на участок зелени.— Но это все только размышления, пока я сам лично не исследую хотя бы один. Это моя первая возможность, и я не собираюсь ее упускать.

Показав себя начальником, Велисарий на мгновение смягчился. Его ветеранам полагалось объяснение, а не просто приказ.

— Кроме того, я не думаю, что нам пока стоит беспокоиться о встрече с кем-то из войска Дамодары. Битва, когда они взяли Каспийские Ворота, была кровавой и жестокой. Скорее всего, Дамодара просто оставил какие-то силы охранять Каспийские Ворота, в то время как отвел основную часть армии на зиму в Дамгхан. К этому времени они уже переукомплектовались и восстановили силы. Вероятно, они даже снова прошли сквозь Ворота, может даже добрались до Ахмадана в провинции Мах — но оттуда досюда все равно почти пятьдесят миль.

Васудева откашлялся.

— Твоя оценка основывается на отчетах шпионов или...

Велисарий улыбнулся.

— На старой доброй греческой логике, Васудева.

Больше никто ничего не сказал. Но выражения на лицах фракийцев и кушана говорили многое относительно их мнения о «старой доброй греческой логике». Даже Анастасий, увлекающийся греческой философией, сурово хмурился.

Велисарий тронулся с места и поехал вниз по тропе. Подчиненные молча последовали за ним.

То есть более или менее молча. Конечно, Валентин бормотал себе под нос. Велисарий не стал просить перевода. Он не сомневался: каждая фраза состоит из одной матерщины.

* * *

На полпути вниз по склону другой голос выразил протест.

«Это плохая затея»,— пришла мысль от Эйда.

«И ты, Брут?» — ответил Велисарий ментально.

«Очень плохая. Я думал над нею, и Маврикий прав. И Васудева, и Валентин, и Анастасий. Слишком много догадок. Вас только пятеро. Тебе следует отказаться от этой затеи и присоединиться к армии. Ты можешь обследовать оазис позднее, с гораздо большими силами».

Велисария слегка удивила неистовость в тоне Эйда. Кристаллическая сущность из будущего теперь находилась рядом с ним на протяжении нескольких лет, с тех пор как монах Михаил Македонский принес кристалл Велисарию. На протяжении этого времени, урывками, постепенно, Велисарий с Эйдом разработали систему взаимоотношений. Эйд советовал Велисарию и направлял его, часто просвещал его, показывая фрагменты человеческой истории. Кристалл являлся почти неистощимым источником информации. Но по опыту Эйд научился не пытаться перехитрить Велисария, когда дело касалось вопросов стратегии и тактики. В этом царстве, как узнал кристалл, Велисарию не было равных. В конце концов именно поэтому он и прибыл в это время из будущего, чтобы спасти себя и расу кристаллов от рабства или простого уничтожения. Эйд вернулся в прошлое в поисках великого римского полководца, который в состоянии отразить попытку «новых богов» изменить человеческую историю.

Но хотя Велисарий и удивился, это не заставило его отказаться от своего намерения. Протест Эйда, эхом повторивший возражения товарищей Велисария, даже усилил его решимость.

Итак, Велисарий и небольшая группа сопровождающих его лиц спускалась вниз по склону горной системы Загрос на плато в Персии. И еще один голос присоединился к ворчанию Валентина.

«Упрямый фракийский олух»,— то была лишь одна из частично улавливаемых полководцем мыслей.

Глава 2

Ловушка обнаружилась, когда римляне находились менее чем в трехстах ярдах от цели. Это была единственная ошибка раджпутов.

Но их едва ли можно винить за эту ошибку — если быть объективными. Рана Шанга предупреждал их о быстроте и сообразительности Велисария. Но Шанга ничего не знал об Эйде и о том, как Эйд усиливал зрение и слух Велисария. Поэтому люди Велисария избежали ловушки в тот момент, когда раджпуты уже вроде бы отрезали римлян от любого пути отхода.

Велисарий услышал стук копыт раньше кого-либо из своих товарищей — даже до того, как скрывающиеся враги появились из оврага, где прятались.

— Засада! — прошипел он.

Первым отреагировал Валентин. Он стал разворачивать коня.

— Нет! — крикнул Велисарий. И обеими руками показал в стороны и назад.— Они ждали, пока не отрежут нас от гор!

Он пришпорил коня и пустил его вперед.

— Наш единственный шанс — забаррикадироваться!

Его товарищи, наученные долгим опытом, не стали спорить. Они просто галопом последовали за конем Велисария. А командующий несся во весь опор.

Велисарий осмотрел местность впереди. Небольшой «оазис», к которому они направлялись, представлял собой жалкую рощицу. Хилые фруктовые деревья — абрикосовые, по большей части, и несколько персиковых.

«Бесполезно»,— мелькнула мысль.

Но мгновение спустя его обостренное зрение заметило то, на что он надеялся.

— Там есть здание! В рощице! — Велисарий бросил быстрый взгляд через левое плечо. Теперь он видел врага.

«Черт побери! Раджпуты. Возможно, дюжина,— он бросил взгляд через правое плечо.— То же самое».

Велисарий быстро вспомнил свой индийский опыт.

«В стандартном кавалерийском подразделении раджпутов тридцать человек. Что означает...»

Он посмотрел вперед, разглядывая рощицу. Менее чем через две секунды он увидел то, что ожидал.

— В рощице тоже раджпуты! — крикнул он.— Вероятно, полдюжины.

Велисарий не предпринимал попыток достать лук. Он не был настолько хорошим лучником, чтобы стрелять, когда конь несется во весь опор. Никто из его товарищей не был на это способен, за исключением Валентина. А тот уже достал лук. Быстрее, чем Велисарий считал возможным, катафракт выстрелил. Стрела полетела перед несущейся галопом группой римлян и ворвалась в заросли деревьев. Мгновенно последовал крик боли. Почти сразу же пятеро раджпутов выехали из рощицы и поскакали навстречу приближающимся римлянам. Велисарий видел и шестого, но тот в этот момент соскальзывал с лошади, держась за стрелу, воткнувшуюся ему в плечо.

Теперь придется работать копьями. Все римляне, за исключением Валентина, уже приготовили свои тяжелые копья. К моменту встречи с раджпутами успел и Валентин. Быстрый, как ласка, катафаркт даже успел убрать лук на место, перед тем как взяться за копье. Почти любому другому человеку пришлось бы просто бросить лук наземь.

Схватка при сложившихся обстоятельствах — открытое столкновение между равным числом римских катафрактов и копьеносцев-раджпутов — была совсем не равной. Даже если бы у них не было стремян, более тяжеловооруженные римские кавалеристы победили бы. А со стременами, с более тяжелыми и длинными копьями, которые стало возможно использовать после введения стремян, Велисарий и его люди фактически проехались прямо по своим соперникам. На мгновение мир превратился в какофонию криков. Удары копий о щиты приглушали, но не могли скрыть ужасные звуки разрываемой плоти и костей. Воинские кличи превратились в крики боли, а потом перешли в предсмертные стоны.

Трех раджпутов убили практически мгновенно, их тела проткнули огромные копья. Четвертый умрет через несколько минут, от потери крови, льющейся из наполовину оторванного бедра.

Выжил один-единственный раджпут, который получил только несколько синяков. Он противостоял Васудеве. Хотя кушан и считался опытным воином, он еще не набрался опыта езды со стременами и работы копьем. Но он был ветераном, и у него имелось достаточно ума, чтобы не пытаться соответствовать товарищам во всем. Вместо того чтобы искать незащищенные доспехами места, он просто врезал копьем по щиту врага. От удара такой силы соперник сразу же свалился с лошади.

Римляне поскакали дальше. Велисарий теперь мог лучше рассмотреть здание среди деревьев. Это была ферма, типичная для больших персидских семей. Квадратная, одноэтажная постройка, длина одной стороны которой составляла примерно тридцать футов. Стены были крепкими и надежными, построенными из камней. Велисарий не мог четко рассмотреть крышу, но знал, что она сделана из деревянных балок, покрытых землей.

Только...

В форме фермы было что-то странное. Деревья закрывали вид, но, казалось, здание перекосило на одну сторону.

От Эйда пришел ментальный импульс.

«В этой местности часты землетрясения,— пояснял кристалл.— Здание наполовину разрушено».

Велисарий кивнул. Они заезжали в небольшую рощицу, окружающую ферму, и он видел, что за фруктовыми деревьями не ухаживают. Место выглядело заброшенным.

«Вероятно, из-за землетрясения, как и сказал Эйд. Потом... началась война. Выжившие сбежали».

Велисарий в последний раз бросил взгляд через плечо. Он увидел, как отряд их преследователей растягивается. Они поняли, что упустили свой шанс поймать римлян в ловушку сразу же, и теперь намеревались окружить рощицу и поймать римлян в капкан в доме.

Велисарий отвернулся с мрачным видом. Пять человек против большей части кавалерийского подразделения раджпутов имеют мало шансов выжить. Очень мало. Но по крайней мере у них будет преимущество: они забаррикадируются, а не останутся на открытой местности.

Мгновение спустя они миновали деревья и остановились у фермы.

«М-да, если тут, конечно, можно забаррикадироваться»,— подумал он уныло, оценивая строение.

— Дверь только одна,— заметил Маврикий.— Может, есть и черный ход, но сомневаюсь. Если это — типичная персидская ферма.

— Ты называешь это «дверь»? — спросил Валентин. Его выражение лица напоминало гримасу человека, который только что съел корзину лимонов.

Маврикию удалось пожать плечами, когда он спрыгивал с лошади.

— Пойдет. Пойдет. Вероятно, мы сможем ее укрепить балками.— Он посмотрел вверх на полуобвалившуюся крышу.— Думаю, их там валяется достаточно.

Валентин не стал больше ничего комментировать, хотя его постоянное кислое выражение лица делало понятным, что он думает о месте обороны с обвалившейся крышей.

Пятеро римлян спешились, открыли дверь и завели лошадей в дом. Наполовину затемненная внутренняя часть фермы на минуту или около того наполнилась шумом и пылью, поднимаемой лошадьми, которые все еще тяжело дышали и нервно гарцевали. Васудева успокоил лошадей, а затем привязал их, в то время как четверо его товарищей разделились и обследовали место.

Обследовали быстро, но тщательно.

Маврикий подвел итог.

— Могло оказаться хуже. Стены толстые. Камни хорошо подогнаны друг к другу. Крыша будет проблемой, но по крайней мере, когда она падала, то потащила за собой и соседние стены,— он показал на разруху в северной трети фермы.— Один или двое раджпутов смогут там протиснуться, но нет шанса пролезть всем сразу же.

Он положил руки на бедра и в последний раз осмотрел их форт.

— На самом деле не так плохо. После того, как забаррикадируем дверь...

Он улыбнулся, наблюдая, как этим занялся Анастасий. Гигант просто взял в руки балку и подпер ею дверь. Затем, так небрежно, словно это был прутик, взял еще одну и укрепил дверь и ею.

— ...мы сможем какое-то время их удерживать,— закончил фразу Маврикий.

Выражение лица Валентина оставалось кислым.

— Великолепно,— рявкнул он.— Вы обратили внимание, что выхода отсюда нет? Вы обратили внимание, что тут нет еды?

Валентин с мрачным видом следил за Велисарием, который снимал крышку с того, что казалось колодцем в юго-восточном углу.

— По крайней мере есть вода,— проворчал Валентин.— Может быть. Если этот колодец не высох.

Тогда заговорил Велисарий, с удивительной веселостью.

— Гораздо лучше, Валентин. Гораздо лучше. Я считаю, что это — путь в кванат.— Он показал вниз в колодец.— Взгляни сам.

Валентин с Маврикием поспешили к нему.

— Давайте быстрее,— приказал Васудева. Кушан смотрел в небольшую щель в западной стене.— Раджпуты уже в рощице.

— То же самое с этой стороны,— добавил Анастасий, глядя сквозь подобную щель в противоположной стене.— Они нас окружают.— Мгновение спустя он сообщил: — Теперь они спешиваются, собираются атаковать нас на своих двоих.— Он заговорил оскорбленным тоном: — Я думал, раджпуты никогда не слезают с коней. Даже ездят на них в туалет.

— Не раджпуты Раны Шанги,— лениво заметил Велисарий, все еще глядя в колодец.— Он такой же твердолобый, как и все раджпуты, когда дело доходит до вопросов чести, но не склонен к глупости, когда дело касается военной тактики.

Внезапно Васудева зашипел.

— У них гранаты! — воскликнул он.

Велисарий резко поднял голову, оторвавшись от обследования колодца.

— Ты уверен? — спросил он. Вопрос был риторическим. Васудева — не тот человек, который может так ошибиться.

— Я думал, малва не позволяют никому, кроме своих кшатриев, использовать пороховое оружие,— заметил Валентин.

— И я так думал,— почесывая подбородок, задумчиво произнес Велисарий.— Похоже, Дамодара решил изменить правила.

Он снова принялся за изучение колодца.

— Неудивительно. По слухам, он у них самый лучший полевой командир, а раджпуты — основа его армии. К тому же это раджпуты Раны Шанги.

Пока он продолжал осматривать колодец, его тон стал задумчивым.

— Это объясняет засаду. Я забыл, насколько хорош Шанга. Слишком привык к надменным малва в Месопотамии. И Шанга меня знает. Он, вероятно, просчитал, что я сам буду заниматься рекогносцировкой, и поставил капканы у подножия всех гор.

Закончив обследование, Велисарий поднял голову. Когда заговорил вновь, железный тон показывал, что он принял решение.

— Теперь нет смысла баррикадироваться,— объявил полководец.— Они не станут жертвовать кем-то, пытаясь прорваться сквозь дверь. Они просто взорвут стены фермы.

— Они уже приближаются,— подтвердил Васудева.— С моей стороны — трое, с гранатами. Я даже не могу в них выстрелить. В эту щель едва можно смотреть, стрела не пролезет.

— С моей стороны — двое,— объявил Анастасий.— То же самое.

Велисарий показал пальцем вниз, в колодец.

— Мы уйдем этим путем. Снимайте доспехи. Нам предстоит долгий спуск вниз, по узкой шахте, и я не представляю, сколько места внизу.

— А лошади? — спросил Валентин.

Велисарий покачал головой.

— Нет способа спустить их вниз. Мы используем их для отвлекающего маневра. Но вначале...— Он широкими шагами направился к лошадям.— Доставайте наши гранаты. Я хочу установить их вдоль стен. Мы выполним за раджпутов их работу. Взорвем всю ферму. Это скроет наш побег.

Он начал доставать гранаты из седельных вьюков. Мгновение спустя Маврикий с Валентином занялись тем же самым.

— У меня есть запал,— объявил Маврикий.— Мы можем связать вместе все гранаты. И взорвать их одновременно.

Велисарий кивнул. Он отнес несколько гранат к западной стене и стал устанавливать там, в то время как Валентин занялся тем же самым у восточной. Маврикий привязывал запалы к запалу.

— Ложитесь! Быстро! — внезапно крикнул Васудева.

Все пятеро римлян мгновенно рухнули на грязный пол. Мгновение спустя серия взрывов сотрясла здание. На западной стене, недалеко от Васудевы, появилась небольшая дыра. Везде в других местах стены выстояли, хотя заметно дрогнули.

— Благослови, Боже, хорошую работу каменщиков,— пробормотал Анастасий.— Всегда восхищался каменщиками. Святые ребята все они.

Лошади дернулись, заржали в страхе, пытаясь вырваться — они были привязаны к упавшей балке. Маврикий, самый лучший специалист по лошадям среди римлян, бросился к животным, чтобы их успокоить.

— Раджпуты готовятся к атаке? — спросил Велисарий.

Васудева вернулся к своей щели и покачал головой.

— Нет. Они очень хитрые. Снова готовят гранаты. Они не пойдут в атаку, пока этот дом не превратится в груду обломков. Хотят, чтобы падающие камни сделали за них работу,— одобрительно проворчал он.— Хорошие солдаты. Умные.

Велисарий кивнул.

— Это дает нам несколько минут.— Он показал на дверь.— Анастасий, снимай балки. Потом готовься выбить дверь. Маврикий, как только дверь откроется, гони в нее лошадей. Они на мгновение остановят раджпутов. Они подумают, что мы пытаемся прорваться, а кроме того, раджпуты любят хороших лошадей.— Полководец весело улыбнулся.— Они не смогут устоять и потратят время на их поимку.

Велисарий повернулся. Увидел, что Валентин за это время уже связал все гранаты. Велисарий удовлетворенно кивнул.

— Значит, так. Васудева, ты идешь первым. Потом Валентин. Маврикий с Анастасием, как только выгоните лошадей, сразу же спускаетесь. Я пойду последним.

Велисарий взялся за тяжелую крышку, закрывающую колодец, и поставил ее на низкую каменную стену, окружающую проем. Затем взял короткую балку и поддел ею крышку. Когда придет время, Велисарий сможет закрыть проем крышкой, просто выбив из-под нее балку.

Он начал снимать доспехи. Прежде чем он снял их наполовину, Васудева уже избавился от своих и забирался в колодец. Кушан схватился за деревянный колышек, укрепленный в камне внутри шахты — первый из многих, служивших лестницей — и стал спускаться вниз.

— По крайней мере я избавился от этого ужасного глупого шлема необразованных варваров и этих...— Следующие слова потерялись, когда он исчез в темноте.

Валентин протянул Велисарию конец запала и сам начал спускаться в колодец. Ему было нечего сказать. По крайней мере, ничего конкретного. Он яростно что-то бормотал.

Велисарий поднял голову. Маврикий с Анастасием заняли свои места. Они тоже уже избавились от доспехов.

— Начали,— приказал он, затем вспомнил о невыполненной задаче и прокричал: — Подождите! Мне нужен кремень!

Маврикий нахмурился и быстро запустил руку в один из седельных вьюков. Мгновение спустя достал оттуда кремень и бросил Велисарию. Как только Анастасий увидел, что Велисарий его поймал, огромный фракиец сдвинул с места одну из балок. Мгновение спустя за ней последовала вторая. А затем, еще через мгновение, Анастасий одним сильным ударом выбил дверь. Одного сильного удара оказалось достаточно, чтобы разбитая в щепки дверь полетела во двор.

После этого Анастасий бросился к колодцу, в то время как Маврикий, крича и ругаясь, погнал лошадей через проем.

Анастасий с трудом пролез в колодец, но отнесся к проблеме философски.

— О школе киников можно сказать многое,— заговорил он, когда стал неуклюже спускать свое огромное тело вниз по узкой каменной шахте.— Они были несправедливо оклеветаны...[1]

Мгновение спустя Маврикий фактически впрыгнул в колодец.

— Давай быстро, парень,— прошипел он.— Не надо этой твоей чуши с идеальным расчетом времени. Раджпуты уже идут.— Он стал спускаться вниз.— Просто взрывай. Сейчас!

«Хорошо сказано»,— согласился Эйд.

Велисарий не собирался спорить. Он только подождал какое-то время, желая удостовериться, что Маврикий спустился достаточно глубоко, и он сам не наступит ему на голову. Тогда он высек искру и поджег шнур. Велисарий подождал еще секунду, теперь желая удостовериться, что шнур хорошо горит, потом бросил его на пол. Затем забрался в колодец, немного спустился вниз, поднял руку и выбил балку. Тяжелая деревянная крышка закрыла проем. Велисарий едва успел опустить голову и убрать руку, чтобы ему не придавило пальцы.

Теперь внутри колодца стояла кромешная тьма. Велисарий стал быстро спускаться вниз, на ощупь находя деревянные колышки.

Он спустился на двадцать футов вниз, когда наверху громыхнуло. Сила взрыва сотрясла стены шахты. На мгновение Велисарий застыл на месте, напряженно прислушиваясь. Он слышал, как сверху на крышку колодца с грохотом падают камни и тяжелые балки, и боялся, что она может сломаться. Лавина камней и мусора сметет его с лестницы. Он не представлял, как далеко вниз придется падать.

«Достаточно,— мрачно подумал Эйд.— Очень далеко».

* * *

Падать пришлось бы сорок футов.

Когда он наконец добрался до дна колодезной шахты, его нога какое-то время рассекала воздух в поисках очередного колышка. Затем чья-то рука схватила его за лодыжку.

— Все, полководец,— послышался из темноты голос Валентина.— Анастасий, спускай его.

Огромные руки схватили Велисария за бедра. Полководец отпустил колышки и Анастасий легко поставил его на пол. Велисарию показалось, что под ногами гравий.

Он попытался встать прямо, затем резко замедлил движение. Он не видел потолка и боялся стукнуться головой.

Это заставило задуматься о новой проблеме.

---

[1] Киники — др.-греч. эклектическая философская школа, проповедовавшая бедность, полное безразличие ко всем радостям жизни, отказ от культуры. *(Прим. перев.)*

— Черт побери,— проворчал он.— Я забыл, что тут будет так темно.

— Я не забыл,— послышался самодовольный ответ Маврикия.— И Васудева не забыл. Но надеюсь, у тебя хватило ума захватить с собой кремень. Он у нас единственный.

Велисарий опустил руку в тунику и достал кремень. Его рука в темноте встретилась с рукой Маврикия. Фракийский хилиарх взял кремень и высек искру. Мгновение спустя Маврикий зажег вощеный фитиль. Это был короткий кусок пропитанной воском веревки, один из полевых факелов, которые римские солдаты берут с собой во время кампании.

Чадящего, мерцающего света было достаточно, чтобы озарить окружающее их пространство. Велисарий начал быстрый осмотр, Маврикий зажег второй вощеный фитиль, который держал Васудева.

Оглядевшись вокруг, Валентин тихо присвистнул.

— Черт побери! Я впечатлен.

На Велисария увиденное тоже произвело сильное впечатление. Подземный акведук, в котором они оказались, был прекрасно сконструирован — он легко подходил под лучшие стандарты римских инженеров. Акведук — кванат, как его называли персы, используя арабский термин — был квадратным в поперечном разрезе, грубо говоря — восемь футов в ширину на восемь футов в высоту. Центральная часть туннеля, примерно четыре фута в ширину, опускалась вниз на два фута. Центральную часть, где обычно текла вода, за исключением паводков в середине весны, покрывал гравий. Бока оказались грубо вымощенными каменными блоками и достаточно широкими, чтобы по ним мог идти человек[1].

За исключением небольшой струйки воды, которая струилась по самому центру, кванат оставался сухим. Сезон только начинался, и большая часть снега еще не растаяла.

— Какой тут угол наклона, как думаешь, Маврикий? — спросил Велисарий.

— Я похож на инженера? — проворчал хилиарх.— Не имею ни малейшего...

— Градусов двадцать,— перебил Васудева.— Может, и тридцать.

Кушан нежно улыбнулся. В мерцающем свете факела он казался ухмыляющейся горгульей.

— Это горная местность, как и моя родина. Здесь нет никаких пологих римских склонов.— Он показал факелом.— Туда. Благодаря наклону легко определить направление. Но нам далеко идти.

---

[1] Акведук — желобочный водовод, перекрытый сверху для предохранения от загрязнения и испарения. Их впервые стали строить римляне. Самый длинный из 14, построенных римлянами, имел протяженность 132 км. *(Прим. перев.)*

Он пошел первым, следуя по выступу справа.

— Нам предстоит долгий путь,— весело бросил он через плечо.— Изматывающий. В особенности для римлян, привыкших к философским склонам и поэтическим холмам.— Он хрипло рассмеялся.— Ха!

* * *

Час спустя Валентин начал жаловаться.

— Хватило бы места лошадям,— стонал он.— Здесь достаточно места.

— А как бы ты спускал их вниз? — спросил Анастасий.— И в любом случае какая бы от этого была польза?

Гигант посмотрел на каменный потолок. В отличие от других, Анастасий решил идти по центральному желобу кваната. С краю ему пришлось бы сутулиться.

— Самое большее, восемь футов,— объявил он.— Ты не смог бы тут ехать на лошади. Ты все равно шел бы пешком и вел бы недовольных животных под уздцы.

В ответ послышалось бормотание.

— Поэтому хватит стонать, Валентин. В жизни есть худшие вещи, чем долгий путь пешком вверх по склону.

— Что, например? — рявкнул Валентин.

— Например, смерть,— последовал спокойный ответ.

* * *

По пути они миновали множество вертикальных шахт, идентичных той, по которой спустились вниз. Но Велисарий их проигнорировал. Он хотел удостовериться, что они добрались до гор, перед тем как выходить на поверхность.

Через три часа после начала пути они увидели первое ответвление к какому-то выходу — из тех, которые обеспечивали более легкий доступ в кванат. Теперь не требовалось карабкаться вверх по шахте, можно было просто идти пешком по наклонной поверхности. Велисарий поборол искушение. Он хотел подальше зайти в горы перед тем, как выходить на поверхность, подальше от места возможного обнаружения.

Дальше. Валентин снова стал ворчать.

Через два часа — склон теперь стал значительно круче — они добрались до еще одного выхода. Этот был почти ровным, что показывало, как высоко в горы они зашли.

Снова Велисарий испытал искушение. И снова поборол его.

Дальше. Вперед.

Теперь Валентин ворчал безостановочно.

* * *

Через час или около того они добрались до еще одного ответвления, и Велисарий наконец решил, что этот выход безопасен. Когда они вышли на поверхность, то оказались на том же горном перевале, с которого отправились вниз на плато. Спустилась ночь, и местность освещала полная луна.

Было очень холодно. И они очень сильно проголодались.

— Мы встанем лагерем здесь,— объявил Велисарий.— Как только завтра рассветет, тронемся в путь. Надеюсь, часть конницы Кутзеса вскоре найдет нас. Я велел ему постоянно отправлять подразделения на рекогносцировку.

— Которые могли бы сделать то, что только что сделали мы,— проворчал Маврикий.— Главнокомандующий не должен заниматься этой работой.

«Абсолютно верно»,— пришел решительный ментальный импульс от Эйда.

— Абсолютно верно,— эхом отозвались Валентин, Анастасий и Васудева.

Увидев, как четверо мужчин гневно смотрят на него в лунном свете, и чувствуя, как кристалл посылает гневные ментальные импульсы ему в сознание, Велисарий вздохнул.

«Это будет долгая ночь. А завтра — еще более долгий день — если мне повезет, а Кутзес выполнит свою работу. Если же нет...»

Он вздохнул.

«Дни! Дни пути! Придется тащиться через горы, и это плохо само по себе, даже когда каждый шаг не сопровождается укоризненными „Я же тебе говорил“».

— Я же тебе говорил,— последовали неизбежные слова Маврикия.

Глава 3

— Я предупреждал вас,— пробормотал Рана Шанга. Царь раджпутов широкими шагами прошел к колодцу и заглянул в шахту.

Пратап, командующий кавалерийским подразделением, сдержал вздох облегчения. Временами Шанга демонстрировал ужасные вспышки гнева, впадал в дикую ярость. Но на этот раз слова укора звучали скорее философски, чем обвиняющие.

Пратап присоединился к царю у колодца.

— Вы последовали за ними? — спросил Шанга.

Пратап колебался, затем расправил плечи.

— Я отправил несколько человек на разведку. Но там внизу — непроглядная тьма, а у нас не было с собой хороших факелов.

Ничего, что горело бы дольше нескольких минут. К тому времени, как мы наконец разобрали завал и догадались, что произошло, у римлян был по крайней мере час, за который они могли уйти далеко. Мне показалось бессмысленным...

Шанга отмахнулся от дальнейших объяснений.

— Тебе не нужно оправдываться, Пратап. На самом деле я согласен с тобой. Вы почти наверняка не догнали бы их, даже если бы вы...

Он распрямился, закончил осмотр колодца. На самом деле он практически ничего не увидел. Только выложенную камнями шахту, спускающуюся во тьму.

— Судя по твоему описанию гиганта-римлянина, я уверен: это был один из двух личных телохранителей Велисария. Я забыл, как его зовут. Но второго зовут Валентин и...

Уголком глаза Рана Шанга заметил, как Удай поморщился. Удай был одним из непосредственных подчиненных Шанги и следующим за ним по рангу. Как и сам Шанга, Удай находился в шатре императора малва после захвата Ранапура. Император решил проверить, на самом ли деле Велисарий планирует предательство, и приказал ему казнить губернатора Ранапура и его семью. Римский полководец не колебался ни минуты и приказал Валентину выполнить работу[1].

На мгновение, вспомнив, что тогда произошло, Шанга чуть сам не поморщился. Валентин выхватил меч и обезглавил шестерых человек за более короткое время, чем потребовалось бы большинству солдат, чтобы собраться с мыслями. Шанга сам считался одним из величайших мастеров меча в Индии. Валентин был одним из немногих людей, которых встречал Шанга — *очень* немногих,— кого он считал себе ровней. А встретиться с таким человеком там, внизу...

— Я все понял,— твердо сказал он.— В кванате, не имея возможности их окружить, преимущество было бы полностью на стороне римлян.

Рана Шанга отвернулся от колодца и стал пробираться назад среди обломков и прочего мусора.

— Засада провалилась — и все. Такое случается — в особенности, если тебе противостоит такой быстрый и хитрый соперник, как Велисарий.

Шанга увидел впереди Аджатасутру. Наемный убийца стоял у края груды камней, которая недавно была фермой. Шанга остановился и расправил плечи.

— Я не позволю критиковать своих людей,— твердо сказал раджпут, ровным тоном. Он неотрывно смотрел на Аджатасутру, брови сомкнулись над гневно горящими глазами.

---

[1] См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «В сердце тьмы». *(Прим. перев.)*

Аджатасутра улыбнулся и развел руки в успокаивающем жесте.

— Я не произнес ни слова.— Наемный убийца сухо усмехнулся.— На самом деле я с тобой согласен. Единственное, что меня удивило,— это то, что вы подошли так близко, как подошли. По правде говоря, я не воспринимал твой план серьезно. Полководцы, насколько я могу судить по опыту, не проводят рекогносцировку лично.

— Я провожу,— рявкнул Рана Шанга.

— Проводишь,— задумчиво произнес Аджатасутра. Наемный убийца внимательно посмотрел на царя раджпутов. На губах мелькнула улыбка.— Ты был прав, а Нарсес ошибся,— объявил он.— Ты лучше оценил Велисария, чем он.

Аджатасутра снова развел руками.

— Я просто сообщаю о фактах, Шанга, и все. Засада была хорошо подготовлена, и вы почти добились успеха. Но план провалился, как и часто случается в случае засад. Это не вменяется в вину тебе или твоим людям.

Шанга кивнул. Мгновение он изучал стоявшего перед ним человека. Несмотря на то что Шанга обычно очень не любил шпионов малва, в этом случае он не мог не находиться под впечатлением от Аджатасутры. Аджатасутра являлся одним из самых известных и успешных наемных убийц в империи малва. Год назад он был вторым человеком в группе малва, отправленных в Рим, которая организовала восстание против Римской империи. Главным союзником малва из предателей-римлян в этом заговоре считался Нарсес. Восстание — римляне назвали его «Ника» — в итоге провалилось благодаря Велисарию. Но заговорщики были близки к успеху, и империя малва не обвиняла ни Аджатасутру, ни Нарсеса в провале. Эти двое предупреждали Балбана, главу миссии малва, что Велисарий и его жена Антонина ведут двойную игру. По крайней мере, так заявляли и Аджатасутра, и Нарсес — и доказательства, казалось, подтверждали их слова[1].

Поэтому после того, как Нарсеса признали невиновным в поражении, император Шандагупта назначил старого евнуха советником господина Дамодары. Евнух много лет являлся одним из главных чиновников Римской империи и имел большой опыт и обширные знания о хитросплетениях политики, а также степных варварах и полуварварах и их царьках, которые правили в самых восточных провинциях Персии. Он очень помог во время кампании, когда Дамодара и Шанга с боем прорывались на эти территории.

Аджатасутра сопровождал Нарсеса. Он служил римскому предателю в роли первого заместителя или главного помощника, а

[1] См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «В сердце тьмы». *(Прим. перев.)*

также был его ногами и глазами. Несмотря на возраст, старый евнух все еще оставался бодрым и энергичным. Но если требовалось проехать верхом двадцать миль, чтобы проверить, почему провалилась засада, как в данном случае, вместо Нарсеса отправлялся Аджатасутра. Наемный убийца осмотрит место, оценит ситуацию, потом доложит.

Шанга расслабился. На самом деле он обнаружил, что Аджатасутра не грешит «отчетами» в свою пользу, которыми шпионы малва славились среди вассалов-раджпутов. Шанга никогда не станет испытывать искреннюю симпатию к Аджатасутре, поскольку любил наемных убийц не больше, чем предателей, даже переметнувшихся на его сторону, но, если быть честным с самим собой, Шанга не мог найти в Аджатасутре других пороков.

— На самом деле тебе повезло,— заметил Аджатасутра.— Ты не понес больших потерь.

— Убили четверых моих людей! — рявкнул Пратап.— Еще двоих ранили, а еще одного наполовину задавило, когда ферма взлетела на воздух. Он лишится обеих ног.

Аджатастура пожал плечами. В этом движении не было жестокости или безжалостности, он просто философски принимал жизненные факты.

— Могло быть гораздо хуже. Когда Велисарий взорвал стены, большая часть камней осыпалась внутрь. К счастью, он только пытался скрыть свой побег. Если бы его вынудили бороться за свою жизнь, гарантирую: погибла бы половина ваших людей. И очень немногие из выживших остались бы не ранены.

Глаза Пратапа горели от возмущения.

— Я не знал, что ты знаком с Велисарием.— Затем добавил с ухмылкой: — Если не считать поражения в Константинополе.

Аджатасутра внимательно осмотрел разозленного Пратапа. Сам он стоял расслабленно, лицо ничего не выражало.

— На самом деле я с ним не знаком. Я общался с Велисарием только на расстоянии. Но я очень хорошо знаком с его женой Антониной. Знаете, Балбан устраивал ей ловушку в Константинополе, как раз в самом конце восстания.

Злость на лице Пратапа сменилась любопытством.

— Я никогда об этом не слышал,— заявил он.

— И я не слышал! — рявкнул Шанга. Царь раджпутов гневно посмотрел на наемного убийцу из малва.— Вы попытались отомстить Велисарию, убив его жену?!

Теперь знаменитый характер Шанги выступал на поверхность. Аджатасутра снова сделал успокаивающее движение, разведя руками.

— Пожалуйста, Рана Шанга! Это была идея Балбана, не моя. И ты не можешь обвинять и его — приказ пришел прямо от Нанды Лала.

Упоминание Нанды Лала не только не успокоило Шангу, наоборот, ярость прорвалась наружу. Но по крайней мере, как видел Аджатасутра, ярость высокого и наводящего ужас раджпута теперь больше не направлялась на него самого. Как знал Аджатасутра, Рана Шанга и начальник шпионской сети всей империи малва друг друга терпеть не могут.

Наемный убийца широко развел руками.

— Я сам считал эту идею бредовой. Я предупреждал Балбана, что он недооценил женщину.

Яростный огонь в глазах Шанги потух, но он понял, на что намекает Аджатасутра.

— Засада провалилась,— сказал Шанга.— И жена Велисария выжила.

Аджатасутра резко рассмеялся.

— Выжила? Ну, можно сказать и так. Но точнее будет сказать: она сама устроила засаду и прикончила большую часть головорезов Балбана.

К этому времени все находившиеся поблизости раджпуты сгрудились вокруг них — как и личное окружение Раны Шанги, так и кавалерийское подразделение Пратапа. Как и все воины во всех странах, они любили послушать занимательные истории. Увидев, что собравшиеся слушают его с интересом, а ярость Шанги сходит на нет, Аджатасутра расслабился. Он вытянул вперед руку, примерно в пяти футах над землей.

— Знаете ли, она — невысокая женщина. Примерно такая, не выше. Но с пышными формами. Красивая, хорошо сложена...— он сделал многозначительную паузу.— Но...— он улыбнулся.— Ее отец был возничим на колеснице. Говорят, он научил ее пользоваться ножом. Но я почти не сомневаюсь, что и муж ее кое-чему обучил. Вероятно, он приказал одному из своих людей — да хотя бы тому же убийце Валентину — отточить ее мастерство.

Аджатасутра замолчал, чтобы удостовериться: окружающие его люди слушают с повышенным вниманием. Потом заговорил вновь:

— Поняв, что Балбан отправил за ней группу уличных головорезов, Антонина забаррикадировалась в кухне небольшого магазинчика, торгующего пирожками и прочими сладостями. Сам я внутрь не заходил — я следил снаружи, но она, очевидно, полила нападавших мясным бульоном, а потом начала рубить их мясницким ножом. Лично убила нескольких перед тем, как ей на помощь прибыл один из катафрактов Велисария. После этого...— Аджатасутра пожал плечами.— Один катафракт против горстки уличных головорезов.

Все кавалеристы-раджпуты, которые окружали Аджатастуру, были ветеранами. Они удовлетворенно заворчали. Да, римские катафракты считались их врагами, но...

Уличные головорезы — против *солдата*?

— И все это сделала женщина? — спросил один из раджпутов. Теперь довольное выражение исчезло с его лица. Он выглядел почти оскорбленным.— *Женщина*?

Аджатасутра улыбнулся. Кивнул. Снова вытянул вперед руку.

— Маленькая симпатичная женщина,— сказал он весело.— Не выше вот этого.

Наемный убийца бросил взгляд на Рану Шангу. Увидел, что ярость с лица царя раджпутов полностью ушла. Ее заменило выражение, которое, как подумал Аджатасутра, казалось почти грустью.

Странно.

Шанга резко развернулся и широкими шагами направился к лошади.

— Поехали,— приказал он.— Здесь больше нечего делать. Я хочу вернуться к армии до наступления темноты.

Сев в седло, он в последний раз быстро осмотрел место.

— Засада провалилась,— объявил он.— И все.

* * *

Этой же ночью, стоя перед своим шатром в огромном лагере, разбитом армией Дамодары, Рана Шанга изучал горы, маячившие на западе. Полная луна освещала их серебряным светом, и в нем они выглядели очень красивыми. Но в бледном мерцании было что-то зловещее. Эти горы почти казались прозрачными. Их было также трудно разглядеть в деталях, а не только в общих чертах, как трудно прижать к стене человека, который прячется где-то среди них.

— Как жаль, что мы не убили тебя,— прошептал Шанга.— Тогда нам стало бы гораздо легче. Но опять же...

Он вздохнул, отвернулся, откинул кусок ткани, закрывающий вход в шатер. В последний раз взглянул на луну, висевшую высоко в небе и светившую серебряным светом, затем вступил во тьму. Он вспомнил еще одну ночь, когда точно так же смотрел во тьму, после разграбления покоренного Ранапура. Вспомнил свои мысли той ночью. Те же мысли вертелись у него в голове и сейчас.

«Как жаль, что ты мой враг. Но... Я дал клятву».

* * *

В это же самое время Велисарий смотрел вниз на плато с горного перевала и изучал мерцающие огни костров в далеко расположенном армейском лагере малва. Наступил следующий день после засады, и прибыла его собственная армия. Римские войска стояли лагерем примерно в полумиле ниже гребня гор.

Велисарий больше не оценивал размеры вражеской армии. С этим он покончил. Он просто раздумывал об одном человеке, который, как он знал, находился среди этого огромного воинства.

«Все было очень хорошо подготовлено, Шанга. Прости, что разочаровал тебя».

Эта мысль не была злобной. На месте Шанги он сделал бы то же самое. Велисарий снова задумался об ироничности ситуации. В мире мало людей, которых он бы боялся так, как Рану Шангу. Тигр в человеческом облике.

Но тем не менее...

Он вздохнул и отвернулся. Они снова встретятся с Шангой.

Велисарий стал в полутьме пробираться вниз по тропе и вспомнил о послании, которое Великие передали Эйду и расе кристаллов. О секрете, по крайней мере его части, который эти вызывающие благоговение сущности передали созданным ими же самими кристаллам, когда кристаллам стали угрожать «новые боги».

Руководствуясь этим посланием, кристаллы послали Эйда назад во времени, чтобы найти «полководца, но не просто воина». Великие понимали целостность человеческой души. Они произошли от человеческой плоти — хотя в них не осталось и следа этой плоти — и понимали все секреты человеческой души и ее противоречия.

«Узри врага в зеркале»,— Эйд послал ментальный импульс в разум полководца, напоминая о содержании послания Великих.

Внезапная глубокая грусть охватила Велисария.

«Друга через поле брани»,— добавил Эйд.

Глава 4

Аксумское царство
Весна 532 года н.э.

Антонина покачала головой, с благоговением, но недоверчиво.

— А кого-нибудь убило, когда он упал? — спросила она.

Стоявший рядом с нею Эон слегка пожал массивными плечами.

— Никто не знает, Антонина.— На мгновение смуглое лицо принца Аксумского царства исказила гримаса смущения.— В то время мы все еще были язычниками. А все рабочие, вероятно,— рабами. В те времена аксумиты держали большое количество рабов. До того, как мы приняли учение Иисуса Христа,— добавил он быстро.

Антонина с трудом сдержала улыбку. В конце концов полуизвинения в ответе Эона были излишни. Они не требовались. Если вспомнить римских правителей...

— Пожалуйста, Эон! Ты не должен извиняться за варварство твоих предков-язычников. По крайней мере, ваши цари древности не устраивали гладиаторских боев и не скармливали христиан львам.

Бессмысленно. Судя по выражению лица Эона, она сразу же могла сказать: ее попытка успокоить его полностью провалилась.

— Не христиан, нет,— пробормотал Эон.— Но...— Он снова пожал своими невероятными плечами.— Ну... Здесь в Африке было много крупных животных. Львы, слоны. И, кажется, цари древности...

Он снова пожал плечами. Но жест на этот раз не содержал ни извинения, ни смущения. Это было движение могучих плеч молодого принца, который на самом деле не склонен тушеваться или держаться в тени.

— Теперь все прошло,— заявил он.— Мы ввели христианские принципы правления двести лет назад.— Он показал пальцем на огромный обелиск перед ними.— Мы оставили его здесь, как напоминание о наших царях. О языческой ошибке — царской грандиозности.

Глаза Антонины вернулись к обсуждаемому предмету. Эон привел ее сюда из царской резиденции, которая располагалась в миле на юго-запад — комплекс зданий именовался Тааха Мариам — для продолжения ознакомительного тура по столице Аксумского царства, которое в будущие столетия назовут Эфиопией. Они начали обзорную экскурсию рано утром, и Эон показал Антонине великолепные церкви, украшающие город. Церкви, в особенности собор, который аксумиты называли Мариам Тсион, были гордостью Аксумского царства и столицы — Аксума. Но затем, в середине дня, принц настоял на том, чтобы показать ей и это.

Это был обелиск, лежавший на боку, сломанный в нескольких местах. Огромные куски валялись на гробницах дохристианских царей, и монумент воспринимался как нелепый памятник древним ошибкам. Больше всего остального он напоминал Антонине огромную каменную змею, которая пробирается через аксумские возвышенности.

Как объяснил Эон, обелиск упал, когда его пытались установить. Уставившись на него, Антонина вполне могла поверить в это. Из-за того, что он разбился и его части валялись на земле, было трудно судить о его величине, но Антонина решила: этот обелиск значительно превышает размерами все, что когда-либо создавали даже древние египтяне. Только царь, объятый манией грандиозности, мог додуматься приказать смертным воздвигнуть такое нелепое и бессмысленное сооружение.

Она слегка содрогнулась, подумав о людях, которые, вероятно, попали в капкан, когда обелиск упал. Падая, он разбил несколько гробниц. Наверное, кровь и разорванная плоть рабов какое-то время украшали могилы, где лежали царственные кости.

Эон неправильно понял ее движение.

— Ты замерзла! — воскликнул он.— Я не подумал о тебе. Я забыл, что ты непривычна...

Она отмахнулась от его извинений.

— Нет, нет, Эон. На самом деле я не замерзла. Я просто думала...

Она замолчала и снова содрогнулась. Да, ей холодно, как она внезапно поняла. Она всегда думала об Африке, как теплой земле. Но основная часть Аксумского царства лежала среди возвышенностей. Да, столица находилась в обширной плодородной долине под названием Хацебо, значительно ниже гор, которые величественно возвышались со всех сторон. Но все равно столица лежала в миле над уровнем моря.

— Возможно, нам следует вернуться в Тааха Мариам,— признала она. Немного поспешно, чтобы предотвратить новый поток извинений, добавила: — Твоему отцу может не понравиться наше долгое отсутствие.

На самом деле, как она знала, отец Эона — негуса нагаст, или царь царей, как его официально именовали — ни в коей мере не станет возражать против ее отсутствия. Антонина не сомневалась: царь Калеб, наоборот, приветствует ее долгое отсутствие днем в царской резиденции. Это дает ему время проконсультироваться с советниками перед тем, как дать ответ на предложения Римской империи.

Антонина и сопровождающие ее лица прибыли в город Аксум неделю назад. Название столицы дало название и всему государству, как и в случае Римской империи. Аксумское царство никогда прежде не принимало такую важную делегацию и таких высокопоставленных лиц Римской империи. После перехода Аксумского царства в христианство под руководством миссионеров, известных, как «девять святых», аксумиты поддерживали теплые отношения с великой империей на севере. Но за исключением торговли, контактов было мало, в особенности официального обмена дипломатическими миссиями. Так было раньше — до приезда Антонины во главе небольшой армии, вооруженной новым странным пороховым оружием, со множеством предложений от римского императора.

Когда они стали пробираться между камней, оставшихся от древних царей, Антонина снова обнаружила, что старается не улыбнуться. Она прекрасно понимала, что царь Калеб хочет потратить день — по крайней мере! — чтобы подумать о предложениях Рима.

В конце концов, эти предложения едва ли можно назвать туманными и не имеющими значения фразами, типичными для дипломатического общения.

«Рим принимает предложение Аксума о союзничестве в борьбе против империи малва. Для достижения нашей общей цели уничтожения чудовищного королевства, мы предлагаем:

Рим обеспечит Аксум пороховым оружием и специалистами, которые обучат аксумитов их использованию и производству.

Аксум предоставит флот, необходимый для поддержания восстания в Южной Индии. Аксумские корабли прорвут блокаду берега Махараштры, чтобы доставлять вооружение и боеприпасы, предоставленные Римом.

Аксум также предоставит флот, необходимый...»

Ее мысли оборвались. Они с Эоном оставили руины позади. Когда они пробирались вокруг еще одного полуразрушенного строения, она заметила фигуру, маячившую у одной из гробниц на самом краю места захоронений.

Для разнообразия Усанас не улыбался. На самом деле он определенно выглядел недовольным.

Теперь Антонина не делала попыток скрыть улыбку.

— В чем дело, Усанас? — крикнула она.— Твой философский подход к жизни временно оставил тебя? Позор, позор! Что бы сказали стоики?

Усанас покачал головой.

— Стоики проповедовали спокойствие и безмятежность перед лицом жизненных трагедий и больших неприятностей.— Он нахмурился.— Они не растрачивали свои бесценные знания на мелкие раздражители. Такие, как потеря половины дня, пока глупый молодой принц показывает легкомысленной женщине, у которой слишком много свободного времени, неизбежные результаты стремления к величию: урок, который любой ребенок усваивает, когда в первый раз грубит старшим,— Усанас сурово нахмурился.

Антонина с Эоном добрались до края поля. Усанас выпрямился; до этого он стоял, облокотившись на одну из гробниц. Движение выглядело очень грациозным, в нем не было ничего лишнего, Усанас даже не покачнулся, как покачнулось бы большинство людей. На одном из могучих предплечий Усанаса имелся шрам, оставленный пантерой, которую он убил много лет назад. Высокий африканец победил в той схватке, как и во многих других, поскольку обладал хитростью, грациозностью и силой великих охотников из животного мира африканского континента. Несмотря на то что Усанас всячески унижал особ королевской крови — что являлось его обязанностью как дававза принца Эона,— сам по себе он представлял величественную фигуру.

Антонина все еще улыбалась. Она показала через плечо большим пальцем на огромный участок с памятниками позади себя.

— Я думала, ты одобришь эту экскурсию,— сказала она.— Как помощь твоей задаче. Это же показ результатов излишнего самомнения особ королевской крови.

Усанас кисло посмотрел на каменные развалины, о которых шла речь.

— Чушь,— с силой сказал он.— То, что это гротескное и бесполезное поле не сравняли с лицом земли, само по себе является доказательством глупости особ королевской крови. Кто, кроме царей-кретинов, станет тратить такой участок хорошей земли для такой тривиальной цели? Ребенку достаточно помнить о своих последних синяках.

Он пошел прочь, направляясь в Тааха Мариам.

— Было бы гораздо полезнее, если бы мы раз или два в год вытаскивали негусу нагаста из дворца и хорошенько пороли.— Он повторил жест Антонины и показал большим пальцем на руины за спиной.— Тогда мы могли бы превратить этот участок в хорошую ферму. Растить злаковые для детей бедняков. Кормить бедного давазза, который ослаб после бесконечного сизифова труда.

Антонина бросила взгляд на Эона, который шел рядом с ней. Она ожидала, что лицо принца исказит гримаса или он нахмурится после немыслимых предложений Усанаса. Но, к ее удивлению, Эон хитро улыбался. Ему было весело.

Похоже, давазз хорошо выполнил порученное ему задание. С другим даваззом и принц мог бы стать другим.

— А кто выполнит всю работу, Усанас? — спросил принц.— Кто потащит огромные камни, тысячи камней, с этого поля? Очень тяжелая работа. День за днем и снова. Вероятно, для этого потребуются годы. Ты этим займешься?

Ответом послужило фырканье Усанаса.

— И я так подумал,— задумчиво продолжал Эон.— Ни один человек в здравом уме не станет ею заниматься. То есть ни один свободный человек. Поэтому нам придется восстановить массовое рабство. Дать царю Калебу целую армию рабов — снова — как в старые времена.

Улыбка Эона не полностью соответствовала той, которую обычно демонстрировал давазз, но принц подошел довольно близко.

— Поэтому, чтобы достичь твоей цели унижения особ королевской крови, нам придется поднять царскую семью до древнего грандиозного статуса,— весело сделал вывод Эон.— Ты отлично придумал, Усанас! — Принц покачал головой, показательно изображая досаду и огорчение.— Мне стыдно! Все эти годы я считал, что твое навязчивое пристрастие к философии — это просто потеря времени. Но теперь я вижу...

— Достаточно! — перебил Усанас.

Давазз резко остановился и уставился на далекие горы, которые окружали долину Хацебо. Выражение его лица изменилось — от гримасы раздражения к задумчивости.

— Видишь те горы? — спросил он мягко.— До самых великих из них невозможно добраться. Точно так же люди смотрят на

справедливость и правосудие. Недостижимая цель, но та, которую мы никогда не должны упускать из виду. Или мы утонем в сумасшествии ада.

Он надул щеки, затем медленно выпустил воздух.

— Жаль, что демократия не более чем утопия,— задумчиво сказал он.— Но это вместе со многими другими вещами доказали греки. Греки — самые умные люди в мире. Кто еще будет заблуждаться в такой мере, чтобы пытаться управлять страной без царя?

Он грустно покачал головой.

— Все, что они когда-либо делали — это сражались, ссорились и спорили. Бесконечные войны между крошечными государствами — никогда не могли управлять ничем больше города в лучшем случае! — и все зря. Разрушение и уничтожение — просто почитай Фукидида.— Усанас снова покачал головой.— Конечно, в итоге умные люди типа Филиппа Македонского положили конец этим глупостям[1].

Все еще глядя на горы, Усанас тяжело вздохнул.

— Нужно, чтобы были цари и императоры. Без них не обойтись. Кто-то должен отдавать приказы.

Он повернулся и посмотрел на молодого принца, которого ему поручили много лет назад. Теперь он улыбнулся. Это было редкое выражение для давазза. На его лице часто сияла улыбка, подобная маяку. Но Антонина, наблюдая за ним, не помнила, чтобы когда-либо видела такую простую, мягкую улыбку на лице человека по имени Усанас.

— Ты хороший парень, Эон,— сказал охотник.— Завтра тебя провозгласят мужчиной и я больше не буду твоим даваззом. Поэтому я скажу это сейчас и только один раз.

Усанас склонил голову, очень легко.

— Было почетно служить твоим даваззом, и это доставило мне удовольствие. И на самом деле я не думаю, что мой труд был похож на труд Сизифа.

Эон посмотрел вверх на высокую фигуру человека, который направлял его и обучал его и — больше всего — подвергал суровой критике, обуздывал и отрезвлял на протяжении всех этих лет. Его глаза слегка увлажнились.

— А я не смог бы найти нигде в мире лучшего человека на роль моего давазза,— ответил принц.

Осторожно, почти робко Эон протянул руку и положил ее на руку Усанаса.

---

[1] Фукидид (460-400 гг. до н.э.) — др.-греч. историк, автор «Истории», сочинения в восьми книгах, посвященной Пелопоннесской войне 431-404 гг. до н.э.. *(Прим. перев.)*

— Тебе завтра нечего бояться,— тихо сказал принц.

Вернулось нормальное и правильное взаимоотношение между даваззом и принцем. Усанас тут же дал Эону подзатыльник. Очень сильный.

— Глупый мальчишка! — закричал он.— Конечно, мне есть чего бояться! Весь сарв Дакуэн — по крайней мере половина, а это — более чем достаточно, чтобы со мной справиться,— будет меня судить. *Меня*, не тебя!

Он повернулся к Антонине, и его лицо исказила гримаса. Глаза почти вылезли из орбит.

— Аксумские сарвены — самые безжалостные существа во Вселенной! Солдаты — жестокие звери! А этот... этот...— он обвиняюще показал пальцем на Эона.— Этот идиот принц говорит, что мне нечего бояться!

Он вскинул руки вверх.

— Мне конец! — закричал он.— Годы работы — зря! Мальчишка — такой же дурак, как и всегда! — Он снова широкими шагами пошел прочь. Бросил через плечо: — Особы королевской крови глупы по своей природе, как я всегда и говорил. Сарв Дакуэн сделает то, что должен, кретин-который-когда-нибудь-может-стать-царем! Не станет обращать на тебя внимания.

Антонина с Эоном последовали за ним. Они смутно слышали бормотание Усанаса.

— Идиоты аксумиты и их идиотские традиции. Если бы у них было хоть сколько-то ума, то били бы принца вместо бедного даваззa,— последовал глухой стон.— Почему я только пошел на это? Мог бы остаться в Центральной Африке. Делал бы простую безопасную работу. Охотился бы за львами и слонами и занимался бы другими разумными занятиями.

Антонина склонилась к принцу и прошептала:

— А он правда волнуется, Эон? Беспокоится о завтрашнем решении?

Эон улыбнулся.

— Не думаю. На самом деле, скорее, нет. Но ты же знаешь Усанаса. Вся эта философия делает его мрачным.— Выражение его лица немного изменилось.— И он прав в одном. Будет иметь значение только решение сарва Дакуэн, к которому они придут завтра утром. Это не публичная церемония. Туда никого больше не приглашают, даже самого царя. Присутствуют только солдаты моего полка.

Антонина открыла от удивления рот.

— Но... тогда почему пригласили меня? Вчера Вахси попросил меня прийти. Он очень настаивал, а теперь он ведь командует этим полком.

Антонина вопросительно посмотрела на Эона.

— Ты — не гостья, Антонина,— сказал принц.— Тебя пригласили как свидетельницу.

* * *

Когда перед ними замаячила царская резиденция Тааха Мариам, Антонина отбросила задумчивость и вспомнила о своей миссии. Несколькими быстрыми шагами догнала Усанаса.

— На самом деле, я думаю, нам следует посетить гробницу Базена перед тем, как возвращаться в царскую резиденцию,— заявила она.— И находящиеся рядом гробницы, высеченные в скале! Эон мне все рассказал о них.

Усанас резко остановился и посмотрел на нее сверху вниз.

— Зачем? — спросил он и нахмурился.— Это только еще какие-то гробницы, в которых похоронены древние люди, которых обуревали навязчивые смехотворные идеи об их важности для природы вещей.— Он фыркнул и добавил: — Кроме того, они пустые. Воры — умные люди! — давно их разграбили.

Антонина терпеливо объяснила.

— Усанас, я на самом деле думаю, что негусе нагасту требуется целый день для совещания со своими советниками без присутствия на нем посла Римской империи. По правде говоря, два полных дня, поскольку завтра я целый день буду занята на церемонии в сарве Дакуэн.

Усанас не успокоился. Как раз наоборот.

— Отлично,— проворчал он.— Я забыл. Одна из свидетельниц разумности принца — это сама сумасшедшая. Приехала в Аксумское царство, чтобы предложить ввязаться в войну против самой могущественной в мире империи, и только по одной причине: потому что ее мужа посещают видения.

Он снова пошел вперед. Правда, теперь направился к гробнице Базена на востоке. Антонина с Эоном следовали в нескольких шагах позади.

После того как они прошли несколько ярдов в новом направлении, Антонина повернула голову к Эону. Она собиралась сделать какое-то веселое замечание об Усанасе, но ее внимание привлекло движение у Тааха Мариама.

Три человека бежали со стороны царской резиденции, словно за ними гнался лев. Двое из них были аксумитами, но третий...

Она остановилась и зашипела. Эон повернул голову и проследил за направлением ее взгляда.

Третий из бегущих от Тааха Мариама заметил их. Он резко остановился, чуть не упал и уставился на них. С такого расстоя-

ния — возможно, ярдов пятьдесят — Антонина не могла четко рассмотреть черты его лица, но две вещи были очевидны.

Первое: это индус. Второе: он ругался.

Мгновение спустя человек снова побежал.

— Усанас! — крикнул Эон.

Но охотник уже заметил троих мужчин. И быстрее, чем Антонина или Эон, догадался о правде. Усанас прыгнул на Эона и Антонину, как лев, схватил каждого одной рукой и бросил на землю.

От падения у Антонины перехватило дыхание. Затем последовал взрыв невероятной силы, после которого она оказалась в полубессознательном состоянии.

Она смотрела, парализованная, как взорвалась царская резиденция. Вначале из-за шока она не поняла, что именно видит. Что-то прогрохотало, на самом деле это была серия звуков, быстро следующих один за другим, сливающихся в один, за которыми вверх поднялось огромное облако пыли. Затем Антонина увидела, как двигаются огромные камни. Некоторые из меньших кусков взлетели высоко в небо, но большинство массивных глыб, из которых состояла Тааха Мариам, только приподнялись. Секунды спустя резиденция стала рушиться. Здание, в котором находился тронный зал, обвалилось первым, подобно сломанному мосту. Затем последовала цепная реакция, во время которой падающие стены одной комнаты или здания вызывали также падение соседних. Крики были погребены под грохотом камней. К тому времени, как процесс прекратился, возможно, минуту спустя, более трети царской резиденции Тааха Мариам превратилось в груду камней и обломков. Грохот разрушений смолк и перешел в леденящую тишину — за исключением какого-то слабого крика боли, который разносился по покрытой пылью местности, подобно растекающемуся следу крови.

Задолго до этого Антонина поняла, что произошло. Первый порыв ветра, который принес пыль, принес и другой резкий знакомый ее носу запах.

Порох. Много пороха.

Империя малва нанесла удар. Царь Калеб, негуса нагаст Аксумского царства, лежал где-то под этими камнями. Как и его старший сын Вазеб, наследник. И также лежали бы сама Антонина и Эон, если бы она в последний момент не настояла на изменении планов. Она поняла — смутно, все еще пребывая в полубессознательном состоянии — что люди, которые поджигали фитиль, ждали, пока не удостоверились: они с Эоном вот-вот войдут на территорию царской резиденции.

Антонина болезненно поморщилась. Они не будут уверены, пока не поднимут все обломки и не отыщут живых, но она подозревала, что Эон является единственным выжившим из царской семьи. А он

еще даже не мужчина — по традициям его народа, по крайней мере, пока не пройдет завтрашняя церемония.

Эон Бизи Дакуэн, принц Аксумского царства, уже поднялся на ноги. Он смотрел вслед Усанасу. Давазз с огромным копьем в руке несся за тремя людьми, которые совсем недавно покинули пределы Тааха Мариама. Они убежали вперед на двести ярдов и бежали на максимально возможной для них скорости, но Антонине потребовалась лишь секунда, чтобы оценить исход забега.

Эон, очевидно, пришел к тому же выводу. Он сделал два шага в том же направлении, словно собираясь последовать, но остановился.

— Усанас — самый великий охотник из всех охотников, которых видели в Аксуме,— тихо сказал он.— Эти люди — мертвецы.

Он повернулся, наклонился и помог Антонине подняться на ноги. Его лицо казалось лицом гораздо более взрослого человека. Выражение было мрачным и горьким.

— С тобой все в порядке? — спросил принц.— Я должен организовать поиски отца и брата.— Он сморщился, как от боли.— И Зайи, и нашей дочери Мириам, и Тарабай. И моего советника Гармата. Все они находились там.

Она кивнула.

— Я помогу. Несколько моих людей тоже находились в Тааха Мариаме.

Эон обвел разрушение глазами.

— С римской делегацией все должно быть в порядке. Та часть царской резиденции, где вы разместились, все еще стоит.

Они пошли к разрушенной резиденции. Оттуда снова доносились звуки — теперь это были приказы и крики о помощи. Люди уже перемещались по руинам, начинали копать, снимать камни с верха. Один из этих людей заметил Антонину и Эона и закричал от радости, потом понесся к ним.

Его радость была не меньше, чем радость Антонины или Эона. Этого человека звали Вахси, и он командовал сарвом Дакуэн.

Когда-то это был полк принца. Теперь, по всей вероятности, он станет царским полком.

Вахси добежал до них и крепко обнял принца. За ним следовали другие солдаты из сарва Дакуэн и их радость была заметна.

Антонина услышала сдавленный голос принца.

— Собирай весь полк, Вахси. А также сарвы Лазен и Хадефан, если мои отец и брат мертвы. Они также должны присутствовать при принятии решения по Усанасу, если я стану негусой нагастом.

Он высвободился из объятий Вахси. Затем все еще с ничего не выражающим лицом начал отдавать приказы.

— Мы должны обыскать руины. Затем проведем церемонию, как можно скорее. Нельзя терять время. Это не последний удар

малва. Мы вступили в войну, и я намереваюсь не давать им передышки. И никакой пощады.

Вахси кивнул. Его собственное выражение лица было яростным. Как и у других, стоявших вокруг них солдат.

Антонину обуяло внезапное страстное — и очень неподходящее к месту — желание хихикнуть. Она с трудом его поборола.

«Плохой ход, малва. Если бы вам удалось также убить Эона... Но вам не удалось. Плохой ход. Очень, очень, очень плохой ход».

Глава 5

Деогхар
Весна 532 года н.э.

Нанда Лал, начальник шпионской сети империи малва, изучал Деогхар. Окруженный стенами город находился в двух милях от вершины возвышенности, где Нанда Лал стоял всего в нескольких ярдах от шатра господина Венандакатры. Венандакатра расположил свой штаб на единственной возвышенности в этой местности, прилегающий к другой возвышенности, на которой стоял Деогхар. Люди, построившие Деогхар несколько столетий назад, знали, как подготовить город к обороне.

«И очень хорошо его спланировали»,— грустно подумал Нанда Лал.

С крепостных валов Деогхара воины Рао удерживали малва на расстоянии. Это был один из самых укрепленных городов в Индии. Верхняя крепость стояла на скале конической формы, расположенной на возвышенности, которая поднималась на сто пятьдесят ярдов почти перпендикулярно к окружающей долине. Внешняя стена города составляла почти три мили, там также имелись три дополнительные линии укреплений, которые находились между стеной и верхней крепостью. Везде стены были сложены из больших крепких камней, и сложены надежно.

Император Шандагупта отправил Нанду Лала сюда, чтобы определить, почему господин Венандакатра столкнулся с такими трудностями при подавлении восстания на Деканском плоскогорье. Начальнику шпионской сети не потребовалось много времени, чтобы найти ответ. Хватило и часового осмотра Деогхара, в дополнении к тем дням, которые заняло путешествие сюда из Бхаруча. По дороге, когда они пробирались по горам Махараштры, они столкнлись с большим отрядом раджпутов. Все эти дни они ожидали засады от представителей народности маратхи и отбили три из них.

Мрачные мысли прервал резкий крик боли. Кричали где-то за спиной у Нанды Лала. Нанда Лал даже не повернул голову. Он знал источник этого крика. Одного из партизан маратхи, которых поймали раджпуты во время последней засады, сажали на кол.

На мгновение этот звук развеселил его. Но только на мгновение. Во всех городах Махараштры на колах сидели тела мятежников. Тем не менее восстание набирало силу.

Нанда Лал мысленно выругался по адресу Великой Страны. Потом мысленно отругал Рагуната Рао. Потом — «императрицу» Шакунталу. Но больше всего...

Он услышал приближающиеся шаги и мысленно выбранил того, кто к нему приближался.

«Черт тебя подери, Венандакатра! Как тебя еще обругать? Если бы ты не позволил Велисарию обвести себя вокруг пальца и не дал Рао шанс, Шакунтала никогда не стала бы таким шипом у нас в боку».

Он вздохнул и отвернулся от Деогхара. Дело сделано. Как бы ему ни хотелось отругать Венандакатру вслух — а на самом деле посадить *его* на кол — следовало поддерживать сплоченность династического клана малва. Это, кроме всего прочего, было основой успеха малва.

— Видишь? — спросил Венандакатра, когда остановился рядом с Нандой Лалом. Гоптрий Деканского плоскогорья показал пальцем на Деогхар.— Видишь? Разве все не так, как я говорил?

Нанда Лал нахмурился.

— Не надо на меня давить, родственник! — рявкнул он.— Деогхар стоял так же крепко, когда *ты* удерживал его.

Венандакатра покраснел. Но цвет его пухлых щек скорее объяснялся смущением, а не злостью. Он встретил прямой взгляд Нанды Лала и отвел глаза.

Нанда Лал еще повернул кинжал в ране, что было ему свойственно.

— До того, как *ты*, Венандакатра, из-за своей небрежности, позволил Рао и восставшим маратхи взять Деогхар после неожиданной атаки.— Начальник шпионской сети ухмыльнулся.— Несомненно, ты был занят, насилуя очередную девушку из маратхи, вместо того чтобы должным образом выполнять свои обязанности.

Венандакатра сжал челюсти, но ничего не сказал. Его тело с тонкими костями, покрытыми слоем жира, практически тряслось от ярости. Но он все равно ничего не сказал.

Нанда Лал еще выдержал паузу, примерно с минуту. Затем легко пожал плечами и позволил напряжению спасть. Расслабил плечи. Это были крепкие, мускулистые плечи.

— Хорошо,— тихо сказал он.— По крайней мере, мозги ты не растерял.— Затем добавил холодно: — Не позволяй своему тесному родству с императором ослепить тебя настолько, чтобы не увидеть реальность, Венандакатра. Моя родословная равна твоей, и я второй по власти только после самого Шандагупты. Не забывай это.

Нанда Лал хлопнул Венандакатру по плечу тяжелой рукой. Под слоем жира тонкие кости на ощупь напоминали кости цыпленка. Гоптрий Деканского плоскогорья вздрогнул - как от силы этого «дружеского» жеста, так и от удивления.

— Достаточно слов! — громко сказал Нанда Лал. Все еще держа руку на плече Венандакатры, он развернул гоптрия к шатру.

Когда они приблизились к входу в шатер, послышался еще один крик боли. Очевидно, первый пленник из маратхи умер, и на кол сажали второго.

Венандакатра нашел в себе смелость заговорить.

— Следовало воспользоваться более короткой палкой,— проворчал он.

Нанда Лал рассмеялся.

— Зачем беспокоиться?

Он остановился, чтобы посмотреть на казнь. Земля вокруг шатра Венандакатры была вытоптана. Вдоль дороги, которая вела на север в Бхаруч, установили шесть колов. Первый партизан из маратхи уже умер. Второй все еще кричал. Оставшиеся четверо пленников оставались связанными, во рты им вставили кляпы. Кляпы не уберут до последнего мгновения, чтобы маратхи не ругали последними словами йетайцев, исполняющих казни.

— Зачем беспокоиться? — повторил Нанда Лал.— Устрашение необходимо, Венандакатра, но не слишком на него надейся. Великая Страна усыпана скелетами на колах. И много пользы это принесло?

Венандакатра открыл рот, словно собирался оспорить заявление. Но снова ему на помощь пришло благоразумие.

Нанда Лал сделал глубокий вдох, затем медленно выпустил воздух через нос.

— Император и я будем терпеть твой садизм, Венандакатра,— тихо сказал он.— Но до определенного предела. Этот предел наступит, когда твоя похоть помешает выполнению долга.

На протяжении всего этого времени Нанда Лал не убирал руку с плеча Венандакатры. Теперь он толкнул гоптрия, заставляя его войти в шатер.

Внутреннее убранство шатра поражало богатством. Весь пол устилали толстые ковры. Хлопковые стены украшали скульптурные группы, шелковые гобелены, небольшие столики тонкой работы, на которых стояли разнообразные поделки из кости и ювелирные изделия.

Нанда Лал еще раз подтолкнул Венандакатру, на этот раз к огромной груде подушек в центре шатра. Третий толчок заставил Венандакатру растянуться на этих подушках. Теперь гоптрий шипел от ярости, но тем не менее не возражал вслух.

Решив, что достаточно напугал Венандакатру, Нанда Лал осмотрел внутреннее убранство шатра. Его взгляд остановился на группе девушек из маратхи в углу. По оценке Нанды Лала их возраст колебался между десятью и тринадцатью годами. Они были обнажены и скованы цепями. Нынешние обитательницы гарема Венандакатры. Судя по шрамам и синякам и тупом страхе на лицах, они не продержатся дольше своих многочисленных предшественниц.

«Это будет последним шрихом»,— подумал Нанда Лал и повернулся к одному из раджпутов, охранявших вход в шатер.

— Выведите их,— Нанда Лал показал на девушек.— И убейте. Сейчас.

Увидев, как застыл раджпут, Нанда Лал фыркнул.

— Обезглавьте, этого достаточно.

Раджпут натянуто кивнул и приблизился к девушкам. Мгновение спустя он уже выводил их из шатра за цепи.

Девушки не протестовали и даже не пытались сопротивляться. Нанда Лал не удивился. Судя по виду, эти девушки говорили только на языке маратхи. Вероятно, они не понимали по хинди, а даже если и понимали...

Он посмотрел на Венандакатру, хватающего ртом воздух от ярости.

«Вероятно, я сделал им одолжение, и они это знают».

Нанда Лал подождал, пока звуки ударов мечом, отрубающие головы, не донеслись в шатер.

— Итак, Венандакатра, давай займемся твоим долгом. Так, чтобы нас ничто больше не отвлекало. Теперь, после того как я изучил ситуацию, я рекомендую императору удовлетворить твою просьбу об осадных орудиях.

Начальник шпионской сети кивнул на север.

— Но тебе придется удовлетвориться орудиями Бхаруча. Их там шесть, и этого должно хватить. Больше никаких подкреплений не будет. Война в Персии оказалась гораздо более трудной, чем мы предполагали, и все из-за Велисария.

Он пожал плечами.

— В любом случае потребуется слишком много времени, чтобы перетащить осадные орудия через горы Виндхья. И все равно потребуется несколько месяцев, чтобы перетащить сюда тяжелые орудия из Бхаруча.

Судя по выражению лица Венандакатры, он больше не возмущался. Вместо этого на лице появилась злость — злость и удовлетворение.

— Наконец-то! — воскликнул он.— Я возьму Деогхар! — Он сжал костлявые пальцы в кулак.— Рао будет моим! Он и сука из династии Сатаваханы! Я посажу их на кол! Рядом друг с другом!

Нанда Лал изучающе смотрел на него какое-то мгновение.

— Будем надеяться на это, Венандакатра.

Он отвернулся и пошел к выходу из шатра. Там начальник шпионской сети вдохнул свежего воздуха.

«Будем надеяться, Венандакатра. Ради империи. Если бы не это, то я бы желал, чтобы твои планы провалились».

Он посмотрел на место казни. Теперь все шестеро партизан из маратхи были мертвы. Их тела сидели на колах. Головы качались, словно они сокрушались о сестрах, лежавших на земле перед ними. Пять голов и пять обезглавленных тел, обнаженных, в озере крови.

«Ты будешь хорошо смотреться на колу, Венандакатра. На самом деле даже великолепно».

Глава 6

Сурат

Весна 532 года н.э.

Ирина Макремболитисса, посол Римской империи к восставшим в Южной Индии, широкими шагами шла по коридорам небольшого дворца императрицы Шакунталы. Ирина глубоко задумалась. Императрица Андхры — это был слишком громкий титул для молодой девушки, возглавившей восстание против малва, но она имела на него законное право — попросила Ирину прийти в зал для приемов. Похоже, Кунгас наконец вернулся из долгого путешествия в город Деогхар, удерживаемый восставшими. Шакунтала хотела, чтобы посланница Рима присутствовала во время его отчета.

Ирина никогда раньше не встречалась с Кунгасом. Конечно, она о нем слышала. Кунгас являлся одним из главных военачальников маленькой армии Шакунталы. Он удостоился блистательных титулов махаданданаяка и бхатасвапати — «главнокомандующий» и «генерал армии и кавалерии». Он также являлся начальником личной охраны Шакунталы, элитного подразделения, состоявшего только из кушанов.

Перед тем как Ирина покинула Константинополь, Велисарий тщательно описал ей Кунгаса. Он знал кушана по путешествию, Индию, и, очевидно, Кунгас произвел на Велисария большое впечатление. Велисарий не сказал этого прямо, но у Ирины сложилось мнение, что к советам и точке зрения Кунгаса следует подходить очень внимательно и всегда их учитывать.

У самой Ирины имелись сомнения. Она являлась одной из самых успешных начальников шпионских сетей Римской империи — нетипичное занятие для женщины, в особенности гречанки благородного происхождения, и у нее сложилось впечатление, что в основном на мнение военачальников-мужчин сильно влияют воин-

ские достижения других мужчин. Ирина нисколько не сомневалась, что Кунгас добился успехов на поле брани, и там он соображает быстро и способен на военные хитрости. Но это совсем необязательно переводится в навыки, которые необходимы императорскому советнику.

Она шла, опустив голову, своим обычным быстрым, резким, широким шагом. Ирина поджала губы. Она думала, что предстоящее совещание будет трудным.

Молодая императрица боготворила Кунгаса, это очевидно. Зная историю взаимоотношений Шакунталы и Кунгаса, Ирина не находила отношение девушки странным. Кушаны были вассалами малва и Кунгаса назначили охранять Шакунталу после того, как малва покорили империю ее отца Андхру. Кунгас спас ее от изнасилования во время разграбления столицы Андхры, Амаварати. И она оставалась в безопасности у него под охраной, пока ее не спасли Велисарий с Рао. Тогда Кунгас узнал секрет ее спасения, но не открыл рта и удержал информацию в тайне от своих хозяев из малва. В конце Кунгас и подчиненные ему кушаны отказались от служения малва и тайно помогли Шакунтале перебраться в Южную Индию. С тех пор они неоднократно спасали жизнь Шакунталы во время нападений наемных убийц малва.

Но факт оставался фактом: Кунгас — не более чем полуварвар. Скорее всего, он даже неграмотен.

Ирина без особого удовольствия думала о предстоящем совещании. Ей придется осторожно выбирать курс и следить, чтобы одновременно не оскорбить императрицу и...

Не обращая внимания ни на что, кроме собственных мыслей, Ирина оказалась на пересечении с другим коридором и врезалась в препятствие, которое не заметила заранее.

На мгновение она чуть не потеряла равновесие. Правда, успела в отчаянии вытянуть руку и схватиться за предмет, в который врезалась. И только это помогло ей не распластаться на спине.

Она в удивлении подняла голову и уставилась на статую степного воина. Если быть абсолютно точными, то в лицо статуи. Бронзовую, застывшую маску, очевидно часть отлитой единой скульптуры. Напряженная, застывшая, неподвижная статуя. Хорошо сделана, отметила она, причем доспехи и стянутые в хвост волосы очень похожи на настоящие.

Но художественное исполнение работы нисколько не смягчило ее гнев.

— Какой идиот оставил статую в середине коридора? — злобно зашипела она. Затем, после секундного осмотра, добавила: — И к тому же эта проклятая штуковина еще и уродлива.

Статуя шевельнулась. По крайней мере, ее губы. Ирина так удивилась, что подпрыгнула.

— Лошади считают меня симпатичным,— сказала статуя на понятном греческом, хотя и с сильным акцентом.— Тогда почему бы они стали меня так игриво покусывать?

Ирина резко вдохнула воздух и закрыла ладонью рот. Сделала пару шагов назад.

— Ты — настоящий!

Статуя посмотрела вниз на свое тело.

— Так мне говорит мой ученый друг Дададжи,— сообщила статуя.— Но я сам никогда не занимался изучением философии, поэтому не могу в этом поклясться.

Несмотря на свое удивление, Ирина соображала быстро.

— Ты, вероятно, Кунгас,— заявила она.— Подходишь под описание Велисария.

Вначале Ирина подумала, что сама на несколько дюймов выше его. Но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что Кунгас ниже ее не больше чем на один дюйм. Он просто был так крепко сложен, с такой широкой грудной клеткой и огромной мышечной массой, что казался ниже, чем на самом деле. Кроме этого все его тело — в особенности лицо — выглядело, словно сделанное из металла или отполированного дерева, а не из плоти. Ирина не думала, что когда-либо в жизни видела человека, который казался бы настолько крепким и твердым. Весь.

Черты лица были типичными для кушанов. Азиатские, степные черты — желтая кожа, приплюснутый нос, раскосые глаза, крепко сжатые губы. Клочковатая редкая бородка напоминала козлиную, усы над верхней губой представляли собой только тонкую линию волосиков. Большая часть головы была выбрита, оставшиеся грубые черные волосы собраны в хвост.

Кунгас в это время осматривал Ирину. Его следующие слова поразили ее почти так же, как и их столкновение.

— У тебя красивые глаза,— объявил он.— Очень умные. А поэтому я удивлен.

Ирина нахмурилась.

— Чему ты удивлен?

— Почему на тебе такой глупый наряд? — спросил он, показывая на тяжелые римские одежды.— В этом климате?

Губы Кунгаса, казалось, слегка изогнулись. Ирина подумала, что он, наверное, так улыбается. Она не была уверена.

— Не сомневайся: в Индии много глупых традиций,— продолжал он.— Но женщины ведут себя разумно в том, что касается одежды. Тебе будет гораздо лучше в сари, или если ты оставишь талию открытой.

Ирина улыбнулась.

— Я — дипломат,— объяснила она.— И, как посол, я должна выглядеть достойно. В особенности поскольку я — женщина. Все

смотрят на эту абсурдную одежду, а не на меня. Поэтому они все видят Римскую империю, а не иностранную *женщину.*

— А,— кивнул Кунгас.— Хорошо продумано.

— Наверное, ты направляешься в зал для приемов,— сказала Ирина и вопросительно склонила голову.— Императрица будет очень рада видеть тебя. Думаю, ей тебя не хватало. Хотя сама она ничего не говорит.

Теперь наконец Кунгас по-настоящему улыбнулся.

— Она никогда не говорит. Чтобы люди не увидели неуверенную девушку вместо правительницы Андхры.

Он легко поклонился.

— Посол Рима, я должен отчитаться перед императрицей. Могу я проводить тебя в зал для приемов?

Ирина поклонилась в ответ и благосклонно кивнула. Ирина вместе с Кунгасом пошли рядом, направляясь к большим двойным дверям в конце коридора.

Уголком глаза Ирина изучала Кунгаса. Ее очаровывало то, как он двигался. Бесшумно, но уверенно — скорее, как кошка, а не крепко сложенный, тяжелый мужчина. Но в основном ее очаровывал сам Кунгас. Он казался такой крепкой, твердой, непробиваемой статуей. Но она не упустила и добрый юмор, и ум, скрывающиеся под бронзовой оболочкой.

Затем она посмотрела прямо перед собой и слегка тряхнула головой.

«Ты — римский посол,— напомнила она себе. На мгновение пальцы сжали тяжелые одежды.— Поэтому просто забудь об этом, женщина. Кроме того, этот мужчина даже не умеет читать».

* * *

— Сколько времени, по мнению Рао, потребуется Венандакатре, чтобы доставить эти осадные орудия? — спросила Шакунтала. Императрица сидела на плюшевой подушке в позе лотоса, тут она склонилась вперед. Она нахмурилась, подобно школьнице, которая пытается понять урок.

Ирину не обмануло сходство Шакунталы с молодой ученицей. «Это — правительница, и она очень встревожена»,— подумала Ирина, наблюдая за ней со своего места у восточной стены небольшого зала для приемов.

Переводчик Ирины склонился к ней и зашептал, но она жестом попросила его помолчать. Ее хинди стал значительно лучше, и она теперь могла следить за дискуссией. Ирина всегда имела склонность к изучению языков — этот талант был необходим для начальницы шпионской сети Римской империи, где люди разговаривали

на множестве языков, а перед отъездом из Константинополя ее обучал Велисарий. Месяцы, проведенные в Сурате, она находилась в многоязычной среде. Тут говорили на хинди и языке маратхи. Как и большинство индийских монархов, Шакунтала пользовалась хинди при дворе, но Ирина также начала изучать и язык простых людей Махараштры.

— Сколько времени? — повторила императрица.

Кунгас тоже сидел в позе лотоса. Тут он пожал плечами.

— Трудно сказать, Ваше Величество. Тут вовлечено много факторов. Осадные орудия находились в Бхаруче. Венандакатра таким образом вынужден тащить их через Великую Страну. Очень трудная местность, как тебе известно, и тянуть по ней тяжелые орудия крайне сложно. А партизаны Рао осуществляют набеги на колонну малва.

— Он в состоянии остановить малва? — спросила Шакунтала.— До того, как они доставят орудия к Деогхару?

Кунгас покачал головой. Как и все движения этого человека, покачал только слегка, но тем не менее твердо.

— Нет шансов, Ваше Величество. Он может замедлить процесс, но у него нет сил, чтобы остановить его. Венандакатра усилил эскорт, сопровождающий орудия, всеми свободными воинскими подразделениями, имеющимися в его распоряжении. Венандакатра не может взять Деогхар без этих орудий, а с ними он не может провалиться. Любое из этих орудий является достаточно мощным, чтобы разбить стены Деогхара, а у него их шесть.

Шакунтала поморщилась. На мгновение показалось, что лицо Кунгаса смягчилось. Совсем чуть-чуть.

— Есть и положительные моменты, Ваше Величество,— добавил Кунгас.— Подлый был вынужден прекратить набеги на ближайшие территории. Он не может выделить для этого людей. Все кавалерийские подразделения, кроме блокирующих Деогхар, отправлены охранять колонну, которая везет орудия.

Шакунтала потерла лицо. Несмотря на юность, это был жест немолодого, усталого человека. Как знала Ирина, зверства Венандакатры на землях маратхи угнетали душу девушки. Даже по стандартам малва Венандакатра был настоящим зверем. Официально Венандакатра носил титул гоптрия Деканского плоскогорья, или «хранителя болот», и был назначен императором малва для подавления самой неуправляемой провинции. Но сами маратхи называли этого человека только Подлым.

Шакунтала прекратила тереть лицо. На это ушло всего несколько секунд. Вернулись ее природная энергия и напористость.

— Значит, это ложится на нас,— объявила она.— Мы обязаны помочь Рао.

Двое офицеров из кавалерии из народности маратхи, которые сидели рядом с Кунгасом, пошевелились и обменялись взглядами. Старший из них, полководец по имени Шахджи, откашлялся и заговорил:

— Не думаю, что это разумно, императрица. Мы смогли удержать Сурат и побережье, но наши войска все еще недостаточно сильны, чтобы заменить Рао в Деогхаре.

— Если только не возьмем всю нашу армию,— подключился Кондев, другой полководец из маратхи.— Но это оставит Сурат беззащитным.

Лицо Шакунталы напряглось. Кондев надавил еще:

— У вас и здесь есть обязанности, Ваше Величество.

— Я не могу просто позволить малва разбить Рао! — рявкнула императрица. Она гневно посмотрела на двух полководцев из маратхи, командующих кавалерией.

Вмешался главный советник Шакунталы Дададжи Холкар. Как и всегда, ученый пешва, или премьер, как Ирина перевела термин, говорил мягко и спокойно. И как и всегда, его тон успокоил императрицу.

Хотя, как подумала Ирина, сами слова не успокоили.

— Есть другая альтернатива, Ваше Величество.

Казалось, Шакунтала восприняла заявление Холкара, как удар или суровый укор. Молодая императрица сморщилась, и Ирине даже показалось, что Шакунтала даже сжалась, уменьшившись в размере.

Холкар на мгновение поджал губы. Ирине его глаза казались грустными.

Грустными, но целеустремленными.

— Если мы будем настаивать и поставим это условием заключения брака, я уверен: правители Чолы пришлют армию,— продолжал он.— Достаточно большую армию, чтобы оказать помощь Деогхару так, что нам не потребуется оставлять Сурат.

Холкар бросил быстрый взгляд на Кунгаса.

— В свое время я посчитал Кунгаса неразумным, когда он убеждал тебя отклонить предложение о вступлении в брак с принцем Тамрапарни. Но его совет оказался правильным. Чолы в самом деле сделали лучшее предложение.

Его взгляд вернулся на императрицу. Все еще грустный, но все равно целеустремленный.

— Как ты сама знаешь,— сказал он мягко, но делая ударение на каждом слове.— Я зачитывал тебе текст их предложения на прошлой неделе. Ты сказала, что хочешь над ним подумать. Я считаю, что время раздумий прошло.

Холкар снова бросил взгляд на Кунгаса. На самом деле на этот раз взгляд задержался подольше. Наблюдавшая за ними Ирина

удивилась взгляду Холкара. Казалось, в нем больше злости, возможно, раздражения и опасения, чем восхищения и одобрения. И она также обратила внимание, что сама императрица как-то странно глядит на Кунгаса. Словно молит его о чем-то.

Со своей стороны Кунгас посмотрел на них, не выражая ничего вообще. Лицо-маска оставалось невозмутимым.

«Что-то здесь происходит»,— подумала Ирина.

Когда другие советники начали говорить, также настаивая на вступлении императрицы в брак, Ирина стала размышлять над ситуацией. Ее острый ум рассматривал разные возможности. Она знала, что правитель Чолы предложил Шакунтале вступить с брак со своим старшим сыном. Ирина узнала об этом практически одновременно с Шакунталой. Греческая шпионка начала создавать свою собственную сеть информаторов с самого момента прибытия в Индию. Но тогда Ирина просто отложила информацию в памяти для размышления в будущем.

Несколько недель назад Ирина поняла, что тема возможного династического брака Шакунталы является источником значительного напряжения во дворце. Результатом такого брака тут же станет улучшение позиций молодой императрицы. Тем не менее Шакунталу, очевидно, не радовала перспектива, и она избегала этой темы, когда бы ее ни поднимали ее советники.

Вначале Ирина приписывала колебания Шакунталы естественному нежеланию волевой девушки-правительницы отдавать любую часть своей власти и независимости. (Отношение, которое Ирина при своем темпераменте и характере прекрасно понимала.) Однако по мере прохождения времени Ирина решила: дело не только в этом.

Молодая императрица никогда не обсуждала вопрос, если только с политической или военной точки зрения, но Ирина подозревала, что в отношении Шакунталы к Деогхару есть и что-то личное. К Деогхару — и, если быть более точными, человеку, который командует там силами восставших.

Ирина никогда не встречалась с Рагунатом Рао лично, как и с Кунгасом до сегодняшнего дня. Но Велисарий и о нем говорил неоднократно — и даже больше, чем о Кунгасе. К своему удивлению, Ирина в свое время поняла, что Велисарий в некоторой степени испытывает благоговение перед этим человеком — а подобного Ирина никогда не замечала в римском полководце ни по отношению к какому-либо другому человеку.

Рагунат Рао. Она про себя произнесла это великолепное, овеянное славой, экзотически звучащее имя. Она только краем уха слушала полные энтузиазма речи младших советников. (Но обратила внимание, что все они соглашались с пешвой Дададжи Холкаром. Однако еще не выступал Кунгас.)

Пантера Махараштры. Ветер Великой Страны. Национальный герой маратхи и легенда всей Индии. Единственный человек, который смог на равных сражаться с царем раджпутов Раной Шангой. Тот продолжавшийся целый день поединок один на один закончился ничьей.

Рагунат Рао. Ко всему прочему — один из величайших наемных убийц Индии. Человек, который убил — один, без чьей-либо помощи! — две дюжины охранников Шакунталы во дворце Подлого, чтобы спасти Шакунталу из плена после того, как Велисарию хитростью удалось снять с поста Кунгаса и подчиненных ему кушанов.

Рао, страстный приверженец Андхры, сделал это, чтобы спасти законную наследницу династии. Да, конечно. Но он также спасал девочку, которую обучал с возраста семи лет, после того как ее отец, император Андхры, отдал ее на воспитание прославленному воину из народности маратхи. К этому времени взаимная привязанность Рао и Шакунталы сама по себе стала легендой.

Внешне это была привязанность молодой девушки и старшего по возрасту учителя и наставника. Но Ирина подозревала, что под поверхностью лежат более страстные чувства. Чувства, которые, возможно, гораздо сильнее, поскольку о них никогда не говорили, их не проявляли и ими не руководствовались ни девушка, ни мужчина.

Младшие советники все еще говорили, поэтому Ирина продолжила размышления. У Ирины имелось собственное мнение относительно вопроса будущего династического брака Шакунталы. Это мнение все еще было предварительным и предполагаемым, но ей казалось, что советники Шакунталы упускают...

Ее мысли прервались. Наконец заговорил Кунгас.

— Я не согласен. Я думаю: все это — преждевременно.

Его слова звучали гораздо значительнее благодаря манере произнесения — абсолютно спокойно. Голос Кунгаса производил чувство такой же железной уверенности, как и его лицо-маска.

— Насколько я понял, в предложении Чолы полно оговорок и дополнительных условий.

Холкар уже собрался перебить его, но Кунгас невозмутимо продолжал говорить.

— Если императрица прорвет осаду Деогхара и таким образом докажет, что в состоянии удерживать южную Махараштру, то несомненно последует лучшее предложение,— заявил он.— От кого-то другого, а не из Чолы.

Холкар вскинул руки.

— Если! Если!

Он с очевидным усилием взял себя в руки. Как поняла Ирина, пешва искренне разозлился — что было несвойственно спокойному Дададжи Холкару.

— *Если*, Кунгас,— повторил он, сквозь почти стиснутые зубы.— *Если.*— Холкар склонился вперед и сильно хлопнул ладонью по ковру перед собой.— Вот в этом-то как раз все и дело! У нас нет сил, чтобы одновременно прорвать блокаду Деогхара и удерживать Сурат на побережье.

Холкар вскочил на ноги и подошел к окну на западной стене. Уставился на простирающийся за ним океан. Со своей точки обзора у противоположной стены зала Ирина не могла видеть океан, но знала, куда смотрит пешва.

На военные корабли малва. Дюжины кораблей. Корабли удерживали позиции уже много недель, оставаясь как раз вне радиуса действия трех огромных пушек, охраняющих гавань Сурата. На каждом военном корабле имелся большой экипаж моряков, готовых к мгновенной высадке.

Теперь уже несколько месяцев малва не предпринимали попыток штурмовать Сурат. Но в первые недели после того, как Ирину тайком провезли сквозь блокаду на аксумском корабле, она наблюдала за тремя яростными штурмами. Каждый из трех штурмов был отбит, и для этого потребовались усилия всех солдат Шакунталы, а также четырехсот аксумских сарвенов под командованием Эзаны.

Холкар отвернулся от окна. Сурово и холодно посмотрел на Кунгаса, перед тем как перевести взгляд на Шакунталу.

— Шахджи и Кондев правы, императрица. Мы не сможем прорвать блокаду Деогхара, не оставив Сурат беззащитным. Поэтому я не вижу...

— Нам не нужно посылать усиление в Деогхар,— перебил Кунгас.— Нам просто требуется уничтожить осадные орудия.

Холкар замер на месте. Он все еще стоял и, нахмурившись, уставился сверху вниз на Кунгаса.

Казалось, плечи кушанского солдата слегка шевельнулись. Ирина уже научилась переводить экономичные жесты Кунгаса и решила, что он таким образом пожал плечами. С небольшой долей иронии, как подумала она. Может, ему даже было немного забавно.

«Какой интересный человек. Кто бы мог ожидать такую тонкость в такой уродливой неотесанной глыбе?»

— Объясни, Кунгас,— предложил Шахджи.

Снова плечи Кунгаса слегка шевельнулись.

— Я обсуждал вопрос с Рагунатом Рао. Проблема не в самой осаде. Рао уверен, что в состоянии защитить Деогхар от армии Подлого. Ты сам из маратхи, Шахджи. Ты сам знаешь, насколько крепки там стены. Деогхар — самый неприступный город в Великой Стране.

Шахджи кивнул. Как и Кондев.

— Вода — не проблема,— продолжал Кунгас.— В Деогхаре есть свои колодцы. Рао также не волнует проблема голода. У Венанда-

катры просто нет достаточного количества сил, чтобы полностью окружить Деогхар и перекрыть все подступы. Все люди Пантеры — из маратхи. Они знают местность, и их там поддерживает население. После начала осады Рао удавалось доставлять продукты и боеприпасы сквозь линии Подлого. И он также давно вывел из города всех гражданских лиц. Ему требуется только кормить свои войска.

Кунгас поднял с колена правую руку и перевернул ее.

— Поэтому единственная проблема — это только сами орудия. Нам не нужно снимать блокаду. Нам просто требуется разрушить те орудия или захватить их.

— А как мы *это* сделаем? — спросил Холкар.

Перед тем, как смог ответить Кунгас, начал возражать Кондев.

— Даже если мы это и сделаем, то Венандакатра просто доставит к месту другие,— заметил Кондев.

Ирина колебалась. Она была шпионкой и начальницей шпионской сети, а один из основных принципов шпионской работы — никогда не давай никому знать, сколько знаешь сама.

«Я — посол из Рима»,— твердо напомнила она себе. Ирина склонилась вперед, сидя на стуле,— Шакунтала благоразумно обеспечивала римлян стульями, зная, что они непривычны сидеть на подушках — и откашлялась.

— Он не сможет,— твердо сказала Ирина.— Он взял в Бхаруче все осадные орудия, которые там имелись. Эти орудия — кстати, Кунгас, осталось только пять, одно было недавно уничтожено, после того как свалилось со скалы,— единственные, которые имеются у малва на Деканском плоскогорье. Чтобы доставить другие, их придется доставлять с Ганской равнины через горы Виндхья. Для этого потребуется по крайней мере год. А император Шандагупта информировал Венандакатру в последнем письме, что Подлому какое-то время придется полагаться только на собственные ресурсы. Похоже, война в Персии оказалась гораздо труднее, чем предполагали малва.

Она откинулась на спинку стула и улыбнулась.

— Шандагупта был очень раздражен. Большая часть его ярости направлялась на Велисария, но часть обрушилась и на Венандакатру. Император Шандагупта не понимает, как он выражается, почему «прославленный гоптрий» столкнулся с такими трудностями, подавляя — как он выражается — «горстку неуправляемых мятежников».

Все уставились на нее широко открытыми глазами. За исключением Кунгаса, как заметила она. Кушан тоже смотрел на нее, но в его взгляде было меньше удивления, чем...

Интереса? Ирина опустила глаза и стала теребить одежду. На мгновение, глядя вниз, она увидела свой нос.

«Проклятый, чертов уродливый клюв».

Она откинула назад волосы и подняла голову. «Я — посол из Рима»,— твердо напомнила она себе.

Собравшиеся в зале все еще смотрели на нее круглыми глазами.

— А твоя шпионская сеть на самом деле так хороша? — спросил слегка потрясенный Холкар.— Уже? Ты же здесь всего...

Он замолчал, словно его отвлекла другая мысль.

Ирина откашлялась.

— Ну... Да, пешва, так хороша.

Она слегка кивнула Шакунтале, извиняясь.

— Я намеревалась предоставить эту последнюю информацию во время нашей следующей встречи.

Императрица приняла извинения, кивнув в ответ.

Ирина снова посмотрела на Кунгаса.

— Значит, это возражение против предложения бхатасвапати является спорным,— произнесла она.— Но я признаю, что не представляю, как он намеревается разрушить имеющиеся орудия.

Кунгас начал объяснять. Ирина внимательно слушала его план. Ей требовалось это делать не просто как послу из Рима, но и из-за сути самого плана. На самом деле в одном месте собрание было прервано, пока Ирина посылала за кем-то из оружейных техников-сирийцев, которые прибыли вместе с ней в Индию, чтобы прояснить одну техническую проблему.

Поэтому на протяжении долгого совещания Ирина очень внимательно слушала предложение Кунгаса. Но часть ее сознания фокусировалась на самом человеке.

Когда совещание закончилось и она широкими шагами направлялась в свои покои, то обнаружила, что ей требуется дисциплинировать сбившуюся с пути и непокорную часть разума.

«Я — посол из Рима! Кроме того, это абсурдно. Я — самый неисправимый в мире книжный червь, а он не умеет читать. И к тому же — урод».

* * *

Вскоре после ее возвращения в свои покои слуга объявил о прибытии пешвы.

Ирина отложила в сторону книгу, «Periplus Maris Erythreai» [1], и встала, чтобы поприветствовать посетителя. Она ожидала Дададжи Холкара и была почти уверена, что знает, почему он пришел.

Пешву проводили в ее комнату. Казалось, ученый средних лет чувствует себя неуютно и неловко. Он стал подбирать слова, глядя в пол.

---

[1] «Periplus Maris Erythreai» (*лат.*) — плавание вдоль береговой линии Эритрейского моря. *(Прим. перев.)*

— Да, Дададжи,— сказала Ирина.— Я дам задание своим шпионам разыскать твою семью.

Голова Холкара резко поднялась в удивлении. Затем опустилась.

— Мне не следует просить,— пробормотал он.— Это личное дело. Не то, что...

— Ты и не просил,— заметила Ирина.— Я сама предложила.

Требования ее профессии научили Ирину относиться отстраненно и расчетливо к человеческим страданиям. Но на мгновение она почувствовала глубокое сочувствие к человеку перед ней.

Дададжи Холкар, несмотря на всю престижность занимаемого им теперь положения — пешва старейшей и самой благородной династии в Индии, на самом деле по происхождению был писарем из низкой касты. После того как малва покорили Андхру, Дададжи и всю его семью продали в рабство. Велисарий купил Холкара, по-ка находился в Индии, чтобы использовать литературные таланты человека для подготовки заговора против Венандакатры. В конце Холкар помог Шакунтале бежать и стал ее ближайшим советником.

Но его семья — его жена, сын и две дочери — все еще оставались в рабстве. Где-то на обширных территориях Индии малва.

Ирина подумала, что для Холкара типично колебаться, если он просит о личном одолжении. Большинство индийских чиновников — большинство чиновников любой страны по опыту Ирины — относились к личным одолжениям, как к чему-то им причитающемуся и положенному.

Она улыбнулась и откинула назад волосы.

— Это не проблема, Дададжи. На самом деле благоприятная возможность. Для начала это будет вызовом моим шпионам. У малва прекрасная шпионская система, но они стали слишком уверены в себе и своей непогрешимости. На самом деле в их шпионскую сеть не так уж сложно проникнуть. В то время как нахождение нескольких рабов маратхи, разбросанных по Индии, даст возможность проверить умения моих людей.

Она поджала губы, задумалась на мгновение, потом добавила:

— И это не все. В любом случае я считаю, что нам следует начать выяснять чувства низших каст Индии малва. Очень хороший способ это сделать — отправить моих шпионов на поиски нескольких рабов маратхи на территории Индии.

— А ты сможешь их найти? — спросил он шепотом.

— Я ничего не могу тебе обещать, Дададжи. Но я попробую.

Он кивнул и ушел. Ирина вернулась за стол. Но она прочитала не больше страницы книги, когда слуга объявил следующего посетителя.

Прибыл бхатасвапати.

Ирина снова встала. Ей было интересно — и она была несколько раздражена тем, что чувствует себя немного неловко. Ее эмоции вызывали беспокойство. Она еще больше заинтересовалась — и совсем не раздражалась — поняв, что совершенно не представляет, почему пришел Кунгас.

«Люблю сюрпризы. У меня их так мало».

* * *

Когда Кунгас вошел в ее покои, Ирина удивилась первый раз. Как только он появился, то бросил взгляд через плечо и сказал:

— Я видел, как уходил Дададжи. Всего минуту назад. Не думаю, что он меня заметил, так был поглощен своими мыслями.

Кунгас снова повернулся, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Он приходил говорить с тобой о своей семье,— заявил Кунгас.— Попросить твоей помощи в их поисках.

Ирина прищурилась.

— Откуда ты знаешь?

Кунгас легко шевельнул плечами — что у него означало пожимание плечами.

— Он мог прийти сюда по двум причинам, сразу же после совещания у императрицы. Это одна из них. Как и на всех остальных, на него произвела впечатление твоя шпионская сеть.

— А другая причина?

Казалось, Кунгас внимательно ее изучает.

— Обсуждение с тобой вопроса вступления в брак императрицы Шакунталы. Его очень беспокоит этот вопрос, и ему хочется заполучить поддержку посла из Рима.

Кунгас мгновение глядел в сторону, внимательно изучая комнату Ирины. На мебель посмотрел бегло, но его взгляд задержался на сундуке в углу. Крышка была открыта, и он увидел, что сундук набит книгами.

Когда его взгляд опять встретился с взглядом Ирины, она подумала, что в глазах кушана маячит какой-то озорной смех.

Тогда она удивилась во второй раз.

— Но я знал, что вы не обсуждали брак императрицы. Тогда бы он не ушел так быстро. Я думаю, ты с ним не согласна, и он задержался бы поспорить.

— Откуда ты знаешь мое мнение? — спросила Ирина.

Кунгас снова легко повел плечами.

— Нет, оно не очевидно. Ничто в тебе не очевидно. Но я не думаю, что ты считаешь династический брак с одной из независимых южных индийских монархий подходящим для императрицы.

Ирина мгновение молча изучала Кунгаса.

— Нет, не считаю,— медленно произнесла она.— Но учти: я сама еще окончательно не определилась со своим мнением. Однако я думаю...— она колебалась.

Кунгас поднял руку ладонью к Ирине.

— Пожалуйста! Я не пытаюсь у тебя его выпытывать, посол из Рима. Мы можем обсудить этот вопрос позднее, когда ты посчитаешь это более подходящим. А на текущий момент...

На его губах появилась очень легкая улыбка.

— Позволь мне просто сказать, что подозреваю: ты смотришь на этот вопрос, как и я. Монарху следует вступать в брак с силой, которая способна удержать трон. Поэтому вопрос очевиден — для всех, кроме этих индийских идиотов со своими абсурдными фетишами.

Ирина подавила легкое удивление. Но взгляд Кунгаса был знающим.

— Так я и думал,— тихо сказал он.— Очень умная женщина.

Он развернулся и направился к двери.

— Но я пришел не поэтому,— сказал он.— Извини, минутку. Мой слуга кое-что принес для тебя.

Ирина наблюдала за тем, как Кунгас взял что-то у слуги, который появился в дверном проеме. Когда он вернулся назад, Ирина удивилась в третий раз. Кунгас принес стопку книг.

Протянул их ей.

— Ты можешь их прочесть?

Ирина робко взяла верхнюю и открыла. Стала просматривать первую страницу. Затем остановилась, нахмурилась.

— Это не греческий,— пробормотала.— Я подумала, что греческий, но...

— Письмо — греческое,— объяснил Кунгас.— Когда мы, кушаны, покорили Бактрию, много лет назад, мы приняли греческий алфавит. Но язык — мой родной.

Он порылся к груде книг и достал из середины тонкую.

— Это может помочь,— сказал.— Это перевод некоторых учений Будды. Половина текста на греческом, половина — на кушанском.— Его губы изогнулись.— По крайней мере мне так говорит мой друг Дададжи. Он в состоянии прочесть греческую половину. Я не могу ни ту, ни другую. Я неграмотен.

Ирина положила первую книгу на ближайший столик и взяла ту, которую протягивал ей Кунгас. Стала ее изучать. Через несколько секунд, не осознавая, что делает, подошла к стулу и села. Как и всегда с истинными библиофилами, чтение полностью увело ее из окружающей действительности.

Через две минуты она вспомнила о Кунгасе. Подняла голову и увидела, что кушан все еще стоит в центре комнаты и наблюдает за ней.

— Прости,— извинилась она и указала ему на ближайший стул.

Кунгас покачал головой.

— Мне удобно и так, спасибо,— он показал пальцем на книги.— Что ты думаешь?

Ирина посмотрела вниз на книгу на коленях.

— Я *могла* бы, да.— Она подняла голову.— Но зачем? Это отнимет много сил.

Кунгас кивнул. Затем медленно дошел до единственного окна в комнате и уставился на океан. Окно было открыто и в него залетал прохладный ветерок.

— Трудно объяснить,— сказал он, говоря так медленно, как только что двигался. Он замолчал на несколько секунд, перед тем как довольно резко к ней повернуться.— Ты веришь в то, что есть такая вещь, как душа? — спросил он.

Почему-то ее не удивил вопрос.

— Да,— тут же ответила она.— Верю.

Кунгас потрепал бороду.

— А я сам не очень уверен,— он посмотрел в окно.— Но я много слушал моего друга Дададжи, на протяжении последнего года, и он наполовину убедил меня, что душа существует.

Кунгас снова замолчал. Ирина ждала. Она отличалась терпеливостью.

Когда Кунгас снова заговорил, его голос звучал очень тихо.

— Поэтому я решил поискать свою душу, выяснить, есть ли она у меня. Но человек с душой должен смотреть в будущее, а не просто жить в настоящем.

Он снова посмотрел на нее. «У него привлекательные глаза»,— подумала Ирина. Миндального цвета, как и миндальной формы. Большой контраст, после того, как их изучишь, с тусклой броней черт лица. Глаза были очень ясными и очень яркими. В этих глазах играла жизнь, весело играла, где-то на заднем фоне.

— Я никогда не делал этого раньше,— объяснил он.— Я всегда жил просто в настоящем. Но теперь уже несколько месяцев, как я обнаружил, думаю о будущем.

Его взгляд обвел комнату и остановился на стуле недалеко от того, на котором сидела Ирина. Он подошел к нему и сел.

— Я думал о Пешеваре,— задумчиво произнес он.— Он был столицей Кушанского царства много лет назад. Сегодня это только руины. Но я решил, что хочу видеть его заново отстроенным после того, как малва будут разбиты.

— Ты так уверен, что малва будут разбиты? — спросила Ирина. Как только она произнесла слова, то поняла, что это в большей степени вопрос о Кунгасе, чем о перспективах войны.

Кунгас кивнул.

— О, да. Абсолютно уверен.— Подобное маске лицо слегка изменило выражение — так оно улыбалось.— Конечно, я ***не*** уверен, что сам доживу, чтобы это увидеть. Но нет смысла планировать собственную смерть. Поэтому я думал о Пешеваре.

Он внимательно изучил ее.

— Но чтобы восстановить Пешевар, мне самому нужно быть царем. Поэтому я решил стать царем. После падения малва у Шакунталы отпадет во мне потребность. Я должен быть свободен, чтобы заниматься нуждами своего народа, кушанов.

Ирина сглотнула. Казалось, в горле у нее пересохло.

— Думаю, из тебя получится хороший царь,— сказала она немного хрипло.

Кунгас кивнул.

— Я пришел к тому же выводу,— он склонился вперед и показал на книгу у нее на коленях.— Но царь должен уметь читать, хотя бы на родном языке, а я безграмотен.

Он откинулся назад, его лицо ничего не выражало.

— Так что теперь ты понимаешь.

Ирина снова сглотнула.

— Ты хочешь, чтобы я выучила кушанский, чтобы научить тебя читать на нем.

Кунгас улыбнулся.

— И на некоторых других языках. Думаю, мне также следует научиться читать на греческом. И хинди.

Ирина резко встала и прошла к столику у стены. Налила немного вина из амфоры в кубок и сделала глоток.

Не говоря ни слова, протянула кубок Кунгасу. Он покачал головой. Она выпила до дна и снова наполнила себе кубок.

Закончив второй, уставилась в стену перед собой.

— Большинство мужчин не любят учиться у женщины,— резко произнесла она.— А учиться читать нелегко, Кунгас, в особенности взрослому человеку. Ты будешь делать много ошибок. Я буду раздражаться. Тебя начнут раздражать мои указания и мои поправки. Они будут приводить тебя в негодование. Тебя стану раздражать я.

Она слушала ответ, не поворачивая головы.

— У большинства людей маленькая душа,— тихо сказал Кунгас.— По крайней мере так мне говорит мой друг Дададжи, а он ученый. Поэтому я решил, раз я собрался стать царем, что у меня должна быть большая душа. Возможно, даже великая.

Молчание. Глаза Ирины зафиксировались на стене. Это была голая стена, на ней даже не висело гобеленов.

— Я научу тебя читать,— сказала она.— Мне потребуется неделя, чтобы начать учить твой язык. После этого мы сможем приступить.

Она услышала тихие звуки отодвигаемого стула. Кунгас вставал.

— Значит, какое-то время у нас будет,— послышался голос у нее за спиной.— Перед тем, как я отправлюсь уничтожать орудия малва.

Молчание. Ирина не отводила глаза от стены, даже когда услышала, как Кунгас направляется к двери. Он практически не производил шума, двигался очень тихо. На самом деле это было странно для такого крепко сложенного мужчины.

Она услышала его голос от двери.

— Спасибо, посол из Рима.

— Меня зовут Ирина,— сказала она. Хрипло. Холодно.

Она не упустила мягкости в голосе Кунгаса. И теплоты.

— Да, я знаю. Но я решил, что это красивое имя, поэтому не стал использовать его без твоего разрешения.

— Я тебе разрешаю,— она все еще говорила холодным тоном. Надменным голосом гречанки благородного происхождения, делающей небольшое одолжение человеку, стоящему значительно ниже нее на социальной лестнице. Она молча прокляла этот голос.

— Спасибо... Ирина.

До нее долетело несколько слабых звуков удаляющихся шагов. Он ушел.

Наконец Ирине удалось оторвать глаза от стены. Она собралась налить себе еще кубок вина, но остановила движение на полпути. Уверенной рукой поставила кубок назад на стол и широкими шагами прошла к окну.

Облокотилась на подоконник и уставилась на океан. Она глубоко дышала. Ирина простояла там не двигаясь до заката солнца.

Затем вернулась на свой стул, взяла тонкую книгу и принялась за новое задание. Она провела там целый вечер и удивилась в этот день в последний раз. Впервые за много лет она не могла сконцентрироваться на книге.

Глава 7

Персия

Весна 532 года н.э.

— Ты прав, Маврикий,— сказал Велисарий и опустил телескоп.— Они ***не*** собираются идти во фронтальное наступление.

Маврикий что-то буркнул себе под нос. Звук соединял в себе удовлетворение и сожаление. Удовлетворение от того, что его оценка оказалась правильной. Сожаление, поскольку он хотел, чтобы все было наоборот.

Хилиарх изучил полевые укрепления. Они с Велисарием стояли на возвышении, откуда римские полевые укрепления прекрасно просматривались. Но со склона внизу, где собралась конница раджпутов, они должны быть почти невидимы.

Почти, но не совсем. Маврикий опять заворчал. На этот раз звук передавал только сожаление.

— Красивые защитные укрепления,— ворчал он.— Почти идеальные, черт побери. Отличное место для бойни, если подойти поближе.— Его взгляд обвел окружающую их горную местность.— И это — единственный приличный проход на много миль во все стороны.

Взгляд Велисария последовал за взглядом Маврикия. Эта часть горной системы Загрос не была очень высокой, но возвышенности здесь отличались неровностью. На склонах имелось очень мало растительности, и сами эти каменистые склоны были скользкими и грязными из-за весенних потоков. Маленькие потоки воды и грязи бросались в глаза практически везде.

Невозможная местность для конницы — за исключением единственного прохода, где Велисарий расположил свою армию. Он тщательно разработал оборону, проверив, чтобы их реальную силу было не определить с плато внизу.

Искушение для командующего вражескими силами будет очень сильным. Мощный, быстрый бросок — очистить перевал — и дорога в Месопотамию и к ее богатствам открыта. Единственная альтернатива — это продолжать изматывающую серию маршей и контрмаршей, которыми занимались армии римлян и малва на протяжении последних нескольких недель.

Да, искушение будет таким, с которым почти невозможно бороться — любому, за исключением самых лучших командиров. Таких как те, которые, к сожалению, командовали силами малва, стоящими против римлян.

— Ты оказался прав,— снова объявил Велисарий. Он посмотрел на своего главного подчиненного и улыбнулся обычной хитрой улыбкой.— Думаешь, я стал небрежным после того, как разбирался с тупицами малва в Месопотамии?

Маврикий нахмурился.

— Я не критикую, полководец. Это был хороший план. Следовало попробовать. Но я не думал, что Шанга клюнет. Господин Дамодара мог бы. Но за последний месяц стало ясно: он слушается Шангу.

Велисарий кивнул. На мгновение его глаза остановились на шатре на плато внизу. Само строение было видно даже невооруженным глазом. Но и при помощи телескопа многое рассмотреть не получалось.

Теперь уже два дня, пока армия малва собирала силы под перевалом, Велисарий внимательно рассматривал шатер при помощи телескопа. Расстояние оставалось слишком большим, чтобы различить индивидуальные черты, но Велисарий практически сразу же

заметил Рану Шангу. Царь раджпутов был одним из самых высоких людей, которых когда-либо встречал Велисарий, и он не сомневался в том, что за мужчина впечатляющего роста регулярно входит в командный шатер и выходит из него. Также Велисарий не сомневался, кто тот невысокий полный мужчина, который часто появлялся в сопровождении Раны Шанги.

Это, вероятно, господин Дамодара, главнокомандующий армии малва на плато. Один из анвайя-прапта сачив, как малва называли представителей высшей касты, в которой должности передавались по наследству и которая правила империей малва. Кровный родственник самого императора Шандагупты.

Велисария шатер поразил. В нем не было ничего изысканного, никаких излишеств, по стандартам малва он считался аскетичным. Строение совершенно не напоминало гротескный шелково-хлопковый дворец, который ставили для императора Шандагупты перед осажденным Ранапуром. И Велисарий не сомневался, что господин Венандакатра, анвайя-прапта сачива, которого римский полководец знал лучше других, посчитал бы ниже своего достоинства использовать его для чего-либо, кроме отправления естественных надобностей.

Кроме вида самого шатра, Велисария поразило — и, возможно, даже больше — то, как он использовался. По его прошлому опыту, штабы малва всегда окружала большая помпа, там устраивались всякие церемонии. Такие шатры — или дворцы, или роскошные баржи — всегда охранялись большим количеством элитных стражников. Прибывающих посетителей сопровождали их собственные стражники, тоже в большом количестве, и прибывали всегда пышно и громко.

Очень громко. Барабаны, трубы, знамена, даже дрессированные животные, выступающие перед могущественными господами и дамами из малва.

Но не в шатре Дамодары. Да, в это обычное строение шел постоянный поток посетителей. Но они, очевидно, являлись офицерами — в основном раджпутами, временами появлялись йетайцы или кшатрии. И они неизменно прибывали одни или маленькими группками. Вокруг не стояли стражники, если не считать нескольких непосредственно перед входом в шатер. А эти... На мгновение у Велисария появилось искушение снова воспользоваться телескопом, чтобы изучить солдат, несущих вахту перед входом в шатер Дамодары. Но смысла в этом он не видел. Он просто обнаружит то же самое, что видел на протяжении двух последних дней. То, что произвело на него самое большое впечатление.

Там всегда стояли стражники из раджпутов. Йетайцы — никогда. Этот простой факт сказал ему больше, чем что-либо еще.

Йетайцы были варварами. Полвека назад они спустились в долины Северной Индии и стали покорять земли, как и всегда делали с кушанскими территориями на северо-западе. Но когда они выступили против только что поднявшегося государства малва, возникшего вследствие падения империи Гуптов, их продвижение вперед было остановлено. Как теперь знал Велисарий, сущность из будущего, называющая себя Линк, уже передала малва секрет производства пороха. При помощи ракет, пушек и гранат малва разбили йетайцев. Но затем, вместо того чтобы просто подчинить варваров, малва включили их в свою структуру власти. На самом деле дали им ценное и престижное место — как раз после самих анвайяпрапта сачив. Вождям кланов йетайцев разрешили вступать в брак с представителями элитных каст.

«Это был исключительно мудрый и хитрый шаг,— прокомментировал Эйд ментально.— Обычные индийские правители на подобное не способны. Они такое даже не могли бы представить. Вероятно, указание давал сам Линк. Йетайцы не являются частью классовой и кастовой системы индийского общества — того, что сами индусы называют варновой системой. Предоставив языческим варварам место среди элиты, Линк обеспечил могущественную и надежную преторианскую гвардию для династии малва, которая является его созданием».

Велисарий ментально кивнул, показывая свое согласие. Именно так малва всегда и использовали силы йетайцев. Варвары были яростными воинами сами по себе. Но малва, вместо того чтобы пускать их вперед во время атак, использовали йетайцев в качестве стражников и для того, чтобы подгонять солдат других национальностей во время сражений.

Все малва за исключением Дамодары.

Велисарий снова мысленно кивнул. Дамодара включил подразделения йетайцев в свои силы, но для защиты полагался исключительно на раджпутов. Малва ценили раджпутов за воинские навыки, точно так же, как и вассалов-кушанов. Но они им не доверяли.

«За исключением Дамодары, Эйд, как ты и сказал. Основную часть его армии составляют раджпуты, и он, очевидно, решил привязать их к себе, показав высшую степень доверия».

Велисарий легко вздохнул.

«Все это мне о многом говорит. И ничто из этого я не рад узнать».

Сейчас Велисарию представилась первая возможность изучить врага с близкого расстояния. Подразделения римлян и малва несколько раз сталкивались во время тех недель, которые миновали после засады в оазисе и побега римлян, но в тех столкновениях участвовали незначительные силы. По большей части римляне и

малва держались на расстоянии, и каждая армия пыталась перехитрить другую, используя различные маневры в лабиринте горной системы Загрос.

У римлян получалось лучше, в узком смысле. Велисарий просто пытался заблокировать малва, чтобы они не перебрались через Загрос на открытую равнину Месопотамии. Да, он в этом преуспел. Но Дамодара с Шангой исключительно хорошо управлялись со своими войсками. Они не разбили блокирующих им путь римлян, однако медленно отодвигали их назад.

Система Загрос была широкой, но не бесконечной. Раньше или позже у Велисария не останется места для маневров. Поэтому он решил поучаствовать в сражении на выбранной им самим территории. Если ему удастся сильно обескровить малва, он получит больше времени — вероятно, заново займет часть из сданных позиций.

Если бы против него выступали обычные командиры малва, то его план сработал бы. Против Дамодары и его раджпутов план провалился. Как и предсказывал Маврикий.

Велисарий поднял телескоп и изучил шатер Дамодары, пытаясь различить хоть что-то в погруженной в темноту внутренней части. Это было бессмысленное занятие, скорее привычка, чем что-либо еще.

Но внезапно от Эйда пришел ментальный импульс. Он сообщал важную информацию.

«Там телескоп! Я едва его различаю»,— прокричал кристалл в сознании у Велисария.

Полководец сконцентрировался, но даже при помощи Эйда не смог разглядеть телескоп, который, очевидно, прятали внутри шатра. Однако Велисарий не удивился. Эйду часто удавалось различить вещи при помощи зрения Велисария, которые сам полководец рассмотреть не мог.

«Большая, уродливая чертова штуковина»,— ментально фыркнул Эйд.

Все равно — ничего. Велисарий знал, что Эйд использует собственную кристаллическую версию того, что кристалл называл «увеличением компьютерного изображения».

«Это важно?» — спросил Эйд.

«Само по себе — не особенно. Если их телескоп такой большой и неповоротливый, как ты говоришь, то он не особо поможет на поле брани. Но тот факт, что у Дамодары есть телескоп, тем не менее представляет интерес. Он напоминает нам, что не стоит недооценивать малва».

Велисарий сложил телескоп. Движение было резким и решительным. Как всегда, он поразился хитрой разработке Иоанна Родосского.

— Значит, так,— отворачиваясь от врага, объявил он.— Передай другим, Маврикий. Мы оставим здесь одно подразделение на всякий случай, чтобы следить за обстановкой. Остальная часть армии должна готовиться к следующему переходу.— Он кивнул на врага внизу.— Сегодня вечером или ночью они сами тронутся с места. Проверь, чтобы Аббу и подчиненные ему разведчики подошли достаточно близко и выяснили, какой дорогой пойдут малва.

— Очень близко не удастся,— мрачно заметил Маврикий.— Фланги охраняют раджпуты.

Велисарий направился к своему шатру, который располагался примерно в пятидесяти ярдах от того места, где стояли они с Маврикием.

— Я прекрасно это знаю,— бросил он через плечо.— Пусть подберутся так близко, как могут, Маврикий, и все. Достаточно близко. Если мы потеряем из виду эту армию, то нас ждут очень большие проблемы.

Стоявший в нескольких шагах Валентин услышал слова, которыми обменивались Велисарий и Маврикий, и нахмурился.

— Я боялся, что это случится. Боже, как я устал маршировать.— Он бросил взгляд, наполовину полный надежды, наполовину скептицизма, на армию малва на плато внизу.— Интересно, если бы я попытался снова подразнить их?..

Стоявший рядом с ним Анастасий саркастически фыркнул.

— И чего бы добился? Кроме того, что выглядел бы идиотом? *Опять.*

* * *

В двух милях от них, у входа в шатер господин Дамодара распрямился у собственного телескопа. Затем, почувствовав обычную боль, полководец из малва скорчил гримасу.

— Как бы мне хотелось иметь один из его телескопов,— проворчал он.

Стоявший рядом с ним Рана Шанга бросил взгляд на оптический прибор. Телескоп малва во многом проигрывал мастерски изготовленному узкому предмету, который можно держать в руках, имевшемуся у Велисария. За исключением сталелитейного производства, где малва добились выдающихся успехов, индийские ремесленники и мастеровые во многом проигрывали греческим в различных областях. Подход малва к оптике во многом напоминал их подход к кораблестроению: поскольку не можем сделать элегантными, сделаем их большими, крепкими и прочными.

И телескоп малва определенно являлся большим, крепким и прочным. К несчастью, таким огромным, что устанавливался на

неподвижной опоре, которую можно было настроить с очень большим трудом. В результате тому, кто хотел воспользоваться прибором, приходилось сгибаться в крайне неудобной позе, от которой через некоторое время неизменно начинала ныть спина.

На мгновение у Шанги появилось искушение указать, что Дамодара при его невысоком росте страдает меньше, чем сам Шанга. Но раджпут промолчал. Господин Дамодара держался почти на равных и совсем не проявлял надменности при общении с непосредственными подчиненными, но тем не менее оставался анвайя-прапта сачива. А все имеет свои границы.

Вместо этого Шанга решил указать на положительный момент.

— Но наш телескоп лучше, чем у него,— заметил Шанга.— По крайней мере в том, что касается мощности.

Судя по тому, как Дамодара фыркнул, это его не успокоило.

— И что? — спросил он, показывая на открытый вход в шатер.— Да, я могу различить черты его лица, в то время как он не может различить мои. В тех редких случаях, когда он случайно заходит на тот участок, который я вижу. В то время, как он может смотреть в любую сторону, в какую только захочет. Причем при этом спина у него не раскалывается от боли.

Дамодара потер спину, все еще недовольно морщась.

— Я бы тут же с ним поменялся местами! И ты бы поменялся, Рана Шанга, поэтому не надо пытаться меня развеселить.

Шанга ничего не сказал. Через несколько секунд Дамодара прекратил хмуриться. К нему вернулось обычное врожденное чувство юмора молодого господина из малва.

— Вот что,— весело сказал Дамодара.— Я уверен: он не в курсе, что у нас есть телескоп. У нас их не было, пока он находился в Индии, и я уверен: он не заметил мой.

Дамодара оглядел свой штаб. Телескоп стоял в десяти футах от входа, вне освещенной части шатра. Дамодара держал его там постоянно, несмотря на то что с того места просматривался лишь ограниченный участок местности. Объяснялось это просто: Дамодара не хотел, чтобы Велисарий знал о наличии у него телескопа.

На мгновение Дамодара снова нахмурился.

— Конечно, я не уверен, имеет ли это значение. Но...— он пожал плечами.— Если мы имеем дело с Велисарием, то я готов пользоваться любым преимуществом, которое нам только предоставляется.

Дамодара отвернулся от телескопа и направился к большому столу, расположенному прямо в центре шатра. Шанга, хотя ему и не предложили, тут же последовал за главнокомандующим.

У края стола Дамодара опустил руки на деревянную поверхность, оперся и склонился вперед, напряженно изучая огромную карту на пергаменте, которая занимала большую часть стола. Те-

перь он скорее смотрел удовлетворенно, чем недовольно. Если у мастеровых малва и не хватало мастерства для изготовления хороших телескопов, никто не смог бы укорить картографов малва. Дамодару особенно радовала топографическая информация, которую удалось включить главному картографу.

Дамодара взглянул в угол тускло освещенного шатра. Как и всегда, его картограф терпеливо ждал, сидя на небольшой подушке. Нарсес также сидел в углу, на тот случай, если Дамодаре потребуется его совет. Евнух по римской традиции сидел на стуле.

— Я включил последнюю информацию, господин Дамодара,— сказал картограф.— Прямо сегодня утром я беседовал со следопытами-патанами и включил собранные ими сведения.

Дамодара кивнул и вернулся к карте. Какое-то время он молчал, изучая местность, отображенную на карте. Стоя рядом с ним, Рана Шанга делал то же самое. Затем господин Дамодара вытянул руку и поставил палец на место, расположенное примерно в пятнадцати милях к югу.

— Может, тут? — спросил он.— Судя по карте, этот проход выглядит не очень заметным. Очень узким, но его может оказаться достаточно.

Шанга какое-то время изучал указанный проход, потом покачал головой. Однако жест скорее свидетельствовал о раздумьях, чем твердой уверенности.

— Не думаю,— он колебался, потрепал густую бороду.— Я не уверен, но мне кажется, что Велисарий в особенности хочет воспрепятствовать нам в любом продвижении на юг. Как я подозреваю, он уже выставил разведчиков, которые следят за подходами к этой тропе.

Дамодара поднял голову, глаза его округлились. Он казался слегка удивленным.

— На юг — в особенности? Я не...— Он нахмурился в задумчивости, затем уныло усмехнулся.— Мне казалось, что он пытается воспрепятствовать нам, в каком бы направлении мы ни пытались идти.

Шанга слегка пожал плечами.

— Это так, господин Дамодара. Но я все равно думаю, что он быстрее всего реагировал, когда мы пытались прорваться на юг.

Дамодара широко расставил руки на столе и уставился в карту. Для Шанги, наблюдавшего за движениями его глаз, было очевидно: Дамодара восстанавливает все действия во время маневров прошлого месяца.

— Думаю, ты прав,— через пару минут сказал он. Дамодара выпрямился и теперь уставился на голую кожу стены шатра прямо напротив.— А почему, как ты считаешь? — спросил он задумчиво

и посмотрел на Шангу.— Это не имеет смысла. Какая разница, обойдем мы его на севере или юге? Пока мы не сможем пробраться на запад, он удерживает нас от вторжения в Месопотамию. Мы завязли здесь, в этих проклятых горах.

Дамодара снова посмотрел на карту.

— Я думаю, он предпочел бы как раз заманить нас на юг,— добавил он медленно.— Таким образом он может заставить нас следовать вдоль горной системы Загрос — прямо до залива.— Он показал на южную часть гор, указанных на карте.— В конце мы могли бы выйти в Месопотамию в дельте, рядом с Харком.

Он саркастически рассмеялся.

— Там, где нашу основную армию уже поймали в бутылку! А император Хусрау и его копьеносцы держат пробку от бутылки.

Шанга еще яростнее стал трепать бороду.

— Есть одно возможное объяснение. В особенности, когда имеешь дело с Велисарием.

Господин Дамодара склонил голову набок и посмотрел вверх на стоявшего рядом с ним раджпута.

— Капкан,— заявил Дамодара. Шанга кивнул.

Дамодара принялся медленно ходить взад и вперед. Он сложил руки перед грудью, словно в молитве. Это был один из характерных жестов господина из малва. Но короткие, резкие движения рук туда и сюда передавали скорее сосредоточенность, чем набожность.

— Ты можешь быть прав,— задумчиво сказал он. Затем резко сухо усмехнулся — наполовину весело, наполовину в отчаянии.— Хитрая приманка! Но именно так и мыслит этот человек.

Дамодара внезапно остановился и повернулся к Шанге.

— Что ты посоветуешь? — спросил.

Шанга прекратил трепать бороду и сделал глубокой вдох.

— Отправляться на север,— твердо сказал Шанга.— Это может оказаться капкан, господин Дамодара. Велисарий, вероятно, готовит для нас засаду. Но капканы можно повернуть так, что в них попадет тот, кто их выставлял. Капкан для волка совершенно необязательно удержит тигра. У нас отличные войска и наша армия численно в два раза превосходит его.

Дамодара кивнул.

— Скорее в три раза, как мне кажется.— Взгляд господина из малва стал несколько отсутствующим. Он снова сложил руки перед собой, словно в молитве. Но больше он ими не производил рубящих движений. Руки оставались неподвижны, ну, может, он слегка шевелил пальцами.

Увидевший знакомые признаки Шанга ждал. Как и всегда Дамодаре не потребовалось много времени на принятие решения.

— Я согласен,— твердо заявил Дамодара.— Мы отправимся на север.— Он снова резко рассмеялся.— С открытыми глазами! И...

Внезапно при входе в шатер послышался шум. Дамодара и Шанга повернулись. Они увидели, как два стражника-раджпута, охраняющие вход в шатер Дамодары, пытаются удержать йетайца, который в свою очередь совсем недвусмысленно выражает свою ярость.

Это был полководец Михиракула, командующий йетайскими подразделениями господина Дамодары.

— Впустите его! — крикнул Дамодара.

Стражники отошли в сторону, и Михиракула ворвался в шатер. Гневно посмотрел на Рану Шангу, перед тем как резко остановиться перед господином Дамодарой.

— Что за чушь я услышал? — спросил Михиракула.— Меня только что поставил в известность один из твоих посыльных, что мы должны готовиться к очередному маршу,— он снова гневно посмотрел на Шангу.— Это правда?

Вопрос, очевидно, был риторическим. Михиракула не стал ждать ответа, перед тем как яростно показать на горы, видимые сквозь откинутый в сторону кусок материи, обычно закрывающий вход в шатер.

— Почему мы не атакуем вонючих римлян? — спросил он.— Мы отгоним их, как мух! — Михиракула снова гневно посмотрел на Шангу.— Если раджпуты очень боятся, то атаку поведут мои йетайцы!

Йетайский полководец был крупным мужчиной, с широкими плечами, широкой грудной клеткой, но Шанга оказался выше Михиракулы настолько же, насколько сам Михиракула выше Дамодары. Раджпут расправил плечи и распрямился, крепко сжал руки за спиной. По напряжению в могучих плечах Шанги было ясно: он с трудом сдерживает ярость.

Дамодара быстро вмешался. Положил руку на предплечье Шанги, пытаясь его успокоить. Потом твердым голосом обратился к йетайскому полководцу.

— Это был мой приказ, полководец Михиракула.— Дамодара сам кивнул на горы.— Полевые укрепления римлян здесь слишком мощные.— Йетайец уже собрался возражать, но Дамодара быстро добавил: — Однако мои разведчики говорят мне, что мы можем найти путь на север.

Он снова не дал Михиракуле ничего возразить. На этот раз говорил с веселой улыбкой.

— Конечно, разведчики думают, что нам придется встретить сопротивление. Поэтому я решил использовать тебя и твоих людей в качестве авангарда во время следующего марша.

Теперь Дамодара улыбался Михиракуле очень широко, просто светился.

— Конечно, для того, чтобы расчистить нам путь. Чтобы мы наконец разделались с этими проклятыми горами.

Михиракула немного расслабился. Снова бросил взгляд на Шангу, перед тем как отвечать Дамодаре. Но во взгляде было больше удовлетворения, чем злости.

— Вскоре, как ты думаешь? Мои люди очень беспокоятся.

Дамодара пожал плечами.

— Достаточно скоро. Предполагаю: в течение недели.— Он изобразил легкую, извиняющуюся гримасу.— Как ты знаешь, переход по этим горам — дело долгое.

Все извинения и дружелюбие исчезли. Следующие слова Дамодара произнес стальным тоном.

— А теперь, полководец Михиракула, ты выполнишь мои приказы. Немедленно.

Йетайский полководец знал этот тон. Несмотря на свою варварскую природу, Михиракула дураком не был. Он склонил голову, очень напряженно, и покинул шатер.

После того как он ушел, Шанга что-то злобно буркнул себе под нос.

— Раджпуты могут вести...— начал он, но Дамодара жестом попросил его помолчать.

— Я прекрасно это знаю, Шанга. Но йетайцы на самом деле застоялись.— Он внимательно посмотрел на Шангу.— Кстати, как и твои раджпуты, хотя они и лучше умеют сдерживать нетерпение.

Дамодара показал пальцем на карту. Его палец ходил над ней взад и вперед, словно повторяя тяжелый путь последних недель.

— Хорошие солдаты устают от подобных бесконечных маневров. Раньше или позже они потребуют действий. Ты знаешь это не хуже меня.

Шанга недовольно кивнул.

Дамодара развел руками.

— Поэтому пусть пока йетайцы идут первыми. Если там нас ждет капкан, то они в него попадут. По правде говоря, я предпочту, чтобы пролилась их кровь, а не твоих раджпутов.

По выражению лица было ясно, что Шанга находит равнодушие главнокомандующего неприятным. Но Дамодара не обиделся. Он просто усмехнулся.

— Я — малва, Рана Шанга, а не раджпут. Практичен.

* * *

Через два дня Велисарий изучал карту, разложенную на столе у него в полевом штабе. Все члены высшего командования присоединились к нему. В дополнение к Маврикию и Васудеве в шатре собрались: Кирилл, который заменил Агафия на посту командующего греческими катафрактами после того, как Агафия искалечило во время сражения у Нехар Малки; Бузес и Кутзес, два молодых

брата, фракийцы по национальности, которые командовали сирийскими подразделениями армии Велисария.

Вошел Аббу, отведя в сторону куски кожи, которые закрывали вход в шатер. Главный разведчик Велисария, араб, не стал ждать приглашения, прошел в центр и начал отчет.

Бедуин даже не смотрел на карту. Аббу твердо придерживался старых традиций. Несмотря на глубокое (хотя и не выражаемое вслух) восхищение Велисарием, араб считал карту тревожным знаком — или раннего старческого слабоумия римского полководца, или его быстрого падения в связи с влиянием современных упаднических нравов.

— Малва направляются на север,— объявил он.— К той седловине, о которой я вам говорил. Там имеется проход. Очевидно, они ожидают засаду. Первыми идут подразделения йетайцев.— Аббу одобрительно заворчал.— Командующий малва — совсем не дурак. Он скормит варваров — нежалко от них отделаться — перед тем, как последовать за ними с раджпутами.

— Перед тем, как попытаться последовать,— поправил Кирилл.

Аббу покачал головой. Бедуин всегда выглядел угрюмым, тут стал мрачнее обычного.

— Они преуспеют. Проход слишком широкий, а склоны с обеих сторон недостаточно крутые. Северный склон особенно низкий. Они смогут использовать численное преимущество над нами. Это будет нелегко, но они прорвутся.

Кирилл уже стал ругать Аббу за то, что тот так легко признает поражение, но вмешался Велисарий.

— Все отлично,— уверенно заявил он.— Я хочу, чтобы они отправились на север. Мы окажем яростное сопротивление на самом перевале, но отойдем до того, как наших людей порубят.

Он склонился вперед, изучая карту, затем показал пальцем.

— Если эта карта точна, то после того, как они преодолеют перевал, самым легким путем будет вот этот — вдоль по небольшой речушке на северо-запад.

Он вопросительно посмотрел на Аббу. Араб яростно хмурился, но ничего не сказал — таким образом он обычно признавал, что с новомодной абсурдностью не справиться.

Велисарий не сводил взгляда с Аббу.

— И если я правильно прочитал карту, то когда мы отступим и займем позиции к юго-западу от перевала, наши полевые укрепления окажутся слишком прочными, для того чтобы малва смогли выбрать какое-то другое направление,— добавил полководец.

Аббу нахмурился еще сильнее. Но снова ничего не сказал.

— Если ты не хочешь удерживать перевал, полководец, то зачем вообще оказывать там сопротивление? — спросил Бузес и нахмурился.— Кажется просто потерей хороших солдат.

Молодой фракиец не потрудился добавить: что обычно тебе не свойственно. Как и все собравшиеся в шатре, он очень хорошо знал тактические методы Велисария. Одним из них — и очень важным — было беречь жизни людей когда только возможно.

Велисарий покачал головой.

— У меня нет выбора, Бузес. Я не могу позволить сделать их проход слишком уж легким, когда малва командуют Дамодара и Шанга. Если мы сражаемся, как львы, когда они продвигаются на юг, но отходим в сторону, когда они идут на север, враги начнут задумываться, почему. Не имеет смысла. Суровая военная логика подсказывает, что надо бы делать наоборот — я должен быть счастлив направить их вдоль горной системы Загрос на юг, к Харку.— Он поморщился.— Я не хочу, чтобы Дамодара и Шанга проводили много времени, раздумывая над логикой моих действий.

Вмешался Маврикий. Его выражение лица не свидетельствовало о радости.

— Вероятно, они уже это делают,— проворчал он.

Велисарий вздохнул.

— Да, я уверен, что думают. Но пока они слишком много не размышляют о кванатах и не знают о кушанах, то, считаю, все будет в порядке.

Он бросил быстрый взгляд на шлем, который Васудева положил на стол. Как и всегда, кушан снял ненавистное чудовищное приспособление как только вошел в шатер и оказался закрытым от взглядов шпионов. Выражение лица Велисария опять стало спокойным, как обычно. Он даже хитро улыбнулся.

— В конце концов мой план немного сумасшедший,— заявил он весело.

Казалось, объявление не принесло особой радости другим собравшимся в шатре. Но они не возражали — по крайней мере не сказали ничего вслух, только думали мрачные мысли. Эти люди очень хорошо знали тактические принципы и методы Велисария. Некоторые из этих методов казались странными, но не тот, который всегда являлся главным.

Выиграй войну. Это все, что имеет значение.

Глава 8

Аксумское царство
Весна 532 года н.э.

Полковая церемония Эона прошла только через много дней после того, как царская резиденция Тааха Мариам взлетела в воздух. Вначале принц настаивал, чтобы сразу же провести ее. Но более спокойные голоса, по крайней мере более старшие голоса, преобладали.

Главным из них был голос Вахси, командующего самим полком.

— Сейчас нет времени, царь царей,— настаивал Вахси.

— Я — не негуса нагаст! — орал Эон.— Я не могу им стать — до тех пор, пока меня не примут в сарв Дакуэн!

Принц, теперь царь, оторвался от работы. Тела его отца и брата уже нашли. Эон работал всю ночь вместе с солдатами и большей частью жителей Аксума, расчищая обломки и завалы. Теперь наступило утро следующего дня и все еще оставалось много работы. Непосредственно царские покои разрыли, но взрывчатка малва повредила более трети огромного комплекса. Нашли сотни трупов и столько же выживших. Спасатели слышали слабые стоны нескольких жертв, которые все еще оставались живы, погребенные под камнями.

Вахси нежно положил руку на плечо Эона.

— Дакуэн подождет, царь.

Командующий сарвом Дакуэн кивнул, показывая на группу солдат, которые стояли всего в нескольких футах за его спиной. Там собрались все офицеры полка, за исключением тех, кто вместе с Эзаной находились в Индии.

— Никого из нас не беспокоит этот вопрос.

Услышав слова Вахси, офицеры полка согласно кивнули. Некоторые из них бросили взгляды на Усанаса. Давазз находился в нескольких ярдах, не обращая внимания на слова. Он был слишком занят, двигая камни.

Даже Эон не смог упустить очевидное одобрение в этих взглядах.

— Нет необходимости,— мягко сказал Вахси. Затем добавил еще тише, так, что его слышал только Эон: — Нет необходимости, Эон. Нет вопроса: полк одобряет и Усанаса, и тебя.

Вахси усмехнулся, но снова очень тихо. Его опять слышал только Эон.

— Конечно, у них найдутся резкие слова насчет смехотворной философии охотника, и они с наслаждением послушают все детали твоих детских выходок. Но это просто традиция.— Он бросил взгляд на стоявшую далеко от них Антонину, которая руководила своими солдатами, участвующими в спасательных работах. Все римляне пережили взрыв и сразу же взялись за работу.— В особенности они с нетерпением ждут рассказа о всех случаях, когда Усанасу приходилось давать тебе подзатыльники, пока ты наконец не научился не пожирать глазами жену Велисария.

Эону удалось улыбнуться. Конечно, улыбка получилась не особо радостной, но Вахси все равно почувствовал облегчение, когда ее увидел. На какое-то мгновение лицо Эона снова стало лицом молодого человека. На протяжении нескольких часов после того, как нашли тела Зайи и Тарабай, это было лицо старика, искаженное

грустью. Зайя являлась его наложницей с тринадцатилетнего возраста. Если страсть и угасла, пусть и частично, он все равно сильно любил ее. И он был очень увлечен Тарабай, с тех пор когда познакомился с нею в Индии.

— Ты потерял вчера всех, Эон,— мягко сказал Вахси.— Твоих женщин и твоего единственного ребенка, вместе с отцом и братом. Ни один человек в мире — неважно, принц он или крестьянин — не способен ясно мыслить в такое время или заниматься чем-то, кроме как скорбеть об усопших. Поэтому давай просто сконцентрируемся на работе. Вскоре придет время и для церемонии.

Он отошел на шаг назад и слегка повысил голос.

— На данный момент ты — негуса нагаст. Это мнение сарва Дакуэн, а также сарвов Лазен и Хадефан.

Вахси показал на двух офицеров в группе. Их звали Афилас и Сайзана и они, соответственно, командовали полками Лазен и Хадефан. Сарв Лазен был полком Калеба, Хадефан — полком Вазеба. Вместе с сарвом Дакуэн они составляли царские полки аксумской армии.

— Это так, царь,— сказал Афилас.

Сайзана кивнул и добавил:

— И мы уже разговаривали с другими представителями саравита. Солдаты придерживаются единого мнения. Все.— Затем он добавил, почти рыча: — И мы отомстим малва. А ты — царь царей, который поведет нас.

Эон вытер лицо рукой, размазывая грязь и пыль. Это был усталый, очень усталый жест.

— Как Гармат? Он выживет? — спросил Эон.

Вахси улыбнулся. Не кисло, широко.

— Не дури, царь! Если двадцать больших камней, упавшие на старого арабского разбойника, не убили его сразу же, неужели ты в самом деле думаешь, что он умрет от пока не затянувшихся ран?

Один из офицеров — более старший, ему перевалило за пятьдесят — рассмеялся.

— Я помню, как мы много лет назад гнались за бандитом по пустыне. Так и не смогли поймать его, несмотря на огромное количество засад, которые устраивали.

Еще один офицер, тоже средних лет, улыбнулся.

— Лично я думаю, что он притворяется. Ленивый полукровка! Просто не хочет таскать камни.

По небольшой группе пронесся легкий смешок. Даже Эон на мгновение подключился.

Обнаружение живого Гармата стало единственной радостью за долгую темную ночь. Когда взорвались бомбы, советник, очевидно, стоял на некотором удалении от трона. Конечно, подрывники из

малва установили основные заряды в стенах рядом с самим троном. Когда произошел взрыв, царь Калеб и все люди, находившиеся непосредственно рядом с ним, включая старшего сына и наследника Вазеба, умерли сразу же, сметенные с ног. Остальных людей в тронном зале, за исключением Гармата и слуги, раздавили упавшие потолок и стены. Но по выверту фортуны некоторые из огромных камней, из которых строилась Тааха Мариам, падая, сформировали укрытие для Гармата и слуги. Слуга остался практически неповрежденным, если не считать, что чуть не сошел с ума от страха. Ранения Гармата были серьезными — несколько сломанных костей, многочисленные синяки и рваные раны, но он остался жив.

Новость о спасении Гармата быстро распространилась и принесла всем радость, в особенности сарвенам. Частично потому, что его любили. Правление царя Калеба было хорошим в том, что касалось народа Аксумского царства. И многое в этом они приписывали мудрым, необычно мягким советам Гармата.

Но в основном новость принесла радость солдатам, работающим на завале, потому что пламя в их яростных сердцах разгорелось с новой силой. Сарвены не забыли, что Гармат — это тот самый хитрый разбойник, араб-полукровка, который много лет уходил от аксумской армии, пока наконец не принял предожение стать даваззом Калеба, когда отец Эона все еще был мальчиком. После того как Калеб сел на трон, Гармат много лет служил его главным советником, пока Калеб не приказал ему в той же роли служить Эону.

Гармат часто проявлял мягкость в советах особам королевской крови, правящим Аксумским царством. Но он всегда был сообразительным и хитрым, а когда того требовала необходимость — диким и безжалостным, как арабская пустыня, которая сформировала его. Многие аксумские солдаты, услышав новость о спасении Гармата, молча повторили мысли Антонины.

«Плохой шаг, малва. Плохие новости, вы, ублюдки. Лучше бы вы играли со скорпионом, после того как ущипнули его за хвост».

* * *

Через десять дней после взрыва наконец провели полковую церемонию. Тот факт, что Тааха Мариам находилась в руинах, не помешал процедуре. По традиции церемония накогда не проводилась на территории царской резиденции. Ее всегда проводили на тренировочных полях, где, как никогда не забывали аксумиты, создавалась реальная сила Аксумского царства. Тренировочные поля армии располагались в полумиле к западу от царской резиденции, у основания одной из двух гор, которые смотрели на столицу. Эта

гора представляла собой восточную границу Аксума и называлась Май Квохо. Та, что на севере, называлась Биета Джийоргис.

С одной стороны стояли свидетели, которые не являлись членами полка. Оттуда Антонина наблюдала за сценой. Наибольшее впечатление на нее произвела открытость полей. Они были почти лишены растительности. За исключением ряда открытых тронов в северной части поля, прислоненных к склону Май Квохо, тренировочное поле оставалось абсолютно пустым, за исключением небольшого количества деревянных мишений для бросания копий.

Как она поняла, аксумиты именно таким образом смотрели на мир. По прибытии в Аксумское царство Антонина не обратила внимания на отсутствие укреплений, пока офицеры ее армии не указали ей на это. На них отсутствие укреплений произвело большое впечатление. Ни один из городов Аксумского царства, даже столица Аксум, или крупный порт Асэб не были окружены стенами. Ни в одной из многочисленных деревень, через которые они проезжали во время долгого пути на север, не имелось никакой крепости для защиты.

Древние афиняне доверяли себя деревянным стенам своих кораблей. Аксумиты — копьям своих полков.

И это происходило не из-за отсутствия возможностей или способностей. Аксумиты были способны построить массивные каменные сооружения. Свидетельством навыков и мастерства аксумских каменщиков служили Тааха Мариам и, в особенности, великолепный собор Мариам Тсион. Но эти здания служили для помпы, показа, церемоний и поклонения. Они не имели никакого отношения к мощи.

А мощь происходила от полков. От них, и от них одних.

Антонина опять перевела взгляд на троны в северной части поля. Они, как она подумала, тоже свидетельствовали о таком подходе.

Троны были идентичны и довольно малы размером — ничего подобного трону царя Калеба в Тааха Мариам. Каждый стоял на гранитной плите площадью не более восьми футов. Меньшая плита наверху первой обеспечивала основание самого трона, который представлял собой крепкий, но простой деревянный стул. Четыре узкие каменные колонны поднимались из каждого угла верхней плиты и поддерживали навес, закрывающий сидящего на троне от солнца. Золотой крест — очень искусно сделанный, в Аксумском царстве жили большие умельцы по художественной обработке металла, не уступающие каменщикам — размещался наверху всей структуры, но сам навес был сделан всего лишь из плетеной травы.

Эти троны предназначались для командующих аксумскими сарвами, полками, на которые была разбита армия Аксумского царства.

Типичным для аксумских идей правления являлось то, что эти командующие, если брать их как единую группу, назывались «нагастами», или царями.

Никто из них по отдельности не пользовался этим титулом. В отличие от государств-вассалов Аксумского царства, правители которых сохраняли свои монаршие титулы (конечно, пока признавали старшинство царя царей), командующие полками получали власть только от армии. Но в реальности отношение полков считалось более важным, чем капризы и причуды подчиненных царьков.

В этот день оказались заняты только три трона. Но даже это было необычно. В соответствии с традицией только один человек в этот день имел право сидеть на троне — командующий сарвом Дакуэн. Даже сам царь царей, хотя он обычно не присутствовал на подобной церемонии, должен был бы освободить свой трон, пока полк его сына не примет решение.

Но сегодня Вахси решил отступить от традиции. После убийства Калеба и Вазеба сарвы Лазен и Хадефан потеряли своих особ королевской крови. Вахси предложил, а они приняли предложение разделить принца. Впервые в истории Аксумского царства человек взойдет на трон с одобрения и с именем трех полков.

Церемония начиналась. Эон занял свое место — он стоял один в стороне. А перед собравшимися полками вперед выводили Усанаса.

Антонина с трудом поборола смех. Давазз был весь в цепях и кандалах, фактически обвешан ими с ног до головы. Эти рабские приспособления выглядели на нем так же соответствующе, как ленточки на льве.

«И вероятно, точно так же эффективны,— оглядывая высокую и мускулистую фигуру Усанаса, подумала она.— Если он решит, что устал от этой забавы».

Велисарий однажды сказал ей после возвращения из Индии, что Усанас, вероятно,— самый сильный человек, которого ему доводилось встречать в жизни. Даже сильнее, подозревал Велисарий, чем гигант Анастасий.

Но веселость Антонины быстро прошла. Цепи и кандалы могли казаться абсурдными, но не было ничего абсурдного в подразделении окружающих Усаса солдат. Их насчитывалось восемь человек, и все они держали в руках оружие. Однако это были не обычные небольшие копья или тяжелые, напоминающие мясницкие ножи, мечи, с которыми сражались аксумиты. Солдаты держали в руках дубинки, армированные железными пластинками.

«Оружие, чтобы побить раба, который не смог выполнить свой долг. Забить до смерти, без труда, если он серьезно провалился».

Видя эти жестокие приспособления, Антонина не испытывала проблем с подавлением смеха. Больше не испытывала. Она знала:

дубинки — не украшения. На протяжении последних двух столетий случалось, что сарвены сильно избивала даваззов, причем в двух случаях — фатально, поскольку посчитали, что он провалил задание по обучению принца.

Она оторвала взгляд и посмотрела на Эона. Вид молодого принца, стоявшего прямо и расправив плечи, успокоил ее. А еще больше — спокойное выражение его лица.

«Не сегодня. Не этого принца».

* * *

Минуту спустя началась церемония.

Еще через пять минут Антонина опять с трудом сдерживала смех.

Еще через десять минут она прекратила сдерживаться и включилась в общее веселье. На самом деле она провела большую часть дня, смеясь вмсете со всеми остальными.

Антонина забыла. В сердце этой церемонии лежал серьезный стержень — очень серьезный. Но аксумиты не очень-то уважают торжественность. В конце концов лучшей защитой против самовозвеличивания и помпезности является юмор.

В общем и целом церемония разворачивалась в хронологическом порядке. С проделками Эона в детстве разобрались достаточно быстро. Все хотели перейти к следующему этапу.

Тогда Антонина и узнала, почему в группе вместе с ней стоят другие женщины. Как оказалось, их всех — за исключением трех старух, которые свидетельствовали о проделках Эона в царских кухнях — в какое-то время совратил молодой принц.

Это была довольно внушительная толпа. Она произвела на Антонину впечатление.

Но большее впечатление на нее, причем гораздо большее, произвело то, что последовало. Большинство женщин служили в царской резиденции в то время, когда Эон был юношей. Они относились к типу женщин, которые в любой стране являются естественной добычей для молодых господ благородного происхождения, когда в тех начинает просыпаться сексуальность.

Но, как выяснилось, они собрались здесь не для того, чтобы высказывать свои жалобы на принца. Они просто рассказывали — или сами выдавали информацию, или отвечали на многочисленные вопросы, которые выкрикивали выстроившиеся солдаты,— о том, как Эон пробирался в чужие постели. Их заявления были честными, открытыми, веселыми — они часто смеялись над самим Эоном. Вскоре стало ясно, что в особенности в ранние годы отличные навыки принца в попадании в чужую постель не соответствовали проявленному после того, как он все-таки в постели оказывался.

Некоторые рассказы были откровенно шутовскими. В особенности Антонину развеселил рассказ пухлой пожилой женщины, которая когда-то служила поварихой в царской резиденции. Женщине, по всей вероятности, было лет на двадцать больше, чем Эону. Она со всеми возможными подробностями поведала о своем терпении и о том, как чуть не приходила в отчаяние, когда пыталась инструктировать упрямого пятнадцатилетнего принца относительно основных принципов женской анатомии. Казалось, без особого успеха, пока наконец не обнаружила секрет: нужно дать глупому мальчишке подзатыльник!

За этим сообщением последовал взрыв смеха, который прокатился по всему тренировочному полю. Охраняющие Усанаса солдаты одобрительно ему улыбнулись.

К сожалению, Антонина не поняла всего, что говорила женщина. Она очень плохо знала геэз, язык Аксумского царства. Менандр, один из катафрактов, которые сопровождали Велисария в Индию, выступал в роли ее переводчика. Во время долгого путешествия он тесно подружился с Вахси и Эзаной и теперь достаточно бегло говорил на их языке.

К сожалению, Менандр был также молод и все еще нес в себе отпечаток консервативого деревенского воспитания. Поэтому, когда рассказ становился уж больно пикантным, он заикался и мямлил и — Антонина не сомневалась — был виновен в излишних сокращениях.

— О чем это она говорила? — спросила Антонина, после того как громкий смех немного поутих.

Менандр заикался и мычал. Сокращал.

— А,— сказала Антонина и мудро кивнула.— Да, конечно. На самом деле трудно научить тупого мужчину пользоваться языком для чего-то более полезного, чем хвастовство.

Но несмотря на весь непристойный юмор, у церемонии была очень серьезная цель. Слушая вопросы, которые солдаты задавали женщинам, Антонина понимала, что они выясняют нечто очень важное.

Солдат не интересовали — ни в коей мере — любовные привычки Эона. Молодые парни, независимо от занимаемого в обществе положения, всегда похотливы и распутны. Принц, благодаря своему престижному положению и самоуверенности, которую дает это положение, обычно более успешен в совращении, чем большинство юношей. Это неизбежно, естественно и не заботит солдат. На самом деле скорее наоборот — никто не хочет видеть во главе государства скромного, держащегося в тени правителя, у которого могут еще и возникнуть трудности с продолжением царского рода.

А если определенный принц доказал свои особенные таланты в этом деле — а Эон определенно доказал — то так оно и лучше.

Бойкий на язык — это дополнительное преимущество для хорошего монарха.

На самом деле солдат волновали методы Эона. Шарм — это одно, давление — другое. Если Эон мог использовать свой престиж принца, чтобы заговорить служанок и оказаться в их постелях,— это только источник для веселья и ничего больше. Но если он пользовался своим положением, чтобы пригрозить, и угрозами достигал своей цели — то это дело полка. Принц, который насилует своих служанок, не станет колебаться, как царь, если захочет изнасиловать страну.

Но в прошлом Эона не было и следа насилия. Допрос женщин продолжался так долго потому, решила Антонина, что все им наслаждались. По крайней мере все, за исключением Эона, хотя Антонина обратила внимание, что принц не против присоединиться к смеху, несмотря на то что сам являлся предметом шуток и насмешек.

Вскоре пришел черед Антонины выступать в качестве свидетельницы. Допрос вел Вахси, как и делал с начала церемонии.

Ему не потребовалось много времени, чтобы прояснить вопрос, к которому имела отношение Антонина. Похотливый принц — это хорошо, пока он в состоянии держать похоть под контролем. Но принц, который может поставить под угрозу политические переговоры из-за своей необузданной похоти, может стать ужасным правителем.

Вахси гневно посмотрел на нее и склонился вперед на троне.

— Разве не правда, что во время путешествия в Константинополь молодой дурак принц не мог не поедать глазами жену величайшего римского полководца?

Антонина даже не испытывала искушения отрицать обвинение. Сам Вахси вместе с Эзаной в то время служили телохранителями Эона. Но ей удалось легко отмахнуться от проблемы.

— Ну, да, наверное, первые несколько дней. Но это меня не оскорбило. В конце концов нельзя сказать, что я непривычна к этому...

Тут она расправила плечи и выпятила грудь. Антонина специально облачилась в самый откровенный наряд, который взяла с собой в путешествие. Наряд на самом деле не был особо провоцирующим, ничего подобного тому, что она носили в те годы, когда была куртизанкой, но ей такой и не требовался. С ее фигурой она могла бы привлекать мужчин, даже надев мешковину.

Наблюдавшие на нею солдаты, которые собрались на поле, стали оценивающе переговариваться.

— ...а Эон вел себя вежливо. Очень правильный молодой принц.

Этого оказалось достаточно.

Следующим вызвали Менандра. Здесь в вопросах не было никакого сексуального подтекста, но суть оставалась та же. Не вел ли Эон себя надменно по отношению к римским солдатам во время путешествия? На давил ли на них? В частности, упоминался арм-

рестлинг, во время которого надменный принц не мог устоять и показал свою гротескную мускулатуру[1].

Менандру не удалось ответить так гладко, как Антонине. Но в своем роде его упрямая и яростная — почти негодующая — защита Эона оказалась еще более эффективной. Никто из наблюдавших за молодым иностранным солдатом, который заикался, выражая свое восхищение принцем, не мог не понять, что Эон произвел впечатление на союзников и завоевал их на свою сторону, несмотря на первоначальные ошибки. И снова по полю пробежал смешок, когда Менандр описал методы Усанаса по исправлению поведения Эона.

Церемония продолжалась в таком же ключе. Рассматривались все аспекты характера Эона — чаще с юмором, но тем не менее безжалостно. Судили даваззa, не принца. Но истинным вопросом был: подходит ли Эон для того, чтобы занять трон.

К середине дня вопрос был решен. На самом деле, как поняла Антонина, он никогда и не стоял. Солдаты из собравшихся полков следовали традиции, но они уже давно приняли решение. И ей было нетрудно, наблюдая за этими солдатами, прийти к выводу, что они не только примут Эона как своего монарха, но также с нетерпением ждут его правления.

«Плохой ход, малва».

Церемония закончилась. С Усанаса сняли цепи. Следуя традициям, Вахси предложил бывшему даваззу выбор. Он может вернуться к себе на родину с множеством даров или может решить остаться в Аксумском царстве, где новый царь несомненно найдет подходящее применение для его талантов.

Ответ Усанаса вызвал последний взрыв смеха на поле — а также вместе с ним и крики ярости.

— Мне следует остаться здесь,— объявил он.— Мой народ очень практичный. А здесь у меня будет много возможности думать о философии. В особенности о диалектике, которая учит, что все вещи находятся в противоречии.

Он холодно посмотрел на Эона.

— Как молодой дурак царь вскоре докажет.

Когда смех стих, он добавил:

— Но диалектика также учит нас, что все меняется. Как малва вскоре обнаружат — даже очень быстро!

Глава 9

На следующий день Эон приступил к выполнению обязанностей негусы нагаста. По традиции ему следовало бы провести вечер,

[1] См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «Окольный путь». *(Прим. перев.)*

гуляя и празднуя с солдатами и жителями Аксума. Но у Эона не было настроения праздновать. Он совсем недавно потерял близких и очень сильно переживал. Его солдаты понимали это и не сердились на нового царя царей за то, что он провел ночь в соборе Мариам Тсион в молитвах о душах членов своей семьи.

Но к утру Эон занял свой новый пост. Как бы он ни страдал — а никто не сомневался, что у него тяжело на сердце — он держал горе в себе. Борьба против малва заняла центральное место.

Как и должно было быть. Как и предсказывал Эон, малва нанесли новый удар.

* * *

— Абреха возглавил восстание,— заявил Вахси. Командующий сарвом Дакуэн сидел на небольшом стульчике, положив руки на колени.— И очевидно весь, сарв Метин решил поддержать претензии их командующего на должность нового царя царей.

— То же самое происходит и в сарве Фалха,— сообщил Сайзана. Командующий сарвом Хадефан склонился вперед на собственном стульчике и добавил: — Но они будут поддерживать Абреху только как царя Йемена. Судя по тому, что сообщил наш шпион, по крайней мере они не станут поддерживать Абреху, если он попытается пересечь Красное море и напасть на само Аксумское царство.

Гармат лежал на приподнятых носилках рядом с Эоном. Тут поднял голову.

— А что с Халеном? — прошептал он. Старый советник начал поправляться, но все еще оставался очень слабым.— И известно ли, что произошло с Сумиафой Ашвой?

— Полк Хален, очевидно, разрывается от нерешительности,— ответил Сайзана.— Они сидят в Марибе и — пока — кажется. решили сохранить нейтралитет.— Он пожал плечами.— Что касается Сумиафы Ашвы, его судьба до настоящего времени неизвестна. Но, думаю, мы должны предполагать, что его убили. В конце концов, он был наместником в Сане, а этот город — центр восстания.

Гармат опустил голову и на несколько секунд закрыл глаза. Его лицо ничего не выражало, но сидевшая рядом с ним Антонина подумала, что Гармат позволяет себе минуту печали. Она знала, что Сумиафа Ашва много лет был близким другом Гармата. Именно по рекомендации Гармата, после покорения Аксумским царством Южной Аравии, царь царей назначил принявшего христианство араба наместником в Йемене.

Очевидно, другие собравшиеся в зале разделяли ее мнение. Никто не произнес ни слова, позволяя Гармату спокойно вспомнить друга.

Антонина воспользовалась моментом, чтобы осмотреть помещение и собравшихся в нем людей. Эон начал совещание, попросив ее представить предложения Римской империи. Занятая этим, а потом последовавшим обсуждением и восстанием в Аравии, Антонина не имела возможности оценить новый круг царских советников.

Это был небольшой круг. За исключением Гармата, никто из высших советников Аксумского царства не выжил во время взрыва. Совещание проводилось в единственном уцелевшем зале для приема посетителей Тааха Мариама. Зал был довольно большим. Даже тяжелые деревянные колонны, которые стояли в разных местах, поддерживая потолок, не могли скрыть его размеры.

Взгляд Антонины остановился на окнах в восточной стене. Квадратные окна были надежно сделаны из камня и дерева. Этот стиль предпочитали аксумиты. Стекло отсутствовало. Прохладный бриз с возвышенностей проникал внутрь помещения сквозь проемы между каменными крестами, которые составляли основу окна и служили его украшением. Сквозь кресты виднелись Май Квохо и маячившие позади горы.

Символы христианской веры придали Антонине сил даже больше, чем величественность гор, и она повернулась назад к кругу советников.

«Да, небольшой круг. Но в определенном смысле — богатый».

В конце концов, здесь присутствовал Гармат. И все командующие полками, за исключением трех, расквартированных в Йемене. И — что самое важное, как подозревала Антонина — тут находился Усанас.

Ее взгляд остановился на Усанасе. В прошлые годы бывший дававз располагался бы позади принца, готовый при необходимости подвергнуть его суровой критике, но во всех других случаях знающий свое место.

Однако Усанас больше не являлся рабом. Пока у него не было титула. Но Антонина не упустила важности его положения в узком кругу. Аксумиты, как и римляне, считали место у правой руки монарха местом для наиболее уважаемого человека. И там сидел Усанас — на подушке, не на стуле, в той странной позе со скрещенными ногами, которой он научился в Индии. Поза лотоса, называл он ее, заявляя, что она помогает во время медитации.

Странный человек, склонный к фантазиям и философии. Но Антонину его присутствие успокаивало.

Эон откашлялся, показывая таким образом, что пора продолжить обсуждение. Молодой царь расправил плечи, касавшиеся деревянной спинки массивного стула, служившего ему троном, и повернулся к Антонине.

— Вначале нам придется разобраться с восстанием,— заявил он.— Ты знаешь, что я согласен с римскими предложениями, но я не могу...

Эон говорил на геэзе, но Антонина не стала ждать перевода Менандра. Она поняла достаточно слов и в любом случае ожидала услышать что-то подобное.

Женщина согласно кивнула.

— Конечно, Ваше Величество. Аксумскому царству нужно вначале навести порядок у себя дома, перед тем как думать о нанесении ударов малва. Кроме того, это восстание определенно вдохновлено и организовано шпионской сетью малва. Оно не случайно началось в тот же самый день, когда была разрушена Тааха Мариам. Восставшие в Йемене не могли узнать о взрыве, если только их о нем не предупредили заранее. Путь из Аксума в Сану занимает по крайней мере неделю, и то если у тебя самые быстрые лошади и корабли.

После того как Менандр перевел, она продолжала.

— Я не думаю, что малва догадались об истинных планах моего мужа. Но у них в любом случае есть основания нанести удар по Аксумскому царству. Аксумиты сыграли ключевую роль в спасении императрицы Шакунталы и организации восстания на Деканском плоскогорье. Малва, очевидно, решили отплатить Аксумскому царству той же монетой, а также добавить сюда и цареубийство.

Она кивнула Эону.

— Что касается меня, то подавление восстания в Йемене — это часть войны против малва. Поэтому моя собственная армия находится в твоем полном распоряжении.

Один из офицеров — Габра, командующий полком Дамава — начал возражать:

— Это внутреннее дело. Я не уверен, что использование иностранных войск не ухудшит ситуацию. Пока полк Хален остается нейтральным. Если мы примем помощь...

Его перебил Усанас.

— Черт тебя побери! Абреха и его восставшие используют иностранные войска, не так ли? Судя по сообщению нашего шпиона, Абреху окружают полдюжины агентов малва, куда бы он ни пошел,— Усанас бросил взгляд в угол команты, где стоял человек, недавно прибывший из Саны.— Абреха публично хвастается, что воинские подразделения малва вскоре прибудут в Йемен.

Охотник шлепнул ладонью по полу.

— И большая часть его сил сейчас — не аксумиты! Полк Абрехи и Фалха — вместе взятые — насчитывают менее двух тысяч человек.— Он обвел глазами зал, переводя его с одного командующего полком на другого, которые сидели в ряд перед негусой нагастом.— Сами по себе они не имеют шансов. Поэтому — судя по донесениям нашего шпиона — большинство сил Абрехи составляют арабы. Племена бедуинов с территорий в глубине страны.

Он снова посмотрел в угол. Командующие полками вывернули головы, следуя за его взглядом. Увидев, что все смотрят на него, шпион сделал несколько шагов вперед.

— Большинство из них,— подтвердил мужчина.— Некоторые арабы из городов объявили о поддержке Абрехи. Но основую поддержку он получил от бедуинов.

Гармат принял сидячее положение.

— А что с курейшами? — спросил он.

— Пока Мекка остается верной. Конечно, это может измениться,— сказал шпион.— И в ближайшее время скорее всего изменится, если мы не подавим восстание.

Услышав эту новость, несколько командующих заворчали. Звуки не были четкими, но смысл их не вызывал сомнений.

Антонина поняла смысл. Большие арабские племена, сконцентрированные в Мекке и других городах Западной Аравии — среди которых главным были курейши, являлись торговцами, не бедуинами. Именно они, а не живущие в глубине страны номады были недовольны тем, что находились под властью Аксумского царства. Бедуинам с территорий в глубине страны на самом деле было все равно, кто правит плодородным Йеменом. Те номады, которые решили поддержать Абреху, сделали это за тут же полученные взятки — и надежду на возможность разграбления, если Абреха отправится в Аксумское царство.

Но коммерческие интересы племен в Мекке часто сталкивались с интересами Аксумского царства. Аксумское царство контролировало большой торговый путь, который проходил через Красное море и зависел от способности военно-морского флота справляться с пиратами. С другой стороны, курейши зависели от пиратства. Не то что они сами пиратствовали — хотя их часто в этом обвиняли. Просто никто не пользовался их более дорогими верблюжьими караванами, если только морской путь не кишел пиратами.

После того как Аксумское царство под предводительством царя Калеба покорило Южную Аравию и военно-морской флот железной рукой установил свое владычество на Красном море, интересы торговцев Мекки сильно пострадали. По логике вещей именно они, а не бедуины, должны были бы собираться под знаменами Абрехи. Тот факт, что они этого не делали...

— Они всегда отличались умом,— сказал Гармат, который теперь сидел прямо.

Впервые после начала совещания лицо старого советника стало возбужденным, и сам он демонстрировал готовность к действиям. Гармат сейчас снова казался старым Гарматом, и Антонина была не единственной в зале, у кого стало улучшаться настроение.

— Мекка — это ключ,— многозначительно сказал Гармат.— Мекка и Ятриб и весь Хиджаз. Я говорил это раньше и сейчас скажу

снова: власть над Йеменом зависит от нашего контроля над западным побережьем. Мы всегда получим поддержку горожан-арабов из Йемена, по крайней мере большинства. Эти люди — фермеры. Они хотят стабильности и порядка, а ни одна сила в этом регионе не в состоянии обеспечить их так хорошо, как Аксумское царство. Да, они несколько недовольны, поскольку мы — иностранцы. Но не особенно, потому что аксумиты — не такие уж и иностранцы...

Он показал большим пальцем на себя. В зале послышались легкие смешки. Гармат явился результатом союза между арабской женщиной и аксумским торговцем.

Советник улыбнулся.

— Я ни в коей мере не являюсь единственным полукровкой в Аравии или Аксумском царстве.

Собравшиеся командующие полков улыбнулись ему в ответ. Судя по их внешности, по крайней мере у двоих явно имелись арабские предки. Антонина знала о давних тесных контактах между Аксумским царством и Аравией и подозревала, что у большинства аксумитов в генеалогических деревьях имелись арабы. А чаще — целые полчища арабов.

Гармат продолжал говорить:

— Если им будет предоставлен выбор, то города Йемена нас поддержат. Бедуины ничего не значат. Они склонятся перед тем, у кого власть, и не станут поднимать восстание, пока никто не вмешивается в их традиции.— Он пожал плечами.— Конечно, их поддержка поверхностная. Если начнутся беспорядки, они начнут искать, как этим воспользоваться. Но пока Аксумское царство крепко держит Йемен под контролем — и Хиджаз, западное побережье — бедуины будут заниматься своими делами.

Он склонился вперед и внимательно посмотрел на Эона.

— Я говорил это твоему отцу и скажу тебе. Мекка — это ключ. Если ты сможешь припаять Хиджаз к Аксумскому правлению, ты удержишь все Южную Аравию в крепко сжатом кулаке. Но пока курейши недовольны, твое правление — это замок из песка, который в любой момент может смыть волна.

На мгновение он закрыл глаза.

— Я никогда не смог полностью убедить Калеба. Нельзя сказать, что он не соглашался, но...— Гармат открыл глаза.— Царь Калеб никогда не хотел платить нужную цену.

Гармат заговорил резче.

— Но теперь ее нужно заплатить.

Командующие полками начали возражать, правда негромко. Гармат холодно посмотрел на них.

Антонина колебалась. Она соглашалась с Гарматом, но не была уверена, позволяет ли ее положение вмешиваться в вопрос, который являлся таким больным для аксумитов.

Но ее колебания были практически сразу же поставлены на обсуждение.

— Что ты посоветуешь, Усанас? — спросил Эон.

Бывший давазз говорил уверенно.

— Заплати цену. Сразу же — и полностью. Я абсолютно согласен с Гарматом.

Протест нарастал. Усанас уставился на собравшихся командующих полками. Если Гармат смотрел холодно, то Усанас смотрел смертоносно.

— Эти возражения, которые ты слышишь, царь царей,— звуки мелочной жадности,— объявил Усанас и показал на офицеров обвиняющим перстом.— И ничего больше.

Офицеры — по крайней мере большая часть из них, не Вахси — гневно уставились на Усанаса. Бывший давазз ответил им гневным взглядом, сразу давая понять, что независимо от того, как теперь официально именуется его должность, бывший раб не станет колебаться перед тем, как схлестнуться с командующими армией.

— Глупые мальчишки,— фыркнул он.— Мальчишки, которые жаждут заполучить свои глупые жалкие игрушки и не желают делить их с другими мальчиками на игровой площадке.

Антонина сделала глубокий вдох. Она понимала, что лежит в основе ссоры. Ее прекрасно подготовили ее собственные отличные советники, один из которых — армянский катафракт по имени Ашот — очень хорошо знал Аксумское царство и сложности торговли и политики в регионе Красного моря.

В отличие от Рима, Аксум не делал различий между армией и флотом. В каждом полку имелась своя флотилия, кораблями управляли солдаты. Несмотря на то что аксумские солдаты родились и выросли на возвышенностях, они были и моряками, причем знали морское дело не хуже, чем сухопутное. Они были моряками и торговцами. Когда морской флот не участвовал в войне и не патрулировал воды, корабли полков перевозили торговые грузы. А также получали определенный процент с гражданских судов за то, что подавляют пиратство, и это позволяет процветать гражданским купцам.

Если вкратце, то аксумская армия имела непосредственный и глубокий интерес в поддержании господства в морской торговле в Красном море — что как раз мешало верблюжьим караванам курейшей и других торговых племен Мекки и Хиджаза.

Антонина затаила дыхание. Спор потенциально мог превратиться в жестокую склоку, имеющую ужасные последствия для ее планов. Стратегия Велисария зависела от поддержки сильного и объединенного Аксума.

Когда Эон заговорил, его голос звучал тихо. Он напоминал льва, ворчащего на львят.

— Вы — мне — подчинитесь.

Пораженные величественностью этого голоса, офицеры отвернулись от Усанаса и уставились на негусу нагаста.

Эон сидел на троне и почти не шевелился. В последующие минуты он не использовал никаких величественных жестов, чтобы придать силы словам. В этом не было необходимости. Сами слова казались выбитыми в камне.

— Не забывайте, командующие саравита, почему Аксумским царством правлю я, а не вы. Вы — нагаст, а я — негуса нагаст. Царь царей. Наши предки поняли, что цари склонны к ошибкам, а поэтому ввели давазза и потребовали одобрения полков перед тем, как принц может стать царем. Но они также поняли, что офицеры — благородные господа с любыми нашивками на форме — склонны к другой ошибке. Они не думают о царстве в целом и думают только о своем маленьком куске этого царства. И поэтому над вами был поставлен негуста нагаст.

Эон уставился на них сверху вниз, как сфинкс.

— Вы думаете только о своей прибыли, как будто она — главное. Но я был в Ранапуре, где малва убили двести тысяч человек. Сдирали с них кожу, скармливали животным, топтали слонами, раздирали на части волами.

Он говорил холодным тоном, как камень.

— Двести тысяч человек. Вы можете представить такое число? Вы, жители маленьких городов и деревень? Вы, считающие монетки? Во всех городах Аксумского царства и Аравии, если их сложить вместе, не наберется такого количества людей. Вы думаете, малва не сделают то же самое с Аксумом и Саной? Думаете?

Наконец он шевельнулся. Поднял лежавшую на подлокотнике руку и показал пальцем на Усанаса.

— Мой давазз по моему приказу брал в свою руку Талисман Бога и увидел будущее Аксумского царства, если малва не будут побеждены. Ко времени его смерти в битве мы стали беженцами, которые уходили в Центральную Африку и не питали больших надежд обрести там рай.

Эон склонился вперед, совсем чуть-чуть.

— Какой толк будет от ваших сокровищ в Центральной Африке, купцы? Планируете купить самые изысканыне травяные хижины или спать в самой лучшей грязи?

Эон уставился на командующих полками. Через мгновение они опустили головы.

Все за исключением Вахси, который проворчал:

— Я также был в Ранапуре. Я не пытался считать убийства малва. Я не мог даже сосчитать реки крови.

Эон позволил молчанию длиться целую минуту, перед тем как снова заговорил. Камень стал железом.

— Мы не будум спорить по этому вопросу. Я не потерплю никаких диспутов. Я прикажу немедленно казнить любого офицера, который только произнесет слова возражения в частной беседе со своими солдатами. Я установлю отрубленные головы всех командующих всех полков на крестах наверху их тронов на плацу. Если сомневаетесь, если думаете, что сарвены скорее пойдут за вами, чем за негусой нагастом, то проверьте меня прямо сейчас. Перед тем как подавить восстание в Аравии, я подавлю его здесь.

Молчание. Эон позволил ему продлиться целых две минуты.

Железо стало сталью.

— Я приказываю следующее. Мы немедленно отправим делегацию в Мекку, на самых быстрых в Аксуме лошадях, потом наши люди пересядут на самый быстрый корабль в Асэбе. Если Гармат достаточно окреп, чтобы отправиться в путешествие, то он будет старшим. Если нет...

— Я достаточно поправился, царь царей,— вставил Гармат.

Эон кивнул и продолжал:

— Наша делегация встретится с лидерами курейшей и всех других племен Хиджаза. Мы предложим следующее. С этого времени племена имеют право участвовать в прибылях с морской торговли. Им также будет позволен доступ ко всей караванной торговле везде в Аксумском царстве — как и в Аравии. И наконец...

Молодой царь сделал глубокий вдох. Только на секунду показалось, что у него по лицу пробежала тень.

— Делегация предложит одной из их принцесс вступить в брак с негустой нагастом — со мной. С любой, которую они выберут. С этих пор кровь Аравии будет течь в правящей династии Аксумского царства.

Эон наконец улыбнулся. Это была слабая, вымученная улыбка.

— Легально и официально. Другими способами она и так уже достаточно часто проникала к нам.

Антонину эта улыбка не обманула. Она понимала, как мало Эона волнуют мысли о браке так скоро после смерти Тарабай и Зайи. Но молодой царь и этим показывал, что он способен ставить на первое место интересы государства.

— Негуса нагаст,— тихо прошептала она.

Или она думала, что тихо. Возможно, она произнесла слова громче, чем намеревалась, потому что их эхом повторили другие собравшиеся в зале люди. Весь зал в течение нескольких секунд.

— Негуса нагаст,— повторили командующие полками. Два слова, без каких-либо дополнений и пояснений, были знаком их подчинения.

Новый царь царей Аксумского царства начал свое правление. Он показал себя царем царей в том, что теперь имело значение, а не

в формальностях, ритуалах и традициях. Полки подняли его на трон, но он показал, что может сломить их и подчинить своей воле.

Вначале, осторожно изучая лица командующих саравита, Антонина удивилась, что не видит никаких знаков негодования или возмущения. Как раз наоборот — несмотря на невозмутимость и бесстрастность суровых черных лиц, она была уверена, что различила лежащее под поверхностью удовлетворение.

Но через некоторое время она решила, что неправильно поняла этих людей. Они могли быть торговцами и купцами, в какие-то этапы своей жизни. Но в сердце этой жизни лежали копья, а не монеты. Если отбросить все мелочи, эти воины ценили победу как самое большое богатство. И как и все подобные люди, они знали: триумф невозможен без уверенности в командире.

А теперь уверенность была. Доказательства компетентности командира им только что представили. И если потребуются дополнительные доказательства, им были предложены их собственные головы, надетые на кресты на плацу.

Необходимости не возникло. В последующие часы собравшиеся расслабились, и обсуждение перешло на специфические военные темы, кампании, переговоры, торговые привилегии. Антонина наблюдала за укреплением и сплочением нового аксумского командования. Конечно, все концентрировалось на Эоне, но там также был Усанас, и Гармат и Вахси и в концу дня все командующие саравита, за исключением восставших в Аравии.

Наблюдая за легкостью и уверенностью, с которыми эти люди планировали следующую кампанию, в которой ее собственные силы являлись неотъемлемой частью планов, Антонина снова и снова обнаруживала, с каким трудом подавляет желание рассмеяться.

«Плохой ход, малва. О да— плохой, очень плохой ход».

Глава 10

Деогхар
Весна 532 года н.э.

Рагунат Рао доел миску риса и поставил ее на каменный пол в башне. Все еще сидя на корточках, он прислонился к стене. Его голова, прижатая к грубым камням, находилась только в нескольких дюймах от одной из открытых бойниц укрепления. Бриз, залетающий в щель в стене, помогал переносить жару. Была середина гарама, сухого сезона в Индии, и земля напоминала раскаленную печь.

Рао излучал удовлетворение.

— Приятно для разнообразия поесть рису,— заметил он.— Меня уже тошнит от проса.

Сидевший на корточках рядом с ним Малоджи весело кивнул.

— И его хватит на несколько дней. С побережья контрабандным путем доставили большую партию.

Рао повернул голову и посмотрел сквозь бойницу на далекие линии осаждающих Деогхар малва.

— Проблемы были?

Малоджи улыбнулся.

— Никаких.— Он резко мотнул головой в сторону малва.— Половина этих несчастных к этому времени просто пытаются выжить. Подлый теперь почти не отправляет их патрулировать местность, а большинство из отправляемых просто закрывают глаза. Мы позволяем им проехать, не получив увечий, они ничего не видят. Это молчаливое соглашение.

Рао улыбнулся, обвел взглядом вражеские траншеи и полевые укрепления. Просто по привычке. Осаждающие из малва больше не пытались продвинуться вперед. Они ждали прибытия осадных орудий, чтобы пробить толстые стены Деогхара.

Стены Деогхара выдержали легкую полевую артиллерию Венандакатры, принеся смерть тысячам солдат малва. Теперь враг уже несколько недель не пытался осаждать город. Даже Венандакатра, который беспокоился о жизнях простых солдат не больше, чем о насекомых, не приказывал начинать новые атаки.

Малоджи продолжал говорить:

— Конечно, если бы здесь все еще оставались раджпуты, то у нас возникли бы проблемы. Но их послали на север. Как говорят наши шпионы в Бхаруче, у малва в Персии сплошные несчастья. И все из-за римлян,— он сплюнул на пол.— Даже йетайцы Подлого больше не могут заставить солдат регулярной армии по-настоящему патрулировать местность.

Оба замолчали на несколько минут. Затем Малоджи откашлялся и снова заговорил:

— Ты получил известия от императрицы?

Рао кивнул.

— Да. Вчера пришло письмо. Но она ничего не говорит об осадных орудиях. Я и не ожидал от нее. Если Кунгас смог убедить ее принять наш план, она не станет отправлять нам послание. Побоится, что его перехватят. План может иметь успех, только если хранится в полной тайне.

Малоджи колебался, потом нахмурился.

— Мне все равно это не нравится. Как ты можешь так сильно доверять этому человеку? Он один раз предал малва. Почему бы ему не предать нас? Все зависит от него и его товарищей-предателей.

Взгляд Рао переместился с врага на Малоджи. Выражение его лица было абсолютно спокойным.

— Слова, Малоджи. Это просто слова. Пелена иллюзии. Как человека можно обвинять в предательстве малва, когда он с самого начала никогда не клялся им в верности? Он родился в их мире, он не выбирал их свободно.

— Он работал на них,— упрямо возразил Малоджи.— Все кушаны работали.

Рао улыбнулся.

— Скажи мне вот что, Малоджи. Ты когда-нибудь ловил диких животных — детенышей, когда был мальчиком, и держал их в загоне? — Его друг и подчиненный кивнул.— Они убегали?

Малоджи рассмеялся.

— Мангуст убегал.

Рао кивнул.

— А потом? Ты объявил мангуста предателем?

Малоджи рассмеялся. Мгновение спустя он вытянул вперед руку и открыл ладонь перед Рао. Таким образом ученик признавал правоту учителя. Малоджи не в первый раз в жизни открывал так ладонь перед Рао и знал, что не последний.

Глаза Рао слегка затуманились.

— Я знаю этого человека, Малоджи,— сказал он.— Возможно, даже лучше, чем я знаю любого другого человека, живущего на Земле. Я провел много недель, изучая его, когда прятался у стен дворца Подлого, пока он все еще оставался охранником Шакунталы. Тогда он был моим врагом. Я ненавидел его с чистой яростью. Но я всегда понимал его.

Рао слегка повернулся и показал на юг.

— Я никогда не забуду день, когда увидел, как Кунгас заходит в эти ворота с посланием от императрицы — о том, что она взяла Сурат. Я упал на колени — так был поражен. Я знал, что Велисарий должен был найти союзников в Индии, чтобы украдкой вывезти Шакунталу, но я не представлял, что это Кунгас.

Рао закрыл глаза, смакуя воспоминания.

— Я упал на колени. Кунгас подошел ко мне и протянул руку, но я отказался от предложения. Я несколько минут стоял на коленях, не потому, что все еще был шокирован, а потому, что молился.

Он открыл глаза и уставился на слепящее индийское небо.

— Тогда я понял, я *знал*, что Бог не бросил нас.

Он опустил глаза, чтобы встретиться с взглядом друга.

— Поверь мне, Малоджи. Если это можно сделать, то Кунгас это сделает.

* * *

Молчание продолжалось несколько минут. Затем Рао слегка потряс головой и заговорил снова. Его голос звучал немного резковато.

— Императрица написала письмо, спрашивая моего совета. Чолы предложили ей вступить в брак. Старший сын из той династии.

Малоджи внимательно смотрел на Рао.

— И что ты ответил?

Рао вытянул руки вперед и несколько раз сжал и разжал кулак: глядя на него так, как будто это зрелище его очень интересовало.

— Я убеждал ее принять это предложение,— сказал он.— Чола — самое могущественное независимое королевство в Южной Индии. Конечно, их предложение полно оговорок, но они все равно предлагают настоящее союзничество. Брак между Шакунталой и Чолами усилит нас, как ни один другой. Я полностью согласен с Дададжи Холкаром по этому вопросу и ясно дал ей это понять.

Малоджи отвернулся.

— Наверное, тебе было очень тяжело писать это письмо,— сказал он тихо.

Глаза Рао округлились.

— Почему?

Малоджи фыркнул. Мгновение спустя снова посмотрел на Рао. Это был грустный взгляд.

— Старый друг, меня ты не обманешь. Других, возможно. Но не меня.

Он больше ничего не сказал. Мгновение Рао пытался встретиться с прямым взглядом Малоджи. Но только мгновение.

— Это дхарма, Малоджи,— изучая пальцы, тихо сказал он.— Я жил всю жизнь, подчиняясь долгу и дисциплине. И точно так же... — Он сделал глубокий вдох, от которого почти содрогнулся. Его глаза слегка увлажнились.— И она тоже,— Рао снова вдохнул воздух, теперь даже не пытаясь контролировать дрожь.— Она — сокровище моей души, Малоджи. Но у меня есть долг, и у нее есть долг. Мы оба будем преданы нашей дхарме.

Он сжал кулаки.

— Так должно быть. Так будет.

Малоджи колебался. Вероятно, он был самым близким другом Рао, но этот вопрос они никогда не обсуждали. Он легко пожал плечами и решил продолжить тему.

— А ты когда-нибудь говорил с ней об этом?

Спина Рао напряглась.

— Никогда! — воскликнул он.— Это само по себе стало бы предательством. Сам император Андхры велел мне заботиться о ней, чтобы сохранить династию. Обмануть это доверие было бы самым мерзким предательством с моей стороны.

Малоджи покачал головой.

— Ты не ее отец, Рао. Да, ты значительно старше ее. И что? Если я правильно помню, то старший сын Чолы не моложе тебя.

Рао резко рубанул воздух.

— Это ни к чему не имеет отношения. У нее чистейшая кровь в Индии. Она — наследница древнейшей династии Сатаваханы. А я — военачальник, если вообще не атаман, из маратхи.— На мгновение ему удалось улыбнуться.— Да, я считаюсь относящимся к сословию кшатриев — по крайней мере, маратхи так считают. Но отец моей матери был крестьянином, и никто не знает имени моего дедушки со стороны отца, хотя, говорят, он был лудильщиком.

Его могучие руки расслабились. Потом он выдохнул воздух и его мускулистое тело тоже расслабилось.

— Мир таков, как он есть, Малоджи. Мы должны быть верными нашей дхарме или мы потеряем наши души.

Казалось, все его тело растеклось по камням стены, словно Рао пытался найти единение с Вселенной.

— Мы должны это принять, и все.

Рао перевел взгляд на друга. Влага из глаз ушла вместе с внешними признаками боли. Внезапно он улыбнулся.

— Это было трудно, признаю. Я помню, как первый раз...— Он уныло усмехнулся.— Ей было тринадцать лет, может, четырнадцать. Она очень хорошо выполнила упражнение, которое я ей велел, и я похвалил ее. Она рассмеялась и обняла меня, крепко прижавшись. Внезапно меня словно ударило молнией. Я никогда не забуду то мгновение. Я понял: она теперь женщина. И не просто любая женщина, а...

Он пытался подобрать слова. Их обеспечил Малоджи.

— Ее называли Черноглазой Жемчужиной Сатаваханы с возраста двенадцати лет. Для этого есть основания, и дело не только в глазах. Я не видел ее после Амаварати, но даже тогда она была красива.

Рао снова закрыл глаза.

— Я пытаюсь не думать об этом,— прошептал он.— Это трудно, но я справляюсь. С того дня, много лет назад, я не позволял себе смотреть на красоту ее тела. Другие мужчины могут, но не я.— Он открыл глаза.— Но я не слепой и вижу настоящую красоту. Я пытался — пытался изо всех сил— но не могу. Я просто стараюсь не думать об этом.— Рао улыбнулся.— Возможно, именно поэтому я так часто медитирую.

Рагунат Рао резко встал.

— Достаточно. Мы больше не будем об этом говорить, Малоджи. Хотя я благодарю тебя за твои слова.— Он выглянул из бойницы и посмотрел на врагов из малва.— Нам нужно сражаться, участвовать в войне и выиграть ее. Вернуть династию на законное место. Охранять и защищать императрицу — и ценить. Это наша дхарма.

Он оттолкнулся от камней и повернулся к ведущей к городу внизу лестнице.

— А теперь я должен заняться своими делами. У меня есть долг, и у нее есть долг. Она выйдет замуж за Чолу, а я буду танцевать на ее свадьбе. Лучший танец, который я когда-либо танцевал.

Несколько секунд спустя он ушел. Наблюдавший за его уходом Малоджи склонил голову.

— Даже ты, Рагунат Рао, не сможешь,— прошептал он.— Даже ты — лучший танцор Великой Страны и ее душа — не сможешь станцевать так хорошо.

Глава 11

Персия
Весна 532 года н.э.

Первый артиллерийский обстрел малва оказался неприятным сюрпризом для римских войск, окопавшихся у верха седловидного перевала. Вместо того чтобы пролететь над местностью, большая часть ракет малва приземлилась очень близко от полевых укреплений римлян. А огонь небольшой батареи полевых орудий, которые Дамодара установил на ближайшей возвышенности, оказался дьявольски точен. Облака пыли и летящей грязи частично скрыли римские полевые укрепления.

Однако реального урона было мало. Два пушечных ядра приземлились в траншеях, но убили только одного человека. Стрельбу тяжелыми пушечными ядрами придумали для полевых сражений, где ядро может проскочить сквозь тесно стоящую или приближающуюся плотной группой пехоту. Даже когда таким ядром стреляют прямо по траншее, оно обычно только погружается в землю. Убитому на этот раз просто не повезло — он стоял не на том месте. Умер он практически молча, прозвучал лишь глухой удар, затем тело разорвало пополам, и послышались жуткие звуки растекающейся крови и вываливающихся из трупа внутренностей.

Более тяжелые потери вызвала единственная ракета, которая попала прямо в траншею. Боеголовки ракет были наполнены порохом и мелкими гранулами железа. Когда такая боеголовка взрывалась в наполненной людьми траншее, результат получался ужасным.

— Черт побери,— прошипел Маврикий, наблюдая за тем, как выжившие в траншее суматошно пытаются спасти раненых. Крики спасателей заглушали вопли умирающих и раненых.— У них запалы, взрывающиеся при соприкосновении с целью.

Велисарий кивнул.

— И они снабдили ракеты правильными насадками для регулирования выходящей струи газа,— добавил он.— Можно определить

разницу только по звуку, даже не учитывая то, что они стали в десять раз точнее.

Он нахмурился и направил телескоп на шатер Дамодары, который установили в нескольких сотнях ярдов от передней линии йетайцев, которые собирались, чтобы пойти в атаку.

При помощи телескопа Велисарий видел, как Дамодара стоит на платформе, которую воздвигли перед шатром. Платформа была грубо сделана и представляла собой простое сооружение из небольших бревен, крепко сбитых друг с другом, но ее хватало, чтобы командующий из малва мог прекрасно видеть происходящее. Велисарий подумал, что для Дамодары типична такая простота конструкции. Он даже не побеспокоился приказать оструrать бревна. Большинство анвайя-прапта сачив настояли бы, чтобы доски отполировали, а потом еще устлали коврами.

— Как они это сделали? — пробормотал римский полководец.— Я знал, что малва вскоре додумаются до зарядов, взрывающихся при соприкосновении с целью, и этих насадок для регулирования выходящей струи газа. Но я не ожидал, что они появятся в армии Дамодары, ведь она изолирована от заводов в Индии.

Велисарий опустил телескоп. Он все еще хмурился.

— Наверное, они притащили все с собой,— заметил Маврикий. Седой ветеран тоже хмурился.— Жуткая дорога для материально-технического обеспечения! Я бы проклял все на свете, если бы пришлось полагаться на доставку боеприпасов и провизии через горную систему Гиндукуш и... все это.

Два последних слова сопровождались неопределенным взмахом руки. Маврикий таким образом показывал на всю пересеченную и засушливую местность между плодородными долинами Северной Индии и горной системой Загрос. Горы, возвышенности, пустыни — это была одна из самых труднопроходимых местностей в мире. Она больше подходила для горных козлов, чем поставок боеприпасов и провизии.

— Это можно сделать,— задумчиво произнес Велисарий.— Если вспомнить, торговые караваны добирались до Китая. Но не часто и не несли ничего громоздкого, только предметы роскоши.

«Золотые монеты, хрусталь и красные кораллы из Римской империи в обмен на китайский шелк,— уточнил Эйд.— Немного драгоценностей, в обе стороны».

Велисарий почесал подбородок, как неизменно делал во время раздумий.

— У Дамодары, вероятно, имелось одно преимущество,— медленно добавил он.— Ему не требовалось беспокоиться о разбойниках. Ни один промышляющий в горах разбойник в здравом уме не стал бы атаковать военный караван малва.

— Патаны стали бы,— возразил Маврикий, ссылаясь на самое яростное из горных племен.— Эти ублюдки... Ложись!

Они с Велисарием поспешно рухнули в траншею. Стоявшие рядом Анастасий с Валентином сделали то же самое. Партия ракет малва пролетела не более чем в десяти футах над их головами. Через несколько секунд римляне услышали звуки взрывов, когда ракеты приземлились где-то на заднем склоне седловидого перевала.

Как только Велисарий уверился, что вся партия ракет пролетела, то выпрямился и посмотрел назад. Он занял позицию в траншее у самого верха перевала, что давало ему хороший обзор на склон позади, как и местность впереди. Велисарий перегнулся через парапет из бревен и внимательно изучил сцену.

Он нахмурился. Увиденное заставляло беспокоиться. Велисарий поставил войска, вооруженные ручными пушками, прямо за верхом перевала. Он считал, что там они будут вне опасности до тех пор, пока ему не потребуются. И вне поле зрения врага. Ручные пушки были личным маленьким сюрпризом Велисария для малва. Во время этой кампании он пока ими не пользовался и надеялся, что Дамодара и Шанга все еще не знают об их существовании.

К нему присоединился Маврикий. После одного быстрого взгляда хилиарх озвучил мысли Велисария.

— Никакого урона. Ракеты пролетели и над ними.

Маврикий улыбнулся, что делал крайне редко. Велисарий подумал, что, вероятно, это наименее веселая улыбка в мире. Зимняя, если так можно назвать улыбку.

— Готов поспорить: больше они не стонут из-за того, что ты заставил их столько времени рыть землю,— усмехнулся Маврикий.

Они с Велисарием увидели, как первые головы артиллеристов, вооруженных ручными пушками, появляются из траншей. От этих солдат их отделяло не более пятидесяти ярдов, и выражения их лиц заставили Велисария тоже улыбнуться. Беспокойство, страх — совмещенные с сильным негодованием.

— Что, черт побери, это означает? — как бы спрашивали они.— Вот мы здесь, наслаждаемся приятным моментом, расслабляемся, втихомолку ругаем чертова полководца, который так любит эти лопаты и заставляет нас копать траншеи, стоит нам только на два шага изменить позицию, и... Что, черт побери, происходит? Это несправедливо!

Все еще улыбаясь, Велисарий развернулся и снова принялся за изучение врага. Мгновение спустя он вернулся к прерванному разговору.

— Патаны не стали бы нападать на караван, доставляющий провизию и боеприпасы Дамодаре. Не забывай, Маврикий: караваны защищают раджпуты. И к тому же раджпуты Шанги. И я уверен:

Шанга проследит, чтобы информацию передали вождям племен. Как ты знаешь, у него есть свои следопыты-патаны.

Велисарий посмотрел на большую группу конницы раджпутов, которая составляла правое крыло построения врага. Меньшее число раджпутов находилось на левом крыле, но Велисарий раньше при помощи телескопа разглядел Шангу. В этой предстоящей битве царь раджпутов занял место справа. Без помощи телескопа Велисарий не мог больше найти Шангу среди тысяч других раджпутов, собравшихся на той стороне поля брани. Но он не сомневался: Шанга все еще там.

— Шанга вел последнюю карательную экспедицию, которую раджпуты отправили против патанов,— сказал он тихо.— Это было много лет назад. После этого не отправляли ни одной: Шанга очень здорово их потрепал...— Велисарий замолчал и скорчил гримасу.— Кровавое было дело.

Маврикий быстро взглянул на полководца. Велисарий в прошлом сам возглавлял карательные экспедиции против варваров. Несколько раз через Дунай, один раз против айсоров в Малой Азии. Даже несмотря на молодость — а Велисарий до сих пор выглядел моложе тридцати — его кампании отличались мудростью и хитростью.

Они были жестокими и дикими, как и всегда кампании против варваров. Велисарий ненавидел жестокость, что было нетипично для солдат того времени. Часть неприятия, как думал Маврикий, просто объяснялась характером Велисария. Но эта естественная склонность окрепла и дошла до нужного состояния от вида готских и айсорских деревень, которые посетили его собственные войска.

Маврикий посмотрел на теперь ничего не выражающее лицо Велисария и отвернулся. В этот момент он был уверен, что знает, о чем думает Велисарий. У Маврикия в сознании появился образ, такой четкий, словно это случилось вчера. Он вспомнил, как Велисарий стоял над телом ребенка в одной из тех деревень. Молодой командующий — ему тогда даже не было двадцати — только что прибыл на место в сопровождении Маврикия и нескольких фракийских катафрактов. Деревня горела, но основная часть армии уже прошла сквозь нее и буйствовала дальше.

Судя по размеру маленького трупа, готу было не больше пяти лет. Солдаты Велисария вбили в землю заточенную палку, посадили мальчика на кол, кастировали, отрезали руки, а затем наконец перерезали горло. Ни Велисарий, ни Маврикий, увидевшие результат, не сомневались в последовательности совершения зверств. Несколько минут, которые, вероятно, показались вечностью жертве, римские войска подвергали беспомощного ребенка самым жестоким пыткам, которые только можно представить.

Рядом лежало тело обнаженной девушки с вывалившимися внутренностями. Возможно, матери мальчика, но, скорее, сестры. Лицо трупа представляло бесформенный кусок мяса, покрытый полусвернувшейся и уже засохшей кровью. Было невозможно определить ее черты. Но судя по телу, она недавно достигла половой зрелости. Очевидно, девушку многократно изнасиловали перед тем, как убить.

Вспомнив, Маврикий словно снова услышал тихие, полные боли слова Велисария: «И эти люди называют себя христианами?»

До того дня Велисарий просто пытался сдерживать свою армию. После того случая, пресекая зверства, он ввел драконовскую политику, которой впоследствии прославился. С точки зрения некоторых солдат и всех наемников, это была дурная слава. Так получилось — просто повезло — но тех, кто был виновен в том конкретном зверстве, нашли и арестовали в течение недели. Велисарий немедленно приказал их казнить. Армия чуть не вышла из подчинения, но фракийские букелларии, приближенные к Велисарию элитные войска, уже выполнили его приказ.

Тем не менее зверства продолжались, хотя и не так часто. Было практически невозможно полностью сдерживать войска во время войн против варваров, поскольку многие солдаты, участвовавшие в тех кампаниях, родились на приграничных территориях. Варвары сами славились жестокостью, и солдаты горели желанием отомстить. Однако вскоре войска научились скрывать свои зверства, если их и совершали.

Маврикий закончил с воспоминаниями и снова посмотрел на Велисария. Полководец все еще изучал войско раджпутов, которым командовал Шанга, и губы его шевелились. Маврикий не слышал произносимых слов, но подумал, что знает их. Велисарий рассказывал ему про послание Великих, о котором ему в свою очередь сообщил Эйд. Этим посланием кристалл должен был руководствоваться, чтобы найти помощь в далеком прошлом человечества.

«Найди полководца, но не просто воина»,— было частью послания. Но также имелось и продолжение: «Узри врага в зеркале, друга — через поле брани».

Велисарий легко вздохнул и покачал головой. Движение было коротким и резким, словно он что-то отбрасывал в сторону. Когда полководец опять повернулся к Маврикию, в его карих глазах не осталось и следа чего-либо, кроме спокойствия и самоконтроля опытного полководца на поле брани.

— У нас есть какое-то время,— объявил Велисарий.

Словно в подтверждение его слов отдаленные батареи малва выпустили новую партию ракет. Бросив быстрый взгляд, Маврикий проигнорировал их. Судя по их траекториям, ни одна из ракет не ударит нигде поблизости от них. Он снова обратил внимание на полководца.

— По крайней мере час, перед тем как они начнут первую атаку,— продолжал Велисарий.

Он пошел к другой траншее, пересекающей ту, в которой они находились, под прямым углом. Та траншея вела к заднему склону. По привычке Велисарий шел скрючившись, но было очевидно по тому, как он спокойно посмотрел на Маврикия через плечо, что он одинаково с хилиархом оценил точность последних выстрелов.

— Куруш все еще должен находиться в полевом штабе, я хочу с ним поговорить,— Велисарий показал на врага.— Там имеется кое-что непонятное, что я хотел бы прояснить, если удастся. Я не люблю никакие плохие новости, но в особенности не люблю сюрпризы.

* * *

Как Велисарий и надеялся, Куруш находился в полевом штабе. Молодой перс благородного происхождения прибыл только в предыдущий день в сопровождении трех подчиненных офицеров. Его послал император Хусрау для восстановления контакта с римлянами. Поскольку Велисарий вел свою армию через горную систему Загрос в надежде задержать наступление Дамодары, в то время как Хусрау наводил порядок в Месопотамии, персидский император не имел связи с римскими союзниками.

Хусрау Ануширван — Хусрау С Бессмертной Душой, как его называли арии,— неслучайно выбрал Куруша для выполнения этого задания. Конечно, частично его выбор диктовался болезненной классовой чувствительностью арийского общества. Куруш являлся шахрадаром — относился к самой высокопоставленной прослойке персидской аристократии. Послать менее значимую фигуру было бы оскорбительно — не для Велисария, которого это совершенно не волновало, а для других шахрадаров. Хусрау приходилось разбираться с предательством и восстанием сводного брата Ормазда, и он не мог позволить себе лишиться поддержки еще большего числа персидских аристократов.

Но в основном персидский император отправил Куруша из-за качеств самого человека. Несмотря на молодость, Куруш являлся прекрасным военачальником сам по себе. И, что лучше всего, был знаком с Велисарием. Год назад они сражались вместе, во время кампании Велисария в северной Месопотамии[1].

Когда Велисарий широкими шагами вошел в полевой штаб, откинув в сторону кусок ткани, закрывающий вход в шатер, то увидел, как четверо персидских офицеров склонились над столом в центре шатра, с восхищением рассматривая огромную карту.

[1] См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «Щит судьбы». *(Прим. перев.)*

— Великолепно! — воскликнул Куруш при виде Велисария. Господин благородного происхождения широкими шагами направился к римскому полководцу, активно жестикулируя. Он всегда источал нервную энергию, которая была его частью.— Откуда у тебя эта идея? — спросил он, потом яростно потряс головой.— Не сама карта. Я имею в виду...— Куруш резко повернул голову и посмотрел на сирийского ремесленника, которого Велисарий обучал на картографа.— Как ты это назвал? Топо... что там дальше?

— Топография,— подсказал картограф.

— Да, вот оно! — Куруш резко повернул голову — теперь назад к Велисарию.— Откуда у тебя идея? Я никогда раньше не видел карт, которые показывали бы высоты и другие особенности местности. Ну, может, только одну или две самые высокие горы. И, конечно, реки.

Велисарий пожал плечами.

— Просто однажды мне в голову пришла такая идея,— ответил он кратко, может, даже грубовато.

«Как всегда,— проворчал Эйд.— Ни слова благодарности мне. Охотник за славой!»

Велисарий поджал губы, пытаясь не улыбнуться. Он не хотел обсуждать этот вопрос. Велисарий один раз упомянул дяде Куруша, шахрадару Баресманасу, секрет существования Эйда. Но он не думал, что его знает Куруш, и не видел оснований менять положение вещей. Факт оставался: Эйд подсказал ему эту идею, как и множество других, которые Велисарий ввел в жизнь.

«Тяжелая работа, я только и работаю, и работаю, и работаю,— ворчал Эйд ментально.— Вот чем я занимаюсь. Раб на золотых рудниках, в то время как ты только пользуешься всеми благами. Тебе повезло, что пока еще нет профсоюзов, а то я устроил бы забастовку».

«Восьмичасовой рабочий день! Для начала. Конечно, зарплата. Даже не более высокая зарплата, а просто зарплата. Любая. Мне совсем ничего не платят, я вот о чем задумался. Эксплуататор! Затем...»

...Велисарий пытался не обращать внимания на остроты и насмешки Эйда...

«...встает вопрос о премиальных и пособиях. Я не буду требовать никаких пособий по болезни и вообще оставлю медицинское обеспечение в покое. Когда я вижу, в каком состоянии находится современная медицина, она вообще заставляет меня содрогаться, но...»

...вместе с продолжающим литься из Куруша потоком вопросов.

«Я требую пенсию. После тридцати лет работы и не больше!»

— Являются ли какие-либо персидские города в ваших восточных провинциях центрами ремесленного мастерства? — спросил

Велисарий.— В особенности меня интересует художественная работа по металлу.

Куруш закрыл рот. Мгновение персидский господин благородного происхождения смотрел на Велисария так, словно тот сошел с ума. Затем разразился хохотом.

— На востоке? — закричал он. Вместе с Курушем рассмеялись и трое прибывших с ним офицеров. Один из них фыркнул.

— Да эти провинциалы с трудом могут сделать обод колеса для телеги.

— А у них телеги-то есть? — спросил еще один.

Куруш снова яростно тряс головой.

— Восточные провинции населены только крестьянами и мелкими землевладельцами. Они знают, как выращивать зерновые. И, конечно, как сражаться, но даже это делают плохо.

Он несколько раз качнул головой Этот быстрый жест был еще одним способом выразить мнение о восточных провинциях.

— Я должен быть справедлив. Восточные дехганы не хуже других, в сражении один на один. Но их тактика...

— Бросок,— фыркнул один из офицеров.— Если это не срабатывает — снова бросок.

Двое его товарищей согласно кивнули и тоже фыркнули.

— А если и это не срабатывает? — подключился второй.— Опять бросок. И повторяется снова и снова, пока лошадь не догадается убежать.

Куруш улыбнулся.

— Если тебе нужны персидские ремесленники, Велисарий, следует отправиться в Месопотамию. Только не в провинцию Персида. Там есть специалисты по работе по металлу, в основном они изготовляют доспехи, в Персеполе и Пасаргадах.

Он вопросительно склонил голову.

— А почему ты спросил?

Велисарий прошел к столу и уставился на карту, почесывая подбородок.

— Я спрашиваю, поскольку пороховое оружие, которое использует армия Дамодары, оказалось несколько сложнее, чем что-либо, что я ожидал у них увидеть.

Он кивнул на восток. Звук выстрелов малва четко долетал сквозь кожаные стены шатра.

Все еще продолжая почесывать подбородок, Велисарий добавил:

— Я предполагаю, что Дамодара организовал центр по изготовлению оружия где-то в Гиркании или Хорасмии. Но это маловероятно, если там нет местных ремесленников, которых можно было бы подключить к работе. Я сомневаюсь, что он привез с собой всех необходимых работников с Гангской равнины. Может, нескольких

специалистов. Но не сотни опытных рабочих, которые нужны для производства...

Он снова кивнул на восточную стену шатра. И снова звуки ракет и пушек малва проникли сквозь кожаную стену.

К дискуссии подключился новый голос.

— Это возможно, полководец Велисарий. Он мог бы организовать центр в Марве.— Васудева поднялся со стула в углу шатра и прошел к центру.— Марв — достаточно большой город и хорошо расположен для этой цели.

Васудева достиг стола, склонился и показал месторасположение Марва на карте. Его палец пошел на восток к реке Окс, затем последовал по течению реки, на юго-восток, до места на карте, где отсутствовали какие-либо обозначения.

— Вот здесь находится город Беграм,— сказал кушанский военачальник.— Самый большой из кушанских городов после Пешевара. Наши цари в старые времена строили летние резиденции в Бераме.— В голосе появилась горечь.— Сегодня Пешевар — это только руины. Но Беграм все еще стоит. Йетайцы его не разрушили, если не считать ступы.

Несмотря на все спокойствие в голосе Васудевы, Велисарий не упустил скрытую злость — даже ненависть. Когда йетайцы покорили Кушанское царство столетие назад, особенно жестоким репрессиям подверглись буддисты. Йетайцы убили всех монахов, а все ступы сравняли с землей. Велисарий знал, что как и большинство кушанов, Васудева все еще считает себя буддистом. Но он практиковал эту веру втайне, и никто не руководил им — ни монахи, ни какие-либо пергаменты с учением.

Палец Васудевы пошел назад тем же путем, который он показал несколько секунд назад.

— Как вы видите, путешествие из Беграма в Марв не представляет трудности. Большую его часть можно проделать по реке.

— А что есть в Бераме? Кто там живет? — спросил Куруш.

Васудева кисло улыбнулся.

— Кушаны. Кто же еще?

Улыбка сошла с его лица.

— А если точнее, то кушанские ремесленники. Даже в старые времена Беграм считался центром ремесленничества в Кушанском царстве. Пешевар крупнее, но это был царский город. Много солдат, придворных и тех, кто обычно болтается при дворе.— Васудева усмехнулся, также сухо, как улыбался.— И, конечно, целая орда бюрократов.

Васудева потрепал козлиную бородку.

— Если у Дамодары достаточно ума — *если*, полководец Велисарий, поскольку малва, как правило, не думают о кушанах, кроме

как о солдатах-вассалах,— он с легкостью мог бы переправить сотни кушанских ремесленников в Марв. Там он мог бы построить оружейную мастерскую. Достаточно близко, как вы можете посмотреть по карте, чтобы обеспечивать его армию после того, как они миновали Каспийские Ворота. Но достаточно далеко, в защищенном оазисе, чтобы комплекс находился в безопасности от набегов персов.

«Он прав! — поступил ментальный импульс от Эйда.— Марв — идеальное место. Селевкиды окружили город стенами восемьсот лет назад. На самом деле весь оазис. Сасаниды сделали его столицей провинции и военным центром после того, как покорили западную часть Кушанской империи. И Марв станет — стал бы — столицей провинции Хорасмия после исламского завоевания».

Персидские офицеры смотрели на Васудеву, словно он лопотал на неизвестном языке. Один из них повернул голову и пробормотал другому:

— Я сам никогда не думал о кушанах, кроме как о солдатах.

Васудева услышал замечание. Снова улыбнулся. Но очень-очень легко.

— Никто не думает,— сказал он.— Но факт остается: кушаны были опытными ремесленниками на протяжении столетий. Несмотря на нашу внешность, мы не являемся варварами и номадами.— Он посмотрел на свои руки, вытянул пальцы.— Мой отец был очень хорошим ювелиром. Я хотел пойти по его стопам. Но у малва имелись для меня другие планы.

Велисарий внезапно почувствовал прилив сочувствия к крепкому кушанскому наемнику. Он мог поставить себя на его место. Велисарий сам мальчиком скорее хотел стать кузнецом, а не солдатом, пока требования его класса и Рима не постановили по-другому.

— Дамодара достаточно умен,— задумчиво сказал он и отвернулся от стола.— Более чем достаточно.

Велисарий принялся медленно ходить взад и вперед произнося слова тихо, как человек, который думает вслух.

— *Если* его разведка работает достаточно хорошо. Если у него есть нужная информация. Главный шпион малва, начальник шпионской сети империи Нанда Лал — способный человек, очень способный, но у меня ни разу не появилось чувства — а мы провели много времени вместе,— что его беспокоят ремесленники и мастеровые, то есть производство. Казалось, он ориентируется на политические и военные вопросы. Так где Дамодара мог узнать?..

«Нарсес!» — пришел импульс от Эйда.

— Нарсес,— рявкнул Маврикий.— На него работает этот вонючий предатель.

Велисарий прекратил ходить взад и вперед и уставился на фракийского хилиарха. Во взгляде Велисария не было гнева Маврикия. Он просто смотрел спокойно. Спокойно, но задумчиво.

— Это возможно,— сказал Велисарий через несколько секунд.— Я ни разу не видел его в телескоп. Но если Нарсес и находится в армии Дамодары, то постарается не попадаться нам на глаза.

Велисарий почесал подбородок.

— Возможно, возможно,— задумчиво произносил он.— Нарсес хорошо знает Центральную Азию.

Велисарий посмотрел на Куруша унылым извиняющимся взглядом.

— Мы всегда давали ему заниматься этой частью наших взаимоотношений с ариями. Он... ну, я должен быть честен: он проявил себя великолепно, когда дело касалось дачи взяток и направления варваров для обуздания восточных провинций Персии.

На мгновение в глазах Куруша появилась ярость. Но через пару секунд она перешла в смех.

— Я знаю! — воскликнул он.— Сколько горя принес нам этот человек! И это были не только варвары. Он также мастерски вызывал недовольство императорской властью у этих чертовых восточных господ. Все время держал их в возбужденном состоянии, заводил...

Куруш сделал четыре шага к входу. Выглянул наружу, потом посмотрел вверх, на вершину перевала. Внешне он прислушивался к звукам стрельбы малва. Но Велисарий знал: мысли Куруша на самом деле направлены в другую сторону, как во времени, так и пространстве.

Куруш повернул голову.

— Предположим, ты прав, Велисарий. Что это означает?

— Это означает, Куруш, что армия малва еще более опасна, чем мы думали.— Римский полководец прошел к выходу и остановился в нескольких футах за Курушем.— Это означает, что *эта* армия может сама покорить Месопотамию, сама по себе, независимо от того, что случится с основными силами малва в дельте.

Куруш удивился и резко повернулся.

— Она недостаточно большая! — воскликнул он.— Если бы император Хусрау не был занят, пытаясь удержать малва в Харке...— Он замолчал, затем мрачно добавил: — И если бы нам не приходилось разбираться с предателем Ормаздом в верхней Месопотамии...— Он снова замолчал и упрямо покачал головой.— Их все равно недостаточно — количественно,— настаивал он.

— Достаточно, Куруш,— возразил Велисарий.— *Если* у них есть свой оружейный комплекс — а я теперь уверен, что есть — то эта армия достаточно велика.

Он шагнул к выходу и встал рядом с Курушем. Следующие слова римский полководец произнес очень тихо, чтобы его мог слышать только благородный перс.

— Эта армия — одна из лучших в мире, шахрадар. Поверь мне. Я сражаюсь против них уже несколько недель.— Он колебался, зная обидчивость ариев и их отношение к гордости, но решил продолжить.— И они разбили все персидские армии, которые против них выступали.

Куруш сжал челюсти. Но, как бы он ни был обидчив, перс также был честен. Он резко кивнул.

Велисарий продолжал говорить.

— Я думал, их возможности будут ограничены из-за того, что император Шандагупта отправил Дамодару и Шангу в восточную Персию с очень малым количеством порохового оружия. Но если это не так, если они создали свою военную промышленность по пути, то мы столкнулись с совсем другим зверем. Тигром вместо леопарда.

Куруш нахмурился.

— А Шандагупта разрешит Дамодаре такую свободу действий? У меня сложилось впечатление, судя по тому, что ты рассказывал о своем путешествии в Индию, что пороховая промышленность малва держится исключительно в столице Каушамби — прямо под носом у императора.

Велисарий уставился на перевал над ними, словно пытался пронзить взглядом скалу и изучить врага на той стороне.

— Интересный вопрос,— пробормотал он.— Навскидку я сказал бы — нет. Но что Шандагупте известно о состоянии дел в далеком Марве?

Теперь Велисарий улыбнулся — примерно так же кисло, как улыбался Васудева.

— Нарсес,— тихо сказал он, словно смакуя имя.— Если на Дамодару работает Нарсес, то ему помогает планировать шаги один из лучших в мире политиков и шпионов. Нарсес не славится — это если мягко выразиться — особым уважением к признанным авторитетам. И не поклоняется никакому богу, кроме своих амбиций.

Куруш широко открытыми глазами уставился на Велисария.

— Ты думаешь...

Велисарий слегка пожал плечами.

— Кто знает? Кроме этого, если Нарсес находится на другой стороне этого перевала, то я могу гарантировать: он строит планы внутри планов. Никогда не недооценивай этого старого евнуха, Куруш. Он не думает просто о двух следующих шагах. Он всегда думает о следующих двадцати после них.

Куруш усмехнулся совсем не кисло.

— Это описание напоминает мне кого-то, кого я знаю.

Велисарий не стал улыбаться в ответ. Он просто один раз кивнул.

— Ну да. Напоминает.

Несколько секунд оба молчали. Затем, бросив быстрый взгляд назад, внутрь шатра, чтобы проверить, не услышит ли его кто-либо, Куруш прошептал:

— Что это означает — с точки зрения твоей стратегии?

Велисарий снова слегка пожал плечами.

— Не знаю. В настоящий момент я не вижу, как это может что-то изменить.— Он выпятил вперед подбородок и пальцем показал на скрытого за перевалом врага.— Я могу задержать эту армию, Куруш, но я не могу ее остановить. Поэтому я не вижу выбора. Придется продолжать придерживаться плана, на который мы уже согласились.

Велисарий сам бросил быстрый взгляд назад в шатер, чтобы проверить, не находится ли кто-либо в пределах слышимости. Куруш знал о его планах, как и главные подчиненные Велисария, но ни одного из других персидских офицеров не вводили в курс дела. Насколько им было известно, Велисарий с римской армией находились в горной системе Загрос просто, чтобы отражать наступление Дамодары. Полководец хотел, чтобы они оставались в этом радостном состоянии неведения.

— Я знаю вот что,— снова посмотрев на Куруша, продолжал он.— Восстание в Южной Индии сейчас гораздо важнее, чем когда-либо раньше. Если наша стратегия сработает здесь, и мы выгоним основную армию малва из дельты, и если восстание в Махараштре разрастется до гигантских пропорций, то тогда у малва не будет выбора.— Велисарий снова кивнул на перевал.— Им придется вывести эту великолепную армию из Персии. И использовать ее вместо палачей Венандакатры, чтобы подавить восстание на Деканском плоскогорье.

Куруш посмотрел на него. Он знал, насколько Велисарию нравятся маратхи и как он восхищается ими и их императрицей Шакунталой.

— Восставшим будет трудно.

Велисарий поморщился, но на очень короткое мгновение.

— Да. Но опять же — может и нет.

Он замолчал и уставился на горы.

— Эти люди — гораздо лучшие солдаты, чем кто-либо у Венандакатры. И нет никакого сравнения между их командирами и Подлым. Но сейчас это в основном армия раджпутов. И Дамодара связал с ними свою судьбу. У раджпутов свое понимание чести, которое подходит их хозяевам из малва точно так же, как перчатка на рыбий хвост. Я не уверен, будут ли они так хороши, когда дело дойдет до простого убийства, резни вместо войны.

Куруш нахмурился. Выражение его лица ясно показывало его мнение: малва есть малва.

Велисарий не стал спорить по этому вопросу. Он совсем не был уверен, что Куруш не прав. Но мысленно он опять пожал плечами. Несмотря на то что Велисарий очень гордился своим умением планировать далеко вперед, он никогда не забывал, что сущность войны — это хаос и сумятица. Между настоящим и будущим лежал водоворот, вихрь. Кто может предвидеть, какие комбинации и какие противоречия родит этот вихрь? За предстоящие месяцы, годы?

Но настоящее ворвалось, прервав поток его мыслей. Звуки выстрелов малва резко прекратились. Велисарий посмотрел вверх по склону и увидел, как к полевому штабу бежит курьер. Он подумал, что это один из сирийцев Бузеса.

Велисарий не стал ждать прибытия курьера. Он вошел назад в шатер и объявил римским и персидским офицерам, остающимся у стола:

— Господа, придется поучаствовать в сражении.

Глава 12

Вернувшись назад, к вершине склона, Велисарий, подошел к траншеям, где окопались солдаты с ручными пушками, и там остановился. Он повернулся к Маврикию и махнул рукой.

— Иди вперед и посмотри, как там остальная армия. Я хочу в последний раз обговорить наши планы с Марком и Григорием.

Маврикий кивнул и пошел дальше вверх. Продвигался он медленно. Траншею, по которой он шел, выкопали недавно. Земля еще не улежалась, и грунт оставался неровным. Однако самая большая трудность возникала из-за большого веса оружия и доспехов. Даже когда катафракт сидит на лошади, ему тяжело нести на себе все эти доспехи. Поднимающемуся же вверх по склону пешком человеку доспехи кажутся сделанными из чугунных брусков, а не стальных чешуек, как на самом деле. Оружие весило больше, чем грехи Нерона[1].

Велисарий мгновение сочувствовал Маврикию, но только мгновение. На нем тоже были надеты доспехи катафрактов, и ему самому вскоре придется идти вверх по склону. Если война против малва растянется на годы, то, как думал Велисарий, наступит день, когда римские солдаты наконец избавятся от проклятых доспехов. В посылаемых Эйдом видениях о вооруженных пороховым оружием армиях будущего солдаты облачались только в кирасы и шлемы. Их достаточно, чтобы остановить пулю, за исключением стрельбы с близкого расстояния.

---

[1] Нерон (37-68 гг.) — римский император, жестокий, самовлюбленный, развратный, преследовал христиан Рима. *(Прим. перев.)*

Полководец вздохнул. До того дня все еще далеко. Велисарий провел часы — долгие часы, изучая великих полководцев будущего, в особенности тех, которые жили в первые столетия после изобретения пороха. Эйд знал всю человеческую историю и показал Велисарию методы и тактику тех людей. Ян Жижка; Гонзало де Кордова и герцог Пармский; Мориц Оранский; Генрих IV из Франции; Иоганн Тилли, Валленштейн и Густав Адольф; Анри Тюренн и Фредерик Великий; герцог Мальборо; Наполеон и герцог Веллингтон, и многие другие.

Из всех этих людей Велисарий по-настоящему восхищался только одним, Густавом Адольфом. В некотором роде его восхищение было профессиональным. Густав II Адольф, король Швеции, снова ввел подвижность и быструю тактику в стиль ведения войны, которая ко времени его правления стала лишь одной жестокой бойней. До нововведений Густава Адольфа использовались массивные мушкеты и штыки, которые применялись против вражеского строя, напоминавшего старую греческую фалангу Но по большей части Велисария привлекал сам человек. Густав Адольф был королем — кстати, очень самоуверенным и амбициозным королем — которого ни в коей мере нельзя назвать неподверженным монаршим порокам. Тем не менее он регулярно консультировался с различными сословиями своего королевства, как от него требовалось по шведскому праву. Ему удалось крепко привязать к себе офицеров и солдат справедливостью и постоянством во всем. Он был таким же хорошим королем, как и полководцем. В то время Швеция являлась лучше всего управляемым королевством в Европе. А шведские войска, приняв участие в Тридцатилетней войне под командованием Густава Адольфа, оказались единственными, кто не грабил сельскую местность Германии.

«Мне хотелось бы познакомиться с этим человеком»,— думал Велисарий.

У него в сознании прозвучал голос Эйда. Мысли кристалла звучали робко, он чуть ли не извинялся.

«Теперь он не появится на свет. Что бы ни случилось. А если малва выиграют эту войну и Линк установит власть над человечеством, то таких королей вообще не будет. Никогда».

Лицо Велисария напряглось. Линк, тайный властитель династии малва, являлся искусственным интеллектом, который послали в прошлое «новые боги» будущего. Велисарий один раз встречался с этой сущностью, когда был в Индии. Линк жил в теле Великой Госпожи Холи, тети императора малва, используя его, как оболочку. Эйд называл его киберорганизмом.

Взгляд Велисария прошелся по окружающей местности, по горной системе Загрос, словно эти неровные горные вершины отра-

жали человеческую судьбу. Склоны гор были каменистыми, предательскими и по крайней мере наполовину спрятанными за отрогами и гребнями. За последние четыре года Велисарий многое узнал о будущем человечества, правильнее сказать, будущих человечества, во множественном числе, поскольку у «новых богов» имелись свои планы относительно человеческой судьбы. Но он все еще мало знал о самих «новых богах». Эйд, как был уверен Велисарий, не скрывает от него информацию. Кристалл просто не способен понять такую ментальность.

Велисарий думал, что понимает их. Они напоминали ему религиозных фанатиков, которых он встречал. Ортодоксов или монофизитов, различия не имели значения. Все подобные люди свято верили, что они и только они понимают волю Божью. Те же, кто им сопротивляется, не просто ошибаются, они — слуги Сатаны. Их следует карать, чтобы остальные очистились.

«Новые боги» будущего приходили в негодование от хаотичного калейдоскопа человечества, когда оно распространялось среди звезд. И у их возникло намерение очистить расу.

Достичь этой цели в их будущем представлялось невозможным. Человечество расселилось по галактике и всем ближайшим галактикам. Каждая населенная людьми планета, отделенная невероятными расстояниями от других, шла своим путем. Человеческие особи развивались в миллионы различных направлений, подобно веткам огромного дерева, и их ничто не связывало, кроме общего наследия.

Таким образом «новые боги» послали Линка назад во времени, чтобы изменить историю, когда человечество все еще жило на одной планете. Разбить империю дворняжек и полукровок, которую называли Рим, и построить мировое государство с центром в Северной Индии. «Новые боги» намеревались использовать индийскую кастовую систему, как зародыш того, что они называли «программой евгеники». Они очистят расу и если убьют в процессе миллионы, то это не имеет значения. Их это нисколько не волновало. Люди — в лучшем случае скот, если не просто паразиты. Только «новые боги» и те, кого они сформируют по своему подобию, по-настоящему являются людьми.

Эйд был прав. Если малва победят, то в будущем не появится королей типа Густава Адольфа.

«А если победим мы?» — спросил Велисарий ментально. Но он знал ответ до того, как Эйд его дал.

«Тогда вы тоже измените историю. Путь ее останется тем же, как широкая река, но ее берега станут другими. Даже может не оказаться страны под названием Швеция. Определенно не будет человека по имени Густав Адольф. А если и будет, он с такой же вероятностью может оказаться и крестьянином, и стекольщиком, как и королем».

На мгновение эта мысль навеяла грусть. Римский полководец не сомневался в правильности выбранного курса, в правоте своего дела. Совсем нет. Но даже самая справедливая война приносит разрушения. Спасая великое, цветущее дерево будущего человечества, Велисарий уничтожает многие из почек. Не будет Густава Адольфа. Не будет Шекспира, Сервантеса, Спинозы и Канта, не будет Исаака Ньютона.

Но мгновение прошло.

«Но будут другие, подобные им».

«Да,— пришел ответ Эйда, затем он тихо добавил: — И также будет место для других типа меня. Мы тоже — люди, с нашим законным местом на этом великом дереве».

Размышления Велисария прервал голос:

— Как скоро мы должны быть готовы, полководец?

Велисарий резко вышел из задумчивости и сфокусировал взгляд на говорившем. Это был Марк из Эдессы, командующий новым подразделением Велисария из солдат, вооруженных ручными пушками.

Ленивая мысль промелькнула у Велисария в сознании.

«Мне нужно придумать им новое название. «Солдаты, вооруженные ручными пушками» очень долго произносить».

Несколько мгновений Велисарий изучал мужчину. Марку было двадцать с небольшим. Сириец, но среди его предков доминировали арабы. Это оказалось очень кстати, учитывая, что большинство его подчиненных имели таких же предков. Как и все римские солдаты, парень говорил по-гречески — все солдаты обучались этому языку, попав в армию. Но умение Марка бегло говорить по-арабски и на нескольких арамейских диалектах неоднократно показало себя очень ценным.

Марка поставили командующим не благодаря знанию языков. Во время кампании предыдущего года в Месопотамии молодой офицер показал себя надежным и находчивым. Он также — что было довольно нетипично для кавалериста — не возражал против сражения на своих двоих и показал, что хорошо освоил новое пороховое оружие и не боится его.

Велисарий вспомнил, как впервые встретился с Марком почти четыре года назад. Полководец только что стал главнокомандующим армией в Миндусе. Его предшественник так распустил армию, что Велисарий посчитал необходимым очистить ее от прогнивших офицеров. Несколько человек из простых солдат получили повышение. Марк оказался одним из них. Его рекомендовал катафракт Велисария Григорий.

Полководец видел, как по траншее к ним пробираются еще двое.

— Помянешь черта — он тут как тут,— пробормотал он.

Приближался сам Григорий. Они с Марком стали близкими друзьями и показали, что могут хорошо работать вместе во время сражения. Именно по этой причине Велисарий поставил Григория во главе еще одного нового подразделения, пикинеров[1], которые служили защитой солдат с ручными пушками. «Назови их мушкетерами,— пришел ментальный импульс от Эйда.— Технически более точно было бы назвать их аркебузерами, но...»

«Аркебузеры — смехотворно. Пусть будут мушкетеры!»

Велисарий улыбнулся. Да, новое название — это маленькая победа. Ничтожная, пустячная. Но он твердо верил в аксиому: большие победы вырастают из множества крошечных.

Григорий наконец добрался до них. Они с Марком вопросительно смотрели на полководца, раздумывая, почему он улыбается во весь рот.

— Я придумал новое название для твоих солдат, Марк,—объявил он.— С этой минуты мы будем называть их мушкетерами.

Марк с Григорием переглянулись. Было почти комично смотреть, как оба попытались произнести название.

— Мне нравится,— объявил Григорий после минутных экспериментов.

Марк кивнул.

— И мне тоже! — воскликнул он.

Подошел еще один человек, пробиравшийся вслед за Григорием, и теперь Велисарий по-настоящему широко улыбнулся.

— И кто у нас здесь? — спросил он.— Трое мушкетеров?

Григорий недобро посмотрел на вновь прибывшего, которого звали Феликс из Халкедона. Потом точно так же гневно посмотрел на Марка из Эдессы.

— Дай мне передохнуть, полководец,— проворчал он.— Не хочу я сражаться этими новыми приспособлениями. Холодная сталь — вот мое оружие.

Марк с Феликсом улыбнулись, как и Велисарий.

— Он безнадежен, полководец,— заявил Марк.— Человек — раб привычек, как деревенская старуха.

Велисарий усмехнулся шутке, хотя сказанное вообще-то было несправедливо. В последний год Григорий командовал артиллерией Велисария. Во время этой кампании, где использовались быстрые маневры, Велисарий оставил тяжелую артиллерию позади, поэтому Григорий освободился и получил новое задание. Основная причина, по которой Велисарий поставил этого человека во главе нового подразделения пикинеров, заключалась в том, что Григорий являлся

---

[1] Пикинеры — вид пехоты в европейских армиях XVI — начала XVIII в., вооруженной пиками. В русской армии их называли копейщиками. *(Прим. перев.)*

одним из офицеров, которые казались почти бесконечно гибкими. Он был одним из немногих фракийских катафрактов, который не визжал, как свинья, которую режут, когда его просили сражаться на своих двоих с пикой вместо копья. Да, пикинеры считались элитным подразделением, но Григорию все равно пришлось столкнуться с трудностями, поскольку очень мало кто из фракийцев добровольно пожелал к нему присоединиться. В конце концов он набрал подразделение из новых рекрутов-ассирийцев, которые вступали в букелларии полководца.

Велисарий перешел к делу.

— Вы готовы? — спросил он. Вопрос был одновременно адресован всем троим. Феликс из Халкедона следовал за Марком по рангу и выступал в роли его первого помощника.

— Готовы, полководец,— последовал ответ Марка. Григорий и Феликс согласно кивнули.

— Хорошо. Помните — не начинайте движение вверх по склону, пока я не подам вам сигнал.— Велисарий кивнул на восток.— Черт побери, можете не сомневаться: Шанга посадил на ближайшие вершины своих патанов-следопытов, и они наблюдают за всеми нашими действиями. Они явно придумали способы, как подать сигнал Дамодаре — зеркалами, например, если светит солнце. Если нет, то имеется что-то еще. Флажки, может, дым. Важно, чтобы они вас не видели, пока не придет время для контратаки.

Велисарий быстро осмотрел троих мужчин. Удовлетворенный, что они его поняли, он добавил:

— Учтите: вам придется быстро подниматься вверх по склону. Я не подам сигнал до последней минуты. Поэтому быстро — и не нарушая построения. Вы в состоянии это сделать?

Никаких слов не последовало. Только все трое уверенно улыбнулись и кивнули.

— Хорошо,— сказал Велисарий.— Значит, время пришло. Теперь мой черед подниматься на эту проклятую гору.

Велисарий повернулся и пошел. После каждого шага он на полшага отступал назад — соскальзывал с грунта. Его движение отмечалось тихими чавкающими звуками почвы под ногами. Через несколько ярдов доспехи и оружие уже воспринимались им, как ноша Атланта.

— Ну и денек,— бормотал он.— Если эта война продлится достаточно долго, то я буду прыгать по полям, надев только шлем и хлопчатобумажную форму. И ни о чем не беспокоиться.

«Кроме того, как бы не поджариться на лигроине или не быть разорванным на части взрывающимися снарядами,— пришла недобрая мысль Эйда.— Уже не упоминая того, что с пятисот ярдов тебя может снять снайпер, вооруженный скорострельным ружьем. А раз уж мы об этом заговорили, то давай не забывать...»

«Ни о чем не буду беспокоиться! — настаивал Велисарий. Его мысль, возможно, получилась несколько сердитой и угрюмой.— Смерть легка, как перышко. А доспехи и оружие катафрактов — пытка Прометея.— Затем он добавил очень угрюмо: — Ты вечно портишь удовольствие другим».

* * *

К тому времени, как Велисарий добрался до траншеи у верха перевала, он чувствовал себя истощенным. Он чуть не рухнул рядом с Маврикием. Валентин с Анастасием все еще находились в траншее, в нескольких футах справа.

Маврикий только бросил на него беглый взгляд, перед тем как возобновить изучение вражеских сил на склоне внизу.

— Ничего, скоро придешь в себя,— сказал он. Его слова были недобрыми, но тон — сочувственным.— И хорошо бы побыстрее,— добавил Маврикий мрачно.— Йетайцы времени не теряют.

Велисарий устало кивнул. К счастью, его усталость объяснялась просто — сильным, но кратковременным напряжением. Это не была усталость, которая накапливается после многих часов безжалостного труда. Велисарий знал по опыту: его тренированные мышцы восстановятся через несколько минут, даже если он в данный момент и думает, что никогда в жизни больше не сможет ходить.

Голова полководца находилась ниже парапета, она отдыхала на идущей под углом стене траншеи. Он слишком устал, чтобы поднимать ее. Велисарий слышал отдаленные звуки приказов, выкрикиваемых на хинди, которые долетали издали, с низу склона.

— Что они делают, Маврикий? — спросил он.

— Основная атака ложится на плечи йетайцев. Ничего необычного, просто прямой бросок вверх по склону. На своих двоих. Они только что закончили выстраиваться.— Он недоверчиво хмыкнул.— Причем в хорошие линии. Значительно лучше, чем построения варваров, которые я видел раньше.

— Они не совсем варвары,— заметил Велисарий. Он сделал попытку поднять голову, но практически сразу же от нее отказался.— Да, конечно, они ведут себя, как варвары. Малва подбадривают их, чтобы они вели себя варварски, хотя йетайцам и не требуется особое подбадривание. Хотя они теперь уже на протяжении трех поколений являются неотъемлемой частью правящего класса малва. Чтобы ты имел верное представление о йетайцах, знай, что все их офицеры грамотные. Сверху вниз до ранга, эквивалентного нашему пентарху.

Маврикий еще раз хмыкнул. С другой стороны Велисария послышался недоверчивый (и отчасти недовольный) возглас Валентина:

— Ты, наверное, шутишь!

Велисарий улыбнулся. Отношение Валентина было понятно. Даже в римской армии с относительно демократичными традициями не более половины офицеров ниже ранга гектонтарха умели читать и писать.

Сам Валентин считался гектонтархом. Это был современный греческий эквивалент старого латинского центуриона — командующего сотней. Но в случае Валентина ранг являлся почетным титулом. Валентин никем не командовал. Его работа в паре с Анастасием заключалась в защите Велисария — полководец должен остаться жив на поле брани.

Валентин был почти неграмотен. Он мог без чьей-либо помощи подписать свое имя и разобраться с простым посланием. Но он никогда даже не пытался читать книгу. Если бы кто-то когда-то предложил это ему...

— Тебе когда-нибудь следует прочитать книгу,— спокойно заметил Анастасий.— Было бы полезно для тебя, Валентин.

— Ты, наверно, шутишь,— последовал ответ, сопровождающийся шипением.

«Он, наверно, шутит»,— эхом повторил Эйд.

Слушая перепалку, Велисарий широко улыбнулся. Анастасий был грамотен, и совсем не едва. Огромный фракийский катафракт читал все книги, до которых мог добраться, в особенности по философии. Но его отношение к чтению для римского солдата было нетипично, может, даже лучше сказать — экстраординарно.

Анастасий сам приписывал эту особенность тому факту, что его отец — грек. Но Велисарий так не думал. В римской армии было много неграмотных греческих солдат, так же не интересовавшихся грамотой, как и любой гунн. Велисарий подозревал, что навязчивая идея Анастасия с философией скорее имеет природу личного протеста. Этот человек был таким огромным, таким сильным и таким жестоким внешне, что, как думал Велисарий, Анастасий обращается к чтению, как способу уверить себя, что он все-таки человек, а не великан-людоед.

Мысль о великанах-людоедах вернула его к настоящему моменту. Хотя йетайцы и обучены грамоте, но ближе всего подошли к великанам-людоедам из всех существ, которых когда-либо встречал Велисарий.

«Ты бы лучше приготовился и собрался с силами, дедушка,— пробормотал Эйд.— Великаны-людоеды уже идут».

Велисарий услышал, как забили барабаны.

— Они идут,— сказал Маврикий. Говорил он тихо, как и обычно, очень мрачным и холодным тоном.— Какие яростные ублюдки! Никому не нужно их гнать вперед. Идут, как голодные волки за хромой антилопой.

Велисарий достаточно восстановил силы. Он слегка крякнул от усилия, когда поднимался. Потом посмотрел через парапет.

Йетайцы шли в атаку по горному перевалу. Но на них Велисарий только бросил поверхностный взгляд. Он и раньше видел йетайцев в действии, и его не удивило ничто из увиденного — ни ярость их атаки, ни то, что им удавалось поддерживать относительно ровное построение, несмотря на то что они взбирались по усыпанному камнями склону. Да, определенно, атака впечатляла. Но ничто в мире не впечатляло так, как атака тяжелой персидской конницы. А Велисарию в прошлом приходилось отражать атаки персидской конницы, и он побеждал армии, частью которых они являлись.

Он провел еще немного времени, оценивая кшатриев, которые сопровождали йетайцев. В империи малва только эта военная каста использовала пороховое оружие. Фактически везде, за исключением армии Дамодары, они держали монополию на это оружие.

Кшатрии распределились среди рядов наступающих йетайцев. Все они несли гранаты — по одной в руке, еще по несколько висели на нагрудных патронташах. В свободных руках держали кремни, чтобы поджечь запалы.

Конечно, никто из кшатриев не шел в первых рядах. Гренадеры надевали только легкие доспехи и не могли надеяться противостоять римским солдатам в рукопашной. Но Велисария впечатлило то, что кшатрии в армии Дамодары, в отличие от увиденного им в других армиях малва, не держались позади.

Здесь также был очевиден стиль руководства Дамодары. Со временем избалованные кштарии малва растеряли многое из воинской безжалостности и суровости, которыми обладала воинская каста в других индийских обществах. Кшатрии из раджпутов откровенно их презирали. Казалось, Дамодара восстановил старые традиции. Эти гренадеры, идущие в атаку вверх по склону рядом с размахивающими мечами йетайцами, не походили на надменных лентяев, которых Велисарий видел в Индии.

Но он с облегчением увидел, что их все равно немного. Недостаточно, чтобы повлиять на расклад сил в предстоящей битве. Только один из двадцати вражеских солдат, идущих в атаку, нес гранаты. Это было даже меньше, чем обычно. Какой бы оружейный комплекс ни удалось создать Дамодаре, он очевидно не мог похвастать объемами производства. Велисарий подозревал, что Дамодара делает то, что сделал бы он сам — фактически сделал, когда создал свой оружейный комплекс под руководством Иоанна Родосского. Концентрируйся на качестве, а не количестве. Построй несколько хороших пушек, усовершенствуй ракеты. Лучше так, чем выпускать потоком простые гранаты.

Взгляд полководца вскоре оказался прикован к вражеским флангам, где собралась конница раджпутов. Они представляли реальную

угрозу. Велисарий не сомневался, что в состоянии справиться с атакой йетайцев. Он приготовил свой сюрприз, у задней части склона. Но, так же как и Дамодара, Велисарий не смог произвести пороховое оружие в большом количестве. Его собственная тысяча мушкетеров сможет сразить йетайцев, но...

Его мысли прервал голос Эйда. В словах кристалла было немного раздражения. Легкая примесь раздражения и много беспокойства.

«Они *не* мушкетеры. Не настоящие мушкетеры. Мушкетеры восемнадцатого столетия могли сделать три выстрела в минуту. Но у них были кремневые ружья. У тебя даже нет таких хороших аркебуз, какие были у солдат Густава Адольфа, а они не могли стрелять больше...»

Эйд замолчал с ментальным эквивалентом вздоха отчаяния. Они с Велисарием уже спорили об этом. Как и всегда, когда спор включал чисто военные вопросы, мнение Велисария имело решающее значение.

Полководец не стал утруждать себя ответом. Он был слишком занят изучением раджпутов.

Неудивительно, что Велисарий увидел большую часть конницы раджпутов — две трети по его оценке, собравшейся на правом вражеском фланге под командованием Шанги. Перевал, где встал Велисарий, имел форму седла. Склоны перевала не являлись просто отвесными скалами, а имели закругленную форму. Склон слева от Велисария поднимался почти полого. Если йетайцам удастся справиться с центром римских войск, то Шанга без особого труда проведет массированную кавалерийскую атаку на римский левый фланг.

Конечно, Велисарий точно так же оценил местность, как и Дамодара с Шангой. И поэтому поставил свои самые тяжелые войска, греческих катафрактов под командованием Кирилла, слева. Он удержит центр и правый фланг при помощи более легких сирийцев и новых подразделений мушкетеров и пикинеров.

Но факт оставался фактом: врагов значительно больше количественно, и местность достаточно открытая, поэтому малва могут пустить все силы одновременно. Это нелегко и небыстро — но могут.

Велисарий слегка тряхнул головой, напомнив себе, что он не пытается выиграть сражение. Ему нужно просто оказать достаточное сопротивление, чтобы его отступление на юг, когда придет время, не показалось слишком удивительным для врагов. Велисарий мог позволить тактическое отступление и сдать это поле брани, если только его войска сильно не пострадают. Он *не* мог позволить стратегическое поражение, которое определенно понесет, если Дамодара или Шанга, или Нарсес, если хитрый евнух с ними, догадались о том, что Велисарий планирует сделать через несколько месяцев.

Маврикий облек мысли Велисария в слова.

— Положение рискованное,— проворчал хилиарх.— И даже более чем, если твой маленький сюрприз не сработает или не сработает так хорошо, как ты думаешь. А он наверняка не сработает,— мрачно добавил Маврикий.— Ничто никогда не срабатывает так, как предполагалось, на поле брани.

Велисарий уже собрался ответить, но промолчал. Йетайцы подошли почти...

Время. Велисарий подал сигнал рукой и трубы, находившиеся всего в нескольких ярдах, тут же протрубили сигнал.

Звук труб тут же поднял на ноги тысячи греческих катафрактов и сирийских лучников, которые встали в траншеях с уже нацеленными луками. Поток стрел полетел вниз по склону.

«Подобно серпу»,— подумал Велисарий, но знал, что это сравнение не очень подходит. Трудно стрелять из такого положения по наступающим врагам. И Велисарий не удивился, что многие стрелы пролетели над головами приближающейся массы йетайцев. Подобная стрельба часто оказывалась неэффективной, даже если стрелы находили цели, против опытных подразделений.

А йетайцы были ветеранами и ожидали стрелы. Как только они увидели катафрактов с натянутыми луками, то тут же сгруппировались и прикрылись щитами. Их командиры выкрикнули приказы, но на самом деле в этих приказах не было необходимости. Для начала, из-за угла, под которым они находились по отношению к лучникам, они представляли собой неудобные цели; более того, каждый йетайец был достаточно опытен, чтобы держать свой щит под правильным углом.

И прикрывались они хорошими щитами, не хуже римских. Ламинированное дерево, армированное железом,— ничего подобного жалким хрупким щитам, которыми империя малва обеспечивала простых солдат. Большинство римских стрел, врезавшихся в щиты йетайцев, отскочили от них, не принеся никакого вреда.

Йетайцы тут же возобновили атаку, выкрикивая боевые кличи. Еще партия стрел; йетайцы снова сгруппировались, прикрывшись щитами, а потом опять бросились вверх по склону. Конечно, они теряли людей, и многих, но недостаточно. Недостаточно для этих воинов. У йетайцев было много пороков, но трусость среди них не значилась.

— Нет шансов,— проворчал Маврикий.

Слова звучали мрачно. Даже без следа удивления. Слова Маврикия прозвучали так, словно человек замечал, что у песочного замка нет шанса удержать набегающую волну.

Хилиарх бросил взгляд на Велисария.

— Тебе лучше проверить своих стрелков. Нам они потребуются.

Велисарий уже разворачивался. Когда он стал давать новый сигнал, то услышал бормотание Маврикия:

— О, великолепно. Раджпуты уже начинают атаку. Боже, как я ненавижу компетентных врагов.— Несколько секунд спустя он прошипел: — Дерьмо. Не могу поверить!

Велисарий наблюдал за тем, как мушкетеры поднимаются вверх по склону. Услышав беспокойство в голосе Маврикия, он тут же развернулся.

Увидев, с какой скоростью конница раджпутов несется вверх по той стороне «седла», Велисарий понял, что так шокировало Маврикия. Сам Велисарий никогда не видел, чтобы конница так быстро передвигалась по горной местности.

Он молча отругал себя за то, что был таким идиотом. Он забыл, или возможно, лучше сказать: он никогда не понимал тактику конницы раджпутов. Велисарий привык к римской и персидской тяжелой коннице, оружие, доспехи и тактика которых формировались веками войн на плоских равнинах Месопотамии. Но раджпуты не были тяжелой конницей — по крайней мере, по римским и персидским стандартам, и их не беспокоила и не останавливала суровая местность.

«Раджпутана — страна гор и возвышенностей,— пришел ментальный импульс от Эйда.— Военные традиции раджпутов закалялись в экспедициях против горных жителей — патанов — и сражениях против маратхи на изрезанной вулканической местности Великой Страны».

— Как стадо чертовых горных козлов,— проворчал Маврикий и склонил голову.— Ты понимаешь, парень, что твой чертов план битвы только что полетел на юг на зимовку?

Несмотря на всю мрачность слов, в голосе слышались следы удовлетворения. Маврикий был одним из тех пессимистов от рождения, которые получают странное удовольствие, увидев, когда все оказывается так мрачно, как они ожидали.

Велисарий уже пришел к тому же выводу. Он зря полагался на точный расчет времени. Это оказалось самой слабой частью его тактического плана. Раджпуты только что перепрыгнули через песочные часы. Разбили их стеклянный корпус на мелкие кусочки. Подразделения Шанги ударят по левому флангу римлян задолго до того, как этого ожидал Велисарий.

— Быстро туда, Маврикий,— приказал он.— Вместе с Кириллом переориентируй греков. Теперь им придется сдерживать Шангу столько, сколько смогут. Забудь о какой-либо контратаке против йетайцев.

Он показал на крупное подразделение фракийских катафрактов, расположившихся на полпути вниз по заднему склону. Они служили резервом.

— И отправь курьера к букелляриям, пусть перебираются на левый фланг. Нам они потребуются.

— А что с мамлюками? — спросил Маврикий и посмотрел на юго-запад, где кушаны держали брод на реке в полумиле вниз по течению.— Тебе они нужны здесь?

Велисарий покачал головой.

— Только если приду в отчаяние. Я не могу рисковать и позволить кому-то из них попасть в плен. Даже тело мертвого кушана выдаст нашу игру.

Маврикий скептическим взглядом посмотрел на мушкетеров, которые приближались к гребню.

— Ты в самом деле думаешь, что сможешь удержать...— начал говорить он, но замолчал.

Секундой спустя хилиарх уже спешил вниз по траншее, к левому римскому флангу. Несмотря на частые саркастические замечания Маврикия относительно «чертовых изощренных планов битвы» Велисария, фракийский ветеран не имел склонности спорить с ним во время непосредственного сражения. Желание и готовность полководца командовать — мгновенно и уверенно — были гораздо важнее в битве, чем разумность самой команды. Маврикий видел, как выигрывались сражения, и далеко не один раз, просто потому, что командующий придерживался своей точки зрения, и отдавал четкие и ясные приказы. Любые приказы, только, чтобы войска чувствовали: ситуация находится под контролем, и ведет ими крепкая уверенная рука.

Велисарий выглянул через парапет. Теперь йетайцы были очень близко. Их воинские кличи наполнили воздух, полные уверенности, радостные от приближающегося триумфа. Им пустили кровь римские лучники, но недостаточно сильно. Несколько тысяч все равно достигнут гребня, где находящиеся в меньшинстве и легко вооруженные сирийские пехотинцы не смогут оказать им достойного сопротивления.

Полководец встал и выглянул через другой парапет. Мушкетеры и пикинеры практически добрались до гребня и находились сейчас всего в нескольких ярдах вниз по склону. На самом деле они остановились, чтобы в последний раз проверить и подтянуть свои ряды. Велисарий увидел, как на него смотрит Марк из Эдессы, спокойно ожидая приказа полководца.

«Пора»,— подумал Велисарий.

Он подал сигнал. И снова протрубили трубы. Когда Велисарий повернулся, чтобы опять смотреть на врага, то увидел также и небольшие фигурки на ближайших горных вершинах, которые судорожно размахивали флажками. Следопыты-патаны заметили новое римское подразделение, рвущееся вперед, и подавали сигналы Дамодаре.

«Слишком поздно».

Велисарий сделал глубокий вдох и прочитал короткую молитву за упокой души человека, с которым он никогда не встречался и

никогда не встретится. Полководец будущего, которому не суждено родиться. Человек, который мало волновал его, как человек, но который был одним из величайших полководцев в истории.

«Упокой, Господи, его душу, где бы она ни была. Пусть твоя душа покоится в мире, Железный Герцог. Надеюсь, этот план сработает и для меня, как он сработал для тебя под Бусако».

Слова Эйда удивили Велисария. Он почти ожидал каких-то бормотаний и упреков — типа того, что солдаты Веллингтона могли делать по три выстрела в минуту, или что у Веллингтона были массивные укрепления, за которые он мог отступить, или даже — Эйд в некотором роде был педантом — что титул «Железный Герцог» в данном контексте является анахронизмом. Кличка была политической, не военной. Ее получил премьер-министр Веллингтон от простых людей Англии, много лет спустя после падения Наполеона, когда его ответом на разбитые толпой окна стала установка железных ставней в его лондонском особняке[1].

Но вместо всего этого Эйд просто попытался его успокоить.

«Сработает. Тактика маневрирования войсками на горной местности с использованием атаки с заднего склона считалась личной подписью Веллингтона. Она также сработала в Саламанке. И даже против Наполеона при Ватерлоо».

Велисарий был благодарен этому спокойному уверенному голосу. Ему требовалась уверенность. Похоже, битва станет худшей в его жизни, а не простым сражением, как он предполагал. Он-то думал встретить врага, немного потрепать его и сделать ноги. И снова он недооценил раджпутов.

Мушкетеры добрались до вершины перевала и нацелили ручные пушки на несущихся вперед йетайцев. Велисарий поднялся, чтобы проследить за первой серией выстрелов из мушкетов, но прежде кратко обругал себя.

«Никогда больше не делай этого, кретин. Только потому, что у тебя есть мозги и друг, который показывает тебе будущее, не следует забывать, что и у других людей тоже есть мозги. И очень хорошие, черт побери, и воля не хуже твоей».

Мушкеты прогрохотали по всей линии. Верх перевала мгновенно окутало дымом. В этих едких густых клубах было невозможно ничего рассмотреть более чем в нескольких футах. Мушкетеры перезаряжали оружие многократно тренированными движениями, Велисарий нетерпеливо ждал, пока не рассеется дым.

---

[1] Артур Веллингтон (1769-1852) — герцог, английский фельдмаршал, командовал союзными войсками против наполеоновской Франции и англо-голландской армией при Ватерлоо. В 1828-1830 — премьер-министр Великобритании. *(Прим. перев.)*

На перевале дул хороший ветерок. Через несколько секунд облака дыма снесло в сторону. И после того, как Велисарий увидел разгром, принесенный тысячью гладкоствольных восьмидесятимиллиметровых орудий с близкого расстояния, то почувствовал, как расслабляется. Совсем немного. Армия йетайцев напоминала быка, которого наполовину оглушил удар молотком между глаз.

Он поднял глаза и уставился через груды трупов йетайцев на дальний шатер врага. Велисарий только что отправил послание — себе самому, как и Дамодаре. Напомнил обоим, что если у Велисария нет монополии на разведку, то у него нет и монополии на чрезмерную уверенность в себе.

«И не надо снова недооценивать *меня*, господин из малва,— подумал он.— А еще лучше — продолжайте все-таки недооценивать меня в будущем».

Упрямые и смелые йетайцы продолжали идти вперед. Они взбирались вверх, через трупы и жутко разорванные тела раненых товарищей, ревели от ярости и размахивали мечами. Йетайцы больше не пытались поддерживать построение. Они представляли просто толпу разъяренных неистовых воинов, горящих желанием добраться до своих мучителей. Быка наполовину оглушили, но это все равно был бык.

Вторая линия мушкетеров прошла вперед и выстрелила. Пока рассеивался дым, третья линия заняла место второй. За ними первая линия уже закончила перезаряжать оружие и готовилась к своему второму выстрелу.

Да, мушкетеры Велисария с их неуклюжими фитильными замками не могли соответствовать скорострельности — три выстрела в минуту — солдат Веллингтона. Сами орудия были не многим лучше аркебуз шестнадцатого века. Иоанн Родосский работал по технологии шестого века и просто не имел возможности добиться точности оружейного производства девятнадцатого века. Но Велисарий имел доступ ко всем энциклопедическим знаниям Эйда, поэтому мог прыгать через столетия военного опыта и использовать его различными путями. Римская империя сумела изготовить пули, которые заряжались с дула, введенные Густавом Адольфом. Сам процесс заряжания с дула получился неудобным, но не было никакого неудобства в непосредственном использовании — в стрельбе по цели.

Мушкетеры не могли производить более одного выстрела в минуту, но на эту скорость Велисарий мог положиться. А когда дым рассеялся и он увидел разрушения, которые принесла вторая партия выстрелов, то знал: этой скорости будет достаточно.

«Тактика Веллингтона на склонах так же сильно зависела от неожиданности, как и от скорости стрельбы»,— сказал Эйд.

Велисарий кивнул. Если враг штурмует тебя, ожидая яростной победы, то его дух разбивается вместе с телами, когда в него

выпускают град пуль. Даже такие воины, как йетайцы, не могут выдержать подобный удар.

«Не больше, чем императорские войска Наполеона под Ватерлоо»,— заметил Эйд.

Приготовив оружие, вперед вышла третья линия мушкетеров. Теперь не было необходимости в одновременном залпе. Авангард йетайцев добрался до вершины перевала и находился не более чем в десяти ярдах от траншей. Феликс из Халкедона, помощник командира, руководил стрельбой. Он выкрикивал приказы с уверенностью и в нужной последовательности.

— Готовьсь!

Орудия взлетели вверх, подобно тупым копьям.

Приказа целиться не прозвучало. Мушкетеры Велисария, как и мушкетеры Веллингтона, были просто натренированы стрелять в общем направлении врага. Их оружие оказывалось таким неточным дальше пятидесяти ярдов, что нацеливание не имело смысла.

— Огонь!

Ручные пушки взорвались. Еще одно облако дыма закрыло все вокруг.

То есть закрыло вид, но не звук. Велисарий мог слышать, как пули врезаются в массу йетайцев. Слышался лязг металла, когда пули попадали в доспехи. Но он знал: доспехи не имеют значения. С такого расстояния смертоносные кусочки свинца проходили сквозь тонкие пластины, словно сквозь ткань. Скорость полета пули, выпущенной из аркебузы, чрезвычайно велика — она почти сверхзвуковая. Скорострельное оружие, которое заменит их в будущем, сделает не больше, чем только увеличит скорость в два раза, даже через столетия развития и усовершенствования оружия. Конечно, вылетающая из аркебузы пуля вскоре теряла свою набранную в стволе скорость — гораздо быстрее, чем пули, которые в будущем станут вылетать из ружей. Но на таком расстоянии аркебузы большого калибра более эффективны, чем ружья.

Вопли раненых йетайцев стали заполнять перевал, подобно вою гигантского банши. Йетайцы были крепкими ребятами — возможно, самыми крепкими из всех солдат, которых видел Велисарий. Но никакие солдаты не могут быть настолько крепкими, чтобы противостоять выстрелам в упор.

Бык теперь упал на колени. Он все еще ревел, но, несмотря на это умирал.

Выполнив свою кровавую работу, третья линия отошла. Даже несмотря на ветер, перевал все еще оставался наполовину скрытым дымом. Но Велисарий слышал команды Феликса. Он приказывал первой линии выдвигаться вперед. Тембр голоса Феликса из Халкедона все еще оставался тембром молодого человека, но сам голос звучал расслабленно и уверенно.

«По крайней мере здесь я не ошибся»,— порадовался Велисарий.

Феликс впервые обратил на себя внимание полководца во время сражения в усадьбе под Анатой в прошлом году. На Велисария произвели впечатление спокойствие и бдительность молодого сирийца, когда римская армия впервые испытала на себе ракетный огонь. Велисарий следил за парнем и обеспечил ему быстрый подъем по служебной лестнице[1]. Первая линия мушкетеров снова заняла позиции и провела нужные действия. Еще один залп. Перевал полностью скрылся в дыму. Даже несмотря на свое грубое оружие, солдаты все равно могли стрелять со скоростью, которая выигрывала у ветра. Он не успевал полностью разогнать дым предыдущей серии выстрелов.

Теперь врезающиеся во врага пули создавали хлюпающий звук. Велисарий был рад, что не может видеть результаты. Началась чистая бойня. Он знал, что арьергард йетайцев уже должен отступать, шатаясь. Но пойманные в капкан впереди вражеские солдаты были беспомощны... Бык больше не ревел. Это просто был умирающий зверь, тупо ожидающий еще одного удара молота.

Вернулась вторая линия мушкетеров, последовал новый залп. Велисарий услышал, как Григорий выкрикивает приказ. Его пикинеры заняли позиции, после того как первая линия мушкетеров шагнула вперед, готовые отразить любых йетайцев, которым удастся прорваться сквозь огонь. Но пикинеры даже не потребовались. Григорий, очевидно, пришел к выводу, что и не потребуются, поэтому приказал своим людям готовить гранаты.

Пикинеры опустили двенадцатифутовые пики и сняли с поясов гранаты. У каждого пикинера было только по две гранаты. Большее количество помешало бы им в выполнении основной задачи. Но это были особые гранаты. Пикинеров обеспечили новыми гранатами, которые разработал Иоанн Родосский — с зарядами, которые взрываются при соприкосновении с целью.

На вид гранаты напоминали картофелемялку. К концу деревянной ручки прикреплялась полоска материи. Подобно полоскам материи, которые часто прикреплялись к дротикам, она выровняет гранату в полете и обеспечит удар нужным концом, чтобы сработал заряд. Не было необходимости высекать искру кремнем, чтобы поджечь фитиль, или даже обрезать фитиль на правильную длину. Каждый пикинер просто выдергивал чеку, которой было снабжено приспособление, и отправлял в полет вниз по склону.

Гранаты исчезли в клубах дыма, которые опускались вниз с перевала. До того, как гранаты попали в цель, Феликс снова скомандовал стрелять. Не более чем через секунду после громовых раска-

[1] См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «Щит судьбы». *(Прим. перев.)*

тов, Велисарий услышал резкие звуки взрывающихся внизу гранат. Звуки подходили друг другу, словно музыка, сочиненная маньяком. Маньяком, склонным к самоубийству. Пытающиеся отступить йетайцы в арьергарде были уничтожены гранатами, в то время как их товарищи в авангарде служили неподвижными мишенями для пуль.

На мгновение Велисария охватило дикое желание приказать контратаку. Он планировал ее с самого начала. Йетайцев уже разбили — так, как может быть разбита любая армия, которую отогнали назад после атаки. Бросок пикинеров теперь завершил бы разгром. Яростная армия, которая несколько минут назад неслась в атаку вверх по склону, будет полностью разгромлена. Это будет худший разгром в истории.

Теперь Марк с Григорием стояли рядом с ним, ожидая приказа. Их лица были напряжены и горели готовностью действовать. Они так же хорошо, как Велисарий знали, что находятся на грани победы.

Велисарий с трудом сдержал себя. Да, врага разбили *здесь*. Но...

В отдалении он слышал вопли с другого направления. Слева. Крики боли и лязг стали, когда мечи ударялись о мечи. Он ничего не видел из-за клубов дыма, но уже знал: раджпуты врезались в его левый фланг.

Вся свирепость и чувство удовлетворения испарились. Его контрудар в седловине сработал, как сработал и в другом будущем для человека по имени Артур Уэлсли[1]. Но сражения редко бывают аккуратными и чистыми, и редко идут по плану. По крайней мере не против врага, у которого хорошие командиры.

«Это сражение все еще может закончиться провалом»,— пришла напряженная мысль от Эйда.

Да, Велисарий выиграл борьбу в центре. Но если он быстро не отступит, причем в хорошем порядке, что считается самым трудным маневром из всех, когда перед тобой враг, то Шанга со своим раджпутами уничтожат его фланги.

— Нет,— Велисарий показал пальцем на склон слева.

Только гребень перевала все еще оставался видимым из-за дыма, но они видели сотни несущихся кавалеристов-раджпутов. В десять раз большее количество скрывалось в облаках внизу, в нижней части склона. Возможно, в двадцать раз большее. На правом фланге малва под командованием Шанги собралось по крайней мере десять тысяч раджпутов.

Марк начал спорить — уважительно, но тем не менее неистово, его сдержал Григорий, уверенно покачав головой. Фракийский катафракт был старше сирийца, у него имелось больше опыта, и он лучше знал Велисария.

---

[1] Артур Уэлсли — имя Веллингтона. *(Прим. перев.)*

— Заткнись, мальчишка,— проворчал он.— Полководец прав. Если мы бросимся в атаку вниз по склону, мы окажемся совершенно беззащитными, когда по нам ударят раджпуты. Они превратят нас в фарш.

Велисарий выбирал своих офицеров не за сдержанность и робость. Молодой сириец немного покраснел после ответа Григория, но продолжал возражать.

— Греки их удержат! Это люди Кирилла — и Агафия, пока он ими командовал. Те же самые катафракты, которые разбили малва под Анатой, а затем...

— Их только три тысячи, Марк,— спокойно напомнил Велисарий.

Он не собирался проводить более нескольких секунд в спорах с подчиненными в середине битвы. Но все равно был готов эти секунды потратить. Нет другого способа подготовить хороших офицеров.

— Против них выступает в четыре раза больше врагов,— продолжал Велисарий.— Да, они — великолепные войска. Но у них не такая хорошая позиция, как была у нас здесь, в центре. Никто не защищает *их* фланг. Шанга просто отправит достаточное количество людей, чтобы удерживать их на одном месте, в то время как окружает их с остальными. Он даже не станет пытаться разбить греков, не сейчас. Он окружит их и ринется на нас.

Он показал на линию мушкетеров. Теперь те прекратили стрелять, а пикинеры уже использовали все свои гранаты. В центре поля стало почти тихо, если не считать криков раненых йетайцев.

— Как ты ожидаешь сформировать линию защиты против этого броска — здесь? Оседлав горный перевал, когда враг идет *вниз* по склону?

Марк замолчал. На его лице все еще оставалось упрямое выражение, но Велисарий знал: молодой сириец пусть и не убежден, но готов подчиниться.

Удовлетворенный этим, Велисарий повернулся к Григорию.

— Отступайте на юго-запад, к реке. Вверх по течению.— Он показал на место, где узкая река под перевалом немного расширялась.— Туда, где Васудева охраняет брод. Занимайте позиции с пикинерами и мушкетерами и держите реку, пока я переправляю остальную часть армии.

Григорий кивнул. Мгновение спустя они с Марком уже выкрикивали приказы своим подчиненным.

«А теперь мне нужно попытаться вывести отсюда этих людей,— глядя на левый фланг, подумал Велисарий.— Что будет непросто. Шанга — тигр, а я — тот, кто пытается вырвать мясо у него из пасти».

Велисарий услышал, как Анастасий с Валентином пошевелились у него за спиной. Как личные телохранители полководца, они

не ожидали особой работы в этом сражении, кроме как выглядеть мрачными и устрашающими. Но они были ветеранами и видели, когда план сражения летит к чертям собачьим.

— Похоже, что в конце концов нам придется поработать,— проворчал Валентин. Анастасий молчал.— В чем дело, большой? — послышался саркастический голос Валентина.— Никакого философского изречения для такого случая? Никаких мудрых слов?

— Они не требуются,— пророкотал в ответ Анастасий.— Даже тупая ласка может понять, что ей предстоит побороться за свою жизнь.

Глава 13

К тому времени, как Велисарий добрался до левого фланга, где греки удерживали раджпутов, туда уже подтягивались его букеллярии. Он был им глубоко благодарен за скорость выполнения приказов, но потратил мгновение, чтобы мысленно похлопать себя по плечу.

Его тактический план на это сражение частично провалился, но Велисарий думал, что все равно сможет увести армию до того, как ее разгромят. Если ему это удастся, то только благодаря предусмотрительности в прошлом. У его фракийских катафрактов лучше всего в мире получались атаки тяжелой конницы. Половина денег на их великолепных, дорогих боевых лошадей была предоставлена из личных средств Велисария. Только самые лучшие жеребцы в мире, одетые в броню, с катафрактами в броне на спинах, могли так быстро добраться до нужного места, спускаясь вниз с середины склона.

И они должны сыграть свою роль. Велисарию потребовалось только раз взглянуть на усталое лицо Кирилла, чтобы понять: греческие катафракты готовы рухнуть. Пока они сдерживали атаки раджпутов. Но еще одна или две атаки, и они сломаются. Шанга хорошо использовал свое численное преимущество на римском левом фланге. Его раджпуты превосходили греков в пропорции пять к одному, если не шесть к одному, и Шанга посылал их наверх волнами, одна за другой, практически без перерыва.

Царь раджпутов не допустил ошибки, пытаясь обрушиться на греков одним ударом. Катафракты носили более тяжелые доспехи и были более тяжело вооружены, чем раджпуты, и сражались, спешившись, за полевыми укреплениями. Если бы раджпуты попытались провести простую фронтальную атаку, их количество не сыграло бы роли, поскольку они неизбежно застряли бы перед полевыми укреплениями. Вместо этого Шанга использовал свою собственную вариацию «парфянской тактики», если не считать того,

что его атаки в той же мере осуществлялись как при помощи копий, так и стрельбы из лука. Удар, еще удар, развернуться, назад. Снова, снова, снова, снова, снова.

С его количественным преимуществом Шанга мог менять подразделения. У его кавалеристов оставалось время на отдых и на перевязку раненых. Но у обороняющихся греков совершенно не было передышки. Их борьба напоминала попытки удержать океанские волны. Как только отходила одна, накатывалась следующая.

Лучшие солдаты в мире — это все равно только плоть и кровь, и мускулы. Греки так устали, что им стало трудно поднимать мечи, не то что правильно ими замахиваться. Люди в такой стадии усталости почти беспомощны против соперника. Вражеские удары копьями попадают туда, куда их направляет враг, и поражают цель, хотя не усталый человек легко отразил бы их щитом.

К этому времени половина греков уже бросила щиты. Им требовались обе руки, чтобы удерживать оружие. Да и сами руки дрожали от усталости.

— Уводи их, Кирилл,— крикнул Велисарий.— Уводи их с поля боя — прямо сейчас.

Он повернулся в седле и показал на реку. Васудева и его кушаны ясно просматривались внизу. Они не нарушали построения и охраняли брод.

— Переводи их через реку,— приказал Велисарий Кириллу.— Даже не пытайся их выстроить. Просто отступайте. Пусть садятся на лошадей и спускаются вниз, как можно быстрее. Сирийцы закроют ваш фланг, а мушкетеры удержат реку против любых преследователей из малва.

Кирилл запустил между фланцами шлема три пальца — большой, указательный и средний — и его пот потек со лба по носу. Он сделал полшага и покачнулся.

— Раджпуты придут снова,— начал возражать он.— Через минуту, не больше. Мы тебе потребуемся...

— Я займусь раджпутами вместе с фракийцами,— рявкнул Велисарий.— Делай, как я приказываю, Кирилл! Уводи отсюда своих людей.

Греческий командир прекратил спорить. Когда Кирилл начал выкрикивать приказы своим людям, Велисарий воспользовался минутой, чтобы быстро изучить врага.

Раджпуты собрались на северном фланге перевала и, как он понял, сделали перерыв в атаках. Они увидели приближающихся фракийцев и сами решили переждать, чтобы оценить новую ситуацию. Усиление укрепит левый фланг римлян, но...

Но недостаточно. Велисарий знал, что Шанга придет к этому выводу менее чем через пять минут. Он был уверен: царь раджпу-

тов уже организует новую волну атак. Шанга не тот человек, который станет терять время в решающие моменты сражения.

И Велисарий тоже не терял время зря. Пяти минут будет достаточно. Более, чем достаточно,— и менее. Перед тем как время выйдет, Шанга все поймет. Велисарий не собирался укреплять свой левый фланг. Он собирался использовать фракийцев, чтобы прикрыть общее отступление.

После того как Шанга поймет, что делает Велисарий, случится черт знает что. Не будет больше осторожных просчитанных атак. Просто столкновение армий, когда Шанга попытается разбить на части последний щит римской армии — используя пятнадцать тысяч раджпутов против менее чем трех тысяч фракийских катафрактов.

Теперь букелларии занимали места греков. Маврикий уже организовывал атаку, не дождавшись приказа Велисария.

Велисарий потратил еще мгновение, чтобы осмотреть оставшуюся часть поля брани. Дым от выстрелов уже весь рассеялся, и он мог рассмотреть центр. Это оказался один из нескольких случаев в кровавой жизни Велисария, когда он увидел поле брани, фактически заваленное телами. Йетайцев разбили. Сотни йетайцев, возможно, даже тысячи, шатаясь спускались вниз по склону. Они возвращались в свой лагерь. Но эти люди уже вышли из битвы. Сам Сатана не смог бы их теперь собрать, после той бойни.

Правое крыло римлян и выступающий против него враг — теперь не более пяти тысяч раджпутов — вообще почти не участвовали в сражении. Несколько пробных атак и вылазок — не больше. Южная часть перевала была гораздо круче северной. Шанга — или Дамодара — не допустил ошибки, пытаясь скопировать атаки малва, которые оказались так успешны на их правом фланге. Левое крыло раджпутов просто оставалось там, чтобы удержать римлян от контратак.

Не то что Велисарий вообще собирался посылать своих легковооруженных сирийцев в контратаку, если бы только дикая удача не повернула бы все сражение так, что малва бы обратились в бегство. Он поставил сирийцев там, чтобы делать то же, что и их враги — удерживать раджпутов от усиления другого фланга.

Это была другая часть тактического плана Велисария, которая не сработала так хорошо, как он планировал. Велисарий подумал, что Дамодара постоянно оттягивал свои войска с левого фланга для усиления ударов Шанги на правом. Господин из малва правильно оценил сирийцев Велисария. Они будут страшными врагами, защищая крутой склон против кавалерии, но почти бесполезными во время атаки. Поэтому Дамодара убрал тысячи кавалеристов-раджпутов с одного конца поля брани на другой. Велисарий видел крупные подразделения, которые скакали по небольшой долине под

перевалом, направляясь для усиления Шанги. И даже пока он наблюдал, еще одно подразделение из пятисот раджпутов отделилось от линий врага справа от него и сделало то же самое.

Тогда Велисарий чуть не рассмеялся. Он никогда не видел лучшей иллюстрации убеждения Маврикия в том, что сражения по своей природе — это дьявольская, противоречивая путаница, в которой ничто никогда не срабатывает так, как должно и как предполагалось. Однако на этот раз — и спасибо Господу за это! — именно враг попал в затруднительное положение.

По иронии судьбы лучший шаг Дамодары также оказался и его худшим. *Если* бы Велисарий собирался удерживать позицию, то перевод сил Дамодары оказался бы великолепным ударом. Но римский полководец не собирался сражаться на том месте. Вместо этого он планировал развернуть свои войска и отступать на юго-запад, используя свой правый фланг для отвлечения на себя сил врага. Но теперь, уменьшив свое левое крыло, Дамодара не имел шанса пойти в атаку на сирийцев на южном склоне перевала. Бузес и Кутзес смогут увести своих людей в хорошем порядке, после того как прикроют отступление остальной части армии.

Прекрасно, прекрасно — конечно, предполагая, что Велисарий сможет отразить предстоящую атаку Шанги со своими фракийцами. После этого...

Он наблюдал за большой массой конницы раджпутов на северном склоне.

«Это будет...»

— Это будет очень рискованно, черт побери,— проворчал Маврикий.

Велисарий повернулся в седле. Он и не заметил, как Маврикий подъехал и встал рядом.

— Это все равно горный перевал, несмотря на то что он широкий и невысокий, Маврикий,— указал Велисарий.— Это не ровная долина. Шанга не сможет отправлять более пяти тысяч человек за раз. Самое большее — шесть.

Глаза Маврикия в прорези шлема не казались сияющими от радости. Он умел считать не хуже Велисария. Фракийцам все равно предстояло сражаться в меньшинстве, два к одному, против врага, у которого полно резерва.

— Если бы у нас не было стремян, то это получилось бы чистое самоубийство,— мрачно заметил хилиарх и нахмурился.— А если подумать — почему у малва нет стремян? Следовало бы ожидать, что к этому времени они у них появятся.— Маврикий бросил взгляд на прикрытую доспехами грудь Велисария, туда, где под броней и одеждой в кожаном мешочке находился Эйд.— Они же получают видения о будущем, не так ли?

Велисарий пожал плечами.

— Разум Линка работает не так, как разум Эйда. Эйд — это помощник. Линк — главнокомандующий Вселенной. Подозреваю, эта сущность так увлеклась своими великими планами создания оружия будущего, что не подумала воспользоваться маленькими возможностями, которые уже имеются в настоящем. Определенно эта сущность даже не подумала проконсультироваться со своими орудиями-людьми, не больше, чем тебе придет мысль спросить совета у молотка, правильно ли ты им пользуешься.

«Не похоже,— заметил Эйд.— Для Линка люди — это даже не орудия труда. Просто сырой материал».

Велисарий хотел что-то добавить, но замолчал. Он увидел, что греки готовы сесть в седло. И все фракийцы уже собрались на месте, сохраняя построение.

— Может, и получится,— заметил Маврикий, предупреждая мысль полководца.

Велисарий кивнул. Мгновение спустя Маврикий передал приказ. Трубы затрубили.

Греки выскочили из траншей и начали забираться на лошадей. Они устали, очень устали, но тем не менее нашли силы. Они наконец отсюда уходят, и им требуется только добраться до реки внизу.

Фракийцы стали продвигаться вперед, по направлению к раджпутам. Их скорость немного замедлилась, когда они пробирались по узким проходам между полевыми укреплениями. К тому времени, как букелларии оказались на открытом и относительно ровном участке в северной части седловины, Шанга понял, что происходит. Трубы затрубили и у него. Звук был несколько другим — по тембру и высоте, в сравнении с римскими трубами. Но Велисарий не ошибся в его значении.

— Атака! Сейчас! Все!

Огромная масса конницы раджпутов бросилась на них. Велисарий тоже приказал начать атаку. Здесь не было места для обычной римской тактики и убийственного количества стрел, которые обычно предшествует броску копьеносцев. Не было ни места, ни времени. Фракийцы настолько уступали количественно, что Велисарий мог только попытаться использовать их больший вес в одновременном ударе. Седловина была широкой и неглубокой для горного перевала, но все равно это не ровная долина. Если его катафракты с их более тяжелой броней и копьями, и стременами смогут превратить первые ряды раджпутов в фарш, то это попридержит остальных. Надо надеяться, достаточно, чтобы фракийцы сами смогли отступить.

Расстояние между двумя армиями исчезло в секунды. Молот ударил.

* * *

Раджпуты не сломались — не совсем.

Велисарий уже один раз разбил армию малва таким броском, в первый день сражения под Анатой. Но та армия малва была надменной и незнакомой с тактикой римской тяжелой конницы.

Раджпуты сегодня тоже в первый раз встретились на поле брани с римскими катафрактами во время броска копьеносцев. Но эта армия малва уже сражалась в Персии против персидских дехганов. И они противостояли тяжелой коннице и выигрывали. Во всех случаях.

Тем не менее... У раджпутов не было стремян, и это обстоятельство оказалось решающим. Длинное тяжелое копье в руках у копьеносца, который удерживается в седле при помощи стремян,— гораздо более эффективное оружие, чем более короткое, более легкое копье, которым пользуются кавалеристы без стремян. На относительно узком, ограниченном пространстве перевала раджпуты не могли уклониться от этих копий. И копья разрывали их на части.

Но не совсем. Недостаточно, чтобы позволить римлянам просто развернуться и отступить. Сотни раджпутов в первых рядах выжили после первого столкновения и тут же, достав мечи, набросились на катафрактов. Не прошло и нескольких секунд, как перевал наполнился лязгом стали — мечи ударялись о мечи.

«Мы не можем себе этого позволить»,— подумал Велисарий, выдергивая собственное копье из живота кавалериста-раджпута. На мгновение он оказался в относительной безопасности и смог осмотреть поле брани. Анастасий с Валентином удерживали врагов, чтобы те не могли подобраться к полководцу.

Велисарию потребовалось менее пяти секунд, чтобы принять решение.

«Достаточно. Более шероховато и менее гладко, чем мне хотелось бы, но — достаточно».

Он выкрикнул новые приказы небольшой группе трубачей, которые следовали за ним. Трубы протрубили приказ отступать. Фракийцы тут же подчинились, хотя — в эти мгновения — выигрывали сражение. Маврикий давно очистил ряды букелляриев Велисария от всех надменных горячих голов.

«Если полководец приказывает отступать, вы отступаете. Забудьте о враге перед вами и о том, что вы его сейчас прикончите. Полководец видит все сражение. Вы делаете то, что ***он*** говорит. Сразу же».

Сам Велисарий начал отступать от передней линии. Он водил глазами взад и вперед, оценивая действия своих войск. Все еще оставались группки римлян и раджпутов, которые сражались мечами, но большая часть катафрактов отступала и достаточно быстро.

Конечно, раджпуты пытались их преследовать, но нагромождения из людей и лошадей, упавших на поле, сильно мешали их продвижению. Велисарий подумал, что эти тела и его людей задерживают, да и раджпуты не желали прекращать преследование.

Через несколько секунд Велисарий понял, что он сам и небольшая группа солдат находятся почти в самом конце отступающих римских войск. На самом деле они были даже несколько изолированы. Он был так занят, наблюдая за остальной частью армии, что не обратил внимания на собственное положение.

Валентин подтвердил его мысли.

— Мы торчим, как шип, полководец. Все впереди нас. Нам следует несколько увеличить темп или...

Какое-то движение привлекло внимание Велисария. Он заметил его уголком глаза, повернул голову и увидел небольшую группу раджпутов, которая перебралась через баррикаду из тел. Теперь враги неслись на них, и им оставалось преодолеть не более тридцати ярдов.

Велисарий даже не подумал обращаться в бегство. Против подобных этим врагов бегство определенно означало бы смерть. Он развернул лошадь, приготовил копье и почувствовал, как Валентин с Анастасием рядом с ним делают то же самое.

Раджпут во главе группы был очень высоким. Он приближался, держа копье над головой, типично для наездников без стремян.

Велисарий посмотрел вверх, даже поднял голову, на лицо высокого человека. У шлемов раджпутов отсутствовали забрала, имелась только небольшая защита для носа.

Велисарий узнал лицо Раны Шанги.

Сам Велисарий носил германский шлем. Тяжелые, загибающиеся пластины покрывали большую часть лица, а вот для носа защиты как раз и не было. И поэтому в то мгновение он понял: Шанга также узнал его.

«Друг через поле брани». Но теперь друг пересек поле и здесь больше не был другом. Велисарий собирался сразиться с человеком, который считался одним из величайших воинов в Индии.

Велисарий прижал ноги к бокам лошади, приготовил копье к удару и бросился вперед. Валентин ехал рядом, возможно, в шаге позади. Анастасий попытался сделать то же самое, но его перехватили два раджпута.

Двумя секундами позже Велисарий узнал, почему Рана Шанга считается живой легендой.

* * *

С тех пор, как Велисарий стал использовать стремена, он всегда мог отразить удар вражеского копьеносца без них. До встречи с

Раной Шангой. Царь раджпутов уклонился от более длинного и тяжелого римского копья, быстро повернувшись в седле, а затем со всей силы ударил собственным копьем сверху вниз, вложив в удар всю силу могучей руки.

В шею лошади Валентина. Наконечник копья безошибочно прошел между двумя пластинами, составляющими броню, и прорвал артерию. Лошадь начала харкать кровью и рухнула, Валентин свалился на землю.

Как и всегда во время сражения, Эйд усиливал ощущения и реакцию Велисария. Разум полководца, казалось, работал быстро, как молния. Но теперь по его нервным окончаниям курсировал лед, а не пламя. Как он понял, Шанга бил целенаправленно. Царь раджпутов видел Валентина в действии и, очевидно, рассчитал, от которого врага следует избавиться в первую очередь.

«Что не говорит в пользу моих перспектив»,— мрачно подумал Велисарий.

Римский полководец развернул лошадь. Уголком глаза он заметил, что Анастасий теперь сражается против трех раджпутов. В это мгновение гигант обрушил удар на одного из врагов, и тот рухнул наземь. Однако, как понял Велисарий, в ближайшее время помощи от Анастасия ждать не приходится.

Шанга тоже разворачивался, готовый к атаке. Он находился слишком близко, чтобы использовать против него тяжелое длинное копье. Оно теперь стало только помехой. Велисарий бросил копье, выхватил длинный меч, пришпорил лошадь и понесся вперед.

Мгновение спустя Шанга отклонил его удар щитом. Велисарию едва удалось прикрыться собственным щитом, чтобы отразить удар Шанги.

Сила удара, нанесенного человеком, который сидел на лошади без стремян, была потрясающей. В отличие от Велисария Шанга мог удерживаться на лошади, только сжимая ее бока коленями. Этот невероятный удар мечом был нанесен лишь одной силой верхней части туловища.

Велисарий сам был сильным человеком, но тут же понял, что безнадежно проигрывает в мощи. К счастью, большинство очень сильных людей действуют медленно, и Велисарий надеялся...

Следующий удар последовал так быстро, что даже при помощи Эйда Велисарий едва успел блокировать его. Третий удар... Велисарий даже не пытался сам нанести удар. Третий был направлен ему в бедро. Только помощь Эйда позволила Велисарию достаточно быстро прикрыться щитом, иначе его нога оказалась бы ампутирована. Но нога перестала что-либо чувствовать. Удар Шанги фактически вбил щит в бедро Велисария, а судя по звукам, сам щит треснул.

Следующий удар мечом разломил щит пополам. Только внешний железный обод все еще удерживал куски вместе.

Наконец Велисарий занес меч. Шанга заблокировал удар щитом, а затем быстрым как молния движением выбил меч из руки Велисария. Этим ударом царь раджпутов наполовину выкинул Велисария из седла. Теперь щит римлянина стал абсолютно бесполезен.

Никогда в жизни Велисарию не приходилось противостоять такому невероятному сопернику. Он увидел, как на него опускается еще один удар этого ужасного меча, и понял: он — мертвец. Велисарий потерял равновесие, щит его был расколот, у него не было надежды заблокировать удар.

Но его разум, усиленный Эйдом, все еще работал. Его тело не могло отреагировать вовремя, все происходящее воспринималось, как в замедленном действии. У него даже нашлось время посчитать странной последнюю мысль: «Не верю, что Рагунат Рао сражался против этого человека целый день!»

Меч опустился. Но в последнее мгновение он отклонился в сторону. Не сильно, но достаточно, чтобы просто сбить Велисария с лошади, вместо того чтобы разрубить пополам. Остатки щита приняли большую силу удара, наконец он полностью раскололся на куски, но Велисарий осознал: у него сломана рука. Он пребывал в полубессознательном состоянии до того, как рухнул на землю, а после этого полностью отключился.

Его глаза все еще оставались открыты. Но его разум на несколько мгновений перестал работать.

Он увидел, как лошадь Шанги качнулась. Увидел, что из горла животного торчит копье. Увидел пешего Валентина, который держал копье. Именно благодаря Валентину упало животное. Велисарий увидел, как Шанга спрыгивает с падающей лошади, чтобы та не прижала его своим весом к земле. Меч все еще оставался в руке Шанги. Увидел первый удар Валентина, быстрый, как молния. Увидел, как Шанга отразил его, как раз вовремя. Увидел...

Ничего больше, только лошадиный бок. Огромная рука схватила его за воротник туники и подняла. Геркулес поднял фрукт. Полководец висел через седло, как куль с мукой.

Его разум снова заработал. Это седло Анастасия,— понял Велисарий. Он также понял — смутно — что слышит крик Маврикия. И крики других фракийцев. Велисарий слышал стук копыт и чувствовал, как лошадь под ним пошла галопом.

— Валентин,— прохрипел он.

— Валентину придется самому о себе позаботиться,— пророкотал Анастасий.— Я — *твой* телохранитель, не его.

— Валентин,— снова прохрипел Велисарий.

Вздох гиганта был слышим даже несмотря на грохот копыт вокруг.

— Мне жаль, полководец,— сказал Анастасий.— Мне будет не хватать этого ублюдка. Это уж точно, хотя я никогда не сказал бы это ему самому.

Затем Анастасий еще добавил:

— Не то что у меня когда-либо представится шанс. Теперь он сам за себя, против демона Шанги и двадцати тысяч его раджпутов.

Глава 14

Валентину не требовалось сражаться против двадцати тысяч раджпутов. Только против их величайшего царя.

К тому времени, как схватка между Раной Шангой и Валентином закончилась, все раджпуты из армии Дамодары находились на верху седловины и наблюдали за ней. Все, за исключением тех, кто был ранен так сильно, что не мог передвигаться,— и многие из них в последующие годы считали эту потерю большей, чем отрезанные конечности и шрамы.

В анналах Рима это сражение назовут битвой на перевале. Но среди раджпутов она также останется известна, как битва с мангустом.

Частично название было дано в честь Велисария. Раджпуты выиграли сражение, если считать победой обладание полем битвы. (Что считается победой в любой стране.) Но даже в свой день победы они знали, что римский полководец уступил очень мало, только саму пропитанную кровью землю. На самом деле мало, если учитывать неравенство сил и количество убитых и раненых с обеих сторон.

Да, они отогнали его прочь, захватили перевал и очистили путь к еще одной части горной системы Загрос. Но их ждет еще много перевалов, перед тем как они наконец прорвутся в Месопотамию. И римский полководец показал им, разрушениями и потерями, какую высокую цену он возьмет за этот проход.

* * *

Однако по большей части название было дано в честь Валентина.

Индусы по-своему смотрят на животных и включают их души в легенды. Увидев Валентина, западные люди часто вспоминали ласку. Но в Индии ласки не водятся. Вместо них есть мангусты. Такие же быстрые, такие же смертоносные, но ими скорее восхищаются за их хитрость, чем боятся их кровожадности.

Как и западные люди, индусы знают змей. Но они не разделяют западное отвращение к змеям. Скорее наоборот. По их мнению,

есть мало таких же величественных Божьих тварей, как королевская кобра.

И именно эти глаза следили за схваткой и дали ей название. Валентин был гораздо меньше и слабее, чем великий царь, но оказался самым быстрым и ловким мастером по владению мечом, которых когда-либо видел кто-то из этих раджпутов. Большинство из них ожидали, что схватка продлится три минуты, но вместо этого она продолжалась три часа.

* * *

Римская армия тоже наблюдала и с гораздо более дальнего расстояния. К тому времени, как схватка вступила в решающую стадию, все выжившие римские солдаты уже перешли через брод. В относительной безопасности на дальнем берегу офицеры Велисария выстроили армию, пока врач занимался сломанной рукой полководца.

Вначале римские войска были напряжены. Они не исключали, что враг предпримет еще одну атаку. В конце концов все еще оставалось время — была только середина дня, а армия малва уже продемонстрировала свой характер и пыл.

Солдаты были напряжены, но не обеспокоены. Фактически римляне почти надеялись, что враги попытаются перебраться через реку. Римляне не сомневались в своей способности отбить атаку, причем нанести врагу тяжелые потери.

Но вскоре стало очевидно, что раджпуты не собираются предпринимать таких глупых шагов. Во-первых, они были опытными воинами. А, во-вторых, их полностью поглотило наблюдение за поединком один на один между Раной Шагой и Валентином.

К тому времени, как Велисарий вышел из своего шатра с рукой на перевязи, римские войска уже расслабились и сами наблюдали за поединком. Точнее сказать, они слушали новости, которые приносили курьеры. Только Маврикий, используя телескоп Велисария, на самом деле мог видеть все.

Когда Велисарий подошел к Маврикию, хилиарх опустил телескоп.

— Ты слышал? — спросил он. Велисарий кивнул.— Самое большое сумасшествие, черт побери, которое я когда-либо видел,— пробормотал Маврикий.

Его отношение не удивило Велисария. Как и Эйда.

«Традиции поединка один на один между мастерами больше не являются частью греко-римской культуры,— прислал ментальный импульс Эйд.— И не являются уже более тысячи лет, со времен Гомера. Но это все еще живая часть индийских традиций, по край-

ней мере среди раджпутов. Даже два десятилетия правления малва не сломали эту романтическую идею рыцарства».

Велисарий посмотрел на перевал наверху. Казалось, раджпуты стоят на каждом дюйме склона, с которого можно видеть поединок. Даже подразделения раджпутов, выставленные в дозор, заданием которых было следить, не начнут ли враги контратаку, отвернулись от римской армии.

«Если ничто другое, то годы в ярме малва заставляют их еще больше ценить этот момент,— добавил Эйд.— Ничего подобного с воинами Раджпутаны не происходило уже много лет. Просто бойня в Ранапуре, а до этого в Амаварати».

Маврикий протянул телескоп его законному владельцу.

Велисарий покачал головой.

— Один из двух людей, которых я ценю, сегодня умрет. У меня нет желания наблюдать за этим.

«Мне тоже очень жаль»,— пришел ментальный импульс от Эйда. Он говорил тихо и мягко.

Маврикий снова поднял телескоп к глазам и снова стал наблюдать за поединком. Он ожидал подобный ответ Велисария. Он предлагал ему телескоп скорее потому, что должен был это сделать.

Но Маврикия все равно поражал командующий из малва.

— Самое большое сумасшествие, которое я когда-либо видел,— повторил он.— О чем, черт побери, думает Дамодара? — Он отвел телескоп на несколько дюймов от глаз и использовал его, чтобы показать на огромное количество раджпутов, покрывающих весь перевал.— Все, что от него требуется,— это отдать приказ, и от Валентина ничего не останется. Его тело будет не разглядеть от количества воткнувшихся стрел.

Велисарий покачал головой.

— Ни один раджпут не подчиниться этому приказу, и Дамодара это знает. Если он пошлет вместо себя кого-то другого, то посыльных убьют раджпуты. И вероятнее всего и самого Дамодару, если они решат, что это он отдал такой приказ. Кроме того...

Велисарий уставился через реку вверх по склону. Он не пытался следить за поединком между Шангой и Валентином. Он просто искал глазами Дамодару.

Эйд облек его мысли в слова.

«Человек, который достаточно долго ездит верхом на тигре, сам начинает думать, как тигр».

* * *

— Это чистое сумасшествие! — рявкнул начальник шпионской сети малва. Он гневно смотрел сверху вниз на Дамодару и пока-

зывал пальцем на вражескую армию, стоявшую на другом берегу реки в полумиле от них.— Пока вы теряете время на это легкомыслие, римляне убегают!

Командующий малва, удобно устроившийся на подушке, не отвечал несколько секунд. Его глаза оставались прикованы к двум мужчинам, яростно сражающимся в нескольких дюжинах ярдов. Когда он наконец ответил, говорил он спокойным мягким тоном.

— Это спорный вопрос, Исанаварман,— Дамодара бросил взгляд вниз по склону.— Ни при каких обстоятельствах я не прикажу своей армии форсировать реку против *этого* противника.— Его тон стал тверже.— Я определенно не намереваюсь отдавать такой приказ сегодня. Не после наших потерь от этих адских ручных пушек.

Он посмотрел на начальника шпионской сети. Смотрел холодно и сурово.

— О существовании которых меня не информировали. Люди, чьим долгом является знать о таких вещах.

Шпион даже не дернулся. Но отвернулся. За его спиной трое его подчиненных попытались сделаться невидимыми — настолько, насколько возможно.

— Лучшие шпионы в мире не могут обнаружить все,— пробормотал Исанаварман.

Начальник шпионской сети недовольно посмотрел на Нарсеса. Евнух сидел на подушке рядом с Дамодарой. Слева от Дамодары. По индийским традициям на этом месте обычно располагается главный гражданский советник господина.

— А твой римский домашний любимец тебя предупредил? — спросил Исанаварман, почти рыча.— У него есть свои шпионы.

— Всего несколько человек,— заметил Дамодара. Командующий малва снова следил за поединком.— Ничего подобного орде шпионов, которых Нанда Лал дал в твое распоряжение.

Начальник шпионской сети скрипнул зубами, но ничего не сказал. Да и что можно было сказать?

Нанда Лал являлся начальником над всеми шпионами империи малва и считал Исанавармана своим лучшим агентом. Нанда Лал назначил его начальником шпионской сети армии Дамодары именно по этой причине. Из-за географического расположения горной системы Загрос Дамодара командовал независимо. Его армия была единственной не под непосредственным зорким оком правителей из малва. Поэтому Нанда Лал послал Исанавармана со множеством шпионов, чтобы следить не только за врагами, но и за самим Дамодарой.

Так что можно было сказать?

Дамодара нашел слова.

— Для разнообразия сделайся полезным, Исанаварман. Опроси выживших йетайцев. Выясни все, что можешь об этих ручных пушках.

Исанаварман уже собрался что-то ответить, но Дамодара не дал ему.

— Сделай это. Я — главнокомандующий этой армии, а не ты. Ты — начальник шпионской сети. И все.

Господин из малва поднял руку и обвел ею окружающие их войска. Почти все были раджпуты, за исключением нескольких сотен кшатриев — тех, которые доказали свою доблесть и поэтому тоже оказались среди зрителей. Большинство кшатриев находились в лагере, прекрасно зная, что раджпуты не позволят им присутствовать.

Исанаварман обвел взглядом массу солдат. Там также собралась примерно тысяча йетайцев. Но начальник шпионской сети не мог не заметить, что йетайцы разбросаны среди массы раджпутов маленькими группками. Часто это были отдельные воины, которые дружелюбно болтали с товарищами-раджпутами. Раджпуты с некоторым презрением относились к варварству йетайцев. Но в этот день они показали себя достойно, и никто не сомневался в смелости йетайцев.

— Сделай это,— повторил Дамодара. Он снова холодно посмотрел на начальника шпионской сети.— Уходи сейчас, Исанаварман. Здесь тебе не место.

Начальник шпионской сети ушел. Агенты Нанды Лала на самом деле не сбежали, но и не мешкали. Они не могли не заметить, как холодно и сурово смотрели на них другие люди. Глаза тысяч воинов-раджпутов, которые никогда не любили шпионов малва — ни в какое время и ни в каком месте — и определенно не здесь, не в этот доблестный день.

* * *

Когда они ушли, Дамодара склонился к Нарсесу. Взгляд командующего все еще был прикован к поединку между Валентином и Раной Шангой, но казался несколько рассеянным, словно мысли Дамодары витали в другом месте.

— Думаю, у него больше нет орды шпионов,— тихо произнес он.

Как и всегда, Нарсес фыркнул, и это прозвучало великолепно.

— У него есть трое, которые пришли вместе с ним, и имеются еще два. Всем остальным плачу я.

Дамодара кивнул.

— Значит, сегодня ночью. Думаю, так будет лучше всего.

— Это будет идеально,— согласился Нарсес.— Сегодня сражение шло на грани поражения. Конечно, великая победа для малва, но и цена немаленькая. Хитрый римский полководец послал кавалерийское подразделение на наш лагерь. Жуткая бойня. Большие потери.

Нарсес согнул указательный палец. Аджатасутра, который сидел в десяти футах от него, встал и подошел поближе.

— Сегодня ночью,— прошептал Нарсес.— Если возможно, сделай все сам.

Аджатасутра не фыркал. Он никогда не фыркал. Странно, но это была одна из причин, по которой он нравился Нарсесу. Но в тонкой улыбке наемного убийцы не было и следа юмора.

— Эти надменные снобы уже много лет не пользовались кинжалом,— тихо сказал он.— Все эти годы они отдыхали в Каушамби, читали отчеты, в то время как несчастные агенты типа меня участвовали в авантюрах, от которых волосы встают дыбом, в компании с усталыми старыми евнухами.

Нарсес широко улыбнулся, также эмоционально, как фыркал. Это выражение на его лице рептилии появлялось нечасто и успокаивало не более, чем открытый рот кобры. Но улыбка оставалась у него на лице еще несколько минут.

Он развеселился, думая не о змеях, а о других животных. Тиграх и людях, которые выбирают езду на них.

Нарсес посмотрел на Дамодару. Теперь взгляд командующего малва был направлен на сражение, и в нем не осталось ничего туманного.

«У него самого вполне могли быть тигриные полоски»,— подумал Нарсес.

* * *

В сказаниях бардов, в стихах поэтов истина приобретает розовый оттенок. На самом деле больше, чем оттенок. Факты поединка один на один между двумя великими воинами становятся чем-то чисто легендарным.

В легендах мало места для пота, и еще меньше для жажды и усталости. И совсем нет для необходимости мочиться.

Но факт остается: двое мужчин, которые сражаются друг с другом несколько часов, отдыхают. Отдыхают, даже если они сражаются полуголыми, голыми руками, а уж тем более, если на них надеты тяжелые доспехи, и они размахивают тяжелыми мечами. Поединок один на один между мастерами — это не мгновенная встреча в середине битвы, и по своей природе это — ритуальное действо. И как и у всех подобных дел, в сердце ритуала есть практический стержень.

После первых пяти минут Шанга с Валентином прервались, хватая ртами воздух. К тому времени место схватки уже окружили раджпуты. Кавалеристы Шанги все еще сидели на своих конях и держали в руках оружие. Один из них, увидев открытый участок

между двумя сражающимися, направил лошадь на Валентина. И уже наполовину поднял копье.

Шанга заорал в ярости — без слов. Раджпут дернулся назад.

Шанга воткнул меч в землю — осторожно, проверив, что в том месте нет камней, которые могут затупить острие, и оперся о него. Немного приведя дыхание в норму, Шанга показал пальцем на Валентина.

— Дайте человеку воды,— приказал он.— Если он захочет — вина.

Царь раджпутов несколько секунд изучал своего противника. Валентин все еще тяжело дышал, опершись на свой меч, но Шанга отметил, что больше он не хватает ртом воздух.

— И принесите нам еду и подушки,— добавил Шанга. Он улыбнулся, почти весело.— Думаю, они нам потребуются.

За следующие несколько минут, пока Шанга и Валентин отдыхали, раджпуты организовали все необходимое. Дюжина раджпутов собралась вокруг Шанги. Четверо направились к Валентину после того, как опустили оружие. Один из них нес бурдюк с вином, другой — бурдюк с водой, третий — свернутое одеяло, которое станет служить Валентину подушкой во время отдыха, четвертый — хлеб и сыр.

Шанга кивнул на них, не сводя глаз с Валентина.

— Они будут тебе помогать,— крикнул он римлянину.— Подадут все, что тебе потребуется.

Шанга выпрямился.

— Конечно, ты можешь сдаться. В любую минуту.

На мгновение Валентин чуть не ответил так, как у него вертелось на языке — «А пошел ты в жопу!» — но сдержал импульс. Он просто покачал головой. Жест, который в конце перешел в легкий поклон. Даже Валентин, несмотря на свою циничность и строптивость, мог почувствовать приближение славы.

* * *

В последовавшие часы низкорожденный римский катафаркт пробивал себе путь в индийские легенды. А его разум в это время удивлялся его действиям.

«Зачем ты это делаешь, ты, чертов дурак?»

Всю жизнь Валентина боялись другие люди. Боялись из-за его поразительной быстроты, его реакции, его сверхъестественного зрения — но больше всего за мгновенную способность убивать. На самом деле очень немногие люди могут убить мгновенно — пока другой снимает шляпу. С возраста десяти лет Валентин мог убить, пока соперник только дотрагивается до шляпы.

И поэтому люди боялись его. И находили его напоминающее пружину тело и узкое лицо более подходящими не человеку, а яростному хищнику.

«Потому что я устал, что меня называют лаской»,— ответила душа.

* * *

Конец пришел внезапно, неуклюже, неожиданно — почти небрежно. Как и обычно происходит в реальном мире. Конечно, барды и поэты за столетия подчистят его.

Нога Шанги соскользнула, попав на камешек. На мгновение, когда он пытался сохранить равновесие, его щит ушел в сторону. Увидев проем, Валентин бросился на открывшуюся ногу раджпута. Это не был удар Геркулеса, просто обычный экономный удар Валентина. Быстро вскинутый меч глубоко вошел в бедро Шанги.

Раджпут упал на одно колено и закричал от боли. Боли — и отчаяния. Его ногу уже заливала кровь. Это не была ярко-красная, пульсирующая артериальная кровь, но все равно ее оказалось достаточно. Эта рана убьет его через полчаса, только от одной потери крови. На самом деле скорее. Через несколько минут боль и потеря крови ослабят Шангу достаточно, чтобы враг прикончил его.

Тогда...

Все другие люди, наблюдавшие за схваткой или слушавшие рассказы о ней в последующие годы, всегда будут предполагать, что Валентин допустил свою единственную ошибку.

Но правда была совсем другой. На протяжении часов схватки Валентин избегал мериться силой с Шангой. Вместо этого он противопоставлял поразительной мощи раджпута свою скорость. Скорость, хитрость и опыт. Он мог бы так закончить битву. И ему следовало так ее закончить. Кружа вокруг раджпута, делая пробные выпады, нанося порезы, чтобы Шанга дальше истекал кровью, но держась подальше от его невероятной силы до тех пор, пока соперник не ослабнет настолько, что быстрый смертельный удар все закончит. Убить царя, как волк приканчивает раненого быка. Как убивает ласка.

Но что-то внутри человека, похороненное глубоко, восстало. Впервые после начала схватки — впервые в жизни, если сказать по правде — Валентин нанес героический удар. Мощный удар, со всей силы размахнувшись по голове раджпута.

Шанга выбросил меч вверх и вперед, чтобы заблокировать удар. Меч Валентина, опускаясь со своей вложенной в него силой, встретился с клинком, который держала сильнейшая рука в Раджпутане.

Самая прекрасная в мире сталь производится в Индии. От удара римский меч разломился надвое, и в кулаке Валентина остался кусок не более шести дюймов в длину.

Шести дюймов все еще может оказаться достаточно в схватке ножами. Валентин ни секунды не колебался. Быстрый как ласка, он бросился на колено и протянул руку с обрубком меча к горлу Шанги.

Царю раджпутов удалось вовремя опустить шлем. Обрубок соскользнул с закрывающей нос пластины и оставил глубокий порез на щеке Шанги. Снова пролилась кровь.

Этого было недостаточно. Хотя из горла Валентина не вырвалось крика отчаяния, он знал: ему пришел конец. Теперь, когда они находились так близко друг от друга, оба на коленях, все преимущество оказалось стороне Шанги.

Сам Шанга тоже никогда не имел склонности к колебаниям. Царь раджпутов мгновенно нанес удар. Валентин прикрылся щитом. Щит римлянина треснул. Еще один удар. Щит сломался. Еще один удар, в голову. Шлем сбился и сел криво. Наконец последний удар, снова по шлему, сталь треснула в месте шва, а Валентин распластался на земле. По меньшей мере без сознания. Вероятнее всего, мертвый, судя по крови, которая лилась из-под кусков германского шлема.

Шанга поднял руку, чтобы отрубить Валентину голову. Но остановил движение даже до того, как меч закончил подъем.

Он в этот день одержал великолепную победу. Славную победу. Он не станет ее пятнать ударом палача.

Шанга опустился на пятки. В полубессознательном состоянии уставился на небо. Садилось солнце, и горы омывал пурпурный цвет. Вокруг себя он в тумане слышал громоподобные крики из тысяч раджпутских глоток. А секунды спустя почувствовал, как руки укладывают его наземь и начинают перевязывать раны.

Славная победа. Он не чувствовал себя настолько очищенным уже много лет. Со дня, когда он сражался с Рагунатом Рао и впервые попал в индийские легенды.

* * *

В речной долине внизу римляне тоже услышали победные крики. Казалось, горы звенят от этого звука.

Маврикий опустил телескоп.

— Все,— сказал он тихо.

Велисарий сделал глубокий вдох. Затем повернулся к Кутзесу.

— Пошли курьера с флагом перемирия. Я хочу узнать, мертв ли Валентин, чтобы наши священники могли провести погребальные обряды.

— А если жив? — спросил Кутзес.

— Спроси, не примут ли они выкуп,— на мгновение мелькнула хитрая улыбка Велисария.— Хотя не думаю, что смогу его себе

позволить, несмотря на все мои богатства. Если только Дамодара на самом деле не сошел с ума.

* * *

— Ни за какое золото Рима,— мгновенно ответил Дамодара.— Разве я похож на сумасшедшего?

* * *

Когда Кутзес принес новость назад, Велисарий опустил голову. Но его сердце, впервые за много часов, взлетело к небесам.

— Он все равно может умереть,— предупредил Кутзес.— Они говорят, он потерял много крови. И у него проломлен череп.

Анастасий фыркнул. Как и Маврикий.

— Не Валентин,— сказал Велисарий. Поднял голову и улыбнулся шире, чем когда-либо в жизни.— Не мой воин. Не этот великий, яростный лев.

* * *

На следующее утро армия малва стала продвигаться вдоль реки. На северо-запад, прочь от римлян. Все еще удерживающая брод армия Велисария не предпринимала попыток им помешать.

Ни один солдат, ни на одной стороне не посчитал это странным.

— Опять маневры,— сказал один раджпут одному йетайцу. Варвар тут же согласно кивнул.

— Боже, как я люблю маршировать,— объявил один греческий катафракт. Его глаза обвели горы.— Он дает нам возможность полюбоваться пейзажем. Много недель, если повезет. Может, даже месяцев.

— И как мне не нравится смотреть на собственные кишки,— ответил ему сириец.— Даже одну минуту.

Глава 15

Йемен

Весна 532 года н.э.

— Это произойдет сегодня ночью. Точно,— заявил Менандр.

Ашот покрутил рукой в воздухе. Движения означали гораздо меньшую уверенность.

— Может быть. А может, и нет.

Менандр твердо стол на своем.

— Это произойдет сегодня ночью,— повторил он уверенно.

Молодой катафракт сделал два шага к входу в полевой штаб и откинул кусок материи, закрывающий вход. Лагерь римской армии находился в полумиле к востоку от небольшого оазиса. Менандр смотрел в том направлении, но его глаза скорее были прикованы к горизонту, чем к самому оазису.

Мгновение спустя к нему присоединился Евфроний. Молодой сириец — одного возраста с Менандром: двадцать с небольшим — разок взглянул на небо и кивнул.

— Солнце зайдет менее, чем через час,— сказал он.— После этого до полуночи будет светить луна. Арабы подождут, пока не зайдет луна. Затем атакуют.

Антонина сидела на стуле недалеко от центра шатра. Она улыбнулась. Как только поняла, что делает, убрала с лица улыбку. Но недостаточно быстро: Ашот ее заметил.

Ашот ей улыбнулся. Она улыбнулась в ответ, одновременно сохраняя суровое выражение лица, подобно строгой учительнице, которая укоряет старшего в классе ученика за насмешки над младшими.

И примерно с тем же успехом. Да, Ашоту хватило благородства сжать губы. Однако он все равно выглядел подобно кошке из пословицы, которая сожрала канарейку.

Ашот командовал пятьюстами катафрактами, которых Велисарий отправил вместе с Антониной в экспедицию. Ее муж выбрал армянского офицера для выполнения этого задания, поскольку считал, что Ашот — конечно, после Маврикия — является лучшим полевым командиром среди его букелляриев. По большей части решение Велисария основывалось на врожденных качествах Ашота. Но на Велисария также повлиял и опыт этого человека. Даже хотя Ашоту было только тридцать с небольшим, армянин успел поучаствовать в большем количестве сражений и кампаний, чем любой другой офицер среди букелляриев Велисария (и снова, конечно, за исключением Маврикия).

Из собственного опыта, накопленного за последний год, Антонина поняла, почему это так сильно повлияло на решение мужа. Она сама все еще оставалась новичком в военных делах. Снова и снова направляющая рука Ашота появлялась рядом, когда предположения Антонины оказывались неправильными.

«Враг не делает того, что ты от него ожидаешь? Да, обычно не делает. Нет проблем. Мы с этим справимся».

Евфроний и Менандр отвернулись от входа. С абсолютной уверенностью, которой обладают только молодые люди, они объявили о своем мнении.

— Сегодня ночью,— предсказал Менандр.

— Сразу после того, как сядет луна,— постановил Евфроний.

— Основная атака будет с востока,— заявил Менандр.

Евфроний кивнул. Ну просто Солон, одобряющий суждение Хаммурапи[1]. Единственное возможное направление. Они смогут воспользоваться садящейся луной, свет которой направит их на нас во время приближения. И они не заблудятся в оазисе.

Антонина расправила плечи.

— Хорошо. В таком случае проследите за приготовлениями.

Двое молодых офицеров вышли из шатра, откинув в сторону кусок ткани, закрывающий вход, с силой, словно пассаты[2]. Когда они ушли, Антонина посмотрела на Ашота. Армянин снова широко улыбался.

— Хорошо,— проворчала она.— Теперь скажи мне, что *ты* думаешь.

Продолжая улыбаться, армянин пожал плечами.

— Не знаю. И что касается этого дела — мне все равно. Они *могут* атаковать сегодня ночью — хотя я и подхожу к этому скептически, поэтому нам в любом случае следует подготовиться. Подготовку можно рассматривать, как хорошее учение.

Ашот взял стул и удобно расположился на нем. Теперь он одобрительно улыбался.

— Мне нравятся самоуверенные и дерзкие молодые офицеры,— сказал он.— Если только они — надежные парни. А на этих двоих определенно можно положиться. В них есть стержень.— Он снова пожал плечами.— Достаточно скоро вся чушь вылетит у них из голов. А пока я могу рассчитывать, что они выстоят во время бури. Когда бы она ни пришла, и с какого бы направления ни пришла.

Антонина подняла кубок со стола, стоявшего рядом со стулом, и отпила глоток. Кубок был наполнен водой из ближайшего оазиса, разбавленной небольшим количеством вина.

— А почему ты не думаешь, что они атакуют сегодня ночью? — спросила она.

Ашот почесал щеку, потом провел руками сквозь жесткую бороду.

— Просто это не кажется мне вероятным, и все. Нам предстоит столкнуться с бедуинами-номадами. Они способны передвигаться быстро — после того как приняли решение. Достаточно быстро, даже по пустыне. Поэтому они в самом деле могут оказаться на месте сегодня ночью.

---

[1] Солон (640-559 до н.э.) — политический деятель и соц. реформатор Афин. Его причисляли к легендарным «семи мудрецам». Хаммурапи (1792-1759 до н.э.) — царь Вавилонии, с именем которого связано возвышение Вавилонии. Искусный политик и полководец. *(Прим. перев.)*

[2] Пассаты — устойчивые на протяжении года воздушные течения в тропических широтах над океанами. *(Прим. перев.)*

Он склонился вперед и поставил локти на колени.

— Но я знаю эту породу. Могу почти гарантировать: они потратят два или три дня, споря и ругаясь, перед тем как решат, что именно делать.— Ашот усмехнулся.— Именно поэтому мы встали к северу от Саны, вместо того чтобы находиться прямо на побережье с Эоном и его сарвенами.

Антонина кивнула. Тактику этой кампании изначально разрабатывали Ашот и Вахси. Конечно, Антонина с Эоном одобрили план. Но ни он, ни она с самого начала не считали себя достаточно квалифицированными, чтобы его разрабатывать.

И она знала, что если бы они все-таки занимались разработкой плана, то никогда бы не придумали *этого*. Ашот с Вахси были ветеранами кампаний, а не только сражений, и мгновенно увидели слабость в стратегической позиции предателя Абрехи. Его проблема являлась в большей степени политической, чем просто военной.

Абреха держал Йемен с только двумя восставшими полками из армии Аксумского царства. Эти два полка, Метин и Фалха, забаррикадировались в столице провинции Сане. Третий полк, Хален, расквартированный в Аравии, в Марибе, все еще сохранял нейтралитет в гражданской войне.

Поэтому основная часть сил Абрехи — более трех четвертей его людей — состояла из арабов — солдат нерегулярной армии, воинов из различных племен бедуинов в Южной Аравии, под неустойчивым командованием разрозненной горстки вождей. По отдельности арабские кочевники были яростными бойцами. Но у них практически отсутствовала дисциплина, и их концепция войны была концепцией разбойников и пиратов. Они собрались под знамена Абрехи не потому, что их волновало, кто из Аксумского царства станет править в Южной Аравии, а поскольку таким образом у них появлялся шанс поучаствовать в грабежах.

Поэтому Антонина предлагала им сочную сливу — свою небольшую армию из римлян, которые отделились и находились на удалении от основных сил аксумских сарвенов, высадившихся на побережье рядом с Саной. В этой части света Рим считали богатой землей. Те немногие золотые монеты, которые имелись у арабов, были солидами[1], отчеканенными в Константинополе. Среди племен ходили слухи, что улицы знаменитого города, столицы Римской империи, вымощены золотом. (Конечно, среди них иногда встречались скептики, которые считали рассказы невероятными. Наверняка — серебром, но не золотом.)

И вот теперь на их земле оказалась группа богатых римлян, не больше двух тысяч человек. Да они просто просятся, чтобы их

[1] Солид — золотая римская монета, имела массу 4,55 г. *(Прим. перев.)*

обчистили! В глазах бедуинов количество воинов, способных оказать сопротивление, на самом деле было гораздо меньшим. По крайней мере пятьсот из этих римлян — женщины!

И это, конечно, служило еще одним побудительным мотивом к атаке. Бедуины вместе с сокровищами захватят наложниц. К тому же ходили слухи, что римские женщины — самые красивые в мире. (И конечно, снова встречались скептики. Но они сами были женщинами, и ими руководили ревность и злоба.)

Это был хитрый план. Даже если Абреха попытается остановить арабов из нерегулярной армии, те проигнорируют его приказы. Но Ашот с Вахси думали, что Абреха, по всей вероятности, не станет возражать. Чисто с военной точки зрения атака на римский лагерь покажется ему хорошим шагом. Приближаясь к Сане с севера, отдельной колонной, римляне были изолированы от аксумской армии под предводительством Эона. Абреха увидит шанс разбить врагов по частям.

Хитрый план — и рискованный. Под знаменами Абрехи собралось по меньшей мере пять тысяч бедуинов. Они будут иметь численное превосходство над римскими силами в пропорции, по крайней мере, три к одному.

Антонина перевела взгляд в угол шатра. Там на небольшом столике лежала ее собственная ручная пушка. Несмотря на то что она терпеть не могла это приспособление, вид оружия помог ей восстановить уверенность.

Ручная пушка была меньше, чем тяжелые орудия, которыми вооружилась ее Когорта, и гораздо более изысканно сделана. Иоанн Родосский сделал эту ручную пушку лично для нее. Сказал, что это — прототип вооружения, которое он планирует разрабатывать для кавалеристов. Иоанн называл эту ручную пушку пистолетом.

— Для точности тут у нас двуствольная, причем стволы расположены один под другим,— пояснял он Антонине, когда вручал оружие за неделю до ее отплытия из Александрии.— Это первое оружие, которое сделано с использованием новых ударных капсюлей-детонаторов. Красивая штука, да?

Повертев оружие в руке, Антонина подумала, что определение «красивая» — абсурдно. Для нее оружие выглядело гротескно, уродливо, неудобно и, черт побери, оно было тяжелым! Женщина с трудом могла держать его одной маленькой ручкой.

— Нет, нет, Антонина! — воскликнул Иоанн.— Нужно его держать обеими руками! Вот — сюда левую, под ствол. Именно поэтому там деревянная часть.— Его выражение лица изменилось с гордого на отчасти смущенное.— Пока это, конечно, еще не настоящий пистолет, ну если только для очень крупного мужчины. Но он — лучшее, что я мог сделать за такое короткое время.

Несмотря на невысказанные вслух мысли, Антонина поблагодарила Иоанна за подарок. Очень долго благодарила тогда, когда он ей его вручал. Через два дня, после того как она провела несколько часов на стрельбище — Иоанн на этом очень настаивал, благодарила она его менее сердечно. Антонина не сомневалась, что проклятая штуковина выполнит свою смертоносную работу, если настанет момент и когда он настанет. Но у нее болели руки, и к тому же задница вся была в синяках, поскольку она многократно валилась на землю от отдачи. Более того, у нее имелись мрачные подозрения — черт побери врачей, мало ли что они там говорят — что по крайней мере одно плечо у нее выбито. Причем постоянно, судя по ощущениям.

Ашот проследил за ее взглядом.

— Чертова уродливая штуковина,— проворчал он.— Как я рад, что мне не приходится стрелять из этих ручных пушек. Даже из этой, не говоря уже про те костеломки, которыми пользуется Когорта.

Однако, несмотря на всю мрачность слов, выражение его лица было достаточно веселым. Он откинулся на спинку стула и положил руки на колени.

— Расслабься, Антонина. План сработает. Он кажется значительно более рискованным, чем на самом деле, если только мы сами все не испортим.

Антонина выдохнула воздух.

— Ты так уверен в ручных пушках? — спросила она.

Ашот фыркнул.

— Антонина, у меня нет уверенности ни в каком оружии. Оружие — это просто орудия труда, и меня совершенно не волнует, насколько они усовершенствованы и прекрасны. Не лучше, чем люди, которые ими пользуются.

Он махнул рукой.

— Но я уверен в этих сирийских ребятах. И их женах. Но больше всего я уверен в полководце.

Под словом «полководец» Ашот имел в виду Велисария. Как и большинство букеллариев, Ашот так никого другого не называл. Поэтому Антонина удивилась, когда Ашот добавил:

— Обоих полководцах.

Она вопросительно посмотрела на него. Ашот усмехнулся.

— Неужели твой муж никогда не упоминал тебе о нем? Я уверен, что должен был бы.

Тогда Антонина поняла, на кого ссылается Ашот. Велисарий делал гораздо больше, чем «упоминал» ей этого другого полководца. В течение недель перед его отправкой в Персию, в прошлом году, Велисарий проводил половину времени, готовя жену к экспе-

диции. Он часами тренировал ее, день за днем, обучая тактике того полководца. Он даже настаивал — единственный раз настаивал — чтобы она взяла Эйда в руку и вошла в мир видений кристалла.

Антонина почти содрогнулась, вспомнив сцены жуткой бойни. Но, вспомнив сражение под Ватерлоо, она также приобрела уверенность. Там снова и снова отбивали французскую конницу, которая выступала против пехоты Веллингтона у горного хребта Лесант.

— Может, сегодня ночью,— услышала она бормотание Ашота.— А может, и нет. Не имеет значения. Мы сломаем ублюдков, когда бы они ни пришли.

Он хрипло рассмеялся.

— Единственное, что я знаю точно, Антонина, это следующее. Через месяц эти горячие бедуинские головы будут грустить у себя в шатрах. И называть тебя Железным Герцогом.

Глава 16

Атака началась две ночи спустя, задолго до того, как скрылась луна, и с юга. Менандр с Евфронием были чрезвычайно недовольны. Тактика их врагов совсем не имела смысла!

Но они достаточно быстро с этим справились. Очень быстро. Если арабам и не хватало тактических знаний, они их компенсировали другими способами.

Ашот не удивился — ни тактике арабов, ни ярости их атаки. И момент оказался тем, на который он рассчитывал — если судить по времени дня. Он на самом деле не ожидал, что у бедуинов из нерегулярной армии хватит терпения ждать до полуночи. Они пришли с юга и воспользовались преимуществами лунного света, который освещал путь. Да, тот же самый лунный свет делал их более легкими целями, но степные воины только смеялись над такими недостойными мужчин вещами. Из-за этого настоящие мужчины не беспокоятся! Более того, к югу, почти рядом с лагерем римлян, находилась возвышенность. Она скроет приближение арабов и даст им преимущество, когда они бросятся в атаку вниз со склона.

Ничто из этого, как и предполагал Ашот, не сыграло роли. Когорта Феодоры была готова уже три дня. Как только солнце село, войска привели в полную боевую готовность. Оружие зарядили, даже зажгли длинные фитили, от которых станут поджигать запалы. Мушкетеры надели на пояса короткие мечи. Их жены выложили гранаты, обрезали запалы. Заостренные палки установили в земле с интервалами в восемнадцать дюймов, обеспечивая дополнительную защиту мушкетерам. Фракийские катафракты спешились и приготовили пики.

Непрекращающийся легкий ветерок разносил по лагерю запах тлеющих длинных фитилей. Катафракты и Когорта ждали. Ашот ждал.

Менандр и Евфроний продолжали с той же юношеской уверенностью обсуждать предстоящую атаку. Антонина произносила молчаливую молитву за упокой души полководца, с которым она никогда не встречалась и никогда не встретится, где бы его душа ни находилась.

* * *

Через два часа после захода солнца началась атака. С внезапным гиканьем несколько тысяч арабов на верблюдах понеслись через возвышенность и вниз по склону на лагерь. Большинство из них держали в руках мечи, но у многих имелись факелы, которыми они тоже размахивали.

— Что это, черт побери? — спросил Менандр.

— Что с этими глупыми...— начал Евфроний, но молодой командующий Когортой быстро замолчал. Ему требовалось заняться выполнением своих обязанностей.— С пращами! На юг! — крикнул он.— Как только враг окажется в радиусе действия!

И он побежал, проверяя месторасположение мушкетеров.

Менандр остался позади, стоя рядом с Антониной и Ашотом. Менандр отвечал за катафрактов-пикинеров, но на самом деле ему было нечего делать. Все катафракты являлись ветеранами сражений, и отсутствие логики в атаке врага удивило их не больше, чем Ашота. И в отличие от мушкетеров им не требовалось перетаскивать с места на место неудобное оборудование. Не ожидая приказов, подразделения просто слегка изменили позиции.

Им не требовалось далеко идти. Ашот разбил лагерь таким образом, что римские войска занимали плотно заполненный квадрат. Мушкетеры формировали переднюю линию, по всем четырем сторонам, их защищал ряд заостренных палок. Катафракты-пикинеры заняли позиции в нескольких ярдах позади, готовые сформировать дополнительную защиту, если потребуется. Гренадеры с сотней катафрактов, которых Ашот оставил в резерве на лошадях, располагались в центре лагеря.

«Радиус действия» для гренадеров с пращами означал сто пятьдесят ярдов. К тому времени, как первая волна арабов оказалась на этом расстоянии от римского лагеря, жены сирийцев обрезали и подожгли запалы. Гранаты отправились в полет.

Ашот взобрался в седло. Ему это удалось без чьей-либо помощи и с относительной легкостью. Как и остальные катафракты, он облачился не в полные доспехи, а только частично. Он считал, что этого достаточно против легко вооруженных солдат нерегулярной армии. В этом сражении важнее мобильность, чем защита и ударная сила атаки.

Ашот в любом случае не планировал никаких громоподобных вылазок. Если его малое количество кавалеристов покинет безопас-

ность лагеря, то их проглотит море бедуинов. Их целью являлось обеспечение резкого быстрого контрудара, если возникнет угроза прорыва врага сквозь передние ряды.

* * *

Конечно, Менандр и Евфроний с ним спорили.

— Нельзя разбить врага без преследования кавалерией,— разумно указал Менандр. Евфроний согласно кивнул.

— Не требуется,— спокойно ответил Ашот.— Мы не выступаем против дисциплинированных солдат регулярной армии, которые перегруппируются после поражения. Бедуины вообще имеют смутное представление о построении. Они будут атаковать, как маньяки, но если мы их отобьем, сильно обескровив, то они решат, что боги не благоволят этому делу. Они растворятся в пустыне и вернутся к своим стадам. Для наших целей этого достаточно. Они не будут на стороне Абрехи, когда Эон и Вахси станут штурмовать Сану.

Конечно, это не убедило Менандра и Евфрония. Но молодые парни удовлетворились долгим обменом мнениями по вопросу старческого слабоумия.

* * *

Ожидая атаку, Антонина делала меньше, чем кто-либо. Она просто следовала совету Ашота, лучше сказать: инструкциям — и оставалась на своем месте. Прямо в центре лагеря, где все могли ее видеть и слышать.

— Твоя работа — это просто придавать войскам уверенность,— весело объяснял Ашот.— И все, Антонина. Просто стой там, такая же целеустремленная, как Афина, и выкрикивай одобрения. И обязательно надень эту похабную кирасу.

Антонина надела кирасу при помощи служанки Кутины. Глядя вниз на свои огромные латунные сиськи, она отреагировала обычным образом.

Веселье Ашота прошло.

— И попытайся не хихикать,— проворчал он.— Это плохо выглядит, когда так себя ведет командир во время отчаянного сражения.

Антонина захихикала.

* * *

Теперь, ожидая атаку, Антонина без труда сдерживала смех. Внешне она поддерживала невозмутимый вид, но внутренне очень боялась. Если сказать по правде, была в ужасе.

Ашот легко может делать свои ветеранские заявления, а молодые офицеры — с уверенностью объявлять о предстоящем развитии событий. Но все, что видела Антонина, уставившись на орду вопящих кочевников, несущихся вниз по склону, как природный катаклизм, сопротивляться которому невозможно,— это волна насилия и убийства.

Она проклинала вес неудобного оружия, но тем не менее изменила положение ремня, на котором у нее через плечо висел пистолет. Ее рука потянулась к рукоятке «меча». После того, как пальцы сжались вокруг простой деревянной ручки, Антонина почувствовала, как возвращается уверенность. Она и раньше пользовалась этим мясницким ножом — и пользовалась успешно, чтобы защититься от насилия и убийства, когда нанятые малва головорезы напали на нее в Константинополе. Позднее Маврикий купил мясницкий нож и передал ей, как ее личное оружие для сражения на ипподроме[1]. «Спроси любого ветерана, Антонина,— заявил он ей тогда.— И все они скажут тебе: ничто так не важно во время сражения, как иметь при себе надежное, проверенное в деле оружие».

Мясницкий нож принес ей уверенность. И еще большую уверенность принесли слова, которые прошептал Ашот:

— Это просто еще одна драка в кухне, Антонина. Подобная той, в которой ты участвовала раньше.

* * *

Гранаты начали падать среди арабов. Лишь немногие из них не попали по целям. Управляющиеся с пращами сирийцы теперь сами стали ветеранами. Уверенность, которую они приобрели, добавленная к их навыкам, обеспечивала убийственную партию гранат.

Как и раньше против кавалерии, основной эффект от взорвавшихся гранат был моральным. От этих грубых приспособлений погибли отдельные арабы, и лишь немногие получили серьезные ранения. Большинство потерь понесли животные, но даже верблюды серьезно не пострадали. В предыдущий год, когда гранаты использовались против восставших катафрактов Амброза на вымощенных улицах Александрии, картечь из взорвавшихся гранат повредила незакрытые броней ноги лошадей. Но здесь, на песке пустыни, рикошетов, которые могли бы увеличить количество ранений, не было.

То есть верблюды сильно не пострадали физически. Но эти животные оказались совершенно непривычны к артиллерийскому огню и сразу же начали паниковать. Звук и ярость взрывов вызвали

[1] См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «В сердце тьмы». *(Прим. перев.)*

большую часть этого ужаса. Но даже вид горящего запала у летящей гранаты вызывал падение верблюдов — и они начали отступать.

Верблюды — это крупные животные, тяжелее лошадей. После того как они начали бросок вниз по склону, их было невозможно остановить. Но бросок, когда сотни верблюдов падали или от ран, или прóсто от страха, превратился в нечто подобное лавине. Да, лавина — страшная вещь. Но у нее совсем нет мозгов. К тому времени, как тысячи бедуинов собрались у подножия возвышенности, примерно в пятидесяти ярдах от передней линии римлян, они оказались не более скоординированы и не более осознавали свои цели, чем сдуваемый ветром снег.

Евфроний отдал приказ.

— Готовьсь! — Антонина задержала дыхание.— Огонь!

Пятьдесят ярдов — это в радиусе действия аркебуз. Некоторые пули прошли мимо, а многие просто были похоронены в песке. Но из сотен выпущенных во время первой партии почти четверть нашла человеческие цели.

Практически не имело значения, куда попали пули — в голову, туловище или конечность. Скорость полета выпущенной из ствола пули быстро падает. Но на расстоянии пятидесяти ярдов скорость упала не настолько, чтобы свинцовые восьмидесятимиллиметровые снаряды не сыграли роли. Тяжелые пули на таком расстоянии вызывали жуткие раны — и ударяли с невероятной силой. Руки отлетали в стороны. Трескались бедренные кости. Люди умирали просто от шока.

Первая линия мушкетеров отступила, ее заменила вторая. Антонина ожидала, что Евфроний отдаст приказ стрелять немедленно, но сириец ждал, пока рассеется густой дым. Антонина стала нетерпеливо приплясывать, пока не поняла, что делает, и не заставила себя стоять спокойно.

Сдерживаться было трудно, хотя Антонина и понимала, почему Евфроний бездействует: невозможно ничего разглядеть более, чем в нескольких ярдах от передней линии. И было бы невозможно даже в дневное время. Даже верх возвышенности скрывал дым. Пока дым не рассеется, мушкетеры смогут стрелять только наугад.

В дыму начали появляться просветы. Евфроний отдал приказ, и аркебузы снова прогрохотали.

Вторая линия отступила и вперед вышла третья. К этому времени, как увидела Антонина, первая линия уже перезарядила оружие и была готова снова стрелять.

Антонина испытала определенное женское самодовольство. Как она знала, ее войска могли стрелять гораздо быстрее, чем войска ее мужа. Несмотря на тот факт, что и те, и другие использовали однотипное оружие, у ее солдат рядом стояли жены. В Когорте

Феодоры насчитывалось в два раза больше ручных пушек, чем стрелков. Женщины перезаряжали оружие. Как только мужчины выстреливали, им в руки передавалось другое оружие, а жены брались перезаряжать только что использованное.

С этим преимуществом Когорта сможет добиться скорости стрельбы, приближающейся к скорости солдат Веллингтона. Конечно, по мере продолжения сражения скорость быстро упадет. После того как из грубых аркебуз произведено несколько выстрелов, остатки пороха скапливаются внутри. Оружие следует чистить, перед тем как снова заряжать, и даже опытные и ловкие сирийские женщины не могут сделать это мгновенно.

Тем не менее...

— Огонь! — услышала она крик Евфрония. Третья линия выстрелила.

Единственная причина, по которой ее войска не поддерживали более высокую скорость стрельбы, заключалась только в том, что клубы дыма должны были рассеиваться перед тем, как они смогут целиться. Если бы дул сильный ветер, то они могли бы практически неустанно бить арабов.

Антонина выругалась на легкий пустынный ветер. Ругательство оказалось эффективным. Внезапно сильный порыв продул огромную дыру в дымовой завесе.

Через несколько секунд проем закрылся после второго выстрела первой линии. Но в эти секунды Антонина увидела причиненные ими разрушения.

К этому времени, точно так же, как и во время схватки в кухне в Константинополе, Антонина не чувствовала ничего, кроме контролируемой ярости. Но даже с жаждой битвы, горящей у нее внутри, она была рада, что видит происходящее только в тусклом лунном свете. Вопли, доносящиеся из темной массы сражающихся людей, и так заставляли кровь стыть в венах.

«Это должен быть чистый ужас».

Однако мысль маячила только на грани сознания. А главным было понимание: враг достаточно пришел в себя, чтобы изменить тактику. Вопли боли приглушались сумасшедшими, неистовыми криками и приказами. Смутно просматриваемое движение сливалось воедино и растекалось на стороны.

— Они идут по флангам! — заорал Ашот достаточно громко — его услышали во всем римском лагере. Сразу же после этого густого баритона Антонина услышала высокий голос Менандра. Молодой катафракт менял позиции подчиненных ему пикинеров, прикрывая ими все четыре стороны лагеря.

Секунды спустя Евфроний сделал то же самое. Командующий Когорты концентрировал половину своих мушкетеров на южном

фланге лагеря, лицом к возвышенности. Теперь он начал перемещать подразделения на другие три стороны.

Не прошло и двух минут, как римское построение стало классическим пехотным квадратом, который ощетинился длинными мушкетами и пиками. Арабы окружали лагерь со всех сторон, атаковали по всем четырем небольшими группками, которые бросались на римлян.

Впервые в работу вступили пикинеры. Несмотря на молодость, Евфроний был слишком хитер, чтобы тратить целые залпы на небольшие группы вражеской кавалерии. Угроза этих залпов по большому счету и была тем, что держало врагов на расстоянии. Если бы римские мушкетеры стреляли слишком часто, то их оружие безнадежно засорилось бы.

Поэтому Евфроний терпеливо ждал, пока не увидел, как в одном месте собралась достаточно большая группа арабов. Тогда и только тогда дым наполнил воздух. А тем временем работали пики, удерживая на расстоянии небольшие группки арабов — иногда только и одного человека,— которые пытались прорываться сквозь римские ряды.

«Работали» — это по большей части означало просто удерживали позиции. Нечасто требовалось по-настоящему протыкать врагов.

Это не происходило по причине трусости тех, кто выступал против пик. Никто не сомневался в смелости бедуинов или их готовности броситься на римские ряды. Но срабатывал один простой фактор, который часто замазывается историками и всегда поэтами и бардами. Они не говорят, что лошади и верблюды — уравновешенные, трезвомыслящие, здравые, рациональные существа, и их нельзя заставить броситься на стену из пик или копий. Некоторое количество верблюдов или случайно, или оттого, что пребывало в полубессознательном состоянии от ран, натыкалось на копья. Копья валили их наземь вместе с ездоками. Но огромная масса животных отшатнулась, несмотря на крики и команды их хозяев.

Антонина через несколько минут почувствовала, как ее напряжение спадает. Ей говорили — заверяли ее — что это будет так. Ее муж, Маврикий и Ашот. Тем не менее увидеть — значит поверить.

«Стой на месте, любовь моя,— говорил ей муж.— Просто удерживай позиции, пиками, копьями и ручными пушками. Никакая конница в мире не сможет тебя сломить, если только они не сломят твою волю. Может артиллерия, но с ней тебе столкнуться не придется — там, куда ты отправляешься».

На протяжении лет Антонина сомневалась во многих вещах относительно себя. Но никогда — в своей воле. Она была маленькой женщиной, но в ней имелся стержень, достойный Атланта.

Поэтому пока битва яростно продолжалась, Антонина делала именно то, что говорил ей Ашот, а до него — ее муж и Маврикий. Она просто стояла в центре лагеря и выглядела спокойной и уверенной. Иногда выкрикивала одобрительные слова, подбадривала своих солдат, насвистывала мелодии — все, что угодно, только бы не хихикать.

Но ей только один раз пришлось сдерживать желание хихикнуть. Ее служанка Кутина, у которой во время сражения не было никаких обязанностей, настояла, чтобы находиться рядом с Антониной. Пришел момент, когда Кутина кивнула с умным видом, словно подтвердилось какое-то ее внутреннее подозрение.

— Я знала это,— сказала она. Молодая египтянка бросила взгляд на стену пик и мушкетов и спокойно сняла их со счета.— Они боятся твоих огромных сисек, вот в чем дело. Именно поэтому они и не подходят ближе.

* * *

В самом конце Антонина выучила еще один урок. Ее муж и Маврикий, и Ашот тоже говорили ей об этом. Она забыла или просто не верила до конца.

Сражения — вещи непредсказуемые. Сам хаос во плоти.

Бедуины наконец сломались и вопили в отчаянии. Тысячи арабов поскакали прочь от лагеря, убегая в пустыню. Но по какому-то странному выверту судьбы большая группа вражеских наездников внезапно молотом врезалась в южный фланг римского квадрата.

После первых моментов битвы, когда солдаты, стоявшие лицом к возвышенности, первыми приняли на себя всю тяжесть атаки, сражение для них проходило легко. Если и ничто другое, то огромное нагромождение человеческих тел и туш верблюдов перед ними не позволяло остальным арабам к ним приблизиться. Теперь Бог знает откуда в их линию с громом врезалось около двадцати бедуинов.

Линия оказалась недостаточно крепка. Римский фланг не сломался, но треснул. Трое бедуинов смогли ворваться в сам лагерь. Катафракты Ашота, сидевшие на лошадях в резерве, поскакали в их сторону.

До того как катафракты смогли до них добраться, двоих арабов убили выстрелами. Верблюда третьего араба уложили ударом копья. Бедуин спрыгнул с падающего животного, подобно ловкому акробату, перекатился и встал на ноги.

И оказался не более чем в шести ярдах от того места, где стояла Антонина. Одна, за исключением Кутины.

Служанка закричала и бросилась прятаться за Антонину. Привлеченный звуком, кочевник повернул голову. Мгновение спустя он

бросился к ним, подняв кривую саблю высоко над головой. Человек кричал, как сумасшедший.

Антонина даже не подумала достать мясницкий нож. Против уличных головорезов это верное лезвие сотворило чудеса. Но оно было бы не более эффективно, чем перочинный нож, против человека, который атаковал ее в эти минуты.

Она сорвала с плеча пистолет. На мгновение запуталась со спусковым крючком и двойным барабаном, пока бесконечные часы тренировок под руководством Иоанна Родосского не принесли результат. Антонина уверенно положила палец на спусковой крючок, нацелила пистолет и выстрелила.

Как и всегда, грохот оглушил ее, и от отдачи ее наполовину развернуло. Но Антонина проигнорировала боль, на самом деле даже не заметила ее.

Антонина снова судорожно подняла оружие. Она была поражена, что араб все еще стоит. Ее первый выстрел попал ему по ребру. Правая сторона тела покрылась кровью. Антонина могла видеть, как кусок ребра торчит из тела и блестит в лунном свете.

Бедуин даже не поморщился. Теперь он прекратил вопить. Его лицо казалось спокойным, подобное посмертной маске. Мужчина протянул левую руку и прикрыл ею ужасную рану в боку. Затем снова направился на Антонину. Он все еще продолжал держать саблю в правой руке.

На мгновение Антонину парализовало жуткое зрелище. Затем она сама словно обезумела.

— Черт тебя подери! — заорала она. Потом прыгнула вперед и врезала дулом по груди араба. Ярость ее броска была такой великой, что маленькая женщина на самом деле заставила мужчину отступить на два шага. Она гнала его при помощи пистолета яростью своего тела, в то время как ее холодный разум прокручивал многократно повторенную последовательность.

Бедуин поднял саблю.

«Палец на передний спусковой крючок. Взвести правый курок».

Она нажала на спусковой крючок. И снова дернулась от отдачи.

Антонина не обращала внимания на боль. Все еще выкрикивая ругательства, она опять бросилась вперед и со всей силы замахнулась тяжелым пистолетом на голову араба.

Пистолет вылетел у нее из руки и полетел по воздуху. Антонина потеряла равновесие от всех суматошных движений, замахала руками в воздухе, пошатнулась и упала на задницу. Тяжелая кираса также тащила ее вниз.

Она уставилась на своего противника. Мужчина лежал на спине, всего в нескольких футах. Как поняла Антонина, замахивалась она на пустое место. Второй выстрел разорвал арабу сердце и вероятно

вместе с ним еще и пробил позвоночник. Враг упал даже до того, как она начала замахиваться.

Наконец Антонина почувствовала боль. Ее ладони болели. Ее руки болели. Ее плечи болели. Ее задница болела. Даже сиськи болели, там, где во время падения их прижала кираса.

— Оу,— пробормотала она.

Мгновение спустя рядом оказалась Кутина, встала на колени, схватила хозяйку. К несчастью, схватила сильно — отчаянно, как испуганный котенок — и еще надавила на грудь, в результате чего кираса сильнее вдавилась в плоть.

— Оу,— почти в отчаянии Антонина попыталась оторвать от себя Кутину. Или по крайней мере сместить хватку анаконды, которую проявила девушка, немного пониже груди.

Над нею показался Ашот. Антонина уставилась на него снизу вверх.

— Ну, сражение выиграно,— объявил катафракт.— Полная победа. Мы больше не увидим этих арабов. Как и Абреха.

Ашота эта новость не особо радовала. Как раз наоборот. У него было мрачное и обвиняющее выражение лица.

— Я тебя предупреждал,— рявкнул он, гневно уставившись на тело мертвого араба.

За спиной Ашота подошли еще два катафракта. Они возвышались над невысоким армянином, как он сам возвышался над Антониной. Огромные мужчины.

Антонина узнала их. Их звали Матвей и Лев. Это были два катафракта, которых Ашот предложил в качестве ее телохранителей, когда экспедиция покинула Александрию.

Антонина отказалась от предложения. Она тогда не могла объяснить почему, даже себе самой. Или по крайней мере не хотела. Она знала, что у ее мужа есть телохранители. Кстати, Валентина с Анастасием все называли лучшими бойцами среди фракийских букеллариев. Но для Антонины...

Нет. Она считала, что в телохранителях нет необходимости. В отличие от Велисария, который лично вел своих людей в бой, Антонина не собиралась фактически участвовать в сражениях. И также в ней сидело ослиное упрямство, которое отвергало идею.

«Я что, маленькая девочка, которой нужны дуэньи?»

* * *

— А предложение все еще остается в силе? — прохрипела она.

Ашот фыркнул. Махнул Матвею и Льву.

— У вас новая работа, парни.

— Давно пора,— пробормотал Матвей себе под нос, но Антонина его услышала.

Лев ничего не сказал. Он почти никогда ничего не говорил. Он просто вытянул огромную ручищу величиной с медвежью лапу и поднял Антонину на ноги.

Антонина уставилась на него снизу вверх. Лев был самым страшным, самым уродливым и самым пугающим человеком, которого она — и все остальные — когда-либо видели. Его товарищи катафракты называли его «Великан-Людоед». Когда они не называли его «Вол» по причине его сильно ограниченного интеллекта.

Но они никогда не называли его ни одной из этих кличек в лицо.

«Такой видный мужчина,— подумала Антонина.— Не могу даже представить себе лучшую компанию».

Служанка Антонины все еще крепко держалась за нее. Лев поднял обеих женщин, одной рукой. Кутина прижалась к Антонине еще крепче.

— Оу,— прошипела Антонина, но не стала отталкивать от себя девушку. Просто успокаивающе похлопала ее по руке, в то время как сама успокаивалась, глядя на великана-людоеда.

Ее великана-людоеда.

Глава 17

Каушамби
Лето 532 года н.э.

— Ты обеспокоен, Нанда Лал,— сказала Великая Госпожа Сати. Молодая женщина благородного происхождения из малва откинулась на спинку обитого плюшем мягкого стула. Ее густо унизанные кольцами пальцы поглаживали подлокотники, но ее суровое красивое лицо оставалось абсолютно неподвижным.— Что-то тебя беспокоит.

Услышав эти слова, император малва дернулся. Шандагупта перекатывал свое маленькое толстое тело из стороны в сторону на украшенном драгоценными камнями троне и переводил глаза с госпожи Сати на Нанду Лала. Как и всегда, когда встречался верховный совет империи малва, помещение оставалось пустым, за исключением этих трех людей и особых охранников. Последние набирались только в далекой земле кхмеров[1] и поклонялись культу Линка. Семь из них — огромные евнухи — стояли на коленях в ряд у дальней стены зала. Их могучие тела были обнажены до талии. Каждый держал в руке по оголенной кривой сабле. Двое оставшихся охранников являлись профессиональными наемными убийцами. Одетые в черные рубашки и панталоны, они стояли по обеим сторонам от входа в зал.

---

[1] Кхмеры — основное население Камбоджи. Живут также во Вьетнаме и Таиланде. *(Прим. перев.)*

Нанда Лал хмурился, но молчал. Император Шандагупта подбодрил его.

— Если тебя что-то беспокоит, родственник, то говори,— приказал он.— Я не могу представить, что это.

Шандагупта протянул руку к чашке чая, стоявшей на боковом столике рядом с троном.

— Лучшая новость, которую мы слышали за несколько месяцев. Наконец-то разбили Велисария! — воскликнул император.

Госпожа Сати покачала головой. Жест нес в себе уверенность не по годам — словно ею уже правила божественная сущность, которая когда-то поселится в ее теле. Но уверенность была просто рождена привычкой и обучением. Сати провела больше времени в компании Линка, чем любой другой человек в мире. (Конечно, за исключением ее тети Холи. Но Великая Госпожа Холи больше не являлась человеком. Холи теперь служила только оболочкой для Линка.)

— Его не разбили,— сказала Сати.— Просто временно вынудили отступить. Это разные вещи.

Наконец Нанда Лал заговорил.

— Большая разница,— согласно проворчал он. Начальник шпионской сети сделал глубокий вдох.— Но меня в настоящий момент волнует не Велисарий. Меня беспокоит Дамодара.

Глаза императора округлились. Глаза госпожи Сати нет.

— Тебя волнует оружейный комплекс в Марве,— заявила она.

Нанда Лал вытянул вперед мощную руку и покрутил ею в воздухе.

— Сам по себе — нет. По крайней мере, не особенно. Мы обсуждали вопрос много недель назад, когда впервые обнаружили этот факт.

— Да, обсуждали,— перебил император.— И мы согласились, что по этому вопросу не нужно раздувать пожар.— Шандагупта пожал плечами.— Да, это против законов малва. Но мы дали Дамодаре самое неблагодарное задание и едва ли можем жаловаться, что он добился таких успехов.

Император уставился маленькими, скрывшимися в жиру глазками на Нанду Лала.

— Так почему же внезапное беспокойство? — спросил он, затем с силой добавил: — Я сам неравнодушен к Дамодаре. Он — самый лучший наш военачальник, причем значительно превосходит других. Энергичный и практичный.

— И именно это меня беспокоит,— возразил Нанда Лал.— Ваше Величество,— добавил он чуть позже, словно вспомнил о необходимости такого обращения.

Нанда Лал протянул руку к другому столику и взял свиток. Помахал им перед собой.

— Это отчет от человека по имени Пулумай, который добавляет отчет господина Дамодары о последней битве в горной системе Загрос, где побили Велисария.

Император нахмурился.

— Кто это? Никогда о таком не слышал.— Он поднял чашку.

Нанда Лал фыркнул.

— И я не слышал! Мне пришлось проверить свой архив, чтобы подтвердить его заявления.— Он втянул носом воздух.— Очевидно, Пулумай теперь — мой главный шпион в армии Дамодары.

Чашка Шандагупты застыла в воздухе, не донесенная до рта.

— А что случилось с Исанаварманом? — спросил он.

— Он мертв,— резко ответил Нанда Лал.— Вместе со всеми моими главными агентами. Пулумай получил должность Исанавармана потому, что имеет самый высокий ранг среди выживших...— Он снова глубоко втянул воздух.— Похоже, конница Велисария совершила набег на лагерь Дамодары во время сражения.

Нанда Лал несколько раз шлепнул свитком по ладони.

— Так говорится в отчете. Я не сомневаюсь в заявлениях — по крайней мере в том, что касается жертв. Но причина их смерти может быть другой.

Пальцы госпожи Сати прекратили движение. Они не впились в подлокотники. Не совсем. Но она очень крепко за них держалась.

— Ты подозреваешь Дамодару,— заявила Сати. Ее быстрый, натренированный Линком разум работал дальше.— И Нарсеса.

— Да. Все получилось очень удобно.— И снова Нанда Лал поднял свиток.— Это вместе с оружейным комплексом заставляет меня чувствовать себя неуютно.

Шандагупта резко осушил чашку и поставил ее на боковой столик. Чашка задрожала.

— Я все равно думаю, что это чушь! Я знаю Дамодару с детства, когда он еще ходить не умел. Это самый практичный человек, которого я встречал. И он не склонен к амбициям сверх разумного.

Нанда Лал медленно покачал головой.

— Нет, император, не склонен. Но практичность — податливая и уступчивая штука. То, что непрактично сегодня, может стать практичным завтра. А что касается амбиций...— он фыркнул.— Они тоже меняются со временем.

Когда Сати заговорила, ее голос звучал тихо и спокойно.

— Значит, ты беспокоишься о будущем. Не настоящем, и не о самом ближайшем будущем. Возможно.

— Да,— Нанда Лал сделал паузу.— Да, именно так. Я не предлагаю начинать действовать прямо сейчас. Но я думаю, нам не следует закрывать глаза на... возможность, как ты ее назвала.

Госпожа Сати пожала плечами.

— Это достаточно простой вопрос,— она склонилась к императору.— Воздай Дамодаре большие почести, Шандагупта. И богатства. Проведи церемонию в течение недели. Среди этих богатств должен быть особняк здесь, в столице. Совсем рядом с дворцом.— Она тонко улыбнулась.— Должно подразумеваться, что вся семья Дамодары будет жить в нем. И останется в нем.

Шандагупта прищурился, затем улыбнулся.

— Заложники. Да. Это подойдет. Дамодара обожает своих детей.

Нанда Лал все еще казался несчастным. Но через мгновение стряхнул с себя это настроение. Следующие его слова прозвучали почти весело.

— Очень скоро Венандакатре должны доставить осадные орудия. В течение двух недель, самое большее — трех.

— Наконец-то! — воскликнул император и прищурился.— Так мы покончим с Рагунатом Рао. С нетерпением жду, когда мешок из его кожи будет висеть в моем зале для пиров.— Глаза просто утонули в складках жира, превратившись в две крохотные щелочки.— И из кожи Шакунталы. Я повешу ее рядом с ее отцом.

— На Шакунталу потребуется некоторое время,— предупредила Сати.— Даже после того, как мы возьмем Деогхар.

Она посмотрела на Нанду Лал.

— Мы должны сжать блокаду Сурата. Проверить, чтобы восставшая императрица не сбежала.

Начальник шпионской сети сморщился.

— Боюсь, это невозможно. У нас нет в распоряжении морских сил — не тех, которые в состоянии противостоять Аксумскому царству.

— Жаль, что мы не поймали принца Эона вместе с остальными,— пробормотал Шандагупта. Пожал плечами.— Но я не думаю, что это имеет значение. Даже если Шакунтала сбежит после того, как мы возьмем Деогхар, куда ей податься? Только в Аксум или Рим. Где она будет лишь бедной беженкой.

Император кивнул Сати.

— Как и говорил Линк, давно. Без Махараштры Шакунтала — ничто, одна неприятность.

Сати кивнула, неохотно соглашаясь.

— Да. Хотя я лично предпочту увидеть, как с нее сдирают кожу.

— Что бы мы ни сделали, мы определенно не повторим ошибку и не вручим ее снова Венандакатре,— фыркнул Нанда Лал.— Или мертвая — или в изгнании. Больше ничего.

Начальник шпионской сети поднял руку и погладил нос. Как и всегда, прикосновение к сломанному и изменившему форму носу разбудило его ярость. Нос в свое время сломал Велисарий[1]. По-

[1] См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «В сердце тьмы». *(Прим. перев.)*

скольку в настоящий момент не было возможности выместить свои чувства на Велисарии, Нанда Лал направил свою холодную ярость в другое место.

— Последний вопрос,— рявкнул он.— Перед тем как мы закончим совещание. Банды восставших в Бихаре и Бенгалии становятся смелее. Я рекомендую...

— Больше сажать на кол! — рявкнул император.— Уставить все дороги колами с бандитами!

— Согласна,— поддержала Великая Госпожа Сати.— По крайней мере мужчин. Лучше отдавать женщин солдатам, перед тем как продавать хозяевам публичных домов. Добавить осквернение к разрушению. Это запугает и усмирит крестьян.

Ярость Нанды Лала перешла в нечто напоминающее похотливую улыбку.

— Недостаточно,— задумчиво произнес он.— Слишком сложно ловить бандитов по лесам.

Он посмотрел на императора.

— Поскольку у нас все новости хорошие — Велисарий потерпел поражение, Деогхар вот-вот падет — я не вижу оснований не отправить половину твоей императорской стражи участвовать в кампании.

Император улыбнулся. Широко улыбнулся.

— Прекрасная идея! В любом случае йетайцы становятся беспокойными, сидя в гарнизоне здесь, в Каушамби. Кампания в Бихаре и Бенгалии пойдет им на пользу.

Шандагупта склонился вперед и положил руки на колени.

— Что ты имеешь в виду? Карательная экспедиция по сельской местности? — Он рассмеялся.— Да! Пусть пройдутся, как серпом. Вырубят просеку шириной в двадцать миль — от Паталипутры до Бенгальского залива. Черт с ней, с охотой на бандитов. Просто выжечь все, убить всех.— Он снова рассмеялся.— Конечно, за исключением женщин. Мои йетайцы найдут для них лучшее применение.

Нанда Лал склонился вперед, чтобы посоревноваться взглядами с императором.

— На самом деле я думал про две просеки. Одна, как ты и сказал, начиная с Паталипутры. Другая...

Послышался стук в дверь. Нанда Лал замолчал. Один из наемных убийц открыл дверь и выглянул наружу. Мгновение спустя он повернулся к императору и объявил:

— Господин! Принесли ваш обед!

— А! Отлично! — воскликнул Шандагупта. И потер ладони.— Давайте поедим. Мы сможем разработать наши планы за обедом.

— Еда подкрепит нас,— согласилась Сати.— Это будет долгое совещание.

Нанда Лал снова похотливо улыбнулся.

— Да, обсуждение будет хорошей приправой. А я люблю горячую пищу, сбавленную специями.

Глава 18

Махараштра
Лето 532 года н.э.

Ирина нервно уставилась на малва, кружащих вокруг импровизированного походного лагеря, который разбили солдаты Эзаны вдоль дороги на Деогхар. Казалось, их там тысячи, в особенности похотливо улыбающихся йетайцев, которые даже не пытались скрыть, как они ее рассматривают. Толпа бурлила от возбуждения. То и дело выкрикивались различные слова. Содержание этих грубых слов было не всегда понятно, но смысл абсолютно ясен — голая неприкрытая похоть. Четыреста сарвенов Эзаны, которые стояли на страже, держа в руках копья, напомнили Ирине жалкую насыпь или дамбу перед наступающим океаном. Детский замок из песка, когда вот-вот должен начаться прилив.

«Почему я вообще на это согласилась?» — спрашивала Ирина сама у себя.

Сама же пролепетала слова, которыми пыталась себя успокоить:

— В то время казалось неплохой идеей.

«Но то было тогда, а это — сейчас»,— сказал внутренний голос.

— Соберись, женщина. Весь смысл в том, чтобы отвлечь их, а это определенно сделано.

«Определенно. Готова поспорить, что они еще больше отвлекутся, когда все четыре тысячи станут меня дружно насиловать. Прекрасно!»

— Ты и твой муж Эзана, как предполагается,— послы от короля вандалов, которые хотят заключить союз против Рима[1]. Определенно они не станут...

«Определенно, черт побери! Неужели эти похотливые головорезы похожи на дипломатов? Кому, черт побери, в голову пришел этот безумный план?»

— Ну, на самом деле — тебе самой.

«Спасибо за напоминание. Я забыла, кто такой идиот».

— Это хороший план,— повторила она упрямо. Ирина напоминала себе одного ребенка, который успокаивает другого, объясняя,

---

[1] Вандалы (ист.) — группа племен восточных германцев, первоначально обитали на Скандинавском п-ве, на рубеже II и I вв. до н. э. переселились на южное побережье Балтийского моря. В 533-534 гг. н.э. королевство вандалов было разгромлено византийским военачальником Велисарием. *(Прим. перев.)*

что на самом деле не существует никаких чудовищ, в то время как великан-людоед засовывает их себе в пасть.

«Я — идиотка. Идиотка. Идиотка. Идиотка! Это самый глупый план...»

Эзана вошел в небольшой шатер — на самом деле не больше, чем навес,— который скрывал богато одетую благородную женщину из «вандалов» от обжигающего солнца. Ее «благородному африканскому мужу» потребовалось наклониться, чтобы его огромный, изысканно сделанный головной убор из перьев страуса не свалился.

— Хороший план! — проворчал он, как только выпрямился.

Эзана спокойно уставился на солдат малва, кишащих вокруг них. На большом расстоянии к северу теперь было видно первое из осадных оружий, которое с большим трудом тащили на юг к Деогхару.

— Ты только посмотри на эту толпу,— проворчал он.— Да в сравнении с ними бедуины кажутся македонской фалангой. И офицеры еще хуже солдат.

— Не напоминай мне,— рявкнула Ирина.

Она с опаской посмотрела на собравшихся офицеров, которые сидели неподалеку на лошадях. Офицеры расположились в нескольких ярдах вверх по склону, откуда им было лучше видно Ирину, чем простым солдатам. За их спинами возвышался гребень одной из многочисленных горных цепей Махараштры.

Офицеры разглядывали ее еще более откровенно, чем простые йетайцы. Ирина увидела, как один из них что-то сказал. За его словами тут же последовал хохот и новые похотливые улыбки.

— Что не так с этими животными? — спросила она, наполовину злобно и наполовину нервно.— Разве они никогда раньше не видели женщин? Если бы я выглядела, как Антонина, то еще могла бы их понять. Она и солнце способна остановить. Но я...

Ирина махнула на себя рукой. И снова злость смешалась с опасениями.

— Предполагаю, я не очень страшная. Но мой большой нос...

Эзана рассмеялся.

— По-моему, ты вполне привлекательная женщина, Ирина. Но на самом деле это не имеет значения.

Он показал большим пальцем на малва.

— Именно поэтому мы согласились на твой план, Ирина. Если бы ты сама не предложила поучаствовать, то мы никогда не стали бы его даже рассматривать. И Кунгас, и я знали, что случится, если малва встретят большую группу иностранцев, заявляющих, что потерпели кораблекрушение на побережье. Они не дипломаты. Они бы просто атаковали нас, из принципа. Даже если бы и не охраняли свои ценные осадные орудия.

Эзана одобрительно посмотрел на Ирину.

— Но когда здесь ***ты***, вся так разодетая...— Его взгляд остановился на ее груди и стал очень одобрительным.— В такие провоцирующие одежды... Скандально, как одеваются иностранки! Все они шлюхи, эти язычники, и все это знают.

Ирина нахмурилась.

— Эти обезьяны знают о вандалах столько же, сколько я о...— она пыталась найти сравнение, но не могла найти подходящего. Поскольку Ирина очень много читала и разнообразную литературу, то не могла придумать предмет, о котором знала меньше, чем йетайцы и солдаты малва о народах и политике Северной Африки.

Эзана улыбнулся.

— Они знают, что Африка — это земля черных людей.— Он подложил руку под подбородок, словно представляя свое эбеновое лицо.— А если женщина еще и белая, и красивая, то это еще более экзотично!

— Я не красивая,— настаивала Ирина.

Все еще улыбаясь, Эзана покачал головой. Затем кивнул на солдат малва, рассматривающих ее похотливыми взорами.

— Ты кажешься красивой им, женщина. После многих недель пути, жары и пыли Индии, ты им кажешься Афродитой.

И снова он с восхищением посмотрел на ее грудь.

— В особенности твои сиськи.

Даже несмотря на сильную нервозность, Ирина не могла не рассмеяться. Она бросила взгляд на объекты, о которых шла речь. Грудь практически полностью просматривалась благодаря вырезу туники. Ирина сама следила за работой белошвейки в Сурате, смешивая римский стиль с тем, что она помнила о костюмах минойских женщин, нарисованных на вазах[1]. Небольшое количество кожи все равно прикрывалось — самое большее, пятая часть — просто обрамлялось тканью, поддерживалось, представлялось и подчеркивало великолепные выставленные на обозрение части.

— Но это впечатляет, не так ли? Я выгляжу почти, как Антонина.

Широкая улыбка Эзаны стала значительно уже.

— Это должно было случиться, Ирина. Ты никогда не служила в армии, не участвовала в долгом, трудном и напряженном марше. Даже дисциплинированные сарвены или римские катафракты нарушили бы свои ряды, поскольку каждый мужчина хотел бы на тебя взглянуть. Им жарко, они устали, у них болят ноги и задницы, но, главное,— им скучно. В особенности после того, как Рао прекратил атаковать колонну много дней назад.

---

[1] Минойская культура — бронзовый век, 3-2 тыс. до н.э. на острове Крит. Названа по имени мифологического царя Миноса. *(Прим. перев.)*

Улыбка превратилась в ухмылку, которую Эзана весело посылал окружающей аксумский лагерь толпе.

— *Это* — солдаты? Ха!

Он удовлетворенно потер руки.

— Нет. Нет. Все сработало точно так, как ты планировала. Четыреста сарвенов, несколько сирийских артиллеристов, переодетых рабами, и одна римская женщина полностью отвлекли на себя армию, в десять раз превышающую их численностью. Остановили их на пути, отвлекли их внимание, разбили и спутали их формирования...

Его взгляд уловил движение на севере. Он рассмеялся.

— Взгляни! Даже некоторые подразделения, тянущие орудия, бегут в нашу сторону.

— О, великолепно! — прошипела Ирина и добавила мрачно: — По крайней мере, я не девственница.— Она посмотрела на похотливо улыбающуюся толпу и на солдат-артиллеристов, спешащих по дороге, чтобы к ней присоединиться.— Отойди в сторону, Мессалина[1],— пробормотала она.— Думаю, я превзойду твои подвиги. На самом деле полностью спрячу их в тень.

Эзана усмехнулся.

— Я не знаю, кто такая Мессалина, но если...— Юмор остался в глазах, но лицо Эзаны внезапно стало суровым и торжественным.— Ты смелая женщина, Ирина Макремболитисса. Крепко держись за эту смелость и отбрось свои страхи. Никто не принесет тебе зла. Кунгас никогда бы не согласился на это, если бы не думал, что мы, аксумиты, можем защитить тебя, когда падет молот.— Напряженное лицо превратилось в черную маску. Она стало таким же твердым и непреклонным, как лицо Кунгаса.— Что мы обязательно сделаем, и очень скоро.

Взгляд Ирины стал перемещаться на хребет над ними, но она заставила себя отвести глаза.

Заметив ее движение, Эзана кивнул.

— Он будет там, Ирина. Кунгас придет.

Ирина пыталась успокоить нервы и ухватилась за этот образ. Кунгас с жестким лицом, идущий к ней. Кунгас, улыбающийся глазами, когда она исправляла его грамматические ошибки. Легкое искривление губ, перед тем как он шутит о тугодумах-кушанах, хотя даже Ирина поразилась его способности быстро обучаться чему угодно. Кунгас, день за днем сидящий рядом с ней в ее комнате и учащийся читать. Никогда не жалующийся, никогда не ворчащий,

---

[1] Мессалина — третья жена римского императора Клавдия, одна из наиболее известных развратниц эпохи Империи. В отсутствие Клавдия вышла замуж за Г.Силия, чтобы провозгласить его императором. В 48 г. была казнена по приказу Клавдия. *(Прим. перев.)*

никогда не злящийся на нее за ее собственные проявления характера.

Воспоминания о жестком лице, ясных миндалевидных глазах, сердце, бьющимся со скрытой теплотой и юмором, и подобном неограненному алмазу разуме поддержали ее. Она несколько раз глубоко вдохнула воздух.

«Кунгас придет,— она сделала еще несколько вдохов.— Он придет.— Еще несколько.— Кунгас».

Ирина почувствовала, как возвращается ее истинная натура. К памяти о твердом лице она добавила свой неистребимый юмор.

— Что ты думаешь, Эзана? — спросила Ирина, подбородком показывая на собравшихся не более чем в тридцати ярдах от них офицеров. Малва все еще глазели на нее, обмениваясь неслышимыми ей шуточками.— Они начнут совращение с хорошего вина? Может, будет музыка?

Эзана усмехнулся. Ирина фыркнула.

— Непохоже, не так ли?

Ее кислый взгляд упал на одного особенно крупного офицера малва. У мужчины был даже высунут язык.

— Ты не взглянешь на...

Глаза офицера выпучились. Изо рта выплеснулась кровь, заливая похотливый язык. Из его горла торчал наконечник стрелы.

Мгновение спустя собравшихся офицеров смело с лошадей, словно по ним прошелся гигантский серп. Ирина открыла рот. Часть ее сознания идентифицировала предметы, которые превратили мужчин в куски мяса. Стрелы. Но большая часть ее сознания просто опустела, очистилась.

Ирина смутно слышала, как кричит Эзана. Ее рот все еще был широко открыт от шока, и она повернула голову. Сирийские артиллеристы прекратили изображать слуг и уже бросали гранаты. К гранатам в середине полета присоединились четыреста дротиков и дротики их даже обогнали. Аксумские сарвены тоже начали действовать.

Туча дротиков снесла передние ряды толпы малва, подобно еще одному гигантскому серпу. Вторая партия отправилась в полет до того, как упали гранаты. И снова Смерть прошлась серпом — и затем снова, когда гранаты начали взрываться в плотно стоящей толпе. Некоторые из гранат представляли собой дымовые бомбы. Через несколько секунд кровавая сцена начала исчезать за дымовой завесой.

Ирина пребывала в полубессознательном состоянии. Она никогда раньше не участвовала в битве. Она никогда раньше не находилась рядом с битвой. Шок и смятение частично вызывались обычным страхом. Но по большей части они объяснялись просто временным лишением рассудка.

Хорошо тренированный, логический ум Ирины не выдержал. Он как бы пошатнулся и рухнул, пытаясь найти порядок и опору в окружающем ее бедламе. Все казалось чистым хаосом. Адом неразумности. Сквозь растворяющийся дым она ловила отдельные картины: люди умирают; сарвены встают щитом к щиту; полет стрел, дротиков и гранат; кричащие кушаны, несущиеся в атаку вниз по склону; орущие йетайцы, отчаянно пытающиеся собрать запутавшиеся войска. Сумятица; крики боли; вопли отчаяния; предсмертные стоны; победные крики.

Шум, шум, везде. Сталь, дерево и плоть ломаются. Ирина заткнула уши руками в отчаянной попытке собраться с мыслями, привести разум в порядок. Наполовину скорчившись в укрытии под навесом, она заставила глаза смотреть. Отчаянно — отчаянно — пытаясь найти место, где разумность может бросить якорь.

Якорь задел за камень, скользнул, но места не нашел.

«Как мужчины могут это выдерживать?» — задумалась Ирина.

Ее глаза узнали цель в хаосе. Ее глаза увидели дисциплину сарвенов, их стену из щитов, которая стояла и держала, как преграда, плотину — и это не был жалкий детский замок из песка против набегающей волны. Ее глаза видели — ей говорили об этом раньше, но она никогда на самом деле не верила, как малва бросались на эти щиты и копья. Мужчины — да, враги, но все равно люди — использовали свою плоть, как воду, пытаясь сломать риф. Плоть превратилась в красные реки; кровь везде; отрубленная рука здесь; спутавшиеся внутренности там; кусок мозга малва, растоптанного аксумской сандалией.

Глаза Ирины наблюдали, как Сатана расправляет свой ковер на пыльной дороге в Индии. Она видела, но ее разум не мог охватить увиденное.

Сильная рука схватила ее за плечо и бросила на колени.

— Ложись, женщина! — Ее уши услышали голос Эзаны, он выкрикивал следующие приказы. Ее глаза увидели пятерых сарвенов, которые окружили ее, как стена. Ее разум ничего не понимал. Теперь она была не больше, чем ребенок, в поисках укрытия.

Ирина закрыла глаза и сильно сжала уши руками. Наконец темнота и относительная тишина вернули чуточку разумности. В этом небольшом центре тропического циклона Ирина искала себя.

Через какое-то время — секунды? минуты? часы? — она начала узнавать себя.

Смелость, основа всех добродетелей, пришла назад первой.

«Я этого не сделаю».

Но она все равно открыла глаза и убрала руки с ушей.

Стоя на коленях, Ирина ничего не видела, кроме нескольких отдельных картинок между ног охранявших ее сарвенов. И то

малое, что она все-таки могла видеть, скрывалось дымом. Через мгновение она перестала пытаться найти смысл в битве. Ирина просто изучала ноги защищавших ее солдат.

Отличные ноги, пришла она к выводу. Под черной кожей просматривались сильные мускулы икр и бедер. Легкие движения наблюдающих мужчин, непосредственно не участвующих в сражении, но готовых мгновенно впрыгнуть в действие. Люди-леопарды. Мозолистые, потертые ноги, которые твердо стоят в крепких сандалиях. Большие пальцы, сформированные на возвышенностях Аксумского царства, и идеально подходящие каменистой Махараштре.

Она слушала их разговоры. Теперь ее геэз стал достаточно хорош, чтобы понимать слова. Но ее разум не предпринимал попытки перевести услышанное. В любом случае большинство слов были ругательствами — ничего более, чем насмешливые ругательства, бросаемые на невидимого врага. Ирина просто слушала уверенность в этих голосах. Людей-леопардов, готовых ворчать с удовлетворением хищников.

Она запомнила только два фразы.

Первую выкрикнули с радостью:

— Вы только посмотрите на этих трахнутых кушанов! Боже — черт побери!

И ответ, ворчание с веселым удивлением:

— Я рад, что Кунгас на нашей стороне, парни. Или мы бы превратились в мясо для собак.

«И я тоже. О, Господи, и я тоже».

* * *

Когда армию малва разрывали на куски между стеной из щитов аксумитов и лавиной кушанов, Ирина ушла. Это место было не для нее. У нее здесь не имелось цели.

Ей снова требовалось найти себя. Возможно, впервые в жизни.

Ее второе «я» появилось и потребовало правды.

«Не спрашиваю, почему ты пришла, женщина. Ты знаешь ответ. И не надо мне лгать о хитрой стратегии и обманных маневрах, и планах сражения. Говори другим, но не мне. Ты знаешь, почему ты пришла».

— Да,— она подавилась и закрыла глаза. Из-под век лились слезы.— Я знаю.

Услышав тихий плач, один сарвен бросил взгляд вниз. На мгновение, не больше, перед тем как отвернуться. Женщина, мозги у нее набекрень. Над этим не стоит задумываться. Женщины — хрупкие по природе.

Но он сильно ошибался. Слезы, которые лились по щекам Ирины, были слезами счастья, а не страха. Конечно, она боялась, и сильно боялась. Но не происходящего непосредственно в этот момент. Нет, совсем нет. Это был гораздо больший страх — глубокий ужас, смешанный с радостью — человека, который наконец, как многие до нее, смог перепоручить близких людей фортуне. Страх женщины, которая наконец поняла свою подругу Антонину и смогла — наконец — сделать тот же выбор.

— Он бы в любом случае отправился в огонь,— прошептала она сама себе.— Независимо от того, что бы я сделала.

Ее второе «я» кивнуло.

«И ты не могла вынести эту мысль. Остаться дома и неотрывно глядеть на лошадь, как всегда делает Антонина».

* * *

Затем он оказался рядом. Ирина увидела, как ноги сарвенов вокруг нее расслабляются. Увидела, как они отходят в сторону. Услышала крики приветствия и радости. В отдалении — приглушенный грохот. Разрушалось первое из орудий малва. Взорвалось слишком большое количество пороха и огромное орудие разорвало, подобного гнилому переспелому фрукту.

Он сел на корточки рядом с ней. Ирина все еще стояла на коленях.

— С тобой все в порядке?

Ирина кивнула. Улыбнулась. Он положил руку ей на плечо.

Он никогда раньше не прикасался к ней. Ирина протянула руку и погладила его руку своей. Она чувствовала своими длинными тонкими пальцами его короткие и толстые, плоть и сухожилия, которые так нежно держали ее за плечи.

Ирина прижалась лицом к его широкой груди. Его рука соскользнула вниз по ее руке, его рука стала щитом, его прикосновение — объятием. Внезапно, яростно Ирина прижалась открытыми губами к его мускулистой шее. Она целовала и ласкалась. Ее дыхание стало быстрым и частым. Она обвила его шею руками и потащила его на себя. Ее левая нога, выбившаяся из-под длинной туники, обхватил а его правую ногу. Ее сандалия поцарапала голую кожу у него на лодыжке.

На мгновение Ирина почувствовала, как Кунгас ответил ей. Его крепкий живот прижался к ее собственному, и страсть встретила страсть. Жар, вылетающий из кузницы. Дикая лошадь, вырвавшаяся из конюшни. Но только на мгновение. Кунгас усмехнулся. В этом звуке было больше наслаждения, чем юмора. Гораздо больше. Гораздо. Это был сдерживаемый смех мужчины, который неожиданно

обнаруживает, что мечта, которой он лениво предавался на досуге, приобрела реальную форму. Тем не менее, несмотря на этот краткий всплеск, его сильные руки и тело застыли, прижимая ее — не так, как борец прижимает к полу соперника, а просто, как мужчина удерживает ребенка от ошибки. Прошли секунды. В это время его губы ласкали прекрасные, густые каштановые волосы Ирины. Она чувствовала дыхание любимого, вначале частое, горячее, но быстро остывающее.

Ирина сама рассмеялась, когда его сдержанность пробудила ее собственную.

— Наверное, это не очень хорошая идея,— пробормотала она.— Вероятно, аксумиты будут настаивать на том, чтобы смотреть на нас.

— Боюсь, хуже,— сухо ответил он, все еще целуя ее волосы.— Они будут сопровождать нас барабанным боем. И все время делать ставки насчет того, когда мы остановимся.

Ирина открыто расхохоталась. Звук приглушила его грудь.

— Нет,— прошептал Кунгас нежно.— Не для нас и не сейчас. Страсть всегда приходит после того, как улетают крылья смерти. Но это ничего не стоит и уходит с завтрашним днем. И после задумываешься, действовал ли ты сам или тобой руководил твой страх.

Он снова усмехнулся. В этом звуке все еще присутствовало наслаждение, но смех получился скорее теплым, чем чувственным.

— Я тебя знаю, Ирина. Ты станешь обижаться и возмущаться. А что еще хуже, ты примешься изучать книги, пытаясь найти ответ.

— Думаешь, я не смогу его найти? — спросила она.

Ирина услышала его мягкий смех, который прошелестел сквозь ее волосы. Почувствовала легкое движение его груди. Узнала экономичность движений, которую стала так ценить.

— Не сомневаюсь, что найдешь. Но чтение отнимает столько времени. Я не хочу ждать *так* долго.

Ирина улыбнулась и подняла голову. Ясные карие глаза греческой дамы благородного происхождения над длинным костлявым носом глядели в миндалевидные глаза на варварском лице с плоским носом.

— Так сколько ждать? — спросила она.

Еще один приглушенный грохот пронесся по шатру, а затем еще один. Но кушан не отводил взгляда. Разрушение орудий Венандакатры — нарушение планов малва — спасение династии — эти вещи в данный момент ничего не значили, не для этих двух людей, обнимающихся на дороге.

— Вначале я должен научиться читать,— сказал он.— Не раньше.

Его лицо было напряженным и торжественным, но Ирина не упустила легкое искривление губ.

Она улыбнулась.

— Ты хороший ученик. Поразительно хороший.

Теперь ни один человек не стал бы сомневаться, что Кунгас улыбается.

— Кто же провалится с таким-то побудительным мотивом?

Послышался еще один грохот — разорвало очередное осадное орудие, затем еще одно. На этот раз Кунгас посмотрел в сторону.

— Это последнее,— объявил он.— Нам нужно уходить до того, как они придут в себя и Венандакатра пришлет подкрепление. Мы успеем добраться до побережья, если не станем тянуть.

Кунгас легко поднялся на ноги и протянул ей руку. Мгновение спустя Ирина стояла рядом с ним.

Вернулись реальности войны. Ирина видела выстраивающихся колоннами сарвенов и кушанов. Они готовились к форсированному маршу к морю, где их ждали аксумские корабли, чтобы нести назад в Сурат.

Но Кунгас не сразу же отпустил ее руку. Он потратил время, чтобы склониться и прошептать:

— Мы будем знать.

Ирина улыбнулась и сжала его руку.

— Да. Мы будем знать.

Тогда она рассмеялась. Безудержным, наполненным радостью смехом. Услышав этот странный звук на кровавом поле брани, находившиеся поблизости аксумские и кушанские солдаты повернулись в ее сторону.

На секунду или две, не больше. Женщина, мозги у нее набекрень после бойни. Из-за этого даже не стоит задумываться. Женщины — хрупкие по натуре.

Глава 19

Персия
Лето 532 года н.э.

— А ты можешь потом скрыть вход? — спросил Велисарий. Он взмахнул рукой, охватывая жестом долину.— Учти, Куруш, здесь пройдет более десяти тысяч солдат и столько же лошадей.

Римский полководец повернул голову и посмотрел вниз на реку. Река текла вначале на северо-запад, потом поворачивала строго на запад. Как и сама долина, река была небольшой и довольно узкой. Проход, где она выходила в долину, напоминал узкое ущелье. Они находились почти в предгорьях со стороны западного склона горной системы Загрос. Окружающие горы, казалось, были таким же скалистыми и труднопроходимыми, как прежде.

— Как я предполагаю, ты поведешь лошадей тем путем,— сказал Велисарий и показал на узкий проход.— К тому времени, как

они пройдут, вся долина превратится в кашицу. Следы будет никак не скрыть.

Куруш покачал головой и улыбнулся.

— Мы не будем пытаться спрятать наши следы, Велисарий. Как раз наоборот! Чем больше Дамодара думает об этом узком проходе, тем больше он будет отвлекаться от настоящего выхода.

Велисарий почесал подбородок.

— Я понимаю логику, Куруш. Но не недооценивай Дамодару и Шангу — и их разведчиков. Эти патанские следопыты могут найти по следу мышь. Они не станут просто бежать за лошадьми, пуская слюну. Они обыщут всю долину.

Велисарий повернул голову и изучил вход в кванат. Укрепленный деревянными балками вход располагался примерно в ста ярдах вверх по горному склону, недалеко от небольшой речки, которая выточила эту долину. Идущий вниз пандус через несколько футов исчезал в темноте.

Велисарий показал большим пальцем в том направлении.

— Там тоже останутся следы,— заявил он.— И нет способа их скрыть. Даже если ты устроишь обвал входа, то следы все равно останутся по всей территории. Десять тысяч человек оставляют широкий след.

Улыбка Куруша стала шире. Он покачал головой.

— Ты слишком много беспокоишься. Мы сможем скрыть следы солдат, прогнав потом по ним лошадей. Везде, кроме вот этой непосредственно прилегающей территории. Затем...

Персидский господин благородного происхождения вспрыгнул на небольшой валун в нескольких футах. С этой жердочки он склонился вперед и показал вдоль крутого склона горы.

— Это местность, где развита горная промышленность, Велисарий. В основном, добыча серебра. В этой долине имеются небольшие залежи.

Он виновато развел руками.

— На самом деле серебра совсем немного — судя по тому, что мне сказали шахтеры, которых я взял с собой. Но шахтеры уйдут до того, как придет Дамодара. И я очень сильно сомневаюсь, что армия из кавалеристов-раджпутов сможет сказать ему, стоит в этой местности заниматься горнодобычей или не стоит.

Эйд фыркнул ментально.

«Раджпуты?»

Велисарий рассмеялся.

— Едва ли! А их патаны считают все виды труда, за исключением охоты, занятием для женщин.

Римский полководец кивнул.

— Да, это сработает,— признал он.— После того как мы пройдем, ты превратишь весь этот склон в место горнодобычи. Закро-

ешь наши следы отходами, пустой породой.— Он показал на вход.— И, как я предполагаю, ты заставишь своих шахтеров хорошо упрятать наши следы в кванате. Пятидесяти ярдов должно хватить. Патаны привыкли жить на поверхности. Они будут чувствовать себя неуютно в той тьме. Поэтому не станут углубляться более, чем на несколько футов.

И снова Велисарий изучил узкий проход в дальнем конце долины.

— Все, что останется через несколько дней,— это следы римских лошадей,— задумчиво произнес он.— Которые по пути в Месопотамию по чистой случайности прошли через горнодобывающую местность.

Он замолчал, задумавшись.

— Хотя есть одна вещь. Эти патаны знают свое дело, Куруш. Ты должен проверить...

Куруш улыбался.

— Да! Да! — перебил он.— Я положу на лошадей мешки с песком или грунтом. Которые весят примерно столько же, сколько римский солдат. Следы получатся достаточно глубокими.

Велисарий ответил улыбкой на улыбку.

— Как я вижу, ты обо всем подумал.

Куруш пожал плечами. Велисарий чуть не рассмеялся. Этот скромный жест подходил арийскому шахрадару примерно так, как реверанс подходит льву.

Его веселость прошла.

— Ты понимаешь, Куруш, что молот падет на тебя? После того как Дамодара поймет, что случилось — а для этого ему не потребуется много времени,— он не станет терять время, бросаясь в погоню за мной. Он ударит прямо по Месопотамии.

Куруш снова пожал плечами. Жест на этот раз даже не претендовал на скромность. Это был жест льва, которого раздражают мухи.

— Это только справедливо, римлянин, после всего, что ты сделал для ариев.

Куруш спрыгнул с валуна и широкими шагами подошел к Велисарию. Он кивнул на юг, пользуясь своей бородой, подстриженной в персидском стиле, как указателем.

— Как только до императора дойдет информация, он начнет отступать к Вавилону. В любом случае он готов к этому, поэтому его действия совсем не покажутся странными.— Куруш нахмурился.— Малва давят на него слишком сильно.

Велисарий смотрел на шахрадара. У римского полководца не возникало трудностей с толкованием выражения лица хмурящегося Куруша. Велисарий прекрасно мог представить потери, которые понесли солдаты императора Хусрау за последние месяцы. В то

время как Велисарий маневрировал с Дамодарой в горной системе Загрос на протяжении всей весны, Хусрау удерживал огромную основную армию вторгнувшихся малва в дельте Тигра и Евфрата. Эта задача была бы достаточно трудной даже без...

Он решил поговорить на неприятную тему.

— А восстание?..

Куруш тут же перестал хмуриться. Благородный перс усмехнулся.

— Голова сводного брата императора к этому времени уже две недели служит главным украшением его шатра,— Куруш скорчил гримасу.— Когда я уезжал, на проклятой штуковине сидела масса мух. И она воняла.

Вернулся его юмор.

— Восстание Ормазда подавлено. И восстание династии Лахмидов и их приверженцев. Мы взяли Хиллу почти два месяца назад. Хусрау выгнал население в пустыню и приказал сравнять город с землей.

Велисарий не позволил себе продемонстрировать ни малейшего отвращения. Он никогда не был склонен к карательным мерам против гражданских сторонников врага, даже до того, как встретил Эйда и ознакомился с будущими стандартами ведения войны.

Но он не ставил случившееся в вину Хусрау. На самом деле по стандартам их времени выгнать население Хиллы до того, как разрушить город, считалось скорее даже гуманным. Лахмиды были персидскими вассалами прежде перешли к завоевателям из малва. Большинство персидских императоров, да и, кстати, большинство римских, включая Феодору, наказали бы восставших, приказав сжечь население внутри города.

«И давай также не будем слишком сильно полагаться на Женевскую конвенцию и предположительно цивилизованные стандарты будущих войн,— заметил Эйд.— Они не предотвратят разрушение целых городов с их населением. Конечно, чисто из «стратегических причин». Но какая разница погибшим в руинах Ковентри детям? Или тысячам, сгоревшим в Хиросиме?»[1] Куруш снова показывал бородой, на этот раз на восток.

— Император приказал мне защищать Ктесифон в то время, как он отступает в Вавилон. У меня будет десять тысяч человек. Этого должно быть достаточно, чтобы удерживать нашу столицу несколько месяцев. У Дамодары нет осадных орудий.

---

[1] Женевская конвенция (1949) — международная конвенция о защите жертв войны, об улучшении участи раненых и больных, о защите гражданского населения во время войны. Ковентри — город в Англии, разрушен во время Второй мировой войны гитлеровской авиацией, отстроен заново. Руины готического собора 14 в. сохранены как свидетельство фашистского варварства. *(Прим. перев.)*

Куруш посмотрел на Велисария. Во взгляде перса не было ничего, кроме делового принятия реальности.

— Конечно, в конце мы будем обречены,— сказал он спокойно.— Если только твой удар не придется по цели.

Велисарий хитро улыбнулся.

— Знаешь ли, есть поговорка: армия марширует на своем животе. Я сделаю все возможное, чтобы всадить копье в огромное брюхо малва, после того как ты отведешь в сторону щит.

Куруш усмехнулся.

— Армия марширует на своем животе,— повторил он.— Умно! Хотя я и не узнал поговорку. А кто ее придумал?

«Прекрасный ход, гений,— мрачно сказал Эйд.— Интересно будет послушать, как ты объясняешь персу из шестого века, откуда ты знаешь слова Наполеона».

Велисарий проигнорировал колкость.

— Я услышал ее от одного гунна. Одного из моих наемников, во время моей второй кампании на Дунае. На самом деле я сильно поразился, обнаружив у варвара такое тонкое понимание материально-технического обеспечения. Но это просто показывает...

«Отец вранья, отец вранья. Очень хорошо, что мои губы, так сказать, запаены. Какие бы я мог рассказать про тебя истории! После них даже «Тайная история» Прокопия выглядит истинно правдивой» [1].

* * *

Господин Дамодара откинулся на спинку стула, изучая хмурящееся лицо Нарсеса.

— Так что же на самом деле беспокоит тебя? — спросил он у евнуха.

— Все! — рявкнул Нарсес.

Старый римлянин гневно осмотрел внутреннюю часть шатра, словно в поисках какой-то ниши или щели на его голых стенах, в которой бы лежала спрятанная правда.

— Ничто из действий Велисария не имеет смысла,— заявил Нарсес.— Ничто! Ни по-крупному, ни в мелочах.

— Объясни,— приказал Дамодара. Господин сделал круговое движение маленькой пухлой рукой. Жест включал и его самого, и высокого царя раджпутов, который сидел рядом с ним.— Простыми словами, которые смогут понять два таких простых и неискушенных человека, как я сам и Рана Шанга.

---

[1] «Тайная история» Прокопия Кесарийского (около 550 г.) — памфлет против Юстиниана и Феодоры, критикующий их политику с позиций старой сенаторской знати. *(Прим. перев.)*

Полный хорошего юмора сарказм заставил улыбнуться даже Рану Шангу. Кстати, даже Нарсеса, а старый евнух был не тем человеком, который часто улыбается.

— Что касается «по-крупному», то какова цель этих бесконечных маневров, которые так любит Велисарий? — спросил Нарсес. Евнух склонился вперед, подчеркивая свои следующие слова.— Которые, однако, на самом деле не бесконечны. Они не могут быть бесконечны. Нет способа удержать вас от вторжения в Месопотамию. Велисарий — не дурак. К этому времени это должно стать для него очевидно...— Нарсес показал напряженным пальцем на вход в шатер.— Как и для большинства тупых йетайцев в вашей армии.

— Он тянет время,— заметил Рана Шанга.

Нарсес скорчил кислую мину.

— Несколько месяцев, самое большее. Прошло не более восьми недель после битвы на перевале, и вы уже почти выгнали его из горной системы Загрос. Ваша армия гораздо больше, чем его. Вы можете разбить его на открытом поле брани, и вы доказали, что в состоянии маневрировать в этих горах не хуже, чем он. В течение месяца, может шести недель, ему придется отказаться от борьбы и позволить вам войти в Месопотамию. В тот момент у него не будет выбора, кроме как забаррикадироваться в Ктесифоне или Пероз-Шапуре. Так почему бы не сделать это сейчас?

— Я не думаю, что это странно,— возразил Дамодара.— Судя по донесениям наших шпионов, Велисарий умело использовал месяцы, которые держал нас связанными в горной системе Загрос. Этот его полководец, которого он оставил во главе римских сил в Месопотамии,— калека, Агафий — на протяжении последних месяцев работал, как дьявол. К тому времени, как мы доберемся до Ктесифона или Пероз-Шапура, он уже укрепит города так, что в это будет трудно поверить. Пушки и порох поступают из римских оружейных мастерских в то время, как мы маршируем туда и сюда по всем этим проклятым горам.

Шанга кивнул.

— Вся кампания, по моему мнению, имеет на себе подпись «Велисарий». Он всегда пытается заставить врага атаковать, чтобы у него самого было преимущество защиты. Удерживая нас столько месяцев в горах, он смог создать защитный опорный пункт в Месопотамии. Это чистое убийство — пытаться штурмовать Пероз-Шапур.

Нарсес уставился на двух мужчин, сидевших за столом напротив него. Казалось, на мудром, похожем на морду рептилии лице евнуха совсем отсутствует выражение, но и Дамодара, и Шанга могли чувствовать сарказм, маячивший где-то внутри.

Ни один из двух не оскорбился. К этому времени они привыкли к Нарсесу и его манерам. В центре души евнуха скрывалась неуто-

лимая горечь. Горечь окрашивала его взгляд на мир и добавляла презрение к каждой его мысли.

Однако сами мысли — и способность исследовать и анализировать — они научились глубоко уважать. И поэтому родственник императора малва и самый благородный из царей Раджпутаны внимательно слушали слова низкорожденного римского евнуха.

Нарсес склонился вперед и показал пальцем место на большой карте, которая покрывала весь стол.

— Велисарий займет позицию в Пероз-Шапуре, не в Ктесифоне,— предсказал Нарсес.— Велисарий в первую очередь — римлянин. Ктесифон — столица Персии, а Пероз-Шапур — это ворота в Римскую империю.

Дамодара и Шанга кивнули. Они уже оба пришли к тому же выводу.

Нарсес несколько секунд изучал карту. Затем заговорил вновь.

— Скажите мне вот что. Когда придет время, вы намереваетесь бросить своих солдат на стены Пероз-Шапура? — Он почти — но не совсем — ухмыльнулся.— У вас нет достаточно большого количества йетайцев, поэтому солдаты, которых вам придется использовать, как овец на бойне, все окажутся раджпутами.

Рана Шанга не стал бросаться на приманку. Он просто рассмеялся. Дамодара открыто расхохотался.

— Маловероятно! — воскликнул господин из малва.

Он сам склонился над столом. Месяцы тяжелой кампании сильно уменьшили животик Дамодары, поэтому движение получилось почти грациозным.

Палец Дамодары прошелся по реке Тигр, от Ктесифона вверх по течению к Армении.

— Я не буду приближаться к Пероз-Шапуру,— он снова рассмеялся.— Как не стану входить в клетку со львом. Я также не стану пытаться осаждать Ктесифон. Я просто использую Тигр, чтобы поставлять все необходимое моей армии, и отправлюсь к северу в Ассирию. Оттуда я могу ударить по Анатолии — или Армении — в то время как большая часть армии Хусрау сейчас связана, сражаясь против наших основных сил на юге Евфрата.

Он откинулся назад, выражая самодовольство.

— У Велисария не будет выбора,— объявил Дамодара.— Вся работа, которую он провел для укрепления Пероз-Шарупа, окажется потрачена зря. Ему придется выйти и встретиться со мной где-то на открытом поле.

Глаза Нарсеса оставили Дамодару и остановились на Ране Шанге. Царь раджпутов кивнул, показывая согласие с мнением Дамодары.

— А,— сказал Нарсес.— Отличная стратегия. Я поражен. За исключением одного — а почему Велисарий сам до этого не дошел?

Этого человека никогда, если выразиться мягко, никто не обвинял в глупости.

Молчание. Дамодара слегка поерзал на стуле. Шанга оставался неподвижен, как и обычно, и сидел с прямой спиной, но сама неподвижность позы показывала его дискомфорт.

Нарсес ухмыльнулся.

— О, да. Вы сами об этом думали, не так ли? По крайней мере время от времени.

Через несколько секунд евнух прекратил ухмыляться. Он был слишком хитер, чтобы рисковать оскорблением двух человек, которые сидели за столом напротив него. И, если сказать по правде, то он искренне их уважал.

— Давайте на время оставим большую проблему и перейдем к менее значительным вопросам, или по крайней мере тем, которые кажутся такими. Я бы выделили три.

Нарсес загнул большой палец.

— Первое. Почему Велисарий с самого начала этой кампании в горной системе Загрос всегда был готов позволить нам продвигаться на север?

Нарсес кивнул на раджпута.

— Рана Шанга первым указал на это много недель назад.— Он снова кивнул, на этот раз на Дамодару.— Как вы сами заметили в то время, господин, это не имеет смысла. Должно быть наоборот. Он должен бы бороться как тигр, когда мы двигаемся на север, и оказывать только символическое сопротивление, когда мы двигаемся на юг. Таким образом, он бы не давал нам угрожать Ассирии.

Молчание.

Нарсес загнул указательный палец рядом с большим.

— Вторая маленькая проблема. Во всех стычках, в которых мы участвовали на протяжении последних месяцев,— даже во время битвы на перевале, когда его положение было отчаянным,— Велисарий ни разу не использовал своих наемников. Почему? У него две тысячи варваров-готов, но он относится к ним так, словно они — его единственные драгоценности.

Шанга откашлялся.

— Я думаю, он им не доверяет.— Царь раджпутов нахмурился.— Я также не доверяю наемникам, Нарсес.

Евнух фыркнул.

— Конечно, не доверяешь! — Нарсес шлепнул ладонью по столу. Казалось, резкий звук хлопка наполнил внутреннюю часть шатра.— Велисарий никогда не доверял наемникам,— прошипел Нарсес. Глаза евнуха были сфокусированы на Шанге, как у змеи на своей добыче.— Никогда. Он этим славится в римской армии — которая, как вы знаете, традиционно и постоянно пользуется наем-

никами. Но Велисарий не задействует их, кроме случаев, когда у него нет выбора, и тогда он все равно использует наемников только как вспомогательные силы. По большей части — легкую конницу гуннов.

Нарсес ткнул пальцем в карту.

— Тогда зачем ему тащить с собой две тысячи готов из тяжелой конницы на кампанию, подобную этой? В этой кампании нет ничего, что может заинтересовать наемников. Никаких трофеев, неоткуда их взять. Ничего, кроме недель и недель тяжелых маршей и переходов, и только за фиксированное жалованье.

Евнух саркастически рассмеялся.

— Велисарий никогда не взял бы с собой наемников по одной простой причине хотя бы. Он знал бы, что они дезертируют в течение двух месяцев. Что приводит меня...

Нарсес загнул третий палец.

— К пункту третьему. А почему эти наемники не дезертировали? — Он снова саркастически усмехнулся.— Готы примерно так же тупы, как лошади, на которых они ездят, но даже лошади не глупы до такой степени.

Нарсес опустил обе руки на стол и прижался спиной к спинке стула. На мгновение маленький старый евнух казался в этой позе более царственной фигурой, чем член династического клана малва и царь раджпутов, которые сидели напротив него.

— Итак. Давайте все соединим. У нас имеется один из самых хитрых полководцев в истории, который *всегда* подчиняет тактику стратегии. Он участвует в кампании, которая, несмотря на все тактические преимущества, совсем не имеет смысла стратегически. В процессе кампании он тащит за собой группу наемников, которых не использует и которым самим по себе там нечего делать. И что получается?

Молчание.

Нарсес нахмурился.

— А получается, господин и царь,— Велисарий. Он что-то задумал. Что-то, что мы не видим.

— Что? — спросил Дамодара.

Нарсес пожал плечами.

— Я не знаю, господин. В данный момент у меня только есть вопросы. Но я настаиваю, чтобы вы серьезно отнеслись к моим вопросам.— Только мгновение саркастический и ухмыляющийся голос евнуха звучал, как настоятельная просьба к уважаемым им людям.— Или мы в конце обнаружим себя в таком положении, как многие из противников Велисария. Лежащими в пыли, истекающими кровью, умирающими от удара, которого мы не заметили.

Молчание, теперь наполнившее шатер, не было задержкой дыхания, которое случается в напряженные моменты. Это получилось долгое, долгое молчание. Задумчивое молчание.

В конце его нарушил Дамодара.

— Я думаю, нам следует поговорить с ним,— объявил он.— Организовать переговоры.

Двое других уставились на него. Оба хмурились.

Нарсес хмурился от удивления.

— А что вы надеетесь достичь? Он едва ли скажет вам, что планирует!

Дамодара рассмеялся.

— Я и не предполагал, что скажет.

Господин из малва пожал плечами.

— А если по правде? Мне хочется встретиться с этим человеком, после всех этих маневров. Я думаю, это будет интересно и любопытно.

Дамодара перевел взгляд на Рану Шангу. Царь раджпутов все еще хмурился.

Не от удивления, а...

— Я честью поклялся служить вам, господин Дамодара,— выдохнул Шанга.— И та же самая честь...

Дамодара поднял руку, останавливая раджпута.

— Пожалуйста, Рана Шанга! Я не дурак. Практичен, да. Но практичен во *всем*.— Он рассмеялся.— Я едва ли стану планировать предательскую засаду в нарушение всех кодексов чести, используя раджпутов как наемных убийц. Любых раджпутов и, уж конечно, не тебя.

Дамодара выпрямился.

— Мы найдем место встречи, где засада невозможна. Например, ферму на открытой местности, которую разведчики Велисария смогут обыскать на предмет скрытых войск.

Он кивнул Ране Шанге.

— А ты, царь Раджпутаны, будешь моим единственным телохранителем на самих переговорах. Я думаю, этого достаточно, чтобы защитить меня против нечестной игры — и будет достаточно, я уверен, чтобы заверить Велисария, что ему нечего бояться. Не после того, как он получит твое честное слово, независимо от того, что он думает о моем.

Шанга в некоторой степени перестал хмуриться. Но в быстром взгляде, который царь раджпутов бросил на Нарсеса, все еще маячила подозрительность.

Дамодара снова рассмеялся.

— Не бойся, Рана Шанга. Нарсес будет в милях от того места.

— Определенно! — фыркнул евнух.

* * *

Неделю спустя курьер Дамодары вернулся с ответом Велисария.

— Римский полководец сам его написал,— вручая запечатанный лист, сообщил раджпут. Парень казался несколько удивленным.

Или, возможно, находился в легком благоговении.— Он даже не колебался, господин Дамодара. Он стал писать ответ, как только закончил чтение вашего послания. Я видел, как он это делал.

Дамодара сломал печать и начал читать. Увидев, что ответ Велисария написан на прекрасном хинди, Дамодара удивился, но несильно.

Когда Дамодара закончил читать, то рассмеялся.

— Что там такого смешного? — спросил Нарсес.

— Он согласился? — уточнил Рана Шанга.

Дамодара помахал письмом в воздухе.

— Да, согласился. Он говорит, что мы можем выбрать место и время. Если там будет присутствовать Рана Шанга, говорит Велисарий, то он не беспокоится о предательстве.

Лицо раджпута было твердым, как доска. Дамодара улыбнулся, зная, как глубоко Шанга прячет свой прилив гордости.

Дамодара перевел улыбку на Нарсеса.

— А что касается веселья, Велисарий добавил одно условие, Нарсес. Он настаивает, чтобы ты также присутствовал на переговорах.

Лицо евнуха практически скрылось под множеством морщин. Улыбка Дамодары стала по-настоящему широкой. В этот момент римский предатель даже не пытался скрыть свои эмоции. Его хмурящееся лицо источало подозрение, как ледник источает холод.

— Почему я? — спросил Нарсес.

Дамодара пожал плечами.

— Не представляю. Ты можешь добавить этот к списку твоих вопросов, на которые нет ответа.

Глава 20

Асэб

Лето 532 года н.э.

Эон сидел на троне в помещении, которое еще недавно служило залом для приемов наместника в Сане, и смотрел сверху вниз на толпу. За исключением примерно дюжины сарвенов, которые несли вахту вдоль стен, и ближайших советников царя царей — Антонины, Гармата и Усанаса — все заполнившие большое помещение люди были арабами. Арабы собрались кучками. Каждая группа состояла из нескольких мужчин среднего или пожилого возраста, женщины средних лет, выступающей в роли сопровождающей, и...

— Боже праведный,— пробормотал Эон.— Их целая орда! Неужели все арабы из Мекки привезли своих дочерей?

Стоявший слева от Эона Гармат прошептал:

— Не надо утрировать, царь. Это не орда молодых женщин. Просто большая толпа. Что касается твоего вопроса — а что ты ожидал? В Хиджазе много племен, и каждое состоит из нескольких

родов. Они не смогли согласиться на одну кандидатуру, поэтому каждый из этих родов послал свою любимую дочь.

Эон сжал челюсти.

— Это не время для шуток. Как я могу выбрать одну? Не оскорбив других?

Гармат колебался. С другой стороны Эона зашептал Усанас.

— Пусть выбор делает Антонина. Она из Рима. Империю очень уважают, но она далеко. Арабы примут решение посла из Рима, как беспристрастное.

Глаза стоявшей рядом с Усанасом Антонины округлились от удивления. Однако прежде чем она смогла возразить, Гармат поддержал Усанаса.

— Прекрасная мысль. А поскольку Антонина еще и женщина, то сможет вначале пообщаться с девушками. А это позволяет сделать лучший выбор, дает больше шансов, чем если бы ты просто гадал, глядя на море паранджей.

Эон поднял глаза на Антонину. Какие бы возражения она ни собиралась представить, они заглохли при виде молчаливой просьбы в этих молодых карих глазах. Просьба, как она поняла, была в той же мере личной, как и политической. Через такое короткое время после потери двух своих любимых наложниц Эон находился не в том состоянии, чтобы выбирать жену.

Антонина кивнула.

— Если ты так желаешь, царь царей. Но мне хотелось бы иметь несколько дней до принятия решения. Как сказал Гармат, я могу провести это время, знакомясь с девушками.

— Используй столько времени, сколько нужно,— ответил Эон.

Царь встал с трона. Тихие разговоры в зале стихли.

— Как вы все знаете, Аксумское царство заключило союз с Римской империей против малва,— объявил он достаточно громким голосом, чтобы его слышали во всем зале. Эон царственно кивнул на Антонину.— Эта женщина, Антонина,— жена великого полководца Велисария. Она также является опытным военачальником сама по себе и возглавляет делегацию Римской империи.

Зал замолчал. Отсутствие какого-либо шепота показывало, что все в зале уже знакомы с положением Антонины. Эон это подозревал, но хотел подчеркнуть ее важность.

— Я хочу, чтобы она выбрала для меня жену из ваших дочерей,— объявил он.— Так, если выбор делается римским послом, не будет подозрения в фаворитизме. Антонина проведет несколько дней в гареме, чтобы встретиться с девушками, перед тем как примет решение.

Теперь зал наполнился шепотом. Антонина внимательно прислушивалась к эмоциональному подтексту разговоров и решила: объявление Эона принято с общим одобрением.

Поскольку негуса нагаст явно собирался позволить присутствующим какое-то время тихо посовещаться, Антонина воспользовалась возможностью, чтобы осмотреть свое окружение. Ее быстро отвели в зал для приемов, сразу же по прибытии в Сану.

Во время захвата Эоном Саны дворец наместника пострадал гораздо сильнее, чем сам город. Тяжелая каменная архитектура все еще осталась нетронутой — Эон не использовал порох во время атаки, просто копья сарвенов, но большая часть стен была обожжена. Стены дворца раньше украшали шпалеры, которые теперь превратились в пепел. К счастью, пожар быстро потушили, и пламя только слегка опалило тяжелые балки, поддерживающие крышу.

Восставший Абреха оборонялся здесь. Судя по полученным Антониной отчетам, оборона получилась слабовата. После того как арабские союзники, клюнув на приманку Антонины, покинули Сану, два восставших полка Абрехи были вынуждены противостоять преданным аксумским сарвенам без чьей-либо помощи. Даже скрытые за стенами Саны, они не могли особо надеяться на победу.

Когда убегающие бедуины сообщили, что римляне разбили арабскую армию в оазисе, большинство войск Абрехи вышли из повиновения. Только двести человек из его полка Метин оставались ему верными. Остальные и весь сарв Фалха начали переговоры об условиях сдачи Эону.

Негуса нагаст, полный юношеской ярости, не был склонен предоставить им что-либо, кроме жизни. Но превалировал голос Гармата. Сарв Фалха снова приняли в ряды аксумской армии, как самостоятельное подразделение, без последствий. Даже солдаты из полка Абрехи, которые сдались, не понесли наказания, назначили только новых офицеров. Старых с позором уволили со службы.

Абреха и оставшиеся с ним двести мятежников забаррикадировались во дворце наместника. Схватка была яростной и длилась примерно час. В комнатах и коридорах мелькали копья. Двести человек Абрехи были раздавлены преданными сарвенами, которые вбегали через многочисленные входы дворца.

Здесь никакой пощады ждать не приходилось. Даже Гармат не рекомендовал проявить милосердие после того, как нашли тело его друга, Сумиафы Ашвы. Бывшего наместника пытали агенты малва, которые и советовали Абрехе начать восстание. Информация, которую выудили агенты из Ашвы, не далась легко. Сумиафа умер под ножом.

Агентов малва поймали вместе с Абрехой в том самом зале для приемов, где теперь стояла Антонина. На самом деле их не пытали. Аксумиты не имели склонности к долгим способам умерщвления. Тем не менее традиционный аксумский способ наказания предательства был достаточно диким. Предателям вспарывали животы,

а потом душили собственными кишками. Но не только кишками: они служили просто мрачным украшением, поскольку кишки слишком мягкие, чтобы служить настоящей гарротой.

Антонина сморщила нос. Вонь спала, но все равно еще чувствовалась. Большая часть каменного пола, даже после нескольких часов уборки, оставалась заляпала коричневыми пятнами. Везде вокруг жужжали мухи. Казалось, они покрывают каждый дюйм пола, где кто-то не стоит.

Антонина уставилась на толпу арабов, представителей разных племен. Все они стояли на этих коричневых пятнах — мужчины, женщины и молодые девушки, стояли одинаково — без следа привередливости и брезгливости. Насколько Антонина могла судить, они не замечали запаха. Время от времени, они небрежно отгоняли мух, жужжащих у их лиц, но игнорировали ползающих по полу насекомых.

Эти люди были купцами, не бедуинами, по большей части из Мекки, хотя некоторые приехали из Ятриба и Джидды, но все равно — арабы. Аравия считалась страной пустынь, и живущие там люди на протяжении веков формировались суровым образом жизни в пустыне. Эти люди имели склонность к поэзии и могли проводить многие часы на городских площадях и в бедуинских лагерях в веселой болтовне и спорах. И они часто показывали себя самыми щедрыми и гостеприимными людьми в мире. Но они не были брезгливыми и привередливыми, ни в коей мере. Аксумское царство отплатило восстанию традиционной монетой. Арабские купцы, стоящие перед царем царей, просто поздравляли себя за то, что у них хватило ума не вмешиваться.

Эон очевидно решил, что у арабов было достаточно времени на раздумья.

— Если у кого-то есть возражения, говорите сейчас,— приказал он.

Зал погрузился в молчание. Эон ждал по крайней мере минуту. Никто не выражал протеста. Антонина приглядывалась, нет ли небольших подергиваний тел, которые означали бы неудобство или неловкость, но ничего не заметила.

— Хорошая идея, Усанас,— прошептала она.

— Я — гений,— согласился бывший давазз.— Это хорошо известно в кругах образованных людей.— Гармат фыркнул.— Конечно, не среди престарелых бывших бандитов.

Он собрался добавить что-то еще, но замолчал. Снова говорил Эон.

— Отправляйте ваших девушек в гарем. Слуги покажут вам дорогу. Антонина вскоре присоединится к ним.

Мгновение спустя толпа уже покидала зал. Глаза нескольких дюжин девушек с закрытыми паранджой лицами теперь поглядывали на Антонину. Во всех этих глазах светилось любопытство.

Некоторые смотрели робко, некоторые смело. Некоторые казались дружелюбными, некоторые неуверенными, некоторые, возможно, даже враждебными.

Последние, как подозревала Антонина, были особенно хорошенькими девушками. Глупые создания, которые явно подозревали, что не закрывающую лицо римскую женщину, саму красавицу, их красота не сметет с ног.

«Вы это поняли правильно, мои прекрасные кобылки,— подумала она сардонически.— Забудьте всю эту чушь. Я ищу *жену* для молодого человека. Это совершенно другое дело».

* * *

Задача Антонины упростилась с самого начала благодаря ее непроизнесенному вслух решению искать жену только среди родов курейшей. Все племена с Хиджаза прислали девушек, но это, в основном, был вопрос чести. Курейши благоразумно не выражали протестов и не требовали для себя предпочтений. Тем не менее факт оставался: курейши доминировали в Западной Аравии. Выбор жены из какого-то другого племени сильно их оскорбит. А с другой стороны, ни одно из прочих племен не воспримет выбор девушки из курейшей неверно. На самом деле они ждут от нее этого. Они просто хотят, чтобы их драгоценным дочерям дали формальную возможность участвовать в конкурсе.

Что Антонина и делала. Она проявляла осторожность, стараясь проводить с девушками из других племен столько же времени, сколько проводила с девушками из различных родов курейшей. И разговаривала с ними не просто так. Наложницы являлись обычной практикой среди арабов. Антонина намеревалась выбрать несколько наложниц для негусы нагаста из девушек-некурейшей. Она не обсуждала вопрос с Эоном до захода в гарем. Антонина знала, что молодой царь не хотел думать даже о жене, не говоря уже о толпе наложниц. Но он смирится с политической необходимостью, когда придет время.

* * *

Ее звали Рукайя, и она была из рода хашим из курейшей.

Вначале Антонина отвергла ее. Девушка оказалась слишком красива — на самом деле просто поразительно красива — и, что еще хуже,— очень стройна. Эон единственный выжил из правящей династии Аксумского царства, и Антонина не хотела рисковать с продолжением царского рода. Ее подруга, императрица Феодора, тоже была стройной женщиной. Феодора чуть не умерла во время

родов из-за узких бедер. Ребенок умер, и Феодора не смогла родить другого.

Антонина хотела найти девушку с широкими бедрами. А также умную и с хорошим характером. Но она хотела девушку, которая могла бы без труда рожать наследников престола. Много наследников.

Но по мере того как текли часы первого дня, в разговорах с различными претендентками, Антонина обнаружила, что ее глаза притягиваются к Рукайе. И не потому, что девушка из рода хашим пыталась привлечь ее внимание. Как раз наоборот. Рукайя, казалось, почти избегала ее.

Конечно, полностью избежать ее было невозможно. Не в гареме, который, если не считать спален, состоял из одной большой комнаты. Потолок в комнате отсутствовал, а в центре находился мелкий бассейн. Девушки — их насчитывалось почти пятьдесят — сидели на скамьях. Большинство занимали скамьи, которые окружали бассейн, где их можно было лучше всего рассмотреть. Но примерно две дюжины сидели на скамьях, установленных у дальних стен.

Вначале Антонина подумала, что эти — самые скромные. Но когда она познакомилась с ними со всеми, то поняла: большинство девушек на дальних скамьях — не из курейшей. Они прекрасно знали, что их не выберут, и не видели оснований толкаться в толпе у бассейна.

Все, за исключением Рукайи, которая, хотя и была из курейшей, очевидно, выбрала то положение в тени не из-за скромности. По мере того как день склонялся к вечеру, Антонина начала обращать внимание, как часто другие девушки подходят к Рукайе и разговаривают с ней.

Антонина не могла слышать слов, но ей не потребовалось много времени, чтобы понять происходящее.

В первые несколько часов взволнованные девушки шли к Рукайе, чтобы успокоиться. Казалось, привести в порядок нервы им помогают несколько слов, произнесенные спокойным и дружелюбным тоном. Немного расслабившись, девушки снова садились на свои места у бассейна.

По мере того как продолжался день, Антонина обратила внимание на нескольких других девушек, которые украдкой бегали к скамье Рукайи. Эти, как она думала, находились в плохом настроении, поскольку не могли считаться красивыми и искали успокоения и заверений. Казалось, их им дает самая красивая девушка в помещении. По большей части словами. Но Антонина также обратила внимание на краткие объятия, поглаживания волос, а один раз Рукайя несколько минут прижимала к себе тихо плачущую пятнадцатилетнюю девушку. Девушка с грузным телом и некрасивым лицом явно чувствовала, что слишком непривлекательна для жены царя.

Что на самом деле так и было. Антонина не искала красоту в первую очередь. Но та, кого она выберет, должна оказаться достаточно симпатичной, чтобы вызвать интерес у царя. Аксумскому царству требовалась стабильная династия. Это означало наследников, которых царица-дурнушка может и не обеспечить.

Но хотя Рукайя произвела на Антонину впечатление, римлянка продолжала исключать ее. Какое-то время, слушая то, что ей говорила та или другая девушка, Антонина раздумывала над возможностью выбрать Рукайю в качестве одной из наложниц Эона. Но отказалась и от этой мысли. Дочь из рода хашим просто слишком красива. Слишком привлекательна во всех отношениях. После многих часов в гареме, наблюдая внимательными глазами и оценивая разумом, Антонина не могла не заметить хорошие манеры и отличный характер Рукайи.

И все это, конечно, говорило против нее.

«Она слишком худа для царицы и слишком ослепительна для кого-то еще».

Антонина не хотела рисковать. Нельзя допустить, чтобы царь царей не произвел никаких законных наследников, поскольку слишком очарован наложницей.

В первую ночь она отправилась спать с твердым решением. К концу второго дня твердое решение поистрепалось по краям.

Второй день был днем отбора. В его процессе Антонина — так мягко, как только возможно — дала понять большинству девушек, с которыми говорила, что они больше не рассматриваются. Многие из них достаточно весело восприняли новость, в особенности те, кто были не из курейшей. Но, конечно, нашлись и другие, которые расстроились.

По крайней мере половина из них, как не могла не заметить Антонина, тут же отправились к скамье Рукайи. К середине дня девушку из рода хашим окружила толпа других девушек. Это была самая веселая группа в гареме. Слезы, которые текли по этим молодым щекам, высохли, и девушки смеялись тихо произносимым шуткам Рукайи. Похоже, ко всему вдобавок, Рукайя еще и умна.

Антонина пока еще не обменялась с ней ни словом. Она сразу же исключила Рукайю, и сама Рукайя не предпринимала попыток привлечь внимание Антонины. Но римлянка прекрасно знала, что происходит на той скамье.

* * *

В этом мире есть люди, которые имеют склонность привлекать к себе других. Люди, которые привлекают к себе других, как магнит привлекает кусочки железа. Тип людей, к которым другие, когда

подворачивают ногу и падают, автоматически обращаются за помощью и советом.

Короче, тип людей, которых ты хочешь видеть сидящими на троне — но видишь редко.

Антонина покачала головой.

«Слишком худая».

* * *

К утру третьего дня Антонина сузила выбор до трех девушек. Она решила провести весь день в разговорах с этими финальными претендентками.

Рукайи среди них не было. Тем не менее, когда пришло время делать объявление собравшимся в гареме девушкам, казалось, что у языка Антонины появилась своя воля. После того, как она назвала имена трех финалисток, восставший орган продолжал говорить.

— И Рукайя,— выпалил ее язык.

Сидевшая через комнату Рукайя резко подняла голову. Девушка уставилась на Антонину широко раскрытыми глазами. Она удивилась, но... было что-то еще. Рукайя казалась опечаленной объявлением.

«Это странно,— подумала Антонина. Затем твердо сказала своему языку: — Она все равно слишком тощая».

* * *

Антонина разговаривала с Рукайей в последнюю очередь. День уже клонился к вечеру, когда девушка из рода хашим вошла в небольшую спальню в гареме, которую Антонина использовала для встреч один на один.

Когда Рукайя села на скамью напротив Антонины, последнюю восхитила грациозность движений девушки. Было что-то почти волнообразное в том, как Рукайя ходила и соскальзывала на сиденье. Даже манера сидеть, со скромно сложенными на коленях руками, несла в себе кошачью гарцию. У нее были ясные карие глаза, которые наблюдали за Антониной, в них практически отсутствовали неуверенность и скованность шестнадцатилетней девочки.

Антонина молча смотрела на Рукайю примерно с минуту или около того. Она внимательно изучала девушку, но ничего не могла прочитать на ее лице. Это красивое молодое лицо вполне могло быть маской. Антонина не заметила никакого быстрого ума или живости, которые видела на протяжении двух дней, ни удивления и настороженности, которые сверкнули в глазах Рукайи, когда она услышала свое имя среди четырех финалисток.

«Давай вначале проясним эту тайну»,— решила Антонина.

— Ты казалась удивленной, когда я назвала твое имя,— заявила Антонина.— Почему?

Девушка ответила без очевидных колебаний.

— Я на самом деле удивилась. Казалось, вы не обращали на меня внимания в первые два дня. И я не ожидала, что меня выберут. Я слишком худая. Двое мужчин — на самом деле, их родители — уже отвергли меня. Они боялись, что я не смогу рожать детей.

Заявление было деловым, равнодушным — почти философским. Это само по себе удивляло. Большинство арабских девушек, если бы их отвергли родители потенциального жениха, долго страдали бы.

Проблема не была романтической, ни о каком разбитом сердце не шло и речи. О браках между представителями высшего класса арабов договаривались семьи. Достаточно часто жених и невеста не были знакомы до свадьбы. Но брак считался высшим достижением, к которому могли стремиться арабские девушки. Если тебя отвергали, то это почти неизбежно приводило к чувству никчемности и позору.

Тем не менее казалось, что Рукайя ничего этого не чувствует. Почему?

Антонина забеспокоилась. Одним очевидным объяснением отношения Рукайи мог быть эгоизм — девушка влюблена в собственную красоту и грациозность настолько, что просто не воспринимает отказ адекватно. Она может относиться к людям, которые, если сталкиваются с разочарованием, всегда взваливают вину на других.

В долгой истории Римской империи, напомнила себе Антонина, имелась более чем одна императрица с такой ментальностью. Большинство из них были ужасны, в особенности те, благородное происхождение которых усиливало их эгоизм. Подруга Антонины Феодора имела те же врожденные черты. Но трудная жизнь Феодоры научила женщину смирять свою гордыню. Девушка, подобная Рукайе, рожденная среди арабской элиты, не могла сталкиваться в жизни ни с чем, что научило бы ее сдерживать надменность.

— Ты не кажешься расстроенной этим фактом,— заметила Антонина. Заявление прозвучало почти как обвинение.

Впервые после того, как Рукайя вошла в спальню, на ее лицо вернулись эмоции. Девушка рассмеялась. Всем своим видом она показывала, что принимает несовершенство мира, как факт, да еще и находит его забавным. Выражение ее лица и смех оказались очаровательными.

— Моя семья к этому привычна. Все женщины на протяжении столетий были худыми. Моя мать стройнее меня, и ее отвергали четыре раза до того, как семья моего отца решила рискнуть.

Рукайя в упор смотрела на Антонину.

— Я ее старшая дочь. У нее есть еще три и двое сыновей. Одна моя сестра и один брат умерли в детстве. Но не во время родов.

Моя бабушка родила девять детей. Никто не умер при рождении, и шесть дожили до взрослых лет. У ее матери — моей прабабушки — было двенадцать детей. Она умерла до моего рождения, но все вспоминают ее бедра змеи.

Рукайя пожала плечами.

— Для нас это просто не имеет значения. Моя мать говорила мне, что в первый раз рожать будет очень больно, но потом станет полегче. И она не беспокоится, что я умру.

«Ну, с *этой* проблемой разобрались,— насмешливо подумала Антонина.— Но я все равно удивлена...»

— Ты не казалась просто удивленной, когда услышала, как я называю твое имя. Ты также казалась расстроенной.

И снова заявление Антонины прозвучало, как обвинение.

Маска вернулась на место. Рукайя приоткрыла губы, словно для того, чтобы ответить. Для Антонины было очевидно: девушка собирается отрицать обвинение. Но через мгновение Рукайя опустила голову и пробормотала:

— Я не расстроилась, не совсем. Стать женой негусы нагаста — большая честь. Моя семья будет очень гордиться. Но...

Она сделала паузу и подняла голвоу.

— Мне нравится моя жизнь. Я очень счастлива в доме моего отца. Мой отец — веселый человек. Очень добрый и очень умный.

Рукайя колебалась, подыскивая слова.

— Конечно, я всегда знала, что однажды выйду замуж и перееду в дом другого мужчины. И часть меня с нетерпением ждет того дня. Но не...— она жалобно вздохнула.— Не так скоро.

Теперь лицо девушки оживилось, и ее руки возбужденно жестикулировали.

— Я не знаю, что буду делать в доме другого мужчины. Я так боюсь скуки. В особенности если муж — суровый человек. Большинство мужей очень строги с женами. С десяти лет отец разрешал мне помогать ему с работой. Он — один из богатейших купцов Мекки, и у него много караванов. Я веду большую часть его учетной документации и пишу большую часть его писем и...

У Антонины отвисла челюсть. Она думала, что во всей Аравии найдется не более двух дюжин грамотных женщин — и все они, несомненно, вдовы средних лет...

— Ты умеешь читать? — спросила она.

Рот Рукайи резко захлопнулся. На мгновение ее молодое лицо напоминало Антонине морду мула. Да, красивого мула, но такого же упрямого и волевого.

Однако это выражение быстро ушло. Рукайя опустила голову. И снова ее быстро жестикулировавшие руки скромно лежали на коленях.

— Отец научил меня,— тихо сказала она.— Он настаивает, чтобы все женщины в его семье умели читать. Как он говорит, это нужно, поскольку когда-нибудь они могут стать вдовами, и им потребуется вести дела своих мужей.

И снова слова полились потоком.

— Но, как я думаю, он говорит это просто, чтобы успокоить мать. Она не любит читать. И мои сестры не любят. Они считают, что это слишком трудно. Но я люблю читать, как и мой отец. Мы провели столько прекрасных вечеров, обсуждая прочитанное в книгах. У моего отца много книг. Он их собирает. Мать жалуется, потому что они дорогие, но это единственный вопрос, по которому закон в доме устанавливает отец. Большинство наших книг, конечно, на греческом, но у нас даже есть...

Тогда она замолчала, но ее прервал смех Антонины. Смех продолжался какое-то время. К тому времени, как Антонина прекратила смеяться, вытирая выступившие на глазах слезы, выражение шока на лице Рукайи превратилось в простое любопытство.

— А почему вам так смешно? — спросила она.

Антонина потрясла головой.

— Негуса нагаст Аксумского царства — один из главных в мире библиофилов. Его отец, царь Калеб, собрал в своем дворце в Аксуме самую большую библиотеку к югу от Александрии. Если честно, я не думаю, что сам Калеб на самом деле прочитал какие-то из тех книг. Но к тому времени, как принцу Эону исполнилось пятнадцать, он прочитал их все. Я помню, как он приехал в Рим и проводил много часов с моей подругой Ириной Макремболитиссой, а она является величайшим в мире библиофилом...

Антонина замолчала, уставившись на девушку напротив нее. И снова ей на глаза навернулись слезы, когда она вспомнила подругу, которую, как думала Антонина, она никогда больше не увидит.

«О Боже, дитя, как ты мне напоминаешь Ирину».

Воспоминание помогло принять решение. Воспоминание о другой женщине — умной, быстро соображающей, активной, чьи жизненные планы и вся жизнь так много раз расстраивались и менялись из-за необходимости вести себя и действовать так, как от нее ожидали другие.

«Черт побери. У нас тоже есть души».

— Ты будешь счастлива, Рукайя,— предсказала Антонина.— И тебе никогда не будет скучно, я обещаю,— И снова Антонина смахнула слезы, и снова рассмеялась.— Не как жене этого человека! О, нет! Ты будешь вести учетную документацию царя царей, Рукайя, и писать его письма. Он строит империю и ведет войну с сильнейшей империей в мире. Думаю, достаточно скоро ты будешь мечтать о возможности немного поскучать.

Наконец лицо напротив нее стало только лицом молодой девушки. Девственницы, едва шестнадцати лет. Скромной, беспокойной, неуверенной, раздираемой опасениями, готовой, любопытной — и, конечно, жаждущей перемен.

— А он?.. Он будет?..— Рукайя искала слова и запиналась.

— Да, ты ему понравишься. Да, он будет добрым. И да, он принесет тебе много удовольствия.

Антонина встала и подошла к ней. Она взяла лицо Рукайи в ладони и посмотрела в глаза девушке.

— Поверь мне, ребенок. Я очень хорошо знаю царя Эона. Отбрось все сомнения и страхи. Тебе понравится быть женщиной.

Теперь Рукайя светилась от счастья. Как невеста.

Глава 21

Гармат совсем не светился от счастья, когда впервые увидел Рукайю.

— Она слишком тощая,— пожаловался он. Гармат стоял на почетном месте на нижних ступенях перед входом во дворец. Он повернул голову и прошипел ей в ухо: — О чем ты думала, Антонина?

Настроение Антонины немного портила жара. Она совсем не испытывала наслаждения, стоя под открытым солнцем Южной Аравии в тяжелых официальных одеждах. Поэтому на мгновение римского посла сменила девушка, выросшая на суровых улицах Александрии.

— Да мочилась я на тебя, старый пердун,— прошипела она в ответ. Потом, вспомнив о своем долге, Антонина смилостивилась.— Я проверила историю семьи, Гармат. Все женщины — стройные и у них никогда не возникало с этим проблем. Мать Рукайи...

Последовал краткий урок истории. Скорее, не очень краткий. Антонина ожидала, что вопрос встанет, и проверила рассказ Рукайи более тщательным собственным расследованием. К счастью, девушка не приукрашивала правду. На протяжении многих поколений, на которые простиралась память рода, что типично для арабских племен, только две женщины умерли при деторождении. В те времена это считалось показателем лучше среднего.

Когда урок истории со всей торжественностью и римской официальностью закончился, вернулся ребенок с улиц Александрии.

— Поэтому мочилась я на тебя с головокружительной высоты, старый пердун.

— Хорошо сказано,— послышался шепот Усанаса. Бывший дававзз — ему все еще не присвоили официального титула — стоял прямо за ними, на более высокой ступеньке.

Антонина на четверть повернула голову и слегка склонила ее набок.

— Ты не беспокоишься? — прошептала она через плечо. И добавила кисло: — Я ожидала, что все мужчины в радиусе пятидесяти миль будут меня ругать за этот выбор.

На мгновение мелькнула светящаяся улыбка Усанаса.

— Какая чушь. Это все из-за столкновения с цивилизацией и ее декадентскими путями. Мой народ, настоящие варвары, никогда не расстраивается по такому вопросу. Женщины просто рожают в поле, как антилопы и львицы.

Гармат, все еще с натянутым лицом, снова начал ворчать. Теперь он сам читал лекцию, по естественной истории. Объяснял римской женщине с птичьим умом и необразованному дикарю из племени банту разницу между трудностью, с которой большой человеческий череп проходит через узкие родовые пути, и легкостью, с которой глупые животные практически без усилий...

Он замолчал и напрягся, потом стал полностью неподвижен. Царь царей наконец выезжал на площадь перед дворцом, где ждали его невеста и сопровождающие ее лица.

Это был впечатляющий выход. Даже после многих лет наблюдения за императорской римской помпой, Антонина смогла его оценить. Как правило, аксумиты не особо уважали формальности. Но если требовал случай, они бросались в дело с дикостью и силой людей, которых сформировало величие Африки,

Перед Эоном шли танцоры, облаченные в шкуры леопардов и накидки из перьев страуса. Они прыгали и извивались под ритм больших барабанов. Барабанщики были одеты менее ярко и цветисто. Они облачились в многослойные замшевые тоги, которые являлись обычным костюмом аксумитов, живущих на возвышенностях. Но эта замша специально предназначалась для церемоний. Материал был богато украшен слоновой костью и заклепками из черепашьего панциря.

За танцорами и барабанщиками шла церемониальная стража Эона. Она состояла из офицеров его полка и насчитывала гораздо большее количество людей, чем обычно. Эона приняли три полка, а не традиционный один, и все три присутствовали. Вахси, Афилас и Сайзана, командующие сарвами Дакуэн, Лазен и Хадефан, вели процессию.

Здесь снова проявлялась более типичная для Аксумского царства практичность. Да, на солдатах были головные уборы из страусиных перьев, причем более крупных размеров и более изысканные, чем они когда-либо надевали в битву. Но оружие и легкие доспехи оказались теми же практичными и утилитарными приспособлениями, с которыми аксумская армия выходила на поле брани.

Солдаты находились там не столько для того, чтобы защитить своего царя от наемных убийц, а чтобы напомнить большой толпе, заполнившей площадь, простую истину: после того как все сказано и сделано, Аксум правит копьем. Не забывайте об этом.

Однако, изучая толпу, Антонина не могла найти ни следа негодования в море по большей части арабских лиц. Несмотря на всю свою любовь к поэзии, люди пустыни не имели склонности к полетам фантазии, когда дело касалось политики. Они знали: эти правители будут править. Это данность. А раз так, то лучше иметь сильное и надежное правление. Это также делает возможным — только возможным — и справедливое правление.

Антонина решила, что правильно поняла толпу. Все лица, которые она видела, выражали только удовлетворение и удовольствие. Люди наслаждались грандиозным зрелищем, и ничем больше. Меры, которые предпринял Эон, концессии, которые он предоставил Хиджазу, даже больше, чем его мягкость по отношению к мятежным бедуинам, смирили Южную Аравию с правлением Аксумского царства. Антонина подумала, что бракосочетание, которое должно сейчас состояться, завершит работу. Арабы славились как своими торговыми способностями, так и своей поэзией и непрекращающимися политическими склоками. Они умели распознать хорошую сделку.

Теперь на площади появился Эон, и ликование толпы взвилось к небесам.

— Боже праведный,— прошептала Антонина.— Эта штука из чистого золота?

Гармат улыбнулся. Его обычный юмор вернулся.

— Конечно, нет, Антонина,— прошептал он в ответ.— Колесница из чистого золота развалилась бы от собственного веса.

Гармат с восхищением посмотрел на выезжающее на площадь средство передвижения.

— Но поверь мне, там достаточно золота. Достаточно золотых пластин, чтобы она вся казалось сделанной из золота, даже в нижней части, где шасси.— Он легко мотнул бородой.— Эти слоны там не только напоказ. Работа предназначена для слонов. Они тянут колесницу.

— Вы только взгляните на их костюмы,— пробормотала Антонина.

Четыре слона, которые тащили колесницу, были одеты в толстокожую версию церемониальной замши, а не воинские доспехи, но Антонина даже не хотела гадать относительно веса слоновой кости и украшений из черепашьего панциря.

Эон ехал в одиночестве на открытой сзади двухколесной повозке. Сама колесница была сделана по образцу древних боевых колесниц Египта, которые планировались для двух человек — один управлял лошадьми, в то время как другой стрелял из лука. Но

Эону помощь не требовалась — ему не требовалось даже держать вожжи. Слонами управляли четыре погонщика. Эти люди, как с облегчением увидела Антонина, оделись только в свои обычные практичные одежды. Четыре слона, которые тащили колесницу Эона, на самом деле были боевыми слонами, с соответствующим темпераментом. И только Бог может помочь толпе, если погонщики потеряют над ними контроль.

Собственный костюм Эона вначале показался Антонине несколько странным, пока она не поняла, что видит обычную аксумскую комбинацию великолепия и практичности. С одной стороны, его туника была сшита из простого, некрашеного льна. Римский император, и даже любой римский господин благородного происхождения, выше уровня сословия всадников, надел бы шелк. Но утилитарный материал украшали жемчуга и бусины из красных кораллов, а шили одежду золотыми нитями.

Его тиара, в отличие от грандиозных корон римских или персидских императоров, представляла собой только серебряный обруч, с вкраплениями сердолика. Простота дизайна, как подозревала Антонина, должна была подчеркивать важность головного убора, состоявшего из четырех длинных узких перевязей, который тиара удерживала на месте. Этот головной убор назывался аксумитами фахиолин и являлся традиционным символом царя царей Аксумского царства.

Антонина подумала, что в этом головном уборе заключается хитроумное послание. Эон уже объявил вчера, что столица Аксумского царства переносится в Асэб. Собравшиеся во дворце арабские господа благородного происхождения отреагировали на объявление с нескрываемым удовлетворением. Решение перенести столицу, как знали эти хитрые люди, определенно означало, что их новый правитель намеревается приварить их к своей империи. Центром Аксумского царства с этого времени станет Красное море, а не возвышенности, то есть центр, который делят и Аравия, и Африка.

Сегодня Эон мягко напоминал им про кое-что еще. У него все еще остаются возвышенности и племя дисциплинированных копьеносцев, которые закалились в этих горах. Их символ все еще находился на голове негусы нагаста.

Жезл, свидетельствующий о положении царя, нес то же послание. Древко огромного копья покрывало золото и украшали жемчуга, также золотым был и христианский крест, установленный наверху. Но сам наконечник — огромный дикий предмет разрушения — был сделан из простой стали, и был острым, как бритва.

Медленно двигающаяся колесница наконец достигла центра площади. Погонщики остановили слонов, и Эон спешился. Через не-

сколько быстрых шагов он занял место рядом с невестой. Началась брачная церемония.

* * *

Первая часть церемонии, и пока самая длинная, состояла из перехода Рукайи в христианство. Это продолжалось два часа. Задолго до ее окончания Антонина вся взмокла в своих одеждах и проклинала всех священников, которые когда-либо жили на земле.

Если быть справедливой, признала она, вина в основном лежала не на священниках. Да, они, как и обычно, оказались многословны, в особенности, когда купались во внимании такой большой толпы. Но в основном проблема заключалась просто в количестве обращаемых.

Рукайя не одна принимала христианство. Конечно, все знали, что новая царица Аксумского царства должна стать христианкой (если уже не была, как многие арабы). Ее отец, после того как кандидатуру Рукайи объявили публично, сделал собственное заявление. Он сам и вся его семья тоже перейдут в христианство.

Это произошло неделю назад. Ко дню свадьбы более половины членов рода хашим приняли то же решение, а также значительная часть других родов курейшей. На площади собрались сотни людей — по мнению Антонины, более тысячи, которые проходили через таинство вместе с новой царицей.

Несмотря на то что ей было так некомфортно и она так вспотела, Антонина не винила их за эту церемонию. Да, она подозревала, что большинство новообращенных руководствовались не духовными мотивами. Это были хитрые купцы, которые увидели свою выгоду. И, как она думала, ни один из них не принимал новую веру полностью.

Аравия была страной, где религия кипела и бурлила, но скрытно. Большинство арабов того времени все еще оставались язычниками, несмотря на большой успех еврейских и христианских миссионеров. Но даже арабские язычники, как знала Антонина, склонялись к мысли, что имеется верховный бог, который правит над многочисленными божествами в их пантеонах. Они звали этого бога Аллах.

По мере того как церемония продолжалась, внимание Антонины начало рассеиваться. Она вспомнила разговор с Велисарием в Персии, до его отъезда.

Ее муж рассказал ей про религию, которая поднимется в Аравии в будущем человечества. Ее назовут ислам, поклонение одному богу по имени Аллах. Эту религию не более чем через столетие принесет новый пророк. Человек по имени Мухаммед или Магомет...

На мгновение она резко выпрямилась, воспомнив кое-какую информацию из того разговора. Ее глаза переметнулись на Рукайю, которая стояла в центре площади.

«Мухаммед тоже будет из рода хашим из курейшей. И если я правильно помню, то у него родится дочь по имени Рукайя».

Она поняла, что ее выбор Рукайи уже, вероятно, изменил историю. Представители рода хашим из будущего Мухаммеда не являлись христианами, за исключением нескольких. После сегодняшнего дня они ими станут все. А как этот факт повлияет на будущее?

* * *

Она снова вернулась в воспоминания.

— А теперь, в нашем будущем, это все равно произойдет? — спросила она тогда Велисария.— После всех перемен?

Ее муж пожал плечами.

— Кто знает? Главная причина, почему ислам распространился по Леванту и Египту, заключалась в том, что монофизиты перешли в эту веру практически сразу же. Большинство из них добровольно. Монотеизм — единобожие, проповедуемое Мухаммедом, как я думаю, им понравилось и было понятно их ветви христианства. Монофизиты были ближе всего к исламу в рамках триединства.

Велисарий нахмурился.

— А столетия преследований со стороны христиан-ортодоксов, я думаю, стояли у монофизитов поперек горла. Они увидели арабов, как освободителей, а не завоевателей.

— Антоний пытается...— заговорила Антонина.

— Я знаю, что пытается,— согласился Велисарий.— И, я надеюсь, новый патриарх Константинополя сможет сдержать эти преследования.— Он снова пожал плечами.— Но кто знает?

Стоя на площади и потея в тяжелых одеждах, Антонина все еще помнила странный взгляд, который появился на лице мужа.

— На самом деле это странно,— сказал он.— То, что я чувствую. Мы уже всего лишь тем, что сделали за эти последние несколько лет, изменили историю. Необратимо.— Он похлопал себя по груди, там, где в мешочке под туникой висел Эйд.— Теперь видения, которые мне показывает Эйд,— это только видения, и ничего больше. Я, конечно, все равно очень многое узнаю из них, но на самом деле они — не больше чем иллюзии. Это никогда не случится — по крайней мере не так, как он мне показывает.

Его лицо на мгновение стало очень грустным.

— Я не думаю, что теперь когда-нибудь появится Мухаммед. По крайней мере, не так. Конечно, он все еще может подняться и стать пророком. Но если Антоний добьется успеха, я думаю, Мухаммед

скорее станет силой, обновляющей христианство, чем основателем новой религии. На самом деле он так и видел себя вначале — пока его не отвергли ортодоксальные христиане и евреи, и он нашел аудиторию среди язычников и монофизитов.

Антонина удивилась.

— Но почему ты от этого грустишь? Я думала, что ты предпочтешь это. Ты же сам христианин.

Когда Велисарий улыбнулся, улыбка получилась очень хитрой.

— Правда?

Она вспомнила, как резко вдохнула воздух. И точно так же хорошо могла вспомнить теплую улыбку на лице мужа.

— Расслабься, любовь моя. Христианство мне очень подходит. Я не собираюсь от него отказываться. Это просто...

На его лицо вернулось странное выражение — странного удивления.

— Я столько всего видел, Антонина,— прошептал он.— Эйд уносил меня в будущее на миллионы лет, к звездам за пределами галактики. Как простой парень из фракийской сельской местности смог пережить такие видения?

Антонина потеряла дар речи. Велисарий протянул руку и погладил ее лицо.

— Я уверен только в одном,— сказал он.— Я не могу уследить за половиной теологии Антония, но знаю: он прав. Бог сделал триединство таким непостижимым, поскольку Он не хочет, чтобы люди Его поняли. Достаточно, что мы Его ищем.

Рука Велисария оставила ее щеку и обвела Вселенную.

— Что мы и будем делать, любовь моя. Будем. Мы участвуем в этой войне, в основном, для того, чтобы люди могли осуществлять этот поиск. Куда бы их ни привела эта дорога.

Мягкая улыбка вернулась.

— Этого достаточно. Для простого фракийского парня, которого вырастили солдатом, этого более, чем достаточно.

* * *

Наконец церемония закончилась. Антонина чуть не рухнула от облегчения. Она чувствовала себя подобно куску тающего масла.

Она наблюдала за тем, как Эон повернулся к Рукайе и снял с нее паранджу. Затем Антонина с трудом сдержала улыбку. Царь Аксумского царства впервые увидел лицо своей жены. Он казался подобным волу, которого между глаз стукнули молотком.

От толпы послышался легкий гул, да вообще-то и не такой легкий, когда люди дружно выдохнули. Частично от шока: они видели девушку с непокрытым лицом в общественном месте. Ко-

нечно, арабы знали, что это случится. Эон очень четко дал понять, что не намерен следовать арабским традициям. Женщины в Аксумском царстве не носят паранджу, даже молодые девственницы, и царь царей недвусмысленно и определенно, в ясных выражениях, не вызывающих сомнения, заявил: его новая жена будет следовать аксумским традициям. Но все равно матроны на площади были шокированы. Они едва могли дождаться момента, когда побегут домой и станут обсуждать этот скандал.

Но по большей части люди вдохнули воздух, пораженные красотой Рукайи. Толпа ожидала симпатичную девушку, да. Но не — не такую!

Через несколько секунд начались перешептывания. Шокированные и удивленные взгляды сменились...

«Да будь я проклята,— подумала Антонина.— Я об этом даже не подумала».

— Ты гений, Антонина,— прошептал Усанас.— Именно так и следует выглядеть царице. И ты только посмотри на жадных ублюдков! Все эти считающие монеты купцы только что поняли: царь царей никак не сможет игнорировать свою новую жену из курейшей.

Гармат придерживался другого мнения.

— Она слишком великолепна,— пожаловался он.— Мы никогда не сможем вытащить Эона из постели.— Потом добавил с шипением: — О чем ты думала, Антонина?

Антонина проигнорировала старого пердуна. Она просто купалась в восхищенных взглядах, которые в ее сторону бросала толпа. И она определенно купалась в полусвете другого восхищения. Даже на таком расстоянии она не могла неправильно прочитать выражение лица Эона. Это молодое лицо покрывала тень с тех пор, как он нашел изувеченные тела своих наложниц среди камней Тааха Мариама. А теперь наконец Антонина увидела, как тень уходит.

Как ее муж до нее, Антонина полюбила Эона, как собственного сына. Теперь, когда все закончилось, она поняла, что руководствовалась материнским инстинктом, а не расчетами дипломата. Она верила этому инстинкту гораздо больше, чем верила политическим махинациям.

Гармат все еще не понял, но до Усанаса дошло. Высокий охотник склонился и прошептал:

— Гений, и я это повторяю.

Антонина скромно пожала плечами.

— Это хороший союз. Отец девушки, как я думаю, сам по себе окажется неплохим советником. И сама Рукайя очень умна. Она...

— Не надо этой чуши,— фыркнул Усанас.

Он ухмыльнулся, глядя на Гармата. Ухмылка Усанаса была так же великолепна, как и его улыбки.

— Политика — глупое дело. Игры ддя мальчиков, которые слишком стары, чтобы вырасти.— На лице появилась знаменитая улыбка.— Умные люди, такие как ты и я, понимаем правду. Пока мальчик счастлив, он все будет делать хорошо. Все остальное не имеет значения.

* * *

Этим вечером во время великого пира во дворце Эон подошел к Антонине, бормоча слова благодарности и признательности.

Антонина улыбнулась.

— Она очень красива, не правда ли?

Эон счастливо кивнул.

— И она также умна. Ты знала, что она умеет читать? И она забавная. Даже до того, как я снял паранджу, я думал, что влюблюсь. Она немного пошутила, пока священники продолжали и продолжали нудно говорить. Я чуть не умер, стараясь не рассмеяться.

Он замолчал на несколько секунд, восхищаясь своей женой. Рукайя находилась в центре внимания толпы — с начала пира. На мгновение ее окружили многие молодые девушки, которые вместе с ней провели дни в гареме. Наблюдая, с какой легкостью Рукайя разобралась с этой маленькой толпой поклонниц — которые не так давно были ее соперницами,— Антонина снова поздравила себя.

«Из нее получится великая царица».

Пришла последняя награда. Эон взял руку Антонины и легко сжал.

— Спасибо,— прошептал он.— Ты для меня, как мать.

* * *

К концу пира Антонину нашла Рукайя. Молодая царица отвела Антонину в сторону, в уголок огромного зала. Она сжала руки Антонины своими.

— Я так нервничаю,— прошептала она.— Мы с Эоном очень скоро уйдем. В его спальню. Я так нервничаю. Так боюсь.

Антонина успокаивающе улыбнулась, почти безмятежно. Это выражение было тяжело поддерживать. Она вела яростную схватку — не против хихиканья, против раскатов смеха.

«Какая чушь! Неужели ты думаешь, девочка, что можешь обмануть *меня*? Ты не боишься. Ты просто не можешь дождаться, когда он тебя трахнет. И все».

Но снова ей на помощь пришел материнский инстинкт.

— Расслабься, Рукайя. Забудь то, что ты могла слышать. Большинство мужчин, верь или не верь, не забираются на своих жен

подобно тому, как бык залезает на телку. Вначале они разговаривают.

«По крайней мере, некоторые. Эон будет».

Глаза Рукайи пронзали ее подобно тому, как ученик смотрит на пророка.

Черт побери. Антонина рассмеялась.

— Расслабься, я сказала!

Она высвободила одну руку и погладила девушку по щеке. Веселость ушла под напряженностью взгляда Рукайи. Она наполовину боялась, наполовину надеялась, наполовину горела готовностью, наполовину проявляла любопытство, наполовину...

«Слишком много половинок. В девушке одновременно бурлит слишком много эмоций».

— Поверь мне, Рукайя,— сказала Антонина мягко.— Когда время придет, Эон будет очень нежен. Но оно может не прийти так быстро, как ты думаешь. Может, сегодня ночью не придет вообще.

Рот Рукайи широко раскрылся.

Рука Антонины перешла со щеки на роскошные длинные черные волосы девушки. Все еще поглаживая, она продолжала:

— Вспомни, девочка, он недавно потерял наложниц, которых сильно любил. Ему тоже будет трудно, когда вы останетесь одни. Он вспомнит о них и ему станет грустно. И он сам будет нервничать. Конечно, он не девственник...

Она с трудом подавила смешок.

«И это если мягко выразиться!»

— ...но он все равно молодой человек. Не намного старше тебя. Вначале, я думаю, он просто захочет поговорить.

Медленно рот Рукайи закрылся. Девушка какое-то время обдумывала слова Антонины, римлянка продолжала гладить ее волосы. Слова и поглаживания начали ее успокаивать.

— Я знаю, как это делать,— объявила Рукайя.— Я хорошо умею разговаривать.

* * *

На следующее утро за завтраком Гармат снова начал ворчать.

— О чем ты думала, Антонина?

Старый советник сидел рядом с ней, на почетном месте у центра огромного стола. С другой ее стороны сидел Усанас. Конечно, два места во главе стола были оставлены для царя царей и новой царицы. Судя по бою барабанов, они как раз собирались появиться.

— О чем ты думала? — повторил он.— Я только что обнаружил, что девушка умеет читать, вдобавок ко всему прочему. Прекрасно. Два книжных червя. Вероятно, они провели всю ночь, обсуждая

философию.— Он грустно покачал головой.— Династия обречена. Не будет никаких наследников.

Эон и Рукайя вошли в зал и заняли свои места. Усанас один раз взглянул на их лица и объявил очевидное.

— Ты — глупый старый хрен, Гармат. А Антонина все равно гений.

«Да, гений,— счастливо подумала она.— Настоящий гений. Определенно».

Глава 22

Персия
Лето 532 года н.э.

— Похоже, он один,— сказал Дамодара, прищурившись на крошечную фигуру на удалении. Господин из малва склонил голову, вопросительно глядя на высокого раджпута, который стоял рядом с ним.— Я прав? Ты видишь лучше меня?

Рана Шанга кивнул.

— Да. Он один.

Царь раджпутов наблюдал за тем, как всадник направляет к ним коня. Переговоры были назначены на самом открытом участке, который смогли найти следопыты Шанги в этой части горной системы Загрос. Но унылая, засушливая местность все равно была усыпана камнями и изрезана небольшими канавами.

— Это не просто так, господин Дамодара.— Темные глаза Шанги наполнились теплотой и восхищением.— Он таким образом говорит нам, что верит в нашу честь.

Дамодара быстро, внимательно взглянул на Шангу. На мгновение ему стало завидно. Дамодара был из малва. Практичен. Он не разделял кодекс чести Шанги. Даже его прозаическую римскую версию, которой обладал Велисарий. Но Дамодара понимал этот кодекс. Он понимал его очень хорошо. И обнаружил, как и часто раньше, что, не чувствуя никакой подобной уверенности перед лицом хаоса жизни, сожалеет об этом.

Дамодара ни в чем не был уверен. Он по натуре являлся скептиком — с тех пор как себя помнил. Он даже не верил в новых богов, которые правили его судьбой.

Он не сомневался в их существовании. Дамодара провел определенное время один на один с Линком, как и Шанга, а царь раджпутов был единственным человеком вне династии малва, кого допустили к Линку. Дамодару, как и Шангу, переносили в видения о будущем человечества. Он видел новых богов и судьбу, которую они принесли.

Нет, Дамодара не сомневался в этих богах. Он даже не сомневался в их идеальности. Он просто сомневался в их определенно-

сти. Дамодара не верил в судьбу и предопределенность, и определенные шаги времени.

Теперь Велисарий находился достаточно близко, чтобы Дамодара четко его разглядел. Вот в это Дамодара верил. В это и в реальность раджпута, который стоял рядом с ним в тени шатра. Он верил в наездников, которые ехали по каменистой местности под лучами утреннего солнца. Он верил в солнце и скалы, и прохладный бриз. Он верил в пищу, которая лежала на тарелках в центре низкого столика в шатре. Он верил в вино в кубках рядом с едой и верил в сам кубок.

Ничто из этих вещей не считалось идеальным. Даже на солнце временами появляются пятна. И он сам был очень далек от уверенности в будущем, за исключением последующих нескольких часов. Но все вещи, о которых он подумал, тем не менее оставались реальны.

Дамодара был из малва, а значит, практичен. Тем не менее он обнаружил, как и многие практичные люди до него, что оставаться практичным гораздо труднее, чем кажется. Поэтому на мгновение он позавидовал уверенности Шанги.

Но только на мгновение. Ему на помощь пришел юмор. Дамодара обладал хорошим чувством юмора. Практичным людям оно требуется.

— Ну, мы не можем этого допустить! — объявил он.— У командующего должен быть телохранитель.

Дамодара повернул голову и что-то прошептал Нарсесу. Евнух кивнул и передал послание молодому раджпуту, который прислуживал им в шатре. Мгновение спустя юноша вспрыгнул на коня и поскакал к лагерю раджпутов, находящемуся на небольшом удалении.

* * *

Наконец Велисарий остановил коня перед маленьким шатром, в котором будут проходить переговоры. Там он обнаружил, что ему предоставят телохранителя.

Валентин помог ему спешиться. На катафракте не было доспехов, за исключением легкого шлема раджпутов, и у него на перевязи висел меч. И, конечно, ножи и кинжалы. Велисарий увидел три, засунутые за широкий пояс. Он не сомневался, что еще есть по крайней мере столько же, спрятанные где-то. Большинство людей подсчитывают богатство в монетах. Валентин считал богатство в лезвиях.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Велисарий.

Узкое лицо Валентина еще больше заострилось.

— Не очень хорошо, если честно. Но по крайней мере у меня в глазах больше не двоится. Голова все еще болит, чаще болит, чем не болит, да и силы все не восстановились.

Валентин бросил взгляд на малва, сидящих в открытом шатре. Они находились вне пределов слышимости. Дамодара вежливо позволил Валентину одному встретить Велисария.

— Я сделаю все, что смогу,— прошептал Валентин.— Если возникнут проблемы. Но должен тебя предупредить: я не такой, как раньше. По крайней мере, пока.

Велисарий улыбнулся.

— Не будет проблем. А если и возникнут, то нас защитит Шанга.

Валентин скорчил гримасу.

— Мне жалко этих несчастных ублюдков. Этот человек — демон,— он осторожно коснулся маленького шлема на голове.— Я не хотел бы повторения поединка, говорю тебе с уверенностью. Только если он будет связан, а я вооружен гранатами.

И снова Валентин бросил взгляд на врагов в шатре. Однако на этот раз скорее взгляд уважения, чем подозрительности.

— Ко мне хорошо относятся, полководец. Если хочешь знать правду, то носятся, как со знатным господином. Несколько раз сам Шанга приходил меня навестить. Даже Дамодара.— На лице Валентина появилось веселое выражение.— Этот маленький толстячок на самом деле — дружелюбный тип. Странно для малва. Даже есть чувство юмора. И неплохое.

Велисарий пожал плечами.

— Почему это странно? Малва — люди, Валентин, а не боги,— Велисарий сам бросил быстрый взгляд в шатер.— А значит, когда уляжется пыль, новые боги обнаружат, что малва их подвели. Они пытаются сделать идеальное из чего-то, что не только не является идеальным по природе, но должно быть неидеальным. Только неидеальные вещи могут расти и развиваться, Валентин. Стремление к идеалу так же глупо, как и бессмысленно. Ты только можешь создать статую — вещь, которая великолепно выглядит на пьедестале, но не очень хорошо выстоит на поле брани.

Велисарий перевел взгляд назад, на Валентина.

— Ты поклялся, как я предполагаю.

Валентин кивнул. На мгновение казалось, что ему неуютно. Он не стыдится, просто... ему неловко, как крестьянину в компании особ королевской крови. Люди класса и положения Валентина не дают клятвы с той же легкостью, как господа благородного происхождения.

— Да. Они перестали меня охранять. Но я должен был поклясться, что не предприму попытки убежать и не стану сражаться, если только в целях самообороны. И, конечно, мне придется с ними вернуться после этих переговоров.

Появилась звериная улыбка Валентина. Улыбка ласки.

— С другой стороны, они не заставляли меня клясться, что я буду молчать.— Он снова бросил взгляд на шатер.— Я узнал кое-

какие вещи, полководец. Быстро: ты был прав насчет оружейного комплекса Дамодары. Он в Марве, как и думал Васудева. У них вскоре будут собственные ручные пушки. Малва уже начали их производить в Каушамби. Но Дамодара хвастается, что у него будут свои, сделанные в Марве.

Велисарий покачал головой.

— Он не хвастался, Валентин,— и он сказал тебе не случайно. Он знает, что ты передашь информацию. Дамодара хочет, чтобы она до меня дошла.

Валентин нахмурился.

— Зачем ему это?

— Потому что он — умный человек. Достаточно умный, чтобы понять то, что понимает очень малое количество полководцев. Иногда выданная тайна служит так же хорошо, как сохраненная. Или даже лучше. Дамодара, вероятно, надеется, что я попытаюсь совершить набег на Марв после того, как он выгонит меня из Загроса. И сделаю я это скорее, чем стану отступать в Месопотамию. Город — оазис и я уверен, что он его укрепил, как челюсти Сатаны. Нас сожрут заживо, если мы попытаемся штурмовать то место, а остатки будут развеяны по пустыне.

Валентин прищурился, глядя на него так, словно у него опять двоилось в глазах. Его рука опять осторожно коснулась шлема.

— Боже,— пробормотал он.— Как ты только можешь так хитро мыслить? У меня голова болит только оттого, что я пытаюсь за тобой уследить.— Он зашипел.— И я все равно не понимаю, зачем это Дамодаре. Он не может на самом деле думать, что ты позаришься на приманку.

Велисарий пожал плечами.

— Вероятно,нет. Но никогда не знаешь. Почему бы не попробовать? — Он почесал подбородок.— Я думаю, этот человек во многом похож на меня. По крайней мере в некоторых вещах. Он любит окольные пути и не упускает из виду углы.

Валентин снова зашипел.

— Боже, у меня болит голова.

Велисарий взял Валентина под руку и повел к шатру. Когда они приближались медленным шагом, Валентин вспомнил кое-что еще.

— О, да. Маврикий был также прав насчет Нарсеса. Он...

Велисарий кивнул. Он уже заметил небольшую фигурку старого евнуха в тени шатра.

Полководец хитро улыбнулся.

— Подозреваю, что к этому времени всем парадом для Дамодары уже командует Нарсес.

Валентин улыбнулся тоже. у него получилась гримаса дружелюбного убийцы.

— Ты можешь поверить, насколько успешной оказалась атака? Знаешь ли — кавалерийская атака на лагерь малва, которую ты, вероятно, приказал устроить, даже хотя я никогда о ней не слышал, а все время находился рядом с тобой.

Велисарий сам улыбнулся.

— Это был прекрасный удар. Такой ослепительный, что ослепил даже мою память.

«И мою тоже,— вставил Эйд и сказал твердо: — Но я уверен: ты должен был приказать ее. И я абсолютно уверен, что атака оказалась потрясающе успешной».

— Убиты все главные шпионы Дамодары,— прошептал Валентин. Они находидлись возле шатра.— Злобные римляне перерезали им глотки. Очень аккуратно.

Теперь они заходили в шатер. Валентин отошел в сторону, и Велисарий широким шагом направился к низкому столику в центре. Дамодара и Шанга приветственно кивнули. Дамодара улыбался, Шанга сидел напряженно и торжественно. Нарсес устроился далеко от стола и смотрел гневно. Но он тоже кивнул.

Грациозно, с приобретенной после практики в Индии легкостью Велисарий сел в позу лотоса на одной из подушек.

Он не видел оснований терять время на бессмысленную дипломатическую болтовню.

— Какова цель этих переговоров? — спросил он. Предложение, несмотря на всю резкость слов, было не столько требованием ответа, сколько простым вопросом. Он интересовался.— Не вижу, чтобы у нас имелись для осбуждения военные вопросы.— Он кивнул на Валентина.— Если только вы не изменили решение насчет его выкупа.

Дамодара рассмеялся. Велисарий продолжал.

— Так какова цель разговоров? Вы пытаетесь пробраться в Месопотамию, я пытаюсь вас остановить. Если быть точнее, то замедлить ваше продвижение. Вам удалось почти выгнать меня из Загроса — теперь мы не так уж далеко от заливных лугов,— но я удерживал вас много месяцев. Это дало время императору Хусрау, и моему военачальнику Агафию, чтобы собрать римские силы в Месопотамии.

Велисарий пожал плечами.

— Я намереваюсь продолжать делать то же самое, вы намереваетесь продолжать делать свое дело. Раньше или позже — вероятно раньше — я откажусь от усилий и отступлю в Пероз-Шапур. Может быть, Ктесифон. Может, еще куда-то. Тогда мы встретимся на открытом поле. Я представляю, что вы с нетерпением этого ждете. Но вы не получите удовольствия и не насладитесь процессом, когда пробьет час битвы. Это я могу вам обещать.

Дамодара покачал головой, продолжая улыбаться.

— Я не просил этих переговоров для обсуждения военных вопросов.

Все еще улыбаясь, на самом деле очень весело, он продолжил:

— И я ни на минуту не сомневаюсь, что ты обеспечишь нам такую же трудную жизнь на равнине, как ты делал в горах.

Шанга фыркнул, как фыркает человек, который слышит объявление другого о том, что солнце встает на востоке.

— Я настаивал на этих переговорах, Велисарий, просто потому, что хотел с тобой встретиться. Наконец после всех этих месяцев. И также...

Господин из малва колебался.

— А также потому, что я подумал: мы можем обсудить будущее. Далекое будущее, я имею в виду, а не следующее непосредственно за настоящим.

«Прямое попадание. Разве я не гений, Эйд?»

«Настоящий гений, определенно,— тут же пришел ответ.— Но я все равно не понимаю, как ты догадался».

Велисарий склонился вперед, готовясь обсуждать будущее.

«Потому что господин Дамодара — человек. Самый лучший человек среди малва, поскольку он — единственный, кто не мечтает стать богом. Да, он следует за богами малва. Но, думаю, он начинает задумываться, как его глиняные ступни выдержат этот марш».

— Господин Дамодара,— начал Велисарий.

Полководец протянул руку и начал расстегивать тунику. Под материей, в кожаном мешочке лежало и ждало будущее. Как тигр, спрятавшийся в засаде.

«Давай, Эйд».

В ответе не было неуверенности. Ни сомнения, ни удивления.

«Я прочищу им часы,— ментально сказал Эйд, а потом добавил: — Скорее, отполирую их циферблаты».

* * *

Велисарий протянул Эйда Дамодаре. Господин из малва протянул руку, но в последний миг отдернул ее. Частично его отказ основывался на простом автоматическом недоверии. Но только отчасти. Он не думал, что Велисарий собирается отравить его каким-то таинственным магическим кристаллом. Дамодара верил в глубине души, что Велисарий говорит правду о невероятном — камне? — который лежал у него на руке.

Нет, настоящая причина, по которой Дамодара не мог заставить себя взять камень, заключалась в том, что он наконец понял: он не хочет знать будущее. Он лучше будет сам создавать его. Может,

плохо; может, вслепую; но своими руками. Пухлыми, непривлекательными руками. Ничем не напоминающими крепкие, сильные, мускулистые руки римского полководца или царя раджпутов. Но они были *его* руками, и он в них верил.

Шанга даже не испытывал искушения.

— Я видел будущее, Велисарий,— заявил он торжественно.— Линк показал его мне.— Раджпут кивнул на Эйда.— А этот покажет мне что-то другое?

Велисарий покачал головой.

— Нет. Я уверен: будущее — если Линк и новые боги не изменят его, используя малва как свой инструмент,— будет точно такое, как Линк показал тебе. Место хаоса и беспорядка. Мир, где люди — больше не люди, а чудовища. Вселенная, где нет ничего чистого и все загрязнено.

Велисарий поднял руку и широко расставил пальцы. Эйд светился и блистал, как самый идеальный в мире драгоценный камень.

— Это тоже вещь из загрязнения. Чудовище. Разумное существо, созданное из болезни. Самой худшей болезни, которая когда-либо поражала Вселенную. И тем не менее...

Велисарий посмотрел вниз на Эйда.

— Разве он не красив? Он подобен алмазу, сотворенному из загнивающих отходов.

Велисарий закрыл пальцы. Мерцающий свет Эйда больше не освещал шатер. И римский полководец, наблюдая за лицами своих врагов, знал: он — не единственный, кому не достает великолепия.

Он повернулся к Дамодаре.

— У тебя есть дети?

Господин из малва кивнул.

— Трое. Два мальчика и девочка.

— Они родились идеально? Или они родились все в крови, с болью и потом твоей жены и твоим страхом?

Тень пробежала по лицу римлянина.

— У меня нет своих детей. Моя жена Антонина больше не может их иметь. В те дни, когда она была куртизанкой, после того, как она родила одного сына, ее порезал человек, который хотел стать ее сутенером.

Эта суровая правда, которая говорилась человеком о собственной жене, не казалась странной его врагам в шатре. Они знали историю — Нарсес поведал детали, до которых еще не докопалась шпионская сеть малва. Тем не менее они также знали, с такой же уверенностью, как о восходе солнца, что римлянина не волнуют ни стыд, ни позор. Не потому, что он не знает о прошлом своей жены, а просто потому, что оно его не волнует. Не больше, чем жемчуг в раковине волнуется о том, что получился из отходов.

Тень прошла, солнечный свет вернулся.

— Тем не менее этот мальчик — этот незаконнорожденный ребенок, зачатый от клиента проститутки,— на самом деле стал моим сыном. Он так же дорог мне, как если бы был моим. Почему так получилось, как вы думаете?

Велисарий уставился на красоту, спрятанную у него в ладони.

— Это — чудовище — тоже стало мне, как сын. А почему, как вы думаете? — Когда римский полководец поднял лицо, оно было абсолютно спокойным.— Причину, господин из малва и царь Раджпутаны, объяснил мне Рагунат Рао. В видении о нем, которое показал мне Эйд. В нем Рао танцевал в честь славы времени. В конце только душа имеет значение. Все остальное — суета сует.

Велисарий повернулся к Ране Шанге.

— Моя жена — очень красивая женщина. А твоя, царь Раджпутаны?

Шанга уставился на римлянина. Велисарий никогда не встречался с женой Шанги. На мгновение Шанга со злостью подумал, не могли ли римские шпионы...

Но отмахнулся от подозрения. Велисарий, как он понял, просто догадался. Он просто ищет любой угол, с которого нанести удар копьем.

— Она полная и у нее некрасивое лицо,— резко ответил Шанга.— Ее волосы поседели к тридцати годам.

Велисарий кивнул. Открыл руку. Красота снова вошла в шатер.

— Тогда ты обменяешь ее на мою?

Сильные пальцы Шанги сомкнулись на рукоятке меча. Но через мгновение злость прошла, и Шанга просто погладил рукоятку. Как человек, который успокаивается от ощущения старой, знакомой, верной вещи. Лучшая сталь в мире производится в Индии. Эта сталь спасала его столько раз, что он уже сбился со счета.

— Она — моя жизнь,— сказал раджпут тихо.— Мать моих детей. Радость моей молодости и уверенность моей зрелости. Точно так же, как она будет успокоением моей старости.

Левая рука Шанги поднялась вверх и осторожно погладила новый шрам, который на его щеке оставил Валентин. Шрам все еще выглядел ужасно, поскольку был свежим, но даже после того, как краснота спадет, лицо Шанги останется изуродованным. Когда-то он был красивым мужчиной. Но больше — нет.

— Конечно, предполагая, что я доживу до старости,— сказал он и уныло улыбнулся.— И что моя жена не сбежит в ужасе, когда увидит великана-людоеда, заходящего в ее дверь.

И снова на мгновение пальцы его правой руки сжались на рукоятке меча. Сильные пальцы. Улыбка Шанги исчезла.

— Я не обменяю ее даже на богиню.— Слова были стальными, как его клинок.

— А я и не думал,— пробормотал Велисарий. Он убрал Эйда назад в мешочек и заново застегнул тунику.— Я и не думал,— повторил он, встал и поклонился Дамодаре.— Насколько я понимаю, наши дела закончены.

Велисарий был высоким мужчиной. Не таким высоким, как Шанга, но достаточно высоким, чтобы нависать над Дамодарой, как гигант. Он также был крупным мужчиной. Конечно, не таким могучим, как Шанга, но гораздо более впечатляющей фигурой, чем невысокий и пухлый господин из малва, который сидел на подушке перед ними.

Это совсем не имело значения. Господин Дамодара посмотрел на римского полководца спокойным взглядом Будды.

— Да, полагаю, что так,— любезно согласился он. Дамодара сам встал и поклонился Велисарию. Затем слегка повернулся и показал на Нарсеса.— Кроме...

Дамодара улыбнулся. Сам образ Будды.

— Ты попросил, чтобы Нарсес присутствовал. Как я предполагаю, на то имелась причина.

Велисарий осмотрел евнуха. На протяжении переговоров Нарсес молчал. Он и теперь продолжал молчать, хотя встретился со спокойным взглядом Велисария тем же гневным взглядом, которым поприветствовал его, когда Велисарий только вошел.

— Я хотел бы поговорить с Нарсесом с глазу на глаз,— сказал Велисарий.— С твоего разрешения.

Увидев недоверие в глазах Дамодары, Велисарий покачал головой.

— Я уверяю тебя, господин Дамодара: ничто из того, что я намерен обсуждать с Нарсесом, не принесет тебе зла.

Он ждал, пока Дамодара обдумывал вопрос.

«Это было красиво грамматически построенное предложение»,— с восхищением заметил Эйд.

«Я — отличный грамматист. Мой отец не жалел денег на мое образование. Я знаю, *как* формулировать мысль».

Дамодара все еще колебался. Искал окольные пути, где бы они ни пролегали, проклятые. Дамодара ни на мгновение не сомневался, что Велисарий задумал какую-то хитрость.

— Я тебе в этом поклянусь, если желаешь,— добавил Велисарий.

«О, это прекрасно. Ты умен, дедушка. Не позволяй никому говорить тебе обратное».

Велисарий чуть скромно не пожал плечами. Но долгий опыт научил его держать беседы с кристаллом в тайне от окружающих.

«Я — человек чести. Я никогда не считал, что не могу использовать свою честь на практике. Мы, римляне, еще более практичны, чем малва. Гораздо больше, в особенности когда коса находит на камень».

Предложение, казалось, удовлетворило Дамодару.

— Нет необходимости,— сказал он любезно. И снова поклонился Велисарию. Затем, взяв Шангу под руку, вышел из шатра.

Велисарий с Нарсесом остались вдвоем. Нарсес наконец заговорил.

— Черт тебя побери. Что ты хочешь?

* * *

Велисарий улыбнулся.

— Я просто хотел рассказать тебе о твоем будущем, Нарсес. Думаю, я обязан сделать это, за то, что ты спас Феодоре жизнь.

— Я не делал это для *тебя*. Черт тебя побери.

Гневный взгляд старого евнуха был удивительным. Великолепным сам по себе, как ослепительное блистание Эйда. Чистая враждебность, такая чистая, как алмаз, выкованный из злобы, зависти и ненависти к себе протяженностью в жизнь.

— Да и какое мне дело? — спросил евнух. И ухмыльнулся.— Что? Ты собираешься сказать мне — что я старый человек, прямо на краю могилы? Я уже это знаю, ты, ублюдок. Я все равно буду делать твою жизнь настолько несчастной, насколько смогу. Даже в то время, пока на меня примеряют саван.

Улыбка Велисария в своем роде тоже была поразительной.

— Совсем нет, Нарсес. Как раз наоборот.— Он постучал по мешочку у себя под туникой.— Конечно, будущее изменилось, по сравнению с тем, которым оно должно было бы быть. Но кое-что останется тем же. Например, естественная продолжительность жизни человека.

Нарсес гневно смотрел на него. Улыбка Велисария сошла с лица, и ее заменило... сожаление? Жалость?

— Такая потеря,— пробормотал он. Затем заговорил более громко.— Я скажу тебе правду, евнух Нарсес. Я клянусь в этом перед Богом. Ты переживешь меня, а я не умру молодым.

Появилась хитрая улыбка.

— По крайней мере от естественных причин. Кто знает, что случится в этом мире, который мы создаем? Но в будущем, которое бы было, я умер в шестьдесят лет. Ты все еще жил.

Челюсть Нарсеса отвисла.

— Ты серьезно?

На мгновение привычная подозрительность Нарсеса исчезла. На это мгновение — очень короткое — морщинистое и чешуйчатое лицо снова стало лицом ребенка. Мальчика — до того, как его кастрировали и бросили в полную горечи жизнь.

— Ты в самом деле говоришь правду?

— Я клянусь тебе, Нарсес, перед самим Богом, что говорю правду.

Подозрение вернулось, подобно оползню.

— Почему ты мне это говоришь? — спросил Нарсес.— И только не надо нести мне чушь. Я знаю, насколько ты хитер. Здесь есть какая-то ловушка.

Гневные глаза евнуха обвели шатер и видимый сквозь проем пейзаж, словно в поисках ловушки.

— Конечно есть, Нарсес. Думаю, это очевидно. Амбиции.

Взгляд Нарсеса резко вернулся к Велисарию.

— Такая потеря,— повторил Велисарий. Затем сказал твердо и уверенно: — Я прощаю тебе твое предательство, евнух Нарсес. Феодора не простит, потому что она не может отбросить свою злобу и неприязнь. Но я могу и делаю. Теперь я клянусь тебе перед Богом, что прошлое прощено. Я только прошу в ответ, чтобы ты оставался верен тому единственному, что привело тебя к предательству. Твоим амбициям.

Велисарий развел руки, словно гигант, держащий невидимый мир.

— Не думай мелко, Нарсес. Не удовлетворяйся мелкой амбицией свалить *меня*. Мысли по-крупному.— Улыбка вернулась.— Почему бы и нет? У тебя все еще есть по крайней мере тридцать лет, чтобы насладиться плодами твоих трудов.

Нарсес быстро бросил взгляд на Рану Шангу. Царь раджпутов стоял снаружи, возможно в сорока футах. Они с Дамодарой дружелюбно болтали с Валентином.

— Не дури,— прошипел он.— Да, я очистил гнездо Дамодары. Он устал до смерти от шпионов Нанды Лала, наблюдавших за каждым его шагом. Но... больше, чем это?

Ухмылка вернулась с полной силой.

— Это армия раджпутов, Велисарий, на тот случай, если ты не заметил. Эти сумасшедшие ублюдки так же склонны нарушать клятву, как ты. Они поклялись в вечной верности императору малва, и этим все сказано.

Велисарий почесал подбородок и хитро улыбнулся.

— Да, поклялись. Но я предлагаю тебе, если ты этого еще не сделал, исследовать природу этой клятвы. Знаешь ли, клятва клятве рознь. В прошлом году я попросил Ирину точно выяснить для меня, в чем поклялись цари Раджпутаны в Аджмере, когда наконец стали союзниками малва.

Улыбка стала очень хитрой.

— Они поклялись в вечной верности *императору малва*, Нарсес.

Велисарий собрался уходить. У края шатра, в отбрасываемой им тени, он остановился и повернулся.

— Кстати, Шандагупта не упоминался. Никаких имен, Нарсес. Просто: императору малва.

Он тогда чуть не рассмеялся, увидев лицо Нарсеса. И снова это было лицо маленького мальчика. Однако не лицо доверчивой невинности. Это было горящее готовностью лицо жадного ребенка, увидевшего торт, который его мать только что поставила перед ним в честь дня его рождения.

Ребенка, которого ждет еще много дней рождений. Много, и много тортов.

* * *

На пути назад, когда они ехали по неровной почве, Эйд послал только один ментальный импульс.

«Смертельны удары Велисария».

Глава 23

Как только Велисарий зашел в командный шатер, то все понял. Улыбающиеся лица его военачальников служили достаточным свидетельством. Глубокая гримаса недовольства Маврикия — доказательством.

Увидев это недовольное выражение, Велисарий засмеялся.

— В чем дело, старый ворчун? — спросил он.— Признай правду — ты просто не терпишь, когда планы исполняются, и все идет хорошо. Это против твоей веры.

Маврикий изобразил улыбку, в некотором роде. Если бы лимон мог улыбаться.

— Это неестественно,— проворчал хилиарх.— Против законов человека и природы.— Он поднял в руке свиток и протянул Велисарию. Затем, пожимая плечами, сказал: — Но, очевидно, это не против законов Божьих.

Велисарий с готовностью развернул свиток и просмотрел содержание.

— Ты это прочитал.— Слова прозвучали, как утверждение, не вопрос.

Маврикий кивнул и показал на других офицеров.

— И передал им суть.

Велисарий бросил взгляды на Кирилла, Бузеса и Кутзеса и Васудеву. Грек, два фракийца и кушан, но они вполне могли быть горошинами в одном стручке. Все четверо улыбались. Частично от удовлетворения, увидев, как выполняются планы. В основном от чистого удовольствия, поскольку наконец покончили с маневрами. Конечно, за исключением одного последнего, тяжелого марша — но это будет путь к битве. Они нисколько не сомневались, что этот марш окончится триумфом. Их армия была армией Велисария.

Одна горошина в стручке немного отличалась от других. Улыбка кушана была такой широкой, что, казалось, его лицо сейчас разорвет. Велисарий сурово посмотрел на него и предостерегающе потряс свитком.

— Шлемы остаются на головах, пока мы не зайдем достаточно далеко в кванат, Васудева. Любой кушан, который только расстегнет пряжку до того, как мы спустимся вниз... Я посажу его на кол. Клянусь, что посажу.

Улыбка Васудевы не сошла с лица, даже не стала менее широкой.

— Не беспокойся, полководец. Мы планируем религиозную церемонию после того, как спустимся вниз. Выложим огромную кучу вонючей-трахнутой-глупой варварской дряни. Произнесем короткую молитву, проклиная это дерьмо и обещая ему вечное забытье.— Он виновато развел руками.— Конечно, по праву мы должны бы их сжечь. Но...

Кутзес рассмеялся.

— Маловероятно! Если ты только не хочешь, чтобы мы все задохнулись в дыму. И так будет тяжело дышать, когда десять тысяч человек станут пробираться по туннелю. Даже отправляя их партиями, мы будем частично задыхаться.

Удовлетворенный Велисарий вернулся к изучению свитка. Однако на самом деле он не читал слов. Послание было таким коротким, что не требовалось особого изучения. Просто дата и приветствие.

Его глаза зафиксировались на приветствии, как усоногий рак прикрепляется к камню.

— Слава Богу, мы покончили с этими горами,— заявил Бузес.

— И с этими упрямыми ублюдками раджпутами! — радостно согласился его брат.

На глаза Велисария навернулись слезы.

— Это послание означает кое-что, гораздо более важное для меня,— прошептал он и погладил лист.— Оно означает, что моя жена все еще жива.

Увидев счастье на лице Велисария, его военачальники замолчали. Затем, откашлявшись, Кирилл пробормотал:

— Да. Вполне вероятно.

Велисарий внимательно посмотрел на греческого катафракта. Выражение Кирилла, как он видел, отражалось на лицах братьев и Васудевы. Неуверенность, надежда ради их полководца, но... но...

— На войне случается всякое,— заявил Велисарий, обращая сомнения в слова.— Может, Антонина и мертва. Может, послание отправил Ашот, сообщая нам, когда флот тронется из Асэба.

Он посмотрел на Маврикия. Хилиарх теперь улыбался, точно так же широко, как до него улыбался Васудева. В этом веселом выражении не осталось и следа ветеранского пессимизма.

Велисарий тоже улыбнулся.

— Скажи им, Маврикий.

Маврикий откашлялся.

— Ну, это так, парни. Я только передал вам суть самого послания. Да, определенно, Ашот мог его отправить. Мог его отправить, стоя над окровавленным трупом Антонины. Но я на самом деле сомневаюсь, что тот щетинистый ублюдок стал бы обращаться к полководцу, как... я цитирую: «дорогой и любимый». Даже хотя он и армянин.

Шатер взорвался хохотом. Велисарий весело к нему присоединился, но его глаза оставались прикованными к свитку.

«Дорогой и любимый». Эти слова растекались по его душе, подобно вину. Стоя в шатре, среди горной системы Загрос, он чувствовал себя так, словно парил в небесах.

«Дорогой и любимый».

* * *

Они отправились на юг через два дня. Велисарий подождал, пока не закончилась следующая кавалерийская стычка. Просто быстрое столкновение в ближайшей долине между тридцатью римлянами и таким же количеством раджпутов. Ничем не отличающееся от дюжины других — даже сотни других,— которые имели место на протяжении последних нескольких месяцев.

Эта стычка, как обычно случалось после битвы на перевале, оказалась почти бескровной. Ни одна сторона больше не пыталась перебить другую. Они просто поддерживали контакт, демонстрируя, что каждая армия знает месторасположение другой.

Никого из римлян не убили. Только один получил серьезные ранения, но поклялся, что сможет отправиться в поход.

— Это только рука, полководец,— сказал он, приподнимая сильно забинтованную конечность.— Даже не повреждена кость. И крови я потерял немного.

У Велисария имелись сомнения. Но, увидев целеустремленность на лице катафракта, он решил взять его с собой. Армию только что информировали, на рассвете, о новом направлении. Раненый катафракт хотел остаться со своими товарищами. В худшем случае раненый все равно не свалится за несколько дней. А этого вполне достаточно.

Полководец выпрямился.

— Хорошо,— сказал он и посмотрел на катафракта. Его взгляд не был мрачным, просто стоическим.— Если случится худшее, то ты окажешься в руках раджпутов.

Катафракт пожал плечами. Очевидно, его не приводила в ужас эта перспектива. И у него не имелось на то оснований. Конфликт

между двумя армиями, даже до битвы на перевале, был цивилизованным. После той битвы он стал рыцарским. Раджпуты станут относиться к человеку так же, как солдаты Велисария относились к пленным раджпутам.

Вспомнив об этих пленниках, Велисарий сам пожал плечами.

— А если уж до этого дойдет, то я просто оставлю тебя позади с пленными раджпутами,— сказал он.— Достаточно глубоко в кванате, что Дамодара не найдет тебя, пока не будет слишком поздно, и с достаточным количеством еды. Конечно, вода тебе не потребуется.

При упоминании воды катафракт скорчил легкую гримасу. Весенние потоки давно закончились, но кванат все равно оставался по крайней мере на фут заполнен водой. Несмотря на все свое желание покинуть горы, никто из солдат не испытывал радости при мысли о долгом марше по туннелю. Какая радость идти по узким выступам по бокам, чтобы ноги не промокли в воде, которая бежала по центральному желобу?

Подошел Маврикий.

— Сейчас,— сказал он.— Нельзя выбрать лучшего времени.

Велисарий кивнул. Стояла только середина утра дня после столкновения кавалеристов. Наездники-раджпуты должны были вернуться к своей армии и сообщить Дамодаре о местонахождении римлян. Они не появятся, по крайней мере, день, вероятно, два. Достаточно долго.

— А люди?..

— Готовы,— тут же ответил Маврикий.— Ждут только приказа.

Велисарий сделал глубокий вдох, наполняя легкие воздухом.

— Пора,— сказал он.

Надо действовать быстро, пока чистый горный воздух оживляет его и укрепляет намерение. Вскоре он будет хватать ртом воздух в кванате и потеть во влажной дымной темноте. Один из тысяч людей, которые, шатаясь, пойдут по туннелю шириной в восемь футов, по пути, едва освещенном несколькими факелами.

Через несколько минут римский лагерь напоминал гудящий улей. Длинные колонны солдат на лошадях стали спускаться вниз в долину, направляясь в другую маленькую долину в двух днях пути. Та долина тоже бурлила от активности. Куруш и его шахтеры уже несколько недель готовили обманный маневр.

Велисарий ждал до самого конца, потом сел в седло и последовал за своей армией. Он понял, как сильно ему будет недоставать гор. Странно, думал он, после того, как он столько раз их проклинал. Но горная система Загрос оказалась к нему милостива, в общем и целом. И ему будет недоставать чистого воздуха. Но Велисарий отогнал все сожаления. Помог Эйд.

«Подумай о морском ветерке. Подумай о чайках, которые парят в голубом небе. Подумай о...»

«Черт побери это все! — весело ответил Велисарий ментально.— Все, о чем я хочу думать,— это Венера, поднимающаяся из пены морской».

И эта мысль поддерживала его на протяжении долгих, тяжелых дней впереди. Его жена, идущая ему навстречу через море.

«Дорогой и любимый».

Они встретятся в месте под названием Харк. Месте, где Велисарий копьем проткнет брюхо дракона и покажет новым богам, что они тоже, несмотря на свои мечты об идеальности, все еще нуждаются в кишках.

Харк. Велисарий выжжет это название в вечности.

Но название для него ничего не значило. Это просто место, где Венера поднимется из пены морской. Название, которое важно только потому, что мужчина обнимет там жену, как и многие мужчины, на протяжении многих лет, в стольких местах обнимали жен после долгой разлуки. Ничего больше.

«Так сделана вечность,— мягко сказал Эйд.— Из простой глины, и ничего больше».

Глава 24

Махараштра
Лето 532 года н.э.

Ирина прошептала несколько слов в ухо своему агенту. Мужчина кивнул, поклонился и вышел из комнаты. Ирина закрыла за ним дверь.

Кунгас проигнорировал разговор. Он склонялся над читальным столиком в покоях Ирины, осторожно писал задание, которое она ему дала, и, казалось, абсолютно не обратил внимания на прибытие шпиона и его перешептывания с Ириной. Но в тот момент, когда шпион ушел, Кунгас поднял голову и вопросительно посмотрел на гречанку.

Увидев выражение на ее лице, он отвернулся от стола.

— Что-то не так? — спросил он.

Ирина уставилась на него, ее лицо ничего не выражало. Кунгас встал со стула. У него на лице отразилось легкое беспокойство — он нахмурился.

— Что случилось?

Ирина покачала головой.

— Ничего,— ответила она.— Ничего плохого.

С видом женщины, озабоченной чем-то, она прошла к окну. Кунгас оставался на месте, провожая ее только глазами.

У окна Ирина положила руки на подоконник. Потом склонилась вперед, подставляя лицо легкому, летящему с океана ветерку, закрыла глаза. Ее густые, роскошные каштановые волосы легко шевелились на ветру.

За ее спиной, невидимые ей, двигались руки Кунгаса. Они поднимались, словно желая погладить и приласкать. Но движение продолжалось недолго. Через несколько секунд его руки опять лежали спокойно на коленях.

Ирина отвернулась от окна.

— Мне нужен твой совет,— тихо сказала она.

Кунгас кивнул. Жест, как и весгда, был экономичным. Но сам он напрягся, глаза смотрели внимательно.

На мгновение ее мысли ушли в сторону, на горящее огнем место у нее в сердце. Ирина наслаждалась собственными словами. «Мне нужен твой совет». Простые слова. Но слова, которые, если не считать Велисария и время от времени Юстиниана, она никогда не говорила мужчине. Мужчины, как правило, не дают советов женщинам. Они снисходят, или указывают, или тщеславно болтают, или пытаются совратить. Но они редко просто советуют.

Ирина больше не помнила, сколько раз произносила эти слова Кунгасу. И сколько раз после сражения, когда они разрушили осадные орудия малва, он просто давал советы.

Чистой силой воли Ирина заставила свои мысли вернуться в реальность, отвлечься от того уголка у себя в сердце. Огонь оставался там, но его на какое-то время окружила насыпь.

Она покачала головой и улыбнулась.

— Что тебя так веселит? — спросил Кунгас.

— Просто вспомнила нашу первую встречу. Мне казалось, что ты очень уродлив.

Его губы слегка пошевелились — это движение служило Кунгасу улыбкой.

— Но, надеюсь, больше так не думаешь?

Она не ответила. Но Кунгас не упустил легкое подергивание ее рук. Словно она тоже хотела гладить и ласкать.

Ирина откашлялась.

— Есть новости. Новости, касающиеся семьи Дададжи. Мои люди обнаружили местонахождение его сына. Место, где он *был*, мне следует сказать. Похоже, несколько месяцев назад сын Дададжи вместе с группой рабов убежал с плантации своего хозяина в Восточной Индии. Очевидно, он был предводителем. А потом, судя по отчету, присоединился к одной из банд мятежников в лесу.

Кунгас хлопнул в ладоши. На мгновение маска исчезла. Его лицо светилось чистой радостью.

— Как здорово! Дададжи будет в экстазе!

Ирина предупреждающе подняла руку.

— Ему угрожает серьезная опасность, Кунгас, и я ничего не могу сделать, чтобы помочь ему. Малва направляют войска в леса, поскольку наконец поняли, что больше не могут отмахиваться от мятежников, как от обычной шайки разбойников.

Кунгас пожал плечами.

— И что? Парень умрет с оружием в руке, борясь с асурами, которые опустошают его родину. Это в худшем случае. Ты думаешь, это разорвет сердце Дададжи? Ты на самом деле его не понимаешь, Ирина. Под внешностью мягкого ученого скрывается человек Великой Страны. Он проведет погребальные обряды, будет плакать — в то время, как его сердце поет от радости.

Ирина уставилась на него. Вначале скептически. Затем кивнула и положилась на его мнение (а ей нравилось полагаться на его мнение.)

— Это не все,— добавила она.— И это больше, чем новость.— Она сделала глубокий вдох.— Мои шпионы также нашли его жену. Она — рабыня в кухне господина благородного происхождения, прямо в Каушамби. Следуя моим указаниям, они решили, что ее можно выкрасть. В столице малва господа благородного происхождения не очень сурово охраняют свои особняки,— она фыркнула и усмехнулась.

Глаза Кунгаса округлились. У другого человека они фактически вылезли бы из орбит.

Ирина рассмеялась.

— О, да. Она здесь, Кунгас. В Сурате.— Гречанка кивнула на дверь.— На самом деле в этом доме. Мой человек держит ее внизу, в гостиной.

Теперь даже легендарный самоконтроль Кунгаса ломался.

— Здесь? — Он глубоко вздохнул, уставился на дверь и приподнялся, словно готовясь сорваться с места.— Мы должны немедленно отвести ее к Дададжи! Он будет так...

— Прекрати!

Кунгас пошатнулся и остановился. Мгновение он хмурился, глядя на Ирину в непонимании. Затем, когда пришло понимание, выражение его лица изменилось. Или он, по крайней мере, решил, что все понял.

— Ее изуродовали,— заявил он.— Возможно, обесчестили. Ты боишься, что Дададжи...

Ирина издала удивленый смешок.

— Нет. Нет.— Она успокаивающе улыбнулась.— С ней все в порядке, Кунгас, по отчету моего агента. Конечно, она очень устала. Он сказал, что она заснула через несколько секунд после того, как оказалась на диване. Путешествие было долгим и утомительным,

а жизнь раба — сплошная тяжелая работа. Но она в порядке. Что касается другого...

Ирина помахала рукой, словно успокаивая беспокойного ребенка.

— Мой шпион говорит, что ее никто не насиловал, даже ее хозяин. Знаешь ли, она — не молоденькая девушка. Она одного возраста с Дададжи.

Ирина отвернулась, ее челюсти сжались.

— Когда после покорения Андхры появилось столько молодых рабынь, которых можно насиловать, пожилых просто бьют, пока они не станут покорными.— Ее следующие слова были холодными, наполненными горечью столетий. Греческих женщин тоже насиловали, достаточно часто. И они слушали греческих мужчин и греческих поэтов, которые хвастались троянскими женщинами.— Даже Дададжи не станет считать это осквернением.

— Тогда почему бы сразу не позвать Дададжи? — резко спросил Кунгас.

Ирина сделала глубокий вдох и покачала головой.

— Как такой умный человек может быть таким глупым?

Кунгасу потребовалась секунда, может две, чтобы наконец понять причину ее беспокойства.

— А...— он мгновение смотрел в окно.— Понятно.

Кунгас посмотрел вниз на свои руки и широко развел пальцы.

— Сегодня вечером императрица созывает совет. Она говорит, что окончательно решит, какое брачное предложение принять.

Пальцы сложились в кулаки. Кунгас посмотрел вверх на Ирину.

— Тогда ты впервые объявишь свое мнение. И ты не хочешь, чтобы Дададжи воздержался от отстаивания своего, потому что считает себя твоим должником.

Она кивнула. Кунгас усмехнулся.

— Я никогда не мог представить, что у лучшей римской шпионки такой суровый кодекс чести.

Ирина саркастически посмотрела на него.

— Не хочу лишать тебя иллюзий, Кунгас. Я делаю это не из чести, а из простой...— она замолчала. Когда заговорила снова, то едкий сарказм ушел из ее голоса.— В некоторой степени да. В некоторой.— Она вздохнула.— Дададжи трудно манипулировать даже мне. Это все равно, что интриговать против святого.

Ирина подняла руку и вытерла лицо. Вернулась начальница шпионской сети.

— Но это все равно не главная причина. Дело это государственное. Какое бы решение ни приняла императрица, оно будет неизменяемым. Ты знаешь Шакунталу, Кунгас. Она, как я думаю, такая же умная, как Юстиниан.

Ирина засмеялась резко.

— У нее определенно сила воли Феодоры.— Затем, качая головой, она добавила: — Но она все еще девочка во многих смыслах. Если она обнаружит в будущем, что один из ее ближайших советников — он ей, как отец, и ты это знаешь — не дал совет по такому критическому вопросу...— Качание головой стало яростным.— Нет, нет, нет. Подобное потрясет ее уверенность в себе до самых корней. А *это* мы не можем позволить. Она может принять неправильное решение. Правители часто так делают. Но ее уверенность никогда не должна покачнуться — или все будет потеряно.

Кунгас смотрел на нее, склонив голову набок.

— Я тебе когда-нибудь говорил, что ты — очень умная женщина?

— Несколько раз,— ответила Ирина и улыбнулась. Она сама склонила голову набок и вопросительно посмотрела в его веселые глаза.— Ты все равно все еще не спросил,— тихо сказала она.— Какое у меня мнение. Странно, но мы никогда не обсуждали этот вопрос.

Кунгас развел руками.

— Почему это странно? Я знаю твое мнение, точно так же, как ты знаешь мое.

Он опустил руки и поднял плечи.

— Это очевидно. У меня даже есть надежда, что после того, как мы объясним нашу точку зрения, то убедим и Дададжи.

Ирина фыркнула. Кунгас улыбнулся, но покачал головой.

— Думаю, ты слишком скептически настроена.— Широкие тяжелые плечи расправились.— Но мы вскоре узнаем.

Он начал двигаться к двери.

— Я думаю, Ирина, будет лучше, если ты выступишь первой.

— Согласна. Удар получается сильнее, если приходит из неожиданного источника. Конечно, ты выступишь тоже, в нужное время.

Он не потрудился ответить. Не было необходимости. Мгновение, не произнося ни слова, мужчина и женщина в комнате вместе наслаждались пониманием этого.

Кунгас подошел к двери. Но Ирина заговорила до того, как он ее открыл.

— Кунгас.— Он повернул голову. Ирина показала на письменный стол.— Ты теперь можешь читать. Достаточно хорошо на кушанском, и твой греческий становится приемлемым. Пишешь ты пока еще плохо, но это только вопрос практики.

Его глаза устремились на стол и задержались там на мгновение. Затем закрылись.

— Почему, Кунгас? — спросила она. Ее голос был ровным, но окрашенным беспокойством. И, да, каким-то количеством боли и злости.— Моя постель всегда открыта для тебя. Но ты ни разу не пришел. Ни разу, за недели после битвы.

Кунгас открыл глаза. Когда он посмотрел на Ирину, глядел он спокойно. Спокойно и уверенно.

— Пока нет.

Взгляд Ирины не был таким спокойным.

— Я не девственница, Кунгас,— сказала она. Возможно, со злобой или просто просяще.

Маска на лице Кунгаса сломалась. Ирина сдержала глубокий вздох. Она никогда не видела, чтобы Кунгас по-настоящему улыбался.

— Я и не думал, что ты девственница! — выпалил он. Потом опустил голову и потряс ею, как бык.— Шокирующая новость. Она меня ужасно расстроила. Ты не поверишь, как я огорчен и разочарован! О, что мне делать?

Несмотря на сильное напряжение, Ирина не могла сдержать смех. Кунгас поднял голову, все еще улыбаясь.

Но в ее глазах оставался вопрос. Кунгас сделал несколько шагов вперед, протянул руку и привлек ее голову к своему плечу.

— Я должен вначале сделать это, Ирина,— тихо сказал он, поглаживая ее волосы.— Я не могу...— он замолчал, подыскивая слова.— Я не могу заниматься своими нуждами, пока нужды императрицы все еще остаются неудовлетворенными. Теперь я уже слишком долго ее охранял. А эта борьба, как я думаю, для нее самая отчаянная. Я должен проследить, чтобы она в безопасности прошла сквозь нее.

Ирина почувствовала, как его грудь легко вздымается от мягкого смеха.

— Называй это моей дхармой, если хочешь.

Ирина кивнула, ее голова все еще лежала на плече у Кунгаса. Она протянула руку и погладила его шею сзади. Нежные пальцы плясали на его крепких мышцах.

— Я понимаю,— прошептала Ирина.— Пока я понимаю.— Она один раз рассмеялась сама, очень тихо.— Но мне может снова потребоваться успокоение, учти. Если это будет и дальше продолжаться.

Ирина знала, что Кунгас улыбается.

— Недолго, я думаю,— услышала она его слова.— Знаешь ли, девушка она решительная.

Ирина вздохнула и прекратила гладить шею Кунгаса. Мгновение спустя она крепко положила руки ему на грудь, отодвигая его от себя.

— Да,— прошептала она.— Она определенно решительная.

Теперь Ирина оттолкнула его.

— Тогда иди. Я увижу тебя сегодня вечером на совещании.

Он церемонно поклонился.

— Приготовься сражаться, Ирина Макремболитисса. Дракон индийских предрассудков ждет твоего римского копья.

Веселье вернулось с полной силой.

— Какая смехотворная метафора! Тебе пора снова заняться чтением, глупый варвар!

Глава 25

Был поздний вечер, когда Ирина заговорила. Совещание продолжалось уже несколько часов.

Ирина вытянула шею, поворачивая голову в одну и другую сторону. Внешне это казалось жестом человека, который просто потягивается, чтобы оставаться внимательным во время долгого, очень долгого совещания советников императрицы.

На самом деле она пыталась не улыбнуться образу, который возник у нее в сознании.

«Это не „совещание". Это — улыбка, убирайся, убирайся! — чертов проклятый аукцион».

Ее глаза остановились на императрице. Шакунтала сидела напряженно с прямой спиной на подушке, положенной на трон. Сам трон был широким и низким. В позе лотоса, с руками по бокам Шакунтала напоминала Ирине статую богини на алтаре. Девушка поддерживала эту позу и суровое выражение лица на протяжении всего совещания — казалось, совсем без усилий. Как знала Ирина, эта самодисциплина была одним из многих подарков девочке Рагуната Рао.

Ирина легко покачала головой.

«Прекрати думать о ней, как о „девочке". Теперь это женщина. Да, ей не больше двадцати, и она все еще девственница. Но тем не менее женщина».

За долгие месяцы — теперь уже почти год — с тех пор, как Ирина приехала в Индию, она очень полюбила Шакунталу. В частной жизни повелительное, императорское поведение Шакунталы превращалось в нечто совсем другое. Все равно оставались железная воля и уверенность в себе, которые посрамили бы слона. Но также присутствовали и юмор, и быстрый ум, и добродушное подшучивание, и готовность слушать, и принятие человеческих слабостей. И это тоже было наследство от Рагуната Рао.

Ни один из многих советников Шакунталы ни на мгновение не сомневался, что императрица, если посчитает необходимым, может приказать казнить тысячи человек, даже не моргнув глазом. Но ни один из этих советников ни на мгновение не колебался, высказывая свое мнение. И это тоже было наследством от Рао.

Теперь глаза Ирины остановились на большой группе мужчин, сидящих перед императрицей на собственных плюшевых подушках, которые лежали на покрытом ковром полу.

Они были участниками аукциона.

Здесь собрались послы из всех королевств Индии, все еще независимых от малва. Был представлен Тамрапарни, огромный остров к югу от Индии, который иногда называли Цейлон. И за последние две недели также прибыли полномочные представители из всех королевств индийского мира. Большинство этих послов привели с собой солдат, чтобы доказать искренность своих предложений. Подразделения из Чолы и с Тамрапарни оказались достаточно крупными. Сурат был набит, как ящик, солдаты размещались практически везде.

Они появились или путем, по которому шла контрабанда, украдкой прорвавшись сквозь блокаду побережья, или, гораздо чаще, добрались пешком по суше через Кералу. Керала, которой правил дедушка Шакунталы, тоже была представлена, несмотря на предательское попустительство в прошлом году, когда малва устроили заговор против императрицы и подослали к ней наемных убийц. Шакунтала практически заставила представителя Кералы Ганапати унижаться и пресмыкаться. Но в конце она разрешила Керале присоединиться к аукциону.

Ирина до последних нескольких недель полностью не понимала истинные объемы индийского мира. Она всегда думала, что индуизм и его буддийское ответвление — это религии Индии. Но, как и христианство, эти религии за столетия широко распространились, а вместе с ними распространилась и культура.

Там были представители Чампы, и Хайнаня, и Лангкави, и Тарумы, и многих других стран. Лица этих послов несли отпечатки рас Юго-Восточной Азии и ее великих архипелагов, но под кожей они оставались детьми Индии — в том, что имело значение. Нации, зачатые индийскими миссионерами, вскормленные индийскими обычаями, выращенные индийской торговлей и воспитанные на санскрите или одном из производных языков.

Даже Китай был представлен буддийским монахом, которого послало одно из великих королевств той далекой земли. Он, в отличие от остальных, не приехал бороться за руку Шакунталы. Он просто приехал посмотреть. Но люди — по крайней мере, королевские послы — не путешествуют через море просто, чтобы посмотреть на камень. Они приезжают, чтобы изучить комету.

Восстание Шакунталы потрясло малва. Єамая могущественая в мире империя все еще стояла на ногах и все еще ревела в ярости. Но она ввязалась в смертельную схватку с противниками с таинственого Запада — врагами, которые оказались более значительными, чем представлял индуистский мир. А теперь, поднимаясь из каменистой почвы Великой Страны, восстание Шакунталы молотом било по коленям гиганта. Если эти колени когда-то сломаются...

Независимые королевства индуистского мира наконец отбросили колебания. Они все еще боялись малва, приходя в оцепенение от чудовища, но Шакунтала показала, что зверя можно ранить. Пустить кровь. Возможно, не сломить. Это еще нужно посмотреть. Но даже колеблющиеся, робкие, капризные королевства Южной Индии и Юго-Восточной Азии наконец поняли правду.

Вернулась Андхра. Великая Сатавахана, самая благородная династия в их мире, все еще жива. Эта империя и эта династия закрывали щитом Южную Индию и индийские земли за ней на протяжении столетий. Возможно, она все еще способна это делать.

Все они прибыли, и все они боролись за династический брак. И борьба получалась яростной. На протяжении недель перед совещанием хитрый пешва Дададжи Холкар сравнивал одно предложение с другим, ставя сопутствующие условия против ограничений, пока не осталось ничего, кроме твердых предложений союзничества. На самом совещании, на протяжении многих часов, Дададжи превратил эти твердые предложения в бруски железа.

Ирина сдержала улыбку. Дададжи Холкар, низкорожденный сын осквернённой Махараштры, перехитрил и обыграл послов более искусной тактикой, добился преимуществ искусными маневрами во время переговоров с самыми опытными дипломатами индуистского мира из касты брахманов. Если бы кому-то из них сейчас сказали, что сам Дададжи — только представитель низкой касты вайшиев, а на самом деле — просто шудра в любой индийской стране за исключением Великой Страны — они были бы шокированы от макушек своих аристократических голов до подошв своих чистых брахманских ног. Конечно, они также расстроились бы при мысли об осквернении, которому подвергались на протяжении многих часов частных бесед с этим человеком. Однако по большей части они просто поразились бы.

— Это невозможно! Он — один из самых образованных людей в Индии! Ученый, так же как и государственный деятель!

Ирина могла представить, как бы они недоверчиво восклицали:

— Это невозможно! Он же — пешва Андхры! Как могла великая Сатавахана — самые чистые в Индии кшатрии — быть обманута таким человеком? Невозможно!

Старания Ирины сдержать веселье трансформировалась в нечто более мрачное. Что-то холодное и расчетливое и — в своем роде — полностью безжалостное. Она тоже могла быть палачом.

При виде дипломатов из брахманов, сидящих перед императрицей, глаза Ирины засверкали.

«Я покажу вам, что возможно. Дураки!»

Пришло время. Послы представили свои предложения. Дададжи суммировал ситуацию. Оставалось только принять решение императрице.

Ирина не смогла бы объяснить маленькие движения головой и руками, и глазами, которые привлекли внимание Шакунталы. Не могла и сама молодая императрица. Но две женщины провели много часов во время частных и официальных бесед. Ирина знала, как подать сигнал императрице, точно так же, как императрица понимала, как интерпретировать эти сигналы.

Голова Шакунталы повернулась к Ирине. Вероятно, большинству наблюдателей глаза императрицы казались яркими, как и всегда. Но Ирина чувствовала тупое смирение в этом императорском взгляде.

— Я хотела бы послушать римского посла,— заявила Шакунтала.

Как и всегда во время официальных мероприятий, голос императрицы поражал. Да, юный, по тембру. Но только что выточенный клинок — это все равно меч.

Среди дипломатов начал подниматься легкий шум.

Глаза Шакунталы резко вернулись к ним.

— Я слышу возражения? — спросила она.— Среди вас есть кто-то, желающий высказаться?

Шепот прекратился. Глаза Шакунталы напоминали железные ядра. Ее часто называли Черноглазой Жемчужиной Сатаваханы. Черный, несмотря на всю свою красоту, может быть ужасающим цветом.

Черное железо ударило по глине.

— Вы посмеете возражать? — прошипела она.— Вы?

Статуя шевельнулась, слегка. Богиня легким движением руки отмахнулась от насекомых.

— После того как малва покорили Андхру и вывесили мешок из кожи моего отца, как трофей Шандагупты, что *вы* сделали?

Статуя презрительно ухмыльнулась.

— Вы дрожали и выли, и скулили, и пытались спрятаться в своих дворцах.— Заговорила богиня.— Рим — только Рим — не стал съеживаться перед зверем.

Следующие слова Шакунтала произнесла сквозь стиснутые зубы.

— Не сомневайтесь в одном, вы, дипломаты. Если малва падут, то копье, которое положит это чудовище, будут держать римские руки. Не наши. Одни мы не сможем сделать это — даже если мы все объединимся. Наша задача — защищать Деканское плоскогорье и делать все возможное, чтобы изувечить зверя.

Дипломаты склонили головы. Эти брахманы, несмотря на все свое образование, оставались ограниченными людьми, поглощенными собой в такой степени, что Ирина, привыкшая к римскому космополитизму, часто находила это поразительным. Но даже они к этому времени знали имя Велисария. Странное имя, иноземное, но тем не менее легендарное. Даже в Южной Индии, даже в Юго-Восточной Азии слышали про Анату. И Нехар Малку, где Велисарий утопил войска малва.

Шакунтала не сводила взгляда со склоненных голов, не смягчаясь целую минуту. Черное железо так же тяжело, как и крепко. На протяжении этой долгой минуты, пока индийские дипломаты трусили, и прятали головы, Ирина через океан отправила ментальное послание одному человеку. Конечно, он не получит его, но она знала, что он бы получил наслаждение от ее каприза. Этот человек провел с ней много часов в Константинополе, скорее дней, советуя Ирине, как лучше выполнить полученное ею великое задание. Объясняя женщине настоящего будущее, помощи в создании которого он от нее хотел.

«Ну, Велисарий, ты хотел свою войну на полуострове[1]. Верю, ты ее получил. И если у нас нет Веллингтона и Торрес Ведрас, у нас есть кое-что не менее хорошее. У нас есть Рао и горные форты Великой Страны, и...»[2]

Ее взгляд упал на твердое, суровое, дикое лицо.

«...и у нас также есть мой мужчина. Мой».

Ирина получила успокоение от этой собственнической мысли и трансформировала мягкость в твердую цель.

— Говори, посол из Рима,— приказала Шакунтала.

Ирина встала со стула и шагнула в центр большой комнаты. Дюжины глаз зафиксировались на ней.

Она научилась этому у Феодоры. Римская императрица-регентша тоже учила Ирину перед тем, как она отправилась в Индию. Она объясняла начальнице шпионской сети, которая привыкла работать в тени, как действовать при дневном свете.

— Если нужно советовать и выносить суждения, всегда делай это сидя,— говорила ей Феодора.— Но всегда вставай, если на самом деле хочешь убедить и склонить к своей точке зрения.

Ирина, в своем стиле, начала с юмора.

— Посмотрите на эти одежды, люди Индии,— она взялась за тяжелый рукав.— Нелепые и противоречащие здравому смыслу, не так ли? Почти орудие пыток в этой жаркой стране.

Появилось много улыбок. Ирина тоже улыбнулась.

— Один раз мне посоветовали заменить их на сари.— Она почувствовала искривление знакомых губ, хотя и не поворачивала головы.— Но я отмахнулась от совета. Почему? Потому что, хотя одежды и нелепы, то, что они представляют,— нет.

---

[1] Война на полуострове — война на Пиренейском полуострове 1808-1814 гг. *(Прим. перев.)*

[2] Торрес Ведрас — город в Центральной Португалии. Во время войны на Пиренейском полуострове Веллингтон построил рядом свою знаменитую защитную систему (линии Торрес Ведрас) и с успехом защитил Лиссабон от французов. *(Прим. перев.)*

Ирина медленно обвела взглядом толпу. Улыбка исчезла. Ее лицо стало серьезным.

— Они представляют сам Рим. Рим — и его тысячу лет.

Молчание. И снова она медленно обвела взглядом помещение.

— Тысячу лет,— повторила Ирина.— Какая-нибудь индийская династия может похвастаться таким сроком жизни?

Молчание. Ирина в очередной раз обвела взглядом комнату.

— Величайшая империя в истории Индии, империя династии Маурьев, правила только полтора столетия. Гупты — не более двух.— Она кивнула на Шакунталу.— Андхра больше, но даже Андхра не может претендовать на половину того, что имеет Рим.

Ее суровое лицо смягчилось, слегка. И снова Ирина кивнула императрице. Кивок был почти поклоном.

— Хотя, если Бог даст, в грядущие столетия Андхра сможет соответствовать достижениям Рима.

Вернулась суровость.

— Тысяча лет. Подумайте об этом, благородные господа Индии. А затем спросите себя: как это было сделано?

И снова Ирина улыбнулась и снова дернула за тяжелый рукав.

— Это было сделано такими одеждами. Тяжелыми, неуместными, неподходящими одеждами. В этих одеждах заключается секрет.

Ирина сделала паузу и ждала. Теперь она получила их полное внимание. Она воспользовалась временем, пока ждала, и послала еще одно капризное, ментальное послание через океан. Ирина поблагодарила суровую, холодную императрицу по имени Феодора, которая родилась в нищете на улицах Александрии, за то, что та научила греческую даму благородного происхождения, как быть великолепной и величественной.

— Секрет вот в чем. Это одежды Рима. Но они не римские. Это одежда гуннов, которые мы приняли, как свои.

Поднялся шепот.

— Гуннов? Грязных, варварских гуннов?

— Да. Одежда гуннов. Мы приняли их и мы взяли у гуннов штаны, когда наши солдаты стали кавалеристами. Точно так же, как мы взяли у ариев доспехи, оружие и тактику персидских конников. Точно так же, как мы взяли у карфагенян — восемьсот лет назад — секреты морского боя. Точно так же, как мы брали столетие за столетием мудрость Греции и делали ее собственной. Точно так же, как мы приняли послание Христа в Палестине. Точно также, как мы взяли все, что нам требовалось — и отбросили все, что должны были,— чтобы Рим выстоял.

Она показала пальцем на север.

— Малва называют нас дворняжками или полукровками и хвастаются своей собственной чистотой. Пусть будет так. Рим отмахивается от названия, как слон от мухи. Или...

Ирина улыбнулась. Или, возможно, оскалила зубы.

— Скажем лучше: Рим проглатывает это название. Точно так же, как огромный, полудикий, косматый мастиф-полукровка, рожденный на улице от волка, справляется с чистокровным, ухоженным домашним животным.

По комнате пробежал смешок. Ирина подождала, пока веселье не прошло. Теперь она показала на Шакунталу.

— Императрица сказала — и сказала правильно,— что если зверь по имени малва падет, то рука, которая держит копье, будет римской. Я могу дать имя этой руке. Это Велисарий.

Ирина сделала паузу, позволив имени эхом прокатиться по комнате.

— Велисарий. Славное имя для Рима. Ужасное для малва. Но в конце концов это просто имя. Просто как это — только материя,— она потрогала пальцами рукав.— Поэтому вы должны спросить себя — почему имя несет такой вес? Откуда оно?

Он в пожала плечами.

— Во-первых, это фракийское имя, которое дали старшему сыну мелкого господина благородного происхождения в одной из римских сельскохозяйственных провинций. Если сказать по правде, не прошло даже трех поколений после того, как его предки были крестьянами.

Ирина холодно уставилась на толпу.

— Тем не менее этот крестьянин разбивал армии. Армии, гораздо более могущественные, чем те, которым вы способны противостоять. И почему это так, благородные господа Индии?

Ее смешок был таким же холодным, как глаза.

— Я скажу вам, почему. Потому что у Велисария есть душа, так же как и имя. И какая бы ни была плоть, которая сделала этого человека, или родословная, которая дала имя, душа выковалась на той великой наковальне, которую история назвала Рим.

Она широко развела и подняла руки в тяжелых рукавах.

— Точно так же как и я, гречанка благородного происхождения, одетая в одежды гуннов, была выкована на той же наковальне.

Ирина теперь чувствовала, как Феодора течет сквозь нее, подобно горячему огню по венам. Феодора и Антонина, и все женщины, которые рожали Рим, столетие за столетием, вплоть до волчицы, которая выкормила Ромула и Рема.

Она повернулась к Шакунтале.

— Ты, императрица Андхры, спросила моего совета относительно вступления в брак. Я — римлянка и могу дать тебе только римский совет. У моей подруги Феодоры, которая сегодня правит в Риме, есть любимая поговорка. Не топчи старых друзей, стремясь получить новых.

Она обвела взглядом лица в толпе, высматривая признаки понимания.

Ничего. Люди смотрели на нее неотрывно, но не понимали. Только глаза Дададжи Холкара округлялись.

«Дави, дави. Нанеси еще один удар».

— За кого тебе следует выйти замуж? Для римлянки ответ очевиден. Ты — монархиня, Шакунтала, и у тебя есть долг перед твоим народом. Выходи замуж за силу — вот римский ответ. Выходи замуж за силу, и за смелость, и преданность, и крепость, которые привели тебя на трон и удерживают тебя там. Выходи замуж за сильную руку, которая может защитить тебя от малва и в ответ нанести сильные удары.

Ирина обвела взглядом лица. Смотрят неотрывно — но все равно ничего. За исключением Холкара. Лицо с широко открытыми глазами, почти бледное от шока, когда он начал понимать.

«И снова удар молота. Даже предрассудки в конце поддадутся железу».

— Не выходи замуж за мужчину, императрица. Выходи замуж за народ. Выходи замуж за народ — единственный народ, который никогда тебя не предал. Выходи замуж за народ, который нес Андхру на своих плечах, когда Андхра кровоточила и была сломлена. Выходи замуж за мужчин, которые изматывают малва в горах, и женщин, которые контрабандным путем доставляют еду в Деогхар. Выходи замуж за нацию, которая отправила сыновей в битву, не считаясь с ценой, в то время как все остальные нации сжимались в страхе. Выходи замуж за парней, которые были посажены на колы Подлого, и за их младших братьев, которые выходят вперед и занимают их места. Выходи за этот народ, Шакунтала! Выходи за огромного, дикого, косматого мастифа из гор, а не...

Она показала обвинительно на собравшихся представителей аристократии индуистского мира.

— А не этих... этих чистокровных комнатных собачек.

Обвиняющие пальцы сжались в кулаки. Она выставила кулак перед собой.

— Тогда... Тогда, Шакунтала, ты будешь держать в руке силу. Истинную силу, реальную силу, а не ее иллюзию. Сталь, а не хрупкое дерево.

Ирина опустила кулак и словно сбросила что-то с пальцев. В этом жесте было тысячелетнее презрение.

— Выходи замуж римским образом, девочка,— сказала Ирина. Мягко, но с уверенностью римского тысячелетия.— Выходи замуж за Махараштру. Найди лучшего мужчину этой грубой нации и вложи свою руку в его. Пусть этот человек танцует брачный танец на твоей свадьбе. Открой свое лоно самой благородной династии

Индии и самой древней династии для сырого, свежего зерна Великой Страны. Пусть сыновья, которые родятся от этого союза, несут судьбу Андхры в будущее. Если ты так сделаешь, то эта судьба будет измеряться веками. Если сделаешь наоборот, то годами. Что касается остального...

Ирина пожала плечами.

— Что могут сказать или подумать люди...— Теперь она рассмеялась. В этом звуке совсем не было веселья. В нем не слышалось ничего, кроме несклоняющегося, безжалостного презрения. Соль, посеянная в почву.— Пусть болтают, Шакунтала. Пусть кудахчут и жалуются. Пусть пищат о чистоте и загрязнении. Пусть ухмыляются, если посмеют. Какое тебе дело? Пока их троны шатаются, твой будет стоять твердо. И они вскоре придут к тебе — поверь мне — как нищие на пыльной улице. Станут просить тебя отпустить грубого и неотесанного мужа, который сидит рядом с тобой на троне и лежит в твоей постели, вести их армии в битву.

Наконец — наконец! — все в комнате поняли. Послы смотрели на нее, открыв рты, подобно рыбам-собакам. Ирина не могла видеть лицо Дададжи. Пешва опустил голову, словно в раздумьях. Или, возможно, в молитве.

Ирина снова повернулась к Шакунтале. Императрица, хотя и не раскрыла рот, казалось, пребывала в состоянии чистого шока. Она больше не сидела на троне, как статуя или богиня, а просто как маленький ребенок. Школьница, парализованная вопросом, который, как она считала, никто никогда не задаст.

Римская учительница улыбнулась.

— Помни, Шакунтала. Только душа играет роль в конце. Все остальное — шелуха. И это касается и империи, не только человека.

* * *

Затем тихо, но быстро Ирина заняла свое место. Во время последовавшего долгого молчания, пока послы хватали ртами воздух и пешва склонял голову — и школьница пыталась найти ответ, который уже знала, но не могла вспомнить,— Ирина просто ждала. Она сложила руки на коленях, легко дышала и просто ждала.

Естественно на поверхность поднимутся предрассудки. Вскоре комната наполнится негодованием и возражениями. Ее это не волновало. Ни в коей мере.

Она сделала свою работу. Достаточно хорошо, как она думала. Держа щипцы в твердых руках, Ирина установила клинок, чтобы он был должным образом выкован. Конечно, предрассудки станут шипеть, точно так же, как шипит горячее железо. Но молот, удер-

живаемый в варварских сильных руках, ударит уверенно. И задавит протест о чистоте в большей чистоте закаленного металла.

* * *

Кунгас не стал ждать, когда протест вырвется на поверхность. Кушаны были степными людьми и людьми быстрых лошадей.

— Наконец-то!

Он стоял в центре комнаты до того, как кто-то заметил, как он поднимается.

— Наконец-то.

Он позволил слову устояться, позвенеть, как звенит слово. Затем скрестил толстые от мускулов руки на бочкообразной груди и повернул голову к императрице.

— Сделай, как она говорит, девочка. Это очевидно. Очевидно.

Толпа господ благородного происхождения заворчала. Кунгас резко повернул голову к ним, подобно повороту пушки.

— Помолчите.

Приказ, хотя и произнесенный тихо, привел к мгновенному повиновению. Теперь маска стала безжалостной. Такой безжалостной и суровой, как степная зима.

— Я не хочу слушать вас.— Маска исказилась, совсем чуть-чуть. Но сам Сатана затрепетал бы от этой усмешки.— Вы? Вы посмеете мне возразить? — Последовавшее фырканье соответствовало усмешке. Чистое презрение, без каких-либо примесей. Кунгас повернул голову назад, к Шакунтале.— Я скажу тебе кое-что, девочка. Послушай меня и слушай хорошо. Однажды я взял тебя в плен, до того, как стал твоим охранником. Я знал тогда правду, точно так же, как я знаю ее сейчас. С той же уверенностью. Дело очевидно — очевидно — для всех, кроме дураков, ослепленных традициями.

И он снова фыркнул. Презрение осталось, усиленное холодным юмором.

— Все те месяцы во дворце Подлого, пока я держал тебя в плену. Ты помнишь? Ты помнишь, как осторожно я выставлял стражу? Как сурово я поддерживал дисциплину? У тебя были глаза, чтобы видеть, и разум, тренированный для схватки. Ты видела?

Кунгас уставился на императрицу. Через мгновение Шакунтала кивнула. Кивнула не как императрица, а как школьница, когда начинает понимать урок.

Кунгас резко повернул голову на господ благородного происхождения.

— Против кого я устанавливал железную стражу, девочка? Против *них?*

Он хрипло усмехнулся, так дико, что это почти пугало.

— Против них? Этих чистокровных домашних животных?

Он снова засмеялся, звук напоминал лай.

— Я не боялся их, девочка. Я не следил так внимательно, потому что волновался о Чоле. Или Тамрапарни, или Керале, или...

Он замолчал и махнул мощной рукой.

— Тогда я был твоим врагом, Шакунтала. И таким же хорошим врагом, каким я впоследствии стал другом. Я знал правду. Я всегда знал. Я знал, кто придет за тобой. Я знал, и боялся этого.

На мгновение его глаза переместились на Дададжи. Лицо пешвы все еще оставалось спрятанным. Кунгас слегка кивнул в сторону склоненной головы, словно признавая поражение в старом споре.

— Моя душа знала, что он там. Я мог чувствовать его душу, прячущуюся в лесах у дворца. Я ни разу не заметил его, ни одного раза, но я знал. Именно поэтому я установил стражу, и поддерживал дисциплину, и каждую секунду оставался настороже. Я никогда ничего не боялся, кроме прихода Пантеры. Только один человек, знал я, может угрожать моей цели. Ветер Великой Страны — это, и только это, могло вырвать тебя из рук малва.

Его взгляд вернулся на императрицу. Ясные, яркие миндалевидные глаза на бронзовом лице.

— И этот Ветер, один, девочка, может удержать тебя вне лап асуров.

Кунгас распрямил руки и опустил их по бокам.

— Сделай, как тебе говорит римская женщина, Шакунтала. Сделай так и никак больше. Ее совет — это совет империи, которая на протяжении тысячи лет никогда не выпускала правду из вида. В то время, как эти...

И снова напряженные, презрительные пальцы.

— *Эти* — только послы давно заблудившихся в иллюзии.

Теперь Кунгас занял свое место. И снова воцарилась тишина. Послы даже не шептались. Комнатные собачки присмирели и сжались.

Ирина задержала дыхание. Оставалось услышать только один голос. Один голос в этой комнате, который все еще может склонить императрицу к ошибке. Ирина боялась этого голоса и обнаружила, что молится. Она страстно желала, чтобы человек, которого она полюбила, правильно понял душу другого человека. Возможно, в первый раз в жизни Ирина молилась, чтобы она сама ошиблась.

Лицо Шакунталы оставалось неподвижным, как у статуи. Но внешняя напряженность не могла скрыть — ни от Ирины, ни от кого-то в комнате — смятение, которое кипело внутри.

Ирина испытывала жалость. Разум девочки — а теперь императрица была девочкой — оказался крепко заперт. Полностью парализован. Самое сильное, глубоко спрятанное желание Шакунталы боролось с железным чувством долга — а теперь иностранка повернула долг против желания. Да, освободила одно другим. Но для

девочки, которая никогда не видела между ними связи, получилась лишь запутанная паутина сомнения и смятения.

Тогда Шакунтала сделала только то, что могла сделать. Она повернулась к человеку, на которого полагалась, чтобы найти нити, которые направляли ее жизнь.

— Дададжи? — спросила она тихо, просяще.— Дададжи? Ты должен сказать, что мне делать?

Челюсти Ирины сжались. Губы были плотно сомкнуты. Этот вопрос не задавался советнику императрицей. Этот вопрос дочь задавала отцу. Любящая дочь обращалась к отцу, которому доверяла, и искала не совет, а указание.

Теперь решение было за Холкаром. Ирина точно знала это. В своем нынешнем состоянии, парализованная и в смятении, Шакунтала покорится пешве так уверенно, как дочь покорится отцу.

Ирина увидела, как поднялись и опустились плечи Дададжи, когда он сделал глубокий вдох. Он поднял голову. Впервые с тех пор, как Ирина заметила понимание на лице Дададжи, она увидела его лицо.

Облегчение оказалось почти взрывным. Ей пришлось бороться, чтобы выдохнуть бесшумно.

До того, как Холкар произнес первое слово, Ирина знала ответ. Это было лицо отца, а не пешвы. Любящего отца, который, как и миллионы до него, мог упрекать, и обучать, и дисциплинировать дочь. Но который не мог, когда час наконец пробил, отказать ей в том, чего она хотела на самом деле.

Дададжи Холкар начал говорить. Слушая, Ирина знала, что Кунгас правильно понял душу этого человека, а она сама — нет. Если отбросить парадный мундир и знания, Дададжи Холкар оставался тем, кем всегда был. Простым, скромным, добрым человеком из маленького городка в Махараштре, который пытался содержать семью так, как мог. Малва разрушили его дом и вырвали у него его дочерей. Он не станет, не сможет лишить счастья девочку, которую взял на их место.

Лицо Холкара принесло облегчение. Такое большое облегчение, что Ирина едва слышала его первые слова. Но через несколько секунд стала слушать. А затем, менее чем через минуту, стала бороться со смехом.

Душа Дададжи Холкара была душой отца, да. Но разум все еще принадлежал императорскому советнику. И снова низкорожденный пешва великой Сатаваханы смог перехитрить брахманов.

* * *

— Я понимаю, что тебе трудно, императрица,— Дададжи поднял руку, как будто защищая свою монархиню от уничтожения.—

Твоя собственная чистота...— Он замолчал, вздохнул и продолжил: — Но ты должна в первую голову ставить нужды своего народа. Каким бы трудным ни был выбор для тебя, с такой священной родословной.

Пешва повернулся вбок на подушке, в сторону Ирины, и поклонился.

— Я внимательно слушал, что сказала посол из Рима. Так внимательно, как только мог, хотя все мое существо сопротивлялось смыслу ее речей. Но мой разум не мог отказать словам. И это правда — то, что она говорит.— И снова Холкар вздохнул, как человек, который отдает предпочтение долгу.— Если ты поставишь долг перед своим народом над всем остальным, отбросив в сторону свои личные заботы, то ты на самом деле должна сделать, как говорит римлянка. Если ты хочешь выйти замуж за силу, императрица, то ты должна выйти замуж за человека из Великой Страны.

От сидящих поблизости послов стали подниматься слабые возражения. Варварский кушан пугал их своими дикими насмешками. Ученому пешве — брахману, как они сами, или по крайней мере они так думали — можно привести доводы разума.

Дададжи вытянул вперед руку, ладонью вниз. Жест в своем роде был таким же презрительным, как усмешка Кунгаса. Ученый старец, пресекающий глупую болтовню деревенских дурачков.

— Помолчите,— Холкар зафиксировал холодный взгляд на собравшихся послах.— Что *вы* знаете о силе?

Пешва был человеком средних лет, но все еще оставался активным. Дададжи поднялся с подушки с юношеской легкостью. Мгновение смотрел сверху вниз на послов, перед тем как начать ходить взад и вперед. Он сжал руки за спиной, склонил голову вперед — учитель, наставляющий школьников.

— Вы ничего не знаете. Истинные пути силы так же таинственны для вас, как движение планет.

Шагал и шагал, взад и вперед.

— Ни одна страна в Индии — даже все мы, вместе взятые,— не сможем собрать армию, способную разбить малва на поле брани. Это задача римлян, возглавляемых Велисарием. Но он тоже не может сделать это один. Велисарий в состоянии проткнуть копьем асура, но только если демон будет покалечен. А это мы можем сделать. Но это будет трудно, и прольется много крови, и придется заплатить высокую цену. Это, кроме всего прочего, потребует смелости и крепости.

Он остановился, глядя вниз на посла Чолы.

— Когда отец Шакунталы много лет назад попросил вашей помощи против малва, что вы сделали?

Холкар ждал ответа. Ответа не последовало, кроме повернутой в сторону головы. Дададжи посмотрел на Ганапати.

— Что сделала Керала? — спросил он. Ганапати тоже отвернулся.

Горький взгляд Холкара обвел послов. Большинство отвернулись, некоторые склонили головы и несколько — из дальней Юго-Восточной Азии — просто пожали плечами. Их помощи отец Шакунталы не просил.

Но Холкар не позволил им так легко уйти от ответа; через некоторое время они тоже отвернулись. Они, как и он, знали правду. Если бы Андхра попросила, ответ был бы тот же. Нет.

У него раздулись ноздри.

— Сила! — Он фыркнул.— Вы, дипломаты, знаете, как манипулировать властью. Вы не представляете, как создавать силу. Сегодня я скажу вам. Или скорее...

И снова он поклонился Ирине.

— Я просто повторю ее слова. Сила приходит снизу, благородные господа Индии. С этого скромного места и никакого другого. Империя, неважно какая великая, неважно какие у нее огромные армии или как хорошо она снабжена оружием, имеет не больше силы, чем люди, на которых она опирается, дают ее ей. Потому что это они — не вы — должны быть готовы и хотеть шагнуть вперед и умереть, когда пробьет час. И этим низкорожденным людям — не вам — хватает смелости взобраться на горб демону и перерезать ему сухожилия.

Он повернулся к ним спиной. Презрительно бросил через плечо:

— В то время как вы консультируетесь с предсказателями и магами и пытаетесь умилостивить зверя в надежде, что он будет обедать в другом месте.

Его руки все еще были сжаты за спиной. На мгновение они напряглись, как и спина Холкара.

— Не забывайте, благородные господа Индии, что я тоже из маратхи. Я знаю мой народ, а вы — нет. Вы пренебрежительно относитесь к ним, из-за их осквернённой натуры и свободных нравов. Но вы — слепцы, несмотря на все ваше образование. Как и говорит кушан, вы потерялись в иллюзии.

Дададжи сделал глубокий вдох и продолжил.

— Сегодня Махараштра дрожит на грани победы и поражения. Маратхи симпатизируют Шакунтале и многие из их лучших сынов пришли под ее знамена. Но большинство маратхи все еще ждут. Они станут контрабандой поставлять еду, возможно, шпионить или спрячут беженца. Но не больше. Пока нет. Каблук малва стоит у них на шее. Палачи Подлого покрыли их города телами мятежников.

Еще один глубокий вдох, почти великий вздох.

— Однако если вы заглянете им в сердца, то поймете: их сдерживает не страх, а просто сомнение. Да, они помнят Андхру и

преданы этой памяти. Но Андхра один раз предала их. Кто может сказать, не повторится ли это снова?

Он повернул голову на юго-восток, внимательно глядя на стены комнаты, словно мог видеть за ними Великую Страну.

— Им нужен залог,— сказал он тихо.— Залог, что династия, которую они поддерживают, никогда не оставит их. И какой залог может быть больше, чем превращение императрицей Андхры династии в их собственную? Никто из маратхи никогда не сидел на троне. Через год ребенок величайшего представителя Махараштры продолжит династию.

Его собственное лицо — мягкое, спокойное, ученое — теперь стало такой же жесткой и твердой маской, как лицо кушана.

— Это будет сделано,— объявил Дададжи Холкар.— Императрица, я уверен, найдет путь к своему долгу. Как и Рао.— Затем он повернулся и снова уставился на послов.— Но это будет сделано правильно.

Появилась улыбка, но она получилась такой же дикой, как у Кунгаса.

— Императрица выйдет замуж за Рао в Деогхаре, не здесь. Она станцует свой брачный танец перед лицом Подлого, в центре осады. Бросит вызов малва за нас всех. И вы, благородные господа Индии, вы, из Чолы, Кералы и Тамрапарни, будете присутствовать на бракосочетании. И обеспечите войска, чтобы провести императрицу через линии Подлого.

Послы взорвались в возражениях. Они задыхались от ярости и негодования.

Холкар их спокойно игнорировал. Он повернулся назад к императрице. Шакунтала неотрывно смотрела на него — для всех ее лицо ничего не выражало. Но Холкар чувствовал ослабление самоконтроля.

Ирина со своего места отправила ему настоятельную мысль.

«Заканчивай, Дададжи. Дай ей место и время до того, как она сломается. Все остальное можно обсудить завтра».

Очевидно, телепатия сработала. Или, возможно, два человека думали одинаково.

— Выходи замуж за Рао, императрица,— постановил Дададжи Холкар. Затем добавил таким тихим голосом, что только она одна могла его слышать: — Это просто твой долг, девочка, и ничего больше. Твоя дхарма. Пусть твое сознание будет спокойно.

Эти слова отца сняли все сомнения. Шакунтала теперь отчаянно боролась, чтобы поддержать свой императорский имидж. Под тонкой, как яичная скорлупа, королевской оболочкой начинала появляться девушка, нет, женщина.

Дададжи повернулся, но Кунгас уже поднялся на ноги, хлопая в ладоши.

— Достаточно! Достаточно! — выкрикнул кушан.— Уже поздно. Императрица очень устала. Освободите помещение!

Ни один посол, независимо от того, был он возмущен или нет, не хотел спорить с этим голосом. Они сразу же бросились к двери. Не прошло и минуты, как в комнате остались лишь Ирина, Кунгас и Дададжи. И императрица, которая все еще сидела на троне, но уже начала сворачиваться в клубок. Как только тяжелая дверь закрылась, она плотно прижала колени к груди.

Годы дисциплины и печали взорвались, как вулкан. Шакунтала плакала, и плакала, и плакала и все время смеялась. Смех не выражал веселья или даже счастья. Это были глубокие, освобождающие, вздымающие грудь смешки девушки, которая наконец может — после всех лет, когда она вкушала долг, ни разу не пожаловавшись на его горький вкус,— наслаждаться простыми радостями и желаниями обычной женщины.

Кунгас подошел к ней и обнял ее. Мгновение спустя, извиваясь как угорь, Шакунтала заставила его сесть на трон и устроилась у него на коленях. И там она и оставалась, на руках у человека, который охранял ее — раньше и снова в этот день — от всех ужасов мира. С того дня, как умер ее отец, и малва сделали ее сиротой, Кунгас ни разу не подвел ее. Ребенок находил успокоение у него на коленях, девушка — у него в объятиях, императрица — у него в сознании. Но женщина, наконец выпущенная из клетки,— только в его душе. А в ответ она давилась словами любви и благодарности, которые шептала между рыданиями. И даже Кунгас, когда гладил ее по волосам, не мог держать маску. Его лицо сейчас тоже было только лицом отца.

Дададжи начал двигаться к императрице, готовый разделить эти объятия. Но Ирина остановила его рукой.

— Не сейчас, Дададжи. Не сегодня.

Холкар обернулся, удивленный.

— Она захочет... я ей нужен...

Ирина покачала головой и улыбнулась.

— Ее желания и нужды могут подождать, Дададжи. Они достаточно хорошо удовлетворены, и на сегодня есть Кунгас. Он будет охранять ее в радости, точно так же как охранял в отчаянии. А сегодняшнюю ночь, Дададжи, ты должен посвятить себе.

Он нахмурился, поставленный в тупик. Ирина начала тянуть его к двери.

— Есть кое-кто, кого ты должен увидеть. Человек, которого ты искал с того дня, как потерял. Она уже должна ждать в твоих покоях.

К тому времени, как Ирина открыла дверь, Дададжи понял. К тому времени, как Ирина закрыла дверь, он уже ушел. Ирина только слышала его шаги, стучащие по коридору. На самом деле это было странно. Они звучали, как шаги молодого человека, бегущего как ветер.

* * *

Когда Ирина вернулась в свои покои, лампы уже зажгли. Ее слуги, знающие ее странные вкусы после месяцев работы на нее, приготовили стул, на котором она читала. Был готов и чай, в медном чайнике. К этому времени он подостыл, но Ирина любила как раз такой.

Как и всегда, ее слуги достали несколько книг из сундука и положили на стол рядом с лампой. Книги выбирались наугад женщинами, которые не могли прочитать названия. Ирина предпочитала, чтобы делалось именно так. Всегда было приятно посмотреть, что ей выбрали на вечер. Ирина любила сюрпризы.

Она села и сделала глоток чаю. Затем несколько минут взвешивала Платона против Гомера, Горация против Лукреция.

Никто из них не соответствовал ее настроению. Ее взгляд устремился на дверь в спальню. Прилив страсти обжег ее. Но она и от этого отмахнулась. Кунгас не придет этой ночью. И еще много ночей.

В этом знании присутствовало сожаление и расстройство, но никакой злобы или беспокойства. Ирина теперь знала своего мужчину. Она его не понимала, по крайней мере, не полностью. Возможно, не поймет никогда. Но она все-таки знала его и могла принять то, что не понимала. Та же самая упрямая целеустремленность, которая удерживала безграмотного у книг, неделя за неделей, какое-то время будет удерживать его от постели Ирины. До тех пор, пока императрица не выйдет замуж за своего героя и Кунгас не отдаст свою девочку мужчине, которого она выбрала. До тех пор Кунгас не будет считать, что выполнил свой долг.

Вот такой это человек. И таким он будет всегда. Ирина, сравнивая его в другими мужчинами, которых знала, была удовлетворена своим выбором.

Она встала и подошла к окну. Она ощутила бриз, насладилась звуком прибоя. Она поняла, что счастлива. Так счастлива, как никогда раньше. Это понимание принесло с собой понимание ее настроения. И новое огорчение.

Она рассмеялась.

— О, черт побери! Где ты, Антонина? Я хочу напиться до потери сознания!

Глава 26

Аравийский берег
Осень 532 года н.э.

— Как я могла быть такой глупой? — спрашивала Антонина, гневно глядя через палубное ограждение кормы флагманского ко-

рабля. Она яростно терла лицо, словно могла выжать расстройство голой силой.— Я должна была знать, что они последуют за нами. Жадные ублюдки! Нас должны были заметить, после того как мы окажемся в пределах видимости с земли. Есть только одна очевидная причина, почему военно-морской флот Аксумского царства пойдет вдоль южного берега Аравии — мы собираемся где-то ограбить малва. Проклятые поедатели падали!

Вахси, который стоял рядом с ней, смотрел таким же гневным взглядом. Даже на лице Усанаса, с другой ее стороны, полностью отсутствовал юмор.

— Никто из нас об этом не подумал, Антонина.— Усанас повернул голову, словно искал отсутствующего человека на палубе военного корабля аксумитов. Что в некотором роде он и делал.— Жаль, здесь нет Гармата,— проворчал он.— Если кто-то и знает, как думает бандит, то это он.— Усанас показал на арабские суденышки, которые следовали за флотом Антонины.— Он мог бы придумать, как уговорить их убраться прочь.

— Сомневаюсь,— устало сказала Антонина. Она перестала тереть лицо и уставилась на небольшую армаду. Суденышки напоминали ей канюков[1], которые следуют за стаей волков.— Проблема в том, Усанас, что они на самом деле не являются пиратами. Просто бедные рыбаки и бедуины, почувствовавшие шанс поживиться трофеями.

— Они нарушат все наши планы! — рявкнул Вахси.— Нам никак не сохранить наше путешествие в тайне, если за нами следует такой косяк гусей. При условии, что они просто не продадут информацию малва.

Антонина снова стала тереть лицо. На этот раз только одной рукой, медленно проводя по челюсти. Не осознавая, она частично имитировала любимый жест мужа, когда он находился в глубоких размышлениях.

— Может, и нет,— задумчиво сказала она.— Может...

Антонина посмотрела вверх, определяя время дня.

— Вскоре солнце сядет.— Она показала на небольшой залив по левому борту.— А мы сегодня ночью можем там спрятать флот? — спросила у Вахси.

Командующий сарвом Дакуэн быстро осмотрел залив.

— Конечно. Но зачем? Ты сказала, чтобы мы оставались вне пределов видимости с суши, после того как пройдем полпути от Хадрамаута[2]. Мы прошли. Мы должны уходить дальше в море.

---

[1] Канюки — род хищных птиц семейства ястребиных. Истребляют грызунов. *(Прим. перев.)*

[2] Хадрамаут — государство, известное с 3 тыс. до н.э., как место добычи ароматической смолы (ладана). На протяжении истории было и самостоятельным, и входило в состав Аксумского царства, Химьярийского царства и Персии. *(Прим. перев.)*

Следить, что остаемся за горизонтом в дневное время, пока не достигнем Ормузского пролива.

Антонина пожала плечами.

— Я хотела этого в целях секретности. А когда они следуют за нами...— она показала на флот суденышек.— Нет смысла. Мы также должны и их держать вне пределов видимости. Это невозможно сделать, не поговорив с ними. Поэтому я и хочу бросить якорь в заливе. Суденышки последуют за нами, и, думаю, я смогу провести с ними переговоры.

— Переговоры? — подавился Вахси.

Антонина улыбнулась.

— Почему нет?

Вахси теперь гневно смотрел на нее.

— Ты сошла с ума? Неужели ты думаешь, что сможешь найти разумные доводы с этими... этими...

Его оборвал смех Усанаса. Смех и последовавшая за ним улыбка.

— Конечно, она это не думает, Вахси!

Высокий охотник улыбался маленькой римлянке, глядя на нее сверху вниз.

— Она не собирается взывать к их «разумности», парень. Просто к их жадности.

— Хорошо сказано,— пробормотала Антонина. И скромно улыбнулась Вахси.— Помнишь, я же — гений?

* * *

Конечно, переговоры с небольшой ордой арабских вождей и их помощников отняли много часов. У каждого маленького суленышка имелся своей независимый капитан, и у каждого из них было свое мнение. А часто — четыре или пять мнений.

— Мы не можем взобраться на борт этих огромных судов малва,— рявкнул один из бывших деревенских старейшин, который превратился в пиратского капитана. Он говорил медленно и делал множество ударений, чтобы Антонина все понимала. Она все еще не очень хорошо говорила на арабском.— Один раз, когда мы попытались...— он вскинул руки вверх.— Убили! Разбили! Вернулись только два корабля.

— Убили! Разбили! — послышался шум толпы.

Шатер, который Антонина приказала поставить на берегу, был заполнен арабскими вождями. Все они присоединились к возгласам, как греческий хор.

Антонина ответила улыбкой, достойной бандита.

— Предполагаю, это был корабль моего мужа.

Заявление вызвало мгновенную тишину. Семнадцать пар глазбусинок осматривали ее, подобно хорькам, изучающим курицу. За

исключением того, что эта курица мгновение назад объявила о своем браке с птицей Рух[1]. Антонина кивнула на Усанаса. Охотник сидел на корточках в стороне, в углу шатра. Он находился там с тех пор, как начали заходить арабы. После одного беглого взгляда никто из них не обращал на него внимания. Очевидно, раб римской женщины был недостоин их внимания.

Усанас улыбнулся и лениво поднялся. Высокий охотник отвел руку назад и взял свое огромное копье. Затем, легко его подняв, стал быстро произносить предложения на беглом арабском. Антонина понимала только часть, но суть уловить было несложно.

На самом деле он говорил простые вещи.

— Да, это так, вы, шелудивые псы. Я тоже там был.

(Здесь двое из военачальников зашипели и попытались скрыться в гуще толпы. Никакого перевода не требовалось — они совершенно ясно понимали Усанаса.)

— Это было почти смешно — то, как вы, жалкие пираты-любители, разлетались во все стороны — те немногие из вас, кто все еще мог после того, как мы вспарывали вам животы, обезглавливали, лишали конечностей, и калечили, и резали, и рубили...

И так далее, и тому подобное. К счастью, Усанас закончил на радостной ноте.

— Поэтому давайте пропустим всю чушь о том, что можно и что нельзя сделать. Вы определенно не могли это сделать. Но никто вас и не просит. Мы выполним серьезную работу. А все, что от вас требуется,— это забрать трофеи.

Рыбаки-бандиты не оскорбились, выслушав мрачные насмешки Усанаса. Но их глубоко оскорбило его последнее заявление.

И снова у Антонины не возникло сложностей с интерпретацией сути их горячих замечаний.

— Что? Мы выглядим дураками? Почему вы станете делать всю опасную работу и позволите нам взять трофеи? — фырканье, фырканье.— Вы принимаете нас за идиотов?

Антонина решила вставить слово голосом женского разума.

— Никто не сказал, что вы получите *все* трофеи, вы, глупые болваны. Мы что, сами выглядим дураками?

Она повелительно показала на флот аксумских военных кораблей, которые стояли на якоре в заливе. Корабли хорошо посматривались в лунном свете, поскольку полы шатра были раздвинуты, чтобы мог залетать прохладный ветерок.

---

[1] Птица Рух — огромная легендарная птица из арабской мифологии, которая относит слонов и других крупных животных к себе в гнездо и пожирает их там. О ней рассказывается в «Тысяче и одной ночи». *(Прим. перев.)*

— Вот это, вы, необразованные болваны, то, что называется военными кораблями. Они также отличаются от ваших жалких каноэ, как лев от овцы. Вы знаете, что такое овца? Вам следует. Вы слишком часто их трахали, поскольку вы слишком уродливы, чтобы совратить женщину, и слишком неуклюжи, чтобы поймать ее.

Арабы громко расхохотались. Затем уселись поудобнее на пятках и приготовились к серьезному торгу. Ясно, что с римлянкой можно иметь дело. Она великолепно владеет оскорблениями, даже если и не очень хорошо знает язык, и говорит о деле. Но следует сделать скидки. В конце концов арабский все-таки — не ее язык.

Антонина хлопнула в ладоши, как школьная учительница, привлекающая внимание глупых и трудноуправляемых учеников. Арабы улыбнулись.

— Аксумские военные корабли вполне способны захватить суда малва. Проблема в том, что это — военные корабли. Недостаточно места со всеми солдатами, чтобы унести все трофеи.— Следующие слова Антонина произнесла медленно, чтобы тупицы смогли следить за ее простыми доводами.— Мы-возьмем-все-что-можем. Вы-возьмете-остальное. Вы-меня-поняли?

Подозрение вернулось, с полной силой.

— Почему ты предлагаешь нам благотворительность? Мы что, дураки? Капкан! Ловушка!

Один из них начал предупреждать товарищей, что предатели — римляне и аксумиты пытаются украсть их лодки, но его заставили замолчать хмурые лица. Это было оскорбительно для их ума. Арабы прекрасно знали, что аксумиты также заинтересованы в их латанных-перелатанных лодках, как в верблюжьем дерьме. Тем не менее...

— Почему?

— Мы воюем с малва,— последовал ответ Антонины.— Мы ударим по их охране и сопровождению, но мы не ищем трофеи как таковые. После того, как мы закончим, мы поплывем на восток, чтобы штурмовать крепость в Бароде. Сжечь ее дотла. Во время войны нужно перемещаться быстро. У нас не будет времени заниматься всей флотилией и проверять, что они полностью разбиты. Мы просто калечим их, берем, что можем, и быстро отправляемся в путь. Быстро. Вы с ними покончите.

Она откинулась назад, спокойно на них глядя. Как школьная учительница, удовлетворенная, что наконец донесла до учеников простой урок.

— С вашей помощью мы нанесем самый тяжелый удар по малва. С нашей помощью вы получаете много трофеев. Это сделка.

Потребовалось еще два часа. Но на самом деле это было нетрудно. Большая часть этого времени прошла в спорах по мелким деталям.

Арабы останутся вне пределов видимости земли, как и аксумиты. Они будут подчиняться приказам командующего флотилией. (Тут Антонина показала на Усанаса, а охотник начал точить копье.) Они не станут отклоняться, если увидят одинокий торговый корабль. И так далее, и тому подобное.

Эти люди знали хорошую сделку, когда ее видели. Даже если и не были гениями.

Глава 27

Тигр

Осень 532 года н.э.

— Ты кажешься несчастным, Шанга,— заметил Дамодара.— Почему?

Господин из малва остановил коня на склоне рядом с царем раджпутов. Дамодара показал на заливной луг под ними. Была четко видна большая река в нескольких милях, которая, медленно извиваясь, несла свои воды к морю.

— Я думал, ты обрадуешься при виде Тигра. Наконец-то.

Рана Шанга потер шрам на левой щеке. Затем, поняв, что делает, отдернул руку. Он — царь Раджпутаны. Полученные в битве шрамы следует с достоинством игнорировать.

Все еще хмурясь, Шанга повернулся в седле и уставился назад на горы. Пики горной системы Загрос маячили за ними, как несчастливые гиганты. Они тоже казались обеспокоенными.

— Что-то не так,— пробормотал он.

Шанга снова повернулся и посмотрел вниз по склону перед ними. Территория была усыпана кавалеристами-раджпутами. Каждое кавалерийское подразделение сопровождалось следопытом-патаном, но присутствие следопытов казалось излишним. Огромный след, оставленный римской армией, не пропустил бы и слепой. Десять тысяч лошадей и столько же вьючных мулов разрывают почву, как плуг Титана.

— Почему ты это говоришь? — спросил Дамодара.— Тебя беспокоит, что наши высланные вперед разведчики все еще не добрались до Велисария? — Господин из малва пожал плечами.— Я не нахожу это странным. После того как Велисарий принял решение отступать в Месопотамию, у него имелись все основания двигаться так быстро, как он только мог. Мы, с другой стороны, двигались осторожно и медленно. Ведь он вполне мог устроить засаду.

Дамодара показал на заливной луг и провел рукой по широкой дуге.

— Нет способа устроить засаду здесь, Рана Шанга. Эта земля плоская, как доска. Просматривается на несколько миль.

Командующий из малва сел в седле поудобнее.

— Да, мы не знаем, где он, Ктесифон. Скорее, Пероз-Шапур. Может, где-то еще. Но в том, что он в долине, нельзя сомневаться. Едва ли можно оставить более четкий след.

Губы Шанги искривились.

— Нет, нельзя. И именно это меня и беспокоит.— Он снова повернулся в седле и уставился назад на горы.— По моему опыту, господин Дамодара, Велисария следует больше всего бояться, когда его действия кажутся наиболее очевидными.

Дамодара на мгновение почувствовал раздражение от упрямой мрачности Шанги, но подавил его. Он научился не отмахиваться от предчувствий Шанги. Царь раджпутов, несмотря на все аристократические атрибуты, обладал боевыми инстинктами дикого зверя. Человек был бесстрашным, как тигр, но без претензий тигра на верховодство.

Дамодара чуть не рассмеялся от образа, который пришел ему на ум. Мышь размером с тигра, с клыками и когтями тигра, с хмурящимся лицом Шанги. Яростное беспокойство, тревожная смелость.

Шанга все еще смотрел на горы.

— Я не могу не вспомнить еще один след, оставленный Велисарием,— сказал он медленно. И легко дернул головой, показывая на заливной луг внизу.— Точно такой же очевидный, как этот.

Он повернул голову к Дамодаре.

— Я хотел бы получить твое разрешение пройтись назад по нашим следам. Мне потребуется несколько следопытов-патанов и люди из моего клана. Ты можешь отпустить пятьсот кавалеристов на две недели.

Впервые легкая улыбка появилась на лице Шанги.

— Несмотря ни на что, я думаю, тебе не нужно бояться засады.— Улыбка исчезла.— У меня есть чувство, что Велисарий охотится за большей дичью; чем мы.

Хмурясь от удивления, Дамодара кивнул на юг.

— Единственная большая, чем мы, дичь — это армия Великой Госпожи Холи.

Господин из малва в присутствии Шанги не притворялся, что Великая Госпожа Холи просто сопровождает основную силу империи малва в Месопотамии. Шанга, как и Дамодара, знал, что «Великая Госпожа Холи» — это только человеческая оболочка. Внутри тела старой женщины находилась божественная сущность из будущего по имени Линк. Линк, и только Линк, командовал той огромной армией.

— В той армии более ста пятидесяти тысяч человек, Рана Шанга,— возразил Дамодара.— Уже сейчас они оставили укрепления Харка и маршируют на север вдоль по Евфрату, и им нечего бояться

Велисария. Военный гений он или нет, армия этого человека слишком мала, чтобы им угрожать.

Шанга пожал плечами.

— Я не претендую на то, что у меня есть какие-то ответы, господин Дамодара. Я почти уверен, что *это,*— он показал на след, оставленный римской армией,— ножевой порез на копыте лошади[1]. Дамодара не понял последнее замечание, но не стал требовать объяснений от Шанги. Но и не стал отказывать в разрешении. Зачем ему? На открытой местности в долине Велисарий не представлял реальной угрозы его армии. Дамодара мог позволить себе на две недели отказаться от услуг Раны Шанги и пятисот кавалеристов-раджпутов.

— Очень хорошо,— сказал Дамодара, сделал паузу и потер поясницу.— Вероятно, так даже лучше. Армия устала. Пока тебя нет, мы встанем лагерем у Тигра. После шести месяцев кампаний солдаты могут позволить себе отдохнуть.

Глава 28

Ормузский пролив
Осень 532 года н.э.

Вначале Вахси отнесся к делу скептически. Но к тому времени, как флотилия достигла Ормузского пролива, даже он не сомневался, что арабы не выдадут секрет.

— По крайней мере до тех пор, пока не обнаружат, что с ними сыграли шутку,— сказал он Антонине.

Командующий сарвом Дакуэн прижался плечами к главной мачте и терся ими об нее, чтобы избавиться от зуда. То кошачье удовольствие, которое он, казалось, получал от трения, плохо вязалось с несчастливой гримасой на его лице.

Вахси пребывал в мрачном настроении с начала экспедиции. Как и Маврикий, Вахси смотрел на «хитрые планы» с предубеждением — в особенности на планы, которые зависели от правильного расчета времени и секретности. Синхронизация — миф; и камни болтают; и ничто никогда не срабатывает, как должно. Это для Вахси, как и для Маврикия, было триединой истиной.

— Наверное, на самом деле не имеет значения,— проворчал он мрачно.— В любом случае, я уверен: половину толпы, которая наблюдала за нашим отплытием из Асэба, составляли агенты малва.

— Пожалуйста, Вахси! — запротестовала Антонина. И улыбнулась: — Ты преувеличиваешь. Не больше трети толпы, в самом худшем случае.

[1] См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «В сердце тьмы». *(Прим. перев.)*

Вахси нахмурился еще сильнее. Антонина вздохнула и решительно произнесла:

— Вахси, они видели, как мы отплывали на *север*. Везли Когорту Феодоры назад, в Египет.

— Они не поверят...

— Конечно, нет! — рявкнула Антонина.— Именно поэтому я заставила своих сирийцев весело болтать на рынках, что у нас есть тайный план выгрузиться в Аиле и маршировать в Месопотамию. Малва будут искать правду под иллюзией, и это должно их удовлетворить. В особенности, когда они увидят Ашота и его катафрактов — и всю Когорту за исключением пушечных расчетов — сходящих на берег с кораблей и марширующих внутрь материка.— Она захихикала.— Кутина также выглядела идеально в той бесстыдной копии моей бесстыдной кирасы.

Вахси все еще хмурился. Антонина снова вздохнула.

Теперь в раздражении и выведенная из себя добавила:

— Неужели ты в самом деле думаешь, что шпионы малва в Аиле собираются сверять данные со шпионами малва на другом берегу Красного моря, чтобы проверить, сошлось у них количество кораблей в огромной флотилии или нет? Неужели ты в самом деле думаешь, что кто-то видел, как двенадцать кораблей поворачивали после спускания темноты и плыли назад? Неужели ты в самом деле думаешь, что агенты малва могут видеть в темноте? Мы находились вне видимости земли, когда проходили мимо Асэба, и мы оставались вне пределов видимости, пока не добрались до Хадрамаута.— Она завершила твердо: — Единственными, кто нас заметил, были арабские рыбаки с побережья, а теперь они с нами.

Вахси было нечего возразить. Но у него все равно оставалось упрямое выражение лица.

Прислонившийся к палубному ограждению поблизости Усанас внимательно слушал разговор. Когда он заговорил, его лицо выглядело серьезнее, чем обычно.

— Тем не менее, Антонина, Вахси поднял важный вопрос,— Усанас рукой показал на флотилию суденышек, которые следовали за аксумскими боевыми кораблями.— Что они сделают после того, как обнаружат обман?

Антонина пожала плечами.

— Представляю, что будут очень мной недовольны. И что? Маловероятно, что они атакуют *нас*. Эти потрепанные, искусанные блохами бандиты не посмеют атаковать как аксумские военные корабли, так и корабли малва.

Вахси прекратил тереться плечами о мачту и встал прямо. Он положил руки на бедра, повернулся и гневно посмотрел на арабские суденышки.

— Я скажу тебе, что они сделают, Антонина. Они будут такими же ворчливыми и недовольными, как такое же количество верблюдов. И начнут искать, что бы получить за эти безветренные дни, когда они сидели на веслах. Этого не случится, пока мы не окажемся почти в Харке. Жадные ублюдки будут надеяться, до последней минуты, что флотилия малва, которую ты им обещала, находится прямо за горизонтом. Но к тому времени, как они поймут, что нет никакой флотилии малва и никогда не было, они также поймут, *что* ты на самом деле планируешь сделать. Они выйдут на берег и отправятся искать первых же малва, которым можно будет продать информацию.

Он повернулся назад к Антонине и склонил голову.

— Разве я не прав? — спросил.

Она ответила веселой улыбкой.

— Да. Да, прав. И что тогда?

За ее вопросом последовало молчание. Внезапно Усанас расхохотался.

— Конечно! Тогда...— Он снова хохотнул.— Тогда группа бедных арабов, для которых торговаться о цене — это и искусство, и спорт, проведут двадцать восемь лет, споря о цене с высокомерным и надутым чиновником малва. *До того,* как что-то скажут малва. К тому времени...— Он одобрительно улыбнулся Антонине.— Все уже закончится, тем или другим образом.

Он перевел сияющую улыбку на Вахси.

— Эта женщина — гений. Я говорил это раньше, говорю и теперь.

Даже Вахси улыбнулся.

— Она хитрая, с этим я согласен.— И недовольно: — Может быть. Может быть, это сработает.— Затем он снова нахмурился.— Ненавижу хитрую тактику.— Мгновение его глаза ласкали его огромное копье, прислоненное к палубному ограждению рядом. Он вздохнул и почесал голову.— Знаете, чего я хочу? Я хочу...

Внезапно послышался крик впередсмотрящего. За ним последовал поток слов. Мгновение спустя Вахси уже прыгал, сияя от радости.

Усанас вскочил на палубное ограждение левого борта, держась за штаг. После того, как он убедился в заявлении впередсмотрящего собственными глазами, на его лице появилась улыбка.

— Твое желание исполнилось, командующий сарвом Дакуэн! — весело закричал он.

Даже если бы Антонина стояла на палубном ограждении, она все равно ничего не увидела бы из-за маленького роста.

— Неужели в самом деле?..

— Да! Радуйся, Антонина! Твое имя не будут проклинать в деревнях Хадрамаута и не будут называть тебя хитрой обманщи-

цей.— Усанас драматически показал на северный горизонт.— Идет флотилия малва — как ты и обещала!

Глава 29

Конечно, это была слепая удача. Сезон муссонов с западными ветрами, который принесет орды кораблей с провизией и боеприпасами для малва в Харке, не начнется еще несколько недель. В это время года муссоны восточных направлений дули последние дни, и Антонина не ожидала встретить корабли, плывущие назад в Индию.

В некотором роде это было неудачно. Вообще-то Антонина предпочла бы не встретить никаких кораблей малва на пути в Харк. Всегда оставалась опасность, что ее собственная флотилия получит слишком сильные повреждения во время морского сражения, чтобы выполнить свою задачу. Если бы арабские суда не присоединились к ее флотилии, то она бы испытала искушение позволить кораблям малва пройти мимо неповрежденными.

Но когда она поделилась своими опасениями с Вахси, командующий сарвом Дакуэн покачал головой.

— Это бессмысленно, Антонина. Малва заметили нас, когда мы заметили их. Вероятно, раньше, если впередсмотрящие сидят у них на огромных мачтах. Они бы послали предупреждение в Харк на одной из галер. Нам в любом случае пришлось бы их атаковать.

Теперь флотилия малва была полностью видна. Корабли плыли с запада на восток. Аксумский флот, приближающийся с юга, с ветром на траверзе[1], шел к ним под углом в девяносто градусов. Вахси изучил вражеские корабли. Корпуса огромных грузовых судов появились над горизонтом и аксумиты могли видеть паруса двух меньших галер, которые служили эскортом. Галеры уже сворачивали паруса и доставали весла, готовясь к сражению.

— Самоуверенное надменное дерьмо,— рявкнул Вахси.— Две галеры? Для флотилии такого размера? — Его акумское amour propre[2] было глубоко оскорблено.

Усанас рассмеялся.

— Вероятно, они не ожидали встретить военные корабли аксумитов, Вахси. По крайней мере не в этом году.— Он показал большим пальцем через плечо на арабские суда. Суденышки уже отставали и рассредоточивались. Арабы планировали оставаться вне сражения, но быть готовыми броситься вперед, когда придет время брать трофеи.

---

[1] Траверз — направление, перпендикулярное курсу судна или самолета. *(Прим. перев.)*

[2] Amour propre (франц.) — чувство собственного достоинства, гордость, самолюбие. *(Прим. перев.)*

— Двух галер более чем достаточно, чтобы защититься от этого сброда. Мы отразили атаку флота такого же размера одним неохраняемым грузовым судном[1]. Он окинул взглядом пять грузовых судов.

— Большие негодяи, не так ли?

— И что? — Вахси пожал плечами.— Мы не планируем брать на абордаж эти деревянные скалы.— Он одобрительно посмотрел на римские артиллерийские расчеты, которые готовили орудия к бою.— Мы просто разобьем их в щепки и позволим арабам доделать остальное.

В глубине души Антонина подумала, что Вахси слишком оптимистичен. Как и многие люди, не имевшие опыта с пушками, Вахси склонялся к преувеличению их эффективности. Но она ничего не сказала. Это было не время для сомнений. Не сейчас, когда осталось менее чем два часа до напряженного морского сражения.

Она перевела взгляд на мужчин и женщин Когорты Феодоры, которые готовили пушки к бою. Но в отличие от незапятнанного восхищения Вахси, ее взгляд был понимающим.

Слишком маленькие суда. Это беспокоило ее больше всего. Аксумские боевые корабли, в отличие от корабля, который Иоанн Родосский соорудил год назад, не предназначались для пушек. В имевшееся время, до того, как они покинули Асэб, ее сирийские артиллеристы сделали все, что могли. Но справиться с основными проблемами конструкции самих судов не представлялось возможным.

Как почти все военные корабли того времени, аксумские суда строились ради скорости и маневренности. Хорошо укрепляли только нос, все остальные части делались легкими. И даже носы на аксумских военных кораблях были относительно хрупкими. Аксумская военная тактика базировалась на абордаже. На этих кораблях отсутствовали бревна в носовой части, при помощи которых идут на таран и делаются пробоины в кораблях противника.

А что еще хуже, эти корабли строились с использованием метода, обычного для Средиземного и Эритрейского морей. Вместо того чтобы начинать с крепкого каркаса, киля и шпангоутов — этот метод во времена Антонины использовался только на севере Европы,— аксумские корабли строились из планок, которые сколачивались или сшивались вместе, с небольшим количеством внутренних сцеплений, добавляемых в самом конце. На самом деле эти корабли были не более чем деревянными скорлупками. Отдача от пальбы пятидюймовых орудий начнет ломать корпуса после нескольких выстрелов.

Артиллерийские расчеты Антонины пришли к компромиссу, просто укрепив корпуса прямо по центру судов. На каждом аксумском

[1] См. роман Д. Дрейка и Э. Флинта «Окольный путь». *(Прим. перев.)*

корабле стояло по четыре орудия, по два на каждой стороне. Да, внушающие страх орудия, в особенности на расстоянии нескольких сотен ярдов. Но два орудия — это слабая артиллерия одного борта, и для бортового залпа маловато.

На мгновение Антонина почувствовала глубокое сожаление, что у нее нет с собой корабля Иоанна. В это мгновение она бы обменяла половину аксумской флотилии на одну «Феодору». Но...

Антонина мысленно пожала плечами. Она приняла правильное решение. Было бы возможно, хотя и очень трудно, переправить «Феодору» волоком из Нила в Красное море. Но сделать это тайно не представлялось возможным, не с тем количеством рабочей силы, которая потребуется для выполнения этой задачи. Малва бы получили информацию о ее планах. Единственной причиной перетаскивать «Феодору» в Красное море было бы намерение отправиться за судами малва в Персидском заливе. Малва, вероятно, не додумались бы до ее конечной цели: атаковать Харк с моря. Безумие, ведь Харк — самая укрепленная гавань в мире. Но они определенно усилили бы патрули в Персидском заливе, и этого оказалось бы достаточно, чтобы сорвать ее планы.

Ее раздумья прервал крик впередсмотрящего. Через несколько секунд Антонина увидела причину. Две галеры малва отделились от вражеской флотилии и направлялись прямо на аксумитов.

— Они — смелые ублюдки,— сказала она наполовину с восхищением.

Вахси бросил на нее взгляд и ухмыльнулся.

— Смелые? Нет, Антонина. Они просто — важные задиры, которые никогда не встречались с аксумитами в море.

Взгляд командующего сарвом Дакуэн вернулся к пушкам. Антонина подавила смешок. Вахси, как думала она, испытывал искушение не использовать пушки — просто чтобы доказать малва, насколько безнадежно они уступают классом.

Но Вахси был ветераном. Через несколько секунд, он очевидно, подавил детский импульс. Он повернулся к Усанасу и сказал:

— Я рекомендую просто разорвать их на части на пути к самой флотилии. Но решение за тобой, аквабе ценцен.

Термин «аквабе ценцен» означал «хранитель мухобойки (в виде конского хвоста на ручке)». Римлянке Антонине казался странным титул человека, который по власти шел вторым за самим негусой нагастом. Но мухобойка вместе с копьем являлась традиционной эмблемой аксумского королевского дома. Через три дня после вступления в брак царь царей присвоил титул Усанасу. Если не считать сил в самом Аксумском царстве, и войска, которым командовал Гармат, как новый наместник в Аравии, Усанас теперь стал высшим военачальником в Аксуме, а также главным советником царя.

Усанас улыбнулся.

— Пожалуйста, Вахси! Я все еще старый грубый варварский охотник. Я столько же знаю о морских сражениях, сколько гиппопотам о поэзии.— Он сделал широкий круговой жест.— Я оставляю все в твоих компетентных руках.

Вахси заворчал.

В конце концов, все эти велеречия не были потеряны зря.

Мгновение спустя он уже выкрикивал приказы команде. Флагманский корабль продолжал идти курсом на север, все еще под парусом. Другие аксумские военные корабли следовали за ним. Антонина удивлялась. Она ожидала, что Вахси прикажет убрать паруса и приготовить весла. Как и все подобные суда того времени, аксумские военные корабли вступали в сражения на веслах, а не под парусами.

Вначале она предположила, что Вахси отдал такой приказ, поскольку не доверят гребной способности кораблей. Для установки на судах пушек пришлось вывести из строя большое количество скамеек для гребцов. Но затем, когда Антонина увидела мрачное удовлетворение на лице Вахси, ей пришлось подавить смешок.

Вахси был слишком опытным ветераном, чтобы удовлетворять детский порыв сражаться без пушек. Но она подумала, что он нашел замену. Вахси победит врага, даже не попытавшись использовать весла — точно так же, как мальчик хвастается, что он может кнутом побить другого, когда одна его рука привязана за спиной.

Когда галеры приблизились, веселость Антонины исчезла. Ее заменила настороженность. Несмотря на все превосходство аксумских кораблей над судами малва, они все равно не могли маневрировать, оставаясь под парусами.

Антонина просяще посмотрела на Усанаса. Он улыбнулся в ответ. Она с неохотой открыла рот, готовясь призвать к осторожности упрямого командующего сарвом Дакуэн.

Какие бы слова она ни собиралась произнести, они были потоплены внезапным криком Вахси.

— Меняйте курс! По ветру!

Через несколько мгновений корабль положил руль направо и пошел по ветру. За ними один за другим корабли повторяли маневр предыдущего, пока его не скопировала вся флотилия.

Антонина задержала дыхание. Они теперь неслись наперерез приближающимся галерам малва на скорости, казавшейся поразительной. Столкновение казалось почти неизбежным — а суда малва, в отличие от их собственного, были снабжены жуткими выступающими вперед бревнами, разрезающими волны.

Только в последнее мгновение она все поняла. Малва на веслах могут быть более маневренными. Но они двигаются не быстрее,

чем несущиеся по ветру аксумиты. Аксумские военные корабли пересекут путь вражеских галер на очень близком расстоянии. Для выстрелов в упор.

Сирийские артиллеристы отлично показали себя. И если Антонина не смогла привезти «Феодору», она смогла привезти с собой офицера, командующего артиллерийскими расчетами. Самого лучшего офицера-артиллериста в мире.

Прозвучал высокий голос Эйсебия. Два пятидюймовых орудия на левом борту прогрохотали, покачнув корабль.

Когда дым рассеялся...

Два пятидюймовых мраморных ядра, которые выпустили с тридцати ярдов, пробили нос галеры. Оба ядра, вероятно, ударили в дюймах друг от друга, прямо в нос.

После того как тяжелые сцепления, которые удерживали используемое для тарана бревно, разбили, они стали напоминать многочисленные коперы, вбивающие тонкие планки в корпус[1]. Корабль малва раскрылся, как жуткий цветок, выплескивая людей и кровь в море.

Жуткий вид остался позади. Вторая галера малва приблизилась, также с левой стороны. Прошло недостаточно времени, чтобы артиллеристы могли перезарядить орудия, поэтому Вахси просто повел корабль дальше. Несколько секунд спустя Антонина услышала грохот орудий на другом корабле, следующем за ними. Затем третьем и четвертом.

Она не стала поворачивать голову, чтобы посмотреть на результаты. Не было необходимости. Некогда веселые лица Усанаса и Вахси служили ей зеркалом.

— Рыбам достанется много еды,— объявил Вахси.

Он посмотрел вперед. За носом он мог видеть пять больших грузовых кораблей, менее чем в миле от них.

— Теперь скоро,— Вахси показал пальцем.— Посмотрите. Они уже приготовили ракеты.

Словно его указывающий палец послужил сигналом, партия ракет взмыла вверх с одного из кораблей малва. Из шести ракет пять бесцельно дергались в небе, пока не упали в море. Но одна летела по прямому курсу, пока тоже не упала, не принеся вреда, в волну, в двухстах ярдах.

Антонина не почувствовала облегчения при виде неприцельной стрельбы малва. Первая партия была ошибкой, несомненно выпущенная по приказу потерявшего голову капитана. Расстояние все еще оставалось слишком большим, чтобы ракеты имели какую-то

[1] Копер — устройство для вбивания свай в твердый грунт или на большую глубину. *(Прим. перев.)*

реальную надежду на успех. Но то, как ровно одна ракета выдерживала курс, могло означать только одно.

«Они снабдили их настоящими выхлопными соплами. По крайней мере некоторые ракеты. Как и предсказывал Велисарий».

Антонина вздохнула.

— Я думаю...

Вахси уже выкрикивал приказы. Мгновение спустя аксумский экипаж носился по кораблю, воздвигая новый противоракетный щит. На каждом аксумском корабле размещалось почти двести солдат. Большинство из них при обычных условиях были бы заняты на веслах. Но когда корабль шел под парусом, они освобождались для другой работы. Щит воздвигли за несколько минут.

Наблюдая, Антонина молча укоряла себя. Намерение Вахси сражаться под парусом, как она теперь поняла, не было решением воинственного и агрессивного мужчины, горящего желанием показать свою храбрость. Командующий предвидел необходимость быстро воздвигнуть щиты.

Антонина бросила взгляд на Усанаса. Аквабе ценцен снова ей улыбался. Она улыбнулась в ответ, с юмором принимая насмешку.

«Я тоже, когда доходит до дела,— только любитель. Пусть делом занимаются профессионалы».

Она перевела взгляд на щит. В ней пробудилась профессиональная гордость. Антонина может ничего не знать о кораблях, но разбирается в ведении военных действий с использованием пороха. Как она думала, лучше, чем кто-либо в мире. Иоанн Родосский может лучше знать теорию, но не практику. «За исключением моего мужа. После всех этих месяцев борьбы с раджпутами в Персии, я уверена: он лучше меня».

Мысль вызывала одновременно гордость и беспокойство. Антонина не представляла, жив ли еще Велисарий. К этому времени он уже должен был получить послание, которое она ему отправила, сообщая Велисарию, когда покинет Асэб для их встречи в Харке. Это послание планировалось доставить самыми быстрыми лошадьми к ближайшей сигнальной станции в Аиле. А оттуда передавать от одной сигнальной станции к другой, которые они с Велисарием построили в прошлом году. Послание должно было дойти до Ктесифона за день. Персидские курьеры доставят его в армию Велисария в горной системе Загрос, снова используя самых быстрых лошадей.

Но не было способа отправить ответ. Однажды Велисарий рассказал Антонине о почти магических средствах передачи информации будущих столетий. Одно называлось радио. Такие приспособления оставались вне технологических возможностей ее времени и останутся еще много десятилетий, даже при помощи Эйда.

Антонина вздохнула, чувствуя себя несчастной. Чтобы стряхнуть беспокойство о Велисарии, она снова принялась изучать щит.

Антонина сама спроектировала щиты до того, как покинула Константинополь в прошлом году. Конечно не без совета Велисария — и большой помощи, когда дело дошло до перевода теории в практику, от сирийцев из ее Когорты Феодоры. Артиллеристы и их жены родились и выросли на приграничных территориях и были великолепными кузнецами, плотниками и кожевникмаи. А то, что они не могли сделать сами, сделали аксумские ремесленники и мастеровые, которых в их распоряжение предоставил царь Эон в Асэбе.

Каждый аксумский корабль был снабжен железными обручами на палубных ограждениях у носа. Тяжелый деревянный коньковый брус прикреплялся к главной мачте. Брус шел параллельно корпусу корабля, прямо по центру, его конец крепился на корме.

Как только Вахси отдал приказ, сирийские артиллеристы и аксумские моряки начали воздвигать щит. В то время, как аксумиты сворачивали паруса, артиллеристы вставляли крепкие деревянные скрепы в железные обручи вдоль по палубным ограждениям. У каждого обруча имелся стержень, приваренный поперек нижней части, чтобы удерживать скрепы. В верхнем конце каждой скрепы имелось просверленное отверстие. Когда артиллеристы опустили скрепы по направлению к брусу, аксумские моряки стали продевать веревку сквозь отверстия. Через несколько минут верхние части скреп были крепко привязаны к мачте и брусу. В конце получилась склоненная форма в виде буквы «А», которая покрывала нос корабля.

Другие люди уже перебрасывали веревки через брус и скрепы. Опытные моряки быстро и крепко затянули веревки. Теперь щит был привязан и снизу.

Тем временем жены артиллеристов закончили вытягивать из трюмов специальную броню — куски вареной кожи, предварительно разрезанные и с проделанными отверстиями, пришивались к каркасу из бруса и веревок тонкой нитью. Моряки начали поливать кожаную броню морской водой.

Антонина отправилась на нос вместе с Усанасом и Вахси, она восхищалась работой. Вахси не разделял ее энтузиазма.

— Уродство,— ворчал он.

Через отверстие для наблюдения в щите командующий гневно смотрел на поднимаемые носом корабля волны.

— Медленно. Неловко.

— Не обращай на него внимание, Антонина,— спокойно сказал Усанас. Аквабе ценцен показал пальцем на ближайшее судно малва. Огромный грузовой корабль находился менее, чем в четырехстах ярдах от них. Кштарии на нем суетились вокруг ракетных желобов.— Очень скоро Вахси будет рад, что у нас есть этот щит.

Секундами позже судно малва окутал дым. Шесть ракет полетели над водой.

Пять прошли мимо, причем на значительном расстоянии. Но шестая снова летела прямо и верно. Антонина задержала дыхание. Ей предстояло проверить, может ли она гордиться своим изобретением.

Оказалось — может. Ракета ударила по наклонной стороне щита и отскочила. Щит зазвенел, как огромный барабан. Ракета взлетела в небо и взорвалась в пятидесяти ярдах над головой.

Антонина выдохнула воздух, снова испытав огромное облегчение.

«Никаких взрывных механизмов, срабатывающих при соприкосновении. Слава Богу. Велисарий не думал, что они у них будут. В любом случае не на грузовых судах».

Теоретически, как она знала, щит защитит корабль даже от ракет, снабженных запалами, взрывающимися при соприкосновении с целью. По крайней мере, частично. Если запалы малва хотя бы в некоторой степени подобны римским, то это грубые приспособления. Легкого соприкосновения с кожаным щитом, от которого ракеты отскакивают, недостаточно, чтобы запустить механизм — а если и достаточно, то большая часть взрывной силы распределится по щиту вместо того, чтобы прорваться внутрь. Конечно, приспособление оказалось бы бесполезно против тяжелого пушечного ядра. Но малва еще не снабдили свои суда пушками. По крайней мере, эти суда.

— Хорошо,— проворчал Вахси.— Срабатывает.— И добавил недовольно: — Я на самом деле не думал, что сработает.

«А почему нет? — весело подумала Антонина.— Это же сработало в заливе Хэмптон-Родс, не так ли?»

Но она не стала делиться с ними мыслью. И Вахси, и Усанас знали об Эйде. Усанас фактически был одним из немногих людей в мире, который заходил в мир видений Эйда. Но на самом деле они не очень уютно чувствовали себя с получаемыми знаниями о будущем. В этот момент, в центре сражения им требовалась уверенность и твердая почва. Это было не лучшее время, чтобы начинать обсуждение видений.

«Кроме того, я должна поддерживать репутацию гения. Ей не пойдет на пользу, если я признаю, что скопировала свой проект с судна будущего под названием «Мерримак»«.

Еще одна партия ракет вырвалась с корабля малва. Затем, секунды спустя ракеты взлетели с палубы другого вражеского судна.

Вахси проигнорировал ракеты. Он склонился, высунул голову из отверстия в щите и прокричал приказы. Приказы тут же передали находящемуся на корме лоцману.

Аксумский корабль стал придвигаться к ближайшему врагу. Конечно, шел медленно. Щит был не особенно тяжелым, но все-таки

мешал. Гребцы напрягались, ворчали при каждом взмахе весел, заставляя судно идти вперед.

Медленное продвижение — это все равно продвижение. Флотилия малва — одни торговые суда, после того как разбили их эскорт — просто пыталась убежать от аксумитов. Но корабли малва расплачивались за свой неуклюжий дизайн и огромные размеры. Они ползли, как улитки.

Усанас облек в слова ее собственную мысль.

— Мы их догоним,— объявил он.— Думаю, уже скоро.

Глава 30

«Вскоре» оказалось через полчаса.

Через полчаса после этого «вскоре» стало «никогда».

Антонина снова вспомнила первый закон битвы. Ничто никогда не срабатывает, как должно.

* * *

— Поворачивай, Вахси! — крикнула она, стараясь, чтобы ее услышали сквозь грохот пушек и свист ракет.— Мы не можем их потопить!

Аксумский командир упрямо покачал головой. Затем втянул голову, когда еще одна партия ракет пролетела над головой. Но урона они не принесли. Сирийские артиллеристы через несколько минут сражения переключились на картечь — полые ядра, начиненные маленькими кусочками железа. Выстрелы крепкими мраморными ядрами оказались неэффективными, но выстрелы картечью удерживали кшатриев малва от палубных ограждений. Кшатрии не могли опустить свои желоба достаточно низко, чтобы те стреляли по аксумским кораблям под нужным углом.

— Нет смысла! — кричала Антонина.— Мы можем неделю пробивать дыры в этих проклятых судах, но не будет никакой разницы. Мы их не потопим!

Вахси проигнорировал ее. Он высовывался из-за щита, изучая остальные участки моря, где шла битва. Огромные грузовые корабли малва напоминали бизонов, которых разрывает дюжина сухопарых волков. Грохот пушечного огня смешивался со свистом ракет, которые взрывались над волнами. Каждый аксумский корабль окутывал дым, в каждом корабле малва в корпусе зияли пробоины — но ни одному из них не угрожало затопление, и это было ясно, как день. Сражение зашло в тупик.

Ожидая, чтобы Вахси принял решение, Антонина в раздражении ругалась по адресу корабля малва, маячившего над ней менее чем в двадцати ярдах.

В своем роде это было невероятное зрелище. Корпус корабля малва выглядел, как решето. По крайней мере дюжина пятидюймовых мраморных ядер проделали пробоины в тонких досках. Но...

«Я боялась, что это может случиться. Велисарий предупреждал меня, что деревянные суда будущего практически никогда не топили пушечным огнем. Испанская армада пострадала от шторма, а не от английских орудий. Единственный корабль, который фактически разрушили пушечным огнем во время Трафальгарского сражения[1],— это „Ахилл", да и то после того, как огонь распространился на склад боеприпасов. Остальные захватили, взяв на абордаж, или они потерялись во время последовавшего шторма. Все равно я надеялась,— ведь те суда в конце концов были тяжелыми, построенными на севере Европы. Не эти скорлупки. Но это не имеет значения. Дерево не тонет. Это все так просто». Еще одна партия ненацеленных ракет со свистом пролетела над головой. Малва просто вымещали собственное раздражение. Ракеты упали в море в нескольких сотнях ярдов за двумя аксумскими судами, которые шли рядом.

Вахси снова нырнул под щит. Теперь кожа поистрепалась — там, где ракеты малва ударяли на протяжении сражения. Но это по крайней мере сработало, как надеялась Антонина. Даже одна ракета, которая взорвалась, ударив по щиту, практически не принесла вреда. Пять гребцов получили ранения, но ни одного серьезного.

— Мы сделаем по-старому! — закричал Вахси.

Он схватил копье и стал выкрикивать новые приказы. Гребцы подвели судно к борту корабля малва. Аксумиты тут же достали крюки, чтобы цепляться за борт вражеского судна, и приготовили десантные трапы.

Антонина начала возражать. Это сражение с флотилией малва отвлекало их от цели. Они могли выйти из боя и все еще добраться до Харка задолго до того, как флотилия малва доставит тревожную весть. Последним, чего она хотела, были тяжелые потери аксумских сил во время абордажа.

Но возражения умерли у нее на губах. Одного взгляда на лицо Вахси оказалось достаточно. Командующего сарвом Дакуэн охватила ярость битвы. Боже, он возьмет эти суда — и неважно, как.

Антонина бросила взгляд на Усанаса. Аквабе ценцен пожал плечами.

Пушки, из которых сделали по последнему выстрелу картечью, быстро отводили в сторону, чтобы освободить места у палубных

---

[1] Трафальгарское сражение (21.10.1805) — у мыса Трафальгар (Испания) во время войны Франции против 3-й антифранцузской коалиции. Английский флот адмирала Нельсона разгромил франко-испанский флот, что обеспечило господство английского флота на море. *(Прим. перев.)*

ограждений. С Вахси во главе дюжины аксумских солдат перебросили крюки через проем между судами и начали атаковать борт корабля малва. Их воинский клич «Тааха Мариам! Тааха Мариам!» звучал с истинной жаждой крови.

— Забудь об этом, Антонина,— сказал Усанас.— Если бы здесь был Эзана...

Усанас бросил взгляд на другие корабли малва. Он уже видел, как аксумские солдаты их флотилии тоже готовятся к абордажу. И почти не слышал безжалостные слова — Тааха Мариам! Тааха Мариам!

Он повернулся назад к Антонине.

— Эзана всегда был более хладнокровным. Но я не уверен, смог ли бы он сдержать сарвенов. Особенно после того, как сражение зашло так далеко. В Аксумском царстве самый яростный военно-морской флот в Эритрейском море.

Антонина вздохнула и прислонилась к одному из удерживавших щит шестов. Ее лицо покрывал пот и полосы, оставленные орудийным дымом. Внутренняя часть скрытого щитом носа, в жаркий день в середине осени, напоминала плавильную яму.

— Ну тогда давай просто надеяться,— пробормотала она.

— Расслабься,— Усанас изучал ее умными глазами.— Ты думаешь о другой операции, когда брали на абордаж, не так ли? Когда мы — Велисарий и его товарищи — разбили арабских пиратов, которые пытались штурмовать наш корабль?[1]

Антонина устало кивнула. Усанас успокаивающе похлопал ее по плечу.

— Расслабься, говорю тебе.

Усанас замолчал на мгновение, прислушиваясь к звукам битвы, долетавшим с верхней палубы. Затем добавил очень спокойно:

— Здесь есть четыре отличия. Во-первых, тогда арабы столкнулись с большой силой йетайцев, которые сопровождали господина Венандакатру. На этих же торговых судах только несколько опасных ублюдков. Во-вторых, у арабов не было картечи, чтобы расчистить себе путь на палубу. Половина из них умерла до того, как они вообще добрались до палубных ограждений. В-третьих, там действовали пираты, а не аксумские военные моряки. Наконец...

Появилась широкая улыбка. Во мраке под щитом она показалась Антонине маяком.

— И наконец — глупая женщина! — у этих жалких ублюдков из малва нет твоего мужа, чтобы спасти их шкуры. Или меня,— добавил он скромно.— В особенности меня, если подумать.— Усанас схватил огромное копье и стал прыгать вокруг, изображая выпады и удары.— Я был ужасен. Сама ярость! Демон из ада!

[1] См. роман Д. Дрейка и Э. Флинта «Окольный путь». *(Прим. перев.)*

Антонине удалось улыбнуться. Несмотря на мрачные мысли, кривлянье и ужимки Усанаса развеселили ее. Находясь рядом с Усанасом, было невозможно долго предаваться унынию.

Внезапно звуки битвы изменились. Антонина быстро высунула голову из-под щита и посмотрела вверх.

Мгновение спустя солдаты и кшатрии малва стали прыгать за борт. За их собственными криками страха следовал убийственный воинский клич — «Тааха Мариам! Тааха Мариам!». Один из прыгающих малва, в ужасе неправильно оценив расстояние, приземлился на палубном ограждении флагманского корабля Антонины. Казалось, его тело развалилось пополам не более чем в десяти футах от нее. Звук от удара был такой, как будто в мешке с мусором переломились палочки. Антонина подумала, что у него сломана спина. Но это не имело значения. Даже до того, как ее телохранители Матвей и Лев достали оружие, Усанас бросился мимо нее и заколол упавшего моряка копьем. Огромный наконечник вскрыл его грудь и перекинул его за борт.

Она вытянула шею. Еще один — йетайец — прижался спиной к палубному ограждению и сражался с невидимым оппонентом. Менее, чем через две секунды, Антонина заметила его и увидела, как сквозь грудь йетайца проходит копье. Окровавленный наконечник вышел из спины на четыре дюйма.

Йетайец наполовину склонился через палубное ограждение от силы удара. Потом перегнулся и упал в море, копье осталось у него в теле.

Вахси показался у палубного ограждения, пытаясь схватиться за копье. Слишком поздно.

Лицо командующего сарвом Дакуэн исказила ярость. Он потряс кулаком над падающим телом йетайца.

— Это было мое лучшее копье! — заорал он.— Ты, вонючий...

Затем, казалось, все случилось одновременно — и тем не менее для Антонины так медленно, как что-либо из когда-либо виденного.

Лицо Вахси внезапно стало маской — не шока, а скорее простого удивления. Затем он летел по воздуху, парил над волнами, словно стал птицей. Ракета малва, которая попала ему прямо по позвоночнику, несла его в море, как чайку. На мгновение показалось, что он даже машет руками. Но Антонина, увидев, как пламя рвется из его спины, знала: этот человек уже мертв.

Горящий порох достиг боеголовки. Ракета взорвалась в тридцати ярдах от корабля и в пятнадцати над волнами. Самый большой кусок тела Вахси, который ударил по воде, был его правой ногой. Больше от командующего сарвом Дакуэн ничего не осталось, только облако крови и кусков плоти и костей.

— Боже праведный,— прошептала Антонина и повернула потрясенное лицо к Усанасу.

Аквабе ценцен сжал зубы. Затем, не говоря ни слова, схватил копье и понесся к веревкам в середине палубы, к которым были приделаны крюки, зацепившиеся за палубные ограждения вражеского корабля. Не прошло и нескольких секунд, как Антонина увидела его уже на вражеском корабле.

Вначале она предположила, что Усанас просто выплескивает свою собственную ярость и удовлетворяет жажду битвы. Но затем, услышав его оглушительные крики, она поняла: он делает прямо противоположное. Аквабе ценцен брал командование в свои руки и отвлекал сарвенов от бессмысленной мести.

Фигурально оттаскивал, в некоторых случаях. Антонина увидела, как Усанас лично толкнул трех аксумских моряков к палубному ограждению. Ему даже потребовалось стукнуть одного из них по голове древком копья, чтобы парень стал карабкаться по веревкам вниз на аксумское судно.

Кровь начинала капать с бортов корабля. Антонина не хотела думать о бойне там. В лучшие времена аксумские сарвены были страшны в сражениях. А теперь, после того как убили командующего их полком, они воплощали в себе саму ярость.

— Какая потеря,— сказала она.— Какая бессмысленная потеря.

Антонина уставилась на океан, где исчез Вахси — то, что от него осталось. Она знала: нет смысла искать куски его тела. Рыбы доберутся до них раньше, чем люди смогут их извлечь.

Антонина вытерла лицо, размазав пот, дым и слезы.

— Какая потеря,— прошептала она снова.— Какая глупая, глупая, глупая потеря.

* * *

Усанасу потребовалось пятнадцать минут, чтобы согнать аксумских солдат с корабля малва. К тому времени все малва были давно мертвы, за исключением нескольких, которые смогли найти укрытия в трюме. Усанасу пришлось силой удержать дюжину сарвенов от потери времени на поиски в грузовом отсеке.

По его приказу два аксумских судна оторвались от корабля малва и начали грести к другим судам, которые брали на абордаж. И вскоре аквабе ценцен призывал прекратить сражение уже там.

Это оказалось нетрудно. Штурмовали все пять судов малва. Как и предсказывал Усанас, грузовые корабли малва не были соперниками аксумитам.

Усанас разумно не сказал ничего о смерти Вахси, пока аксумский флот не восстановил курс к Персидскому заливу. Пять судов малва остались позади, покачиваясь на волнах. К ним уже приближались арабские суденышки.

Когда новость распространилась от одного судна к другому, Усанасу пришлось заново устанавливать власть. Он был вынужден лично посетить один корабль, команда которого состояла из людей из сарва Дакуэн, и разбираться с экипажем, который почти вышел из подчинения.

— Проклятые дураки,— рявкнул он Антонине после того, как вернулся назад на флагманский коарбль.— Они собиралась возвращаться, чтобы проверить, все ли малва мертвы.

Антонина посмотрела на сгрудившиеся суда малва, теперь уже в нескольких милях позади. Арабские суденышки были привязаны вокруг, подобно миногам.

Она покачала головой.

— Это...

— Глупо! — взревел Усанас. Аквабе ценцен гневно показал на суда малва, которые теперь кишели арабами.— Что они думают сделать? Арабы выполнят всю работу.— Он гневно посмотрел за корму.— Спрятавшимся в трюмах малва прямо в эти минуты, когда мы говорим, перерезают глотки.

Антонина скорчила гримасу.

— Их необязательно убьют. Арабы могут схватить их, чтобы...

— Еще лучше! — заорал Усанас.— Еще лучше! Мы порадуемся перед сном, думая, как рабы малва таскают воду для бедуинок.

Он покачал головой.

— Но им так не повезет, поверь мне. Эти корабли направлялись в Индию, Антонина. Они нагружены трофеями из Персии. Сарвены кое-что прихватили, но большая часть осталась. Эти арабы теперь — самые богатые люди в Хадрамауте. Зачем им какие-то паршивые рабы малва? Они могут купить гораздо лучших дома.— Он провел по горлу.— Корм рыбам, и все.

Усанас склонился на палубное ограждение и сжал дерево крепкими руками. Злость ушла из его глаз, ее заменила печаль.

— Какая потеря,— пробормотал он.— Какая глупая потеря. И все ради какой-то вонючей флотилии, которую мы просто случайно встретили на пути.

Он грустно потряс головой.

— Мы не можем провести погребальный обряд. Ничего не осталось.

Антонина положила руку на плечо Усанаса и сильно потрясла.

— Это также глупо. Конечно, мы можем провести погребальный обряд. Мы же не язычники, Усанас.— Самое любимое выражение мужа пришло ей на ум.— В конце только душа имеет значение. Мы можем молиться за душу Вахси — и души других умерших.

Усанас вздохнул и опустил голову. Затем фыркнул.

— Каких других умерших? — На мгновение почти появилась его обычная широкая улыбка.— Вахси — единственный. По крайней мере, погиб только он.

У Антонины отвисла челюсть. Увидев ее выражение, Усанасу удалось изобразить слабую и бледную улыбку.

— Я говорил тебе, женщина,— он поднял голову и ухмыльнулся, глядя на скрывающиеся вдали суда малва.— Овцы в руках аксумских моряков. Ничто, кроме овец. Единственные раны были нанесены йетайцами, да и у них не особо получалось. Нет в мире солдат, Антонина, которые были бы лучше аксумских сарвенов в ближнем бою во время взятия вражеского судна на абордаж.

Усанас потер лицо. Жест был грустным, не усталым.

— Даже ракету, которая убила Вахси, выпустили случайно. Группа кшатриев пыталась повернуть желоб, чтобы встретить атакующих. Запал был зажжен — одного из них убило копьем — он пошатнулся, упал и подтолкнул желоб с ракетой вбок...

Усанас махнул рукой.

— Глупо,— пробормотал он.— Одна из тех глупых, бессмысленных смертей, которые случаются в битве. Вот что это было. И все.

* * *

Смерть Вахси стала чем-то большим, когда на следующий день проводили поминальную церемонию. К тому времени, после того как сотни аксумских солдат шептались всю ночь, саравит пришел к своим собственным выводам.

Поверхностное сознание Антонины, слушающей заунывные песнопения, считала происходящее абсурдным. Среди солдат имелись барды, конечно любители, но тем не менее дело они делали хорошо. Но только часть души женщины, причем небольшая часть, считала услышанное абсурдом.

Душа, которая находилась в центре нее, не судила солдат за придуманный ими миф. Не выражала недовольства. Как Антонина знала, к тому времени, как экспедиция вернется в Аксумское царство, Вахси уже войдет в военные легенды Африки. Его смерть, смерть полководца во время великого морского сражения, станет славным подвигом.

Она не выражала недовольства сарвенам из-за этих легенд. Она не стала бы выражать недовольства, даже если бы сама не стояла во главе экспедиции, которая направлялась спасать ее мужа от гибели.

Но поскольку она являлась тут главной и шла спасать своего мужа, то определенно не намеревалась начинать ораторствовать, мелочно придираться, настаивая на истине. Пусть этим занимаются историки и букинисты будущего.

Усанас высказал ее мысли вслух.

— Мне жаль бедных малва в Харке,— произнес он весело, когда они с Антониной слушали песнопения.— Эта глупая смерть пре-

вратила хитрый маневр по разрушению материально-технического обеспечения врага в крестовый поход. Теперь аксумиты будут штурмовать врата ада.

Глава 31

Харк
Осень 532 года н.э.

Когда капитан подразделения, охраняющего северо-восточные ворота Харка, наконец смог точно определить национальную принадлежность надвигающихся войск, он совсем не почувствовал себя счастливым.

— Дерьмо,— выругался он тихо.— Кушаны.

Лицо лейтенанта, который стоял в трех футах от него, отразило тревогу капитана.

— Вы уверены?

Капитан оторвался от телескопа, который стоял на крепостном валу, и раздраженно посмотрел на лейтенанта.

— Взгляни сам, если мне не веришь,— рявкнул он и отошел от телескопа.

Лейтенант не пошевелился, чтобы занять его место. Он знал: невозможно спутать кушанов с кем-то еще после того, как они подобрались достаточно близко, чтобы рассмотреть детали в телескоп. Если и не по какой другой причине, то потому, что никто в Персии, кроме кушанов, не связывал волосы в хвост.

Капитан прошел к внутренней стене и склонился в бойницу. Дюжина его солдат стояли внизу, задрав головы и ожидая услышать новости.

— Кушаны! — сообщил он.— Зовите начальника караула! — заорал капитан. Затем еще громче: — И прячьте женщин!

Последний приказ не требовался. Солдаты уже суетились вокруг, собирая рабынь, которых батальон охраны силой принудил себе служить.

Не то чтобы этих женщин требовалось гнать. За исключением небольшого количества представительниц других национальностей, типичного для большого порта, эти женщины были персиянками и арабками. Некоторых взяли в плен во время разграбления Харка, когда малва впервые захватили порт. Других поймали та или другая карательные экспедиции, которые малва посылали грабить Месопотамию на протяжении последних полутора лет. Да, они ненавидели своих захватчиков. Но еще меньше желали быть захваченными солдатами, которые войдут в Харк после нескольких недель кампаний. Гарнизонные войска — мерзкие и жестокие, но по крайней мере они больше не свирепствуют и не буянят.

Пусть несчастные создания в военных борделях занимаются вновь прибывшими. Женщины, находившиеся на охраняемой территории, еще больше, чем их хозяева, желали оставаться вне поля зрения кушанов.

Удостоверившись, что необходимые незамедлительные меры предпринимаются, капитан стражи вернулся назад на пост. В его отсутствие телескопом управлял лейтенант.

— Хорошие новости,— объявил лейтенант, все еще глядя в телескоп.— Большая их часть — пленники. Вероятно, тысяч десять.

Капитан удовлетворенно заворчал. Да, это на самом деле хорошая новость. На самом деле отличная новость и по двум причинам.

Во-первых, это означало, что малва где-то одержали большую победу. Капитан испытал облегчение. После провала у Нехар Малки, за которым последовал год разочарований, и неверия в свои силы, командующие армии малва напоминали наполовину охромевших тигров, которые зализывали раненые лапы, пересчитывали сломанные зубы и выплескивали злость на подчиненных. Победа, как думал капитан, поможет избавиться от мрачной атмосферы.

Во-вторых, что было важно для непосредственного будущего, это означало: кушаны будут заняты. Рабы, которых поймали малва после первых легких побед в Месопотамии, давно заработались до смерти, за исключением женщин, которых держали для удовольствия армии. До тех пор, пока новых пленников не распределят по батальонам рабского труда и не отправят работать, расширяя гавань, кушаны потребуются для их охраны. Это означало, что у них не будет свободного времени, чтобы отправляться искать лучших женщин и вино, которое спрятали гарнизонные войска. Им придется удовлетвориться потрепанным товаром в борделях и уксусом, который сходил за вино в казармах.

Капитан видел, как авангард кушанов подходит к воротам. Основная часть кушанов и их пленников находилась не более чем в двухстах ярдах.

Капитан повернулся в поисках начальника караула. Болван должен был уже прийти, чтобы приказывать открывать ворота. Вместо этого капитан заметил, как солдаты стоят у осадного орудия, установленного на огромной, приделанной к стене платформе. Как и всегда, орудие был направлено в пустыню. К этому времени расчет орудия уже явно зарядил его картечью. Один из солдат уже вынимал раскаленный прут из печи. Загнутый кончик прута раскалился докрасна, готовый к вставлению в специальное отверстие.

Капитан злобно закричал на солдато. Его слова не были приказами. Их даже трудно было разобрать. Просто поток ругательств. Солдат быстро остудил прут в стоявшем рядом ведре.

— Чертовы идиоты! — рявкнул капитан. Рядом с ним лейтенант согласно кивнул.

— Как раз то, что нам надо,— проворчал лейтенант.— Чтобы какой-то глупый осел выпустил картечь в пару тысяч кушанов.

Лейтенант направился к лестнице и стал спускаться вниз.

— Я схожу туда,— сказал он.— Проверю, чтобы не было других полоумных, выпущенных на свободу.— Его голова скрылась за стеной.— Кушаны! — послышался его голос.

И снова капитан стал искать начальника караула. Увидев солдата, которого он послал за ним, стоявшего внизу в одиночестве, он выругался себе под нос. Солдат посмотрел вверх, развел руками и пожал плечами.

«Еще даже солнце не зашло, а этот ублюдок уже напился».

Капитан вздохнул. Он ненавидел брать на себя ответственность за что-либо, в особенности за открывание городских ворот. Но...

Он посмотрел на приближающиеся войска.

«Кушаны. Разгоряченные, усталые, испытывающие жажду, желающие женщин — и они только что одержали победу. Если я не открою эти ворота, то они перелезут через стены и...»

Мысль была слишком мрачной, чтобы думать ее дальше. Капитан выкрикнул новые приказы. К тому времени, как прибыл авангард кушанов, ворота открыли. По крайней мере достаточно широко, чтобы пропустить дюжину всадников. Потребуется еще минута, чтобы отвести в сторону огромную, тяжелую створку.

* * *

К удивлению капитана командующий кушанов, едва спешившись, тут же стал взбираться по лестнице. Капитан ожидал, что он присоединится к своим товарищам у колодца внизу. Стражники уже курсировали среди вновь прибывших, разбавляя воду из колодца вином, разливаемым из амфор. Делая все возможное, чтобы умиротворить вновь прибывших, которые прекрасно знают, что у гарнизонных войск где-то спрятано хорошее вино. Надо надеяться, что кушаны удовлетворятся гостеприимством и не пойдут искать пог-реба.

— Ну давайте будем гостеприимны,— пробормотал капитан себе под нос, отправился навстречу кушану, который взбирался на крепостной вал, и вытянул руки.— Великая победа! — закричал капитан, улыбаясь от уха до уха.

Кушан ответил улыбкой на улыбку.

— Лучше, чем ты думаешь,— сообщил он. И гордо показал на приближающуюся массу пленников.— Это римляне. Люди Велисария! Мы разбили их шесть дней назад. Разгромили их! Мы даже захватили их лошадей.

Капитан задумался, увидев, столько пленников сидит на лошадях. Большинство шло пешком, связанные длинными цепями, но по

крайней мере четыре тысячи пленников оказались привязаны к седлам.

«Если бы я был одним из этих римлян, я бы тоже не пытался убежать. Пусть будет проклята лошадь. Как раз в стиле этих сумасшедших кушанов устроить игру, охотясь за тобой. Порезать тебя вместе с твоей лошадью, а потом притащить за твои же кишки. И вероятно, и лошадь тоже».

Предводитель кушанов крепко обнял капитана. Хватая ртом воздух, но не смея жаловаться, капитан стал изучать ближайших пленников. Первые ряды теперь находились в тридцати ярдах от ворот. Впереди ехали два высоких человека. Один из них был огромным, просто гигант.

Капитан скорчил гримасу.

«Как я рад, что не мне пришлось ловить это чудовище! Спасибо за то, что я сижу в гарнизоне».

К облегчению капитана, кушан разжал медвежьи объятия и показал на ближайшую платформу с орудием.

— Вы все загасили? — спросил он. Улыбка кушана стала менее дружелюбной.— Мы не хотим никаких несчастных случаев, а? — Улыбка стала очень холодной.— Мы даже не станем искать ваших женщин. После того, как мы закончим, ты сможешь засунуть дуло этого орудия себя в задницу.

Капитан быстро покачал головой. Заверения полились у него изо рта. К его облегчению, на лицо кушана вернулась дружеская улыбка.

— Достаточно сказано! — воскликнул кушан. Он схватил капитана за руки и успокаивающе их сжал.

Первые пленники добрались до ворот. Их проводили шеренгой по десять человек, кушанские охранники шли по обоим бокам. Как заметил капитан, гигант в первом ряду на самом деле был гигантом. Человек рядом с ним казался карликом, хотя самого по себе его никто не подумал бы называть маленьким.

Капитан принял быстрое решение.

— Послушай,— сказал он тихо, заговорщически.— Приходи...— Он посмотрел на горизонт. Солнце почти село.— Сегодня ночью, после того, как стемнеет. Если хочешь, приводи с собой нескольких офицеров.

Он дружелюбно и похотливо улыбнулся кушану.

— У нас для вас будет несколько свежих молодых женщин.— Он собрался весело пожать плечами, но кушан все еще держал его руки.— Ну, конечно, они не совсем свежие...

Теперь пленники потоком заходили в ворота, распространяясь по ровному участку внутри стен. Колонна едва протискивалась в ворота, несмотря на их ширину. Кушаны безжалостно гнали пленников, подобно человеческому наводнению.

— Но они лучше, чем сломленные шлюхи в борделях,— сказал капитан и, посмеиваясь, добавил: — На прошлой неделе половина экипажа грузового судна воспользовалась одной из сук до того, как они заметили, что она мертва.

Он снова засмеялся. Кушан присоединился и хохотал громко. Очевидно, он находил рассказ таким смешным, что никак не мог выпустить и прекратить сжимать руки капитана. Кушан был очень сильным. Капитан начал морщиться.

Потом гримаса перешла в хватание ртом воздуха. Лошадь ударила его в живот. Капитан не мог понять, откуда появилась лошадь.

Он стоял на коленях. Он не понимал, как оказался в таком положении. И увидел, но не понял, как меч оказался в руке кушана.

Меч шевельнулся. Зрение капитана затуманилось на мгновение, словно его крутило и мотало в бочке. Он слышал приглушенные и неясные звуки, как будто крики и вопли, идущие через слой шерсти.

Когда зрение капитана сфокусировалось, его щека прижималась к камню. В нескольких футах от него кровь вытекала из шеи обезглавленного трупа. Звук был тихим, ритмичным. Всплеск. Всплеск.

У него было время до того, как все погрузилось во тьму, понять, что он смотрел на собственное тело.

Глава 32

— Я вначале подумал, что ты действовал слишком быстро,— сказал Велисарий.

Он закончил стирать кровь с меча и бросил тряпку в угол комнаты. Потрепанный кусок материи, оторванный от туники солдата малва, приземлился с хлюпающим звуком на большую гору себе подобных. Из-под мрачной горы тряпок по каменному полу медленно растекалась лужа крови, отражая свет с ламп на стенах. Это был большой пол. Помещение когда-то служило залом для приемов наместника в Харке, до того, как малва превратили его в свой штаб. Но даже этот пол теперь был наполовину запятнан. Кровь, натекающая с груды тел в одном углу, практически соединилась с лужей, натекшей с тряпок.

Васудева пожал плечами.

— Я планировал подождать, пока все не войдут в ворота. Но всегда оставалась опасность, что кто-то заметит странность, и кроме того...

Он снова пожал плечами. Кутзес, сидевший за ближайшим столом, закинув на него ноги, весело рассмеялся.

— Признай это, степной маньяк! — Молодой сирийский военачальник поднял кубок и поприветствовал им кушана.— Ты просто

не мог устоять! Как волк, у которого в зубах ягненок, пытается противостоять искушению.

Кутзес осушил кубок одним глотком. Затем скорчил гримасу.

— Боже, терпеть не могу простую воду.

Но Кутзес даже не взглянул на амфоры, выставленные в ряд на полке на ближайшей стене. Велисарий в предыдущий день отдал самые драконовские приказы относительно потребления алкоголя. Полководец раньше видел, что случается с армией, штурмующей город, если солдаты вдруг начинают пить. В такое время итак тяжело контролировать войска, как и управлять ими, даже если они абсолютно трезвы. Важно — обязательно! — чтобы Харк оставался неповрежденным, пока римская армия не будет готова уйти. Пьяные солдаты, не считая многочисленных других преступлений, неизбежно что-то поджигают. Если позволить огню распространиться в Харке с его большим арсеналом пороха, результатом определенно станет разрушение.

Велисарий вставил меч назад в ножны.

— Я не критиковал,— мягко сказал он.— После того как я понял, с противником какого калибра ты столкнулся, я только удивился, что ты так долго ждал.

В дверь вошел Бузес. Его меч все еще оставался в руке, но лезвие было чистым. Несколько струек указывало, что меч использовался, но определенно не последние несколько минут.

Брат Кутзеса яростно хмурился.

— Где они нашли этот мусор? — спросил он.— Неужели они собрали всех сутенеров в Индии и расквартировали их здесь?

Он казался искренне опечаленным.

Прислонившийся к ближайшей стене Маврикий усмехнулся.

— А чего ты ожидал, парень? — он мотнул головой на север.— Все солдаты, достойные называться солдатами, маршируют вдоль Евфрата, готовые сражаться с Хусрау. Малва, вероятно, решили, что в месте, укрепленном, как это, в гарнизоне можно оставить любого, кто способен ходить.

— Некоторые из них даже ходить не могли! — рявкнул Бузес.— Половина гарнизона уже была пьяна до того, как мы начали атаку. А солнце еще даже не зашло! — Он нахмурился так, что его лицо стало напоминать звериный оскал.— Теперь они определенно не станут ходить. Никогда.

— Мне бы хотелось получить как можно больше пленников, Бузес,— сказал Велисарий. Как и раньше, говорил он спокойным тоном.

«Да,— согласился Эйд.— Чем больше солдат мы сможем выгнать за ворота, тем больше ртов придется кормить Линку. Когда их нечем будет кормить».

Бузес покраснел от подразумеваемого укора.

— Я пытался, полководец,— он быстро просяще посмотрел на других военачальников в зале.— Мы все пытались. Но...

Маврикий отлепился от стены резким движением и сделал два шага вперед. Бузес вздохнул с облегчением.

— Забудь это, полководец,— резко сказал Маврикий.— Если к завтрашнему утру для отправки в пустыню найдется пятьсот представителей этого сброда, я сильно удивлюсь. Этой ночью пощады для малва не будет. Не после того, как люди обнаружили камеры пыток и бордели. Все жрецы Махаведы и махамимамсы, которые умерли от меча, могут считать себя счастливыми. Люди тащат большинство из них в камеры пыток, чтобы дать им испытать на себе их собственные удовольствия.

— Вместе со всеми солдатами, которых они поймали поблизости от борделей,— проворчал Кутзес.— Боже!

Велисарий не стал спорить по этому вопросу. Он сам видел один из борделей.

Римские солдаты, если мягко выразиться, не были самыми нежными людьми в мире. И слово «галантность» никто в здравом уме не стал бы с ними ассоциировать. Любой римский ветеран — а теперь они все стали ветеранами — проводил время в работающих для солдат борделях, заглядывая в дешевые публичные дома за несколькими минутами удовольствия.

Но сцена в *том* борделе была видением из кошмарного сна. Кошмарного сна, от которого бы проснулся и Сатана, дрожащий и потрясенный. Длинные ряды женщин — вероятно девушек, хотя определить их возраст не представлялось возможным — лежали там, прикованные цепями и распростертые на тонких настилах. Временами, судя по остаткам влаги, их поливали водой из ведра, чтобы немного отмыть. Все женщины были больны, у большинства появились пролежни, многие умирали, некоторые уже отправились на тот свет.

Нет, римские солдаты не были теми, кого в более поздние времена назовут «рыцарями без страха и упрека». Но у них имелась собственная твердая концепция мужественности, и это не была концепция сутенеров и садистов. Все женщины в борделях оказались или персиянками, или арабками, как и женщины, с которыми эти солдаты имели дело с тех пор, как начали кампанию в Персии. Многие римские солдаты женились на их родственницах. Среди персов после начала завоевания малва название Харк стало синонимично жестокости и зверствам. Их римские союзники — и часто друзья, как и мужья — впитали эту идею за прошедшие полтора года. Теперь, увидев правду собственными глазами, они отомстят за Персию.

«И, кроме того, они провели последние шесть месяцев, сражаясь против раджпутов,— задумчиво сказал Эйд.— Невозможно не перенять у них хоть сколько-то рыцарства, даже самому грубому драчуну, которого взяли в армию с ипподрома в Константинополе».

Взгляд Велисария упал на груду трупов в углу. Тело командующего гарнизоном малва лежало сверху. Велисарий сам положил его туда, пронзив мечом сердце, после того как враг не успел достаточно быстро, заикаясь, объявить о сдаче.

На мгновение Велисарий пожалел о том ударе меча. Он мог разоружить противника. Но спас его от камеры пыток.

Он отмахнулся от этой мысли. Сделал глубокий вдох и подавил ярость, кипящую где-то глубоко внутри. Это не время для ярости. Если уж ему самому достаточно трудно контролировать ярость, то что говорить о ментальном состоянии его войск.

«Эту ярость нельзя остановить,— подумал Велисарий.— Но ее обязательно нужно контролировать».

Он повернулся к военачальникам. Все они смотрели на него. С уважением, но прямо в лицо.

Велисарий заставил себя улыбнуться.

— Я не спорю по этому вопросу, Маврикий. Но если это выйдет из-под контроля, если люди...

— Не беспокойся об этом,— резко перебил Маврикий и покачал головой. Он показал на ряд выставленных на полке амфор.— Насколько мне известно, это — единственное оставшееся в Харке спиртное, которое не разлили по улицам. Чаще всего люди сами от него избавляются, даже до того, как им прикажут. Никто не хочет, чтобы кто-то из малва убежал, поскольку какой-то ублюдок оказался слишком пьян, чтобы их заметить. Что касается женщин...

Он пожал плечами. Кутзес спустил ноги со стола и прошелся к полке. Когда он начал снимать амфоры с полки и выбрасывать на ближайшую улицу, то сказал:

— Единственная проблема, полководец, заключается в том, что любая женщина в Харке, которой удалось не попасть в бордель — если она оказалась при гарнизоне или с каким-то офицером — бросается сегодня ночью на римских солдат.— Первые звуки разбивающихся на улице внизу амфор долетели до них.— Не могу их винить. Они сделают все, чтобы выбраться отсюда. И я бы сделал.

Покончив с последней амфорой, он повернулся назад и улыбнулся.

— Даже если бы это означало носить кличку Кутзес-На-Содержании-У-Педераста до конца жизни.

Велисарий усмехнулся вместе с другими офицерами.

— Хорошо,— сказал он.— Меня это не волнует. Я знаю: мои солдаты — не святые или не монахи. К завтрашнему дню к нашим

войскам привяжется обычная компания, которая следует за армией. Пока к женщинам относятся прилично и люди не пьют, я удовлетворен. Когда мы будем уходить, то заберем с собой женщин. Тех, кто захочет, мы постараемся воссоединить с семьями.

— У большинства из них не осталось семей,— заметил Бузес.

— За исключением нас,— добавил Маврикий.

Серые глаза хилиарха были мрачными, как смерть. Он большим пальцем показал на окно. Теперь, после того как звуки разбивающихся амфор прекратились, снова слышались крики.

— Говорю тебе, полководец,— расслабься. Это не звуки города, разграбляемого вышедшими из-под контроля войсками, насилующими, пьющими и поджигающими все подряд. Это просто звуки, производимые палачом, делающим свое дело.

Через мгновение Велисарий кивнул. Он решил, что Маврикий прав. Сфокусированную ярость армии он мог контролировать.

Он хлопнул в ладоши. Резкий звук отдался эхом в помещении и тут же привлек внимание офицеров.

— Тогда давайте займемся остальным,— он повернулся к Васудеве.— Как дела с судами?

Васудева погладил волосы. Удовольствие, которое он явно получал от поглаживания длинных волос, почти заставило Велисария рассмеяться.

— Последняя информация, которую я получил от Кирилла — примерно полчаса назад,— заключалась в том, что все грузовые суда захвачены. За исключением одного, которому удалось уйти от причала до того, как до него добрались греки. Конечно, большинство галер тоже ушли.

Кушан пожал плечами.

— Не было способа остановить суда до того, как они добрались до галер, патрулирующих выход из гавани. Поэтому Кирилл их не тронул. Как он говорит, у нас в любом случае больше судов, чем нужно, а он не хотел рисковать взрывом или дрейфующим, охваченным огнем судном.

— Боже, нет! — воскликнул Бузес.

Молодой офицер слегка содрогнулся. Харк был городом из камня и кирпича. Он не сгорит быстро и легко, если сгорит вообще. Но он также являлся гигантской пороховой бочкой — в нем хранились боеприпасы для планируемого малва покорения Персии.

— Греки еще не обыскивали суда,— продолжал Васудева.— Хотя, как я предполагаю, к этому времени они, вероятно...— Он замолчал, услышав шаги. Затем махнул рукой.— Но пусть он сам нам расскажет.

В дверь заходил Кирилл. Как только он вошел, его взгляд упал на груду трупов в углу.

— Слишком легко отделались, свиньи,— пробормотал он. Потом повернулся к Велисарию и сказал: — Мы начали поиски. Все выглядит хорошо. К счастью для нас, никто из жрецов не находился на судах.

Велисарий боялся этого больше всего. Некоторые из огромных кораблей, стоявших на причале в гавани, были нагружены порохом. Фанатичный жрец на борту одного из них, если бы не сомневался в захвате, поджег бы груз. Взрыв вполне мог бы разрушить гавань, и вместе с ней — путь к отступлению для римлян.

— Больше ничего? — спросил полководец.

Кирилл улыбнулся.

— На борту находились только матросы. После того как мы штурмовали несколько судов, остальные стали договариваться о сдаче. После того как мы удостоверились, что все суда стоят у причалов и должным образом закреплены...

Его улыбка была такой же мрачной, как глаза Маврикия.

— Мы предложили им новые условия сдачи. Их они не обрадовали, но...— Он пожал плечами.— Их возражения длились недолго.

По залу снова прокатился смех. К нему присоединился даже Велисарий. Этой ночью ни для кого из малва не будет пощады. Даже если бы собака залаяла на хинди, то ее бы зарезали.

Велисарий повернулся к Бузесу. Без подбадривания молодой фракийский офицер подошел к окну и показал на стены за ним. Жест в некотором роде был бесполезным. До рассвета все еще оставалось много времени. Тьма никем и ничем не нарушалась, за исключением медленно передвигающихся римских подразделений, которые несли факелы и искали места, где могли спрятаться малва.

— Все осадные орудия захвачены. Я двадцать минут назад разговаривал с Феликсом.— Он наполовину виновато бросил взгляд через плечо на Кирилла.— В отличие от греков, у которых много моряков, у Григория нет никого, кто бы раньше стрелял из орудий такого размера. Поэтому он сохранил жизнь где-то двум дюжинам артиллеристов малва. Феликс говорит, что они выбалтывают все, что знают, быстрее, чем наши спрашивают.

— Хорошо,— проворчал его брат.— К завтрашему утру мы сможем сделать несколько пробных выстрелов. И использовать малва в качестве ядер.

И снова дикий смех наполнил комнату. И снова к нему присоединился Велисарий.

И даже Эйд.

«Почему нет? Англичане это делали во время сипайского восстания[1]. В отличие от них у нас даже есть приличный повод».

---

[1] Сипайское восстание (1857-59) — восстание против английского колониального господства в Индии. Жестоко подавлено. *(Прим. перев.)*

Кровожадная аура этой мысли не удивила Велисария. Он только задумался на мгновение об обширности Вселенной, которая может производить, через миллиарды лет, такие чудеса, как кристаллическое сознание, научившееся людскому гневу.

Его взгляд вернулся на Васудеву. После того как кушан стал служить Риму, Велисарий научился использовать его навыки и сделал Васудеву своим заместителем по вопросам материально-технического обеспечения. Васудева был таким же умелым и опытным в этой сложной работе, как Маврикий на поле брани.

Васудева подергал свою козлиную бородку.

— Конечно, еще везде бардак. И будет по крайней мере до завтрашнего вечера. Но меня это не волнует.

Он развел руки, очень широко, словно обнимал любимого, но тучного друга.

— Здесь в гарнизоне постоянно было расквартировано пятнадцать тысяч человек. Если взять их запасы и огромные запасы для основной армии, то малва подарили нам сокровище. На самом деле нам не нужно ничего особо организовывать. Просто взять, что нам требуется, загрузить на суда и быть готовыми к отплытию, когда придет время. Это займет не более трех дней.

— К тому времени армия малва должна вернуться сюда,— высказал свое мнение Кирилл.— По крайней мере, их первые подразделения. Достаточно, чтобы окружить и обложить город.

Маврикий сжал кулак и осмотрел костяшки.

— Это будет слишком поздно. Слишком поздно. Еще два дня, и мы сможем удерживать Харк против них. По меньшей мере три недели. Полтора месяца меня удивят. Хотя я не хочу думать о наших потерях к тому времени.

Теперь все глаза уставились на Велисария.

Он улыбнулся. Широко, не хитро. Вся ярость и гнев исчезли, когда он вспомнил другую — более глубокую — сторону жизни.

— Она придет,— сказал Велисарий.— Она придет.

Глава 33

Тигр

Осень 532 года н.э.

Господин Дамодара лишился услуг Шанги только на десять дней. Утром десятого дня царь раджпутов широкими шагами вошел в шатер Дамодары и вывалил правду на стол главнокомандующего.

Дамодара уставился на предмет, который лежал перед ним. Он также почувствовал, как сидевший сбоку Нарсес дернулся от удивления. Мгновение спустя евнух зашипел.

«Правда» была шлемом. Большим, тяжелым, уродливым, неуклюжим соединением стальных пластин. Готский шлем, как смутно догадался Дамодара.

— Мы обнаружили небольшую гору этих шлемов,— сказал Шанга.— Вместе со всем остальным обмундированием, которое носили эти наемники.

Дамодара поднял глаза.

— Где?

Шанга гневно посмотрел на шлем.

— Ты помнишь небольшую долину, которую мы проходили, где персы занимались горнодобычей? — Он фыркнул.— Я помню, что обратил внимание, насколько свежи следы разработок. В то время на меня произвели впечатление смелость и целеустремленность персидских шахтеров — работали до последней минуты, когда война бушевала над их головами.

— Туннель! — объяснил Нарсес.— Там был туннель. Штольня. Вход в шахту.

Шанга покачал головой.

— Нет там шахты, Нарсес. Они изменили первые несколько дюжин ярдов, чтобы это выглядело, как шахта, но на самом деле там находится вход в кванат.— Шанга показал пальцем на шлем.— Мы нашли их примерно через пятьдесят ярдов от входа. Лежали в куче, как я и сказал. Нам протребовался час, чтобы разрыть вход и добраться до них. А там...

Он отодвинул стул и тяжело сел.

— С места, где лежали шлемы, и дальше след такой же четкий, как тот, по которому мы шли. Вся армия Велисария — я в этом уверен точно так же, как в собственном имени — воспользовалась тем путем. Они скрылись из виду под землей и отправились на юг. Вероятно, они вышли на поверхность в многих милях отсюда, в другой долине. Персидские союзники явно приготовили для них свежих лошадей.

Рана Шанга шлепнул ладонью по карте.

— Именно поэтому Велисарий всегда позволял нам двигаться на север, но был таким упрямым соперником на юге. Он защищал месторасположение туннеля. Вероятно, им потребовались недели — месяцы,— чтобы все подготовить, даже с помощью персов. Велисарий не мог позволить нам наткнуться на секрет случайно, в процессе маневров.

Глаза Дамодары были широко открыты. Он практически подавился следующими словами.

— Ты говоришь мне, что...— он вяло махнул рукой, словно пытаясь включить все время и пространство.— Все, что мы делали, на протяжении месяцев — все маневры и сражения — даже битва на перевале — все было обманным маневром?

Шанга кивнул.

— Да, господин. Это все было обманным маневром. Да, Велисарий тянул время. Но он тянул время не для императора Хусрау или своего человека Агафия в Пероз-Шапуре. Он тянул его для себя. До того, как не пробьет час, и приготовления не закончат, и он не сможет ударить по своей истинной цели. Теперь, когда отступление императора Хусрау оттянуло на себя нашу основную армию из Харка, римлянин может нанести смертельный удар. Здесь,— сказал Шанга и пальцем ткнул в точку на карте.— В Харке.

Уже расширившиеся глаза Дамодары теперь просто вылезали из орбит.

— Это сумасшествие! — закричал он.— Харк — самое укрепленное место в мире! Даже когда там нет основной армии, гарнизон все равно по размеру равняется армии Велисария. Даже больше! Велисарий не сможет штурмовать Харк — пусть бы у него и были осадные орудия.

Нарсес перебил его. Говорил он сухо и холодно, подобно арктическому льду.

— А вы когда-нибудь слышали о троянском коне, господин Дамодара? — спросил он.

Господин из малва повернул голову и перевел неверящий взгляд на Нарсеса.

Старый евнух невесело рассмеялся.

— Неважно. Я расскажу вам эту историю как-нибудь в другой раз. Но вы можете мне в этом поверить, господин. Это...

Он показал пальцм на лежащий на столе шлем.

— Это троянский шлем,— Нарсес рассмеялся. В этом смехе слышались одновременно печаль и восхищение.— Боже, неужели в мире был еще один такой интриган? — Он снова рассмеялся.— Эти шлемы, господин Дамодара, говорят нам правду. Их бросили две тысячи готских наемников Велисария, после того как им больше не требуется маскироваться. Потому что эти люди никогда не были готами.

Наконец до Дамодары дошло. Его разум ухватил след. Глаза оставались расширенными. Челюсти сжались. Следующие слова он произнес сквозь стиснутые зубы.

— В армии, которую Велисарий разбил под Анатой в прошлом году, было две тысячи кушанов. Мы всегда предполагали, что их убили вместе с остальными.

Рана Шанга провел пальцами по густым волосам. Затем он тоже рассмеялся — и как и у Нарсеса, в его смехе смешались печаль и восхищение.

— Он воспользовался тем же самым трюком против нас в Индии,— задумчиво произнес Шанга.— Завоевал преданность куша-

нов, затем повел по ложному следу, чтобы кушаны могли выполнить за него нужную работу[1].

Дамодара снова уставился на карту. Через мгновение его глаза сузились.

— Это все равно не имеет смысла,— тихо сказал он и постучал пальцем по месту, где находился Харк.— Я вижу, где Велисарий, используя кушанов, может попасть в Харк. И определенно после того, как он окажется внутри...— Дамодара фыркнул.— Его солдаты против гарнизонных войск будут подобны волкам в загоне для овец.

Господин из малва медленно поднялся и облокотился о стол. Его глаза перемещались взад и вперед между Шангой и Нарсесом.

— Но затем... Как он оттуда выберется?

И снова Дамодара постучал пальцем по карте. На этот раз очень сильно, как обвинительным перстом.

— Наши основные силы все еще находятся не более чем в нескольких днях пути от Харка. До того, как Велисарий закончит свою разрушительную работу, его окружит самая большая армия в мире. Нет способа сбежать. Велисарий даже не может уплыть на грузовых кораблях, стоящих в гавани. Ему не прорваться сквозь защиту из боевых галер, стоящих у входа в гавань. И даже Велисарий, даже за этими укреплениями не продержится более нескольких недель против армии, когда ставки пятнадцать к одному. Самое большее, два месяца.

И снова он стукнул пальцем по карте.

— Это самоубийство! — воскликнул он.— Невозможно!

Шанга покачал головой.

— Почему, господин? Велисарий — один из самых смелых людей на Земле. Я бы положил свою жизнь за мою страну и честь. Почему бы ему этого не сделать?

Дамодара качал головой до того, как раджпут закончил говорить.

— Дело не в этом, Шанга. За честь и страну, да. Но за *это?*

Шанга уставился вверх на Дамодару, словно смотрел на единорога. Или кретина.

— Ты понимаешь, что сделает Велисарий? — спросил Рана Шанга, медленно произнося слова.— После того, как он окажется в Харке...

Дамодара злобно шлепнул ладонью по столу.

— Я не дурак, Шанга! Конечно, я знаю, что он сделает. Он разрушит всю нашу базу материально-технического обеспечения для вторжения в Персию. Он оставит сто пятьдесят тысяч человек без запасов еды и боеприпасов — и без средств для побега. Он обязательно разрушит флот, который стоит там на якоре. Конечно, он не сможет добраться до боевых галер, которые дежурят за

[1] См. роман Д. Дрейка и Э. Флинта «В сердце тьмы». *(Прим. перев.)*

пределами гавани, но даже если и смог бы...— Дамодара вскинул руки вверх.— Эти суда не вмещают более двух тысяч человек. Даже включая корабли, осуществляющие поставки по Евфрату, мы не сможем эвакуировать более...

Дамодара резко сел. Его лицо вытянулось.

— Это будет худшим военным поражением в истории. Смертельный удар, как ты и сказал. У нашей армии не будет выбора. Им придется пойти путем — только в другую сторону,— которым воспользовался Александр Македонский, когда отступал из Индии на запад. За исключением того, что у наших вообще не будет провизии и гораздо больше людей, которых нужно кормить и поить. Для Александра Македонского та дорога оказалась ужасной.

Дамодара мрачно уставился на карту. Его глаза смотрели на указанные на ней земли, граничащие с Персидским заливом. По правде, карта показывала очень мало, поскольку там не было ничего, что представляло бы военный интерес. Миля за милей голой, безводной местности.

Его взгляд метнулся вверх.

— Они даже не могут пытаться пройти назад по дороге, которой воспользовались мы, через плато. Мы слишком далеко на севере. Им придется прорываться сквозь армию Хусрау. И у них не будет возможности пополнить свои запасы пороха.

— Мы можем помочь,— быстро вставил Шанга.— Мы придем на выручку, нанесем удар и откроем для них путь в горную систему Загрос. Тогда...— Он замолчал. Шанга, в отличие от Дамодары, не был специалистом по материально-техническому обеспечению. Но он знал достаточно, чтобы понять: это безнадежно.

— Тогда что? — спросил Дамодара.— Армия такого размера — через Персидское плато и горную систему Гиндукуш? Нам самим было достаточно трудно, а у нас была четверть их количества и все продукты и боеприпасы, которые требовались.

Он снова уставился на карту.

— Нет. Нет. Если Велисарий нанесет тот удар, то он уничтожит армию из ста пятидесяти тысяч человек. Не более, чем один из десяти доберется до Индии. Остальные умрут от жажды или голода или сдадутся в рабство.

И снова Дамодара ударил по столу. На этот раз обеими руками.

— Если! Если! — закричал он.— Это все равно не имеет смысла! Велисарий не станет платить такую цену!

Шанга начал говорить, но Дамодара махнул рукой, приказывая ему замолчать.

— Ты не думаешь, Шанга! — Дамодара подбирал слова, пытаясь объяснить.— Да, Велисарий может совершить самоубийство, чтобы нанести такой невероятный удар. Но я не думаю...

Он сделал паузу и несколько глубоких вдохов.

— Есть одна вещь, на которую я обращал внимание на протяжении этих последних месяцев — обращал внимание и восхищался, поскольку это качество, как мне хочется думать, есть и у меня самого: Велисарий не разбрасывается жизнями солдат. Некоторые полководцы относятся к своим людям, как пушечному мясу. Но не он.

Дамодара пронзительно посмотрел на Шангу.

— Ты сказал, что отдал бы свою жизнь, царь Раджпутаны. Определенно за честь и страну. Но ради стратегического мастерского удара?

Он ждал. Шанга молчал.

Дамодара пожал плечами.

— Возможно. Возможно. Но станешь ли ты также приговаривать десять тысяч человек?

Шанга отвернулся.

— Я так и не думал,— тихо сказал Дамодара.— И Велисарий не станет.

Не было слышно ни звука на протяжении примерно полминуты. Затем Нарсес начал посмеиваться.

— Что смешного? — злобно спросил Дамодара.

Шанга просто гневно посмотрел на евнуха.

Нарсес проигнорировал Дамодару. Он посмотрел на Шангу с легкой улыбкой и задал вопрос:

— Кому ты больше всего доверяешь в этом мире, царь Раджпутаны? Если бы твоя жизнь зависела от отрезания веревки, в чьих руках ты бы хотел видеть клинок?

— Моей жены,— последовал мгновенный ответ.

Нарсес улыбнулся. Секундой спустя глаза Шанги и Дамодары вернулись назад к карте. И еще через секунду полностью ушли с карты, словно где-то на полу они могли найти другую часть, на которой бы изображались Египет, Аксумское царство и Эритрейское море.

Они едва услышали слова Нарсеса. Все еще посмеиваясь, он продолжал:

— Теперь мы знаем — теперь мы, по крайней мере, понимаем. Почему Велисарий поставил свою жену во главе римской экспедиции в Египет и Аксумское царство? Помните? Мы думали об этом. Зачем рисковать ею? Любой из его лучших военачальников мог бы командовать той экспедицией. Но если от этого зависит твоя жизнь — твоя и еще десяти тысяч других — о, да. Тогда да. Тогда хочешь жену, и никого больше.

— Как человек может просчитывать все так далеко вперед? — прошептал Дамодара.— Но даже если он и может — как им скоординировать движение?

Шанга скрестил большие руки на груди и закрыл глаза. Затем медленно заговорил:

— Что касается первого, то ему не требовалось планировать все до мельчайшей детали. Велисарий — блестящий тактик, как и стратег. Он положился бы на себя, чтобы создавать возможности, где потребуется. Что касается другого, у них есть сигнальные станции. И...

Все следы гнева ушли с его лица. Его глаза открылись.

— Я часто замечал, как близко могут сходиться мысли мужа и жены. Не так, как мысли какого-то другого человека.

Шанга сделал глубокий вдох, затем выдохнул.

— Я считаю: Нарсес прав, господин Дамодара. В этот самый момент, как я думаю, Велисарий разрушает Харк. И в этот самый момент его жена ведет флотилию, чтобы разбить боевые галеры и отвезти мужа и его людей в безопасное место.

Царь раджпутов уставился на карту.

— Вопрос в том, что делать *нам?*

Он выпрямил руки и склонился над столом. Длинный сильный палец пошел вдоль по Тигру.

— Мы ничего не можем сделать, чтобы помочь. Но у нас сейчас есть одно преимущество — Велисарий больше не загораживат нам путь. Мы можем нанести удар на север, в Ассирию и...

— Нет!

Шанга в удивлении уставился на Нарсеса. Старый евнух редко ввязывался в чисто военные дискуссии. И даже тогда робко и с неуверенностью в себе.

Нарсес встал.

— Я говорю — нет.— Он посмотрел на Дамодару.— Эта армия — лучшая в империи малва, господин. Через месяц, самое большее два, это будет единственная армия малва, о которой имеет смысл говорить, к западу от реки Инд. Я прошу тебя, господин, не выбрасывать эту армию.

Нарсес показал пальцем на карту.

— Если вы отправитесь на север в Ассирию — то что потом? Да, определенно, вы можете там наделать шороху. Возможно, даже пройти в Анатолию. Но вы недостаточно сильны, только с одной вашей армией, чтобы покорить Персию или Рим. И ваша армия понесет тяжелые потери в процессе. Очень тяжелые.

Дамодара нахмурился.

— Тогда что ты предлагаешь, Нарсес?

Евнух пожал плечами.

— В настоящий момент ничего не делай.

Он бросил взгляд на Шангу. Царь раджпутов хмурился, но в выражении не было злобы. Он больше казался человеком, поставленным в тупик, чем кем-то еще.

— Ничего не делай, господин,— повторил Нарсес.— До того, как не прояснится ситуация. Кто знает? Император вполне может захотеть, чтобы ты вернулся в Индию как можно быстрее. Даже империя малва не в состоянии выдержать удар, который собирается нанести Велисарий, и не быть потрясенной до корней. Восстание на Деканском плоскогорье продолжается. Могут начаться другие. Очень скоро вы можете потребоваться в Индии, а не в Ассирии. А если так, то вам лучше вернуться в Индию...

Следующие слова были произнесены без какого-либо изменения интонации. Что сделало их только более весомыми.

— ...с лучшей армией в распоряжении династии малва. В целости и под вашим командованием.

Казалось, глаза Дамодары слегка расширились. Затем он опустил веки.

— Нарсес поднял важный вопрос, Шанга,— тихо сказал он после минутного размышления.— Я думаю, мы должны очень внимательно его рассмотреть.

Его глаза открылись. Господин выпрямился на стуле и отдал приказы.

— Пусть люди разбивают лагерь, Рана Шанга. На ближайшем берегу Тигра. Не постоянный, но и не походный. Мы можем простоять здесь несколько недель. И начинай приготовления к возможному маршу назад через плато.

Он снова прикрыл глаза.

— То, что говорит Нарсес,— правда. Кто знает, что принесет будущее? На самом деле мы можем потребоваться в Индии, и быстро.

Шанга колебался, возможно, секунду или две. Затем легко пожал плечами, встал и вышел из шатра.

Когда он ушел, Дамодара открыл глаза и посмотрел на Нарсеса. Это был взгляд Будды.

— Я думал о том, что мне сказал Велисарий,— спокойно произнес он.— Когда он поклялся: то, что он хочет обсудить с тобой с глазу на глаз, не принесет мне зла. *Мне.* Когда я вспоминаю это, то понимаю: это было очень тщательно сформулированное предложение. Ты согласен?

Нарсес тут же кивнул. Его лицо было таким же спокойным и лишенным выражения, как и у Дамодары.

— О, да, господин. Знаете ли, такова природа клятв. Они всегда очень специфичны.

Дамодара молча смотрел на него. Все еще как Будда.

— Да, это так,— пробормотал он.— Интересное наблюдение.

Он отвернулся и уставился в никуда. Его глаза казались лишенными выражения.

— В настоящий момент мы не будем ничего предпринимать,— тихо и задумчиво произнес он.— Я принимаю твой совет, Нарсес. Ничего в настоящий момент. Независимо от того, что принесет будущее, лучшая армия малва должна быть готова для... того, что потребуется.

— Ничего,— согласился Нарсес.— В настоящий момент.

— Да. Это практический курс. А я — практичный человек.

Глава 34

Харк

Осень 532 года н.э.

Велисарий выглянул между щитов, которые держали Анастасий и Григорий, прикрывая его. Они скорчились под бойницами, прячась от туч летящих стрел. Велисарий настоял, чтобы лично наблюдать за осадой. Это означало высовывать голову, несмотря на единодушное неодобрение его офицеров.

— Ты был прав, Григорий,— пробормотал он.— Они приготовят осадные орудия к завтрашнему вечеру. Но не раньше. И им придется работать всю ночь. Если они попытаются стрелять сейчас, до того, как установили каменные платформы, отдача, вероятно, разобьет орудия.

Григорий воздержался от каких-либо комментариев. Маврикий на его месте уже бы выдавал саркастические замечания. «Как я тебе и говорил» было бы подано вместе с «Что? Я ослеп?» и «Главнокомандующий должен рисковать головой, чтобы изображать из себя разведчика?».

Но у Маврикия сложились уникальные отношения с Велисарием. Григорий не считал себя вправе укорять полководца. Даже если чертов дурак на самом деле настаивает на том, чтобы бессмысленно рисковать.

Велисарий нырнул под крепостной вал. Григорий и Анастасий опустили щиты и вздохнули с облегчением.

— Можно сделать вылазку,— сказал Григорий.— Попытаться повредить орудия. Вероятно, мы не сможем подобраться достаточно близко, но, не исключено, удастся выстрелить в несущие устройства.

Велисарий покачал головой.

— Это будет чистое самоубийство. Основная часть армии малва еще не прибыла, но там по крайней мере находятся тридцать тысяч человек. Большинство — йетайцы и кушаны, вместе с несколькими подразделениями кавалеристов-раджпутов.

Велисарий снова покачал головой. Однако жест был почти ленивым. Большая часть разума полководца, казалось, концентрировалась за пределами его тела.

— Нет шанса, Григорий. Даже если бы мы и сделали вылазку со всеми имеющимися у нас людьми. Малва знают так же, как мы, что эти орудия — ключ к быстрому прорыву в Харк. Именно поэтому они высвободили большинство своих судов, осуществляющих поставки, чтобы побыстрее доставить орудия сюда. Они, вероятно, надеятся снова занять город до того, как мы полностью его разрушим.

Велисарий замолчал. Теперь он отвернулся от врага за стенами. Полководец изучал внутреннюю часть Харка. Город, как и большинство больших портов, представлял собой лабиринт. Если не считать причалы и небольшой императорский квартал, где в прошлом жили персидские наместники, Харк состоял из множества узких улочек. В одно время, судя по всему, в городе имелось несколько небольших площадей. Но на протяжении многих лет требования и реалии торговли дали о себе знать. Харк был городом арендуемых помещений, складов, базаров, пакгаузов, общежитий, гостиниц, борделей и многочисленыих других зданий, спроектированных для моряков и их грузов. Здания в городе строились или из кирпича, сделанного из глины, или просто представляли собой покрытую гипсом насыпь.

Короче, строения, которые ждут, чтобы стать мусором.

— Если мы сможем спасти его от пожара...— произнес Велисарий задумчиво. Его мысли бежали по широкому кругу, перескакивая через столетия, которые ему показывал Эйд.

«Ты думаешь о Сталинграде».

Велисарий почесал подбородок.

«Да, Эйд. Сколько времени люди Чуйкова продержались в руинах?[1] До того, как наконец начали контрнаступление?»

«Дольше, чем потребуется *нам*,— сообщил Эйд ментально.— Удерживать улицу за улицей — это самый трудный вид сражения, которое только можно представить, конечно если тебя не беспокоит спасение города».

Велисарий улыбнулся. Звериное выражение было бы достойно Валентина.

«Я в любом случае планирую его разрушить. Я собирался сделать все это сразу, когда мы уйдем. Но нет оснований не устроить гала-представление немного пораньше. Зачем ограничиваться вечерним балом, когда можно устраивать танцы каждую ночь? А если потребуется, то и на протяжении нескольких недель».

Велисарий принял решение и повернулся к Григорию.

---

[1] Чуйков Василий Иванович (1900-82) — маршал Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны командовал рядом армий, в том числе 62-й армией в Сталинградской битве. *(Прим. перев.)*.

— Как много времени потребуется, чтобы повернуть осадные орудия? Я имею в виду наши — те, которые смотрят на море с южной стены. Я хочу, чтобы они смотрели на город.

Григорий дернулся.

— А что с...?

Катафракт замолчал. Его взгляд обратился на юг. С возвышения на крепостном валу северной стены Григорий мог видеть весь город до гавани. Четко просматривались двадцать галер малва, которые патрулировали как раз вне радиуса действия обращенных к морю осадных орудий.

Григорий ответил на собственный вопрос.

— Наверное, они нам не требуются против галер.— Он нахмурился на мгновение, раздумывая.— Мне потребуется по крайней мере три дня, полководец.— И добавил виновато: — Орудия огромные. Единственная причина, почему мы вообще можем это сделать менее чем за две недели,— это возможность воспользоваться портовыми кранами...

Велисарий похлопал его по руке.

— Пяти дней достаточно, Григорий. Возьми неделю. Не забудь: тебе придется построить новые крепостные валы. Защищая орудия от огня, идущего *из* города.

Глаза Григория округлились.

— Ты собираешься впустить малва внутрь!

Велисарий кивнул.

— В любом случае они пробьют бреши в стенах, после того как начнут стрелять из осадных орудий. Вместо того, чтобы терять людей, пытаясь удержать стены, когда подобное просто невозможно, мы лучше позволим им войти. Тогда...— Он показал на «муравейник» города.— Чем больше стен и зданий они разобьют, тем хуже для них. Мы можем везде установить обычные мины и мины-ловушки. Мы будем отступать через город, день за днем, разрушая его по мере отступления. Малва придется бросаться в атаку на катафрактов и мушкетеров на самой худшей местности, которую я только могу придумать. К тому времени, как они прижмут нас у причалов, они потеряют тысячи людей. Скорее десятки тысяч.

На мгновение обычно спокойное лицо Велисария стало похожим на дикую железную маску.

— Даже если Антонина никогда не появится и мы умрем здесь, я намереваюсь вскрыть брюхо этому зверю малва. Одним или другим способом.

Он встал, пригнувшись.

— Давайте это сделаем,— приказал он.— Я поставлю Феликса вместо тебя командовать пикинерами. В любом случае пришло время для его следующего повышения. Ты концентрируйся на осад-

ных орудиях. После того, как мы повернем их кругом, малва будут противостоять картечи. Они никогда не смогут перетащить свои осадные орудия в этот бедлам.

Григорий изучал далекие южные стены города, смотрящие на море.

— У них все равно будет радиус...

Велисарий фыркнул.

— С какой точностью? Да, несколько выстрелов ударят по гавани. Но большинство пролетят мимо, и требуется очень много времени, чтобы перезарядить эти орудия. Более того, чем дальше они оттесняют нас, тем ближе подходят к собственной артиллерии — бывшей артиллерии малва, направленной теперь на них.

Улыбка Григория стала звериной.

— Да, это так. А до того, как они попадут в радиус действия картечи... Помнишь твою идею о цепных выстрелах?

Велисарий намеревался тут же уйти. Но энтузиазму на лице офицера-артиллериста было невозможно противостоять. И поэтому несколько приятных минут полководец и его военачальник обсуждали способы убийства и нанесения увечий. Если сказать по правде, они их смаковали.

Эйд держался вне обсуждения, в большей или меньшей степени, за исключением замечаний время от времени.

Нежелательных замечаний, с точки зрения Велисария.

«Как мы, кристаллы, когда-то могли вырасти из таких протоплазменных головорезов? — язвительно замечал он.— Неужели мы не можем научиться просто ладить друг с другом?»

* * *

К утру десятого дня осадные орудия малва завершили свою работу по разрушению. Кусок северной стены Харка длиной в двести ярдов не представлял собой ничего, кроме груды обломков. Двадцать тысяч йетайцев штурмовали город из траншей, расположенных в четверти мили. Они всей своей массой бросились в проем. Подразделения кушанов мешались с батальонами йетайцев, охраняющими подразделения гренадеров из кшатриев.

— Они наконец чему-то научились,— заметил Маврикий, изучая надвигающуюся орду через узкое окно-щель. Он сидел на корточках рядом с Велисарием в башне, менее чем в двухстах ярдах от того, что раньше было северной стеной Харка. Положение на возвышении предоставляло обоим мужчинам четкий вид на поля брани.

Велисарий все еще тяжело дышал от усилия, которое потребовалось, чтобы подняться по узким ступеням. Он забрался наверх

башни всего несколько секунд назад. Маврикий твердо отказался позволить ему подняться наверх, пока осадные орудия не прекратили стрелять. Хилиарх не хотел, чтобы случайный осколок убил римского главнокомандующего.

Велисарий пытался спорить с подчиненным, но Маврикий отказался уступить. Более того, Анастасий отказался уступить. Гигант дал ясно понять, простыми словами, что готов исполнять желания Маврикия грубой силой — поднять Велисария на руки и держать его.

— Что происходит? — спросил Велисарий.

Полководец прижался глазом к другому окну. На мгновение он был дезориентирован узким полем зрения. Узкое окно проектировалось для лучников. Одно время, до того, как Харк разросся, башня, в которой он находился, являлась частью изначальной защитной стены.

— Они, наконец, научились воевать,— повторил Маврикий и показал пальцем в узкое окно.— Посмотри на них, парень. Теперь атаку ведут йетайцы вместо того, чтобы гнать вперед регулярную армию. И они используют кушанов в качестве легкой пехоты, чтобы прикрывать гренадеров.— Через мгновение он проворчал: — Хорошее построение. Точно так же я бы сам все сделал, если без мушкетеров.

Он повернулся и улыбнулся полководцу.

— Готов поспорить: чудовище Линк бьет себя по старой женской заднице. Жалеет, что провалился с мушкетерами.

Велисарий ответил улыбкой на улыбку. Тремя днями раньше, в одном из складов рядом с гаванью, римские солдаты нашли двести ящиков с мушкетами. Оружие все еще было покрыто маслом, защищающим его от соленого воздуха во время морского путешествия.

Империя малва наконец начала выпускать ручные пушки — это было ясно. И точно так же ясно, что не доставила их в Месопотамию вовремя, чтобы это принесло какую-то пользу Линку. Как подозревал Велисарий, Линк намеревался начать подготовку мушкетеров. Три ящика были открыты и оружие вычищено. Но порох в Харк еще не доставили. По крайней мере римские солдаты, исследующие склады и готовящие их к уничтожению, не обнаружили его.

Велисарий улыбнулся. Теперь все мушкеты лежали под водой в гавани Харка. Римские мушкетеры один раз взглянули на оружие и объявили его непригодным для использования. Слишком грубое. Слишком примитивно сделано. Главное — не для нас. Полное дерьмо.

По правде говоря, Велисарий не думал, что приспособления малва значительно хуже римских. Но он позволил мушекетерам насладиться процессом, когда они выбрасывали «полное дерьмо» в море. У них в любом случае было столько мушкетов, сколько требовалось, да и корабли для побега и так окажутся переполнены.

Требовалось эвакуировать по крайней мере шесть тысяч персидских гражданских лиц вместе с римскими войсками.

Первая волна йетайцев уже перебиралась через разрушенную стену. Партии гранат летели через их головы, расчищая путь.

Однако нечего было расчищать. Как только стали стрелять осадные орудия, Маврикий отвел назад войска со стен. Эти солдаты уже давно заняли другие позиции.

— Когда? — спросил Маврикий.

Велисарий изучал атаку через узкое окно. То, что было северной стеной, теперь стало кишащим йетайцами муравейником. Солдаты медленно продвигались вперед, спотыкаясь и падая на обломках камня, но по крайней мере пятьсот уже находились на ровной местности внутри города.

Если бы йетайцев не охватила ярость атаки, они могли бы задуматься о ровной местности. Площадь составляла в ширину пятьдесят ярдов, находилась прямо за северной стеной и была расчищена войсками Велисария. «Расчищена» в смысле, что здания поспешно разрушили. Высушенные на солнце кирпичи никто не уносил, их просто распределили вокруг. В результате получилось поле из камней и кусков стен, которое перемежалось небольшими холмиками из кирпичей, сделанных из глины.

Йетайцы также могли бы задуматься об этих холмиках. Но у них не будет для этого времени.

Теперь по крайней мере тысяча йетайцев плотно сгрудились на ровной местности вместе с примерно двумястами кушанами и кшатриями. Солдаты малва приближались к первой линии все еще стоящих неповрежденными зданий. Они теперь двигались более медленно, ожидая засаду. Гренадеры из кшатриев стали бросать гранаты в первые здания.

— Теперь,— сказал Велисарий.

Маврикий свистнул. Мгновение спустя небольшое подразделение трубачей на нижнем уровне башни начало трубить в трубы. Звук внутри каменных стен башни имел странный тембр. Но ожидающие солдаты узнали сигнал.

Зажгли дюжины запалов. Это были быстро горящие запалы. Три секунды спустя начался кошмар.

Разбросанные везде кучки кирпичей взорвались, когда спрятанные внутри них большие амфоры разорвались от взрывающихся веществ. Амфоры — большие сосуды с двумя ручками — проектировались, чтобы держать в них зерно. Но с таким же успехом в них мог храниться лигроин.

Некоторые сосуды загорелись от взрывов. Кучки превратились во взметающиеся вверх шары пламени и ярости, обжигающие собравшихся вокруг них солдат.

Большинство сосудов только разбились, выплеснув содержимое. Лигроин, который находился в них, был неразбавленным и с большим количеством добавок. Обычно одного запала было недостаточно, чтобы его зажечь. Но взрывы послали облака испарений и потоки пахучего лигроина во все стороны. Через несколько секунд большинство солдат малва, собравшихся на ровном участке, покрылись налетом этой смеси.

Прозвучала следующая партия взрывов.

Мины, спрятанные под обломками, были уложены у стен ближайших жилых зданий. Их за последние несколько дней сделали римские войска, работающие на складах в гавани, в кузницах и ремонтных мастерских.

Эти мины получились грубыми. На самом деле это были ведра, наполненные взрывчатыми веществами и лежащие на боку. Некоторые — медные кастрюли, но большинство — просто амфоры, армированные железными обручами. Деревянные крышки удерживали заряды, чтобы те не вывалились.

Эти мины проектировались для поджигательных целей. Как только заряды в основании ведер сработали, легко воспламеняющиеся материалы, смоченные разлитым лигроином, взметнулись вверх. Сотни — тысячи — горящих предметов дождем падали по всей территории перед малва, зажигая грубый лигроин, который уже смочил местность.

Через несколько секунд сотни воинов малва превратились в человеческие факелы. Все остальные звуки исчезли в едином вопле боли.

— Боже,— прошептал Маврикий, выглядывая через отверстие.— Боже, прости нам грехи наши.

Через несколько секунд Велисарий отвернулся. Казалось, его лицо превратилось в камень.

— Это должно остановить атаку,— сказал он.— Теперь они будут наступать, как улитки.

Взгляд Маврикия все еще фокусировался на живых факелах внизу. Нельзя сказать, что он побледнел, но его лицо вытянулось. Он с шипением медленно выпустил воздух между стиснутых зубов.

Затем быстро, резко тряхнув головой, он тоже отвернулся. И бросил взгляд на Велисария.

— Улитки? Скорее они будут наступать с той же скоростью, как растущие корни деревьев.— Затем снова прошипел: — Боже.

* * *

Мушкетеры стали с грохотом забираться на платформу башни, чтобы занять места у отверстий для лучников. Велисарий с Мав-

рикием протиснулись между солдат и стали спускаться по лестнице. Оба молчали.

По крайней мере не произносили ничего вслух, пытаясь стряхнуть с себя ужас, Велисарий разговаривал с Эйдом.

«Именно это ты имел в виду, да?»

Эйд понял вопрос. Его разум и разум Велисария на протяжении лет сплелись собственными корнями.

«Да. Войны будущего на самом деле не станут цивилизованными, даже следуя Женевской конвенции. Возможно, более антисептическими в том смысле, что люди смогут убивать друг друга на расстоянии, с которого не видят лиц врагов. Но я думаю, что это делает войну еще более бесчеловечной».

Ни человеку, ни кристаллу не показалось странным, что Эйд использовал слово «бесчеловечный» так, как использовал. Так сказать «изнутри». Не казалось странным и то, что, использовав слово, Эйд также готов отвечать за последствия. Если в слове и имелось какое-то обвинение, то оно направлялось в той же мере на кристалл, как и на использовавших лигроин людей. В конце концов ведь именно Эйд показал Велисарию мины «клеймор»[1] из будущего.

Вопрос о собственной человечности Эйда был решен. Великие создали Эйда и ему подобных и назвали их «люди». Но, как и всегда, это звание следовало устанавливать в борьбе. Эйд претендовал на свою человечность и человечность рода кристаллов в человеческом племени самым уверенным и самым древним способом.

Он за нее боролся.

Глава 35

Деогхар
Осень 532 года н.э.

Ирина саркастически рассмеялась.

— Ну, Дададжи, как ты думаешь, что они теперь говорят?

Она оперлась правым локтем о стенку паланкина, высунулась наружу, повернула голову назад и посмотрела на слонов, которые следовали за ними. В следующем паланкине ехала керальская делегация. Вида лица Ганапати оказалось достаточно, чтобы Ирина откровенно расхохоталась.

Холкар не потрудился повернуть голову. Он просто смотрел на приветствующие их толпы вдоль дороги и улыбался.

— Несомненно, они понимают свою ошибку и клянутся снова заняться изучением философии.

---

[1] Мина «клеймор» — противопехотная мина направленного действия. *(Прим. перев.)*

Глаза Ирины все еще были направлены в конец процессии, и она удивленно покачала головой.

— Если Ганапати не закроет рот, то первый сильный порыв ветра вышвырнет его из паланкина.

Ирина слегка вытянула шею, пытаясь получше рассмотреть слонов, которые шли по дороге за керальцами.

— То же касается и послов Чолы. И судя по тому, что я вижу, и послов с Хайнаня.— И снова она покачала головой — на этот раз не в удивлении, а весело.— О вы, неверящие,— пробормотала она.— Вы не верили в нее.

Ирина убрала локоть и повернулась назад в их паланкин. На мгновение глаза Ирины встретились с глазами другой женщины, которая сидела напротив нее в объятиях Холкара. Жена Дададжи улыбнулась ей. Выражение лица было робким, даже очень робким, таким, что Ирина могла смотреть на женщину только с болью.

Ирина тут же ответила собственной улыбкой, добавив в выражение столько утешения, уверенности и подбадривания, сколько могла. Жена Дададжи практически мгновенно опустила глаза.

«Бедная Гаутами! Она все еще в шоке. Но по крайней мере мне удалось получить от нее улыбку».

Ирина отвела взгляд от маленькой, седой женшщины, которую обнимал Холкар. Она чувствовала к ней глубокую симпатию, но знала: пристальные взгляды только заставят жену Холкара еще больше уйти в себя. Проблема была не в том, что Гаутами до сих пор страдала от каких-то симптомов после долгого пребывания в плену. На самом деле совсем наоборот. Гаутами прошла путь от жены скромного писаря в городе маратхи до рабыни в кухне малва, а затем от рабыни до жены пешвы древней Сатаваханы. Последний прыжок, как думала Ирина, принес в некотором роде больший стресс, чем первое падение. Несчастная женщина вдруг обнаружила себя на самой вершине индийской социальной лестницы.

Когда Ирина отвернулась, то заметила еще одну колонну маратхи, приближающихся к дороге, по которой Шакунтала с триумфом следовала в Деогхар. Мягкая улыбка, которой Ирина улыбалась Гаутами, переродилась в нечто гораздо более жизнерадостное и оптимистичное — улыбку на грани почти чистой дикости.

Слово «колонна» на самом деле не совсем подходило. «Разношерстная орда» лучше отражало реальность. Впереди, крича и гикая, следовали примерно две дюжины молодых мужчин. Пять из них сидели на лошадях, и они то выезжали вперед, то возращались назад — самоназначенная «кавалерия» какой-то деревни, которая их снарядила. Остальные маршировали — лучше сказать изображали подобие атаки — пешком. У всех имелось оружие, хотя в большинстве случаев оно все еще несло на себе следы недавних превраще-

ний. По большей части маратхи вооружились мотыгами, которые местный кузнец превратил в подобие боевых топоров. Но Ирина тут и там заметила несколько настоящих копий и мечей.

За неугомонными и буйными молодыми людьми шли другие, более взрослые. Они тоже несли оружие порой самое неожиданное. Часть из них, которые сидели на лошадях, даже надели доспехи и держали у седел хорошо сделанные луки и мечи. Эти в той деревне сходили за кшатриев, а деревня явно находилась где-то в вулканической местности Великой Страны. За ними, маршируя более медленно, шло, возможно, двести или триста человек. Женщины, дети, старики, больные и калеки, священники — Ирина не сомневалась ни на мгновение, что толпа включает всех жителей деревни, которые могли передвигаться на своих ногах.

Колонна достигла дороги и стала смешиваться с толпой по обеим сторонам, вытянувшейся насколько могли видеть глаза. Ирина не стала снова оглядываться назад, но знала: многие из этих людей, после того как пройдет процессия Шакунталы, присоединятся к огромной толпе, которая последует за императрицей в Деогхар. Греческая дама благородного происхождения даже прекратила оценивать их количество.

«Я не представляла, что в Великой Стране столько людей. Она кажется такой голой местностью».

Дададжи, вероятно, почувствовал какие-то из ее мыслей.

— Нас много, да? — заметил он. Холкар покрутил головой, оценивая происходящее вокруг.— Я сам не осознавал. И не думаю, что кто-то осознавал. И это тоже придаст им смелости, когда они отправятся назад в свои деревни.

Внезапный крик донесся из толпы впереди. Мгновение спустя процессия остановилась. Дададжи перегнулся через боковую сторону паланкина и посмотрел вперед.

— Она снова произносит речь,— Холкар покачал головой и улыбнулся.— Если она будет так продолжать...

Громкий рев потопил его слова. Затем, подобно волне, рев прокатился по толпе, которая стояла вдоль дороги. Через секунды, когда люди рядом с паланкином присоединились, шум стал оглушительным. Большинство из этих людей просто не могли слышать слов Шакунталы, но это не имело никакого значения. Они знали, что она сказала.

На протяжении дней, когда ее экспедиция в Деогхар двигалась через южную Махараштру, императрица Андхры повторяла одну простую, короткую, сжатую речь. К этому времени все маратхи в радиусе дня пути верхом — быстро, галопом — знали ее содержание:

— Андхра — невеста Махараштры.
Моя армия — это мое приданое.

Мой муж сломит хребет малва.
Мои сыновья перемелят кости малва.

Это даже больше не была речь. Просто песня, все слова которой наизусть знали и повторяли тысячи — десятки тысяч — маратхи, которые не слышали лично выступлений императрицы. Они — и многие другие. Великая Страна на протяжении столетий служила раем людям, которые бежали от тирании и гнета. Маратхи, как народ, считались дворняжками, полукровками, нечистым результатом связей предшествующих поколений, которые нашли убежище в горах и на неплодородных почвах Махараштры. Новые беженцы, которые вливались потоком после того, как малва начали свое покорение Индии, просто продолжили процесс. Многие из голосов, поющие слова Шакунталы, делали это не на языке маратхи, а на дюжинах других языков Индии.

Рев стих. Процессия опять тронулась в путь. Ирина вопросительно посмотрела на Холкара.

— Что ты говорил, Дададжи?

Пешва покачал головой, все еще улыбаясь.

— Если она станет продолжать в том же духе, то охрипнет к тому времени, как доберется до Деогхара и совсем не сможет сделать предложение Рао.— Его улыбка стала шире, почти озорной.— Знаешь, он ведь до сих пор не сказал «да»? А его едва ли назовешь человеком, на которого можно давить и запугивать, даже *она* не сможет.

Ирина улыбнулась в ответ.

— Но мне не кажется, что ты сильно беспокоишься. Боже праведный! А что если он скажет «нет»? Ужас!

Холкар не ответил словами. Выражения его лица было достаточно.

Ирина рассмеялась.

— Тебе следует служить моделью скульпторам, Дададжи — в следующий раз, когда нам потребуется слепить Будду.

Холкар покрепче прижал к себе жену.

— Я это повторяю Гаутами,— он рассмеялся.— Упрямая женщина! Она настаивает на отрицании моей святости.

— Конечно настаиваю,— тут же последовал ответ.

Ирина чуть не сделала резкий вдох, увидев глаза женщины. Все еще робкие, все еще наполовину опущенные, но — да! Блестят!

— Какой же святой храпит? — спросила Гаутами.

«Боже — она пошутила!»

* * *

— Девушка сошла с ума, Малоджи,— проворчал Рао, гневно глядя вниз на слона, вышагивающего первым в огромной и стран-

ной процессии, которая почти достигла огромных ворот в южной стене Деогхара. С места наверху этой стены Рао мог четко видеть Шакунталу. Императрица ехала в одиночестве на первом слоне и стояла абсолютно прямо во всех императорских регалиях.

— Посмотри! — закричал он, показывая обвинительным перстом.— У нее в паланкине даже нет телохранителя!

Малоджи спокойно изучил армию крестьян маратхи, вооруженных пиками, которые шли по обеим сторонам, сразу же за крепкими рядами кушанов, маршировавшими рядом с императрицей. Его взгляд переместился на чернокожих солдат, украшенных страусиными перьями, которые шли позади слона.

Затем Малоджи неторопливо изучил различные воинские подразделения, которые двигались по всему ландшафту к югу от окруженного стенами города, напряженно приглядываясь, нет ли где врагов из малва. Он узнал войска из Чолы и Кералы, но не мог точно определить, откуда остальные. В целом их, возможно, набиралось три тысячи, подумал он. Однако было трудно оценить точно, из-за большой толпы маратхи, которые, казалось, заполняли всю местность.

Рао стал стучать по верху стены ладонями.

— О чем думает Кунгас? — спросил он.

Малоджи отвернулся от процессии и удовлетворенно вздохнул.

— Я никогда не осознавал, как в этом мире много наций,— пробормотал он. Затем, бросив взгляд на раздраженного человека рядом, рассмеялся.— Расслабься, Рао! — Малоджи снова рассмеялся.— Я на самом деле не думаю, что ей угрожает какая-либо опасность от армии Подлого.

Теперь Малоджи рассмеялся открыто и показал головой назад, на север.

— Ха! Все войска Подлого окружают *его* лагерь, в то время как он сам дрожит в своем шатре. Подлый явно чувствует, что сегодня осаждают его.

Рао все еще шлепал ладонями по стене. Малоджи фыркнул.

— Прекрати это, старый друг! — Он прогнулся вперед и прижал руки Рао к камням.— Ты ведешь себя глупо и сам это знаешь. Только сегодня утром из Бхаруча пришел еще один отчет. Все большее количество войск малва вваливается в город, в поисках убежища. Полные гарнизоны, довольно часто из маленьких городков. Вся земля бурлит от восстания. Великая Страна начинает кипеть. Нет ни одного шанса в мире, что малва ударят по императрице. Не сегодня, это точно.

Рао уставился на него. Мгновение пытался вырвать руки из-под рук Малоджи. Но в этом усилии не было особой уверенности.

— Она все равно сумасшедшая,— пробормотал он упрямо.— Весь этот ее план сумасшедший. Это... это...— Рао вдохнул воз-

дух.— Она наносит угрозу своей чистоте — ее священной родословной — просто ради государственных интересов.

На мгновение вернулся обычный ум Рао.

— Признаю, это великолепный удар, с точки зрения привлечения союзничества маратхи.— Но через мгновение ум унесло ветром, и Рао снова нахмурился — Но это все равно...

— Прекрати! — приказал Малоджи.

Внезапно, почти злобно он схватил Рао за запястья и оттащил его от стены.

Рао удивился и встретился с взглядом Малоджи. Малоджи покачал головой.

— Ты ни во что это не веришь, Рао. Ты просто боишься, и это все. Боишься, что твои слова — правда. Боишься, что девушка, которая приезжает к тебе сегодня,— это не та девушка, которую ты страстно желал, а просто императрица, ведущая войну.

Через мгновение Рао опустил глаза. Он ничего не сказал. Не было необходимости в словах.

Малоджи улыбнулся.

— Так я и думал.

Он освободил запястья Рао, только чтобы схватить его за плечи и повернуть к лестнице, которая вела вниз в город. Они уже слышали, как открываются огромные ворота.

— Иди, иди! Вы двое давно не разговаривали друг с другом.

Он стал толкать Рао впереди себя. Величайший танцор Махараштры волочил ноги.

— И позволь мне кое-что предложить,— Малоджи рассмеялся сдавленным смешком.— Думаю, тебе пора прекратить думать о ней, как о «девочке».

* * *

Теперь они остались одни. Даже Кунгас вышел из комнаты, спокойный, зная, что его императрица находится с человеком, который среди прочего является одним из величайших в Индии наемных убийц.

Рао уставился на Шакунталу. Прошло три года с тех пор, как он в последний раз ее видел. И тогда только на два часа.

— Ты изменилась,— сказал он.— Сильно.

Шакунтала начала отводить глаза, но потом уверенно на него посмотрела.

— Как? — спросила она, распрямив спину.

Обычно Шакунтала держалась очень прямо, поэтому всегда выглядела выше, чем на самом деле. Теперь она стояла, как императрица. В ее черных глазах блестела та же императорская аура.

Рао покачал головой. Это было медленное движение человека в полубессознательном состоянии, который пытался соединить реальность и видение.

— Ты кажешься... значительно старше. Значительно...— он махнул рукой. Жест, как и качание головой, получился неопределенным и робким. Он вдохнул воздух.— Ты была красивой девочкой. Теперь ты гораздо красивее, теперь, когда ты стала женщиной. Не понимаю, как такое возможно.

В глазах Шакунталы появился намек на влагу. Но единственным выражением на лице оставалась хитрая улыбка.

— Ты не сильно изменился, Рао. Если не считать, что в твоей бороде появились седые волоски.

Рао стоял так же прямо, как императрица. И сказал резко:

— Это — только одна из причин...

— Замолчи.

Рот Рао захлопнулся. Он никогда раньше не слышал, чтобы Шакунтала так разговаривала. Пантера Махараштры был поражен так же, как все изнеженные и избалованные послы из брахманов, которых тоже заставил замолчать этот древний голос великой Сатаваханы.

Когда Шакунтала продолжила, говорила она холодным и повелительным тоном.

— Я не желаю ничего слушать про твой возраст. Что с того? Для меня он никогда не имел значения. Он не имел для меня значения, когда я была девочкой и меня в плену держали малва. И теперь он для меня не имеет значения, когда я — императрица Андхры.

Она фыркнула.

— И значит даже меньше! Ни один неопытный молодой муж долго не продержался бы против малва, поэтому я все равно достаточно скоро стала бы вдовой.

Рао опять начал говорить.

— Замолчи.

И снова рот Рао захлопнулся.

— Я не буду слушать никаких возражений, Рао. Я не стану слушать никаких слов о возрасте, или крови и чистоте, или пристойности и традициях. Я приняла решение, и меня ничто не поколеблет.

Императорская надменность и высокомерие, казалось, дали трещину. Возможно. Совсем чуть-чуть. Шакунтала отвернулась.

— Я не стану тебя насиловать, Рао. От тебя требуется только сказать «нет». Отказывай мне, если хочешь, и я приму этот отказ. Но аргументов я слушать не буду.

— Если я хочу? — закричал он.

Взгляд Шакунталы вернулся к нему, со скоростью ветра. В это мгновение она узнала правду.

Теперь в ее глазах не было намека на влагу. Слезы полились, как дождь. Она крепко сжала руки перед собой. Ее плечи начали трястись.

— Я никогда не знала,— прошептала она. Затем рыдая, добавила: — О, Рао — я никогда не *знала.* Все эти годы...

Теперь голос Рао тоже была сдавленным, его глаза повлажнели.

— Как я мог?..— Его ноги подкосились. На полу, стоя на коленях, склонив голову он говорил дальше: — Как я мог? Я только... только...

Шакунтала стояла на коленях перед ним. Обнимала его, шептала его имя, целовала его глаза и тихо плакала ему в волосы.

* * *

В конце концов юмор вернулся, напомнив о всем том, что они делили столько лет, когда Рао обучал Шакунталу.

— Тебе нужно идти,— пробормотал Рао.— Очень неподобающе для девственницы столько времени проводить одной с мужчиной.

Шакунтала расхохоталась.

— Я серьезно! — настаивал Рао.— Люди станут говорить, что я женился на шлюхе. Моя репутация будет подмочена.

Она обвила руками его шею, яростно его поцеловала и опрокинула на пол.

— Боги над нами,— вдохнул воздух Рао.— Я на самом деле женюсь на шлюхе!

Шакунтала залилась смехом.

— О, Рао, как мне тебя не хватало! Как! Никто никогда не заставлял меня так смеяться!

Она снова его поцеловала, и снова, и снова до того, как отвела свое лицо. Ее влажные глаза были полны обещания.

— Мы поженимся завтра,— постановила она.— Ты станцуешь самый великий танец, который кто-либо когда-либо видел.

Он уныло улыбнулся.

— Я не стану спорить по этому вопросу. Я не смею.

— Лучше не надо,— прошипела она.— Я — императрица. Больше даже не могу следить за своими палачами. Но этих ловких ребят, вероятно, уже набрались сотни.

Рао рассмеялся и крепко прижал ее.

— Никто никогда не заставлял меня так смеяться,— прошептал он.

Секундами позже они поднялись на ноги. Держась за руки они направились к двери, за которой ждали Кунгас и фортуна империи.

У двери Рао остановился. У него появилось странное выражение. Шакунтала никогда раньше не видела на лице Рао такое выра-

жение. Колебание, неуверенность, смущение, беспокойство — он казался даже моложе нее.

Шакунтала все сразу же поняла.

— Ты беспокоишься,— сказала она мягко, но твердо.— О нашей брачной ночи. Все эти годы самодисциплины.

Он молча кивнул. Через мгновение сказал мягко:

— Я никогда... никогда...

— Никогда? — спросила она лукаво. Потом склонила голову набок и прищурилась.— Даже в тот раз — мне было четырнадцать, я помню, когда...

— Достаточно! — рявкнул он. Затем, слегка покраснев, Рао пожал плечами.— Почти,— пробормотал он.— Я пытался — так сильно. Я постился и медитировал. Но... возможно, не всегда.

Он все еще колебался, был неуверен, беспокоился. Шакунтала взяла его лицо в ладони и заставила посмотреть прямо на себя.

— Не беспокойся, Рао. Завтра ночью ты будешь моим мужем и идеально выполнишь свой долг. Поверь мне.

Он уставился на нее, как ученик смотрит на пророка.

— Поверь мне.— В ее голосе не было сомнений.

* * *

— Я думаю, что могла бы попробовать вот это,— сказала Шакунтала, показывая на иллюстрацию.

Глаза Ирины округлились. На самом деле почти вылезли из орбит.

— Ты сошла с ума? Я не стала бы...

Она замолчала и усмехнулась.

— Конечно, ты — танцорка и акробатка, которую обучал наемный убийца. А я — просто старая развалина. Греческая дама благородного происхождения к тому же. Я скриплю, когда встаю со стула, на котором читаю.

Шакунтала улыбнулась.

— Ты не такая уж и старая, Ирина. И я совсем не думаю, что развалина.

Ирина скорчила гримасу.

— Может быть. Но я все равно не стала бы пробовать *это*.

Мгновение спустя Шакунтала обнимала ее.

— Спасибо за то, что дала мне книгу, Ирина. Прости, что держала ее так долго. Но я хотела изучить ее наизусть.

Ирина улыбнулась. Она не сомневалась в ее словах. Разум молодой императрицы тренировал тот же человек, который тренировал ее тело. Шакунтала, вероятно, на самом деле запомнила каждую страницу.

— Спасибо за все остальное,— прошептала императрица.— Я навсегда перед тобой в долгу.

* * *

Когда Ирина провожала Шакунталу к двери, императрица захихикала.

— Что такого смешного?

— Ты будешь смешной,— предсказала императрица.— Очень скоро.

Они стояли у двери. Ирина вопросительно склонила голову.

Шакунтала улыбалась очень сладко. Как мед, используемый для приманки.

— Ты знаешь Кунгаса,— тихо сказала она.— Такой упрямый и преданный человек. Но я убедила его, что сегодня ночью мне на самом деле не потребуется телохранитель. Мне определенно не будут нужен телохранитель после завтрашнего дня, когда мою постель разделит Рао.

Ирина стояла, открыв рот, когда императрица выскользнула за дверь. Она все еще стояла, открыв рот, когда в комнату проскользнул Кунгас.

* * *

Он сразу же заметил ароматизированные масла, стоявшие на полочке у стены.

— Не думаю, что они нам потребуются,— задумчиво сказал он.— По крайней мере сегодня ночью.

Затем, заметив книгу на столе, подошел и изучил открытую страницу.

— Нет шанса,— объявил он.— Может, ты, Ирина, достаточнотройна для этого. Но я? — Он показал пальцем на иллюстрацию.— Думаешь, можно заставить такого крепкого варвара, как я...

Но к тому времени Ирина уже добралась до него, и он больше ничего не говорил. По крайней мере какое-то время.

* * *

Ирина любила сюрпризы, но этой ночью сюрпризов не получилось. Она давно знала, что Кунгас окажется лучшим любовником, который у нее был.

— Гораздо лучшим,— прошептала она несколько часов спустя. Ее влажная нога в наслаждении обвила его.

— Я говорил тебе, что нам масла не потребуются,— прошептал он в ответ.

Они рассмеялись, снова разделяя радость. Ирина подняла голову и, глядя сверху вниз на Кунгаса, порадовалась вновь, еще сильнее.

Маска ушла без следа. Открытое лицо, которое улыбалось ей, глядя вверх, было просто лицом влюбленного мужчины. Ее мужчины.

Глава 36

Харк

Осень 532 года н.э.

— Я не понимаю, что делает это чудовище,— рявкнул Кутзес.

Он нырнул за сломанную стену, когда еще одна партия ракет прилетела от войск малва в разбитый ряд зданий через улицу. Не принеся вреда, стрелы влетели в другую комнату здания, которое когда-то было мастерской ремесленника. Кожевника, судя по нескольким приспособлениями и кускам сырого материала, которые все еще валялись вокруг.

Спина Велисария была удобно прижата к той же стене. Он вопросительно приподнял бровь.

Кутзес ткнул пальцем в стену, показывая на невидимого врага за ней.

— Какова цель происходящего, полководец? Это существо просто выкашивает наших солдат. Они выпустят еще одну партию ракет или две — ни одна из которых не попадет ни во что, если только по слепой удаче, потом бросят несколько гранат, затем кинутся в атаку через улицу. Мы их положим, они отступят, а затем повторят все снова. К тому времени, как мы наконец будем вынуждены отступить на следующую улицу, они станут двигаться через сотни тел и обломки зданий.

Фракийский офицер потер лицо, размазывая пот и грязь.

— Теперь все это продолжается уже две недели. Наши собственные потери не были тяжелыми. С такой скоростью им потребуется месяц — по крайней мере! — чтобы с боем прорваться к причалам. И они потеряют половину своей армии — по крайней мере! — в процессе.

Он снова сильно нахмурился.

— Я слышал о грубой тактике, но *это*?..— На мгновение его молодое лицо просто выражало печаль.— Я думал, эта сущность суперразумная.

Велисарий улыбнулся. Улыбка получилась хитрой, но в ней было больше презрения, чем иронии.

— Линк на самом деле суперразумный, Кутзес. Но разумом всегда руководит душа. У Линка душа есть, независимо от того, понимает он это или нет. Или по крайней мере он является преданным слугой новых богов и их душ.

Велисарий вытянул шею и уставился на камни у себя над головой.

— Эти...— он резко выдохнул, словно плюнул.— Эти божественные свиньи не смотрят на людей, как на людей. Солдаты для них — просто орудия. Множество камней, чтобы вымостить дорогу до человеческой идеальности. Они смотрят на человеческую жизнь точно так же, как мы с тобой смотрим на клинок. Выкидываем отслуживший металл прочь, чтобы заменить его на новый и острый. А если он визжит от боли, то кому до этого дело?

Велисарий снова выдохнул воздух и снова у него получился плевок.

— Что касается тактики, то она имеет идеальный смысл — если посмотреть на нее с точки зрения Линка. Дело в том, что малва уже потеряли эту армию, и Линк это знает. Чудовище знает, что мы должны были разрушить все запасы в Харке — или по крайней мере у нас уже все приготовлено для их разрушения.

— Что мы и сделали! — рявкнул Кутзес.

Велисарий кивнул.

— Так зачем беспокоиться об умной и хитрой тактике? И малва не могут использовать йетайцев, которых они оставили, как войска для ведения атаки. Больше не могут. После потерь, которые они понесли, им требуются эти йетайцы, чтобы поддерживать контроль над регулярной армией. Если бы этих несчастных ублюдков уже так сильно не побили...— Велисарий покачал головой.— Большинство армий, к этому времени, после того что они пережили, уже столкнулись бы с бунтом. Солдаты отказались бы подчиняться.

Он потер руку о грубую стену за спиной. Жест сопровождался еще одним покачиванием головы, словно Велисарий думал об абсурдности попыток стереть камень плотью.

— Дело в том, Кутзес, что происходящее — это вид комплимента,— сказал он тихо.— Если бы я был эгоистом, то распушил бы перья, как павлин.

Кутзес нахмурился. Улыбка Велисария стала очень хитрой.

— Единственное, что Линк намерен и нацелен сделать, единственное, чего он хотел бы добиться, несмотря на катастрофу,— это уничтожить меня. Меня и всю проклятую армию, которая принесла малва больше печали, чем все другие враги вместе взятые.

Кутзес улыбнулся от уха до уха.

— Ты в самом деле считаешь, что мы для него стали такой болью в заднице?

Велисарий фыркнул.

— Болью в заднице? Лучше сказать — болью в брюхе.— Он посмотрел одновременно серьезно и торжественно на молодого офицера, который сидел на корточках рядом с ним.— Пойми вот что, Кутзес. Независимо от того, выживем мы или нет, мы уже

выпотрошили малва. Что бы ни случилось, вторжение в Персию закончилось. Закончилось! Малва даже не могут больше надеяться начать новую войну или покорение. По крайней мере много лет. Линк попытается спасти то, что удастся, от этой армии — а это будет немного. Но после Нехар Малки и Харка...

Он пытался найти пример. Его обеспечил Эйд.

«За немногим более года ты, Велисарий, обеспечил малва их собственный Сталинград и Курск. Теперь Линк может сделать только то, что сделал Гитлер. Попытаться удержать оставшееся и отступать настолько медленно, насколько возможно. Но с этого дня и дальше он — защитник, а не агрессор».

Велисарий кивнул. Он не пытался представить молодому подчиненному всю историю, которая лежала за заявлением Эйда, но передал ему сжатую суть.

— Кутзес, в будущем случится еще одна великая война против зла — или по крайней мере могла бы произойти. Эйд только что напомнил мне о ней.

Теперь Кутзес слушал его с глубоким вниманием, не отвлекаясь ни на что. Молодой фракийский офицер знал об Эйде. Он видел его. Но как и все офицеры Велисария, он думал о кристалле просто, как о Талисмане Бога. Объявление Эйда, по мнению Кутзеса, было так близко к божественной непогрешимости, как когда-либо может надеяться услышать человек.

Увидев благоговение во взгляде Кутзеса, Велисарий улыбнулся.

«Чему ты улыбаешься? — спросил Эйд. Грани сверкнули. На мгновение у Велисария в сознании возник образ кристаллического павлина, вышагивающего с нескрываемым самодовольством.— Я думаю, „божественная непогрешимость“ идеально мне подходит. Почему только *ты* не понимаешь очевидную истину?»

И снова грани сверкнули. Велисарий подавил смешок. Кристаллический павлин, всего долю секунды смотрел на него обвиняющими глазами-бусинками. Он напоминал птицу из курятника, которая требовала то, что ей причитается. Причесанное и оперенное божество, отмеченное агностической наглостью.

Велисарий махнул рукой, чтобы пресечь юмор Эйда.

— В той войне наступил момент, Кутзес, когда армии зла оказались сломлены. Сломлены, но не уничтожены. Но с того времени и дальше они могли только отступать. Только удерживать имеющееся в надежде, что когда-нибудь в будущем им удастся снова начать захватническую войну.

Теперь Велисарий заговорил сурово.

— Те мерзкие звери — их называли нацистами — никогда не получили нового шанса. Сломив их один раз, враги давили и давили, разрушая их.— Он ткнул большим пальцем за спину, показы-

вая на нечеловеческое чудовище, которое маячило где-то за той стеной.— Линк знает эту историю точно так же, как и я. И эта сущность нацелена проверить, чтобы ни я и никто из солдат этой великолепной армии не выжили для участия в будущих войнах. Или, как Линк прекрасно знает...

Он закатил глаза и кивнул туда же, куда показывал большим пальцем. Следующие слова он прошептал, скорее — прошипел. Это было обещание.

— Я выживу, чудовище. И я покажу тебе операцию «Багратион» и разрушение группы Центр. И я покажу тебе Сицилию и день «Д»[1] и операцию союзников у Фалэза[2].

Велисарий перевел взгляд назад на Кутзеса. Ярость ушла, ее заменил мрачный юмор.

— Как я и сказал, эта неистовая атака — большой комплимент. На самом деле она хорошо подпитывает мою гордость. Ты только задумайся, Кутзес. Великие боги будущего, уверенные в своей собственной идеальности, поставили себе единственную задачу — убить одного жалкого, примитивного, неидеального, нелепого, смехотворного, несчастного фракийского проклятого сукиного сына.

Кутзес расхохотался.

— Не могу сказать, что виню их!

Еще одна партия стрел полетела над головами. За ними прилетел поток слов — йетайцы выкрикивали приказы. Кутзес высунул голову из-за стены. Опустив ее, нахмурился.

— Я думаю...— Кутзес хмуро посмотрел на Велисария.— Я хочу, полководец, чтобы ты отсюда ушел. Они в любую минуту начнут следующую атаку. Случайная граната...— он покачал головой.

Велисарий не стал спорить по этому вопросу. Он поднялся, правда, в полный рост не вставал, и быстро покинул комнату. В следующем помещении без крыши ждал Анастасий вместе с другими катафрактами, которые теперь служили дополнительными телохранителями Велисария. Маврикий заменил Валентина двумя парнями, после того как Валентина взяли в плен. Выбранные катафракты не оскорбились из-за такой относительной оценки их талантов и достоинств в сравнении с Валентином. На самом деле они были очень довольны комплиментом. Они ожидали, что Маврикий выберет в два раза больше людей.

Анастасий фыркнул, увидев, как в комнату вбегает полководец. Но он воздержался от других выражений своего неудовольствия.

---

[1] День «Д» — день высадки союзных войск в Европе 6 июня 1944 года. *(Прим. перев.)*

[2] Фалэз — город на северо-западе Франции. Город был почти разрушен во время Второй мировой войны. *(Прим. перев.)*

Велисарий улыбнулся.

— Важно, чтобы главнокомандующего видели на передовой, Анастасий. Ты это знаешь.

Когда небольшая группа римлян поспешила из разбитых руин бывшей мастерской ремесленника, направляясь на юг, к относительной безопасности, Анастасий снова фыркнул. Но снова воздержался от дальнейших комментариев. Он уже столько раз проходил этот танец с Велисарием, что давно отказался от надежды научить полководца новым шагам.

Один из катафрактов-новичков не был так философичен.

— Послушай, Исаак, полководец вполне может лежать на причале и армия не станет возражать,— прошептал он своему товарищу.— На самом деле все будут только счастливы.

Исаак пожал плечами.

— Да, Приский, я тоже так думаю. Но, не исключено, именно поэтому он — лучший полководец — если хочешь знать мое мнение, то лучший за всю историю,— а мы только вышибалы с копьями.

Ответ Приския, каким бы он ни был, утонул под звуками гранат, взорвавшихся в нескольких дюжинах ярдов позади них. Малва начинали новую атаку. Секундами позже крики несущихся в атаку людей смешались с огнем мушкетов и следующими взрывами гранат. И затем в течение полминуты пришли первые звуки, создаваемые сталью, встречающейся со сталью.

Катафракты не оглядывались. Ни одного раза за все время, которое им потребовалось, охраняя Велисария, чтобы пробраться через заваленные улицы и поврежденные здания. Это было все, что осталось от центрального района Харка после многих дней разрушения их римлянами и выстрелов по ним малва. Когда они наконец достигли относительно неповрежденной гавани, которая составляла южную часть города, катафракты повернулись и посмотрели назад, на север.

— А на что ты в любом случае жалуешься? — спросил Исаак, возобновляя разговор, и кивнул на север.— Ты что, лучше снова окажешься там? Станешь сражаться улица за улицей?

Приский скорчил гримасу. Как и Исаак, он стал телохранителем Велисария только несколько дней назад. Первая пара телохранителей, которых выбрал Маврикий для замены Валентина, сменилась после того, как началась осада Харка. Маврикий, желающий, чтобы Велисарии оставался в живых, сделал окончательный выбор, основанный на самом хладнокровном соображении из возможных. Работу получили те из букеллариев, которые за дни яростных сражений на улицах Харка показали себя самыми кровожадными.

Исаак и Приский оказались наверху списка. Они завоевали это положение во время одного из самых жестоких тестов, которые

когда-либо были придуманы человеческой расой. Ни один из них не слышал про Сталинград, и никогда не услышат. Но каждый из них, если бы оказался среди ветеранов 62-й армии Чуйкова, чувствовал бы себя, как дома. Пусть будут прокляты языковые барьеры.

— Хороший вопрос,— пробормотал Приский.

Он повернулся вместе с Исааком и пошел за Велисарием. Полководец направлялся к складу с толстыми стенами, где римская армия устроила свой штаб. Приский смотрел на фигуру высокого полководца, который наклонился, чтобы зайти в маленькую дверь.

— По крайней мере у него хватило здравого смысла уйти до того, как клинки смочила кровь.

— Пока,— проворчал Исаак. Он потянул за один из ремней, удерживающих тяжелые доспехи катафракта.— Проклятье, я устал ходить в этой броне.

Катафракты прошли еще несколько шагов. Когда они приблизились к двери, Исаак повторил:

— Пока. Но не надо питать надежду. Через две недели, самое большее три, малва доберутся до гавани. Ты знаешь, что случится, когда придет тот день.

Приский нахмурился.

— Вылазки, атаки копьеносцев, полный набор — и полководец в самом центре событий. Тогда мы пожалеем, что здесь нет Валентина.

На этой мрачной ноте два катафракта пригнулись и протиснулись в доспехах сквозь дверь, спроектированную для карликов. Дверь вела в туннель, длиной в шесть футов, в массивной стене склада. После усилий, потребовавшихся для преодоления этого туннеля, мужчины практически рычали.

Через пять минут они улыбались, как херувимы.

Глава 37

Только Велисарий выпрямился, протиснувшись через узкий проход, как увидел спешащего к нему Бузеса. Если не считать хорошо освещенную часть у дальней стены, где Велисарий разместил свой письменный стол и стол с картой, внутренняя часть напоминающего пещеру склада оставалась темной. Бузес так спешил, что споткнулся о какой-то завал на полу и упал Велисарию в объятия.

— Полегче, полегче,— засмеялся Велисарий и помог Бузесу встать прямо.— Дела не могут идти так плохо.

Бузес быстро пробормотал извинения. Затем показал пальцем на дверь в противоположной стене.

— Маврикий говорит, что ты должен пойти туда и кое-что посмотреть. Он велел мне сказать это тебе, как только появишься.

Велисарий нахмурился, правда, слегка.

— В чем проблема?

Бузес покачал головой.

— Не знаю. Маврикий мне ничего больше не сказал. Но он был очень настойчив.

Велисарий широкими шагами направился к двери. За собой он услышал тяжелые шаги катафрактов в доспехах, которые следовали за ним. Дверь, подобная той, через которую он только что проходил, была низкой и узкой. И снова Велисарию пришлось наклониться, чтобы пройти. Если не считать больших ворот, предназначенных для грузов, весь склад, казалось, строили карлики.

Выйдя из второй двери, Велисарий взобрался по деревянной лестнице, ведущей на крышу. Поскольку Велисарий шел быстро, то ему, взбираясь по крутым и узким ступеням, приходилось прилагать большие усилия, даже для человека в его прекрасной физической форме и одетому лишь в часть доспехов. Он на мгновение посочувствовал своим телохранителям из катафрактов. Они будут задыхаться от усталости, следуя за ним.

Лестница вела в небольшое помещение. И снова Велисарий протиснулся сквозь крошечную дверку и вышел на свежий воздух. Северная стена склада за ним возвышалась, подобно крепостной. Впереди поддерживаемая снизу тяжелыми балками кирпичная крыша представляла собой плоскую территорию, которая тянулась к морю. Полководец мог видеть дельту, которая блестела под полуденным солнцем.

Велисарий выбрал этот склад в качестве своего штаба из-за его странного дизайна. Одно время, как он подозревал, северная стена здания была внешней стеной Харка. По крайней мере ее строили как укрепление — что могло объяснить крошечные двери. Когда Харк разросся, возвели новые стены, а какой-то предприимчивый купец просто построил свой склад у северной стены, толщиной в шесть футов. С точки зрения римского полководца, лучшего полевого штаба он не мог и желать. Массивная северная стена представляла какую-то защиту от артиллерии, в то же время плоская крыша обеспечивала прекрасную точку обзора, откуда он мог наблюдать за дельтой.

Он увидел Маврикия на южном краю крыши. Там не было никакого ограждения, чтобы защитить от падения на причал в тридцати футах внизу, но, казалось, это Маврикия не беспокоит. Хилиарх определенно слышал скрип двери, потому что уже смотрел на Велисария, когда полководец вышел на крышу.

— Иди сюда! — прокричал Маврикий, держа телескоп.— Есть новое развитие событий, которое, как я считаю, тебе следует учесть.

Велисарий поспешил к Маврикию. Пересекая пространство шириной в пятьдесят футов, он быстро осмотрел всю территорию. С крыши он мог видеть весь южный Харк, а также огромную дельту, которая простиралась на юг к самому Персидскому заливу, примерно на десять миль. Харк построили на восточном берегу самого большого притока, который формировал дельту Тигра и Евфрата, на стрелке, простирающейся к югу и западу основной части материка Месопотамии. Приток вряд ли можно было назвать рекой. Если брать ширину, то он сам по себе почти составлял залив. Для всех практических целей Харк был портовым городом, который окружала вода, начиная с запада по кругу до юго-восточного сектора.

Глаза Велисария осмотрели местность вначале справа, потом слева. Он не видел ничего, что могло бы вызвать такое очевидное беспокойство Маврикия. На обоих берегах притока собрались массы войск малва, но они находились там с первых дней осады. Малва пытались установить осадные орудия на этих берегах, откуда они могли бы стрелять по гавани, но через неделю отказались от усилий. Территория, как свидетельствовали тростники, покрывающие берега, была слишком болотистой. Войска находились там просто, чтобы не дать римлянам сбежать, в то время как основные силы малва пытались молотом пробить себе путь в город с севера. Также их галеры постоянно патрулировали дельту и поставляли припасы.

Велисарий повернул взгляд на приток в поисках галер. И снова не увидел, чтобы что-то было не так. Когда Велисарий ворвался в город, в Харке находилось более двадцати галер. Половина из них патрулировали территорию, и все, за исключением трех, которые стояли у причалов, смогли вырваться на свободу до того, как их захватили римские войска.

С тех пор малва использовали галеры для поддержания блокады. Очевидным путем для Велисария было бы уплыть на грузовых судах, которые он захватил. Но он не мог провести эти неповоротливые суда сквозь ряд боевых галер. Огромные грузовые корабли малва смогли бы выдержать попытки сделать в них пробоины таранами боевых галер — по крайней мере некоторые из них, но галеры были также оснащены ракетами в дополнение к бревнам, используемым для тарана. С близкого расстояния, когда нет места для маневров, партии ракет прекратят не оснащенные пушками грузовые суда в плавучие погребальные костры.

И так солдатам Велисария приходилось тушить небольшие пожары, которые начинались на стоящих у причалов судах после попадания ракет, присылаемых с дальнего расстояния. Линк не притворялся, что спасает грузовые суда для эвакуации войск малва.

Хотя подавляющее большинство ракет и близко не подлетали к причалам, галеры, а также войска, стоящие на берегах, с начала осады постоянно посылали партии ракет. Велисарий не хотел думать о дисциплинарных мерах, которые, вероятно, применял Линк для поддержания продвижения войск вперед и атак. К этому времени даже самые тупые малва должны были понять, что эти атаки — самоубийство.

«Я уверен: Линк обещал командирам йетайцев, что малва спасут йетайцев, если варвары будут держать регулярные войска под контролем»,— пришел ментальный импульс от Эйда.

Велисарий согласился с оценкой Эйда. Но когда он приближался к Маврикию, то все еще не видел ничего в дельте, что могло бы вызвать беспокойство. Если не считать три галеры, которые стояли у самодельного причала на восточном берегу и загружали припасы, остальные патрулировали территорию. Как и обычно, малва держали пять галер рядом с гаванью, а остальные растянулись в промежутке между одной и двумя милями.

Когда он подошел к Маврикию, седой хилиарх изучал сами галеры. На его лице выражалось мрачное удовлетворение.

— Они это еще не видели,— сказал он.

Маврикий вручил телескоп Велисарию. Мрачное удовлетворение сошло с его лица...

До того, как поднять телескоп — таким быстрым движением, что он сам чуть не поставил себе синяк под глазом — Велисарий догадался, что происходит. Он только смутно услышал следующие слова Маврикия, сквозь пульсирующую в ушах кровь.

— Да, я думал, что ты захочешь это увидеть сам, парень. Нечасто, в конце концов, человек видит, как Венера поднимается из пены морской.

* * *

Велисарий увидел мерцание до того, как заметил мачты. Он искал глазами паруса, пока не понял, что их нет. Подойдя так близко к пункту назначения, аксумские боевые корабли уже шли на веслах.

Однако не возникало сомнения в том, что он видел. Велисарий не был моряком, но он на вид мог отличить боевой корабль от грузового. Двенадцать судов, мачты которых он видел примерно в десяти милях, являлись боевыми. И у него было достаточно опыта, чтобы после примерно минуты изучения отличить верхнюю часть аксумского боевого корабля от галеры малва.

— Они наши, правильно,— радостно пробормотал он.— В этом нет сомнений. Но...

Велисарий снова перевел телескоп на флагманский корабль приближающейся флотилии. И снова там это мелькнуло. Что-то блестящее.

Он отвел телескоп от глаз и нахмурился. Не в беспокойстве, просто поставленный в тупик.

— Там что-то странное...

Маврикий кивнул.

— Ты тоже это заметил? Что-то блестит, причем то блестит, то нет, на флагманском корабле.— Глаза хилиарха сфокусировались на горизонте.— Я сам это увидел. Первое, что я заметил на самом деле. Все еще не могу догадаться, что это. Предполагаю, может быть зеркало, если Антонина хотела послать сигнал...

Оба мужчины одновременно поняли. И оба одновременно расхохотались.

— Ну конечно! — весело закричал Маврикий.— Она же — Венера, не так ли? Естественно, у нее самые большие латунные сиськи в мире, черт побери!

Велисарий не произнес ни слова, пока не закончил танец напоминающего одновременно пляску пьяного и дикарский обряд, который воины ряда племен исполняют перед походом или в ознаменование победы. Затем перед пораженными взглядами катафрактов-телохранителей, которые наконец, тяжело дыша, выбрались на крышу, стратег римской империи и командующий ее самой лучшей армией — который обычно оставался абсолютно хладнокровным перед лицом врага — начал насмехаться над далекими войсками малва, как восьмилетний мальчик в школьном дворе.

— Это моя женщина! Это моя женщина! — было единственным из всех выражений, которое не оказалось таким грубым, таким похабным, таким мерзким, таким гнусным и таким вульгарным, что слуги Сатаны убежали бы в ужасе, зажав когтистыми лапами свои уродливые как у летучих мышей уши.

* * *

В последовавшие часы, когда Маврикий и Васудева организовывали побег из Харка, Велисарий не обращал внимания на то, что делает его армия.

Конечно, у него не было необходимости принимать участие в подготовке. Планы побега разработали несколько недель назад, даже до захвата Харка. С тех пор как римляне взяли город, большая часть солдат работали, как бобры, чтобы приготовиться к отправке. Грузовые корабли заполнили провизией. Город заминировали для финального разрушения. Все, что оставалось сделать,— это выгнать лошадей, собрать гражданских лиц и организовать отступление с боем к причалам.

С лошадьми разобрались в течение первых двух часов. Их выпустили из конюшен и сараев рядом с причалами и погнали через разбитые улицы к линиям малва. Это задание римские солдаты выполняли с неохотой, но, вероятно по этой причине, так быстро, как могли.

Они знали, что большинство лошадей умрут. Многих убьют сами малва, или потому, что примут за кавалерийкую атаку, или по лошадям просто попадут случайные ракеты или гранаты. Другие животные сломают ноги, пробираясь через завалы. Большинство лошадей, которые выбегут из города, за исключением тех, которых поймают малва, вероятно, умрут от голода в пустыне или в болотах за ней. И даже те лошади, которые окажутся в относительной безопасности в плену у малва, скорее всего будут съедены войсками малва, когда они сами впадут в отчаяние в поисках пропитания.

Но единственной альтернативой было уничтожить их вместе с городом. Поместить их на грузовые корабли римляне не могли. Транспортировка большого количества лошадей морским путем и так достаточно трудная задача, при самых лучших обстоятельствах. Она невозможна для армии, которая поспешно убегает под огнем противника. При таких альтернативах римляне решили выгнать лошадей. В конце концов некоторые проживут в пустыне достаточно долго, чтобы их поймали бедуины.

По крайней мере Велисарий так объяснил проблему своим войскам. И объяснение в общем-то не являлось нечестным. Но главной причиной, которой руководствовался полководец, не была гуманность. Когда требовалось, Велисарий мог проявить безжалостность. Он прекрасно знал: как только Линк обнаружит, что вражеские боевые корабли приближаются к Харку, то поймет наконец весь план Велисария. И в тот момент Линк прикажет начать полномасшабное наступление на Харк, погонит все имеющиеся в его распоряжении войска малва вперед. Несущиеся стада лошадей при встрече с этими наступающими стадами людей создадут беспорядок и путаницу. Беспорядок задержит наступление малва и даст убегающим римлянам гораздо больший шанс спасти свои жизни.

Потребовалось даже меньше времени, чтобы организовать эвакуацию гражданских лиц. Гражданские лица все были женщинами. Когда римляне взяли город, имелось и небольшое количество мужчин, гражданских лиц из персов. В течение дня, после того как женщины рассказали о том, что с ними делали, этих мужчин казнили вместе с солдатами малва, с которыми они сотрудничали.

Женщин из гражданского населения предупредили за несколько дней, и теперь их собирали. Но едва ли требовалось их «собирать». После того как прибыли римляне и освободили их из рабства малва, никто из женщин Харка не отходил более чем на несколько ярдов от римских солдат в любое время дня и ночи. Они делали это по

собственному выбору, а не по принуждению. Женщины напоминали полуутопленных котят, которые отчаянно хватались за спасительную соломинку.

Как и другие несчастные женщины, которые оказывались в таком ужасном положении на протяжении истории и были спасены, выжившие от малва в Харке решили последовать за римской армией. В зависимости от возраста, внешности и темперамента, они стали наложницами, поварихами, прачками, медсестрами — а часто всем одновременно. И если их статус и представлялся неопределенным, по абстрактным стандартам, им он казался фактически раем.

Римские солдаты, несмотря на свою суровость и грубость, никогда не были жестокими к своим женщинам. По крайней мере, солдаты Велисария. Другие римские армии могли бы. Но, учитывая дисциплину Велисария — к которой они уже давно привыкли — и их собственный ужас от зверств малва, солдаты вели себя в манере, которую вполне можно было назвать рыцарской. Конечно, если понимать термин «рыцарский», как включающий: вульгарность; грубый юмор; бездумное предположение, что женщины будут им готовить, убирать за ними и стирать; и нет нужды говорить, мгновенную готовность совокупляться, всеми способами, исключая только откровенное насилие.

На самом деле социальное положение большинства женщин было не хуже, чем до вторжения малва. Да, они никогда не вели такую распутную жизнь. Но имелась и компенсация: новые мужчины в их жизни доказали, что достаточно крепки и способны дать женщинам настоящий шанс выжить. А это немало в водовороте будущей войны. Велисарий через своих офицеров уже сообщил женщинам, что они воссоединятся со своими семьями — с тем, что осталось от их семей. Но, к его удивлению, большинство дало ясно понять, что они предпочтут остаться с его армией, независимо от того, куда отправится армия.

Поэтому сложность в эвакуации женщин заключалась не в том, чтобы их собрать. Те женщины, которые могли сами двигаться, собрались на причалах быстрее, чем кто-либо еще. Проблема была в том, что даже через несколько недель после освобождения Харка многие женщины не могли передвигаться самостоятельно. По крайней мере треть женщин, которые были рабынями в военных борделях, оставались слишком слабыми или больными. Их эвакуация представляла собой главную медицинскую проблему.

Эвакуация заняла три часа — к тому времени все носилки занесли на борт. В конце оставили только двенадцать женщин, в медицинском отсеке, отделенном для рабынь, которым досталось больше всего. Все они были без сознания и так близки к смерти, что даже двигать их не представлялось возможным.

Римский офицер, который отвечал за эвакуацию этого отсека, прыгал взад и вперед в раздражении, не в состоянии принять решение. Медсестра, которая сама была прикована цепью в одном из борделей, прошептала несколько слов на ухо кушанскому солдату. Он вручил ей свой кинжал. Медсестра с холодным выражением лица приказала всем покинуть отсек, используя тон, который бы одобрила императрица Феодора. Когда она вышла через пять минут, ее лицо было спокойным, манеры расслабленными. Она даже нашла время, чтобы почистить кинжал. Все, что осталось,— это отступление с боем солдат, удерживающих передовые позиции. При любых обстоятельствах в мире, кроме тех, в которых теперь оказался Велисарий, он сам стал бы руководить отступлением. Его телохранители наполовину спятили бы от того риска, которому он себя подвергал. Но сегодня...

Маврикий даже не удосужился обсудить вопрос с Велисарием. Он просто выполнил задачу сам. В конце концов работа была ему вполне по плечу. На самом деле Маврикий руководил отступлением не хуже, чем мог бы Велисарий. И имелось еще дополнительное преимущество, по крайней мере у солдат, которые служили телохранителями Маврикия. Потрепанный ветеран правильно понимал правильное место правильного командующего в центре сражения.

* * *

Поэтому, по одной из маленьких исторических ироний, военный гений, который до этого дня руководил, бесспорно, самой смелой и блестящей кампанией всех времен, не играл никакой роли в ее драматическом завершении. На самом деле он даже не заметил его. Вместо этого его глаза были прикованы к телескопу, и полководец обнаружил, что столкнулся с совершенно новым жизненным опытом.

Он абстрактно знал, какие муки переживала Антонина, когда бы он ни отправлялся на войну. И смеялся, слушая рассказы Маврикия и Ирины о том, как Антонина проводила день после его отъезда.

Он больше не смеялся. Наблюдая за тем, как его жена участвует в морском сражении — прямо перед его глазами, но вне пределов его досягаемости или контроля,— Велисарий наконец понял, что это означает. Неотрывно глядеть на лошадь.

Глава 38

— Антонина, не поднимай голову! — проворчал Усанас. Аквабе ценцен посмотрел на Матвея и показал на женщину, которая пыталась просунуть голову под его локтем.— Сядь на нее, если потребуется.

Матвей покраснел. Затем осторожно приблизил свои огромные ручищи к плечам Антонины.

Антонина гневно взглянула на него. На мгновение Матвей отступил. Но только на мгновение.

— Хорошо. Хорошо! — рявкнула Антонина и отошла назад примерно на полдюйма. Сказала сварливо и раздраженно: — Ну а теперь вы удовлетворены?

— Нет! — немедлено последовал ответ.— Я хочу, чтобы ты спустилась *вниз,* глупая женщина. Теперь в любую минуту...

Протяжный крик привлек внимание Усанаса, и он снова повернул голову по ходу судна. Через узкий проем в щите, натянутом на нос флагманского корабля, Усанас наблюдал за первой партией ракет, которая направлялась в их сторону от галер малва.

— А теперь они летят,— толкая Антонину перед собой, Усанас отошел на два шага.

Легким взмахом руки он показал Герсему, чтобы шел вперед. Преемник Вахси приблизился к разрезу в щите, откуда мог видеть достаточно, чтобы руководить сражением.

— Помни, Герсем,— сказал Усанас.— Мы должны уничтожить галеры. Независимо от цены. Если потребуется — например, наши суда потопят — то мы найдем место на кораблях Велисария.

Новый командующий сарвом Дакуэн кивнул.

Мгновение спустя шипение первой партии ракет послышалось над головами. Как только ракеты пролетели мимо закрывающего нос щита, Усанас и Антонина вытянули шеи, чтобы посмотреть за их полетом.

— Слишком далеко,— пробормотал Усанас.— Но на них на всех есть насадки для регулирования выходящей струи газа. Давай надеяться, что щиты выстоят.

Он опустил глаза на маленькую римскую женщину, которая стояла рядом с ним.

— Я не допущу, чтобы Велисарий, когда поднимется на борт судна, увидел твой труп,— сказал Усанас.— Только не это, несмотря на все остальное.

— Мы все можем...

Усанас хлопнул в ладоши. Мгновение спустя беспомощную как куклу Антонину опустили на палубу. Матвей и Лев держали по ноге и руке каждый. Их захват был настолько нежным, насколько возможно при подобных обстоятельствах, но Антонина не успокоилась. Весь процесс сопровождался ее монологом.

— Вы уволены! Я вас увольняю, слышите? — была единственная из выплевываемых ею фраз, которая не звучала злоязычно, оскорбительно, мстительно, повелительно и абсолютно бранно и грязно. Усанас падал со смеху и шлепал себя ладонями по животу.

После того, как ее задницу плотно прижали к палубе, Антонина прервала тираду и гневно посмотрела вверх на Усанаса.

— Ты думаешь, это смешно? — спросила она.

Все еще хохоча, Усанас кивнул. Мгновение спустя — даже в ярости Антонина поразилась скорости, с которой мог двигаться Усанас без, как казалось, предупреждения или усилия,— аквабе ценцен уже сидел рядом с ней. Он улыбался ей, глядя на нее с высоты, которая теперь измерялась только дюймами вместо футов.

— Смешно до истерики,— объявил он.

Его следующие слова потонули под звуком еще одной партии ракет, которая провизжала над головами. И снова они с Антониной вытянули шеи, наблюдая за траекторией полета ракет.

— Не вижу, где они ударили,— пожаловалась Антонина. И нахмурилась.— Ничего не вижу из этого смехотворного положения.

Вернулась улыбка Усанаса.

— Так и должно быть,— сказал он удовлетворенно.— Тебе не нужно видеть, куда они попали. Если ты не можешь видеть ракеты, когда они попадают по цели, то мы можем надеяться, что они ответят тебе тем же самым.

Антонина, если такое возможно, нахмурилась сильнее.

— Это — самая большая глупость, которую я когда-либо слышала! Эти ракеты летят туда, куда хотят. Смотри! — Она сурово нахмурилась.— Только мы не сможем наблюдать, потому что, черт побери, ничего не видим, поэтому ракеты ударят по нам, когда мы этого не ждем, и это будет для нас чистым сюрпризом и...

Следующая партия ракет удивила их. Малва очевидно настроили угол ракетных желобов, установленных на носах приближающихся галер. Первым сигналом, который получили Антонина и Усанас, был внезапный звон ракет, врезающихся в щит на носу и отлетающих на обе стороны. Мужчина и женщина мельком увидели, как ракеты проносятся мимо. Две секунды спустя они услышали, как взрываются боеголовки. Они оба знали только по одному звуку, что ракеты взорвались в воздухе, не нанеся урона.

Неудовольствие Антонины тут же исчезло.

— Красиво! — закричала она.— Красиво!

Извиваясь, она встала на колени и подняла голову достаточно высоко, чтобы выглянуть за борт судна. Усанас не возражал. Он даже успокаивающе махнул Матвею и Льву, которые сидели рядом на корточках. Суть этого жеста не вызывала сомнений: пусть, пока глупая женщина не высовывает голову и латунные сиськи туда, где малва могут в нее выстрелить.

Теперь Антонина поджала губы. Она слегка беспокоилась.

— Хотя есть одна проблема. Я раньше о ней не подумала.— Антонина показала пальцем вперед.— Мы определенно защищены

от выстрелов по носу. Но рикошеты могут ударить по одному из кораблей, идущих рядом. Нет никаких щитов, которые бы закрывали большую часть судов.

Усанас пожал плечами.

— Это не сыграет роли, Антонина. Удача — какая бы она ни была — придет, как придет.

Щит на носу снова зазвенел от удара новой партии ракет. И снова грохот звучал почти как удар барабана, и снова от щита отскочили две ракеты. И снова они, не принеся урона, взорвались над волнами.

Направляясь к корме флагманского корабля, Антонина осматривала территорию справа и слева. Она испытала облегчение от увиденного. Капитаны аксумских кораблей уже осознали опасность и предпринимали ответные действия. Дельта Харка составляла в ширину несколько миль и предоставляла много морского пространства. Аксумские корабли, наступающие в одну линию, теперь расходились в стороны.

Антонина наблюдала, как еще несколько ракет отскочили от щитов на других кораблях и пролетели мимо всего формирования. Угол щитов, как она поняла, был выбран настолько точно, что ракета уходит в другой корабль только если очень не повезет.

— Главное — это то, что почти все ракеты не принесут вреда,— продолжал Усанас. В отличие от Антонины, он даже не удосужился проследить за траекториями последней партии.— После того, как мы окажемся в зоне тарана, они прекратят стрелять.

Он мрачно усмехнулся.

— Даже фанатичный жрец Махаведы не захочет оставаться на носу корабля, который собирается сделать пробоину в другом.

Антонина вернулась назад и склонилась пониже. Она изучала фигуру Герсема на носу. Новый командующий сарвом Дакуэн все еще напряженно смотрел в разрез в щите и внезапно показался ей очень молодым.

Усанас, очевидно, мог читать мысли.

— Расслабься. Я выбрал его, хотя он самый младший из офицеров, потому что он — лучший моряк.

— Это кто говорит? — спросила Антонина.— Ты знаешь о судах столько, сколько я...

— Говорят все остальные офицеры,— последовал спокойный ответ. Усанас развел руки, показывая на аксумские корабли, находящиеся по правому и левому борту от них.— И это касается всех судов. У нас есть капитаны и есть командующие войсками. Но пока не начнется абордаж, командование каждым из этих кораблей находится в руках наиболее способного капитана. И черт побери его ранг.

Упоминание «абордажа» сфокусировало внимание Антонины на другом. Она повернулась и сладко улыбнулась Матвею.

— Я прощаю тебя. А теперь, пожалуйста, принеси мне мой пистолет.

Пришел черед Усанаса хмуриться.

— А зачем тебе эта штуковина? — спросил он.— Ты не пойдешь на абордаж ни на какие палубы.

Антонина покачала головой.

— Конечно, нет! — и снова она сладко улыбнулась.— Вся эта идея абсурдна. Она не для знатной госпожи.

Матвей вернулся после выполнения задания. Антонина прижала жуткое оружие к груди, как любимого ребенка.

— Но никогда не знаешь заранее, что произойдет,— спокойно сказала она.— В сражении все может пойти не так, как планировалось изначально.

Усанас определенно не выглядел счастливым. Но больше не возражал. Какой контраргумент он мог представить? Антонина только что объявила старейшую из ветеранских мудростей.

— Дерьмо случается,— сказали Матвей и Лев, как греческий хор.

Антонина увидела, как Герсем напрягся.

Она задержала дыхание. Антонина ничего не видела впереди, но знала: линия из двенадцати аксумских кораблей почти встретилась с пятнадцатью судами малва, идущими на них. К этому времени враг уже должен был набрать скорость для тарана.

Она задержала дыхание.

— Расслабься,— сказал Усанас. Он казался таким же невозмутимым и спокойным, как кусок гранита.— В тебе мало веры. Галеры малва? В открытом сражении на море — против аксумитов?

Он поднял голову, как волк, воющий на луну.

— Ха!

Презрительный крик смешался с внезапной командой, которую выкрикнул Герсем.

В течение минуты и презрение, и невозмутимость со спокойствием оказались оправданными. И Антонина снова дала торжественную клятву не лезть в дела профессионалов и не мешать им.

* * *

Герсем очень точно рассчитал время приказа. Галера малва, которая неслась прямо на них — нос в нос,находилась в нескольких ярдах от столкновения. Аксумский боевой корабль с опытными гребцами и лоцманом внезапно отвернул в сторону. Потом, следуя новому приказу Герсема, быстро пошел вперед. А затем новый приказ — и гребцы на правой стороне судна подняли весла прямо

вверх — быстро и скоординированно, одним движением. Маневр был идеально выполнен. Аксумиты позаимствовали его у родосцев, которые считались лучшими моряками в Средиземноморье.

Их сопернику из малва не поздоровилось. Капитан вражеского корабля не имел опыта морских сражений, типично для всех капитанов малва. По крайней мере он не имел опыта сражений против настоящих военных моряков. Несмотря на все могущество империи малва, ей редко бросали вызов на море другие королевства. Главной обязанностью военно-морского флота империи малва считалась защита торговых судов от пиратов.

Надменности и грубой силы хватало, чтобы расправляться с пиратами. Однако это были плохие методы против одной из самых лучших военно-морских держав в мире.

Корабль малва несся на полной скорости, намереваясь пробить судно врага. Увидев, что на вражеском судне нет бревна для тарана, капитан малва чуть ли не фыркал от самодовольства. Он разобьет корпус врага напополам, отступит назад, а затем прикончит их ракетами. После того как он повредит вражеское судно, оно больше не сможет прятаться за этим странным и адски эффективным щитом.

В последний момент капитан малва приказал гребцам замедлить ход. Ни один капитан в здравом уме не идет на таран на полной скорости. Сила столкновения может повредить нос его собственного корабля. По крайней мере бревно войдет слишком глубоко и его будет сложно извлечь. Правильная тактика тарана требует: бросок на полной скорости, чтобы как можно скорее оказаться в зоне действия тарана; внезапное замедление хода судна; а затем, на последних нескольких футах — простое столкновение. Бревно пробивает корпус, но в нем не застревает. Потом отойти назад, если есть необходимость, повторить.

Хорошая тактика, классическая тактика. Но капитан малва никогда не рассматривал возможность, что соперник точно так же хорошо знает эту тактику и давно выбрал правильную контртактику, и у него также есть капитан и гребцы, и лоцман, которые гораздо опытнее и способнее его самого и его экипажа.

По приказу Герсема аксумский корабль отошел в сторону от изначального курса. К тому времени, как капитан малва понял, что не попадет по цели, Герсем приказал своему судну быстро идти вперед. Капитан малва начал выкрикивать новые команды своим запутавшимся гребцам и лоцману...

Было слишком поздно. Галера малва неотвратимо дрейфовала вперед. Аксумский корабль с поднятыми веслами прошел мимо бока судна малва не более чем в двух футах — борт к борту, практически царапаясь корпусами — разбивая и ломая весла малва, с которыми сталкивался. А учитывая смятение и неопытность экипажа малва, сломал почти все.

Галера малва была мгновенно выведена из боя. Экипажу пришлось еще хуже. Куски весел, отлетающие в сторону, расщепляющиеся и ударяющие, как молотки, сразу же убили одного человека. Но почти у половины гребцов с правого борта галеры малва оказались сломаны конечности или ребра, пробиты черепа — и все они получили царапины и были просто ошарашены. Весь порядок и дисциплина на судне нарушились, когда выкрикиваемые офицерами команды потонули под криками и стонами.

Гребцы с другой стороны смотрели на сцену, открыв рты. А затем, при виде приближающихся двух пятидюймовых пушечных стволов, открыли рты еще шире. Секундами позже многие из этих открытых ртов полностью прекратили существование. Аксумские моряки уже перепрыгивали через проем до того, как рассеялся дым. И снова зазвучал убийственный клич:

— Тааха Мариам! Тааха Мариам!

Последовавшая схватка длилась не более пяти минут. Шесть моряков малва убежали, перепрыгнув через борт. Один из них, хороший пловец в великолепной физической форме, доберется до берега в нескольких милях. Остальные утонут, разделив судьбу товарищей.

В дельте Харка малва получат не больше жалости от Аксума, чем получили от римлян в самом городе.

* * *

Антонина сидела в безопасности во внутренней части флагманского корабля и еще плотнее прижимала к груди пистолет. Костяшки пальцев побелели не от страха. Просто от ужаса при звуках невидимой резни не более чем в пятнадцати футах. Крики ярости, крики боли. Копья разрывают плоть, ломаются кости. Тихие стоны, шипение в агонии и смерть, когда кровь, булькая, вытекает из горла и наступает тишина.

Теперь все стихало, за исключением волн, бьющихся о борт, и негромкого бормотания воинов. Замолкало — за исключением хлюпающих звуков, когда копья снова и снова входили в трупы. Результаты проверялись и проверялись, и проверялись. И только один раз прозвучал тихий, наполненный удовлетворением голос:

— Тааха Мариам.

— Я тебе говорил,— спокойно заметил Усанас. Аквабе ценцен на протяжении всего сражения даже не пошевелил пальцем.— О, у тебя так мало веры.

* * *

В сражении в целом Аксум полностью потерял только один корабль. Это была печальная потеря, поскольку весь экипаж погиб

с судном, когда галера малва, на которую они взбирались, внезапно взорвалась. Что случилось? Никто никогда не узнает. Возможно, несчастный случай. Возможно, жрец-фанатик.

Пять других аксумских боевых кораблей понесли тяжелые потери. Количество играет роль, даже против опыта. Не каждый аксумский капитан маневрировал так умело, как Герсем. А когда двенадцать аксумских кораблей противостояли пятнадцати противникам, три галеры малва оставались свободны бить туда, куда захотят.

Капитаны малва, несмотря на надменность и неосторожность, ни в коей мере не были трусами. Все три свободные галеры шли тараном на аксумские корабли. По крайней мере пытались. Одна из галер малва оказалась так сильно обескровлена правильно нацеленным пушечным огнем, что отошла в сторону — скорее дрейфовала. Ее капитана и лоцмана убили вместе с третью экипажа. Две другие пошли на таран, потом на абордаж.

Но окончательный результат, даже там, получился таким же.

Количественного преимущества малва оказалось недостаточно — даже если бы их и набралось в два раза больше — чтобы отразить опыт и яростность аксумских копьеносцев. Единственная разница была между проигранной схваткой — и чистой бойней.

* * *

По приказу Усанаса аксумская флотилия перестроилась и снова шла к Харку. Теперь от городской гавани их отделяло менее трех миль. Аксумские впередсмотрящие с острым зрением сообщали, что римские суда с войсками начинают покидать причалы.

В аксумской флотилии осталось только восемь кораблей. В дополнение к взорванному, Усанас решил бросить два, которые пробили тараном, и один, который оказался просто сильно поврежден. Ни одному из этих кораблей не угрожало затопление, но повреждений оказалось достаточно, чтобы они стали бесполезными в сражении. Сарвены с трех брошенных судов быстро перебрались на другие военные корабли аксумитов, заполнив места в экипажах, которые понесли тяжелые потери.

Теперь флотилия аксумитов состояла из восьми кораблей, не двенадцати — но осталось только пять галер малва.

— Ты только посмотри на них,— фыркнула Антонина, изучая вражеские корабли.— И кто-то еще вечно обвиняет женщин в неспособности принять решение!

Усанас улыбнулся.

— То, что ты видишь, Антонина,— это современная версия мифа. Между Сциллой и Харибдой.

Командующий экскадрой малва, казалось, разрывался от неспособности принять решение. Или, возможно, как сказал Усанас, он просто оказался между двумя чудовищами. Вначале пять галер направились на наступающих аксумитов. Затем, увидев, как римские корабли отходят от причалов, направились назад. В конце концов главной задачей этих галер было не дать убежать Велисарию и его людям.

Затем, увидев первый из гигантских взрывов, которые начали уничтожать то, что осталось от Харка, маленький флот малва просто бесцельно дрейфовал.

Что делать? Что делать? Территория гавани все еще оставалась незатронутой пламенем, да и взрывы там не грохотали. Командующий флотилией малва знал: Велисарий не отдаст приказ на последнюю серию взрывов, пока не увидит, что его путь расчищен. Когда остальная часть Харка превратилась в яростно бушующий ад — лигроин там смешали с подрывными зарядами, наступающая армия малва просто не могла достичь причалов до того, как римские корабли уйдут далеко в дельту. Где...

Аксумские корабли находились в миле от эскадры врага. Они доберутся до галер малва менее чем за десять минут, задолго до того, как римские корабли с войсками окажутся в радиусе эффективного действия ракет.

Восемь против пяти теперь — и командующей эскадрой видел, что получилось, когда преимущество было на стороне малва.

Внезапно с восточного берега дельты в небо взмыли сигнальные ракеты. Зеленая, зеленая, белая. Не прошло и тридцати секунд, как все галеры малва уже шли к берегу. Они взяли единственный разумный курс, когда оказались пойманными между чудовищами. Убраться с их пути.

* * *

— Ты видишь, как они убегают? — рассмеялась Антонина несколько минут спустя, наблюдая, как галеры малва несутся на восток.— Ясон с аргонавтами не могли бы развить такую скорость.

Усанас улыбнулся.

— Ну конечно! А что еще они могут сделать?

Он показал пальцем прямо вперед. Теперь вид был открыт. Моряки и артиллеристы снимали щиты. Флот с римскими войсками полностью вышел из гавани, которая начала яростно гореть. Содрогающая землю серия взрывов развалила сами причалы.

— С одной стороны у них известный полководец Велисарий, который ведет своих устрашающих воинов,— объявил Усанас.— С другой — еще хуже!

Он начал прыгать вокруг, показательно делая выпады копьем.

— Они против меня! Я ужасен, ужасен — демон!

Антонина рассмеялась.

— Ты всю битву провел, сидя на заднице! Обманщик! Самозванец!

Усанас покачал головой.

— Это потому, что я правильно понимаю, где должен находиться командующий во время сражения, женщина.— Он нахмурился.— И в любом случае, какое это имеет отношение ко всему? Значение имеет душа, а не ничтожная плоть. Все это знают!

Он оскалил зубы, глядя на убегающие галеры.

— Душа Усанаса, вот что привело их в ужас! — Величественный взмах руки снизошедшего до остальных.— Конечно, сарвены помогли. Немного.

Антонина уже собралась добродушно подшутить над ним, когда что-то привлекло ее внимание.

Скорее кто-то. До ближайшего римского корабля оставалось менее двухсот ярдов. На самом краю носа находился солдат. Он казался высоким мужчиной. И он яростно махал ей.

* * *

Мгновение спустя Антонина уже балансировала на носу собственного корабля, судорожно махала в ответ и кричала неясные фразы.

Потом она прыгнула. Усанас едва успел ее схватить, до того как она рухнула в воду.

— Антонина! Будь осторожна! В этой кирасе ты утонешь за две минуты!

Антонина совсем не обращала на него внимания. Теперь она плакала от чистой радости, размахивая руками и пытаясь выпрыгнуть за борт. Несмотря на то что она была такой маленькой, а Усанас таким сильным, ему все равно оказалось трудно выполнять взваленную на себя работу.

— Великолепно,— проворчал он.— И снова мне приходится спасать глупую римскую женщину от уничтожения.

Глава 39

В этом случае Усанасу пришлось спасать глупого римского полководца. Когда корабль, несущий римские войска, оказался практически рядом с кораблем Антонины, Велисарий — который сам прыгал и орал от счастья — поскользнулся и упал за борт.

Антонина завизжала. Усанас с силой отшвырнул ее назад в руки Матвея.

— Держи ее и не выпускай! — заорал он. Мгновение спустя Усанас прыгнул в воду.

Он нашел Велисария менее чем через пятнадцать секунд, хватающего ртом воздух и пытающегося развязать доспехи. К счастью, полководец был великолепным пловцом и — что еще удачнее — не облачен в полные доспехи катафрактов. Если бы он сегодня их надел, то его бы уже потянуло вниз. Но часть доспехов все равно была достаточно тяжелой и снять ее в воде не представлялось возможным.

— Не дергайся,— рявкнул Усанас.

Он подхватил Велисария и потащил к кораблю Антонины. Велисарий тут же расслабился и использовал только ноги, помогая себе держаться на плаву.

— Рад снова встретиться с тобой, Усанас,— весело сказал он.

Усанас фыркнул.

— Скажи мне кое-что, Велисарий,— он замолчал, чтобы перевести дыхание. Его сильные гребки практически доставили их до судна.— Как вам, римским придуркам, удается завоевать половину мира?

Замолчал, чтобы перевести дыхание. Теперь они были у борта судна. Протянутые руки вытаскивали Велисария из воды.

— Лично я бы не выпустил тебя из дома, чтобы набрать воды из колодца. Ты определенно свалился бы в него.

Усанас не получил ответа. Римский придурок уже был в объятиях Венеры.

* * *

Примерно через десять минут Велисарий и Антонина наконец оторвались друг от друга. Велисарий поморщился.

— Ты должна избавиться от этой кирасы,— пробормотал он, потирая ребра, и посмотрел на приспособление с уважением.— Она даже более смертоносна, чем похабна.

Антонина улыбнулась, глядя на него снизу вверх.

— Ну так сними ее. Ты это можешь сделать. Я знаю, что можешь.— Она улыбнулась шире.— Я помню, как ты меня раздевал догола быстрее, чем...

— Тихо, жена! — приказал Велисарий. Он нахмурился с торжественным, суровым неодобрением. Выражение, к сожалению, не возымело действия. Улыбка Антонины стала определенно еще более непристойной.

Велисарий рассмеялся. Глаза Антонины быстро изучили непосредственно окружающую их территорию.

— Слегка примитивно,— задумчиво сказала она.— Но мы, вероятно, сможем устроиться на одной из скамей для гребцов, если ты

воздержишься от своей обычной акробатики.— Она холодно посмотрела на окружающую их небольшую толпу.— Хотя нужно избавиться от зрителей. Вот что я тебе скажу. Ты — полководец. Ты приказываешь им отправиться за борт, а я пристрелю неповоротливых и отстающих.

Ее последние замечания не были произнесены тихо. Как раз наоборот. присутствующие улыбались ей. Антонина попыталась поддерживать убийственное свечение в глазах, но, по правде говоря, провалилась. Хихиканье не помогло.

— Наверное, нет.— Вздох, который последовал, мог бы обеспечить мир новым стандартом меланхолии. Если бы она не хихикала.

Велисарий опять сгреб ее в объятия. Ей на ухо прошептал:

— Так получилось, любовь моя, что я организовал размещение на корабле с моими войсками. Там есть капитанская каюта. Зарезервирована только для нас.

— Ну тогда пошли туда! — с готовностью прошептала Антонина.— Боже, как я рада, что вышла замуж за полководца. Люблю человека, который умеет планировать далеко вперед.

Теперь он сам вздохнул. В этом звуке была искренняя меланхолия.

— Пока нет,— прошептал он.— Сегодня ночью, любовь моя, сегодня ночью. Но нужно еще кое-что сделать.

Она удивилась, отвела голову назад и уставилась на него снизу вверх.

— Но все сделано! — возразила она.

Антонина покрутила головой, рассматривая корабли, которые, казалось, заполнили дельту.

— Разве нет? Разве ты не всех забрал с причалов?

Велисарий улыбнулся.

— О, это сделано. Идеально. Лучше всего спланированная и осуществленная операция, которую я когда-либо видел, даже если я сам это говорю.— На мгновение он казался немного смущенным.— Мне нужно не забыть сделать комплимент Маврикию,— пробормотал он.— Но все равно кое-что осталось. Кое-что еще.— Его улыбка изменилась, стала достаточно холодной и безжалостной.— Если хочешь, называй это десертом.

Антонина все еще смотрела на него в смятении. Велисарий повернул голову. Когда он заметил Усанаса, то подозвал его коротким кивком.

— Ты тут главный? — спросил он.

Усанас улыбнулся, так широко, как всегда.

— Разве царь Эон не гений? Разве я не говорил всегда, когда был его даваззом, что парень далеко пойдет? Он принимает мудрые решения — в особенности в том, что касается назначений и постов.

Велисарий усмехнулся.

— Ты заметил что-нибудь странное в последние моменты перед нашим побегом?

Усанас ответил без колебаний.

— Сигнальные ракеты. Галеры не убегали. Их призвали на берег. Я не понял этого. Я ожидал, что они пойдут в последнюю отчаянную атаку.

Улыбка Велисария больше не была холодной. Она стала чисто звериной.

— Да. Это на самом деле интересно.

Он больше ничего не сказал. Но Усанасу потребовалось только четыре секунды, чтобы понять. Аквабе ценцен покрутил головой, глядя на далекие причалы, где теперь стояли пять галер малва.

— Хорошо известно, что раненые звери представляют собой легкую добычу,— пробормотал он. И повернулся назад к Велисарию. Хищная улыбка встретилась с плотоядной.— Спроси любого охотника, римлянин. Лучший способ охотиться — из засады.

— Интересно, что ты это упомянул,— сказал Велисарий.— Я только что сам это подумал.

Глава 40

Великая Страна
Осень 532 года н.э.

В день бракосочетания Кунгас взял на себя командование всеми военными силами в Деогхаре. Рао, поскольку был женихом, естественно не возражал. Точно так же не возражали различные послы и военачальники из многих королевств, теперь ставших союзниками Шакунталы. Во-первых, они боялись Кунгаса. Но даже если бы и не боялись, то все равно были бы более чем счастливы позволить ему взять на себя ответственность.

Более, чем счастливы. На самом деле послы очень радовались. Теперь, после того, как у них имелось время переварить новую реальность и пережить свой первоначальный шок и негодование от неожиданного решения Шакунталы выйти замуж за Рао, послов очень радовала сложившаяся ситуация. Фактически они пребывали почти в экстазе.

Все королевства, которые они представляли, парализовали малва. Их решение искать династического брака с Андхрой вызывалось настоятельной необходимостью и ничем больше. Он подошли к проекту со всем энтузиазмом, с которым человек решает ампутировать конечность, чтобы спасти свою жизнь.

Шакунтала отказалась от их предложений. Поскольку она сама принимала решение, то навряд ли может в чем-то обвинить их.

Если бы они не были дипломатами, то улыбались бы от уха до уха. Они получили преимущества союза с возрождающейся Андхрой — без кандалов династического брака. Если дела пойдут плохо, то они всегда могут в мгновение ока бросить Шакунталу. Ведь в конце-то концов не их же наследный принц женат на сумасшедшей женщине.

Поэтому пусть грубый, жестокий, бесстыдный и неотесанный варвар берет на себя ответственность. Их положение полностью их устраивало.

* * *

Силы, которые теперь находились под командованием Кунгаса, оказались большими и разношерстными. В этот день Деогхар был полон, как любой город в кишащей людьми Бенгалии. При других обстоятельствах Кунгас бы наполовину сошел с ума от хаоса. Хотя, вероятно, нет, учитывая непоколебимую флегматичность этого человека.

И определенно нет при обстоятельствах, которые на самом деле имели место.

Его противника, господина Венандакатру, командующего силами, осаждающими Деогхар, не случайно называли Подлым. Другого человека могли бы назвать Венандакатра Жестокий, или Ванандакатра Ужасный, или просто Зверь. Но все эти клички несут определенный подтекст несдержанности, силы и ярости. Такие клички дают человеку, которого боятся так же, как ненавидят.

С другой стороны, подлого человека просто презирают. Если отбросить все, то это презренная фигура.

В этот день Подлый был так сильно напуган, как только может испугаться командующий любой армии. И все это знали.

Солдаты самого Венандакатры знали. На протяжении праздника, растянувшегося на весь день в Деогхаре, Подлый ни разу не вышел из шатра. Его солдаты, начиная с высшего командования и до самых последних рекрутов, точно так же, как и все остальные индусы, теперь слышали историю, ставшую сюжетом для рассказов сказочников. Рассказов о том, как похоть великого господина из малва к новой наложнице не была удовлетворена из-за героя. Герой сорвал планы господина, а последний даже не смог отомстить, отчего рассказ становился еще слаще.

Сегодня красивая девушка — когда-то рабыня, а теперь императрица — отдастся человеку, который спас ее от Венандакатры. Она станцует свой брачный танец прямо перед Подлым и бросит насмешку ему в лицо. Будет дразнить его своим девственным телом, которое никогда не станет принадлежать ему. Ни теперь, никогда.

Подлый в своем шатре скрипел зубами от ярости. Ярости, приправленной большими дозами позора и унижения. Его солдаты, которые презирали его не меньше, чем враги, с трудом сдерживали смех. Конечно, им это удавалось. Никто из них не был таким дураком, чтобы даже улыбаться — не тогда, когда шпионы Венандакатры и махамимамсы рыскали по лагерям и полевым укреплениям. Но в этот день их атака на Деогхар была также маловероятна, как атака такого же количества хихикающих мышей на львиное логово, чтобы потешить уязвленное самолюбие мышиного короля.

Кунгас приятно провел день, втирая соль в рану Подлого. Он перемещал все разнообразные силы под своим командованием по северным бойницам, которые выходили на шатер и основную часть войск Венандакатры. Позволяя солдатам малва, если и не самому скрывшемуся в шатре Подлому, увидеть все разнообразие и многочисленность сил, которые теперь объединились против них.

Под общие бурные аплодисменты четыреста копьеносцев из сарва Дакуэн появлялись там не менее трех раз. Частично из-за экзотической и великолепной внешности аксумитов — чернокожие мужчины из далекой сказочной страны, чернее, чем кто-либо из дравидов, с дико выглядящими копьями и яркими головными уборами из страусиных перьев. Однако по большей части они появлялись так часто из-за радости толпы при виде четырехсот голых задниц, которые по приказу Эзаны, лично подававшего пример, свешивались со стены в лица малва.

А лучшее еще ждало впереди. К середине дня сама брачная церемония закончилась и невеста с женихом начали танцевать.

Шакунтала танцевала первой. По традиции первым должен был танцевать муж. Но императрица постановила по-другому. Шакунтала сама по себе считалась прекрасной танцовщицей, но она не могла соперничать с Рао. Никто не мог. Поэтому она танцевала первой. Не потому, что стыдилась собственных умений, а просто потому, что хотела дать людям посмотреть и запомнить Рао на пике славы. Они увидят и расскажут другим, и своим детям и внукам, и Рао останется в истории в полном великолепии.

На самом деле ее собственный танец получился великолепным. Шакунтала не танцевала на центральной площади города, где происходило бракосочетание. Она выступала на вершине крепостного вала северной стены, на платформе, которую установили в предыдущий день.

Когда императрица быстро переоделась и появилась на платформе, толпа дружно вздохнула. Шакунтала сменила свои изысканные императорские одежды на одежды танцовщицы. Ее панталончики, несмотря на красивый цвет и фасон, можно было посчитать почти скандальными.

Тем не менее толпа осталась довольна. Вначале, когда императрица только начала танцевать, люди предполагали, что Шакунтала

просто дразнит врага. Гарцует и резвится, молодая и красивая, перед существом, которое когда-то мечтало ею обладать.

Что, конечно, она делала. Танец по своей природе — чувственный акт. Это относится и к пожилому мужчине, и тучной матроне, которые со скрипом делают шаги, как и к другим. Но нет ничего более чувственного, чем танец женщины, гибкой, подвижной и красивой.

Шакунтала была такой и этим воспользовалась. Венандакатре повезло, что он никогда не видел этого танца. А то Подлый бы стер свои зубы в порошок.

Но когда танец Шакунталы продолжался и претерпел превращения, толпа поняла правду. Насмешки над врагом — тривиальная вещь. Забавная, но вскоре отброшенная Шакунталой в сторону.

Императрица Шакунтала танцевала не для Подлого. Она даже не танцевала для Андхры. Теперь она танцевала для своего мужа. Вся чувственность этого танца, чистая его сексуальность не были насмешкой. Танец показывал обещание, давал залог и больше всего — демонстрировал ее собственную страсть и желание.

Они и раньше задумывались, вся эта большая толпа. Теперь они знали правду. Наблюдая за голыми быстрыми ножками своей императрицы, которые мелькали для сердца ее любимого, они знали. Государственные дела, политические расчеты, даже долг и обязанность ушли, словно никогда и не существовали.

Андхра вышла замуж за Великую Страну не потому, что ее собственное прошлое требовало этого, а потому, что это было будущее, которое она свободно выбрала. Будущее, которого она желала. Когда Шакунтала закончила — с вызовом ко всем традициям и обычаям, толпа взорвалась яростными аплодисментами. Аплодисменты продолжались полчаса.

Теперь пришла очередь Рао, и толпа замолчала. Его репутация танцора была известна всем маратхи. Но большинство из них никогда собственными глазами не видели, как он танцует.

Теперь они видели его и никогда не забудут. Рассказ станет передаваться из поколения в поколение.

Рао начал, как муж. И если его танец не получился таким чисто чувственным, как танец Шакунталы, никто, кто видел его, не сомневался в чувствах Рао.

Танец продолжался и продолжался. И по мере продолжения медленно превратил желание мужчиной женщины — жизни, которую она даст ему, детей, которых она родит ему,— в желание народом будущего.

Теперь это был танец Махараштры. Великая Страна давала в залог обещание, клялась в верности. Там присутствовала любовь, вместе с желанием. Но там также были смелость, и вера, и надежда, и доверие, и целеустремленность. Махараштра танцевала для своих

пока не рожденных детей, точно так же, как танцевал для своей невесты. Это был танец мужа, не любовника. Каждый шаг, каждый жест, каждое движение несло обещание верности.

Затем танец снова переменился. Толпа смолкла и застыла.

Это был великий танец. Ужасный танец. Давно запрещенной, но никогда не забытый танец. Танец созидания. Танец разрушения. Крутящийся, вертящийся танец Времени.

В танце не было никакой ненависти. Больше не было. Любовь, да, всегда. Но даже любовь уступила, заняв свое почетное место. Это был высший танец, который говорил о высшей истине.

Эта истина танцевала для всех, чтобы все увидели ее, и держала толпу очарованной. Молчаливой, но не приведенной в замешательство. Нет, ни в коей мере. Каждый шаг, каждый жест, каждое движение несли великое обещание. Толпа, понимая это обещание, наливалась силой.

Империи могущественны. Время еще более могущественно. Тираны приходят, тираны уходят. Деспоты выходят на сцену, разглагольствуя о славе. А затем Время показывает им на выход. И только одни люди стойко держатся и выживают. Окончательная власть — это власть людей. Ни одна армия не может выстоять против нее, никакие крепостные стены с бойницами не выдержат.

* * *

Все закончилось. Танец завершился. Муж взял жену за руку и повел ее в комнату Времени. Люди, наблюдая за тем, как они уходили, увидели, как приближается их собственное будущее.

* * *

После того как они оказались в покоях, уверенность Рао исчезла. Теперь ничего не осталось от великолепного танцора, который уверенно делал уверенные шаги. Он едва смог подойти к кровати, его взгляд оставались рассеянным. Рао казался человеком в полубессознательном состоянии.

Шакунтала улыбалась и улыбалась. Улыбаясь, она сняла его одежду. Улыбаясь, сняла свою.

— Посмотри на меня, муж,— приказала императрица.

Глаза Рао переместились на нее. Его дыхание остановилось. Он никогда не видел ее обнаженной. Тело восстало против дисциплины, и у него не возникло никаких трудностей.

Все еще улыбаясь, Шакунтала прижалась к нему, целовала, касалась, гладила. Его разум — плотно закрытый годами самоотречения и самоограничения — был подобен куску льда. Его тело, теперь в полном и диком восстании, казалось чистой магмой.

— Однажды ты дал обещание моему отцу,— прошептала Шакунтала.— Помнишь?

Он кивнул, как статуя.

Улыбка Шакунталы стала хитроватой. Она отодвинулась, двигаясь волнообразно, и распростелась на постели. Глаза Рао были прикованы к этому зрелищу. Но разум все еще не мог охватить его.

— Ты пренебрегаешь своими обязанностями, Рао,— прошептала Шакунтала, лежа на кровати.— «Научи ее всему, что ты знаешь». Вот каким был приказ моего отца.

Она свернулась, развернулась, потянулась.

— Я никогда не учил тебя *этому*,— поперхнулсялся Рао.

Шакунтала выгнулась дугой, потянулась. Тягучая, улыбающаяся.

— Ты научил меня читать,— возразила она.— Я взяла почитать книгу.— Шакунтала снова свернулась, и выгнулась дугой, и потянулась. Обещание, неприкрытое обещание.

— «Ничего не скрывай»,— напомнила она.— Это твой долг.

Отрицание разбилось, самодисциплина исчезла с ветром. Рао двинулся, как пантера к своей самке.

* * *

В коридорах за покоями ждали женщины-служанки. По большей части, женщины старшего возраста. Все — маратхи. Услышав голос Шакунталы, без слов, объявляющий о ее дефлорации, они улыбнулись. У другой девственницы в этом крике могла бы быть боль. Но в голосе их яростной императрицы не звучало ничего, кроме экстаза, готовности и желания.

Обязательство выполненно. Обещание сдержано.

Женщины поспешили по залам, распространяя новость. Но в их усилиях вообще-то не было необходимости. Шакунтала никогда не отличалась застенчивостью. Теперь, став женщиной, она откровенно кричала о своей победе.

Молодые люди, ожидающие на улицах внизу, тоже услышали ее. Они сели на лошадей до того, как служанки добрались до конца первого коридора. К тому времени, как женщины Махараштры вышли на улицы, чтобы сообщить новость, сыны и племянники Махараштры уже уехали. К тому времени, как возобновились танцы и началось веселье, они несли послание к воротам и за ворота и со стуком конских копыт разносили его во всех направлениях.

* * *

Страна, называемая Махараштрой, была создана миллионы лет назад, когда магма с кипением поднялась на поверхность земли.

Геологи позднего времени назовут ее ловушками Деканского плоскогорья, с серьезным видом объясняя серьезным студентам, что это, возможно, была величайшая — и самая яростная — вулканическая деятельность в истории планеты.

Теперь, когда Деогхар плясал в радости, в Великой Стране началось новое извержение. Страна танцевала, объявляя новое время для малва. Время смерти и ужаса, и отчаянной борьбы. Новость быстро распространялась во все стороны.

Солдаты малва уже ненавидели службу в Махараштре. С этого дня они станут говорить о ней приглушенными и испуганными голосами. Как солдаты более позднего времени, наблюдая, как из зла вываливаются кишки, будут говорить о русском фронте.

Велисарий планировал и строил козни, и маневрировал, и действовал, руководствуясь видением Эйда о войне на Пиренейском полуострове.

У него уже была своя война на полуострове. Теперь он получил и Припять[1], и маки[2], и варшавское гетто, и горы, окружающие Дьен-Бьен-Фу[3], и улицы Будапешта[4], и все другие места в истории, где империи, полные надменности и страдающие короткой памятью, снова узнавали танец Времени.

* * *

Время, конечно, содержит все. Среди составляющих есть и фарс.

Глаза Шакунталы были очень круглые. Лицо молодой женщины выражало удивление.

— Я думала, что это... не знаю. Займет больше времени.

Глядя на ее любящее, смущенное лицо с расстояния в несколько дюймов, Рао покраснел от смущения.

— Не могу поверить,— пробормотал он.— Я не делал этого с четырнадцати лет.

Он неловко подбирал слова.

— Ну,— путался он.— Ну. Да. На самом деле должно было. Гораздо дольше.— Рао вдохнул воздух. «Как объяснить?» Последовали

---

[1] Припять — река на территории Украины и Белоруссии. На ней во время Второй мировой войны шли продолжительные бои. *(Прим. перев.)*

[2] Маки — французские партизаны во Второй мировой войне. *(Прим. перев.)*

[3] Дьен-Бьен-Фу — город и уезд на северо-западе Вьетнама. Весной 1954 года возле него состоялось решающее сражение войны в Индокитае, завершившееся капитуляцией французских войск. *(Прим. перев.)*

[4] Имеется в виду так называемый «Венгерский мятеж» 1956 года. *(Прим. ред.)*

слова, перемежающиеся паузами и остановками. Рассказ о самодисциплине. Излишняя поспешность из-за невозможности сдержаться. Мечта сбывается без достаточной эмоциональной подготовки и... и...

Когда Шакунтала наконец поняла — что на самом деле не отняло слишком много времени: она была неопытна, но очень умна — императрица рассмеялась. Правда, Рао казалось, что объяснения отняли столетия.

— Вот! — закричала она.

Рао также обучал ее бороться. Через мгновение она вылезла из-под него и положила его на спину. Затем оседлала его и начала стыдить.

— Вот! — игриво она ударила его в грудь.— Правда вышла наружу!

Удар.

— Победитель — ха! Герой — ха! — Удар.— Меня обманули! Обвели вокруг пальца!

Теперь сам Рао смеялся. Смех становился громче и громче, по мере того, как он слушал, как его жена наделяла его новыми кличками — смешными и позорными. Отдышка Махараштры. Нет, не Ветер Великой Страны — нет! Дуновение Великой Страны.

Смех изгнал стыд и принес страсть, чтобы заполнить пустоту. И вскоре — очень скоро — императрица прекратила жаловаться. И к концу длинной ночи признала — по-настоящему величественно, несмотря на весь пот — что ее муж все равно — герой.

Глава 41

Ормузский пролив
Осень 532 года н.э.

Чудовище убежало от разрушения и поражения. Зализывая раны, оставляя кровавый след, волоча за собой раненые конечности, зверь полз назад к своему логову. Молча, несмотря на всю агонию. Его холодный разум наполняли планы мести. Мести и возвращения в конце концов к хищному образу жизни.

Другое чудовище бы кричало, от ярости и крушения планов, а также боли и страха. Но это не было свойственно чудовищу. Даже когда охотник, который его ранил, снова выпрыгнул из засады.

Хотя на мгновение где-то глубоко внутри древних глаз и могла сверкнуть ненависть.

Глава 42

Велисарий собрался говорить. Затем закрыл рот.

— Хорошо, хорошо,— пробормотал Усанас. Аквабе ценцен хитро посмотрел на Антонину.

Она посмотрела на него в ответ, фыркнула.

— Мой муж — опытный полководец,— объявила она.— Мой муж спокоен и холоден вечером перед битвой.

Усанас рассмеялся.

— Похоже на то. Хотя на мгновение я готов был поклясться, что он собрался указывать опытным капитанам, как управлять флотилией.

Велисарий ни разу не отвел взгляда от приближающихся судов малва. Но появилась его обычная хитрая улыбка.

— Какая чушь,— твердо сказал он.— Идея абсурдна.— Велисарий повернул голову и обратился к человеку, который стоял прямо за ним.— Разве нет, Маврикий?

Маврикий нахмурился.

— Конечно, полная чушь. Ты потратишь десять минут до того, как доберешься до сути, указывая Герсему, с какой стороны дует ветер. После того, как полчаса будешь объяснять, зачем нужны паруса.

— Проклятие полководца — угрюмые подчиненные,— пробормотал Велисарий.

— После того, как потратишь два часа, описывая, что такое ветер вообще,— продолжал Маврикий.— И три часа...— он вытянул вперед толстый короткий палец, показывая на море вокруг них.— О, Герсем, посмотри! Вот это называется вода.

Усанас с Антониной расхохотались. Велисарий, несмотря на то что яростно хмурился, прилагал большие усилия, чтобы к ним не присоединиться.

Однако через мгновение веселье прошло. В конце концов они охотились на чудовище. Они больше не сидели в засаде, не скрывались, а были на виду.

За своей спиной Велисарий услышал, как вздохнул Маврикий.

— Хорошо, хорошо,— пробормотал хилиарх.— Будем справедливы. Ты снова оказался прав, полководец. Но я все равно не знаю, как ты догадался.

— На самом деле я не «догадывался». Я просто предположил, и все. Но нам было нечего терять, кроме как потратить несколько дней здесь, в проливе, в то время как остальные грузовые корабли доставляют войска в Асэб.

Велисарий показал пальцем на север, проведя им дугу в воздухе. Теперь они далеко зашли в Ормузский пролив. Персидская материковая часть смутно маячила за носом огромного грузового судна.

— Это одна из самых худших местностей, которые я могу предложить для марша пешей армии, без надежной линии поставок. Причем армии любого размера, и уж никак не орды Линка.

Маврикий фыркнул.

— Теперь это не такая уж и орда! Не после того, как мы с ними разобрались.

Велисарий покачал головой.

— Не надо себя обманывать, Маврикий. Да, мы нанесли им жуткие потери. И только одному Богу известно, сколько умерло во время окончательного разрушения города. Но я уверен: две трети армии малва все еще целы.— Он скорчил легкую гримасу.— Ну по крайней мере живы. «Целы» — это я слишком сильно выразился.

Он сделал паузу, изучая приближающиеся суда малва. В этой маленькой флотилии насчитывалось шесть судов. Пять галер, которые избежали аксумитов в дельте, сопровождали грузовой корабль. Этот корабль, хотя и оказался больше, чем галеры, был гораздо меньше, чем грузовое судно, на борту которого стоял Велисарий.

Полководец прервал размышления, отклонился назад от палубного ограждения и выкрикнул вопрос Герсему. Аксумский командующий сидел на самом носу корабля и сам очень внимательно рассматривал врага.

— Три тысячи тонн, Велисарий! — пришел ответ.— Вероятно, это самый большой корабль из оставшихся у них.

Велисарий рассмеялся, увидев, как нахмурился Герсем. Корабль малва использовался для поставок продовольствия и боеприпасов по Евфрату. Аксумит, моряк, пришел в негодование от идеи использовать такое судно, как речную баржу, и он уже был недоволен оттого, что его вынудили стать капитаном огромного, уродливого, неповоротливого, неуклюжего судна малва — вместо одного из аксумских боевых кораблей, которые составляли оставшуюся часть его флота.

. Велисарий вернулся к теме.

— Линк должен попытаться спасти столько солдат, сколько сможет, Маврикий. Он сможет спасти их — они все будут йетайцы — используя то, что осталось от судов, осуществлявших поставки по реке. Но единственный способ спасти основные силы — это использовать флот из Бхаруча, который ждет муссонов восточных направлений. В нем тридцать кораблей, судя по отчету, который Антонина получила от Ирины. Ирина написала тот отчет как раз перед тем, как покинуть Сурат, не так уж и давно. Тогда малва уже загружали провизию и боеприпасы на те корабли.

За упоминанием отчета Ирины последовало недолгое молчание, когда четверо людей, стоявших у палубного ограждения, улыбнулись с облегчением, одновременно радостно и весело. Они испытали облегчение оттого, что знали: Ирина все еще жива, чтобы писать отчеты. Радость от самого отчета. И им стало весело от поворотов судьбы.

Ирина написала тот отчет больше из сентиментальности, чем чего-либо еще. Шансы, что он попадет в руки Антонине, почти

равнялись нулю. Но... почему бы и нет? В конце концов отчет не содержал секретов, чтобы любыми способами скрывать его от малва. И капитан аксумского контрабандного корабля поклялся — с насмешкой и цинично — что пронесет послание через блокаду малва и доставит в Аксумское царство. Конечно, он не мог поклясться, что оно когда-нибудь достигнет Антонину.

В данном случае корабль контрабандистов встретился с аксумской флотилией, которая ждала в проливе, чтобы устроить засаду на Линка. Послание оказалось в руках у Антонинына днем раньше.

— Как жаль, что я не попал на свадьбу,— задумчиво произнес Велисарий.— Просто чтобы наконец посмотреть своими глазами, как танцует Рао.

Он на мгновение опустил веки. Велисарий на самом деле видел, как танцует Рао, но только в видении. В другое время, в другом будущем Велисарий провел тридцать лет в обществе Рао. Он восхищался военачальником маратхи, теперь супругом императрицы, возможно больше, чем каким-либо другим человеком, которого когда-либо знал. И поэтому на мгновение он наслаждался радостью Рао от того, что тот наконец, при этом повороте колеса судьбы, объединился с сокровищем своей души.

Антонина провела эти мгновения, наслаждаясь другой радостью. Ирина была ее лучшей подругой. Антонина смогла различить скрытое послание, которое содержалось внутри описания политических и военных событий. В этих предложениях слишком ясно фигурировал Кунгас. Достаточно выделялся, даже если посчитать количество слов. И зачем бы Ирине с таким восторгом описывать прогресс неграмотного человека при постижении грамоты?

Поскольку Антонина лично не была знакомы с этим человеком, то поделилась сомнениями с Велисарием. Ее муж, после того как понял, на что она намекает, тут же разразился смехом.

— Конечно! — воскликнул он.— Это союз, заключенный на небесах.— Затем, увидев на лице жены сомнения, добавил: — Поверь мне, любовь моя. Если и есть в этот мире человек, который не испугается Ирину, то это Кунгас. Что касается ее...— Он пожал плечами и рассмеялся.— Ты же знаешь, как она любит вызов!

* * *

Мгновение прошло и достаточно быстро. Меньше чем через час они снова ввяжутся в сражение.

— Так что сделает Линк, Маврикий? Отправит подчиненных организовывать поставки, пока сам ведет солдат пешком назад в Индию? — Велисарий покачал головой.— Не думаю. Нет, я почти уверен, что Линк сам захочет вернуться в Индию, так быстро, как

только возможно. Зачем еще было отзывать неповрежденные галеры в последнюю минуту в том сражении в дельте? Одной хватило бы, ну, может, двух для надежности. Их достаточно, чтобы отправить подчиненных с посланием.

Велисарий показал пальцем на грузовое судно, которое шло в центре, окруженное галерами малва. До них оставалось менее двух миль. Полководец улыбался не как человек, а как улыбается волк, завидев толстого раненого карибу[1].

— Это, друг мой, не корабль подчиненного. Это — самое лучшее, что мог достать Линк взамен роскошной баржи Великой Госпожи Холи в Каушамби.

Улыбка полностью исчезла. Ничего не осталось, кроме чистой ярости.

— Теперь это чудовище принадлежит мне. Наконец-то.

* * *

Тихая, кипящая ярость Велисария вызвала на поверхность скрытые, наполовину бессознательные мысли. Впервые Эйд понял все намерения Велисария. Возможно скорее, чем сам Велисарий.

«Нет! — закричал Эйд ментально.— Ты не должен! Он убьет тебя!»

Велисарий дернулся. В кристаллическом голосе звучала неприкрытая паника.

«Что не так, Эйд? — спросил Велисарий, потом добавил с силой: — Мы не станем больше об этом спорить. Я достаточно часто вел воинов в атаку в сражениях».

«То было отлично! Ты сражался против воинов, а не киборга. Людей, которые хотели жить так же, как и ты. Жизнь ничего не значит для Линка, даже его собственная!»

Последовали долгие минуты, на протяжении которых Велисарий яростно спорил с Эйдом. Его товарищи по опыту знали значение молчания и блуждающего взгляда полководца. Но по мере того, как время шло, они начали беспокоиться и больше всех беспокоилась Антонина. После первой встречи с Эйдом, когда он отправил Велисария в видение будущего, в чистый ужас, Антонина ни разу не видела, чтобы ее муж проводил столько времени в состоянии странного транса.

Когда Велисарий наконец вернулся к действительности, его лицо было мрачным и полным горькой целеустремленности.

Велисарий показал на грузовое судно малва, на котором, если он прав, ждал Линк. Теперь до судна оставалось немногим больше мили. И кшатрии уже устанавливали желоба для ракет на палубе.

[1] Карибу — канадский олень. *(Прим. перев.)*

— Есть некая информация, которую вы должны знать. Эйд мне это только что объяснил. Новые боги выбирают женщин, которые служат телами для Линка. Сегодня это Великая Госпожа Холи. Если она умрет, то Линк переместится в личность — наверное, следует сказать: тело — ее племянницы Сати. Вероятно, она все еще в Каушамби. Если умрет Сати, то будет другая девушка, из той же семьи. Также, по всей вероятности, где-то в Каушамби.

Велисарий замолчал, пытаясь подобрать слова, чтобы перевести на доступный человеческий язык представленное ему Эйдом. Усилия были безнадежны. Слова типа «генетика» и «митохондрия ДНК»[1] ничего не значат для его товарищей. Он сам их едва понимал.

Он махнул рукой.

— Детали неважны. Линк — это частично машина, частично человек. Машинная часть, ее основа, находится где-то в Индии. Вероятно, также в Каушамби. Ее сознание передается после смерти от одной женщины к ее преемнице. Новый Линк после того, как он... давайте скажем: активизируется — сохраняет всю память предыдущего до того момента, как он... она...— и снова Велисарий подыскивал слова.— ...в последний раз устанавливала связь с машиной.

Он замолчал. Маврикий с готовностью заполнил паузу.

— Ты знаешь, что это означает? — спросил хилиарх и яростно схватился на палубные ограждения, гневно глядя на вражеский корабль.— Это означает, то если мы убьем эту старую суку, то малва окажутся в полной растерянности и смятении,— прошипел он.— Новый Линк — как там ее зовут? Сати? — не будет знать, что произошло после отъезда Холи. Теперь это уже полтора года! Ей потребуются месяцы — месяцы! — чтобы все заново организовать.

Он с готовностью отвернулся от палубного ограждения. Горел энтузиазмом.

— Боже, полководец, это идеально! Нам самим нужно время. Да, мы определенно выиграли это сражение. Но наши войска также вымотались. Нам нужно пополнить запасы, снова связаться с Агафием и персами, отправить еще кого-то в Махараштру и..

Он замолчал. Наконец Маврикий увидел и другую сторону.

Антонина поняла сразу. Ее лицо побледнело.

— Ты не можешь забраться на борт этого судна! Линк совершит самоубийство! У него нет оснований этого не сделать. Он — не человек, это просто... оболочка. Сосуд. Инструмент,— она хватала ртом воздух.— Он не может себе позволить быть схваченным.

---

[1] Митохондрия — клеточная органелла. Органеллы — «органы» простейших, выполняющие различные функции: двигательные, сократительные, рецепторные и т.п. *(Прим. перев.)*

Теперь они все понимали, что подразумевалось. Так почему бы Линку не взять с собой и его врага?

— Он уже готовит корабль,— пробормотал Маврикий.— Вероятно, как раз в эти минуты. Чтобы взорвать его, когда ты окажешься на борту.

Антонина его проигнорировала. Она побледнела, сильно побледнела. Она знала это выражение на лице Велисария. Причем очень хорошо его знала, потому что оно появлялось так редко.

— Мне на это наплевать,— рявкнул Велисарий.— Я сражаюсь против этого чудовища уже четыре года. Я устал от стратегии и тактики. Я просто собираюсь его убить.

Послышался нарастающий гул протеста — но тут заговорил новый голос.

— Конечно, убьем! — пророкотал Усанас.— И что тут сложного?

Все глаза зафиксировались на нем. Аквабе ценцен улыбнулся.

— Конечно, при других обстоятельствах дело было бы сумасшествием. Глупым самоубийством! — Он пожал плечами.— Но вы забываете — у вас есть я! — Усанас стал прыгать вокруг, размахивая копьем.— Ужасный! Демон!

Антонине на этот раз не было весело. Она начала рявкать в ответ, пока внезапно не поняла...

Усанас больше не прыгал. Он просто улыбался, спокойный как икона.

— Нет, Антонина,— произнес он мягко.— Сейчас я не шучу. Есть простой факт,— и снова Усанас пожал плечами.— Я на самом деле самый лучший охотник, которого я знаю.

Он показал пальцем на корабль Линка. Теперь до него оставалось не больше полумили.

— Вы только подумайте. У этого чудовища не может быть достаточно пороха, чтобы взорвать весь корабль. Он захватил с собой лишь оборонительное оружие. Ракеты, гранаты. Он использует их, чтобы разрушить свою каюту после того, как мы возьмем судно на абордаж. А для этого потребуется время.

Усанас поднял огромное копье так легко, словно это был прутик.

— Думаю, где-то внизу. Где-то в трюме.

Он повернулся к Велисарию.

— Как я предполагаю, ты намерен сам вести группу на абордаж.

Единственным ответом Велисария был рев. Усанас кивнул.

— Сделай это, римлянин. Возьми своих лучших людей. Я позабочусь об остальном.

* * *

Спор все продолжался, но вопрос был решен. Вдвоем Велисарий и Усанас подавили все возражения. Даже Анастасий — даже

после того, как ему приказал Маврикий — не мог остановить полководца. Он вспомнил Валентина, не сдающегося на горном склоне в Персии. И знал, что полководец героя в этот день сделает не меньше.

К этому времени боевые корабли аксумтов уже ввязались в битву с галерами сопровождения малва. Сражение не получилось таким быстротечным, как в дельте. Не совсем. Малва уже видели маневр с быстрым отходом в сторону и подниманием весел и попытались избежать разрушения. Но если их осторожность и оттянула конечный результат, она его не изменила. Менее чем за десять минут пять галер взяли на абордаж и экипажи порезали. Аксумиты потеряли только один корабль, который пробили тараном. Но даже и в том случае они смогли спасти весь экипаж до того, как корабль пошел ко дну.

Однако Велисарий ничего этого не видел. На протяжении сражения он снова спорил. Этот спор он проиграл, так же уверенно и неизбежно, как выиграл первый.

* * *

— Хорошо! — проворчал он, гневно глядя на жену. Затем тяжело вздохнул.— Но ты останешься позади, Антонина. Ты слышишь меня? Я не допущу тебя на передовую!

Упрямое выражение ушло с ее лица, его заменила беззаботная улыбка.

— Ну конечно! У меня не было намерений *вести* людей в атаку,— она очень деликатно фыркнула.— Вся идея смехотворна. Не для благородной госпожи.

Глава 43

Чудовище ждало. Терпеливо, с уверенностью вечной жизни. Не собственной — она не имела значения — но своих хозяев.

Теперь все закончилось, за исключением мести. Палуба корабля представляла собой рай для поедателей падали. Катафракты стреляли с высоты своего огромного судна из мощных луков и таким образом смели всю жизнь. Кшатрии у ракетных желобов и их охранники-йетайцы теперь представляли собой только разорванные куски мяса.

Это не потеря. Партии ракет в то короткое время, пока их выпускали, оказались бесполезны. Огромное судно, на котором появился великий враг чудовища, просто отталкивало ракеты. В любом случае ракет было немного. Большинство отнесли в трюм. Их вскоре используют гораздо лучше. С большей пользой.

Чудовище ждало, удовлетворенное. Рядом с ним на корточках у трона сидел наемный убийца и держал в руках гонг, который подаст сигнал ожидающим внизу жрецам. Наемный убийца, как и жрецы, и их особые охранники, был преданным служителем культа чудовища. Когда чудовище отдаст приказ, наемный убийца исполнит свой долг и не провалится.

Чудовище ждало. Холодное, очень холодное. Но, возможно, где-то в этих глубинах мерцал уголек горячего торжества.

Чудовище боролось со своим великим врагом — своим мучителем — четыре года. Сегодня наконец оно собиралось этого врага убить.

Чудовище проводило время в воспоминаниях. Оно вспомнило уловку в Гвалияре и хитрость, которая разбила восстание «Ника!». Оно вспомнило разбитую под Анатой армию и еще одну у Нехар Малки. И вспомнило катастрофу в Харке.

«Иди ко мне, Велисарий. Иди ко мне».

Глава 44

Усанас медленно пробирался через трюм в поисках охранников. Он прислушивался в поисках охранников, если выразиться точнее. Трюм был таким же темным, как лес в дождливую безлунную ночь.

Усанас подождал, пока солнце не сядет, перед тем как влезть в люк, ведущий в трюм от носа судна. Горизонт все еще озарялся красным цветом, но ничто из этого слабого свечения не попадало внутрь судна.

Конечно, у входа ждали охранники. Двое прятались среди амфор с зерном, прикрепленных к корпусу. Оба были отличными наемными убийцами. Они произвели на Усанаса впечатление. До того, как ноги мертвого йетайца коснулись пола, наемные убийцы уже оказались рядом, сверкая ножами. Лезвия уверенно и точно проникли в проемы надетых на труп римских доспехов.

Отличные наемные убийцы. Они поняли правду почти сразу, после первых же ударов. Они уже извлекали влажные ножи к тому времени, как Усанас бросил веревку, держащую труп прямо, и бросился в проем. Но наемные убийцы извлекли ножи слишком поздно. Слишком поздно. Усанас пробил череп первого прямым ударом железного набалдашника наверху копья. Для второго сгодилось острие.

Усанас оставил копье с ними, все еще воткнутое в грудь наемного убийцы. С этого времени придется работать ножом. Трюм был заполнен — там стояло много амфор и мешков с провизией. Нет места для огромного копья Усанаса.

Он подождал несколько минут, скорчившись в темноте и прислушиваясь. Где-то поблизости следовало находиться третьему ох-

раннику, чтобы в случае необходимости поддержать двух первых, дежуривших у входа.

Ничего. Усанас удивился, но только слегка. Лучший военный разум в мире это предрекал.

Усанас улыбнулся. Это была холодная улыбка, но в темноте не находилось никого, кто мог бы увидеть убийственное выражение. Наемные убийцы малва считались высшей элитой среди воинов малва. И поэтому — точно, как оценил Велисарий,— страдали от неизбежного синдрома всех представителей преторианской гвардии. Да, смертоносные. Но также надменные, слишком уверенные в себе, с презрением относящиеся к соперникам. Да, хорошо тренированные, но подготовка — это не совсем то, что опыт сражений. Эти наемные убийцы много лет не сражались против настоящего врага. Как и представители преторианской гвардии на протяжении истории, они превратились из высококлассных убийц в простых головорезов.

Усанас снова тронулся с места. Медленно, очень медленно. Он не торопился. Велисарий подождет, пока Усанас не подаст сигнал. Римский полководец и его товарищи устроились на корме, далеко от каюты в центре судна. Если заряд сработает, то они успеют уйти, невредимые. Даже в броне они смогут оставаться на плаву достаточно долго, чтобы аксумские боевые корабли, окружающие судно Линка, спасли их.

Конечно, для самого Усанаса ситуация сложится гораздо хуже. Вероятно, фатально. Но бывший охотник, теперь помощник царя царей, нисколько не волновался. Он стал философом на протяжении лет. Но он всегда был убийцей. Он шел рядом с тенью смерти с детских лет.

Усанас решал и свои проблемы. Он восхищался царем Калебом, несмотря на то что никогда не произносил этих слов вслух. Отец Эона не обладал острым умом сына. Тем не менее он был хорошим царем. И Усанасу очень нравились Тарабай и Зайя и многие люди из тех, что погибли среди камней Тааха Мариама.

«Твоя очередь, малва».

Черная смерть ползла сквозь трюм. Еще двое убийц умерли от ножа убийцы.

* * *

— Я пойду первым, полководец,— заявил Анастасий. Тяжелые челюсти гиганта были сжаты, словно он ожидал спора.

Велисарий улыбнулся.

— Конечно! Я смелый, но не сумасшедший. Стражники Линка по размеру напоминают маленьких гиппопотамов.

Анастасий презрительно усмехнулся.

— И я тоже.— Он поднял булаву и взвесил на руке. Огромные мускулы напряглись под доспехами.— Но я не провел последние несколько лет, купаясь в роскоши.

— Теперь у тебя ее будет достаточно,— весело присоединилась Антонина.— Хотя, конечно, учитывая твою склонность к философии, я уверена: ты собираешься раздать все богатства бедным.

Анастасий улыбнулся. Когда римская армия захватила Харк, они также захватили и сундуки малва с жалованьем, не упоминая небольшую гору золота, серебра и драгоценностей, которые собрала огромная армия офицеров. Богатства оставались в Харке, когда армия Линка ушла из города. Нет необходимости говорить, что они ***не*** остались в городе, когда от него отплыли римляне.

Теперь все солдаты в армии Велисария стали богатыми людьми. Конечно, не по меркам римских сенаторов. Но по стандартам фракийских, греческих и сирийских простолюдинов — не упоминая военнопленных кушанов — они были страшно, черт побери, умопомрачительно богаты. На самом деле это немного беспокоило Велисария. Теперь он лишится части ветеранов. Но все-таки беспокоило немного. Большинство ветеранов останутся, готовые поделить трофеи будущих кампаний. А за каждого, кто выйдет в отставку, придет десять желающих занять его место. У других римских армий могли быть трудности с поиском рекрутов. После того как новости распространятся, армии Велисария придется отказывать многим желающим.

Но это была проблема будущего. Что касается настоящего...

Из-под палубы послышался звук. Слабый, напоминающий удар в ладоши, который эхом отдался по корпусу. Возможно, как шутиха.

— Вот оно! — взревел Анастасий.

Мгновение спустя огромный катафракт бросился к каюте. За ним неслись Лев и Исаак, Приский и Матвей. Шествие замыкали Велисарий и Антонина.

«Твоя очередь, чудовище».

* * *

Когда Усанас наконец добрался до своей цели, то немного задержался в темноте, чтобы удостовериться, правильно ли посчитал противников.

Часть трюма в центре корабля, прямо под каютой Линка, освободили от амфор и мешков с зерном. На небольшой расчищенной территории, площадью примерно в десять квадратных футов, скорчившись сидели два жреца и один наемный убийца. Место освещалось двумя небольшими лампами. Один из жрецов держал в

руках несколько запалов. Второй — кремень. Голова наемного убийцы склонилась на сторону: он ожидал сигнала хозяина, находящегося в каюте наверху.

На мгновение Усанас восхитился находчивостью малва. Как и Велисарий, он думал, что они разберут ракеты и установят запалы под каютой. Вместо этого подчиненные Линка выбрали первобытную простоту. Да, имелись гранаты, прикрепленные к деревянной обшивке. Запалы обрезали очень коротко. Но ракеты просто установили кругом, смотрели они точно вверх. Как только зажгут запалы, каюту наверху прорежут две дюжины ракет. От ракет, их выхлопов, зажгутся гранаты.

Не было оснований ждать. Тихо, медленно, Усанас извлек из гранаты чеку.

Затем быстрым и сильным движением кисти бросил взрывное приспособление к дальней стене трюма. Граната была разобрана, ее запал вынут, а затем снова собрана. Но удар о стену произвел очень громкий шум внутри трюма.

Малва дернулись и посмотрели в направлении звука. Наемный убийца понял правду почти мгновенно. Но «почти», если против тебя выступает охотник типа Усанаса, это недостаточно быстро. Сердце наемного убийцы разрывал римский нож до того, как он наполовину успел поднять собственный кинжал. Однако ему все равно удалось порезать ногу африканца до того, как он умер. Это произвело большое впечатление на Усанаса.

Жрецам удалось только резко вдохнуть воздух. Усанас не стал тратить время, извлекая нож из спины наемного убийцы. Если бы Велисарий находился рядом и наблюдал за охотником, то его старое подозрение подтвердилось бы. Усанас на самом деле был сильнее Анастасия.

Аквабе ценцен просто схватил жрецов за горло, по одному в руке, и сломал им шеи.

До того, как опустить тела на пол, Усанас услышал громоподобные шаги бросающихся в каюту катафрактов. Затем дверь разлетелась в щепки и внутрь, как ураган, влетел Анастасий. Затем...

Теперь охотник улыбался. Как и всегда в темноте, эти блестящие зубы напоминали маяк.

«Прощай, чудовище».

* * *

Анастасий потерял равновесие, когда первый охранник занес свою кривую саблю. По этой причине он не смог должным образом отклонить огромный клинок. Вместо этого его щит раскололся на две части.

Охранник выпучил глаза. Удар должен был прикончить противника или по крайней мере свалить с ног. Охранник все еще ошалело таращился, когда булава Анастасия размозжила ему череп.

Еще один стражник замахнулся кривой саблей. Анастасий уклонился от удара. Конечно, не так проворно и легко, как сделал бы Валентин, но гораздо быстрее, чем, по мнению охранника, способен двигаться человек размеров Анастасия.

Анастасий мог бы легко прикончить и этого стражника еще одним ударом булавы. Но он хотел создать какое-то свободное пространство для схватки в тесной каюте. Он видел еще четырех охранников, сгрудившихся позади. Поэтому откинул булаву в сторону и провел полунельсон. Затем, приподняв бедро, бросил противника в его наступающих товарищей.

Анастасий быстро уклонился и прижался к стене каюты. Он заберет булаву позднее. Теперь ему просто требовалось дать пройти другим катафрактам.

Следующим в каюту сквозь разбитую дверь влетел Лев. Орал он, как великан-людоед. Сказать по правде, Лев был таким же недалеким, как подразумевала его кличка Вол. Поэтому всегда в сражении он воздерживался от сложной тактики. И почему нет? Ему она никогда раньше не требовалась.

И на этот раз не потребовалась. К тому времени, как Исаак, Приский и Матвей втолкнули свои огромные и убийственные тела в каюту, Лев уже убил одного охранника и покалечил другого.

Остальные умерли в течение полминуты. Сражение, несмотря на всю яростность — одиннадцать огромных мужчин бились друг с другом в каюте размером с небольшую гостиную, было настолько односторонним, насколько доводилось видеть Велисарию.

Он не удивился. Наблюдая от дверного проема вместе с Антониной, выглядывающей у него из-за руки, Велисарий видел одно из немногих сражений, которое шло точно по плану.

Велисарий знал, что так и будет. Анастасий был единственным римлянином, который по своим габаритам соответствовал специальным охранникам Линка.

Но остальные соответствовали им по силе, если не по габаритам. И они, в отличие от стражников, не были изнеженной и избалованной «элитой». Они постоянно участвовали в настоящих схватках. Мечи и булавы, которые использовались на полях сражений и жестоких улицах Харка, прошли через кривые сабли, как клыки сквозь плоть.

Все происходило в молчании, если не считать звенящий гонг, который держал в руках наемный убийца. Затем последовала тишина, когда меч Матвея отрубил голову державшего гонг человека.

Велисарий вошел в каюту и уставился на Линка.

Теперь чудовище умирало. Своим нечеловеческим разумом Линк уже оценил новую реальность. Никакие ракеты не прилетят через пол и не убьют его великого врага. Никакие гранаты не взорвутся, чтобы уничтожить то, что останется.

Линк был готов к такой возможности. Поэтому он воспользовался последней, жалкой местью.

Украшенный драгоценными камнями кубок выскользнул из руки чудовища. Тело старой женщины — оболочка чудовища — просто тяжело осело на украшенном драгоценными камнями изысканном стуле. Голова старой женщины склонилась в сторону.

Это был быстродействующий яд. Но в этих мудрых глазах все еще оставалось свечение. Возможно, слабое победное свечение. Если и ничего больше, то врагу чудовища не удастся лишить его жизни.

Антонина оттолкнула Велисария в сторону. Она прыгнула вперед и подняла свой уродливый, неуклюжий и ненавидимый пистолет.

Теперь — проверенное оружие.

— Черт тебя побери! — крикнула она. Взвести левый курок, нажать сзади, огонь.

Первый выстрел вонзился в сердце чудовища и прошел сквозь позвоночник, саму Антонину наполовину развернуло. Через секунду она повернулась назад.

— Черт тебя побери! — взвести правый курок, нажать спереди, огонь.

Второй выстрел разнес мозги чудовища по дальней стене.

Антонина приземлилась на задницу, вниз ее кираса тянула. Задница болела. Кисти болели. Руки болели. Плечи болели. Сиськи болели.

Она подняла голову и улыбнулась мужу, глядя на него снизу вверх.

— Боже, как хорошо!

Велисарий гордо улыбался своим катафрактам.

— Вот какая у меня жена,— объявил он.— Вон она у меня какая!

ЭПИЛОГ

Помеха и вывод

Чудовище вернулось к жизни. Когда душа, которая когда-то населяла тело молодой женщины, была удалена, чудовище на ощупь обследовало сознание.

Момент завершения был коротким.

«Провал,— появилась первая мысль.— Имело место какое-то бедствие».

Чудовище обследовало свою память со скоростью света.

«Ничего. Все шло хорошо. Что могло случиться?»

Возникла помеха.

— С вами все в порядке, госпожа Сати?

Женщина — полная, молодая, довольно симпатичная — смотрела на чудовище с беспокойством на лице.

— Вы кажетесь... возможно, вам нездоровится. Ваши глаза...

Как и всегда, мысли чудовища заработали с нечеловеческой скоростью. Через мгновение оно уже классифицировало побеспокоившую его женщину. Одна из служанок Сати. Ее звали Индира. Она была довольно близка с хозяйкой.

Это может оказаться неудобно. Могут возникнуть другие помехи.

Чудовище повернуло голову. Да. Наемные убийцы находились на посту.

— Убить ее.

К тому времени, как ножи закончили свою быструю работу, мысли чудовища пришли к предварительному выводу.

«Велисарий. Ни одно другое объяснение не кажется возможным».

В мысли не было гнева. В мысли ничего не было.

Приказ и выбор

— Ты сошел с ума? — спросил Нанда Лал, как только вошел в шатер Венандакатры.— Почему ты еще не начал отступление?

Подлый сжал челюсти. Любой другой человек за исключением Нанды Лала — и конечно императора — получил бы палками за использование такого тона с гоптрием Деканского плоскогорья. И палками бы его побили, только если бы ему повезло. Но...

Венандакатра контролировал ярость. Едва. Он показал пальцем на стены Деогхара.

— Я возьму этот город! — завопил он.— Что бы я еще ни сделал, я возьму его!

Нанда Лал схватил Подлого за плечо и резко развернул. Венандакатра так поразился — «Никто не имеет права ко мне прикасаться!» — что пошатнулся и чуть не растянулся на ковре. Затем он все-таки растянулся. Этому поспособствовала пощечина, которую ему дал Нанда Лал. Частично физическая сила — начальник шпионской сети империи малва был сильным человеком и мускулистым. Но по большей части Венандакатра рухнул от чистого, полнейшего шока. Никто никогда не смел бить господина Венандакатру. Он же — двоюродный брат императора!

Но и Нанда Лал тоже являлся двоюродным братом императора. А начальник шпионской сети в эти минуты определенно был в ярости.

— Ты — идиот,— прошипел Нанда Лал.— Ты не смог взять Деогхар, когда это было возможно. А сегодня?

Начальник шпионской сети гневно показал в открытый проем — кусок материи, закрывающий вход в шатер, откинули в сторону. За ним лежала дорога в Бхаруч.

— Мне пришлось прорываться сюда с боем, ты, придурок! С небольшой армией раджпутов!

Он наклонился, схватил Венандакатру за богатые одежды и поднял на ноги. Последовал новый удар — тяжелая пощечина по дряблой щеке.

— Если ты сейчас тронешься с места — дурак! — мы все еще можем вывести твою армию с легкими потерями. Но на следующей неделе — через неделю определенно — половина твоих солдат умрет к тому времени, как ты доберешься до Бхаруча.

Нанда Лал с презрением отпустил его. И снова Венандакатра рухнул на ковер. Его рот был открыт, взгляд блуждал.

Нанда Лал отвернулся и сжал руки за спиной.

— Мы можем надеяться удержать Бхаруч и реку Нармаду. Большие города в северной части Деканского плоскогорья. И это все на настоящий момент. Но мы должны удержать Бхаруч. Должны. Если мы его не удержим, то наша армия в Месопотамии умрет с голода.

Его тяжелые челюсти сжались. Нанда Лал открыл рот, словно собирался говорить дальше, но просто покачал головой. Начальник шпионской сети не был готов делиться своим все еще ориентиро-

вочным анализом наиболее вероятного развития ситуации в Месопотамии. Своими опасениями, связанными с Месопотамией. Определенно не с Венандакатрой.

— Делай это,— приказал он и похлопал по поясу, который удерживал его собственные одежды. За пояс был заткнут императорский свиток.— У меня есть полномочия делать здесь все, что я захочу. Это включает приказать твою казнь, Венандакатра.

Нанда Лал повернул голову и гневно посмотрел вниз на распростертого у его ног человека.

— Кстати, свиток подписывал не только император. На нем стоит подпись Великой Госпожи Сати.

Шок и негодование Венандакатры тут же исчезли. Его лицо, уже бледное, стало пепельным.

— Да,— процедил сквозь зубы Нанда Лал.— Великой Госпожи Сати.

Начальник шпионской сети посмотрел на северо-запад сквозь открытый проем. И добавил тихо:

— Осада Деогхара закончилась, Венандакатра. К завтрашнему утру твоя армия должна быть на пути в Бхаруч. Это данность. У тебя есть один выбор: поведешь ты ее или не поведешь. Или просто твоя голова, посаженная на кол.

Желание и решение

— Как у нас обстоят дела с новыми боевыми кораблями? — спросил царь царей, войдя в комнату, которая служила Аксумскому царству военным центром, или генеральным штабом.

Рукайя подняла голову от стола в центре комнаты. Это был большой стол, но взору представлялась лишь малая часть его поверхности. Большую часть покрывали свитки и связанные листы папируса.

Царица показала на лист перед нею.

— Я как раз сейчас заканчиваю письмо Иоанну Родосскому, благодарю его за последнюю поставку оружия. У нас теперь достаточно для экипировки первых двух кораблей.

— Хорошо, хорошо,— проворчал Эон и подошел к столу.— Я хочу сразу же выпустить их в море, чтобы мы начали разбираться с осуществляющим поставки флотом малва, как только он выйдет из Бхаруча.

Эон склонился вперед и потерся о волосы жены. Она улыбнулась и притянула его голову к своей.

— Есть еще хорошие новости,— прошептала Рукайя.

Эон вопросительно приподнял бровь. Рукайя улыбнулась шире.

— Конечно, мы назовем его Вахси, если это мальчик. Но ты на самом деле должен начинать думать и о женских именах.

Вопрос и ответ

Кунгас поднялся с постели и прошел к окну. Положил ладони на подоконник и уставился на Деогхар. Город был погружен во тьму, если не считать лампы, которые мерцали в одной из комнат в близлежащем дворце.

Его губы исказились.

— Ему хорошо, что у него есть понимающая жена.

Ирина приподнялась на локте.

— Что? Дададжи снова работает ночью?

Увидев, как кушан кивнул, Ирина рассмеялась.

— «Понимающая» — не совсем подходящее слово для этого, Кунгас. Она сидит там сама, и ты это знаешь. Так терпеливо, как Луна.

Кунгас ничего не сказал. Ирина мгновение изучала его, пытаясь прочесть скрытые знаки у него на лице.

— В чем дело, Кунгас? — спросила она.— Тебя всю ночь что-то беспокоит.

Кунгас пальцами выбил дробь на подоконнике. Ирина слегка напряглась. Кушан никогда раньше не подходил так близко к состоянию нервного опасения.

— В чем дело? — повторила Ирина.— И не надо рассказывать мне сказки. Тебя что-то беспокоит, я знаю, что беспокоит. И это что-то касается меня.

Кунгас вздохнул.

— Да, есть недостатки в общении с умной женщиной,— пробормотал он.

Кунгас отвернулся от окна и вернулся к постели. Затем сел на край и уставился на Ирину. И сказал резко:

— Я сегодня разговаривал с Канишкой и Куджуло. О Пешеваре и моих планах на будущее.

Она одобрительно кивнула. Канишка и Куджуло были старшими офицерами в небольшой армии кушанов, которая служила Шакунтале. Ирина уже несколько недель давила на Кунгаса, чтобы он поднял с ними этот вопрос.

— И? — склонив голову, спросила она.

— Они согласились присоединиться ко мне. Они сказали, в общем, что, по их мнению, из меня получится хороший царь.

И снова Кунгас вздохнул.

— Тем не менее они были критичны. И на самом деле довольно резки. Как они считают, я проигнорировал первое требование успешной династии.

Он отвернулся.

— Конечно, они абсолютно правы. Поэтому я обещал им немедленно заняться вопросом. Если это возможно.

Ирина на мгновение уставилась на него. Затем резко села, прижав простыню к груди.

— Что? — прошипела она.— Ты ожидаешь, что я — я, гречанка благородного происхождения, привыкшая к роскоши и комфорту — пойду носиться с тобой по диким местностям Центральной Азии? Буду сидеть в каких-то руинах в центре гор и пустынь, окруженная ордами варваров и Бог знает какими еще опасностями? — Ее глаза сильно округлились.— Буду царицей группы кушанских наемников с иллюзиями о грандиозности? Проведу остаток моей жизни в отчаянной борьбе и попытках выковать царство из ничего?

Если не считать легкого сжатия челюстей, лицо Кунгаса казалось маской.

— Я не ожидаю,— сказал он тихо.— Я просто прошу. Надеюсь.

Ирина обвила его шею руками и потащила его вниз. Через несколько секунд огромная, тяжелая кровать практически прыгала на полу от чистой энергии. Дрожала и содрогалась, качалась и тряслась.

— О, Кунгас! — закричала Ирина.— Мы так повеселимся!

Напоминание и различие

Закончив читать письмо от императора Шандагупты, Дамодара повернул голову и уставился на Тигр. Мгновение его взгляд следил за течением реки, на север к Ассирии — и Анатолии, и Константинополю за ними. Затем, дольше, его взгляд остановился на армейском лагере. Это был хорошо построенный лагерь, надежный, крепкий. Почти постоянный форт, после всех недель работы.

— Ну вот оно,— тихо произнес он.— Все закончилось.

Дамодара повернулся к человеку рядом и сложил письмо.

— Готовь армию, Рана Шанга. Нас зовут назад в Индию. Император требует поторопиться.

Шанга кивнул. Он уже начал поворачиваться, но остановился.

— Если я могу спросить, господин... Какое у нас будет новое задание?

Дамодара тяжело вздохнул.

— По всей Индии распространяются волнения. Все Деканское плоскогорье восстало. Венандакатру отогнали назад в Бхаруч. Он уверен, что сможет без чьей-либо помощи удержать город, хотя сам по себе не может заново завоевать Махарашру. Несомненно, это и станет нашим заданием. Но вначале мы должны подавить волнения в Бихаре и Бенгалии, в то время как император заново собирает основную армию. Он ожидает, что римляне атакуют наши северо-западные провинции в течение года. Самое большее, двух лет.

Шанга ничего не сказал. Но его лицо напряглось.

— Похоже, когда-нибудь ты снова встретишься с Рагунатом Рао,— задумчиво сказал Дамодара.— После всех этих лет. Барды и поэты будут радоваться.

Дамодара внимательно изучал Шангу. Затем добавил очень тихо:

— Может прийти день, Рана Шанга — м о ж е т прийти — когда мне придется попросить тебя вспомнить твою клятву.

Лицо Шанги, которое и так уже напряглось, просто напоминало теперь туго натянутую ткань.

— Мне не нужно напоминать о чести, господин Дамодара,— ответил он резко.

Дамодара покачал головой.

— Я не говорил, что попрошу тебя выполнить клятву, Шанга. Просто вспомнить ее.

Шанга нахмурился.

— А есть разница?

Ответа не последовало. Через мгновение, гневно пожав плечами, Шанга ушел.

Дамодара остался, уставившись на реку. Возможно, он находил какое-то успокоение, глядя на движущуюся воду.

Беспокойство и объяснение

— Я ваш покорный слуга, господин,— сказал Нарсес и склонил голову.

Как только Дамодара вышел из шатра, Нарсес улыбнулся.

— Пошли дела,— потирая руки, пробормотал он.

Аджатасутра поднял глаза от шахматной доски.

— Что это тебя так возбудило?

Нарсес уставился на него. Улыбка сошла у него с лица, ее заменило странное выражение, почти на грани грусти.

— Ты стал мне, как сын,— резко сказал Нарсес.

Лицо Аджатасутры ничего не выражало. Мгновение, не больше. Затем появилась хитрая улыбка.

— Это не совсем успокаивает, Нарсес. Насколько я помню, когда ты в последний раз удочерял духовного отпрыска, ты попытался ее убить.

Нарсес махнул рукой.

— Не сразу,— возразил он.— Фактически через много лет. Кроме того...

Евнух сел на стул напротив Аджатасутры. И уставился на шахматную доску.

— Кроме того, ситуация несравнима. Она была императрицей. А ты — просто бедный авантюрист.

Аджатасутра фыркнул. Нарсес бросил взгляд на небольшой сундук в углу шатра.

— Ну... относительно бедный.

Наемный убийца скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула.

— Почему бы тебе не спросить прямо, Нарсес? Если ты хочешь знать, кому я предан, просто спроси.

Евнух открыл рот. Закрыл. Аджатасутра рассмеялся, довольно весело.

— Боги! Не хотелось бы мне жить в твоем разуме. Ты просто не можешь этого сделать, не так ли? Не можешь спросить прямо?

Нарсес открыл рот. Закрыл.

Все еще посмеиваясь, Аджатасутра покачал головой.

— Расслабься, старик. Как ты и сказал, я — авантюрист. И я не могу представить кого-то, кто обеспечит меня большим количеством авантюр, чем ты.

Нарсес вздохнул.

— Спасибо,— прошептал он и скривил рот.— Это для меня многое значит, Аджатасутра. Независимо от того, способен я это сказать или нет.

Аджатасутра мгновение смотрел на евнуха.

— Хотя я поставлен в тупик. Почему внезапное беспокойство?

Наемный убийца кивнул на вход в шатер.

— Я не уловил ничего из вашего разговора с Дамодарой. Но слышал последнее предложение. «Я не разрешаю тебе ничего делать, Нарсес». Для меня это прозвучало вполне определенно.

Нарсес фыркнул.

— Ну ты прямо новичок! Ну просто невинное дитя! — он склонился вперед.— Ты на самом деле должен научиться правильно формулировать предожения, Аджатасутра. «Я не разрешаю», мой мальчик, не означает то же, что «Я тебе запрещаю».

Глаза Аджатасутры округлились. Нарсес снова фыркнул.

— Кстати, через шесть ходов мат,— добавил евнух.

Приветствие и жалоба

От Харка осталось немного, когда Велисарий с Антониной вернулись из Асэба несколько недель спустя. Но персам удалось спасти достаточно от причала, чтобы там смог встать их корабль.

Император Хусрау ждал там, чтобы встретить их вместе с Баресманасом, Курушем и Агафием. Персы радостно улыбались. Агафий — нет.

Персы вежливо разрешили Агафию встретить полководца первым. Бывший командующий греческими катафрактами прохромал вперед, помогая своей деревянной ноге парой костылей.

— Ну и оставил ты мне подарочек,— проворчал он, как только к нему подошел Велисарий.

Велисарий огляделся по сторонам и нахмурился.

— А что ты ожидал? Ты знал, что я намереваюсь разрушить город.

— Не это,— фыркнул Агафий.— Я имел в виду гневные письма, которые я получил от императрицы. Феодора хочет узнать, как я мог быть таким неосторожным. Как позволил персам выяснить технологию изготовления пороха.

— О — это,— Велисарий похлопал Агафия по плечу.— Надеюсь, ты меня прикрыл?

Агафий пожал плечами.

— Конечно, почему нет? Я все еще знаю, как печь хлеб, на тот случай, если меня уволят с позором.— И добавил мрачно: — При условии, что она позволит мне сохранить голову.

Велисарий повернулся к Антонине.

— Как я понимаю, вы никогда не встречались. Антонина, познакомься с одним из моих лучших военачальников. Агафий, это моя жена. Я также должен упомянуть, что она еще и лучшая подруга Феодоры.

Агафий протянул руку.

— Ну. Я определенно рад познакомиться с вами.

Сожаление и приветствие

Гораздо позднее тем вечером, после того, как ушли Хусрау и сопровождающие его лица, Велисарий лениво потянулся.

— Надо кое-что признать, имея персов в союзниках,— объявил он и с восхищением обвел глазами роскошно украшенный шатер, который им предоставил персидский император.

Антонина улыбнулась.

— Прекрати, солдат. С каких это пор тебя стала беспокоить роскошь? Тебе просто нравится мысль, что дехганы бьют кого-то другого, и все.

Велисарий ответил на улыбку.

— Да, да,— признал он.— Радостно думать, как малва пытаются отступать, а эти гнусные ублюдки лезут и лезут на них.

Через мгновение его веселость стала спадать. Через короткое время ушла совсем.

— Это не твоя вина, любовь моя,— мягко сказала Антонина.

Велисарий выдохнул.

— Нет. Не моя. И если бы мне пришлось сделать это снова, то я не колебался бы ни минуты. Но...— он вздохнул.— Большинство из них — просто крестьяне, Антонина. Не более двадцати тысяч

когда-либо доберутся до своих семей в Индии. Хусрау и Куруш будут гнать их нещадно. По всему пути до долины Инда.— Велисарий потер лицо.— А если новые боевые корабли Эона смогут удерживать малва от выгрузки припасов на побережье, то и десять тысяч не выживут.

«Это не твоя вина»,— пришел ментальный импульс от Эйда.

Велисарий покачал головй.

— Дело не в этом, Эйд, Антонина. Меня не беспокоит вина. За смерть солдат надо винить малва, точно так же как и за преступления, которые совершили эти солдаты, пока находились в Персии. И никого больше.

Его руки сжались в кулаки.

— Это просто...

Велисарий повернул голову и уставился в огонь лампы.

— Просто временами я на самом деле жалею, что не стал кузнецом.

* * *

Последовало молчание. Через минуту или около того в шатер вошел Маврикий. Хилиарх посмотрел на полководца, все еще не отводящего взгляд от лампы.

— Мы опять впали в нашу обычную победную меланхолию? — спросил Маврикий.

Велисарий, так и не отводя взгляда от лампы, хитро улыбнулся.

— Неужели я такой предсказуемый?

Маврикий фыркнул, прошел в шатер и положил руку на плечо Велисария.

— Ну, развеселись, парень. У меня есть хорошие новости. Я расширяю состав твоих телохранителей. Во время следующей кампании ты поведешь большую армию союзников. Должен иметь более внушительную охрану. И если и ничего больше, то персы будут дуться и обижаться, если у тебя ее нет.

Велисарий скорчил гримасу.

— Ради Бога, Маврикий. Если ты дашь мне охрану в персидском стиле, то я не смогу увидеть и собственную руку.

Маврикий рассмеялся.

— О, я не думал ни о чем таком изысканном. Просто собираюсь добавить еще одного человека, чтобы дать немного отдохнуть Анастасию, Исааку и Прискию. Кстати, новый человек здесь, прямо у шатра. Я бы вас представил, только это было бы просто смехотворно. И я не хочу слушать, как он бормочет себе под нос о глупых формальностях.

Велисарий вскочил и вылетел из шатра через мгновение.

— Видишь? — спросил Маврикий у Антонины.— Разве я не говорил, что развеселю его?

Обвинение и упрек

— Он просто отпустил меня, полководец,— сказал Валентин. Катафракт показал большим пальцем назад, в направлении персидского лагеря. Казалось, там идет дикая гулянка.— Он отпустил всех римских пленников. Велел мне передать тебе, что взамен всех пленных раджпутов, которых ты оставил в кванате.

Велисарий почесал подбородок.

— Это я могу понять. Но почему *тебя*? Я предлагал ему настоящее богатство в качестве выкупа за тебя.

Узкое лицо Валентина озарила улыбка.

— Если я проживу достаточно долго, полководец, то попрошу тебя вспомнить про этот выкуп. Когда ты будешь решать вопрос о выходном пособии.

Велисарий улыбнулся и кивнул.

— Я не забуду, Валентин. Ты можешь быть в этом уверен.

В его глазах все равно стоял вопрос. Валентин пожал плечами.

— Я на самом деле не знаю, полководец. Но он сказал кое-что странное, когда я уходил.

Велисарий вопросительно приподнял бровь. И снова Валентин пожал плечами.

— Для меня ничего не значило. Я даже подумал, что это какая-то глупость. Но как раз когда я садился в седло, Дамодара сказал, что, как он надеется, ты — человек, который уважает грамматику.

Тогда Велисарий рассмеялся. Смех продолжался так долго, что Валентин начал бормотать.

«Мне показалось, он сказал: „загадочные чертовы клоуны“»,— объявил Эйд.

«Мне тоже,— ответил Велисарий ментально, все еще посмеиваясь.— Но я уверен: мы ошиблись. Было бы очень неуважительно по отношению к главнокомандующему».

«Определенно! — Грани сверкнули. Появился кристаллический павлин, его глаза-бусинки наполнились обвинением.— Говоря о чем...»

Смех продолжался и продолжался. Маврикий с Антониной вышли из шатра.

— У нас проблемы, девочка,— объявил Маврикий.— Серьезные проблемы. Этот сумасшедший идиот, как предполагается, должен вести нас к окончательной победе.

— Следи за языком! — холодно сказала Антонина.— Ты говоришь о моем муже.— Она нахмурилась.— Даже если он и чертов клоун.

СОДЕРЖАНИЕ

ЩИТ СУДЬБЫ
5

УДАР СУДЬБЫ
427

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
***107140, Москва, а/я 140*, АСТ – "Книги по почте"**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Дрейк Дэвид, Флинт Эрик

Щит судьбы
Удар судьбы

Фантастические романы

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*
Ведущий редактор *В. Гончаров*
Редактор *А. Гурова*
Художественный редактор *О. Адаскина*
Компьютерный дизайн: *А. Сергеев*
Компьютерная верстка: *Н. Накрайников*
Корректоры *В. Чаленко, Л. Быстрова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»
396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

**Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП
«Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов**

...Восточная Римская Империя достигла наибольшего расцвета в VI веке н.э. при императоре Юстиниане I. Немало этому способствовал великий полководец Велисарий, чьи армии значительно расширили пределы Империи, одерживая победу за победой в Африке и Италии...
Это — наша с вами история. История НАШЕГО мира.

Но — в это же время на севере Индии сформировалась и другая Империя. На их стороне — оружие будущего, богатства прошлого и неудержимое стремление к власти. Их ведут те, кого люди всегда считали БОГАМИ. Земля ПОЧТИ покорена, на их пути — лишь один человек. И лишь одному человеку под силу остановить шествие ЗЛА.
Он — человек, возведший войну в ранг искусства. Человек, чье призвание — командовать. Приказ прост — сражайся и умри!
И это — история Велисария. История расцвета и гибели великих ИМПЕРИЙ. История противостояния величайшего полководца прошлого — и супероружия будущего.
История о том, как ВОЗМОЖНОСТЬ становится РЕАЛЬНОСТЬЮ!

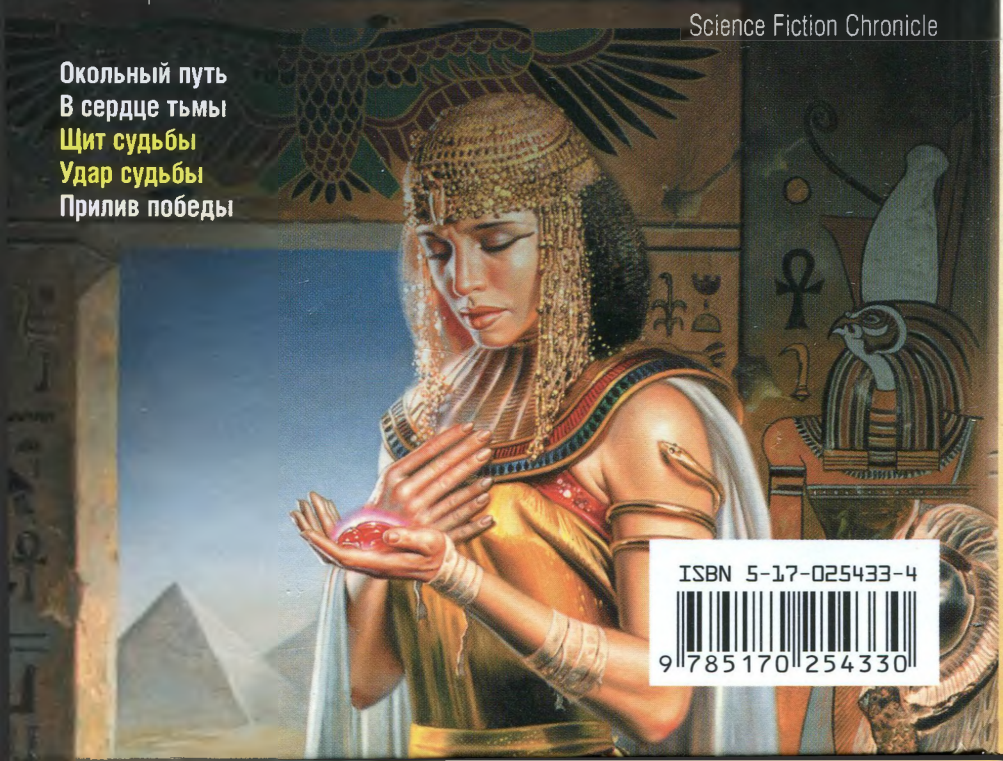
«...Дрейк — один из наиболее одаренных современных авторов, работающих в жанре военно-исторической фантастики».

Chicago Sun-Times

«Великолепный образец, органично сочетающий боевую фантастику с альтернативной историей...»

Science Fiction Chronicle

Окольный путь
В сердце тьмы
Щит судьбы
Удар судьбы
Прилив победы

ISBN 5-17-025433-4

ДЭВИД ДРЕЙК ФЛИНТ ЭРИК

ЩИТ СУДЬБЫ
УДАР СУДЬБЫ